This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PIQ V.3 4 22.30 (3)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ

В. Потто.

Д 494/119

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа.)

Книга эта **Рекомендована** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. **Внесена** въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ III.

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА 1826—1828 г.

ВЫПУСКЪ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Издалъ В. Березовскій

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1888.

Slav 3422.30 (3)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 2 1958

214

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 15 апрѣля 1888 г.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 15.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

1826—1828 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ВЫПУСКА.

		Стр.
I.	Предвѣстники персидской войны	1
II.	Вторженіе Персіянъ	29
III.	На Эриванской границѣ	47
IV.	Защита Шуши	67
V.	Измѣна Ганжи	95
VI.	Возмущеніе ханствъ	103
VII.	Дѣйствія Ермолова	113
VIII.	Битва подъ Шамхоромъ	129
IX.	Елизаветпольская побѣда	151

I.

Предвѣстники персидской войны.

Въ эпоху великихъ европейскихъ войнъ, 12 октября 1813 года, Гюлистанскій договоръ заключилъ собою десятилѣтнюю войну между Россіей и Персіею. Но слѣдовавшія затѣмъ тринадцать лѣтъ мира были лишь продолжительнымъ перемиріемъ. Затишье, возстановившее внѣшніе признаки дружбы между двумя державами, было обманчиво и служило только предвѣстникомъ новыхъ военныхъ бурь. Тихо зрѣло глубоко зарытое сѣмя вражды, ожидая удобныхъ моментовъ для всхода, и въ дѣйствіяхъ персидскаго правительства, сквозь обычную лукавую азіятскую скрытность, то и дѣло прорывалось тайное недоброжелательство, напоминавшее начальникамъ Кавказскаго края о необходимой осторожности.

Гюлистанскій миръ, заключенный подъ громовымъ впечатлѣніемъ побѣдъ Котляревскаго, отторгнувшій отъ шахскихъ владѣній богатыя закавказскія провинціи, не могъ не оскорбить слабую, но гордую Персію, несмотря на вѣка несчастій все еще связывавшую свою славу со славою Персидскаго царства эпохи калифовъ. Повелитель «средоточія вселенной», преемникъ грознаго Шахъ-Аббаса и представитель новой династіи, шахъ глубоко былъ затронутъ потерею ханствъ, послѣ того, какъ онъ мечталъ уже отторгнуть отъ Россіи свою древнюю данницу Грузію; ниспровергнуты были честолюбивые замыслы любимаго сына его Аббаса-Мирзы, желавшаго ореоломъ побѣдъ обезпечить за собою наслѣдіе престола; роптали подкупленные англичанами сановники, обманутые въ своихъ разсчетахъ; негодовалъ народъ, на который всею тяжестью легли военныя неудачи. Весьма вѣроятно, персіяне, несмотря на всѣ невыгоды своего положенія, не заключили бы столь тяжкаго мира, если бы англичане, дрожавшіе за свои торговые интересы, не увѣрили шаха, что возвращеніе уступленныхъ провинцій будетъ достигнуто легко дипломатическимъ путемъ при могущественномъ посредничествѣ Англіи.

Но и Англія, добившаяся постыднаго для Персіи мира въ исключительныхъ заботахъ о развитіи своей торговли въ монархіи шаховъ, довольна не была. Удачно вытѣснивъ въ 1811 году окрѣпшее было тамъ вліяніе французовъ, англичане боялись, чтобы Россія не получила преобладающаго значенія въ странѣ, столь близкой къ Индіи, и всѣми силами противодѣйствовали успѣхамъ русскаго оружія. Несмотря на дружескій союзъ съ Россіей противъ общаго врага, Наполеона, Англія пошла такъ далеко въ своей разсчетливой политикѣ, что затратила крупныя суммы на сформированіе регулярной персидской арміи, такъ быстро погибшей подъ ударами Котляревскаго,—а англійскіе офицеры принимали и непосредственное участіе въ дѣлахъ персіянъ противъ русскихъ. Гюлистанскій миръ, разрушивъ всѣ плоды этихъ усилій, нанесъ Англіи суровое дипломатическое пораженіе и долженъ былъ

вызвать съ ея стороны новыя козни противъ возраставшаго вліянія Россіи.

Дѣйствительно, во всѣ тринадцать лѣтъ мира, Персія была ареною дипломатической борьбы между Россіей и Англіей за вліяніе. Въ Тегеранъ и Тавризъ являлись англійскія посольства со сказочною пышностью и блескомъ, такъ много значащимъ въ глазахъ азіятскихъ народовъ. Раболѣпно подчиняясь унизительнымъ требованіямъ персидскаго придворнаго этикета, англичане въ то же время съ такою безумною расточительностію сорили деньгами и дорогими подарками, что все, окружавшее шаха и Аббаса-Мирзу, было закуплено и рвало обѣими руками то, что можно было сорвать съ англичанъ, отводя интересамъ государственнымъ — послѣднее мѣсто. Конечно, разсчетливые англичане не на вѣтеръ пускали тѣ баснословныя суммы, которыхъ имъ стоила Персія; эти суммы составляли лишь ничтожную часть барышей, которые пріобрѣтала остъ-индская компанія, сбывая персіянамъ свои произведенія, и особенно ромъ.

Бороться съ Англіей на этомъ поприщѣ, уничтожить ея вліяніе — было для Россіи не подъ силу уже потому, что «ни сей торговли, ни разсѣваемыхъ Англіею денегъ мы ничѣмъ замѣнить не въ состояніи», какъ справедливо замѣчаетъ Ермоловъ въ своихъ донесеніяхъ. Естественно, что въ сферахъ, руководившихъ тогда судьбами персидской монархіи, Россія, въ противоположность Англіи, друзей не имѣла; боялись ея грозныхъ силъ, помнили суровые уроки, данные ею при Мигри и Асландузѣ, но готовы были воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы нанести ей существенный вредъ. Въ основаніи всѣхъ отношеній къ ней Персіи лежалъ исключительно страхъ передъ ея могуществомъ.

Всѣ политическія обстоятельства складывались въ высшей степени неблагопріятно для развитія мирныхъ чувствъ между двумя сосѣдними монархіями. Подстрекаемая Англіей, Персія путемъ безконечныхъ переговоровъ домогалась возвращенія хотя бы части отторгнутыхъ отъ нея земель и ежеминутно создавала все новыя и новыя политическія затруд-

ненія. Но всѣ ея домогательства встрѣчали суровый отпоръ, возбуждавшій въ государственныхъ людяхъ Персіи затаенное озлобленіе, едва прикрываемое маской восточной вѣжливости и низкопоклонныхъ фразъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отношенія Ермолова къ персидскому двору также не способствовали упроченію пріязненныхъ отношеній. Непреклонная политика, выдвинутая имъ съ первыхъ дней его пребыванія въ Тегеранѣ и съ строгою послѣдовательностію проводимая затѣмъ въ Закавказскомъ краѣ, сдѣлала его личнымъ врагомъ наслѣдника персидскаго престола, въ рукахъ котораго соединялись всѣ нити русско-персидскихъ сношеній. Въ личности Аббаса-Мирзы, по свидѣтельству Ермолова, лежала одна изъ главнѣйшихъ причинъ тѣхъ политическихъ затрудненій, которыя въ будущемъ грозили неминуемою войною.

Дѣло въ томъ, что года за четыре до поѣздки Ермолова въ Персію, Аббасъ-Мирза, второй, но любимый сынъ шаха, торжественно и всенародно объявленъ былъ, по волѣ отца, наслѣдникомъ персидскаго престола. Такимъ образомъ, законный наслѣдникъ, старшій его братъ, Мегметъ-Али, человѣкъ съ выдающимися способностями, весьма расположенный къ Россіи, долженъ былъ уступить ему мѣсто. Офиціальнымъ предлогомъ къ этому нарушенію священныхъ правъ первородства послужило, кажется, то, что Мегметъ-Али былъ рожденъ христіанкою, въ то время какъ мать Аббаса-Мирзы происходила изъ той же воинственной тюркской фамиліи Каджаровъ, къ которой принадлежалъ и царствовавшій въ Персіи домъ. Но этотъ предлогъ въ глазахъ народа былъ не настолько важенъ, чтобы изъ-за него могъ быть нарушенъ одинъ изъ основныхъ законовъ государства, — и положеніе Аббаса-Мирзы было двусмысленно и шатко. Мегметъ-Али, какъ сторонникъ Россіи, могъ разсчитывать на ея поддержку; въ самой Персіи онъ имѣлъ свою значительную партію приверженцевъ, и однажды, въ присутствіи шаха и придворныхъ, громко сказалъ Аббасу-Мирзѣ: «по повелѣнію шаха я преклоняю голову свою передъ тобою, какъ передъ наслѣдникомъ престола, но въ свое время мечи наши рѣшатъ, кому

изъ насъ владѣть Персіею». Такимъ образомъ нарушеніе правъ первородства ничего не обѣщало странѣ, кромѣ потоковъ крови. И если самому шаху, по ироническому замѣчанію Ермолова, «достаточно было одной увѣренности, что сего при жизни его не случится», то Аббасу-Мирзѣ приходилось серьезно подумать о средствахъ удержать за собою незаконно захваченное наслѣдіе.

Первое, что представлялось ему на этомъ пути, было признаніе его наслѣдникомъ персидской монархіи со стороны могущественнаго русскаго императора. Ермоловъ предвидѣлъ, однако, ту безпокойную и вредную для Россіи роль, которая предстояла въ будущемъ Аббасу-Мирзѣ, и не спѣшилъ утвердить столь большія права за несомнѣннымъ и непримиримымъ врагомъ, въ прямой ущербъ другому, дружественному Россіи принцу. Несмотря на то, что однимъ изъ пунктовъ Гюлистанскаго договора Россія обязалась признать наслѣдникомъ Персіи того, кого назначитъ шахъ, Ермоловъ, въ бытность свою полномочнымъ посломъ въ Тегеранѣ, съумѣлъ ловко обойти вопросъ и уклонился отъ офиціальнаго шага въ этомъ смыслѣ; онъ даже не считалъ нужнымъ скрывать своихъ настоящихъ чувствъ къ Аббасу-Мирзѣ, — и съ тѣхъ поръ заслужилъ его ненависть. Тогда Аббасъ-Мирза обратился окольными путями непосредственно къ русскому министерству иностранныхъ дѣлъ и успѣлъ добиться своей цѣли, благодаря именно тому, что взгляды Ермолова не раздѣлялись министромъ.

Признаніе Аббаса-Мирзы наслѣдникомъ персидскаго трона оказалось, какъ и предвидѣлъ Ермоловъ, весьма важною политическою ошибкою, и отношенія между Россіей и Персіей, вмѣсто того, чтобы выиграть, напротивъ, безконечно проиграли отъ этого неосторожнаго шага. Съ того самаго момента, какъ онъ былъ сдѣланъ, начинается новый рядъ политическихъ усложненій, который въ концѣ концовъ неизбѣжно долженъ былъ повести къ войнѣ. Пока Аббасъ-Мирза не былъ признанъ русскимъ дворомъ, онъ имѣлъ лишь косвенное и незначительное вліяніе на политическія дѣла, ограни-

чивая ихъ скромною ролью начальника смежныхъ съ Россіею провинцій; теперь съ нимъ приходилось трактовать, какъ съ наслѣдникомъ трона, и уже ни одинъ хоть сколько-нибудь важный вопросъ не могъ пройти безъ его участія. И вотъ, подъ его вліяніемъ снова появляются на сцену притязанія Персіи на Карабагъ и Талышинское ханство.

Аббасъ-Мирза мечталъ заставить Ермолова согласиться на эти уступки угрозами. На самой границѣ Карабага онъ отвелъ владѣнія бѣглому царевичу Александру, а земли, смежныя съ Талышинскимъ ханствомъ, далъ въ управленіе убійцѣ князя Циціанова. Все, что бѣжало изъ русскихъ предѣловъ, находило у наслѣднаго принца почетный пріемъ и безопасное убѣжище; онъ велъ тайную переписку съ закавказскими ханами, волновалъ татаръ, поддерживалъ деньгами смуты въ Дагестанѣ и, наконецъ, почти открыто договаривался съ Турціей, предлагая ей заключить наступательный союзъ противъ Россіи, могущество которой, по его мнѣнію, угрожало всѣмъ магометанскимъ государствамъ. Къ союзу этому Аббасъ-Мирза мечталъ привлечь весь мусульманскій міръ и, льстя самолюбію султана, тайно давалъ ему понять, что тотъ, какъ глава союза, призванъ возвратить своему трону утраченный блескъ временъ калифата.

Признаніемъ Аббаса-Мирзы не достигалась и та единственно уважительная цѣль, которую выставляла Персія передъ русскимъ правительствомъ, — избавленіе страны отъ внутреннихъ потрясеній. Правда, Аббасъ-Мирза уже не могъ опасаться происковъ старшаго брата, къ тому же скоро умершаго, и партія приверженцевъ послѣдняго должна была сойти со сцены, зная рѣшительную волю русскаго царя; но именно то, что, казалось, должно бы дать Персіи спокойствіе, и послужило для нея источникомъ бѣдствій. Уже не связанный соперничествомъ, Аббасъ-Мирза вовлекъ ее на скользкій путь политики приключеній.

Нельзя, впрочемъ, не сказать, что его болѣе или менѣе вынуждали къ этой политикѣ и самыя обстоятельства. Династія Каджаровъ, въ лицѣ свирѣпаго Аги-Магометъ-Хана

овладѣвшая персидскимъ престоломъ путемъ кровавыхъ смутъ и цареубійства, не имѣла на своей сторонѣ даже выгоды долговременнаго обладанія властью, что на Востокѣ нерѣдко замѣняетъ законное право. И Аббасъ-Мирза, принадлежавшій къ этой династіи, да къ тому же и самъ незаконно овладѣвшій правами старшаго брата, и въ личныхъ и въ династическихъ интересахъ долженъ былъ искать блеска военной славы и побѣдныхъ тріумфовъ, чтобы по крайней мѣрѣ оправдать въ глазахъ народа свое избраніе въ наслѣдники трона. Къ этому направлены были всѣ его дѣйствія, и онъ не переставалъ питать надежду отторгнуть отъ Россіи покоренныя ею области, — славнѣйшее дѣло, которое могло ему предстоять. Но на этомъ пути передъ нимъ не было даже выбора: только одни англичане могли снабжать его деньгами и для разсѣянія смутъ въ русскихъ предѣлахъ, и для заведенія регулярныхъ войскъ, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на будущій оплотъ своего могущества. И онъ по необходимости становился орудіемъ въ рукахъ англичанъ.

Въ то время, какъ на сценѣ политической жизни Закавказья и Персіи появился Ермоловъ, Персія, на четвертомъ году Гюлистанскаго мира, конечно, не могла и думать снова воевать съ Россіей. Но политика, направленная къ пріобрѣтенію военной славы наслѣднику трона, повела за собою сначала другія, меньшія войны. Въ 1818 году Персія воевала съ авганцами, и шахъ, какъ бы напоминая Ермолову о своемъ могуществѣ, прислалъ ему слѣдующее восточно-гиперболическое и цвѣтистое извѣщеніе объ одержанныхъ имъ успѣхахъ.

«Побѣдоноснымъ войскамъ нашимъ — писалъ шахъ: — всегда покровительствуютъ конные полки небесныхъ силъ, а потому дѣйствія непріятелей на ратномъ полѣ имѣютъ противъ насъ такую же силу, какъ звѣзды небесныя противъ восходящаго солнца... Пламенный мечъ нашъ, устремленный къ пораженію непріятеля, — есть молнія, все сожигающая. И звѣзды свѣтомъ побѣды освѣщаютъ изображенную на счастливыхъ знаменахъ нашихъ луну.»

Описывая самую битву, шахъ говоритъ:

«Отъ пыли несущейся никѣмъ не побѣдимой конницы нашей, мѣсто сраженія померкло такъ, что если бы открытый сарбазами огонь не освѣщалъ его, то стрѣлы, лишающія жизни, не находили бы пути пронзать сердца непріятельскія. Пять часовъ длился бой, и воюющіе не различали бѣлаго и чернаго. Наконецъ, около захожденія солнца, отъ огня пушекъ, сокрушающихъ Кавказскія горы, разрушилось и основаніе непріятельскихъ войскъ. Вдругъ знаменитый нашъ сынъ, Али-Мирза-Ханъ, хороссанскій валій, со своими богатырями, на подобіе волнъ морскихъ, напалъ на непріятеля, и щедрою милостью Бога и нашимъ счастіемъ зефиръ побѣды развѣялъ кисти у знамени побѣдоноснаго сына нашего; несчастное же знамя непріятеля — низверглось. При семъ нападеніи побѣдоносный сынъ нашъ лично устремился на Ширдаль-Хана (брата авганскаго владѣтеля) и мечомъ, сверкающимъ, какъ молнія, нанесъ ударъ ему въ голову и разрубилъ его до самой груди, отчего тотъ упалъ съ лошади, въ примѣръ прочимъ зрителямъ...»

Нужно думать, однако, что въ дѣйствительности побѣда персіянъ не была такъ блистательна; по крайней мѣрѣ Ермоловъ, конечно не безъ основанія, писалъ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Нессельроде, слѣдующее:

«Хоросанцы вмѣстѣ съ авганцами разбили персидскія войска, и уронъ ужаснѣйшій. Начальствующій оными откупилъ свою голову весьма большою суммою денегъ, и шахъ, хотя продолжилъ ему командованіе войсками, но, собравъ большія силы, самъ пошелъ на непріятеля. Жители Тегерана полагаютъ, однакоже, что онъ далеко не пойдетъ, опасаясь, дабы малѣйшая неудача подъ его собственнымъ предводительствомъ не произвела худое въ народѣ впечатлѣніе. Невзирая, однакоже, на неудачу, разглашаются ложныя о побѣдахъ извѣстія и отправляются торжества. Такимъ образомъ увѣдомляетъ меня Аббасъ-Мирза о побѣдѣ надъ курд-балдасами, когда имѣю я извѣстія, что войска его понесли значащій уронъ.»

Такъ или иначе, но столкновенія съ авганцами значительно подняли духъ персіянъ, и въ 1821 году они начинаютъ войну уже съ Турціею.

Съ давнихъ поръ между двумя сосѣдними мусульманскими державами были серьезные поводы къ неудовольствіямъ, обостренные враждою пограничныхъ начальниковъ. Границы были ареною обоюдныхъ набѣговъ, разбоевъ и возмутительныхъ насилій. Ермоловъ отмѣчаетъ, что причиною вражды были, между прочимъ, притѣсненія, дѣлаемыя въ турецкихъ предѣлахъ персидскимъ торговцамъ, и обиды, причиняемыя ѣздящимъ на богомолье въ Калбалай. Все вниманіе Порты было отвлечено въ то время греческою войной за независимость, и многочисленныя войска ея изъ Анатоліи были выведены. Аббасъ-Мирза, увѣренный, что Россія вступится за грековъ и объявитъ съ своей стороны войну Оттоманской Портѣ, рѣшилъ воспользоваться именно затруднительнымъ положеніемъ послѣдней и на ея счетъ создать себѣ военные тріумфы. Къ Ермолову онъ писалъ между тѣмъ, что его подвигаетъ къ войнѣ съ Турціей чувство негодованія на жестокость турецкаго правительства противъ грековъ и вообще христіанъ. Онъ ѣздилъ даже въ Эчміадзинскій монастырь и тамъ просилъ католикоса на христіанскомъ алтарѣ освятить его мечъ. «Но, конечно, не мщеніе за христіанъ могъ имѣть въ виду Аббасъ-Мирза, владѣтель мусульманскій. Нельзя усомниться, что въ разсчетахъ англійскаго правительства выгоды торговли дороже крови истребленныхъ христіанъ»,— такъ доносилъ Ермоловъ, намекая, что и въ этомъ случаѣ Аббасъ-Мирза служилъ только послушнымъ орудіемъ англійской политики.

Въ сентябрѣ 1822 года, персидская армія быстро и неожиданно вторглась въ турецкіе предѣлы. Застигнутые врасплохъ и неготовые къ оборонѣ турки не могли противиться, и Баязетъ, послѣ слабой обороны, сдался. Персіяне заняли также нѣсколько небольшихъ, но по своему положенію довольно важныхъ крѣпостей и въ томъ числѣ Топрахъ-Кале, лежавшій на арзерумской дорогѣ. Отсюда набѣги ихъ про-

стерлись даже до окрестностей Багдада, гдѣ всѣ небольшія стычки окончились въ ихъ пользу. Даже жители Карса до того страшились персіянъ, что просили Ермолова занять войсками ихъ крѣпость. «Не могъ я сдѣлать сего по настоящимъ обстоятельствамъ,—говоритъ онъ:—но многія селенія спасли мы тѣмъ, что подъ видомъ охраненія купленнаго нами хлѣба расположили въ нихъ небольшіе отряды». Многія армянскія деревни совсѣмъ бѣжали въ русскіе предѣлы, и турки имъ не препятствовали.

Военныя дѣйствія были, однако, не продолжительны. Оставивъ въ Топрахъ-Кале небольшой гарнизонъ, Аббасъ-Мирза двинулся дальше. Не доходя до Арзерума, онъ встрѣтилъ, наконецъ, турецкій лагерь. Здѣсь успѣли сосредоточиться войска двухъ пашей; но паши враждовали между собою, и никакого единства дѣйствій ожидать отъ нихъ было не возможно. Аббасъ-Мирза сталъ готовиться къ бою. Но турки бросили лагерь и пустились бѣжать по направленію къ Арзеруму. Персіяне кинулись грабить оставленное. Вдругъ между ними пронесся слухъ, что турки возвращаются. Слухъ этотъ былъ ложенъ; тѣмъ не менѣе персидское войско пришло въ неописанный страхъ и, въ свою очередь, поспѣшно стало отступать по направленію къ Топрахъ-Кале. До сихъ поръ еще не знаютъ, которая изъ двухъ бѣжавшихъ другъ отъ друга армій остановилась прежде; извѣстно только, что вскорѣ послѣ этихъ маневровъ въ персидскомъ войскѣ явилась холера, которую многіе объясняютъ сильнымъ нравственнымъ потрясеніемъ людей. Съ тѣхъ поръ съ каждымъ днемъ возрастала въ лагерѣ персіянъ смертность—и солдаты толпами разбѣгались. Судьбѣ угодно было, однако, еще разъ осѣнить знамена Аббаса-Мирзы побѣдою. Дѣло въ томъ, что 40 тысячъ турокъ изъ Карсскаго пашалыка, пользуясь удаленіемъ его къ Арзеруму, нахлынули на Топрахъ-Кале и, построивъ двѣ батареи, принялись его бомбардировать. Гарнизонъ терпѣлъ, но не сдавался. Вдругъ на сосѣднихъ горахъ появились бѣгущія войска Аббаса-Мирзы. Турки поспѣшно сняли батареи—и отступили.

Одновременно съ тѣмъ шли военныя дѣйствія и со стороны Эриванскаго ханства. Но тамъ дѣла персіянъ шли менѣе успѣшно. Курдистанскій валій передался туркамъ и, дѣлая набѣги на Эриванское ханство, производилъ въ немъ страшныя опустошенія. Въ одной довольно горячей схваткѣ была вырѣзана почти вся персидская конница, составленная исключительно изъ разбойниковъ, давно бѣжавшихъ изъ татарскихъ дистанцій Грузіи. Потерпѣлъ сильно около города Вана и батальонъ, составленный изъ русскихъ дезертировъ.

Эти неудачи и явившееся убѣжденіе, что между Россіей и Турціей войны не будетъ, и что послѣдняя, опомнившись, соберетъ достаточныя силы, чтобы наказать персіянъ за внезапное нападеніе, заставили Аббаса-Мирзу удовольствоваться пріобрѣтенною славою, и 27 октября онъ уже возвратился въ Тавризъ.

Мирный договоръ между Персіей и Турціей заключенъ, однако, гораздо позже, именно въ 1823 году. Извѣщая объ этомъ Ермолова, Аббасъ-Мирза писалъ надменно, что турки принуждены къ тому блистательными успѣхами его оружія.

Какъ ни были проблематичны успѣхи персидскаго оружія въ войнахъ съ авганцами и турками, они стали предметомъ гордости для самого Аббаса-Мирзы и окончательно убѣдили его въ могущественномъ значеніи созданной имъ регулярной арміи. Съ пылкостью воображенія, характеризующею азіятскій Востокъ, онъ уже мнилъ теперь, что въ силахъ помѣряться и съ Русскою имперіею. И вотъ, по заключеніи мирнаго договора съ Турціей, онъ поднимаетъ новый вопросъ о проведеніи границъ, условленныхъ Гюлистанскимъ трактатомъ между Россіей и Персіей.

Еще во время посольства Ермолова въ Тегеранъ все дѣло о границахъ, по повелѣнію шаха, было окончательно передано на рѣшеніе Аббаса-Мирзы, и съ тѣхъ поръ въ теченіе шести, семи лѣтъ оставалось открытымъ. Но ставя его на очередь, Аббасъ-Мирза умышленно далъ своимъ требованіямъ такіе преувеличенные размѣры, которые рано или поздно, но неминуемо должны были повести къ разрыву.

Дѣло въ томъ, что по Гюлистанскому договору отошли къ Россіи, въ составѣ Карабагской области, части Чаундурскаго и Копанскаго могаловъ, расположенныхъ въ треугольникѣ, образуемомъ рѣками Араксомъ, его притокомъ Копанъ-Чаемъ и линіею, проведенною къ сѣверу отъ Мигри. Это-то пространство, оставаясь не размежеваннымъ, и служило постояннымъ предлогомъ къ дипломатическимъ пререканіямъ. Персіяне продолжали удерживать за собою весь этотъ треугольникъ, принадлежавшій Россіи по смыслу Гюлистанскаго трактата, а русскіе, въ замѣнъ того, занимали принадлежавшее Персіи сѣверо-западное побережье прекраснаго озера Гокча, расположеннаго на сѣверѣ Эриванскаго ханства.

Гокча представляетъ собою одно изъ поразительнѣйшихъ зрѣлищъ. На высотѣ семи тысячъ футовъ, среди обрывистыхъ скалистыхъ горъ, передъ вами открывается громадное водное пространство и будто бы огромное зеркало въ каменныхъ рамахъ отражаетъ безоблачное небо и цѣпи горъ,— снѣговыя со стороны Карабага. Площадь этого озера заключаетъ въ себѣ пространство болѣе трехъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Это цѣлое море, море — на высотѣ, превышающей тысячи на двѣ футовъ высоту Чатырдага! Та же безконечная морская даль, та же безбрежная водная равнина, уходящая за горизонтъ, та же чудная синева, какая открывается взору при видѣ любого моря,—и все это на вершинахъ горныхъ кряжей, на высотѣ 7,000 футовъ.

Таково знаменитое Гокчинское озеро.

Сѣрыя, пепелистыя горы справа и слѣва обложили эту морскую синеву, а прямо передъ глазами безконечная даль, неизмѣримая масса воды. Влѣво, съ небольшимъ въ верстѣ отъ западнаго берега, виднѣется небольшой скалистый островъ, имѣющій верстъ шесть въ окружности. Это — безплодная скала, покрытая очень скудною землею, занесенною сюда вѣтромъ, вывѣтрившеюся лавою, да разложившеюся растительностью. На немъ виднѣются сѣрыя стѣны древнихъ построекъ и настоящихъ укрѣпленій, надъ которыми высятся такіе же древніе коническіе куполы армянской церкви. Это

древній армянскій монастырь, который, какъ и самая Гокча называется по-армянски Севанъ.

Глубокимъ уединеніемъ вѣетъ отъ этого неприступнаго островка, сообщающагося съ землею только посредствомъ лодокъ, которыя держатъ монахи. Тишину этого уединенія нарушаютъ лишь оноообразные прибои волнъ, да жалобные крики морскихъ чаекъ. Горы амфитеатромъ обступаютъ и озеро, и весь юго-западный горизонтъ и придаютъ всей этой мѣстности много величавой поэзіи...

Окруженная водою, святая обитель только своей трудно доступной мѣстности обязана тѣмъ, что ни разу не была разграблена кочевавшими здѣсь хищными курдами, не имѣвшими у себя флотиліи. Преданія хранятъ, однако, память о многихъ попыткахъ разбойничьихъ племенъ добраться до монастыря и до его мнимыхъ сокровищъ. Монахи разсказывали много дивныхъ и любопытныхъ вещей, свидѣтельствующихъ и о хитростяхъ, на которыя пускались враги, и о небесной помощи, которая ограждала обитель. Говорятъ, напр., что какъ-то разъ лезгины задумали ограбить монастырь, но лодокъ достать имъ было негдѣ. И вотъ, они засѣли въ деревянные ящики, которые подъ видомъ товаровъ и были нагружены на монастырскія лодки самими же монахами, принявшими эти закупоренные тюки на берегу отъ возчика-татарина. По счастію, во время плаванія, какому-то мальчику случилось услышать, какъ одинъ изъ лезгиновъ спрашивалъ другого: скоро ли берегъ? Мальчикъ поднялъ тревогу,— и предпріимчивыхъ разбойниковъ вмѣстѣ съ ящиками побросали въ воду.

Въ другой разъ, при царѣ Иракліи Великомъ (5 января 1775 г.), когда лезгины вторглись въ Эриванскую область и опустошали христіанскія селенія, большинство жителей по обыкновенію укрылось на островъ. Дѣло было зимою. Лезгины, не заставъ во многихъ деревняхъ ни души, пустились къ монастырю по замерзшему озеру. Въ монастырѣ шла литургія, когда архимандриту Іоанну сказали, что непріятель вступаетъ на островъ. Онъ вынесъ къ народу св. Дары и,

обратившись къ нему, сказалъ: «Молитесь, готовьтесь къ принятію святыхъ божественныхъ Тайнъ!» Въ это время ледъ рухнулъ, и холодныя воды озера поглотили непріятеля. Благочестивый народъ долго чествовалъ память своего избавленія, и ежегодно 5 января, когда совершилось чудо, подъ сводами храма пѣлись благодарственныя молитвы монастырскими иноками.

Въ этомъ-то величавомъ уголкѣ природы и располагались лѣтомъ русскія войска для окарауливанія своихъ татарскихъ кочевій. Закавказское начальство не прочь было уступить персіянамъ занятую ими часть Карабага, съ тѣмъ, чтобы удержать за Россіей берегъ Гокчи, и такое рѣшеніе пограничнаго спора было не безвыгодно для обѣихъ сторонъ. Персіяне получили бы лучшую обширнѣйшую землю; выгода Россіи заключалась въ томъ, что вмѣсто мусульманскихъ подданныхъ Карабага, она пріобрѣла бы на берегахъ Гокчи армянское населеніе, вмѣстѣ съ одною изъ тѣхъ древнихъ святынь, которыя такъ чтутся армянами.

Такъ или иначе, на обоихъ спорныхъ пунктахъ необходимо было однако окончательно опредѣлить границы. Но начатые Аббасъ-Мирзою переговоры по этому вопросу, въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ трехъ лѣтъ, до начала войны, носятъ характеръ упорныхъ и намѣренно-создаваемыхъ усложненій.

Когда, въ 1823 году, рѣшено было приступить къ размежеванію и съѣхались назначенные для этого персидскіе и русскіе комиссары, скоро стало совершенно очевидно, что никакое соглашеніе не возможно. Подъ вліяніемъ турецкихъ побѣдъ, персіяне надменно противорѣчили русскимъ комиссарамъ на каждомъ шагу и «вопреки даже здраваго смысла», какъ выражается Ермоловъ. Такъ напр., чтобы дать буквальному смыслу договора выгодное для себя толкованіе, персіяне требовали, чтобы лѣвый и правый берегъ рѣки опредѣлялись не стоя лицомъ къ ея устью, по теченію, а напротивъ. На этомъ настаивалъ и самъ Аббасъ-Мирза, «котораго — какъ ядовито замѣчаетъ по этому поводу Ермо-

ловъ, — многіе считаютъ великимъ геніемъ, преобразователемъ своего народа, вводящимъ европейское просвѣщеніе». «Мнѣніе сіе — говоритъ онъ: — раздѣляетъ съ прочими и наше министерство, имѣвшее бы, кажется, нужду знать его короче».

Видя, что переговоры комиссаровъ не поведутъ ни къ чему, Ермоловъ разрѣшилъ управляющему тогда Карабагомъ князю Мадатову имѣть личное свиданіе съ наслѣдникомъ персидскаго трона, охотившимся въ то время на правомъ берегу Аракса.

Свиданіе это состоялось у Худоперинскаго моста. Окруженный блестящею свитой и многочисленною конницей, составленный изъ первѣйшихъ фамилій трехъ мусульманскихъ ханствъ, явился Мадатовъ въ назначенный день у Худоперинскаго моста. Богатая одежда всадниковъ, дорогое оружіе, драгоцѣнный уборъ статныхъ карабагскихъ коней, въ соединеніи съ грозными рядами 42 егерскаго полка, стоявшаго подъ ружьемъ съ распущенными знаменами, представляли поистинѣ внушительную картину. Аббасъ-Мирза пріѣхалъ въ сопровожденіи своихъ сыновей и всего двора. Его приняли съ подобающими почестями, и все, что только могли позволить средства, было употреблено Мадатовымъ для того, чтобы придать этой встрѣчѣ наиболѣе наружнаго блеска, который такъ легко очаровываетъ умы персіянъ. Въ лагерѣ цѣлый день гремѣла музыка, устраивались маневры, скачки, разныя военныя игры; въ заключеніе былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Персіяне, дѣйствительно, были такъ обворожены любезностью князя и пышностью даваемыхъ имъ празднествъ, что долго, послѣ того они обозначали 1823 годъ фразой: «когда былъ фейерверкъ князя Мадатова.»

Но встрѣча эта не повела ни къ чему. Мадатовъ тщетно старался утвердить добрыя отношенія съ наслѣдникомъ Персіи. На все, что говорилъ Мадатовъ, Аббасъ-Мирза отвѣчалъ одно, что онъ употребитъ всѣ средства доказать, какъ велико желаніе его пріобрѣсть расположеніе къ себѣ императора и угодить Ермолову. Этими неопредѣленными обѣща-

ніями все и ограничилось. «Зная Аббасъ-Мирзу, — говоритъ Ермоловъ:—я никогда и ни одному слову его не повѣрилъ». И Ермоловъ не ошибался.

Скоро наступило холодное время; пограничныя съ Персіей горы покрылись снѣгами, и комиссары, ничего не рѣшивъ, разъѣхались. Острый вопросъ о границахъ такъ и остался открытымъ.

Въ началѣ 1825 года, въ мартѣ мѣсяцѣ, переговоры возобновились. Въ Тифлисъ пріѣхалъ нѣкто Фетъ-Али-Ханъ Тавризскій, уполномоченный заключить окончательныя условія о размежеваніи. Ермоловъ предложилъ обмѣняться участками: часть Карабага оставить за персіянами, гокчинскій берегъ—за Россіею. На этотъ разъ переговоры, повидимому, пошли довольно успѣшно. Предварительный актъ былъ заключенъ. Но сговорчивость персидскаго уполномоченнаго, какъ оказалось, имѣла въ основаніи своемъ нѣкоторыя заднія мысли. Дѣло въ томъ, что Аббасъ-Мирза уже давно хотѣлъ поставить ханомъ Эриванской провинціи одного изъ своихъ сыновей, чтобы предоставить ему богатые доходы съ этой области. Но сардарь сидѣлъ въ Эривани крѣпко и пользовался особенными милостями шаха. Аббасъ-Мирза разсчитывалъ добиться своей цѣли при посредствѣ кавказскаго начальства; были происки, чтобы Ермоловъ, жалуясь шаху на поведеніе эриванскаго сардаря, въ то же время выхвалялъ бы передъ нимъ добрыя отношенія Аббаса-Мирзы и указалъ бы ему на пользу подчинить всѣ пограничныя съ Россіею области одному начальнику, т. е., конечно, наслѣдному принцу.

Аббасъ-Мирза хотѣлъ сдѣлать Ермолова орудіемъ своихъ честолюбивыхъ и корыстныхъ замысловъ.

Но пока Фетъ-Али-Шахъ проживалъ въ Тифлисѣ, дѣла неожиданно измѣнились: умеръ воспитатель Аббаса-Мирзы, старый каймакамъ, Мирза-Бизрюкъ, человѣкъ необыкновенно умный и ловкій, до послѣднихъ дней сохранявшій огромное вліяніе на своего воспитанника. Слабохарактерный Аббасъ-Мирза сдѣлался игралищемъ партій. Теперь онъ подпалъ подъ

вліяніе могущественнаго тавризскаго первосвященника, Муштенда-Мирзы-Мехти, страшнаго религіознаго фанатика. Мехти увѣрилъ Аббаса-Мирзу, что малѣйшая сговорчивость по поводу границъ уронитъ его во мнѣніи народа и что необходимо оружіемъ смирить гордость Россіи, возвратить потерянныя Персіею области, не исключая самой Грузіи, и изгнать русскихъ за хребетъ Кавказа.

Аббасъ-Мирза собралъ военный совѣтъ, на который приглашены были и первосвященникъ, какъ человѣкъ, могущій дать направленіе общественному мнѣнію, и евнухъ, необходимая особа, хранитель тайнъ дворца и сераля, и бѣглые русскіе измѣнники. Всѣ мнѣнія оказались противъ мира съ Россіею. Сурхай казикумыкскій ручался головой, что, имѣя въ горахъ много приверженцевъ и сильныя связи, онъ легко подниметъ весь Дагестанъ и наводнитъ лезгинами Грузію. Хвастливый эриванскій сардарь, не участвовавшій въ совѣтѣ, но имѣвшій много причинъ опасаться Аббаса-Мирзы, писалъ униженно, что, если ему позволятъ, онъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ будетъ въ Тифлисѣ. Первосвященникъ торжественно объявлялъ, что онъ благословитъ побѣдоносныя знамена Аббаса-Мирзы и самъ, съ 15 тысячами муллъ, пойдетъ впереди, указывая путь къ славѣ.

Совѣтъ имѣлъ на наслѣднаго принца рѣшающее вліяніе. Фетъ-Али-Ханъ, возвратившійся въ Тавризъ, былъ уже принятъ весьма неблагосклонно, а актъ, составленный имъ, уничтоженъ. Взамѣнъ его Аббасъ-Мирза предложилъ русскому правительству свои условія, которыя принять было невозможно; онъ не только не соглашался ни на какой обмѣнъ участковъ, но желалъ оставить за Персіей и карабагскія земли и Гокчу и требовалъ, сверхъ того, всего Талышинскаго ханства вмѣстѣ съ Ленкоранью. А подъ рукою дѣлались уже усиленныя приготовленія къ войнѣ и собирались войска. Скоро на русскихъ границахъ появились персидскіе отряды тамъ, гдѣ прежде ихъ никогда не бывало. Даже тѣ пункты, которые занимались русскими караулами на лѣтнее время для прикрытія кочующихъ татаръ,—персидскимъ вой-

скамъ приказано было тотчасъ занять, какъ только русскіе, съ приближеніемъ осени, уйдутъ. Въ то же время дерзость пограничныхъ персидскихъ начальниковъ стала переходить всякія границы. Такъ, посланный Ермоловымъ въ Талышинское ханство полковникъ генеральнаго штаба Эксгольмъ встрѣченъ былъ на границѣ его персидскимъ чиновникомъ, требовавшимъ, чтобы онъ возвратился назадъ, угрожая въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ силѣ. На возраженіе Эксгольма, что онъ находится на землѣ, принадлежащей Россіи, чиновникъ дерзко отвѣтилъ, что земля принадлежитъ Персіи, и что онъ дѣлаетъ большое снисхожденіе, позволяя Эксгольму возвратиться.

Ермоловъ зналъ все, что происходило въ Тавризѣ. Онъ писалъ къ государю, что Аббасъ-Мирза не остановится на дипломатическихъ переговорахъ и будетъ требованія свои поддерживать оружіемъ; онъ просилъ усилить кавказскія войска одною пѣхотною дивизіею и нѣсколькими казачьими полками, видя въ этомъ единственное средство предупредить войну. Императоръ Александръ, судившій о русско-персидскихъ дѣлахъ по докладамъ графа Нессельроде, не раздѣлялъ, однако, опасеній Ермолова. Увѣренный въ миролюбіи Персіи, онъ писалъ къ нему изъ Таганрога, что «должны быть употреблены всѣ мѣры къ охраненію мира, отнюдь не доводя до войны, для насъ тѣмъ болѣе невыгодной, что войскамъ довольно было дѣла и у себя на Кавказѣ».

«Я не могу повѣрить,—писалъ и Нессельроде къ Ермолову,—чтобы персіяне были такъ неблагоразумны, чтобы рѣшились на войну, когда мы со всѣми въ мирѣ». А между тѣмъ персіяне не считали даже нужнымъ скрывать свои приготовленія. Съ осени 1825 года начались уже грабежи въ пограничныхъ русскихъ земляхъ и волненія между джарскими лезгинами. Персидскіе агенты рыскали въ ханствахъ и по татарскимъ дистанціямъ. Не замедлили послѣдовать и пограничныя столкновенія войскъ.

Въ началѣ ноября 1825 года, русскій караулъ изъ небольшого числа татарской конницы, стоявшій на берегу

озера Гокчи, внезапно былъ атакованъ персидскими войсками. Постъ отступилъ, караулка была сожжена персіянами. Ермоловъ приказалъ немедленно послать туда роту пѣхоты съ орудіемъ. Появленіе штыковъ заставило персіянъ удалиться, и берегъ Гокчи снова былъ занятъ русскимъ постомъ. Тогда сардарь предложилъ начальнику пограничныхъ постовъ, полковнику Северсамидзе, оставить съ обѣихъ сторонъ только конные караулы. Северсамидзе согласился. Но едва русская рота оставила позицію, какъ сардарь быстро стянулъ войска и двинулъ ихъ для занятія Гокчи, съ тѣмъ, чтобы болѣе не уступать ея русскимъ. Рота поспѣшно вернулась назадъ — и предупредила персіянъ. Два батальона регулярной персидской пѣхоты съ четырьмя орудіями, уже подходившіе къ озеру, остановились и, не рѣшаясь атаковать роту, отступили.

Трудно предположить, чтобы подобныя дѣла могли происходить безъ воли Аббаса-Мирзы, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ въ это время, подъ видомъ охоты, объѣзжалъ границы и даже былъ въ Эривани, не увѣдомивъ о томъ Ермолова, «что, по обычаямъ персіянъ, разумѣлось величайшею грубостью».

Ермоловъ сообщилъ о всѣхъ этихъ происшествіяхъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде. Онъ писалъ, «что одною твердостью можно достигнуть продолженія и прочности мира, но никакъ не чрезмѣрнымъ снисхожденіемъ, которое вызоветъ со стороны персіянъ только новыя наглости».

Между тѣмъ русскій повѣренный при персидскомъ дворѣ, Мазаровичъ, ѣздилъ въ Тегеранъ съ письмомъ Ермолова къ шаху. Шахъ принялъ его ласково, но объявилъ безусловно, что возлагаетъ на Аббаса-Мирзу всѣ пограничныя дѣла съ Россіею и предоставляетъ ему полную свободу дѣйствій. Мазаровичу было объявлено, впрочемъ, что съ отвѣтнымъ письмомъ и окончательными предложеніями будетъ прислано къ Ермолову особое довѣренное лицо.

Чиновникъ этотъ, дѣйствительно, прибылъ въ Тифлисъ.

Случилось, однако, что въ это время Ермоловъ находился на Линіи, куда его вызвали тревоги въ Чечнѣ и смерть Лисаневича. Надменный персидскій сановникъ, Мирза-Мамадъ-Садыкъ, хотѣлъ вести переговоры не иначе, какъ съ самимъ главнокомандующимъ и просилъ назначить ему мѣсто и время для свиданія. Ермоловъ счелъ неудобнымъ допустить его за Кавказскій хребетъ, и возложилъ веденіе переговоровъ на генерала Вельяминова. Мирза-Садыкъ отказался отъ этого и уѣхалъ.

При такихъ обстоятельствахъ наступило новое царствованіе.

Императоръ Николай, обозрѣвая сношенія Россіи съ иностранными державами, обратилъ особое вниманіе на дѣла персидскія. Но, подъ вліяніемъ взглядовъ министерства, онъ писалъ къ Ермолову, 11 января 1826 года, все о той же необходимости удерживать заключенный съ Персіею миръ, пока сама она явно не нарушитъ Гюлистанскаго договора. «Вѣрность данному слову,—говоритъ императоръ:—и существенныя выгоды Россіи того отъ Меня требуютъ. Нынѣ, когда почти всѣ горскіе народы въ явномъ противъ насъ возмущеніи, когда дѣла въ Европѣ, а особенно дѣла съ Турціей заслуживаютъ по важности своей внимательнѣйшаго наблюденія, неблагоразумно было бы помышлять о разрывѣ съ Персіей или умножать взаимныя неудовольствія.» Чтобы удержать миръ, государь рѣшался даже на уступку Персіи полуденной части Талышинскаго ханства.

Ермоловъ съ своей стороны также не стоялъ бы нисколько за Талышинское ханство: оно не приносило Россіи ни малѣйшихъ выгодъ уже потому, что малымъ числомъ войскъ оборонять его было невозможно, а большого числа оно не стоило. Но другія соображенія заставляли его быть противъ такой уступки; она, какъ это Ермоловъ хорошо зналъ по опыту, повлекла бы за собою безчисленныя новыя притязанія со стороны персіянъ, уронила бы престижъ и вліяніе

Россіи въ закавказскихъ мусульманскихъ провинціяхъ, а Аббасу-Мирзѣ, злѣйшему врагу Россіи, дала бы не только поводъ и право кичиться успѣхами своей политики, но и возможность еще съ большею силою и вліяніемъ создавать новыя недоразумѣнія. Что такой именно смыслъ имѣла бы уступка Талышинскаго ханства, ясно было изъ самыхъ обстоятельствъ переговоровъ о немъ. Давно уже Аббасъ-Мирза выражалъ Ермолову желаніе пріобрѣсти его и не одинъ разъ предлагалъ ему значительныя суммы денегъ, но только съ тѣмъ, чтобы о передачѣ Персіи ханства обнародованъ былъ актъ, а деньги были бы уплачены по тайному договору. Ермоловъ, конечно, счелъ своею обязанностію просто отклонить веденіе переговоровъ объ этомъ, хорошо понимая ихъ цѣль и значеніе.

Такимъ образомъ, Ермоловъ стоялъ въ прямомъ противорѣчіи съ намѣреніями и взглядами высшаго правительства. Положеніе его становилось все затруднительнѣе. Если при императорѣ Александрѣ, вполнѣ доверявшемъ ему, онъ былъ стѣсненъ въ своихъ распоряженіяхъ противодѣйствіемъ министерства, то теперь всѣ его дѣйствія были уже окончательно парализованы. А между тѣмъ обстоятельства слагались такъ, что и совсѣмъ почти отстраняли Ермолова отъ фактической роли въ дѣлахъ и вопросахъ о Персіи. Князь Меншиковъ, генералъ-адъютантъ покойнаго государя, отправленный въ Тегеранъ съ объявленіемъ о восшествіи на престолъ императора Николая, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ и порученіе укрѣпить дружественныя отношенія къ Персіи. Въ самомъ назначеніи новаго посла Ермоловъ долженъ былъ видѣть уже недостатокъ къ себѣ довѣрія, а личное свиданіе ихъ, состоявшееся 7 марта, въ станицѣ Червленной, куда онъ прибылъ изъ отряда дѣйствовавшаго противъ чеченцевъ, несмотря на всю осторожность Меншикова, только укрѣпило Ермолова въ мысли, что политическая карьера его должна скоро окончиться. Хотя Ермоловъ въ своихъ запискахъ прямо нигдѣ не говоритъ объ этомъ, но онъ едва ли не зналъ, что Меншиковъ являлся по отношенію къ нему предшествен-

никомъ Паскевича и Дибича, что императоръ поручилъ ему разслѣдовать и донести какъ о военномъ, такъ и гражданскомъ управленіи Ермолова краемъ. Меншиковъ, правда, доносилъ государю въ весьма успокоительномъ тонѣ; онъ писалъ, что Ермоловъ «мнитъ себя оклеветаннымъ», что онъ отвергаетъ отъ себя упрекъ въ отступленіи отъ правилъ, начертанныхъ ему покойнымъ императоромъ, и приписываетъ такое заключеніе или непріязни къ нему, или неизвѣстности въ Петербургѣ мѣстныхъ обстоятельствъ Кавказскаго края; что въ мѣстахъ, на пути его лежавшихъ, онъ, Меньшиковъ, не замѣтилъ духа вольнодумства ни въ войскахъ, ни въ обывателяхъ, а по доходящимъ до него свѣдѣніямъ не предполагаетъ его вовсе на Кавказской Линіи; что, наконецъ, никакихъ основаній для заключенія о существованіи какихъ бы то ни было тайныхъ обществъ въ Кавказскомъ корпусѣ онъ не имѣетъ. Правда также, что и Ермоловъ, съ своей стороны, вынесъ изъ бесѣды съ Меншиковымъ самыя отрадныя впечатлѣнія, и впослѣдствіи писалъ, «что будучи одаренъ отличнымъ умомъ, счастливыми способностями и притомъ довольно хитрый, что̀ въ дѣлахъ съ персіянами совсѣмъ не мѣшаетъ, Меншиковъ успѣетъ исполнить порученіе и безъ уступки ничтожной части Талышинскаго ханства». И тѣмъ не менѣе наступившія, вслѣдствіе недовѣрія къ Ермолову, его нерѣшительность, неопредѣленность направленія политики и двойственность распоряженій скоро принесли весьма печальные плоды.

Нужно думать, что персіянамъ не безъизвѣстно было объ измѣнившемся положеніи Ермолова, и со стороны ихъ слѣдуетъ рядъ прямо вызывающихъ дѣйствій, на которыя Ермоловъ лишенъ былъ возможности отвѣтить такъ, какъ того требовали обстоятельства. Присутствіе въ Персіи довѣреннаго лица отъ государя настолько стѣсняло его дѣйствія, что прямо мѣшало дѣлать какія-либо приготовленія на случай войны.

Такъ, съ началомъ 1826 года, персидскія войска стали значительно усиливаться въ Талышинскомъ ханствѣ, гдѣ

стоялъ всего одинъ русскій батальонъ, а вскорѣ и самъ талышинскій ханъ, Миръ-Хасанъ, бѣжалъ изъ Ленкорани, ограбивъ по дорогѣ посты, занятые русскими, — обстоятельство уже недопускавшее сомнѣній насчетъ близкаго открытія военныхъ дѣйствій. Со стороны Эривани, въ то же время, сардарь надвинулъ войска къ озеру Гокчѣ, близко къ урочищу Миракъ. Но едва Вельяминовъ, за отсутствіемъ Ермолова, отвѣтилъ на эти вызывающія дѣйствія распоряженіемъ занять Миракъ двумя ротами пѣхоты и построить въ немъ небольшое укрѣпленіе, — въ Персіи поднялась тревога. Сардарь извѣстилъ немедленно обо всемъ Аббаса-Мирзу. Въ Тавризѣ находился въ то время полковникъ Бартоломей, посланный впередъ княземъ Меншиковымъ. Аббасъ-Мирза призвалъ его и выразилъ ему удивленіе, что русскіе съ одной стороны посылаютъ посольство, а съ другой войска... Бартоломей долженъ былъ ѣхать назадъ. Онъ встрѣтилъ Меншикова на Араксѣ, и посолъ, опасаясь невыгоднаго вліянія этого случая на переговоры и даже прерванія ихъ, почелъ нужнымъ просить Вельяминова о пріостановленіи работъ въ Миракѣ. Правда, по настоянію Меншикова, послано было приказаніе и къ эриванскому сардарю — отодвинуть войска отъ озера Гокчи, но это являлось пустою формальностію. «Я удивляюсь, — сказалъ по этому поводу сардарь бывшему тогда въ Эривани съ русскою миссіею армянину, Ефрему Ковалеву: — что русскій посланникъ съ одной стороны проситъ признать Николая Павловича императоромъ и привезъ съ собою много подарковъ, а съ другой стороны — русскіе занимаютъ наши границы. Я не послушаю Шахъ-Заде. Но если русскія войска не будутъ сняты, то изъ числа вотъ этихъ моихъ прислужниковъ — онъ указалъ рукою на раболѣпно стоявшихъ за нимъ ханскихъ нукеровъ — одного сдѣлаю въ Тифлисѣ губернаторомъ, другого комендантомъ, а третьяго полицеймейстеромъ...» И приказаніе объ отводѣ персидскихъ войскъ отъ Гокчи осталось неисполненнымъ.

Аббасъ-Мирза, послѣ знаменитаго военнаго совѣта, ко-

нечно, могъ только втайнѣ одобрить дерзкое поведеніе сардаря. Опираясь на заведенную имъ, вопрѣки волѣ отца и народа, регулярную армію, онъ нетерпѣливо желалъ открытія военныхъ дѣйствій, надѣясь загладить теперь всѣ неудачи прежнихъ персидскихъ войнъ съ Россіей. И моментъ представлялся ему необыкновенно удобнымъ, котораго упускать не слѣдовало: событія, послѣдовавшія въ Россіи за кончиной императора Александра, представлялись ему междоусобною войной двухъ царственныхъ братьевъ за престолонаслѣдіе. Случилось, что Аббасъ-Мирза встрѣтилъ для себя надежнаго союзника въ лицѣ Аллаяръ-Хана, зятя и перваго министра шаха, дѣйствовавшаго въ томъ же направленіи, какъ и принцъ, но изъ своихъ личныхъ разсчетовъ. Дѣло въ томъ, что шахъ сталъ получать стороною извѣстія о преступныхъ дѣйствіяхъ своего министра; и вотъ, чтобы отвлечь вниманіе его отъ этихъ сравнительно неважныхъ дѣлъ и стать человѣкомъ еще болѣе нужнымъ, Аллаяръ-Ханъ и хлопоталъ объ усложненіи пограничныхъ споровъ съ Россіею и о войнѣ. Въ то же время требовали войны съ Россіей и англичане, угрожая въ противномъ случаѣ лишить Персію почти милліонной субсидіи, которую платила остъ-индская компанія правительству шаха; требовали ея и многочисленные сторонники Англіи, всѣ тѣ, которыхъ она считала необходимымъ закупить, — а это были, конечно, самые вліятельные люди шахскаго правительства. Положеніе становилось все напряженнѣе и напряженнѣе, и столкновеніе было уже не далеко.

Меншиковъ, въѣхавшій въ предѣлы Персіи въ концѣ апрѣля мѣсяца, нашелъ тамъ уже всѣ признаки начинавшейся войны. Онъ везъ богатые подарки шаху и его приближеннымъ и былъ уполномоченъ, сообразуясь съ ходомъ переговоровъ, предложить Аббасу-Мирзѣ для его регулярной арміи или карабины, оставшіеся отъ Черноморскаго войска, или тысячу ружей, или, взамѣнъ ихъ, по желанію принца, сукна на обмундированіе цѣлаго баталіона, тысячу тюленевыхъ ранцевъ, или, наконецъ, шесть легкихъ шести-фун-

товыхъ пушекъ съ зарядными ящиками и со всѣми къ нимъ принадлежностями. Но эти подарки, прямо направленные къ усиленію военныхъ средствъ персіянъ и уже тѣмъ свидѣтельствовавшіе о глубоко мирныхъ намѣреніяхъ русскаго правительства, стояли въ странномъ противорѣчіи со всѣмъ, что совершалось передъ глазами Меншикова въ самой Персіи.

Первое извѣстіе, которое онъ долженъ былъ послать изъ Тавриза шифрованнымъ, состояло въ томъ, что Аббасъ-Мирза нашелъ человѣка, который за 5,000 тумановъ (20,000 руб. сер.) взялся убить Ермолова и съ этою цѣлію уже отправился въ русскіе предѣлы черезъ Дагестанъ. Ермоловъ получилъ это извѣстіе на пути въ Тифлисъ, по усмиреніи чеченскаго мятежа. «Я удивленъ былъ симъ, — иронически восклицаетъ онъ: — но не впалъ въ отчаяніе, что не нравлюсь такому человѣку, каковъ Аббасъ-Мирза».

Меншикова приняли въ Тавризѣ съ почестями; по приглашенію шаха, онъ долженъ былъ отправиться въ Султанію, лѣтнюю шахскую резиденцію. Но на дорогѣ туда его обогналъ самъ Аббасъ-Мирза, спѣшившій предупредить его у шаха. Повсюду на пути онъ слышалъ воззванія священныхъ особъ къ поголовному вооруженію противъ невѣрныхъ, видѣлъ двигавшіяся войска, зналъ, что, передъ выѣздомъ изъ Тавриза, Аббасъ-Мирза далъ приказаніе имъ быть въ совершенной готовности къ походу. Самъ Меншиковъ не могъ ни о чемъ предупредить Ермолова — всѣ бумаги, письма и курьеры его были задерживаемы. И тѣмъ не менѣе въ Тифлисъ пробрались изъ Султаніи нехорошія вѣсти. Говорили втихомолку, что Меншиковъ былъ дурно принятъ шахомъ, что шахъ, на торжественной аудіенціи, вмѣсто того, чтобы принять изъ рукъ Меншикова письмо государя, указалъ рукою на подушку, куда его и пришлось Меншикову положить. Это было явное неуваженіе къ особѣ императора, не обѣщавшее ничего хорошаго.

Все это была правда. Меншиковъ узналъ, притомъ, что одинъ изъ первосвященниковъ, сидя на слонѣ и сопровож-

даемый народною толпою, явился передъ шахомъ во всемъ блескѣ своего сана и именемъ Магомета требовалъ войны, при чемъ имъ совершены были какія-то неизвѣстныя русскимъ таинства, послѣ которыхъ, какъ увѣряли, шахъ уже былъ не властенъ отказать требованіямъ первосвященника. Аббасъ-Мирза тотчасъ поскакалъ въ Тавризъ. Меншикову приходилось убѣдиться, что война неизбѣжна и что онъ изъ посла превращается въ плѣнника. Дѣйствительно, уже непосредственно послѣ аудіенціи его у шаха, посольскій лагерь былъ оцѣпленъ карауломъ, и никто не смѣлъ выйти изъ него иначе, какъ въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ. Меншикову же было объявлено, что, по случаю скораго отъѣзда шаха въ Ардебиль, ему дадутъ средства возвратиться въ Тифлисъ, а что дальнѣйшіе переговоры могутъ происходить въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ.

Обратно черезъ Тавризъ Меншиковъ проѣхалъ благополучно,—но въ Эривани былъ задержанъ и просидѣлъ тамъ почти шесть недѣль подъ настоящимъ арестомъ. Сардарь, встрѣтивъ посла съ обычнымъ почетомъ, назначилъ для пребыванія его свою загородную бесѣдку, выстроенную на китайскій манеръ въ саду, раскинутомъ по правому берегу Занги. Но прошло пять дней, а объ отправленіи посольства въ Россію не было и помину; напротивъ, каждый день придумывались все новые и новые предлоги для задержанія посланника. То говорили ему, что русскіе удержали въ заложникахъ жену талышинскаго хана, — и пока не освободятъ ея, посолъ не будетъ отпущенъ изъ Эривани; то требовали отъ него уплаты за хлопокъ, посланный въ Россію еще до начала войны; то выдачи драгомана посольства, какъ уроженца Карабага, въ то время уже занятаго персіянами и потому, по мнѣнію сардаря, уже совершенно вошедшаго въ составъ персидскаго государства; то, наконецъ, безъ лишнихъ словъ, предлагали ему купить свободу цѣною серебра и подарковъ. «Можно бы составить цѣлую книгу,—писалъ впослѣдствіи Меншиковъ къ графу Нессельроде: — если бы я хотѣлъ исчислить вашему сіятельству всѣ притѣсненія, коимъ

мнѣ надлежало противиться, и коимъ изобрѣтательный умъ моихъ тюремщиковъ давалъ ежедневно новый видъ, съ постоянною цѣлью вынудить у меня выдачу денегъ или вещей». Цѣлыхъ пять недѣль продолжалось тягостное положеніе, въ которое поставленъ былъ посланникъ. Почти всѣ лица посольской свиты въ это время переболѣли. Меншиковъ тщетно жаловался Аббасу-Мирзѣ и Аллаяръ-хану; наконецъ ему удалось увѣдомить англійскую миссію о своемъ положеніи, и онъ просилъ вмѣшательства ея въ столь явное нарушеніе международнаго права.

Англійскій полномочный министръ Макдональдъ, возмущенный поведеніемъ эриванскаго сардаря, почелъ необходимымъ вмѣшаться въ дѣло. Онъ немедленно отправился къ шаху и настоялъ на отпускѣ посланника въ Россію. Одинъ изъ членовъ англійской миссіи отправился даже въ Эривань, чтобы наблюсти за точнымъ исполненіемъ шахскаго приказанія. Посланный, однакоже, опоздалъ—Меншиковъ уже выѣхалъ изъ Эривани.

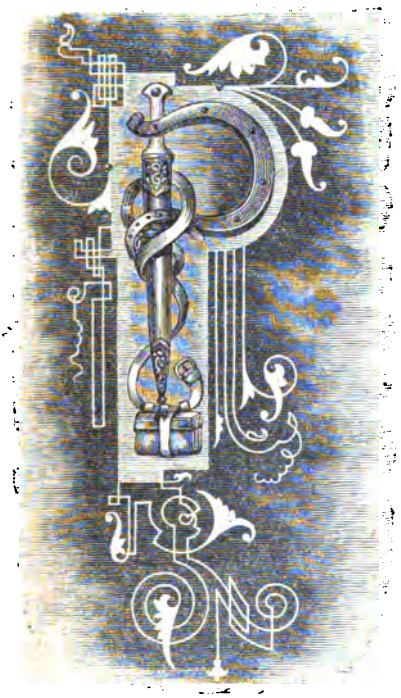
Есть извѣстіе, впрочемъ, что не такъ легко было бы добыть свободу русскому послу, если бы не пущена была въ ходъ нѣкоторая интрига. Аллаяръ-хану подъ рукою стали говорить, что его враги ждутъ только первой неудачи, чтобы погубить его во мнѣніи шаха, что ему слѣдуетъ, пока есть время, пользоваться успѣхами персидскаго оружія и торопиться заключить выгодный миръ; а для того необходимо, какъ можно скорѣе, отправить Меншикова, потому что безъ этого миръ заключенъ быть не можетъ. Это подѣйствовало, и Аллаяръ-ханъ тотчасъ послалъ повелѣніе сардарю отпустить посланника. Сардарь вынужденъ былъ повиноваться. Однакоже онъ сдѣлалъ все, чтобы затруднить путешествіе посла, и даже покушался погубить его. Подъ тѣмъ предлогомъ, что не смѣетъ дозволить ему проѣздъ мимо персидскихъ войскъ, онъ предлагалъ проводить его до турецкой границы, съ тѣмъ, что если князь не согласится на это, то ему останется единственная дорога черезъ Казахскую дистанцію, находившуюся тогда въ весьма сомнительномъ положеніи.

Направляя его на этотъ путь, сардарь намѣревался захватить посланника и всю его свиту, какъ только они удалятся на день ѣзды отъ персидской границы, перебить всѣхъ и сложить вину на курдовъ,—народъ кочевой, дикій, и очень часто производившій разбои, которые унять персидское правительство было не въ силахъ. Къ счастію, Меншиковъ былъ увѣдомленъ о коварныхъ замыслахъ сардаря. Какъ ни строго смотрѣли за нимъ, онъ нашелъ, однако, случай извѣстить обо всемъ Ермолова черезъ одного армянина, съ трудомъ пробравшагося темною ночью черезъ караульную цѣпь. Не подавая вида, что знаетъ о намѣреніи сардаря, Меншиковъ выѣхалъ изъ Эривани на Эчміадзинъ; но отсюда онъ вдругъ перемѣнилъ направленіе и ближайшею дорогою, черезъ Талынь и Амаллы, поскакалъ къ Большому Караклису. Персіяне, сторожившіе его въ Делижанскомъ ущельѣ, поздно узнали объ этомъ. Конница ихъ, однако, понеслась въ погоню и уже настигала Меншикова, какъ вдругъ показалась русская рота, высланная къ нему навстрѣчу изъ Джалалъ-Оглынскаго лагеря.

Посолъ засталъ войну въ полномъ разгарѣ на всѣхъ пунктахъ.

II.

Вторженіе Персіянъ.



Русская граница со стороны Эриванскаго ханства, передъ войною, въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, проходила всего въ какихъ-нибудь полутораста верстахъ отъ Тифлиса. Отъ сѣверной оконечности озера Гокчи она тянулась на западъ ломаною линіею по Бомбакскому горному хребту и потомъ, отклонившись отъ него, черезъ гору Алагезъ, упиралась подъ прямымъ угломъ въ турецкую границу, шедшую по рѣкѣ Арпачаю прямо къ сѣверу, къ горамъ Тріолетскимъ.

На этомъ пространствѣ, на протяженіи восьмидесяти верстъ въ длину и углубляясь внутрь страны, къ Тифлису, верстъ на пятьдесятъ, лежали двѣ пограничныя русскія провинціи: Шурагель и Бомбакъ. Страна наполнена развѣтвле-

ніями тѣхъ громадныхъ возвышенностей, находящихся въ глубинѣ азіятской Турціи, которыя даютъ начало значительнымъ рѣкамъ: Ефрату, Араксу и другимъ. Одна изъ этихъ отраслей, Бомбакскій хребетъ, спускаясь къ юго-западу, къ сторонѣ Арпачая, образуетъ наклонную равнину, только на границѣ съ Персіею нарушаемою горою Алагезомъ. Здѣсь и лежитъ Шурагель съ главнымъ городомъ Гумры. Къ сѣверовостоку отъ нея расположилась Бомбакская провинція, въ долинѣ, очерченной двумя высокими и крутыми хребтами горъ Бомбакскимъ и Безобдаломъ. Въ центрѣ страны Бомбакскій хребетъ, понижаясь къ сѣверу верстъ на десять, встрѣчается со склонами Безобдала, вновь поднимающими поверхность земли въ заоблачные предѣлы. Разстояніе между хребтами не переходитъ за 20 верстъ. Долина постепенно съуживается къ востоку, по мѣрѣ приближенія къ Большому караклису, гдѣ ширина ея составляетъ уже только двѣ версты, а еще верстъ пять далѣе — начинается ущелье. По этой долинѣ протекаетъ рѣчка Бомбакъ, которая, соединившись съ Каменной (Джалалъ-Оглы-чай), получаетъ имя Борчалы и впадаетъ по сліяніи съ Храмомъ, въ Куру. На востокъ отъ Бомбака, за Аллавердынскимъ хребтомъ, лежитъ дистанція Казахская.

Къ сѣверу, за серебристымъ, заоблачнымъ Безобдаломъ, растилалась роскошная Лорійская степь, окаймленная вдали мрачными, голыми Акзабіюкскими горами. За тѣми горами лежитъ уже Иверія.

Привольное, красивое мѣсто — эта Лорійская степь, со всѣхъ сторонъ окруженная лѣсомъ, очерченная высокими горами: Безобдалъ — на югѣ, Акзабіюкъ съ его развѣтвленіями — на сѣверѣ, востокѣ и западѣ. Тѣ горы, которыя отдѣляютъ степь отъ Шурагеля, называются Мокрыми горами, и черезъ нихъ проходитъ кратчайшая дорога изъ Гумръ на Башкечетъ и далѣе къ Тифлису. На востокѣ замыкаетъ ее Аллавердынскій хребетъ, и степь оканчивается тамъ, гдѣ Каменная рѣчка впадаетъ въ Ворчалу.

Сколько извѣстно, Лорійская степь получила свое на-

званіе отъ крѣпости Лори, развалины которой еще до сихъ поръ виднѣются посреди этой, нынѣ мирной страны, какъ памятникъ другой поры, другихъ дней, пережитыхъ воинственною Грузіею. Чѣмъ была въ старинные годы эта крѣпость, какія драмы разыгрывались на ея каменныхъ твердыняхъ? Туземцы, говорятъ, что, во время цвѣтущаго состоянія армянскаго царства, крѣпость эта стояла среди обширнаго города, на мѣстѣ котораго теперь виднѣется лишь нѣсколько жалкихъ армянскихъ лачужекъ.

Лорійская степь подчинялась въ административномъ отношеніи Бомбакской провинціи; но то была уже часть древней Грузіи, и на ней расположена одна изъ татарскихъ дистанцій—Борчалинская. Когда еще Шурагель и Бомбаки принадлежали Персіи, Лорійская степь была мѣстомъ, гдѣ Грузія ставила преграды вражескимъ нашествіямъ. Гергеры и Джалалъ-Оглы, защищавшія входъ въ нее, становились поэтому важными стратегическими пунктами.

Лѣтомъ 1826 года всѣ эти пограничныя съ Персіей области, открытыя съ фланга, на западѣ, къ Турціи, охранялись лишь двумя русскими батальонами. Въ Гумрахъ, главномъ селеніи Шурагеля, стояли двѣ роты Тифлисскаго полка при двухъ орудіяхъ, да рота карабинеровъ, посылавшая отъ себя посты въ Бекантъ и Амамлы, гдѣ также стояло по одному орудію.

Въ Большомъ Караклисѣ, важнѣйшемъ пунктѣ Бомбакской провинціи, расположены были три роты Тифлисскаго же полка, при трехъ орудіяхъ. Отсюда два сильные поста выдвигались на Лорійскую степь: одинъ, съ орудіемъ, для прикрытія переправы черезъ рѣчку Каменную у Джалалъ-Оглы, другой — на Безобдальскій перевалъ, а третій стоялъ уже въ самыхъ Бомбакахъ, на рѣчкѣ Гамзачеванкѣ, верстъ за восемнадцать отъ Караклиса, гдѣ пасся полковой табунъ Тифлисскаго полка. Женатая рота охраняла Гергеры за Безобдаломъ. Донскіе казаки, Андреева полка, мелкими частями разбросаны были по всему Бомбаку и Шурагелю. Наконецъ, на самую границу выдвинуты были передовые отряды: въ

Миракъ, лежавшій на восточныхъ склонахъ Алагеза, двѣ роты тифлисцевъ и рота карабинеровъ съ двумя орудіями; въ Балыкъ-чай, прикрывавшій единственную вьючную дорогу къ Эривани изъ Казахской дистанціи, по Делижанскому ущелью вдоль рѣчки Акстафы — рота тифлисцевъ же, силою въ триста штыковъ и также при двухъ орудіяхъ. И Миракъ и Балыкъ-чай занимались русскими войсками только лѣтомъ, чтобы не допускать персидскихъ шаекъ въ русскіе предѣлы и удерживать въ повиновеніи кочевавшихъ близъ этихъ мѣстъ казахскихъ и шамшадильскихъ татаръ. Осенью, когда татары возвращались съ кочевокъ, посты снимались, такъ какъ зимою, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, пути становились тамъ непроходимыми.

Такимъ образомъ, общее число войскъ, охранявшихъ весь край, состояло изъ казачьяго полка, силою около 500 коней, двухъ батальоновъ Тифлисскаго полка (третій батальонъ его былъ на Кавказской линіи) и двухъ ротъ карабинеровъ, временно передвинутыхъ сюда изъ Манглиса, — всего около трехъ тысячъ штыковъ, при 12 орудіяхъ легкой № 3-й роты Кавказской гренадерской артиллерійской бригады.

Начальникомъ всей пограничной линіи былъ тогда командиръ Тифлисскаго полка, полковникъ князь Леонтій Яковлевичъ Северсамидзе. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ представителей старой циціановской школы, человѣкъ съ несомнѣнно выдающимися боевыми способностями. Уроженецъ Моздока, сынъ бѣдныхъ родителей, онъ началъ службу въ Тифлисскомъ полку рядовымъ, и черезъ 20 лѣтъ безъ связей и покровительства добился званія полкового командира. Онъ имѣлъ пять ранъ и былъ извѣстенъ своею храбростью еще со временъ эриванскаго штурма при Гудовичѣ, когда его батальонъ одинъ вошелъ на крѣпостныя стѣны. Изъ всего этого батальона, какъ говорили, осталось тогда не больше семидесяти человѣкъ, и въ томъ числѣ былъ самъ Северсамидзе, жестоко, впрочемъ, израненный. На границѣ онъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ. Знаніе мѣстныхъ языковъ и обычаевъ,

при его личномъ характерѣ, помогло ему пріобрѣсти такое вліяніе на мѣстное населеніе, что татары и армяне сами приходили къ нему для рѣшенія своихъ домашнихъ ссоръ и споровъ. Онъ мирилъ, наказывалъ, — и народъ безусловно покорялся его приговорамъ. Какъ начальникъ пограничныхъ областей, онъ непосредственно сносился и съ карскимъ пашею, и съ эриванскимъ сардаремъ, и въ ихъ земляхъ имѣлъ не только вѣрныхъ лазутчиковъ, но многихъ приверженцевъ. Отсюда непримиримая ненависть къ нему эриванскаго сардаря, не разъ подсылавшаго наемныхъ убійцъ, чтобы лишить его жизни. Но Северсамидзе берегла любовь народная, и покушенія не имѣли успѣха.

Войска его боготворили. Н. Н. Муравьевъ (Карсскій), хорошо знавшій Северсамидзе, характеризуетъ его такъ: «Удивительно, какъ съ малыми средствами достойный офицеръ этотъ, проведшій всю свою жизнь на границѣ, умѣлъ просвѣтить себя: онъ судитъ о мѣстности и военныхъ дѣйствіяхъ какъ самый ученый полководецъ». Но въ то же время, изъ разговоровъ съ полковыми командирами въ Тифлисѣ Муравьевъ вынесъ убѣжденіе, что Северсамидзе не любятъ. «Мнѣ кажется, — говоритъ онъ: — что тому есть много причинъ. Князь имѣетъ полкъ, извѣстный своею храбростью, управляетъ пограничною областью и обласканъ Ермоловымъ; этого довольно, чтобы зависть возродилась въ другихъ господахъ. Но съ другой стороны, надобно признаться, впрочемъ, что князь не скроменъ и возвышаетъ до небесъ свою расторопность, храбрость и храбрость своего полка...». Замѣченная Муравьевымъ самонадѣянность Северсамидзе, воспитанная долгой привычкой и цѣлымъ рядомъ удачныхъ дѣлъ, конечно, не должна была остаться безъ вліянія въ трудныхъ обстоятельствахъ того времени.

Въ такомъ положеніи находились боевыя средства на границѣ Эриванскаго ханства въ то время, когда между Россіей и Персіей шли переговоры о границахъ, и русскія войска пытались утвердиться на берегахъ Гокчинскаго озера. Переговоры шли, русскій посолъ Меншиковъ въѣзжалъ въ

Тегеранъ, извѣстны были всѣмъ миролюбивыя намѣренія императора Николая,—и эти обстоятельства удаляли всякую мысль о возможности близкой войны, тѣмъ болѣе, что на границахъ, повидимому, все было спокойно и тихо. Но спокойствіе это было обманчиво. И тотъ, кто внимательно вглядѣлся бы въ положеніе пограничнаго съ Эриванью края, конечно, замѣтилъ бы острое волненіе, постепенно охватывавшее тамошніе татарскіе и армянскіе аулы, которые, при безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Эриванью, могли, разумѣется, знать все, что тамъ затѣвается. Дѣло въ томъ, что для армянъ и татаръ уже не оставалось никакого сомнѣнія, что сардарь готовится съ оружіемъ въ рукахъ принудить русскихъ отойти отъ береговъ Гокчи. И въ то время, когда Северсамидзе, по настояніямъ Аббасъ-Мирзы, былъ вынужденъ прекратить даже работы по укрѣпленію Миракскаго поста, персіяне, подъ видомъ перевода кочевій, мало по малу стягивали войска и располагали ихъ на самой русской границѣ. Конница ихъ подвигалась все ближе и ближе къ Миракскому лагерю.

Въ половинѣ іюля стало извѣстно, что противъ Мирака стоитъ самъ эриванскій сардарь съ двумя батальонами при шести орудіяхъ и съ трехтысячною конницею. Далѣе, за Балыкъ-чайскимъ постомъ наблюдала тысячная партія конныхъ карапапаховъ. Близъ озера Гокчи стояла тысячная шайка курдовъ, а еще далѣе, въ Адіамакѣ, гдѣ проходитъ дорога на Гумры, раскинулся обширный кавалерійскій станъ, въ которомъ насчитывали до пяти тысячъ конницы, подъ начальствомъ брата эриванскаго сардаря, знаменитаго въ Азіи наѣздника Гассанъ-Хана.

Помимо численнаго превосходства, въ особенности конницею, эта персидская армія имѣла то огромное преимущество, что была сосредоточена, тогда какъ русскія войска были разбиты на мелкіе отряды, необходимые для охраны отдѣльныхъ мѣстностей, такъ что персіяне могли по произволу ударить на любой пунктъ нашего расположенія, нигдѣ не рискуя встрѣтиться съ значительными силами. Татары,

составлявшіе хотя меньшую, но за то болѣе воинственную часть населенія Бомбака и Шурагеля, съ своей стороны готовились къ борьбѣ,—чаще и чаще происходили ихъ ссоры съ армянами. Армяне, боявшіеся разгрома своихъ ауловъ, также волновались, настоятельно прося у начальства ружей и пороха. Тревога эта, впрочемъ, тамъ, гдѣ стояли русскіе отряды, смѣнялась спокойною увѣренностію, что ничего не будетъ. Въ воздухѣ чувствовалась гроза; но никто не предвидѣлъ, до какой степени разыграется, да еще и разыграется ли приближающаяся буря. Нужно думать, что не предвидѣлъ ничего и самъ Северсамидзе, увѣренный, что персіяне не осмѣлятся напасть на русскія войска, и тѣмъ болѣе внезапно, безъ объявленія войны. По крайней мѣрѣ, 15 іюля, когда онъ прибылъ въ миракскій лагерь, о какихъ-нибудь приготовленіяхъ къ военнымъ дѣйствіямъ съ его стороны не было и рѣчи. Но тутъ-то и разразился громовый ударъ.

Прежде чѣмъ начать, однако, военныя дѣйствія, сардарь еще разъ попытался лишить русскія войска ихъ предводителя, котораго считалъ противникомъ для себя весьма опаснымъ. Въ Миракѣ Северсамидзе засталъ отъ одного изъ довѣреннѣйшихъ приближенныхъ сардаря, Джафаръ-Кули-хана, письмо, въ которомъ тотъ просилъ начальника пограничныхъ войскъ прибыть для свиданія съ нимъ на назначенное мѣсто, лежавшее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ русскаго лагеря. Осторожный Северсамидзе отправился туда не одинъ, какъ дѣлывалъ прежде, а въ сопровожденіи 20 солдатъ, и нашелъ Джафара, окруженнаго также семьюдесятью всадниками. Появленіе русской пѣхоты смутило персидскаго сановника. Джафаръ до того растерялся, что, сказавъ лишь нѣсколько ничего не значащихъ словъ, поспѣшилъ уѣхать. Вслѣдъ за нимъ изъ-за кустовъ одинъ по одному стали выскакивать персидскіе всадники и, безпокойно оглядываясь на русскихъ солдатъ, уходить къ сторонѣ персидскаго лагеря. Странное явленіе это и поведеніе самого Джафара дали поводъ усомниться въ честности его намѣреній. Посланъ былъ лазутчикъ навести секретныя справки, и возвратился съ из-

вѣстіемъ, что Джафаръ пріѣзжалъ схватить или убить Северсамидзе, за голову котораго сардарь обѣщалъ три тысячи червонцевъ. Северсамидзе тотчасъ послалъ Джафару записку: «Напрасно, Джафаръ, безпокоился. Русскій государь такъ великъ, что моя смерть для него была бы равна смерти одного солдата; стало быть, о моей головѣ не стоило тебѣ и хлопотать». Весь вечеръ въ лагерѣ толковали объ этомъ странномъ происшествіи. Никому тѣмъ не менѣе и въ голову не приходило, что попытка убить Северсамидзе — только прелюдія кровавой войны, которая, начавшись у мазанокъ ничтожнаго Мирака, окончится въ стѣнахъ плѣненнаго Тавриза.

Но утро освѣтило уже кровавыя сцены войны. 16 іюля, когда солнце только что взошло, и въ русскомъ лагерѣ еще не успѣли пробить утреннюю зорю, выстрѣлы на аванпостахъ подняли на ноги весь миракскій отрядъ. Прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что большія силы пѣхоты и конницы, съ пушками, идутъ прямо на русскіе пикеты. Не зная, чему приписать внезапное наступленіе персидскихъ войскъ, Северсамидзе послалъ одного армянина съ письмомъ къ эриванскому сардарю, приглашая его остановить безпорядокъ. Персіяне схватили посланнаго, крича, что ханъ не имѣетъ нужды вести переговоровъ съ Северсамидзе, что онъ уполномоченъ Аббасъ-Мирзою очистить границы отъ русскихъ войскъ. И персидская конница кинулась на русскіе пикеты. Девять казаковъ были схвачены, татары сбиты и прогнаны.

Весь миракскій отрядъ, едва насчитывавшій въ своихъ рядахъ 650 человѣкъ при двухъ орудіяхъ, сталъ въ ружье. Къ счастію, артиллерійскія лошади были въ лагерѣ. Дѣло въ томъ, что наканунѣ, вмѣстѣ съ Северсамидзе, прибылъ въ Миракъ командиръ кавказской гренадерской артиллерійской бригады подполковникъ Долгово-Сабуровъ, чтобы произвесть здѣсь инспекторскій смотръ. Это-то обстоятельство и заставило артиллеристовъ съ вечера взять съ пастьбы въ лагерь всѣхъ своихъ лошадей—счастливая случайность, которой миракскій отрядъ обязанъ былъ спасеніемъ своихъ орудій.

Въ цѣпи, между тѣмъ, началась перестрѣлка, а за густою завѣсою персидской конницы уже двигались батальоны сарбазовъ. Северсамидзе видѣлъ, что его хотятъ втянуть въ перестрѣлку, а тѣмъ временемъ обойти и отрѣзать отъ Гумровъ. Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ снять лагерь и начать отступленіе. Тогда вся непріятельская конница, видя, что добыча уходитъ изъ рукъ ея, понеслась въ обходъ и успѣла преградить отряду путь въ тѣсномъ каменистомъ ущельѣ. Приходилось драться. Рота, шедшая въ авангардѣ подъ личною командою князя, ударила въ штыки, сбила персіянъ и открыла дорогу; но остальной отрядъ, свернувшись въ каре, уже стоялъ въ огнѣ, настигнутый персидскою пѣхотою. Быстро прискакалъ сюда Северсамидзе, осадилъ ударомъ въ штыки непріятеля и, пройдя опасное ущелье почти безъ потери (въ отрядѣ были ранены только подполковникъ Долгово-Сабуровъ и одинъ рядовой) — повернулъ на гумринскую дорогу. Три тысячи персіянъ слѣдовали за нимъ по пятамъ.

Въ тотъ же самый день, когда Северсамидзе долженъ былъ оставить Миракъ, сильныя персидскія партіи шли по направленію къ Большому Караклису и къ Балыкъ-чаю. Малочисленные и разбросанные русскіе посты, застигнутые врасплохъ, нигдѣ не могли остановить непріятеля и по необходимости должны были отступать. Небольшой казачій постъ, выставленный на урочищѣ Сатанагачѣ, былъ разбитъ, а постъ на рѣчкѣ Гамзачеванкѣ, въ 18 верстахъ отъ Большого Караклиса, совершенно вырѣзанъ. Тамъ персіяне отогнали и табунъ казенныхъ лошадей Тифлисскаго полка, изрубивъ бывшее при немъ прикрытіе; 15 обезглавленныхъ русскихъ тѣлъ, оставшихся на самомъ мѣстѣ кровавой катастрофы, показывали, что нападеніе, по всей вѣроятности, сдѣлано было на сонныхъ, и что спаслись немногіе.

Но самое сильное нападеніе было произведено со стороны Адіамака, гдѣ стоялъ братъ эриванскаго хана, Гассанъ-Ага, съ курдами и карапапахами. Пятитысячная конная партія его, перейдя въ русскіе предѣлы между горою

Алагезомъ и турецкой границей, бросилась грабить и жечь армянскія селенія по дорогѣ къ Гумрамъ. Истребляя все на своемъ пути, Гассанъ-Ага дошелъ до селенія Малый Караклисъ, лежавшаго верстахъ въ 12 отъ границы, и въ 7—8 верстахъ отъ Гумровъ. Въ Караклисѣ было до семидесяти армянскихъ дворовъ и стоялъ небольшой казачій постъ, который, не имѣя возможности уже отступить въ Гумры, отчаянно защищался вмѣстѣ съ жителями. До 30 казачьихъ лошадей и весь армянскій скотъ, ходившіе въ полѣ, были отхвачены персіянами сразу. Селеніе защищалось нѣсколько часовъ, даже женщины принимали участіе въ оборонѣ, — но наконецъ, и казаки и жители должны были уступить многочисленному непріятелю. Селеніе уничтожено было огнемъ, часть жителей истреблена, другая — угнана въ плѣнъ.

Въ Гумрахъ скоро узнали о вторженіи. Перестрѣлка, раздававшаяся весь день по окрестнымъ селеніямъ, слышна была въ крѣпости и ясно говорила о происходящемъ. Подполковникъ Дегтяревъ, стоявшій въ Гумрахъ, попытался было помочь несчастному населенію и съ ротою тифлисцевъ вышелъ по направленію къ Малому Караклису. Но на пути, навстрѣчу ему, всюду выступали сильные конные отряды враговъ, и онъ, признавъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы выдержать открытую битву, и опасаясь къ тому же возмущенія въ самыхъ Гумрахъ, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ возвратился въ крѣпость.

Путь персіянъ обозначался грудами развалинъ и воплями жителей, и они дошли до Малаго Караклиса, не встрѣтивъ никакого противодѣйствія. Было, однако, одно селеніе, по имени Харумъ, лежавшее между персидскою границею и Малымъ Караклисомъ, верстахъ въ 20 отъ Гумръ, которое уцѣлѣло въ этотъ роковой день, благодаря отважной стойкости своего юзбаши Дели-Хазара.

Повѣсть объ этой смѣлой защитѣ составляетъ исключительный эпизодъ въ кровавой драмѣ, разыгравшейся въ этомъ краѣ и внесенной въ исторію подъ именемъ «*послѣд-*

няго» персидскаго нашествія. Вотъ что разсказывалъ впослѣдствіи самъ Хазаръ.

Деревня Харумъ стояла подъ горою, усѣянной грудами строительнаго камня, которыя свидѣтельствовали о бывшемъ тутъ когда-то значительномъ поселеніи. Старожилы, дѣйствительно, говорятъ, что на этомъ мѣстѣ былъ нѣкогда большой армянскій городъ. Огромныя плиты, съ высѣченными на нихъ надписями, вдѣланныя въ церковныя стѣны, могли бы многое разсказать о былой старинѣ; но эти любопытные памятники, какъ и во всей Грузіи, еще ожидаютъ изслѣдователей. На горѣ, да и въ самомъ селеніи сохранялись старинныя полуразвалившіяся башни, на которыя никто изъ жителей не обращалъ вниманія, но которыя именно и спасли селеніе отъ общаго погрома, постигшаго всѣ сосѣднія деревни.

Персидскія войска стояли уже на границѣ, когда Хазару довелось съѣздить въ Эривань — править долгъ съ одного неисправнаго кредитора, курда. Северсамидзе далъ ему письмо къ эриванскому сардарю, котораго просилъ оказать свое содѣйствіе. Въ Эривани Хазару сказали, что сардарь выѣхалъ въ лагерь. Хазаръ отправился туда и добился-таки свиданія съ ханомъ,—очень уже любопытно было узнать послѣднему, что такое пишетъ ему врагъ его, Северсамидзе. Но когда разъяснилось, что дѣло шло о какомъ-то ничтожномъ армянинѣ, сардарь расхохотался и, призвавъ къ себѣ Хазара, много разспрашивалъ его о Дели-князѣ (бѣшеномъ князѣ), какъ звали въ Эривани Северсамидзе за его неукротимую храбрость. Въ тотъ же день, шатаясь по лагерю (это было 15 іюля, когда на жизнь Северсамидзе было сдѣлано покушеніе), Хазаръ случайно подслушалъ разговоръ, что къ вечеру поджидаютъ курдовъ и что въ ту же ночь войска пойдутъ на русскихъ. Было о чемъ призадуматься Хазару. А тутъ, какъ нарочно, подошелъ къ нему кредиторъ и сказалъ: «Послушай, Хазаръ, денегъ тебѣ я не отдамъ—не то теперь время; а вотъ тебѣ мой совѣтъ: бѣги отсюда скорѣе; тебя сочли за шпіона, и я слышалъ, какъ сардарь приказалъ надѣть на тебя желѣзный ошейникъ.

Сначала Хазаръ подумалъ было, что это простая уловка должника отдѣлаться отъ него. Однако, сообразивъ все видѣнное и слышанное, онъ, не теряя минуты, вскочилъ на коня и помчался изъ лагеря. Бѣгство его замѣтили. Поднялась тревога, и за нимъ погнались персіяне. Ночь наступила темная, а конь подъ армяниномъ былъ добрый,—и къ утру, въ то самое время, какъ подъ Миракомъ раздались первые выстрѣлы, начавшіе персидскую войну, — онъ уже былъ въ Гумрахъ. Извѣстіе, сообщенное имъ, до того показалось нелѣпымъ, что его самого приняли за неловкаго персидскаго шпіона, и гумринскій комендантъ едва не засадилъ его въ яму. Нашлись, однакоже, люди, которые знали Хазара, и онъ былъ отпущенъ.

Выпросивъ у коменданта десять солдатъ, Хазаръ, не теряя времени, поспѣшилъ въ свою деревню, поднялъ на ноги всѣхъ жителей и наскоро исправилъ одну каменную башню, укрѣпивъ ее земляными валами. Едва работы были окончены, какъ конная шайка куртиновъ налетѣла на селеніе. Видя, что оно укрѣплено и что мѣткія пули то и дѣло снимаютъ ихъ всадниковъ—куртины остановились.

Вдругъ, вижу,—разсказываетъ Хазаръ:—изъ толпы курдовъ выѣзжаетъ Халиль-ханъ, мой пріятель, съ которымъ не разъ приводилось мнѣ имѣть дѣла въ Эривани. Слышу, кричитъ курдъ, что онъ начальникъ партіи и зоветъ меня на переговоры. Я вышелъ. — Слушай, — сказалъ Халиль:— сдайся; мы не сдѣлаемъ вамъ никакого зла, а не то наши не оставятъ въ деревнѣ камня на камнѣ.

Я задумался. «Постой, — говорю: — я пойду и передамъ твои слова моимъ односельчанамъ. Захотятъ они сдаться — ихъ воля; не захотятъ,—не прогнѣвайтесь, берите силой.

Пошелъ я, а изъ моихъ земляковъ никто и слушать не хотѣлъ о сдачѣ; всѣ поклялись, что умрутъ до послѣдняго. Тогда я вошелъ въ башню и крикнулъ изъ окна, чтобы Халилъ отъѣзжалъ, не то будемъ стрѣлять.

Отъѣхалъ онъ; а минутъ черезъ десять, глядимъ, —курды

идутъ на приступъ. Халиль впереди всѣхъ, такъ и вертится на конѣ подъ самою башней. Не выдержалъ я, крикнулъ:

Послушай, Халиль-ханъ, отъѣзжай, не то будетъ плохо. Я давно бы убилъ тебя, да не хочу, помню твою хлѣбъ-соль... Не вѣришь?.. Смотри...

Я выстрѣлилъ, и Халиль покатился на-земь. Онъ-то, ничего, уцѣлѣлъ, а лошадь подъ нимъ я убилъ наповалъ.

— Вотъ видишь, — закричалъ я: — оставь же насъ въ покоѣ; все равно, мы не сдадимся, а пойдете на приступъ,— много перебьемъ вашихъ.

Нечего было дѣлать курдамъ, постояли они, постояли, да и ушли ни съ чѣмъ; потомъ ужь оглядѣлись мы, а скота да съ дюжины малыхъ ребятъ не хватаетъ, — видно, какъ-нибудь попали въ куртинскія лапы...»

Какъ только персіяне ушли, Хазаръ поспѣшилъ опять въ Гумры, чтобы выпросить на защиту деревни ружей и пороху. Но Гумрамъ уже было не до Харума: крѣпость сама съ часу на часъ должна была ожидать нападенія.

Къ вечеру 18 іюля, изъ Гумръ увидѣли на далекихъ горахъ какія-то двигавшіяся массы. Хазаръ вызвался съѣздить и узнать, русскіе ли то, или персіяне. Съ большою осторожностью пробрался онъ оврагами и увидѣлъ отрядъ Северсамидзе, приближавшійся къ Малому Караклису, который теперь лежалъ въ развалинахъ. Хазаръ пошелъ вмѣстѣ съ войсками.

Страшно было смотрѣть на Караклисъ, — разсказывалъ впослѣдствіи Хазаръ: — когда Дели-князь вошелъ въ несчастное селеніе. По улицамъ кровь, обезглавленные, еще не убранные трупы, стоны умирающихъ и вопли живыхъ, убивавшихся надъ родными мертвецами. Едва показался русскій отрядъ и впереди Северсамидзе, ѣхавшій на дрожкахъ, какъ женщины и ребятишки бросились къ нему съ упреками, что онъ не успѣлъ спасти ихъ. Ожесточеніе толпы было такъ велико, что женщины стали кидать въ князя каменьями, изъ которыхъ одинъ попалъ ему въ голову. Чтобы защититься отъ обезумѣвшаго населенія, князь спрятался подъ

экипажъ и крикнулъ Хазару: — «Да уйми же ты этихъ дураковъ! Скажи имъ, что я не виноватъ въ ихъ разореніи. Я самъ ничего не зналъ о кизильбашахъ; они, не объявляя войны, разбойнически напали на насъ, и я, какъ только управился съ сардаремъ, сейчасъ же поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Жалѣю очень, что опоздалъ, но клянусь, что отомщу за нихъ». — «Странно и смѣшно было видѣть мнѣ, — говорилъ Хазаръ: — какъ этотъ Дели-князь, богатырь и тѣломъ и душою, никогда ничего не боявшійся, спрятался подъ дрожки отъ бабъ и ребятишекъ...» Съ большимъ трудомъ растолковалъ онъ наконецъ жителямъ, въ чемъ дѣло, и нѣсколько успокоилъ ихъ.

Изъ Караклиса отрядъ двинулся въ Гумры. Онъ вступилъ въ него, однако, уже въ виду трехтысячной персидской конницы, и только послѣ шестичасовой перестрѣлки.

Одновременно съ Миракомъ персіяне напали и на Балыкъ-чай, другой передовой постъ, на озерѣ Гокчѣ. Гарнизонъ его, состоявшій изъ роты Тифлисскаго полка, подъ командою капитана Переверзева, весь первый день вторженія враговъ стоялъ въ огнѣ жаркой перестрѣлки, а 17-го числа, съ самаго утра, непріятель повелъ уже серьезное нападеніе. Подавляемый силою, отрядъ вынужденъ былъ начать отступленіе къ Делижанскому ущелью; но на дорогѣ онъ встрѣтилъ шедшую къ нему на подмогу татарскую конницу и предписаніе Северсамидзе — отстаивать постъ до послѣдней возможности. Онъ повернулъ назадъ и занялъ опять свое мѣсто. Непріятель понесъ въ этотъ день большія потери; онъ могъ бы быть и совершенно оттѣсненъ отъ поста, если бы только находившіеся близъ Балыкъ-чая на кочевьяхъ казахскіе татары исполнили свой долгъ и послѣдовали бы за русскимъ приставомъ, надворнымъ совѣтникомъ Снѣжевскимъ; но всѣ увѣщанія послѣдняго остались напрасными: татарскія дистанціи показывали уже явную наклонность къ возмущенію, и ихъ кочевья мало по малу перебрались къ персіянамъ.

А 19 іюля война началась уже на границѣ Карабага.

Такъ совершилось внезапное вторженіе персіянъ въ русскіе предѣлы, безъ соблюденія даже первѣйшихъ законовъ международнаго права, безъ объявленія войны и въ то время, когда русскій посолъ былъ въ Тегеранѣ для улаженія всѣхъ спорныхъ вопросовъ между государствами, теперь вступавшими въ войну. Бѣдствія, нанесенныя разбоями персіянъ безоружному населенію, были ужасны. Офиціальные источники того времени говорятъ, правда, что, при всей стремительности внезапнаго нападенія, персіяне успѣли увести въ плѣнъ не болѣе девятисотъ душъ армянъ — цифра все-таки страшная,—а что остальные успѣли спастись; но современники-очевидцы говорятъ нѣчто иное. По ихъ словамъ, въ одномъ только Маломъ Караклисѣ непріятель захватилъ до тысячи двухсотъ душъ, вырѣзавъ большую часть остального населенія, а въ другихъ деревняхъ, сверхъ тысячи плѣнныхъ, захватилъ многочисленныя стада. Началось поголовное бѣгство жителей: одни уходили въ Безобдалъ, въ Джалалъ-Оглы и Гергеры, на Лорійскую степь; другіе искали спасенія въ предѣлахъ сосѣдней Турціи. Не лишнее сказать, что въ Турцію же ушла и деревня Харумъ, предводимая Хазаромъ. Впослѣдствіи, по окончаніи войны, она воротилась на старое пепелище, но имя ея навсегда исчезло съ карты края: жители въ честь своего отважнаго старшины, назвали новое поселеніе Хазаръ-Абадомъ, и имя это деревня сохраняетъ понынѣ.

Не счастливѣе отозвалось внезапное нападеніе и на войскахъ русскихъ, — война началась для нихъ общимъ отступленіемъ. Въ историкахъ того времени замѣчается склонность приписывать бѣдствія, постигшія тогда край, винѣ Северсамидзе. Грузинъ по происхожденію, отлично знавшій туземные языки и характеръ населенія, онъ — говорятъ — имѣлъ возможность наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось въ Эриванскомъ ханствѣ, и знать о сборѣ персіянъ на границѣ; а между тѣмъ никакихъ мѣръ ни къ сосредоточенію войскъ, ни къ лучшему обезпеченію русскихъ постовъ имъ принято не было: онъ далъ захватить себя совершенно врасплохъ и

позволилъ персіянамъ «одержать успѣхи, не соотвѣтствовавшіе ни свойствамъ непріятеля, ни своей извѣстной боевой репутаціи.»

Сосредоточь только Северсамидзе весь свой отрядъ, — говорятъ обвинители: — и подъ ружьемъ у него оказалось бы до трехъ тысячъ храбрыхъ кавказскихъ солдатъ, — сила, съ которою за 15—20 лѣтъ назадъ тотъ же Северсамидзе ходилъ противъ огромныхъ персидскихъ и турецкихъ полчищъ. Но эта сила переставала быть силой, когда, раздробленная на части, она засѣла въ укрѣпленіе, вынужденная безпомощно смотрѣть на то, какъ гибла страна, пылали деревни и кровь текла повсюду. Это тѣмъ справедливѣе, — прибавляютъ они: — что обвинять войска ни въ чемъ невозможно. Только обстоятельства вынуждали ихъ отступать, но они въ высшей степени проникнуты были воинственнымъ духомъ; въ рядахъ ихъ было много сподвижниковъ Карягина и Котляревскаго, горѣвшихъ нетерпѣніемъ вступить въ рѣшительный бой съ врагами, знакомыми имъ, и поучить молодыхъ, какъ надо управляться въ битвахъ съ персіянами. И они дрались, какъ львы, подавляемые только массами враговъ.

Не нужно, однако, забывать, что близость войскъ эриванскаго сардаря, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, естественно и просто могла быть почтена демонстраціей, имѣвшей цѣлью склонить ходъ переговоровъ въ пользу Персіи, и ни въ какомъ случаѣ не давала повода подозрѣвать въ персіянахъ намѣреніе, разбойнически и съ крайнею опасностію для самой же Персіи, напасть на Россію. Недаромъ Нессельроде не могъ даже и представить себѣ подобнаго неблагоразумія со стороны шаха, въ противоположность опасеніямъ Ермолова.

Съ другой стороны, Северсамидзе имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма недостаточное количество войскъ, особенно подвижной кавалеріи, чтобы оказать серьезное сопротивленіе коннымъ массамъ персіянъ. Сосредоточить весь свой отрядъ въ одинъ какой-либо пунктъ безъ достаточныхъ основаній, безъ предположенія о немедленномъ открытіи воен-

ныхъ дѣйствій, значило бы не только открыть границы для разбоевъ пограничныхъ кочевниковъ Персіи и Турціи, но и подвергнуть всю страну опасности внутреннихъ смутъ и возстанія мусульманъ. Противъ этого находятъ возраженіе въ томъ, что во всей странѣ мусульманское населеніе было въ меньшинствѣ. Въ Шурагелѣ, напр., въ его 16 селеніяхъ, на 547 армянскихъ дворовъ считалось только 176 татарскихъ, а въ Бомбакахъ, въ 22 селеніяхъ, на 547 дворовъ первыхъ приходилось 208 послѣднихъ. Въ общемъ татары, такимъ образомъ, составляли, значитъ, около трети жителей. Но христіанское населеніе состояло изъ мирныхъ гражданъ, въ то время, какъ каждый татаринъ былъ прирожденный воинъ, и возмущеніе этой воинственной трети населенія могло бы нанести несравненно страшнѣйшія бѣдствія для страны, чѣмъ какія нанесло вторженіе персіянъ, при охранѣ ея русскими отрядами.

Традиціонное обвиненіе Северсамидзе и Ермолова далеко не согласно съ фактами. Неудачи, постигшія русскія войска, конечно, давали къ нему поводъ, которымъ и воспользовался вполнѣ Паскевичъ, положившій начало пристрастному отношенію къ событіямъ тогдашняго времени. Но неудачи являлись необходимымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, возникшихъ не по винѣ Ермолова. Императоръ Николай изъ ряда фактовъ вывелъ впослѣдствіи совершенно справедливое заключеніе, «что персіяне русскихъ превосходствомъ силъ одолѣвали»; но это заключеніе само собою и опровергаетъ упрекъ Ермолову, что не было сдѣлано «никакихъ приготовленій къ предвидѣннымъ военнымъ обстоятельствамъ», особенно послѣ того, какъ всѣ представленія его о возможности войны и необходимости усилить Кавказскій корпусъ были почтены незаслуживающими вѣры. Ему помѣшали укрѣпить даже ничтожный Миракъ, не говоря уже о движеніи на границу новыхъ войскъ, которое было бы принято прямо вызовомъ войны со стороны Ермолова. И Ермоловъ имѣлъ полное право писать къ государю, что «репутація его не должна терпѣть или отъ неблаговоленія къ нему лично министра,

или отъ совершеннаго невѣжества этого министра относительно дѣлъ здѣшней страны и Персіи». Возможность войны, вопреки донесеніямъ съ мѣста, отвергалась въ Петербургѣ до самаго момента ея, почему и не слѣдуетъ обвинять въ непредусмотрительности и неподготовленности тѣхъ, кто все предвидѣлъ и только не могъ воспользоваться своею предусмотрительностію.

Такимъ образомъ, несчастное начало персидской войны было скорѣе и болѣе всего результатомъ недовѣрія къ Ермолову.

III.

На эриванской границѣ.

Первыя извѣстія о вторженіи персіянъ со стороны Эривани, Ермоловъ получилъ въ Тифлисѣ 18 іюля двадцать шестого года. Была ли это настоящая война, или только пограничное столкновеніе по недоразумѣніямъ — оставалось для него при тогдашнихъ обстоятельствахъ открытымъ вопросомъ. Извѣстіе было тѣмъ тревожнѣе, что оно шло не отъ Северсамидзе, какъ начальника пограничнаго края, а отъ командовавшаго артиллерійскою ротою въ Большомъ Караклисѣ подполковника Флиге, писавшаго къ тому же въ своемъ донесеніи, что о Северсамидзе, находившемся въ Миракѣ въ самый моментъ нападенія, персіянъ на это урочище—нѣтъ никакихъ извѣстій.

Ермоловъ отправилъ къ Северсамидзе немедленно приказаніе удерживать только Большой Караклисъ, чтобы не оставить врагамъ свободный входъ черезъ ущелье въ Бом-

бакскую область, да Балыкъ-чай, на Гокчѣ, защищавшій путь въ татарскія дистанціи; въ Гумрахъ же оставить только двѣ роты карабинернаго полка налегкѣ, а всѣ тяжести и пушки перевезти изъ него въ Большой Караклисъ. Въ то же время, безпокоясь за судьбу Северсамидзе, онъ приказалъ командиру карабинернаго полка, полковнику Муравьеву, немедленно ѣхать въ Большой Караклисъ и, если Северсамидзе тамъ нѣтъ, вступить въ командованіе его войсками. А на другой день, 19 іюля, озабоченный тревожнымъ положеніемъ дѣлъ на эриванской границѣ, Ермоловъ двинулъ изъ Бѣлаго Ключа на Каменную рѣчку сводный батальонъ изъ двухъ ротъ карабинернаго и двухъ ротъ 41 егерскаго полковъ, съ четырьмя орудіями—лично назначивъ командовать этимъ отрядомъ маіора Кошутина, котораго онъ зналъ, какъ одного изъ лучшихъ штабъ-офицеровъ Кавказскаго корпуса.

Северсамидзе получилъ между тѣмъ предписаніе Ермолова въ Гумрахъ, когда кругомъ, по всей странѣ, ходили огромныя толпы персидской конницы. Онъ не рѣшился, среди очевидныхъ опасностей, перевозить въ Караклисъ громоздкіе обозы, и, вопреки приказаніямъ Ермолова, оставилъ ихъ въ Гумрахъ съ двумя карабинерными ротами и четырьмя орудіями, подъ командой флигель-адъютанта полковника барона Фридрикса; самъ же съ остальными ротами перешелъ въ Большой Караклисъ, гдѣ, такимъ образомъ, и сосредоточилось почти два батальона Тифлисскаго пѣхотнаго полка. Непріятель, замѣтивъ это передвиженіе, тотчасъ обложилъ Гумры тѣсною блокадою. Война приняла со стороны русскихъ войскъ рѣзко оборонительный характеръ. Отряды стояли на своихъ постахъ, защищаясь отъ вражескихъ нападеній и отказавшись отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій. Персіяне, съ своей стороны, наводнили большими конными партіями пограничныя провинціи; всѣ сообщенія между Амамлами, Караклисомъ, Бекантомъ, Гумрами и Гергерами были перерваны.

Въ дѣйствіяхъ персіянъ, къ счастію, не оказалось, однако, ни энергіи, ни рѣшительности. Если они еще и могли коле-

баться напасть на Караклисъ, гдѣ собраны были сравнительно значительныя силы, то небольшіе посты въ Балыкъчаѣ, Амамлахъ, Бекантѣ и Гергерахъ были настолько слабы, что не могли бы устоять противъ энергическаго нападенія многочисленнаго непріятеля. А въ случаѣ ихъ взятія положеніе Караклиса и Гумровъ становилось также почти безнадежнымъ. «Въ такомъ положеніи,—говоритъ самъ Ермоловъ въ одномъ изъ своихъ донесеній: — не трудно было персіянамъ каждый изъ постовъ преодолѣть поодиночкѣ». И тѣмъ не менѣе почти вся вторая половина іюля прошла, а ни одинъ изъ постовъ взятъ персіянами не былъ.

Разбросанность русскихъ войскъ теперь становилась важною и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе опасною ошибкою. Окруженные плотною стѣною персидскихъ отрядовъ посты перестали быть полезными для защиты края, а каждая попытка выйти изъ блокады оканчивалась бѣдою. Извѣстенъ цѣлый рядъ событій, показывающій до какой степени было фальшиво положеніе войскъ въ Бомбакахъ и Шурагелѣ.

26 іюля, русскій отрядъ въ 166 человѣкъ Тифлисскаго полка шелъ къ Балыкъ-чаю, прикрывая отправленный туда изъ Караклиса артиллерійскій транспортъ. Его встрѣтилъ сильный отрядъ персидской пѣхоты и преградилъ ему путь. Командовавшій тифлисцами штабсъ-капитанъ Воронковъ смѣло повелъ роту въ штыки и сбилъ персіянъ. Но на подмогу къ нимъ немедленно явилась многочисленная конница, и атаковала отрядъ со всѣхъ сторонъ. Тифлисцы мужественно отражали нападенія, но идти дальше, подъ постоянными натисками враговъ, не могли,—и Воронковъ рѣшился свернуть съ дороги въ право къ густому лѣсу, чтобы укрѣпиться въ его опушкѣ. Но и къ лѣсу путь перегражадался сильною толпою непріятельской кавалеріи. Смѣлый натискъ въ штыки заставилъ ее, однакоже, раздвинуться. Но едва Воронковъ вступилъ въ лѣсную опушку, какъ безмолвный дотолѣ лѣсъ вдругъ оживился, — и рота тифлисцевъ была со всѣхъ сторонъ охвачена тысячнымъ батальономъ сарбазовъ. Условія борьбы становились слишкомъ неравными. Не желая помра-

чить славы стараго Тифлисскаго полка, русскіе солдаты держались до тѣхъ поръ, пока не истратили всѣхъ своихъ патроновъ. Тогда они бросились въ штыки — и, подавленная многочисленнымъ врагомъ, рота погибла. Храбрый Воронковъ, тяжело израненный, былъ взятъ въ плѣнъ; поручику Попову и инженерному прапорщику Хрупову персіяне отрѣзали головы. 113 человѣкъ геройскою смертію запечатлѣли подвигъ, который Тифлисскій полкъ съ гордостью внесъ въ свою боевую хронику. Сорокъ человѣкъ, однако, штыками проложили себѣ дорогу въ чащу лѣса и поодиночкѣ пробрались въ Караклисъ вѣстниками гибели своихъ храбрыхъ товарищей. Въ плѣнъ, кромѣ Воронкова, попали только 17 человѣкъ, но всѣ тяжело израненные.

Причину этого несчастія приписываютъ измѣнѣ казахскихъ татаръ, которые, указавъ Воронкову ложный путь, навели его прямо на непріятеля, при чемъ часть ихъ обратила оружіе противъ отряда, въ то время какъ остальные ускакали при первыхъ выстрѣлахъ.

Въ тотъ же самый день неудача постигла другой русскій отрядъ, — на Лорійской степи, гдѣ татарское населеніе, составлявшее ничтожное меньшинство, показывало, однакоже, склонность къ возмущенію.

Дѣло было такъ:

Изъ одной тамошней армянской деревни Северсамидзе дали знать, что нѣсколько татаръ приготовляются бѣжать и присоединиться къ персіянамъ. Северсамидзе съ вечера отправилъ туда 30 человѣкъ Тифлисскаго полка и 60 конныхъ армянъ, подъ командою поручика Мочабѣлова, приказавъ непремѣнно привести бѣглецовъ вмѣстѣ съ семействами къ Караклису. Татары встрѣтили Мочабѣлова, повидимому, совершенно спокойно; они просили его размѣстить солдатъ по квартирамъ и даже предлагали радушное угощеніе, обѣщая, что утромъ, вмѣстѣ съ семьями, охотно пойдутъ въ Караклисъ. Мочабѣловъ, опасаясь измѣны, не принялъ предложенія татаръ и сталъ бивуакомъ въ полуверстѣ отъ деревни. Осторожность оказалась не лишнею. Едва начало свѣтать,

какъ на деревню нагрянула персидская конница. Отряду пришлось засѣсть въ камыши и отстрѣливаться. Самъ Мочабѣловъ былъ раненъ въ руку и въ бокъ; одинъ унтеръ-офицеръ убитъ; а пока тянулась перестрѣлка, татары собрались въ путь,—и персидскій отрядъ увелъ ихъ съ собою.

28 числа, новое происшествіе. Рано утромъ въ Караклисъ дали знать, что небольшой отрядъ персіянъ ведетъ партію татаръ къ Камамламъ. Князь немедленно выступилъ самъ съ небольшою командой въ селеніе Кишлакъ, миновать который персіянамъ было нельзя. Съ дороги онъ отдѣлилъ 30 человѣкъ солдатъ и 50 борчалинскихъ татаръ, подъ командой подпоручика князя Чавчавадзе, на Безобдалъ, чтобы зайти персіянамъ въ тылъ, а самъ остался всего съ 70 солдатами при одномъ орудіи. Скоро Северсамидзе убѣдился, что ему придется имѣть дѣло не съ ничтожнымъ отрядомъ: огромныя толпы персидской конницы, подвозившія съ собою и пѣшихъ сарбазовъ, спускались съ горъ къ Кишлаку. Князь началъ ретироваться, но и отступать приходилось уже съ боемъ. Персіяне преслѣдовали его до самаго Караклиса и сожгли нѣсколько копенъ хлѣба и хуторъ всего въ верстѣ отъ укрѣпленія. Кишлакъ также былъ преданъ огню.

А между тѣмъ команда Чавчавадзе, посланная въ тылъ непріятелю, поднялась на Безобдалъ; но тутъ она очутилась лицомъ къ лицу съ персидскою конницей и въ жаркой схваткѣ была истреблена. Ночью въ Караклисъ прискакалъ только самъ Чавчавадзе съ девятнадцатью татарами, — всѣ остальные погибли.

На слѣдующій день новая тревога вызвала Северсамидзе опять изъ Караклиса. На этотъ разъ силы непріятеля были еще значительнѣе: конный двухъ-тысячный персидскій отрядъ спускался передъ нимъ прямо съ Безобдала, отъ Лори; другая конная же партія стояла на дорогѣ отъ Безобдала къ Кишлаку, а окрестныя возвышенности были усѣяны пѣшими сарбазами. Князь снова отошелъ къ Караклису, который сталъ приводить въ оборонительное состояніе.

Положеніе русскихъ войскъ въ Бомбакѣ и Шурагели становилось, такимъ образомъ, все затруднительнѣе и затруднительнѣе: удерживать отдѣльные посты было невозможно,—и первымъ сданъ персіянамъ постъ Балыкчайскій. Когда дошла туда вѣсть объ истребленіи отряда Воронкова и захватѣ персіянами шедшаго съ нимъ артиллерійскаго транспорта, въ которомъ постъ такъ нуждался,—храбрый капитанъ Переверзевъ, не имѣя чѣмъ защищаться, приказалъ готовиться къ отступленію. Въ ночь на 28 іюля, подъ шумныя пированія персіянъ, праздновавшихъ гибель Воронковскаго отряда, какъ большую побѣду, Балыкчайскій гарнизонъ тихо вышелъ съ поста и, счастливо пробравшись мимо непріятеля, ушелъ въ Караклисъ.

Съ паденіемъ Балыкчайскаго поста, входъ въ татарскія дистанціи былъ открытъ, и непосредственнымъ результатомъ этого было явное возстаніе казахскихъ татаръ, такъ что приставъ ихъ, Снѣжевскій, едва успѣлъ спастись, и то благодаря лишь нѣсколькимъ преданнымъ ему армянамъ. Открыто измѣнили Россіи Борчала, Шамшадиль и Елизаветполь; Шуша была въ блокадѣ, ходили слухи о колебаніи умовъ въ Дагестанѣ, о возмущеніи джарцевъ, о значительныхъ сборахъ турецкихъ войскъ въ Анапѣ, Поти и Ахалцыхѣ; русскій посолъ, какъ стало извѣстно, задержанъ въ Эривани. Всѣ подобные факты, слухи и извѣстія усложняли и безъ того критическое положеніе дѣлъ. Защищать опорные пункты Бомбака и Шурагеля, рискуя разрозненностью войскъ, которою могъ воспользоваться непріятель, послѣ сдачи Балыкчая стало и невозможнымъ, и ненужнымъ. Ермоловъ рѣшилъ отвести войска за Безобдалъ, съ тѣмъ, чтобы соединить ихъ въ Гергерахъ и Джалалъ-Оглы, на рѣчкѣ Каменкѣ, и тѣмъ прикрыть Грузію.

Каменка, окрещенная такъ русскими, называлась прежде Джалалъ-Оглы-Чай, но нынѣ даже туземцамъ извѣстна подъ русскимъ именемъ,—до такой степени оно пристало къ ней. Образуемая соединеніемъ въ Мокрыхъ горахъ двухъ горныхъ потоковъ, Джилги и Черной, и пересѣкая степь на протяже-

ніи 24 верстъ, она, до самаго впаденія въ Бомбакъ, почти недоступна для переправы, по чрезвычайной высотѣ и крутизнѣ своихъ береговъ. Представьте себѣ глубокую скалистую трещину, по дну которой съ быстротою каскада разливается по камнямъ и рокочетъ горная рѣчка. Чтобы перейти эту пропасть, болѣе чѣмъ въ тридцать саженъ глубиною, надо спускаться извилистой тропой почти по отвѣсной стѣнѣ, съ тѣмъ, чтобы, пробравшись съ неимовѣрными трудностями черезъ быструю рѣчку, снова карабкаться уже вверхъ на такую же стѣну, усѣянную торчащими изъ нея большими и малыми каменьями. Эта глубокая пропасть посреди совершенно ровной мѣстности выдолблена въ каменистомъ грунтѣ въ теченіе многихъ вѣковъ быстротою горныхъ водъ и поражаетъ глазъ. На единственно удобномъ для переправы мѣстѣ черезъ эту рѣчку, на равнинѣ, почти у самой подошвы Безобдальскаго хребта, и лежитъ урочище Джалалъ-Оглы, названное такъ, если вѣрить старожиламъ-армянамъ, по имени жившаго здѣсь когда-то въ стародавніе годы татарскаго наѣздника, надолго заронившаго въ народѣ память о себѣ. Занявъ этотъ важный стратегическій пунктъ, русскія войска владѣли ключемъ, запиравшимъ входъ въ Грузію.

Но и отступленіе за Безобдалъ, на этотъ важный пунктъ, совершилось не безъ препятствій, такъ какъ отряды, охранявшіе посты въ Бомбакахъ, совершенно лишены были свободы дѣйствій, и самыя предписанія Ермолова перехватывались персіянами. Такъ именно случилось въ Гумрахъ, куда два предписанія его объ отступленіи вовсе не дошли. А положеніе гумринскаго гарнизона, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ становилось труднѣе. Въ этой крѣпости, имѣвшей большое стратегическое значеніе при каждой войнѣ съ персіянами и турками, вовсе не было заготовлено провіанта, и скуднаго количества хлѣба, найденнаго въ его магазинахъ, не хватило даже на двѣ недѣли для продовольствія двухъ карабинерныхъ ротъ. Солдаты голодали. Къ счастію, именно то обстоятельство, что персіяне перехватили ермоловскія предписанія, и послужило въ ихъ пользу. Непріятель, справед-

ливо разсчитавъ, что русскій гарнизонъ не оставитъ крѣпости безъ приказанія,—ослабилъ блокаду. Солдаты воспользовались этимъ и стали производить фуражировки: они выходили по ночамъ на прилегавшія къ крѣпости обывательскія поля и собирали съ нихъ хлѣбъ, достаточный, по крайней мѣрѣ, для ихъ дневного пропитанія. Такъ изо дня въ день и перебивался гумринскій гарнизонъ.

Ночью на 31 іюля, въ крѣпость пробрался, наконецъ, лазутчикъ и доставилъ Фридриксу третье предписаніе Ермолова объ отступленіи. Ночь случилась темная; — страшная буря съ грозой и ливнемъ разразилась надъ окрестностью. Въ эту-то ночь небольшой русскій отрядъ, оставивъ въ укрѣпленіи всѣ лишнія тяжести,—и тѣмъ не менѣе все-таки съ обозомъ въ 1.200 арбъ,—приготовился къ отступленію. Въ непроницаемой тьмѣ, при грозномъ завываніи бури и раскатахъ грома, осторожно двинулись войска за проводникомъ, который благополучно и провелъ ихъ мимо персидскихъ карауловъ. Безпечность непріятеля была такъ велика, что отступленіе русскихъ было замѣчено только тогда, когда отрядъ былъ уже далеко и миновалъ самые опасные горные проходы. Онъ отошелъ уже верстъ 20, когда его арьергардъ былъ, наконецъ, настигнутъ непріятелемъ. Трудно сказать, удалось ли бы двумъ истощеннымъ ротамъ отстоять громадный обозъ, если бы нежданно-негаданно не появился на помощь свѣжій батальонъ съ четырьмя орудіями.

Это былъ тотъ самый батальонъ, который послалъ Ермоловъ еще 19 іюля, подъ начальствомъ маіора Кошутина, на помощь войскамъ эриванской границы.

Достигнувъ Каменной рѣчки, Кошутинъ получилъ обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ по ту сторону Безобдальскихъ горъ, и, бросивъ въ Джалалъ-Оглы обозъ, двинулся дальше. И днемъ, и ночью, останавливаясь лишь на короткіе привалы, шелъ онъ на выручку осажденнымъ однополчанамъ въ Гумрахъ,—и поспѣлъ какъ разъ во-время. Прибытіе свѣжаго батальона заставило непріятеля остано-

виться. Отрядъ не потерялъ изъ огромнаго обоза ни одной арбы и, присоединивъ къ себѣ по дорогѣ посты, стоявшіе въ Бекантѣ и Амамлахъ, благополучно пришелъ въ Большой Караклисъ.

Такимъ образомъ, всѣ войска, защищавшія Бомбакскую провинцію, соединились въ Караклисѣ съ тѣмъ, чтобы всею массою передвинуться за Безобдалъ. Князь Северсамидзе, однакоже, не буквально исполнилъ приказаніе Ермолова; онъ отправилъ двѣ роты егерей съ двумя орудіями занять перевалъ на Безобдалѣ, двѣ роты со взводомъ артиллеріи — въ Гергеры, двѣ роты, съ большею частію казачьяго полка и также съ двумя орудіями, — въ Джалалъ-Оглы, а самъ съ остальными войсками держался еще за Безобдаломъ: три роты съ тремя орудіями стояли въ Кишлакѣ, шесть ротъ, съ семью орудіями, казачьей сотней и конною армянскою милиціею, занимали Большой Караклисъ. Желаніе сохранить полковыя строенія, воздвигнутыя въ Большомъ Караклисѣ многолѣтними трудами солдатъ, заставило князя медлить отступленіемъ; онъ еще надѣялся, что высшее начальство, узнавъ о совершенной безопасности, въ которой находились войска въ Караклисѣ, перемѣнитъ намѣреніе оставить это селеніе— послѣдній пунктъ, оставшійся въ рукахъ русскихъ въ провинціяхъ Бомбакской и Шурагельской.

Это заставило Ермолова послать новое предписаніе: — отступать немедленно и стать въ оборонительное положеніе на Каменной рѣчкѣ, укрѣпивъ, насколько позволятъ средства и время, Гергеры и Джалалъ-Оглы. «Вы держитесь за Безобдаломъ — писалъ онъ къ Северсамидзе: — и не видите въ томъ вашей непростительной вины: вы разбросали войска, когда надо имѣть ихъ вмѣстѣ и на крѣпкой позиціи».

Послѣ этого предписанія, войскамъ приказано было готовиться къ отступленію. Вѣсть объ этомъ быстро облетѣла окрестности, и всѣ армянскія селенія, еще остававшіяся въ Бомбакахъ, покинувъ скотъ и имущество на разграбленіе персіянамъ, массами бросились или въ Турцію, или, кто могъ это сдѣлать, подъ прикрытіе караклисскаго отряда.

9-го августа, предавъ огню всѣ полковыя строенія и вещи, которыхъ нельзя было забрать съ собою, и прикрывая громадный войсковой и обывательскій обозы, войска потянулись изъ Караклиса къ Безобдалу. Персидская конница, кружившаяся все время около Караклиса, видя отступающія русскія войска, подняла радостную джигитовку. Полковникъ Муравьевъ не могъ стерпѣть этого торжествующаго ликованія врага; онъ разсыпалъ стрѣлковую цѣпь, и «мѣткіе выстрѣлы карабинеровъ охладили дикіе порывы всадниковъ.» Джигитовка стоила персіянамъ болѣе 30 человѣкъ убитыми. Съ отступленіемъ Северсамидзе Бомбакская долина и Шурагель совершенно переходили во власть персіянъ; но эти провинціи представляли собою теперь мертвую пустыню, усѣянную слѣдами еще недавно процвѣтавшей здѣсь мирной жизни, и только военные клики бродящихъ по мѣстамъ персидскихъ шаекъ нарушали безмолвіе опустѣлой страны.

Былъ уже поздній часъ вечера, когда авангардъ и головныя части колонны поднялись на Безобдалъ; но огромный обозъ, конвоируемый остальными войсками, растянулся на нѣсколько верстъ и, застигнутый темною ночью въ горныхъ ущельяхъ, вынужденъ былъ заночевать въ виду непріятеля. Положеніе являлось въ высшей степени опаснымъ. Къ счастію, персіяне не рискнули на ночное нападеніе и ограничились только ружейными выстрѣлами, которые, въ темнотѣ, не причинили никакого вреда.

10-го августа послѣдняя русская повозка перевалила за хребетъ, и войска заняли Гергеры и Джалалъ-Оглы. Такимъ образомъ здѣсь сосредоточилось 15 ротъ пѣхоты, 16 орудій и казачій полкъ; особо, въ видѣ резерва, обезпечивая сообщеніе съ Тифлисомъ черезъ Акзабіюкскія горы, расположился батальонъ Херсонскаго полка съ 4 орудіями. Войска вздохнули свободно. Передъ ними, верстахъ въ 10, вставалъ заоблачный, серебристый хребетъ Безобдала, за ними — разстилалась роскошная Лорійская степь, уже тогда довольно

густо населенная армянами, выходцами изъ Турціи и Эриванскаго ханства.

Быстро закипѣла постройка Джалалъ-Оглынскаго укрѣпленія. А непріятель, между тѣмъ, подвигался впередъ и поставилъ свои передовые посты на вершинахъ Безобдала. Персіяне, конечно, не могли предпринять ничего серьезнаго противъ сильнаго русскаго отряда, стоявшаго въ крѣпкой позиціи, но мелкія партіи ихъ, то спускаясь на прямикъ со скалъ Безобдала, то перебираясь черезъ Мокрыя горы тревожили Лорійскую степь. Не разъ борчалинскіе татары, изъ тѣхъ, что находились въ персидскомъ станѣ, пытались пробираться къ своимъ иноземцамъ, чтобы доставить имъ возмутительныя прокламаціи эриванскаго сардаря. Одинъ изъ такихъ шпіоновъ былъ пойманъ армянами въ самыхъ окрестностяхъ Джалалъ-Оглы и повѣшенъ.

Еще войска не успѣли установиться лагеремъ, а казаки имѣли уже небольшую схватку съ куртинскою конницею. 11 августа, часовъ въ 10 утра, съ пикета, стоявшаго на амамлынской дорогѣ, дали знать, что показались курды. 15 казаковъ, съ маіоромъ Басовымъ во главѣ, отправились открывать непріятеля; но едва они выѣхали изъ оврага, гдѣ протекаетъ Черная рѣчка, какъ лицомъ къ лицу столкнулись съ 20 куртинскими всадниками. Курды стали подаваться назадъ. Опытный Басовъ смѣтилъ, что это не даромъ, — и въ обманъ не дался. Восточные наѣздники, превосходившіе донцовъ подвижностью и ловкостью, всегда нападали сами и, конечно, не стали бы отступать передъ малочисленнымъ противникомъ. Басовъ приказалъ казакамъ держать ухо востро и не увлекаться погонею. Казаки дѣйствовали прекрасно: едва приближались куртинцы — они бросались въ пики: поворачивали куртинцы назадъ — и казаки останавливались. Къ вечеру Басовъ отошелъ въ лагерь, потерявъ двухъ человѣкъ раненными. Позднѣе выяснилось, что въ верстахъ 10 отъ мѣста стычки, дѣйствительно, стояло въ засадѣ 500 человѣкъ курдовъ, только и ждавшихъ, чтобы казаки подальше отошли отъ лагеря.

На слѣдующую ночь—опять тревога. Необычайный шумъ и выстрѣлы въ армянскихъ аулахъ, раскинутыхъ по ту сторону рѣчки, подняли на ноги весь отрядъ. Полковникъ Муравьевъ съ ротою карабинеровъ и однимъ орудіемъ тотчасъ выступилъ изъ лагеря на помощь. Но тревога оказалась фальшивою; армянамъ представилось, что кто-то подкрадывается къ ихъ деревнямъ, и они подняли перестрѣлку.

14 числа, около полудня, персіяне, внезапно спустившись съ горъ, едва-едва не отрѣзали казачій пикетъ, стоявшій на первомъ уступѣ Безобдала. Казаки успѣли, однако, отступить къ пѣхотѣ, скрытой въ лѣсу, и курды остановились.

Всѣ подобные мелкіе случаи убѣдительно показывали, что пока непріятель будетъ держаться въ такомъ близкомъ разстояніи отъ русскаго лагеря — тревоги будутъ ежедневныя. Полковникъ Фридриксъ получилъ приказаніе сбить непріятельскіе посты съ вершинъ Безобдала. Посланная съ этою цѣлью рота въ темную ночь успѣла обойти сильный непріятельскій пикетъ съ двухъ сторонъ и, по условному сигналу, разомъ бросилась на бѣлѣвшіеся передъ нею балаганы. Ударъ пришелся, однако, въ воздухъ: балаганы оказались пустые, пикетъ былъ спущенъ гораздо ниже и при суматохѣ успѣлъ ускакать благополучно. Но тревога тѣмъ не менѣе поднялась во всемъ персидскомъ лагерѣ, дошла даже до Кишлака, и самъ Гассанъ-Ханъ, какъ говорятъ, скакалъ до Амамловъ, спасаясь отъ воображаемаго врага.

Къ бѣдствіямъ войны съ Персіей присоединились въ это время разбои со стороны турецкой границы. Первою и самою страшною жертвою ихъ стала богатая Екатеринфельдская колонія. Еще 13 августа князь Северсамидзе получилъ отъ армянъ извѣстіе, что какая-то сильная конная партія прошла отъ Мокрыхъ горъ къ сторонѣ Башкечета. Башкечетъ лежитъ уже по ту сторону Акзабіюкскихъ горъ, внѣ раіона Бомбако-Шурагельской провинціи и дѣйствій Северсамидзе.

Поэтому князь, вѣроятно, разсчиталъ, что противъ этой партіи будутъ высланы войска изъ Тифлиса, и, съ своей стороны, не принялъ никакихъ мѣръ къ ея преслѣдованію. Это оказалось ошибкою, и ошибкою, имѣвшею страшныя слѣдствія.

Тысячная партія курдовъ окружила на разсвѣтѣ 14 числа Екатеринфельдскую колонію, лежавшую въ Борчалинской дистанціи, всего въ 50 верстахъ отъ Тифлиса, и произвела въ ней ужасную рѣзню. Колонисты были, правда, снабжены отъ правительства ружьями и порохомъ, но внезапное появленіе разбойниковъ и самый видъ свирѣпыхъ курдовъ поразили такимъ ужасомъ миролюбивыхъ нѣмцевъ, что никто изъ нихъ и не пробовалъ даже защищаться. Въ офиціальныхъ донесеніяхъ значится, что въ колоніи убито было 29 человѣкъ мужчинъ и женщинъ; но по свидѣтельству миссіонера Зальцмана, очевидца кровавой ночи, было зарѣзано не менѣе 70 молодыхъ людей и стариковъ, и 140 душъ, по преимуществу женщинъ, увлечены въ неволю. Не болѣе 240 человѣкъ изъ всего населенія спаслось отъ гибели, укрывшись въ ущельяхъ и кустарникахъ по берегу Храма, но и тѣ лишились крова и имущества. Чистенькая, опрятная колонія обращена была въ пепелъ, поля истоптаны копытами куртинскихъ коней.

На другой день, 15 августа, извѣстіе объ этой катастрофѣ дошло до Тифлиса. Но высланный оттуда Донской казачій полкъ и двѣ роты пѣхоты, подъ командою полковника Костина, нашли только развалины колоніи, — и никакого другого слѣда непріятеля.

На Северсамидзе, въ глазахъ многихъ современниковъ, да и позднѣйшихъ военныхъ историковъ, съ этимъ фактомъ легло тяжелое обвиненіе въ неподаніи помощи несчастной колоніи. Но легко видѣть, что самое положеніе Северсамидзе извиняетъ, если совершенно не оправдываетъ его. Не объ одномъ только движеніи враговъ къ Башкечету онъ долженъ былъ получить въ этотъ день извѣстія, а цѣлый рядъ подоб-

ныхъ. И если уже ему приходилось бы выбирать пунктъ, на которомъ слѣдовало оказать сопротивленіе, то во всякомъ случаѣ не тотъ, который лежалъ внѣ его завѣдыванія и даже внѣ раіона военныхъ дѣйствій. Онъ долженъ былъ предоставить дѣйствовать тамъ—тамошнимъ войскамъ. Въ противномъ случаѣ, когда онъ, встревоженный нѣсколькими такими свѣдѣніями, разослалъ бы свои войска въ разныя стороны, а стоявшія передъ нимъ огромныя персидскія толпы воспользовались бы тѣмъ и нанесли его собственному, обезсиленному отряду серьезное пораженіе, — онъ также не избѣжалъ бы обвиненія. Но то было бы уже обвиненіе резонное и тяжкое, въ упущеніи изъ виду главной цѣли по поводу постороннихъ и мелкихъ случайностей.

А были между тѣмъ, и настоящіе виновные въ гибели несчастной колоніи.

Есть извѣстіе, что во время разгрома Екатеринфельда, всего въ 10 верстахъ отъ него, на Бѣломъ Ключѣ, находился батальонъ 41 егерскаго полка съ своимъ командиромъ, полковникомъ Авенаріусомъ. Онъ еще наканунѣ былъ предувѣдомленъ о готовящемся нападеніи, но также не принялъ никакихъ мѣръ къ спасенію несчастныхъ жителей. Разсказываютъ, что, уже въ самый моментъ разгрома, одинъ изъ нѣмцевъ, успѣвшихъ бѣжать, просилъ его о помощи. Командиръ Донского полка, полковникъ Леоновъ, самъ предлагалъ ему двѣсти казачьихъ лошадей, съ тѣмъ чтобы посадить на нихъ пѣхоту и вмѣстѣ съ казаками напасть на непріятеля. Авенаріусъ отклонилъ и это предложеніе, оставивъ несчастную колонію ея страшной участи.

Но въ то время, когда въ десяти верстахъ отъ мѣста катастрофы бездѣйствовали значительныя силы, была попытка помочь населенію совершенно съ другой стороны. Борчалинскій приставъ, князь Орбеліани, находился въ этотъ день въ Шулаверахъ, въ 30 верстахъ отъ колоніи, и при первомъ извѣстіи о нападеніи на нее, поскакалъ туда съ 12 грузинами. Недалеко отъ колоніи онъ былъ, однако, окруженъ куртинами. Не разсчитывая болѣе на лошадей, измученныхъ

тридцати-верстною скачкою, грузины спѣшились и заняли высоту, ограниченную съ одной стороны крутымъ лѣсистымъ обрывомъ. Отчаянно защищались здѣсь храбрецы. Но изъ двѣнадцати человѣкъ—шесть были убиты, и положеніе стало критическимъ. Къ счастію, когда куртины спѣшились и уже готовились взять позицію приступомъ, Орбеліани выстрѣломъ изъ ружья убилъ ихъ предводителя. Куртины съ воемъ бросились къ трупу, а пока его поднимали, Орбеліани съ своими грузинами спрыгнулъ въ оврагъ и скрылся въ густомъ колючемъ кустарникѣ.

Разграбленная колонія догорала, когда къ ней подошла сильная грузинская милиція. Отважный Орбеліани тотчасъ повелъ ее преслѣдовать хищниковъ. Партія была уже въ виду, и, можетъ быть, смѣлый натискъ освободилъ бы хоть нѣсколькихъ несчастныхъ плѣнныхъ, взывавшихъ о помощи; но убѣжденіе въ неодолимости куртинской конницы такъ глубоко внѣдрено было въ жителяхъ Грузіи, что Орбеліани рѣшительно ничего не могъ сдѣлать, чтобы заставить свое ополченіе броситься въ сабли.

Хищники такъ и ушли безнаказанно. Между тѣмъ, если бы Авенаріусъ воспользовался предложеніемъ Леонова, его батальонъ навѣрное успѣлъ бы отрѣзать непріятеля хотя бы въ Шиндлярахъ, куда куртины прибыли только на слѣдующій день, уже гораздо за-полдень. Обремененные добычей, они сбились ночью съ дороги, долго блуждали по дремучему лѣсу и, наконецъ, выбравшись къ селенію Квеши, опять потеряли много времени на безполезную борьбу съ горстію казаковъ. Дѣло въ томъ, что въ одной изъ каменныхъ саклей въ Квешахъ, помѣщалась команда изъ восьми донцовъ Леонова полка, оставленная здѣсь съ полковымъ имуществомъ. Курды, считая ихъ вѣрною добычею, бросились было къ дверямъ; но залпъ изъ ружей сразу обезкуражилъ нападающихъ,—они смѣшались, отхлынули назадъ, и нѣсколько труповъ осталось на мѣстѣ. Напрасно, стараясь возбудить въ себѣ остывшую храбрость, они кричали и гикали. Въ отвѣтъ имъ, изъ оконъ, превращенныхъ казаками въ бойницы, ле-

тѣли выстрѣлы, и курды одинъ за другимъ падали. Цѣлые залпы изъ сотенъ ружей не причиняли казакамъ особаго вреда, такъ какъ каменныя стѣны были прочны, и пули могли влетать лишь въ отверстія оконъ. Но въ концѣ концовъ изъ числа защитниковъ все-таки одинъ былъ убитъ и двое ранены; остальные пять поклялись другъ другу не сдаваться, пока будутъ живы. Нѣсколько часовъ, среди ночного мрака, длилась перестрѣлка. Но вотъ показался разсвѣтъ. Курды спохватились, что ихъ могутъ настигнуть русскіе отряды, и со стыдомъ отступили.

Геройская оборона въ Квешахъ представляетъ собою отраднѣйшій эпизодъ этого тяжелаго, смутнаго времени въ Кавказскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, ни въ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ, ни въ запискахъ современниковъ, не сохранилось ни одного имени изъ этой славной горсти защитниковъ, съумѣвшихъ смѣло взглянуть въ очи близкой гибели, но именно тѣмъ и избѣжавшихъ ея.

Впослѣдствіи сдѣлалось достовѣрно извѣстнымъ, что большая часть плѣнныхъ изъ Екатеринфельдской колоніи очутилась въ Ахалцыхѣ, была переслана потомъ въ Поти, а оттуда въ Константинополь и Смирну на тамошніе рынки, гдѣ окончательно и затерялся ихъ слѣдъ. Эти-то обстоятельства и выяснили вполнѣ, что нападавшая на колонію партія состояла не изъ персіянъ, а преимущественно изъ турецкихъ курдовъ, которые не преминули воспользоваться замѣшательствомъ, естественно возникшимъ въ странѣ въ первое время персидскаго вторженія.

Разгромъ нѣмецкой колоніи показалъ, какъ доступны были тогда для враговъ русскіе предѣлы, по ограниченности оберегавшихъ ихъ войскъ. Нужно сказать, что даже батальонъ Херсонскаго полка, стоявшій, какъ было сказано съ четырьмя орудіями на перевалѣ черезъ Акзабіюкъ и охранявшій сообщеніе съ Тифлисомъ, за нѣсколько дней до катастрофы получилъ приказаніе передвинуться оттуда на рѣчку Акстафу, въ Казахскую дистанцію. Батальонъ ушелъ,

а замѣстить его въ этомъ важномъ пунктѣ было не изъ чего, и тылъ джалалъ-оглынскаго лагеря былъ совершенно открытъ. Къ счастію, эриванскій сардарь, предоставивъ своей конницѣ дѣйствовать, самъ съ главными силами спокойно стоялъ около Гокчи, выжидая времени, когда Аббасъ-Мирза возьметъ Елизаветполь и оттуда поведетъ наступленіе къ Тифлису; только тогда разсчитывалъ дѣйствовать и сардарь.

А между тѣмъ конница, выдвинутая имъ на границу Самхетіи, также держала себя настолько скромно, что въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца ничѣмъ не проявила особеннаго стремленія къ какому-либо отважному, залетному набѣгу. Но примѣръ, данный турецкими курдами, и отсутствіе батальона въ Акзабіюкскихъ горахъ расшевелили наконецъ и ее: она рѣшилась съ своей стороны внести разгромъ, на Лорійскую степь, въ тылу русскаго лагеря. Это случилось 1 сентября, въ тотъ самый день, когда князь Меншиковъ, благополучно избѣгнувъ засады, прибылъ изъ Эривани въ Джалалъ-Оглы, и Гассанъ-Ханъ, не успѣвшій захватить его въ дорогѣ, разсчиталъ, что встрѣча посла и празднества, даваемыя въ честь его, отвлекутъ вниманіе русскихъ и ослабятъ ихъ бдительность. И вотъ, въ ночь на 2 число, трехъ-тысячная персидская конница спустилась съ Безобдала и пронеслась, опустошая Лорійскую степь, отъ Каменной рѣчки вплоть до горъ Акзабіюкскихъ. Тамъ, верстахъ въ шести отъ Сомійскаго поста, стояла небогатая греческая колонія, — и персіяне обрушились на нее всею своею массою. Деревня была разорена совершенно, греки частію изрублены, частію захвачены въ плѣнъ. Этой колоніи суждено было сдѣлаться послѣднею жертвою персидскаго варварства: далѣе ея нашествіе въ теченіе всей войны уже не доходило.

Нападеніе на Лорійскую степь не обошлось, однако, даромъ и персіянамъ. 2 сентября, часу въ восьмомъ утра, необыкновенный шумъ и выстрѣлы по ту сторону рѣчки возвѣстили русскимъ войскамъ, стоявшимъ у Джалалъ-Оглы, о появленіи непріятеля. Въ лагерѣ ударили тревогу. Под-

полковникъ Андреевъ съ своими казаками первый поскакалъ въ ту сторону, откуда отдавались выстрѣлы, и, съ небольшимъ въ верстѣ отъ лагеря, наткнулся на небольшую конную партію, уже возвращавшуюся съ Лорійской степи. При видѣ казаковъ, персіяне бросили было добычу. Но со стороны Акзабіюка показалась другая сильная партія, и казаки, поставленные между двухъ огней, въ свою очередь очутились въ критическомъ положеніи. Курды стремительно ударили на нихъ въ дротики. Донцы были сбиты съ поля, и въ безпорядкѣ поскакали назадъ.

Къ счастію, въ это самое время полковникъ Муравьевъ, съ тремя карабинерными ротами и двумя орудіями, уже перешелъ черезъ Каменную. При его появленіи, непріятель бросилъ казаковъ и сталъ отступать, заботясь только о томъ, чтобы сохранить отбитую добычу. Особый непріятельскій отрядъ занялъ скалистую гору, у старой церкви Матуръ, на лѣвомъ берегу рѣки Джилги, въ пяти, шести верстахъ отъ Джалалъ-Оглы, и прикрылъ отступленіе; но ему пришлось стать искупительною жертвою за кровавый набѣгъ.

Крѣпкая горная позиція непріятеля не остановила Муравьева. Рота, съ маіоромъ Кошутинымъ, пошла въ обходъ; другія двѣ — повели наступленіе съ фронта, и передъ одной изъ нихъ, 7-й карабинерной, шелъ самъ Меншиковъ, изъявившій желаніе раздѣлить опасность съ храбрыми кавказскими войсками. Одушевленные присутствіемъ посла, карабинеры ударили съ такою стремительностью, что персіяне мгновенно были сброшены съ Матурскихъ высотъ и попали на отрядъ Кошутина. Тотъ принялъ ихъ штыками — и непріятель разсѣялся въ разныя стороны. Потеря его была громадна, но за то и Лорійская степь лежала въ развалинахъ.

Свидѣтель этого боя, князь Меншиковъ съ особенною похвалою отзывается о дѣйствіи карабинеровъ. На слѣдующій день онъ выѣхалъ изъ лагеря въ Тифлисъ, и его конвоировала та же 7-я рота, съ которою онъ участвовалъ въ битвѣ.

Печальная катастрофа съ нѣмцами и греками навела

ужасъ на жителей Грузіи. Народъ изъ окрестныхъ селеній бѣжалъ въ Тифлисъ, подъ защиту войскъ; всѣ дороги были запружены подводами, да и въ самомъ Тифлисѣ горожане были неспокойны, ожидая нашествія. Повсемѣстное возбужденіе было такъ велико, что многіе бросали свои дома на произволъ судьбы, зарывали въ землю имущество и выѣзжали въ Россію. И страхъ жителей не былъ совершенно напрасенъ. Въ другой разъ персіяне могли быть умнѣе и довести опустошеніе до самыхъ воротъ Тифлиса.

Чтобы устранить возможность подобныхъ бѣдствій, изъ джалалъ-оглынскаго лагеря отдѣлены были двѣ роты, подъ командою маіора Хомутскаго, которыя вновь и заняли единственный перевалъ чрезъ Акзабіюкскія горы, извѣстный подъ именемъ «Волчьихъ Воротъ». Это—небольшое узкое ущелье, высѣченное природой въ скалѣ, саженъ въ десять длиною, къ которому по гребню хребта сходятся всѣ вьючныя дороги со стороны турецкой границы, отъ Гумръ и Ахалкалакъ. Здѣсь, даже въ мирное время, бывали нерѣдки разбои, — обстоятельство, какъ кажется, и давшее ущелью его странное имя. Въ военномъ отношеніи ворота эти представляютъ дефиле, настолко важное, что, занявъ его, можно перервать всѣ сообщенія между живущими по ту и по сю сторону горъ. Поставленный въ этомъ ущельѣ постъ опять обезпечилъ правильное сообщеніе съ Тифлисомъ, прикрылъ коренную Грузію и хоть до нѣкоторой степени успокоилъ взволнованное населеніе.

Такъ, въ бездѣйственной, но тревожной и томительной охранѣ проходовъ Безобдальскаго хребта, стоялъ русскій отрядъ въ Джалалъ-Оглы, ожидая того момента, когда дерзкій врагъ долженъ будетъ думать уже не о набѣгахъ въ глубь русскихъ владѣній, а о поспѣшномъ бѣгствѣ. Въ сосѣдней Ганжѣ это время тогда уже наступило. Громы Шамхора и Елизаветполя разсѣяли, какъ дымъ, гордыя мечтанія наслѣдника персидскаго престола и уже предрѣшили судьбу войны; скоро должно было настать такое время и для джалалъ-оглынскаго отряда.

Въ половинѣ сентября, въ лагерь на Каменную рѣчку прибылъ извѣстный генералъ Денисъ Давыдовъ, который и принялъ отъ Северсамидзе начальство надъ отрядомъ. А съ тѣмъ вмѣстѣ закончился на Эриванской границѣ и первый періодъ войны, періодъ обороны, отступленій, неудачъ и безсилія передъ внезапными и разбойнически-дерзкими набѣгами персіянъ на мирное населеніе.

IV.

Защита Шуши.

Въ половинѣ іюля 1826 года, одновременно съ вторженіемъ въ русскія границы эриванскаго сардаря, большая персидская армія, подъ главнымъ начальствомъ Аббасъ-Мирзы, быстро двигалась къ Карабагу. Въ немъ наслѣдникъ персидскаго царства разсчитывалъ найти обширную преданную ему партію, давно уже подготовляемую вліяніемъ мусульманскаго духовенства и, не менѣе того, обѣщаніями и подкупами. И онъ не ошибся. На самой границѣ его встрѣтила толпа знатныхъ татаръ, предводимая Гаджи-Агаларъ-Бекомъ, знатнѣйшимъ изъ всѣхъ, капитаномъ русской службы, владѣвшимъ обширными помѣстьями на самой границѣ Персіи.

Аббасъ-Мирза остановился въ домѣ Агалара, гдѣ шумно и торжественно отпраздновано было побѣдоносное вступленіе въ непріятельскую землю. Предвидѣлъ ли принцъ плачевные

для Персіи плоды начатой имъ войны — неизвѣстно; но съ исторіей его вступленія въ русскія границы соединилась легенда о зловѣщемъ пророчествѣ, будто бы предсказавшемъ принцу Шамхоръ и Елизаветполь со всѣми перипетіями предстоящей борьбы, — и внезапно внесшемъ въ домъ Гаджи-Агалара, послѣ радостнаго пиршества, всеобщее уныніе. Послѣ торжественнаго обѣда, разсказываетъ эта легенда, два служителя несли на головахъ остатки разныхъ яствъ, которыя поданы были принцу въ дорогихъ китайскихъ сосудахъ, уставленныхъ на двухъ большихъ серебряныхъ подносахъ. И вотъ, оба эти подноса одновременно сорвались съ головъ служитей, и вся китайская посуда разбилась вдребезги. Принцъ былъ пораженъ и втайнѣ смущенъ той странной случайностью, что два опытныхъ служителя одновременно обнаружили невѣроятную неловкость. Призванъ былъ снотолкователь, — но и онъ смутился не менѣе принца, узнавъ о случившемся. «Повелитель — сказалъ онъ наконецъ: — потеряетъ въ двухъ большихъ сраженіяхъ всю свою армію, а затѣмъ невѣрные перенесутъ свое оружіе въ Персію и истощатъ ея послѣднія силы». Принцъ пообѣщалъ предсказателю висѣлицу — и двинулъ свои войска къ Шушинской крѣпости.

Между тѣмъ въ Карабагской провинціи расположенъ былъ тогда только одинъ 42 егерскій полкъ, въ разстояніи трехсотъ верстъ отъ резервовъ и лишенный почти цѣлаго батальона, находившагося въ Ширванской и Нухинской провинціяхъ. Въ общемъ это составляло 2,700 штыковъ, при шести орудіяхъ и четырехстахъ двадцати казакахъ Молчанова полка, — сила ничтожная передъ огромною персидскою арміею.

Войсками въ Карабагской провинціи командовалъ полковникъ Іосифъ Антоновичъ Реутъ, кавказскій ветеранъ, сподвижникъ Циціанова, герой ахалкалакскаго боя (11 сентября 1810 года), памятью котораго служилъ на груди его крестъ св. Георгія.

Реутъ, которому армяне доставляли обстоятельныя свѣ-

дѣнія о сборахъ и числѣ непріятеля, давно предвидѣлъ возможность вторженія. Онъ зналъ, что, уже около мѣсяца назадъ, персидская армія начала стягиваться къ русскимъ границамъ и что Карабагъ переполненъ персидскими агентами. Реутъ доносилъ обо всемъ, что ему сообщали, въ Тифлисъ; изъ Тифлиса Ермоловъ доносилъ въ Петербургъ. Но въ Петербургѣ не ожидали войны, и донесенія оставались безъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе, въ офиціальныхъ предписаніяхъ отъ 9 и 13 іюля, Ермоловъ увѣдомлялъ Реута, что въ помощь къ нему прибудутъ двѣ роты изъ Ширванской провинціи, и предписывалъ укрѣпить полковую штабъ-квартиру Чинахчи; для защиты же Шушинской крѣпости выслать въ помощь жителямъ одну егерскую роту. Послѣднее распоряженіе Реутъ исполнилъ немедленно, но этимъ пока и ограничились всѣ мѣры къ оборонѣ страны, въ которой, въ случаѣ войны съ Персіей, надлежало ожидать появленія главныхъ силъ непріятеля.

Въ такомъ положеніи были дѣла, какъ вдругъ, 18 іюля, на границѣ неожиданно случилось слѣдующее происшествіе: Отрядъ изъ 15 казаковъ, подъ командою хорунжаго Крюкова, дѣлалъ обычный разъѣздъ по берегу Аракса. У Худоперинскаго моста онъ отдѣлилъ отъ себя патруль изъ пяти человѣкъ—осмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ на русскомъ или на персидскомъ берегу хищническихъ шаекъ. Пять казаковъ слѣзли съ лошадей и отправились пѣшкомъ. Но имъ только однимъ и суждено было уцѣлѣть изъ всего разъѣзда. Вотъ что потомъ разсказывалъ одинъ изъ нихъ: «Прошло часа два времени. Мы уже проползли камышами верстъ пятъ, какъ вдругъ, позади насъ, зачастили ружейные выстрѣлы. Прислушались, — какъ будто бы на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ остался хорунжій. Мы туда, — а на встрѣчу уже ѣдетъ человѣкъ триста персидской конницы, и въ срединѣ ихъ всѣ наши казаки, и хорунжій съ ними, — связанные... Мы назадъ, запрятались въ кусты, да такъ и просидѣли тамъ до ночи. Партія прошла мимо и потянула къ татарскимъ кочевьямъ...»

Въ этотъ день, какъ только смерклось, за Араксомъ,

гдѣ-то далеко грянулъ пушечный выстрѣлъ, а ночью разлилось по темному небу громадное зарево... То были бивуачные огни персидской арміи.

Появленіе въ Чинахчахъ этихъ пяти казаковъ, только случайности обязанныхъ своимъ спасеніемъ, вызвало общую суматоху. Командиръ казачьяго полка, взявши съ собою сотню, самъ поскакалъ на мѣсто происшествія и у Худоперинскаго моста столкнулся со всею персидскою арміею. Казаки понеслись назадъ и дали знать Реуту. Спустя два, три часа, и изъ Шуши прискакали армяне съ извѣстіемъ отъ коменданта Карабагской провинціи, маіора Челяева, что, на зарѣ 19 іюля, персіяне, въ числѣ 60 тысячъ человѣкъ, при 30 орудіяхъ, вторглись въ Карабагъ и идутъ форсированнымъ маршемъ къ Шушѣ, поднимая повсюду среди татаръ возмущеніе.

Въ распоряженіи Реута было въ этотъ моментъ всего пять ротъ егерей, такъ какъ изъ остальныхъ — одна рота стояла въ Шушѣ, а три находились въ Герюсахъ, въ гористой части Карабага, прикрывая татарскія кочевья. Чинахчи, гдѣ расположена была полковая штабъ-квартира, еще не укрѣплялась, и передъ ней не было возможности остановить непріятеля. Реуту оставалось отойти въ Шушу, и въ тотъ же день, передъ вечеромъ, двѣ роты уже выступили въ путь, оставивъ три остальныя въ Чинахчахъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ перевезены въ Шушу всѣ полковыя тяжести.

А ночью отъ Челяева прискакалъ новый гонецъ съ извѣстіемъ, что сильная персидская кавалерія и часть сарбазовъ быстро идутъ кратчайшею дорогою къ Шушѣ и передъ свѣтомъ должны уже быть на мѣстѣ, называемомъ Топъ-хана, чтобы отрѣзать Реуту путь. Челяевъ извѣщалъ, сверхъ того, что, по слухамъ, въ эту самую ночь карабагскіе татары намѣрены напасть на роты, расположенныя въ самой крѣпости.

Реутъ былъ не изъ числа тѣхъ, которые способны терять голову въ критическія минуты, но и онъ былъ смущенъ

вѣстью о приближеніи шестидесятитысячной арміи, внезапно очутившейся отъ него въ одномъ или въ двухъ переходахъ. Терять времени было нельзя, и въ ту же ночь онъ съ остальными ротами поспѣшно отошелъ въ Шушу, покинувъ Ченахчи на произволъ судьбы со всѣми находящимися въ немъ полковыми тяжестями.

Между тѣмъ, въ измѣнѣ татаръ уже не было больше сомнѣній: подъ самыми стѣнами Шуши отрядъ видѣлъ нѣсколько труповъ армянъ, а на другой день, на мельницѣ, снова убиты татарами двое солдатъ.

Нужно сказать, что крѣпость Шуша, какъ расположенная въ сторонѣ отъ дороги къ границѣ, была совсѣмъ не готова къ роли, которую ей предстояло теперь принять на себя; въ ней не было ни достаточныхъ вооруженій, ни запасовъ. Разсчитывая строить крѣпость на Араксѣ, при Асландузѣ, Ермоловъ мало обращалъ вниманія на Шушу. Онъ и не думалъ занимать ее, опасаясь именно того, что цѣлые два батальона, запершись въ ней, остались бы совершенно изолированными, тогда какъ въ общемъ планѣ дѣйствій они могли бы принести существенную пользу. И потому въ особой инструкціи полковнику Реуту предписывалось собрать войска въ Чинахчахъ, дождаться прибытія туда двухъ ротъ изъ Ширвани, усилить себя карабагскою милиціею и держаться насколько возможно въ укрѣпленной позиціи, чтобы поспѣшнымъ отступленіемъ не произвести волненія въ народѣ; если же силы непріятеля оказались бы значительными, особенно, если самъ Аббасъ-Мирза перешелъ бы границу, — въ чемъ даже Ермоловъ сомнѣвался,—то истребить всѣ тяжести и, совершенно очистивъ Карабагъ, отступать на Шахъ-Булахъ, Елизаветполь и далѣе къ Тифлису, не давая себя отрѣзать въ горахъ. Инструкція эта, написанная въ Тифлисѣ 21 іюля, слѣдовательно тогда, когда персіяне были уже въ Карабагѣ, не дошла по назначенію, — персіяне ее перехватили; а когда Реутъ получилъ дубликатъ ея, будучи въ Шушѣ, то исполнить приказаніе было уже невозможно: роты, слѣдовавшія къ нему изъ Шемахи, узнавъ

о вторженіи персіянъ, вернулись съ береговъ Куры и пошли окружною дорогою къ Тифлису, о сборѣ карабагской милиціи нечего было думать, да и дорога на Елизаветполь была уже отрѣзана.

Такимъ образомъ, приходилось защищаться въ Шушѣ, и тремъ ротамъ съ двумя орудіями, прикрывавшимъ, подъ начальствомъ подполковника Назимки, татарскія кочевья въ гористой части Карабага, послано было приказаніе поспѣшить туда же для соединенія съ полкомъ. Персіяне, чтобы не дать усилиться шушинскому гарнизону, рѣшили прежде всего помѣшать этому соединенію.

«Хотя приняли мы намѣреніе — доносилъ Аббасъ-Мирза своему родителю, шаху:—сначала идти на Шушу, но вельможи и благороднѣйшіе люди Карабага доложили намъ, что герюсскій гарнизонъ идетъ на помощь къ Шушѣ, и что если онъ туда достигнетъ, то крѣпость никогда не будетъ завоевана. Тогда мы въ ту же минуту вознамѣрились атаковать отрядъ сей и напередъ предать оный снѣденію блистательнаго меча нашего».

Отряду Назимки предстояло пасть жертвою персидскаго вѣроломства.

Селеніе Герюсы лежитъ въ глубокомъ ущельѣ. Ущелье это замѣчательно тѣмъ, что оно, какъ частоколомъ, уставлено какими-то высокими каменными столбами, вѣроятно вулканическаго происхожденія, придающими и окружающей мѣстности и самому селенію необыкновенно своеобразный характеръ, единственный даже въ прихотливыхъ горахъ Кавказскаго края. Самые Герюсы съ своими красивыми саклями и башнями, съ своею армянскою часовнею и водяною мельницею на гремучемъ потокѣ, осѣненномъ развѣсистыми чинарами, расположены амфитеатромъ на террасахъ крутого спуска въ Герюсское ущелье. Такимъ образомъ мѣстность эта, красивая и оригинальная, чрезвычайно удобна для обороны. Но ничтожный отрядъ всетаки былъ безсиленъ передъ подавляющею массою непріятеля.

Предписаніе объ отступленіи въ Шушу, какъ разсказываютъ современники, почему-то запоздало. Къ тому же оно, на бѣду, получено было въ Герюсахъ во время раздачи солдатскаго жалованья, когда, по заведенному обычаю, бывалъ разгулъ въ бѣдной развлеченіями кавказской жизни; поэтому выступленіе батальона замедлилось на цѣлыя сутки, и когда онъ вышелъ—непріятель уже былъ близко.

На двѣнадцатой верстѣ отъ Герюсовъ, въ глубокомъ каменистомъ ущельѣ, русскій отрядъ настигнутъ былъ мятежною карабагскою конницею. Одни персіяне не могли бы остановить Назимку, они не смѣли бы даже войти въ гористую землю, если бы не эти измѣнники, теперь окружившіе отрядъ со всѣхъ сторонъ и захватившіе въ свои руки всѣ выходы изъ горъ на равнину. Скоро на помощь къ карабагцамъ подоспѣла персидская конница и подвезла съ собою пѣхоту. Съ каждымъ шагомъ положеніе отряда становилось все затруднительнѣе и хуже. Персидская артиллерія, довольно искусно управляемая однимъ англичаниномъ, котораго впослѣдствіи уложило навѣки русское ядро подъ Шушею, скоро взорвала зарядный ящикъ, подбила лафетъ и истребила всѣхъ артиллерійскихъ лошадей. Въ рядахъ русскаго батальона появилось замѣшательство. Говорятъ, что армяне предлагали Назимкѣ провести отрядъ въ Шушу по горнымъ тропинкамъ, какъ это было нѣкогда съ отрядами Карягина, Котляревскаго и Ильяшенки, но онъ не рѣшился бросить орудія и вьюки и продолжалъ драться на невыгодной мѣстности, надѣясь добраться до рѣчки Ахъ-Кара-Чай. Дѣло въ томъ, что за этою рѣчкою, протекающей верстахъ въ 25 отъ Герюсъ, на пути къ Шушѣ, начиналась гористая мѣстность, покрытая огромными густыми лѣсами, куда не отважился бы послѣдовать за нимъ ни одинъ персіянинъ, — и отрядъ былъ бы спасенъ. Къ несчастію, надеждамъ Назимки сбыться было не суждено. До Ахъ-Кара-Чая оставалось еще 13 верстъ, и все это пространство нужно было проходить при безпрерывномъ боѣ. Палящій зной, недостатокъ воды, поминутная убыль людей, остав-

лявшихъ строй, чтобы помогать повозкамъ и артиллеріи, мало по малу истощили силы солдатъ. Въ продолженіе трехъ часовъ стойко выдерживая натискъ непріятеля, они подошли наконецъ къ крутому спуску къ Ахъ-Кара-Чаю; казалось, еще одно усиліе — и цѣль была бы достигнута. Но здѣсь-то именно отрядъ и ожидала гибель. Переправа была уже отрѣзана.

Офиціальныя донесенія говорятъ, между прочимъ, что, достигнувъ береговъ Ахъ-Кара-Чая, люди, истомленные до крайности и мучимые жаждою, вышли изъ повиновенія и въ безпорядкѣ, покидая строй, бросились къ водѣ. Непріятель воспользовался замѣшательствомъ въ отрядѣ и быстро напалъ на него со всѣхъ сторонъ. Солдаты и казаки частію были вырѣзаны, другіе побросали оружіе и взяты въ плѣнъ; между послѣдними находился и самъ подполковникъ Назимка. Орудіе и вьюки, о которыхъ онъ такъ заботился, достались персіянамъ.

Изъ рапорта полковника Реута видно, что въ бою, въ трехъ ротахъ 42 егерскаго полка, должны были участвовать 2 штабъ-офицера, 16 оберъ-офицеровъ и 874 нижнихъ чина; сверхъ того, при двухъ орудіяхъ находилось 20 человѣкъ артиллеристовъ, да въ казачьей сотнѣ — 3 оберъ-офицера и 94 казака. Сколько же изъ этого числа погибло въ бою и сколько попало въ плѣнъ, точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Достовѣрно извѣстно однако, что убитыхъ было не много, но что изъ всего отряда спаслись только два офицера (поручики Назимовъ и Богдановъ) и шесть нижнихъ чиновъ, которые, пробравшись въ селеніе Камедарасы, укрывались тамъ у армянъ до времени пораженія персіянъ у Шамхора. Попавшіе въ плѣнъ подверглись жестокимъ истязаніямъ и посрамленіямъ, заставившимъ ихъ, быть можетъ, не разъ позавидовать участи тѣхъ, которые легли въ честномъ бою. Персіяне толпами набросились на нихъ, ограбили ихъ, потомъ раздѣли до-гола, и въ такомъ позорномъ видѣ пригнали ихъ обратно въ Герюсы. Даже Аббасъ-Мирза тронутъ былъ жалкимъ положеніемъ несчастныхъ и приказалъ одѣть офицеровъ въ персидское платье.

Истребленіе цѣлаго батальона почти въ тысячу штыковъ было дѣломъ неслыханнымъ для Кавказскаго края. Со временъ Паулуччи, когда батальонъ Троицкаго полка въ четыреста человѣкъ, подъ начальствомъ капитана Оловяшникова, положилъ оружіе передъ персіянами же, лѣтописи Кавказа, изобилующія примѣрами геройскихъ побѣдъ слабыхъ отрядовъ надъ сильнымъ непріятелемъ, не помнили подобнаго факта. Восточная фантазія мусульманъ, съ своей стороны, раздувала персидскіе успѣхи до размѣровъ чудовищныхъ; о нихъ повсюду ходили слухи, роняя обаяніе русскаго имени и устрашая преданныхъ Россіи христіанъ. Хозяйничанье персіянъ въ краѣ и разгромы мирныхъ деревень, которымъ войска безсильны были оказать защиту, какъ бы подтверждали эти слухи, деморализуя все населеніе. Особенно поразило армянъ разграбленіе ихъ стариннаго Тативскаго монастыря.

Въ небольшой долинѣ, углубленной среди карабагскихъ горъ, между утесами и скалами рѣки Базаръ-Чай, всего въ полуверстѣ отъ каменнаго моста, перекинутаго черезъ пропасть самою природою и извѣстнаго у татаръ подъ именемъ «Шайтанъ керпи» (Чортовъ мостъ), — стоитъ армянская деревня Тативъ, а неподалеку отъ нея Тативскій монастырь, знаменитый въ Арменіи еще со временъ Тамерлана. Въ одной изъ монастырскихъ церквей донынѣ показываютъ стѣны, испещренныя сабельными ударами, и говорятъ, что это слѣды пребыванія здѣсь Тимура, который хотѣлъ разрушить самую церковь, но не будучи въ состояніи сдѣлать этого, приказалъ своимъ воинамъ изгладить саблями стѣнную церковную живопись. О существованіи монастыря болѣе тысячи лѣтъ свидѣтельствовала и старая армянская надпись, уцѣлѣвшая на церкви апостоловъ Петра и Павла. Главный монастырскій храмъ, въ которомъ, по преданію, подъ жертвенникомъ скрыты были косы Богородицы, привлекъ своимъ богатствомъ алчныя толпы персіянъ,—и они разорили его такъ, что онъ не возсталъ уже изъ развалинъ. Позднѣйшіе путешественники видѣли эти священныя руины обращенными въ овчарни,

въ которыхъ бѣдные тативцы держатъ своихъ козъ и овецъ. Престарѣлый архіепископъ Мортиросъ, жившій въ монастырѣ, былъ увезенъ непріятелемъ въ Тавризъ, гдѣ апоплексическій ударъ пресѣкъ его многотрудную и полную служенія своему народу жизнь.

Разграбленіе селенія Чинахчи, принадлежавшаго князю Мадатову, и въ немъ штабъ-квартиры единственнаго въ Карабагѣ 42-го полка, брошенной въ добычу непріятелю, еще болѣе усилили невыгодное впечатлѣніе, произведенное обстоятельствами этого времени.

Между тѣмъ какъ нападеніе на герюсскій гарнизонъ, разореніе мирныхъ деревень и торжества по случаю этихъ побѣдъ задержали персидскія войска, — въ Шушѣ съ часу на часъ ожидали появленія полчищъ Аббасъ-Мирзы, и Реутъ спѣшилъ исправлять крѣпостные верки. Но вотъ, прошелъ день, другой, — а непріятель не показывался. Тогда Реутъ рѣшился спасти полковое имущество, оставшееся въ Чинахчахъ, и выслалъ съ этою цѣлью часть своихъ ротъ. Предпріятіе до нѣкоторой степени удалось.

Въ первый день всѣ полковыя и ротныя повозки успѣли два раза вернуться изъ Чинахчи нагруженными. Колесный обозъ доходилъ, однако, только до деревни Шушакентъ, гдѣ воза разбирались и вещи поднимались въ крѣпость уже, на вьюкахъ. На слѣдующій день повторилось то же; но на третій—появились сильныя шайки татаръ, пробовавшія нападать на прикрытіе. Перевозка была пріостановлена,—и часть полковыхъ вещей захватилъ непріятель.

Прошло три дня съ того момента, какъ Реутъ заперся въ Шушѣ.

И вотъ, 24 іюля, прискакалъ армянинъ съ извѣстіемъ, что Назимка въ плѣну и роты его истреблены. А вслѣдъ затѣмъ, утромъ 15 числа, горизонтъ зачернѣлся персидскими полчищами. Ихъ было отъ 50 до 60 тысячъ, какъ говорили тогда армяне. Ермоловъ сомнѣвался въ этомъ числѣ. «Это статистика здѣшнихъ народовъ,—писалъ онъ къ Мадатову:— а я имѣю свѣдѣніе, что у Шахъ-Заде не болѣе 15 тысячъ

войска». Но впослѣдствіи офиціальныя данныя подтвердили, что съ Аббасъ-Мирзою, по вступленіи его въ Карабагъ, кромѣ отрядовъ, разосланныхъ по разнымъ направленіямъ для возбужденія и поддержанія возстаній, было сорокъ тысячъ пѣхоты, 24 орудія и огромныя толпы иррегулярной конницы.

На слѣдующій день, 26 іюля, лазутчикъ передалъ въ руки Реута дубликатъ извѣстнаго предписанія Ермолова объ отступленіи. Но отступать уже было невозможно, и Реутъ, рѣшившись защищать Шушу до послѣдней крайности, принялъ къ тому всѣ мѣры. Зная, какое дурное впечатлѣніе на гарнизонъ могло произвести въ подобную минуту рѣшеніе главнокомандующаго оставить Карабагъ, онъ благоразумно скрылъ предписаніе даже отъ офицеровъ, а солдатъ одушевилъ, напротивъ, энергическимъ приказомъ:

«Я совершенно увѣренъ,—говорилось въ этомъ приказѣ:—что всякій изъ моихъ сотоварищей, по долгу присяги, чести, преданности къ государю и любви къ отечеству, неизмѣнно будетъ исполнять свою обязанность, не щадя себя до послѣдней капли крови, имѣя въ виду непремѣнное правило—побѣдить или умереть, и тѣмъ заслужить безсмертную славу».

Предстояла необходимость немедленно переслать Ермолову подробное донесеніе о всемъ, что произошло въ Карабагѣ. Дѣло представлялось далеко не легкимъ, такъ какъ курьерамъ нужно было пробираться сквозь сплошную стѣну персидскихъ войскъ, обложившихъ Шушу. Нашлись, однако, два казака, которые вызвались доставить въ Тифлисъ донесенія. Ночью на 27 число, выѣхали они изъ воротъ Шуши и стали пробираться къ Тифлисской дорогѣ, уже занятой персіянами. Ихъ скоро открыли, и цѣлыя сотни всадниковъ пустились за ними въ погоню. Казаки порѣшили разъѣхаться, чтобы, на случай гибели одного, другой могъ исполнить порученіе; одинъ пустился по большой дорогѣ, другой свернулъ на проселочную. Тощія донскія лошаденки превзошли, однако, отличныхъ персидскихъ скакуновъ, — и оба казака, далеко оставивъ за собою погоню, благополучно достигли Тифлиса.

Началась осада Шуши.

Взять эту крѣпость открытою силою почти не представлялось возможности. Правда, укрѣпленія ея находились въ довольно жалкомъ положеніи и не представляли собою никакой защиты для осажденныхъ: стѣны во многихъ мѣстахъ обвалились и частію были растасканы самими жителями на постройку своихъ домовъ; рвы осыпались, а крѣпостной артиллеріи не было вовсе. Но построенная на высокихъ отвѣсныхъ скалахъ Шуша была доступна только съ одной сѣверо-восточной стороны, отъ Елизаветполя, да и этотъ единственный путь, поднимаясь въ гору, былъ такъ извилистъ, крутъ и загроможденъ скалами и обрывами, что двѣ пушки, поставленныя на дорогѣ, и разсыпанная рота стрѣлковъ могли остановить цѣлую армію.

Къ сожалѣнію, егеря вступили въ Шушу только съ восьмидневнымъ продовольствіемъ, а въ крѣпости не было запасовъ—и не было воды; гарнизону предстояла опасная борьба съ такими врагами, какъ голодъ и жажда. Аббасъ-Мирза зналъ это и только обложилъ Шушу со всѣхъ сторонъ, пока не прибѣгая къ болѣе энергическимъ мѣрамъ.

Въ столь затруднительномъ положеніи, Реуту, запертому въ Шушѣ съ отрядомъ, въ которомъ было не болѣе 1700 штыковъ, оставалось одно — исполнить долгъ храбраго солдата и сохранить честь предводимаго имъ полка. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій было выслать изъ крѣпости всѣхъ молодыхъ татаръ, явно оказывавшихъ расположеніе къ непріятелю и потому представлявшихъ собою только лишніе и притомъ вредные рты; дача же провіанта съ перваго дня блокады уменьшена почти на половину.

Аббасъ-Мирза, главною цѣлью котораго былъ Тифлисъ, не нуждался въ Шушинской крѣпости; но онъ опасался, однако, оставить ее у себя въ тылу и пытался склонить полковника Реута очистить Карабагъ безъ боя. Уже вечеромъ 27 іюля, прибылъ отъ него парламентеръ, съ настойчивымъ требованіемъ пропуска въ крѣпость. Это былъ простой офицеръ, родомъ изъ астраханскихъ армянъ, довольно хорошо говорившій по-русски; одѣтъ онъ былъ въ красный мун-

диръ, на манеръ англійскаго, съ серебряными эполетами, и аксельбантами. Выѣхавшій къ нему навстрѣчу маіоръ Клюки-фонъ-Клюгенау, узнавъ въ лицѣ парламентера армянскаго выходца, наотрѣзъ отказался представить его коменданту.

— Если его высочество намѣренъ вести переговоры о сдачѣ крѣпости,—говорилъ Клюгенау:—то онъ долженъ прислать почетнаго хана, а не простого армянина.»

Напрасно обиженный армянинъ старался доказать важность занимаемаго имъ положенія въ персидской арміи и называлъ себя адъютантомъ принца. Клюгенау строго приказалъ ему ѣхать назадъ, и самъ возвратился въ Шушу.

Черезъ день къ воротамъ крѣпости подъѣхалъ одинъ изъ персидскихъ сановниковъ съ блестящею свитою; ему завязали глаза и доставили къ полковнику Реуту, который ожидалъ его, окруженный всѣми своими штабъ-офицерами. Ханъ объявилъ Реуту, что онъ уполномоченъ принцемъ предложить шушинскому гарнизону почетную сдачу. Дѣло было въ томъ, что персіяне, перехвативъ ермоловское предписаніе объ оставленіи Карабага, основали на немъ свои планы. Опираясь на то, что самъ Ермоловъ предписывалъ Реуту очистить Карабагъ и всѣ лишнія вещи уничтожить или утопить, Аббасъ-Мирза, напротивъ, предлагалъ потребное число подводъ для поднятія тяжестей, обязывался снабдить войска провіантомъ, обезпечить имъ безопасное слѣдованіе и, наконецъ, дозволялъ выйти гарнизону съ оружіемъ и со всѣми военными почестями. Аббасъ-Мирза писалъ, что всѣ прочіе начальники уже давно исполнили приказаніе Ермолова, что Шемаха, Куба и Нуха очищены русскими.

Это предложеніе произвело тяжелое впечатлѣніе на офицеровъ, отъ которыхъ, какъ сказано, предписаніе Ермолова было скрыто. Тѣмъ не менѣе, когда Реутъ предложилъ вопросъ о сдачѣ крѣпости на совѣщаніе, храбрѣйшій подполковникъ Миклашевскій, отважный и пылкій Лузановъ, стойкій Михайловъ, извѣстный впослѣдствіи герой Чечни и Даге-

стана — Клюгенау и, наконецъ, комендантъ Карабага, Челяевъ — единодушно отвергли предложеніе, объявивъ, что готовы защищаться до послѣдней крайности.

Этотъ отвѣтъ Реутъ передалъ парламентеру, прибавивъ отъ себя, что охотно исполнилъ бы предписаніе Ермолова, если бы оно застало его въ Чинахчи; но такъ какъ онъ занялъ уже крѣпость Шушу, то при всемъ великодушіи его высочества, онъ не можетъ воспользоваться имъ для отступленія, тѣмъ болѣе, что со времени предписанія обстоятельства могли измѣниться, а потому для оставленія Шуши, а вмѣстѣ съ ней и Карабага. — необходимо новое предписаніе.

Ханъ, пожалѣвъ объ участи, ожидающей гарнизонъ, уѣхалъ. Прошло еще два дня,— и началось бомбардированіе крѣпости.

Положеніе гарнизона было весьма серьезное. Солдаты, проводя дни въ работахъ, а ночи подъ ружьемъ, въ ожиданіи приступа, изнурялись до крайности, и число больныхъ быстро возрастало. Жители страшно терпѣли отъ недостатка продовольствія, которымъ не успѣли запастись до начала осады. Было одно средство,—снять съ полей еще неубранный хлѣбъ; но попытка эта едва не повела за собою кровавую катастрофу. Фуражиры, высланные изъ крѣпости 1 августа, были отрѣзаны персидскою конницею и выручены только отчаянно смѣлою вылазкою маіора Клюгенау. Съ ротой егерей онъ успѣлъ привлечь на себя всю бывшую тутъ персидскую пѣхоту, а одна конница ничего не могла сдѣлать съ фуражирами. Отстрѣливаясь, они успѣли выбраться изъ ущелья къ крѣпости; но попасть въ нее черезъ Елизаветинскія ворота, около которыхъ происходила сильная перестрѣлка персіянъ съ отрядомъ Клюгенау, уже не могли. Пришлось направляться кругомъ, къ Эриванскимъ воротамъ, еще при началѣ осады заложеннымъ землею и каменьями. Гарнизонъ быстро принялся очищать ихъ, чтобы впустить фуражировъ, а пока работа кипѣла, — Клюгенау все время стоялъ въ сильномъ огнѣ. Но тщетно персіяне пытались сло-

мить храбрую роту. Въ своихъ запискахъ Клюгенау говоритъ между прочимъ, что не персіяне были ему страшны, а батальонъ, составленный изъ русскихъ дезертировъ, который съ неимовѣрною дерзостію неоднократно бросался на него въ штыки. Батальонъ этотъ, одѣтый въ персидскіе мундиры, съ длинными волосами, въ папахахъ, съ офицерами изъ русскихъ же солдатъ, — какимъ его видѣлъ въ Персіи Муравьевъ,—состоялъ изъ людей рослыхъ, сильныхъ и старыхъ; онъ, дѣйствительно, находился въ арміи наслѣднаго принца, но нѣкоторые участники персидской войны утверждаютъ, что въ дѣлахъ съ русскими онъ не былъ, получивъ на то, еще до начала похода, дозволеніе Аббаса-Мирзы. Легко быть можетъ, что Клюгенау принялъ за русскихъ, входившія въ составъ этого батальона, польскія роты, участіе которыхъ въ бою болѣе чѣмъ вѣроятно. Но такъ или иначе, а Клюгенау твердо выдержалъ яростныя нападенія и началъ отступать только тогда, когда фуражиры были уже внѣ опасности. Съ этого дня фуражировки, однако, совсѣмъ прекратились.

Къ счастью для гарнизона, персіяне не могли прервать его сообщеній съ мельницами въ деревнѣ Шуша-кентъ, — по особымъ условіямъ мѣстности, въ которыхъ онѣ были расположены. На этихъ мельницахъ солдаты заготовляли муку, и если бы онѣ достались въ руки персіянъ, гарнизону пришлось бы питаться немолотымъ зерномъ. Аббасъ-Мирза неоднократно пытался истребить ненавистную ему деревню, но всѣ его усилія разбивались о стойкость армянъ и неприступность горъ, среди которыхъ стоялъ Шуша-кентъ. Жители предводимые своими старшинами Сафаромъ и Ростомомъ Тархановыми, засѣвъ въ скалистомъ ущельѣ въ вырубленныхъ природою глубокихъ и мрачныхъ пещерахъ, не только отражали враговъ, но, время отъ времени, сами спускались съ горъ и тревожили весь персидскій лагерь своими набѣгами.

Такъ прошло не мало времени съ тѣхъ поръ, какъ персидскія полчища обложили Шушу. Впечатлѣніе, вызванное

внезапностью вторженія, притупилось, и фанатизмъ въ умахъ самыхъ непримиримыхъ татаръ сталъ уступать мѣсто холодному разсужденію. Невозможно было не видѣть, что богатый Тифлисъ съ его каравансараями, вопреки обѣщаніямъ Шахъ-Заде, не такъ-то легко могъ быть взятъ. Да о Тифлисѣ мало кто уже и думалъ. Ожидали, что въ то время, какъ наслѣдный принцъ безполезно стоитъ передъ Шушою, Ермоловъ соберетъ войска, — и роли могутъ перемѣниться. Въ самомъ персидскомъ лагерѣ поднимался ропотъ и сталъ доходить до Аббаса-Мирзы. Тогда, чтобы покончить съ Шушою разомъ, онъ рѣшился на крайнюю мѣру — штурмъ ея. Но тѣ же Сафаръ и Ростомъ Тархановы, имѣвшіе въ персидскомъ станѣ своихъ приверженцевъ, предупредили Реута, что приступъ поведется со стороны Елизаветполя, и тѣмъ дали ему возможность принять соотвѣтствующія мѣры.

Въ одну мрачную ночь часовой услыхалъ съ вала шумъ взбиравшейся на горы персидской пѣхоты и далъ знать дежурному офицеру. Войска, стоявшія наготовѣ, тотчасъ заняли свои мѣста. Маіоръ Клюгенау, распоряжавшійся обороною этого фаса, строго приказалъ не открывать огня прежде сигнала.

Осторожно подвигались впередъ персіяне, таща за собою огромныя лѣстницы и туры для закидыванія рва. Но когда они приблизились на ружейный выстрѣлъ, вдругъ вся окрестность мгновенно освѣтилась зажженными русскими подсвѣтами, и убійственная картечь начала осыпать штурмующихъ. Персіяне бросились назадъ, покинувъ и туры и лѣстницы, которые на утро были подобраны солдатами.

Неудача заставила Аббаса-Мирзу перейти снова къ переговорамъ. На этотъ разъ свиданіе назначалось уже не въ Шушѣ, а въ персидскомъ станѣ. Въ крѣпости бросили жребій, кому ѣхать, и онъ палъ на маіора Клюгенау.

Въ полной парадной формѣ, верхомъ на конѣ, спустился Клюгенау къ дожидавшемуся его внизу персидскому конвою. Въ непріятельскомъ лагерѣ его встрѣтили съ почестями;

войска при проѣздѣ его становились въ ружье, музыка играла. У ставки наслѣднаго принца уже собраны были знатнѣйшіе персидскіе сановники и ханы: отрядъ тѣлохранителей, оберегавшій входъ, отдалъ честь, и Клюгенау замѣтилъ, что это были молодые люди знатнѣйшихъ фамилій и на подборъ красавцы. По сторонамъ палатки стоялъ лѣсъ распущенныхъ знаменъ, принадлежавшихъ полкамъ регулярной пѣхоты, и возлѣ нихъ толпилось множество офицеровъ шахской гвардіи. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на Клюгенау, который, сойдя съ коня, терпѣливо ожидалъ представленія принцу.

Черезъ нѣсколько минутъ шелковый занавѣсъ шатра раздвинулся, и Клюгенау лицомъ къ лицу очутился съ наслѣдникомъ персидскаго царства.

Послѣ обычныхъ обоюдныхъ привѣтствій, Аббасъ-Мирза сказалъ Клюгенау:—«Я уже потерялъ всякое терпѣніе и не могу быть болѣе снисходительнымъ къ вамъ и къ жителямъ города. Мои войска неотступно требуютъ новаго штурма, но я не хочу кровопролитія. Я все ждалъ, полагая, что вы образумитесь. Теперь не въ моей волѣ сдерживать стремленіе моихъ храбрыхъ войскъ. Я и такъ потерялъ слишкомъ много времени черезъ свою снисходительность».

Клюгенау молчалъ.

— Неужели вы думаете,—продолжалъ Аббасъ-Мирза:— что я пришелъ сюда съ войсками только для одной Шуши? У меня еще много дѣлъ впереди, и я предваряю васъ, что соглашусь на заключеніе мира только на берегахъ Москвы.

Замѣтивъ улыбку, невольно промелькнувшую на лицѣ Клюгенау, онъ съ живостью добавилъ:

— Клянусь вамъ честью, что вы не получите помощи. Вы вѣрно, не знаете, что вашъ государь ведетъ междоусобную войну съ своимъ братомъ, и, слѣдовательно, ему не до Кавказа. Что же касается Ермолова, то его давно уже нѣтъ въ Тифлисѣ.

Клюгенау отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ полномочій вести

переговоры о сдачѣ крѣпости, но что если его высочеству угодно обладать Шушою, то онъ можетъ обратиться за этимъ къ генералу Ермолову, который, конечно, предпишетъ оставить крѣпость, ежели только удержаніе Карабага не входитъ въ его соображенія.

— Въ Тифлисъ мнѣ посылать незачѣмъ, — отвѣчалъ Аббасъ-Мирза: — я уже сказалъ вамъ, что городъ покинутъ русскими.

На этомъ переговоры и кончились. Клюгенау воротился въ крѣпость.

Опять началась усиленная канонада, и опять гарнизонъ, исправляя поврежденія въ стѣнахъ, долженъ былъ бодрствовать по ночамъ, въ ожиданіи приступа. Такъ прошла изо дня въ день еще цѣлая недѣля. Наконецъ, персіяне, выбравъ темную ночь, кинулись на приступъ, но, встрѣченные батальнымъ огнемъ, отхлынули назадъ, заваливъ всю гору своими тѣлами.

Два отбитые штурма не поправили, однакоже, положенія гарнизона. Не было никакихъ извѣстій о томъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Закавказскомъ краѣ и можно ли ожидать выручки. Нѣсколько лазутчиковъ, посланныхъ Реутомъ, или возвращались назадъ съ полупути ни съ чѣмъ, или не возвращались вовсе. Для осажденныхъ настали минуты сомнѣній и колебаній. Жители, потерявъ надежду на скорую помощь, роптали; были даже попытки вступить въ тайныя сношенія съ персіянами, и одинъ молодой татаринъ хотѣлъ отворить имъ ворота. Правда, его поймали сами армяне и, не давъ знать коменданту, распорядились своимъ судомъ, сбросивъ измѣнника въ пропасть саженъ во сто глубиною; но гарнизону приходилось усилить бдительность. Чтобы успокоить осажденныхъ, полковникъ Реутъ прибѣгнулъ къ невинной военной хитрости. Въ темную ночь секретно былъ спущенъ въ одну изъ амбразуръ башенъ переодѣтый армянинъ, который, обошедши вдоль стѣны до другой башни, назвался лазутчикомъ изъ Грузіи и просилъ впустить его. Караулъ немедленно извѣстилъ коменданта, и армянинъ былъ

приведенъ къ Реуту. Онъ вручилъ ему депеши, присланныя будто бы отъ главнокомандующаго, которыя и были прочтены въ присутствіи всего военнаго совѣта. Содержаніе бумагъ было весьма утѣшительно, а переодѣваніе армянина исполнено съ такимъ успѣхомъ, что въ лицѣ подателя никто не заподозрилъ знакомаго человѣка. Пріятная новость мгновенно облетѣла крѣпость, — и надежда скорой помощи подняла духъ жителей и усугубила ревность храбрыхъ защитниковъ.

Къ счастію, Аббасъ-Мирза не съумѣлъ воспользоваться моментомъ колебаній въ крѣпости, все еще не теряя надежды на успѣхъ переговоровъ, и въ третій разъ просилъ выслать къ нему парламентера.

Отправился опять Клюгенау.

— Ну, что, одумался ли, наконецъ, вашъ полковникъ; кажется, уже пора! — сказалъ Аббасъ-Мирза.

— Я долженъ вамъ сказать прямо, — отвѣтилъ Клюгенау: — что мы оставимъ Шушу только тогда, когда получимъ приказаніе Ермолова.

— Хорошо; я согласенъ,—живо отвѣчалъ Аббасъ-Мирза:— Пошлите въ Тифлисъ своего офицера, а до полученія отвѣта пусть будетъ перемиріе.

Составлены были условія. Но Аббасъ-Мирза, соглашаясь на то, чтобы шушинскій гарнизонъ, въ случаѣ оставленія имъ Карабага, вышелъ изъ крѣпости со всѣми почестями, оружіемъ и казеннымъ имуществомъ, какъ исполняющій только волю своего главнокомандующаго, въ то же время упорно отказывался пропустить съ нимъ двѣ шести-фунтовыя пушки. Онъ требовалъ безусловно уступки ихъ персіянамъ, сказавъ, что такова его послѣдняя воля.

— Въ такомъ случаѣ переговоры не могутъ продолжаться: — отвѣтилъ Клюгенау и взялся за шляпу. Присутствовавшіе ханы стали его уговаривать исполнить желаніе наслѣднаго принца.

— Да вы скажите принцу,—возразилъ Клюгенау:—что, располагая идти къ Москвѣ, онъ возьметъ ихъ тамъ цѣлую

сотню; такъ стоитъ ли изъ-за такихъ пустяковъ теперь терять драгоцѣнное время!

Этотъ аргументъ побѣдилъ настойчивость принца. Перемиріе было заключено на девять дней. Аббасъ-Мирза послалъ въ крѣпость въ заложники двухъ знатныхъ по своему происхожденію хановъ, а полковникъ Реутъ прислалъ въ персидскій лагерь маіора Челяева. Клюгенау между тѣмъ отправился въ Тифлисъ, чтобы лично передать Ермолову о положеніи дѣлъ въ Карабагѣ.

Вотъ что отвѣтилъ Ермоловъ Реуту:

«Я въ Грузіи. У насъ есть войска и еще придутъ новыя. Отвѣчаете головою, если осмѣлитесь сдать крѣпость. Защищайтесь до послѣдняго. Употребите въ пищу весь скотъ, всѣхъ лошадей, но чтобы не было подлой мысли о сдачѣ крѣпости».

«Защита Шуши — писалъ Ермоловъ въ другомъ письмѣ къ Реуту: — одна можетъ сдѣлать вамъ честь и поправить ошибки (оставленіе Чинахчи безъ боя и гибель Назимки). Извольте держаться и не принимать никакихъ предложеній, ибо подлецы васъ обманываютъ. Зачѣмъ прислали Клюки, который вамъ нуженъ? Онъ лучшій вашъ помощникъ. Защищайтесь. Соберите весь хлѣбъ отъ бековъ,—пусть съ голоду умрутъ измѣнники. Великодушно обращайтесь съ армянами, ибо они хорошо служатъ».

Обѣ записки доставлены были въ крѣпость лазутчиками, и персіяне о нихъ ничего не знали. Между тѣмъ условленные девять дней прошли, офиціальнаго отвѣта отъ Ермолова не было, а гарнизонъ сдаться опять отказался. Раздраженный этою новою неудачею, Аббасъ-Мирза вѣроломно задержалъ у себя Челяева и отослалъ его въ Тавризъ, гдѣ тотъ и находился въ плѣну до самаго заключенія мира. Для крѣпости снова началось томительное и тяжкое время блокады и бомбардированія. Впослѣдствіи оказалось, что непріятель велъ два подкопа подъ стѣны крѣпости. Изъ нихъ одинъ, впрочемъ, былъ брошенъ по неудобству грунта, но другой успѣшно подвигался впередъ, и при помощи его Аб-

басъ-Мирза разсчитывалъ теперь сломить упорное сопротивленіе гарнизона. Но защитники Шуши, одушевленные доблестнымъ примѣромъ начальниковъ, готовы были лучше умереть подъ развалинами крѣпости, чѣмъ уронить честь русскаго оружія какою бы то ни было почетною капитуляціею. Терпѣливо сносили они всѣ недостатки, безсмѣнно сторожили крѣпость и съ мужествомъ противостояли громаднымъ персидскимъ толпамъ. Когда запасы истощились, полковникъ Реутъ самъ обходилъ солдатъ и старался ободрить ихъ надеждою на скорую помощь. «Ничего, ваше высокоблагородіе, — подождемъ!» отвѣчали солдаты.

— Да ужь коли на то пойдетъ, — шутили между собою егеря, — такъ мы по жеребью другъ друга ѣсть станемъ, а ужь не сдадимся этимъ дуракамъ кизильбашамъ».

И мужество гарнизона было награждено уже тѣмъ, что, несмотря на тяжкія лишенія и вѣчную опасность, потери его были ничтожны. За все время осады среди защитниковъ крѣпости убито только четверо, 12 ранено и 16 пропало безъ вѣсти.

Такъ наступило 5 сентября. Начался этотъ день обычными тревогами осажденной и голодной крѣпости. Но въ самый полдень весь персидскій лагерь пришелъ въ неописанное волненіе; какъ громъ разразилось надъ нимъ извѣстіе о грозной Шамхорской битвѣ, объ истребленіи авангарда Аббаса-Мирзы и о занятіи русскими Елизаветполя. Поздно увидѣлъ Аббасъ-Мирза сколько времени потерялъ онъ даромъ, стоя передъ Шушинскою крѣпостью, и, бросивъ блокаду, со всѣми силами двинулся онъ противъ князя Мадатова.

Блокада Шуши была окончена.

Трагическая роль, выпавшая на долю Карабага въ персидской войнѣ 1826 года, поражаетъ историка своими рѣзкими противорѣчіями. Тамъ цѣлая тысяча человѣкъ, цѣлый

батальонъ, съ какими Карягины и Котляревскіе ужасомъ поражали полчища персіянъ и одерживали блестящія побѣды,— бросаетъ оружіе въ тотъ моментъ, когда еще одно усиліе спасло бы его; здѣсь горсть товарищей этого батальона, въ теченіе почти семи недѣль, въ полуразрушенной крѣпости, сопротивляется въ сорокъ, въ пятьдесятъ разъ сильнѣйшему врагу—и остается побѣдителемъ.

Существуютъ мнѣнія, стремящіяся оправдывать факты подобные малодушной капитуляціи батальона Назимки цѣлою массою, которая еще была способна побѣдить или дорого продать свою жизнь *). Самое офиціальное донесеніе какъ бы оправдываетъ солдатъ, томимыхъ жаждою, и потому, будто бы, разстроившихъ ряды при видѣ рѣчки Ахъ-Кара-Чая, а затѣмъ уже подъ натискомъ врага и побросавшихъ оружіе.

Трудно представить себѣ эту нарисованную донесеніемъ картину, въ которой солдаты, имѣвшіе конечно сначала, раньше 25 верстами, при себѣ воду и, слѣдовательно, остававшіеся безъ воды, во всякомъ случаѣ, слишкомъ непродолжительное время, вдругъ вышли изъ повиновенія, уже въ виду вѣрнаго спасенія, и, вмѣсто того, чтобы проложить себѣ сквозь непріятельскіе ряды путь къ рѣкѣ штыками, безпорядочно бросились къ ней прямо въ руки враговъ. Легче допустить, что позоръ, вынесенный батальономъ въ плѣну у персіянъ, былъ вполнѣ заслуженнымъ, что, быть можетъ, именно недостойное поведеніе батальона и вызвало персіянъ, во всякомъ случаѣ не лишенныхъ чувства уваженія къ доблести врага, на издѣвательства. И тѣмъ не менѣе оправдывающія мнѣнія все-таки существуютъ.

Въ послѣднее время въ самой военной средѣ начали было распространяться quasi-утилитарныя воззрѣнія, совершенно извращающія элементарнѣйшія понятія объ отношеніи отдѣльныхъ личностей къ цѣлямъ и средствамъ войны. Вотъ

*) Кстати: знаменитый партизанъ Давыдовъ ошибается, говоря, «что Назимка не оправдалъ георгіевскаго креста, полученнаго въ прежнія персидскія войны». Назимка георгіевскаго креста никогда не имѣлъ.

что писалось, напр., въ спеціальномъ Военномъ журналѣ шестидесятыхъ годовъ по поводу сдачи непріятелю одной русской крѣпости, и писалось притомъ лицомъ весьма авторитетнымъ:

«Если гарнизонъ—говорилось въ статьѣ:—не выполнилъ того, чего ожидали отъ него многіе — не предпочелъ взорвать себя вмѣстѣ съ крѣпостью лучше, чѣмъ сдаться военнопленнымъ, то объ этомъ, право, не стоитъ жалѣть. Гораздо болѣе онъ былъ бы достоинъ сожалѣнія, если бы послѣдовалъ минутному увлеченію и взлетѣлъ бы на воздухъ. Конечно, на первыхъ порахъ, въ минуту энтузіазма, подвигъ этотъ превознесли бы до небесъ; но потомъ развѣ не поставили бы его на одну доску съ фанатизмомъ тѣхъ дикихъ горцевъ, которые предпочитаютъ лучше умереть безъ всякой пользы и надобности, чѣмъ сдаться въ плѣнъ? Зачѣмъ было совершенно лишать Россію этихъ полутора-тысячъ людей, которые, по минованіи плѣна, могли возвратиться въ отечество и быть ему еще полезны своею дѣятельностью? Зачѣмъ было вслѣдствіе минутнаго и безразсуднаго увлеченія повергать тысячи семействъ въ новый трауръ и притомъ въ такое время, когда и безъ того немного было радости...»

Подобныя воззрѣнія, распространенныя въ массахъ войскъ, послужили бы источникомъ гибели того духа, который одинъ ведетъ къ побѣдамъ. Поставленный лицомъ къ лицу съ врагомъ, воинъ долженъ думать не о будущемъ, не о томъ что онъ сдѣлаетъ, постаравшись остаться въ живыхъ, а исключительно о томъ, чтобы исполнить ясный и простой долгъ, въ томъ состоящій, чтобы или побѣдить или умереть на своемъ посту. Золотыя слова сказалъ по этому случаю «Есаулъ», авторъ извѣстнаго «Походнаго Дневника», сторонникъ не тѣхъ воззрѣній:

«По нашему,— говоритъ онъ: — назвавшись грибомъ полѣзай въ кузовъ, гдѣ бы не пришлось, какъ бы ни пришлось. И показывать спину непріятелю — пропащее дѣло... Что изъ того, что останешься цѣлъ: какая польза для службы, честь для себя?... По нашему, досталось идти въ

дѣло, мы и идемъ добрымъ строемъ, а не башибузуками. идемъ безъ задней мысли, и къ молитвѣ: «избави насъ отъ лукаваго» прибавляемъ изъ самой глубины сердца: избави насъ отъ смерти въ спину. Побили мы — слава Богу; насъ побили—такъ и у нихъ рыло въ крови, и въ другой разъ будутъ знать, что насъ бить—не шутку шутить. А что изъ того, чтобы давать стречка? Это одно баловство. и стоитъ только разъ себѣ его позволить, то такъ ужь и пойдутъ все одни стречки, да улепетыванія. За этимъ добромъ нечего и на войну ходить.»

Да, «прекрасенъ Божій міръ, а умирать надо»,.— приходится сказать словами того же казацкаго барда: — «Надо умирать, чтобы отечество жило. Можетъ статься, есть тамъ, въ эти минуты, исключительные люди, которые думаютъ иначе и, забиваясь поглубже подъ теплое одѣяло, благословляютъ тихомолкомъ свой жребій, что онъ удалилъ ихъ отъ войны и трудовъ, отъ страданій и смерти. Пускай себѣ они тамъ и остаются. Суворовъ никогда бы за ними не погнался и не пожалѣлъ бы объ ихъ отсутствіи. Но когда уже всѣ полюбятъ жизнь больше всего на свѣтѣ, и жертвы отдѣльныхъ существованій оскудѣютъ, тогда придетъ смерть отечеству, и самобытный народъ сдѣлается рабомъ другого народа, не столько животолюбиваго, какъ онъ. Останется народъ, но не будетъ уже отечества».

Есть легендарное преданіе, относящееся къ шведской войнѣ 1808 года. Молодой офицеръ Лопатинскій, окруженный сотнями шведовъ, предлагавшихъ ему почетный плѣнъ, послалъ въ отвѣтъ имъ гордыя слова: «Нѣтъ! Кому не удалось сохранить свободу оружіемъ — тотъ умирай!» Вотъ истинное и доблестное пониманіе долга, которое не научитъ обращать тылъ ко врагу и оставлять отчизну беззащитною, въ надеждѣ быть ей полезнымъ когда-то впослѣдствіи, въ неизвѣстномъ будущемъ, которое не въ нашихъ рукахъ. И тѣ, кто способны порицать подвиги беззавѣтнаго самопожертвованія, видя въ нихъ голый фактъ истребленія людей, забываютъ ту истину, что духъ доблести въ гражданахъ-за-

щитникахъ родины воспитывается не однѣми побѣдами, а, быть можетъ, еще больше несчастіями, примѣрами исполненія великой заповѣди любви: «больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя».

По странной игрѣ случая, печальный фактъ безславной гибели батальона Назимки послужилъ, въ общемъ ходѣ персидской войны, въ пользу Россіи и къ страшному вреду для Персіи. «Какъ ни прискорбно пораженіе этого отряда, — справедливо говоритъ въ своихъ запискахъ извѣстный историкъ тѣхъ временъ Коцебу: — но не постижимы и не проницаемы для насъ смертныхъ благіе пути, избираемые Всевышнимъ къ спасенію вѣрующихъ въ Него. Если бы Назимка исполнилъ свой долгъ и достигъ съ батальономъ Шуши, не отяготила ли бы продовольствіемъ лишняя тысяча человѣкъ крѣпости, и безъ того терпѣвшей крайній недостатокъ въ немъ? Была ли бы она тогда въ состояніи выдержать сорокадневную блокаду? И какія отъ того могли бы быть послѣдствія?» Извѣстный кавказскій генералъ, герой минувшей войны, И. Д. Лазаревъ, идетъ еще далѣе. Онъ говоритъ, въ своихъ неизданныхъ запискахъ, что Грузія обязана спасеніемъ только геройской защитѣ Шуши, которая сорокъ дней задерживала подъ своими стѣнами персидскую армію и тѣмъ дала возможность сосредоточить на встрѣчу врагу разбросанныя русскія войска. Если бы Назимка въ точности исполнилъ приказаніе и успѣлъ бы соединиться съ Реутомъ, то и послѣдній, безъ сомнѣнія, не имѣлъ бы причинъ не исполнить приказаній Ермолова, и, вѣроятно, отступилъ бы изъ Карабага. Но тогда онъ рисковалъ быть настигнутымъ всею персидскою арміею въ безводныхъ мѣстахъ и, конечно, погибъ бы съ своими двумя батальонами. Послѣдствіемъ этого было бы то, что персіяне, уже нигдѣ не встрѣчая препятствій, появились бы подъ стѣнами Тифлиса въ тотъ моментъ, когда онъ былъ совершенно не готовъ къ оборонѣ, и Кахетія легко могла бы быть возмущена царевичемъ Александромъ, что̀ было бы вѣскимъ ударомъ русскому владычеству въ Закавказьѣ. Такъ гибель батальона Назимки стала звеномъ

въ общей цѣпи событій, обратившихъ шансы войны противъ Персіи.

Но защита Шуши, вынужденная обстоятельствами вопреки распоряженіямъ и планамъ Ермолова, могла бы, напротивъ, послужить и во вредъ Россіи, лишивъ послѣднюю участія въ войнѣ всего запершагося въ крѣпости гарнизона. Есть мнѣніе, имѣющее за собою большія основанія, что 48-дневная остановка Аббасъ-Мирзы подъ Шушою была величайшею ошибкою съ его стороны. Если бы онъ, минуя шушинскій гарнизонъ, въ самомъ началѣ вторженія ввелъ бы свои, еще полныя фанатическаго энтузіазма, войска въ сердце Грузіи, онъ могъ бы нанести, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, страшный ударъ всему Закавказью. Къ счастію, славныя тѣни минувшаго стояли на стражѣ христіанской страны. Персіяне помнили еще Мигри, Асландузъ и Ленкорань, — и наслѣдникъ персидскаго царства не рѣшился оставить въ тылу своей колосальной арміи русскій отрядъ въ 1700 штыковъ. Это было такое обстоятельство, на которое Ермоловъ, очевидно, не надѣялся, но все значеніе котораго онъ тотчасъ же оцѣнилъ, предписавъ Реуту держаться до послѣдней крайности.

При данныхъ обстоятельствахъ защита Шуши, стоившая столько лишеній для отважнаго гарнизона и сдѣлавшая безвредными персидскія полчища, получила значеніе не только великаго подвига, но и важнѣйшаго факта, обнаружившаго огромное вліяніе на ходъ всей войны. Такъ именно взглянулъ на дѣло Николай Павловичъ. Храбрымъ защитникамъ крѣпости, егерямъ 42 полка, пожаловано было Георгіевское знамя съ надписью: «за оборону Шуши противъ персіянъ въ 1826 году». Полковникъ Реутъ получилъ орденъ св. Владиміра 3 степени. Не были забыты и армянскіе старшины Сафаръ и Ростомъ Тархановы, оказавшіе столь значительныя услуги. Ростому пожалованъ былъ чинъ прапорщика и пожизненная пенсія; матери, женѣ и дѣтямъ Сафара, умершаго вскорѣ послѣ снятія блокады, назначено особое содержаніе изъ государственнаго казначейства.

Память о геройской оборонѣ Шуши сохраняется и понынѣ въ тѣхъ полкахъ, въ которые поступили батальоны славнаго 42 егерскаго полка, при общемъ переформированіи Кавказскаго корпуса въ 1833 году, а Георгіевское знамя, пожалованное императоромъ Николаемъ, перешло въ 3-й батальонъ нынѣшняго Тифлисскаго гренадерскаго полка, который своею доблестною службою прибавилъ, впослѣдствіи, къ старой надписи новыя славныя слова: «и за Кавказскую войну».

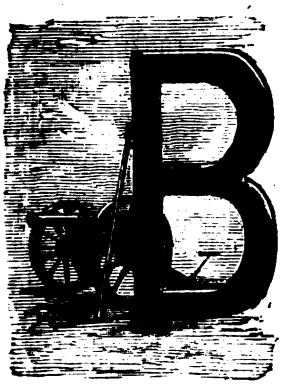
Защита Шуши тѣсно связала съ именемъ этой крѣпости доблестное имя Реута. Но слава, которою покрылось оно, была обязана своимъ происхожденіемъ не выдающимся способностямъ вождя, а исключительно отличавшимъ Реута высокимъ чувствамъ долга и чести, которыя не могутъ замѣнить никакіе таланты. Благотворное значеніе этого чувства сказалось въ исторіи осады Шуши со всею своею силою. Въ полуразрушенной, но почти неприступной по расположенію, крѣпости не нужно было составлять сложныхъ плановъ защиты, но нужно было умѣть смирить свою личность передъ отчизною, поставить свои интересы и самую жизнь ниже интересовъ и жизни родины. И Реутъ, переносившій лишенія наравнѣ съ солдатами, умѣлъ вдохнуть въ нихъ мужество не только личнымъ примѣромъ, а и всѣми своими дѣйствіями, прибѣгнувъ, въ самую критическую минуту, даже къ невинному обману, служившему къ достиженію высокой цѣли.

Реутъ былъ истиннымъ сыномъ Кавказа и выразителемъ доблестнаго духа кавказскихъ войскъ. Онъ началъ службу въ Грузіи въ 1801 году, въ томъ самомъ 42-мъ полку, которымъ довелось ему впослѣдствіи командовать, и не покидалъ Кавказа до самой смерти, посвятивъ этой странѣ всю свою долгую пятидесяти-двухъ-лѣтнюю службу. Произведенный въ генералы, во время турецкой войны 1828 года, онъ получилъ за штурмъ Ахалцыха золотую шпагу, осыпанную бриллiантами, въ 34-мъ году участвовалъ въ экспедиціи къ Гимрамъ, въ 36-мъ — въ Аварію. Послѣднею экспедиціей Реутъ закончилъ свою боевую дѣятельность и съ тѣхъ поръ

занималъ административные посты въ Тифлисѣ. Онъ умеръ 10 сентября 1855 года, 70 лѣтъ отъ роду, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, членомъ Совѣта главнаго управленія Закавказскаго края. Послѣднею наградою его былъ орденъ св. Александра Невскаго. Безсемейный, одинокій человѣкъ, Реутъ не имѣлъ въ Тифлисѣ никого изъ близкихъ; но на погребеніи его былъ весь городъ. Его честная, многолѣтняя служба, вся посвященная Кавказу, понынѣ остается залогомъ прочной о немъ памяти.

V.

Измѣна Ганжи.



Вступая въ Карабагъ, острымъ угломъ далеко вдавшійся съ сѣвера въ персидскія владѣнія и потому болѣе доступный для нападеній,—главная персидская армія, какъ гигантское чудовище, распростирающее отъ себя по всѣмъ направленіямъ жадныя руки, разослала повсюду сильные побочные отряды, спѣшившіе занять древнія татарскія ханства. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, тысячъ въ десять-двѣнадцать, подъ знойнымъ южнымъ небомъ, тянулся къ сторонѣ Елизаветполя.

Елизаветполю, древней Ганжѣ, въ исторіи распространенія русскаго владычества въ Закавказьѣ выпала значительная роль, благодаря мужеству послѣдняго владѣтеля его, знаменитаго Джаватъ-Хана. Русскіе гордились покореніемъ храбраго татарскаго народа, и самъ Циціановъ придавалъ этому факту большое значеніе. Въ краѣ долго помнили, съ какою смѣлостью и настойчивостью онъ стремился показать это значеніе и высшему правительству. Есть легендарный разсказъ, что императоръ Александръ, получивъ извѣстіе о взятіи Ганжи, пожаловалъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ штурмѣ, по рублю серебромъ; но такая награда обидѣла

Циціанова. «Если Его Величество—писалъ онъ въ Военную Коллегію: — Жалуетъ солдатамъ по рублю за хорошій разводъ, то за взятіе города штурмомъ, вѣроятно, хотѣлъ дать медали, а потому я приказалъ къ серебрянымъ рублямъ придѣлать ушки и носить ихъ въ петлицѣ, только всеподданнѣйше испрашиваю на какихъ Государь прикажетъ лентахъ».

Государь уважилъ тогда патріотическую дерзость главнокомандующаго: рубли оставлены были солдатамъ, а за взятіе города установлена особая медаль.

Съ теченіемъ времени, съ покореніемъ другихъ ханствъ, значеніе Ганжи, переименованной въ Елизаветполь, становилось все блѣднѣе и блѣднѣе въ глазахъ русскихъ властей. Роль историческая отходила все дальше и дальше въ прошлое, а въ настоящемъ, послѣ окончательнаго присоединенія Карабага, Ганжинское ханство, прикрытое отъ Персіи озеромъ Гокчею, не имѣло уже прежняго стратегическаго значенія. Къ этому присоединился климатъ Елизаветполя, убійственный для сѣверныхъ пришельцевъ, почему даже тѣ двѣ роты 41 егерскаго полка съ четырьмя орудіями и сотнею казаковъ, которыя должны были занимать древній городъ, не оставались въ немъ: чрезвычайная смертность среди войскъ съ давняго времени побудила Ермолова выводить ихъ каждое лѣто верстъ за 20 отъ города, въ селеніе Зурнабадъ, лежавшее въ горахъ. Отвращеніе отъ этой мѣстности среди русскихъ было такъ велико, что въ обширномъ городѣ не устраивались даже помѣщенія для войскъ, не было даже казармъ, которыя такъ легко было устроить въ покинутомъ ханскомъ дворцѣ; колодцы не чистились, что, въ свою очередь, не могло благопріятно отзываться на здоровье солдатъ. Елизаветполь былъ почти покинутъ.

Такое отношеніе къ старой Ганжѣ едва ли, однако, оправдывалось политическимъ положеніемъ края и настроеніемъ умовъ его населенія. Татары Ганжинскаго царства, въ противоположность русскимъ, не забывали исторіи своего народа, его борьбы и паденія. Они помнили геройскую защиту

и смерть Джаватъ-Хана, какъ славное преданіе о былой силѣ и независимости мусульманства въ ихъ родной странѣ. Въ народѣ упорно держался слухъ о несмѣтныхъ ханскихъ сокровищахъ, возбуждавшихъ его восточную жажду роскоши и блеска и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боязнь, какъ бы эти богатства не попали въ руки невѣрныхъ пришельцевъ. Ходили разсказы, что подъ крѣпостью есть подземные ходы, которые настолько обвалились, что проникнуть въ нихъ уже не было возможности.

Преданія утверждали, что ханъ, предвидѣвшій намѣреніе русскихъ штурмовать крѣпость, зарылъ большую часть своихъ сокровищъ именно въ этихъ подземельяхъ; разсказывали, что въ послѣдніе дни ханства онъ часто призывалъ въ свою цитадель искусныхъ землекоповъ, которые оттуда никогда уже не возвращались, становясь жертвою его предусмотрительности.

Нѣкоторая часть богатствъ была, по разсказамъ, зарыта и въ крѣпости, въ ханскомъ саду, откуда будто бы, уже въ двадцатыхъ годахъ, вырылъ ихъ, тайно пріѣзжавшій изъ Персіи, одинъ изъ сыновей Джаватъ-Хана. Англичане, знавшіе этого сына въ Персіи, подтверждали Муравьеву достовѣрность народныхъ преданій. Соблазнительные разсказы волновали даже армянъ, втайнѣ вздыхавшихъ о сокровищахъ, успѣвшихъ ускользнуть изъ ихъ рукъ.

Словомъ, въ древнемъ Ганжинскомъ ханствѣ была готовая почва для смутъ. Тамъ были еще поклонники старины, помнившіе ханскую пышность, тревожившую ихъ воображеніе, и не мирившіеся теперь съ смѣнившимъ ее суровымъ и простымъ режимомъ, вырвавшимъ изъ рукъ сильныхъ произволъ, но за то лишившимъ и массу бѣднаго населенія возможности былыхъ удалыхъ наѣздовъ и грабежей.

И вотъ, когда персидскія войска вступили въ Карабагъ, все населеніе Ганжи сразу измѣнило русскимъ. Были, конечно, многіе, которыхъ только страхъ заставлялъ идти по начавшемуся бурному теченію. Но такъ или иначе, почетнѣйшіе татары и армяне немедленно отправили къ Аббасъ-

Мирзѣ депутацію, которая лично вручила ему просьбу отъ жителей, умолявшихъ могущественнаго наслѣдника персидскаго престола возстановить ихъ старое ханство и осѣнить ихъ древній городъ побѣдоносными персидскими знаменами.

Аббасъ-Мирза былъ чрезвычайно доволенъ этимъ выраженіемъ чувствъ елизаветпольскихъ жителей, и во исполненіе ихъ просьбы два батальона регулярной пѣхоты, съ сильною конницею и четырьмя орудіями, скоро выступили по направленію къ Ганжѣ, чтобы водворить въ ней новаго хана.

Впереди этого отряда, осѣняемые большимъ красным знаменемъ, ѣхали три полководца. Одинъ изъ нихъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, съ красивымъ задумчивымъ лицомъ, былъ старшій сынъ Аббаса-Мирзы, принцъ Мамедъ-Мирза. Отецъ охотно отпустилъ его, разсчитывая, что предпріятіе не будетъ трудное; но тѣмъ не менѣе, не довѣряя малой опытности сына, онъ отправилъ съ нимъ своего шурина, стараго опытнаго вождя, Амиръ-Ханъ-Сардаря, женатаго на дочери шаха. Третій былъ Угурлу-Ханъ, сынъ знаменитаго послѣдняго ганжинскаго хана, Джавата. Онъ былъ назначенъ правителемъ вновь образованнаго персіянами ганжинскаго ханства и теперь ѣхалъ въ свои древнія родовыя владѣнія, встрѣчаемый на пути толпами татаръ, стекавшимися изъ всѣхъ окрестныхъ деревень, чтобы поклониться тому, кого они считали своимъ законнымъ повелителемъ.

Между ними было много еще тѣхъ, кто лично испыталъ на себѣ ханскую власть съ ея бездушнымъ произволомъ; но подъ обаяніемъ минуты забыты были черныя тѣни, ложившіяся отъ ханскаго престола на сонмы его раболѣпныхъ слугъ, — и эти слуги первыми явились привѣтствовать возрождающуюся въ краѣ ханскую власть. Особенное впечатлѣніе на постороннихъ зрителей производилъ старый человѣкъ съ зіяющею раною вмѣсто праваго глаза — яркій слѣдъ ханскаго времени. Старикъ этотъ при послѣднемъ ханѣ былъ главнымъ управляющимъ одного изъ его дворцовъ. По этикету, принятому вообще на Востокѣ, дворцовые служители, проходя по двору властелина, должны идти съ опущенною

внизъ головою и сложенными на груди руками. Но однажды этотъ несчастный машинально поднялъ голову, — и вдругъ глаза его встрѣтились съ глазами хана, стоявшаго у окна съ одною изъ своихъ женъ. Старикъ обомлѣлъ — и недаромъ. Ханъ тотчасъ потребовалъ его къ себѣ и строго спросилъ: «Какимъ глазомъ ты видѣлъ султаншу? — «Правымъ», — отвѣчалъ трепещущій царедворецъ. Преступный глазъ былъ тутъ же вырванъ. Подвергшійся страшной казни остался, однако, рабски привязаннымъ къ своему господину и ревностно служилъ ему. Осада города русскими и смерть хана лишили его доходнаго мѣста, и въ двадцатыхъ годахъ, передъ войною, путешественникъ Гамба видѣлъ его сторожемъ елизаветпольской мечети, вздыхавшимъ о прошлыхъ временахъ. Теперь этотъ старикъ, вышедшій навстрѣчу сыну своего тирана, свидѣтельствовалъ о возбужденіи, которое охватило все населеніе ханства.

Въ самомъ Елизаветполѣ было далеко не спокойно. При первыхъ извѣстіяхъ о приближеніи персіянъ, броженіе среди татарскаго населенія города сказалось такъ сильно, что заставило русскихъ жителей подумать о своемъ спасеніи. Дороги, между тѣмъ, становились съ каждымъ днемъ все опаснѣе и опаснѣе отъ множества тогда разбойничавшихъ шаекъ. Окружной начальникъ Симоновъ, потребовалъ въ городъ двѣ роты, стоявшія въ Зурнабадѣ, чтобы конвоировать отъѣзжающихъ и казенный обозъ съ дѣлами и казначействомъ. Роты, однако, замедлили. Тогда многіе изъ русскихъ рѣшились повѣрить свою судьбу счастливой звѣздѣ и бѣжали изъ города, не дождавшись прикрытія. Обстоятельства вполнѣ оправдали ихъ. Всѣ, заблаговременно уѣхавшіе такимъ образомъ, успѣли благополучно добраться до Тифлиса; оставшіеся же въ городѣ были въ ночь на 28 іюля предательски вырѣзаны.

Уже вечеромъ, 27 числа, толпы вооруженныхъ татаръ ворвались въ крѣпость и устремились прямо къ острогу. Небольшой караулъ заслонилъ ворота. Татары бросились тогда въ рукопашную, и въ то время, какъ одни рѣзались

съ карауломъ, другіе кидали въ окна кинжалы. Преступники, теперь, вооруженные, легко разбили острогъ и напали на караулъ сзади. Солдаты были перерѣзаны, арестанты вышли на свободу и пристали къ мятежникамъ. Другая команда, защищавшая повозки, на которыя сложено было елизаветпольское казначейство, кое-какъ отбилась, и татарамъ удалось отхватить лишь нѣсколько тюковъ съ мѣдною монетою, тысячъ на пять или на шесть; всѣ же ассигнаціи, золото и серебро — отстояли и благополучно выпроводили на тифлисскую дорогу. Но дѣла изъ присутственныхъ мѣстъ спасать было некогда; ихъ бросили, а мятежники сожгли ихъ торжественно на площади. Русскихъ чиновниковъ, не успѣвшихъ бѣжать, разыскивали по всѣмъ домамъ и убивали.

Такъ началась въ Елизаветполѣ страшная ночь на 28-е іюля. Отрядъ, слѣдовавшій изъ Зурдабада и задержанный въ пути огромнымъ обозомъ, подошелъ къ городу въ то время, когда никого изъ русскихъ въ немъ уже не было. Начальникъ отряда, капитанъ Шнитниковъ, выслалъ впередъ 12 казаковъ съ поручикомъ Габаевымъ предупредить окружного начальника о приближеніи войска, но встрѣтившіеся на пути армяне посовѣтовали Габаеву только какъ можно скорѣе уѣзжать назадъ. Офицеръ хотѣлъ, однако, лично удостовѣриться въ томъ, что происходитъ въ городѣ, и двинулся дальше; въ городскіе ворота его пропустили свободно; но едва онъ втянулся въ улицу, какъ моментально былъ окруженъ татарами, и вмѣстѣ со всѣми своими казаками очутился въ плѣну.

Роты Шнитникова, между тѣмъ, подошли къ городу никѣмъ не предупрежденныя. Ихъ встрѣтила депутація отъ татаръ, которые, какъ побѣдители, предложили Шнитникову условія, соглашаясь пропустить роты, но требуя, чтобы весь русскій обозъ былъ оставленъ въ городѣ. Храбрый офицеръ отвергнулъ предложеніе и рѣшился открыть себѣ путь оружіемъ. Но едва роты двинулись впередъ, какъ татары, засѣвшіе въ домахъ, встрѣтили ихъ сильнымъ огнемъ. Съ помощью штыковъ и картечнаго огня, громившаго улицы,

отрядъ сталъ пробиваться на тифлисскую дорогу. Въ жестокомъ бою храбрый артиллерійскій офицеръ, поручикъ Корченко, лично управлявшій орудіями, получилъ смертельную рану; тридцать солдатъ было убито. Къ счастію, въ это самое время армяне успѣли освободить Габаева. Онъ явился въ отрядъ въ критическій моментъ, когда роты, попавшія въ лабиринтъ улицъ, остановились и страшно терпѣли отъ перекрестнаго огня. Габаевъ, самъ уроженецъ Ганжи, отлично знавшій расположеніе города, свернулъ роты въ сторону и повелъ ихъ такими закоулками, которые вовсе не были знакомы солдатамъ,—приготовленныя татарами засады были обойдены.

Персидскій отрядъ, между тѣмъ, приближался къ городу. Лежавшія въ окрестностяхъ его нѣмецкія колоніи были разграблены. Жители одной изъ нихъ, Анненфельдской, находившейся на лѣвомъ берегу Шамхорки, верстахъ въ 25 отъ города, успѣли убѣжать въ Тифлисъ заблаговременно; но почти все ихъ имущество осталось въ добычу непріятелю. Другая колонія, Еленендорфская, всего въ семи верстахъ отъ Ганжи, была занята персіянами, и колонисты успѣли спасти свою жизнь только при помощи армянъ, укрывшихъ ихъ въ своихъ домахъ въ самомъ Елизаветполѣ. Это была одна изъ богатѣйшихъ и цвѣтущихъ виртембергскихъ колоній, насчитывавшая у себя 89 прекрасныхъ каменныхъ домовъ.

Но чѣмъ ближе подходили персіяне къ старой Ганжѣ, тѣмъ болѣе замедляли шагъ и, наконецъ, остановились совсѣмъ. Амиръ-Ханъ-Сардарь первый началъ сомнѣваться въ искренности прошенія елизаветпольскихъ жителей—и не рѣшался вступить въ городъ, опасаясь засады. Посланы были искусные лазутчики, и только по возвращеніи ихъ рѣшено было вступить въ Елизаветполь, чтобы предупредить небольшой русскій отрядъ, бывшій по свѣдѣніямъ персіянъ, также въ недальнемъ разстояніи отъ города, но, какъ выше разсказано, послѣ жаркой битвы въ улицахъ, ушедшій на тифлисскую дорогу.

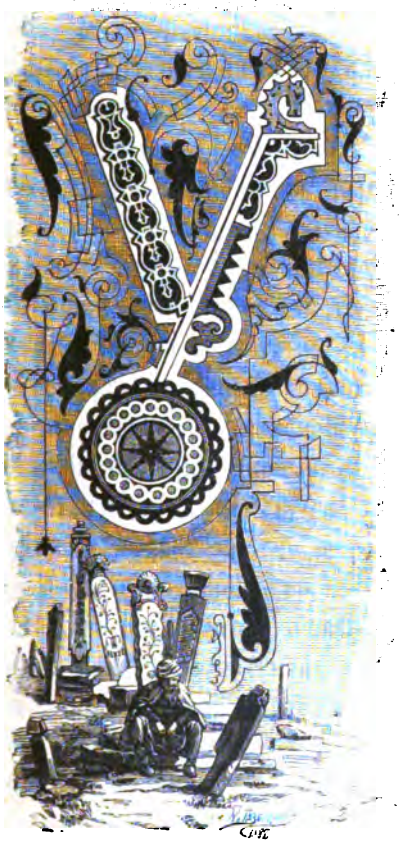
Елизаветполь былъ въ рукахъ персіянъ. По нравственному вліянію на жителей одинъ этотъ фактъ стоилъ русскимъ большого проиграннаго сраженія. Ганжа въ понятіяхъ народа была такая неприступная крѣпость, которую могли взять только русскіе. И вотъ теперь эти самые русскіе уступаютъ ее обратно персіянамъ, — персіяне, стало быть, стали сильнѣе этихъ сѣверныхъ жителей, — такова логика Востока, раболѣпствующаго только передъ силою. Видя персидскія знамена вновь на старыхъ башняхъ Ганжи, гдѣ за 23 года передъ тѣмъ палъ храбрый Джаватъ-Ханъ съ своими сыновьями, татары торжествовали паденіе русскаго владычества въ Закавказьѣ. Возстаніе получало въ этомъ фактѣ сильное нравственное поощреніе.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ занятія персіянами Елизаветполя было возмущеніе сосѣднихъ татарскихъ дистанцій. Шамшадильская открыто стала на сторону враговъ, Казахская готова была послѣдовать ей, и только отрядъ русскихъ войскъ, расположенный по близости, стѣснялъ проявленіе въ ней враждебности; «впрочемъ, довѣрія къ оной ни малѣйшаго имѣть невозможно», — говоритъ въ своемъ донесеніи императору Ермоловъ.

Такъ, все пространство отъ самой границы Турціи и до отдаленныхъ предѣловъ Карабага было охвачено пламенемъ бунта, и древняя Грузія, какъ въ давно забытыя времена, была окружена теперь плотною стѣною враждебныхъ мусульманскихъ земель.

VI.

Возмущеніе ханствъ.



Успѣшное вторженіе огромной персидской арміи въ Карабагъ немедленно отразилось на всѣхъ сосѣднихъ съ нимъ восточныхъ ханствахъ Закавказья, окаймляющихъ Каспійское море. Въ рукахъ Аббаса-Мирзы было противъ Россіи опасное оружіе, въ лицѣ изгнанныхъ хановъ, стремившихся вернуть свои владѣнія, и онъ спѣшилъ воспользоваться имъ. Одновременно съ занятіемъ Елизаветполя, сынъ давно умершаго Селима-Хана шекинскаго явился въ Нуху, Мустафа въ Ширвань, сынъ Шихъ-Али-Хана въ Кубинскую провинцію, Гуссейнъ-Кули-Ханъ въ Баку, Миръ-Хассанъ-Ханъ въ Талыши. Даже грузинскій царевичъ Александръ стремился проникнуть въ Кахетію, а въ Дагестанъ пробрался Сурхай Казикумыкскій съ своими сыновьями и 15-ю нукерами. Не всѣ они пришли съ персидскими войсками, но всѣ съ англійскимъ золотомъ, — и скоро волны возмущенія переброси-

лись за Кавказскій хребетъ, въ Кубинскую провинцію, и уже лизали подножія вѣковыхъ скалистыхъ громадъ Дагестана. Мятежъ и смута были и тамъ, гдѣ не было къ нимъ серьезнаго расположенія,—страхъ гнѣва и мести персидской исключали всякое сопротивленіе; а изгнанные ханы, между тѣмъ, встрѣчали повсюду родство и, съ помощью старыхъ приверженцевъ, легко распространяли среди легковѣрнаго восточнаго населенія движеніе въ свою пользу.

Волненіе, подготовлявшееся заранѣе, прежде всего, еще до персидскаго вторженія, обнаружилось въ Талышахъ. Въ началѣ іюня мѣсяца, тогдашній владѣтель ханства, Миръ-Хассанъ-Ханъ, вдругъ, безъ всякой видимой причины, бѣжалъ изъ Ленкорани въ Персію, бросивъ семейство, не успѣвшее послѣдовать за нимъ и задержанное русскими. Побѣгъ Миръ-Хассанъ-Хана былъ тѣмъ страннѣе и необъяснимѣе, что со стороны Россіи не было къ нему подано ни малѣйшаго повода, а ханскій родъ издавна отличался вѣрностію. Отецъ Хассана представлялъ неоднократныя доказательства не только преданности русскимъ, но и непримиримой вражды къ персіянамъ. И самъ Хассанъ, въ 12-мъ году, укрѣпившись въ горахъ, выдержалъ отъ персіянъ жестокую блокаду; талышинцы тогда переѣли всѣхъ своихъ лошадей и верблюдовъ, но не сдались, и были выручены Котляревскимъ. Эту черту семейной вѣрности сохранила даже теперь сестра хана, Беюкъ-Ханумъ. Узнавъ объ измѣнѣ брата, она удалилась въ Баку, приняла христіанство и добровольно отказалась отъ всѣхъ деревень, принадлежавшихъ ей въ Талышинскомъ ханствѣ, получивъ въ замѣнъ ихъ, пожизненную пенсію въ 1200 рублей.

Непонятный побѣгъ хана скоро нашелъ свое объясненіе въ персидской войнѣ. И едва Аббасъ-Мирза вошелъ въ Карабагъ, какъ и Миръ-Хассанъ-Ханъ съ значительнымъ персидскимъ отрядомъ явился въ Талышинское ханство.

Талышинское ханство занималъ тогда только одинъ Каспійскій морской батальонъ, силою въ семьсотъ штыковъ, подкрѣпленный сотнею казаковъ: а комендантомъ Ленкорани

и вмѣстѣ управлявшимъ Талышинскимъ ханствомъ былъ маіоръ Ильинскій. Судьба этого человѣка не лишена трагичности. Онъ служилъ прежде въ Преображенскомъ полку, женился въ Петербургѣ на актрисѣ, даже не первоклассной, и вслѣдствіе того долженъ былъ оставить гвардію. Отецъ его, старый богатый помѣщикъ, отказался принять его съ женою-неровнею, — и Ильинскій отправился служить на Кавказъ. Тамъ онъ занималъ одно время мѣсто телавскаго уѣзднаго начальника, но вслѣдствіе какой-то исторіи былъ смѣненъ и получилъ въ командованіе Каспійскій батальонъ, съ назначеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и комендантомъ Ленкоранской крѣпости. Въ Ленкорани онъ лишился жены, затосковалъ, началъ пить, распустилъ батальонъ и, въ заключеніе, передъ самою войною, увезъ вдову какого-то знатнаго хана съ тѣмъ, чтобы ее окрестить и жениться на ней. Послѣднее, само по себѣ незначительное, обстоятельство взволновало татаръ, и теперь, при неожиданномъ вторженіи персіянъ, не осталось безъ вліянія на общій ходъ дѣлъ: оскорбленные жители тѣмъ легче переходили къ открытому возстанію.

Хассанъ напалъ съ персидскими войсками на разбросанные посты Каспійскаго батальона, вырѣзалъ небольшой русскій гарнизонъ въ Акерванѣ и, потребовавъ новыхъ подкрѣпленій, направился къ Ленкорани. Ленкорань была уже не тою сильною крѣпостью, которую когда-то бралъ Котляревскій; самый наружный видъ ея совершенно измѣнился: укрѣпленія были разрушены, казармы срыты бурунами. Море, обрушивъ часть берега, подошло къ самымъ стѣнамъ укрѣпленія, поглотивъ даже кладбище, гдѣ покоились вѣчнымъ сномъ герои котляревскаго штурма. Ильинскій съ своей стороны, не могъ разсчитывать ни на какую помощь. Ближайшія къ нему русскія войска находились за 220 верстъ, въ Ширвани, которая и сама нуждалась въ охранѣ, да и эти резервы состояли всего изъ двухъ ротъ егерей, занимавшихъ Старую Шемаху. Къ счастію на Ленкоранскій рейдъ въ то время прибыла часть Каспійской флотиліи, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта барона Левендаля. Она за-

брала изъ Ленкорани батальонный лазаретъ, цейхгаузъ, солдатскія семейства, а также армянъ и талышинскихъ татаръ, искавшихъ въ укрѣпленіи убѣжища, — и для безопасности перевезла ихъ на островъ Сару. Избавившись отъ лишняго населенія и тяжестей, Ильинскому стало значительно легче защищаться.

Наскоро привелъ онъ Ленкорань въ кое-какое оборонительное состояніе, исправилъ по мѣстамъ укрѣпленія, вырубилъ окольный лѣсъ и, усиливъ свою артиллерію шестифунтовымъ чугуннымъ орудіемъ, взятымъ съ одного изъ корветовъ,—приготовился къ защитѣ. Свой лагерь онъ истребилъ, сжегъ дома бѣжавшихъ талышинцевъ, а съ остатками своего батальона вошелъ въ Ленкоранскую крѣпость, выдержавъ при этомъ сильную перестрѣлку съ подошедшими уже войсками талышинскаго ханства.

Съ талышинскимъ ханомъ пришелъ персидскій отрядъ настолько значительный и располагавшій притомъ такимъ большимъ числомъ гребныхъ судовъ, что могъ свободно обложить Ленкорань и съ моря, и съ суши. Вокругъ крѣпости, дѣйствительно, потянулись сильные земляные окопы, а непріятельскіе киржимы (длинныя лодки) стали на рейдѣ и такъ строго охраняли море, что мичманъ Соковнинъ, посланный на вооруженномъ катерѣ отъ Левендаля къ Ильинскому съ какими-то депешами, не могъ пробиться въ Ленкорань, и долженъ былъ вернуться къ своей флотиліи.

Между тѣмъ персіяне, распространяясь по берегу все дальше и дальше, овладѣли Сальянами, на Курѣ, и Кизилъ-Агачемъ,—двумя важнѣйшими пунктами къ сѣверу отъ Ленкорани. Содержатель Сальянскихъ водъ и русскій офицеръ, поручикъ Кордиковъ, были взяты въ плѣнъ; семейство преданнаго русскимъ Ашимъ-Хана ограблено, и самъ онъ погибъ. Множество людей захвачено было также на рыбныхъ промыслахъ и перерѣзано, такъ какъ персіяне платили по 20 червонцевъ за русскую голову. Не больше двухсотъ человѣкъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ русскою командой изъ двухъ офицеровъ и 35 солдатъ, спаслись только тѣмъ, что броси-

лись въ море, доплыли до русской шкуны и на ней благополучно добрались до острова Сары.

Какъ только — это было 26-го іюля — извѣстіе о взятіи Сальянъ достигло до персидскаго стана, персіяне отправили къ Ильинскому парламентера съ требованіемъ немедленно сдать имъ и Ленкоранскую крѣпость.

«Симъ объявляю,—писалъ къ коменданту персидскій военачальникъ, мулла Миръ-Азисъ:—что по велѣнію Бога какая была къ вамъ милость, то оной уже больше отъ Него не будетъ, а должна она излиться теперь на персіянъ. Мы были унижены Аллахомъ, и теперь должны повыситься, — такъ гласитъ святой шаріатъ нашъ. Сальяны уже взяты, и какіе были солдаты ваши — тѣ побиты; киржимы, доставлявшіе вамъ провіантъ, захвачены. Всѣ, осмѣлившіеся противиться намъ, преданы смерти, и головы ихъ доставлены на Муганскую степь, къ шахсеванцамъ, гдѣ за каждую изъ нихъ платятъ по 20 червонцевъ награды».

Перечисляя затѣмъ всѣ силы, которыми располагаетъ шахъ, Миръ-Азисъ говоритъ, что 12 тысячъ сарбазовъ, и съ нимъ шахскій сынъ Али-Наги-Мирза, стоятъ подъ Ленкоранью и ждутъ только мановенія его, Миръ-Азиса, чтобы истребить невѣрныхъ и выкрасить ихъ кровью волны Каспійскаго моря.

«Если вы сдадите мнѣ крѣпость безъ боя, — говорилъ Миръ-Азисъ въ заключеніе своего письма, обращаясь уже лично къ Ильинскому:—то васъ никто не обидитъ; если захотите служить великому нашему государю,—будете одарены его щедротами; и я вамъ порукою, что надъ всѣми солдатами, находящимися у насъ, вы будете начальникомъ. Не захотите принять этихъ условій, то именемъ Создателя возвѣщаю вамъ, что преданы будете смерти и никакой пощады вамъ не будетъ».

Въ крѣпости собрался военный совѣтъ. Общее убѣжденіе оказалось таково, что держаться въ полуразрушенныхъ укрѣпленіяхъ невозможно. Того же мнѣнія былъ и начальникъ Каспійской флотиліи, тѣмъ болѣе, что русскія суда, стояв-

шія на открытомъ рейдѣ, при сильныхъ вѣтрахъ не могли ничѣмъ помочь гарнизону. Оставленіе Ленкорани было рѣшено единогласно.

Въ ту же ночь, едва взошла луна, русская флотилія въ полномъ своемъ составѣ приблизилась къ крѣпости. Комендантъ зажегъ Ленкоранъ и, посадивъ всѣ войска на суда, отплылъ на островъ Сару, оставивъ персіянамъ однѣ развалины. Весь багажъ и пять мѣдныхъ орудій были увезены; но чугунную пушку, взятую съ корвета, перевезти не успѣли, и она, впрочемъ заклепанная, оставлена была непріятелю. Теперь все Талышинское ханство было въ рукахъ персіянъ. Тѣмъ не менѣе Ермоловъ былъ весьма доволенъ дѣйствіями отряда Ильинскаго или, по крайней мѣрѣ, результатами ихъ.

«Отступленіе Каспійскаго батальона — говоритъ онъ въ своемъ донесеніи: — почитаю я весьма счастливымъ событіемъ, ибо въ дѣйствіи противъ него уже были два регулярные батальона съ артиллеріей, къ которымъ возмутившійся талышинскій ханъ присоединился самъ съ четырехъ-тысячною милиціею. Непріятель не съумѣлъ воспрепятствовать отплытію Каспійскаго батальона, и сіе по расторопности морскихъ офицеровъ совершилось безъ всякой потери (если не считать покинутаго нами заклепаннаго орудія), на мелкихъ, которыя захватили у жителей. Нѣсколько времени послѣ батальонъ остался бы безъ защиты противъ непріятеля, несравненно превосходнѣйшаго».

Пока Ильинскій крѣпко основался на островѣ Сарѣ, трехъ-тысячный персидскій отрядъ, приведенный бѣглымъ Гуссейнъ-Кули-Ханомъ, убійцею Циціанова, обложилъ Баку. Трудно было подать туда какую-нибудь помощь съ острова, такъ какъ все Каспійское море покрылось многочисленною персидскою гребною, вооруженною фальконетами, флотиліею, которая преслѣдовала русскія суда, не давая имъ возможности пристать къ западнымъ берегамъ моря. Однакоже, хотя и съ большимъ трудомъ, удалось перевести въ Баку двѣ роты Каспійскаго батальона, что было очень кстати, такъ какъ въ крѣпости защищались всего три роты мѣстнаго гарнизоннаго

батальона. Полковникъ баронъ Розенъ, бывшій тогда комендантомъ въ Баку, опасаясь измѣны, нашелъ необходимымъ выслать изъ крѣпости всѣхъ жителей, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ стариковъ да еще семейства преданнаго Россіи Казимъ-Бека, нѣкогда друга и наперсника Гуссейнъ-Кули-Хана. Въ то же время онъ искусно расположилъ свои небольшія силы, воодушевилъ гарнизонъ и дѣлалъ вылазки съ величайшимъ успѣхомъ. Персіяне нѣсколько разъ ходили на штурмъ съ лѣстницами, но всякій разъ были отбиваемы. Послѣ безплодныхъ усилій одолѣть крѣпость открытою силой, Гуссейнъ обложилъ и Баку съ моря и съ суши. Были слухи, что непріятель помышлялъ даже перерыть каналъ, снабжающій городъ извнѣ прѣсною водою, — единственный источникъ для продовольствія жителей. Положеніе Баку становилось весьма опаснымъ. Къ счастію, персіяне не воспользовались выгодами своего положенія и дали гарнизону возможность продержаться до тѣхъ поръ, пока измѣнившіяся обстоятельства войны не вынудили самихъ персіянъ оставить блокаду города.

Въ это тяжелое время Ермолову приходилось подумать о томъ, чтобы не дать возмущенію возможности пройти сквозною полосою черезъ Ширвань до горъ Дагестана, — и онъ принялъ къ тому мѣры. Еще 18 іюля, въ тотъ самый день, когда персіяне только что вошли въ Карабагъ, онъ предписалъ генералъ-маіору Краббе, командовавшему войсками въ Дагестанѣ, оставить въ полковыхъ штабъ-квартирахъ Куринскаго и Апшеронскаго полковъ, въ Кубѣ и Дербентѣ, сильные гарнизоны, не менѣе батальона въ каждомъ, а съ остальными войсками быть на готовѣ и, при первомъ возмущеніи въ Ширвани, идти въ Шемаху.

Краббе долго ждать не пришлось.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ Гуссейнъ-Кули-Ханъ обложилъ Баку, въ Ширвани появился бывшій владѣтель ея, Мустафа, и занялъ городъ Акъ-Су (Новая Шемаха), куда вслѣдъ за нимъ прибылъ персидскій отрядъ, подъ начальствомъ одного изъ братьевъ наслѣднаго принца. Краббе не-

медленно двинулся сюда изъ Дербента и разбилъ персіянъ. Но въ это самое время въ тылу у него поднялась Кубинская провинція. Краббе отступилъ изъ Ширвани и нашелъ въ Кубинской провинціи уже значительныя силы, при которыхъ находился сынъ умершаго въ двадцатыхъ годахъ Шихъ-Али-Хана, считавшій себя законнымъ наслѣдникомъ этого владѣнія. Сюда же теперь двигались и тѣ персидскія войска, которыя были въ Ширвани. Едва Краббе занялъ городъ Кубу, какъ онъ былъ обложенъ персіянами со всѣхъ сторонъ, — и русскій отрядъ очутился въ осадѣ. Непріятель попытался было овладѣть городскимъ предмѣстьемъ и два раза бросался на приступъ, — но былъ легко отбитъ. Вообще тревожиться за участь Кубы было нечего: русскій отрядъ былъ тамъ слишкомъ силенъ (три съ половиною батальона), чтобы испытать серьезную неудачу; но, запертый въ Кубѣ, онъ становился безполезнымъ, — и въ этомъ смыслѣ дѣйствія Краббе были въ высшей степени ошибочны. «Удивляюсь я,—писалъ Ермоловъ къ Мадатову: — какъ залѣзъ въ Кубу генералъ Краббе? Неужели не могъ онъ совладать со сволочью? Бѣсятъ меня подобныя мерзости, которыя при малѣйшей распорядительности случаться не должны».

Но такъ или иначе, Куба, подобно Баку, стояла въ тѣсной блокадѣ, а Дагестанъ остался безъ войскъ. Можно было опасаться теперь, что персіяне не упустятъ этого момента и сдѣлаютъ серьезную попытку вызвать въ немъ возмущенія. Самыя обстоятельства въ краѣ, казалось, складывались такъ, что благопріятствовали этому предпріятію. Уже въ исходѣ 25 года носились слухи, что лезгины Нагорнаго Дагестана посылали къ Аббасъ-Мирзѣ депутацію — просить у него помощи въ борьбѣ противъ русскихъ, и въ залогъ своей вѣрности отправили къ нему локоны женъ и рукава отъ ихъ платьевъ. Извѣстіе объ этомъ подтвердилось офиціальнымъ путемъ. Однакоже такое обстоятельство нимало не встревожило Ермолова.

«Покуда Акушинскій народъ пребываетъ вѣрнымъ,—писалъ онъ по этому поводу: — а въ Казикумыкѣ сидитъ

Асланъ-Ханъ, то всякія предпріятія прочихъ лезгинъ ничтожны и персіянами уважены не будутъ. Посланные въ залогъ локоны и рукава одежды также не тронутъ чувствительности персіянъ, которые, конечно, предпочли бы имъ оружіе, противу насъ обращенное».

Теперь обстоятельства усложнялись. Правда, персіяне не осмѣлились вступить въ Дагестанъ, но за то прислали туда злѣйшаго врага Россіи, бывшаго казикумыкскаго хана, Сурхая, съ грудами англійскаго золота. Мятежъ нашелъ себѣ даже отголосокъ въ Южномъ Дагестанѣ, въ округѣ Табасаранскомъ, и угрожалъ разлиться по сосѣднимъ странамъ: Каракайтагу, Кюрѣ и Казикумыку. Къ счастію, въ этотъ критическій моментъ, акушинцы наотрѣзъ отказались участвовать въ возстаніи и даже персидскія прокламаціи переслали къ Ермолову. Въ то же время шамхалъ тарковскій употреблялъ всѣ средства, чтобы удержать въ повиновеніи весь Сѣверный Дагестанъ, а Асланъ-Ханъ дѣлалъ то же по отношенію къ Южному. Тогда Сурхай собралъ въ горахъ значительное войско съ тѣмъ, чтобы прежде всего наказать Асланъ-Хана, и съ трехъ сторонъ пошелъ на Казикумыкъ. Асланъ-Ханъ— собственная участь котораго зависѣла теперь отъ побѣды — встрѣтилъ его съ казикумыкцами на границѣ своихъ владѣній, — и бой, почти одновременно происходившій въ трехъ различныхъ мѣстахъ, при Кинсарѣ, Андалялѣ и Мурджи,— окончился совершеннымъ пораженіемъ Сурхая; казикумыкцы овладѣли четырьмя знаменами и взяли въ плѣнъ 250 человѣкъ. Эта побѣда дала чрезвычайно важные результаты. Дагестанъ затихъ и до самаго конца персидской войны остался спокойнымъ. Затихла и Табасарань, ограничившись прибрежными грабежами. Тщетно пытался Сурхай собрать новое войско, чтобы вести его въ Кахетію; охотниковъ не являлось, и онъ, удалившись въ Сагратло, умеръ тамъ, всѣми покинутый, всѣми забытый.

Заслуги шамхала и Асланъ-Хана были оцѣнены государемъ по достоинству: Шамхалу пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра 2 класса, Асланъ-Хану—анненская лента.

Не миновали волны возмущенія и странъ, непосредственно граничащихъ съ Грузіей съ сѣверо-востока. Взволновались джарскіе лезгины и грозили вторженіями въ Кахетію. Въ Шекинскомъ же ханствѣ появился Гуссейнъ-Ханъ,—послѣдняя отрасль нѣкогда грознаго шекинскаго владѣтельнаго рода. Отецъ Гуссейна, Селимъ, добровольно вступившій когда-то въ русское подданство, бѣжалъ при Гудовичѣ въ Персію и тамъ умеръ; владѣнія его перешли въ руки чуждыхъ хойскихъ выходцевъ, а послѣ смерти послѣдняго изъ нихъ, Измаила, обращены были въ простую русскую провинцію. Теперь Гуссейнъ-Ханъ являлся въ странѣ, какъ настоящій законный владѣтель ея. Разсчитывая на то, что народъ сочувственно приметъ потомка своихъ коренныхъ хановъ, персіяне дали Гуссейну отрядъ и поручили ему организовать возстаніе народа. Выборъ ихъ оказался неудачнымъ. Гуссейнъ занялъ Нуху, двѣ русскія роты, стоявшія тамъ, отступили безъ выстрѣла,—но этимъ вся дѣятельность его и ограничилась. Онъ засѣлъ въ нухинскомъ дворцѣ и не хотѣлъ никуда идти. Напрасно Аббасъ-Мирза требовалъ, чтобы онъ соединился съ джарцами и шелъ на Кахетію; Гуссейнъ поджидалъ на помощь царевича Александра, а самъ ничего не дѣлалъ. Шекинская провинція, тѣмъ не менѣе, была отъ Россіи отторгнута и находилась вся во власти персіянъ.

Такъ, къ сентябрю 1826 года весь обширный востокъ Закавказья, все, что лежало непосредственно за предѣлами древней Иверіи и до самаго моря, стояло въ огнѣ возмущенія. Въ самой Грузіи, не исключая Тифлиса, настроеніе жителей было весьма тревожное. Одни, обольщенные персіянами и въ особенности бѣглымъ царевичемъ Александромъ, ожидали только случая открыто перейти на сторону враговъ; другіе, помня звѣрства персіянъ при вторженіи ихъ въ Тифлисъ, напротивъ, зарывали свое имущество въ землю и бѣжали въ Россію. И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока непостоянный жребій войны не измѣнилъ персіянамъ.

VII.

Дѣйствія Ермолова.

Прошло полтора мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ вторженіемъ эриванскаго сардаря со стороны величаваго озера Севанга,—началась персидская война. И это длинное число дней, когда персіяне захватывали одно за другимъ свои бывшія владѣнія, было для христіанъ Закавказья временемъ томительной тревоги, колебаній между страхомъ персидскаго нашествія съ его ужасами, и надеждой, что вотъ-вотъ появится успокоительное извѣстіе, съ которымъ грозовая туча бѣдствій минуетъ Грузію. Но такихъ извѣстій — не было. Тифлисъ волновался, Ермолову дѣлались представленія объ опасности, заключавшейся въ томъ возбужденіи, жертвою котораго становилось населеніе.

Гдѣ же былъ тотъ, чье имя одно устрашало враговъ и на кого теперь, въ эти страшные дни, устремлялись съ надеждою всѣ взоры? Впослѣдствіи возникло прямое обвиненіе

Ермолова въ бездѣйствіи, въ страхѣ передъ многочисленнымъ непріятелемъ въ то время, какъ у него самого въ распоряженіи находилось въ одномъ только Закавказьѣ до 40,000 солдатъ.

Но чтобы съ полною основательностью судить о дѣйствіяхъ Ермолова и не подчиниться предвзятому взгляду, основаніе которому положилъ Паскевичъ, необходимо ближе всмотрѣться въ тогдашнее положеніе дѣлъ, и не только сосчитать войска, бывшія въ Закавказьѣ, но и понять, насколько они были въ состояніи и возможности выйти противъ персіянъ.

Въ тотъ моментъ, когда непріятель вошелъ въ русскіе предѣлы, войска распредѣлялись по закавказскимъ провинціямъ такъ:

Въ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи, на пространствѣ, превышающемъ въ длину 500 верстъ, стояли шесть батальоновъ, три Мингрельскаго и три 44-го егерскаго полковъ, съ 12 орудіями и однимъ казачьимъ полкомъ.

На персидской границѣ со стороны Эривани, въ Бомбакахъ и Шурагели, — два батальона Тифлисскаго полка и двѣ роты карабинеровъ съ 12 орудіями и казачьимъ полкомъ.

Въ мусульманскихъ провинціяхъ: въ Карабагѣ, въ Елизаветполѣ, въ Нухѣ, въ Ширвани и въ Талышинскомъ ханствѣ размѣщены были пять батальоновъ, также съ 12 орудіями и двумя казачьими полками; изъ послѣднихъ одинъ стоялъ въ Карабагѣ,—другой на постахъ между Елизаветполемъ, Нухою и Ширванью.

Въ Южномъ Дагестанѣ, примыкавшемъ непосредственно къ театру военныхъ дѣйствій, находилось шесть батальоновъ: два Апшеронскаго полка, два Куринскаго и два мѣстные, составлявшіе постоянные гарнизоны въ Баку и въ Дербентѣ. При этихъ батальонахъ находились 18 орудій и полкъ казаковъ, занимавшій посты между Дербентомъ, Кубой и Шемахою.

На Алазанской Линіи, въ постоянной опасности лезгинскаго набѣга, стоялъ батальонъ Грузинскаго полка съ тремя орудіями и казачьимъ полкомъ, обезпечивавшимъ въ то же самое время и сообщеніе этой линіи съ Тифлисомъ.

Кромѣ того, боевымъ резервомъ, обращеннымъ къ сторонѣ Лезгистана, располагались въ Кахетіи же, въ своихъ полковыхъ штабъ-квартирахъ другой батальонъ Грузинскаго полка, три роты ширванцевъ и шесть эскадроновъ Нижегородскихъ драгунъ. Двѣ батарейныхъ и одна легкая рота артиллеріи, всего 33 орудія, размѣщались по Кахетіи, въ Гомбарахъ и въ Царскихъ Колодцахъ.

Наконецъ, въ Грузіи, въ качествѣ общаго и главнаго резерва для цѣлаго края, расположены были три казачьи полка и семь съ половиною батальоновъ пѣхоты; четыре изъ нихъ занимали Тифлисъ, остальные охраняли Гори, Манглисъ, Бѣлый Ключъ и посты по Военно-Грузинской дорогѣ.

Такимъ образомъ, по всему обширному краю были дѣйствительно разбросаны: 30 батальоновъ пѣхоты, т. е. при совершенно необычномъ, но постоянномъ въ тѣхъ войскахъ, некомплектѣ никакъ не болѣе 30,000 штыковъ, шесть эскадроновъ драгунъ и девять казачьихъ полковъ, въ общемъ числѣ до 5,000 всадниковъ; полевыхъ орудій было 90 *).

---

*) Подробная дислокація войскъ, въ моментъ начала персидской войны, была слѣдующая:

Пѣхота.

Въ Имеретіи, и по берегу Чернаго моря:

Мингрельскій полкъ, 3 батальона, штыковъ	3029
44-й егерскій полкъ	2977

Въ Бомбакахъ и Шурагели:

Въ Большомъ Караклисѣ – шесть ротъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка. (изъ этихъ ротъ двѣ находились въ Миракѣ и одна въ Балыкъ-чаѣ).	1602
Въ Гергерахъ—1 рота Тифлисскаго полка.	256
Въ Гумрахъ 2 роты Тифлисскаго полка	560
Въ Амамлахъ—2 роты 7 карабинернаго полка. . . . . (изъ нихъ одна находилась въ Миракѣ).	575

Но эта повидимому значительная численностію армія могла вступить въ борьбу съ главными персидскими силами, шедшими къ Тифлису, только самою малою своею частію. Изъ пограничныхъ съ Турціей и приморскихъ областей, Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи, изъ стоявшихъ тамъ шести батальоновъ, съ трудомъ можно было взять въ край-

Въ мусульманскихъ провинціяхъ:

Въ Чинахчахъ (въ Карабагѣ)—6 ротъ 42 егерскаго полка	1757
Въ Герюсахъ (тамъ же)—3 роты 42 егерскаго полка	934
Въ Старой Шемахѣ—2 роты 42 егерскаго полка	616
Въ Сальянахъ—1 рота Апшеронскаго полка	271
Въ Нухѣ: 1 рота 42 егерскаго полка	311
» » 1 рота Ширванскаго полка	307
Въ Елизаветполѣ (Зурнабадъ)—2 роты 41 егерскаго полка	586
Въ Ленкорани—Каспійскій морской батальонъ	778

Въ Южномъ Дагестанѣ:

Въ Баку—гарнизонный батальонъ	558
Въ Кубѣ—7 ротъ Апшеронскаго полка	1842
Въ Дербентѣ—2 батальона Куринскаго полка	2077
» » гарнизонный батальонъ	512

Въ Кахетіи:

На Алазанской линіи—1 батальонъ Грузинскаго полка	1067
Въ Мухровани—1 батальонъ Грузинскаго полка	1062
Въ Царскихъ Колодцахъ—3 роты Ширванскаго полка	840

Въ Грузіи:

Въ Тифлисѣ: семь ротъ 7-го карабинернаго полка	1953
» » 1 батальонъ Херсонскаго полка	1074
» » 3 роты 41 егерскаго полка	846
» » 2 роты Грузинскаго полка	515
» » Рота 8 піонернаго батальона	225
На постахъ Военно-Грузинской дороги — 2 роты Тифлисскаго полка	564
Въ Гори—батальонъ Херсонскаго полка	1167
Въ Сурамѣ—рота	302
Въ Бѣломъ Ключѣ—три роты 41 егерскаго полка	756
Въ Манглисѣ двѣ роты 7 карабинернаго полка	592
Въ Цалкѣ—рота 7 карабинернаго полка	282
Итого штыковъ	30793

немъ случаѣ развѣ одинъ батальонъ. Въ тотъ моментъ, когда начиналась персидская война, являлась необходимость подумать о защитѣ этого края не отъ однихъ черкесскихъ нападеній съ сѣвера, а и со стороны Турціи, отношенія съ ко-

---

Кавалерія.

Нижегородскій драгунскій полкъ (въ Кара-Агачѣ), шесть эскадроновъ, коней	868
Донскіе Казачьи полки: Ребрикова (въ Кутаисѣ)	532
» » » Андреева (въ Бомбакахъ и Шурагели)	504
» » » Молчанова (въ Карабагѣ)	420
» » » Сысоева (въ Мусульм. провинц.)	453
» » » Семенчикова (въ Южномъ Дагестанѣ)	458
» » » Кутина (въ Кахетіи)	506
» » » Иловайскаго (въ Грузіи, въ Борчалинской татарской дистанціи)	503
» » » Грекова (въ Грузіи, въ Гори)	331
» » » Леонова (въ Самхетіи)	460
Итого коней	5035

Артиллерія.

Кавказской гренадерской артиллерійской бригады батарейная № 1 рота (въ Гамборахъ), орудій	12
Той же бригады 2-я легкая рота (въ Гамборахъ)	12
(изъ нихъ три орудія на Алазанской линіи).	
Той же бригады 3-я легкая рота (въ Бомбакахъ и Шурагели)	12
изъ нихъ: въ Большомъ Караклисѣ 3, въ Гумрахъ 2, въ Миракѣ 2, въ Балыкъ-чаѣ 2, на постахъ: въ Бекантѣ 1, въ Амамлахъ 1, на Каменной рѣчкѣ 1).	
21-я артиллерійская бригада, батарейная № 1 рота (Царскіе Колодцы)	12
Той же бригады 2-я легкая рота (въ Кутаисѣ)	12
» » » 3-я легкая рота въ Дагестанѣ	12
(изъ нихъ: въ Кубѣ 8, въ Дербентѣ 3, въ Бурной 1).	
Резервной батарейной № 5 роты 22 артиллерійской бригады, съ легкими орудіями	18
(изъ нихъ въ Южномъ Дагестанѣ 6, въ Карабагѣ 6, въ Елизаветполѣ 2, въ Ширвани 4).	
Итого орудій	90

торой, частію даже и поощрившія персіянъ начать войну, становились все напряженнѣе. Извѣстно было, что на русской границѣ, въ Ахалцыхѣ, собиралось до 10 тысячъ турецкаго ополченія, и нужно было ожидать, что найдутся доброжелатели Россіи, которые посовѣтуютъ Турціи воспользоваться обстоятельствами.

Отряды, занимавшіе персидскія границы и ханства, не могли по самому свойству персидскаго вторженія, отрѣзавшаго ихъ другъ отъ друга, служить осуществленію той цѣли, чтобы Ермоловъ соединилъ ихъ въ одну армію, которую и могъ бы противопоставить арміи Аббаса-Мирзы. Говорятъ, что Ермоловъ, предвидя войну, долженъ былъ бы и держать войска въ такой готовности встрѣтить врага, чтобы отдѣльные отряды могли тотчасъ же соединиться въ одинъ, способный дать отпоръ и по первому требованію идти по назначенію главнокомандующаго, между тѣмъ какъ, напр., въ Бомбакахъ и Шурагели персіяне нашли малую готовность къ войнѣ. Нельзя не допустить, что присутствіе въ Персіи русскаго посла и щепетильность персіянъ по отношенію къ передвиженіямъ русскихъ войскъ повсюду располагали къ увѣренности, что войны *тотчасъ* не будетъ, а сообразно съ тѣмъ были поводы къ упреку въ непринятіи *всѣхъ* мѣръ къ отраженію враговъ; немедленнаго нашествія, точно, не ожидалось. Но смотря на событія въ ихъ исторической отдаленности съ полнымъ безпристрастіемъ, можно еще удивляться, какъ повсюду неожиданно вторгнувшіеся персіяне встрѣтили должное сопротивленіе и часто геройскій отпоръ. Немногіе несчастные случаи, въ которыхъ ничтожные, сравнительно, русскіе отряды были прямо раздавлены массами персидскихъ войскъ, ложатся лишь слабою тѣнью на совокупность событій. Въ результатѣ, во всѣхъ захваченныхъ персіянами областяхъ, повсюду, начиная съ Джалалъ-Оглы и Шуши и кончая Кубою, стояли еще русскія войска, не настолько сильныя, чтобы побѣдить врага, но державшія его подъ вѣчною угрозою и связывавшія его свободу дѣйствій.

Ермоловъ не могъ и разсчитывать на какую-либо иную роль тѣхъ войскъ. Все это были въ сущности гарнизоны и пограничные посты, весьма отдаленные другъ отъ друга не только разстояніями, но и трудностями путей, и имѣвшіе свое назначеніе въ томъ, чтобы удерживать жителей въ повиновеніи. Граница съ Персіей тянулась на разстояніи болѣе 600 верстъ по чрезвычайно затруднительной мѣстности, съ малымъ числомъ дорогъ, не имѣвшихъ взаимнаго сообщенія черезъ высокіе скалистые хребты горъ, покрывавшіеся уже осенью глубокими снѣгами.

Невозможно и представить себѣ, чтобы Ермоловъ могъ въ предвидѣніи войны соединить всѣ эти отряды заранѣе; это значило бы бросить на произволъ судьбы и на смуты тѣ страны, которыя они занимали. И какова же была бы виновность главнокомандующаго во всѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ эти страны подверглись бы, если бы вторженія персіянъ не послѣдовало, что было совершенно возможно. Очевидно, что отряды въ провинціяхъ должны были стоять въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застало персидское вторженіе. А когда уже началась война, тогда попытка Ермолова ввести въ районъ своихъ непосредственныхъ распоряженій отрядъ Карабагскій, — не говоря уже объ отрядахъ болѣе отдаленныхъ областей, — и та кончилась неудачей, къ счастію ничему не повредившей, хотя и связавшей Ермолову руки заботой объ освобожденіи его. Не лишнее замѣтить, что Ермоловъ, обвинявшійся въ разбросанности его войскъ, облегчившей будто бы успѣхи персіянамъ, подвергся, однако, обвиненію и за эту попытку въ частности присоединить къ себѣ значительный отрядъ, чтобы не дать ему быть осажденнымъ въ Шушѣ. Къ такому же обвиненію, впослѣдствіи, послужило и приказаніе, данное имъ полковнику Северсамидзе отступить за Безобдалъ, — что могло имѣть значеніе опять-таки сосредоточенія войскъ къ Тифлису, поставленіе отряда Северсамидзе въ связь съ главною арміей, готовившейся выступить на встрѣчу врага.

Такимъ образомъ всѣ обстоятельства сложились такъ,— да иначе и не могли сложиться,—что Ермоловъ, по вторженіи персіянъ, не могъ ввести въ дѣло съ громадною арміею Аббаса-Мирзы ни войскъ изъ западныхъ провинцій Закавказья, ни изъ провинцій восточныхъ и южныхъ. Не могъ онъ свободно располагать и тѣмъ батальономъ, который стоялъ, на Алазани, не открывъ Кахетію вторженію волновавшихся джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ. Въ его полномъ и непосредственномъ распоряженіи остались только тѣ войска, которыя стояли въ самой Грузіи, въ окрестностяхъ Тифлиса. Это были батальоны, занимавшіе Гори, Манглисъ и Бѣлый Ключъ. Съ ними, да съ тѣми двумя-тремя батальонами, которые онъ въ случаѣ послѣдней крайности могъ отдѣлить изъ разныхъ отрядовъ, рискуя совершенно обезсилить ихъ, нужно было — помимо караульной службы въ Тифлисѣ, наблюдать за турецкою границей, откуда, дѣйствительно, вышелъ ударъ молніи, испепелившей Екатеринфельдскую колонію, удерживать внутреннее спокойствіе въ самой Грузіи и дѣйствовать противъ персіянъ. Средства очевидно были слишкомъ ничтожны и объясняютъ, почему Ермоловъ съ такою настойчивостью просилъ подкрѣпленій.

Въ этомъ недостаткѣ средствъ былъ частію обвиняемъ и самъ Ермоловъ, передвинувшій на Кавказскую линію, по случаю чеченскаго бунта, свыше 7000 штыковъ, и тѣмъ обезсилившій войска Закавказья. Уведенные туда батальоны оставались тамъ и тогда, когда чеченскій бунтъ былъ уже усмиренъ *). Въ заботахъ о прочномъ покореніи народовъ

---

*) На Кавказскую линію взяты были войска:

Изъ Кахетіи:	два батальона Ширванскаго полка	2254 ч.
	и двѣ роты Грузинскаго полка	555 »
Изъ Грузіи:	батальонъ 41 егерскаго полка	1163 »
» »	три роты Херсонскаго полка	840 »
» »	рота 8-го піонернаго батальона	190 »
Изъ Бомбакской провинціи —	рота Тифлисскаго полка	282 »

Кавказа, быть можетъ. Ермоловъ, дѣйствительно, обнаружилъ преувеличенную осторожность,—онъ просилъ даже подкрѣпленій и для Кавказской линіи.

Были попытки объяснить первоначальныя неудачи Россіи въ персидской войнѣ вообще неправильнымъ расположеніемъ войскъ и въ самой Грузіи. Одинъ изъ военныхъ авторитетовъ, Коцебу, утверждаетъ, что первый, хотя бы и нечаянный, прорывъ непріятеля не могъ бы имѣть столь пагубныхъ послѣдствій, если бы войска получили нѣсколько иное размѣщеніе. Тифлисскій полкъ, одинъ охранявшій всю границу со стороны Эривани, не только, по мнѣнію его, не должно было раздроблять откомандированіемъ цѣлаго батальона на военно-грузинскую дорогу (охранять которую было бы легко и одному батальону изъ Грузіи), но, напротивъ, расположить въ Бомбакахъ и Ширванскій полкъ, составлявшій съ Тифлисскимъ одну бригаду. Этихъ двухъ полковъ, по мнѣнію Коцебу, было бы слишкомъ достаточно, чтобы отразить вторженіе сардаря и не допустить персіянъ до полнаго разоренія двухъ пограничныхъ провинцій. Между тѣмъ штабъ Ширванскаго полка, съ третьимъ батальономъ, находился въ Царскихъ Колодцахъ, расположенный всего въ пяти верстахъ отъ штабъ-квартиры Нижегородскаго драгунскаго полка, который одинъ свободно могъ прикрывать этотъ край отъ набѣговъ хищныхъ лезгиновъ. Остальные два батальона ширванцевъ десять лѣтъ находились на Кавказской линіи; но въ виду серьезной опасности, угрожавшей со стороны Персіи, ихъ слѣдовало бы возвратить. Все равно ихъ при-

---

Кромѣ того, изъ войскъ Южнаго Дагестана постоянно располагались на сѣверѣ, въ Шамхальскихъ владѣніяхъ:

1 батальонъ Апшеронскаго полка	1149 ч.
1 батальонъ Куринскаго полка.	1083 »
Всего . . .	7516 штыковъ.

шлось же вернуть, но они вернулись поздно, когда русскіе вынуждены были отступить за Безобдалъ, оставивъ преданное намъ армянское населеніе во власти непріятеля. Особенную же крѣпость получилъ бы, по мнѣнію Коцебу, правый флангъ, въ томъ случаѣ, если бы на второй его базѣ не былъ покинутъ Башкечетъ. Тамъ до 1823 года стоялъ 7-й карабинерный полкъ, имѣвшій отличныя хозяйственныя заведенія и всевозможныя угодья, за исключеніемъ лѣса, который находился верстахъ въ десяти отъ штабъ-квартиры. При обиліи луговъ, а слѣдовательно и при значительномъ скотоводствѣ, доставка его не составляла особаго отягощенія, а между тѣмъ это было одною изъ причинъ почему карабинеры перешли въ Манглисъ. Лѣсъ тамъ находился, дѣйствительно, подъ рукою, но за то въ стратегическомъ отношеніи пунктъ этотъ не имѣлъ серьезнаго значенія, такъ какъ прикрывалъ только Тифлисъ со стороны Ахалцыха, да и то по такой трудной, гористой тропѣ, гдѣ могли пробираться развѣ лишь небольшія хищническія партіи, для разсѣянія которыхъ было достаточно однихъ казачьихъ постовъ.

Такую же неправильность въ размѣщеніи войскъ находитъ Коцебу и по отношенію къ Карабагу. Тамъ надо было всегда ожидать появленія главныхъ силъ непріятеля, тамъ— историческій путь движеній персидскихъ армій къ Тифлису, и потому-то, квартировавшій въ Карабагѣ 42-й егерскій полкъ раздроблять не слѣдовало. Еще было бы лучше, если бы въ этой провинціи постоянно квартировалъ и 41-й егерскій полкъ, составлявшій съ 42-мъ одну бригаду. Тогда не было бы надобности оставлять Карабага или запираться въ Шушу, такъ какъ 6000 штыковъ могли бы дать серьезный отпоръ наступающей арміи.

Таковы воззрѣнія Коцебу. Но самъ же онъ сознается далѣе, что въ существовавшемъ размѣщеніи войскъ, начальство, помимо стратегическихъ цѣлей, могло имѣть иные политическіе виды, могло преслѣдовать и другія важныя цѣли: сбереженіе казеннаго интереса относительно продовольствія,

сосредоточеніе войскъ къ Тифлису для болѣе успѣшнаго производства городскихъ работъ, въ большинствѣ производившихся руками солдатъ, и пр., что, при малочисленности войскъ въ краѣ, имѣло серьезнѣйшее значеніе.

Но и помимо того, нужно думать, что размѣщеніе войскъ, предложенное Коцебу, мало измѣнило бы результаты войны. Могло случиться, дѣйствительно, что русскія войска не покинули бы тогда Бомбака и Шурагеля совершенно, не перешли бы за Безобдалъ въ Джалалъ-Оглу, а остались бы, напр., въ Большомъ Караклисѣ. Но этимъ населеніе провинцій было бы защищено не больше и даже не больше была бы прикрыта Лорійская степь и пути къ Тифлису, на которые персіяне могли пробраться чрезъ Мокрыя горы. Во всякомъ случаѣ не достигалась бы тѣмъ цѣль, въ неисполненіи которой ложится упрекъ на Ермолова, т. е. сосредоточеніе по возможности войскъ Закавказья. Присутствіе полка въ Башкечетѣ могло бы, конечно, помѣшать нападенію на Екатеринфельдскую колонію; но разбойничьи турецкія шайки могли бы обойти русскіе посты и точно также подвергнуть разоренію тѣ или другія селенія, лежавшія вдали отъ Башкечета. Результаты только видоизмѣнились бы въ частностяхъ, но общее положеніе дѣлъ осталось бы то же и, можетъ быть, послужило бы къ совершенно противоположнымъ разсужденіямъ о должномъ размѣщеніи войскъ.

Едва ли справедливѣе мнѣніе Коцебу и о томъ, что въ Карабагѣ нужно было держать весь 41-й егерскій полкъ, расположенный тогда въ Бѣломъ Ключѣ. Послѣдній составлялъ съ Манглисомъ и Гори одну боевую линію, обращенную фронтомъ къ Ахалцыху. Опасность со стороны Турціи, съ которою бывшій на сценѣ греческій вопросъ необычайно обострялъ русскія отношенія, — была несравненно серьезнѣе, чѣмъ опасность со стороны персіянъ, и вынуждала группировать войска въ Карталиніи, гдѣ находился жизненный центръ Грузіи — Тифлисъ.

Всѣ подобныя приведеннымъ разсужденія о причинахъ русскихъ неудачъ въ началѣ персидской войны, хотя бы они

были и справедливы, предполагаютъ, однако, какое-либо другое положеніе войскъ, которое въ дѣйствительности не было. Въ дѣйствительности обстоятельства фатально сложились такъ, что, какъ сказано выше, въ распоряженіи Ермолова было только 7 — 8 батальоновъ, въ общей сложности 30 ротъ, стоявшихъ собственно въ Грузіи. Если изъ этого числа исключить три роты, — меньшее, что необходимо было для охраненія полковыхъ штабъ-квартиръ въ Гори, Манглисѣ и Бѣломъ ключѣ, — да три роты для постовъ на военно-грузинской дорогѣ и на сообщеніяхъ съ Имеретіей, да, наконецъ, минимумъ пять-шесть ротъ для постояннаго гарнизона Тифлиса—всего 12 ротъ, — то для дѣйствія въ полѣ Ермоловъ могъ располагать, пока не прибыли подкрѣпленія, самое большое 18-ю ротами. И Ермоловъ не медлилъ ввести эти роты въ дѣло.

18-го іюля въ Тифлисѣ получено было извѣстіе о нападеніи персіянъ на Миракъ, — а 19-го четыре роты, въ составѣ своднаго батальона, уже двигались изъ Грузіи къ эриванской границѣ, на помощь войскамъ Северсамидзе. Когда же стало ясно, что не самовольно дѣйствовалъ сардарь, а что и самъ Аббасъ-Мирза уже въ Карабагѣ,—Ермоловъ приказалъ (22 іюля) оставить на Алазани только батальонъ Грузинскаго полка, да задержать три роты егерей, которыя, не успѣвъ присоединиться къ своему полку, запертому въ Шушѣ, возвращались теперь изъ Ширванской провинціи черезъ Кизикъ, — а всѣ остальныя войска: другой батальонъ грузинцевъ, батальонъ ширванцевъ и весь Нижегородскій драгунскій полкъ — отправить немедленно къ сторонѣ Елизиветполя, на рѣчку Гассанъ-Су, чтобы прикрыть большую дорогу, ведущую въ Тифлисъ изъ Карабага. Часть этого отряда, 30-го іюля, т. е. спустя всего 10—12 дней послѣ полученныхъ въ Тифлисѣ извѣстій о вторженіи персіянъ, уже стояла на мѣстѣ. Слѣдовательно, изъ самаго разсчета времени видно, что Ермоловъ не потерялъ ни одного дня, чтобы сдѣлать то, что сдѣлать ему было возможно. 4-го августа, туда же, къ сторонѣ Елизаветполя, отправлены были изъ Тифлиса еще

девять ротъ пѣхоты, — и въ распоряженіи Ермолова свободныхъ войскъ осталось всего четыре-пять ротъ, съ которыми нужно было защищать границу отъ разбоевъ турецкихъ курдовъ и охранять внутреннее спокойствіе Грузіи, съ трепетомъ видѣвшей опять персидскія знамена, съ одной стороны въ 150, а съ другой — въ 60 верстахъ отъ Тифлиса. Такимъ образомъ, ни одинъ солдатъ Закавказья не оставался безъ дѣла, опровергая тѣмъ обвиненія Ермолова въ бездѣйствіи,—и слабыя силы были размѣщены по плану, полному смысла и пониманія края. Въ результатѣ — два достаточно сильные отряда совершенно прикрыли дороги къ Тифлису: одинъ, стоявшій у Джалалъ-Оглы — со стороны Эривани; другой, занимавшій Делижанское ущелье — со стороны Карабага. Правда, позади этихъ отрядовъ, въ самой Грузіи, войскъ почти не было; но то была уже не вина главнокомандующаго.

При такихъ обстоятельствахъ Ермолову естественно было, до прихода подкрѣпленій, предоставить иниціативу рѣшительнаго наступленія непріятелю, чтобы дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Самому же соединить оба отряда и идти впередъ по какому-нибудь одному изъ этихъ направленій, т. е. къ Карабагу или къ Эривани,—значило бы открыть непріятелю ту или другую сторону для свободнаго вторженія въ самое сердце уже беззащитной Грузіи.

Вотъ какъ самъ онъ, въ донесеніи государю отъ 29-го августа, опредѣлялъ предстоящія ему дѣйствія:

«Мнѣ подлежатъ два пути, — говоритъ онъ: — одинъ въ Эриванское ханство, дабы внести войну въ землю непріятельскую, другой — въ Карабагъ, дабы смирить возмутившіяся мусульманскія провинціи.

Не возстановя порядка въ сихъ провинціяхъ, что требуетъ и времени и войскъ, не возможно идти въ Эриванское ханство. Съ малыми силами предпринять сіе не безопасно, тѣмъ болѣе въ позднее оремя года, когда выпадетъ снѣгъ въ горахъ, и дороги, дѣлаясь совершенно неудобными, отнимутъ всякую возможность снабженія войскъ. По внезапности войны

не сдѣлано достаточныхъ заготовленій, а измѣна татаръ лишила средствъ подвоза.

Занять Эриванское ханство не иначе должно, какъ стать въ ономъ твердою ногою. Иначе персіяне истребятъ значительное количество обитающихъ въ немъ христіанъ, ожидающихъ насъ съ нетерпѣніемъ и готовыхъ снабжать продовольствіемъ. Для наступательныхъ дѣйствій нужно устроить транспорты для провіанта; нужны таковые и для парковъ. Мы вступимъ въ землю совершенно неустроенную, гдѣ система реквизиціи не можетъ имѣть мѣста. Для движеній необходимъ подножный кормъ, ибо, по свойству климата, жители фуражъ почти не заготовляютъ, и надлежитъ ожидать, что непріятель всѣ средства станетъ истреблять.

Въ настоящее время и потому нельзя идти въ Эриванское ханство, что возмутившіеся мусульмане почти до самыхъ воротъ Тифлиса, могутъ, пользуясь отсутствіемъ войскъ, внести въ Грузію опустошеніе и поколебать жителей Кахетіи, для возмущенія которой персіяне посылаютъ бѣглаго грузинскаго царевича Александра.

Теперь предлежитъ другой путь въ Карабагъ. Тамъ большія силы персіянъ, поддерживающія возмущеніе мусульманскихъ провинцій. Въ движеніи туда я долженъ пройти Борчалинскую дистанцію, гдѣ уже явны признаки бунта, Казахскую дистанцію, удерживаемую единственно пребывающими тамъ войсками. Шамшадильскую дистанцію и Елизаветпольскій уѣздъ, уже возмутившіеся и занятые непріятелемъ. На правомъ флангѣ моемъ будутъ открытыя дороги со стороны озера Гокчи, по которымъ можетъ пройти непріятель для соединенія съ мятежниками. Съ лѣваго фланга бунтующія провинціи — Шакинская и Карабагская.

Нѣтъ сомнѣнія, что со всѣхъ сторонъ буду я имѣть непріятеля и никакого сообщенія съ Грузіей.

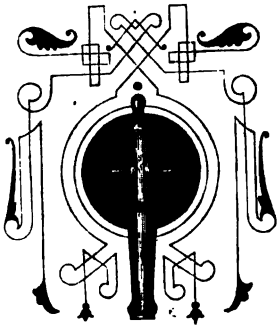
Избѣжать часть этихъ неудобствъ есть одно средство — идти въ Карабагъ въ глубокую осень. Суровая погода въ горахъ сдѣлаетъ пути затруднительными, и персіяне не перейдутъ ихъ съ пѣхотою и артиллеріею. Жители спустятся

съ горъ на равнины, а, имѣя въ залогѣ ихъ семьи и имущества, можно будетъ достать часть продовольствія, которое везти съ собою нѣтъ способовъ, ибо нѣтъ въ землѣ повозокъ. Осеннее и зимнее время въ Карабагѣ представляетъ и то удобство, что есть подножный кормъ».

Доводы эти ясны и просты, и понятно, почему рѣшительныя дѣйствія Ермоловъ откладывалъ до прихода 20 пѣхотной дивизіи. Это было разсчетливое выжиданіе, намѣченное на вѣрное пораженіе врага. «Имѣйте терпѣніе — писалъ Ермоловъ въ приказѣ по корпусу отъ 26 іюля: — и защищайтесь съ твердостію. Я укажу вамъ, храбрые товарищи, когда нанести ударъ на враговъ нашего Императора».

Въ осторожныхъ и медлительныхъ дѣйствіяхъ Ермолова нѣтъ, конечно, стремительности Карягиныхъ и Котляревскихъ. Но очевидно, ему и не представлялось возможности, тотчасъ же по вступленіи персіянъ въ русскіе предѣлы, идти имъ на встрѣчу съ тѣмъ, что онъ могъ немедленно стянуть къ себѣ, и нанести имъ рѣшительное пораженіе, какъ того хотѣлось бы впослѣдствіи нѣкоторымъ историкамъ персидской войны. Войскъ на то, какъ ясно изъ предыдущаго, вначалѣ не было. Правда, и впослѣдствіи, когда русскія войска стояли уже передъ врагомъ, онъ рекомендовалъ имъ осторожность, быть можетъ преувеличенную, — фактъ, достовѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію; но и этотъ фактъ понятенъ. Ермоловъ былъ озабоченъ численнымъ ничтожествомъ русскихъ сравнительно съ персидскими полчищами, — и рисковать ничѣмъ не хотѣлъ. Дальнѣйшее теченіе войны показало, правда, что регулярныя персидскія войска не были лучше прежней иррегулярной толпы, которую билъ Котляревскій, и что незначительный русскій отрядъ имѣлъ шансы разсѣять многочисленнаго врага. Но Ермоловъ, благодаря донесеніямъ Мазаровича, имѣлъ преувеличенныя представленія о духѣ и характерѣ тогдашнихъ вновь заведенныхъ регулярныхъ войскъ Персіи и уже не считалъ возможнымъ противопоставить десяткамъ тысячъ ихъ — простыя тысячи. Это было роковою ошибкой; но ошибкой, имѣвшей значеніе гораздо болѣе для

него лично, чѣмъ для судьбы войны. Какъ главнокомандующему, ему долженъ былъ предстоять вопросъ: что же будетъ, если послѣднія силы, которыя онъ выведетъ противъ врага, будутъ уничтожены? Положеніе тогда стало бы гибельнымъ. И вотъ, онъ былъ остороженъ и медлителенъ. Врагъ не выигрывалъ ничего, занимая татарскія провинціи и стараясь побороть охранявщіе ихъ русскіе отряды,—онъ только терялъ первый энтузіазмъ наступательной войны. А Ермоловъ, не рискуя, безъ блеска, но съ глубокимъ разсчетомъ, готовилъ ему тѣмъ вѣрнѣйшее пораженіе. Этотъ образъ дѣйствій послужилъ интригѣ противъ него, но не повредилъ общему ходу войны и подготовилъ торжество русскому оружію, которымъ только воспользовались—другіе.



VIII.

Битва подъ Шамхоромъ.

(Князь Мадатовъ).

На пути къ Елизаветполю постепенно формировался русскій отрядъ, имѣвшій назначеніе противостать врагу, въ его движеніи изъ Карабага на Тифлисъ. 30-го іюля въ Казахскую дистанцію пришелъ съ Лезгинской линіи Грузинскій батальонъ, съ сотнею казаковъ и четырьмя орудіями, подъ командою графа Симонича. Сосѣднихъ шамшадильскихъ татаръ онъ нашелъ въ полномъ возмущеніи. Конвой, находившійся у пристава, незадолго передъ тѣмъ былъ вырѣзанъ, такъ что изъ него спаслось только два казака, и то одинъ раненый. Самъ приставъ, полковникъ Остроуковъ, былъ вѣроломно захваченъ и татары, которымъ онъ безусловно вѣрилъ, которыхъ ласкалъ, о которыхъ такъ много заботился, теперь намѣревались отправить его, какъ плѣнника, къ эриванскому хану. Армяне давно предупреждали Остроукова быть осторожнымъ, но онъ приписывалъ эти совѣты интригамъ и не хотѣлъ ихъ слушать. И вотъ, когда

гроза разразилась, тѣ люди, которыхъ онъ тѣснилъ въ угоду татарамъ, явились его избавителями: они дали ему средство бѣжать изъ-подъ стражи и долго скрывали его въ своихъ деревняхъ, рискуя тѣмъ навлечь на себя безпощадную месть шамшадильцевъ. Симоничъ въ тотъ же день вошелъ въ Шамшадиль и, не имѣя возможности проникнуть въ самыя горы, сталъ на рѣкѣ Таусѣ.

На слѣдующій день передъ нимъ показались конныя партіи мятежниковъ,—и была перестрѣлка. 1-го августа татары явились уже въ значительныхъ силахъ и пытались даже отрѣзать фуражировъ, но попали между двухъ огней и понесли большую потерю; съ одной стороны самъ Симоничъ ударилъ на нихъ съ ротою грузинскихъ гренадеровъ, съ другой—атаковали ихъ казаки. Маіоръ Князевъ, командовавшій донскою сотней, въ порывѣ храбрости, занесся слишкомъ далеко и былъ раненъ—одинъ изъ всего отряда. 2-го августа—опять перестрѣлка. Все это показывало, что непріятель держится гдѣ-нибудь поблизости въ значительныхъ силахъ, и графъ Симоничъ рѣшился перемѣнить позицію. 3-го августа онъ передвинулся опять въ Казахскую дистанцію, на рѣчку Акстафу, и занялъ важное въ стратегическомъ смыслѣ Делижанское ущелье, составлявшее съ той стороны ворота въ Грузію.

Здѣсь, 5-го августа, присоединился къ нему батальонъ ширванцевъ, прошедшій кратчайшею дорогой изъ Царскихъ Колодцевъ, подъ командою своего полкового командира, подполковника Грекова; ожидались и еще два батальона — изъ Грузіи. Этотъ послѣдній отрядъ (батальонъ херсонцевъ и сводный батальонъ изъ двухъ ротъ Грузинскаго полка и трехъ ротъ егерей при шести орудіяхъ) выступилъ изъ Тифлиса 4-го августа. «Жители — разсказываетъ одинъ изъ участниковъ похода: — провожали насъ искреннимъ пожеланіемъ успѣха, но тотъ, кто внимательно всмотрѣлся бы въ лица этихъ провожавшихъ, замѣтилъ бы на нихъ выраженіе затаеннаго страха и недовѣрія. Мы также выступали не весело; мы знали, что персіяне уже въ нашихъ границахъ,

знали, что скоро должны встрѣтить ихъ въ превосходныхъ силахъ, слышали о нашихъ неудачахъ, и подъ ихъ вліяніемъ въ рядахъ солдатъ замѣтно было какое-то уныніе; молча совершались переходы и не слышно было тѣхъ веселыхъ пѣсенъ и шутокъ, которыя обыкновенно сопровождаютъ русскихъ солдатъ въ походѣ». Послѣ трехдневнаго марша отрядъ дошелъ до Краснаго Моста, на рѣкѣ Храмѣ, и тамъ остановился отдохнуть. Вдругъ явился верховой съ приказаніемъ не трогаться дальше до пріѣзда князя Мадатова. Трудно описать тотъ восторгъ, который овладѣлъ солдатами при этомъ извѣстіи. «Ну, слава Богу, — говорили они между собою: — ѣдетъ Мадатовъ! Теперь персіянамъ шабашъ!».

Въ то время, какъ отрядъ постепенно усиливался, въ Тифлисъ, дѣйствительно, пріѣхалъ Мадатовъ. Онъ проводилъ лѣто 1826 года на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, гдѣ и разсчитывалъ остаться до глубокой осени, чтобы возстановить разстроенное трудами и ранами здоровье. Вдругъ пришла въ Пятигорскъ неожиданная вѣсть о вторженіи персіянъ. Мадатовъ забылъ свою болѣзнь, сѣлъ въ перекладную телѣжку и на третій день былъ уже въ Тифлисѣ. Ему и поручилъ Ермоловъ передовой отрядъ, собиравшійся къ сторонѣ Елизаветполя.

И вотъ, къ войскамъ, стоявшимъ у Краснаго Моста, 9-го августа, въ два часа глухой ночи, въ простой почтовой телѣжкѣ, безъ всякаго конвоя, пріѣхалъ Мадатовъ. Красный мостъ стоитъ на самой границѣ древнихъ владѣній Грузіи и перекинутъ черезъ широкую и быструю рѣчку Храмъ. Это—образецъ азіятской архитектуры. Онъ выстроенъ безъ помощи желѣза и утвержденъ на четырехъ каменныхъ аркахъ, пять столѣтій уже поддерживающихъ его безъ ремонтныхъ работъ и поправокъ. Въ виду этого-то древняго памятника, несмотря на ранній часъ, Мадатовъ встрѣтилъ свои батальоны выстроенными по-ротно. Князь обошелъ весь бивуакъ и весело здоровался съ людьми. Солдаты кричали «ура!»

Мадатовъ по своему обыкновенію шутилъ съ солдатами.

— Ну, ребята,—говорилъ онъ:—правду ли я слышалъ, что у васъ нѣтъ говядины? — «Такъ точно», — отвѣчали солдаты.—Такъ вотъ, ребята, что: я васъ знаю—вы русскіе воины. Я поведу васъ на персіянъ, мы ихъ побьемъ, — и тогда у насъ всего будетъ вдоволь! — «Рады умереть подъ командою вашего сіятельства!»—кричали солдаты.

Въ тотъ же день отрядъ двинулся дальше и, 13-го августа соединился съ войсками, стоявшими, подъ командою графа Симонича, на рѣкѣ Акстафѣ. Прибытіе Мадатова въ Казахскую дистанцію произвело большое вліяніе на колебавшіеся умы татаръ, всегда склонныхъ стать на сторону сильнаго. Они совсѣмъ не разсчитывали увидѣть Мадатова. Персіяне, зная вліяніе его, давно распустили слухъ, что онъ отозванъ въ Россію. Теперь, пріѣздъ Мадатова такъ сильно поразилъ татаръ, что они толпами приходили въ лагерь, чтобы собственными глазами убѣдиться въ этой истинѣ. И если мятежъ не потухъ окончательно въ горахъ Шамшадиля, то въ Казахской дистанціи первѣйшіе агалары тотчасъ же составили конную дружину, которая вѣрно и служила подъ знаменами Мадатова противъ своихъ же единовѣрцевъ.

Солдаты ликовали.

Памятникомъ такого настроенія въ войскахъ осталась и понынѣ солдатская пѣсня, сложенная тогда въ лагерѣ на рѣкѣ Акстафѣ унтеръ-офицеромъ Грузинскаго полка Орловымъ, которому принадлежитъ цѣлый циклъ боевыхъ пѣсенъ, долгое время распѣвавшихся гренадерами *).

---

*) Имя Орлова въ свое время пользовалось на Кавказѣ большою популярностью. Вотъ эта пѣсня, сложенная имъ на пріѣздъ Мадатова:

Буря брани зашумѣла,
Поскорѣй, друзья, къ ружью,—
Въ чисто поле поспѣшайте
Защищать страну сію.
Мы не въ ней хотя родились,
Она наша—въ ней живемъ, —
И равно, что за отчизну,
За нее пойдемъ умремъ

Назначая Мадатова начальникомъ передоваго отряда, Ермоловъ вовсе не хотѣлъ отступить отъ своей программы оборонительныхъ дѣйствій до прибытія подкрѣпленій, двигавшихся уже съ Кавказской линіи. Главныя цѣли, которыя долженъ былъ преслѣдовать Мадатовъ, были: прикрытіе Делижанскаго ущелья, удержаніе казахскихъ татаръ отъ попытокъ къ возстанію и прекращеніе разбоевъ, производимыхъ возмутившимися жителями Елизаветпольскаго округа и Шамшадиля. И ему категорически предписано было, въ случаѣ появленія главной персидской арміи изъ Карабага, отступить безъ боя въ Борчалинскую дистанцію и стать у Краснаго моста, на Храмѣ. Напротивъ, если бы персіяне перешли въ

Слышно, братцы, персіяне
Расхищаютъ все и жгутъ
По сю сторону Аракса,
Къ Карабагу ужь идутъ.
Ну, скорѣе, маршъ, на встрѣчу,
Графъ нашъ Симоничъ—готовъ,
Онъ въ Европѣ научился,
Какъ разить своихъ враговъ.
Генералъ храброй Мадатовъ
Насъ къ побѣдамъ поведетъ;
Онъ военныя ухватки
Персовъ знаетъ напролетъ.
Подъ командой ихъ не страшно;
Хоть враговъ и больше насъ—
Саранча это пустая.
Только грянемъ дружно вразъ—
Разобьемъ мы эту сволочь
И всю Персію пройдемъ.
Ужь потѣшимся, ребята,
Лавръ отчизнѣ принесемъ.
Ни пески, ни лѣсъ, ни горы,
Сама смерть намъ не страшны,
Всѣ труды почтемъ игрою—
Для того мы рождены;
Рождены на свѣтъ къ побѣдамъ—
И привыкли побѣждать
Не такихъ, какъ персіяне,
И съумѣемъ доказать
Всему свѣту, что съ Россіей
Тщетный трудъ войну вести,
Что Россія свою славу
Всегда можетъ соблюсти...

наступленіе только частью своихъ силъ, занимавшихъ Елизаветполь, то Мадатовъ обязанъ былъ вступить съ ними въ битву; въ этомъ случаѣ Ермоловъ требовалъ уже дѣйствій рѣшительныхъ и выражалъ полную увѣренность, что Мадатовъ, имѣя достаточно войскъ и сильную артиллерію, можетъ заставить «мошенниковъ» раскаяться въ подобной дерзости. «Употребите всѣ силы, любезный князь, чтобы не допустить эту сволочь подаваться впередъ,—писалъ онъ къ Мадатову въ частномъ письмѣ: — Ваше мужество и многолѣтнія заслуги ручательство въ томъ, что вы успѣете внушить непріятелю тотъ ужасъ, какой должно вселять въ него храброе русское войско, подъ начальствомъ опытнаго генерала... Предупредите моихъ товарищей, что требую отъ нихъ подвиговъ, достойныхъ кавказскаго корпуса...»

Ермоловъ обѣщалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, при первой же возможности прислать къ Мадатову еще батальонъ пѣхоты и четыреста конныхъ и пѣшихъ горцевъ, отличныхъ стрѣлковъ, подъ командою подполковника Конокова, а на первыхъ порахъ отправилъ къ нему пока грузинскую милицію, собранную въ Кизикѣ и Телавѣ. Эта милиція, впрочемъ, была довольно слаба и по своему составу, и по вооруженію. Лучшую, превосходную во всѣхъ отношеніяхъ милицію выставилъ городъ Гори, но Ермоловъ предпочелъ оставить ее для наблюденія за Борчалинскою дистанціею.

Въ лагерѣ, дѣйствительно, давно уже носились слухи, что Амиръ-Ханъ-Сардарь намѣревается перейти въ наступленіе. Но пока это были только слухи, — военныя дѣйствія отряда должны были ограничиться лишь наблюденіемъ да мелкими стычками. Уже въ самый день пріѣзда Мадатова, вечеромъ, изъ лагеря посланы были три роты Грузинскаго полка, подъ командою маіора Полякова, въ деревню Амерлы, чтобы захватить персидскій наблюдательный отрядъ, выдвинутый туда изъ Елизаветполя. Нѣсколько агаларовъ взялись быть проводниками. Разсчитывали ударить на деревню ночью и накрыть персіянъ врасплохъ. Но ночь проходила, а деревни все не было. Забрезжился наконецъ свѣтъ, и тогда оказа-

лось, что агалары вели отрядъ не тою дорогою, такъ что до деревни и теперь оставался еще добрый переходъ. Какъ ни спѣшили гренадеры,—они пришли въ Амерлы только въ 10 часовъ утра и, разумѣется, никого уже тамъ не застали; персіяне имѣли время собрать нужныя имъ свѣдѣнія и ушли заблаговременно. Роты остались ночевать въ Амерлахъ, но отдыхать имъ пришлось плохо. Въ самую полночь ударили тревогу, и солдаты почти до разсвѣта стояли подъ ружьемъ. Тревога оказалась, однакоже, фальшивою: ее произвели бывшіе въ отрядѣ татары, съ тѣмъ, чтобы, воспользовавшись суматохой, угнать изъ лагеря нѣсколько казачьихъ лошадей. Эти подробности, передаваемыя графомъ Симоничемъ въ его мемуарахъ, весьма характерно рисуютъ народъ, съ которымъ войскамъ приходилось возиться, и обстоятельства, съ которыми нужно было считаться. Агалары еще держались русскихъ, но вліяніе ихъ на татаръ было ничтожно, и они, несмотря на всѣ обѣщанія, не могли уговорить шамшадильцевъ спуститься съ горъ въ свои деревни; даже съ казахцами сношенія устанавливались медленно, и только въ послѣднее время татары рѣшились, наконецъ, пригонять въ русскій лагерь на продажу скотъ.

Изъ мелкихъ событій этихъ дней выдѣляется еще одна небольшая экспедиція въ деревню Кулабай, гдѣ, какъ дали знать тамошніе армяне, все еще скрывался шамшадильскій приставъ полковникъ Остроуковъ, въ вѣчной опасности быть открытымъ и захваченнымъ татарами. На выручку его ходила грузинская милиція и, возвращаясь въ лагерь, имѣла незначительную стычку съ татарами. Это была первая боевая служба туземнаго ополченія. Грузины храбро атаковали враговъ и привели съ собою пять человѣкъ плѣнныхъ.

Но скоро наступило время крупныхъ событій. Получены были достовѣрныя свѣдѣнія, что Амиръ-Ханъ-Сардарь самъ о наступленіи еще не думаетъ, но что въ Шамхорскихъ горахъ, почти въ сосѣдствѣ съ русскимъ отрядомъ, появилась двухъ-тысячная персидская конница, подъ начальствомъ Зурабъ-Хана, которому поручено было провести бывшаго съ

нимъ царевича Александра за Алазань, чтобы поднять лезгинъ, а по пути, если возможно, произвести волненіе въ Кизикѣ и въ Кахетіи. Носились даже слухи, что царевичъ намѣревается внезапно напасть на отрядъ Мадатова и открыть себѣ дорогу оружіемъ. Разстроить эти планы было чрезвычайно важно, потому что появленіе царевича въ Кахетіи могло повести ко многимъ прискорбнымъ событіямъ, — да и выжидать нападеній было не въ обычаѣ Мадатова. Рѣшено было дѣйствовать быстро и рѣшительно, чтобы какъ можно скорѣе покончить съ царевичемъ и развязать себѣ руки для свободныхъ дѣйствій противъ Елизаветполя. Труднѣе всего, однако, было узнать, гдѣ именно находится лагерь Зурабъ-Хана. Татары, очевидно намѣренно, привозили извѣстія одно противорѣчивѣе другого, а одинъ изъ агаларовъ, добровольно вызвавшійся сходить на развѣдки, вернулся съ извѣстіемъ, что дошелъ до Джигача и нигдѣ не встрѣтилъ даже слѣдовъ непріятеля. Это было 22-го августа. Въ этомъ невѣдѣніи Мадатовъ приготовился идти наудачу, чтобы разыскать царевича въ Шамхорскихъ горахъ. Уже грузинская конница вышла изъ лагеря, уже гренадеры съ четырьмя орудіями были готовы къ движенію,—какъ вдругъ, часу въ пятомъ вечера, прискакалъ армянинъ съ важными извѣстіями: царевичъ съ отрядомъ Зурабъ-Хана, стоялъ всего верстахъ въ тридцати отъ русскаго лагеря, на одномъ изъ притоковъ Тауса, Астрикѣ.

Тотчасъ сдѣланы были новыя распоряженія, и въ 9 часовъ вечера пять ротъ грузинскихъ гренадеровъ, шесть орудій и конная грузинская милиція, подъ личною командою Мадатова, быстро двинулись по дорогѣ на рѣчку Гассанъ-Су. Въ полночь къ нимъ присоединился еще батальонъ ширванцевъ съ двумя пушками, и отрядъ, подъ покровомъ густой предразсвѣтной мглы, началъ переправляться черезъ Таусъ. Тутъ оказался персидскій караулъ. Внезапно увидѣвъ передъ собою войска, человѣкъ тридцать татаръ дали залпъ и во весь духъ понеслись въ закрытое туманомъ пространство. Слышно было, какъ гдѣ-то вслѣдъ за тѣмъ ударили тревогу.

Войска прибавили шагу, и, если бы лагерь оставался на томъ же мѣстѣ, гдѣ его видѣли наканунѣ армяне, царевичъ могъ бы попасть въ русскія руки. Но, достигнувъ Астрика, Мадатовъ нашелъ только пустыя мѣста съ явными признаками того, что тутъ еще недавно стояли палатки. Оказалось, что непріятель еще вечеромъ перемѣнилъ позицію и теперь стоялъ на вершинѣ сосѣдней горы. Когда поднялось солнце, русскіе увидѣли персіянъ на горѣ, въ боевомъ порядкѣ. Среди нихъ замѣтно было, впрочемъ, волненіе, по всей вѣроятности, вызванное внезапнымъ появленіемъ отряда. Непріятель зналъ, что русскіе должны прійти, но такого скораго посѣщенія не ожидалъ.

Съ горъ персіяне кричали грузинамъ, бывшимъ въ отрядѣ, «что съ ними царевичъ, и чтобы тѣ не стрѣляли». Тогда старый картвельскій князь подъѣхалъ къ Мадатову и сказалъ ему: «князья и простые грузины ничего не желаютъ больше, какъ сложить свои головы за русскаго императора». Въ отвѣтъ на эти слова, Мадатовъ приказалъ грузинской конницѣ скакать на отрѣзъ непріятелю, чтобы захватить въ свои руки путь его отступленія. Въ то же время шесть орудій, выѣхавъ впередъ, открыли по непріятелю огонь гранатами. Видя съ одной стороны движеніе грозной пѣхоты, съ другой—уже обходившую ихъ конницу, потерявъ надежду на измѣну грузинъ, персіяне бросились бѣжать въ совершенномъ безпорядкѣ. Къ сожалѣнію, дорога, по которой скакала грузинская конница, была такъ дурна, что помѣшала во-время отрѣзать имъ отступленіе, — иначе потери непріятеля были бы громадны.

Царевичъ ускакалъ въ Эривань; шамшадильскіе татары, его окружавшіе, отстали отъ мятежа и возвратились въ свои деревни; персидскія войска частію разсѣялись, а частію, разстроенныя и безпорядочныя, прибѣжали въ Елизаветполь, и первыя принесли туда вѣсть о пораженіи царевича.

Предоставивъ окрестнымъ армянамъ добивать жалкіе остатки сброда, искавшаго теперь спасенія въ горахъ, Мадатовъ въ тотъ же день перешелъ обратно за Таусъ. Пѣхота, находив-

шаяся 17 часовъ въ безпрерывномъ движеніи, съ однимъ только получасовымъ приваломъ, остановилась ночевать на берегу рѣки бивуакомъ; Мадатовъ же съ грузинскою конницею вернулся въ лагерь. Тамъ ожидалъ его курьеръ изъ Тифлиса. Ермоловъ предупреждалъ князя, что по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, имѣющимся у него, царевичъ Александръ идетъ въ Кахетію. Мадатовъ отвѣтилъ, что царевича больше уже не существуетъ.

Между тѣмъ въ Тифлисъ, во второй половинѣ августа, прибыли съ Кавказской линіи Лейбъ-гвардіи Сводный полкъ и 2-й батальонъ ширванцевъ. Это дало возможность Ермолову усилить Мадатова еще батальономъ Херсонскаго полка и разрѣшить ему наступательныя дѣйствія къ сторонѣ Елизаветполя.

Говоря о принятомъ имъ доселѣ строго оборонительномъ образѣ дѣйствій, Ермоловъ, — какъ онъ объясняетъ въ рапортѣ своемъ къ государю, — разумѣлъ подъ нимъ только невозможность, до прибытія сильныхъ подкрѣпленій, внести оружіе въ непріятельскую землю; но въ то же время онъ не переставалъ имѣть въ виду необходимость частныхъ наступательныхъ дѣйствій, чтобы освободить Шушу, — и Мадатову приказано было отбросить персидскій авангардъ, занять Елизаветполь и тѣмъ заставить Аббаса-Мирзу или снять, или, по крайней мѣрѣ, ослабить блокаду Шушинской крѣпости.

Но давая Мадатову полную свободу дѣйствій, какъ уже испытанному боевому генералу, Ермоловъ, однакоже, старался умѣрить его извѣстную отвагу и пылкость. «Бога ради,—писалъ онъ къ нему: — будь остороженъ и противъ силъ несоразмѣрныхъ не вдавайся въ дѣло. Суворовъ не употреблялъ слова ретирада и называлъ ее прогулкою. И ты, любезный князь, прогуляйся во-время, когда будетъ не подъ силу. Стыда въ томъ нѣтъ нимало». Такъ крѣпко было въ немъ убѣжденіе въ необходимости быть осторожнымъ со вновь обученными регулярными войсками Аббаса-Мирзы.

Но Мадатовъ думалъ не объ отступленіи. Онъ спѣшилъ къ Елизаветполю, гдѣ десяти-тысячный персидскій авангардъ, выдвинутый отъ главныхъ силъ къ сторонѣ Тифлиса, заграждалъ путь къ Карабагу, — и Мадатовъ принималъ дѣятельныя мѣры, чтобы, по возможности, облегчить и обезпечить успѣхъ смѣлаго предпріятія.

30-го августа, всѣ плѣнные, больные, всѣ лишніе обозы и тяжести были отправлены имъ въ Тифлисъ, подъ прикрытіемъ роты Грузинскаго полка. Два батальона, херсонскій и ширванскій, съ четырьмя батарейными орудіями, налегкѣ оставлены были на прежней позиціи для наблюденія за краемъ, а всѣ остальныя войска: батальонъ херсонскихъ гренадеръ, пять ротъ Грузинскаго полка, и три роты егерей, вмѣстѣ съ Донскимъ казачьимъ полкомъ и конною грузинскою милиціею, при восьми батарейныхъ и четырехъ легкихъ орудіяхъ, перешли 31-го августа на правый берегъ Гассанъ-Су, готовыя начать наступленіе.

Ночью въ этотъ день надъ лагеремъ разразилась страшная буря съ грозою и ливнемъ. На солдатахъ не осталось сухой нитки, такъ что на слѣдующее утро отряду пришлось стоять и обсушиваться. И тѣмъ не менѣе къ ночи войска уже были за Таусомъ.

Извѣстія изъ Елизаветполя приходили, между тѣмъ, самыя разнорѣчивыя. «Мы даже не знали навѣрное, — говоритъ въ своихъ мемуарахъ графъ Симоничъ:—есть ли тамъ кто-либо изъ принцевъ персидской царствующей фамиліи, и вовсе не были увѣрены въ числѣ находящихся тамъ войскъ». Армяне до крайности все уменьшали, татары до той же степени все преувеличивали. Одно, на чемъ сходились и тѣ и другіе,—это то, что непріятель располагаетъ большими массами кавалеріи. Послѣднее обстоятельство и вытекающая изъ него вѣроятность неожиданно увидѣть эту конницу на берегу Тауса, занятомъ русскими, заставила отрядъ быть осторожнѣе и ночевать въ одномъ общемъ каре, съ выдвинутыми впередъ пушками, съ дымящимися фитилями.

2-го сентября отрядъ подошелъ къ Дзигаму. Дзигамскій шпицъ (такъ называется островершинная гора, возвышающаяся надъ самымъ селеніемъ) уже былъ занятъ персидскою конницею. Съ приближеніемъ русскаго авангарда она, однако, отступила по двумъ направленіямъ: часть ея потянулась въ Дзигамскія горы, другая — по большой дорогѣ къ Шамхору. Войска заняли Дзигамъ и здѣсь ночевали. Ночь прошла спокойно; патрули, объѣзжая окрестности, никого не встрѣчали; о персіянахъ не было никакого извѣстія.

Между тѣмъ, въ то время, какъ Мадатовъ разсчитывалъ еще идти разыскивать непріятеля, послѣдній самъ шелъ прямо на него и былъ отъ Дзигама гораздо ближе, чѣмъ предполагали. Передъ свѣтомъ 3-го сентября, неожиданно получены были точныя свѣдѣнія, что весь десяти-тысячный непріятельскій корпусъ, оставивъ Елизаветполь, стоитъ уже подъ Шамхоромъ, и что войсками командуетъ принцъ Мамедъ-Мирза, при которомъ въ качествѣ ментора находится Амиръ-Ханъ-Сардарь, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ Персіи. По словамъ армянъ, персіянамъ извѣстно, что русскіе въ Дзигамѣ, и Мамедъ-Мирза сказалъ, будто бы, что онъ самъ пошелъ бы изъ Шамхора разыскивать русскій отрядъ, если бы Мадатовъ не предупредилъ его и тѣмъ не избавилъ отъ этого труда.

Едва забрезжилось утро, войска выступили изъ Дзигама уже въ боевой готовности. Прошли верстъ пять. Начиналась обширная плоскость, и на горизонтѣ вдали показался, стоявшій передъ Шамхоромъ, высокій, красивый столбъ, какъ вѣстникъ близости врага.

При всѣхъ переворотахъ, колебавшихъ эту страну въ теченіе многихъ вѣковъ одинъ этотъ гигантскій столбъ противу стоялъ разрушенію и сохранялся невредимо среди груды камней и развалинъ нѣкогда окружавшаго его большого города. Темныя преданія различно повѣствуютъ о сооруженіи этого столба; но есть основаніе думать, что онъ въ былое время служилъ астрономической обсерваторіею, и что

только уже въ позднѣйшіе годы муллы обратили его въ минаретъ. Уставленная на четырехъ-угольномъ пьедесталѣ, колонна эта была замѣчательна смѣлостью полета въ вышину и необыкновенною прочностію. Винтовая лѣстница внутри, достаточно широкая для двухъ человѣкъ, идущихъ рядомъ, вела на галлерею, окружавшую колонну на высотѣ около двухсотъ футовъ отъ земли, и могла считаться образцомъ архитектуры по своей изящности и легкости. Время основанія этого замѣчательнаго сооруженія теряется въ глубинѣ вѣковъ, и нужно сказать, что еще и теперь въ развалинахъ Шамхора находятъ древнія монеты съ изображеніемъ Александра Великаго.

Проѣзжая нынѣ черезъ Шамхорскую станцію, вы бы напрасно стали искать интересныхъ остатковъ знаменитаго минарета, служившаго предметомъ любопытства для каждаго путешественника. Въ сороковыхъ годахъ онъ упалъ, и теперь едва замѣтная груда муссора свидѣтельствуетъ развѣ только о непрочности всего земного.

Этому-то вѣковому памятнику, царившему надъ планиной, и предстояло теперь стать свидѣтелемъ битвы. Быстро приближался къ нему русскій отрядъ, виднѣлся уже Шамхоръ. Но вотъ, на горизонтѣ, со стороны Дзигамскихъ горъ показалась какая-то конница. То Зурабъ-Ханъ, собравшій остатки своихъ войскъ, разсѣянныхъ на Астрикѣ, спѣшилъ соединиться съ Мамедъ-Мирзою. А впереди передъ русскими стоялъ уже непріятель. Въ авангардѣ завязалась перестрѣлка и разгоралась сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ русскіе подавались впередъ. То казаки перестрѣливались съ конницею Мамедъ-Заманъ-Хана и, поддержанные казахскими татарами, гнали непріятеля, въ десять разъ превосходнѣйшаго числомъ. 60 персидскихъ тѣлъ остались при этомъ на мѣстѣ; пали и вожди этой конницы Мирза-Ханъ и Риза-Ханъ.

Персидскій корпусъ отошелъ за рѣчку Шамхоръ, на правый ея берегъ, и сталъ въ боевомъ порядкѣ. Шахская гвардія, сарбазы и артиллерія расположились въ отлично устроенныхъ шанцахъ; съ фланговъ прикрыли ихъ большія массы

кавалеріи, составленной изъ шамшадильскихъ татаръ и шахсеванцевъ. Въ общемъ счетѣ тутъ было больше десяти тысячъ человѣкъ, предводимыхъ Мамедъ-Мирзою и Амиръ-Ханъ-Сардаремъ. Образуя сильно укрѣпленную линію на протяженіи двухъ верстъ, фронтомъ къ рѣкѣ, персіяне стояли дугой, полумѣсяцемъ, такъ что могли сосредоточить губительный перекрестный огонь на единственную дорогу, по которой должна была приближаться русская пѣхота.

Для Мадатова наступилъ одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ моментовъ, которые не забываются всю жизнь и обнаруживаютъ на нее полное вліяніе. Передъ нимъ былъ впятеро сильнѣйшій и численностію и положеніемъ непріятель, еще гордый предыдущими успѣхами, еще не утратившій того порыва, съ которымъ обыкновенно начинается наступательная война; за нимъ стояла русская земля, отъ него ожидавшая защиты. Онъ зналъ, что на немъ лежало теперь спасеніе края отъ бѣдствій вражескаго вторженія, и честь рускаго оружія. Ему предстояло сосредоточить всѣ свои блистательныя военныя способности, чтобы не стать ниже тяжкихъ потребностей минуты. И онъ не сталъ ниже ихъ, распорядившись со всѣмъ искусствомъ опытнаго вождя и въ то же время оставаясь первымъ солдатомъ своего отряда.

Расположивъ войска въ трехъ небольшихъ колоннахъ, съ кавалеріею по флангамъ, Мадатовъ выѣхалъ впередъ и, осмотрѣвъ непріятельскую позицію, приказалъ начать наступленіе. Непріятель тотчасъ открылъ жестокій огонь, но Мадатовъ подтвердилъ гренадерамъ начать и кончить дѣло штыками.

Твердо, подъ мѣрный грохотъ барабановъ, шли два батальона (грузинцы и егеря), безъ выстрѣла, съ ружьемъ на перевѣсъ; за ними, въ резервѣ, двигались херсонцы. Впереди колоннъ, верхомъ на золотистомъ карабагскомъ конѣ, осыпаемый градомъ непріятельскихъ пуль, ѣхалъ Мадатовъ; поодаль отъ него, нѣсколько сзади, держалась его немногочисленная свита. Напрасно уговаривали Мадатова отъѣхать въ сторону.

«Васъ видятъ, въ васъ мѣтятъ! — кричали ему изъ рядовъ офицеры.

— «Тѣмъ лучше, что меня видятъ,—скорѣе убѣгутъ!» отвѣчалъ генералъ—и приказывалъ прибавить шагу.

Восемь орудій, занявшія между тѣмъ высоты на лѣвомъ берегу Шамхорки, открыли огонь черезъ рѣчку... Грузинская дружина завязала дѣло на правомъ флангѣ; ее поддержали донцы и казахскіе татары. Перестрѣлка охватила уже всю непріятельскую линію. А батальоны все шли и шли подъ мѣрный рокотъ своихъ барабановъ. Все такъ же спокойно ѣхалъ Мадатовъ впереди всѣхъ, не вынимая сабли. Но вотъ русскія колонны уже спустились къ рѣчкѣ, вотъ онѣ перебрались въ бродъ черезъ Шамхорку, по поясъ въ водѣ и, мокрыя, взбираются на крутыя высоты. Въ этотъ моментъ, вдругъ, въ рукѣ Мадатова сверкнула кривая полоса обнаженной сабли и, сдѣлавъ полуоборотъ въ сѣдлѣ, онъ крикнулъ: «ура!» Какъ электрическая искра пробѣжало это «ура» по рядамъ русской пѣхоты; батальоны отвѣтили своему вождю громовымъ эхомъ—и ринулися на вражескую батарею. Кавалерія понеслась на фланги: Врагъ дрогнулъ. Быть можетъ, шахская гвардія еще и встрѣтила бы натискъ русскихъ штыками; но тутъ, какъ нарочно, пришло на помощь одно изъ тѣхъ мелкихъ, ничтожныхъ обстоятельствъ, которыя, тѣмъ не менѣе,—какъ это извѣстно каждому,—нерѣдко сопровождаются важными результатами. Вдали, за Шамхоркою, вдругъ показался громадный столбъ пыли, а за нимъ какія-то движущіяся конныя массы. То былъ русскій обозъ, отставшій отъ отряда и теперь спѣшившій приблизиться къ мѣсту сраженія. Персіяне сочли его за сильные резервы, о которыхъ они ничего не знали,—и конница ихъ первая обратилась въ бѣгство. Персидская пѣхота осталась безъ помощи. Донцы, грузины и татары, бросившись преслѣдовать бѣгущихъ, отрѣзали вмѣстѣ съ тѣмъ путь отступленія и пѣхотѣ. Тогда у непріятеля все пришло въ величайшее смятеніе; войска его смѣшались въ одинъ общій клубокъ, тотчасъ же разбросанный по всей громаднѣйшей долинѣ Шамхора. Отдѣльныя,

безпорядочныя кучки уже не могли держаться—и побѣжали. Конница насѣла на бѣгущихъ. Преслѣдованіе было такъ горячо, что принцъ Мамедъ-Мирза, проскакавъ мимо своего лагеря, не успѣлъ вывести изъ него даже свою свиту молодыхъ и красивыхъ мальчиковъ, обыкновенно сопровождавшихъ въ походахъ знатныхъ азіятцевъ,—пришлось благодарить Аллаха за личное свое избавленіе. Менѣе счастливъ былъ Амиръ-Ханъ-Сардарь, его знаменитый пѣстунъ. Покинутый своимъ татарскимъ конвоемъ, онъ быстро мчался одинъ по елизаветпольской дорогѣ на кровномъ текинскомъ жеребцѣ. Но именно этотъ-то конь и роскошь убранства всадника привлекли на себя вниманіе донцовъ, и одинъ изъ нихъ, увязавшись въ погоню, скоро настигнулъ бѣгущаго. Почтенный сѣдобородый старецъ попалъ подъ ударъ казацкаго копья и былъ убитъ на мѣстѣ.

Прекрасный конь, съ великолѣпною сбруей чистаго золота и сѣдломъ, украшеннымъ драгоцѣнными каменьями, достался казаку, только теперь, при видѣ этого необычайнаго богатства, и понявшему, что отъ его руки погибъ одинъ изъ важнѣйшихъ персидскихъ сановниковъ.

Шамхорская битва длилась не долго и была не сложна. Она окончилась однимъ стремительнымъ ударомъ. Сопротивленіе непріятеля было такъ слабо, что блистательная побѣда, разгромъ въ пять разъ сильнѣйшаго врага, — стоили русскимъ войскамъ всего 27 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя, въ то время, какъ потери непріятеля были громадны. По сознанію самихъ персіянъ, они потеряли въ этотъ фатальный для нихъ день свыше двухъ тысячъ человѣкъ одними убитыми. Шахская гвардія, участвовавшая въ дѣлѣ, болѣе не существовала,—она почти вся легла подъ ударами русской конницы. Пространство отъ Шамхора до Елизаветполя, на протяженіи тридцати слишкомъ верстъ устлано было непріятельскими трупами. Объ этомъ свидѣтельствовалъ между прочимъ и самъ Паскевичъ, проѣзжавшій, спустя восемь дней, черезъ поле битвы,—а Паскевича никакъ нельзя заподозрить

въ пристрастіи къ Мадатову или въ желаніи преувеличить значеніе шамхорской побѣды.

Трофеями сраженія были: одно орудіе англійской артиллеріи, 11 фальконетовъ вмѣстѣ съ верблюдами и 75 человѣкъ плѣнныхъ.

«Такъ храброе русское войско—доносилъ Мадатовъ Ермолову:—исполнило приказаніе Вашего Высокопревосходительства идти и съ малыми силами побѣдить непріятеля, въ пять разъ сильнѣйшаго».

Ужасъ, внушенный побѣдителями, былъ такъ великъ, что персіяне, не останавливаясь, бѣжали мимо Елизаветполя за Куракъ-чай и дальше по шушинской дорогѣ. «Такимъ образомъ,—отмѣчаетъ Ермоловъ въ дневникѣ съ своею обычною ироніею: — сынъ Аббаса-Мирзы на первыхъ военныхъ подвигахъ своихъ уподобился уже родителю, ибо началъ ихъ бѣгствомъ. Симъ же отличался родитель его въ прежнія войны противъ русскихъ, и, конечно, не съ меньшей противу него расторопностью».

Послѣ побѣднаго дня, русскій отрядъ быстро шелъ впередъ, по слѣдамъ бѣжавшаго врага, и захватилъ по пути еще два брошенные непріятельскіе лагеря. Общее одушевленіе было такъ велико, что до заката солнца войска свободно прошли еще верстъ пятнадцать, не имѣя ни одного отсталаго. Они дошли бы такимъ образомъ и до самаго Елизаветполя, если бы князь не остановилъ, наконецъ, отряда для небольшого отдыха.

Весело обходилъ онъ на бивуакахъ ряды своихъ гренадеровъ и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. «Вы русскіе воины, русскіе богатыри! — говорилъ имъ князь: — я съ вами никогда побѣжденъ не буду; мы будемъ бить персіянъ вездѣ, гдѣ ихъ ни встрѣтимъ!» Шамхорская побѣда дѣйствительно, по сознанію самого Мадатова, была счастливѣйшею минутой его жизни. Онъ приказалъ выдать людямъ по двѣ чарки водки,—и готовиться къ походу на Елизаветполь.

Въ полночь колонны тронулись. Мадатовъ поѣхалъ впе-

редъ съ казачьимъ полкомъ и двумя орудіями, разсчитывая еще застать въ Ганжѣ непріятеля и напасть на него врасплохъ. Но непріятеля тамъ уже не было. Слухъ о шамхорскомъ пораженіи быстро долетѣлъ до крѣпости, и батальонъ сарбазовъ, стоявшій въ цитадели подъ начальствомъ Назаръ-Али-Хана (изъ Маранды), поспѣшилъ выйти изъ города. Онъ выступилъ такъ скрытно, что даже жители узнали объ этомъ только подъ утро, незадолго до приближенія русскихъ войскъ. Нельзя не сказать, что со стороны Назаръ-Али-Хана это было актомъ высокаго благоразумія. Графъ Симоничъ замѣчаетъ по этому поводу, «что онъ одинъ изъ всѣхъ персіянъ выказалъ въ этотъ день дѣйствительныя военныя способности, и не только спасъ батальонъ, но большую часть обозовъ и даже цѣнные товары, принадлежавшіе купцамъ изъ Адербейджана». Но на немъ-то именно и оборвался гнѣвъ наслѣднаго принца. Разсказываютъ, что, выступая изъ Елизаветполя, Назаръ-Али-Ханъ позабылъ послать извѣщеніе объ этомъ одному почтенному муштанду, жившему гдѣ-то въ христіанскомъ кварталѣ,—и тотъ поутру захваченъ былъ армянами. Вотъ этотъ-то ничтожный случай и послужилъ, кажется, предлогомъ для преданія суду Али-Хана. Его держали подъ арестомъ вплоть до Елизаветпольскаго сраженія и наканунѣ его, въ лагерѣ на Куракъ-чаѣ, подвергли позорному наказанію, какъ труса, бѣжавшаго отъ непріятеля; Аббасъ-Мирза приказалъ одѣть его въ женское платье, намазать ему бороду кислымъ молокомъ, посадить на осла лицомъ къ хвосту и въ такомъ видѣ возить передъ фронтомъ арміи. Впослѣдствіи, когда принцъ вернулся въ Тавризъ, вынужденный не съ меньшей быстротою покинуть поле сраженія, — онъ приказалъ задушить этого несчастнаго, вѣроятно служившаго ему живымъ напоминаніемъ перемѣнчивости военнаго счастія.

Подходя къ Ганжѣ, Мадатовъ узналъ, что городъ покинутъ непріятелемъ, и остановился съ казаками, чтобы дождаться пѣхоты и продолжать движеніе уже вмѣстѣ съ нею. Войска шли всю ночь форсированнымъ маршемъ. И вотъ,

утромъ 4-го сентября, когда на востокѣ появился еще только слабый отблескъ зари, вдали передъ отрядомъ вырисовались старинныя стѣны Елизаветполя.

Вступленіе Мадатова въ древнюю Ганжу было торжественно. Все христіанское населеніе, предшествуемое духовенствомъ въ бѣлыхъ пасхальныхъ ризахъ, съ хорухвями и крестами, вышло на встрѣчу къ русскимъ войскамъ, какъ къ своимъ избавителямъ. Колонны остановились. Мадатовъ, сойдя съ коня, просилъ духовенство отслужить благодарственный молебенъ. Жители подносили солдатамъ хлѣбъ и вино, бросались къ ногамъ Мадатова, обнимали его колѣни. Войска вступили въ городъ и заняли цитадель, надъ которою тотчасъ же развилось побѣдное русское знамя. Все ожило въ мрачномъ передъ тѣмъ Елизаветполѣ, и въ роскошныхъ садахъ его, весь день и всю ночь, до самаго утра, раздавались пѣсни и восклицанія: «Кгчахъ (молодецъ) Мадатовъ!»

Такъ ликовали армяне; но злобно смотрѣли татарскіе беки,—Шамхорская побѣда разсѣяла ихъ политическія мечты. Исчезнувшее персидское знамя на цитадели замѣнилось знаменемъ русскимъ,—и какъ все это просто, спокойно совершилось: персіяне исчезли; русскіе подъ командою знакомаго всѣмъ князя Мадатова, вошли и стали въ цитадель, какъ будто бы никогда ее не покидали.

Не время еще было судить и разбирать виновныхъ въ измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что персіяне и сами не пощадили своихъ единовѣрцевъ, разобравъ на прощанье по рукамъ все ихъ достояніе, не разбирая, кто былъ за нихъ, и кто противъ нихъ. Цѣлые кварталы свидѣтельствовали о печальныхъ событіяхъ, пронесшихся надъ городомъ, и старая Ганжа, когда-то оплотъ Адербейджана, мрачно возвышалась теперь надъ остатками опустошеннаго города.

Менѣе другихъ пострадало армянское населеніе, выказавшее вообще много твердости и рѣшимости во все пребываніе персіянъ въ городѣ. Населяя отдѣльный форштадтъ, армяне его укрѣпили и, поставивъ на всѣхъ входахъ и вы-

ходахъ сторожевые караулы, объявили, что будутъ служить персіянамъ, но подъ условіемъ, чтобы ни одинъ изъ солдатъ не показывался въ кварталѣ, и чтобы всѣ требованія персидскаго правительства производились не иначе, какъ черезъ посредство выбранныхъ ими самими старшинъ. Всякое насиліе они положили отражать оружіемъ и въ случаѣ крайности стоять до послѣдняго. Умный Назаръ-Али-Ханъ видѣлъ безполезность силы и рѣшилъ прибрать къ рукамъ армянское населеніе хитростью. Онъ предложилъ имъ, подъ видомъ особой любезности съ своей стороны, сложить все ихъ имущество и даже перевести семьи внутрь цитадели для безопасности на случай появленія русскихъ и штурма ими города. Армяне, понимая въ чемъ дѣло, отклонили это предложеніе; татары, напротивъ, вдались въ обманъ и были жестоко наказаны за свое легковѣріе; покидая крѣпость, персіяне увели съ собою и всѣхъ татарскихъ женщинъ.

Первою задачею Мадатова, по вступленіи въ Ганжу, было установить какой-либо порядокъ и спокойствіе въ городѣ. Но возстановить спокойствіе тамъ, гдѣ царили смуты, страхъ и взаимное недовѣріе жителей другъ къ другу — было не легко. Къ тому же со стороны Карабага шли самыя тревожныя вѣсти. Уже на другой день, 5 сентября, по городу носились слухи, что Аббасъ-Мирза, получивъ извѣстіе о шамхорскомъ пораженіи, бросилъ осаду Шуши и со всѣми силами идетъ на встрѣчу Мадатову. Маленькому, ничтожному числомъ, отряду теперь грозила опасность стать лицомъ къ лицу со всею персидскою арміею, и передъ Мадатовымъ вставала задача — не пасть въ этой непосильной борьбѣ.

«Утромъ—6 числа,—такъ разсказываетъ графъ Симоничъ въ своихъ мемуарахъ: — извѣстіе о движеніи Аббаса-Мирзы подтвердилось, а вечеромъ уже не было въ вѣрности его никакого сомнѣнія. Естественное безпокойство овладѣло русскими предводителями. Командиръ Херсонскаго полка Поповъ и Симоничъ провели всю ночь въ палаткѣ князя Мадатова, изыскивая средства, какъ выйти изъ труднаго положенія.

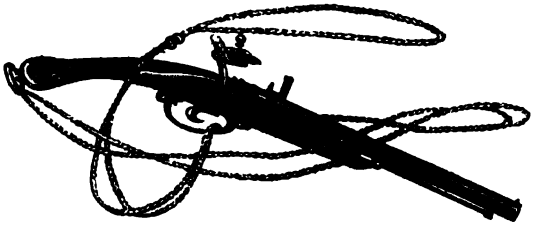
7-го числа они объѣхали всѣ окрестности города, выбирая мѣсто подъ укрѣпленіе, такъ какъ защищаться въ самомъ Елизаветполѣ считали невозможнымъ по недостатку воды, а отступать Мадатовъ не хотѣлъ. Въ этотъ же день онъ послалъ одного курьера къ Ермолову съ донесеніемъ о движеніи непріятеля: другого — съ приказаніемъ, чтобы два батальона, Херсонскаго и Ширванскаго полковъ, оставленные имъ на Акстафѣ, шли въ Елизаветполь форсированнымъ маршемъ. Поповъ и Симоничъ опять провели всю ночь у Мадатова, соображая всѣ шансы, если бы Аббасъ-Мирза подошелъ прежде, нежели получены будутъ подкрѣпленія,—а это было болѣе чѣмъ возможно, такъ какъ раньше вечера 10 числа батальоны подойти не могли, а Аббасъ-Мирза 9-го уже могъ быть въ Елизаветполѣ. «Свое безпокойство—говоритъ Симоничъ:—мы, конечно, никому не показывали, и ни жители, ни солдаты не подозрѣвали даже, какія кошки скребутъ у насъ на сердцѣ». Къ счастію, Аббасъ-Мирза подвигался впередъ черепашьимъ шагомъ, и 9 числа еще былъ только на рѣкѣ Теръ-Терѣ. Въ этотъ же день, вечеромъ, армяне привезли извѣстіе въ русскій лагерь, что какія-то новыя войска пришли изъ Тифлиса на Акстафу, а съ ними какой-то генералъ, «котораго никто не знаетъ».

Дѣло скоро разъяснилось: то былъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ, только что прибывшій въ Грузію и теперь ѣхавшій принять подъ свою команду всѣ отряды, высланные изъ Тифлиса навстрѣчу непріятелю. Увѣдомляя Мадатова о своемъ назначеніи, Паскевичъ писалъ, что будетъ съ кавалеріей въ Елизаветполѣ утромъ 10 числа; но если бы непріятель появился раньше, Мадатову предписывалось отступить, оставивъ однакоже, въ крѣпости не менѣе шести ротъ при четырехъ орудіяхъ.

И вотъ, въ ту минуту, когда Мадатовъ уже готовился къ кровавой развязкѣ войны, ему приходилось уступить свое мѣсто другому. «Не оскорбитесь, любезный князь, — писалъ къ нему Ермоловъ:—что вы лишаетесь случая быть начальникомъ отряда тогда, когда предлежитъ ему назначеніе бли-

стательное. Конечно, это не сдѣлаетъ вамъ удовольствія, но случай сей не послѣдній. Употребите теперь дѣятельность вашу и помогайте всѣми силами новому начальнику, который, по незнанію свойствъ здѣшнихъ народовъ, будетъ имѣть нужду въ вашей опытности. Обстоятельства таковы, что мы всѣ должны дѣйствовать единодушно». Мадатову оставалось только безропотно покориться.

На сценѣ персидской войны, въ первенствующей роли— появляется Паскевичъ.



IX.

Елизаветпольская побѣда.

Въ то время, какъ отрядъ Мадатова шелъ навстрѣчу десяти-тысячному авангарду персидской арміи съ тѣмъ, чтобы разбить его у Шамхора, въ Тифлисъ, 29 августа, прибылъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ и, по Высочайшей волѣ, вступилъ въ командованіе дѣйствующимъ кавказскимъ корпусомъ, хотя и подъ главнымъ начальствомъ Ермолова.

Къ этому же времени въ Закавказьѣ собрались и достаточныя подкрѣпленія, открывавшія возможность начать наступательныя дѣйствія. Первымъ пришелъ въ Тифлисъ 2-й батальонъ Ширванскаго полка съ подполковникомъ Волжинскимъ, и пришелъ такъ, какъ умѣли ходить только ширванцы. Это былъ тотъ самый Волжинскій, который въ 24-мъ году, съ тѣмъ же батальономъ, въ семь дней прошелъ триста верстъ изъ Прочнаго Окопа, на Кубани, въ Нальчикъ, на Кабардинскую линію. Такимъ же замѣчательнымъ, чисто суворовскимъ маршемъ ознаменовалъ онъ и теперь свое прибытіе въ Тифлисъ. «Всегда видѣлъ я — говоритъ Ермо-

ловъ: — съ особеннымъ уваженіемъ службу подполковника Волжинскаго, что для него не существуетъ никакихъ затрудненій, и что тѣ же чувства его подчиненныхъ»... «Отъ подошвы Эльборуса — пишетъ онъ далѣе въ приказѣ по корпусу: — пришелъ онъ въ Екатериноградъ съ чрезвычайною поспѣшностью; но далѣе скорость его движенія была неимовѣрна. Выступивъ 8-го числа изъ Екатеринограда, онъ 16-го августа уже былъ у самаго Тифлиса»... Стало быть, Ширванскій батальонъ въ эти восемь дней опять прошелъ триста верстъ, притомъ съ труднымъ переваломъ черезъ Кавказскія горы.

Днемъ позже ширванцевъ, 17 августа, въ Тифлисъ вступилъ и Сводный гвардейскій полкъ, подъ командою полковника Шипова. Полкъ этотъ былъ сформированъ, по волѣ императора Николая Павловича, въ двухъ-батальонномъ составѣ изъ людей лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ, вовлеченныхъ мимовольно въ роковыя событія 14-го декабря. И государь, назначая ихъ въ составъ боевого Кавказскаго корпуса, тѣмъ самымъ давалъ имъ случай кровью заслужить прощеніе. Гвардейцы выступили изъ Петербурга 21-го февраля, когда еще не было рѣчи о Персидской войнѣ, и долго плыли водою; но едва высадились они на берегъ Каспійскаго моря, какъ получили извѣстіе о вторженіи персіянъ и приказаніе Ермолова — идти форсированнымъ маршемъ въ Грузію. Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ на Кавказѣ, полку представилась необходимость заявить себя достойнымъ представителемъ императорской гвардіи, — и полкъ отъ береговъ Каспійскаго моря шелъ безъ дневокъ и роздыховъ. Въ Тифлисъ гвардейцы вступили молодцами: больныхъ было мало, отсталыхъ — ни одного.

Прибытіе этихъ трехъ свѣжихъ батальоновъ дало Ермолову средства тотчасъ же отправить изъ Грузіи новыя подкрѣпленія на Елизаветпольскій путь. Къ движенію назначены были: шесть ротъ Карабинернаго полка, рота егерей, 8 орудій и весь Нижегородскій драгунскій полкъ; послѣдній получилъ приказаніе идти изъ Кахетіи прямо на рѣчку Акстафу

кратчайшею дорогой, черезъ Карайскую степь. Такъ составился довольно сильный дѣйствующій корпусъ, еще пока разбросанный по дорогѣ изъ Тифлиса къ Карабагу. Часть этого корпуса была впереди, уже близъ Елизаветполя, подъ начальствомъ князя Мадатова; другая стояла еще на Акстафѣ, поджидая нижегородцевъ, третья — собиралась въ самой Грузіи, у Муганлы, на переправѣ черезъ Храмъ, верстахъ въ 50 отъ Тифлиса. Надъ всѣми этими отрядами Паскевичъ и принялъ начальство. Подвигаясь впередъ, онъ долженъ былъ постепенно присоединять къ себѣ одну за другою всѣ части и, давъ войскамъ небольшой отдыхъ въ Елизаветполѣ, идти въ Карабагъ.

Въ предписаніи Паскевичу Ермоловъ точно указываетъ цѣли и средства этого движенія. «Главная задача, для которой посылается отрядъ въ Карабагъ, — писалъ онъ къ нему: — есть освобожденіе Шуши отъ блокады. Непріятель, узнавъ о нашемъ наступленіи, или двинется навстрѣчу къ нашимъ войскамъ, или будетъ ожидать ихъ подъ самою Шушею, или наконецъ отступитъ къ Араксу. Въ первомъ случаѣ, непріятель, лишившись выгоды крѣпкой позиціи, можетъ быть атакованъ вами съ основательною надеждой на успѣхъ; нужно только взять мѣры осторожности противъ многочисленной его кавалеріи. Во второмъ случаѣ, т. е. когда непріятель рѣшится ожидать наши войска подъ самою Шушею, онъ потеряетъ всѣ выгоды, какія могъ бы имѣть отъ своей кавалеріи, ибо въ гористыхъ мѣстахъ она будетъ для него безполезна. Вѣроятно, что, ожидая насъ у Шуши, непріятель сдѣлаетъ какія-нибудь укрѣпленія; но здѣсь превосходство нашей артиллеріи должно облегчить успѣхъ атаки, которой, сверхъ того, будетъ способствовать сильная вылазка изъ самой Шуши, откуда можетъ выйти по крайней мѣрѣ до 1500 штыковъ.

«Атаковать персидскій лагерь должно со стороны Ахъ-Угланскаго замка, такъ какъ отъ Шахъ-Булаха и Аскарана дороги перекопаны, да и горныя ущелья въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ тѣсны, что непріятель можетъ съ удобствомъ

въ нихъ защищаться. Движеніе на Ахъ-Угланскій замокъ имѣетъ за собой еще ту выгоду, что непріятель будетъ отрѣзанъ отъ Худоперинскаго моста и, вѣроятно, самъ поспѣшитъ отойти къ Ахъ-Углану, какъ скоро замѣтитъ, что войска направляются къ этому пункту. Тогда Шуша будетъ освобождена безъ сраженія, и уже не трудно будетъ заставить персіянъ отступить къ Араксу. Въ этомъ случаѣ преслѣдовать ихъ, доколѣ не перейдутъ границы. Симъ должны ограничиться дѣйствія отряда, который за Араксъ отнюдь не переводить».

Давъ эти точныя указанія, Ермоловъ отправилъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ начальника корпуснаго штаба генерала Вельяминова, котораго рекомендовалъ ему, какъ человѣка, знавшаго мѣстныя обстоятельства края и самый образъ войны.

Послѣ разгрома персидскаго авангарда при Шамхорѣ, когда Паскевичъ былъ уже на пути и шелъ отъ Акстафы къ Елизаветполю, въ Тифлисѣ получились новыя тревожныя извѣстія. Стали говорить, что эриванскій сардарь, пользуясь тѣмъ, что русскія войска отведены отъ Делижанскаго ущелья, двинулся отъ озера Гокчи и идетъ въ татарскія дистанціи, чтобы силою понудить ихъ къ возмущенію. Говорили также, что онъ намѣренъ былъ приблизиться къ Курѣ, чтобы помочь царевичу Александру проникнуть въ Кахетію; наконецъ, ходили слухи о томъ, что сардарь разсчитываетъ дѣйствовать въ тылъ войскамъ, во время наступленія ихъ къ Карабагу. Тогда Ермоловъ собралъ послѣднія войска, которыми еще могъ располагать въ Грузіи, именно гвардейскій полкъ, 2-й батальонъ ширванцевъ, сводный батальонъ егерей, донской казачій полкъ, 10 орудій, — и во главѣ этихъ силъ появился самъ въ Казахской дистанціи, на рѣчкѣ Гассанъ-Су, закрывая Делижанское ущелье.

Паскевичъ, между тѣмъ, быстро шелъ впередъ и 10-го сентября, въ 10 часовъ утра, въ сопровожденіи Нижегородскаго драгунскаго полка, прибылъ въ Елизаветполь. Отрядъ Мадатова встрѣтилъ его подъ ружьемъ. Паскевичъ обошелъ весь лагерь и затѣмъ удалился въ приготовленную для него

палатку. Весь день онъ провелъ въ томъ, что изучалъ положеніе дѣлъ, знакомился съ новыми своими подчиненными. Къ вечеру подошла пѣхота и стала лагеремъ подъ Елизаветпольскою крѣпостью. Такимъ образомъ, всѣ войска, которымъ предстояло встрѣтить врага, — теперь были въ сборѣ. Здѣсь сосредоточились семь батальоновъ пѣхоты отъ полковъ: Карабинернаго, Херсонскаго, Грузинскаго, Ширванскаго и 41 егерскаго, весь Нижегородскій драгунскій полкъ, два полка казаковъ и татаро-грузинская милиція. Это не было сильное численностью войско — корпусъ не превышалъ 8 тысячъ человѣкъ при 24 орудіяхъ, — но за то здѣсь былъ отборнѣйшій цвѣтъ боевого кавказскаго корпуса.

Совсѣмъ иными глазами взглянулъ, однако, на эти войска Паскевичъ. Нужно думать, что онъ пріѣхалъ въ Елизаветполь съ такою же предвзятою мыслію по отношенію къ ермоловскимъ войскамъ и къ генераламъ Мадатову и Вельяминову, съ какою отнесся къ Ермолову въ Тифлисѣ; все ему не нравилось, вездѣ онъ находилъ безпорядки. Особенно безпокоило его неприглядное состояніе войскъ въ смыслѣ обмундированія и фронтовой выправки. Смотръ, сдѣланный утромъ шамхорскимъ побѣдителямъ, окончательно уронилъ ихъ во мнѣніи Паскевича, и гнѣвъ его поминутно обрушивался то на того, то на другого частнаго начальника.

А врагъ уже былъ близко. Послѣднія извѣстія говорили, что Аббасъ-Мирза со всею 40—50 тысячною арміею перешелъ черезъ рѣчку Теръ-Теръ и находится всего въ сорока верстахъ отъ Елизаветполя. О Шушѣ точныхъ свѣдѣній не было; но ходили слухи, что въ Карабагѣ шахъ и что онъ самъ блокируетъ Шушинскую крѣпость.

11-го сентября утромъ, корпусу назначено было общее ученье. Войска, выведенныя изъ лагеря, то свертывались въ каре, то снова развертывались въ линіи и маршировали колоннами. «Нельзя представить себѣ, до какой степени они мало выучены, — писалъ Паскевичъ къ государю наканунѣ елизаветпольской битвы: — Боже сохрани съ такими войсками быть въ первый разъ въ дѣлѣ; многія изъ нихъ не умѣютъ

построить каре или колонну, — а это все, что я отъ нихъ требую. Я примѣчаю даже, что сами начальники находятъ это ненужнымъ. Слѣпое повиновеніе имъ не нравится,—они къ этому не привыкли; но я заставлю ихъ дѣлать по своему». Хотѣлъ ли Паскевичъ этими донесеніями отстранить отъ себя отвѣтственность на случай неудачи, а въ случаѣ успѣха тѣмъ въ большемъ блескѣ выставить свою распорядительность даже съ такими плохими войсками,—неизвѣстно. Но только въ странномъ противорѣчіи съ ними стояла его готовность принять сраженіе, о которой неоднократно говоритъ графъ Симоничъ въ своихъ неизданныхъ запискахъ.

Непріятель между тѣмъ подходилъ, и приближеніе его обнаруживалось несомнѣнными признаками. Въ самый разгаръ учебныхъ построеній, 11-го числа, передъ русскими аванпостами вдругъ показалась персидская кавалерія. Началась перестрѣлка. Паскевичъ послалъ сильный разъѣздъ съ поручикомъ Ермоловымъ узнать, въ чемъ дѣло, оставивъ войска въ выжидательномъ положеніи. При приближеніи Ермолова, персіяне скрылись. Они видимо рекогносцировали русскій лагерь.

На слѣдующій день корпусу было опять ученье. И опять появилась персидская конница, но уже въ значительно большихъ силахъ. На этотъ разъ она не бѣжала отъ русскаго патруля, какъ наканунѣ, а остановилась и ждала. Паскевичъ прекратилъ ученье, оставивъ въ полѣ графа Симонича съ однимъ батальономъ Грузинскаго полка. Простоявъ нѣсколько времени на мѣстѣ, кавалерія отошла назадъ.

Теперь надо было ждать скораго появленія Аббаса-Мирзы, и только тутъ поставленъ былъ вопросъ, гдѣ и какъ принять сраженіе. Паскевичъ сначала предполагалъ встрѣтить персіянъ въ узкихъ улицахъ города; но намѣреніе это было оставлено, вслѣдствіе энергическихъ представленій Мадатова о той опасности, которой могли бы подвергнуться войска отъ такого расположенія. Мадатовъ стоялъ безусловно за наступленіе. Мнѣніе его было поддержано начальникомъ штаба

Вельяминовымъ. Когда Паскевичъ уступилъ, то Вельяминовъ, какъ разсказываютъ, сказалъ Мадатову: «тѣшьтесь князь, но, какъ бы впослѣдствіи намъ не пришлось быть въ отвѣтѣ». Но такъ или иначе, наступленіе было рѣшено, и походъ назначенъ въ 8 часовъ утра.

Между тѣмъ жители города съ разными чувствами ждали приближенія персидской арміи. Роли перемѣнились. Армяне совершенно притихли, татары изъявляли неистовую радость. Всю ночь въ городѣ слышалось пѣніе священныхъ гимновъ изъ корана, и раздавались залпы изъ ружей, въ честь будущихъ побѣдителей. На русскихъ никто не обращалъ вниманія. Татары были увѣрены, что «многочисленныя, какъ морской песокъ» персидскія полчища, предводимыя самимъ Аббасомъ-Мирзою, разберутъ по рукамъ горсть несчастныхъ гяуровъ. Но велико было ихъ удивленіе, когда на слѣдующее утро, вмѣсто ожидаемаго съ часу на часъ отступленія, корпусъ двинулся впередъ навстрѣчу непріятелю.

Въ эту самую ночь, на 13 сентября, въ палатку князя Мадатова явились трое армянъ, бѣжавшихъ изъ персидскаго лагеря. Они принесли извѣстіе, что персіяне, оставивъ за Теръ-Теромъ всѣ тяжести, налегкѣ перешли Куракъ-чай и идутъ впередъ, что Аббасъ-Мирза имѣлъ даже намѣреніе атаковать русскихъ уже этою ночью (какъ сдѣлалъ съ нимъ Котляревскій подъ Асландузомъ), но военный совѣтъ отвергнулъ это предложеніе, и атака отложена до утра. Одинъ изъ этихъ армянъ былъ простой слуга, другой — авантюристъ, прошедшій огонь и воду; но третій, Бегляровъ, братъ русскаго чиновника, служившаго переводчикомъ при тегеранской миссіи, внушалъ къ себѣ полнѣйшее довѣріе. Аббасъ-Мирза, лаская вообще карабагскихъ армянъ, приблизилъ къ себѣ этого Беглярова, какъ представителя одной изъ лучшихъ фамилій Карабага. Но Бегляровъ воспользовался своимъ положеніемъ у наслѣднаго принца только для того, чтобы вывѣдать все, что дѣлалось въ персидскомъ лагерѣ, и затѣмъ бѣжать. Мадатовъ пригласилъ къ себѣ графа Симонича, и вмѣстѣ они пошли разбудить Паскевича, чтобы сообщить ему

полученную новость. Паскевичъ самъ разспросилъ Беглярова и приказалъ тотчасъ готовиться къ выступленію.

Еще было далеко до свѣту,—но «старые кавказскіе солдаты—замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ графъ Симоничъ:—никогда и нигдѣ не опаздываютъ. Едва имъ объявили, что надо спѣшить, какъ ранній обѣдъ былъ съѣденъ, и люди, бодрые и свѣжіе, стояли уже подъ ружьемъ, готовые къ походу».

Въ это самое время, въ лагерь прискакалъ еще одинъ вѣстникъ — татаринъ изъ Шамшадиля. Запыхавшись, едва переводя духъ отъ усталости, онъ требовалъ, чтобы его провели прямо къ генералу. Татаринъ разсказалъ Паскевичу, что эриванскій ханъ со всѣми своими силами прошелъ Делижанское ущелье и теперь находится въ тылу русскаго корпуса. «Я былъ проводникомъ сардаря,—говорилъ онъ:—и оставилъ его въ Шамшадилѣ, откуда мнѣ удалось бѣжать, чтобы предупредить васъ».

Впослѣдствіи оказалось, что донесенія татарина были невѣрны: сардарь еще не двигался отъ Гокчи и не занималъ Шамшадиля. Припомнимъ, однако, что и Ермоловъ получилъ въ Тифлисѣ подобное же извѣстіе, заставившее его выйти съ войсками къ Гассанъ-Су. Очевидно, татаринъ самъ проводникомъ у сардаря не былъ, но желалъ получить награду за доставленное извѣстіе, основанное имъ на дошедшихъ до него преувеличенныхъ слухахъ. Нужно думать, что сардарь, дѣйствительно, и былъ бы теперь въ тылу русскаго корпуса, если бы ему не воспрепятствовалъ Ермоловъ.

Выслушавъ сообщеніе татарина, Паскевичъ былъ озадаченъ. Обратившись къ окружающимъ, онъ спросилъ: «что намъ теперь дѣлать?» Симоничъ разсказываетъ, что среди общаго молчанія, онъ выдвинулся впередъ и сказалъ: «Побьемте Аббасъ-Мирзу, а тогда уйдетъ и сардарь!» Паскевичъ согласился и отдалъ приказаніе начинать движеніе.

Войска выступили часу въ шестомъ утра и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря заняли позицію. Здѣсь мѣстность представляетъ совершенную равнину, простирающуюся между

рѣками Ганжей и Куракъ-чаемъ до самой Куры, въ которую онѣ впадаютъ, и только отъ истóковъ этихъ рѣчекъ тянутся незначительныя возвышенія, оканчивающіяся верстахъ въ двѣнадцати отъ города. На одномъ изъ такихъ возвышеній и стали войска, разославъ отъ себя впередъ сильные разъѣзды для наблюденія за непріятелемъ. Но непріятеля еще не было. Передъ войсками лежала молчаливая степь, въ которой, казалось, замерли всѣ признаки жизни, какъ бываетъ въ тишину передъ бурей. И только вдали, въ нѣсколькихъ верстахъ впереди, какъ свидѣтельство далекаго прошлаго, виднѣлся неподвижный памятникъ, напоминавшій, что равнина эта искони вѣковъ была полна жизни, и притомъ не однихъ только столкновеній между обитавшими тутъ племенами, а и поэтическихъ прозрѣній. Преданіе говоритъ, что онъ воздвигнутъ персидскими царями въ честь знаменитаго поэта Абулъ-Хассанъ-Незами, жившаго въ VI вѣкѣ магометанской эры.

Но вотъ, около 10 часовъ утра, за нѣмымъ свидѣтелемъ столькихъ вѣковъ, показались шумныя массы людей. Отъ Куракчайской почтовой станціи шелъ непріятель. Всѣ движенія его по равнинѣ видны были съ возвышенія, занятаго войсками, какъ на ладони, и представляли собою живописное зрѣлище. Впереди всѣхъ джигитовали присоединившіеся къ персіянамъ измѣнники татары; небольшія шайки ихъ сворачивали съ большой дороги и пробирались къ сторонѣ вагенбурга. Вооруженные жители окрестныхъ деревень также начинали занимать сосѣднія высоты, ожидая только развязки дѣла, чтобы пристать къ побѣдителямъ и участвовать съ ними въ добычѣ. Въ русскомъ корпусѣ царствовала глубокая тишина.

Былъ уже близко полдень, когда войска Аббаса-Мирзы, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ, стали подходить къ русской позиціи. Пѣхота русская стала въ ружье. Батальонъ ширванцевъ, и далѣе — батальонъ егерей образовали первую линію, а между ними, въ центрѣ, развернулась батарея въ 12 орудій 1-й батарейной роты Кав-

казской гренадерской артиллерійской бригады. За ними въ колоннахъ расположились: слѣва, за ширванцами, батальонъ Грузинскаго полка, справа, за егерями, батальонъ карабинеровъ. По двѣ роты отъ тѣхъ же полковъ, Грузинскаго и Карабинернаго, съ орудіемъ при каждой, выдвинулись уступами за первой линіей и свернулись въ каре, прикрывая фланги отъ ударовъ непріятельской кавалеріи.

Этими двумя линіями командовалъ Мадатовъ.

Еще позади, за интервалами второй линіи, расположился по-дивизіонно, въ колоннахъ къ атакѣ, весь Нижегородскій драгунскій полкъ, а въ резервѣ стали полтора батальона херсонскихъ гренадеръ съ 6 орудіями. Двѣ остальныя роты херсонцевъ и два орудія остались въ прикрытіи вагенбурга.

Вся иррегулярная конница: два казачьи полка (Костина и Иловайскаго), вмѣстѣ съ татарской милиціей, прикрывая боевое расположеніе отряда, размѣстились на флангахъ. На татаръ, однакоже, много разсчитывать было нельзя, а казачьи полки были такъ малочисленны, что въ обоихъ не набиралось даже и пятисотъ коней. Большая же часть грузинской милиціи, какъ конной, такъ и пѣшей, отправлена была изъ Шамхора въ Тифлисъ, чтобы сопровождать трофеи, взятые Мадатовымъ, и оттуда назадъ еще не возвращалась.

Такимъ образомъ, не считая двухъ ротъ и двухъ орудій, оставленныхъ при вагенбургѣ, въ русскомъ корпусѣ было всего шесть съ половиною батальоновъ, до полуторы тысячи всадниковъ и 22 пушки.

Этой-то горсти народа предстояло сразиться съ пятидесяти-тысячною «фалангою современнаго Дарія», какъ выражается Симоничъ.

Нападеніе предоставлено было персіянамъ. Нѣкоторое время они шли одною густою, сплошною массою, которая, какъ туча, быстро надвигалась на русскую позицію. Но вотъ она остановилась и стала развертываться вправо и влѣво; толпы азіятской конницы появились на флангахъ, артиллерія стала выѣзжать на позицію. А далеко за этою боевою линіею виднѣлся длинный рядъ верблюдовъ, съ навьюченными на нихъ

фальконетами и горными пушками; еще позади—неподвижно стояла шахская гвардія и вся регулярная конница. Но и персидская армія, съ своей стороны, развернувши фронтъ,—стала, ожидая нападенія русскихъ.

Въ боевомъ порядкѣ, неподвижно стояли теперь другъ противъ друга двѣ враждебныя арміи. Ни та, ни другая не хотѣла начать сраженія. Такъ прошло около часу. Графъ Симоничъ и Грековъ (командиръ Ширванскаго полка), бывшіе вблизи Паскевича, пришли къ убѣжденію, что у Аббаса-Мирзы недостаетъ рѣшимости, и что, если русскіе не пойдутъ впередъ,—онъ уйдетъ, не давши сраженія.

Колебался и Паскевичъ. По крайней мѣрѣ извѣстный партизанъ, генералъ Денисъ Давыдовъ, положительно увѣряетъ, что, увидѣвъ передъ собою тяжелую массу надвигающейся персидской конницы, сарбазовъ и шахской гвардіи, Паскевичъ былъ смущенъ и хотѣлъ отступить, и что только настоянія Мадатова и Вельяминова заставили его принять сраженіе.

Этого колебанія не отрицаетъ косвенно и преданный Паскевичу Симоничъ. Вотъ какъ описываетъ онъ этотъ моментъ нерѣшительности обѣихъ армій:

«Боясь упустить благопріятный случай,—говоритъ онъ:—я обратился къ Паскевичу съ слѣдующими словами: позвольте намъ атаковать непріятеля; наши кавказскіе солдаты не привыкли обороняться, — они нападаютъ. — Увѣрены ли вы въ побѣдѣ?—спросилъ Паскевичъ.—Да, увѣренъ,—отвѣчалъ я: — и вотъ мой товарищъ, Грековъ, тоже отвѣчаетъ головой за успѣхъ.—Ну, такъ идите съ Богомъ.

«Полные радости, Грековъ и я вскочили на коней,—продолжаетъ Симоничъ:—и поскакали къ своимъ частямъ. Раздалась команда: «смирно! на плечо!» — и затѣмъ я подъѣхалъ къ ширванцамъ, стоявшимъ впереди, чтобы сказать имъ нѣсколько теплыхъ словъ, которыя шли отъ сердца. — «Братцы, ширванцы! — воскликнулъ я: — ступайте смѣло; грузинцы за вами,—васъ не выдадутъ!»... И русскія линіи зашевелились».

Такъ или иначе,—русскіе шли впередъ, отважно наступая на вражескія силы, черною тучею заслонявшія горизонтъ.

Но вотъ, со стороны непріятеля показался дымокъ — грохнула первая пушка, — вѣроятно и Аббасъ-Мирза побѣдилъ свою нерѣшительность. Тогда русскій отрядъ, всею своею массою уже передвинувшійся впередъ, остановился на новой выгодной позиціи и сталъ опять выжидать нападенія. Центральная батарея, при которой находился самъ Вельяминовъ, тотчасъ отвѣтила на вызовъ врага дружнымъ залпомъ, — и пушечный огонь разомъ охватилъ всю боевую линію. Сраженіе началось.

Непріятель, имѣя до 60 тысячъ войска, въ томъ числѣ 24 батальона регулярной пѣхоты съ 26-ю орудіями, руководимый англійскими офицерами, стянулъ всю свою артиллерію въ одну огромную батарею въ центрѣ и открылъ убійственный огонь изъ всѣхъ своихъ орудій. Въ то же время сарбазы его пошли на русскіе фланги, а иррегулярная конница быстро стала охватывать небольшой русскій отрядъ и съ фланговъ и съ тылу.

Скорымъ движеніемъ стѣснялся полукругъ наступающихъ персіянъ. Твердо и неподвижно стоялъ отрядъ русскій. Князь Мадатовъ, на прекрасномъ карабагскомъ конѣ, шагомъ объѣзжалъ войска, подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, и говорилъ солдатамъ: «Ребята! Не жалѣйте сегодня пролить свою кровь за Государя и Россію!» Подъѣхавъ къ казакамъ, онъ сказалъ: «Помните мое наставленіе: держитесь часъ — и непріятель побѣжитъ».

По всему фронту завязалась, между тѣмъ, сильная ружейная перестрѣлка.

Первые удары непріятеля обрушились на лѣвый флангъ русской позиціи. Цѣлая туча непріятельской конницы, обскакавъ первую линію, неслась на двѣ роты грузинцевъ, стоявшихъ, какъ сказано, въ каре, уступомъ между первою и второю линіею.

Грузинскіе стрѣлки, видя грозящую имъ опасность, отступили въ каре «въ нѣкоторомъ безпорядкѣ», какъ выра-

жается Симоничъ. Казаки и татары лѣваго фланга, попавшіе подъ ударъ, мгновенно были опрокинуты и неслись назадъ. Минута была критическая. Въ это время Паскевичъ пѣшкомъ обходилъ интервалы линій и случайно, въ сопровожденіи одного адъютанта, очутился въ толпѣ безпорядочно бѣгущей татарской милиціи. Его спокойствіе и увѣренный тонъ, съ которымъ онъ обратился къ этой разнузданной массѣ, имѣли магическую силу. Татары оправились и стали снова строиться.

Между тѣмъ графъ Симоничъ, находившійся впереди у центральной батареи, замѣтилъ колебаніе въ рядахъ своихъ гренадеръ, на которыхъ неслась персидская конница, и чрезъ минуту уже стоялъ передъ ихъ маленькимъ каре. Положеніе этой горсти, рисковавшей ежеминутно быть растоптанной копытами бѣшено мчавшейся на нее громадной конницы — было, дѣйствительно, серьезное. Но гренадеры оправились и смѣло смотрѣли въ глаза опасности. «Я чувствую потребность — говоритъ въ своихъ запискахъ Симоничъ объ этомъ эпизодѣ битвы: — отдать дань восхищенія памяти офицера, мужество котораго въ этотъ день и въ этотъ моментъ носило величавый характеръ «sublime de courage». Это поручикъ Вретовъ, командиръ 3-й гренадерской роты, тотъ самый, который, годъ спустя, нашелъ себѣ славную смерть въ горячемъ дѣлѣ подъ Урдабадомъ. Какъ онъ былъ красивъ и восхитителенъ въ эти минуты, бѣдный мой Вретовъ! Честь его памяти!»

Конница, между тѣмъ, грозною лавиною приближалась; за нею шли батальоны сарбазовъ. Къ счастію, весь лѣвый флангъ оказался прикрытымъ небольшимъ, но крутымъ, бездорожнымъ оврагомъ, который издали не могъ быть виденъ непріятелю. Это обстоятельство неожиданно получило важное вліяніе на судьбу сраженія. Разлетѣвшаяся, во всю конскую прыть, толпа, какъ вкопанная, стала передъ оврагомъ, — стремительность удара пропала. А между тѣмъ на этотъ пунктъ сосредоточился огонь цѣлаго грузинскаго батальона. Въ то же время, обогнувъ оврагъ, насѣли на вра-

жескую конницу оправившіеся казаки и татары. Потерявшіе голову персидскіе всадники пустились уходить и, разсыпавшись по полю, открыли свою пѣхоту.

Паскевичъ, хладнокровно слѣдившій съ высоты за перипетіями страшнаго боя, видѣлъ стойкость сарбазовъ подъ огнемъ русской артиллеріи и ловкость, съ которою они пользовались неровностями мѣстности. Былъ моментъ, — какъ впослѣдствіи онъ разсказывалъ самъ,—когда всѣ шансы разомъ склонились на сторону враговъ, когда персидскіе батальоны уже заходили въ тылъ русскаго боевого расположенія, — и у сарбазовъ не было только души, талантливаго начальника, который съумѣлъ бы воспользоваться счастливымъ моментомъ. Положеніе становилось съ каждымъ мгновеніемъ опаснѣе. Тогда Паскевичъ послалъ приказаніе выдвинуть изъ резерва на лѣвый флангъ батальонъ херсонцевъ съ 4 орудіями, и въ то же время, подозвавъ къ себѣ, бывшаго не вдалекѣ командира Нижегородскаго драгунскаго полка, генерала Шабельскаго, указалъ ему рукою на приближающихся сарбазовъ и лаконически сказалъ: «Истребите ихъ.» Шабельскій подскакалъ къ полку. Задребезжала труба, — и 3-й дивизіонъ, подавшись правымъ плечемъ, сталъ развертывать фронтъ... Вотъ грянула команда: «Маршъ-маршъ!» — и дивизіонъ понесся. Оглушительный залпъ встрѣтилъ нападающую конницу. Подъ Шабельскимъ была убита лошадь; но драгуны, по слѣдамъ своихъ офицеровъ, вломились въ непріятельскій батальонъ,—и его разбитыя и стоптанныя ударомъ шеренги, одна за другою, ложились подъ ударами шашекъ. Напрасно непріятельская конница, опомнившись, бросилась помогать сарбазамъ. 2-й дивизіонъ нижегородцевъ, обогнувъ скалистый оврагъ, охватилъ ее съ фланговъ и съ тылу. Все перемѣшалось въ общей рукопашной свалкѣ... Еще мгновеніе — и опрокинутая персидская конница бѣжала съ поля сраженія. Тогда 2-й дивизіонъ соединился съ 3-мъ, и тѣмъ удвоилъ силу нападенія на персидскую пѣхоту.

Разбившись на мелкія кучки, персіяне залегли въ кана-

вахъ и густомъ кустарникѣ. Драгуны стремительнымъ ударомъ выбили врага изъ этого послѣдняго укрытія. Здѣсь ранены были: прапорщикъ князь Чавчевадзе — штыкомъ, и поручикъ Зарембскій—штыкомъ и саблею. Персидское знамя, высоко развѣвавшееся надъ одной изъ непріятельскихъ кучекъ, было взято драгунами. Когда разнесся дымъ и улеглась поднятая скачкою пыль, — сарбазы уже были изрублены, а вдали, на самомъ горизонтѣ, виднѣлись остатки разбитой, уходившей съ поля персидской конницы. Подошедшему батальону херсонцевъ уже не досталось участія въ бою.

Распорядившись, чтобы татары и казаки преслѣдовали бѣжавшихъ, Шабельскій быстро устроилъ свои дивизіоны и повелъ ихъ вправо, на помощь къ пѣхотѣ, сражавшейся въ центрѣ. Тамъ давно уже кипѣла кровавая битва. Когда 18 персидскихъ батальоновъ надвинулись на русскую позицію, Мадатовъ приказалъ пѣхотѣ сбросить ранцы и приготовиться къ удару въ штыки. Два батальона должны были сразиться съ восемнадцатью! Солдаты рванулись впередъ, — но Мадатовъ удержалъ ихъ порывъ. «Стой!—крикнулъ онъ:—Подпускай персіянина ближе, ему труднѣе будетъ уходить!» И вотъ, когда Вельяминовъ сосредоточилъ огонь 12 батарейныхъ орудій на наступавшихъ сарбазовъ, когда персидскіе батальоны, въ синихъ курткахъ и бѣлыхъ панталонахъ, осыпанные картечью, замедлили шагъ, заколебались, — Мадатовъ выхватилъ шашку и крикнулъ «ура»! Это послужило общимъ сигналомъ къ нападенію. Ширванцы и егеря первые кинулись впередъ; батальонъ грузинцевъ почти въ тотъ же моментъ сравнялся съ ними — и начался страшный рукопашный бой. Храбрые командиры полковъ: Грузинскаго — графъ Симоничъ и Ширванскаго — Грековъ, находились во главѣ своихъ батальоновъ, съ такою геройскою рѣшимостью атаковавшихъ въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля. Скоро и Грековъ, и Симоничъ — оба выбыли изъ строя. Грековъ, самъ сражавшійся казацкою пикою, былъ убитъ наповалъ; Симоничу пуля раздробила ногу. Онъ упалъ, но не позволилъ солдатамъ подать себѣ помощи, крикнувъ: «Впередъ,

ребята! Тамъ ваше мѣсто!» — и приказалъ оставить возлѣ себя только цирюльника и одного унтеръ-офицера. Докторъ херсонскаго полка тутъ же сдѣлалъ ему перевязку. Но рана была такъ тяжела, что заставила графа долго не покидать костылей и даже угрожала перейти въ гангрену. «Если я живу, — говоритъ въ своихъ запискахъ Симоничъ: — то долженъ благодарить за это только Провидѣніе».

Мѣсто убитаго Грекова заступилъ одинъ изъ старѣйшихъ ширванцевъ, маіоръ Юдинъ. Подъ его начальствомъ, солдаты, раздраженные потерею любимыхъ начальниковъ, съ страшнымъ ожесточеніемъ нападаютъ и опрокидываютъ непріятеля.

Въ это-то мгновеніе появился съ своими нижегородцами Шабельскій. Быстрымъ натискомъ драгуны проложили себѣ путь въ самую середину уже смятыхъ персидскихъ батальоновъ, разбрасывая ихъ въ обѣ стороны и опрокидывая все имъ встрѣчающееся. Соединенныя усилія пѣхоты и конницы скоро рѣшили судьбу сраженія и въ центрѣ. Регулярныя войска, оплотъ персидской монархіи, были разбиты, разсѣяны и бѣжали въ безпорядкѣ. Персидская артиллерія, опасаясь русской пѣхоты, поторопилась взять на передки и въ общемъ бѣгствѣ шла такъ скоро, что драгуны даже ея и не видали.

Увлеченные солдаты преслѣдовали враговъ на пространствѣ 12 верстъ, до самой Куракчайской станціи, на рѣчкѣ Куракъ-чаѣ. Тамъ стоялъ богатый непріятельскій лагерь. Въ ужасѣ и поспѣшномъ бѣгствѣ, персіяне миновали его, не успѣвши ничего захватить, — и лагерь тотчасъ же занятъ былъ русскою пѣхотою. Драгуны и казаки проскакали еще верстъ семь и за лагерь. Несмотря на то, что ихъ было слишкомъ мало, чтобы поспѣвать вездѣ, и при нихъ не было конной артиллеріи, — они нанесли персіянамъ громадный уронъ. Плѣнныхъ, однако, взято не было, «ибо, — какъ доносилъ Шабельскій, — драгуны были такъ раздражены, что ни одному персіянину не давали пощады».

Въ непрерывныхъ атакахъ и сами нижегородцы понесли чувствительныя потери, особенно въ офицерахъ, свидѣтельствуя тѣмъ, что извѣстный афоризмъ знаменитаго кавалерійскаго писателя: «сабля офицера не тупѣе солдатской, конь лучше,—и честь должна указать ему мѣсто»—былъ ближе ихъ сердцу, чѣмъ изреченіе писателей другой формаціи, что «офицеръ не мясникъ, и дѣло его не рубить, а смотрѣть за порядкомъ, да руководить ходомъ битвы...» Изъ числа нижегородскихъ офицеровъ: прапорщикъ Волжинскій получилъ въ упоръ двѣ смертельныя раны пулями въ грудь, въ ту минуту, когда хотѣлъ взять непріятельское знамя; штабсъ-капитанъ Червонный раненъ пулею въ руку; другой штабсъ-капитанъ (фамиліи въ донесеніи не упомянуто)—штыкомъ; у прапорщика Болдамуса перебита рука прикладомъ. Подъ поручикомъ Горешневымъ и прапорщикомъ Масленниковымъ — убиты лошади.

Атаки нижегородцевъ происходили на глазахъ Паскевича, который впослѣдствіи не могъ нахвалиться драгунами. Почти сорокъ лѣтъ провелъ передъ тѣмъ полкъ на Кавказѣ; много пришлось ему видѣть за это время кровавыхъ и безвѣстныхъ сѣчь на шумныхъ берегахъ Кубани и Терека, въ горахъ Лезгистана и въ долинахъ Грузіи. Но то были битвы иного рода. Теперь же людямъ закаленнымъ въ малой войнѣ, въ одиночныхъ схваткахъ, еще впервые пришлось участвовать въ большомъ генеральномъ сраженіи, и имъ было гдѣ показать себя. День Елизаветпольской побѣды былъ днемъ, въ который яркимъ лучемъ загорѣлась слава Нижегородскаго полка, — и съ этого дня начинается тотъ блестящій періодъ его полковой исторіи, полный героизма, на которомъ выросло и воспиталось нынѣшнее молодое поколѣніе нижегородцевъ.

Когда, увлеченныя преслѣдованіемъ, войска лѣваго фланга и центра ушли слишкомъ далеко отъ первоначальнаго поля битвы, Паскевичъ сталъ сильно тревожиться за исходъ сраженія. Опасаясь, что непріятель, опомнившись, перейдетъ снова въ наступленіе и вырветъ изъ рукъ его побѣду, онъ

слалъ гонца за гонцомъ, чтобы остановить преслѣдованіе. Но остановить ширванцевъ, грузинъ, егерей и драгунъ не было уже никакой возможности. Тогда Паскевичъ отправилъ на помощь къ нимъ послѣднія, еще не участвовавшія въ бою, шесть ротъ карабинернаго полка, которыя, въ случаѣ надобности, могли бы послужить резервомъ. Но и карабинерамъ не пришлось идти по этому назначенію,— они понадобились на правомъ флангѣ.

Дѣло въ томъ, что, въ то время, какъ на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ русскія войска торжествовали полную побѣду, тамъ, на правомъ флангѣ, дѣла слагались менѣе благопріятно. Правый флангъ былъ почти забытъ, такъ какъ все вниманіе Паскевича отвлечено было событіями въ другихъ мѣстахъ. А между тѣмъ персидскія пѣхотныя и конныя массы, стремительнымъ нападеніемъ, загнали здѣсь казаковъ почти до Елизаветполя и обходили уже русскую линію. Ближайшій къ правому флангу 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка и двѣ роты Херсонскихъ гренадеръ, выдвинутыя изъ резерва, напрягали всѣ силы, чтобы сдержать персіянъ и не дать имъ пройти въ тылъ русской позиціи. Положеніе могло стать гибельнымъ.

Драгунскій офицеръ, посланный извѣстить обо всемъ генерала Шабельскаго, долго ѣздилъ по полю, пока не разыскалъ своего командира далеко впереди, уже за Куракчайской станціей. Выслушавъ донесеніе, Шабельскій потребовалъ себѣ свѣжую лошадь; ему подвели фрунтовую. Онъ быстро вскочилъ въ солдатское сѣдло и поскакалъ на правый флангъ, сопровождаемый однимъ ординарцемъ.

Дѣла онъ засталъ въ слѣдующемъ видѣ. Казаки и татары были подъ самымъ Елисаветполемъ; маіоръ Гофманъ, разсыпавъ стрѣлковъ отъ двухъ Херсонскихъ ротъ, перестрѣливался съ непріятелемъ и при помощи единственной, находившейся у него пушки, едва могъ сдерживать наступавшую пѣхоту; дивизіонъ нижегородцевъ стоялъ въ резервѣ.

Видя опасность положенія, Шабельскій рѣшился измѣнить первоначальное распоряженіе Паскевича и послалъ маіору Клюки-форъ-Клюгенау приказаніе идти съ шестью карабинерными ротами не къ Куракъ-чаю, на помощь войскамъ, преслѣдующимъ непріятеля, какъ приказалъ Паскевичъ, — а взять правѣе между центромъ и лѣвымъ непріятельскимъ флангомъ, чтобы зайти въ тылъ послѣднему. Персіяне вовремя замѣтили этотъ опасный для себя маневръ, и подались назадъ. Тогда Шабельскій приказалъ маіору Гофману собрать стрѣлковъ и перейти въ наступленіе; а пока гренадеры съ барабаннымъ боемъ двигались впередъ, нижегородцы обскакали непріятеля съ фланга. Едва въ пѣхотѣ грянуло «ура» — Шабельскій сталъ во главѣ драгунъ, и, воспламенивъ ихъ мужество короткимъ разсказомъ о славныхъ подвигахъ ихъ товарищей, повелъ дивизіонъ въ атаку. По словамъ очевидцевъ, это была одна изъ самыхъ стремительныхъ и бурныхъ атакъ. Все, что попало подъ этотъ несущійся ураганъ, было смято и стоптано. Здѣсь раненъ штыкомъ поручикъ Кадниковъ, а подъ поручикомъ Фроловымъ заколота лошадь. 1-й и 2-й эскадроны врѣзались въ самую середину непріятельской линіи и произвели въ ней страшное опустошеніе. Такъ еще разъ, и на правомъ флангѣ, нижегородцы являются рѣшителями битвы.

Совокупный ударъ съ двухъ сторонъ сломилъ, наконецъ, сопротивленіе непріятеля, который и здѣсь предался стремительному бѣгству. «Только гористая и изрѣзанная оврагами мѣстность — какъ доносилъ Шабельскій: — спасла непріятеля отъ истребленія и не дозволила нанести ему такой вредъ, какой бѣгущая и разстроенная пѣхота должна была ожидать отъ кавалеріи». Но напрасно Шабельскій, понимая, что сидѣть на плечахъ бѣгущихъ — значитъ позволить имъ уйти безъ особой потери, пытался еще разъ обскакать непріятеля, чтобы отрѣзать ему отступленіе. Мѣстность была въ полномъ смыслѣ адская, и только на высокой и ровной площадкѣ, уже передъ самымъ Куракчайскимъ ущельемъ, драгунамъ удалось, наконецъ, отрѣзать часть вражескихъ батальоновъ.

Они были изрублены, но два батальона успѣли избѣгнуть истребленія и, кинувшись на лѣсистый курганъ, стали окапываться. Въ это время подошли сюда карабинерныя роты съ маіоромъ Клюгенау. Между тѣмъ осенній день приближался къ концу, наступали сумерки. Чтобы скорѣе покончить дѣло, Клюгенау пошелъ на приступъ. Но онъ встрѣтилъ такой отпоръ, что вынужденъ былъ отступить; попытка эта стоила карабинерамъ до 60 человѣкъ убитыми и ранеными. Тогда послали за подмогой, а сами залегли подъ горою, чтобы не выпустить персіянъ изъ рукъ; драгуны стерегли ихъ съ другой стороны.

— «Сдавайся, Херам-заде! — кричали солдаты персіянамъ. — Поутру наѣлись грязи, такъ ужъ теперь не поправите дѣла!» Но въ отвѣтъ изъ окоповъ гремѣлъ неумолкаемый ружейный огонь. Паскевичъ, встрѣвоженный отдаленною и все усиливающеюся перестрѣлкою на правомъ флангѣ, послалъ туда князя Мадатова. Но бой уже подходилъ къ концу. Когда на помощь карабинерамъ подошли херсонцы и съ ними два орудія, и батальоны, послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ, двинулись на приступъ,—непріятель бросилъ оружіе. Здѣсь взяты были два орудія, три знамени и до тысячи плѣнныхъ. Это были почти единственные трофеи елизаветпольскаго сраженія.

Кому принадлежала честь взятія окопа въ этомъ заключительномъ эпизодѣ кровавой битвы—неизвѣстно. Объ этомъ моментѣ боя имѣются весьма разнорѣчивыя извѣстія даже самихъ участниковъ его. Клюгенау и Шабельскій говорятъ, что Мадатовъ пріѣхалъ на правый флангъ, когда тамъ все уже было кончено. Клюгенау разсказываетъ, между прочимъ, что, увидѣвъ плѣнныхъ, непріятельскія знамена и орудія, Мадатовъ сказалъ ему: «ты братецъ, счастливѣе насъ, и воротишься не съ пустыми руками. Эти проклятые чабаны (пастухи) бѣжали такъ шибко, что намъ ничѣмъ не удалось поживиться.» Самъ Мадатовъ не оставилъ записокъ. Въ біографіи же его, составленной правдивымъ А. С. Хомяковымъ со словъ его сослуживцевъ, и въ нѣкоторыхъ раз-

сказахъ современниковъ, есть данныя, по которымъ можно предположить, что Мадатовъ принялъ дѣятельное участіе въ самомъ бою на правомъ флангѣ. «Князь Мадатовъ, — говоритъ его біографія: — подъѣхалъ къ нимъ (къ окруженнымъ персіянамъ) самъ, и объявилъ имъ на ихъ языкѣ, что ежели они желаютъ сдаться, то сейчасъ бы бросили съ кургана внизъ свое оружіе. Персіяне, видя, что самъ начальникъ дѣлаетъ имъ предложеніе, и увѣрясь въ безполезности сопротивленія, въ числѣ 980 человѣкъ, съ двумя знаменами, двумя батальонными командирами и семью офицерами, положили оружіе». Въ то же время, одинъ изъ отставныхъ эриванскихъ солдатъ разсказываетъ слѣдующее:

— До самой ночи—говоритъ онъ: — палили мы въ непріятеля изъ пушекъ и изъ ружей; но онъ сдѣлалъ завалъ изъ своихъ убитыхъ — и не сдавался. Тогда подъѣхалъ къ намъ генералъ Мадатовъ и говоритъ: «Братцы! возьмите его въ штыки, зарядовъ онъ не стоитъ!» У насъ господа офицеры были отважные, — того только и ждали. «Ну, говорятъ, ребята, — пойдемъ, живьемъ заберемъ персіянина». Капитаны Долининъ и Авраменко первыми ворвались съ своими ротами въ завалъ и всѣхъ позабрали въ полонъ»...

Для славы и чести Мадатова вопросъ этотъ, впрочемъ, безразличенъ; довольно и того, что ему главнымъ образомъ обязаны персіяне разгромомъ своего центра, рѣшившимъ судьбу сраженія — чего въ первыя минуты не отрицалъ и Паскевичъ.

Была уже ночь, когда Мадатовъ, утомленный боемъ, безъ голоса, покрытый пылью, пріѣхалъ въ персидскій лагерь на Куракъ-чаѣ, гдѣ расположились русскія войска и былъ самъ Паскевичъ. Мадатовъ доложилъ ему о взятыхъ на правомъ флангѣ трофеяхъ. Разсказываютъ, что Паскевичъ, увлеченный и обрадованный побѣдою, обнялъ его, благодарилъ, и на разсвѣтѣ приказалъ вновь преслѣдовать бѣгущаго непріятеля.

На слѣдующій день, рано утромъ, взявъ съ собою два батальона, полкъ казаковъ и 4 орудія, Мадатовъ съ конни-

цею пустился усиленнымъ маршемъ за непріятелемъ и гналъ его 23 версты. Аббасъ-Мирза, подъ этимъ новымъ натискомъ, до того ускорилъ свое бѣгство, что приказалъ пѣхотѣ сѣсть на лошадей вмѣстѣ съ кавалеристами, такъ, что на одной лошади было по два всадника. 15 сентября самъ онъ былъ уже за Араксомъ, 17-го — переправилась за нимъ и его разбитая армія. Спустя пять дней послѣ сраженія, ни одного непріятельскаго воина не оставалось уже въ Карабагѣ; попадались по окольнымъ дорогамъ только отсталые, безоружные и голодные люди, которыхъ немилосердно убивали и грабили сами же карабагскіе татары. Дѣло не ограничилось однако ужасомъ, преслѣдовавшимъ персіянъ въ русскихъ границахъ, — онъ настигалъ ихъ и въ персидскихъ земляхъ. Въ то время, какъ Аббасъ-Мирза съ небольшимъ числомъ войскъ прискакалъ въ Тавризъ, персидскіе сарбазы разлились по пограничнымъ съ Россіей областямъ и всюду распространяли страхъ близкаго нашествія русскихъ.

Паника персіянъ еще болѣе увеличивалась подъ вліяніемъ гнѣва Аббаса-Мирзы,—несомнѣннаго признака страшнаго пораженія его войскъ. За днемъ несчастнаго сраженія послѣдовали дни грозной кары.

Многія вліятельныя лица въ арміи были отрѣшены отъ командованія, четверо, бѣжавшіе изъ-подъ Шамхора, повѣшены; многихъ онъ приказалъ посадить на ословъ, лицомъ къ хвосту, и въ этомъ позорномъ видѣ возить по деревнямъ на посмѣяніе народу.

И тѣмъ рѣзче было впечатлѣніе этихъ каръ, что онѣ расходились съ представленіями народа, приписывавшаго исходъ битвы волѣ Аллаха, неизбѣжному предопредѣленію. Разсказываютъ, что такой взглядъ на дѣло скоро получилъ среди самихъ окружавшихъ наслѣднаго принца нѣкоторое поощреніе. Былъ у Аббаса-Мирзы нѣкто Хаджи-Мирза-Агасы,— позднѣе, во время осады Герата, самъ командовавшій персидскою арміею, — который былъ великимъ астрологомъ и умѣлъ читать и гадать по звѣздамъ. На основаніи несомнѣнныхъ небесныхъ предвѣщаній онъ еще наканунѣ сраженія

узналъ, что ему слѣдуетъ бѣжать безъ оглядки, не ожидая битвы,—и онъ не только бѣжалъ, но даже хвалился этимъ, говоря: «А, что? видите ли теперь, что я былъ совершенно правъ. Я сейчасъ узналъ, что будетъ бѣда и ушелъ. Кто же изъ дураковъ, изъ людей несвѣдущихъ, темныхъ, остался—тѣхъ или побили, или забрали въ плѣнъ, а кто изъ нихъ и ушелъ, такъ ушелъ по той же дорогѣ, какъ и я». Въ персидскія войска, отъ начальниковъ до солдатъ, внесена была страшная деморализація.

Такъ окончилось Елизаветпольское сраженіе, освободившее Закавказскій край отъ нашествія врага и занявшее одну изъ видныхъ страницъ въ военной исторіи Россіи.

Общая потеря персіянъ не превышала 2 тысячъ убитыми и тысячи плѣнными. Въ числѣ послѣднихъ находился Угурлу-Ханъ, кратковременный повелитель Ганжинскаго ханства. Солдаты нашли его въ кустарникѣ, на берегу Куракъ-чая, уже ограбленнымъ и полураздѣтымъ карабагскими армянами *).

При поспѣшномъ бѣгствѣ непріятеля, и трофеевъ взято было не много: два орудія и четыре знамени: одно, добытое нижегородцами, — красное, съ изображеніемъ золотого льва, держащаго въ лапѣ обнаженный мечъ, а три — бѣлыя, на которыхъ покоящійся левъ освѣщенъ восходящимъ солнцемъ—эмблема могущества и просвѣщенія Персіи; на знаменныхъ древкахъ, вмѣсто обычнаго копья, прибиты отлитыя изъ серебра кисти правой руки съ распростертыми пальцами.

Съ русской стороны выбыло изъ строя 12 офицеровъ и 285 нижнихъ чиновъ. Особенно чувствительною для войскъ кавказскаго корпуса потерею была смерть одного изъ лучшихъ представителей его, командира Ширванскаго полка, подполковника Грекова. Невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе странная судьба всего несчастнаго семейства Гре-

*) Во время плѣна Угурлу-Ханъ долго жилъ въ Ставрополѣ, научился говорить по-русски, и въ 1828 году, при размѣнѣ плѣнныхъ, не съ особенною охотою вернулся въ Персію.

ковыхъ. Въ Ширванскомъ полку служило ихъ шесть братьевъ. Старшій, бывшій уже генераломъ, убитъ въ Герзель-Аулѣ, вмѣстѣ съ Лисаневичемъ; второй, командуя полкомъ, погибъ подъ Елизаветполемъ; трое пали еще прежде въ бояхъ съ кавказскими горцами; теперь оставался въ живыхъ одинъ, самый младшій. Мать, пораженная фатальною потерею пятерыхъ дѣтей, написала къ государю письмо и, помимо желанія сына, просила уволить его въ отставку, въ виду того, что персидская война могла лишить ее и послѣдняго сына. Императоръ Николай снизошелъ къ материнскому чувству ея и повелѣлъ уволить Грекова отъ службы съ полнымъ пенсіономъ, на который тотъ, по молодости, не имѣлъ никакого права. Вмѣстѣ съ Грековымъ въ Ширванскомъ полку былъ убитъ и капитанъ Бельковичъ, о которомъ память долго хранилась въ дружной семьѣ ширванцевъ. Онъ былъ сынъ провіантскаго чиновника, выросшій, можно сказать, въ Ширванскомъ полку, съ которымъ отецъ его дѣлалъ частые походы. Юношей онъ поступилъ въ этотъ полкъ на службу и въ немъ же дослужился до капитана. Храбрый до дерзости, онъ пользовался особымъ вниманіемъ Ермолова и, несмотря на малую степень образованія, обладалъ такими способностями, которыя могли предрекать ему въ будущемъ широкую служебную карьеру. Подъ Елизаветполемъ онъ, имѣя уже владимірскій крестъ, полученный когда-то изъ рукъ Ермолова, соблазнился персидскимъ знаменемъ и бросился на него съ своею ротою; знамя онъ взялъ, но тутъ же и палъ, пораженный пулею. Знамя осталось за персіянами.

Елизаветпольская побѣда доставила справедливую славу Паскевичу.

«Мы, которые были свидѣтелями этой эпохи, — говоритъ графъ Симоничъ: — мы, которые слѣдили за генераломъ на полѣ битвы, которые видѣли его хладнокровіе въ опасности, можемъ отдать честь его величію, его способностямъ. Но нужно сказать и то, что маленькій корпусъ нашъ составленъ былъ изъ избранныхъ кавказскихъ храбрецовъ, которые были проникнуты собственнымъ достоинствомъ, для ко-

торыхъ не было ничего невозможнаго; да съ ними же были и Мадатовъ и Вельяминовъ».

Къ этому нужно, однако, добавить и то еще, что Елизаветполь былъ слѣдствіемъ Шамхора. Шамхоръ расшаталъ нравственныя силы персіянъ, и нѣтъ сомнѣнія, что Аббасъ-Мирза много потерялъ увѣренности и въ самомъ себѣ и въ своей арміи, видя Мадатова въ стѣнахъ Елизаветполя. Мадатову принадлежитъ, поэтому, значительная доля славы въ Елизаветпольской битвѣ.

Императоръ Николай осыпалъ главныхъ виновниковъ Елизаветпольской побѣды наградами. Паскевичу пожалована была золотая сабля, осыпанная брилліантами, съ надписью: «за пораженіе персіянъ подъ Елизаветполемъ». «Увѣренъ, — писалъ къ нему государь: — что она въ вашихъ рукахъ укажетъ храбрымъ войскамъ путь къ новымъ побѣдамъ и къ славѣ». Князь Мадатовъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и брилліантовую же саблю съ надписью «за храбрость». Это была уже его вторая драгоцѣнная сабля,—первую онъ имѣлъ еще въ чинѣ полковника, за отечественную войну. Генералъ-лейтенанту Вельяминову пожалованъ орденъ св. Георгія 3 класса; генералъ-маіору Шабельскому, полковнику графу Симоничу и маіорамъ Юдину и Клюки-фонъ-Клюгенау—тотъ же орденъ 4 степени. Ими и начинается длинный списокъ георгіевскихъ кавалеровъ славнаго царствованія императора Николая Павловича.

Побѣда торжественно праздновалась и въ самомъ Петербургѣ. Отбитыя въ сраженіи знамена возились по улицамъ столицы при звукахъ трубъ, и императоръ Николай, въ память того, что первыя извѣстія о вторженіи персіянъ и первыя донесенія о ихъ пораженіи получены были въ Москвѣ, въ дни коронаціи, отправилъ эти трофеи въ даръ первопрестольному городу и приказалъ тамъ же хранить и всѣ другіе трофеи, которые будутъ взяты въ теченіе персидской войны, — знамена въ соборахъ, пушки на кремлевской площади. Тамъ они стоятъ и до настоящаго времени.

Елизаветпольская битва имѣла въ жизни Закавказья огром-

ное значеніе по тому умиротворяющему смыслу, которое она получила для мусульманскаго населенія. Разгромъ персидскихъ силъ, въ четыре дня послѣ того очистившихъ русскіе предѣлы, былъ поучителенъ для народовъ, уважающихъ только силу. Впечатлѣніе, произведенное имъ, было таково, что не только въ Грузіи, а даже и въ самой Персіи сочиняемы были пѣсни въ честь побѣдителей, и подвиги князя Мадатова такъ воспламеняли воображеніе туземныхъ бардовъ, что онъ представляется въ этихъ пѣсняхъ грознымъ карателемъ, — призракомъ, являвшимся внезапно и повсюду для пораженія персіянъ.

Памятникъ на могилѣ Бакланова.

Яковъ Петровичъ

БАКЛАНОВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. ПОТТО.

Съ портретомъ Бакланова.

Изданіе 2-е.

Цѣна **1** руб. **25** коп.

Объ этой книгѣ въ отзывѣ 27 ноября 1885 г. № 3503 газеты «Новое Время», между прочимъ сказано:

Въ числѣ русскихъ богатырей чисто эпическаго характера, безъ всякой передѣлки и прикрасъ, могъ бы занять почетное мѣсто донской казакъ Я. П. Баклановъ. Высокаго роста, атлетической силы и съ лицомъ, которое по безобразію и свирѣпому выраженію своему вполнѣ оправдывало искреннюю увѣренность поляковъ 1863 года, что Баклановъ ѣстъ живыхъ дѣтей и приходится роднымъ братомъ черту, — Яковъ Петровичъ имѣлъ душу честную, умъ прямой, открытый, острый и смѣлый и въ то же время душу глубоко нѣжную и сердце доброе . . . . . .

. . . Біографія Я. П. Бакланова, написанная г. В. Потто, читается весьма легко и по сюжету полна самаго захватывающаго интереса . . . . . .

. . . Въ общемъ эта прекрасная работа, весьма пригодная и полезная для назидательнаго чтенія русскаго юноши. — Баклановъ, или страшный горцамъ «Боклю», фигура крупная и русскіе юноши нашего мелкаго времени должны быть благодарны г. В. Потто за его успѣшное стараніе поставить передъ ними этого казака-богатыря и правдолюбца въ настоящую величину и въ надлежащемъ свѣтѣ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО

ЛИЧНЫЯ И СЛУЖЕБНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Генералъ-Лейтенанта **П. П. Карцева.**

Цѣна **5** руб., безъ перес.

Воспоминанія эти обнимаютъ періодъ съ 1831 по 1879 г.; въ нихъ читатели встрѣтятъ черты изъ жизни Императоровъ: Николая I, Александра II и Вильгельма; Великаго Князя Михаила Павловича, Принцевъ: Фридриха Карла и Гумберта; гр. Аракчеева и Берга; Генераловъ: Барона Корфа, Я. И. Ростовцева, Н. Н. Пунзина, Сухазанета, Герстенцвейга, Ѳ. Ѳ. Трепова, Князя Черкасскаго, Фельдмаршаловъ: Барона Врангеля, Мольтке и друг.

Книжный складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО, С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

ОМА И НА ВОЙНѢ

1853—1881 гг.

ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗСКАЗЫ

АЛЕКСАНДРА ВЕРЕЩАГИНА.

изд. 2-е иллюстрированное виньетками и портретами.

Часть I. Изъ домашняго быта, временъ крѣпостнаго права.
» **II.** Изъ Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг.
» **III.** Текинская экспедиція Скобелева 1880—1881 гг.

Внесено въ основной каталогъ.

Цѣна **2** р. **50** к.

Рекомендовано циркуляромъ Главнаго Штаба отъ 16-го мая 1886 г. за № 91.

О 1-мъ изданіи, которое распродано въ теченіи мѣсяца. Въ отзывѣ М. Драгомирова, помѣщенномъ въ № 255 «Русскаго Инвалида», отъ 23-го ноября 1885 г., между прочимъ сказано:

« Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ г. Верещагинъ далъ рядъ прекрасно « нарисованныхъ бытовыхъ и военныхъ сценъ, которыя не могутъ не заинте- « ресовать любаго читателя, а военнаго тѣмъ болѣе. Взявшись за книгу, « трудно оторваться отъ нея, до такой степени разсказъ живъ, правдивъ, « полонъ добродушнаго юмора... « Попадаются у него, и нерѣдко, такія мѣста, « которыя могутъ быть поставлены на ряду со сценами величайшаго изъ « живописцевъ военнаго обихода — гр. Л. Н. Толстаго »....

ГЕНЕРАЛИСИМУСЪ КНЯЗЬ СУВОРОВЪ.

Сост. **А. П. Петрушевскій.**

ТРИ ТОМА. **Цѣна 10 руб.**

Книга эта удостоена Императорской Академіей Наукъ первой Макарьевской преміи

Контора и складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО, С.-Петерб., Колокольная, № 14.

ПОЛКОВНИКЪ

АРКОВЪ

ИСТОРІЯ КОННИЦЫ.

Часть I. Форматъ in-4°, 178 стр., портреты Александра Македонскаго, Аннибала, Сципіона Африканскаго и Юлія Цезаря; 15 листовъ рисунковъ и 11 листовъ плановъ различныхъ сраженій. 1886 г. . **5** р.

Часть II. Форматъ in-4°, 220 стр., портреты Нарзеса, Саладина, Ричарда Львиное сердце, Эдуарда Чернаго, Дю-Геклена (Микула Селяниновича и Вольги богатыря), 21 листъ рисунковъ типовъ всадниковъ, лошадей, одеждъ и вооруженія конницы среднихъ вѣковъ; 20 листовъ плановъ сраженій. 1886 г. **5** р. **50** к.

Часть III. Форматъ in-4°. 158 стр., повѣствованіе отъ введенія огнестрѣльнаго оружія до Густава Адольфа, портреты Гонзалва Кордуанскаго, Фарнезе и Морица Оранскаго, 12 листовъ типовъ лошадей, рисунковъ одеждъ, вооруженія и снаряженія всадниковъ и 15 плановъ выдающихся сраженій . . . . . **5** р. **50** к.

» **III. выпускъ 4-й.** Форматъ in-4°, 238 стр. **Портреты:** Густавъ II Адольфъ, Конде. Тюреннъ, Кромвель, Маршалъ Люксембургскій, Монтекуколи, Янъ Собѣскій, Принцъ Евгеній Савойскій, Марльборо. Виллярь, Карлъ XII, Петръ Великій, Князь Меньшиковъ и Маршалъ Морицъ Саксонскій.

Рисунки: Кирасиръ и драгунъ XVII столѣтія. Шведскія войска: мушкетеръ, драгунъ, кирасиръ, пикенеръ. Французскія войска временъ Людовика XIII: кирасиръ, конный мушкетеръ. Англійская скаковая лошадь. Гунтеръ (Hunter). Англійская конница временъ Кромвеля. Австрійская конница 1710 года. Драгуны Петра Великаго.

Карты, планы въ текстѣ и 17 отдѣл. листовъ. **5** р. **50** к.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 24-го января 1887 г. за № 19 о вышеназванной книгѣ сказано:

«Обширное сочиненіе полковника Маркова свидѣтельствуетъ о громадности положеннаго на него труда и о безспорной любви автора къ своему дѣлу. Два изданные имъ фоліанта далеко не заключаютъ въ себѣ всей исторіи кавалеріи: она доведена въ нихъ лишь до XV столѣтія включительно. Такимъ образомъ, будучи доведеннымъ до конца, сочиненіе г. Маркова превзойдетъ по внѣшнему объему все, что до сихъ поръ появлялось во всемірной военной литературѣ. Если же обратиться къ содержанію изданныхъ двухъ томовъ, то не трудно убѣдиться, что г. Марковъ исчерпалъ всѣ основныя пособія, такъ или иначе касающіяся исторіи кавалеріи. Изъ только что сказаннаго видно, что справиться съ такой задачей автору было нелегко, особенно, если принять въ соображеніе, что единственное законченное сочиненіе по исторіи кавалеріи — Денисона — не выдерживаетъ серьезной критики ни по существу, ни по должному разбору и оцѣнкѣ источниковъ.

. . . Внѣшность книги дѣлаетъ честь нашему провинціальному издательскому дѣлу. Кромѣ того, сочиненіе снабжено планами сраженія и многочисленными рисунками, исполненными превосходно. Особенно обращаемъ вниманіе на азіятскихъ всадниковъ: типъ каждаго изъ описанныхъ конныхъ народовъ схваченъ и переданъ съ поразительной вѣрностью.» *А. П.*

УБРОВИНЪ.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

И ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ НА КАВКАЗѢ.

Томъ II, III, IV, изд. 1886 г. Въ этихъ томахъ излагается исторія войны и водвореніе русской власти на Кавказѣ, постепенное введеніе гражданскихъ началъ и административныхъ перемѣнъ въ покоряемомъ краѣ. Описаніе войны начинается со II тома, съ эпохи принятія Грузіи подъ покровительство Россіи, т. е съ 1783 г. и томъ V. . . **10** р. **50** к.

Томъ V. Отдѣльно. Изданіе 1887 г. XXI глава, 494 стр.

Содержаніе V тома заканчивается отозваніемъ маркиза Паулуччи и назначеніемъ генерала Ртищева (1812 г.). . . . . **3** р. **50** к.

Томы II, III и IV рекомендованы Циркуляромъ Главнаго Штаба отъ 10-го марта 1886 г. за № 47 а въ № 32 «Русскаго Инвалида» за 1886 г. сказано:

« Въ 1871 году авторъ издалъ подъ тѣмъ же « заглавіемъ свой первый томъ, состоявшій изъ « трехъ книгъ заключающихъ географическій и « этнографическій очеркъ Кавказа и народовъ « его населяющихъ. Въ изданныхъ имъ нынѣ трехъ томахъ (II, III и IV) « излагается исторія войны и водвореніе русской власти на Кавказѣ, постепенное введеніе гражданскихъ началъ и принятіе новыхъ административныхъ мѣръ въ покоряемомъ краѣ.

« Такимъ образомъ первый томъ служитъ какъ бы введеніемъ, заключающимъ описаніе театра дѣйствій, на которомъ въ теченіе болѣе полувѣка « происходила блестящая боевая дѣятельность кавказской арміи. Описаніе « войны начинается со втораго тома съ эпохи принятія Грузіи подъ покровительство Россіи, т. е. съ 1783 года. Съ этого собственно времени началось « русское владычество на Кавказѣ и въ Закавказьѣ. Войска наши за Кавказомъ « являются не для временнаго вспомоществованія отдаленному союзнику, но « для защиты собственныхъ владѣній; съ тѣхъ поръ граница Россіи переносится за горы и горскіе народы являются уже не пограничными сосѣдями, « а племенами, живущими внутри Имперіи ».

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

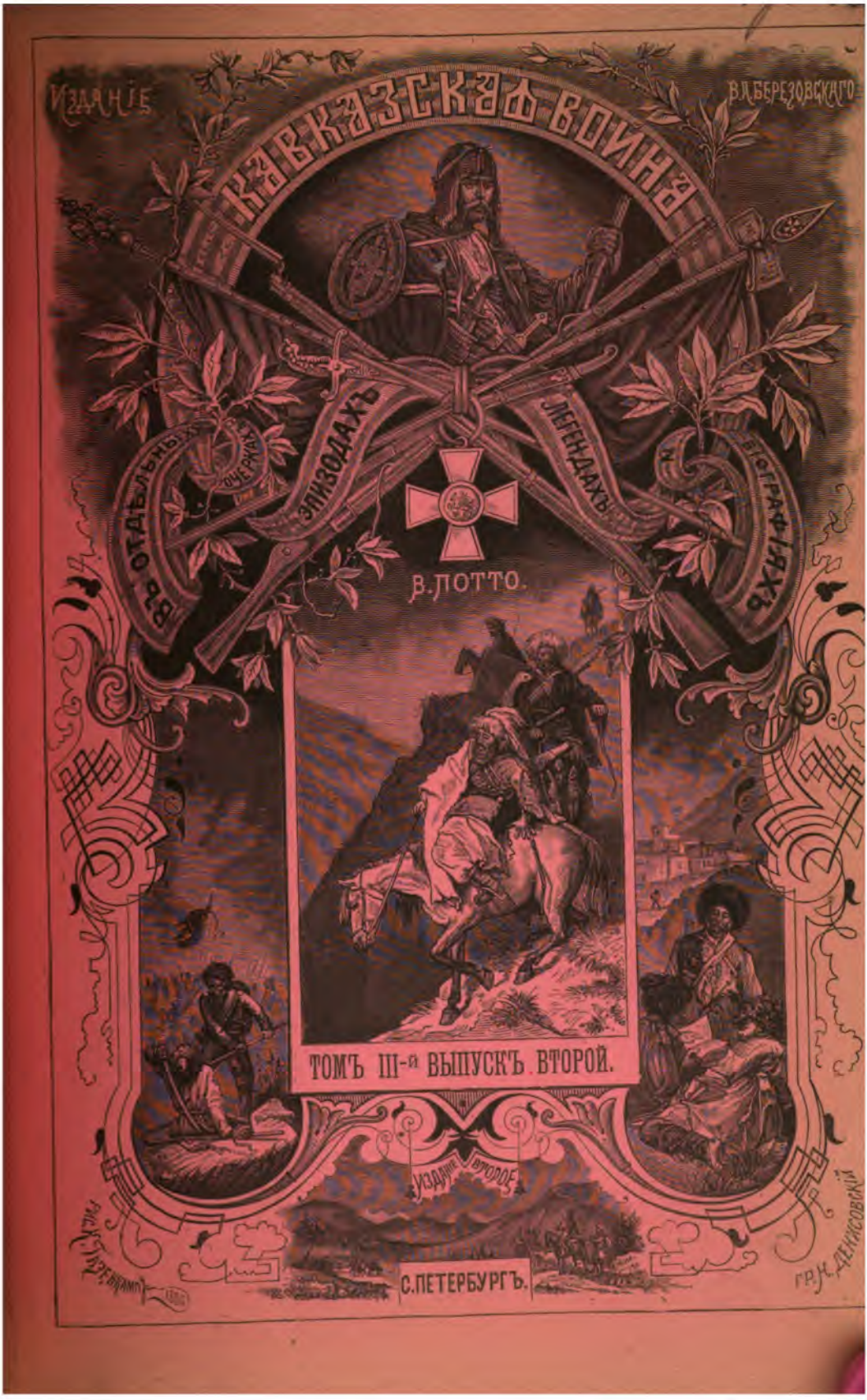
ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

Составилъ **В. А. Потто.**

Томъ I. До Ермолова, 4 выпуска, 2-е изданіе 1887 г. . . **6** р.
» II. Ермоловское время, 4 выпуска, 2-е изд. 1887 г. . . **6** р.
» III. Персидская война, 4 выпуска, 2-е изд. 1888 г. . . **6** р.
» IV. Турецкая война, 4 выпуска, 1-е изд. 1888 г. . . **6** р.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Почтой: В. А. Березовскому, С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.
Телеграммой: Петербургъ Колокольная **Березовскому.**


Изданіе
В.А. Березовскаго
Кавказскій воинъ
Въ отдѣльныхъ очеркахъ
Эпизодахъ
Легендахъ
Біографіяхъ
В. Лотто.
Томъ III-й Выпускъ второй.
Изданіе второе
С. Петербургъ.
Рисунки Гравюры
гр. К. Денисовскій

РЭЙДЫ

НАБѢГИ, НАѢЗДЫ, ПОИСКИ

ОНИЦЫ

ВЪ

АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНѢ

1861–1865 гг.

Профессора Николаевск. Академіи Генеральн. Штаба и члена Военно-ученаго комитета Главнаго Штаба, Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіора **Н. Н. Сухотина**. Изслѣдованіе, 2-е изданіе украшено виньетками, 16 лист. плановъ и 9 большихъ портрет. гравирован. В. В. Матэ. 1887 г.

Цѣна **4** р., съ пер. **4** р. **50** к.

Въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» 1887 г. за № 229 между прочимъ сказано: «... Какъ бы-то ни было, но мы считаемъ нашимъ долгомъ обратить особенное вниманіе нашихъ кавалеристовъ на обновленный трудъ уважаемаго автора, въ увѣренности, что они найдутъ въ рекомендуемой книгѣ не только поучительное и интересное чтеніе, но въ описаніи славныхъ дѣйствій американской конницы сражавшейся при наличіи всѣхъ современныхъ условій веденія войны, почерпнутъ духъ бодрости и той кавалерійской отваги, безъ которой немыслима сколько нибудь плодотворная дѣятельность этого рода оружія на войнѣ. У такихъ богатырей какъ Стюартъ, Морганъ, Форестъ и др. есть чему поучиться для всякаго кавалериста, который желаетъ быть таковымъ не только по имени.

..... Съ внѣшней стороны книга представляется въ блестящемъ видѣ: напечатанная четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, она украшена портретами славнѣйшихъ главнокомандующихъ и партизановъ американскихъ армій; кромѣ того книга снабжена множествомъ соотвѣтственныхъ виньетокъ, рисованныхъ г. Газенкампфомъ; наконецъ къ ней приложены необходимые планы. Такимъ образомъ внѣшній видъ и внутреннее содержаніе вполнѣ гармонируютъ въ этомъ превосходномъ изданіи».

НАШИ СОСѢДИ.

Справочная книжка заключающая въ себѣ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ сосѣднихъ съ нами государствахъ: Швеціи, Пруссіи, Австро-Венгріи, Румыніи, Азіятской Турціи, Персіи, Афганистанѣ, Китаѣ и Кореѣ.

Въ 2-хъ частяхъ. Сост. **А. В. Старчевскій.**

Цѣна **1** р. **50** к., съ пересылкой **1** р. **70** к.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ и БІОГРАФІЯХЪ

В. Потто.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа.)

Книга эта **Рекомендована** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. **Внесена** въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ III.

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА 1826—1828 г.

ВЫПУСКЪ II.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Издалъ В. Березовскій

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1888.

215

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 1 іюня 1888 г.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій переулокъ, № 15.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ВЫПУСКА.

		Стр.
X.	Паскевичъ	177
XI	Давыдовъ на Эриванской границѣ	187
XII.	Въ Карабагѣ	213
XIII.	Замиреніе провинцій	225
XIV.	Зима въ Карабагѣ	245
XV.	Планы вторженія въ Персію	273
XVI.	Смѣна Ермолова и первыя дѣйствія Паскевича	283
XVII.	Занятіе Эчміадзина	291
XVIII.	Авангардъ подъ Эриванью	307
XIX.	Паскевичъ на Араксѣ	323

X.

Паскевичъ.

Генералъ-адъютантъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ — впослѣдствіи фельдмаршалъ графъ Эриванскій и свѣтлѣйшій князь Варшавскій замѣчательная личность, выдвинутая на сцену Кавказскихъ войнъ Елизаветпольской побѣдой. Съ появленіемъ его на Кавказѣ, и въ значительной мѣрѣ по его винѣ, Россія лишилась одного изъ своихъ геніальныхъ дѣятелей, Ермолова. Но это обстоятельство не должно, однакоже, затемнять несомнѣнно выдающихся дарованій знаменитаго фельдмаршала, выразившихся въ его дѣятельности.

Паскевичъ принадлежалъ къ тѣмъ баловнямъ судьбы, которымъ все дается безъ усилій. Самая наружность его выдавалась въ толпѣ. При цвѣтущемъ здоровьѣ и неутомимости въ перенесеніи военныхъ трудовъ, онъ отличался замѣчательною красивою наружностью. Изъ-подъ роскошныхъ темныхъ кудрей, въ художественномъ безпорядкѣ обрамлявшихъ его чело, сверкали большіе, свѣтлые голубые глаза, въ которыхъ свѣтился огонь сосредоточенной рѣшимости. Въ нихъ было, однако, что-то строгое, надменное, что на людей встрѣчавшихся съ нимъ взоромъ, производило, какъ говорятъ современники, тяжелое впечатлѣніе.

На Кавказъ Паскевичъ пріѣхалъ въ лучшую пору своей жизни; ему было только 45 лѣтъ. За нимъ слѣдовала уже громкая репутація, пріобрѣтенная въ великихъ войнахъ начала нынѣшняго вѣка. Все прошлое его состояло изъ какого-то страннаго сочетанія несомнѣнныхъ талантовъ съ счастливыми случайностями, которымъ онъ былъ обязанъ и самымъ началомъ блестящей карьеры. Онъ родился 8-го мая 1782 года, въ Полтавѣ, и, какъ представитель древней и богатой малороссійской фамиліи, получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ. Отсюда онъ былъ выпущенъ поручикомъ въ Преображенскій полкъ, и, при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, назначенъ прямо флигель-адъютантомъ къ императору Павлу Петровичу. Разсказываютъ, что однажды — это было 5-го октября 1800 года — Паскевичъ и Башиловъ, впослѣдствіи умершій московскимъ сенаторомъ, находились при императорѣ дежурными камеръ-пажами, — «Вы не по формѣ одѣты», строго сказалъ государь, когда оба камеръ-пажа встрѣтили его во дворцѣ при возвращеніи съ развода. Молодые люди обомлѣли, зная тогдашнюю суровость наказаній за малѣйшее отступленіе отъ формы. «У васъ въ обмундировкѣ нѣтъ того-то и того-то», продолжалъ императоръ и перечислилъ всѣ принадлежности офицерскаго обмундированія. Юные камеръ-пажи поняли, что «выговоръ» императора обозначалъ ихъ производство въ офицеры, и кинулись цѣловать его руки. «Ну, бѣгите одѣваться, — сказалъ императоръ: —

и приходите ко мнѣ». Когда они явились уже въ офицерской формѣ, государь, оглядѣвъ ихъ, сказалъ: «Вы опять не по формѣ одѣты. У васъ нѣтъ аксельбантовъ,—надѣньте ихъ». Черезъ часъ бывшіе камеръ-пажи явились уже флигель-адъютантами императора.

Наступило новое царствованіе и вмѣстѣ съ нимъ—рядъ войнъ. Передъ Паскевичемъ открывается путь военныхъ отличій, которыя могли быть тѣмъ замѣтнѣе при блестящемъ положеніи его при Дворѣ. Аустерлицкій походъ былъ слишкомъ кратковременъ, чтобы осуществить стремленіе честолюбиваго юноши, и по окончаніи этой кампаніи онъ перешелъ въ Молдавскую армію, которая готовилась идти за Дунай, подъ предводительствомъ стараго Михельсона.

Здѣсь, въ первомъ же дѣлѣ, подъ Журжею, Паскевичу удалось оказать весьма важную услугу русской арміи. Нужно сказать, что войска выступили ночью, — а ночь случилась ненастная, бурная, одна изъ тѣхъ, которыя народъ зоветъ воробьиными... Русскія колонны сбились съ дороги и разбрелись по степи, а между тѣмъ приближался разсвѣтъ. Паскевичъ прежде другихъ сообразилъ опасность положенія. Онъ поскакалъ впередъ, самъ разыскалъ дорогу и вывелъ на нее колонны. Такимъ образомъ, его распорядительности отрядъ обязанъ былъ тѣмъ, что пришелъ своевременно на назначенное мѣсто, — и въ результатѣ турки были разбиты.

Михельсонъ опытнымъ глазомъ оцѣнилъ въ Паскевичѣ нѣчто болѣе одной заурядной храбрости, — и Паскевичъ разомъ заслужилъ владимірскій крестъ и золотую шпагу «за храбрость». Смѣнившій Михельсона князь Прозоровскій еще болѣе приблизилъ къ себѣ молодого флигель-адъютанта, и въ 1807 году неоднократно посылалъ его съ секретными порученіями въ Константинополь, цѣль которыхъ была склонить турокъ на войну съ англичанами.

Эти поѣздки по пустыннымъ дорогамъ, среди населенія, настроеннаго весьма непріязненно къ русскимъ, сопряжены были всегда съ большими опасностями. Однажды, на пути изъ Проводъ, турецкій конвой, сопровождавшій Паскевича,

разбѣжался, и онъ, оставшись одинъ въ незнакомыхъ горахъ, пробрался черезъ балканскія ущелья въ г. Айдосъ, гдѣ даже турки были изумлены его отважною рѣшимостью. Въ другой разъ, во время возмущенія въ Константинополѣ народа, требовавшаго выдачи его, какъ русскаго офицера, онъ спасся отъ ярости черни лишь тѣмъ, что бросился въ рыбачій челнъ, и одинъ смѣло пустился на немъ въ Черное море. Убогая ладья съ неумѣлымъ кормчимъ носилась нѣсколько дней по прихоти бушующихъ волнъ, и вынесла, наконецъ, его и его счастіе въ Варну.

Подобные факты не могли не послужить къ быстрому возвышенію Паскевича, который скоро далеко опередилъ по службѣ своихъ сверстниковъ. Весною 1809 года, онъ уже былъ полковникомъ. На штурмѣ Браилова его жестоко ранили въ голову; это, однако, не помѣшало ему участвовать во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, подъ начальствомъ князя Прозоровскаго, Багратіона и графа Каменскаго. Подъ Варною, 22-го іюля 1810 года, Паскевичъ съ однимъ Витебскимъ полкомъ, отразилъ яростную вылазку турецкой арміи и отстоялъ русскую позицію; это доставило ему Георгія 3-го класса (4-ю степень онъ имѣлъ ранѣе, за штурмъ Базарджика), а за сраженіе подъ Батыномъ произведенъ въ генералъ-маіоры, всего на 29 году отъ роду. Пять лѣтъ, проведенныя имъ въ турецкой войнѣ, послужили для него отличною школою, и здѣсь-то онъ пріобрѣлъ ту опытность и знаніе свойствъ противника, которыя такъ пригодились ему впослѣдствіи, въ его азіятскихъ походахъ.

Назначенный, съ производствомъ въ генералы, шефомъ Орловскаго пѣхотнаго полка, Паскевичъ поселился въ Кіевѣ, въ родной Малороссіи. Тамъ онъ оставался около года, до начала отечественной войны, когда является однимъ изъ видныхъ дѣятелей, во главѣ 26-й пѣхотной дивизіи. Начавшійся продолжительный періодъ большихъ европейскихъ войнъ открылъ талантамъ и храбрости Паскевича широкое поприще. Битва при Салтановкѣ, защита Смоленска, Бородинскій бой, гдѣ дивизія Паскевича почти цѣликомъ легла при оборонѣ

центральнаго редута, — доставили ему громкую и справедливую извѣстность, которая закрѣпилась еще болѣе въ славныхъ бояхъ подъ Малоярославцемъ, Вязьмою и наконецъ подъ Краснымъ, гдѣ его Орловскій полкъ заслужилъ серебряныя трубы.

За отечественную войну Паскевичъ былъ награжденъ аннинской лентой и Владиміромъ 2-го класса. Въ Вильнѣ Кутузовъ представилъ его императору Александру, какъ генерала, выдающагося своими боевыми заслугами, — и государь самъ поручилъ ему осаду Модлина. Сраженіе подъ Лейпцигомъ доставило Паскевичу чинъ генералъ-лейтенанта, на 31 году его жизни, а взятіе Парижа, гдѣ онъ командовалъ 2-ю гренадерскою дивизіею, — александровскую ленту.

По окончаніи войнъ, Паскевичъ сопровождалъ великаго князя Михаила Павловича въ путешествіи его по Европѣ, затѣмъ командовалъ первою гвардейскою пѣхотною дивизіею, и наконецъ, за годъ до кончины императора Александра, назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ и командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса, расположеннаго въ Остзейскихъ губерніяхъ. Здѣсь, въ Митавѣ, онъ получилъ извѣстіе о петербургскихъ событіяхъ 14-го декабря, и поспѣшилъ въ столицу. Новый императоръ принялъ его, какъ заслуженнаго генерала, и назначилъ членомъ верховнаго уголовнаго суда, учрежденнаго надъ декабристами. Въ качествѣ генералъ-адъютанта Паскевичъ сопровождалъ государя въ Москву на коронацію, — и съ этого момента начинается его крупная историческая роль.

Война съ Персіею принимала тогда размѣры все болѣе и болѣе тревожные. Оборонительная система, избранная Ермоловымъ, не согласовалась съ волей императора Николая, требовавшаго дѣйствій рѣшительныхъ, — и въ этихъ видахъ на Кавказъ назначенъ былъ Паскевичъ.

Кавказъ, такимъ образомъ, пріобрѣталъ въ лицѣ Паскевича одного изъ весьма замѣчательныхъ дѣятелей, отважнаго, рѣшительнаго, отмѣченнаго искрою военнаго дарованія. Трудно не видѣть, какъ выигралъ бы воинственный край отъ

сочетанія силъ двухъ славныхъ представителей вѣка, Ермолова и Паскевича, если бы они, подчинясь идеѣ блага отечества, соединились въ общности цѣлей и дѣйствій. Ермоловъ пріобрѣталъ въ Паскевичѣ энергическаго помощника, Паскевичъ имѣлъ бы въ Ермоловѣ глубокаго политика и знатока мѣстныхъ условій, опытнаго руководителя на скользкомъ поприщѣ военной славы, которая могла бы обмануть храбраго Паскевича при первой его неудачѣ.

Къ сожалѣнію, Паскевичъ обладалъ характеромъ неуступчивымъ и самовластнымъ. Онъ неспособенъ былъ подчиняться, боялся допустить простое вліяніе на себя, чье бы оно ни было и какъ бы оно ни оправдывалось обстоятельствами. Графъ Остенъ-Сакенъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что сдѣлавшись позже начальникомъ штаба и изучивъ характеръ Паскевича, онъ принялъ такую систему, чтобы просить всегда противоположнаго тому, чего хотѣлъ достигнуть. Такъ, желая дать, для пользы службы, гренадерскую бригаду генералу Муравьеву (впослѣдствіи Карскому), но зная нерасположеніе къ нему главнокомандующаго, онъ при докладѣ сказалъ Паскевичу: — «Вообразите, какое неумѣренное желаніе высказалъ мнѣ вчера Муравьевъ: только что произведенъ въ генералы — и уже желаетъ гренадерской бригады! Не рано ли?» — Какъ рано! — вскричалъ Паскевичъ: — онъ заслужилъ ее вполнѣ. Сегодня же принесите къ моей подписи представленіе. — Въ этомъ фактѣ — весь Паскевичъ.

И вотъ, появившись на Кавказѣ, онъ начинаетъ тяготиться подчиненіемъ Ермолову и, ища самостоятельности, желаетъ самъ занять его мѣсто. Своею близостію къ государю, позволеніемъ писать непосредственно къ нему, онъ воспользовался вполнѣ, чтобы уронить въ его глазахъ Ермолова. Всѣ дѣйствія его принимаютъ характеръ осторожной интриги *). Не имѣя на то ни права, ни основанія, онъ сталъ разыскивать какія-то злоупотребленія по всѣмъ частямъ

*) См. томъ II, статью «Ермоловъ въ персидской войнѣ».

управленія Кавказскимъ краемъ, которыя до него не касались, привлекая къ доносамъ разныхъ сомнительныхъ личностей. Незнакомый ни съ мѣстными условіями солдатской жизни, ни съ подчиненными ему лицами, онъ былъ строгъ, взыскателенъ и своенравенъ въ отношеніи къ тѣмъ самымъ войскамъ, которыми впослѣдствіи, когда ему уже нечего было искать, самъ же не могъ нахвалиться. Въ этомъ смыслѣ онъ не былъ, впрочемъ, даже строго послѣдователенъ, то хваля, то порицая войска и подчиненныхъ, руководимый исключительно обстоятельствами и соразмѣряя ихъ со своими цѣлями.

Есть даже черта разсчитаннаго двоедушія въ его письмахъ къ государю: ему онъ писалъ совсѣмъ не то, что всѣмъ на Кавказѣ было извѣстно и о чемъ онъ самъ же заявлялъ публично и громко.

При своихъ донесеніяхъ императору онъ прикладывалъ, напримѣръ, обширныя выписки путеваго журнала, веденнаго имъ въ теченіе всего похода въ Карабагъ, до того момента, когда его отрядъ былъ распущенъ; но въ этомъ журналѣ перемѣшаны его личныя впечатлѣнія отъ встрѣченныхъ имъ будто бы неустройствъ въ войскахъ, съ грязными инсинуаціями персидскихъ властей, ненавидѣвшихъ Ермолова, армянина Карганова, прозваннаго на Кавказѣ «Ванькой-Каиномъ» и другихъ подобныхъ личностей. Эта выписка изъ журнала сохранилась въ документахъ. Въ то же время, при одномъ изъ своихъ донесеній, и Ермоловъ представляетъ государю журналъ Паскевича, но уже безъ всякихъ оговорокъ и съ своимъ одобреніемъ. Хотя этотъ второй журналъ пока еще и не вошелъ въ опубликованные документы и, быть можетъ, не сохранился, но, очевидно, онъ былъ составленъ совершенно въ иномъ духѣ, очевидно, въ немъ не было ни инсинуацій, ни жалобъ. Слѣдовательно Паскевичъ съ первыхъ же шаговъ, когда еще не былъ знакомъ съ кавказскими войсками и съ образомъ тамошней войны, уже велъ два путевые журнала, изъ которыхъ одинъ назначался имъ для Ермолова, другой, секретный — въ руки

государя, помѣщая въ нихъ противоположныя извѣщенія. Недовѣріе къ Ермолову, возбужденное уже въ императорѣ, было для него, конечно, импульсомъ, толкавшимъ его въ этомъ направленіи.

Самый Елизаветпольскій бой, давшій ему столько славы, и его донесенія о немъ служатъ рѣзкимъ подтвержденіемъ этой двойственности Паскевича. Въ реляціяхъ онъ благодарилъ и превозносилъ доблесть Мадатова и Вельяминова, а въ письмахъ къ государю набрасывалъ тѣни и на того и на другого. Посѣтивъ послѣ боя тяжело раненаго графа Симонича, какъ разсказываетъ самъ этотъ послѣдній, онъ сказалъ ему: «Когда атакуютъ такъ, какъ атаковали Вы, ни одинъ непріятель не устоитъ; даже французы не выдержали бы такого удара». И въ то же время, въ противорѣчіе этимъ словамъ, про тѣ самыя войска, которыя только что на голову разбили вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля, которыя, какъ грузинцы, шли въ битву, не получивъ опредѣленнаго приказанія, или, какъ нижегородскіе драгуны, вихремъ перелетали на помощь своимъ по всей непріятельской линіи, всюду внося пораженіе,—про эти самыя войска онъ писалъ государю: «Когда непріятель атаковалъ, я бросился въ резервъ, дабы заставить его идти и насилу могъ его подвинуть. Сохрани Богъ быть съ такими войсками въ первый разъ въ дѣлѣ». «Войска храбры, но не стойки; 2-я линія не выдержала 20 ядеръ и смѣшалась съ первою, потому что та стояла подъ крутизною... Ширванскій батальонъ, ударивъ въ штыки, прорвалъ ихъ линію. Вельяминовъ это приказалъ. Князь Мадатовъ на себя взялъ, чего не сдѣлалъ, а я, не знавъ его, ему повѣрилъ, и оттого въ реляціи его хвалилъ. Но тутъ всѣ ихъ распоряженія кончились, ибо войска, гнавшись за непріятелемъ, такъ разбрелись, что еслибъ персіяне имѣли резервъ, то мы могли бы быть разбиты, ибо нашъ центръ, гнавшись, совершенно былъ разсѣянъ, когда наши фланги, еще обойденные, дрались съ непріятелемъ»...

Если припомнить, что, напримѣръ, та 2-я линія, кото-

рая, по донесенію Паскевича, на выдержала будто бы 20-ти ядеръ, была подъ командою храбраго Симонича; что она смѣшалась съ первою безъ разрѣшенія Паскевича не потому, что та стояла подъ крутизною, а пошла съ нею въ бой по дальновидному расчету Симонича, который говоритъ: «если бы персіяне разбили первую линію и она побѣжала, то батальонъ грузинцевъ, конечно, не поправилъ бы дѣла и былъ бы разбитъ точно также; слѣдовательно, мнѣ оставалось одно — поддержать первую линію въ моментъ самаго удара, когда, въ общей свалкѣ, тысяча лишнихъ штыковъ много значатъ», — если припомнить весь ходъ дѣла, рисующій въ такихъ яркихъ краскахъ неудержимую храбрость кавказскихъ войскъ и рѣшительность ихъ начальниковъ, то очевиденъ станетъ смыслъ донесеній Паскевича.

На третій день послѣ битвы, 15 сентября, Паскевичъ получаетъ отъ Ермолова «весьма краткое» предписаніе еще отъ 9 числа, въ которомъ тотъ, зная характеръ враговъ, предсказываетъ ему успѣхъ и послѣдствія, говоря, что сраженіе кончится однимъ ударомъ и непріятель будетъ разбитъ. Но и это, уже оправданное обстоятельствами, мнѣніе Ермолова Паскевичъ обращаетъ противъ него въ своихъ донесеніяхъ государю. «Итакъ,—иронически замѣчаетъ онъ:— тотъ, который хотѣлъ вести оборонительную войну и безъ повелѣнія государя императора не пошелъ бы впередъ, теперь даетъ приказаніе столь смѣлое». «Я увѣренъ, что онъ противное думаетъ и, можетъ статься, другимъ иначе пишетъ» — заключаетъ Паскевичъ, очевидно не только бросая тѣнь на добросовѣстность и патріотизмъ Ермолова, а почти прямо обвиняя его въ измѣнѣ дѣлу отчизны изъ личныхъ видовъ.

И это происходило тогда, когда отношенія между Ермоловымъ и Паскевичемъ не были еще такъ обострены, какъ впослѣдствіи.

Вся исторія Елизаветпольской битвы показываетъ, сколько намѣренной несправедливости и неблагодарности въ донесеніяхъ Паскевича, уже самихъ по себѣ, впрочемъ, нелогич-

ныхъ и странныхъ, вызывающихъ недоумѣніе и вопросъ: какимъ же образомъ столь нестойкія и неустроенныя войска могли нанести такое полное пораженіе вдесятеро сильнѣйшему врагу? Эти донесенія, были между тѣмъ, только началомъ цѣлаго ряда другихъ, совершенно подобныхъ, для которыхъ служило поводомъ каждое изъ послѣдующихъ событій.

Небезупречное поведеніе Паскевича коснулось не одного Ермолова, а распространилось на всѣхъ его ближайшихъ сподвижниковъ. И уже въ первомъ вышеприведенномъ донесеніи его положена тѣнь на Вельяминова и Мадатова, которымъ онъ именно и былъ обязанъ въ значительной мѣрѣ побѣдою.

Войска и офицеры, боготворившіе Ермолова, естественно не остались равнодушными къ этимъ дѣйствіямъ Паскевича, о которыхъ многіе не могли не догадываться, и относились къ новому начальнику съ холодною сдержанностью; а это, въ свою очередь, сердило Паскевича и побуждало его дѣйствовать противъ Ермолова тѣмъ съ большею энергіей.

Все это должно было кончиться тѣмъ, что Ермоловъ — палъ, и были устранены съ Кавказа лучшіе его генералы. Къ счастію, въ кавказскихъ войскахъ жилъ мощный духъ «екатерининскій и суворовскій», какъ выразился Дибичъ, и новое начальство ничего не могло измѣнить въ немъ и съумѣло повести его къ новымъ побѣдамъ.

Такъ, пріобрѣтеніе Кавказомъ, въ лицѣ Паскевича, замѣчательнаго генерала стало для него однозначущимъ съ потерею замѣчательнѣйшаго его предмѣстника.

XI.

Давыдовъ на Эриванской границѣ.

Вскорѣ послѣ пораженія Аббасъ-Мирзы подъ Елизаветполемъ и бѣгства его изъ Карабага, совершилось изгнаніе персіянъ и изъ русскихъ земель, пограничныхъ съ ханствомъ Эриванскимъ. Исполнителемъ этого дѣла является знаменитый партизанъ отечественной войны, генералъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, прибывшій на Кавказъ для участія въ Персидской войнѣ, по личному повелѣнію императора Николая Павловича.

Давыдовъ пріѣхалъ въ Тифлисъ 10 сентября, всего только нѣсколькими днями позже Паскевича. Ермоловъ назначилъ его начальникомъ войскъ, сторожившихъ Грузію со стороны Эриванской границы, и Давыдовъ тотчасъ же отправился въ Джалалъ-Оглы, сопровождаемый грузинскою дружиной. Поэтическія долины древняго Иверійскаго царства скоро остались позади, и, миновавъ Акзабіюкскія горы, Давыдовъ вступилъ въ роскошную Лорійскую степь, носившую теперь яркіе признаки недавнихъ вражескихъ набѣговъ. Печальныя развалины сожженныхъ и покинутыхъ деревень смѣнялись вытоптанными нивами, и эти слѣды разрушительной руки

человѣка были тѣмъ поразительнѣе среди благодатной природы, благоуханной и сверкающей всѣми красотами чудной южной степи. Вдали виднѣлись окаймлявшіе степь дремучіе бомбакскіе лѣса; за ними вставалъ высокій хребетъ Безобдала, и, извиваясь, какъ змѣи, бѣжали черезъ него дороги и въ Эривань, и въ Гумры, и въ Ахалцыхъ. Чудная картина раскинулась передъ Давыдовымъ, отражаясь въ его чуткой поэтической душѣ. Вся необозримая даль окаймлялась высокими, уже запорошенными снѣгомъ горами, и въ то время, какъ на однѣхъ угасали послѣдніе отблески вечерней зари, другія каменныя громады еще обливались розовымъ свѣтомъ, кидая отъ себя голубыя тѣни. Еще восхитительнѣе смотрѣли горы въ блѣдномъ сіяніи лунныхъ ночей, когда мѣсяцъ всходилъ на небосклонъ и тихо плылъ надъ разстилавшимся подъ нимъ океаномъ снѣжныхъ вершинъ. Но вотъ, все ближе и ближе становились Безобдальскія горы, и 15 сентября передъ Давыдовымъ развернулась картина русскаго лагеря.

Давыдовъ принялъ отъ Северсамидзе начальство надъ отрядомъ.

Теперь передъ нимъ была не легкая задача — изгнаніе врага, который сравнительно былъ многочисленъ и дерзокъ. За хребтомъ Безобдальскимъ, въ опустошенныхъ земляхъ Бомбака и Шурагели, рыскали толпы полудикихъ всадниковъ, подъ общимъ предводительствомъ Гассанъ-Хана, брата эриванскаго сардаря. За ними, на горахъ, лежащихъ около озера Гокчи, стоялъ съ большими силами самъ сардарь, только присутствіемъ Ермолова на Гассанъ-Су удержанный отъ наступленія въ тылъ Паскевичу, — отозвавшій свои конные полки, когда они уже были на елизаветпольской большой дорогѣ.

Къ счастію, среди персіянъ уже начиналась деморализація, вызванная слухами о елизаветпольскомъ погромѣ. Врагъ переставалъ быть страшенъ. Его аванпосты стояли еще на высотахъ Безобдала, но уже чувствовалось, что при первомъ движеніи русскихъ впередъ, персіяне не будутъ защищаться

и побѣгутъ. Давыдовъ черезъ два дня назначилъ походъ. Предстояли наступательныя дѣйствія, и на первый разъ рѣшено было занять Миракъ, какъ пунктъ, отъ котораго началось отступленіе русскихъ. Къ вечеру 18 сентября всѣ распоряженія къ походу были кончены, и въ лагерѣ настало молчаливо-тревожное затишье, полное думъ о завтрашномъ днѣ, который для многихъ могъ стать послѣднимъ днемъ жизни. Вотъ заиграли вечернюю зорю; застучалъ барабанъ на молитву, рѣзкою нотой отозвалась ему казачья труба за высокимъ холмомъ, гдѣ стояли донскіе шатры, и, благоговѣйно перекрестясь на звѣздное небо, солдаты въ послѣдній разъ улеглись въ своихъ походныхъ палаткахъ. Наступила темная южная ночь.

На утро все встрепенулось, все двинулось впередъ. Непріятельскіе аванпосты тотчасъ же исчезли съ высотъ Безобдала, и русскія войска поднялись на снѣговой хребетъ и спустились съ него въ Бомбакскую долину безъ выстрѣла. Непріятель и тамъ повсюду отступалъ, зажигая траву и оставляя за собою черныя, покрытыя горячимъ пепломъ поля. 20-го сентября, подъ Амамлами, донцы и грузины настигли куртинскую партію — и произошла горячая кавалерійская сшибка. Еще день — и Давыдовъ, 21-го сентября, въ виду заоблачнаго Алагеза, увидѣлъ четырехъ-тысячный отрядъ самого Гассанъ-Хана, стоявшій на крутой каменистой возвышенности. Крѣпкая позиція его упиралась правымъ флангомъ въ Миракскій оврагъ, лѣвымъ — въ отроги Алагеза. Русскіе повели нападеніе. Бой началъ полковникъ Муравьевъ. Онъ оттѣснилъ персидскую конницу и, поставивъ орудія на высотахъ лѣваго берега Башъ-Абарани, принялся громить правый непріятельскій флангъ; а въ это время рота карабинеровъ, съ маіоромъ Кошутинымъ во главѣ, взбиралась по крутизнамъ Алагеза и уже заходила въ тылъ персіянамъ. Непріятель дрогнулъ и бросился въ лощину рѣчки Миракъ, ища спасенія въ бѣгствѣ... Самъ Гассанъ-Ханъ съ остаткомъ своей конницы укрылся въ оврагахъ Алагеза.

Миракское дѣло, незначительное въ чисто военномъ от-

ношеніи, было тѣмъ не менѣе весьма важно по своему моральному вліянію на персіянъ, что̀ не замедлило сказаться въ послѣдствіяхъ. Нравственная сила врага была сломлена сразу, и самъ сардарь, со всѣми своими войсками, поспѣшно отступилъ къ Эривани. Въ безсильной злобѣ онъ постарался выместить свои неудачи на бѣдномъ армянскомъ населеніи и даже хотѣлъ предать огню знаменитый Эчміадзинскій монастырь; но онъ былъ удержанъ отъ этого безумнаго намѣренія самими же татарами. «Сардарь, — сказалъ ему одинъ изъ старѣйшихъ бековъ: — русскіе два раза были въ Эриванскомъ ханствѣ, два раза терпѣли пораженіе, но, уходя назадъ, никогда не оскорбляли магометанской святыни. Не дѣлай и ты этого съ христіанскимъ храмомъ. Вспомни: благословеніе монаховъ освятило мечъ непобѣдимаго шах-заде, и этимъ мечемъ онъ поразилъ турецкія полчища...» Монастырь уцѣлѣлъ.

Давыдовъ, между тѣмъ, быстро шелъ впередъ. 22-го сентября, на другой день послѣ миракскаго столкновенія, русскія войска уже вступили въ предѣлы Эриванскаго ханства. Но многолюдная страна встрѣтила ихъ непривѣтливой тишиною, какъ будто бы это была мертвая пустыня. Окрестныя деревни были пусты: татарское населеніе, объятое страхомъ, бѣжало, увлекая за собою и несчастныхъ армянъ. Давыдовъ подвергъ опустошенію семь вражескихъ селеній, встрѣтившихся ему на пути,—и остановился только въ двухъ небольшихъ переходахъ отъ Эривани.

Для персіянъ это время было временемъ перехода отъ торжества и упоенія іюльскими побѣдами къ полному унынію; на ихъ землѣ стоялъ малочисленный, но сильный одушевленіемъ русскій отрядъ, — и персіяне боялись мщенія за свое вѣроломное, предательское вторженіе. Самъ сардарь заперся въ Эривань и даже крѣпостные ворота приказалъ засыпать землею и каменьями.

Съ минуты на минуту ожидали въ Эривани появленія Давыдова. Но пора наступательной войны еще не настала для русскихъ. Внести войну въ предѣлы персидскаго госу-

дарства Ермоловъ считалъ рановременнымъ. Предстояла зима, которая прекращала въ горной странѣ удобныя сообщенія и создавала полную невозможность обезпечить дѣйствующія войска продовольствіемъ; обширный районъ прикаспійскихъ ханствъ не былъ еще усмиренъ, и могъ получить гибельное значеніе въ случаѣ малѣйшей неудачи, если не отъ персидскихъ полчищъ, то отъ губительныхъ зимою мѣстныхъ климатическихъ условій. Война по плану Ермолова отлагалась до наступленія весны и появленія подножнаго корма. И вотъ, курьеръ привезъ Давыдову приказаніе отступить и возвратиться въ Джалалъ-Оглы.

«Радъ сердечно успѣхамъ твоимъ, — писалъ ему Ермоловъ :—не досадую, что залетѣлъ ты слишкомъ далеко. Напротивъ, доволенъ тѣмъ, что ты съумѣлъ воспользоваться обстоятельствами, ничего не дѣлая наудачу. Похваляю весьма скромность твою въ донесеніяхъ, которыя не омрачены наглою хвастливостью, и сужу объ успѣхахъ твоихъ дѣйствій по мѣсту, изъ котораго ты пишешь. Имѣй терпѣніе, не ропщи на бездѣйствіе, которое я налагаю на тебя; оно по общей связи дѣлъ необходимо».

28-го сентября Давыдовъ возвратился на Лорійскую степь и принялся за постройку въ Джалалъ-Оглы небольшаго укрѣпленія, которое должно было сторожить снѣговой Безобдалъ. Между тѣмъ наступила глубокая осень, выпавшіе снѣга въ горахъ сдѣлали Безобдалъ неприступнымъ для персидскихъ шаекъ, — и отрядъ Давыдова былъ распущенъ. Самъ онъ возвратился въ Тифлисъ, въ главную квартиру. А когда, весною 1827 года, наступило вновь время военныхъ дѣйствій, Ермоловъ не былъ уже кавказскимъ главнокомандующимъ. Вмѣстѣ съ нимъ сошелъ со сцены персидской войны и Давыдовъ, успѣвшій оставить на ней лишь мгновенный, но молніеносный слѣдъ.

Давыдовъ—пламенный боецъ!
Онъ вихремъ въ бой кровавый,
Онъ въ мірѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы...

(Жуковскій: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ».)

Какъ ни извѣстны жизнь и дѣятельность знаменитаго партизана Давыдова, и какъ, съ другой стороны, ни мимолетно его участіе въ персидской войнѣ, тѣмъ не менѣе здѣсь, на рубежѣ вновь вспыхнувшей яркимъ пламенемъ его побѣдной звѣзды, не лишнее остановить вниманіе читателя на славномъ прошломъ и на послѣднихъ дняхъ этого воина-поэта, русское сердце котораго всегда билось въ одинъ тактъ съ лучшими сердцами его времени.

Когда онъ, влекомый вѣчною жаждою подвига, явился на Кавказъ, за его старѣвшими плечами стояла уже длинная не годами, а испытаніями жизнь, и за его именемъ слѣдовала цѣлая эпопея подвиговъ, значеніе которыхъ приближалось къ легендарному.

Человѣкъ русскій, выражавшій въ лицѣ своемъ отличительныя качества истиннаго русскаго воина, Давыдовъ въ рядахъ арміи всегда пользовался необыкновенной популярностью, — былъ родной ей, чего не доставало многимъ вождямъ, неумѣвшимъ затронуть русской струны въ сердцѣ солдата. И обстоятельства жизни сложились исключительно благопріятно для развитія въ немъ чисто народнаго воинственнаго духа. Дѣтство, проведенное подъ солдатской палаткой, среди Полтавскаго легко-коннаго полка, которымъ командовалъ его отецъ, одинъ изъ героевъ рымникской битвы, поэзія кочеваго военнаго быта, наконецъ встрѣча съ великимъ Суворовымъ, мастерски впослѣдствіи описанная самимъ Давыдовымъ, имѣли неотразимое вліяніе на весь умственный складъ ребенка, одареннаго пламеннымъ воображеніемъ. Въ душѣ его вспыхнула искра любви къ военнымъ подвигамъ, и угасла она въ немъ только вмѣстѣ съ жизнію.

Давыдовъ началъ службу въ 1801 году, въ кавалергардахъ. Беззаботная столичная жизнь, быть можетъ, затянула

бы другого въ тину посредственности, но Давыдову довольно было случайнаго замѣчанія, чтобы онъ серьезно взглянулъ на свое призваніе. «Братъ Денисъ, — сказалъ ему однажды Коховскій, человѣкъ большаго ума и обширнаго образованія *): — что за солдатъ который не надѣется быть фельдмаршаломъ, а ты не знаешь даже того, что нужно знать штабъ-офицеру». Самолюбіе юноши было сильно затронуто. Съ жаромъ принялся онъ за книги и скоро сталъ однимъ изъ образованнѣйшихъ по тому времени офицеровъ— знатокомъ русской военной исторіи. Въ то же время сказались въ немъ и первые проблески поэтическаго таланта. Часто, на солдатскихъ нарахъ, во время его дежурства, въ читальнѣ, на полу кавалерійскаго стойла, онъ писалъ сатиры и эпиграммы, которыми началъ свое литературное поприще. Черезъ два года онъ уже былъ поручикомъ кавалергардовъ. «Но судьба, управляющая людьми, или люди, направляющіе ея удары», какъ выражается самъ Давыдовъ, принудили его, въ 1804 году, перейти изъ гвардіи въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный въ Кіевской губерніи, въ окрестностяхъ Звенигородки. Это было «бѣшеное» время его жизни. Поэтъ въ душѣ, онъ вдохновлялся всѣмъ, что выходило изъ общаго уровня жизни; онъ пѣлъ буйный разгулъ Бурцева съ тою же задушевною страстностію, какъ воспѣвалъ красоту женщины, природу — все, что поражало его воображеніе. Никто лучше его не опоэтизировалъ тогдашнюю гусарскую жизнь съ ея добрыми товарищескими отношеніями, беззаботною удалью, ухарскими проказами, лихими наѣздами... И стихи Давыдова выучивались наизусть, расходились въ тысячахъ рукописныхъ экземплярахъ, распѣвались повсюду. Справедливо сказалъ Языковъ:

Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно живой,
Упоительный, кипучій,
И воинственно летучій,
И разгульно удалой...

*) Коховскій былъ братъ А. П. Ермолова (отъ одной матери). Мать же Ермолова и Коховскаго была родною теткою Дениса Давыдова.

Но переводъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первою злою насмѣшкою судьбы надъ Давыдовымъ: онъ помѣшалъ ему участвовать съ кавалергардами въ знаменитомъ Аустерлицкомъ сраженіи, и когда, черезъ два года, Давыдовъ переведенъ былъ обратно въ гвардію, въ гусары, положеніе его среди товарищей сдѣлалось истинно нестерпимымъ. «Въ полку—говоритъ Давыдовъ:—мы жили ладно; у насъ было болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго, чѣмъ печали... Всегда веселы и всегда навеселѣ!.. Но мнѣ было 22 года отъ роду; я кипѣлъ честолюбіемъ, уставалъ отъ бездѣйствія, чахъ отъ избытка жизни... Оставивъ гвардію, еще не слыхавшую боевого выстрѣла, я провелъ два года въ полку, который не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту же гвардію, которая пришла изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня пахло молокомъ, отъ нея несло порохомъ; я говорилъ о рвеніи моемъ—мнѣ показывали раны, всегда для меня завидныя, или ордена, меня льстившіе. И не разъ вздохъ ропота на судьбу мою заструивалъ чашу радости».

Судьба, однакоже, продолжала смѣяться надъ нимъ. Новая война,—и Бѣлорусскій полкъ, изъ котораго Давыдовъ только что вышелъ, отправился въ походъ, въ Пруссію, а гвардія, куда онъ поступилъ,—осталась на этотъ разъ на мѣстѣ. Всѣ хлопоты попасть въ дѣйствующую армію были безуспѣшны. «Вы знаете,—говорили ему:—что государь не любитъ волонтеровъ». «Я принималъ за клевету такое святотатственное слово насчетъ государя,—говоритъ Давыдовъ:—почитая за сверхъестественное дѣло, чтобы русскій царь не любилъ тѣхъ, кои рвутся впередъ»... И онъ, «закусивъ повода», какъ выражается самъ, бросался на каждую стезю, которая, какъ казалось ему, могла привести его къ цѣли. Наконецъ, хлопоты его увѣнчались успѣхомъ,—онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ князю Багратіону.

Первое сраженіе, въ которомъ участвовалъ Давыдовъ, было Вольфсдорфское. Здѣсь онъ окурился порохомъ, и

здѣсь же впервые ему пришлось обнажить свою гусарскую саблю. «Благородный паръ крови курился и на ея лезвіи»— говоритъ Давыдовъ, описывая свои первыя боевыя впечатлѣнія. Отгремѣла Прейсишъ-Эйлауская битва, не имѣющая въ позднѣйшей исторіи равной себѣ по кровопролитію, кромѣ Бородинскаго побоища, которое впрочемъ едва-едва превышало ее потерями сражавшихся. «Чортъ знаетъ — говоритъ Давыдовъ, описывая, спустя много лѣтъ послѣ того, это сраженіе, — какія тучи ядеръ пролетали, гудѣли, сыпались, прыгали вокругъ меня, рыли по всѣмъ направленіямъ сомкнутыя громады войскъ нашихъ, какія тучи гранатъ лопались подъ ногами моими. То былъ широкій ураганъ смерти, ломившій все въ дребезги, стиравшій съ лица земли все, что ни попадало подъ его сокрушительное дыханіе»... Русскіе потеряли до 37 тысячъ убитыми и ранеными. «Подобному урону—замѣчаетъ Давыдовъ: — не было примѣра въ военныхъ лѣтописяхъ со временъ изобрѣтенія пороха».

Едва смолкли громы, оглашавшіе поля Восточной Пруссіи, какъ загорѣлась война въ Финляндіи, и Давыдовъ отправился туда вмѣстѣ съ Багратіономъ. «Тамъ пахло еще жженымъ порохомъ, — говоритъ онъ: — тамъ было и мое мѣсто!» Въ Сѣверной Финляндіи онъ поступилъ подъ начальство знаменитаго Кульнева, говаривавшаго, бывало, что «матушка Россія тѣмъ и хороша, что въ какомъ-нибудь уголку ея да дерутся», — и не отлучался отъ него уже до самаго окончанія кампаніи. Здѣсь-то онъ и свелъ съ нимъ ту задушевную дружбу, которая продолжалась до самаго дня блистательной и завидной смерти послѣдняго въ 12-мъ году. Подъ руководствомъ Кульнева прошелъ Давыдовъ курсъ аванпостной службы, вмѣстѣ съ нимъ раздѣлялъ его суровую пищу, спалъ на соломѣ подъ открытымъ небомъ и позналъ всю цѣну спартанской жизни, необходимой для всякаго, кто рвется «нести службу, а не играть со службою». Финляндскую кампанію Давыдовъ впослѣдствіи считалъ счастливѣйшимъ временемъ своей жизни. «Я былъ молодъ, — говоритъ онъ: — упоенъ военною жизнію, въ безпрерывномъ бою съ

храбрымъ непріятелемъ, и подъ руководствомъ безпримѣрнаго авангарднаго начальника, Кульнева. Къ этому я былъ влюбленъ до поэтическаго вдохновенія, окруженъ добрыми славными товарищами, и съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ летѣлъ на пули безстрашныхъ стрѣлковъ непріятельскихъ, посреди грозной финляндской природы, въ снѣгу по колѣна, или на раскаленныхъ лѣтнимъ зноемъ скалахъ. Послѣ жизнь никогда уже не дышала для меня такою поэзіею».

Окончилась война въ Финляндіи, — и Давыдовъ уже сражается съ турками подъ Гирсовымъ, Мачиномъ, при Россеватѣ, у Силистріи, въ жаркомъ бою подъ Татарицею, у стѣнъ Шумлы, на кровавомъ приступѣ Рущука. Онъ былъ въ это время уже украшенъ золотымъ прейсишъ-эйлаускимъ крестомъ, золотою саблею за храбрость, носилъ въ петлицѣ владимірскій крестъ, и бриллiантовые знаки ордена св. Анны 2 степени — на шеѣ. Замѣчательно однако, что въ тотъ вѣкъ, когда такъ быстро создавалась карьера многихъ военныхъ людей, Давыдовъ медленно подвигался по лѣстницѣ чиновной іерархіи, и, послѣ трехъ большихъ кампаній, все еще оставался только гусарскимъ ротмистромъ. «Тому причинами были — говоритъ его сынъ: — духъ свободы, не терпящій стѣсненія слова, дѣйствія безъ оглядки, русское удальство, очертя голову — и за все, про все отвѣтъ своею головою».

Но вотъ наступилъ 1812 годъ, и Давыдовъ перешелъ во фронтъ, въ Ахтырскій гусарскій полкъ, подполковникомъ. Отступая отъ Нѣмана, русскія арміи соединились подъ Смоленскомъ и продолжали отходить къ Бородину. Видя себя, во всѣхъ арьергардныхъ дѣлахъ, полезнымъ не болѣе простого гусара, Давыдовъ рѣшился просить отдѣльную команду, создать партизановъ,—и войну войсковую обратить въ войну народную. Мысль эта нашла горячее сочувствіе въ пылкой душѣ Багратіона, и его же ходатайству она обязана была своимъ осуществленіемъ. А войска тѣмъ временемъ занимали уже бородинскую позицію. Давыдовъ близко зналъ и это село, и окружающія поля: Бородино принадлежало дѣду и отцу его. Теперь ему приходилось быть свидѣтелемъ того,

какъ домъ отеческій, съ которымъ онъ связанъ былъ дорогими воспоминаніями дѣтства, одѣвался дымомъ бивуаковъ, и ряды штыковъ сверкали среди жатвы. «Тамъ, на пригоркѣ, гдѣ нѣкогда я рѣзвился и мечталъ, — говоритъ онъ: — закладывали теперь редутъ Раевскаго. Красивый лѣсокъ передъ пригоркомъ обращался въ засѣку и кипѣлъ егерями, какъ нѣкогда стаею гончихъ собакъ, съ которыми я носился по мхамъ и болотамъ. Все перемѣнилось. Завернутый въ бурку и съ трубкою въ зубахъ, я лежалъ подъ кустомъ лѣса за Семеновскимъ, не имѣя угла не только въ собственномъ домѣ, но въ овинахъ, занятыхъ начальниками»...

Въ самомъ Бородинскомъ сраженіи Давыдовъ, однакоже, не участвовалъ. За два дня до него, 24 августа, онъ съ первою русскою партизанскою командою былъ брошенъ въ тылъ непріятельской арміи, — и первые девять дней кочевалъ и сражался, имѣя только сто тридцать всадниковъ. «Никогда не забуду тебя, время жестокое! — восклицаетъ Давыдовъ, говоря объ этихъ дняхъ: — и прежде и послѣ я былъ въ горячихъ битвахъ, проводилъ ночи стоя, прислонясь къ сѣдлу, и руки на поводьяхъ, но не десять дней, не десять ночей къ ряду, — и дѣло шло о жизни, а не о чести». Опасность встрѣчалась на каждомъ шагу не отъ однихъ непріятелей, но и отъ русскихъ крестьянъ, не всегда умѣвшихъ отличать партизанскій отрядъ отъ французовъ. Въ каждомъ селеніи ворота были заперты, и ихъ оберегали толпы вооруженныхъ крестьянъ. Къ каждому селенію долженъ былъ подъѣзжать одинъ изъ партизановъ и говорить, что пришли къ нимъ на защиту и освобожденіе русскіе, ихъ земляки и братья. И часто въ отвѣтъ на эти слова гремѣлъ выстрѣлъ, или летѣлъ пущенный съ размаху топоръ. «Отчего же вы насъ принимали за французовъ?» спрашивалъ Давыдовъ, когда дѣло объяснялось и улаживалось. — «Да, вишь, родимый, отвѣчали крестьяне: — это (показывая на его гусарскій ментикъ), баютъ, на ихъ одежду схожо». — Да развѣ я не русскимъ языкомъ говорю? — «Да вѣдь у нихъ всякаго сброда люди»...

Тогда Давыдовъ убѣдился, что въ народной войнѣ надо примѣняться къ народу не только языкомъ, но и наружностію. Онъ сбросилъ гусарскій ментикъ, облачился въ чекмень, отпустилъ бороду, вмѣсто анненскаго ордена повѣсилъ на шею образъ святаго Николая, — и заговорилъ языкомъ понятнымъ русскому простолюдину. Множество портретовъ изображаютъ его въ этомъ нарядѣ, съ бородой и съ нагайкою въ рукѣ. Съ этою одеждою онъ не разставался до самаго Дрездена. «Да и не до бритья горла было мнѣ, — восклицаетъ самъ Давыдовъ: — когда непріятельская сабля такъ близко ходила вслѣдъ за бритвою»...

Первыя дѣйствія Давыдова ограничились пространствомъ между Гжатью и Вязьмою. Здѣсь, проводя ночи безъ сна, а днемъ прячась въ лѣсахъ и вертепахъ, всегда насторожѣ, всегда въ тревогахъ, — онъ, поминутнымъ истребленіемъ обозовъ, транспортовъ и небольшихъ отрядовъ, до такой степени тревожилъ тылъ непріятельской арміи, что французскій губернаторъ Смоленска, Бараге Д'Илье, отправилъ, наконецъ, для истребленія его двухтысячный конный отрядъ; примѣты Давыдова были подробно описаны, и приказано было схватить и разстрѣлять его, какъ разбойника. Но Давыдовъ счастливо избѣжалъ встрѣчи съ сильнѣйшимъ противникомъ. Между тѣмъ французы покинули Москву, началось бѣдственное отступленіе ихъ по смоленской дорогѣ, появились новые партизаны — и Давыдовъ, вмѣстѣ съ Сеславинымъ, Фигнеромъ и графомъ Орловымъ-Денисовымъ, былъ уже въ состояніи выдержать кровопролитный бой подъ Ляховымъ, пытался даже помѣряться силами со старою наполеоновскою гвардіею. Вотъ какъ описываетъ онъ это въ своемъ «Дневникѣ Партизана».

«3-го числа на разсвѣтѣ, разъѣзды наши дали знать, что пѣхотныя непріятельскія колонны тянутся между Микулинымъ и Стеснами. Мы помчались къ большой дорогѣ и покрыли нашею ордою все пространство отъ Аносова до Мерлина. Непріятель остановился, чтобы дождаться хвоста колонны. Замѣтивъ это, графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ

намъ атаковать его. Колонна была смята и при этомъ отбито четыре орудія, взято въ плѣнъ два генерала и до двухсотъ нижнихъ чиновъ со множествомъ обозовъ. Наконецъ подошла старая гвардія, посреди которой находился самъ Наполеонъ. Это было уже за полдень. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Непріятель, увидя шумныя толпы наши, взялъ ружье подъ курокъ, и гордо продолжалъ путь, не прибавляя шагу. Сколько мы ни покушались отхватить хотя одного рядового отъ этихъ сомкнутыхъ колоннъ, онѣ, какъ гранитныя, пренебрегая всѣми усиліями нашими, оставались невредимы. Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку этихъ, всѣми родами смерти испытанныхъ воиновъ. Осѣненные высокими медвѣжьими шапками, въ синихъ мундирахъ, бѣлыхъ ремняхъ, съ красными султанами и эполетами, они казались маковымъ цвѣтомъ среди снѣжнаго поля. Я какъ теперь вижу графа Орлова-Денисова, гарцующаго у самой колонны на рыжемъ конѣ своемъ, окруженнаго моими ахтырскими гусарами и ординарцами лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Полковники, офицеры, урядники, многіе простые казаки устремлялись на непріятеля, но все было тщетно. Колонны двигались одна за другою, отгоняя насъ ружейными выстрѣлами, и издѣваясь надъ нашимъ вокругъ нихъ безполезнымъ наѣздничествомъ»... Тѣмъ не менѣе, въ теченіе этого дня, партизаны взяли еще одного генерала, множество обозовъ и до 700 плѣнныхъ; но гвардія съ Наполеономъ прошла посреди толпы казаковъ «какъ сто-пушечный корабль между рыбачьими лодками».

Послѣ этого дѣла Давыдовъ опять отдѣлился съ своею партіею, отъ остальныхъ партизановъ и простеръ свои залетные набѣги до самаго Нѣмана. Подъ Гродно онъ напалъ на четырехъ-тысячный отрядъ венгерскихъ гусаровъ. «За стукомъ сабель — говоритъ онъ: — застучали стаканы, — и городъ нашъ!»

Партизанскіе подвиги доставили Давыдову чинъ полковника, георгіевскій крестъ и орденъ св. Владиміра 3 степени.

«Меня увѣряли, — прибавляетъ Давыдовъ, — что если бы я сказалъ тогда хотя два слова о Георгіи 3-го класса, то, безъ сомнѣнія, получилъ бы его весьма легко; но я былъ слишкомъ высокаго мнѣнія объ этомъ орденѣ, и притомъ слишкомъ убѣжденъ, что далеко его не заслужилъ».

Такъ окончился 1812 годъ, въ которомъ Давыдовъ, какъ выражается самъ, — «зарубилъ и свое недостойное имя». Языковъ сказалъ про него:

Много въ этотъ годъ кровавый,
Въ эту смертную борьбу,
У враговъ ты отнялъ славы, —
Ты, боецъ чернокудрявый,
Съ бѣлымъ локономъ во лбу...

Самъ Давыдовъ никогда не забывалъ этой кипучей полной поэзіи поры своей жизни: «Кочевье на соломѣ, подъ крышею неба!... вседневная встрѣча со смертью, неугомонная жизнь партизанская! — вспоминаю о васъ съ любовью и теперь, когда въ кругу семьи своей пользуюсь полнымъ спокойствіемъ, наслаждаюсь всѣми удовольствіями жизни... Но отчего по временамъ я тоскую о той эпохѣ, когда голова кипѣла отважными замыслами, и грудь, полная надеждъ, трепетала честолюбіемъ изящнымъ и поэтическимъ»...

Съ переходомъ въ Германію, Давыдовъ съ своею партіею шелъ впереди корпуса генералъ-адъютанта Винценгероде. Но въ сущности это былъ уже не партизанскій отрядъ, а одинъ изъ тѣхъ авангардовъ, которые предшествуютъ движенію пехотного корпуса. Крутой поворотъ отъ вольныхъ перелетовъ къ размѣреннымъ переходамъ по маршрутамъ, запретъ сражаться съ непріятелемъ безъ особаго разрѣшенія — были не по душѣ Давыдову. Кипучая молодость, удалая и своевольная, и, главное, соблазнительная близость непріятеля вызвали его на тотъ послѣдній смѣлый наѣздъ, отъ котораго пострадала вся его заграничная служба. Съ горстію казаковъ онъ взялъ столицу Саксоніи, Дрезденъ, — и черезъ сутки былъ отрѣшенъ за это отъ командованія и посланъ въ главную квартиру для преданія суду.

Чтобы понять это обстоятельство, нужно знать, при какихъ условіяхъ совершено Давыдовымъ это дерзкое покореніе Дрездена. Бурное военное время создало въ эту эпоху цѣлыя толпы искателей извѣстности. «Въ союзныхъ арміяхъ,— разсказываетъ Давыдовъ: — всѣ только и мечтали о столицахъ, торжественныхъ въѣздахъ, о поверженіи ключей ихъ къ стопамъ императора. На мою бѣду подручныхъ столицъ въ то время было только двѣ, изъ коихъ Берлинъ захватилъ уже Чернышевъ, а Дрезденъ оставался еще на удалого. И Блюхеръ, и Винценгероде двинулись къ этому доброму Дрездену съ цѣлыми арміями, не постигая, что слава подвига оцѣнивается большимъ или меньшимъ количествомъ средствъ, употребленныхъ на предпріятіе, и что взятіе Берлина цѣлою арміею не составило бы никакого подвига, тогда какъ взятіе того же Берлина легкимъ отрядомъ Чернышева справедливо его прославило. Вотъ почему Блюхеръ, — тогда еще безъ ореола Кацбаха, Бріена и Ватерлоо, желая захватить Дрезденъ, направилъ Винценгероде въ противную сторону, а Винценгероде, имѣя ту же самую мысль, дѣйствовалъ подобнымъ же образомъ относительно меня и Ланского, желая, такъ сказать, украдкой достигнуть соблазнительнаго предмета. Я не понималъ тогда этой особаго рода политики, не могъ предвидѣть, чтобы взаимныя тонкости моихъ начальниковъ остались тщетными, и что мнѣ было опредѣлено судьбой, поддѣвъ ихъ обоихъ, сломить себѣ шею. И вотъ этотъ добрый Дрезденъ является подводнымъ камнемъ, о который ударилось въ беззаботномъ и отважномъ полетѣ своемъ на всѣхъ парусахъ мое корсарское судно».

Дѣло въ томъ, что, 8 марта, Давыдовъ съ тремя казачьими полками, въ которыхъ было не болѣе пятисотъ наѣздниковъ, явился подъ стѣнами Дрездена, разложилъ огромные костры, чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе, и послалъ требовать сдачи города. Послѣ длинныхъ переговоровъ, французскій генералъ Дюрютъ съ пятитысячнымъ отрядомъ согласился, наконецъ, очистить весь новый Дрезденъ и отступить за Эльбу. Условія были подписаны и 10 марта, задолго еще

до разсвѣта, Давыдовъ велѣлъ своей партіи готовиться къ парадному вступленію въ городъ. «Надо было блеснуть чѣмъ Богъ послалъ, — говоритъ онъ: — и мы сами нарядились въ самыя новыя одежды. Я тогда носилъ курчавую, черную, какъ крыло ворона, окладистую бороду; одежда моя состояла изъ чернаго чекменя, красныхъ шароваръ и красной шапки съ чернымъ околышемъ, я имѣлъ на себѣ черкесскую шашку и ордена: на шеѣ Владиміра, Анну, алмазами украшенную, и прусскій «за достоинство», въ петлицѣ — Георгія». Въ полдень партія сѣла на коней и вошла въ ворота укрѣпленія. Тутъ стоялъ французскій караулъ, который отдалъ честь, при барабанномъ боѣ»... Исключить изъ договора эту статью Давыдовъ ни за что не соглашался, желая сдѣлать жителей Дрездена очевидными свидѣтелями униженія французовъ передъ русскими.

Поблагодаривъ гарнизонъ легкимъ приподнятіемъ шапки, Давыдовъ, окруженный своими офицерами и конвоемъ ахтырскихъ гусаръ, въѣхалъ въ Дрезденъ; за нимъ потянулись казачьи полки, и пѣсенники, ѣхавшіе впереди Бугскаго полка, залились:

«Растоскуйся моя сударушка»...

Погода была прелестная, число любопытныхъ было невѣроятное, и на улицахъ не было свободнаго мѣста; во всѣхъ окнахъ торчали головы; самыя крыши были усѣяны народомъ; иные махали платками, другіе бросали шляпы на воздухъ; и все кричало, ревѣло и вопило: «Ура, Александръ! Ура, Россія!» «И въ этомъ многогласномъ хорѣ, прославлявшемъ два столь огромныя имени, и мое недостойное имя извивалось, подобно звуку флейточки среди оглушительнаго гула трубъ и литавровъ».

11-го числа, ночью, непріятель сталъ отступать изъ Стараго города. Судьба, улыбаясь, казалось, призывала Давыдова овладѣть и послѣднею половиною столицы Саксоніи, — какъ вдругъ, на разсвѣтѣ 13 числа, явился самъ Винценгероде, бросившій корпусъ и прискакавшій на почтовыхъ изъ

Бауцена. Онъ обвинилъ Давыдова въ томъ, что тотъ самовольно подошелъ подъ Дрезденъ и осмѣлился заключить конвенцію, тогда какъ существовалъ приказъ, строго запрещавшій входить съ непріятелемъ въ какіе бы то ни было условія и договоры. Послѣднее Винценгероде называлъ государственнымъ преступленіемъ и заключилъ свою рѣчь словами: «Я не могу избавить васъ отъ суда. Немедленно сдайте вашу команду и отправляйтесь въ главную квартиру».

Каждому, кто былъ отрываемъ отъ своей любимой военной семьи, будутъ понятны чувства, взволновавшія тогда Давыдова. «Отъ Бородинскаго сраженія до вступленія въ Дрезденъ—говоритъ онъ:—я сочеталъ свою судьбу съ судьбою своей партіи, мое существованіе съ ея существованіемъ. Я разставался уже не съ подчиненными; я оставлялъ въ каждомъ гусарѣ—сына, въ каждомъ казакѣ—друга. О, какъ черствый сухарь на бивуакѣ, запахъ жженаго пороха и кровавая купель сближаютъ людей между собою! При разставаніи со мною пятьсотъ человѣкъ рыдало»... «Я сѣлъ въ почтовую коляску и выѣхалъ въ тѣ самые ворота Новаго города, въ которые за два дня передъ тѣмъ такъ радостно и съ торжествомъ входилъ во главѣ своей партіи»...

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи его въ главную квартиру, въ Калишъ, въ соборѣ служили благодарственное молебствіе, сопровождаемое пушечными выстрѣлами, за взятіе Дрездена, «а я — говоритъ Давыдовъ: — слушалъ ихъ, скитаясь по улицамъ города». Но справедливость царя-покровителя, какъ выражается онъ, — была щитомъ безпокровнаго. «Какъ бы тамъ ни было,—сказалъ Государь, по выслушаніи дѣла: — а побѣдителя не судятъ», — и фельдмаршалъ приказалъ немедленно возвратить Давыдову ту самую партію, которою онъ командовалъ. Но партія была уже распущена, и Давыдовъ остался при арміи безъ должности, какъ корсаръ, потерявшій корабль свой. Позже онъ былъ назначенъ командиромъ Ахтырскаго гусарскаго полка, съ которымъ и кончилъ кампанію 1814 года.

Замѣчательно, что Давыдовъ, герой отечественной войны,

герой Дрездена, дѣятельный участникъ битвъ подъ Лейпцигомъ, подъ Ларотьеромъ и Краономъ, за весь заграничный походъ не получилъ ни одной награды. Съ нимъ вышелъ даже безпримѣрный случай, котораго, можно сказать, ни съ кѣмъ никогда не бывало: за сраженіе подъ Ларотьеромъ, 20 января 1814 года, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а спустя нѣкоторое время ему было объявлено, что производство его состоялось по ошибкѣ, — и Давыдовъ долженъ былъ снова надѣть полковничьи эполеты. Генеральскій чинъ возвращенъ былъ ему только 21 декабря 1815 года.

Войны окончились. Давыдовъ уѣхалъ въ безсрочный отпускъ, женился и въ 1823 году окончательно вышелъ въ отставку. Къ этому времени относятся его капитальные труды: «Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій» и «Партизанскій Дневникъ»,—сохранившіе за собою большое значеніе въ военной литературѣ и до настоящаго времени.

Его стихотворенія того времени отмѣчены талантомъ сильнымъ и оригинальнымъ. Но Давыдовъ не сдѣлался записнымъ литераторомъ и не видѣлъ въ этомъ настоящаго своего призванія.

Я не поэтъ, я партизанъ казакъ, —

сказалъ онъ самъ про себя въ извѣстномъ стихотвореніи:

Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ,
И беззаботно, кое-какъ,
Раскидывалъ передъ Кастальскимъ токомъ
Свой независимый бивакъ.
Нѣтъ, не наѣзднику пристало
Пѣть, въ креслахъ развалясь, лѣнь, нѣгу и покой...
Пусть грянетъ Русь военною грозой —
Я въ этой пѣснѣ — запѣвало.

Но войны не было. Ермоловъ два раза просилъ о назначеніи Давыдова командующимъ войсками на Кавказской линіи, — и ему дважды отказали. «Сперва — говоритъ Давыдовъ: — мнѣ предпочли Лисаневича, а потомъ Горчакова». Между тѣмъ всѣ, знавшіе Давыдова, говорятъ, что это былъ

немаловажный промахъ. На Кавказской линіи былъ нуженъ человѣкъ рѣшительный и умный, не только исполнитель чужихъ предначертаній, но самъ творецъ своего поведенія, недремлющій наблюдатель всего, что угрожало порядку и спокойствію отъ устьевъ Лабы до Андреевской. «Давыдовъ — писалъ Грибоѣдовъ своему другу Бѣгичеву: — во многомъ исправилъ бы здѣсь ошибки самого Алексѣя Петровича. Эта краска рыцарства, которою судьба оттѣнила характеръ нашего пріятеля, привязала бы къ нему кабардинцевъ,—а это именно и было то, чѣмъ мы никогда не умѣли воспользоваться»...

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая, Давыдовъ снова поступилъ на службу, и съ береговъ Москвы судьба переноситъ его на отдаленную границу съ Персіей, на ту единственную пограничную черту Россіи, гдѣ земля не звучала еще подъ копытами его коня. Его назначеніе въ Грузію состоялось при довольно исключительныхъ обстоятельствахъ. Вотъ какъ разсказываетъ онъ объ этомъ самъ.

Зачисленный по кавалеріи, и живя съ семействомъ, то въ Москвѣ, то въ своей подмосковной, онъ ожидалъ коронаціи, ни мало не думая о дѣйствительной службѣ, т. е. о службѣ во фронтѣ или на войнѣ. «Къ первой я совершенно неспособенъ и признанъ таковымъ высшимъ начальствомъ,— говоритъ онъ: — а о войнѣ не было и слуху». Но 9-го августа, пріѣхавъ во дворецъ, чтобы представиться государю, прибывшему тогда въ Москву для коронаціи, онъ замѣтилъ, какъ Дибичъ безпокойно переходилъ отъ одного генерала къ другому и дѣлалъ распоряженіе о немедленномъ возвращеніи въ Грузію тѣхъ, которые принадлежали къ отдѣльному Кавказскому корпусу. Ничего не зная о вторженіи персіянъ, Давыдовъ полагалъ, что черкесы сдѣлали одинъ изъ тѣхъ набѣговъ на Кубань, которые случались и прежде,—а многочисленные и сильные недоброжелатели Ермолова старались, вѣроятно, придать этому простому обстоятельству какое-нибудь особенное значеніе. Но вотъ въ залу вошелъ государь и, подойдя къ Давыдову, сказалъ, что радъ его видѣть, благодарилъ за то, что онъ снова надѣлъ эполеты въ его цар-

ствованіе, и, наконецъ, спросилъ: можетъ ли онъ служить въ дѣйствительной службѣ? Давыдовъ отвѣчалъ: «Могу, государь», — и императоръ, милостиво улыбаясь, пошелъ далѣе.

На слѣдующій день, на разводѣ, генералъ Бутурлинъ отвелъ Давыдова въ сторону и сказалъ:—«Знаете ли, что я сейчасъ говорилъ о васъ съ Дибичемъ? Онъ спрашивалъ, согласитесь ли вы ѣхать въ Грузію, гдѣ теперь война, и куда государь хочетъ послать васъ?»—Что же ты сказалъ?— «Я не зналъ вашего намѣренія и, желая дать вамъ средства отказаться, буде вы не захотите принять такого предложенія, сказалъ, что врядъ ли вы согласитесь, имѣя большую семью и разстроенное имѣнье. Теперь ваше дѣло рѣшиться ѣхать въ Грузію или нѣтъ».

Пока Бутурлинъ говорилъ, Давыдовъ уже рѣшился — и рѣшился ѣхать. «Слово война—говоритъ онъ:—по сю пору имѣетъ для души моей звукъ магическій, да и выборъ меня перваго на путь опасности и чести не могъ не льстить моему самолюбію, столь мало избалованному въ теченіе всей моей 27-ми-лѣтней службы». 11-го августа Давыдовъ явился къ Дибичу. — «Государю угодно, чтобы вы ѣхали въ Грузію,—сказалъ ему Дибичъ:—тамъ война, ему нужны отличные офицеры; онъ избираетъ васъ, но прежде желаетъ знать— согласитесь ли вы на это назначеніе?» — «Прошу васъ, доложите его величеству, отвѣтилъ Давыдовъ: — что я не колеблюсь ни минуты, и что благодарное сердце мое никогда не забудетъ этого знака его вниманія ко мнѣ».

Такъ рѣшено было назначеніе Давыдова. На слѣдующій день, 12 августа, онъ уже откланивался государю. Императоръ принялъ его въ своемъ кабинетѣ. «Прости меня, Давыдовъ, — сказалъ онъ: — что я посылаю тебя туда, гдѣ, можетъ статься, тебѣ быть не хочется». — Я пришелъ благодарить ваше величество — отвѣчалъ Давыдовъ: — за выборъ столь лестный для моего самолюбія. Я такъ мало избалованъ, государь, судьбою въ теченіе моей службы, что отъ милостиваго вашего воззрѣнія я внѣ себя отъ восторга и счастія.

Сдѣлайте милость, государь, коль скоро предстанетъ прямая, честная, опасная дорога, не спрашивайте, хочу я, или нѣтъ избирать ее, бросайте меня прямо въ нее; вѣрьте, что я это сочту за особое благодѣяніе.

— А теперь — добавилъ онъ: — позвольте мнѣ, ваше величество, изложить мою просьбу. — «Что такое?» — Когда война кончится, позвольте, не спросясь ни у кого, возвратиться въ Москву — я здѣсь оставляю хвостъ, жену и дѣтей. — «Я тебя не опредѣляю въ Кавказскій корпусъ, — сказалъ государь: — а посылаю туда для войны съ оставленіемъ по кавалеріи; слѣдственно ты къ этому корпусу не принадлежишь. Когда война кончится, скажи Алексѣю Петровичу, что я желаю твоего возвращенія, онъ тебя отпуститъ, и дѣло кончено». Потомъ, остановившись у бюро и разсказавъ Давыдову съ очевиднымъ неудовольствіемъ о вторженіи персіянъ, о взятіи у насъ двухъ орудій и гибели нѣсколькихъ ротъ, государь передалъ словесно нѣкоторыя приказанія къ Ермолову, обнялъ Давыдова и заключилъ свиданіе слѣдующими словами: «Ну, прощай, любезный Давыдовъ, желаю тебѣ счастья, и первое извѣстіе о тебѣ имѣть вмѣстѣ съ твоими успѣхами».

Довольный, полный надеждъ и желаній, Давыдовъ черезъ три дня уже скакалъ на Кавказъ. Но, какъ мы выше видѣли, надеждамъ его исполниться было не суждено. Вся роль его въ персидской войнѣ ограничалась незначительнымъ миракскимъ дѣломъ и набѣгомъ на Эриванское ханство, которому со стороны персіянъ не было противопоставлено никакого сопротивленія. Съ паденіемъ же Ермолова, Давыдовъ обреченъ былъ на полное бездѣйствіе.

«Родство мое съ Алексѣемъ Петровичемъ, сошедшимъ такъ рано съ служебнаго поприща, — писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ: — поставило меня въ затруднительныя отношенія съ Паскевичемъ и съ новыми лицами. Я впрочемъ перенесъ бы стоически всѣ непріятности, если бы получилъ какую-нибудь команду, ибо былъ присланъ самимъ государемъ на дѣйствительную службу, а отъ Паскевича по-

лучилъ приказаніе сопровождать безъ службы главную квартиру, вмѣстѣ съ маркитантами, тогда какъ генералъ Панкратьевъ, младшій меня въ чинѣ, никогда не бывшій военнымъ человѣкомъ и давно уже просившійся въ оберъ-полиціймейстеры, получилъ блистательное назначеніе и команду, состоящую изъ шести тысячъ человѣкъ. Я бы, можетъ быть, побѣдилъ въ себѣ чувство оскорбленнаго самолюбія, если бы самъ просился въ Кавказскій корпусъ; но это дѣло было уже не мое, а моего государя — и потому я рѣшился выбыть изъ корпуса».

Зимою Давыдовъ ѣздилъ въ Москву повидаться съ семействомъ; весной онъ возвратился на Кавказъ, но, не получивъ никакого назначенія въ дѣйствующемъ корпусѣ, остался въ Пятигорскѣ на минеральныхъ водахъ и провелъ тамъ все лѣто 1827 года, прислушиваясь къ отдаленному грому русскихъ побѣдъ. Тогда-то, въ грустномъ уединеніи, онъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе:

Нѣтъ, братцы, нѣтъ! Полусолдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой.

. . . . . .

Араксъ шумитъ, Араксъ шумитъ,
Араксу вторитъ ключъ нагорный,
И Алагезъ, нахмурясь, спитъ,
И тонетъ въ влагѣ долъ узорный;
И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ,
И сквозь сребристыхъ облаковъ
Луна плыветъ надъ Араратомъ.
Но воинъ нашъ не упоенъ
Ночною роскошью полуденнаго края,
Съ Кавказа глазъ не сводитъ онъ,
Гдѣ подпираетъ небосклонъ
Казбека груда снѣговая...
На немъ знакомый вихрь, на немъ громада льда,
И надъ челомъ его, въ туманѣ мутномъ,
Какъ Русь святая недоступномъ,
Горитъ родимая звѣзда.

Величавая природа Кавказскихъ горъ, роскошныя долины Иверіи, библейскій Араратъ, въ виду котораго, какъ буря, пронесся онъ съ своимъ летучимъ отрядомъ, неизгладимо запечатлѣлись въ его чуткой душѣ и отразились въ звучныхъ стихотвореніяхъ его. Персидская война, по своей кратковременности, конечно, ничего не прибавила къ славѣ знаменитаго поэта-партизана, но она связала имя Давыдова съ Кавказомъ, куда такъ долго и такъ напрасно стремились его желанія и думы.

Возвратившись съ Кавказа, Давыдовъ поселился въ своей приволжской деревнѣ. И вновь потекли для него дни томительнаго бездѣйствія, тѣмъ болѣе отзывавшагося на немъ, что вслѣдъ за персидскою войною возникла турецкая, а онъ лишенъ былъ участія въ нихъ. Душевное состояніе его сказывается въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этой эпохѣ.

Давно ль подъ мечами, въ пылу батарей,

говоритъ онъ въ одномъ изъ нихъ:

И я попиралъ долъ кровавый,
И я въ сонмѣ храбрыхъ, у шумныхъ огней,
Нашъ станъ оглашалъ пѣснью славы?
Давно ль?.. Но забвеньемъ судьба меня губитъ,
И лира нѣмѣетъ, и сабля не рубитъ...

Мятежъ, вспыхнувшій въ Польшѣ, вызвалъ его, однакоже, еще разъ на ратное поле. 12-го марта 1831 года онъ прибылъ въ главную квартиру русской арміи и тронутъ былъ до глубины души пріемомъ, который ему сдѣлали. Знакомые и незнакомые, старые и молодые, офицеры и солдаты,— всѣ привѣтствовали его съ нескрываемою радостью. Черезъ десять дней онъ былъ уже въ Красноставѣ, гдѣ кочевалъ порученный ему отрядъ — Финляндскій драгунскій полкъ и три полка казаковъ. Съ этимъ летучимъ отрядомъ онъ беретъ приступомъ городъ Владиміръ-Волынскъ и усмиряетъ этимъ мятежъ, охватившій Волынь и Подолію. Затѣмъ онъ командуетъ передовыми отрядами въ корпусѣ Ридигера, сначала

въ окрестностяхъ Люблина, потомъ за Вислой, между Варшавой и Краковымъ.

За приступъ Владиміра Дибичъ представилъ Давыдова къ ордену св. Георгія 3-го класса; но этой награды онъ получить не удостоился. Чинъ генералъ-лейтенанта, анненская лента и Владиміръ 2 класса — вотъ послѣднія боевыя награды его. Окончилась война, и Давыдовъ снова въ Москвѣ, на родинѣ, въ кругу своего семейства, снова за литературнымъ трудомъ.

Въ это время онъ ведетъ обширную переписку съ Вальтеръ-Скоттомъ и обмѣнивается съ нимъ подарками. Англійскій романистъ прислалъ ему свой портретъ; Давыдовъ, не считая приличнымъ отплатить тѣмъ же, отправилъ ему куртинскую пику и персидскій кинжалъ, отбитые имъ вблизи Эривани, и черкесскій лукъ съ колчаномъ, наполненнымъ стрѣлами, который ему удалось добыть проѣздомъ черезъ Кавказскую линію. Но Вальтеръ-Скоттъ самъ пріобрѣлъ гравированный портретъ русскаго партизана, — «чернаго капитана», какъ звали его въ Англіи. — «Портретъ этотъ — писалъ Давыдову Вальтеръ-Скоттъ: — виситъ въ моемъ кабинетѣ оружія, надъ предметомъ весьма для меня драгоцѣннымъ: это мечъ, завѣщанный мнѣ предками, который въ свое время не оставался въ праздности, хотя три послѣднія миролюбивыя поколѣнія нашего племени и вели жизнь спокойную».

Пушкинъ, Жуковскій, Языковъ, Вяземскій и многіе представители русской литературы находились съ Давыдовымъ въ дружеской перепискѣ. Посылая ему исторію Пугачевскаго бунта, Пушкинъ писалъ ему между прочимъ:

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою!
Не удалось мнѣ за тобою,
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ...
Но и на этой службѣ трудной,

И тутъ, о, мой наѣздникъ чудный,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой!

Наступилъ 1839 годъ. Россія готовилась къ торжественному открытію Бородинскаго памятника. Давыдовъ не остался равнодушнымъ къ этимъ приготовленіямъ. Онъ подалъ государю записку, въ которой убѣдительно просилъ перенести тѣло славнаго князя Багратіона, покоившагося въ селѣ Сима, Владимірской губерніи, — или на Бородинское поле, или въ Александро-Невскую лавру, гдѣ лежитъ Суворовъ. «Въ первомъ случаѣ, — писалъ Давыдовъ: — великая жертва сочеталась бы съ великимъ событіемъ; во второмъ — знаменитый питомецъ легъ бы возлѣ великаго своего наставника». Императоръ Николай вполнѣ оцѣнилъ эту мысль и приказалъ перенести прахъ Багратіона на берега Колочи, на то мѣсто, гдѣ герою суждено было въ послѣдній разъ помѣриться съ врагами Россіи. На Давыдова возложено было сопровождать гробъ князя на Бородинское поле. Но Провидѣніе не судило ему, однако, дожить до этой торжественной минуты. За нѣсколько мѣсяцевъ до открытія памятника, 22 апрѣля 1839 года, онъ неожиданно скончался въ своемъ имѣніи въ Верхней Мазѣ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи.

Торжество на Бородинскомъ полѣ происходило безъ него.

Такъ безъ тебя торжествовала
Россія день Бородина,
И въ часъ молебствія, когда
Своихъ защитниковъ считала, —
«Еще однимъ ихъ меньше стало»,
Сказала съ грустію она.

Такъ писала о немъ графиня Ростопчина. Жуковскій

также посвятилъ ему строфы въ своей извѣстной «Бородинской годовщинѣ:

И боецъ, сынъ Аполлоновъ,
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино...
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

Давыдовъ представлялъ собою необыкновенный примѣръ служенія отечеству вполнѣ безкорыстнаго. «Миръ — и о Давыдовѣ нѣтъ слуха; но повѣетъ войною — и онъ уже тутъ, торчитъ среди битвъ, какъ казацкая пика». И въ этихъ немногихъ словахъ вся характеристика Давыдова.

XII.

Въ Карабагѣ.

обѣдоносный отрядъ Паскевича, нанесшій пораженіе персіянамъ подъ Елизаветполемъ, быстро двигался впередъ по слѣдамъ бѣгущаго непріятеля. Отъ Теръ-Тера, — пунктъ, съ котораго началось прослѣженное русскими движеніе Аббасъ-Мирзы навстрѣчу Мадатову, — войска, какъ занесъ въ свой путевой журналъ Паскевичъ, дѣлали по 30 и 35 верстъ въ сутки. Персіяне нигдѣ не встрѣчались. Они бѣжали съ такою быстротой, что 18 сентября были уже за Араксомъ. Но въ разоренной пребываніемъ 60-ти-тысячной арміи Аббасъ-Мирзы и обезлюдѣвшей странѣ, отрядъ не находилъ достаточнаго продовольствія и терпѣлъ весьма ощутительный недостатокъ въ удовлетвореніи первѣйшихъ потребностей.

Въ авангардѣ шелъ князь Мадатовъ. Вступая теперь снова въ должность окружного начальника татарскихъ ханствъ, онъ принималъ на себя тяжелую обязанность продовольствовать вступавшій въ Карабагъ одиннадцати-тысячный русскій корпусъ. Но, чтобы быть въ состояніи исполнить ее, необходимо было немедленно принять мѣры, чтобы, насколько позволяли средства, умиротворить край, безъ чего невозможны были ни продовольствіе, ни цѣлесообразныя дѣйствія рус-

скихъ войскъ. Узнавъ на первыхъ же шагахъ въ Карабагѣ, что Мехти-Кули-Ханъ, бывшій владѣлецъ страны, вмѣстѣ съ шахсеванцами, старается увлечь все кочевое населеніе ханства въ предѣлы Персіи, онъ тотчасъ разослалъ прокламаціи, въ которыхъ, изображая вѣроломство персіянъ, убѣждалъ жителей возвратиться въ свои зимовки и заняться хозяйствомъ. Не довольствуясь этимъ и считая полезнымъ разсѣять ложные слухи, распущенные персіянами о его смерти, Мадатовъ опередилъ свой отрядъ и, свернувъ съ дороги отъ рѣчки Хочини, близъ Шахъ-Булаха, поѣхалъ съ 50-ю казаками въ Шушу, обязанную ему, какъ побѣдителю подъ Шамхоромъ, своимъ спасеніемъ. Шуша сдѣлала ему торжественный пріемъ. Въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости встрѣтилъ его полковникъ Реутъ, въ сопровожденіи армянскаго духовенства въ полномъ облаченіи, и массы народа. Князь, тронутый выраженіемъ народнаго чувства, сошелъ съ коня и пѣшкомъ вступилъ въ городъ черезъ Елизаветпольскіе ворота. Со стѣнъ шушинской крѣпости его привѣтствовали пушечными выстрѣлами, въ городѣ играла военная музыка; войска стояли въ ружьѣ, и народъ, не исключая женщинъ и даже дѣтей, тѣснясь вокругъ князя, благословлялъ его имя, какъ избавителя отъ бѣдствій продолжительной осады.

Но здѣсь же, въ Шушѣ, среди тріумфа и ликованія жителей, Мадатову пришлось услышать и печальную вѣсть о своемъ разореніи. Селеніе его Чинахчи, съ богатымъ помѣщичьимъ домомъ, и шесть принадлежавшихъ къ имѣнію деревень были преданы персіянами полному разрушенію. Мадатову разсказывали, что изъ крѣпости, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, видно было зарево тамошняго страшнаго пожара. Персіяне истребили все, чего не могли увезти съ собою, уничтожили всѣ виноградники, сады и угнали табуны лучшихъ его карабагскихъ лошадей. Съ покорностію судьбѣ князь перенесъ этотъ тяжкій ударъ, скорбя о тѣхъ, которые лишились при этомъ и послѣдняго куска насущнаго хлѣба.

Взамѣнъ того, Мадатовъ имѣлъ утѣшеніе убѣдиться, что дѣятельность его въ краѣ не прошла безслѣдно. Нужно ска-

зать, что свое имѣніе въ Карабагѣ Мадатовъ получилъ отъ хана карабагскаго еще въ 1819 году. Изъ этого обстоятельства возникло, впослѣдствіи, весьма оригинальное дѣло. Комитетъ министровъ, на разсмотрѣніе котораго поступило ходатайство Ермолова по этому вопросу, нашелъ, что русскому чиновнику, находящемуся на государственной службѣ, не прилично принять такой подарокъ отъ хана, тѣмъ болѣе, что и ханъ, по обычаямъ страны, не могъ по произволу распоряжаться имѣніями, принадлежащими къ ханству. Ермоловъ возразилъ на это, что комитетъ министровъ, конечно, пришелъ бы къ другому заключенію, если бы графъ Нессельроде представилъ для его соображеній подлинный трактатъ, заключенный съ карабагскимъ ханомъ; что по этому трактату ханская власть въ раздачѣ земель ничѣмъ не ограничена, и ханы пользуются правомъ отдавать ихъ, кому заблагоразсудятъ. «Что же касается до неприличія въ принятіи подарка,— писалъ Ермоловъ, — то ханъ и не имѣетъ дерзости предлагать подарокъ русскому генералу,—онъ только возвращаетъ часть того, что нѣкогда принадлежало предкамъ Мадатова и было утрачено ими вслѣдствіе неоднократныхъ переворотовъ, испытанныхъ Карабагомъ». Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, или предки Мадатова вовсе не владѣли никакими имѣніями — для Ермолова, имѣвшаго другіе виды, вопросъ казался безразличнымъ; онъ только опровергалъ претензіи на это имѣніе одного изъ карабагскихъ жителей, армянина Шахъ-Назарова, снискавшаго себѣ сильнаго покровителя въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде. Не разбирая вопроса, принадлежали или не принадлежали земли эти предкамъ Шахъ-Назарова, Ермоловъ указывалъ на фактъ, что въ настоящее время онѣ принадлежатъ карабагскому хану и, какъ собственность, отняты отъ него въ пользу того или другого быть не могутъ. Къ тому же, права свои Назаровъ основывалъ лишь на томъ, что родной его братъ признанъ былъ владѣльцемъ этого имѣнія грамотою императора Павла I-го, данною 2 іюля 1799 года. «Но на сіе — замѣчаетъ Ермоловъ:—довольно сказать, что ханство Карабагское

поступило въ подданство Россіи при императорѣ, нынѣ благополучно царствующемъ». Императоръ Александръ призналъ вполнѣ основательными доводы Ермолова, и высочайшею грамотою 8 октября 1821 года, утвердилъ за Мадатовымъ Чиханчи со всѣми принадлежащими къ нему деревнями. Цѣль дарованія Мадатову этихъ земель была указана въ самыхъ словахъ высочайшаго рескрипта, служащихъ какъ бы подтвержденіемъ тѣхъ политическихъ расчетовъ, которые при этомъ преслѣдовалъ Ермоловъ. «Ни мало не сомнѣваюсь,— писалъ государь: — что владѣлецъ благоразумными распоряженіями своими и лучшимъ обхожденіемъ съ поселянами покажетъ примѣръ превосходства управленія благоустроеннаго передъ своенравнымъ господствомъ азіятскимъ, и черезъ то расположитъ болѣе сердца жителей къ Державѣ, всегда готовой споспѣшествовать благу своихъ подданныхъ».

Впослѣдствіи, Паскевичъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы обвинять Мадатова въ насильственномъ захватѣ ханскихъ земель. Но теперь, пока налицо были только одни яркія доказательства, что цѣль, съ которою ему было дано правительствомъ имѣніе,—достигнута. Онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы привязать къ русскому владычеству жителей, еще недавно безотвѣтныхъ рабовъ ханскихъ, и вполнѣ въ этомъ успѣлъ: во время нашествія персіянъ, крестьяне его были единственные во всей Карабагской провинціи, которые остались вѣрными русскимъ. Бросивъ дома и все свое имущество, они вошли въ Шушу и, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивали крѣпость вмѣстѣ съ гарнизономъ; послѣднія 600 головъ рогатаго скота, которыя они успѣли ввести за собою въ Шушу, добровольно отданы были ими на общее продовольствіе. И этотъ примѣръ не могъ не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на другихъ жителей края, служа доказательствомъ, что инсинуаціи персіянъ противъ русскаго управленія завѣдомо ложны.

Изъ Шуши Мадатовъ поспѣшилъ къ своему отряду и догналъ его уже въ Ахъ-Угланѣ. Весь этотъ маршъ былъ сдѣланъ съ такою быстротою, что авангардъ пришелъ въ

Ахъ-Угланъ 19-го числа, т. е. шесть дней спустя послѣ Елизаветпольскаго боя.

Главный корпусъ, предводимый самимъ Паскевичемъ, минуя Шушу, прошелъ, между тѣмъ, окружною дорогою далѣе къ персидской границѣ, куда скоро потребованъ былъ изъ Ахъ-Углана и весь отрядъ Мадатова. Самъ же Мадатовъ, принявъ въ управленіе Карабагскую провинцію, долженъ былъ пока остаться въ сторонѣ отъ военныхъ дѣйствій и возвратиться въ Шушу. Тамъ ожидали его другіе труды и заботы. Онъ скоро имѣлъ возможность убѣдиться, что его прокламаціи, отправленныя съ похода, произвели свое дѣйствіе: кочевыя племена стали возвращаться въ свои жилища и даже обратили оружіе противъ самихъ шахсеванцевъ и Мехти-Кули-Хана. Но это было только началомъ дѣла. Нужно было установить порядокъ въ казенномъ хозяйствѣ, открыть суды, стараться о томъ, чтобы жители вспахали и засѣяли поля, для избѣжанія голода на будущій годъ, и, наконецъ, что представляло особенныя трудности, добывать войскамъ продовольствіе.

Паскевичъ, между тѣмъ, расположилъ свои войска лагеремъ на рѣкѣ Черекенѣ, верстахъ въ 22 отъ Асландуза, заслоняя дорогу изъ Персіи къ Шушѣ. Но это бездѣйствіе, наложенное на него Ермоловымъ, вовсе не согласовалось съ личными воззрѣніями его на положеніе дѣлъ. Онъ рвался впередъ и настоятельно просилъ разрѣшенія перейти Араксъ, считая возможнымъ продолжить и окончить войну дѣйствіями въ предѣлахъ Персіи. По его плану слѣдовало немедленно вступить въ пограничную съ Карабагомъ, Карадагскую персидскую провинцію, занять ея главный городъ Агаръ и оттуда идти прямо на Тавризъ. Онъ былъ увѣренъ, что быстрое движеніе русскихъ войскъ застанетъ непріятеля врасплохъ, не дастъ ему времени приготовиться къ защитѣ — и Тавризъ будетъ въ русскихъ рукахъ. Тогда, съ завоеванными въ немъ орудіями, можно будетъ идти и брать Эривань.

Ермоловъ смотрѣлъ на дѣло совершенно иначе и не далъ Паскевичу согласія на это наступательное движеніе. По его

мнѣнію, высказанному въ донесеніи государю, Аббасъ-Мирза, сохранивъ послѣ сраженія всю артиллерію и большую часть пѣхоты, могъ воспользоваться гористымъ положеніемъ Карадагской земли и задержать войска, чтобы дать время подойти къ нему на помощь шаху, который, по послѣднимъ извѣстіямъ, былъ въ Агарѣ,—а между тѣмъ многочисленная конница кочевыхъ персидскихъ народовъ схватила бы русскихъ съ тылу... «Карадагъ — прибавляетъ Ермоловъ: — не довольно даетъ продовольствія собственнымъ жителямъ и еще менѣе представитъ онаго войскамъ нашимъ, когда пройдетъ впереди Аббасъ-Мирза». Въ то же время Ермоловъ писалъ болѣе подробно Паскевичу, что желаемый имъ, несвоевременный переходъ черезъ Араксъ не принесетъ ни малѣйшей пользы; что если Аббасъ-Мирза не имѣетъ достаточныхъ силъ, чтобы опять вступить въ Карабагъ, то и за Араксомъ защищаться не будетъ, а, не имѣя конницы, преслѣдовать конницу невозможно. Напротивъ, можно опасаться, что, отвлекая за собою русскія войска, онъ броситъ сильныя толпы кавалеріи на лѣвый берегъ Аракса и произведетъ опустошеніе въ самомъ Карабагѣ, гдѣ нѣтъ еще спокойствія...

Нужно замѣтить, что свое воззрѣніе на дѣло Ермоловъ примѣнялъ не къ одному Паскевичу. Воспрещеніе дѣйствовать за границей распространялось и на отрядъ генерала Давыдова, что указываетъ на связный и цѣлесообразный планъ войны, созданный Ермоловымъ.

Паскевичъ остановился. Впослѣдствіи онъ донесъ, однако, государю, что Ермоловъ изъ личныхъ видовъ помѣшалъ ему блестяще окончить войну въ стѣнахъ резиденціи наслѣднаго принца. Доводы Ермолова противъ его предпріятія онъ старается опровергнуть. По его мнѣнію, Ермоловъ долженъ былъ купить тысячу повозокъ, наложить на нихъ 6,000 четвертей хлѣба и доставить къ нему, а самъ идти отъ Гассанъ-Су не въ Тифлисъ, какъ это онъ сдѣлалъ, а черезъ Куру въ Нухинское ханство и далѣе, на соединеніе съ Паскевичемъ и отрядомъ полковника Мищенки, дѣйствовавшимъ тогда въ Ширвани. 12 тысячъ войскъ во всѣхъ трехъ отрядахъ могли

бы, какъ думалъ Паскевичъ, свободно идти за Араксъ и разгромить персидское царство. Указаніе на невозможность найти продовольствіе Паскевичъ представляетъ въ своемъ донесеніи государю также простою отговоркою. Дорога на Агаръ черезъ Мѣшкинъ, по его мнѣнію, хороша; въ Агарѣ — населенный край; дорога изъ Агара въ Тавризъ — весьма удобная. Тавризъ взять совершенно легко, — окрестности его весьма населены, и «нельзя, чтобы не найти тамъ продовольствія»; но если бы послѣднее и случилось, то, «по необыкновенному счастію, непріятель не истребилъ запаса на Курѣ, возлѣ Зардоба, въ 8,000 четвертей», а затѣмъ подвозы изъ Астрахани могли быть сдѣланы въ Баку, отъ котораго до Зардоба 200 верстъ...

Въ дѣйствительности все это легко было только на бумагѣ. Купить повозокъ было невозможно, потому что ихъ въ краѣ не было вовсе. Кура была въ разливѣ, и Ермоловъ не имѣлъ обезпеченныхъ средствъ переправиться черезъ нее, чтобы идти въ Нуху, если бы онъ этого и хотѣлъ; горныя дороги были дурны и обозы на нихъ встрѣтили бы въ неустроенныхъ провинціяхъ не только препятствія, а и подверглись бы многочисленнымъ опасностямъ; слабое населеніе около Агара и Тавриза было истощено войною и ушло бы, при вступленіи русскихъ, внутрь Персіи; изъ Зардоба перевести запасовъ было не на чемъ и некому, и Паскевичъ впослѣдствіи самъ испыталъ недостатокъ продовольстія; изъ Баку подвозы не могли идти, пока не было усмирено населеніе и не обезпечены пути сообщенія въ Прикаспійскихъ ханствахъ. Въ сложномъ планѣ быстрыхъ движеній Паскевича, безъ надежныхъ подготовленій, — все представляло собою рискъ, и малѣйшая неудача могла бы страшно отозваться на всей судьбѣ войны...

Итакъ, отрядъ Паскевича остался стоять на Черекенѣ. Обстоятельства складывались, между тѣмъ, именно такъ, какъ предвидѣлъ Ермоловъ. Аббасъ-Мирза съ тѣми войсками, которыя успѣлъ сохранить и вновь собрать, сталъ за Араксомъ въ ханствѣ Карадагскомъ. Ходили вѣроятные слухи, что

шахъ отдаетъ въ распоряженіе его и свои войска. И хотя непріятель бездѣйствовалъ, но если бы Паскевичъ двинулся за Араксъ, Аббасъ-Мирза отступилъ бы, а Карабагъ сдѣлался бы ареною вторженія персидской конницы. Между тѣмъ и русскія, и еще болѣе персидскія войска крайне затруднялись въ продовольствіи. Въ русскомъ отрядѣ число больныхъ увеличивалось ежедневно; болѣе трехсотъ человѣкъ уже было отправлено въ шушинскій госпиталь, но вдвое большее число ихъ находилось при отрядѣ. Паскевичъ волновался и приписывалъ недостатку ему продовольствія злонамѣренному желанію поставить его въ затруднительное положеніе. Есть основаніе думать, что въ тѣхъ, которыми Паскевичъ окружилъ себя, и особенно въ армянинѣ Каргановѣ, онъ нашелъ людей, готовыхъ на все, чтобы оклеветать Ермолова и Мадатова. Въ представленной государю вывыпискѣ изъ журнала, Паскевичъ доносилъ, что въ то время, какъ Мадатовъ не могъ найти 200 штукъ скота, Каргановъ возвратился съ весьма хорошимъ извѣстіемъ, будто бы онъ уговорилъ жителей подѣлиться своими запасами съ нуждающимся русскимъ войскомъ и закупилъ около 600 четвертей хлѣба; «они, жители, по словамъ Карганова, съ удивленіемъ отвѣчали, что не знали о нуждахъ русскихъ войскъ, иначе послѣднее отдали бы». Неизвѣстно, однако, говорилъ ли Каргановъ правду, и исполнилъ ли онъ свои обѣщанія по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ 600 четвертей, о которыхъ упомянуто выше, — Паскевичъ объ этомъ нигдѣ не говоритъ ничего; войска же до послѣдняго дня пребыванія въ Карабагѣ попрежнему продолжали терпѣть ощутительный недостатокъ.

Въ противоположность этимъ донесеніямъ, по другимъ свѣдѣніямъ, Мадатовъ неустанно старался о томъ, чтобы какъ-нибудь добывать войскамъ жизненныя средства. Но Карабагъ, въ корень разоренный, не могъ вынести новую тяжесть. Зная, что можно бы было достать хлѣбъ и скотъ въ болѣе богатыхъ провинціяхъ, Ширванской и Шекинской, Мадатовъ просилъ Паскевича отдѣлить ему небольшой отрядъ,

чтобы выгнать изъ нихъ хановъ, «неистовыми поступками державшихъ населеніе въ страхѣ и дѣлавшихъ непрерывные набѣги на сосѣднія карабагскія селенія». Но Паскевичъ отклонилъ его просьбу, въ виду присутствія по близости войскъ Аббаса-Мирзы. Предоставленный самому себѣ, съ одною карабагскою конницею, Мадатовъ, тѣмъ не менѣе, съумѣлъ и добывать, хотя скудное, продовольствіе войскамъ, и поддерживать порядокъ въ краѣ, и обуздывать конныя шайки, появившіяся въ окрестностяхъ Мигри и державшія границы Карабага въ постоянной опасности. Одинъ, безъ русскаго конвоя, разъѣзжая по селеніямъ, онъ успѣвалъ внушать татарамъ довѣріе къ себѣ и склонялъ исполнять его волю. Часть пограничныхъ армянъ онъ переселилъ за Ахъ-Угланъ, ближе къ Шушѣ; на границахъ расположилъ караулы и разъѣзды изъ вооруженныхъ жителей, разослалъ новыя прокламаціи, — и Карабагскій край становился все спокойнѣе и спокойнѣе.

Паскевичу пришлось довольно долго стоять на Черекенѣ. Невозможно было, по вышеприведеннымъ основаніямъ, идти впередъ, въ персидскіе предѣлы, нельзя было и отступить, не рискуя подвергнуть Карабагъ новому вторженію персіянъ. На досугѣ, еще въ концѣ сентября, Паскевичъ побывалъ въ Шушѣ и осмотрѣлъ тамошнія укрѣпленія. Это дало ему новый поводъ обвинить Ермолова въ неумѣніи и нежеланіи охранять край. «Осматривая крѣпость, — доносилъ онъ: — я весьма удивился, что генералъ Ермоловъ не считалъ оную за важную и оставилъ ее въ дурномъ состояніи. Я спрашивалъ причину, — мнѣ отвѣчали, что намѣреніе было строить крѣпость близъ Аракса, ибо Шуша находится въ горахъ». «Итакъ, — замѣчаетъ ядовито Паскевичъ: — Елизаветполь брошенъ оттого, что находится въ долинѣ, а Шуша потому, что въ горахъ»...

Къ половинѣ октября обстоятельства измѣнились. Уже въ началѣ этого мѣсяца доходили до русскихъ извѣстія, что Аббасъ-Мирза собирается съ новыми массами войскъ подойти къ Араксу. Слухи указывали и пунктъ, окончательно из-

бранный имъ для лагеря; говорили именно, что персидскія полчища должны собраться 5-го числа въ Киръ-Су, отстоящее отъ Худоперинскаго моста всего въ четырехъ верстахъ. И Ермоловъ писалъ государю, что Паскевичъ пойдетъ навстрѣчу имъ, если они осмѣлятся перейти на лѣвый, русскій берегъ Аракса.

Дѣйствительно, къ половинѣ октября, въ Киръ-Су уже стояли значительныя массы персидской пѣхоты и конницы. Ермоловъ не разсчитывалъ, чтобы Аббасъ-Мирза рѣшился вновь перейти Араксъ, и не потому, чтобы у наслѣдника персидскаго трона не хватало войскъ, — ихъ было достаточно,—но недостатокъ продовольствія, какъ въ ближайшихъ персидскихъ провинціяхъ, такъ и въ Карабагѣ, долженъ былъ удержать его отъ рискованнаго шага. По мнѣнію Ермолова, пребываніе свое на Араксѣ Аббасъ-Мирза «почитаетъ полезнымъ только для поддержанія мятежа въ нашихъ мусульманскихъ провинціяхъ, а можетъ быть, онъ появился на Араксѣ и съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы занять Паскевича наблюденіемъ за собою и не допустить его обратиться въ Ширвань, что заставило бы сына Аббаса-Мирзы поспѣшно оставить Кубинскую провинцію и отняло бы всѣ надежды у мятежниковъ». Ермоловъ, однакоже, допускалъ возможность и того, что Аббасъ-Мирза, не переходя Аракса, пошлетъ свою многочисленную конницу для разоренія по крайней мѣрѣ ближайшихъ карабагскихъ селеній.

Послѣднее, дѣйствительно, и случилось. 18 октября персидская конница вдругъ появилась по сю сторону Аракса и увела съ собою значительное число татарскихъ кочевій. На другой день повторилось то же. Нужно было принять мѣры, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, близкое пребываніе персіянъ неблагопріятно отражалось на всѣхъ мусульманскихъ провинціяхъ,—и Паскевичъ получилъ приказаніе перейти Араксъ, чтобы оттѣснить отъ границъ непріятеля. Но, разрѣшая это движеніе, Ермоловъ вмѣстѣ съ тѣмъ доносилъ государю, что не ожидаетъ тамъ ничего важнаго, что непріятель, неимѣющій достаточныхъ силъ, противиться не станетъ и отступитъ,

а въ случаѣ преслѣдованія его, кинетъ, въ тылу русскаго корпуса, въ Карабагъ конныя массы. Поэтому отходить далеко отъ границы Паскевичу не велѣно.

Дѣйствительно, едва русскій корпусъ, 25 октября, перешелъ Араксъ, какъ Аббасъ-Мирза со всѣми силами отступилъ къ Ардебилю, оставивъ передъ собою въ горахъ только отряды кавалеріи. Паскевичъ, съ своей стороны, долженъ былъ ограничиться также высылкою впередъ однихъ летучихъ отрядовъ, на долю которыхъ и досталось лишь нѣсколько удачныхъ, но незначительныхъ стычекъ.

Такъ, 28 числа, маіоръ Поляковъ съ донскими казаками выбилъ непріятеля изъ крѣпкаго ущелья рѣчки Дараурть. Непріятель защищался упорно, и изъ двухъ вождей его, одинъ, Мирза-Измаилъ, былъ убитъ, другой, Нурали-Бекъ, изъ бѣглецовъ ширванскихъ, захваченъ въ плѣнъ въ моментъ, когда подъ нимъ была убита лошадь. Въ тотъ же день генералъ Шабельскій съ своими нижегородцами встрѣтилъ въ горахъ другую значительную персидскую партію, разбилъ ее и успѣлъ возвратить часть угнанныхъ изъ Карабага кочевій.

Черезъ пять дней, 31 октября, Паскевичъ возвратился на русскую сторону Аракса и вновь расположился въ старомъ лагерѣ на рѣчкѣ Черекенѣ. Въ дневникѣ, представленномъ имъ государю, онъ отмѣтилъ: «Въ походѣ моемъ черезъ Араксъ и обратно ничего замѣчательнаго не случилось, выключая, что я замѣтилъ, что войска наши не привыкли драться въ горахъ». Такъ писалъ онъ про войска, исходившія съ Ермоловымъ весь Дагестанъ!

Прошелъ еще почти мѣсяцъ бездѣйственной охраны границы съ Персіей. Наступила, между тѣмъ, зима; горныя дороги покрылись снѣгами; переправа черезъ Араксъ съ каждымъ днемъ дѣлалась затруднительнѣе — и сопряженное съ громадными расходами содержаніе отряда Паскевича на нѣсколько мѣсяцевъ становилось излишнимъ. Въ Карабагѣ, за исключеніемъ обычнаго шушинскаго гарнизона (42-й егерскій полкъ), остались только: батальонъ Херсонскаго полка,

съ казачьимъ полкомъ и двумя орудіями, въ Агжибадѣ, въ видѣ авангарда; батальонъ карабинеровъ, съ двумя казачьими полками и 4-мя орудіями, между Зардобомъ и Алвентомъ, для охраны по Курѣ мельницъ и магазиновъ, и, наконецъ, шесть ротъ Грузинскаго полка съ 4-мя орудіями и казачьимъ полкомъ Молчанова (въ которомъ, впрочемъ, было не болѣе ста конныхъ казаковъ, такъ какъ всѣ лошади погибли отъ голоду во время осады Шуши) — въ Ахъ-Угланѣ для прикрытія транспортовъ, слѣдовавшихъ между Зардобомъ и Шушою. Всѣ эти войска поступили въ распоряженіе Мадатова; остальныя отведены были въ Грузію.

Паскевичъ былъ обиженъ и этимъ обстоятельствомъ. Онъ писалъ государю, что намѣренно оттѣсненъ съ театра военныхъ дѣйствій и замѣненъ Мадатовымъ. Вслѣдъ за войсками онъ уѣхалъ въ Тифлисъ и съ этихъ поръ, путемъ переписки съ Петербургомъ, начинаетъ борьбу противъ Ермолова, вызвавшую сначала пріѣздъ на Кавказъ генерала Дибича, и затѣмъ окончившуюся паденіемъ Ермолова.

XIII.

Замиреніе провинцій.

(Походъ Ермолова).

Въ то время, какъ персіяне поспѣшно бѣжали съ обоихъ пунктовъ войны, изъ Карабага и отъ озера Гокчи, Ермоловъ, съ своимъ небольшимъ отрядомъ, стоялъ еще лагеремъ на рѣчкѣ Гассанъ-Су. Его удерживало здѣсь тревожное состояніе татарскихъ дистанцій, возбужденное недавнимъ близкимъ присутствіемъ сардаря и требовавшее прочнаго искорененія.

Изгнаніе Давыдовымъ эриванскихъ войскъ изъ Бомбакъ и Шурагеля и преслѣдованіе ихъ уже въ предѣлахъ Персіи, вмѣстѣ съ личнымъ присутствіемъ Ермолова въ дистанціяхъ, произвело въ настроеніи казахскихъ и шамшадильскихъ татаръ крутой поворотъ. Въ русскій лагерь стали съѣзжаться главные беки и старшины ихъ съ изъявленіемъ покорности и раскаянія «въ своихъ заблужденіяхъ», какъ выражается Ермоловъ. Вѣроятно, Ермоловъ и самъ ходилъ по дистанціямъ, чтобы личнымъ вліяніемъ успокоить взволнованныхъ жителей, которымъ непокорные беки, опираясь на близость войскъ эриванскаго сардаря, еще недавно грозили истребле-

ніемъ за непослушаніе. По крайней мѣрѣ, въ своемъ донесеніи императору онъ писалъ: «4 числа сего октября я возвратился изъ Шамшадильской дистанціи, успокоивъ жителей какъ оной, равно и Казахской дистанцій».

Теперь очередь была за ханствами и джаро-бѣлоканскими лезгинами, бывшими въ полномъ возмущеніи. Ермоловъ намѣревался было, прямо изъ лагеря при Гассанъ-Су, перейти на лѣвый берегъ Куры, на путь въ ханство Шекинское и къ за-алазанскимъ лезгинамъ. Но въ то время воды Куры отъ продолжительныхъ дождей разлились, закрывши всѣ броды, а лодокъ не было въ достаточномъ количествѣ. Ермоловъ прошелъ въ Тифлисъ.

По общему плану войны, — предполагавшему предварительное усмиреніе всѣхъ ханствъ, прежде чѣмъ военныя дѣйствія будутъ внесены въ предѣлы Персіи, — Ермолову предстояло пройти съ войсками отъ самой Кахетіи до береговъ Каспійскаго моря. Выполненіе этой задачи онъ бралъ лично на себя. «Я пройду владѣнія джарскія, — писалъ онъ государю:—изгоню изъ Шекинской и Ширванской провинцій мятежныхъ хановъ, движеніемъ въ тылъ заставлю сына-шахскаго бѣжать изъ Кубинской провинціи и сколько возможно устрою продовольствіе войскъ на зимнее время, что составляетъ изъ всего самый затруднительный предметъ». Подъ этимъ послѣднимъ онъ разумѣлъ такое расположеніе войскъ, которое, соотвѣтствуя военнымъ обстоятельствамъ края, вмѣстѣ съ тѣмъ не истощало бы жизненныя средства какой-либо одной провинціи.

Выступить въ походъ Ермоловъ, однако, не торопился. Паскевичъ бросилъ на него тѣнь по поводу и этого обстоятельства, придавая его промедленію видъ неосновательной и вредной потери времени. Но были серьезныя причины, заставлявшія его дѣйствовать не скороспѣло и осторожно, о которыхъ если онъ и не доносилъ, то, очевидно, только потому, что боялся остаться не понятымъ въ Петербургѣ, гдѣ были совершенно незнакомы съ положеніемъ края и только нетерпѣливо ждали извѣстій о быстрыхъ дѣйствіяхъ и рѣ-

шительныхъ побѣдахъ. Дѣло въ томъ, что въ распоряженіи Ермолова было мало войскъ, и ему приходилось быть осмотрительнымъ. Онъ выступилъ на Гассанъ-Су, какъ мы видѣли, съ послѣдними силами, ничего не оставивъ въ Тифлисѣ, кромѣ необходимой охраны города да главныхъ путей сообщенія. И теперь, если незначительнаго отряда, бывшаго съ нимъ, и достаточно было для похода въ ханства, то снова оставлять Тифлисъ безъ войскъ, удалясь отъ него уже на значительное разстояніе и на долгое время, Ермоловъ не рѣшался: опасность могла возникнуть для Грузіи не со стороны одной только Турціи, могли потребоваться подкрѣпленія Паскевичу, а еще болѣе къ отряду, охранявшему Кахетію отъ нападеній упорныхъ лезгиновъ; да и внутреннее спокойствіе Грузіи, гдѣ много таилось сторонниковъ царевича Александра, не могло внушать къ себѣ безусловнаго довѣрія. И вотъ, онъ медлитъ, ожидая прибытія изъ Россіи подкрѣпленій и донося государю, что собираетъ отрядъ въ Кахетіи при урочищѣ Караагачъ. «О числѣ войскъ буду имѣть счастіе донести Вашему Императорскому Величеству,—добавляетъ онъ, выдавая свою затаенную мысль: — ибо не знаю теперь, какое количество оныхъ долженъ буду оставить въ Кахетіи».

Подкрѣпленія, между тѣмъ, подходили форсированными маршами. По расчету Ермолова, къ 20 числу октября должны были прійти два полка черноморскихъ казаковъ съ Кубани и донской казачій полкъ полковника Сергѣева съ Дона; ожидались полки 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизіи. И вотъ, когда эти силы уже приближались, Ермоловъ не сталъ болѣе медлить и выступилъ въ походъ, поручивъ Вельяминову распорядиться ихъ размѣщеніемъ: черноморцы должны были стать въ Караагачѣ, противъ джарскихъ владѣній, гдѣ стоялъ отрядъ Ермолова, очевидно не безъ основанія; донцы назначались въ Царскіе Колодцы, откуда должны были занять посты до Тифлиса; 20-я дивизія шла въ Караагачъ, уланская—въ Шекинскую и Ширванскую провинціи. На случай, если бы Паскевичу понадобились подкрѣпленія, Вельяминовъ имѣлъ приказаніе немедленно отправить къ нему че-

резъ Елизаветполь одну бригаду пѣхоты и казачій полкъ съ ротою донской конной артиллеріи, а если будетъ нужно, то и одинъ изъ уланскихъ полковъ. Остальные полки 20-й дивизіи предназначались дѣйствовать за Алазанью, противъ джарцевъ.

Только сдѣлавши эти распоряженія, Ермоловъ спокойно двинулся въ ханства. 16 октября онъ былъ уже на Алазани, на пути къ главному городу Шекинскаго ханства, Нухѣ. Были слухи, что джарцы встрѣтятъ отрядъ на переправѣ, но этого не случилось. Они ограничились только тѣмъ, что отогнали всѣ лодки, чтобы задержать Ермолова и дать время Гуссейнъ-Хану Шекинскому бѣжать. Отсутствіе лодокъ, дѣйствительно, задержало войска на цѣлыхъ два дня. Тѣмъ не менѣе, 17 октября отрядъ уже перешелъ Алазань, а 19-го подходилъ къ Нухѣ.

Гуссейнъ-Хана Ермоловъ тамъ уже не засталъ. Узнавъ о приближеніи войскъ, ханъ поспѣшно бѣжалъ. «И сколько ни быстро преслѣдовали его посланные мною казаки, — писалъ Ермоловъ:—онъ много былъ впереди и догнать его невозможно». Переходъ шекинцевъ отъ возмущенія къ полной покорности совершился спокойно, потому что, какъ доносилъ Ермоловъ государю, если большая часть бековъ и были «виновны въ самой гнусной измѣнѣ, то простой народъ былъ обрадованъ изгнаніемъ хана».

Дѣйствительно, народъ радовался окончанію персидскаго нашествія, только истощавшаго его. Онъ долго помнилъ трудное время, выпавшее на его долю, и въ памяти народной Гуссейнъ-Ханъ сохранился въ образѣ пустого, лѣниваго и глупаго человѣка, ставши притчею во языцѣхъ. Народное воображеніе создало цѣлое сатирическое сказаніе, навѣкъ заклеймившее его пребываніе въ странѣ, которую онъ считалъ своимъ наслѣдственнымъ достояніемъ.

Въ Шекинскомъ ханствѣ,—говоритъ это сказаніе, — есть армянское селеніе Джалуты, замѣчательное своимъ монастыремъ, а еще болѣе древнимъ колоссальнымъ чинаромъ, рос-

шимъ на монастырскомъ дворѣ и считавшимъ за собою миѳическое число годовъ,—восемьсотъ.

Однажды, когда персіяне, въ 1826 году, вторглись въ русскіе предѣлы, и Гуссейнъ-Ханъ давно уже сидѣлъ въ Нухѣ, спокойная жизнь деревни омрачилась извѣстіемъ, что персіяне готовятся заглянуть и въ ея скромныя жилища.

Джалутскіе армяне имѣли миролюбивыя наклонности, презирали военные лавры и отъ души не любили персидскихъ и татарскихъ нашествій. Имъ по опыту было извѣстно, какъ эти воители неучтиво обращаются съ ихъ женщинами, какое количество истребляютъ барановъ, какъ важничаютъ и распоряжаются въ сакляхъ, будто въ карманѣ собственнаго архалуха, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какою легкостью берутся за нагайки, когда имъ прекословятъ. Ни въ одной головѣ не мелькнула, однако, мысль объ отпорѣ. Джалутцы собрались вокругъ мудраго юзбаши и пошли совѣщаться на монастырское подворье, подъ сѣнь вѣковаго чинара. Съ общаго согласія рѣшено было:

... колебаться,
И не мириться, и не драться,

если же мусульмане займутъ деревню, то поклониться начальнику ихъ хорошимъ *пешкешемъ* и увѣрять гостей, что «нашъ домъ—вашъ домъ», что давно уже джалутцы съ нетерпѣніемъ ждали персіянъ, и мѣсто ихъ всегда было не занято.

Не долго пришлось ждать дорогихъ гостей. По Нухинской дорогѣ вилась пыль и передовой отрядъ подходилъ къ деревнѣ. Но какъ изумились джалутцы, какъ уничтожились они и душой и тѣломъ, когда, вмѣсто незначительнаго отряднаго начальника, увидѣли предъ собою свѣтлую особу самого Гуссейнъ-Хана, а вдали большую массу кавалеріи, двигавшуюся со стороны города. «Бѣда, — думалось имъ: — что значитъ теперь нашъ пешкешъ? Тутъ мало поднести и всю деревню съ восьмисотлѣтнимъ чинаромъ». Но ханъ не обидѣлъ своихъ новыхъ подданыхъ, и только еще болѣе изумилъ ихъ, начавъ разспрашивать повалившагося къ ногамъ его юзбашу

о Мигирдичѣ, одномъ изъ самыхъ захудалыхъ обитателей Джалута.

А дѣло объяснилось очень просто. Безпечно проводилъ Гуссейнъ безмятежные часы среди раззолоченныхъ покоевъ нухинскаго дворца, нисколько не заботясь и ничего не дѣлая, чтобы утвердить свою шаткую власть. Напрасно персіяне ждали, что, собравши войско, онъ соединится съ другими персидскими отрядами для дѣйствій противъ русскихъ. «Куда пойду я?»—думалось хану. «Развѣ персіяне и безъ меня не съумѣютъ истребить гяуровъ! клянусь моей головой,—скоро ни одинъ изъ нихъ не останется въ живыхъ. Что они за желѣзоѣды, чтобы побѣдить такого умнаго храбреца, каковъ Аббасъ-Мирза!» И ханъ не двигался съ мѣста. Дни проходили за днями, а онъ все сидѣлъ въ Нухѣ, и только персіяне, пришедшіе съ нимъ, рыскали по окрестностямъ, какъ голодные волки, и нещадно грабили бѣдныя армянскія деревушки. Должно быть, сильно надоѣлъ нухинцамъ ханъ съ его ближайшими приспѣшниками. И вотъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, кто-то шепнулъ ему, что въ деревнѣ Джалута, у армянина Мигирдича, есть удивительная курица, несущаяся золотыми яйцами. Ханская жадность была возбуждена, и вотъ, онъ стоялъ теперь передъ валявшимся въ пыли джалутскимъ юзбашею и спрашивалъ о Мигирдичѣ. Обладатель чудесной курицы предсталъ передъ ханскіе очи.

«Великій ханъ!—сказалъ онъ:—что знаетъ Мигирдичъ, то и говоритъ. Сосѣдки стали болтать, что одна изъ моихъ куръ несетъ золотыя яйца; хозяйка же моя всегда находила только простыя. Я самъ сталъ слѣдить за курами и замѣтилъ, что одна изъ нихъ не походитъ на другихъ, и пѣтухъ иначе обращается съ нею, и другія куры не вырываютъ у нея изъ-подъ клюва зеренъ. Подумалъ я, и поѣхалъ надняхъ въ Тифлисъ къ одному татарину, который знаетъ причину всѣхъ вещей, гадаетъ и разсказываетъ, какъ по книгѣ, что было и что будетъ. Татаринъ сказалъ мнѣ, что сосѣдки правы: есть у меня одна курица, не похожая на другихъ, и несетъ она золотыя яйца разъ въ мѣсяцъ, когда покажется

новая луна; но что она старается всегда такъ запрятать ихъ, чтобы люди не отыскали. Съ того времени, какъ я возвратился, мѣсяцъ еще не показывался. Прикажи, ханъ, поскорѣй ему родиться! Можетъ быть, татаринъ и правъ».

Ханъ завладѣлъ чудесной курицей и прочно основался въ Джалутѣ, въ ожиданіи, пока золотой серпъ молодой луны не украситъ собою глубокой синевы южнаго неба. Вновь бездѣятельно проводилъ ханъ дни за днями, въ грезахъ о несмѣтныхъ сокровищахъ, которыми скоро должна была наградить его курица. Легенда приписываетъ хану чудныя мечтанія: одно яйцо за другимъ продавалъ онъ въ Испагани, получая за каждое по десяти тумановъ, онъ покупалъ уже всю Испагань, нанималъ туркменскія массы войскъ, а «инглезамъ» заказывалъ огромныя длинныя пушки, чтобы не приближаться къ проклятымъ гяурамъ и бить ихъ издали, изъ-за двадцати агачей; мстительныя грезы доводили его до самой Москвы, и гяурамъ грозило уже полное уничтоженіе со всѣмъ ихъ племенемъ, съ женами и дѣтьми.

А событія, между тѣмъ, не ждали. Въ тотъ самый моментъ, какъ Аллахъ услышалъ, наконецъ, мольбы своего вѣрнаго раба, и молодой рогъ мѣсяца робко выглянулъ изъ-за небеснаго края, какой-то всадникъ осадилъ измученнаго скакуна передъ монастырскими воротами.

Пришли грозныя вѣсти. Усталый, покрытый пылью «чапаръ»-татаринъ разсказывалъ странныя вещи. Непобѣдимый Аббасъ-Мирза и его несмѣтныя полчища разбиты горстью русскихъ подъ Елизаветполемъ и бѣжали въ Персію, а Ермоловъ самъ уже на пути къ Джалутѣ и Нухѣ.

Медлить было некогда. Ханъ вскочилъ на поданаго ему коня и съ драгоцѣнною курицею въ рукахъ — онъ никому не хотѣлъ довѣрить чудесной птицы въ самый критическій моментъ, когда она вотъ-вотъ снесетъ золотое яйцо — поскакалъ по дорогѣ въ Нуху. Судьбѣ не угодно было, однако, сдѣлать хана обладателемъ несмѣтныхъ сокровищъ: дорогой курица вырвалась изъ ханскихъ рукъ и скрылась въ придорожномъ колючемъ бурьянѣ. Насмѣшливое сказаніе непремѣнно

хотѣло, чтобы курица, улетая, задѣла своимъ хвостомъ за самый носъ высокостепеннаго хана. Отыскивать дорогую птицу было невозможно; ханъ зналъ, что русскіе умѣютъ шагать скоро и какъ разъ могли дошагнуть до него; ему чудились уже приближающіеся полки казаковъ. Призывая на головы гяуровъ громы небесные, грозя имъ проклятіемъ и страшною местію въ будущемъ, Гуссейнъ покорился волѣ Аллаха и поспѣшно, даже не останавливаясь въ Нухѣ, проскакалъ прямо въ Тавризъ, сразу потерявъ и ханство, и уже касавшееся его рукъ несмѣтное богатство.

Такъ, совершивъ волю рока и заставивъ хана въ бездѣйствіи потерять драгоцѣнное время, золотоносная курица скромно сошла со сцены исторіи и скрылась въ бурьянѣ отъ глазъ людей — современниковъ и потомства. А съ нею вмѣстѣ покончилъ свою историческую роль и Гуссейнъ-Ханъ Шекинскій.

Вотъ какою злою насмѣшкою отплатилъ самозванному хану шекинскій народъ за непрошенное посѣщеніе. И Ермоловъ, вступая въ ханство, нашелъ слишкомъ много элементовъ, склонявшихся къ спокойствію и полному подчиненію, чтобы возможно было какое-либо сопротивленіе: мятежные беки молчали, народъ былъ доволенъ.

Въ Нухѣ въ рукахъ Ермолова уже были отрадныя извѣстія и изъ другихъ отдаленныхъ провинцій, куда онъ намѣревался идти съ своимъ отрядомъ. Слухъ о Елизаветпольскомъ погромѣ и повсемѣстномъ бѣгствѣ персидскихъ полчищъ быстро произвелъ свое дѣйствіе и совершенно измѣнилъ картину края. Гуссейнъ-Кули-Ханъ Бакинскій, блокировавшій Баку, поспѣшилъ снять осаду и, разграбивъ крѣпостной форштадтъ съ окрестными селами, ушелъ въ Талышинскія степи. Куба также освободилась отъ блокады. Въ ночь на 24-е сентября, сынъ шаха, Шихъ-Али-Мирза, стоявшій передъ Кубою съ шеститысячнымъ отрядомъ и пятью орудіями, «бѣжалъ самымъ поспѣшнымъ образомъ, и догнать его было невозможно» — какъ писалъ въ своемъ донесеніи Ермоловъ. Бѣжалъ «стремительно» и Мустафа-Ханъ Ширван-

скій, занимавшій съ персидскою конницею другую часть Кубинской провинціи. Полковникъ Мищенко съ Апшеронскимъ полкомъ, преслѣдуя бѣгущихъ, вступилъ въ Ширвань и 7-го октября занялъ Шемаху. Отсюдя онъ двинулся къ Джавату, и на самой переправѣ черезъ Куру, 14-го октября, имѣлъ жаркую стычку съ мятежниками. Батальонъ маіора Марченки овладѣлъ мостомъ, устроеннымъ Мустафой на канатахъ, взялъ два персидскихъ орудія и преслѣдовалъ персіянъ по Муганской степи.

Теперь отовсюду изъ русскихъ предѣловъ непріятель былъ изгнанъ. Исключеніе составляло ханство Талышинское; но Ермоловъ рѣшилъ пока не занимать его, — «ибо малаго числа войскъ послать туда я не рѣшаюсь, большого же нѣтъ средствъ продовольствовать», писалъ онъ нѣсколько позже въ своемъ донесеніи. Тѣмъ не менѣе, Ермоловъ продолжалъ свое устрашающее шествіе по ханствамъ, потому что, если внѣшніе враги и были оттѣснены, — въ краѣ осталось достаточно враговъ внутреннихъ, къ которымъ принадлежало все, что не желало замѣны персидскаго владычества русскимъ, которое лишало ихъ произвола и обуздывало ихъ закономъ. Повсюду Ермоловъ встрѣчалъ одно и то же явленіе: наклонность бековъ къ мятежу, съ цѣлію возстановленія своихъ утраченныхъ деспотическихъ правъ надъ подчиненными имъ людьми, и желаніе народомъ спокойствія и охотное подчиненіе русской власти, отъ котораго онъ отступалъ по чисто восточной привычкѣ «къ слѣпому подчиненію своимъ старшинамъ». И всюду находилъ Ермоловъ печальные слѣды персидскаго нашествія: «кратковременное управленіе похитившихъ провинціи размножило въ оныхъ величайшіе безпорядки, все расхищено, разрушено», — писалъ онъ государю. Его появленіе служило прямымъ доказательствомъ непрочности надеждъ на персидскія силы и устрашало тѣхъ, кто хотѣлъ мятежа; кто не имѣлъ причины желать низверженія русскихъ, тѣхъ оно успокоивало. Передъ лицомъ Ермолова все умиротворялось и затихло, какъ буря стихаетъ съ перемѣною вѣтра.

Въ началѣ ноября Ермоловъ пришелъ въ древнюю сто-

лицу Ширванскаго ханства, Старую Шемаху. Провинцію онъ нашелъ въ совершенномъ разстройствѣ. Мустафа-Ханъ не оставилъ у зажиточныхъ людей никакого имущества; персидскіе чиновники и конныя войска, сопровождавшія его, производили ужасныя грабительства; число приверженцевъ хана между беками и старшинами именно потому и возростало, что ханъ, не надѣясь долго владычествовать, позволялъ имъ разорять простой народъ по произволу. Самъ народъ, устрашаемый персидскими войсками и подстрекаемый мусульманскимъ духовенствомъ, проповѣдывавшимъ истребленіе невѣрныхъ, былъ взволнованъ, — и многія селенія Ермоловъ нашелъ пустыми. Продолжительныя безпокойства отвлекли жителей отъ полевыхъ работъ, и страшная бѣдность глядѣла со всѣхъ сторонъ. Теперь, съ перемѣною обстоятельствъ, многое сразу измѣнилось въ провинціи; не многіе изъ бековъ и старшинъ остались на мѣстахъ,—остальные ушли съ Мустафою въ Персію; но, увлеченный туда силою, народъ мало по малу возвращался на свои пепелища.

Пройдя Ширвань и Бакинскую провинцію, Ермоловъ, въ половинѣ ноября, подошелъ къ Каспійскому морю и вступилъ въ Баку. Онъ нашелъ крѣпость въ весьма хорошемъ состояніи, несмотря на продолжительную осаду: геройская защита и отважныя вылазки русскихъ войскъ, державшія персіянъ въ страхѣ, помѣшали непріятелю нанести ей какой-либо вредъ.

Въ Баку Ермоловъ получилъ отъ посланныхъ имъ къ персидскимъ берегамъ крейсеровъ извѣстіе, что въ Зинзилійскомъ портѣ, въ Гилянской области, удержаны многіе изъ купеческихъ русскихъ кораблей. Одинъ изъ крейсеровъ, ходившій туда, встрѣченъ былъ пушечными выстрѣлами и долженъ былъ отойти, не имѣя орудій нужнаго калибра.

Между тѣмъ военныя тревоги грозили краю съ другой стороны. Пришли донесенія о нападеніи джарскихъ лезгинъ на Кахетію.

5 ноября, тысячная партія джарцевъ, конныхъ и пѣшихъ, перешла на правый берегъ Алазани и въ окрестностяхъ Царскихъ Колодцевъ и Караагача, гдѣ недавно еще стояли

батальоны Ермолова, отбила у тушинъ 400 барановъ. Начальствовавшій войсками въ Кахетіи, князь Эристовъ, быстро собралъ въ Царскихъ Колодцахъ небольшой отрядъ и двинулся преслѣдовать враговъ. Подъ вечеръ 6-го ноября, неподалеку отъ Алазани, на поляхъ Зеленчинскихъ, передовые развѣзды увидѣли непріятеля, прогоняющаго захваченныя стада барановъ. Замѣтивъ движеніе русскихъ войскъ, джарцы приготовились къ оборонѣ. Началась перестрѣлка. Князь Эристовъ послалъ двѣ роты Грузинскаго гренадерскаго полка опрокинуть непріятеля. Лезгины не выдержали натиска и разсѣялись, оставивъ на мѣстѣ боя нѣсколько тѣлъ, и бросивъ два знамени. Наставшая темнота помѣшала Эристову продолжать преслѣдованіе, и только это обстоятельство да гористая мѣстность спасли непріятеля отъ большого погрома. На другой день, на разсвѣтѣ, на высотахъ, по лѣвому берегу Алазани, показывались большія партіи лезгинъ, хотя и не осмѣлившихся ничего предпринимать.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, добытымъ Ермоловымъ, это была только прелюдія къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ. Подстрекаемые царевичемъ Александромъ и Аббасъ-Мирзою, не скупившимися на обѣщанія, джарцы не думали о покорности. Они пригласили на помощь къ себѣ болѣе пяти тысячъ лезгинъ изъ вольныхъ обществъ Нагорнаго Дагестана, и готовились вторгнуться на поля Кахетіи.

Получивъ эти тревожныя извѣстія, Ермоловъ послалъ князю Эристову приказаніе, съ пятью полками 20-ой дивизіи (Севастопольскій полкъ остался въ Елизаветполѣ), вступить во владѣнія джарцевъ. Онъ предписывалъ, однакоже, избѣгать непріязненныхъ дѣйствій, стараясь заставить ихъ повиноваться и выслать отъ себя пришедшихъ на помощь горцевъ другими средствами; если же окажутъ сопротивленіе, то понудить ихъ къ тому силою оружія. Въ то же время самъ Ермоловъ спѣшилъ въ обратный путь, взявъ направленіе опять черезъ Шекинскую провинцію, такъ какъ ему дали знать, что дагестанскіе горцы угрожаютъ напасть и на нее.

9-го декабря, Ермоловъ уже былъ въ Нухѣ. Здѣсь онъ

узналъ, что лезгины, дѣйствительно, незадолго передъ тѣмъ готовились войти въ Шекинское владѣніе и объявить его независимымъ ханствомъ, подъ властію одного изъ проживавшихъ въ Астрахани сыновей Медмедъ-Гассанъ-Хана, опираясь на сильную партію его приверженцевъ, оказавшуюся въ провинціи. Дагестанскіе горцы разоряли тѣ селенія, которыя не хотѣли принять ихъ сторону, и даже напали на караулы шекинцевъ, учрежденные мѣстными властями; но тутъ они встрѣтили кровавое сопротивленіе. Прибытіе Ермолова съ войсками вновь водворило въ провинціи спокойствіе; но онъ не считалъ уже это спокойствіе прочнымъ и рѣшилъ расположить здѣсь часть войскъ, какъ только можно будетъ вывести ихъ изъ земли джарцевъ.

Въ Нухѣ Ермоловъ получилъ извѣстіе, что Эристовъ съ 20-ю дивизіей и двумя кавказскими батальонами, грузинскимъ и ширванскимъ, 29 ноября перешелъ Алазань и вступилъ въ землю враговъ. Джарцы вмѣстѣ съ призванными ими на помощь горцами, въ числѣ 9 тысячъ человѣкъ, отступили и, занявъ крѣпкую позицію въ Закаталахъ, ожидали нападенія русскихъ. Но Эристовъ не пошелъ на нихъ, а расположилъ свои войска по близости, такъ что они отрѣзали всѣ сообщенія джарцевъ съ окрестными селеніями, откуда могли бы доставляться къ нимъ жизненныя средства.

Ермоловъ, зная, что нападеніе на Закаталы слишкомъ дорого обошлось бы русскимъ войскамъ, одобрилъ распоряженія Эристова и предписалъ ему ограничиваться только блокадой, а на досугѣ знакомить полки 20-й дивизіи съ образомъ горской войны, требующей ежеминутной осторожности.

Отпустивъ въ Тифлисъ бывшій съ нимъ сводный гвардейскій полкъ, Ермоловъ, съ остальными войсками своего отряда, двинулся и самъ на соединеніе съ Эристовымъ. Онъ пришелъ туда 12 декабря.

Съ непритворною радостью ожидали старыя кавказскія войска своего любимаго главнокомандующаго. Одинъ изъ современниковъ-очевидцевъ, только что пришедшій тогда съ войсками изъ Россіи, съ удивленіемъ описалъ впослѣдствіи

эту, поразившую его, встрѣчу. По словамъ его, для Ермолова, по обыкновенію, ничего не подготовляли, не отдавали приказаній чиститься, строиться передъ палатками, кричать «ура». Ему, «юному» просто «не вѣрилось, что ждутъ главнокомандующаго. Всюду говорятъ о его пріѣздѣ, и нигдѣ не дѣлаютъ репетицій, какъ это сто разъ сдѣлали бы уже въ Россіи». На вопросы его, старые кавказцы отвѣчали: «Дѣдушка нашъ этого не любитъ; онъ знаетъ, что мы и безъ приказанія рады ему». Въ самый день пріѣзда Ермолова, послѣ полудня, въ лагерѣ поднялась суматоха: солдаты, кто въ чемъ былъ, выскакивали изъ палатокъ и бѣжали на алазанскую дорогу. Онъ бросился за ними. — Что такое?— «Ѣдетъ, ѣдетъ», отвѣчали ему солдаты. И вотъ, верхомъ на небольшомъ горскомъ конѣ, въ простомъ нарядѣ, ласково привѣтствуя толпившихся солдатъ, показался Ермоловъ; весело, и почти бѣгомъ, слѣдовалъ за нимъ батальонъ ширванцевъ. Неподдѣльная радость сіяла на лицахъ солдатъ, и встрѣчавшихъ, и сопровождавшихъ своего любимца; офицеры также выходили на дорогу запросто; они были большею частію въ буркахъ и въ косматыхъ шапкахъ. Каждый спѣшилъ взглянуть на Ермолова. «Алексѣй Петровичъ никого не осыпалъ наградами, былъ скупъ на деньги, и несмотря на все это,—говоритъ очевидецъ,—войска любили его. Мнѣ, находившемуся тогда въ семейномъ кругу солдатъ, возможно было убѣдиться въ этомъ. Войска видѣли въ немъ не начальника только, а и человѣка; и этимъ-то онъ привораживалъ къ себѣ солдатскія сердца».

Не всѣмъ, однако, понятна была эта простота отношеній между войсками, закаленными въ бояхъ, и вождемъ, водившимъ ихъ къ побѣдамъ. Къ числу такихъ именно людей принадлежалъ, между прочимъ, и генералъ-лейтенантъ Красовскій, только что назначенный тогда начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи. Онъ пріѣхалъ въ лагерь за Алазань, дня три спустя, послѣ прибытія туда Ермолова, и нашелъ свою дивизію уже перенявшею нѣкоторые обычаи кавказскихъ войскъ. Въ оставленныхъ имъ запискахъ онъ съ раздраже-

ніемъ говоритъ о замѣченномъ имъ отступленіи отъ формы въ одеждѣ солдатъ и офицеровъ, считая это «поселяющимъ при первомъ взглядѣ отвращеніе и разрушающимъ дисциплину». Красовскій передаетъ, между прочимъ, что, осматривая полки, онъ съ удивленіемъ съ перваго шагу замѣтилъ въ нихъ какое-то уныніе, которое объяснилось, будто бы холоднымъ пріемомъ Ермолова, не сказавшаго ни одному полку даже обыкновеннаго привѣтствія: «Здорово ребята!» Мало того, Ермоловъ не захотѣлъ, будто бы, имѣть при себѣ въ караулѣ солдатъ Нашабургскаго полка, сказавъ, что на новыя войска положиться не можетъ, и замѣнилъ ихъ ширванцами.

Нужно думать, однако, что Ермоловъ просто пожелалъ, чтобы въ караулѣ у него были любимые имъ ширванцы, и нашабурцамъ обижаться здѣсь было нечѣмъ. Безъ сомнѣнія, все это могло поразить Красовскаго, — какъ человѣка новаго среди кавказской обстановки, привыкшаго къ совершенно другимъ порядкамъ. Удивительнымъ показалось ему и то, что войска расположены были на небольшой площадкѣ въ каре, «съ такою осторожностью, какъ будто бы ихъ окружала многочисленная армія»; и Закаталы показались ему, незнакомому съ горской войною, мѣстомъ совершенно доступнымъ, «неимѣющимъ не только никакихъ укрѣпленій, но даже и того непреоборимаго препятствія природы, о которомъ такъ много говорили». Такъ опрометчиво судили многіе, пріѣзжавшіе тогда изъ Россіи и не знавшіе ни быта кавказскаго солдата, ни кавказской природы и связанныхъ съ ней опасностей, ни характера горскихъ народовъ, съ ихъ оригинальнымъ способомъ войны. Красовскій былъ, между тѣмъ, однимъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ того времени. Не лишнее, однако, сказать, что онъ принадлежалъ къ числу открытыхъ недруговъ Ермолова.

Личное присутствіе грознаго главнокомандующаго въ русскомъ отрядѣ не замедлило оказать магическое дѣйствіе на джарцевъ. Въ лагерь явились ихъ старшины, изъявляя покорность и прося пощады. Они представили аманатовъ изъ

лучшихъ фамилій, выдали захваченныхъ ими плѣнныхъ, обязывались выслать призванныхъ къ себѣ на помощь лезгинъ и уплатить всѣ нанесенные жителямъ Кахетіи убытки.

Ермоловъ дальновидно разсчиталъ всю выгоду мирнаго исхода затрудненій съ джарцами. Дѣйствія противъ нихъ оружіемъ могли стоить значительныхъ потерь, тѣмъ болѣе, что, осматривая 14 числа позиціи непріятеля, Ермоловъ нашелъ ихъ, въ противоположность мнѣнію Красовскаго, «чрезвычайно твердыми». Да и потери эти, въ концѣ концовъ грозили остаться совершенно безполезными, такъ какъ, по удаленіи войскъ,—какъ бы ни были блестящи успѣхи ихъ,—джарцы снова могли занять свои крѣпкія позиціи, и, озлобленные, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ предались бы набѣгамъ и разбоямъ, какъ это было двумя десятилѣтіями раньше. И дѣло, такимъ образомъ, не подвинулось бы впередъ ни на шагъ. Ермоловъ принялъ поэтому благосклонно изъявленія покорности, и именемъ императора объявилъ джарцамъ забвеніе ихъ измѣны; онъ только обратилъ имъ въ наказаніе содержаніе довольно значительнаго числа войскъ, оставленныхъ на зиму,—«что они весьма чувствуютъ и признаютъ справедливымъ», какъ онъ доносилъ государю.

Нужно было, однако, позаботиться о томъ, чтобы, въ случаѣ новой попытки къ возмущенію, имѣть возможность безпрепятственно приблизиться къ обычной позиціи ихъ въ Закаталахъ. Съ этою цѣлію, часть весьма богатыхъ садовъ, окружавшихъ Джары въ видѣ густого лѣса, была вырублена, а нѣсколько хорошихъ домовъ въ самомъ селеніи сломано. Джарцы безпрекословно подчинились этимъ распоряженіямъ и не сдѣлали во все время ни одного выстрѣла противъ русскихъ. Всѣ данныя ими обѣщанія они съ точностью исполнили, и скоро лезгины ушли отъ нихъ въ свои горы. Ермоловъ, съ своей стороны, приказалъ князю Эристову отойти съ войсками отъ селенія, чтобы стѣсненные въ немъ жители могли разойтись по своимъ деревнямъ.

Устроивъ здѣсь дѣла, Ермоловъ, 27 декабря, возвратился въ Тифлисъ, а войска распущены были на зимнія квартиры:

князь Эристовъ съ грузинскимъ и ширванскимъ батальонами возвратился въ Кахетію; полки 20-й дивизіи, Козловскій и Нашабургскій, съ легкой артиллерійской ротой, отправились въ Шекинское ханство, гдѣ къ нимъ присоединились еще три полка 2-й уланской дивизіи, вмѣстѣ съ конною батареею. Въ Джарскихъ владѣніяхъ, подъ начальствомъ генерала Красовскаго, остались: Серпуховской уланскій полкъ, егерская бригада 20-й дивизіи, и Севастопольскій пѣхотный полкъ, смѣненный въ Елизаветполѣ — Крымскимъ. Тамъ простояли они до слѣдующей весны, испытывая большія затрудненія въ продовольствіи, такъ какъ земля была чрезвычайно истощена и лезгинами и русскими. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе всей зимы спокойствіе нигдѣ не нарушалось. Случались, конечно, мелкіе разбои,—такъ напр. Красовскій доносилъ, что 8 марта двое рядовыхъ, вышедшихъ за хворостомъ, были захвачены лезгинами, и одинъ изъ нихъ найденъ въ кустарникѣ израненнымъ,—но это были такіе случаи, какихъ невозможно устранить въ своевольной, привыкшей къ разбоямъ странѣ, и во времена глубокаго мира.

Къ январю 1827 года, весь обширный районъ прикаспійскихъ ханствъ и земли джарскихъ лезгиновъ, такимъ образомъ, затихли. Въ Дагестанѣ также было спокойно, и только въ Табасарани, отъ береговъ Самура и до самаго Дербента, долго еще шли разбои. Однажды сильныя шайки мятежниковъ напали даже на селенія преданныхъ Россіи бековъ, и были отбиты только благодаря упорному сопротивленію. Въ помощь бекамъ послана была татарская конница, и съ ея прибытіемъ табасаранцы хотя и отступили, но безпорядки не прекращались: мелкія шайки заходили даже въ Кубинскую провинцію, и тамъ нападали на оплошныхъ солдатъ и казаковъ. Источникомъ всѣхъ этихъ волненій былъ нѣкто Кирхляръ-Кули-Бекъ, бывшій майсюмъ Табасаранскій, изгнанный за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ изъ своихъ владѣній. Теперь, пользуясь общею смутою, внесенною персидскимъ нашествіемъ,

Кирхляръ задумалъ оружіемъ возвратить утраченную власть и, въ свою очередь, изгнать преданнаго намъ Ибрагима-Бека Карчагскаго. Чтобы прекратить волненія, генералъ-маіоръ Краббе поручилъ командиру Куринскаго пѣхотнаго полка, подполковнику Дистерло, вступить въ Табасарань и обезпечить, по крайней мѣрѣ, сообщенія между Кубою и Дербентомъ. Дистерло выступилъ съ своими куринцами 23 декабря, и на пути соединился съ конницею Асланъ-Хана Казикумыкскаго и Гамза-Бека Каракайтагскаго. Большая часть приморской Табасарани тотчасъ заявила покорность и дала присягу; но жители девяти селеній бѣжали въ горы и на предложеніе Дистерло возвратиться въ свои дома—не отвѣчали. Дѣло не обошлось безъ серьезнаго столкновенія. Случилось, что Асланъ-Ханъ со всею конницею отдалился отъ пѣхоты и наѣхалъ въ густомъ лѣсу на многочисленную партію. Завязался упорный бой; табасаранцы были разбиты, но побѣда не дешево досталась и русскимъ приверженцамъ: владѣтель Каракайтага Гамза-Бекъ былъ убитъ, и вмѣстѣ съ нимъ выбыло изъ строя до 60 всадниковъ. Дистерло не имѣлъ, однако, достаточныхъ силъ, чтобы проникнуть въ самыя горы и окончательно подавить возстаніе. Онъ ограничился тѣмъ, что оставилъ двѣ роты съ однимъ орудіемъ для прикрытія дороги въ Кубу, а съ остальными отошелъ въ Дербентъ. Но результаты его похода сказались скоро. Кирхляръ-Бекъ, отчаявшись найти убѣжище въ терекеменскихъ селеніяхъ, бросился въ Вольную Табасарань. Но вольные табасаранцы уже сами искали покровительства Россіи, и 27 января 1827 года добровольно присягнули на подданство. Чтобы не нарушить священнаго обычая гостепріимства, они, правда, отказались выдать Кирхляра, но въ то же время предложили ему—или самому явиться къ русскому начальству, или оставить ихъ землю. Кирхляръ отправился въ Дербентъ и безусловно передалъ участь свою на милосердіе государя. Мятежъ, казалось, потухъ. Но въ этой странѣ, издавна своевольной и буйной, вѣками накоплявшей въ себѣ горючіе матеріалы, спокойствіе не могло быть прочно; вспышки продолжались.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, случилось дерзкое нападеніе на мельницу, стоявшую почти подъ самыми стѣнами Дербента. Семь человѣкъ Куринскаго полка, посланные туда для перемола провіанта, оказали, однако, упорное сопротивленіе, но двое изъ нихъ были все-таки убиты. На тревогу поднялся весь дербентскій гарнизонъ. Партія скрылась, и не было возможности узнать, изъ какихъ людей она состояла. Сначала полагали, что то были вольные табасаранцы; казикумыкскій ханъ писалъ, что они собираютъ злонамѣренныя шайки, которыя могли отважиться и на такое дѣло, зная, что въ Дербентѣ нѣтъ достаточно войскъ, чтобы ихъ преслѣдовать. Но дѣло объяснилось, однако, персидскими прокламаціями. Распространенныя въ краѣ, онѣ нашли себѣ отголосокъ въ Аваріи, и сынъ извѣстнаго Сурхая Казикумыкскаго, Нохъ, сталъ во главѣ движенія. Съ значительною аварскою конницею спустился онъ съ горъ, прошелъ Кубачи и уже приближался къ Вольной Табасарани. Тамъ онъ думалъ соединиться съ каракайтагцами и, общими силами, вконецъ разгромить владѣнія преданныхъ Россіи карчагскихъ бековъ. Дѣла принимали серьезный оборотъ. Собственныя выгоды Асланъ-Хана заставляли его зорко слѣдить за этимъ сборищемъ, потому что всякій успѣхъ мятежа грозилъ прежде всего отторженіемъ отъ него Казикумыка и низложеніемъ власти его даже въ Кюрѣ. И вотъ, въ то время, когда аварцы двигались изъ Кубачей, Асланъ-Ханъ съ своею конницею занялъ терекеменскія селенія. На помощь къ нему подошли изъ Дербента три роты Куринскаго полка съ тремя орудіями. Рѣшено было защищать отъ Ноха только деревни, лежащія на плоскости, такъ какъ вдаваться въ горы съ такимъ малымъ отрядомъ было не безопасно. Къ счастію, дѣла неожиданно приняли опять благопріятный оборотъ. Нѣсколько волостей, уже волновавшихся, свѣдавъ о приближеніи войскъ, сами просили карчагскихъ бековъ ходатайствовать за нихъ передъ русскимъ правительствомъ. Эта перемѣна въ настроеніи жителей поразила мятежниковъ и Нохъ остановился. Состояніе края было напряженное. Но худой миръ лучше доброй

ссоры, и надо было пока довольствоваться этимъ. На всякій случай Краббе потребовалъ, однакоже, въ Дербентъ еще двѣ роты Куринскаго полка изъ Бурной.

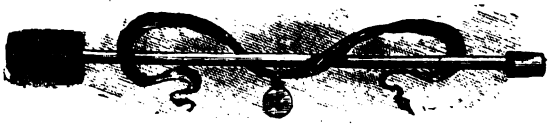
Такъ слагались обстоятельства въ Табарасани. Но они, по отдаленности отъ театра войны, не могли обнаружить на нее почти никакого вліянія; спокойствіе въ ханствахъ совершенно обезпечивало тылъ русской арміи, шедшей въ Персію, чего именно только и добивался Ермоловъ.

Иное значеніе имѣло неусмиренное возмущеніе въ ханствѣ Талышинскомъ. Еще будучи въ Баку, Ермоловъ получилъ извѣстіе, что талышинскій ханъ строитъ укрѣпленіе въ гористой и покрытой дремучими лѣсами мѣстности, чтобы оттуда дѣлать набѣги за Куру и тревожить съ фланга русскую коммуникаціонную линію. Но Ермоловъ не считалъ нужнымъ принимать противъ этого какія-либо мѣры, не располагая для того свободными силами. Онъ справедливо разсчитывалъ, что появленіе русскихъ войскъ за Араксомъ само собою не только водворитъ повиновеніе въ Талышахъ, но и подниметъ мятежъ въ сосѣдней съ ними Гилянской провинціи противъ самой Персіи. Разсчеты его были впослѣдствіи оправданы обстоятельствами.

Не лишнее сказать, что въ тѣ тревожныя времена Россія неожиданно нашла себѣ сильнаго союзника за Каспійскимъ моремъ, въ лицѣ Туркменскаго народа, издавна отличавшагося враждою къ персіянамъ. Есаулъ Лалаевъ, посланный Паскевичемъ въ 30-мъ году въ Туркменію, доносилъ оттуда, что туркмены, кочующіе у персидскихъ береговъ Каспійскаго моря, и по рѣкамъ Атреку и Гюргеню, давно уже ищутъ только случая, чтобы вступить въ подданство Русской имперіи, и въ доказательство своей преданности разсказывали ему, что въ 26 году, когда началась война между Россіей и Персіей, они съ своей стороны предприняли цѣлый рядъ нападеній на Хоросанскую область. Граница Персіи была опустошена и залита кровью. Туркмены возвратились съ тріумфомъ; но торжество побѣды омрачено было внезапною смертію ихъ стараго и знаменитаго вождя, Бута-Хана, про-

званнаго въ народѣ «Грознымъ»: онъ былъ предательски убитъ, уже по окончаніи набѣга, своимъ же туркменомъ, подкупленнымъ персіянами. По смерти его вступилъ въ управленіе страною старшій въ родѣ, двоюродный братъ покойнаго, Султанъ-Мамедъ — человѣкъ кроткій и лишенный слуха. Только это обстоятельство и помѣшало дальнѣйшему развитію кровавой войны, и спасло пограничное персидское населеніе отъ новыхъ ужасовъ свирѣпаго туркменскаго нашествія.

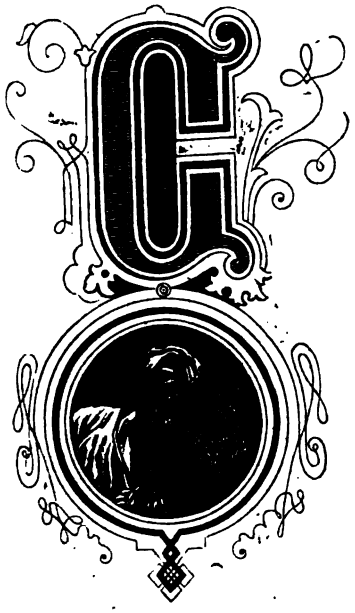
Въ общемъ обстоятельства сложились, такимъ образомъ, весьма благопріятно, сгладивъ невыгодное впечатлѣніе и уничтоживъ результаты успѣховъ персіянъ, пріобрѣтенныхъ ими въ первое время вторженія въ русскіе предѣлы. Наступила возможность съ возвращеніемъ весеннихъ дней внести русское оружіе въ сердце Персидской монархіи.



XIV.

Зима въ Карабагѣ.

(Послѣднія дѣйствія Мадатова.)



Смутно началась въ Карабагѣ зима 1826—1827 года. Волненія, вызванныя вторженіемъ персіянъ и возбудившія въ своевольномъ народѣ дремавшіе хищническіе инстинкты, не сразу могли улечься. Войска, зимовавшія тамъ, конечно, удерживали наружное спокойствіе; но въ сущности никакого спокойствія не было. Извнѣ происходили разбои и грабежи со стороны кочевыхъ народовъ, жившихъ на границахъ Россіи; внутри — ходили прокламаціи карабагскаго хана, сулившія всѣмъ подъ персидскимъ владычествомъ золотыя горы и поддерживавшія въ бекахъ духъ мятежа и необузданной жажды стариннаго своеволія. Мадатовъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ краѣ, и принималъ свои мѣры. Разсчитывая на свое личное вліяніе, одинъ, часто

безъ русскаго конвоя, онъ продолжалъ объѣзжать тѣ мѣстности, гдѣ можно было ожидать вспышекъ бунта, и его отважная личность и спокойная рѣчь образумливали населеніе.

Но противъ разбойничьихъ набѣговъ пограничныхъ кочевниковъ требовались болѣе дѣйствительныя средства. Уже вскорѣ послѣ расформированія отряда Паскевича, дѣла приняли такой оборотъ, что Ермоловъ призналъ необходимымъ допустить военную экспедицію за границы Карабагскаго ханства. Онъ свидѣлся съ Мадатовымъ въ первыхъ числахъ декабря, въ Нухѣ, и поручилъ ему, соединившись съ отрядомъ полковника Мищенко, пройти за Араксъ и дать хорошій урокъ кочевымъ племенамъ, безпокоившимъ Карабагское ханство. Ермоловъ разсчитывалъ, что племена эти, вытѣсненныя съ Муганской степи во внутрь Персіи, внесутъ туда необузданность и своевольство и неминуемо произведутъ большіе безпорядки въ Карадагѣ, а быть можетъ и около самаго Тавриза.

Паскевичъ донесъ Государю объ этомъ обстоятельствѣ въ томъ смыслѣ, что тутъ произошла простая замѣна его, неугоднаго Ермолову, Мадатовымъ, и что не стоило расформировывать и вновь сформировывать отрядъ для похода, такъ какъ отрядъ Мадатова если и былъ меньше, то на какихъ-нибудь тысячу человѣкъ. Но въ такой постановкѣ вопроса лежало недоразумѣніе. Для дѣйствій противъ разбойничьихъ племенъ не нужна была армія съ разсчетомъ на борьбу съ правильно организованными силами непріятеля, а подвижной отрядъ, съ начальникомъ, близко знакомымъ со всѣми мелочными обстоятельствами въ краѣ и съ характеромъ мѣстнаго населенія, — отрядъ, по произволу дробящійся и собирающійся, дѣйствующій безъ заранѣе опредѣленныхъ плановъ и распоряженій. Такой случайный отрядъ и формировался теперь, причемъ Ермоловъ, распустивъ раньше отрядъ Паскевича, совершенно избѣгалъ на цѣлый мѣсяцъ затрудненій, связанныхъ съ продовольствіемъ въ Карабагѣ сильнаго корпуса. И онъ поступилъ такъ, хотя и предвидѣлъ, что его распоряженія могутъ отозваться неудовольствіями со стороны

Паскевича. Вызывая къ себѣ Мадатова въ Нуху, онъ писалъ ему отъ 20-го ноября изъ Шемахи:

«Повидайтесь съ Паскевичемъ передъ отъѣздомъ, чтобы не навлечь на себя неудовольствій, къ которымъ онъ, кажется, готовъ. Не раздражайте могущественнаго».

Такъ или иначе, но экспедиція была рѣшена. Ермоловъ отдавалъ ея судьбу въ надежныя руки. «Желаю вамъ успѣха, и не сомнѣваюсь въ немъ,—писалъ онъ Мадатову изъ Джаръ.—Не теперь знакомлюсь я съ вашею храбростію, и потому совѣтую вамъ быть осторожнымъ. Если что случится съ начальникомъ, не всегда между подчиненными сохраняется порядокъ. Дай вамъ Богъ счастья, любезный князь».

Мадатовъ собралъ свой отрядъ при Ахъ-Угланѣ и выступилъ къ Араксу. Одному батальону 42-го егерскаго полка, подкрѣпленному карабагскимъ ополченіемъ, приказано было расположиться выше Худоперинскаго моста и стараться переправить на русскій берегъ нѣкоторыя кочевья, между которыми было много увлеченныхъ изъ русскихъ предѣловъ, или отдалить ихъ отъ границы оружіемъ.

28-го декабря, въ сильный холодъ, войска Мадатова, соединившись съ подошедшимъ изъ Джавата отрядомъ полковника Мищенко *), перешли черезъ Араксъ въ бродъ, по поясъ въ водѣ. Всегда рѣшительный и быстрый въ своихъ дѣйствіяхъ, Мадатовъ форсированнымъ маршемъ черезъ Дараортское ущелье прошелъ до рѣчки Самбура, и внезапно появился передъ кочевавшими здѣсь шахсеванцами. Татарская конница и армяне бросились на кочевья. Застигнутые врасплохъ, враги разсѣялись, и въ рукахъ Мадатова осталось до 20 тыс. овецъ, верблюдовъ и лошадей. Вслѣдъ за тѣмъ 500 семействъ карабахцевъ и ширванцевъ, уведенныхъ персіянами, и теперь, при перемѣнѣ обстоятельствъ,

*) Въ отрядѣ Мадатова были: 6 ротъ Грузинскаго полка, батальонъ эриванцевъ, батальонъ херсонцевъ, рота 42-го егерскаго полка, 4 донскихъ казачьихъ полка, татарская милиція, 15 пѣшихъ и 12 конныхъ орудій. Съ полковникомъ Мищенко пришелъ Апшеронскій пѣхотный полкъ.

ограбленныхъ и брошенныхъ на произволъ судьбы, явились къ русскому отряду, прося позволенія возвратиться на родину.

Вѣрнымъ взглядомъ обнялъ князь Мадатовъ дальнѣйшую возможность наступательныхъ дѣйствій. Онъ понялъ, что нужно по крайней мѣрѣ еще разъ сильно поразить кочевниковъ, чтобы распространить страхъ въ персидскихъ предѣлахъ, а для этого необходимо заставить всѣхъ ихъ сосредоточиться въ одно какое-нибудь мѣсто, и лучше всего въ Мешкинскій округъ. И вотъ, Мадатовъ распускаетъ слухъ, что двигается въ Талышинское ханство. Кочевавшіе тамъ шахсеванцы невольно поддались дальновидному разсчету Мадатова, и бросились спасаться—именно въ Мешкинскій округъ, такъ что тамъ сосредоточилось почти все пограничное кочевое населеніе. Этого только и хотѣлъ Мадатовъ. 1-го января онъ вдругъ повернулъ назадъ — и съ передовыми войсками, состоявшими изъ двухъ казачьихъ полковъ и татарской конницы, внезапно напалъ на кочевья. Тамъ никто не ожидалъ нападенія, и, пораженные ужасомъ, кочевники бросились бѣжать въ разныя стороны. Потеря ихъ людьми была не велика, но они оставили на мѣстѣ 10 тысячъ рогатаго скота, 60 тысячъ овецъ и, наконецъ, до 2-хъ тысячъ верблюдовъ, послужившихъ, впослѣдствіи, въ кампанію 1827 года, для перевозки въ дѣйствующую армію провіанта.

Теперь передъ Мадатовымъ лежалъ открытый путь внутрь персидскихъ земель. Бѣгущіе шахсеванцы повсюду распространяли ужасъ и смятеніе, и занятіе русскими Лори (Ларъ), главнаго города Мешкинскаго округа, произошло даже безъ попытки къ сопротивленію со стороны персіянъ. 2-го января, совершивъ трудный переходъ черезъ глубокіе снѣга, покрывавшіе огромный горный хребетъ Саватъ-Гядичъ, появился Мадатовъ у воротъ этого города и былъ встрѣченъ начальникомъ округа Ата-Ханомъ и его братомъ, Шукуръ-Ханомъ, поспѣшившими принести покорность.

Подъ распущеннымъ Георгіевскимъ знаменемъ Грузинскаго полка, присягнули они на вѣрность русскому государю. Въ

Лори явилась къ Мадатову изъ Ардебиля депутація отъ Шагагинскаго народа, съ просьбой о покровительствѣ и съ извѣстіемъ, что собранныя Аббасъ-Мирзою регулярныя войска распущены по домамъ. Мадатовъ успокоилъ ихъ.

Пользуясь благопріятнымъ расположеніемъ умовъ, онъ оставилъ въ Лори батальонъ пѣхоты съ казачьимъ полкомъ, чтобы прикрыть обратное переселеніе выведенныхъ персіянами множества семействъ ширванцевъ и карабагцевъ, а съ остальными войсками двинулся на Агаръ, главный городъ Карадагскаго ханства.

Быстрая молва предшествовала ему, и страхъ распространился далеко по сосѣднимъ городамъ и селеніямъ. Начальникъ Агара со всѣмъ семействомъ заранѣе бѣжалъ въ Тавризъ; гарнизонъ, состоявшій изъ 1,500 сарбазовъ, разсѣялся.

5-го января, русскій отрядъ занялъ селеніе Насиръ-Абатъ. Здѣсь къ Мадатову явилась депутація отъ Карадагскаго ханства съ изъявленіемъ покорности. Жители сами жгли персидскіе магазины съ провіантомъ и фуражемъ, войска разбѣгались.

6-го числа малочисленный русскій отрядъ отпраздновалъ на чужой землѣ, вдали отъ родины, день Богоявленія. Совершенъ былъ священный обрядъ православной церкви, и крестъ Спасителя, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, погрузился въ воды Агаръ-чая.

На слѣдующій день, не доходя 17 верстъ до Агара, Мадатовъ остановился. Кавалерійская партія въ 200 человѣкъ была отправлена впередъ, для обозрѣнія города. Но предосторожность оказалась излишнею. Народная депутація сама явилась въ русскій лагерь, прося пощады городу. Мадатовъ именемъ императора обѣщалъ ее.

Войска стояли на этомъ пунктѣ до 9-го числа, пока не были собраны всѣ русскіе подданные, разсѣянные въ Карадагскомъ ханствѣ. По всей Персіи, между тѣмъ, шла тревога. Были достовѣрныя извѣстія, что въ самомъ Тавризѣ уже ожидали появленія русскихъ, и Аббасъ-Мирза высылалъ по

ночамъ свою казну и сокровища, готовясь и самъ выѣхать изъ Тавриза со всѣмъ своимъ дворомъ, при первомъ извѣстіи объ опасности.

Мадатовъ не имѣлъ, однако, намѣренія продолжать экспедицію, и доносилъ Ермолову, что выступитъ въ обратный путь 9-го числа. Но въ то именно время, когда онъ готовился къ этому, получено было извѣстіе, что сынъ талышинскаго хана и съ нимъ шахсеванцы, въ тылу у него, напали на карабагскія семьи, возвращавшіяся на родину. Въ справедливомъ негодованіи и въ примѣръ другимъ, Мадатовъ разорилъ жилища шахсеванцевъ отъ р. Агаръ-чая до большой Ардебильской дороги, и истребилъ всѣ запасы ихъ хлѣба и фуража.

Медленными маршами и небольшими переходами, чтобы не утомлять усталыя войска, двигался Мадатовъ къ предѣламъ Россіи. Онъ прошелъ чрезъ Муганскую степь къ Араксу, и 17 января, переправившись на русскій берегъ при Эдибулукѣ, вступилъ въ Карабагъ. Полковникъ Мищенко берегомъ Аракса прошелъ на свою прежнюю стоянку, въ селеніе Джеватъ. Мадатовъ поѣхалъ въ Тифлисъ, чтобы видѣться съ Ермоловымъ.

Экспедиція принесла весьма важные плоды. Она была предпринята въ суровое время года, когда только знакомство съ краемъ, умѣнье водить войска и дѣятельная заботливость князя Мадатова предохранили отрядъ отъ значительныхъ потерь, которыя всѣ исчерпывались только четырьмя рядовыми и двумя казаками; имѣя во всемъ довольство, солдаты охотно преодолѣвали неимовѣрныя трудности по дорогамъ, почти непроходимымъ. Но это-то именно обстоятельство и покоряло персидскихъ подданныхъ, показывая имъ русскую силу. Особенно изумлялись они трудному переходу чрезъ гору Салватъ, гдѣ снѣгъ былъ глубиною въ аршинъ и морозъ при рѣзкомъ вѣтрѣ доходилъ до 19 градусовъ. И одного появленія русскихъ войскъ было достаточно, чтобы всѣ жители той мѣстности смирились. Результаты этого были блестящіе. Шахсеванскій народъ, гордый и славив-

шійся своею конницею, поплатился за свои набѣги чувствительными потерями, а присяга его русскому царю должна была научить персидское правительство не полагаться на народъ, видѣвши, какъ легко и охотно онъ переходилъ на сторону Россіи. Пощаженное Карадагское ханство, гдѣ городу Агару и жителямъ не было сдѣлано ни малѣйшаго вреда, могло служить ручательствомъ для всѣхъ племенъ, что власть Россіи не будетъ такъ тяжка, какъ власть персіянъ, если бы нѣкоторымъ изъ этихъ племенъ довелось стать подъ русское подданство. До трехъ тысячъ семействъ, ушедшихъ съ персіянами и теперь возвращенныхъ на родину, горькимъ опытомъ узнали, какъ мало могли они надѣяться на защиту Персіи, не предохранившую ихъ отъ ограбленія ея же подданными. Во всей странѣ распространенъ былъ страхъ, ставшій основаніемъ смутъ и неповиновенія жителей Аббасу-Мирзѣ. Истребленіе же заготовленнаго персіянами провіанта уничтожало возможность скорыхъ наступательныхъ дѣйствій Персіи противъ русскихъ владѣній со стороны Карадага. И всѣ эти обстоятельства были созданы почти безъ потерь.

Паскевичъ, систематически осуждавшій дѣйствія Ермолова, правда, писалъ государю о своихъ опасеніяхъ, что экспедиція будетъ имѣть весьма невыгодныя слѣдствія. Онъ полагалъ, что раздраженные персіяне будутъ мстить грабежомъ армянъ за нашествіе русскихъ; что удержаться въ Карадагѣ войскамъ невозможно; что пѣхота должна будетъ весьма терпѣть безъ теплой одежды, кавалерія тѣмъ болѣе,— и обѣ къ веснѣ не въ состояніи будутъ дѣйствовать; что, наконецъ, это движеніе за Араксъ заблаговременно заставитъ непріятеля быть осторожнымъ и собрать свои силы. Но дѣйствительность не оправдала всѣхъ этихъ предсказаній: русскія войска не думали оставаться въ Карадагѣ долго, и воротились почти безъ потерь; устрашенные персіяне не вымещали на армянахъ свои неудачи, а непріятельскія войска и вовсе не могли собраться въ значительныхъ силахъ на границахъ Россіи, такъ какъ всѣ продовольственныя средства ихъ здѣсь были уничтожены. Экспедиція Мадатова привела,

поэтому, къ результатамъ какъ разъ противоположнымъ тѣмъ, которые предсказывалъ Паскевичъ.

Разсчитывать, однако, на прочную покорность кочевниковъ, на совершенное прекращеніе ими разбоевъ по Карабагской границѣ, конечно, было бы ошибочно. Въ своевольныхъ и буйныхъ племенахъ, населявшихъ эти мѣста, всегда могли найтись предпріимчивые люди, готовые рискнуть своею головою въ дерзкомъ предпріятіи. Правда, ошеломленные нашествіемъ Мадатова, они на время притихли. Но насталъ февраль мѣсяцъ, и разбои возобновились. И время, и обстоятельства для этого должны были казаться персидскимъ кочевникамъ удобными, да и самая цѣль ихъ была весьма опредѣленная: въ Карабагѣ шла заготовка провіанта, формировались транспорты для будущихъ дѣйствій русскаго отряда, — и непріятелю естественно было позаботиться мѣшать этому своими нападеніями. Безопасности въ Карабагѣ, дѣйствительно, не было. Тамъ уже не только женщина съ блюдомъ золота на головѣ, какъ это было до персидской войны, но даже и вооруженныя команды, если онѣ были недостаточно сильны, могли ходить только съ большою осторожностію. До чего дороги сдѣлались опасными даже внутри самой страны, могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе случаи:

Однажды, въ февралѣ, изъ Шушинской крѣпости отправлена была, подъ прикрытіемъ небольшой команды, партія транспортныхъ воловъ въ окрестную деревню, гдѣ были изобильные подножные кормы. По дорогѣ одинъ изъ воловъ присталъ, и команда, оставивъ при немъ двухъ рядовыхъ, пошла дальше. На слѣдующій день оба солдата найдены были въ ста саженяхъ отъ дороги — съ отрѣзанными головами.

Въ другой разъ, жители одной изъ покинутыхъ армянами деревень, Горовлы, собравшись въ числѣ 17 человѣкъ, вздумали съѣздить на старое пепелище, лежавшее по близости Аракса, чтобы забрать припрятанныя тамъ пшеницу и ячмень. Въ деревнѣ они застали персіянъ, и одного изъ нихъ схватили. Плѣнный показалъ, что шайка при-

надлежитъ къ отряду Багиръ-Хана, который съ четырехъ-тысячною конницей стоитъ за Араксомъ, выжидая только случая, чтобы ворваться въ Карабагъ. Пока армяне забирали пшеницу, прискакала новая толпа персіянъ, и горовлинскіе жители, въ свою очередь, вынуждены были обратиться въ бѣгство, бросивъ и плѣннаго, и всѣ свои вьюки. Персіяне преслѣдовали ихъ ружейнымъ огнемъ, и трехъ изъ нихъ ранили.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, сильная партія, дѣйствительно, перешла Араксъ и бросилась на двѣ деревни, Гаривъ и Горанзуръ. Армяне отстояли деревни, но потеряли человѣкъ десять убитыми и свои стада. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказывалось, что персидское правительство нарочно держитъ въ сборѣ кочевыя племена, съ тѣмъ, чтобы дѣлать большими партіями набѣги въ русскія границы и наносить возможный вредъ карабагскимъ жителямъ. И кочевники дѣйствовали съ необыкновенной дерзостью. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ окрестностяхъ одного Ахъ-Углана, убито было трое армянъ, нѣсколько ранено и 11 захвачено въ плѣнъ; сверхъ того, угнано болѣе 200 головъ скота, что сильно подрывало въ краѣ русскія перевозочныя средства. Подполковникъ Миклашевскій, съ батальономъ егерей, по тревогѣ ходилъ преслѣдовать партію, но настигнуть ее не могъ. Дерзость персіянъ возросла до того, что они подъѣзжали даже къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ стояла пѣхота, будучи увѣрены, что она ихъ не догонитъ; обывательскихъ же карауловъ они вовсе не боялись, зная, насколько тѣ безпечны и вялы.

Только одинъ разъ удалось настигнуть разбойничью партію, да и то благодаря лишь необычайно энергическому преслѣдованію со стороны русскаго офицера. Дѣло было 15 марта. За-аракскіе хищники напали на куртинское селеніе Агнусъ, и пока они его грабили, одинъ изъ куртинъ, вырвавшійся изъ рукъ разбойниковъ, успѣлъ добѣжать до деревни Каладараси, гдѣ квартировала рота егерей. Оттуда немедленно вышелъ прапорщикъ Хвостниковъ съ 30-ю егерями и 50-ю

конными армянами. Когда онъ прибылъ въ Агнусъ — деревня уже была разграблена и непріятель удалился къ Араксу. Хвостниковъ бросилъ пѣхоту, и пустился въ погоню съ одними армянами. На пути настойчивымъ, энергическимъ требованіемъ заставилъ онъ присоединиться къ себѣ татарскій караулъ поручика Сафаръ-Али-Бека, поднялъ всѣхъ жителей попутныхъ деревень, — и хищники были настигнуты. Малѣйшая попытка съ ихъ стороны къ сопротивленію — и партія была бы истреблена совершенно; но персіяне поняли это, и бросились бѣжать въ разныя стороны. Тѣмъ не менѣе разнокалиберная русская милиція положила девять человѣкъ на мѣстѣ, двухъ взяла въ плѣнъ, а главное — отбила назадъ стада и добычу.

Въ такомъ положеніи засталъ Карабагъ Мадатовъ, вернувшійся изъ Тифлиса въ началѣ апрѣля мѣсяца. Съ пріѣздомъ его жители тотчасъ стали бдительнѣе отправлять свою службу, и набѣги со стороны Асландуза уменьшились. Но за то значительный отрядъ непріятельской конницы появился въ окрестностяхъ Мигри и сталъ грабить селенія по рѣкѣ Бугрушату. Въ той сторонѣ совсѣмъ не было русскихъ войскъ, и князь Мадатовъ долженъ былъ оборонять границы одною карабагскою конницею. Онъ съумѣлъ, однако, внушить татарамъ довѣріе къ себѣ, и заставилъ ихъ исполнять свою волю.

Такъ наступила весна, а съ нею вмѣстѣ и возможность открыть военныя дѣйствія противъ персіянъ. Въ предстоявшей кампаніи, по принятому плану, Мадатову отведена была крупная роль и предстояли дѣйствія вполнѣ самостоятельныя. Въ то время, какъ главныя русскія силы, подъ личнымъ начальствомъ Паскевича, готовились вступить въ Эриванское ханство, онъ съ своимъ карабагскимъ отрядомъ долженъ былъ прикрывать лѣвый флангъ дѣйствующаго корпуса, охранять Карабагъ и, наконецъ, смотря по обстоятельствамъ, способствовать главнымъ силамъ овладѣть Нахичеванью. Достигнуть этихъ цѣлей можно было или пассивной обороною береговъ Аракса, или же внезапнымъ и сильнымъ

вторженіемъ въ персидскіе предѣлы къ сторонѣ Агара и Ардебиля.

5-го апрѣля карабагскій отрядъ сосредоточился у Ахъ-Углана и отсюда подвинулся еще впередъ, на рѣчку Черекени. Наличныя силы Мадатова состояли въ то время изъ трехъ пѣхотныхъ и трехъ казачьихъ полковъ, при 24-хъ орудіяхъ, да ожидался еще 41-й егерскій полкъ, находившійся уже на маршѣ изъ Грузіи.

Непріятель также собиралъ свои силы. Было извѣстно, что у Худоперинскаго моста стоялъ Багра-Ханъ съ двухтысячнымъ отрядомъ сарбазовъ и съ конницею, при двухъ орудіяхъ; далѣе, въ Ханъ-Багѣ, напротивъ Маральяна, ширванскій, шахсеванскій и другіе ханы собрали свои иррегулярныя полчища; въ Асландузѣ стояла тысяча человѣкъ ардебильской конницы. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, 15 орудій, подъ прикрытіемъ пѣхоты, двигались изъ Ардебиля къ Араксу. Говорили также, что Аллаяръ-Ханъ съ тридцати-тысячною арміею находится въ одномъ переходѣ по ту сторону Тавриза, но куда онъ возьметъ направленіе, къ Эривани или къ Карабагу,—было еще неизвѣстно.

При такихъ условіяхъ Мадатовъ предпочелъ идти за Араксъ, чтобы не дать времени непріятелю усилиться, — и идти немедленно, не ожидая ни егерей, ни транспортовъ. 16-го апрѣля войска двинулись уже отъ Черекеня. На походѣ получено было извѣстіе, что сильная непріятельская партія появилась въ тылу отряда, около Герюсъ, и послѣ 24-хъ часоваго боя съ армянами, разграбила селеніе Вундерли и угнала весь скотъ. Мадатовъ не обратилъ на это вниманія, зная неизбѣжность подобныхъ происшествій, которыя прекратятся сами собою, какъ только русскія знамена появятся на правомъ берегу Аракса,—и торопился захватить переправу.

18-го апрѣля, не доходя 12 верстъ до Худоперинскаго моста, Мадатовъ отправился впередъ съ тремя казачьими полками и занялъ высоту, командовавшую надъ всею окрестностью; здѣсь расположилась донская батарея, и мѣткимъ

огнемъ черезъ рѣчку заставила стоявшій тамъ батальонъ сарбазовъ отодвинуться въ горы. Между тѣмъ, подошла русская пѣхота и стала лагеремъ почти въ виду непріятеля.

Переправы черезъ Араксъ, однакоже, не было. Рѣка была въ разливѣ, а Худоперинскій мостъ былъ разломанъ персіянами такъ, что отъ него остались лишь ближайшіе къ берегамъ полуразвалившіеся своды, да и тѣ прикрыты были съ лѣваго берега каменною башней, стоявшей здѣсь въ видѣ предмостнаго укрѣпленія. Тѣмъ не менѣе, Мадатовъ предпринимаетъ цѣлый рядъ дѣйствій, окончившихся завладѣніемъ переправы для русскихъ войскъ.

На слѣдующій день, 19-го числа, рота егерей, предводимая подполковникомъ Миклашевскимъ, пошла впередъ и, подъ огнемъ непріятеля, заняла позицію, шагахъ въ 80-ти отъ моста, на возвышеніи, обнесенномъ каменною оградою. Непріятель зашевелился. Два батальона сарбазовъ и сильная конница придвинулись также къ рѣкѣ и стали въ ста саженяхъ, по ту сторону моста. Армяне говорили, что за этими двумя батальонами со стороны Тавриза тянутся значительныя силы. Но имъ мало вѣрили. Въ бездѣйственномъ созерцаніи другъ друга простояли противники весь этотъ день, а ночью рота егерей, съ капитаномъ Калачевскимъ, скрытно вышла изъ лагеря и, въ двухъ верстахъ выше по Араксу, принялась устраивать плоты изъ лѣса, заготовленнаго тамъ для починки моста. Шумъ топоровъ привлекъ вниманіе персіянъ, и работу пришлось производить уже подъ учащеннымъ огнемъ непріятеля. Тѣмъ не менѣе, къ утру плоты были готовы. Правда, они никуда не годились, потому что, сдѣланные изъ тяжелаго дубоваго лѣса, едва держались на поверхности воды; но дѣло было не въ плотахъ. Непріятель, ожидая въ томъ мѣстѣ переправы, сдвинулъ туда бо̀льшую часть своихъ силъ, а подполковникъ Миклашевскій, воспользовавшись этимъ, кинулся изъ своего окопа и внезапно овладѣлъ стоявшей передъ мостомъ укрѣпленной башней. Гарнизонъ ея былъ истребленъ, а съ русской стороны ранены поручикъ Макаровъ да шесть егерей, — и это была вся по-

теря, которую понесъ Мадатовъ въ трехъ-дневной перестрѣлкѣ съ непріятелемъ.

Съ особымъ уваженіемъ говоритъ Мадатовъ въ своемъ донесеніи, что семь человѣкъ, разжалованныхъ въ рядовые: Окуловъ, Веденяпинъ 2, Зубовъ, Рудницкій, Ляшковскій, Титовъ и Фитіолинъ, желая кровью загладить свои проступки, стали впереди охотниковъ, штурмовавшихъ башню, и своею грудью проложили дорогу къ побѣдѣ. Изъ нихъ Фитіолинъ тяжело былъ раненъ пулею на вылетъ. Здѣсь же получили первое боевое крещеніе и полки, пришедшіе изъ Россіи, Козловскій и Нашебургскій.

Пока егеря, овладѣвшіе башней, расположились по самой рѣкѣ, въ ложементахъ, секретно приготовленныхъ ими еще ночью, козловскіе и нашебургскіе стрѣлки въ лодкѣ переправились на ту сторону Аракса и, подкрѣпленные мѣткимъ картечнымъ огнемъ казачьихъ орудій, дѣйствовавшихъ подъ командой есаула — линейца Зубкова, вынудили непріятеля отойти отъ берега. Весь пятитысячный персидскій отрядъ удалился.

Такъ, съ неимовѣрными трудностями открыта была, наконецъ, переправа черезъ Араксъ, и Мадатовъ готовился къ движенію впередъ. Но здѣсь внезапно были перерваны его дѣйствія. Въ тотъ же день, среди его боевыхъ распоряженій, ему доложили о пріѣздѣ изъ главнаго штаба курьера съ депешами. Это было приказаніе Паскевича сдать отрядъ генералу Панкратьеву и ѣхать въ Грузію... Черезъ полчаса въ лагерь пріѣхалъ и самъ генералъ-маіоръ Панкратьевъ.

Прощаніе князя съ отрядомъ было трогательно,—велика была привязанность къ нему солдатъ и офицеровъ. Не останавливаясь въ своемъ имѣніи, онъ, на пути, въ послѣдній разъ взглянулъ на родныя мѣста и поѣхалъ въ Тифлисъ.

Блестящая жизнь князя Мадатова, знаменитаго не одною только дѣятельностью въ Кавказской войнѣ, въ славѣ которой ему принадлежитъ не малая часть, а и вообще въ лѣтопи-

сяхъ всей русской кавалеріи, — весьма любопытна и поучительна. Въ ней только и можно найти объясненіе необыкновеннаго нравственнаго обаянія этого человѣка на всѣхъ, кто имѣлъ честь становиться подъ его знамена и дѣлить съ нимъ боевые труды и заботы.

Князь Валеріанъ Григорьевичъ Мадатовъ родился въ Карабагѣ, — странѣ искони воинственной, — и впечатлѣнія юныхъ лѣтъ, конечно, не могли не отразиться на всемъ складѣ его умственной и физической жизни. Храбрость была качествомъ ему прирожденнымъ, и всѣ свои награды, всѣ почести онъ взялъ съ острія сабли, и запечатлѣлъ ихъ своею кровью. Сирота съ дѣтства, онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ единственно себѣ, и протекція не играла въ его жизни ни малѣйшей роли, по той простой причинѣ, что ея у Мадатова не было. Только тотъ, — говоритъ одинъ изъ его современниковъ: — кто видѣлъ князя Мадатова въ пылу сраженія, подъ градомъ пуль и картечи, можетъ судить, до какой степени храбрость можетъ быть увлекательна, и какъ одно появленіе передъ войсками такихъ вождей, какъ Мадатовъ, служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ побѣды.

Въ царствованіе императора Павла Петровича, Мадатовъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ, Меликомъ Джемшидомъ. Юноша плѣнился блестящею гвардіей; но пока онъ хлопоталъ, чтобъ его приняли въ русскую службу, Джемшидъ долженъ былъ вернуться въ Карабагъ; вмѣстѣ съ нимъ уѣхалъ и Мадатовъ, неимѣвшій средствъ остаться въ столицѣ безъ Джемшида. Такъ онъ и заглохъ бы въ Карабагѣ, въ своей прародительской чохѣ. Но судьба уже успѣла отмѣтить будущаго героя: императоръ какъ-то вспомнилъ о молодомъ горцѣ, котораго видѣлъ разъ на разводѣ, и узнавъ, что тотъ вернулся въ Карабагъ, не успѣвъ опредѣлиться въ гвардію, приказалъ привезти его назадъ съ фельдъегеремъ. Мадатовъ явился, былъ опредѣленъ подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, съ титуломъ князя, а съ производствомъ въ офицеры переведенъ подпоручикомъ въ армію.

Такъ, человѣкъ, которому судьба отводила въ будущемъ такое блестящее мѣсто въ немногочисленной плеядѣ русскихъ кавалерійскихъ вождей, началъ свою службу въ пѣхотѣ, въ Мингрельскомъ полку, съ которымъ и выступилъ въ турецкую кампанію 1808 г. Съ этихъ поръ начинается его боевая извѣстность. Командуя ротой, Мадатовъ, менѣе чѣмъ въ два года, получилъ Анну и Владиміра съ бантами, Анну на шею, золотую шпагу за храбрость и чинъ капитана. Но уроженцу Карабага, страны отважныхъ наѣздниковъ, пѣхотная служба представляла мало простора; онъ рвался въ кавалерію, и въ февралѣ 1810 года ему, наконецъ, удалось осуществить свою завѣтную мечту: онъ былъ переведенъ въ Александрійскій гусарскій полкъ ротмистромъ. Не успѣлъ онъ еще доѣхать до полка, какъ получилось извѣстіе о производствѣ его въ маіоры за прежнія боевыя отличія. Въ настоящее время такіе поздніе переводы изъ пѣхоты въ кавалерію показались бы чѣмъ-то совсѣмъ необычайнымъ. Но тогда подобные случаи бывали нерѣдко. И не одинъ Мадатовъ, многіе знаменитѣйшіе боевые русскіе кавалеристы вышли именно изъ рядовъ пѣхоты. Проще были тогда спеціальныя требованія отъ кавалеріи, ближе стояла она къ дѣйствительнымъ боевымъ потребностямъ, и развитіе духа преобладало въ ней надъ техническою стороною дѣла.

И вотъ, пѣхотный маіоръ, надѣвъ гусарскій ментикъ, явился въ Александрійскій полкъ, издавна славившійся въ сраженіяхъ «яростію ударовъ», и тотчасъ получилъ эскадронъ. Полкъ былъ въ то время на походѣ къ Шумлѣ, и 12 іюля, при селеніи Чаушкіой, произошло первое дѣло, въ которомъ Мадатову пришлось участвовать съ гусарами. Здѣсь, на глазахъ своихъ новыхъ товарищей, врубился онъ съ своимъ эскадрономъ въ пѣхотную колонну—и возвратился назадъ съ турецкою пушкою. Первый бой — и уже право на Георгія! Храбрые александрійцы увидѣли въ Мадатовѣ достойнаго сотоварища, и положеніе его въ полку упрочилось сразу. Нужно сказать, что Александрійскимъ полкомъ командовалъ въ то время полковникъ Ланской, убитый въ 1814 году подъ Краономъ, че-

ловѣкъ блистательной храбрости, которой завидовалъ даже самъ Мадатовъ. Однажды, въ десятомъ году, завязалась жаркая битва подъ Шумлою. Ланской ввелъ въ дѣло весь Александрійскій полкъ. Гусары шли на рысяхъ; Мадатовъ видѣлъ, какъ Ланской ѣхалъ передъ первымъ эскадрономъ, окруженный своимъ конвоемъ, въ числѣ котораго былъ юнкеръ Новинскій. Полкъ уже близко подошелъ къ турецкому ретраншаменту, когда Ланской скомандовалъ: «маршъ-маршъ». Онъ первый вскочилъ въ укрѣпленіе, и, вырвавъ изъ рукъ турецкаго байрактара знамя, бросилъ его Новинскому, крикнувъ: — «Юнкеръ! Вотъ тебѣ георгіевскій крестъ!»

Такая беззавѣтная отвага одушевляла всѣхъ александрійцевъ, и не легко было состязаться съ ними въ храбрости. Но Мадатовъ жадно искалъ случая выдѣлиться изъ среды даже такихъ сотоварищей, — и случай къ этому не замедлилъ представиться.

Это было 26-го августа, въ генеральномъ сраженіи подъ Батинымъ, гдѣ графъ Каменскій разбилъ сорокатысячную турецкую армію. Когда началось дѣло, Александрійскій полкъ стоялъ на лѣвомъ флангѣ. Офицеры собрались около своего командира, Ланского, и слушали разсказъ его про одного маіора, получившаго при Екатеринѣ небывалую въ этомъ чинѣ награду — Георгія 3 степени. Мадатову, бывшему при этомъ, такъ захотѣлось Георгія (награды за Чаушкіой еще тогда не вышли), что онъ обратился къ Ланскому съ вопросомъ: что ему сдѣлать, чтобы получить георгіевскій крестъ? Ланской шутя указалъ на четырехъ-тысячную колонну турецкой кавалеріи, шагомъ выѣзжавшую изъ лагеря, и сказалъ: «разбей ихъ!» Мадатовъ крикнулъ двумъ эскадронамъ: «за мной!» — и бросился на непріятеля. И Ланской, и товарищи Мадатова не успѣли прійти въ себя, какъ два эскадрона русскихъ гусаръ столкнулись со всей 4-хъ-тысячной массой турецкой кавалеріи. Непріятель, однако, дрогнулъ — такъ стремительна была атака Мадатова, — и лощина на протяженіи нѣсколькихъ верстъ покрылась трупами изрубленныхъ турокъ... Бой окончился поздно; войска вернулись въ лагерь

ночью, а утромъ 27-го августа, курьеръ изъ главной квартиры привезъ Мадатову пакетъ: это былъ георгіевскій крестъ, пожалованный ему за дѣло подъ Чаушкіоемъ. За Батинъ его произвели въ подполковники.

Отечественная война застала Мадатова уже въ званіи командира Александрійскаго гусарскаго полка, входившаго тогда въ составъ 3-й западной арміи. Съ этимъ полкомъ онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Кобринымъ, подъ Городечною, въ цѣломъ рядѣ кровопролитныхъ битвъ на Березинѣ, былъ произведенъ въ полковники и получилъ алмазные знаки ордена св. Анны 2 степени.

Любимою поговоркою Мадатова въ то время было: «Берегу полкъ, какъ невѣсту, но придетъ часъ и я не пожалѣю ни людей, ни лошадей». И часъ этотъ пробилъ въ роковой день 11-го ноября, подъ Борисовымъ, когда русскій авангардъ, разбитый и отброшенный, долженъ былъ отступать черезъ Березину по узкому, длинному мосту, загроможденному столпившимся на немъ обозами и артиллеріей. Положеніе было критическое. Мадатовъ рѣшился остановить непріятеля, — это было единственное средство спасти остатки нашей пѣхоты и дать возможность убрать хоть часть застрявшей на мосту артиллеріи. Онъ выдвинулъ впередъ четыре эскадрона александрійскихъ гусаръ и, проскакавъ по ихъ фронту, сказалъ: «Гусары! Смотрите: я скачу на непріятеля! Если вы отстанете — меня ожидаетъ плѣнъ или смерть! Ужели вы въ одинъ день захотите погубить всѣхъ своихъ начальниковъ?» И, не ожидая отвѣта, онъ круто повернулъ коня, далъ шпоры и помчался на непріятеля. Гусары не отстали отъ него — и, подъ огнемъ 20 орудій, врубились въ пѣхоту. Французскіе латники, въ свою очередь, обхватили русскихъ гусаръ съ фланговъ и съ тылу... Дорого стоилъ александрійцамъ этотъ кровавый бой, но они возстановили честь русскаго оружія, спасли артиллерію и дали возможность пѣхотѣ отступить безъ большихъ потерь. Подвигъ Мадатова былъ оцѣненъ исторіею. Извѣстный военный писатель, графъ Бисмаркъ, въ своемъ сочиненіи о конницѣ, на-

зываетъ дѣйствія Мадатова подъ Борисовымъ — образцовыми. Борисовъ доставилъ ему въ полковничьемъ чинѣ золотую саблю, осыпанную бриллiантами.

Война за независимость Германіи дала Мадатову случаи къ новымъ блестящимъ отличіямъ. Первая встрѣча съ французами за рубежемъ русской земли произошла у него подъ Калишемъ, 1-го февраля 1813 года. Мадатову, съ двумя эскадронами гусаръ, удалось разбить здѣсь сильную французскую конницу. Но въ ту минуту, когда непріятель далъ передъ нимъ тылъ, показались два саксонскіе батальона, которые шли свернувшись въ густую колонну. Въ пылу одушевленія, Мадатовъ тотчасъ повернулъ на нихъ; но непріятель былъ силенъ и, остановившись, спокойно выжидалъ атаки. Мадатовъ понялъ, что сломить такую пѣхоту трудно. Но военное счастье рѣдко измѣняетъ истинной отвагѣ. Онъ сталъ впереди гусаръ и самъ, во главѣ дивизіона, кинулся на непріятеля... Залпъ, отвѣтный крикъ на него: «ура» — и гусары врубились въ пѣхоту. Двѣ пушки и саксонское знамя захвачены были съ перваго удара. Пѣхота, разорванная въ рядахъ, дралась однако штыками, но, смятая и стоптанная, бросила наконецъ оружіе. Два батальона и командовавшій ими генералъ графъ Ностицъ были взяты въ плѣнъ. Мадатовъ получилъ за этотъ блестящій подвигъ орденъ св. Георгія 3 степени, и, такимъ образомъ, былъ однимъ изъ весьма немногихъ офицеровъ въ русской арміи, имѣвшихъ въ чинѣ полковника и бриллiантовую саблю и Георгія на шеѣ.

Затѣмъ Мадатовъ съ отдѣльнымъ отрядомъ блокировалъ крѣпость Глогау, сражался подъ Люценомъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ отважныхъ партизанскихъ поискахъ и былъ въ битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ. Здѣсь, въ пылу одной изъ атакъ Александрійскаго полка, онъ былъ жестоко раненъ пулею въ лѣвую руку, но не сошелъ съ коня и не оставилъ поля до окончанія битвы. Это крайнее напряженіе воли дорого стоило Мадатову: сильная потеря крови и несвоевременная перевязка настолько ухудшили состояніе раны,

что болѣзнь надолго приковала Мадатова къ постели. Это было причиною, что онъ не могъ участвовать въ кампаніи 1814 года. Но Мадатовъ не былъ забытъ: государь пожаловалъ ему чинъ генералъ-маіора и орденъ Владиміра 3 степени, а прусскій король прислалъ ему орденъ «pour le mérite».

Посѣтивъ Парижъ уже по заключеніи мира, Мадатовъ хлопоталъ о переводѣ его въ корпусъ графа Воронцова, оставляемый во Франціи. Но въ это время уже состоялся приказъ о назначеніи его на службу въ отдѣльный Грузинскій корпусъ. И вотъ, Мадатовъ, за 16 лѣтъ передъ тѣмъ покинувшій родину бѣднымъ, никому не нужнымъ сиротою, теперь возвратился въ нее правителемъ трехъ мусульманскихъ ханствъ: Ширванскаго, Шекинскаго и Карабагскаго.

Съ этого момента начинается славная боевая дѣятельность Мадатова на Кавказѣ, навѣки связавшая имя его съ цѣлымъ рядомъ выдающихся событій кавказской войны. Войска, предводимыя имъ, проникали въ такія мѣста, въ которыхъ еще никогда не бывала нога побѣдителей, и гдѣ народъ не зналъ, что значитъ быть побѣжденнымъ. Его видѣли въ своихъ стѣнахъ неприступные аулы Лаваши и Хозрекъ; горы Дагестана склоняли передъ нимъ свои непокорныя головы, а Шамхорское поле дало его имени неувядаемый блескъ. Ермоловъ высоко цѣнилъ побѣды Мадатова, но еще выше ставилъ нравственное вліяніе, которое онъ пріобрѣталъ надъ побѣжденными народами, и которое было такъ сильно, что заставляло недавнихъ враговъ становиться подъ знамена Мадатова и идти на бой съ своими единоземцами. Такъ было въ Каракайтагѣ, въ Табасарани и Казикумыкѣ, такъ было и во время персидской войны, въ Казахской дистанціи. Скупой на награды, Ермоловъ не жалѣлъ ихъ для Мадатова: за Табасарань и Башлы онъ получилъ анненскую ленту, за Акушу—алмазные знаки Анны 1-й степени, за Казикумыкъ—Владиміра 2-го класса, за Шамхоръ и Ели-

заветполь—чинъ генералъ-лейтенанта и вторую бриллiантовую саблю.

Не всѣ, конечно, подобно Ермолову, умѣли цѣнить эту энергическую и плодотворную дѣятельность Мадатова. На самую память его брошено нѣсколько жесткихъ обвиненiй, въ которыхъ ему не пришлось найти всеобщаго оправданiя, хотя, конечно, и были люди, лучше понимавшiе его и его положенiе. Слѣдя за его управленiемъ татарскими провинцiями, многiе и при жизни его и послѣ находили въ его дѣйствiяхъ нѣчто азiятское, произвольное и деспотическое, отъ чего будто бы онъ, самъ уроженецъ Азiи, воспринявшiй съ дѣтства всѣ политическiя и общественныя понятiя ея, не могъ отрѣшиться въ теченiе всей своей жизни. Что въ его дѣйствiяхъ былъ этотъ характеръ,—оспаривать никто не будетъ; но ему есть другое, болѣе вѣское и логическое объясненiе. Нужно представить себѣ этотъ край, въ которомъ ничто не уважается, кромѣ силы и власти, край, только что перешедшiй изъ рукъ ханскаго произвола подъ господство закона и не утратившiй ни одной черты въ понятiяхъ, которыми объяснялась и поддерживалась деспотическая власть, чтобы понять, что Мадатовъ, коротко его знавшiй, только приноровлялся къ его обычаямъ и нравамъ. Такъ, чтобы вызвать необходимое обаянiе своей власти, онъ, какъ разсказываютъ, донося о всѣхъ предположенныхъ имъ смертныхъ приговорахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда представлялъ народу дѣло въ такомъ свѣтѣ, что онъ своею властiю казнитъ и имѣетъ на то право; и это было цѣлесообразно съ нравами и понятiями мусульманъ. Не нужно, притомъ, забывать и другой стороны дѣятельности его, той, что знанiе края давало ему постоянную возможность исправлять ошибки другихъ. «Справедливость — говоритъ одинъ изъ современниковъ Мадатова, бывшiй вмѣстѣ съ нимъ позже въ Турцiи:—можетъ быть достигнута только сравненiемъ того, что совершилъ князь, съ тѣмъ, чего не сдѣлали, или что испортили другiе... Грузiя была свидѣтельницею того же, что происходило на моихъ глазахъ въ Турцiи. Дѣлались огромныя

ошибки; князь исправлялъ ихъ, и въ то время, когда имъ уже были сорваны лавры, являлись распоряженія, мѣшавшія ему доплести изъ нихъ вѣнокъ...»

Паденіе Ермолова увлекло за собою и его любимаго сподвижника. Мадатовъ сошелъ со сцены кавказской войны не обиженнымъ только, но глубоко и несправедливо оскорбленнымъ. Имѣніе въ Карабагѣ, оставленное за нимъ высочайшею волею не безъ политическихъ расчетовъ, послужило для Паскевича главнымъ предлогомъ къ его обвиненію и создало нареканія, мрачною тѣнью отразившіяся не только на немъ, но и на самомъ Ермоловѣ, — честность котораго уже отмѣчена исторіею.

Въ тягостномъ и непривычномъ бездѣйствіи пробылъ Мадатовъ въ Тифлисѣ цѣлые пять мѣсяцевъ. Наконецъ, черезъ Дибича ему удалось добиться позволенія пріѣхать въ Петербургъ. Въ то время шли уже приготовленія къ турецкой войнѣ, и Мадатовъ былъ прикомандированъ къ 3-му пѣхотному корпусу, входившему въ составъ дѣйствующей арміи. Тамъ, на Дунаѣ, съ небольшимъ отрядомъ онъ овладѣлъ двумя турецкими крѣпостями, Исакчей и Гирсовымъ, и отстоялъ селеніе Проводы, расположенное у подошвы Балканъ. «Ура! любезный князь, — писалъ къ нему графъ Воронцовъ изъ-подъ Варны: — я зналъ, что герой Дагестана будетъ героемъ и въ Балканскихъ горахъ». 14 знаменъ и 98 орудій были трофеями Мадатова въ эту кампанію. И несмотря на все это, неблаговоленіе Паскевича такъ сильно отражалось на службѣ его, что Мадатовъ за весь этотъ походъ получилъ только одно «монаршее благоволеніе». Наконецъ, уже въ началѣ 1829 года, онъ былъ назначенъ начальникомъ 3-й гусарской дивизіи. И вотъ, на тѣхъ самыхъ поляхъ, на которыхъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ Мадатовъ получилъ георгіевскій крестъ, теперь пришлось ему встрѣтиться опять съ александрійцами, уже входившими въ составъ его дивизіи. «Ну, слава Богу, — шутилъ онъ съ гусарами: — мы опять увидимъ турокъ. Только вы, братцы, ихъ всѣхъ не рубите; за плѣнныхъ даютъ по червонцу — сгодится, а ло-

шадей ихъ мы маркитантамъ за долгъ отдадимъ». И гусары восторженно глядѣли на того, чье имя давно уже тѣсно связалось съ ихъ полковою славою.

Въ это время имя Мадатова почти не упоминалось въ реляціяхъ, но популярность его въ арміи была велика. Вотъ какъ описываетъ, между прочимъ, одинъ артиллерійскій офицеръ свою встрѣчу съ нимъ въ кампаніи 29 года, около Базарджика.

«Батарея наша—разсказываетъ онъ: — поднялась на небольшое возвышеніе, свернулась въ колонну и остановилась для привала надъ берегомъ рѣчки. Офицеры собрались на правый флангъ, раскинули бурки и денщики засуетились у походнаго завтрака.

« — Кто это скачетъ на вороном конѣ?—спросилъ одинъ изъ офицеровъ, поглядывая на большую дорогу.

« — Господа, это какой-то генералъ,—сказалъ капитанъ и, застегнувъ лядунку, пошелъ къ первому орудію.

«Всѣ встали.

«Черезъ минуту подскакалъ къ батареѣ гусарскій генералъ, высокій и статный, съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Онъ былъ молодецъ въ полномъ значеніи этого слова.

« — Здравствуйте! артиллеристы! — сказалъ онъ весело, сдержавъ коня у заряднаго ящика, возлѣ котораго стояли офицеры. — «Поздравляю васъ съ войною! Мы подеремся славно—я это вамъ предсказываю. Надобно только выманивать этихъ мусульманскихъ собакъ въ чистое поле, а тогда и намъ, гусарамъ, будетъ работа... Я знаю турокъ, я съ ними выросъ... Я вамъ пророчу, господа, что черезъ годъ вы всѣ вернетесь въ Россію съ георгіевскими крестами.

«Капитанъ замѣтилъ, что безъ особеннаго случая трудно заслужить этотъ крестъ.

« — Какой тутъ случай!—возразилъ генералъ, играя поводьями своего коня, который такъ и рвался подъ лихимъ всадникомъ:—была бы охота да отвага! Знаете ли вы, какъ добываются георгіевскіе кресты?»—И онъ разсказалъ о сраженіи подъ Батинымъ. — «Это было дѣло знатное, — заклю-

чилъ генералъ, съ самодовольствіемъ покручивая свои длинные усы: — оно утѣшаетъ меня даже подъ старость. Дай Богъ и вамъ когда-нибудь поработать такимъ же манеромъ... А пока прощайте! Увидимся подъ Варною!..»

«Съ послѣдними словами онъ круто повернулъ коня и поскакалъ по дорогѣ въ Мангалію. Впослѣдствіи мы узнали, что это былъ извѣстный по необычайной храбрости генералъ-лейтенантъ князь Мадатовъ, который такъ блистательно началъ и такъ печально окончилъ турецкую кампанію».

Первое дѣло, въ которомъ гусары Мадатова приняли серьезное участіе, было сраженіе при Кулевчѣ, открывшее, какъ извѣстно, русскимъ войскамъ путь за Балканы. На другой день послѣ этого боя, Мадатовъ былъ посланъ перервать сообщенія разбитой турецкой арміи съ Шумлою. Турки, замѣтивъ движеніе, выслали изъ крѣпости трехъ-тысячную конницу. Этого только и ждалъ Мадатовъ. Гусарскіе полки Александрійскій, Ахтырскій и Бѣлорусскій понеслись въ атаку. Командиръ 1-й бригады, генералъ-маіоръ Муравьевъ, изъ первыхъ врѣзавшійся въ ряды непріятеля, собственноручно вырвалъ знамя Ахметъ-Бея, командовавшаго конницею въ Шумлѣ; другое знамя взяли гусары. Послѣ недолгаго боя, турки, сбитые съ поля, бросились въ ближайшій пѣхотный лагерь. Гусары въ быстрой погонѣ пронеслись между двумя передовыми редутами, обдавшими ихъ картечью, и на плечахъ бѣгущихъ ворвались въ лагерь. Пѣхота, застигнутая ими врасплохъ и неуспѣвшая построиться, частью была изрублена, а частью укрылась во рвахъ и между палатками.

Подвигъ гусаровъ этимъ не ограничился. Быстрымъ поворотомъ направо, Мадатовъ успѣлъ отрѣзать другую пѣхотную колонну, поспѣшно отступавшую въ Шумлу изъ сосѣдняго лагеря, и на глазахъ гарнизона истребилъ ее такъ, что лишь ничтожные остатки успѣли укрыться въ тѣхъ самыхъ редутахъ, которые охраняли Шумлу и теперь одни возвышались среди опустѣвшаго, покинутаго врагами поля. Оба эти редута смотрѣли, однакоже, грозно. Вооруженные полевыми орудіями, они имѣли солидную профиль и глубокіе рвы. Ата-

ковать ихъ одною конницею было дѣломъ неслыханнымъ. Но Мадатовъ давно привыкъ къ неслыханнымъ подвигамъ. По одному слову его, Александрійскій полкъ въ карьеръ подскочилъ ко рвамъ, спѣшился и съ саблями наголо полѣзъ на приступъ. Редутъ былъ взятъ, и въ рукахъ гусаръ очутилось два знамени и два орудія. Небольшая часть гарнизона успѣла, однакоже, спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ и укрылась въ другомъ редутѣ. Неустрашимые гусары, предводимые Мадатовымъ, бросились туда. Ахтырцы спѣшились. Сильный батальный огонь, картечь и цѣлый батальонъ штыковъ, стоявшихъ на валу, остановилъ порывъ храбрыхъ. Мадатовъ одинъ подъѣхалъ ко рву и, зная турецкій языкъ, уговаривалъ ихъ сдаться. Вмѣсто отвѣта турки дали по немъ залпъ, но въ это время подоспѣла пѣхота—и редутъ взятъ былъ штыками.

Это дѣло 3-й гусарской дивизіи было необыкновеннымъ подвигомъ. Въ военной исторіи не много найдется примѣровъ, гдѣ бы гусары, съ саблями въ рукахъ, брали укрѣпленные лагери и штурмовали редуты, защищенные пѣхотою. Если бы множество блистательныхъ дѣлъ въ прежнія войны съ турками, французами и, наконецъ, на Кавказѣ давно уже не превозгласили Мадатова баловнемъ военнаго счастія, то уже одной этой атаки было бы достаточно для увѣковѣченія его извѣстности.

Дибичъ былъ въ восторгѣ отъ этого дѣла. «Мадатовъ—писалъ онъ къ государю:—отбросилъ вышедшихъ изъ Шумлы 1500—2000 турецкихъ всадниковъ на ихъ передовые редуты; гусары вели себя тутъ самымъ блистательнымъ образомъ, особенно Александрійскіе, предводимые Муравьевымъ, который собственноручно взялъ пашинское знамя. Впереди всѣхъ находился самъ Мадатовъ. Его гусары, бросившись на редуты, спѣшились и, дѣйствуя саблями, взяли первый изъ нихъ; другой редутъ былъ взятъ пѣхотою. 12 знаменъ и 5 орудій были трофеями этого славнаго дѣла».

Вотъ что отвѣчалъ на это письмо государь: «...Что за молодцы эти прекрасныя войска, эти дорогіе ратные това-

рящи, и какъ я сожалѣю, что болѣе не съ ними! Что за геройскіе полки: 12 егерскій и Муромскій *) и храбрые Александрійскіе гусары! Вотъ подвиги, которые должны быть отмѣчены въ исторіи нашей арміи!» Государь щедро наградилъ всѣхъ участниковъ сраженія; командиры Александрійскаго и Ахтырскаго полковъ получили георгіевскіе кресты, Муравьевъ—тоже, обоимъ полкамъ пожалованы знаки на кивера за отличіе, Мадатовъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Но этотъ былъ послѣдній подвигъ и послѣдняя награда Мадатова. Еще съ прошлой зимы князь чувствовалъ сильную боль въ лѣвомъ боку,—слѣды пережитыхъ имъ огорченій. Онъ не обращалъ на болѣзнь никакого вниманія и, послѣ Кулевчинскаго боя, остался подъ Шумлою въ составѣ блокаднаго корпуса. Между тѣмъ, снова и снова сыпались на него нравственныя униженія. Интриги, происки, клеветы людей, старавшихся, въ угоду Паскевичу, чернить сподвижниковъ Ермолова, не оставляли преслѣдовать Мадатова и въ Европейской Турціи. Изъ-подъ стѣнъ Шумлы онъ долженъ былъ отвѣчать на разные вопросные пункты, посылаемыя ему Паскевичемъ по невыносимымъ обвиненіямъ. Доносы на него вызывались путемъ въ высшей степени безцеремоннымъ. Такъ, въ крѣпости Шушѣ барабаннымъ боемъ на улицахъ приглашали жителей подавать жалобы на князя Мадатова. Особенно досаждало ему дѣло о незаконномъ завладѣніи имѣніемъ въ Карабагѣ, несмотря на то, что у Паскевича въ рукахъ были подлинные рескрипты императора Александра, которыми утверждались за нимъ эти имѣнія. Преслѣдованіе Мадатова дошло до того, что за небольшіе долги, которые онъ легко могъ покрыть собственными средствами, былъ проданъ въ казну за ничтожную сумму его тифлисскій домъ, и Мадатовъ не былъ даже предваренъ объ этомъ. И все это дѣлалось въ то время, когда Мадатовъ геройски дрался подъ Шумлою, когда,

*) Эти полки особенно отличились подъ Кулевчею.

не смотря на болѣзнь, въ короткое время проявившую опасные симптомы, онъ безпрерывно дѣлалъ поиски въ тылу непріятеля.

Но чаша оскорбленій наконецъ переполнилась, здоровье князя рухнуло окончательно. Въ послѣдній разъ онъ выступилъ изъ лагеря 28-го августа къ городу Тырнову. Очевидцы разсказываютъ, что, томимый тайнымъ грустнымъ предчувствіемъ, Мадатовъ какъ бы нехотя выступалъ изъ лагеря, и во все продолженіе похода былъ, противъ обыкновенія, не веселъ, даже мраченъ. Погода была сырая, туманная; отрядъ дѣлалъ переходы чрезвычайные, по 80 верстъ въ сутки,—и эта экспедиція лишила Мадатова послѣдней силы. Случилось, что на возвратномъ пути, 31-го августа, верстахъ въ пяти отъ русскаго лагеря, услышаны были ружейные выстрѣлы. Мадатовъ остановилъ отрядъ и послалъ узнать о причинѣ. «Если турки сдѣлали вылазку,—сказалъ онъ:—мы ударимъ имъ въ тылъ и отрѣжемъ отъ Шумлы». Но тутъ же онъ началъ жаловаться на нестерпимую боль въ лѣвомъ боку, слѣзъ съ лошади и легъ на разостланной буркѣ. Между тѣмъ ординарецъ возвратился съ донесеніемъ, что это русская пѣхота стрѣляетъ въ цѣль. Мадатовъ съ большимъ трудомъ сѣлъ на лошадь и, уже совершенно больной, возвратился въ лагерь. 2-го сентября открылось у него внезапно сильное кровотеченіе изъ горла,—и черезъ два дня его не стало.

Такъ угасла жизнь полная силъ, энергіи и честныхъ намѣреній, когда Мадатову не было еще и 49 лѣтъ отъ роду. Вѣсть о его кончинѣ глубоко опечалила армію. Дибичъ почтилъ память его слезою и сказалъ знаменательное слово: «Въ Мадатовѣ наша конница лишилась русскаго Мюрата!»

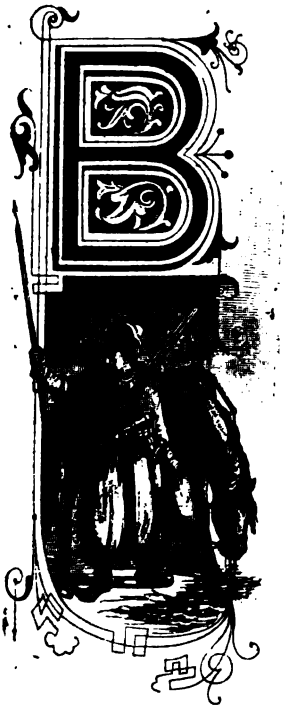
И это была не фраза. Мадатовъ обладалъ замѣчательною храбростью, которая не блѣднѣла ни передъ какою опасностью, ледянымъ хладнокровіемъ, которое не смущалось никакою неожиданностію, и, что всего рѣже,—тѣмъ нравственнымъ мужествомъ, которое не пугается никакой отвѣтственности. Смѣлый въ рѣшеніи, онъ былъ необыкновенно быстръ въ исполненіи, и эта-то быстрота служила вѣрною порукою успѣха,

повидимому, въ самомъ дерзкомъ, залетномъ, отважномъ предпріятіи. Даже турки—и тѣ сожалѣли о немъ. Великій визирь, въ знакъ уваженія къ памяти Мадатова, открылъ для него ворота неприступной Шумлы и принялъ въ ея стѣны прахъ смѣлаго воина. Гробъ изъ лагеря до самой крѣпости несли на себѣ попеременно гусары и офицеры 3-го пѣхотнаго корпуса. У самыхъ воротъ Шумлы печальное шествіе остановилось. Войска преклонили знамена и оружіе, роздалось церковное пѣніе,—и пушечные выстрѣлы отдали послѣднюю земную почесть тому, кто такъ любилъ внимать имъ на полѣ битвы. Когда окончилась литія, ворота отворились—и процессія вступила въ Шумлу. Турки, однакоже, впустили въ городъ изо всего конвоя только конный взводъ Бѣлорусскихъ гусаръ (тогда полкъ принца Оранскаго) съ ихъ трубачами. Толпы народа, привлеченныя зрѣлищемъ пышнаго погребенія русскаго генерала, сопровождали гробъ Мадатова до самаго кладбища. Печальные звуки трубъ изрѣдка прерывали глубокую тишину, царившую въ толпѣ, которая сама заботилась о томъ, чтобъ ничѣмъ не нарушить мрачной торжественности погребальнаго обряда. Медленно тянулось шествіе по узкимъ улицамъ Шумлы, впервые еще видѣвшей въ стѣнахъ своихъ вооруженнаго непріятеля,—и, наконецъ, достигло ограды христіанскаго храма, гдѣ могила и приняла бренные останки героя. Впослѣдствіи, по окончаніи войны, тѣло Мадатова было перевезено его женою въ Петербургъ и нынѣ покоится въ Александро-Невской лаврѣ. Большой четыреугольный мраморный мавзолей покрываетъ собою прахъ доблестнаго рыцаря. Памятникъ замѣчателенъ своею простотою и изяществомъ; на немъ нѣтъ ни рѣзьбы, ни вычурныхъ украшеній, и только наверху сіяетъ золотой крестъ, рельефно выдѣляясь на фонѣ черносѣраго мрамора. Съ одной стороны его барельефъ, изображающій лавровый вѣнокъ, надѣтый на рукоять меча. Съ другой—простая, крупная надпись: «Генералъ-лейтенантъ князь Валеріанъ Григорьевичъ Мадатовъ. Родился 18-го мая 1782 года. Скончался подъ Шумлою, 4-го сентября 1829 г.». Съ третьей:—Княгиня Софья Александровна Мадатова, рожденная Саблукова.

Родилась 21-го ноября 1787 года; скончалась 4-го сентября 1875 года». Супруги, скончавшіеся въ одинъ и тотъ же день, 4-го сентября, погребены подъ однимъ камнемъ, навѣки скрывшимъ отъ глазъ людскихъ того, кто, усыновленный Россіей, отплатилъ ей всей горячей преданостью своего сердца, разстерзаннаго людской несправедливостью.

XV.

Планы вторженія въ Персію.



Въ тысяча восемьсотъ двадцать седьмомъ году, съ появленіемъ на поляхъ подножнаго корма, русскимъ войскамъ предстояло внести войну въ предѣлы Персіи. Во всю предшествовавшую зиму, послѣ изгнанія персіянъ изъ предѣловъ Россіи и замиренія ханствъ, вырабатывался планъ предстоявшей кампаніи и приготавливались къ ней средства. Такъ какъ медлительныя дѣйствія Ермолова не вполнѣ соотвѣтствовали видамъ императора, то первоначальный планъ былъ составленъ въ Петербургѣ и сообщенъ Ермолову для общихъ соображеній. Заключался онъ въ слѣдующихъ двухъ проектахъ:

По первому изъ нихъ, вслѣдъ за прибытіемъ въ Грузію 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизій, русскія войска, сосредоточенныя въ Карабагѣ, тотчасъ должны были перейти Араксъ и начать наступательныя дѣйствія черезъ Агаръ на Тавризъ, имѣя наблюдательные отряды къ сторонѣ Лори и Ардебиля. Этимъ маневромъ предполагалось отвлечь сюда вниманіе непріятеля отъ Эривани, куда между тѣмъ должны

были направиться главныя силы, подъ личнымъ предводительствомъ Ермолова. Вступивъ въ Эриванское ханство, онъ не долженъ былъ останавливаться для осады крѣпостей, а, оставивъ передъ ними только наблюдательные отряды, продолжать рѣшительное наступленіе къ Нахичевани, Маранду и Тавризу.

Сборнымъ пунктомъ для главныхъ силъ назначалась Лорійская степь. Въ составъ ихъ должны были войти:

Пѣхота: 20-я дивизія въ полномъ ея составѣ, Лейбъ-гвардіи сводный, Тифлисскій пѣхотный и 41-й егерскій полки— всѣ въ двухъ-батальонномъ составѣ, и кромѣ того, 8-й піонерный батальонъ. *Кавалерія:* 2-я уланская дивизія, въ четырехъ-эскадронномъ составѣ, и восемь казачьихъ полковъ, изъ которыхъ два Черноморскаго войска и шесть Донского. *Артиллерія:* двѣ конныя и три пѣшія роты.

Такимъ образомъ, въ главномъ отрядѣ должны были сосредоточиться 19 батальоновъ, 16 эскадроновъ, 8 казачьихъ полковъ и 84 орудія.

Въ Карабагскій отрядъ, имѣвшій второстепенное назначеніе, предназначались: три полка Кавказской гренадерской бригады, Ширванскій и Апшеронскій пѣхотные и 40-й егерскій, — всѣ также двухъ-батальоннаго состава. Кавалерія должна была состоять изъ Нижегородскаго драгунскаго и трехъ донскихъ казачьихъ полковъ: орудій назначалось 48.

Въ Кахетіи и на Алазанской линіи оставались бы тогда третьи батальоны отъ полковъ Грузинскаго и Ширванскаго, и два казачьи полка. Затѣмъ, третьи батальоны отъ полковъ: Карабинернаго, Херсонскаго, Тифлисскаго и 41 егерскаго, третьи дивизіоны отъ всѣхъ уланскихъ полковъ, два донскіе полка, сборный Линейный казачій полкъ и шесть полевыхъ орудій — должны были образовать главный резервъ, который оставался бы въ Грузіи, подъ начальствомъ генерала Вельяминова.

Что касается Дагестана, то государь полагалъ достаточнымъ оставить въ крѣпостяхъ Баку и Дербентѣ одни гарнизонные батальоны, а весь Куринскій пѣхотный полкъ, въ

трехъ-батальонномъ составѣ, и два донскіе казачьи полка при 10 орудіяхъ, подъ начальствомъ генерала Краббе, сосредоточить въ центральной позиціи между Кубой и Старой Шемахою, откуда онъ могъ бы дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, или въ Ширвани, или въ Дагестанѣ.

По второму проекту—главныя русскія силы должны были сосредоточиться въ Карабагѣ и, перейдя Араксъ черезъ Худоперинскій мостъ, двинуться прямо къ Тавризу. Предполагалось, что этимъ движеніемъ Эриванская и Нахичеванская области будутъ отрѣзаны отъ нѣдръ персидскаго государства, и всѣ продовольственныя средства, имѣющіяся въ нихъ, перейдутъ къ другому русскому отряду, который, наступая изъ Грузіи, предназначался собственно для овладѣнія Эриванскою крѣпостью. Въ этихъ видахъ, къ войскамъ, уже стоявшимъ въ Карабагѣ, должны были присоединиться изъ Грузіи остальныя части кавказской гренадерской бригады, и полки: Лейбъ-гвардіи сводный, Тифлисскій пѣхотный, 41-й егерскій, Чугуевскій, Бѣлогородскій и Борисоглѣбскій уланскіе, и два Черноморскіе казачьи. А для взятія Эривани оставалась бы вся 20-я пѣхотная дивизія (12 батальоновъ), Серпуховской уланскій полкъ и шесть казачьихъ. Артиллерія размѣщалась по этому проекту въ обоихъ отрядахъ поровну, по 60 орудій.

Въ Петербургѣ не только считались легко исполнимыми оба эти проекта, но полагалось вполнѣ возможнымъ, даже и безъ особыхъ усилій, достигнуть при ихъ посредствѣ важныхъ результатовъ.

«Выжидая прибытія подкрѣпленій,—писалъ государь къ Ермолову:—не слѣдуетъ упускать однакоже случая, если бы представилась возможность, и ранѣе овладѣть Эриванью, силою ли оружія, посредствомъ ли денегъ или тайныхъ сношеній съ эриванскимъ сардаремъ... Во всякомъ случаѣ, желательно не дать персіянамъ опомниться; стало, чѣмъ скорѣе мы появимся у нихъ, тѣмъ считаю лучше».

Ермоловъ, однако, не согласился ни съ однимъ изъ предложенныхъ ему проектовъ.

«Дѣйствовать по двумъ путямъ чрезвычайно выгодно,—

писалъ онъ: — но для этого нужно имѣть войскъ значительно болѣе, нежели назначено. Оба пути, по которымъ предполагаютъ дѣйствовать, не имѣютъ между собою никакихъ сообщеній, и потому каждый отрядъ долженъ быть настолько самостоятеленъ, чтобы могъ противостоять всѣмъ силамъ непріятеля. Здѣсь краткость и удобства сообщеній совершенно въ пользу непріятеля. Изъ Тавриза онъ можетъ, съ равнымъ удобствомъ для себя, броситься, какъ къ Эривани, такъ и въ Асландузу, сосредоточивая свои силы тамъ, гдѣ потребуютъ обстоятельства. Напротивъ, наши отряды, раздѣленные едва проходимыми горами, не могутъ помогать другъ другу и каждый долженъ разсчитывать только на собственныя средства».

Возможность дѣйствій главными силами со стороны Карабага Ермоловъ вовсе отвергалъ. Бѣдность страны, по которой войскамъ пришлось бы двигаться, требовала снаряженія значительныхъ транспортовъ, а это, въ свою очередь, повело бы къ раздробленію войскъ на этапы, такъ какъ транспорты тогда нуждались бы въ сильныхъ прикрытіяхъ, чтобы не подвергнуться опасности отъ шахсеванцевъ и другихъ кочевыхъ народовъ, богатыхъ конницею.

Дѣйствія въ этомъ направленіи на Тавризъ, по мнѣнію Ермолова, вовсе не отрѣзывали бы сообщеній Адербейджана съ Эриванскою провинціей, да и Адербейджанъ самъ по себѣ считается изобильнѣйшею провинціею Персіи, такъ что непріятелю и не встрѣтилось бы надобности получать продовольствіе изъ Эривани. Наконецъ, овладѣвъ Тавризомъ, отрядъ все-таки долженъ былъ бы вернуться назадъ, на помощь къ другому отряду, недостаточно сильному, чтобы овладѣть Эриванью. Ермоловъ не думалъ также, чтобы одно занятіе Тавриза могло понудить персіянъ на какія-либо уступки; напротивъ, упроченіе русскихъ завоеваній покореніемъ крѣпостей неминуемо должно было заставить ихъ поспѣшить заключеніемъ мира.

Такимъ образомъ, отдавая во всякомъ случаѣ преимущество первому проекту, Ермоловъ находилъ въ немъ ошибоч-

нымъ то, что въ составъ второстепеннаго Карабагскаго отряда назначены лучшія боевыя войска, которыя имѣютъ болѣе навыка и опыта.

Петербургскимъ проектамъ Ермоловъ противопоставилъ свой. По его мнѣнію, слѣдовало главныя дѣйствія направить на Эривань, но съ силами гораздо бо̀льшими, чѣмъ предполагалъ первый петербургскій проектъ, такъ, чтобы русскія войска могли оставлять на своемъ пути сильные посты для охраны своихъ сообщеній.

Корпусу этому предстояло бы тогда такое раздѣленіе: 5-го апрѣля авангардъ его долженъ былъ занять армянскій Эчміадзинскій монастырь и учредить тамъ главный этапный пунктъ до взятія Эривани. Войска же главнаго отряда, между 10 и 15 апрѣля, собрались бы въ Шулаверахъ и двумя колоннами направились на Эривань. Здѣсь одна часть войскъ должна была̀ остаться для блокированія крѣпости, а остальныя, не останавливаясь, быстро пройти дальше и занять Нахичевань. Отсюда Ермоловъ предполагалъ дѣйствовать уже сообразно съ обстоятельствами, такъ какъ въ теченіе іюня или около половины іюля образъ дѣйствій персіянъ долженъ былъ бы обнаружиться.

Особый отрядъ назначался занять Карабагъ. Но онъ долженъ былъ быть гораздо слабѣе предположеннаго въ Петербургѣ. «Достаточно, — писалъ Ермоловъ: — если онъ будетъ имѣть восемь батальоновъ и три казачьи полка, при 24-хъ орудіяхъ. Цѣль его — охранять наши предѣлы, прикрывать лѣвый флангъ главныхъ силъ, наступающихъ на Эривань, и, смотря по обстоятельствамъ, содѣйствовать имъ къ овладѣнію Нахичеванью».

Отрядъ этотъ къ 15-му апрѣля долженъ былъ сосредоточиться къ Ахъ-Углану и перейти самъ, или выдвинуть свой авангардъ на ту сторону Аракса, по направленію къ Агару, устроивъ складочный пунктъ на самой переправѣ, въ особомъ укрѣпленіи. Въ случаѣ особенно выгодныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, напр. внутреннихъ безпорядковъ въ

Персіи, измѣны пограничныхъ правителей и т. п., можно было рѣшить и дальнѣйшее наступленіе его на Тавризъ.

Планъ Ермолова основывался на томъ, что если непріятель всѣми силами пойдетъ въ Карабагъ (чего, впрочемъ, ожидать было нельзя, такъ какъ онъ скорѣе обратится къ защитѣ Эривани), — то Карабагскій отрядъ, немного слабѣйшій числомъ противъ разбившаго персіянъ подъ Елизаветполемъ, будетъ въ состояніи или остановить успѣхи непріятеля, или, отступая, держаться между Шушею и Елизаветполемъ, до тѣхъ поръ, пока главныя русскія силы не зайдутъ ему въ тылъ.

Въ томъ случаѣ, если бы Аббасъ-Мирза обратился на Эривань, навстрѣчу къ Ермолову,— то персіяне должны были бы отдѣлить для наблюденія за Карабагскимъ отрядомъ значительныя силы, чтобы не допустить его дѣйствовать въ тылу своей арміи. Если же непріятель не сдѣлалъ бы этого и Карабагу не угрожала бы никакая опасность, то Карабагскій отрядъ, оставивъ въ Шушѣ весь 42-й егерскій полкъ, долженъ былъ идти черезъ Герюсы и Кара-Бабу къ Нахичевани, въ тылъ персіянамъ.

Не согласился Ермоловъ и относительно количества войскъ, которое въ Петербургѣ предположили оставить внутри страны для удержанія порядка и спокойствія. Тамъ, напримѣръ, считали достаточнымъ для Дагестана только одного дербентскаго гарнизона. Но, по мнѣнію Ермолова, дербентскій гарнизонный батальонъ не былъ въ состояніи охранять ничего, кромѣ цитадели. На тишину же и спокойствіе жителей могъ оказать вліяніе только расположенный близъ города батальонъ Куринскаго полка, который не допускалъ табасаранцевъ и жителей горнаго Кайтага выходить изъ горъ въ сколько-нибудь значительныхъ силахъ.

«Снять отсюда батальонъ, — писалъ Ермоловъ: — значитъ отворить ворота въ Кубинскую провинцію». Въ Бурной менѣе батальона также имѣть было нельзя. Куба, въ свою очередь, не могла оставаться безъ войска, и менѣе батальона держать тамъ было невозможно. Крѣпость Баку

не имѣла на Дагестанъ ни малѣйшаго вліянія, но и ея гарнизонъ долженъ былъ быть усиленъ по крайней мѣрѣ двумя ротами при двухъ орудіяхъ, — «иначе можетъ явиться опять какой-нибудь ханъ, обложитъ крѣпость и будетъ препятствовать пользоваться намъ средствами земли». Такимъ образомъ, изъ всей дагестанской бригады оставались свободными только два съ половиною батальона, которые и могли расположиться у Старой Шемахи, какъ въ центральной позиціи между Ширванью, Баку и Дагестаномъ. Наконецъ, оставить алазанскій отрядъ совсѣмъ безъ артиллеріи, какъ это было предположено, Ермоловъ опять считалъ невозможнымъ уже по самому характеру, свойству и духу за-алазанскихъ лезгиновъ.

Былъ и еще одинъ пунктъ, съ которымъ Ермоловъ никакъ не могъ согласиться, — тотъ именно пунктъ, на которомъ особенно настаивалъ государь, требовавшій, чтобы дивизіи или, по крайней мѣрѣ, бригады дѣйствовали бы непремѣнно въ полномъ ихъ составѣ, отнюдь не раздробляясь по разнымъ отрядамъ; мѣра эта казалась ему необходимою особенно по отношенію къ войскамъ, прибывшимъ на Кавказъ изъ Россіи. Противъ этого мнѣнія Ермоловъ возражалъ, что неудобство сводныхъ командъ слишкомъ извѣстно, чтобы не стараться избѣгнуть ихъ, но что, за всѣмъ тѣмъ, въ Закавказьѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, невозможно миновать дробленія, и притомъ именно по отношенію ко вновь прибывшей 20 дивизіи, въ которой были люди, никогда не видавшіе непріятеля. «Сего, — говоритъ онъ: — одного достаточно, чтобы сдѣлать слабымъ тотъ отрядъ, главныя силы котораго составила бы эта дивизія».

На основаніи изложенныхъ соображеній, Ермоловъ составилъ слѣдующее распредѣленіе войскъ:

Главный корпусъ, дѣйствующій въ направленіи къ Эривани, должны были составлять: Лейбъ-гвардіи сводный полкъ, три полка Кавказской гренадерской бригады (Карабинерный, Грузинскій и Херсонскій), Ширванскій и Тифлисскій пѣхотные и 8-й піонерный батальонъ. Къ нимъ присоединялись еще

четыре полка 20-й дивизіи: Севастопольскій, Крымскій, и егерскіе: 39-й и 40-й.

Кавалерія — Нижегородскій драгунскій полкъ, 2-я уланская дивизія въ полномъ составѣ, 2 черноморскихъ и 6 донскихъ казачьихъ полковъ.

Артиллерія — 52 пѣшихъ и 24 конныхъ орудій.

Въ Карабагскій отрядъ назначались:

Два пѣхотные полка 20-й дивизіи (Козловскій и Нашебургскій), егерскіе полки: 41-й и 42-й, три донскихъ казачьихъ и 24 орудія.

Въ Дагестанъ предполагалось оставить:

Куринскій и Апшеронскій пѣхотные полки въ полномъ составѣ, донской казачій полкъ и 18 орудій.

Въ Кахетіи и въ главномъ резервѣ въ Грузіи, должны были остаться тѣ самыя войска, которыя предназначались петербургскимъ проектомъ; но число артиллеріи значительно увеличивалось: въ Кахетію назначалось 6, а въ резервъ 16 орудій.

Государь согласился съ планомъ Ермолова и утвердилъ его 27-го января, но съ тѣмъ, однако, чтобы военныя дѣйствія начались отнюдь не позже 1-го апрѣля, и чтобы конница Карабагскаго отряда была усилена двумя уланскими полками — Чугуевскимъ и Борисоглѣбскимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ государь повелѣлъ поручить: генералъ-адъютанту Паскевичу командованіе дѣйствующимъ корпусомъ, подъ главнымъ начальствомъ Ермолова, которому предписывалось руководствоваться положеніемъ о большой дѣйствующей арміи; генералъ-лейтенанту князю Мадатову — Карабагскій отрядъ; генералъ-адъютанту Бенкендорфу — авангардъ главнаго корпуса; генералъ-маіору Давыдову — дѣйствія съ отдѣльными отрядами, по личному усмотрѣнію главнокомандующаго.

Пріѣздъ на Кавказъ начальника Главнаго Штаба генералъ-адъютанта Дибича, внесъ новыя недоразумѣнія въ отношеніи плана войны. Между Ермоловымъ и Дибичемъ возникаетъ разногласіе относительно самаго хода кампаніи. Дибичъ считалъ возможнымъ не останавливаться въ Нахиче-

ванскомъ ханствѣ до разъясненій обстоятельствъ, а въ исходѣ же мая перейти Араксъ и быстро овладѣть Тавризомъ; если же и отложить занятіе этого послѣдняго до осени, то начать движеніе никакъ не позже 15 сентября и притомъ сразу двумя колоннами: главныя силы съ карабагскимъ отрядомъ должны были идти отъ Нахичевани, а дагестанская бригада, замѣненная въ мѣстахъ своего расположенія новыми войсками, съ Кавказской линіи, — черезъ Агаръ. Если бы, по овладѣніи Тавризомъ, непріятель не принялъ предложенныхъ ему условій, тогда Дибичъ предполагалъ склонить на подданство Россіи сосѣднихъ хановъ Хоя, Агара и Ардебиля, и вызвать народное возмущеніе противъ Каджаровъ въ самомъ Тавризѣ. Не удастся это — продолжать зимнюю кампанію, и кратчайшею дорогою, черезъ Султаніе, идти къ Тегерану.

Ермоловъ, напротивъ, считалъ рѣшительно необходимымъ остановиться въ Нахичевани и упрочить за собою Эриванское ханство, прежде чѣмъ идти къ Тавризу, опасаясь оставить въ тылу у себя непокоренную Эривань. Мнѣніе его имѣло сильное основаніе. Опасность заключалась не въ самой крѣпости, а въ томъ, что эриванскій сардарь, конечно, не сталъ бы сидѣть взаперти, вышелъ бы съ конницею въ поле и уничтожалъ бы наши транспорты и все, что двигалось за войсками; слѣдовательно, мало было оставить отрядъ подъ Эриванью, надо было еще отдѣлить значительныя силы, чтобы противодѣйствовать сардарю. «Не трудно будетъ прогонять его за Араксъ, — говоритъ Ермоловъ: — но столь же легко онъ опять будетъ возвращаться, и конницѣ его нельзя будетъ помѣшать дѣйствовать у насъ въ тылу».

По взятіи Тавриза, Ермоловъ предполагалъ расположить войска на зимнія квартиры и, въ случаѣ надобности, предпринять походъ къ Тегерану уже только весною 1828 года, и не изъ Тавриза, какъ думалъ Дибичъ, а со стороны Карабага, черезъ Ардебиль, такъ какъ ближайшій путь, на Султаніе, представлялъ тогда чрезвычайныя трудности, — лѣтомъ отъ сильнаго зноя, безводицы и безкормицы, а зимою отъ глубокихъ снѣговъ, заметающихъ всю эту равнину.

Дибичъ остался весьма недоволенъ возраженіями. «Дальнѣйшія дѣйствія по овладѣніи Тавризомъ разсчитаны Ермоловымъ такъ,—писалъ онъ къ государю 10 марта:—что едва ли можно надѣяться навѣрное кончить войну прежде 1829 года. Сіе послѣднее—прибавляетъ онъ:—служитъ мнѣ только къ вящшему удостовѣренію въ томъ мнѣніи объ осторожности и недостаточной предпріимчивости генерала Ермолова, о которыхъ я неоднократно уже доносилъ Вашему Величеству».

Возможно съ большою вѣроятностью предположить, что несогласія эти ускорили удаленіе съ Кавказа Ермолова. По крайней мѣрѣ, въ отвѣтъ на приведенное письмо, государь, 27 марта, отвѣчалъ Дибичу назначеніемъ Паскевича на мѣсто Ермолова. «Я со вниманіемъ прочелъ предположеніе о кампаніи,—писалъ онъ къ нему:—и рѣшеніе по этой части предоставляю Вамъ и Паскевичу. Что же касается до осенней кампаніи, если персіяне окажутся не сговорчивыми, то необходимо начать ее взятіемъ Тавриза; а оттуда можно дѣйствовать согласно предположеннаго плана». «Во всякомъ случаѣ,—прибавлялъ государь:—я воспрещаю по той сторонѣ Аракса принятіе всякаго заявленія подданства Россіи; мы можемъ признать независимость ханствъ, но не присоединеніе ихъ къ нашей имперіи; намъ достаточно Эривани съ компаніею. Удовольствуемся этимъ и не зайдемъ далеко въ нашихъ разсчетахъ».

Такъ планъ военныхъ дѣйствій былъ готовъ, всѣ опасности предусмотрѣны и указаны Ермоловымъ. Но исполненіе досталось уже на долю Паскевича.

XVI.

Смѣна Ермолова и первыя дѣйствія Паскевича.

29 марта 1827 года, Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ Петербургѣ, генералъ-адъютантъ Паскевичъ назначенъ на мѣсто Ермолова, командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, со всѣми правами, властью и преимуществами главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею. Но еще наканунѣ этого дня, воля монарха, извѣстная Дибичу, уже объявлена Ермолову.

Удаленіе Ермолова повлекло за собою немедленную смѣну всѣхъ, кто былъ близокъ къ нему или пользовался его расположеніемъ. Оба Вельяминовы отозваны были въ Россію, и мѣсто начальника штаба занялъ генералъ-лейтенантъ Красовскій, сдавшій командованіе 20-ю дивизіею генералъ-маіору

Панкратьеву; помощникомъ начальника штаба, еще при Ермоловѣ, назначенъ полковникъ Муравьевъ, котораго Дибичъ, какъ говорятъ, прочилъ собственно въ начальники штаба, отлагая это назначеніе лишь до окончанія весенней кампаніи, или до осени. Управленіе гражданскою частію и вмѣстѣ съ тѣмъ командованіе всѣми резервами, которые должны были остаться въ Грузіи, ввѣрено новому тифлисскому военному губернатору генералъ-адъютанту Сипягину, котораго со дня на день ожидали изъ Петербурга. 21-я пѣхотная дивизія поручена генералъ-лейтенанту князю Эристову, а войска въ Кахетіи и на Алазанской линіи, которыми онъ командовалъ, — полковнику князю Бековичу-Черкасскому, вызванному для этого съ Кубани. Давыдовъ остался при арміи безъ всякаго назначенія.

Мѣсто Мадатова, готовившагося начать военныя дѣйствія изъ Карабага, предложено было походному атаману Иловайскому, а когда Иловайскій рѣшительно отказался отъ этого назначенія, выразивъ желаніе сохранить команду только надъ одними своими казаками, — Карабагскій отрядъ принялъ генералъ Панкратьевъ; управленіе же ханствами возложено было особо на полковника князя Алхазова.

Для завѣдыванія инженерною частію въ дѣйствующемъ корпусѣ, на случай осады крѣпостей, Дибичъ просилъ о назначеніи генералъ-адъютанта графа Мишо-де-Баретура, извѣстнаго еще съ отечественной войны; но назначеніе это не состоялось, и государь прислалъ на Кавказъ начальника инженеровъ 2-й арміи, генералъ-лейтенанта Трузсона. Затѣмъ къ числу новыхъ начальствующихъ лицъ въ Кавказскомъ корпусѣ принадлежали и два генералъ-адъютанта: Константинъ Бенкендорфъ и графъ Сухтеленъ, — оба назначенные сюда для участвованія въ персидской войнѣ, оба извѣстные своимъ образованіемъ, военными заслугами и пользовавшіеся особеннымъ довѣріемъ государя. Бенкендорфъ прибылъ еще при Ермоловѣ, Сухтеленъ ожидался только въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Войска, которыя, конечно, не могли не пожалѣть ста-

рыхъ, любимыхъ начальниковъ, свыкшихся съ ними въ длинномъ рядѣ походовъ и битвъ, были воспитаны, однако, въ томъ духѣ преданности отечеству, который исключаетъ малѣйшій ропотъ, и начальникъ уже сформированнаго тогда авангарда, генералъ Бенкендорфъ, доносилъ Дибичу, что при объявленіи о перемѣнѣ главнаго начальника, отрядъ его «не изъявилъ ни малѣйшаго признака неудовольствія, но показалъ совершенную покорность и ревность въ исполненіи воинскихъ обязанностей своихъ». «Я увѣренъ, по всему мною видѣнному, писалъ съ своей стороны и Дибичъ государю: — что войска здѣшнія въ такомъ устройствѣ относительно вѣрноподданнической ихъ преданности престолу, что никакая подобная перемѣна не можетъ имѣть вліянія на ихъ покорность и усердіе къ службѣ».

Нужно думать, что въ Персіи, напротивъ, не безъ удовольствія смотрѣли на перемѣны въ высшемъ управленіи Кавказскимъ краемъ. По крайней мѣрѣ переговоры о мирѣ, затѣваемые персидскимъ правительствомъ, носили характеръ весьма неуступчивый. Еще при Ермоловѣ, въ февралѣ мѣсяцѣ, когда Дибичъ только что появился на Кавказѣ, въ Тифлисъ пріѣзжалъ персидскій посолъ съ письмомъ отъ тамошняго министерства къ графу Нессельроде. Тогда посолъ этотъ, при свиданіи съ Дибичемъ, который считалъ неудобнымъ отказать ему въ пріемѣ, старался оправдать дѣйствія персіянъ поведеніемъ русскихъ пограничныхъ начальниковъ. На категорическое заявленіе ему, что переговоры не могутъ начаться до тѣхъ поръ, пока персіяне совершенно не признаютъ свою вину въ вѣроломномъ нарушеніи мира, что, во всякомъ случаѣ, переговоры не остановятъ съ нашей стороны хода военныхъ дѣйствій, что, къ тому же, перемирія Дибичъ заключить не въ правѣ, за исключеніемъ развѣ того случая, когда персіяне въ залогъ искренняго желанія мира дали бы тѣ крѣпости и то пространство земли, которое онъ, Дибичъ, почтетъ нужнымъ отъ нихъ потребовать, — посолъ уклончиво сказалъ, что онъ не имѣетъ на то полномочія, быть можетъ разсчитывая, что

продолжающаяся зима пока не дозволитъ русскимъ напасть на персидскія земли. Теперь, въ апрѣлѣ, персидское министерство снова вошло въ переписку съ графомъ Нессельроде, но поставило вопросъ болѣе открыто, соглашаясь уступить Россіи тѣ земли, которыя и безъ того уже, по Гюлистанскому трактату, остались русскими владѣніями. Переговоры на этихъ условіяхъ были не возможны; Персіи предложили—Араксъ границей и 40 милліоновъ контрибуціи, которая должна была сдѣлать персидское правительство болѣе осмотрительнымъ на будущее время. Государь тогда же обратилъ вниманіе Паскевича на то, чтобы не допускать къ переговорамъ англійскую миссію и отклонять ея посредничество. Это была программа, которой Паскевичъ и долженъ былъ держаться неуклонно. Продолженіе войны становилось неизбѣжнымъ.

Паскевичъ и Дибичъ находили, впрочемъ, что военныя дѣйствія противъ персіянъ и не представятъ особенныхъ трудностей. Внося измѣненія въ планъ, составленный Ермоловымъ, Дибичъ писалъ государю: «Надѣюсь, что возможно будетъ занять еще въ мартѣ мѣсяцѣ окрестность Эривани достаточнымъ авангардомъ, и тѣмъ спасти тамошнихъ армянъ и средства къ продовольствію; что въ первыхъ числахъ апрѣля могутъ начаться дѣйствія и главныхъ силъ на поддержаніе авангарда и для совершеннаго занятія ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, а если въ оныхъ найдется нѣсколько способовъ, то полагаю возможнымъ еще до знойнаго времени овладѣть Марандомъ, гдѣ, равно какъ въ Хоѣ, находится много армянъ, — а можетъ быть и Тавризомъ». Такъ казалось ему легко и просто проникнуть во внутреннія владѣнія Персіи.

Дѣйствительность, однако, не замедлила опровергнуть разсчеты, не основанные на близкомъ знакомствѣ съ мѣстными условіями края, и показать, насколько основательны были осторожныя соображенія Ермолова.

Кампанія началась съ того, что русскій авангардъ, подъ начальствомъ генерала Бенкендорфа, дѣйствительно, въ пер-

выхъ числахъ апрѣля, несмотря на бездорожье, выступилъ изъ Шулаверъ и съ необычайными трудностями перешелъ Эриванскую границу. Въ половинѣ мѣсяца онъ былъ уже въ Эчміадзинѣ. Паскевичъ твердо надѣялся, что населяющіе Эриванскую область армяне, къ которымъ русское правительство обратилось съ манифестомъ, не только будутъ снабжать авангардныя войска обильнымъ провіантомъ, какъ то они обѣщали, тѣмъ болѣе, что при авангардѣ находился армянскій архіепископъ Нерсесъ, имѣвшій огромное вліяніе на всѣхъ приверженцевъ армянской церкви, но и дадутъ возможность собрать въ монастырѣ большіе запасы для главныхъ силъ, вступающихъ въ Эриванское ханство.

«Армянскій архіепископъ Нерсесъ,—писалъ къ государю Дибичъ: — принялъ высочайшій рескриптъ съ глубочайшею благодарностію; рескриптъ будетъ читанъ въ церквахъ и публикованъ на армянскомъ языкѣ; онъ ручается за вѣрность и усердіе армянскаго народа и надѣется при благопріятномъ вторженіи въ Эриванское ханство найти у тамошнихъ армянъ еще довольно запасовъ, въ чемъ и я увѣренъ». Вслѣдъ за авангардомъ готовился выступить со всѣми войсками и самъ Паскевичъ; походъ назначенъ былъ именно на 24 апрѣля съ тѣмъ, чтобы въ началѣ мая быть уже около стѣнъ Эривани.

Но всѣ эти предположенія оказались неисполнимыми, и Паскевичу пришлось пробыть въ Грузіи до половины мая. Безъ сорокадневнаго продовольствія двинуться въ непріятельскія земли было нельзя, а транспорты оказались не готовыми. Навигація по Каспійскому морю еще не открылась и транспортировка запасовъ изъ Баку черезъ Зардобъ и Карабагъ не могла быть организована, а въ Грузіи много запасовъ достать было невозможно. Между тѣмъ, отъ Бенкендорфа шли нехорошія вѣсти: его отрядъ голодалъ и разсчитывалъ на подвозъ продовольствія изъ Грузіи; эриванскіе армяне, естественно желавшіе прибытія русскихъ, которые защитили бы ихъ отъ неистовства персіянъ, будучи истощены пребываніемъ у нихъ въ прошломъ году персидскихъ

войскъ, не могли вынести и сотой доли того, на что разсчитывалъ Паскевичъ. Приходилось заботиться о доставкѣ запасовъ и въ Эчміадзинъ.

Перевозочныхъ средствъ, между тѣмъ, въ распоряженіи Паскевича также не оказалось. Съ большимъ трудомъ удалось собрать въ цѣлой Грузіи только до 800 арбъ и отправить ихъ съ продовольствіемъ впередъ, въ Амамлы. Но за этимъ распоряженіемъ движеніе войскъ должно было остановиться: дороги были адскія, и двигавшіеся по нимъ обозы прекращали всякое другое движеніе. «По горѣ Акзабіюкъ, — доносилъ офицеръ, посланный для сопровожденія транспортовъ:—тянутся всѣ 800 арбъ и вся дорога между Шулаверами и Джалалъ-Оглы загорожена обозами; отъ безпрерывныхъ дождей пути такъ испортились, что головныя арбы, вышедшія изъ Шулаверъ 24 апрѣля, прибыли въ Джалалъ-Оглы 4 мая, т. е. въ десять дней сдѣлали только 56 верстъ»...

Въ разбивку двигавшіеся обозы легко могли подвергнуться опасности отъ непріятеля, тѣмъ болѣе, что о врагахъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣлось. Отъ Бенкендорфа знали только, что эриванскій гарнизонъ предоставленъ собственнымъ силамъ, и что Гассанъ-Ханъ съ своею конницею оберегаетъ Нахичеванскую дорогу. Но гдѣ именно стоитъ эта конница — не было извѣстно, и это обстоятельство заставляло подумать о мѣрахъ предосторожности. Слѣдовало опасаться, что смѣлый Гассанъ-Ханъ, сдѣлавъ большой переходъ, вдругъ появится въ тылу Бенкендорфа, въ Бомбакской долинѣ, и примется за истребленіе русскихъ транспортовъ. И вотъ, чтобы обезопасить слѣдованіе этихъ послѣднихъ, бригада 20-й дивизіи, переброшенная за Безобдалъ, заняла Амамлы, и съ этихъ поръ только тѣмъ и занималась, что сопровождала обозы, двигавшіеся взадъ и впередъ между Джалалъ-Оглы и Эчміадзиномъ.

Объ Аббасъ-Мирзѣ слухи были различные: одни утверждали, что онъ собрался было идти за Араксъ и остановился лишь вслѣдствіе повелѣній шаха, который, по совѣту англичанъ, рѣшилъ собрать всѣ оборонительныя средства для

защиты Тавриза; другіе увѣряли, что въ случаѣ движенія русскихъ за Араксъ, шахъ, по просьбѣ своихъ сыновей, рѣшился дать генеральное сраженіе на пути къ Тавризу, и обѣщалъ побѣдителя объявить наслѣдникомъ престола; наконецъ, третьи сообщали Паскевичу, что оба эти слуха не имѣютъ никакихъ основаній, что планъ войны персіянами еще не рѣшенъ, и что Аббасъ-Мирза только что начинаетъ собирать войска въ окрестностяхъ Хоя. Неопредѣленность и неизвѣстность эта ставили Паскевича въ весьма затруднительное положеніе.

Есть данныя предполагать, что и внутреннія дѣла Закавказскаго края тревожили его. По крайней мѣрѣ онъ обращалъ вниманіе князя Абхазова на то, что «отношенія наши къ карабагцамъ по прошлогодней ихъ измѣнѣ сдѣлались довольно щекотливы, и подъ предлогомъ дѣйствовать въ нашу пользу, они могутъ сообщать вредныя для насъ свѣдѣнія непріятелю». И онъ предписывалъ ему имѣть за населеніемъ строжайшій надзоръ.

Не мало стоили заботъ Паскевичу и тайныя сношенія его съ тѣми тавризскими жителями, которые были недовольны тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Адербейджанѣ и только ждали случая возстать противъ Каджарскаго дома. Чтобы волновать ихъ умы, и въ случаѣ надобности вызвать смятеніе въ самомъ Тавризѣ, наполнённомъ скрытыми врагами Аббаса-Мирзы, туда отправленъ былъ тифлисскій житель, Якубъ Аншиновъ, имѣвшій доступъ ко многимъ правительственнымъ лицамъ, а между тѣмъ распространили слухъ, что онъ бѣжалъ къ персіянамъ. Посланы были изъ Карабага и другіе люди съ тою же цѣлью. Но Паскевичъ видимо недовѣрялъ ни одному изъ нихъ. «Препятствуйте, — писалъ онъ къ князю Абхазову:—всякому сообществу и знакомству этихъ людей съ Аншиновымъ. Кругъ ихъ дѣятельности одинъ отъ другого пускай будетъ, сколько возможно, особый, ибо предатели, чѣмъ менѣе въ соединеніи, тѣмъ безопаснѣе»... Событія какъ бы подтверждали его сомнѣнія, и населеніе Тавриза пока оставалось спокойнымъ.

Среди этихъ заботъ, непредвиденныхъ препятствій и неопредѣленныхъ угрожающихъ слуховъ, Паскевичу удалось выѣхать изъ Тифлиса лишь 12 мая, а Эривани достигнуть только въ половинѣ іюня, когда давно миновалъ уже срокъ, опредѣленный предусмотрительностью Дибича для возможности овладѣть даже самымъ Тавризомъ, какъ сказано выше.

Этотъ суровый урокъ, продолжавшійся и позже, и оправдавшій всѣ колебанія Ермолова, былъ необходимъ Паскевичу, чтобы вывести его на путь болѣе разсчитанныхъ и сообразныхъ съ характеромъ мѣстности дѣйствій, тотъ путь, который единственно могъ повести его къ блистательному окончанію войны.

XVII.

Занятіе Эчміадзина.

Раннею весною 1827 года, карабагскій отрядъ не открывалъ еще своихъ дѣйствій, авангардъ дѣйствующаго корпуса, въ составѣ двухъ батальоновъ Грузинскаго полка, двухъ батальоновъ Ширванскаго и батальона карабинеровъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, 30 марта, стоялъ уже въ совершенной готовности къ выступленію, за рѣчкою Храмомъ, въ д. Шулаверахъ, на пути къ Безобдалу. Предполагалось скорое выступленіе его въ Эриванское ханство. Главная цѣль этого движенія была опредѣлена еще инструкціею Ермолова и заключалась въ защитѣ жителей отъ персіянъ, и особенно въ сборѣ продовольственныхъ средствъ въ пространствѣ между рѣками Абаранью, Гарничаемъ и Араксомъ. Авангардъ долженъ былъ занять какъ можно ранѣе Эчміадзинскій монастырь, основать тамъ укрѣпленный складочный пунктъ, а затѣмъ уже дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, къ сторонѣ Эривани или Сардарь-Абада.

2-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, Бенкендорфъ повелъ авангардъ черезъ Акзабіюкскія горы. Бездорожица стояла полная. На первыхъ же семи верстахъ обозъ застрялъ въ невылазной грязи, и батальоны, закинувъ за спину ружья, должны были тащить его на рукахъ. Цѣлый день пробились войска съ обозомъ, такъ какъ дорога, никогда не разработывавшаяся, теперь, при весенней распутицѣ, была рѣшительно непроходимою. Только къ вечеру отрядъ перевалилъ, наконецъ, черезъ горы и сталъ по ту сторону ихъ, у Самисскаго поста. Обозы ночевали въ горахъ и прибыли уже на слѣдующій день послѣ полудня.

Въ Джалалъ-Оглы присоединились къ авангарду еще батальонъ тифлисцевъ, два казачьихъ полка и 12 орудій 3-й легкой роты Кавказской гренадерской артиллерійской бригады. Туда же, 5 апрѣля, прибылъ генералъ-адъютантъ Дибичъ и сдѣлалъ войскамъ смотръ, пропустивъ ихъ мимо себя походнымъ порядкомъ.

Пѣхота и кавалерія съ ихъ обозами прошли спокойно; но съ артиллеріей вышла цѣлая исторія. Новицкій, тогда молодой артиллерійскій офицеръ, впослѣдствіи одинъ изъ видныхъ дѣятелей Кавказа, — разсказываетъ, что ремонтныя лошади, только что приведенныя со степей, въ первый разъ увидѣли орудія и упряжь, и каждаго степного аргамака приходилось подводить къ запряжкѣ нѣсколькимъ людямъ. Лошади тряслись, били, но кое-какъ къ пріѣзду Дибича были запряжены, и орудія одно за другимъ вошли въ линію. Когда пріѣхалъ Дибичъ и прошла мимо него пѣхота, — очередь дошла до батареи, которою командовалъ подполковникъ Аристовъ. Но едва раздалась команда: «шагомъ» — какъ первый взводъ понесся въ карьеръ, орудія и ящики разсѣялись въ разныя стороны, врѣзывались въ пѣхоту и опрокидывались. Пѣхотѣ приказано было остановиться, составить ружья, поднимать пушки, ловить передки. Прочіе артиллерійскіе взводы были задержаны на все время, пока первый приводили въ порядокъ; они этимъ воспользовались, взяли лошадей подъ уздцы и сдѣлали небольшое ученье. Почва была растворена,

колеса глубоко врѣзывались въ землю,—лошади утомились и пошли спокойнѣе.

— «Вотъ вамъ и чудесныя войска Алексѣя Петровича, всѣми расхвалимыя,—замѣтилъ Дибичъ Бенкендорфу: — Какого успѣха можно ожидать отъ подобной артиллеріи!»

Но артиллерія эта впослѣдствіи, однако, постояла за себя, и командиръ именно этой бригады, полковникъ Долгово-Сабуровъ, заслужилъ въ Персіи георгіевскій крестъ. Самъ Паскевичъ писалъ по взятіи Эривани къ великому князю Михаилу Павловичу, что «ему, какъ генералъ-фельдцейхмейстеру, конечно, пріятно будетъ услышать о подвигахъ артиллерійскихъ офицеровъ, которые покрыли себя славою въ нынѣшней кампаніи уже при трехъ осадахъ».

Прямо со смотра войска двинулись въ походъ, и начался трудный перевалъ черезъ высокій снѣжный хребетъ Безобдала. Утро было прелестное. Мы любовались—говоритъ одинъ изъ участниковъ похода: — на снѣжные утесы Безобдала, поднимающіе свои сѣдыя головы къ небу изъ чернаго плаща окутывающихъ ихъ лѣсовъ. Горы еще были покрыты снѣгомъ и на бѣлой пеленѣ ихъ красивыми свѣтовыми переливами ярко горѣли и играли лучи восходящаго солнца. Самая вершина Безобдала скрыта была въ облакахъ, которыя, клубясь по всему гребню, уподобляли его огромному жертвеннику въ храмѣ вселенной. Безмолвная и пустынная долина серебряною скатертью разстилалась у предверія этого храма, гдѣ человѣкъ является такою ничтожною точкою.

Солдатамъ пришлось здѣсь преодолѣть неимовѣрныя трудности. Съ первыхъ же шаговъ на крутой Безобдалъ («бѣсъ его далъ»—толковали между собою солдаты),—обозы и орудія остановились. Пришлось выпрячь лошадей и тащить тяжелыя телѣги и пушки на людяхъ. Чѣмъ выше поднимались войска, тѣмъ болѣе встрѣчали снѣгу и тумановъ и, наконецъ, вошли въ облака, гдѣ дорога идетъ надъ самымъ обрывомъ лѣсистой пропасти, казавшейся, бездонною. Къ тому же, погода съ полудня, когда отрядъ еще не поднялся до половины горы, стала портиться, а къ вечеру поднялась

вьюга; вѣтеръ, дувшій до сихъ поръ на встрѣчу, перешелъ въ настоящій вихрь, повалилъ густыми хлопьями мокрый снѣгъ, перемежающійся съ дождемъ, дрогнуло, загудѣло и застонало ущелье. Дорога окончательно пропала. Ночь захватила батальоны въ горахъ, и они вынуждены были, среди суровой погоды, остановиться подъ открытымъ небомъ.

Нужно было удивляться терпѣнію и мужеству, съ которыми кавказскіе солдаты переносили трудный переходъ и эту адскую ночь; въ рядахъ ихъ только и слышались походныя пѣсни да веселыя шутки старыхъ солдатъ надъ молодыми, ежившимися отъ холода. И Бенкендорфъ восторженно говоритъ объ этомъ въ своемъ донесеніи: «Довольно было одного слова, одного взгляда, чтобы цѣлыя роты бросались въ воду и въ грязь и на плечахъ вытаскивали обозы». Николай Павловичъ своимъ царскимъ словомъ почтилъ эту невидную, но исполненную трудностей службу кавказскаго солдата: офицерамъ, участвовавшимъ въ походѣ, объявлено высочайшее благоволеніе, нижнимъ чинамъ—по рублю, по фунту мяса и по чаркѣ водки на человѣка.

7-го апрѣля войска спустились, наконецъ, въ Бомбакскую долину. Непріятеля нигдѣ не было видно, а потому, чтобы стянуть обозы и дать солдатамъ хоть немного оправиться, Бенкендорфъ сдѣлалъ дневку, разсчитывая наверстать потерянное время на слѣдующій день усиленнымъ переходомъ. Для наблюденія за дорогой со стороны Амамловъ былъ выдвинутъ авангардъ изъ одной роты пѣхоты, сотни казаковъ и двухъ орудій, подъ командою князя Северсамидзе.

Кругомъ, однакоже, все было тихо, и отрядъ, 9-го числа, уже съ меньшими трудностями перевалившись черезъ отлогій Бомбакскій хребетъ, вступилъ въ непріятельскую землю.

Внезапное вторженіе русскихъ и быстрое движеніе ихъ къ Эчміадзину въ такое время года, когда персіяне считали горные хребты рѣшительно недоступными не только для артиллеріи, но даже для легкихъ партій, произвели въ татарскомъ населеніи всеобщую панику. Ликовало только то ничтожное число армянъ, которыхъ персіяне не успѣли

угнать за Араксъ и которые теперь, въ этомъ смѣломъ движеніи русскихъ, видѣли залогъ близкаго паденія персидскаго владычества, столько вѣковъ тяготѣвшаго надъ несчастною страною.

Эчміадзинъ, резиденція армянскаго патріархата, принадлежитъ къ древнѣйшимъ монастырямъ христіанства. Ему насчитываютъ болѣе чѣмъ полторы тысячи лѣтъ, и имъ справедливо гордится армянскій народъ, давно уже утратившій свою самостоятельность и подпадавшій подъ власть по очереди всѣхъ пронесшихся надъ Азіею завоевателей; но ревниво сохранилъ онъ вѣру отцовъ своихъ. Церковь получила, такимъ образомъ, великое значеніе въ судьбахъ армянскаго народа, проникнувъ собою всѣ проявленія его жизни; въ ея самостоятельности и силѣ лежали всѣ надежды армянъ на лучшее будущее. Съ теченіемъ вѣковъ, когда она, среди бѣдствій войнъ и разрушенія, служила единственнымъ прибѣжищемъ, она стала крѣпкою духовною связью, сплотившею въ одно неразрушимое цѣлое весь армянскій народъ, разсѣявшійся по лицу земли, и голосъ главы ея съ одинаковою силою звучалъ для дѣтей древняго народа въ далекой Индіи, какъ и подъ самыми стѣнами Эчміадзина. Въ деспотической странѣ, гдѣ всякая власть и всякое вліяніе такъ непрочны, мимолетны, власть независимаго армянскаго патріарха возвышалась незыблемымъ колоссомъ, котораго уже не могли свернуть никакія политическія бури. Власть католикоса стояла выше и прочнѣе всякой свѣтской власти. Въ то время какъ послѣднюю оспаривали между собою различные претенденты, въ то время какъ она переходила изъ рукъ Артакуни къ Сассанидамъ, отъ Сассанидовъ къ византійцамъ, въ то время какъ нахарары отступничествомъ или насиліемъ старались вырвать ее другъ у друга, власть церковная покоилась на незыблемомъ основаніи. Обладаніе Эчміадзиномъ, этимъ жизненнымъ пульсомъ Арменіи, отдавало, слѣдовательно, въ руки русскихъ ту силу, которою можно было управлять народною массой армянъ и подготовить въ ней надежнаго и вѣрнаго союзника. Необходимъ былъ только человѣкъ, который жи-

вымъ, пламеннымъ словомъ могъ бы расшевелить дремавшія, подъ гнетомъ вѣкового ига, народныя силы. Такимъ человѣкомъ въ описываемую эпоху былъ, имѣвшій неотразимое вліяніе на умы современниковъ, армянскій архіепископъ Нерсесъ, впослѣдствіи верховный патріархъ и католикосъ Арменіи.

Личность Нерсеса весьма замѣчательна. Во время персидской войны ему насчитывали уже 66 лѣтъ; но годы не охладили энергіи и бодрости святителя, готоваго пожертвовать всѣмъ, чтобы только увидѣть освобожденіе отечества. Паскевичъ просилъ его сопровождать отрядъ до самаго Эчміадзина, съ которымъ соединялись у него всѣ свѣтлыя воспоминанія его долгой жизни, въ которомъ онъ получилъ свое образованіе, постригся въ иноки, и изъ простого монаха, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, возвысился до сана архіепископа. Онъ управлялъ Эчміадзиномъ въ трудное время циціановскихъ войнъ и съумѣлъ тогда пріобрѣсти неограниченное довѣріе народа, заставивъ самихъ мусульманъ охранять монастырь отъ покушеній на него своихъ единовѣрцевъ.

Присутствіе при русскихъ войскахъ Нерсеса одушевляло армянскій народъ, доводило въ немъ чувство патріотизма до подвиговъ героизма и самопожертвованія, которымъ удивлялся самъ непріятель. Лѣтописи тѣхъ временъ занесли на свои страницы, напримѣръ, слѣдующій случай.

Приближаясь къ Эчміадзину, всѣ думали, что персіяне будутъ защищать монастырь, какъ защищали его во время Циціанова. Но обстоятельства на этотъ разъ слагались иначе. Носились слухи, что монастырь разграбленъ, но что небольшой гарнизонъ, въ 300—400 человѣкъ, занимавшій его, получивъ извѣстіе о приближеніи русскихъ, отступилъ на Абаранскую равнину, гдѣ собрана вся персидская конница, предававшая уничтоженію продовольственныя средства и перегонявшая армянъ на правый берегъ Аракса.

Нужно было провѣрить эти извѣстія, и Нерсесъ отправилъ съ похода одного армянина, по имени Оганеса Асланъ-

янца въ Эчміадзинъ, съ словеснымъ порученіемъ къ тамошнимъ монахамъ. Но Оганесъ попался въ руки персидскаго разъѣзда и былъ подвергнутъ допросу.

— «Куда ты ѣхалъ? спросилъ начальникъ отряда.

— Въ Эчміадзинъ, ага, съ порученіемъ отъ нашего архіепископа.

— «Въ чемъ же заключается твое порученіе?»

— Я армянинъ, ага, и потому не имѣю права открыть тебѣ то, что мнѣ поручено подъ величайшимъ секретомъ.

— «Хорошо,—сказалъ ханъ.—Но что побудило тебя измѣнить своему государю и передаться русскимъ?»

— Вѣра и святой Эчміадзинъ, который соединяетъ оба народа,—твердо отвѣчалъ Оганесъ.

Ханъ хлопнулъ въ ладоши. Вошли нѣсколько татаръ и, по знаку своего повелителя, повалили армянина на землю. Судъ персидскій коротокъ: явился палачъ, и несчастному юношѣ отрѣзали носъ и вырвали глазъ.

— «Такъ наказываются измѣнники»,—сказалъ ханъ.

И онъ снова потребовалъ, чтобы Оганесъ открылъ ему свое порученіе.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ армянинъ.—Я обязанъ открыть его только Эчміадзину.

— «Такъ ты не сдѣлаешь этого, дерзкій гяуръ!» —вскричалъ разъяренный ханъ, и приказалъ вырвать у несчастнаго языкъ.

Измученнаго пыткой, армянина бросили въ полѣ безъ всякаго призрѣнія. Когда онъ опомнился, персіянъ уже не было. Облитый кровью Оганесъ кое-какъ ползкомъ добрался до Эчміадзина. Лишившись языка, онъ, однако, не потерялъ способности говорить, хотя говорилъ медленно и не совсѣмъ внятно, и могъ все-таки выполнить порученіе. Весь русскій отрядъ принялъ живое участіе въ судьбѣ Асланьянца. Бенкендорфъ исходатайствовалъ ему золотую медаль и сто рублей пожизненной пенсіи.

13-го апрѣля, въ прекрасный солнечный день, русскій отрядъ поднялся на послѣдній горный отрогъ передъ Эчміад-

зиномъ и всталъ. Отсюда передъ нимъ развертывалась величавая картина. Среди пустынной непріятельской страны внезапно воздвиглись передъ глазами солдатъ высокіе куполы христіанскихъ церквей, величественно возносившіе свои золоченые кресты въ вышину лазурнаго неба, и вмѣстѣ съ этимъ небомъ отражались они въ свѣтлыхъ струяхъ потока. Это и былъ древній первопрестольный армянскій монастырь. Вблизи наружность его, однакоже, не поражала ни богатствомъ, ни красотой. Массивныя, прочныя зданія носили яркій отпечатокъ прожитыхъ ими вѣковъ и смотрѣли угрюмо и мрачно; въ сравненіи съ русскими монастырями и лаврами, Эчміадзинъ являлся бѣднымъ, хотя и величественнымъ памятникомъ первыхъ временъ христіанства. Это былъ убогій схимникъ передъ митрополитомъ въ облаченіи.

За то природа и окрестности монастыря были прекрасны въ полномъ значеніи этого слова. Серебрянымъ вѣнцомъ горѣли и сверкали на сѣверѣ вѣковѣчные снѣга Алагеза; на востокѣ въ смутныхъ очертаніяхъ виднѣлась знаменитая крѣпость, прославленная русскимъ оружіемъ, а тамъ, вдали, выдѣляясь на знойной синевѣ горизонта, вставали на югѣ сѣдыя вершины библейскаго Арарата. Эти мѣста были для русскихъ полны воспоминаній исторической славы. Здѣсь подвизался пылкій Циціановъ; здѣсь въ грозномъ бою, на стѣнахъ неприступной крѣпости, полегла костьми храбрая дружина Гудовича; здѣсь праздновали свои набѣги Несвѣтаевъ, Портнягинъ, Симановичъ; здѣсь, на этихъ самыхъ поляхъ, гремѣло русское «ура», и казалось, тѣни погибшихъ на нихъ предковъ витали надъ головами новыхъ завоевателей, въ прозрачной синевѣ безоблачнаго неба.

Благоговѣйная тишина, невольно водворившаяся въ рядахъ войска, перерывалась только тихимъ шепотомъ солдатской молитвы. Но вотъ, въ соборномъ храмѣ Эчміадзина ударилъ колоколъ, и мѣрно потекли его могучіе звуки. Въ торжественномъ облаченіи вышло изъ воротъ немногочисленное духовенство монастыря навстрѣчу своему архипастырю и русскому отряду, съ привѣтственными кликами: «Да здрав-

ствуетъ Николай! Да здравствуетъ повелитель и государь Арменіи!» Бенкендорфъ сошелъ съ лошади и, при пѣніи священныхъ гимновъ, принялъ благословеніе пришедшихъ иноковъ и приложился къ чудотворной иконѣ Спасителя.

«Возсіялъ день избавленія, — сказалъ маститый архипастырь Нерсесъ, обращаясь къ эчміадзинскому монашеству: — и вѣковая слава Арменіи вновь оживаетъ на землѣ подъ сѣнію креста, съ которымъ идутъ къ намъ русскіе братья. Въ призывномъ голосѣ вождя ихъ, мы видимъ указаніе Бога, располагающаго судьбами царствъ и народовъ. Внимайте этому голосу, — и днесь, аще услышите его, не ожесточите сердецъ вашихъ!»

Онъ облачился въ святительскія ризы и на колѣняхъ горячо и пламенно молился о спасеніи родины, о ниспосланіи ей долгихъ и счастливыхъ дней подъ мощнымъ покровомъ Россіи, — молился о томъ, чтобы армянскій народъ «оказался достойнымъ своего бытія и воскрешенія изъ мертвыхъ».... На чуждомъ и непонятномъ для русскаго войска языкѣ совершалась божественная служба, но всѣ молились усердно, какъ можетъ молиться только человѣкъ вдали отъ родины.

«Молитва — говоритъ одинъ замѣчательный военный писатель: — подъ небеснымъ сводомъ, въ живомъ храмѣ божьяго міра и его красотъ, съ челомъ, освѣщеннымъ лучами солнца, — сколько въ ней торжественной силы и наитія, волнующаго душу! Она свята и торжественна. Она звучитъ во всеуслышаніе стихіямъ. Ей вторитъ плескъ волны, шумъ вѣтра, голосъ птицы, витающей въ поднебесьи. Безконечная синяя даль кругомъ расширяетъ смыслъ словъ ея въ самую вѣчность. Это она, солдатская молитва, которая до Бога доходитъ и за Богомъ не пропадаетъ».

По окончаніи молебствія войска прошли церемоніальнымъ маршемъ и въ часъ пополудни, 13-го апрѣля, заняли эчміадзинскій монастырь. Съ противоположнаго берега Абарани слѣдилъ за этимъ торжественнымъ вступленіемъ русскихъ въ центръ религіозной жизни армянскаго народа сильный конный

отрядъ, еще наканунѣ наблюдавшій за движеніемъ русскихъ войскъ. Во главѣ его стоялъ Измаилъ-Ага, одинъ изъ старѣйшихъ куртинцевъ.

Монастырь представлялъ теперь видъ пустынный. Ворота его были завалены камнями, и изъ всего эчміадзинскаго монашества осталось только 22 инока, — остальные всѣ увезены были въ Эривань; какъ ни торопился отрядъ Бенкендорфа, онъ все-таки опоздалъ: большинство населенія было переселено за Араксъ. Въ опустѣвшемъ краѣ нечѣмъ было довольствовать войска, надежды на богатые запасы Эчміадзина также исчезли. Съ другой стороны, на скорое прибытіе транспортовъ изъ Грузіи не было никакой надежды. Отрядъ очутился въ отчаянномъ положеніи. Паскевичъ впослѣдствіи обвинялъ въ этомъ Нерсеса, приписывая бѣдствія авангарда его честолюбивому стремленію, несмотря ни на что, поскорѣе занять каѳедру въ Эчміадзинѣ. Монахи указывали, впрочемъ, на двѣ деревни: Нижніе и Верхніе Айгланлы, покинутыя жителями, гдѣ, по ихъ соображеніямъ, должно было быть значительное количество хлѣба, зарытаго въ землю. Чтобы разыскать его, Бенкендорфъ послалъ двѣ роты Ширванскаго полка, подъ командою маіора Юдина.

Нижніе Айгланлы оказались занятыми персіянами. Укрѣпившись въ садахъ, за высокими глиняными стѣнами, встрѣтилъ непріятель ширванцевъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Это были первые выстрѣлы начинающейся кампаніи. Пославъ извѣстить обо всемъ Бенкендорфа, Юдинъ повелъ рѣшительное наступленіе и взялъ деревню. На помощь къ нему скоро пришли остальныя роты его батальона, и двѣ роты карабинеровъ съ сотнею казаковъ и орудіемъ, подъ командою маіора Хамуцкаго. Юдинъ прочно утвердился въ деревнѣ.

Войска перерыли деревню, осмотрѣли окрестности — нигдѣ не было ни зерна хлѣба. Юдинъ порѣшилъ идти въ Верхніе Айгланлы, позже покинутые жителями и не успѣвшіе, какъ казалось, побывать въ рукахъ хищныхъ курдовъ. На пути, на Абаранскомъ полѣ, стоялъ непріятель. Волнистая мѣстность скрывала его силы, но видно было, что онъ не намѣ-

ренъ уступить дороги безъ боя, и едва отрядъ тронулся, какъ курды уже завязали перестрѣлку. Здѣсь-то, въ первый разъ въ эту кампанію, русскіе увидали знаменитую конницу. Не говоря уже о красотѣ кровныхъ куртинскихъ жеребцовъ, внушительное впечатлѣніе производили сами наѣздники, исполинскій ростъ которыхъ казался еще громаднѣе отъ высокихъ головныхъ тюрбановъ, украшенныхъ перьями и золотомъ. Когда куртинъ, гремя и сверкая оружіемъ, бѣшено несся на своемъ жеребцѣ, крутя надъ головою гибкую пику, увѣнчанную пучкомъ дорогихъ страусовыхъ перьевъ, онъ имѣлъ поражающій видъ, способный, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, озадачить всякаго противника. Донцы поддавались этому впечатлѣнію каждый разъ, когда на нихъ налѣтала куртинская конница, — и давали тылъ.... Кучки застрѣльщиковъ также невольно сжимались плотнѣе. Все это не останавливало, однако, общаго наступленія. Единственное орудіе, бывшее въ распоряженіи русскаго отряда, смѣло выносилось впередъ, мѣткою картечью заставляло куртинцевъ покидать преслѣдованіе и расчищало дорогу стрѣлкамъ. Командовавшій орудіемъ прапорщикъ Отрада былъ героемъ этого дня, и Бенкендорфъ въ своемъ донесеніи отдаетъ полную справедливость какъ его отвагѣ, такъ и распорядительности Юдина и Хамуцкаго.

Усилія русскихъ войскъ не послужили, однако, ни къ чему: Верхніе Айгланлы были также пусты, какъ и Нижніе, и отряду пришлось возвратиться въ Эчміадзинъ съ пустыми руками. Къ тому же, изъ этой экспедиціи Бенкендорфъ вынесъ, — какъ писалъ онъ, — печальное убѣжденіе, что донскіе казаки не могутъ противустоять пылкости куртинскихъ наѣздниковъ.

Недостатокъ продовольствія, угрожавшій всему авангарду серьезною опасностью, встрѣвожилъ Паскевича. Въ Грузіи тотчасъ сформированъ былъ воловій транспортъ. Но такъ какъ дожди испортили дороги, и медленность движеній обозовъ была такова, что на переходъ въ 30 верстъ, отъ Шулаверъ до Акзабіюкскаго поста, требовалось цѣлыхъ 10—12

дней, причемъ отъ изнуренія гибло множество скота, — то сформированы были два вьючныхъ транспорта: одинъ на волахъ, другой на лошадяхъ двухъ конныхъ черноморскихъ полковъ, и немедленно отправленъ въ Эчміадзинъ, подъ прикрытіемъ батальона 39-го егерскаго полка. Этою мѣрою имѣлось въ виду достигнуть и другую цѣль — усиленіе отряда Бенкендорфа двумя боевыми казачьими полками, видавшими у себя на Кубани и не такого непріятеля, какъ курды.

Но пока транспорты шли, Бенкендорфъ не могъ оставаться безъ продовольствія, и долженъ былъ попытаться искать его въ окрестностяхъ Сардарь-Абада, съ тѣмъ, что если не будетъ никакой возможности овладѣть самою крѣпостью, то направиться черезъ Талынь къ Арпачаю и добыть съѣстные припасы изъ Карсскаго пашалыка.

16 апрѣля весь отрядъ, оставивъ въ Эчміадзинѣ гарнизонъ изъ батальона ширванцевъ и сотни казаковъ при двухъ орудіяхъ, выступилъ въ походъ. Дорогу къ Сардарь-Абаду преграждала сильная куртинская конница, отступившая сюда съ Абаранскаго поля. Чтобы отвлечь ее въ сторону, Бенкендорфъ приказалъ Ширванскому батальону двинуться по эриванской дорогѣ. Часть непріятельской конницы, дѣйствительно, направилась въ ту сторону и окружила батальонъ. Графъ Бельфортъ, командовавшій ширванцами, свернулъ ихъ въ каре и два часа отражалъ яростныя нападенія непріятеля.

Между тѣмъ Бенкендорфъ продолжалъ движеніе впередъ. Верстахъ въ 12 отъ Эчміадзина находится урочище Карасу-Баши, болотистое и густо заросшее крупнымъ камышемъ. Тутъ ждала русскихъ отборная куртинская конница подъ личнымъ начальствомъ Гассанъ-Аги и Измаила хана Айрюкскаго. Увѣренные, что на болотистомъ грунтѣ, гибельномъ для кавалеріи, легкія и пылкія лошади ихъ легко возьмутъ верхъ надъ казачьими маштаками, изнуренными труднымъ походомъ и притомъ тяжело навьюченными, куртинцы обскакали отрядъ съ лѣваго фланга и стали на высотахъ около истоковъ рѣки Карасу.

Бенкендорфу въ первый разъ пришлось наблюдать здѣсь эту типичную восточную конницу. Но онъ не поддался производимому ею впечатлѣнію; и, несмотря на недавно испытанную донцами неудачу въ среженіи съ нею, предвидѣлъ, что дѣйствительная нравственная сила не на сторонѣ разбойничьяго племени. Мужественно выступилъ онъ навстрѣчу врагамъ. Три сотни Карпова полка, по его командѣ, развернули фронтъ и направились на центръ непріятеля; за ними непосредственно двинулись влѣво двѣ сотни изъ полка Андреева и стали обходить непріятельскій флангъ; а далѣе бѣгомъ шли двѣ роты тифлисцевъ, при которыхъ находилось орудіе. Пѣхота не хотѣла отставать отъ конницы, и стрѣлки, хватаясь за стремена, бѣжали на ряду съ казаками. Ободренные горячимъ словомъ Бенкендорфа, не разъ водившаго въ бой ихъ храбрыхъ отцовъ, стыдясь малодушія, выказаннаго ими въ дѣлѣ при Айгланлы, донцы, на этотъ разъ, съ необычайнымъ безстрашіемъ ударили на курдовъ. Полковникъ Карповъ и флигель-адъютантъ графъ Толстой — первые врѣзались въ ряды персіянъ и увлекли за собою казаковъ. Изумленный неожиданно-стремительнымъ ударомъ тѣхъ, которыхъ его учили всегда презирать, непріятель не выдержалъ натиска и, сбитый съ поля, понесся назадъ, не успѣвая даже подбирать тѣла убитыхъ, которыя такъ и остались разбросанными по всему протяженію боевого поля. Измаилъ-Ханъ, видя пораженіе центра, самъ бросился въ толпу своихъ бѣгущихъ наѣздниковъ, собралъ ихъ и возобновилъ бой. Но въ эту минуту на него наскакалъ урядникъ Кульгинъ, любимецъ Бенкендорфа, и ударомъ пики сбилъ его съ лошади. Храбрый Измаилъ-Ханъ очутился въ плѣну. Весь правый флангъ непріятеля, между тѣмъ, былъ сбитъ двумя казачьими сотнями, которыя велъ подполковникъ Андреевъ. Тифлисскіе стрѣлки, приспѣвшіе вмѣстѣ съ казаками, усилили пораженіе бѣглымъ огнемъ, а тутъ подоспѣло орудіе — и выстрѣлъ картечью внесъ новое смятеніе въ ряды враговъ. Этимъ моментомъ воспользовался Карповъ и съ громкимъ крикомъ «ура» снова ударилъ въ пики.

Тогда вся куртинская конница бросилась бѣжать и разсыпалась по полю, преслѣдуемая казаками почти до воротъ Сардарь-Абада.

«Казаки, — писалъ объ этомъ сраженіи Дибичъ государю: — горя желаніемъ загладить неудачу, понесенную ими въ послѣднемъ дѣлѣ при Айгланлы, съ невѣроятнымъ мужествомъ бросились на курдовъ, въ одно мгновеніе опрокинули и погнали ихъ».

Славный день этотъ стоилъ казакамъ двухъ убитыми и 17 ранеными.

Это былъ еще первый примѣръ пораженія отважныхъ курдовъ донцами, и съ этихъ поръ имя Бенкендорфа получило грозную извѣстность во всемъ Курдистанѣ. Какое значеніе справедливо придавали современники этому небольшому дѣлу, можно судить уже по тому, что грузинскій князь Меликовъ, посланный въ Петербургъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, какъ одинъ изъ наиболѣе отличившихся участниковъ его, былъ награжденъ лично императоромъ орденомъ св. Владиміра съ бантомъ и принятъ корнетомъ въ Лейбъ-гвардіи казачій полкъ.

Пока донцы управлялись съ курдами, подошелъ весь отрядъ и расположился бивуакомъ въ трехъ верстахъ отъ Сардарь-Абада.

Былъ уже темный вечеръ, когда глазамъ бывшихъ впереди казаковъ и татаръ предстала огромная черная масса рельефно выдѣлявшаяся на темномъ небѣ. То были стѣны Сардарь-Абада. Бенкендорфъ, съ пятью ротами пѣхоты при четырехъ орудіяхъ, въ ночномъ мракѣ тихо и осторожно приблизился вслѣдъ за казаками къ персидской твердынѣ, пытаясь, не удастся ли захватить врасплохъ сонную крѣпость... Но вдругъ сверкнула молнія выстрѣла, глухой ударъ потрясъ окрестную долину и огненное ядро, описавъ яркую дугу на небѣ, упало передъ русскими колоннами. Движеніе было открыто. Бенкендорфъ послалъ парламентера, съ требованіемъ сдачи крѣпости. Комендантъ отвѣчалъ, что онъ лучше согла-

сится быть погребеннымъ подъ ея развалинами. Тогда батарея, вызванная впередъ, открыла огонь.

Непріятель, съ своей стороны, отвѣчалъ учащенной пальбою изъ всѣхъ орудій. Здѣсь едва не былъ убитъ и самъ Бенкендорфъ,—граната съ потерянною трубкой пролетѣла отъ него такъ близко, что обсыпала его пороховою мякотью.

Въ крѣпости отъ русскихъ выстрѣловъ вспыхнулъ между тѣмъ пожаръ; тамъ поднялась суматоха. Всѣ ожидали немедленнаго приступа, но Бенкендорфъ, удостовѣрившись въ силѣ укрѣпленій, ограничился рекогносцировкою и на слѣдующій день отошелъ къ Эчміадзину. Вопросъ о продовольствіи остался не рѣшеннымъ, и приходилось принять другія мѣры. На Арпачай, за покупкою хлѣба у турокъ, былъ посланъ полковникъ князь Северсамидзе съ 6-ю ротами пѣхоты, съ казачьимъ полкомъ и тремя орудіями. Нужно сказать, что Паскевичъ съ своей стороны еще раньше отправилъ поручика Блома въ Арзерумъ къ сераксиру, чтобы получить отъ него разрѣшеніе на покупку припасовъ во владѣніяхъ султана. Но и эта попытка оказалась неудачною. Сераксиръ согласился съ своей стороны не мѣшать русскимъ, но предложилъ провести все дѣло такъ, чтобы ни ему, ни карсскому пашѣ какъ бы совершенно не было извѣстно о производимыхъ русскими закупкахъ; онъ ссылался на то, что отказалъ уже персіянамъ въ покупкѣ свинца и пороха въ турецкихъ владѣніяхъ, что Турція находится въ дружескихъ сношеніяхъ съ Россіей и Персіей, и потому помогать той или другой онъ почитаетъ противнымъ международнымъ правамъ и нейтралитету.

Неудача этой попытки усложнилась еще тѣмъ, что казачій конвой, сопровождавшій Блома до турецкой границы, постигла горькая участь. На возвратномъ пути, въ окрестностяхъ Цалки, близъ озера Топорвани, онъ былъ внезапно атакованъ какою-то скитавшеюся шайкою турецкихъ разбойниковъ и, 15 апрѣля, погибъ въ неравной битвѣ. Изъ 17 донцовъ, бывшихъ тутъ, сотникъ Мироновъ и съ нимъ семь казаковъ были изрублены, пять человѣкъ раненыхъ захва

чены въ плѣнъ, и только четверымъ удалось спастись въ густыхъ камышахъ Топорванскаго озера. Говорили потомъ, что головы убитыхъ казаковъ были доставлены къ Шерифъ-Агѣ, и что онъ отправилъ ихъ въ Эривань къ сардарю.

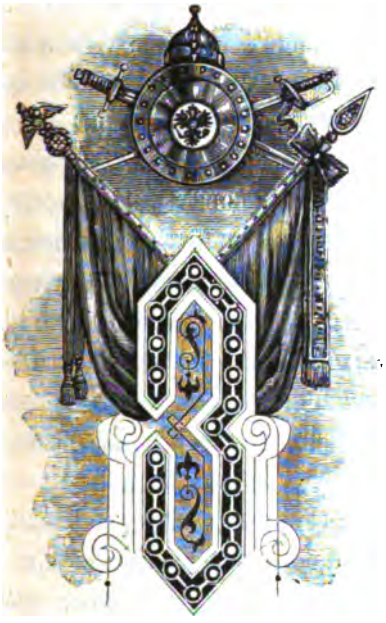
Столь же мало успѣха имѣли и сношенія князя Северсамидзе съ карсскимъ пашею. Паша говорилъ откровенно, что если бы онъ и разрѣшилъ покупку, то транспортовъ все равно не пропуститъ подданный Турціи, но тайный сторонникъ эриванскаго сардаря, — владѣлецъ Магазбертскій, Ага-Шерифъ. Во всякомъ случаѣ, закупка продовольствія безъ участія этого послѣдняго производиться не могла, и Северсамидзе обратился къ нему. Но шерифъ отвѣчалъ, что онъ не дастъ своего согласія безъ позволенія эриванскаго сардаря. Такимъ образомъ и миссія Паскевича и экспедиція Бенкендорфа не повели ни къ чему, и князь Северсамидзе съ трудомъ доставалъ хлѣбъ только для своего отряда.

Къ счастію для Бенкендорфа, 23 апрѣля утромъ, прибылъ, наконецъ, въ Эчміадзинъ давно ожидаемый вьючный транспортъ на волахъ изъ Грузіи. На десять дней войска были обезпечены, и Бенкендорфъ рѣшился немедленно, не ожидая возвращенія Северсамидзе, продолжать наступленіе. Въ тотъ же день вечеромъ войска двинулись къ Эривани.

XVIII.

Авангардъ подъ Эриванью.

(Генералъ Бенкендорфъ).



Знаменитая крѣпость Эривань стоитъ на скалистомъ, возвышенномъ берегу быстрой рѣчки Занги, древняго Гураздана, верстахъ въ тридцати къ востоку отъ Эчміадзина. Неприступны ея твердыни, и о нихъ не разъ уже сокрушались всѣ усилія русскихъ войскъ.

Къ концу апрѣля 1827 года, въ то время какъ Бенкендорфъ совершалъ свои движенія по окрестностямъ Эчміадзина и главныя дѣйствующія силы русскихъ готовились вступить въ Эриванское ханство, въ крѣпости тревожно ожидали блокады.

На помощь персіянъ надежды не было: ни шахъ, ни Аббасъ-Мирза еще не были готовы къ военнымъ дѣйствіямъ,

и крѣпость должна была разсчитывать только на свои собственныя силы противъ грознаго наступленія русскихъ. Отрядъ Бенкендорфа былъ, правда, слишкомъ малочисленъ, чтобы страшиться его нападенія; но онъ могъ блокировать крѣпость и подорвать ея нравственныя силы до тѣхъ поръ, пока надвинутся грозныя силы Паскевича — и безвозвратно рѣшатъ участь Эривани. И много мучительныхъ думъ прошло за эти дни въ сѣдой головѣ сардаря.

Слухъ о каждомъ отважномъ движеніи Бенкендорфа въ окрестностяхъ Эчміадзина въ тотъ же день достигалъ Эривани. Но вотъ, въ роковое утро 24-го апрѣля, запыхавшійся гонецъ примчался съ извѣстіемъ, что русскіе идутъ по направленію уже къ самой крѣпости. Часу въ девятомъ утра, дѣйствительно, послышалась вдали трескотня ружейной перестрѣлки: эриванская конница встрѣтила русскія войска въ ближайшей деревнѣ и, спѣшившись въ садахъ за высокими заборами и рвами, пыталась остановить наступленіе. Цѣлый часъ держалась она съ непривычнымъ для персіянъ упорствомъ и стойкостью. Двѣ роты грузинскихъ гренадеръ, наконецъ, штыками выбили ее изъ засады, прошли черезъ деревню и на глазахъ эриванскихъ жителей заняли высокій курганъ Муханатъ-Тапа, лежавшій противъ юго-восточнаго угла укрѣпленій. Со стѣнъ Эривани загремѣли пушки; гарнизонъ сдѣлалъ сильную вылазку, и два батальона сарбазовъ, выйдя изъ южныхъ и восточныхъ воротъ, заняли сады, облегавшіе съ той стороны городскія предмѣстья. Снова загорѣлся бой. Грузинскіе гренадеры пошли штыками очищать предмѣстья, и къ вечеру большая часть садовъ окончательно перешла въ руки русскихъ; непріятельская пѣхота ушла въ городъ, конница отступила по дорогѣ къ Нахичевани.

Оставивъ роту грузинцевъ въ садахъ, и двѣ роты карабинернаго полка на курганѣ Муханатъ-Тапа, Бенкендорфъ собралъ остальныя войска и расположилъ ихъ лагеремъ противъ южной стороны Эривани. Отсюда онъ и началъ постепенное обложеніе крѣпости.

Въ ночь на 25-е апрѣля, Ширванскій батальонъ занялъ Иракліеву гору, лежащую на западной сторонѣ Эривани, и подполковникъ Аристовъ поставилъ на ней свою батарею. Съ первыми лучами солнца загремѣла по крѣпости канонада. Первая же граната обрушила одну изъ крѣпостныхъ амбразуръ, сбивши непріятельское орудіе; вторая—зажгла дворецъ эриванскаго сардаря. Въ крѣпости ударили тревогу, и стѣны Эривани покрылись сарбазами. Завязалась упорная перестрѣлка, и громъ пушечныхъ выстрѣловъ покрылъ своими перекатами дикіе крики, которыми видимо хотѣли ободрить себя персіяне. Часамъ къ 11-ти утра канонада стихла. Ширванцы возвратились въ лагерь, а на Иракліевой горѣ остался наблюдательный постъ изъ двухъ ротъ карабинеровъ и 4 батарейныя орудія, подъ командой маіора Хамуцкаго.

Наступившее затишье было, однако, непродолжительно. Въ четвертомъ часу пополудни поднялась тревога уже въ русскомъ лагерѣ. Сильный персидскій отрядъ изъ пѣхоты и конницы, подъ личною командою эриванскаго коменданта Саватъ-Кули-Хана, скрытно пробрался черезъ восточное предмѣстье, вошелъ въ сады и неожиданно ринулся на грузинскую роту. Внезапно атакованная значительными силами, рота подалась назадъ. Но скоро на помощь къ ней подоспѣли изъ лагеря остальныя части 1-го батальона, подъ командою полкового командира флигель-адъютанта полковника барона Фридерикса. Персіяне въ свою очередь отступили и, занявъ крѣпкую позицію, прикрытую съ фронта глубокимъ, скалистымъ оврагомъ, упорно сопротивлялись наступавшимъ русскимъ войскамъ. Завязался жаркій бой. Начальникъ отряднаго штаба полковникъ Гурко, прискакавшій изъ лагеря на шумъ битвы, приказалъ ротѣ карабинеровъ, занимавшей Муханатъ-Тапу, вступить въ дѣло. Капитанъ Колпинскій, командовавшій ею, искуснымъ движеніемъ вышелъ въ тылъ непріятелю, и только тогда персіяне, очутившіеся между двухъ огней, обратились въ бѣгство. Напрасно нѣкоторыя части ихъ пытались держаться въ садахъ и на кладбищѣ,—пункты эти взяты были штыками, и гренадеры остановились

только подъ стѣнами крѣпости. Пораженіе непріятеля было полное, и потери его были весьма велики: сто непріятельскихъ тѣлъ осталось на мѣстѣ. Плѣнныхъ не было, ибо, какъ доносилъ Бенкендорфъ, гренадеры никому не давали пощады. Дибичъ—все еще находившійся въ Тифлисѣ—поставилъ, однако, это обстоятельство на видъ Бенкендорфу и просилъ его на будущее время удерживать солдатъ отъ напраснаго кровопролитія. Русскіе потеряли изъ строя 18 человѣкъ, и между ними убитымъ—подпоручика князя Вачнадзе.

На слѣдующій день, другой батальонъ ширванцевъ, подъ командою маіора Юдина, былъ посланъ занять сѣверный форштадтъ крѣпости. Съ барабаннымъ боемъ и распущеннымъ знаменемъ ширванцы прошли, подъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ, мимо всего восточнаго фаса крѣпости, вступили въ форштадтъ и заняли базаръ, мечеть и все предмѣстье до самаго берега Занги. На высотѣ Тапа-Баши стала батарея и открыла канонаду по крѣпости. Непріятель отвѣчалъ со всѣхъ орудій и бросалъ бомбы; но, къ счастію, непріятельскіе выстрѣлы не причиняли осаждавшимъ никакого вреда. 27-го числа, окончательно былъ занятъ и восточный форштадтъ. Теперь крѣпость была обложена со всѣхъ сторонъ.

Войска расположились такъ: три роты Тифлисскаго полка остались въ Эчміадзинѣ, гдѣ собраны были больные и всѣ лишнія тяжести авангарда; въ лагерѣ, противъ южнаго фаса Эриванской крѣпости — стали: весь грузинскій гренадерскій полкъ, три орудія и казачьи полки Андреева и Карпова, и тутъ же помѣстилась главная квартира Бенкендорфа. Самъ онъ поселился въ саду, въ китайской бесѣдкѣ съ бѣлымъ мраморнымъ фонтаномъ, въ той самой, гдѣ за годъ передъ этимъ содержался князь Меншиковъ. Далѣе, курганъ Муханатъ-Тапа заняла рота карабинеровъ и сотня казаковъ; противъ восточнаго фаса стоялъ 2-й батальонъ Ширванскаго полка съ двумя орудіями, подъ командою подполковника Волжинскаго; а между ширванцами и карабинерами, служа связующимъ звеномъ между ними, расположилась рота тифлисцевъ. Затѣмъ, противъ сѣвернаго фаса, дѣйствовалъ 1-й ба-

тальонъ Ширванскаго полка и четыре орудія, подъ командою маіора Юдина, а противъ западнаго, на Иракліевой горѣ,—три роты карабинеровъ,—два орудія и 50 казаковъ, подъ командою маіора Хамуцкаго. Отъ послѣдняго отряда былъ выставленъ постъ для охраны моста черезъ рѣчку Зангу.

Блокада Эривани началась. Бенкендорфъ имѣлъ, между прочимъ, порученіе попытаться склонить сардаря на добровольную сдачу крѣпости. Но въ успѣхъ этого предпріятія едва ли кто вѣрилъ. Сардарь обладалъ огромными богатствами, и деньгами подкупить его было невозможно. Оставалось одно средство, которое могло оказаться дѣйствительнымъ,—это обѣщать ему, что въ случаѣ присоединенія Эриванскаго ханства къ Россіи, онъ будетъ оставленъ въ томъ же званіи сардаря, съ сохраненіемъ всѣхъ его доходовъ. Исполненіе этого обѣщанія Дибичъ считалъ весьма удобнымъ и выгоднымъ: сардарь былъ 80-ти-лѣтній старикъ, не имѣлъ сыновей, и со смертью его всѣ обязательства по отношенію къ нему кончались бы сами собою. Но сардарь отказался и отъ этого. Неподатливость его объяснялась, между прочимъ, тѣмъ, что онъ зналъ о затруднительномъ положеніи русскаго отряда, не имѣвшаго обезпеченнаго провіанта и не находившаго его въ окрестностяхъ. Не безызвѣстно было ему, что солдаты одно время питались кореньями. Разсказываютъ, что какъ бы въ насмѣшку надъ положеніемъ Бенкендорфа, онъ прислалъ просить у него бутылку шампанскаго. Этого добра въ отрядѣ оказалось вдоволь, и генералъ отправилъ къ сардарю цѣлый ящикъ винъ съ дорогими закусками. Тотъ долженъ былъ принять этотъ подарокъ и, по обычаю Востока, отдарилъ Бенкендорфа персидскими сластями и фруктами.

Неудача переговоровъ съ сардаремъ не уничтожила, однако, надеждъ отворить крѣпость посредствомъ золотого ключа, и Бенкендорфъ завелъ сношеніе съ комендантомъ Эривани, Саватъ-Кули-Ханомъ. Этотъ послѣдній оказался сговорчивѣе, однако не хотѣлъ дать рѣшительнаго отвѣта до личнаго свиданія съ Паскевичемъ.

Такъ проходилъ день за днемъ, среди перестрѣлокъ и стычекъ; но, въ теченіе этого времени, не было попытокъ прорвать блокирующую линію русскихъ. Вдругъ, въ ночь съ 29 на 30 апрѣля, на пикетъ, охранявшій мостъ черезъ Зангу, бросилась персидская конница — Богъ вѣсть откуда появившаяся, но, видимо, намѣревавшаяся прорваться въ крѣпость. По первымъ же выстрѣламъ, гарнизонъ, съ своей стороны, сдѣлалъ сильную вылазку, и постъ былъ окруженъ густыми толпами непріятеля. 50 человѣкъ солдатъ, съ поручикомъ Петровымъ во главѣ, видя многочисленность персіянъ, заняли бугоръ поподалеку отъ моста, и здѣсь выдержали геройскій бой съ непріятелемъ, въ двадцать разъ превосходившимъ ихъ силами. Пока Петровъ отбивался, крѣпость гремѣла изо всѣхъ орудій сѣвернаго и западнаго фаса, чтобы не допустить на мѣсто боя подкрѣпленій. Батареи маіоровъ Хамуцкаго и Юдина стали отвѣчать, а взводъ карабинеровъ двинулся на выручку Петрова. Но тамъ уже дѣло окончилось. Петровъ не только отстоялъ свой постъ, но смѣлымъ ударомъ въ штыки разогналъ непріятеля: сарбазы возвратились въ крѣпость, конница ушла обратно на ту сторону Занги. Съ наступленіемъ дня русскіе могли убѣдиться, что попытка непріятеля стоила ему громадныхъ потерь: все поле между бугромъ и крѣпостью было завалено персидскими тѣлами. Въ русскомъ отрядѣ потерь не было, что объясняется отличнымъ выборомъ позиціи и самою смѣлостью внезапнаго перехода отъ обороны къ наступленію. Петровъ, въ чинѣ поручика, получилъ за это дѣло золотую шпагу — случай въ то время исключительный.

Какъ ни ничтожна была сама по себѣ попытка непріятеля прорваться въ крѣпость, но она наводила на мысль что курды стояли гдѣ-нибудь по близости. Предположеніе это имѣло основанія; давно уже носились слухи, что Гассанъ-Ханъ выступилъ изъ Сардарь-Абада со всею своею конницею, а въ ночь со 2 на 3 мая казачьи разъѣзды видѣли большіе огни за Араксомъ. Это обстоятельство могло невыгодно отозваться на блокадѣ. По счастью, въ этотъ самый день

и въ русскій лагерь прибыли подкрѣпленія. То были два конные полка черноморскаго войска, доставившіе изъ Грузіи вьючный транспортъ на своихъ лошадяхъ. И Бенкендорфъ воспользовался подкрѣпленіемъ, чтобы заставить Гассанъ-Хана держаться подальше отъ русскаго лагеря. 4-го мая, баронъ Фридериксъ, съ двумя ротами грузинскихъ гренадеръ, съ однимъ орудіемъ и двумя сотнями черноморцевъ, посланъ былъ на развѣдки къ сторонѣ Гарничая. Верстахъ въ 15-ти отъ лагеря, по Нахичеванской дорогѣ, отрядъ этотъ внезапно былъ атакованъ Гассанъ-Ханомъ. Поручикъ Коцебу, оберъ-квартирмейстеръ Кавказскаго корпуса, одинъ, безъ конвоя, поскакалъ извѣстить о томъ Бенкендорфа; но пока Бенкендорфъ велъ изъ лагеря всю свою конницу, Фридериксъ не только успѣлъ отразить нападеніе, но и заставилъ Гассанъ-Хана отступить обратно къ Сардарь-Абаду. Войска воротились въ лагерь. Прошло три, четыре дня—и Гассанъ-Ханъ появился снова, — и на этотъ разъ уже на самой Зангѣ. Вечеромъ 8 мая получилъ Бенкендорфъ объ этомъ вѣрныя свѣдѣнія и въ ту же ночь рѣшился жестоко наказать непріятеля.

Три казачьи полка: два черноморскіе и одинъ донской, подкрѣпленные частью пѣхоты, въ полночь вышли изъ лагеря навстрѣчу непріятелю. Но Гассанъ-Ханъ во-время провѣдалъ объ этомъ движеніи и, спѣшивъ свою конницу, занялъ крѣпкую позицію въ углу, образуемомъ сліяніемъ Аракса и Занги. Выгода внезапнаго нападенія исчезла для Бенкендорфа, и ему приходилось или брать переправу открытою силой, или перейти рѣку правѣе, тамъ, гдѣ не было бродовъ. А Занга была въ разливѣ и съ страшною силой несла свои мутныя волны. Онъ выбралъ послѣднее. Но едва казаки стали спускаться къ рѣкѣ, какъ непріятель, замѣтивъ обходное движеніе, отступилъ и сталъ на другой позиціи, за глубокою и быстрой рѣчкой Абаранью, черезъ которую бродовъ уже не было вовсе. Медлить атакою было, однако, невозможно. Донской подполковникъ Карповъ, знакомый персіянамъ съ Карасу-Башинскаго дѣла, во главѣ полка первый бросился вплавь.

То было проявленіе безумной отваги. Абарань неслась съ страшною быстротой, и лошадей относило теченіемъ далеко въ сторону. Вода доходила до груди казаковъ, и на поверхности ея виднѣлись только конскія головы да казацкія шапки. Но донцы плыли, все ближе и ближе къ берегу. За ними слѣдовала грозная черноморская сила. И вотъ, донцы на берегу. Вся куртинская конница разомъ обрушилась на нихъ. Но подоспѣла черноморская бригада и дружнымъ ударомъ «на сломъ» опрокинула курдовъ. Тогда началось страшное истребленіе непріятеля. Волны Аракса поглощали тѣхъ, которые пытались переплыть на его правый берегъ, а казачьи пики уничтожали все, что спасалось по лѣвому берегу. Жестокое преслѣдованіе продолжалось до самаго Сардарь-Абада. Часть непріятельской конницы успѣла вскочить въ крѣпостные ворота, другая, отбитая въ сторону, загнана была въ турецкія владѣнія. Никогда еще курды не испытывали такого страшнаго пораженія; вся дорога, на протяженіи 25 верстъ, была покрыта мертвыми тѣлами, трупами лошадей, разбросанными вещами, сѣдлами, оружіемъ и даже палатками. Въ рукахъ казаковъ остались вьюки самаго Гассанъ-Хана. Потеря непріятеля была чрезвычайно велика. Сперва ее считали въ 300 человѣкъ, но впослѣдствіи курды сами говорили, что потеряли убитыми и утонувшими болѣе 600 всадниковъ, и въ томъ числѣ многихъ важныхъ лицъ изъ Карадага и Хоя. Знаменитый куртинскій старшина, Гуссейнъ-Ага, и карапапахскій владѣлецъ, Мурсалъ, пропали безъ вѣсти; утонули ли они, или были убиты, — но тѣлъ ихъ такъ и не было найдено. Въ плѣнъ взято было 53 человѣка — всѣ раненые, и въ числѣ ихъ тесть самого эриванскаго сардаря. Къ общему сожалѣнію, самъ Гассанъ-Ханъ ушелъ невредимымъ; но была минута, когда онъ былъ уже окруженъ казаками, и спасся только благодаря необычайной легкости своего коня. Со стороны русскихъ потеря была совершенно ничтожна: изрублены черноморскій сотникъ Ильяшенко и одинъ казакъ, да двое черноморцевъ ранены.

Вѣстнику объ этомъ славномъ дѣлѣ, донскому есаулу Гре-

кову, Паскевичъ собственноручно навѣсилъ орденъ св. Владиміра съ бантомъ.

Разбитый на Зангѣ и Абарани, неутомимый Гассанъ-Ханъ съ необычайной быстротою успѣлъ собрать новый пяти-тысячный конный отрядъ и сталъ за Араксомъ, у Бей-Булаха, въ самомъ центрѣ армянскаго населенія. Уже 14-го мая, черезъ три дня послѣ рокового для курдовъ боя, полковникъ Гурко видѣлъ за Араксомъ большое число палатокъ. Армяне, ѣздившіе туда, сообщили, что тамъ стоитъ съ карапапахами Наги-Ханъ, къ которому стягивались остатки разбитыхъ войскъ и новыя толпы. Получены были въ то же время извѣстія, что Гассанъ на мѣсто Измаилъ-Аги, попавшаго въ плѣнъ, возвелъ въ достоинство айрюкскаго хана родного брата его, Ибрагима, и поручилъ его наблюденію дорогу отъ Эривани вплоть до Амамловъ и Беканта. Айрюкцамъ приказано было опустошать провинціи, жечь армянскія деревни, истреблять хлѣба и убивать тѣхъ армянъ и татаръ, которые будутъ заниматься поливкою посѣвовъ, вопреки воли сардаря. За каждую русскую голову имъ обѣщано было по сту, а за армянскую по 50 рублей серебромъ. Гассанъ принималъ систему войны самую опасную для блокаднаго корпуса, и нельзя было не удивляться его энергіи и воинской опытности, которыми онъ, какъ выражается Паскевичъ, «далеко превосходилъ опрометчивые расчеты наслѣднаго принца».

Не довольствуясь дѣйствіями на берегахъ Аракса, Гассанъ-Ханъ всячески старался сообщать извѣстія о нихъ въ самую крѣпость, чтобы поддержать въ гарнизонѣ бодрость и энергію. Въ теченіе двухъ-трехъ дней на русскихъ аванпостахъ пойманы были одинъ за другимъ семь лазутчиковъ, пробиравшихся въ крѣпость. А въ ночь съ 14 на 15 мая, пыталась пробиться въ нее, между ширванскимъ лагеремъ и курганомъ Муханатъ-Тапа, цѣлая конная партія. Ее отразили тифлисцы.

Гарнизонъ, съ своей стороны, проявлялъ необычайную дѣятельность и частыми вылазками старался приковать вниманіе

русскихъ войскъ къ крѣпости, чтобы тѣмъ дать Гассанъ-Хану полную свободу дѣйствій. Въ ночь на 16 мая, сарбазы произвели энергическую атаку противъ Иракліевой горы; 17-го вылазка повторилась; а пока карабинеры стойко выдерживали нападеніе, персидская конница пыталась прорваться изъ крѣпости съ другой стороны, мимо кургана Муханатъ-Тапа. Прискакавшіе туда казаки разбили ее и гнали до крѣпостного рва. Одного плѣннаго привезли съ собою въ лагерь, и отъ него узнали, что партія сопровождала курьера, который долженъ былъ передать Гассанъ-Хану какія-то депеши. 19-го числа опять тревога—и опять сильная вылазка.

Бенкендорфъ нашелъ необходимымъ усилить постъ Муханатъ-Тапа ротою Тифлисскаго полка, съ однимъ орудіемъ; но главное вниманіе его все-таки было обращено за Араксъ, откуда доходили недобрыя вѣсти. Бѣжавшіе въ русскій лагерь армяне умоляли его о помощи, говоря, что Гассанъ-Ханъ угоняетъ все христіанское населеніе внутрь Персіи. Отходить далеко отъ крѣпости Бенкендорфъ не имѣлъ возможности; тѣмъ не менѣе, вся русская конница приблизилась къ Араксу и стала высылать летучія наблюдательныя партіи.

Распоряженіе это оказалось очень удачнымъ и скоро принесло богатые плоды. Такъ, 21-го мая, Бенкендорфъ отрядилъ 4 сотни черноморцевъ, подъ начальствомъ войскового старшины Вержбицкаго, для нападенія на татаръ, пришедшихъ съ прикрытіемъ изъ Даралагёза въ деревни, лежащія на рѣчкѣ Кара-Булакъ.

На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, 12 человѣкъ татаръ съ 20-ю вьючными быками нечаянно наткнулись на сильный постъ, высланный этимъ отрядомъ. Сопротивленіе было безполезно, и татары сдались безъ выстрѣла. Вержбицкій, присоединивъ къ себѣ постъ, выступилъ тогда далѣе, предполагая впереди близкое присутствіе непріятеля. Пройдя не болѣе 4-хъ верстъ, онъ нашелъ конную партію въ 100 человѣкъ, съ значительнымъ количествомъ вьюковъ, засѣвшую въ оврагѣ. Татары открыли сильный огонь.

Казаки спѣшились и окружили враговъ. Былъ тутъ одинъ армянинъ. Онъ представилъ татарамъ всю безполезность непосильнаго сопротивленія, и партія положила оружіе. Казаки взяли 90 человѣкъ плѣнныхъ и значительное количество быковъ.

Вслѣдъ за тѣмъ открыты были еще двѣ конныя партіи, каждая по 50 человѣкъ, одна стояла около деревни Чадкранъ, другая шла съ вьюками къ селенію Башкентъ, лежащему за рѣчкою Кара-Булакъ. Посланныя за ними двѣ сотни казаковъ не могли догнать уходившихъ всадниковъ, но имъ удалось захватить нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и отбить нѣсколькихъ лошадей и болѣе 100 быковъ, навьюченныхъ пшеницею и разными вещами.

25 мая, бывши въ Эчміадзинѣ, Бенкендорфъ получилъ извѣстіе, что Гассанъ-Ханъ, съ небольшимъ коннымъ отрядомъ, расположился на правомъ берегу Аракса, противъ удобнѣйшаго брода, и мѣшаетъ жителямъ возвращаться на лѣвый берегъ въ свои селенія. Бенкендорфъ немедленно собралъ отрядъ, и на слѣдующій день, въ 5 часовъ утра, былъ уже въ деревнѣ Феда, въ одной верстѣ отъ Аракса. Тамъ армяне сказали ему, что Гассанъ-Ханъ, дѣйствительно, стоялъ вблизи съ сильнымъ отрядомъ, при которомъ были три пушки, но на разсвѣтѣ поспѣшно ушелъ внизъ, по направленію къ Сардарь-Абаду.

Чтобы узнать дѣйствительныя силы Гассанъ-Хана, Бенкендорфъ предпринялъ рекогносцировку и, оставивъ на лѣвомъ берегу батальонъ егерей и орудія, самъ со всѣми казаками перешелъ Араксъ.

Въ двухъ верстахъ отъ берега встрѣтилось ему селеніе Ханъ-Маматъ. Онъ занялъ его и отрядилъ Вержбицкаго съ тремя сотнями казаковъ впередъ для наблюденія за персіянами.

Скоро Вержбицкій далъ знать, что онъ наступаетъ на непріятеля. Бенкендорфъ немедленно отправилъ на помощь къ нему Донской казачій полкъ подполковника Карпова. Но прежде чѣмъ этотъ послѣдній подошелъ, — съ черноморцами

случилась бѣда. Дѣло въ томъ, что Вержбицкій, старый и опытный воинъ, одинъ изъ лучшихъ представителей Черноморскаго войска, на этотъ разъ оплошалъ. Непріятель сдѣлалъ передъ нимъ фальшивое отступленіе къ горамъ и завелъ преслѣдовавшихъ казаковъ въ каменистыя, наполненныя оврагами мѣста, гдѣ они не могли даже развернуться. Несмотря на то, Вержбицкій, увлеченный храбростью, бросился на враговъ и опрокинулъ было ихъ правый флангъ,—какъ вдругъ массы конницы, бывшія въ засадѣ, ударили на него съ тылу...

Въ глухихъ оврагахъ черноморцы внезапно очутились охваченными всею четырехъ-тысячною конницею самого Гассана. Они замѣтили опасность только тогда, когда уходить изъ-подъ ударовъ уже было поздно. Самъ Вержбицкій, донской сотникъ Ушаковъ и съ ними болѣе ста черноморцевъ были изрублены; остальные въ безпорядкѣ поскакали назадъ. Но горе тѣмъ войскамъ, которыя побѣгутъ отъ куртинской конницы,—рѣдкій тогда избѣгнетъ ея горячаго преслѣдованія. Пораженіе черноморцевъ было бы еще рѣшительнѣе, если бы въ этотъ моментъ не подоспѣлъ Карповъ съ донцами. Онъ остановилъ курдовъ и далъ возможность остаткамъ черноморцевъ выбраться изъ западни, откуда никто изъ нихъ уже не чаялъ выхода.

Одушевленный успѣхомъ, Гассанъ-Ханъ перешелъ Араксъ и напалъ на татарскія селенія, чтобы перегнать ихъ въ Персію. Бенкендорфъ во-время подоспѣлъ сюда со всею своею конницею, и отстоялъ татаръ. Гассанъ-Ханъ былъ отраженъ и ушелъ снова за Араксъ. Частная неудача, конечно, не могла отразиться на общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій; она принесла даже нѣкоторую пользу тѣмъ, что курды все-таки были спугнуты съ своего гнѣзда у Бей-Булаха и отодвинулись дальше къ горамъ, а это дало возможность одному изъ множества татарскихъ племенъ, обитавшихъ на Эриванской территоріи, именно цѣлому Шадлинскому султанству, перейти на русскую сторону. Бенкендорфъ вернулся въ лагерь.

Блокада Эривани шла, между тѣмъ, своимъ чередомъ, и

русскія батареи, время отъ времени, принимались громить ея вѣковыя стѣны. Взирая на грозную позицію русскаго авангарда, гарнизонъ начиналъ уже падать духомъ. Напрасно эриванскій сардарь, стараясь ободрить персіянъ, указывалъ имъ на прежнія блокады, говоря, что русскіе скоро отойдутъ отъ крѣпости. Самъ онъ мало вѣрилъ этому и отправлялъ изъ города въ Казбинъ всѣ драгоцѣнности, и въ томъ числѣ золотую луну, снятую съ эриванской мечети. Мѣра эта еще болѣе повергала въ уныніе и гарнизонъ, и жителей. Вылазки изъ крѣпости прекратились; въ городѣ обнаружился въ значительной степени недостатокъ жизненныхъ припасовъ, а къ этому присоединились еще гнилыя горячки, отъ которыхъ смертность достигла ужасающей цифры. Ходили слухи, что сардарь намѣренъ былъ съ небольшимъ конвоемъ прорваться изъ Эривани, и Бенкендорфъ обѣщалъ 500 червонцевъ тому, кто схватитъ его живого.

По словамъ очевидцевъ, наступило лучшее время, чтобы овладѣть Эриванью; но Бенкендорфу приказано было ограничиться только блокадою и отнюдь не домогаться покоренія крѣпости.

Положеніе Эривани съ каждымъ днемъ становилось все хуже и труднѣе, и сардарь попытался, наконецъ, привести въ исполненіе свое намѣреніе—вырваться изъ крѣпости. Это было 6 іюня. Персіяне внезапно сдѣлали вылазку и напали на постъ, занимавшій Иракліеву гору. Но пока карабинеры отбивались, — на всѣхъ постахъ усилена была бдительность, чтобы, подъ прикрытіемъ этой вылазки, сардарь не бѣжалъ изъ крѣпости. Персіяне это замѣтили, и вылазка кончилась пустой перестрѣлкой.

Такъ прошло время до 15 іюня, когда въ блокадномъ лагерѣ появился самъ Паскевичъ. А вслѣдъ затѣмъ, на смѣну Бенкендорфу, прибыла 20-я пѣхотная дивизія, подъ командою генерала Красовскаго.

Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ, начавшій походомъ къ Эчміадзину свою боевую кавказскую службу, при-

надлежалъ къ числу весьма замѣчательныхъ военныхъ дѣятелей Россіи первой четверти нашего вѣка. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, прославившихся въ эпоху наполеоновскихъ войнъ партизановъ, на которыхъ съ глубокимъ вниманіемъ долженъ остановиться каждый военный историкъ.

Въ тѣ тревожныя, бурныя времена, Бенкендорфъ появлялся всюду, гдѣ только начиналась война и слышались выстрѣлы. А, между тѣмъ, въ своей молодости онъ совсѣмъ не готовился къ военному поприщу. Представитель одной изъ лучшихъ старинныхъ эстляндскихъ фамилій, онъ получилъ солидное образованіе, говорилъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ и посвятилъ себя вначалѣ исключительно дипломатической карьерѣ. И въ то время, какъ старшій братъ его, Александръ Христофоровичъ, впослѣдствіи всемогущій шефъ корпуса жандармовъ и одинъ изъ приближеннѣйшихъ людей къ императору Николаю Павловичу, дослужился въ военной службѣ уже до генеральскаго чина, — Константинъ Бенкендорфъ, состоявшій при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, получилъ званіе камергера. Это было, впрочемъ, и послѣднее служебное повышеніе его на гражданскомъ поприщѣ. Наступилъ 12 годъ, и Бенкендорфъ охотой промѣнялъ свой камергерскій ключъ на скромный чинъ армейскаго маіора и сталъ въ ряды защитниковъ отечества. Когда онъ пріѣхалъ въ Тарутинскій лагерь, Кутузовъ предложилъ ему поступить въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ; но Бенкендорфъ, мало знакомый съ фронтовою службой, просилъ назначить его въ летучій отрядъ барона Винценгероде, дѣйствовавшій въ окрестностяхъ Москвы и Можайска. Въ этомъ-то отрядѣ, подъ руководствомъ опытнаго генерала, онъ узналъ военное дѣло, и вскорѣ проявилъ такія боевыя способности, которыя быстро образовали изъ него лихого партизана. Въ отечественную войну онъ получилъ георгіевскій крестъ и чинъ подполковника.

Въ 1813 году, когда началось освобожденіе Германіи, Бенкендорфъ командовалъ уже самостоятельнымъ отрядомъ, съ которымъ и не разставался до самаго заключенія мира.

Съ нимъ онъ прошелъ черезъ всю Германію и Францію, ознаменовавъ свой путь цѣлымъ рядомъ блестящихъ партизанскихъ дѣлъ, которыя доставили ему чинъ полковника и званіе флигель-адъютанта, потомъ генеральскій чинъ и орденъ св. Георгія 3 класса. Въ то же время онъ съумѣлъ вызвать въ подчиненныхъ ему казакахъ любовь и довѣріе, которыя сохранилъ до самой смерти; нѣмецкое имя Бенкендорфа пользовалось среди донцовъ такою популярностью, которой могли позавидовать многіе донскіе уроженцы, не говоря уже о просто русскихъ офицерахъ, командовавшихъ партизанами. Самъ Бенкендорфъ объясняетъ это своею любовью къ казакамъ и умѣньемъ дѣйствовать на ихъ нравственную сторону. «Безграничное самолюбіе,—писалъ онъ императору Александру:—есть одно изъ отличительнѣйшихъ свойствъ казаковъ, и я этимъ пользовался. Въ виду регулярныхъ войскъ, изъ одного соревнованія съ ними, они готовы на все, и трудно себѣ представить такую лихую, молодецкую атаку, какъ подъ Жюилье (въ январѣ 1814 года), когда казачій полкъ Жирова шелъ въ атаку справа, Сысоева полкъ—слѣва, а два эскадрона павлоградскихъ гусаръ въ серединѣ...»

Послѣ французскихъ войнъ, Бенкендорфъ командовалъ нѣкоторое время драгунскою бригадою, а затѣмъ, зачисленный по кавалеріи, возвратился къ своей дипломатической дѣятельности и былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ ко двору короля Виртембергскаго.

Дипломатическія занятія не могли; однако, погасить въ немъ воинственнаго духа. Пріобрѣтя военную опытность и имя, почетное въ войскахъ, онъ ожидалъ только случая, чтобы снова явиться на свое любимое поприще. И вотъ, едва началась персидская война, какъ онъ, не колеблясь, рѣшается оставить семью, прекрасный климатъ Германіи, почетъ, которымъ былъ окруженъ при королевскомъ дворѣ, и пишетъ къ государю письмо, прося для себя назначенія въ Кавказскомъ корпусѣ. Императоръ Николай вполнѣ оцѣнилъ благородный порывъ отважнаго генерала, и, посылая его, еще осенью 26 года, въ Грузію, вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ сво-

имъ генералъ-адъютантомъ. Назначеніе его на Кавказъ было дано ему, однако, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи войны, онъ немедленно вернулся въ Петербургъ.

Бенкендорфъ пріѣхалъ въ Тифлисъ въ самый разгаръ интригъ и доносовъ Паскевича. По своему положенію при Дворѣ, ему естественно было принадлежать скорѣе къ сторонникамъ Паскевича, чѣмъ Ермолова. Тѣмъ не менѣе онъ отнесся съ подобающей справедливостью къ сплетнямъ о массонскихъ и архилиберальныхъ тенденціяхъ, будто бы обуявшихъ весь Кавказъ, и писалъ своему брату, шефу шандармовъ, что всѣ извѣты на Ермолова лживы. Письмо это было показано императору.

Паскевичъ, согласно съ желаніемъ самого государя, поручилъ Бенкендорфу командованіе авангардомъ,—положеніе, которое въ ермоловскихъ войскахъ обыкновенно принадлежало Мадатову. Украшенный Георгіемъ на шеѣ, пылкій, отважный, онъ быстро овладѣлъ любовью и уваженіемъ своихъ подчиненныхъ и повелъ ихъ къ побѣдамъ.

XIX.

Паскевичъ на Араксѣ.

Послѣ замедлившихся приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ 12 мая 1827 г., Паскевичъ выѣхалъ, наконецъ, изъ Тифлиса, окруженный блестящимъ конвоемъ изъ 500 человѣкъ грузинскихъ и армянскихъ князей лучшихъ фамилій. Дибича тогда уже не было на Кавказѣ; онъ выѣхалъ изъ Тифлиса еще 30 апрѣля. И Паскевичъ былъ теперь полнымъ и самостоятельнымъ распорядителемъ ввѣреннаго ему края.

Въ Шулаверахъ онъ осмотрѣлъ полки, уже готовые къ походу, и отдалъ приказъ выступать. 13 мая войска пошли эшелонами, но подвигались впередъ чрезвычайно медленно. Дороги были еще такъ плохи, что самъ Паскевичъ, ѣхавшій въ легкой коляскѣ, едва въ три дня сдѣлалъ 30 верстъ и добрался до Акзабіюкскаго поста. Отсюда онъ писалъ государю, что понимаетъ теперь, почему тяжелые транспорты проходили этотъ путь въ десять и болѣе дней.

Вообще, знакомясь съ обстоятельствами, въ которыхъ жило Закавказье, Паскевичъ научился многому и принималъ мѣры, необходимость которыхъ еще недавно ему не была понятна. Дѣйствующія войска онъ усиливалъ: изъ Нальчика, съ Кабардинской линіи уже шли къ нему два батальона Кабардинскаго полка, и въ то же время формировался конный армянскій легіонъ въ Тифлисѣ. Тамъ, 15 мая, въ армянскомъ соборѣ совершилась торжественная церемонія освященія армянскаго знамени, а 17 мая дружина уже выступила въ походъ къ Эривани. На пути ея поднималось армянское населеніе и присоединялось къ своимъ братьямъ. Скоро дружина насчитывала въ своихъ рядахъ болѣе 1000 всадниковъ, «пылавшихъ, — какъ доносилъ Паскевичъ, — духомъ вѣрности и преданности къ Россіи». Трудно изобразить восторгъ ихъ, когда, впослѣдствіи, передъ ихъ глазами встали святыя стѣны Эчміадзина, на которыхъ тихо колебалось русское знамя.

Въ тотъ день, какъ армянскій легіонъ выступалъ изъ Тифлиса, 17 числа, Паскевичъ былъ еще въ Акзабіюкѣ. Тамъ случилось одно обстоятельство, прибавившее уже къ тревожнымъ заботамъ о необезпеченномъ положеніи авангарда подъ Эриванью — новыя.

Въ главную квартиру пріѣхалъ курьеръ изъ Карабагскаго отряда, отъ генерала Панкратьева, съ депешами еще отъ 7 числа, чрезвычайной важности. Въ нихъ говорилось о смерти персидскаго шаха, будто бы скончавшагося за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ Тегеранѣ; извѣстіе это подтвердилось въ тотъ же день и частнымъ путемъ, совершенно съ другой стороны, изъ Нахичевани.

Извѣстія эти, основанныя на слухахъ, не были достовѣрны; но съ часу на часъ можно было ожидать, что они подтвердятся офиціальнымъ путемъ, и тогда для Россіи создалось бы совершенно иное положеніе. Смерть шаха, въ которой не было ничего невѣроятнаго по самой преклонности его лѣтъ и по тѣмъ тревогамъ, которыя пришлось ему пережить за послѣднее время, могла совершенно измѣнить рус-

скую политику и повліять на самый ходъ военныхъ дѣйствій. Слишкомъ хорошо извѣстны были послѣдствія, какими всегда сопровождается въ Персіи смерть царствующаго государя, чтобы не глядѣть съ опасеніемъ на будущее. Съ большой вѣроятностью можно было ждать, что въ Персіи произойдутъ серьезныя замѣшательства, что за раздорами многочисленныхъ шахскихъ сыновей поднимутся междоусобія, и мятежъ народный разольется отъ воротъ Тегерана до русской границы. Могло случиться прежде всего, что одинъ изъ сонаслѣдниковъ, ближайшій по мѣстопребыванію къ сокровищамъ покойнаго отца, раньше другихъ захватитъ вмѣстѣ съ ними власть и корону, какъ сдѣлалъ самъ Фетх-Али-Шахъ по смерти дяди, Ага-Магометъ-Хана, — и тогда Аббасъ-Мирза, отвлеченный отъ столицы войною, могъ быть легко оттѣсненъ и отъ престола. Паскевичу представлялась сложная задача рѣшить, какъ долженъ онъ поступать въ смутныхъ обстоятельствахъ, которыя могли возникнуть въ Персіи: поддерживать ли Аббасъ-Мирзу и съ нимъ трактовать о мирѣ, если онъ на первое время восторжествуетъ надъ другими претендентами на шахскій престолъ, или же принять предложенія того изъ претендентовъ, который покажетъ себя непритворно расположеннымъ къ Россіи, допуститъ ея вліяніе, и будетъ притомъ настолько силенъ, чтобы поддержать свои обѣщанія на дѣлѣ.

Но если бы исчезла всякая надежда на возможность возстановить порядокъ и единодержавіе въ землѣ, раздираемой различными честолюбцами, Паскевичъ предположилъ во всякомъ случаѣ принять подъ русское покровительство всѣ смежныя съ новою русскою границею ханства на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ нѣкогда были приняты въ подданство ханы карабагскій, ширванскій и другіе; онъ даже соглашался дать имъ права нѣсколько большія, оставивъ имъ совершенную политическую независимость, лишь бы только владѣнія ихъ заслоняли новыя пріобрѣтенія Россіи отъ всякаго покушенія персіянъ.

Всѣ недоумѣнія Паскевича, о которыхъ онъ писалъ къ

государю, были разъяснены, впослѣдствіи, распоряженіями изъ Петербурга, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ должны были послужить программою для дѣйствій Паскевича и на будущее время при всякихъ обстоятельствахъ. «Въ случаѣ междоусобной войны и всеобщаго безначалія,—писалъ ему графъ Нессельроде: — Персія легко можетъ подвергнуться совершенному разрушенію. Не будетъ существовать никакого правительства, и мы поставлены будемъ въ недоумѣніе, съ кѣмъ начать переговоры или установить вѣрныя сношенія. Въ такомъ положеніи дѣлъ, когда все погружено будетъ въ замѣшательство и разстройство, не слѣдуетъ принимать никакого участія во внутреннихъ раздорахъ, ни поддерживать ни того, ни другого соискателя престола, а быстро продолжать военныя дѣйствія, перейти за Араксъ и, главнымъ образомъ, занять Энзели, чтобы утвердиться на берегу Каспійскаго моря. Въ этомъ пунктѣ держаться до тѣхъ поръ, пока Персія будетъ волнуема междоусобіями, предлагая постепенно господствующей сторонѣ миръ и возвращеніе, какъ всѣхъ завоеваній на правомъ берегу Аракса, такъ и самаго Энзели, съ тѣмъ, чтобы Персія уступила Россіи Эриванское и Нахичеванское ханства и заплатила военныя издержки».

И относительно прочихъ ханствъ государь не былъ согласенъ съ мнѣніями Паскевича. Если бы ханы, пользуясь безначаліемъ, пожелали отторгнуться отъ Персіи и сдѣлаться независимыми, то Паскевичъ не долженъ былъ ни возбуждать ихъ къ подобной рѣшимости, ни отклонять отъ нея. Единственное обѣщаніе, которое онъ могъ имъ сдѣлать — это обѣщаніе убѣжища въ Россіи въ томъ случаѣ, если бы опасность принудила ихъ оставить ханства и удалиться въ Грузію. Государь постановлялъ непреложнымъ правиломъ — всемѣрно уклоняться отъ всякихъ обѣщаній, внушеній и воззваній, которыя могли бы возложить на Россію какія-либо стѣснительныя обязательства въ будущемъ; онъ требовалъ границы по Араксъ и не допускалъ никакихъ другихъ соображеній, могущихъ завлечь далѣе этой, ясно опредѣленной цѣли.

Отвѣтъ этотъ пришелъ, однако, лишь впослѣдствіи, когда Паскевичъ находился уже подъ Эриванью и когда достовѣрно стало извѣстно, что слухъ о смерти шаха ложенъ. Теперь же Паскевичъ шелъ впередъ, готовый къ дѣйствіямъ, но еще не увѣренный, какія дѣйствія ему предстоятъ. Обгоняя войска и любуясь ихъ молодецкимъ видомъ, онъ, впрочемъ, писалъ государю: «Надѣюсь съ Божьей помощью, что персіяне раскаются до истеченія пятимѣсячнаго срока въ томъ, что дерзнули объявить войну, и почетный миръ будетъ подписанъ въ стѣнахъ Тавриза». Изъ Гергеръ, 3-го іюня, Паскевичъ уѣхалъ, оставивъ войска позади и приказавъ слѣдовать за собою налегкѣ только лейбъ-гвардіи Сводному полку, полку донскихъ казаковъ и армянской сотнѣ съ двумя орудіями. Онъ торопился въ Эчміадзинъ, чтобы до прибытія туда войскъ ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ и безотлагательно принять необходимыя мѣры къ дальнѣйшему наступленію.

8-го іюня Паскевичъ уже былъ въ Эчміадзинѣ.

Здѣсь встрѣтилъ его посланный отъ Аббаса-Мирзы съ письмомъ и новыми предложеніями мира, впрочемъ весьма уклончивыми. Персіяне не шли далѣе уступокъ Ленкорани и Башъ-Абарани, т. е. владѣній, которыя давно уже принадлежали Россіи. Паскевичъ оставилъ письмо безъ отвѣта, а посланнаго приказалъ задержать, считая неумѣстнымъ самое появленіе его въ русскомъ лагерѣ.

«Аббасъ-Мирза еще не государь Персіи, — сказалъ онъ посланному: — пусть его величество, шахъ, самъ пришлетъ довѣреннаго сановника и черезъ него объявитъ мнѣ свои предложенія». Очевидно, посланный пріѣзжалъ только развѣдать о русскихъ силахъ. Онъ скоро и перемѣнилъ свою политику, стараясь выдать себя за человѣка, приверженнаго къ русскимъ, готоваго содѣйствовать имъ своими связями и къ овладѣнію Сардарь-Абадомъ, и къ возмущенію сильнаго авшарскаго племени, кочевавшаго возлѣ Урмійскаго озера. Паскевичъ окончилъ всѣ подобные разговоры словами: «мы никого не обманываемъ, и сами въ обманъ не дадимся».

Войска, между тѣмъ, подходили къ Эчміадзину и стано-

вились лагеремъ. Вся батарейная артиллерія тотчасъ была отправлена подъ Эривань, чтобы прибытіемъ своимъ устрашить гарнизонъ, а если комендантъ расположенъ сдать крѣпость, то доставить ему для того благовидный предлогъ. Бенкендорфъ давно уже писалъ къ Паскевичу, что Саватъ-Кули-Ханъ только ожидаетъ русскаго главнокомандующаго, чтобы войти съ нимъ въ непосредственныя сношенія. Но заявленія со стороны коменданта были только хитростію, такъ какъ все дѣло обороны находилось въ крѣпкихъ рукахъ стараго сардаря, человѣка, по выраженію Паскевича, «съ большимъ нравственнымъ духомъ». А онъ былъ вѣренъ Персіи. Комендантъ не смѣлъ, да и не могъ дѣйствовать противъ воли сардаря, и даже отвѣтъ на записку, которую Бенкендорфъ послалъ къ Савалъ-Кули-Хану, пришелъ за ханскою подписью. «Если Паскевичъ — писалъ эриванскій сардарь: — намѣренъ видѣть коменданта для переговоровъ о сдачѣ, — то это безполезно, такъ какъ, будучи главнымъ начальникомъ, я рѣшилъ уже не сдаваться». Но свиданіе по всякому другому дѣлу онъ разрѣшалъ, подъ условіемъ, однакоже, чтобы предметъ разговоровъ былъ ему извѣстенъ. Паскевичъ приказалъ Бенкендорфу отвѣтить, что не онъ просилъ свиданія у коменданта, а комендантъ самъ хотѣлъ его видѣть,— и затѣмъ перервать всякія сношенія съ крѣпостью.

Стойкость сардаря была тѣмъ непонятнѣе, что онъ, повидимому, не могъ разсчитывать ни на какую помощь. Съ прибытіемъ Паскевича въ Эчміадзинъ всѣ ожидали, что участь Эривани будетъ немедленно рѣшена. На этомъ настаивали генералы Унтилье и Трузсонъ. Между ними были разногласія только относительно времени, необходимаго для овладѣнія крѣпостью. Первый, начальникъ артиллеріи, считалъ, что для пробитія брешей потребуется 20 дней, а Трузсонъ, начальникъ инженеровъ, думалъ, что осада будетъ окончена въ двѣ недѣли. И какъ только прибыли подъ Эривань батарейныя роты, Трузсонъ не медля началъ устраивать батареи по ту сторону Занги, съ тѣмъ, чтобы разбить башню, которою оканчивалась у рѣки сѣверная сторона крѣпости.

9-го іюня, Паскевичъ самъ поѣхалъ подъ Эривань. Осматривая начатыя работы, чтобы удостовѣриться въ возможности овладѣть Эриванью, онъ нашелъ, что успѣхъ предпріятія почти безнадеженъ. Крѣпость имѣла двѣ высокія параллельныя стѣны, узкое пространство между которыми представляло препятствіе еще труднѣйшее, чѣмъ самый ровъ, опоясывавшій крѣпость. Внутренняя стѣна уставлена была орудіями, расположенными въ закрытыхъ башняхъ; наружная — имѣла бойницы и оборонялась ружейнымъ огнемъ и фальконетами. Самый пунктъ для атаки выбранъ былъ весьма неудачно. Русскимъ батареямъ приходилось стрѣлять съ праваго берега рѣки, на разстояніи около 120 саженей, давая орудіямъ большое возвышеніе, такъ какъ лѣвый берегъ, на которомъ стояла крѣпость, значительно командовалъ правымъ, — и выстрѣлы не могли быть вѣрны. Если бы даже орудія и разбили башню, то брешь образовалась бы со стороны Занги, гдѣ возвышается скала, болѣе чѣмъ на 15 саженъ, — и штурмовать эту брешь было бы сопряжено съ неимовѣрными трудностями, такъ какъ за нею вставала другая, внутренняя стѣна, также увѣнчанная башнею. «При такихъ условіяхъ, — писалъ самъ Паскевичъ: — нельзя было опредѣлить, когда бы предпріятіе сіе окончилось, и сколько бы стоило зарядовъ, коихъ у меня только 3000. Я приказалъ прекратить работы, ибо успѣха отъ нихъ ожидать было нельзя».

Въ это время въ числѣ сподвижниковъ Паскевича выдвигается новая личность, незначительная по своему служебному положенію, но обнаружившая рѣшительное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Это былъ рядовой 8-го піонернаго батальона, Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, разжалованный по дѣлу 14 декабря 1825 г. изъ капитановъ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона. Онъ пріѣхалъ на Кавказъ изъ Сибири, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по несчастію, Коновницынымъ, въ самомъ началѣ 1827 года, когда главнокомандующимъ кавказскаго корпуса былъ еще Ермоловъ. Снисходя къ тяжелому положенію молодыхъ образованныхъ

людей, брошенныхъ судьбою въ его распоряженіе, Ермоловъ принялъ ихъ съ своею обычною ласкою. Вотъ какъ, тепло и сердечно, разсказываетъ Пущинъ въ своихъ запискахъ о своей первой встрѣчѣ съ нимъ.

«Ермоловъ — пишетъ онъ: — не заставилъ насъ (его и Коновницына) дожидаться, какъ Паскевичъ; онъ тотчасъ позвалъ насъ въ кабинетъ, гдѣ вмѣстѣ съ Раевскимъ и Суворовымъ сидѣлъ безъ жилета и галстуха, въ одной рубашкѣ, Раевскій, съ которымъ я былъ знакомъ еще въ Могилевѣ, бросился меня обнимать; Суворовъ просилъ его познакомить съ нами, и знакомство наше, тутъ начавшееся, обратилось въ душевную дружбу во все время пребыванія Александра Аркадьевича Суворова на Кавказѣ. Тогда и Ермоловъ, вставая, сказалъ: «позвольте же и мнѣ васъ обнять и поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ Сибири, что явно доказываетъ, что государь, возвращая васъ къ полезной дѣятельности, даетъ вамъ случай къ отличію, — а наше дѣло вамъ въ этомъ помогать». Онъ просилъ насъ сѣсть, предложилъ чаю, разспрашивалъ о пребываніи нашемъ въ Сибири, обнадеживалъ, что и Кавказъ оставитъ въ насъ хорошее воспоминаніе. Продержавъ насъ съ часъ времени, отпустилъ съ благословеніемъ на новое поприще».

«Часъ этотъ, проведенный у Ермолова, — говорилъ Пущинъ, — поднялъ меня въ собственныхъ глазахъ моихъ и, выходя отъ него, я уже съ нѣкоторою гордостью смотрѣлъ на свою солдатскую шинель».

Зачисленный на службу въ 8 піонерный батальонъ, Пущинъ былъ назначенъ въ авангардъ Бенкендорфа. Самоотверженіе и мужество его искали только случая выказаться, а этихъ случаевъ въ то время представлялось такъ много, что ими надо было только умѣть пользоваться. По словамъ самаго Паскевича, русскіе много были обязаны тогда энергіи Пущина, который съумѣлъ поставить свое имя въ ряду самыхъ выдающихся дѣятелей персидской и слѣдовавшей за нею турецкой войнъ.

Благодаря этому-то Пущину и былъ рѣшенъ вопросъ объ осадѣ Эривани. Находясь все время въ составѣ блокаднаго корпуса, онъ не терялъ времени даромъ, и часто, по вечерамъ, переодѣвшись въ персидскую одежду, тайно ходилъ въ Эривань, снялъ на планъ укрѣпленія и изучилъ окрестную мѣстность такъ, что безошибочно могъ судить о начавшихся тогда осадныхъ работахъ.

Вотъ что разсказываетъ онъ объ этомъ эпизодѣ эриванской блокады: «Два дня и двѣ ночи вели мы траншеи, оставляя между собою и непріятелемъ рѣку Зангу такой быстроты, что вода ворочала и уносила каменья. Я не могъ понять плана этихъ работъ, не смѣлъ строго судить, потому что Трузсонъ пользовался репутаціею лучшаго инженера. На третій день осады, не знаю почему, самъ ли отъ себя, или кто напомнилъ обо мнѣ, но Паскевичъ призвалъ меня и просилъ откровенно сказать ему мое мнѣніе объ осадѣ Я объявилъ, что «ничего не понимаю въ этомъ планѣ и думаю, что со стороны начатой нами осады—мы крѣпости не возьмемъ. Но есть у меня свой планъ, изученный въ два мѣсяца стоянки подъ Эриванью, и отвѣчаю, что послѣ восьми-дневной осады крѣпость должна покориться, но только не въ это время года, когда половина солдатъ, послѣ ночи, проведенной на работахъ, отправляется въ госпиталь, гдѣ скоро не будетъ мѣста больнымъ. Поэтому, по моему мнѣнію, слѣдуетъ снять осаду и уходить куда-нибудь въ горы искать прохлады, и отдыхать до осени».

Паскевичъ согласился. «Я видѣлъ,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ донесеній государю: — что безъ осады нельзя овладѣть крѣпостью, и что, не сдѣлавъ бреши, нельзя отважиться на приступъ: успѣхъ былъ не вѣренъ, ибо средствъ было мало, и мнѣ нужны были артиллерійскіе снаряды для рѣшительныхъ дѣйствій на лѣвомъ флангѣ, въ Нахичеванскомъ ханствѣ. Кромѣ того, планъ Трузсона насчетъ осады совершенно несогласенъ съ мнѣніями другихъ, и на военномъ совѣтѣ, на которомъ присутствовали генералы: Красовскій, Бенкендорфъ и Унтилье, онъ долженъ былъ дѣйствительно

сознаться, что всего выгоднѣе вести апроши не оттуда, откуда онъ началъ, а съ юго-восточной стороны крѣпости, отъ кургана Муханатъ-Тапа. Продолжая осаду, я потерялъ бы 20 дней и былъ бы долженъ идти къ Нахичевани въ самое жаркое время. Итакъ, самая необходимость заставляла меня, сходно съ прежними предположеніями, идти на Нижній Араксъ и прежде овладѣть Нахичеванью, чтобы лишить эриванскій гарнизонъ возможности получить съ той стороны какую-нибудь помощь. Подъ Эриванью же, для наблюденія, какъ за этою крѣпостью, такъ и за Сардарь-Абадомъ, останется особый отрядъ, который, съ наступленіемъ сильныхъ жаровъ, расположится въ горахъ и приступитъ къ осадѣ только осенью, когда прибудетъ осадная артиллерія».

На послѣднее рѣшеніе Паскевича, безъ сомнѣнія, имѣла вліяніе и страшная болѣзненность, опустошавшая ряды блокаднаго корпуса. «День ото дня — писалъ онъ государю: — я убѣждаюсь, что невозможно будетъ блокировать крѣпость, ибо въ продолженіе пяти дней, какъ я здѣсь, 400 человѣкъ больныхъ привезено въ Эчміадзинъ. Изъ опыта молдавскихъ кампаній я знаю, какъ уменьшаются полки болѣзнями, и боюсь, чтобы войска не дошли до того, что нечѣмъ будетъ и осады дѣлать. Въ Молдавіи случалось, что изъ числа людей въ полку три части были въ лазаретахъ, и четвертая только во фронтѣ».

Рѣшенія свои Паскевичъ немедленно началъ приводить въ исполненіе. 15-го іюня блокадный корпусъ былъ смѣненъ. Отрядъ Бенкендорфа поступилъ въ составъ главныхъ силъ, а полки 20-й дивизіи, Севастопольскій и Крымскій пѣхотные, 39-й и 40-й егерскіе, 6-й піонерный батальонъ и 38 орудій 20-й артиллерійской бригады стали подъ Эриванью.

Командиромъ новаго блокаднаго корпуса назначенъ былъ генералъ Красовскій, бывшій начальникъ корпуснаго штаба, отказавшійся отъ этой должности, вслѣдствіе непріятностей съ Паскевичемъ, и попрежнему вступившій въ командованіе 20-ю пѣхотною дивизіею. На мѣсто его, начальникомъ корпуснаго штаба, уже по высочайшему повелѣнію, назначенъ

былъ генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ, а до пріѣзда его изъ Петербурга, временное исправленіе должности было возложено самимъ Паскевичемъ на полковника Н. Н. Муравьева. Не лишнее, однако, сказать, что и съ этимъ новымъ своимъ помощникомъ Паскевичъ не ладилъ. По крайней мѣрѣ, извѣстный Грибоѣдовъ (родственникъ Паскевича), бывшій въ это время при немъ въ качествѣ дипломатическаго чиновника, писалъ къ П. Н. Ахвердовой, на дочери которой былъ женатъ Муравьевъ, слѣдующее: «Главнокомандующій очень уважаетъ вашего зятя и имѣетъ къ нему полное довѣріе; но какая-то адская сила тутъ мѣшается. Между ними весьма часты сильныя размолвки: одинъ кричитъ, другой дуется, а моя глупая роль мирить ихъ. Однако я вамъ не поручусь, чтобы въ одинъ прекрасный день они не разсорились навсегда. Дѣло въ томъ, что генералъ бываетъ иногда въ такомъ настроеніи, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, а зять вашъ, по своему характеру, не способенъ ублажать»... Такъ шли дѣла до тѣхъ поръ, пока, 14-го іюля, не прибылъ, наконецъ, графъ Сухтеленъ. Онъ принялъ должность начальника штаба; Муравьевъ остался его помощникомъ.

На другой день послѣ смѣны блокаднаго корпуса, 16-го іюня, полки Бенкендорфа потянулись на сборный пунктъ, верстахъ въ 50-ти отъ Эривани, гдѣ сосредоточивались главныя силы Паскевича. 19-го числа весь корпусъ передвинулся на рѣку Гарни-чай, — и былъ объявленъ походъ въ Нахичевань.

Здѣсь, на Гарни-чаѣ, корпусъ раздѣленъ былъ на двѣ дивизіи:

Въ 1-ю, подъ начальство генералъ-маіора князя Вадбольскаго, назначены были полки: лейбъ-гвардіи Сводный, Херсонскій гренадерскій, и 7-й карабинерный, батальонъ піонеровъ, Борисоглѣбскій и Серпуховскій уланскіе полки, армянская дружина и 24 конныхъ и пѣшихъ орудій.

Во 2-ю дивизію, генералъ-лейтенанта князя Эристова,— Грузинскій, гренадерскій, Ширванскій и Тифлисскій пѣхотные, Нижегородскій драгунскій и 24 конныхъ и пѣшихъ

орудій. Начальникомъ черноморской казачьей бригады назначенъ полковникъ, флигель-адъютантъ князь Долгоруковъ; четыре донскіе полка остались въ командѣ своего походнаго атамана, генерала Иловайскаго. Бенкендорфу порученъ былъ авангардъ, а въ бою — командованіе всею регулярною кавалеріею.

Но походъ замедлился на нѣсколько дней, такъ какъ дальнѣйшій путь требовалъ большой предусмотрительности.

О непріятелѣ вѣрныхъ свѣдѣній въ то время не имѣлось. Были слухи, что шахъ, съ 20-тысячною конницею, находится еще въ Уджанахъ, въ двухъ, трехъ переходахъ отъ Тавриза, да отъ 10 до 20 тысячъ войскъ занимаютъ этотъ городъ. Одинъ изъ сыновей шаха, съ отдѣльнымъ корпусомъ, стоялъ у Худоперинскаго моста; но, какъ говорили, ему запрещено было переходить черезъ Араксъ. Аббасъ-Мирза стоялъ въ Хоѣ; онъ пріѣзжалъ осматривать укрѣпленія Аббасъ-Абада и уѣхалъ назадъ, такъ какъ и ему предписано было не вступать въ дѣло съ русскими. Шахъ разсчитывалъ, очевидно, соединить всѣ свои силы и тогда уже дать генеральное сраженіе за Араксомъ.

Такимъ образомъ, встрѣтить на пути къ Нахичевани сильнаго непріятеля Паскевичъ не разсчитывалъ. Тѣмъ не менѣе, предстоявшій походъ могъ представить едва преоборимыя трудности въ другихъ отношеніяхъ. Передъ войсками лежала обезлюдѣвшая страна, грозившая именно своею пустотою и мертвенностію. До прихода русскихъ войскъ, Эриванскую область населяло до двадцати различныхъ татарскихъ племенъ, частію кочевыхъ, частію хлѣбопашцевъ, и въ числѣ послѣднихъ были цѣлыя деревни армянъ. Теперь всѣ осѣдлые жители угнаны были за Араксъ, чтобы оставить поля невоздѣланными, и этимъ лишить русскихъ возможности продовольствовать войска средствами края. Кочующіе татары, спугнутые съ своихъ пастбищъ, также покидали землю; меньшая часть уходила въ Турцію, большинство шло къ персіянамъ: иные охотно поступали въ конницу Гассанъ-Хана, другіе укрывались въ горахъ. третьи, карапапахи, открыто

разбили свое становище по ту сторону Аракса и, подъ начальствомъ своихъ лучшихъ наѣздниковъ, Наги-Хана и Измаилъ-Аги, готовились дѣйствовать самостоятельно. Изъ всѣхъ этихъ племенъ и составился теперь новый врагъ, не лишенный серьезнаго значенія. Особенно карапапахи представляли противника, котораго игнорировать не приходилось. Этотъ народъ составился изъ бродягъ — и русскихъ, и персидскихъ, и турецкихъ. Между ними были люди необыкновенной храбрости, славившіеся удалью своихъ разбоевъ во всѣхъ окрестныхъ областяхъ. Къ нимъ подъ защиту стекались теперь толпы подобныхъ имъ удальцовъ, и они могли стать весьма опасными. Вступленіе русскихъ войскъ въ близкія къ нимъ области было имъ чрезвычайно непріятно: они чувствовали, что сильны только слабостью персидскаго правительства, и сознавали свою ничтожность предъ твердымъ правленіемъ и превосходствомъ русскаго оружія. И изъ всѣхъ этихъ племенъ, кочевавшихъ тогда въ горахъ отъ истоковъ Занги до границъ Карабага, ни одно не помышляло прибѣгнуть подъ русское покровительство; они думали въ ущельяхъ и скалахъ своихъ спокойно переждать тучу русскаго вторженія, чтобы потомъ стать на сторонѣ того, кто окажется сильнѣйшимъ. Единственное исключеніе составляли шадлинцы. Только ихъ предводитель, Асланъ-султанъ, представительный старикъ, явился въ Эчміадзинъ къ Паскевичу, и привелъ съ собою нѣсколькихъ молодыхъ шамшадыльскихъ татаръ, приносившихъ повинную голову отъ имени своихъ отцовъ, бѣжавшихъ въ Персію, въ числѣ 80 семей, еще при Ермоловѣ. Главнокомандующій объявилъ имъ прощеніе и разрѣшилъ или вернуться на родину, или остаться на тѣхъ мѣстахъ, которыя они теперь занимали, «ибо — какъ говорилъ Паскевичъ: — вездѣ Россія, гдѣ властвуетъ русское оружіе».

Вмѣстѣ съ Асланъ-Ханомъ явились, правда, и 10 карапапахскихъ старшинъ. Но на самыхъ лицахъ ихъ написана была недовѣрчивость; они пришли единственно съ тѣмъ, чтобы своими глазами убѣдиться, въ достаточныхъ ли силахъ пришли русскіе, чтобы удержаться въ тамошнемъ

краѣ. «Наружность ихъ — писалъ Паскевичъ: — была болѣе испытующая, нежели покорная. Утвердить ихъ въ нашемъ могуществѣ было, однако, не трудно. Авангардный лагерь подъ Эриванью и главный станъ подъ монастыремъ внушили имъ почтеніе».

Пребываніе въ Эчміадзинѣ, а потомъ и на Гарни-чаѣ, шадлинскаго султана успѣло нѣсколько поколебать умы туземцевъ, склоняя ихъ на русскую сторону. Человѣкъ 60 шадлинцевъ бросили оружіе и бѣжали изъ Сардарь-Абада, человѣкъ 50 карапапаховъ, изъ лучшихъ всадниковъ Наги-Хана, покинули его и вернулись къ Гокчѣ. Но то были пока лишь отдѣльныя исключенія.

Нужно было принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы сдѣлать татарскія племена возможно менѣе опасными. Наиболѣе цѣлесообразною изъ такихъ мѣръ было войти съ ними въ мирныя сношенія. Какъ ни ничтожно было число татаръ, передавшихся на русскую сторону, но примѣръ заразителенъ, и можно было надѣяться, что найдутся и другіе, которые послѣдуютъ за ними уже по проложенной дорогѣ. И вотъ, Паскевичъ, еще изъ лагеря подъ Эриванью, отправилъ въ горы нѣсколько шадлинцевъ, чтобы завязать съ татарами мирныя сношенія и на первый разъ, по крайней мѣрѣ, установить между ними и русскими торговлю скотомъ. Главная же цѣль главнокомандующаго состояла не въ этомъ. Ему нужно было занять кочевниковъ переговорами, чтобы растянувшіеся на десятки верстъ русскіе транспорты были хотя на время обезопасены со стороны озера Гокчи, гдѣ именно и укрывались теперь карапапахи, дышавшіе разбоемъ не менѣе тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые служили въ полчищахъ у Наги-Хана. Персіяне и сами не побуждали ихъ къ переселенію, зная, что, оставаясь и въ горахъ, они сослужатъ имъ добрую службу. Отличные наѣздники, но нерадивые земледѣльцы, они не могли оказать русскимъ никакой подмоги въ продовольствіи, а между тѣмъ, обращенные противъ русскихъ, составили бы отборную кон-

ницу, которая на каждомъ переходѣ, отовсюду вредила бы отряду.

Послѣдствія этихъ благоразумныхъ мѣръ сказались немедленно. 9-го іюня, подъ Эриванью, Паскевича извѣстили, что Гассанъ-Ханъ замышляетъ набѣгъ на русскія сообщенія, намѣреваясь пройти съ огнемъ и мечомъ отъ Гумръ чрезъ Джалалъ-Оглы и Башкечетъ до Цалки. 1500 всадниковъ, предводимыхъ Джафаромъ и Наги-Ханомъ, уже были готовы къ походу. Но прибытіе Паскевича въ Эчміадзинъ и тотчасъ же начатые переговоры съ окрестными татарами заставили Гассана пріостановиться набѣгомъ; а между тѣмъ на Лорійской степи успѣли принять мѣры къ его отраженію, — и войска заняли нѣкоторые пункты, чтобы охранять жителей во время ихъ полевыхъ работъ. Предпріятіе Гассанъ-Хана разстроилось. Конечно, сдѣлать буйную персидскую конницу совершенно безвредною, нечего было и надѣяться. Но вся дѣятельность ея съ тѣхъ поръ ограничивается лишь нѣсколькими набѣгами на русскія сообщенія, преимущественно въ окрестностяхъ самаго Эчміадзина.

Такъ, 18 іюня, четыре донскіе казака и четыре всадника татарской милиціи, отправившіеся на фуражировку, были окружены персіянами въ пяти верстахъ отъ монастырскихъ воротъ, и изъ восьми человѣкъ спаслось только двое,— шестеро были или убиты или взяты въ плѣнъ. Черезъ три дня, 21 іюня, когда Паскевичъ былъ уже на Гарничаѣ, случилось болѣе крупное происшествіе. Въ этотъ день три офицера: Шепелевъ, Бурцевъ и Болховскій ѣхали изъ Джалалъ-Оглы къ Эчміадзину. Отъ Амамловъ ихъ сопровождала рота пѣхоты и нѣсколько конныхъ армянъ. На пути, за Бомбакскимъ хребтомъ, въ долинѣ Башъ-Абарани они встрѣтили персидскую партію, и выдержали съ нею стычку. Курды нападали врасыпную; русскіе берегли выстрѣлы и все подавались впередъ. Человѣкъ 8 татаръ было убито, и — что самое важное — убитъ былъ сынъ самого Наги-Хана. Это разстроило партію,—и курды отстали. Между тѣмъ, проѣхавъ нѣсколько верстъ, офицеры встрѣтили маркитантскій обозъ въ

120 арбъ, слѣдовавшій изъ Эчміадзина къ Амамламъ. Офицеры предупредили маркитантовъ, что на дорогѣ стоитъ куртинская партія, съ которою они только что имѣли стычку. Маркитанты махнули рукой и поѣхали дальше. Потомъ оказалось, что за три дня передъ тѣмъ они уже пытались отправиться изъ Эчміадзина, не ожидая оказіи, но, встрѣченные случайно самимъ Паскевичемъ, были возвращены обратно. Когда войска ушли, они воспользовались слабымъ надзоромъ и уѣхали одни, торопясь въ Тифлисъ за новыми товарами. Ихъ гнала жажда скорѣйшей наживы. Но случилось именно то, на что должно было разсчитывать. Курды напали на обозъ, и изъ 140 человѣкъ грузинъ и армянъ не спасся ни одинъ; часть отведена была въ плѣнъ, въ лагерь Наги-Хана, остальные изрублены и брошены на мѣстѣ. Шепелевъ, возвращавшійся на другой день изъ Эчміадзина по той же самой дорогѣ, видѣлъ ихъ трупы. Конечно, противъ подобныхъ частныхъ случаевъ разбоя дѣлать было нечего. Но чтобы обезопасить путь къ Нахичевани, Паскевичъ передъ самымъ выступленіемъ на Гарни-чай завязалъ новыя сношенія съ тою отраслью карапапахскаго народа, которая держалась около Гокчи.

Ему извѣстно было, что послѣ Наги-Хана, между карапапахами наиболѣе знаменитъ умомъ и отвагою нѣкто Мамедъ-Ага, оставшійся въ горахъ по сю сторону Аракса,— и онъ попытался войти съ нимъ въ тѣсныя сношенія. Съ этою цѣлью отправленъ былъ въ горы поручикъ Каргановъ съ тремя грузинскими дворянами; за безопасность ихъ поручился шадлинскій султанъ, который вызвался служить Карганову и проводникомъ, оставивъ сына и брата заложниками въ лагерѣ.

О томъ, что русскія войска пойдутъ въ Нахичевань, не зналъ даже Каргановъ. Паскевичъ хранилъ это въ глубокой тайнѣ, усиленно распространяя, напротивъ, между кочевниками слухъ, что намѣренъ пока ограничиться одной блокадой Эривани.

Переговоры Каргановъ на первый разъ повелъ такъ

успѣшно, что Паскевичъ справедливо могъ считать татарскія племена, кочевавшія на его пути, достаточно успокоенными, чтобы не опасаться со стороны ихъ сильной помѣхи въ движеніи къ Нахичевани. Но случилось неожиданное обстоятельство, которое, казалось, опровергало эти надежды. Едва войска, 19-го іюня, стали на Гарни-чаѣ, какъ въ первую же ночь отъ шадлинскаго султана прискакалъ въ лагерь нарочный съ извѣстіемъ, что карапапахи вновь поднимаются на русскихъ, что Гассанъ-Ханъ, по ихъ приглашенію, прошелъ горами, отъ Алагеза на Гокчу, и Каргановъ вмѣстѣ съ грузинами взяты въ плѣнъ.

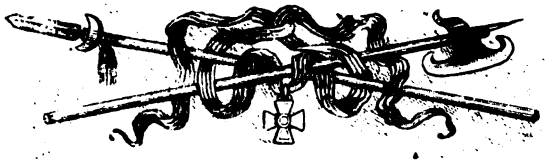
Извѣстіе это оказалось, къ счастію, преувеличеннымъ. Въ горахъ, дѣйствительно, поднялась тревога, но ее распространили искуственно неблагонамѣренные люди, чтобы запугать какъ Карганова, такъ и тѣхъ изъ татаръ, которые уже склонялись измѣнить персіянамъ. Каргановъ при этихъ обстоятельствахъ не потерялъ, однако, присутствія духа. Зная характеръ людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, онъ захватилъ одного изъ возмутителей, несмотря на то, что былъ окруженъ толпой его соумышленниковъ, и жестоко избилъ его нагайкою. Въ то же время онъ на-угадъ объявилъ народу, что русскіе идутъ на Гарни-чай, и что нѣтъ такихъ тѣснинъ, которыя они не прошли бы для обузданія непокорныхъ. Ни самъ Каргановъ, ни карапапахи вовсе не ожидали появленія войскъ на пути къ Нахичевани; но когда на утро узнали, что русскіе дѣйствительно на Гарни-чаѣ, участь возмущенія была рѣшена: 900 семействъ изъявили покорность, и 150 карапапахскихъ всадниковъ спустились съ горъ, чтобы представиться Паскевичу. Между ними былъ и Мамедъ-Ага, о привлеченіи котораго на русскую сторону такъ много заботился главнокомандующій. Паскевичъ тутъ же поставилъ его векилемъ, т. е. начальникомъ кочевокъ,—и половина племени отложилась отъ непримиримаго врага Россіи, Наги-Хана.

21-го іюня, когда все успокоилось и передъ русскими войсками лежалъ открытый путь, корпусъ двинулся, нако-

турками. Шахъ-Надиръ вновь закрѣпилъ ее за Персіей; но городъ болѣе уже никогда не возникалъ изъ своихъ развалинъ. И теперь, когда русскія войска вступали въ него, — Нахичевань представляла лишь жалкіе слѣды прежняго величія. На пространствѣ болѣе чѣмъ десяти верстъ лежали развалины, и на нихъ—ничтожный городъ, вмѣщавшій въ себѣ не болѣе пяти тысячъ жителей.

26-го іюня Паскевичъ занялъ его безъ боя. Жители сосѣднихъ горныхъ отроговъ явились съ изъявленіями покорности.

Но въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ Нахичевани лежала на Араксѣ значительная крѣпость Аббасъ-Абадъ, только овладѣвъ которой можно было довершить покореніе Нахичеванской области. На нее и направилъ теперь свои удары Паскевичъ...



РАЗСКАЗЫ О ПОДВИГАХЪ РУССКИХЪ МОРЯКОВЪ.

Разсказъ I. **Наваринскій бой.** Съ картинк. **20** к.
» II. **Синопскій бой.** Съ двумя карт. **25** к.
» III. **Чесменскій бой** . . . . . **15** к.
» IV. **Петропавловскій бой.** Съ портретами и картинками. **25** к.

Одобрено особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Мартъ 1884 г.)

Въ № 136 отъ 19-го ноября 1882 г. морской газеты «Кронштадскій Вѣстникъ», *о двухъ первыхъ разсказахъ, между прочимъ сказано:*

«Составлены онѣ очень умѣло и бойко по извѣстнымъ источникамъ. Языкъ брошюръ очень хорошій и вполнѣ понятный, безъ неестественнаго поддѣлыванія подъ простонародную рѣчь, которымъ грѣшитъ *большинство нашихъ изданій* для народа.. ... мы съ «удовольствіемъ привѣтствуемъ новыя брошюры г. Березовскаго какъ составляющія новый и весьма близкій «нашему сердцу вкладъ въ нашу военно-народную литературу».

К. СЛУЧЕВСКАГО.

ПО СѢВЕРУ РОССІИ.

Путешествіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя **Владиміра Александровича** и Великой Княгини **Маріи Павловны** въ 1884 и 1885 годахъ. Два тома. Съ картою пути и 65 рисунками. 1886 г.

Цѣна за 2 тома:

брошюрованные **12** р., съ пересылкою **14** р., въ роскошномъ переплетѣ **16** р., съ пересылкою **18** р.

БАЛТІЙСКАЯ СТОРОНА

одинъ томъ, 487 стр. Путешествіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя **Владиміра Александровича** и Великой Княгини **Маріи Павловны** въ 1886 и 1887 годахъ.

Цѣна **3** р., въ роскошномъ переплетѣ **5** р., на пересылку **1** р.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Составилъ В. А. ПОТТО.

Томъ I. 2-е изданіе 1887 г. изящно отпечатанное на тоновой бумагѣ, съ виньетками и заставками къ каждой главѣ, работы художника К. А. Газенкампфа и ксилографа Н. Г. Денисовскаго, изъ 4 выпуск. отъ начала войны до назначенія Ермолова. 1887 г. **6** р.

Выпускъ I. Кавказъ. Кавказъ до Петра. Петровскіе походы. Кавказъ отъ Петра до Екатерины II. Генералъ Медемъ. Подвигъ Платова. Геройская оборона Наурской станицы. Неудачный походъ Тотлебена въ Грузію. Генералъ Якоби. Суворовъ на Кавказѣ. Донскіе гулебщики. Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ. Шейхъ-Мансуръ.

Выпускъ II. Закаспійская экспедиція (графъ Войновичъ). Генералъ-Аншефъ Текелли. Бѣдственный походъ Бибикова на Анапу. Нашествіе Баталъ-паши (генералъ Германъ). Графъ Гудовичъ (паденіе Анапы). Грузія въ ея историческомъ прошломъ. Эпоха персидскаго владычества въ Грузіи (шахъ-Абасъ). Занятіе Тифлиса русскими въ 1783 г. Послѣднія бѣдствія Грузіи (Ага-Магометъ-ханъ). Персидскій походъ Зубова. Присоединеніе Грузіи (Кнорринга и Лазаревъ).

Выпускъ III. Князь Цицiановъ. Генералъ Гуляковъ. Эриванскій походъ. Геройскій подвигъ Монтрезора. Подвигъ полковника Карягина. Генералъ Завалишинъ. Графъ Гудовичъ. Редутъ-Кале. Генералъ Несвѣтаевъ: Графъ Тормасовъ. Чхери и Мухури. Маркизъ Паулуччи. Ганералъ отъ инфантеріи Ртищевъ. Генералъ Симановичъ. Котляревскій.

Выпускъ IV. Черноморское войско. Чепѣга и Головатый. Бзіюкская битва. Атаманъ Бурсакъ. Анапа въ 1807—1812 годахъ. Гибель Новогригорьевскаго поста. Смерть Тиховскаго. Кавказская линія. Генералъ Глазенапъ. Генералъ-маіоръ Лихачевъ. Булгаковъ. Генер.-маіоръ Портнягинъ. Кавказско-горское ополченіе въ 1812 г. Генералъ Дельпоппо.

Томъ II. Ермоловское время. Изъ 4 выпусковъ. 1886 г. . . . . **6** р.

Выпускъ I. Ермоловъ. Посольство въ Персію. Плѣнъ Швецова. Чечня. Грозная. Крѣпость Внезапная. Въ лѣсахъ и аулахъ Чечни (Генералъ Грековъ). Два типа (Черновъ и Бей-Булатъ). Чеченскій мятежъ 1825 г. Герзель-Аулъ (гибель Грекова и Лисаневича). Ермоловъ въ Чечнѣ.

Выпускъ II. Дагестанъ. Бѣгство царевича Александра. Разгромъ Мехтулы. Покореніе Каракайтага. Паденіе Акуши. Защита Чирагскаго укрѣпленія. Походъ въ Казикумыкъ. Дагестанъ въ 1821—1826 годы. Поѣздка Муравьева въ Хиву.

Выпускъ III. Адыгскій народъ Черкесскіе набѣги. Кабардинскія дѣла. Покореніе Кабарды. Правый флангъ. Тревоги 1823 г. Вельяминовъ за Кубанью. Капыревъ на правомъ флангѣ. Набѣгъ Джембулата. На бѣглыхъ кабардинцевъ. Кабардинскій бунтъ. Смерть Джембулата Кучукова.

Выпускъ IV. Черноморье при атаманѣ Матвѣевѣ. Калаусское пораженіе шапсуговъ. Послѣ Калаусской битвы. Черноморье въ 1825—26 годахъ. Послѣдніе дни Власова. Закавказье при Ермоловѣ и Вельяминовѣ Кахетія и Карталинія. Татарскія дистанціи. Присоединеніе ханствъ. Церковный бунтъ. Абхазія. Ермоловъ въ Персидской войнѣ Послѣдніе годы Ермолова.
Внесено въ основной каталогъ.

Томъ III. Персидская война 1826—1828 гг. Изъ 4 выпусковъ . . . . . **6** р.

Выпускъ I. Предвѣстники персидской войны. Вторженіе Персіянъ. На Эриванской границѣ. Защита Шуши. Измѣна Ганжи. Возмущеніе ханствъ. Дѣйствія Ермолова. Битва подъ Шамхоромъ. Елизаветпольская побѣда.

Выпускъ II. Паскевичъ. Давыдовъ на Эриванской границѣ. Въ Карабагѣ. Замиреніе провинцій. Зима въ Карабагѣ. Планы вторженія въ Персію. Смѣна Ермолова и первыя дѣйствія Паскевича. Занятіе Эчміадзина. Авангардъ подъ Эриванью. Паскевичъ на Араксѣ.

Выпускъ III. Взятіе Аббасъ-Абада и Джеванбулакскій бой. Грибоѣдовъ въ персидскомъ лагерѣ. Походный атаманъ Иловайскій. Коммуникаціонная линія. Возвращеніе карабагскаго хана. Стоянка въ Кара-Бабѣ и урдабадская битва. Красовскій. Снятіе блокады Эривани. Аштаракская битва. Подъ Сардарь-Абадомъ. Покорен .Эривани.

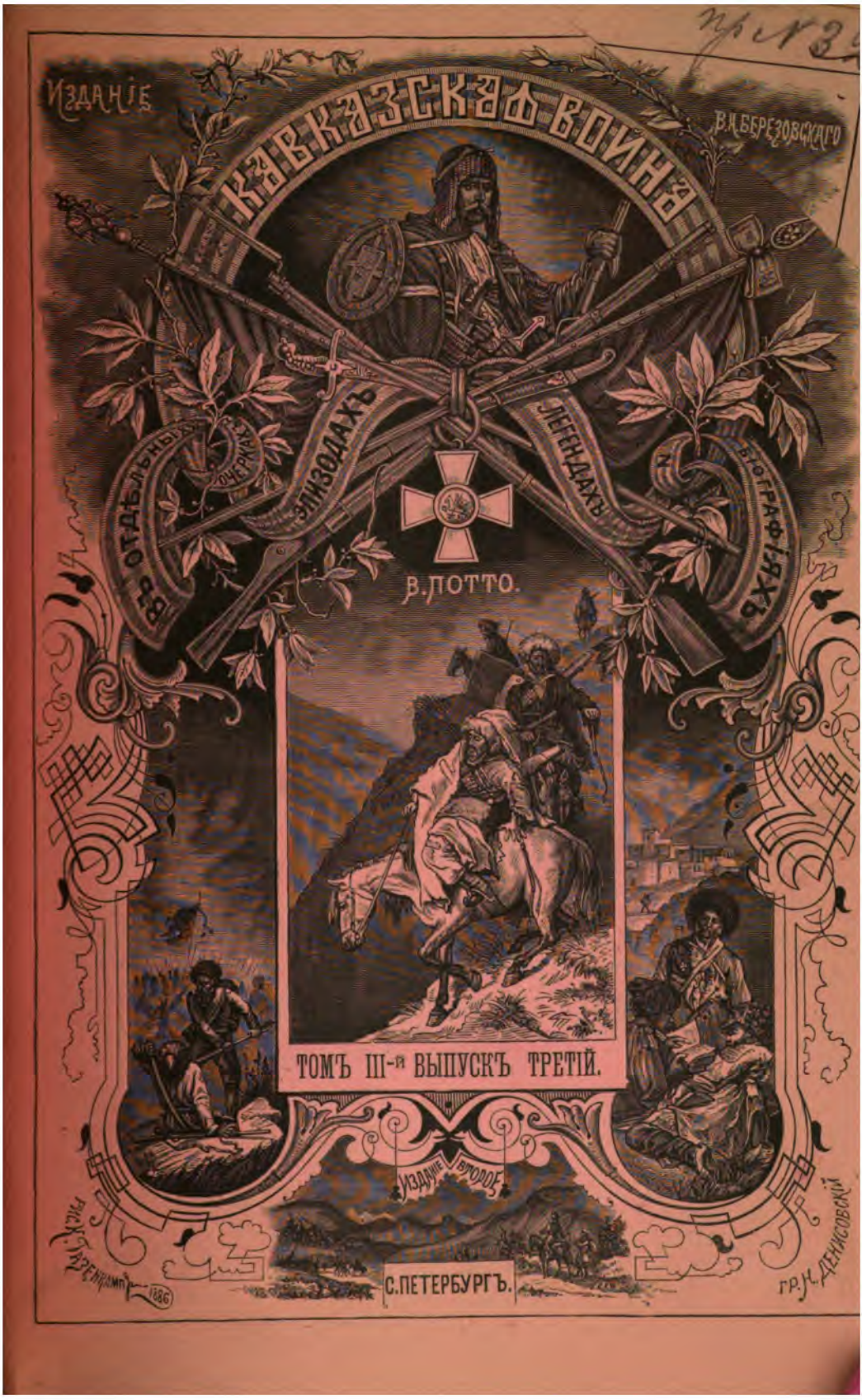
Выпускъ IV. Взятіе Тавриза. Мирные переговоры въ Адербейджанѣ. Походъ 1828 года. Туркменчайскій миръ. Посольство и смерть Грибоѣдова. Хосровъ-Мирза. Страна Арарата. Древняя Арменія. Христіанская Арменія. Возрожденіе Арменіи.

Томъ IV. Турецкая война (1828—1829 г.) Изъ 4 выпуск. Вышли 1-й и 2-й вып. **6** р.

Выпускъ I. Отъ войны къ войнѣ. Наступленіе къ Карсу. Трехдневная осада Карса. Штурмъ Карса. Взятіе Анапы, Ахалкалаки и Хертвисъ. Наступленіе къ Ахалцыху (битва 5-го августа). Разгромъ вспомогательн. турецкаго корпуса (битва 9-го августа). Осада Ахалцыха. Штурмъ Ахалцыха.

Выпускъ II. Ацхуръ и Ардаганъ. Покореніе Баязетскаго пашалыка (Генералъ-маіоръ Князь Александръ Герсевановичъ Чавчавадзе). Союзники и враги въ приріонскомъ краѣ. Зима за Кавказомъ (1828—1829 г.) Зимній походъ на выручку Ахалцыха. Защита Ахалцыха. На поляхъ Турецкой Гуріи (бой у Лиманы). Закавказье передъ угрозой новой персидской войны. Новая гроза подъ Ахалцыхомъ (бой подъ Цурцкаби).

Книжный складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО, С.-Петербургъ, Колокольная, собств. д. № 14.


Изданіе
Кавказскаго воина
В. А. Березовскаго
Въ отдѣльныхъ очеркахъ
Въ эпизодахъ
Легендахъ
Въ біографіяхъ
В. Потто.
Томъ III-й выпускъ третій.
Изданіе второе
С. Петербургъ.
Фототипія Ф. Хенемана 1886
Гр. М. Денисовскій

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Владиміра Антоновича
БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14

принимаетъ на себя высылку всѣхъ литературныхъ произведеній: романовъ, повѣстей, путешествій и т. п., по цѣнамъ объявленнымъ издателями и магазинами. ЧАСТНЫЯ ЛИЦА благоволятъ высылать деньги одновременно съ заказами.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ СИЛА.

Очерки исторіи военнаго дѣла отъ Святослава до нашего времени, съ рисунками, картами и чертежами. Составлена группою офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ. Изданіе **И. Н. Кушнерева.** Выпускъ I-й.

Цѣна **60** к., съ перес. **75** к.

Цѣна для войскъ и военно-учебн. заведеній **50** к., съ пер. **65** к.

КАРТИНЫ ВОИНСКИХЪ ПОДВИГОВЪ

Художника **Александра Козлова.**

Картины эти воспроизведены литографскимъ способомъ на хорошей толстой бумагѣ. Всѣхъ картинъ четыре:

Гренадеръ Коренной, спасающій полковника Жер...

Архипъ Осиповъ, взрывающій пороховой погребъ.

Унтеръ-Офицеръ Старичковъ передающій знамя довому Чайкѣ.

Раненый барабанщикъ бьющій атаку.

Цѣна по **3** р. за картину; на пересылку **1** р. за весь заказъ карт...

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ

В. Потто.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа.)

Книга эта Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. **Внесена** въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ III.

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА 1826—1828 г.

ВЫПУСКЪ III.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Изданіе В. Березовскаго

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1888.

216.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 29 іюня 1888 г.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій переулокъ, № 15

ОГЛАВЛЕНІЕ III ВЫПУСКА.

		Стр.
XX.	Взятіе Аббасъ-Абада и Джеванбулакскій бой	343
XXI.	Грибоѣдовъ въ персидскомъ лагерѣ	361
XXII.	Походный атаманъ Иловайскій	373
XXIII.	Коммуникаціонная линія	391
XXIV.	Возвращеніе карабагскаго хана	407
XXV.	Стоянка въ Кара-Бабѣ и урдабадская битва	421
XXVI.	Красовскій	437
XXVII.	Снятіе блокады Эривани	449
XXVIII.	Аштаракская битва	463
XXIX.	Подъ Сардарь-Абадомъ	487
XXX.	Покореніе Эривани	503

Litt. Ф. Кремеръ. Заприноская № 44.

Лит. Ф. Кремеръ. Звѣринская. 44.

XX.

Взятіе Аббасъ-Абада и Джеванбулакскій бой.

Нахичеванская область граничитъ съ Карабагомъ. Но сообщенія между ними по горнымъ дорогамъ въ эпоху персидской войны были трудны и сопряжены къ тому же съ постоянными опасностями отъ нападенія разбойничьихъ татарскихъ племенъ, кочевавшихъ тогда по Араксу. Занятіе Нахичевани устранило это послѣднее обстоятельство, и первою заботою Паскевича было открыть оттуда постоянные пути въ Карабагъ, уже давно разработываемые Карабагскимъ отрядомъ, по которымъ должны были доставляться теперь всѣ жизненные припасы и боевыя средства. И въ самый день вступленія русскихъ войскъ въ древнюю столицу области, двѣ роты херсонскихъ гренадеръ и сотня казаковъ, подъ

командою маіора Гофмана, уже отправились на Кара-Бабу, чтобы войти въ сообщеніе съ Карабагскимъ отрядомъ ближайшею дорогою, прямо черезъ горы.

Въ то же время, исправлявшій должность начальника корпуснаго штаба, полковникъ Муравьевъ, получилъ приказаніе произвести рекогносцировку къ сторонѣ Аббасъ-Абадской крѣпости, которою предполагалось овладѣть немедленно.

Аббасъ-Абадъ построенъ на мѣстѣ старинной крѣпости, разрушенной «львомъ Ирана», Шахъ-Аббасомъ, въ то время, когда его непобѣдимыя полчища внесли опустошеніе во всю Арменію. Эпоха, въ которую построена была эта старая крѣпость, забыта; извѣстно только, что въ средніе вѣка христіанскаго лѣтосчисленія лежало на ея мѣстѣ большое селеніе Асдабадъ, а въ XIV вѣкѣ здѣсь былъ знаменитый армянскій монастырь Банширванкъ, «Красный монастырь», о которомъ часто упоминается въ армянской исторіи. Теперь, на мѣстѣ древняго Асдабада, стояла новая крѣпость, небольшая, но выстроенная уже подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ, по образцу европейскому. Аббасъ-Мирза возлагалъ на нее большія надежды, и Паскевичъ, съ своей стороны, не могъ оставить ее въ рукахъ персіянъ, на линіи своихъ сообщеній. Лежащая неподалеку, всего въ 5—6 верстахъ, отъ Нахичевани, располагавшая сильнымъ гарнизономъ, крѣпость эта сообщалась съ Хойскою провинціей, и пока она находилась въ рукахъ персіянъ, до тѣхъ поръ и область Нахичеванская не могла почитаться прочно покоренною. Непріятель, имѣя въ Аббасъ-Абадѣ опорный пунктъ, конечно, препятствовалъ бы устройству въ провинціи какого-либо порядка и мѣшалъ бы жителямъ возвращаться изъ-за Аракса.

28 іюня, Муравьевъ, съ двумя казачьими сотнями, вышелъ на рекогносцировку крѣпости, и остановился въ полуверстѣ отъ нея, на возвышеніи, съ котораго можно было снять на планъ всѣ непріятельскія укрѣпленія. Персіяне замѣтили его. Отрядъ персидской конницы тотчасъ перешелъ на лѣвую сторону Аракса и началъ обходить казаковъ, съ очевидною цѣлію отрѣзать ихъ отъ лагеря. Муравьевъ раски-

нулъ къ сторонѣ персіянъ конную цѣпь и сталъ отступать лавою. Завязалась перестрѣлка. Въ лагерѣ, между тѣмъ, увидѣли опасное положеніе Муравьева, и самъ Паскевичъ съ донскимъ полкомъ двинулся къ нему на помощь. Но пока донцы скакали лощиной, чтобы въ свою очередь отрѣзать непріятеля отъ переправы, персіяне поворотили назадъ и скрылись.

Вотъ какъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ описываетъ это дѣло Грибоѣдовъ, находившійся тогда при Паскевичѣ. «Муравьевъ — говоритъ онъ: — сегодня утромъ былъ на рекогносцировкѣ Аббасъ-Абада. Я не могъ сопровождать его: дѣлъ у меня было слишкомъ много, чтобы сѣсть на лошадь; но какъ я пользуюсь лучшимъ помѣщеніемъ въ лагерѣ, и изъ моихъ оконъ открываются чудные виды, то я часто отрывалъ глаза отъ бумагъ, чтобы навести зрительную трубу на мѣсто дѣйствія. Я видѣлъ, какъ непріятельская кавалерія проскакала галопомъ и переправлялась черезъ Араксъ, съ цѣлію отрѣзать путь Муравьеву и двумъ сотнямъ его казаковъ. Все кончилось у него благополучно; важнаго дѣла не было, и онъ возвратился къ намъ здравъ и невредимъ, но не имѣлъ возможности высмотрѣть то, что ему хотѣлось видѣть».

На слѣдующій день, 29 іюня съ разсвѣтомъ, подъ стѣны Аббасъ-Абада посланы были 50 казаковъ, чтобы встревожить гарнизонъ и навести непріятельскую конницу на засаду, гдѣ были скрыты три полка русской кавалеріи. Къ казакамъ присоединился и Грибоѣдовъ. «Непріятель — говоритъ онъ: — не захотѣлъ, однако, сдѣлать намъ угодное и не далъ себя въ обманъ. Нѣсколько человѣкъ персидскихъ охотниковъ скакали вокругъ отряда, но оставались слишкомъ далеко отъ того мѣста, гдѣ разсчитывали съ ними перевѣдаться. Пули свистали мимо ушей казаковъ, но, къ счастію, никого не поранили». Такъ продолжалось до 10-ти часовъ утра. Въ полдень на мѣсто дѣйствія пришелъ самъ главнокомандующій, со всею кавалеріею, карабинернымъ полкомъ и 22-мя полевыми орудіями. Войска приблизились къ крѣпости на пушеч-

ный выстрѣлъ: ихъ встрѣтили орудійнымъ огнемъ. Русская артиллерія стала отвѣчать, и скоро по цѣлой линіи загорѣлась канонада. Между тѣмъ, по ту сторону Аракса стала показываться персидская конница. Бенкендорфъ приказалъ двумъ казачьимъ сотнямъ переплыть черезъ рѣку. Казаки быстро переправились, сбили пикеты и, видя, что непріятельскихъ всадниковъ, разсыпавшихся между буграми, не болѣе пятисотъ человѣкъ, понеслись въ погоню. Опасаясь, чтобы донцы не попали на засаду, Бенкендорфъ двинулъ за ними остальную конницу. Два полка, Нижегородскій драгунскій и Серпуховской уланскій, отважно бросились въ воду и поплыли подъ огнемъ крѣпости. Конная артиллерія не хотѣла отстать отъ нихъ и на-плаву перетащила подъ водою свои четыре орудія. Никакой засады, однако, не оказалось. Русская конница быстро очистила отъ непріятеля весь правый берегъ Аракса, и монастырь Кизил-Ванкъ, стоявшій въ виду крѣпости, на утесистомъ возвышеніи, былъ занятъ 7-ю ротою карабинернаго полка. Монастырь былъ пустъ; карабинеры нашли, однако, въ немъ серебряную утварь, и эта находка, пожертвованная ими въ Эчміадзинъ, понынѣ остается памятью благочестиваго смиренія русскаго воинства передъ святынею.

Грибоѣдовъ, въ качествѣ дипломатическаго чиновника, находился въ этотъ день въ свитѣ Паскевича. «Мнѣ было видно, — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: — какъ проходили наши войска, точно я находился зрителемъ въ самой серединѣ крѣпости. Долгое время продолжалась пальба съ обѣихъ сторонъ; видъ былъ чудный. Полагаю, что въ смыслѣ военнаго успѣха, дѣло не имѣло никакого значенія; но оно представляло собою зрѣлище великолѣпное... Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы вы, съ вашимъ искусствомъ рисовать, посмотрѣли на все это и вдобавокъ на живописную равнину, гдѣ происходила эта сцена. У насъ здѣсь со всѣхъ сторонъ цѣлые ряды горъ, съ самыми странными очертаніями, какія только производила природа, и въ числѣ ихъ, такъ называемая, Помпеева скала, которая высится словно стволъ гигантскаго дерева, пораженнаго молніей и обугленнаго. Это

по направленію къ нашей карабагской границѣ. Посреди этого лабиринта холмовъ, всякаго рода возвышенностей и сплошного ряда горъ — веселая долина, тщательно воздѣланная и орошаемая Араксомъ, а къ сѣверу снѣговыя вершины Арарата».

Въ то время, какъ происходили эти небольшія стычки, Паскевичъ отправилъ въ крѣпость одного татарина предложить коменданту, во избѣжаніе напрасной гибели людей, сдаться безъ боя. Изъ крѣпости явился парламентеръ съ просьбою дать сутки на размышленіе. Паскевичъ согласился. Войска возвратились въ лагерь, и только 7-й карабинерный полкъ, да полкъ донскихъ казаковъ оставлены были для наблюденія за крѣпостью. Въ то же время инженеръ-полковнику Литову, вмѣстѣ съ оберъ-квартирмейстеромъ корпуса полковникомъ Коцебу и разжалованнымъ въ рядовые піонернаго батальона Пущинымъ, успѣвшимъ уже оказать большія услуги Паскевичу подъ Эриванью, приказано было докончить рекогносцировку и составить соображенія относительно плана осадныхъ работъ. Между Литовымъ и Пущинымъ, какъ разсказывается въ запискахъ послѣдняго, въ присутствіи самого Паскевича возникли серьезныя разногласія. Батареи, предложенныя Пущинымъ, громили бы крѣпость свободно, а орудія, поставленныя Литовымъ, не могли дѣйствовать, потому что стали бы стрѣлять по своимъ батареямъ, расположеннымъ на лѣвомъ флангѣ осады. Тогда разсерженный Паскевичъ отозвалъ Литова въ сторону и съ своею обычною раздражительностію сказалъ ему: «Я могъ бы тебя сдѣлать солдатомъ, но не хочу; а его (онъ указалъ на Пущина) я хотѣлъ бы произвести въ полковники, но не могу. А вотъ что я могу: отъ сего числа не ты у меня начальникъ инженеровъ, а онъ, и всѣ распоряженія его должны исполняться безпрекословно»... Съ этихъ поръ начинаются ежедневныя сношенія Пущина съ Паскевичемъ.

Осада крѣпости была рѣшена. 1-го іюля корпусъ раздѣлился: часть его, подъ начальствомъ князя Эристова, осталась въ Нахичевани, другая, подъ командою генералъ-адъютанта

Бенкендорфа, двинулась къ Аббасъ-Абаду. Въ полдень войска разбили лагерь въ двухъ верстахъ отъ крѣпости, на берегу Аракса, и Паскевичъ писалъ отсюда къ государю, что онъ «принудитъ персидскую армію или прійти на помощь къ осажденнымъ и потерять сраженіе, или видѣть въ 25 верстахъ отъ себя, какъ будетъ сдаваться крѣпость».

Наступила ночь. Цѣлый батальонъ, вооруженный лопатами и кирками, тихо вышелъ изъ лагеря и направился къ сѣверному полигону крѣпости, гдѣ для атаки былъ выбранъ лѣвый бастіонъ, примыкавшій къ рѣкѣ такъ близко, что его можно было бы обстрѣливать и съ праваго берега. Пользуясь темнотою ночи и оплошностью персидскихъ часовыхъ, колонна, никѣмъ не замѣченная, остановилась всего въ двухстахъ восьмидесяти пяти саженяхъ отъ крѣпости и принялась за работу. Гвардейскій батальонъ, при двухъ орудіяхъ, и два эскадрона уланъ подвинулись еще впередъ и заслонили рабочихъ. Къ утру была окончена параллель, и двѣ шестиорудійныя батареи внезапно предстали глазамъ изумленнаго гарнизона. «Долго мы любовались другъ на друга, въ ожиданіи перваго выстрѣла», — говоритъ одинъ очевидецъ. Наконецъ, персіяне положили начало, — выстрѣлъ грянулъ, и поднялась канонада. Непріятельскіе снаряды доносились до главной квартиры, и бомбы разрывались возлѣ ставки главнокомандующаго и церковнаго намета. Русскія батареи, съ своей стороны, отвѣчали учащеннымъ огнемъ, и къ вечеру крѣпостныя амбразуры частію были засыпаны и два непріятельскія орудія сбиты.

Въ ночь со 2-го на 3-е іюля траншеи были расширены, и приступлено къ устройству брешь-батареи. Непріятель на этотъ разъ замѣтилъ работы, и съ крѣпости, освѣщенной яркими подсвѣтами, загремѣли выстрѣлы. Въ траншеяхъ огни были потушены; русскія батареи молчали; а вражеская канонада разгоралась сильнѣй и сильнѣй, такъ что Паскевичъ самъ прибылъ, наконецъ, изъ лагеря и приказалъ отвѣчать непріятелю. Въ эту ночь ожидали сильной вылазки, и прикрытіе до самаго свѣта стояло подъ ружьемъ. Брешь-батарею

между тѣмъ докончили, и 1-я батарейная рота Кавказской гренадерской артиллерійской бригады установила на ней свои тяжелыя пушки.

Въ то время, какъ вниманіе непріятеля отвлечено было въ сторону русскихъ работъ, особая команда, въ полуверстѣ отъ крѣпости, плавила за Араксъ туры и фашины. 300 рабочихъ перешли на правую сторону и, подъ прикрытіемъ Нижегородскаго полка, въ одну ночь возвели редутъ, какъ разъ на продолженіи фаса атакованнаго бастіона. Къ утру драгуны вернулись назадъ, а редутъ былъ вооруженъ шестью конными орудіями и занятъ ротою Грузинскаго гренадерскаго полка. Положеніе гарнизона становилось уже опаснымъ.

Весь день гремѣла канонада. Русская артиллерія пробивала брешь въ тонкой стѣнѣ, прилегающей къ бойницамъ, бросала гранаты внутрь крѣпости, анфилировала верки, сбивала орудія. Скоро крѣпостныя стѣны во многихъ мѣстахъ рухнули, и сквозь отверстія ихъ можно было различать уже крѣпостныя строенія. Ночью опять продолжались работы; линія атаки подвигалась впередъ, и русскіе стали уже приближаться ко второй параллели. Но на этомъ осада должна была пріостановиться.

Въ полдень 4 іюля, казачій атаманъ Иловайскій, прикрывавшій осадный корпусъ со стороны Аракса, далъ знать, что по дорогѣ отъ Чорса двигаются значительныя персидскія силы. Аббасъ-Мирза шелъ выручать осажденную крѣпость. Впослѣдствіи уже выяснилось, что съ нимъ наступала одна только персидская конница; пѣхота его остановилась въ Каразіадинѣ, за Чорсомъ, и тамъ, укрѣпившись, сама ожидала прибытія русскихъ. Планъ Аббаса-Мирзы заключался въ томъ, чтобы заставить Паскевича отойти отъ крѣпости, и потомъ постараться завлечь его къ своей укрѣпленной позиціи. А тамъ онъ могъ разсчитывать, если и не нанести русскимъ совершенное пораженіе, то, по крайней мѣрѣ, упорною обороною задержать ихъ настолько, чтобы дать время Гассанъ-хану, съ его летучею конницею, врубиться въ русскій вагенбургъ и произвести въ немъ страшное опустошеніе. Планъ былъ

задуманъ недурно и, при удачномъ исполненіи, могъ повести за собою важныя послѣдствія.

Паскевичу, конечно, не могли быть извѣстны въ точности всѣ намѣренія наслѣднаго персидскаго принца. Но и во всякомъ случаѣ положеніе его представлялось весьма затруднительнымъ. Аббасъ-Мирза шелъ на него, какъ говорили, съ сорока-тысячною арміею, а за нею, въ Хоѣ, оставалась, по слухамъ, еще такая же армія, подъ личнымъ предводительствомъ шаха, имѣвшаго возможность во всякое время поддержать свои передовыя силы. Продолжать осаду подъ угрозой двойнаго нападенія было невозможно; отступить отъ крѣпости и покинуть осадныя работы, которыя непріятель, конечно, не преминулъ бы разрушить, — значило надолго, а можетъ-быть и совсѣмъ отказаться отъ покоренія крѣпости; раздѣлить свои силы, чтобы разомъ и продолжать осаду, и дѣйствовать въ полѣ, было опасно, — тѣмъ болѣе, что войска значительно были ослаблены болѣзнями и смертностью; низменная долина, зной, увеличивающійся отъ раскаленныхъ солнцемъ песчаныхъ полей, мутныя и тинистыя воды Аракса — все соединилось вмѣстѣ, чтобы сдѣлать этотъ край губительнымъ для сѣверныхъ пришельцевъ.

Паскевичъ не рѣшился взять на свою единоличную отвѣтственность рѣшеніе столь важнаго вопроса. Былъ собранъ военный совѣтъ, и большинствомъ голосовъ постановлено — оставить подъ Аббасъ-Абадомъ для прикрытія осадныхъ работъ и для охраны складовъ и транспортовъ въ Нахичевани — три съ половиною батальона, при 28 орудіяхъ, а со всѣми остальными войсками идти впередъ и самимъ атаковать непріятеля.

Пущину немедленно поручено было устроить плавучій мостъ, который могъ бы выдержать тяжесть пѣхоты и артиллеріи. На обычномъ бродѣ, верстахъ въ трехъ выше по Араксу, было самое удобное мѣсто для переправы; но берега Аракса и тамъ были высоки и обрывисты; рѣка, сжатая скалами, съ ужасающей быстротой несла свои волны, и, казалось, устройство моста должно было представить непре-

одолимыя трудности. Тѣмъ не менѣе, Пущинъ энергически принялся за дѣло; со всѣхъ окрестныхъ духановъ къ нему навезли бурдюковъ; ихъ надули кузнечными мѣхами, подвязали подъ бревна—и утромъ 5-го іюля мостъ былъ готовъ.

Непріятель приблизился, однакоже, раньше. Часовъ въ 6 утра пришло извѣстіе, что персіяне атаковали выдвинутые въ направленіи къ Чорсу передовые казачьи посты. Паскевичъ тотчасъ поручилъ Иловайскому съ двумя донскими полками перейти Араксъ и, притянувъ къ себѣ на томъ берегу еще два полка черноморцевъ, прикрыть переправу. Ему приказано было наступать возможно медленнѣе, не слишкомъ вдаваясь въ гористую мѣстность, чтобы вызвать непріятеля въ открытое поле и тѣмъ заставить его обнаружить всѣ свои силы.

Иловайскій перешелъ Араксъ въ верстѣ выше моста и, гоня передъ собою передовыя непріятельскія толпы, сталъ подвигаться впередъ. Одна изъ донскихъ сотенъ, увлекшись преслѣдованіемъ, занеслась слишкомъ далеко—и очутилась передъ всѣми силами лѣваго непріятельскаго фланга. Съ дикимъ воплемъ бросились на нее персіяне. Донцы поскакали назадъ, и потянули за собой всю массу непріятельской конницы. Ударъ ея пришелся какъ разъ на черноморскую бригаду. Охваченная со всѣхъ сторонъ, бригада, по старому кавказскому обычаю, моментально спѣшилась и стала, какъ утесъ среди бушующаго морского прибоя. Дружный огонь заставилъ персіянъ отшатнуться. Иловайскій воспользовался моментомъ затишья и послалъ къ Паскевичу просить подкрѣпленій.

Паскевичъ двинулъ впередъ весь кавалерійскій отрядъ Бенкендорфа съ конной артиллеріей, чтобы помочь казакамъ сдержать первый напоръ непріятеля до прибытія пѣхоты. Бенкендорфу пришлось переправляться около устраивавшагося моста. Взводъ 3-й донской казачьей батареи первый кинулся за кавалеріей въ Араксъ, не теряя времени на отыскиваніе бродовъ; за нимъ пустились и остальныя орудія. «Странно было видѣть,—разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ;—какъ конная артиллерія шла вплавь черезъ рѣку: лошади плыли,

а орудія катились на своихъ лафетахъ по дну Аракса, такъ что на поверхности воды видны были только одни ихъ правила». Черезъ четверть часа вся конная артиллерія была уже на томъ берегу Аракса. Вслѣдъ за орудіями пустились вплавь драгуны и уланы, и перевезли на рукахъ заряды, которые артиллеристы вынули изъ ящиковъ.

Бенкендорфъ шелъ по той же холмистой лощинѣ, но лѣвѣе Иловайскаго. По обѣ стороны располагались возвышенности, изъ которыхъ къ правой были обращены казаки, а лѣвая могла ежеминутно зачернѣть персидскою конницей. Появленіе конной артиллеріи умѣрило нѣсколько пылъ непріятельскихъ всадниковъ, и они всюду уходили съ пути Бенкендорфа. Но верстахъ въ восьми отъ Аракса, вдругъ изъ одного ущелья, влѣво отъ дороги, показалась конная толпа, человѣкъ въ пятьсотъ. Начальникъ артиллеріи, генералъ Унтилье, приказалъ послать въ нее нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Холмистая и изрытая оврагами мѣстность сдѣлала, однако, артиллерійскій огонь совершенно безвреднымъ. Тогда командиръ Нижегородскаго полка, полковникъ Раевскій *), выдвинулъ впередъ свой 3-й дивизіонъ и бросилъ его на непріятеля. Подъ командою флигель-адъютанта графа Толстаго, дивизіонъ пошелъ съ такою стремительностію, что персіяне, не выждавъ удара, бросились въ горы. 5-й эскадронъ, капитана Палена, и 6-й, штабсъ-капитана Гавронскаго, рубили бѣгущихъ; тамъ, гдѣ мѣстность не позволяла дѣйствовать на коняхъ, нижегородцы спѣшивались и сильнымъ огнемъ гнали непріятеля. Персіяне разсѣялись, и въ томъ пунктѣ уже болѣе не показывались.

Бенкендорфъ сталъ въ боевой порядокъ, такъ, чтобы казаки Иловайскаго образовали его правый флангъ; въ центрѣ развернулась уланская бригада: желтый, Борисоглѣбскій, полкъ

*) Полковникъ Раевскій принялъ въ командованіе Нижегородскій драгунскій полкъ вскорѣ послѣ Елизаветпольскаго сраженія отъ генерала Шабельскаго, который былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й уланской дивизіи.

справа, синій, Серпуховскій,—слѣва. Еще лѣвѣе стали нижегородцы. Артиллерія заняла позицію и открыла рѣдкій огонь.

Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, показывавшій, что кавалерія уже вступила въ дѣло, заставилъ Паскевича спѣшить съ переправой. Пѣхота съ пѣснями пошла черезъ Араксъ; но едва прошелъ одинъ батальонъ, какъ колыхавшійся мостъ вдругъ разорвался на самой серединѣ. Дружнымъ усиліемъ его успѣли поправить, но цѣлый часъ времени былъ потерянъ; артиллеристамъ же снова пришлось переправляться въ бродъ и на рукахъ переносить снаряды.

Передъ войсками, перешедшими Араксъ, поднимался крутой каменистый хребетъ; а день былъ знойный — солнце пекло. Тѣмъ не менѣе, пѣхота въ три часа и безъ приваловъ прошла около 15-ти верстъ. Впереди, съ колонною генерала Мерлина, шелъ самъ Паскевичъ, направляясь прямо на центръ непріятельской позиціи; три остальные батальона, подъ командою князя Эристова, двигались въ нѣкоторомъ разстояніи позади и получили приказаніе стать съ лѣваго фланга.

Тамъ, гдѣ возвышенности, изгибаясь, сходятся между собою, образуя полукругъ, перерѣзываемый впадинами, Паскевичъ увидѣлъ непріятеля. Центръ его, состоявшій изъ полковъ регулярной кавалеріи, предводимыхъ самимъ Аббасъ-Мирзою, занималъ крутыя возвышенности, за которыми могла скрываться многочисленная пѣхота и артиллерія. Лѣвое крыло его было сборное: тамъ находился и Ибрагимъ-Ханъ съ иррегулярными персидскими полчищами, и Гассанъ-Ханъ съ своею эриванскою конницею. Это крыло подавалось впередъ, по направленію къ Араксу, обходя справа казачьи полки Иловайскаго. Правый непріятельскій флангъ, изъ пяти тысятъ отборной шахской конницы, подъ начальствомъ Аллаяра-Хана, располагался на гребнѣ утесистыхъ горъ противъ конныхъ полковъ Бенкендорфа, не дававшихъ ему выйти изъ горныхъ тѣснинъ и ущелій.

При первомъ взглядѣ Паскевичъ убѣдился, что слабѣйшій пунктъ русской позиціи былъ тамъ, гдѣ конныя толпы персіянъ, обходившія Иловайскаго, могли ежеминутно ри-

нуться въ тылъ русскихъ войскъ, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ перейти Араксъ и стать на пути ихъ сообщеній. Паскевичу естественно было направить главный ударъ на это крыло, сломить его, и затѣмъ уже съ двухъ сторонъ атаковать непріятельскій центръ, за которымъ предполагалась персидская пѣхота. Но позиція Иловайскаго оказалась отдѣленною отъ прочихъ русскихъ войскъ глубокою рытвиной, препятствовавшей провезти туда артиллерію. Тогда Паскевичъ рѣшилъ начать пораженіе враговъ съ противоположнаго, праваго фланга, а на помощь къ Иловайскому отправилъ Бенкендорфа съ Борисоглѣбскимъ уланскимъ полкомъ и двумя орудіями. Уланы заняли чрезвычайно удачную позицію, — они сами обошли непріятеля, и стали какъ разъ на пути наступленія его къ Араксу. Теперь ни атаковать казаковъ Иловайскаго, ни продолжать обходнаго движенія непріятель уже не могъ безъ того, чтобы не подвергнуться самому фланговой атакѣ. Нельзя было ему предпринять и рѣшительнаго наступленія противъ уланъ, такъ какъ казаки Иловайскаго брали его въ тылъ и могли отрѣзать отъ центра. Силы непріятеля на лѣвомъ его флангѣ, такимъ образомъ, были парализованы.

А между тѣмъ Паскевичъ уже приводилъ въ исполненіе предположенный планъ, — и на правомъ персидскомъ крылѣ завязывалось жаркое дѣло. Какъ только батальоны Эристова подошли къ позиціи, онъ двинулъ ихъ на густую пятитысячную толпу шахской конницы, укрѣпившуюся въ тѣснинахъ. Эристовъ, поддержанный артиллерійскимъ огнемъ, повелъ колонны въ атаку,—и тѣснины взяты были приступомъ. Персіяне побѣжали, дивизіоны нижегородцевъ бросились за ними. Есть свѣдѣніе, что одна изъ этихъ партій, будучи выбита изъ горныхъ тѣснинъ, вдругъ устремилась на русскія пушки. «Когда ядра и гранаты вытѣснили персіянъ изъ ущелій, и драгуны пустились въ атаку, — разсказываетъ одинъ изъ участниковъ боя:—то угорѣлые кизильбаши цѣлою стаей бросились ко мнѣ на батарею. Я успѣлъ перезарядить орудія картечью и ждалъ, чтобы непріятельская конница на-

неслась на ту точку, куда наведены были дула моихъ пушекъ. При видѣ быстро несущейся кавалеріи, все по обыкновенію закричало: «артиллерія стрѣляй! стрѣляй!» Нѣкоторые въ досадѣ даже прискакали ко мнѣ на батарею, но я, «какъ упрямый хохолъ», настоялъ на своемъ. За то, какъ всѣ были восхищены, когда я открылъ картечный огонь и большая часть персіянъ полетѣла, какъ пѣшки».

Бѣгущій непріятель разбросался по высотамъ, а часть его кинулась въ лощину между цѣпью горъ и высокимъ холмомъ, отдѣлявшимъ центръ непріятеля отъ его праваго фланга. Но тутъ-то и насѣли на него 1-й и 3-й дивизіоны Нижегородскаго полка. Опрокинувъ блестящею атакой массу персидской кавалеріи, Раевскій, въ горячемъ преслѣдованіи, нѣсколько разъ спѣшивалъ то тотъ, то другой эскадронъ, сбивая непріятеля въ мѣстахъ, недоступныхъ для конницы. Бой шелъ кровопролитный. Вся лощина покрылась изрубленными тѣлами непріятельскихъ всадниковъ. 1-й дивизіонъ овладѣлъ персидскимъ знаменемъ *).

Теперь все правое крыло непріятеля было уничтожено; центръ обойденъ. Паскевичъ приказалъ ударить наступленіе, и русскія колонны въ грозномъ боевомъ порядкѣ, съ барабаннымъ боемъ, вышли на высоты, открывавшія всю непріятельскую центральную позицію; въ то же время 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, еще не принимавшій участія въ битвѣ, поскакалъ впередъ, чтобы освѣтить лежащую за нею мѣстность. Предводимые княземъ Андрониковымъ, драгуны стремительно атаковали встрѣтившагося имъ врага, и въ погонѣ за нимъ, выяснили окончательно, что пѣхоты въ персидскомъ отрядѣ не было. Аббасъ-Мирза, между тѣмъ, не дождавшись столкновенія съ главными силами Паскевича, уже отступалъ по всему протяженію боевого поля, преслѣдуемый русскою конницею. Отступалъ и лѣвый флангъ непріятеля. Пока шло дѣло на правомъ крылѣ и въ центрѣ, уланы Бенкендорфа и казаки Иловайскаго рядомъ атакъ от-

*) Кому собственно принадлежала честь взятія его: 1-му ли эскадрону капитана Маркова, или 2-му, Луневскаго, — свѣдѣній не имѣется.

тѣсняли непріятеля съ одной высоты на другую, и въ тотъ моментъ, когда персидскій центръ сталъ отступать, — толпамъ Ибрагима и Гассанъ-Хана ничего не оставалось болѣе, какъ поспѣшно послѣдовать его примѣру. Но отступленіе это еще не было бѣгствомъ. Отошедши версты четыре, Аббасъ-Мирза занялъ новую крѣпкую позицію, пытаясь остановить наступленіе русскихъ. Пѣхота Паскевича, слѣдовавшая по пятамъ непріятеля, уже подходила; но ей и здѣсь не пришлось принять непосредственнаго участія въ дѣлѣ: русская конница не дала Аббасу-Мирзѣ ни момента, чтобы устроиться на новой позиціи. Конная артиллерія, подскакавшая къ непріятельскимъ линіямъ, быстро снялась съ передковъ и открыла учащенный огонь гранатами. Въ то же время, лѣвѣе ея, вынеслась голубая линія Серпуховскихъ уланъ, и 1-й дивизіонъ пошелъ въ атаку. Весь правый непріятельскій флангъ, попавшій подъ этотъ ударъ, былъ моментально сбитъ; лѣвый — бѣжалъ, не выждавъ даже натиска конныхъ полковъ Бенкендорфа и Иловайскаго. 2-му дивизіону нижегородцевъ, бывшему во главѣ кавалерійской колонны, пришлось вынести на своихъ плечахъ главную и рѣшительную атаку на центръ непріятеля.

Предводимые двумя храбрѣйшими штабъ-офицерами, полковникомъ Раевскимъ и княземъ Андрониковымъ, 3-й эскадронъ, капитана Семичева, и 4-й, штабсъ-капитана Эссена, понеслись прямо туда, гдѣ развѣвалось знамя наслѣднаго персидскаго принца. У подножія высокаго холма, занятаго блестящею свитой, драгуны моментально спѣшились — и бросились впередъ. Поручикъ Левковичъ, подъ которымъ была убита лошадь, изрубилъ байрактара и вырвалъ изъ рукъ его знамя, на которомъ красовалась надпись «побѣдное». Все это произошло такъ быстро, что Аббасъ-Мирза самъ очутился лицомъ къ лицу съ драгунами; онъ почти въ упоръ выстрѣлилъ въ нихъ изъ ружья, и едва-едва успѣлъ ускакать; но ружье, еще дымившееся выстрѣломъ, и оруженосецъ, возившій его за наслѣдникомъ, — остались въ рукахъ побѣдителей.

Пѣхота по слѣдамъ драгунъ тотчасъ заняла центральный холмъ, господствовавшій надъ всѣмъ пространствомъ боевого поля, и поставила здѣсь сильную батарею. Но непріятель уже обратился въ совершенное бѣгство. Началось горячее преслѣдованіе. Пѣхота, продвинувшись впередъ еще нѣсколько верстъ, остановилась на урочищѣ Хумларъ, у ручья Джеванъ-Булака, по имени котораго названа была и самая битва. Драгуны, уланы и казаки, несмотря на палящій зной, проскакали еще верстъ десять и за Хумлары.

Персіяне потеряли въ этотъ день до 400 человѣкъ убитыми и ранеными и до 200 человѣкъ плѣнными. Въ числѣ послѣднихъ были: Зейналъ-Ханъ, начальникъ сильнаго Мукаддемскаго племени, Асадъ-Ула-Ханъ Коджарскій, родственникъ шаха; любимцы Аббаса-Мирзы: Аскеръ-Ханъ, Вели-Ханъ, оруженосецъ его Мамедъ-Али-Бекъ и, наконецъ, Неджефъ-Али-Султанъ, тотъ самый, который пріѣзжалъ къ Паскевичу въ Эчміадзинъ съ письмомъ отъ наслѣднаго принца. Это плѣненіе знатнѣйшихъ людей Персіи придало Джеванбулакской побѣдѣ особенно важное значеніе и вселило въ славныхъ азіятскихъ всадникахъ уваженіе къ русскимъ коннымъ полкамъ, которымъ принадлежало въ сраженіи почти исключительное участіе. Русскіе потеряли въ бою 3-хъ офицеровъ и 38 нижнихъ чиновъ. Отличились особенно нижегородцы, и изъ числа ихъ полковникъ Раевскій и поручикъ Левковичъ получили георгіевскіе кресты 4-й степени.

Не лишнее сказать, что въ Джеванбулакскомъ сраженіи участвовалъ младшій братъ величайшаго изъ русскихъ поэтовъ, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, начавшій свою службу именно въ знаменитомъ Нижегородскомъ драгунскомъ полку. Онъ былъ тогда еще только юнкеромъ и находился ординарцемъ при храбромъ Раевскомъ, поспѣвавшемъ съ своими нижегородцами всюду, гдѣ только могла представиться въ немъ надобность. Среди безпрерывныхъ опасностей, всегда у стремени своего начальника, юноша, въ этомъ первомъ для него бою, выдвинулся тѣмъ безупречнымъ хладнокровіемъ, которое, впослѣд-

ствіи, было его отличительною чертою; на поляхъ Джеванбулака онъ заслужилъ свой первый офицерскій чинъ.

Паскевичъ отъ плѣнныхъ узналъ, что въ сраженіи со стороны персіянъ участвовало до 16 тысячъ человѣкъ конныхъ, а что пѣхота оставалась въ 28 верстахъ, въ Каразіадинѣ, на пути къ Чорсу. Туда-то, по безводнымъ путямъ, изрѣзаннымъ оврагами и укрѣпленнымъ искусными англійскими офицерами, и думалъ Аббасъ-Мирза завлечь русскія войска. Онъ совсѣмъ не разсчитывалъ вступать въ рѣшительный бой на берегахъ Аракса, ни въ какомъ случаѣ не предвидѣлъ столь быстрой переправы пѣхоты и надѣялся несоразмѣрно превосходнымъ числомъ своихъ войскъ раздавить русскую кавалерію. Джеванбулакскій бой разрушилъ всѣ его разсчеты.

Въ тотъ же день Паскевичъ вмѣстѣ съ пѣхотой возвратился въ свой лагерь подъ Аббасъ-Абадомъ, а на слѣдующій день вернулась и кавалерія. Въ лагерѣ Паскевичъ узналъ, что въ то время, когда войска сражались подъ Джеванбулакомъ, гарнизонъ крѣпости сдѣлалъ сильную вылазку, но былъ отраженъ блокадною частію съ большимъ урономъ.

Джеванбулакская побѣда, лишившая осажденныхъ надежды на всякую помощь извнѣ, должна была повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ и стала предвозвѣстницею тѣхъ громкихъ подвиговъ, которыми ознаменовалъ себя кавказскій корпусъ въ дальнѣйшихъ событіяхъ персидской войны. Теперь Аббасъ-Абадъ долженъ былъ сдаться, а въ случаѣ сопротивленія Паскевичъ уже рѣшилъ штурмовать его. «Завтра, — писалъ онъ къ великому князю Михаилу Павловичу, только что возвратившись изъ боя: — завтра намъ лѣзть на штурмъ и гнать непріятеля до самаго сердца Персіи. Исчезли скука и усталость. Побѣдители мои веселы и счастливы. Одна невыгода, неизбѣжная въ здѣшнемъ климатѣ — больные въ страшномъ количествѣ, и умножаются съ каждымъ днемъ»...

6-го іюля Паскевичъ приказалъ поставить на главной батареѣ отнятыя у непріятеля знамена. Трофеи принесены

были въ 9 часовъ утра и, при залпѣ цѣлой батареи, показаны персіянамъ. Въ то же время одинъ изъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Джеванбулакомъ, отправленъ былъ въ крѣпость съ извѣстіемъ о пораженіи Аббаса-Мирзы и съ предложеніемъ коменданту безусловной сдачи. Комендантъ просилъ трехъдневной отсрочки. Паскевичъ отвѣчалъ отказомъ. Весь день продолжалась слабая стрѣльба изъ орудій, а вечеромъ, едва въ русскомъ лагерѣ пробили зорю, изъ Аббасъ-Абада явились парламентеры. Это были начальники двухъ батальоновъ: нахичеванскаго, Эксан-Ханъ, и тавризскаго, Мамед-Риза-Ханъ. Они привезли извѣстіе, что гарнизонъ сдается безусловно,— и капитуляція немедленно была подписана. Обоимъ парламентерамъ оставлена была свобода и позволено жить въ новопокоренной русскими области. Тавризскій батальонъ и Бахтіаны сдавались военноплѣнными; Эксан-Ханъ отъ имени своего нахичеванскаго батальона просилъ, чтобы его послали на службу противъ порсіянъ, такъ какъ онъ считалъ уже себя подданнымъ русскаго государя.

7-го іюля, въ 4 часа утра, Паскевичъ, окруженный штабомъ, прибылъ на главную батарею, гдѣ уже ожидалъ его комендантъ крѣпости, сардарь Махметъ-Эминъ-Ханъ, одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ Персіи, женатый на родной сестрѣ Аббаса-Мирзы. Онъ подалъ Паскевичу крѣпостные ключи, и тутъ же офицеры гарнизона вручили ему знамена своихъ батальоновъ. Въ Аббасъ-Абадѣ, между тѣмъ, очищали засыпанные камнями ворота, и гарнизонъ, въ числѣ 2700 человѣкъ, выстроившись на гласисѣ, положилъ оружіе. Въ крѣпости досталось побѣдителямъ 23 орудія, и въ томъ числѣ три русскія мѣдныя пушки, отлитыя еще во времена царицы Елизаветы Петровны и, Богъ вѣсть какимъ путемъ, перешедшія въ руки къ персіянамъ. Когда церемонія сдачи окончилась, лейбъ-гвардіи сводный полкъ, съ барабаннымъ боемъ и музыкою, вошелъ въ крѣпостные ворота и занялъ караулы. Вслѣдъ за нимъ въѣхалъ Паскевичъ, привѣтствуемый духовенствомъ и почетнѣйшими жителями города. Онъ обошелъ крѣпостныя стѣны и долго любовался брешью, уже довольно

широкою, но заложенною громадными мѣшками съ хлопчатою бумагою. А на площади, между тѣмъ, выстраивались подходившія войска, группируясь вокругъ того мѣста, гдѣ уже устанавливался аналой; и русскій священникъ стоялъ въ облаченіи, какъ бы знаменуя собою ту великую мысль, что не ради славы человѣческой пришли сюда далекіе сѣверные побѣдители, а во имя вѣры Христовой и защиты познавшихъ ее. Но вотъ, къ мѣсту готовившагося служенія подъѣхалъ Паскевичъ. Началось торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, и при пѣніи «Тебе, Бога хвалимъ» — грянулъ пушечный залпъ, привѣтствуя русское знамя, развившееся въ этотъ моментъ надъ башнею персидской цитадели. Нахичеванская область навсегда присоединилась къ Русской Имперіи.

Это былъ торжественный моментъ, вознаграждавшій войска за неисчислимые труды и лишенія, поднятые ими во славу великой родины. Искренно молились солдаты, и весь смыслъ этой молитвы въ состояніи понять только тотъ, кто былъ въ близости смерти и видѣлъ избавленіе отъ нея.

Паскевичъ и самъ былъ глубоко растроганъ. «Я не могу и не въ силахъ высказать всѣ мои чувства въ эти минуты,— писалъ онъ къ государю: — Этотъ день былъ въ полномъ смыслѣ слова прекрасенъ»...

XXI.

Грибоѣдовъ въ персидскомъ лагерѣ.

Аджеванбулакская побѣда и взятіе Аббасъ-Абада послужили Паскевичу предлогомъ сдѣлать непріятелю предложеніе о мирѣ; такъ какъ императоръ Николай желалъ воспользоваться для этой цѣли первыми же успѣхами русскаго оружія. Но Паскевичъ уже достаточно познакомился съ характеромъ персіянъ, чтобы не выказывать слишкомъ большого миролюбія, которое непремѣнно было бы истолковано въ смыслѣ недостатка у Россіи средствъ къ продолженію военныхъ дѣйствій. Поэтому онъ рѣшился дѣйствовать косвеннымъ путемъ, при посредствѣ шахскаго зятя, Мамедъ-Эминъ-Хана, взятаго въ плѣнъ при сдачѣ Аббасъ-Абадской крѣпости.

Живой свидѣтель событій, ханъ могъ сообщить отъ себя персидскому правительству объ истинномъ положеніи дѣлъ и представить ему всю необходимость искать съ Россіей немедленнаго сближенія. Мамедъ-Эминъ немедленно и написалъ

въ этомъ смыслѣ письмо, а русскій чапаръ отвезъ его въ персидскій лагерь.

Завязались переговоры. 13-го іюля къ Паскевичу пріѣхалъ Мирза-Салехъ, уполномоченный отъ Аббаса-Мирзы. Паскевичъ принялъ его въ тотъ же день и объявилъ ему прямо, что территоріальныя требованія Россіи ограничиваются берегами Аракса, но вознагражденіе за всѣ убытки, понесенные ею отъ войны, должно быть заплачено персидскимъ правительствомъ немедленно и безотговорочно. Мирза-Салехъ отвѣтилъ, что шахъ едва ли согласится на эти условія. «А я совѣтовалъ бы ему согласиться, — рѣзко возразилъ Паскевичъ: — иначе, чѣмъ дальше пойдемъ мы, тѣмъ больше возрастутъ требованія: ваше вѣроломство должно быть наказано, дабы всѣ знали, что значитъ объявить войну Россіи».

На этомъ конференція и кончилась; Мирза-Салехъ написалъ о требованіяхъ Паскевича наслѣдному принцу.

Отвѣтъ пришелъ 17 іюля. Аббасъ-Мирза писалъ, что шахъ, быть можетъ, и согласится еще на уплату издержекъ, но что ни въ какомъ случаѣ не уступитъ ни пяди земли, издавна принадлежащей персидской монархіи. Изъ этого письма и изъ словъ самого уполномоченнаго, Паскевичъ замѣтилъ, что ни Мамедъ-Эминъ, ни Мирза-Салехъ не смѣли писать наслѣдному принцу со всею необходимою откровенностію, и что, такимъ образомъ, персіяне никогда не узнаютъ ни истиннаго положенія дѣлъ, ни средствъ, которыми располагаетъ Россія для веденія войны, ни опасностей, грозящихъ Персіи въ томъ случаѣ, если миръ не будетъ заключенъ немедленно. Это обстоятельство побудило Паскевича совершенно отстранить персидскаго сановника отъ участія въ переговорахъ и отправить отъ себя довѣренное лицо, которое могло бы лично сообщить Аббасу-Мирзѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Нужно было увѣрить персіянъ, что требованія Россіи таковы, что измѣнены уже не будутъ.

Въ числѣ немногихъ лицъ, которыхъ Паскевичъ удержалъ при себѣ, вступая въ должность начальника Кавказскаго края, находился и знаменитый русскій писатель, тогда чиновникъ

иностранной коллегіи, Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, состоявшій въ родствѣ съ женою Паскевича. Грибоѣдовъ уже съ 1817 года былъ секретаремъ при персидской миссіи, долго занимался изученіемъ восточныхъ языковъ, и вообще прекрасно освоился съ краемъ. Паскевичъ на немъ и остановилъ свой выборъ. Грибоѣдову приказано было отправиться въ персидскій станъ и представить на усмотрѣніе персидскаго принца: 1) что Эриванская и Нахичеванская провинціи уже принадлежатъ Россіи фактически, такъ какъ заняты русскими войсками; двѣ крѣпости въ нихъ продержатся не долго, и, слѣдовательно, уступить эти области все равно придется теперь или позже; во 2) что чѣмъ дольше продлится война, тѣмъ болѣе будетъ потрачено на нее денегъ персіянами, и, стало быть, если они рѣшатся уплатить извѣстную сумму, то тѣмъ избѣгнутъ будущихъ военныхъ расходовъ, которые далеко превзойдутъ цифру, оспариваемую ими теперь; что, наконецъ, по мѣрѣ успѣховъ будутъ возрастать и требованія Россіи, въ сравненіи съ которыми нынѣшнія покажутся уже умѣренными.

Снабженный такою инструкціею, Грибоѣдовъ 20 іюля выѣхалъ изъ Аббасъ-Абада и въ тотъ же день вечеромъ прибылъ въ деревню Каразіадинъ, лежащую верстахъ въ 28 отъ поля знаменитой Джеванбулакской побѣды. Здѣсь онъ долженъ былъ остановиться и ожидать приглашенія Аббаса-Мирзы, находившагося въ то время въ горахъ, и лишь на другой день намѣревавшагося спуститься или къ Каразіадину, или въ Чорсскую долину. Къ палаткѣ Грибоѣдова поставленъ былъ почетный караулъ, и всѣ условія вѣжливости были соблюдены «даже до излишества».

21 іюля, поутру, подошва горъ, къ югу отъ Каразіадина, запестрѣла вооруженными толпами конныхъ и пѣшихъ сарбазовъ. На огромномъ пространствѣ разбитъ былъ тамъ обширный лагерь, а въ часъ пополудни Грибоѣдовъ былъ приглашенъ къ наслѣдному принцу.

Аббасъ-Мирза принялъ его въ своей палаткѣ, окруженный нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ. Онъ былъ одѣтъ

очень просто, и только золотой кушакъ съ бриллiантовою застежкой охватывалъ его стройную фигуру, да на боку висѣла сабля въ бархатныхъ ножнахъ съ золотою оправой и съ рукоятью, унизанной алмазами. Несмотря на смуглый цвѣтъ лица и длинные черные усы, въ чертахъ наслѣднаго принца проглядывали изнѣженность и женственность.

Онъ началъ бесѣду съ того, что много и горько жаловался на Ермолова, Мазаровича и Северсамидзе, какъ на главныхъ, по его мнѣнiю, зачинщиковъ войны. Грибоѣдовъ возразилъ на это, что неудовольствiя, по случаю спора о границахъ, были обоюдныя, но что военныя дѣйствiя никогда бы не начались, если бы шах-заде самъ не вторгнулся въ русскiе предѣлы. «Во всякомъ случаѣ, — заключилъ онъ: — если бы это было и такъ, то вы имѣли законный путь обратиться съ жалобой, и государь, конечно, не оставилъ бы ея безъ вниманiя. Между тѣмъ, ваше высочество поставили себя судьею въ собственномъ дѣлѣ и предпочли рѣшить его оружiемъ. Но тотъ, кто первымъ начинаетъ войну, никогда не можетъ сказать, чѣмъ она окончится».

— Да, это правда, — отвѣчалъ принцъ: военное счастiе такъ перемѣнчиво...

«Въ прошломъ году, — продолжалъ Грибоѣдовъ: — персидскiя войска внезапно и довольно далеко проникли въ наши владѣнiя; нынче мы прошли Эриванскую и Нахичеванскую области, стали на Араксѣ и овладѣли Аббасъ-Абадомъ».

Овладѣли!.. взяли! — съ живостью заговорилъ Аббасъ-Мирза: — Вамъ сдалъ ее зять мой... Трусъ... женщина... хуже женщины!...

Сдѣлайте противъ какой-нибудь крѣпости то, что мы сдѣлали, и она сдастся вашему высочеству», — спокойно сказалъ Грибоѣдовъ.

— Нѣтъ! вы умрете на стѣнахъ: ни одинъ живой не останется. Мои не умѣли этого сдѣлать, иначе вамъ никогда бы не овладѣть Аббасъ-Абадомъ.

«Какъ бы то ни было, — возразилъ Грибоѣдовъ: — но при настоящемъ положенiи вы уже третiй разъ начинаете трак-

товать о мирѣ. Теперь я присланъ сообщить вамъ послѣднія условія, помимо которыхъ не приступятъ ни къ какимъ переговорамъ: такова воля нашего государя».

— Послушаемъ, — сказалъ принцъ: — но развѣ должно непремѣнно трактовать о мирѣ, наступя на горло, и нельзя разсуждать о томъ, что было прежде? — Тутъ Аббасъ-Мирза распространился о безуспѣшности своихъ желаній жить въ добромъ согласіи съ русскими, подъ сѣнью благорасположенія къ нему императора. Обвиненія пограничныхъ начальниковъ, и русскихъ и своихъ, и потомъ неистощимыя увѣренія въ преданности къ государю, — все это настолько быстро слѣдовало у него одно за другимъ, что Грибоѣдовъ не могъ возражать, и молчалъ. Изъ нѣкоторыхъ словъ онъ замѣтилъ, однако, что личный характеръ императора Николая, его твердость и настойчивость во всѣхъ предпріятіяхъ сильно дѣйствуютъ на воображеніе принца. «Я знаю рѣшительныя свойства великаго императора, — говорилъ между прочимъ Аббасъ-Мирза: — и не одинъ я: объ этомъ свидѣтельствуютъ теперь всѣ сыновья и братья европейскихъ государей и ихъ послы, пріѣзжавшіе поздравить его со вступленіемъ на престолъ». То же самое впослѣдствіи Грибоѣдовъ слышалъ и отъ прочихъ лицъ, съ которыми довелось ему имѣть дѣло въ персидскомъ лагерѣ; всѣ они разсказывали про государя множество анекдотовъ, иные справедливые, большею частью вымышленные, — но всѣ представлявшіе императора въ могущественномъ видѣ, грознымъ и страшнымъ для непріятелей.

— Какъ же, имѣя такое представленіе о нашемъ государѣ, — сказалъ Грибоѣдовъ принцу; — вы рѣшились оскорбить его въ лицѣ посланника, котораго задержали противъ самыхъ священныхъ правъ, признаваемыхъ всѣми государствами? И вотъ, кромѣ убытковъ, понесенныхъ нами при вашемъ нападеніи, кромѣ нарушенія границъ, теперь оскорблена и личность самого императора, а у насъ честь государя — есть честь народная.

«При этихъ словахъ, — разсказываетъ Грибоѣдовъ: — Аббасъ-Мирза былъ какъ бы пораженъ какою-то мыслію, и

такъ непринужденно, громко и краснорѣчиво раскаялся въ своемъ поведеніи, что мнѣ самому уже ничего не оставалось прибавить».

Послѣ этого Аббасъ-Мирза приказалъ всѣмъ выйти изъ палатки; остались въ ней только принцъ, Грибоѣдовъ съ переводчикомъ, да спрятанный за занавѣсью человѣкъ, въ которомъ Грибоѣдовъ скоро узналъ Аллаяръ-Хана. Аббасъ-Мирза приготовился слушать условія.

Но едва Грибоѣдовъ подробно объяснилъ ему, чего требовало русское правительство, какъ шах-заде поднялся съ мѣста въ порывѣ сильнѣйшаго раздраженія.

— Такъ вотъ ваши условія! — воскликнулъ онъ. — Вы ихъ предписываете шаху Иранскому, какъ своему подданному! Уступку двухъ областей, дань деньгами!.. Но когда вы слышали, чтобы шахъ персидскій дѣлался подданнымъ другого государя? Онъ самъ раздаетъ короны... Персія еще не погибла... И она имѣла свои дни счастія и славы...

«Но я осмѣлюсь напомнить вамъ, — возразилъ Грибоѣдовъ: — о Гуссейнъ-Шахѣ Сефеви, который лишился престола, побѣжденный авганцами. Предоставляю собственному просвѣщенному уму вашему судить, насколько русскіе сильнѣе авганцевъ».

— Кто же хвалитъ за это шаха Гуссейна! — воскликнулъ принцъ въ негодованіи: — онъ поступилъ подло. Развѣ и намъ послѣдовать его примѣру?..

«Я вамъ назову другого великаго человѣка, императора Наполеона, который внесъ войну въ русскіе предѣлы и заплатилъ за это утратою престола».

— И былъ истиннымъ героемъ! — воскликнулъ Аббасъ-Мирза: — онъ защищался до самой послѣдней крайности. Но вы, какъ всемірные завоеватели, вы хотите захватить все, и требуете отъ насъ и областей, и денегъ...

«При окончаніи каждой войны, несправедливо начатой съ нами, — говорилъ Грибоѣдовъ: — мы отдаляемъ наши предѣлы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и непріятеля, который отважился переступить ихъ. Вотъ почему въ настоящемъ случаѣ тре-

буется уступка областей Эриванской и Нахичеванской. Деньги также есть родъ оружія, безъ котораго нельзя вести войну. Это не торгъ, ваше высочество, даже не вознагражденіе за претерпѣнные убытки. Требуя денегъ, мы только лишаемъ непріятеля способовъ вредить намъ на долгое время».

Слова эти показались Аббасъ-Мирзѣ весьма непріятными. «Но по крайней мѣрѣ, — замѣчаетъ Грибоѣдовъ: — при будущихъ переговорахъ русскіе уполномоченные будутъ уже избавлены отъ труда исчислять персіянамъ итоги военныхъ издержекъ, которыя они оцѣняютъ по-своему довольно дешево, ибо армія ихъ во время войны, даже въ собственномъ краѣ, кормится сколько можно даромъ, на счетъ беззащитныхъ жителей».

Затѣмъ, подозвавъ къ себѣ Грибоѣдова какъ можно ближе, и почти говоря съ нимъ на ухо, Аббасъ-Мирза началъ разспрашивать о степени власти, которою облеченъ Паскевичъ.

— Есть два рода главнокомандующихъ, — говорилъ онъ: — одни на все уполномоченные, другіе съ правами ограниченными. Какая же власть Паскевича?

«Большая, — отвѣчалъ Грибоѣдовъ. — Но чѣмъ она больше, тѣмъ больше лежитъ на немъ и отвѣтственности. У насъ одна господствующая воля, — воля самого императора, отъ которой никто уклониться не можетъ, какою бы властью облеченъ ни былъ, условія мира начертаны волею государя, главнокомандующій — только ея исполнитель».

Это завлекло Грибоѣдова въ сравненіе съ Персіею, гдѣ единовластіе въ государствѣ нарушается прихотями частныхъ владѣтелей и разномысліемъ людей, имѣющихъ голосъ въ шахскомъ совѣтѣ, гдѣ даже изступленный пустынникъ, являясь изъ Кербелая съ возмутительными проповѣдями, можетъ вовлечь государство въ бѣдствія войны или междоусобицы.

— У васъ тоже не одна воля, — возразилъ на это Аббасъ-Мирза. — Въ Петербургѣ говорятъ одно, Ермоловъ другое. У насъ былъ Муджтехидъ для мусульманъ; вы, для возбужденія противъ насъ армянъ, тоже выписали въ Эчміадзинъ христіанскаго халифа Нерсеса...

Высказавъ это, Аббасъ-Мирза быстро перешелъ къ другимъ соображеніямъ и сталъ домогаться перемирія, а вмѣстѣ съ тѣмъ права самому поѣхать въ Петербургъ или послать туда своего старшаго сына. — Мы оскорбили великаго государя, — говорилъ онъ: — и мы же будемъ просить у него прощенія... Мы будемъ цѣловать тронъ его... Онъ во всемъ властенъ, но онъ великодушенъ. Захочетъ областей, денегъ — и деньги и весь Адербейджанъ, и самого себя отдамъ ему въ жертву, но этимъ чистосердечнымъ поступкомъ пріобрѣту пріязнь и покровительство императора.

Грибоѣдовъ далъ понять принцу, что Паскевичъ, при данныхъ обстоятельствахъ, не въ правѣ дать ему или его сыну пропускъ въ С.-Петербургъ; что даже въ обыкновенное время международными приличіями требуется на это предварительное разрѣшеніе самого государя, что вообще намѣреніе принца гораздо удобнѣе было бы исполнить въ прошломъ году, во время коронаціи императора, когда шах-заде предпочелъ взяться за оружіе... И Грибоѣдовъ не скрылъ, что государь разгнѣванъ именно и лично самимъ Аббасъ-Мирзою.

Всѣ эти возраженія не повели, однако, ни къ чему. Аббасъ-Мирза тотчасъ принялся разсчитывать, какъ скоро можетъ быть отвѣтъ изъ Петербурга, требовалъ отъ Грибоѣдова ручательства, что государь допуститъ его къ себѣ, просилъ его стараться объ этомъ передъ Паскевичемъ, а самого Паскевича ходатайствовать за него въ Петербургѣ. «Способъ трактовать — замѣчаетъ по этому поводу Грибоѣдовъ: — исключительно свойственный однимъ персіянамъ, которые разговоръ о дѣлѣ государственномъ внезапно обращаютъ въ дружескую, гаремную бесѣду, и поручаютъ хлопотать въ ихъ пользу чиновнику воюющей съ ними державы, какъ доброму ихъ пріятелю»...

Послѣ 6-ти часовой бесѣды Грибоѣдовъ возвратился, наконецъ, домой и ночью занялся составленіемъ условій перемирія. На слѣдующій день утромъ его посѣтилъ Мирза-Мамедъ-Али, довѣренное лицо наслѣдника. Грибоѣдовъ воспользовался этимъ, чтобы высказать то, чего вчера не могъ сказать

самому шах-заде по той причинѣ, что ни минуты не оставался съ нимъ наединѣ. Грибоѣдовъ повелъ рѣчь о будущей незавидной судьбѣ наслѣднаго принца, о ничтожной роли, которая предстоитъ ему среди его братьевъ, когда Адербейджанъ, удѣлъ, пожалованный ему шахомъ, перейдетъ въ русскія руки. «Бѣдствія, которыя постигнутъ тогда Персію, — говорилъ Грибоѣдовъ: — всецѣло падутъ на принца, и средство выйти изъ этого положенія одно — заключить возможно скорѣе миръ, а пока принять тѣ условія перемирія, которыя ему предложатъ». Эти условія должны были разсматриваться вечеромъ, но Грибоѣдовъ внезапно заболѣлъ и слегъ въ постель со всѣми признаками горячки — дѣйствіе губительнаго мѣстнаго климата: ртуть въ термометрѣ въ полдень возвышалась до 40, а къ ночи падала до 8° Реомюра.

Аббасъ-Мирза воспользовался болѣзнью Грибоѣдова, чтобы составить свой проектъ перемирія, который и былъ одобренъ шахомъ, на два фарсаха приблизившимся въ это время къ Чорсу. Курьеры къ нему и отъ него скакали безпрестанно. Шахъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на время перемирія русскіе отступили къ Карабагу, а Аббасъ-Мирза къ Тавризу, и, такимъ образомъ, Нахичеванская область осталась бы нейтральною. Соглашаясь на то, чтобы въ Аббасъ-Абадѣ остался русскій гарнизонъ, и даже принимая на себя его продовольствіе, онъ требовалъ, чтобы Эчміадзинъ былъ очищенъ, а для охраны Божьяго храма предлагалъ назначить туда двухъ приставовъ, персидскаго и русскаго.

Грибоѣдовъ еще былъ въ постели, когда Мирза-Мамедъ-Али вручилъ ему этотъ проектъ перемирія. Статьи объ оставленіи Эчміадзина и Нахичеванской области онъ тотчасъ же вычеркнулъ. Персіяне не прекословили, но, за всѣмъ тѣмъ, въ этотъ день ничего не было окончено.

24 числа переговоры возобновились. «И я — разсказываетъ Грибоѣдовъ: — въ теченіе цѣлаго дня долженъ былъ выдерживать діалектику XIII столѣтія». Возвращались къ предложеніямъ, въ которыхъ наканунѣ уже условились. Главное разногласіе вытекало изъ того, что персіяне требовали пере-

мирія на цѣлые 10 мѣсяцевъ. Напрасно Грибоѣдовъ старался разъяснить имъ, что перемиріе, заключенное на продолжительный срокъ, есть тотъ же миръ, что русскій главнокомандующій, остановленный среди своего побѣднаго шествія внутрь персидской монархіи, потеряетъ время и всѣ плоды, пріобрѣтенные оружіемъ. Мирза-Мамедъ самъ хорошо понималъ всю несообразность этихъ требованій и, наконецъ, откровенно сказалъ, что они необходимы для удаленія изъ Хоя шаха и его двора, отъ которыхъ обнищала вся провинція. Грибоѣдовъ далъ ему почувствовать, что подобныя соображенія имѣютъ смыслъ только для нихъ, но что русскимъ, когда они одержали уже серьезные успѣхи, необходимо позаботиться о своихъ собственныхъ выгодахъ.

«Мы не имѣемъ надобности въ прекращеніи военныхъ дѣйствій, — говорилъ Грибоѣдовъ: — Мысль объ этомъ принадлежитъ шах-заде. Я представилъ ему условія, на которыхъ оно съ нашей стороны можетъ быть допущено. Вольны принять ихъ или нѣтъ, но мой усердный совѣтъ, чтобы успокоить край и особу шаха въ его преклонныхъ лѣтахъ, да наконецъ для собственной безопасности и Аббасъ-Мирзы, — принять просто миръ, который даруется имъ на извѣстныхъ условіяхъ». Говорили очень долго. Наконецъ Грибоѣдовъ подѣйствовалъ на персіянъ тою мыслію, что если Россія завладѣетъ Адербейджаномъ, то обезпечитъ независимость этой обширной области со стороны Персіи, и на десять фарсаховъ не позволитъ никому селиться около ея границы. «Охранять же эти границы — говорилъ онъ: — будутъ 20 тысячъ милиціи, образованной изъ народа, извѣстнаго духомъ неудовольствія противъ нынѣшняго правительства. Намъ стоитъ только поддержать этотъ духъ, и мы навсегда прекратимъ политическія сношенія съ Персіею, какъ съ государствомъ, не соблюдающимъ трактатовъ; мы такъ же будемъ мало знать ее, какъ знаемъ теперь авганцевъ и прочіе отдаленные народы глубокой Азіи. Этотъ планъ у насъ очень извѣстенъ и полагается весьма сбыточнымъ, но къ исполненію его приступятъ только въ самой крайности, когда персіяне, упорствуя, про-

длятъ войну, ими самими начатую. Скажите отъ меня шах-заде, что лучше принять условія, покуда ихъ дѣлаютъ».

Грибоѣдовъ говорилъ все это спокойно, болѣе въ видѣ разсужденія, чѣмъ угрозы. Повидимому, слова его подѣйствовали; по крайней мѣрѣ, на слѣдующій день, 25 іюля, Аббасъ-Мирза назначилъ ему новую аудіенцію. На этотъ разъ онъ принялъ его, окруженный уже важнѣйшими сановниками, между которыми Грибоѣдовъ замѣтилъ Аллаяръ-Хана, Али-Наги-Мирзу, предводителя карапапаховъ, и самаго Гассанъ-Хана, яраго противника всякаго сближенія съ русскими, — онъ только что возвратился тогда отъ шаха, куда ѣздилъ просить денегъ и войска для защиты Эриванской области. Несмотря на это присутствіе въ совѣтѣ лицъ, явно враждебныхъ русскимъ интересамъ, Грибоѣдовъ думалъ, что условія Россіи при этой послѣдней аудіенціи, въ присутствіи столькихъ важныхъ свидѣтелей, будутъ, наконецъ, или приняты или торжественно отвергнуты. Вышло, однако, опять ни то, ни другое. Тонъ принца былъ самый униженный, но въ то же время онъ настаивалъ на перемиріи на 10 мѣсяцевъ, и не отступалъ отъ любимой своей мысли—самому или черезъ сына прибѣгнуть къ великодушію русскаго императора.

Этимъ и заключилось все то, что шло къ дѣлу. Но постороннихъ разговоровъ было много, и Грибоѣдовъ оставался у шах-заде еще дольше, чѣмъ въ первый разъ. Аббасъ-Мирза коснулся, между прочимъ, опять и ненавистнаго ему Ермолова. Сравнивая дѣйствія двухъ главнокомандующихъ, онъ говорилъ, что самымъ опаснымъ оружіемъ Паскевича считаетъ то человѣколюбіе и справедливость, которыя онъ оказываетъ всѣмъ мусульманамъ. «Мы знаемъ,—говорилъ Аббасъ-Мирза:—какъ онъ велъ себя противъ кочевыхъ племенъ на пути къ Нахичевани: солдаты никого не обижали, Паскевичъ принималъ всѣхъ дружелюбно. Этотъ способъ пріобрѣтать довѣріе въ чужомъ народѣ и мнѣ извѣстенъ; жаль, что я одинъ во всей Персіи понимаю его. Такъ дѣйствовалъ я противъ турокъ, такъ поступалъ и въ Карабагѣ въ кампанію прошлаго года. Гассанъ-Ханъ, напротивъ, ожесточилъ противъ

себя всю Грузію, и въ этомъ отношеніи усердствовалъ вамъ, сколько могъ. Ермоловъ, какъ новый Чингизъ-Ханъ, отомстилъ бы мнѣ опустошеніемъ несчастныхъ областей, велѣлъ бы умерщвлять всякаго, кто попадетъ къ нему въ руки, — и тогда, объ эту пору, двѣ трети Адербейджана уже стояли бы у меня подъ ружьемъ, не требуя отъ казны ни жалованья, ни продовольствія.

Грибоѣдовъ отвѣтилъ, что генералъ Ермоловъ также, какъ и нынѣшній главнокомандующій, наблюдалъ пользу государства, и что можно къ одной и той же цѣли идти различными путями.

Аудіенція кончилась въ три часа пополудни, и Грибоѣдовъ, принявъ отъ Аббаса-Мирзы письмо на имя Паскевича, въ тотъ же день выѣхалъ изъ персидскаго лагеря, окончательно убѣдившись, что всѣ разсужденія о перемиріи были простою проволочкою, желаніемъ затянуть время и хотя на нѣсколько лишнихъ дней остановить успѣхи русскаго оружія. Грибоѣдовъ оставилъ Чорсскій лагерь, однакоже, подъ впечатлѣніемъ, что непріятель войны не желаетъ, что она для него и страшна, и тягостна, что отъ постоянныхъ неудачъ персіяне упали духомъ, и всѣ недовольны. Мирза Мамедъ-Али говорилъ ему, что шахское войско наводитъ гораздо болѣе трепета на жителей, нежели русскіе, что въ видѣ подати на Хойскую провинцію наложена доставка 12,000 халваровъ хлѣба, и шахъ велѣлъ платить по туману халваръ, тогда какъ онъ продается по пяти между народомъ. И несмотря на все это, какъ стороною узналъ Грибоѣдовъ, персидскія войска, которыхъ въ Чорсѣ и Хоѣ было до 65 тысячъ, готовились къ нападенію на Аббасъ-Абадъ. Дѣло въ томъ, что военныя предпріятія были необходимы персіянамъ; иначе, оставаясь въ бездѣйствіи, не видя случаевъ къ грабежамъ и только испытывая всякаго рода лишенія, — войска Персіи разбѣжались бы сами собою.

XXII.

Походный атаманъ Иловайскій.

Походный атаманъ донскихъ казачьихъ полковъ на Кавказѣ, генералъ-лейтенантъ Василій Дмитріевичъ Иловайскій, участвовавшій въ Джеванбулакскомъ бою, былъ одною изъ замѣчательныхъ личностей, выдвинувшихся въ предыдущую эпоху великихъ европейскихъ войнъ. Какъ ни было незначительно его личное участіе въ походахъ Паскевича, но то вліяніе, которое онъ имѣлъ на донцовъ, какъ ветеранъ наполеоновскихъ войнъ, и какъ одинъ изъ лучшихъ представителей казачьей славы,— доставляло ему не только первенствующее мѣсто среди генераловъ, окружавшихъ главнокомандующаго, но и весьма дѣятельную, хотя и не бросающуюся въ глаза роль въ тогдашнихъ событіяхъ.

Фамилія Иловайскихъ пользовалась на Дону уже давно всеобщею и заслуженною извѣстностью. Прадѣдъ Василія Димитріевича, Мокей Осиповичъ, уже былъ жалованъ золотымъ ковшемъ и царскимъ гербомъ, а дѣдъ его, Иванъ Мокеевичъ, сдѣлался даже легендарною личностью, вслѣдствіе одного обстоятельства, о которомъ семейная хроника Иловайскихъ раз сказываетъ слѣдующее:

Въ царствованіе Екатерины II, Иванъ Мокеевичъ, будучи войсковымъ старшиною, ходилъ съ полкомъ на Кубань, и тамъ, въ одной изъ схватокъ съ черкесами, былъ взятъ въ плѣнъ и проданъ въ Снѣговыя горы. Ни увѣщанія, ни угрозы горцевъ не могли склонить его къ перемѣнѣ вѣры и къ женитьбѣ на черкешенкѣ. Два раза пытался онъ оттуда бѣжать, и оба раза неудачно: горцы его ловили. И такъ какъ съ каждымъ разомъ житье его становилось все хуже и хуже, то онъ, наконецъ, примирился съ своей судьбой и пересталъ мечтать о возвращеніи на родину. Такъ прошло семь лѣтъ. Однажды, это было въ августѣ, наканунѣ праздника явленнаго образа Костромской Божіей Матери,—заснулъ онъ подлѣ стада, которое пасъ, и вотъ, въ сонномъ видѣніи, предстала предъ нимъ Богоматерь, которая вручила ему свой тропарь и благословила его возвратиться на родину.

Проснувшись, Иловайскій съ удивленіемъ увидѣлъ, что читаетъ наизусть молитву, которой прежде не зналъ и въ которой часто упоминался совсѣмъ невѣдомый ему «градъ Кострома». Чудесное событіе его изумило. Но страхъ отважиться на новый побѣгъ заставилъ его пренебречь этою помощію свыше. Между тѣмъ, на слѣдующую ночь видѣніе опять повторилось, и на этотъ разъ Божія Матерь предстала передъ нимъ съ упрекомъ за его сомнѣніе въ ея святой защитѣ. Тогда Иловайскій бѣжалъ. Нѣсколько разъ, уже настигаемый горцами, онъ скрывался отъ нихъ то на вершинахъ деревъ, то въ старыхъ дуплахъ, то въ высокой травѣ. Когда погоня, не найдя его, возвращалась назадъ, онъ шелъ опять, продолжая читать тропарь и направляя свой путь лишь по небеснымъ свѣтиламъ. Такъ шелъ онъ, не встрѣтивъ на

разстояніи семисотъ верстъ ни одного жилья и питаясь въ пути только кореньями травъ да древесными листьями. Наконецъ онъ добрался до Дона и прибылъ въ Черкаскъ. Тамъ, прежде чѣмъ войти въ свой домъ, обошелъ онъ всѣ городскія церкви, и въ каждой отслужилъ молебенъ за свое спасеніе. Бесѣдуя съ однимъ изъ священниковъ, онъ узналъ, что въ Костромѣ находится явленный образъ Божіей Матери, и на другой же день, повидавшись только съ семьею, отправился туда пѣшкомъ. Тамъ заказалъ онъ снимокъ съ чудотворнаго лика и обложилъ его ризой, откованной изъ чистаго золота. Съ тѣхъ поръ эта икона хранится семейною святыней въ родѣ Иловайскихъ, а самое происшествіе записано въ числѣ чудесъ въ костромской соборной церкви.

Сынъ Ивана Мокеевича, Димитрій Ивановичъ, впослѣдствіи былъ генераломъ отъ кавалеріи и наказнымъ атаманомъ донскаго казачьяго войска. Онъ далъ хорошее образованіе всѣмъ своимъ семи сыновьямъ, изъ которыхъ Василій Димитріевичъ, родившійся въ 1785 году, воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда, 17 лѣтъ отъ роду, и выпущенъ былъ на службу есауломъ.

Полкъ, въ который поступилъ молодой Иловайскій, содержалъ тогда кордонную линію по берегу Нѣмана, а затѣмъ участвовалъ въ Фридландскомъ походѣ, гдѣ донцы впервые создали себѣ европейскую славу. «Прибытіе Платова съ его казачьими полками къ арміи»,—доносилъ тогда Бенигсенъ:— «есть истинная гибель для нашихъ противниковъ». Казаки, привыкшіе къ азіятскому образу дѣйствій, дѣйствительно, окружали врага своими мелкими партіями, бились съ нимъ днемъ, не давали покоя ночью, разстраивали всѣ его предпріятія и лишали возможности продовольствоваться мѣстными средствами края. Это была малая война, доведенная донцами до самыхъ широкихъ размѣровъ. Самъ Платовъ въ письмѣ своемъ къ императрицѣ говоритъ, что именно этой войнѣ онъ былъ обязанъ тѣмъ, «что преизрядно шпиговалъ французовъ и бралъ у нихъ въ плѣнъ много ихъ дерзкихъ штабъ и оберъ-офицеровъ», а сколько,—наивно прибавляетъ атаманъ:—я и

счетъ потерялъ, знаетъ про то главнокомандующій арміею, которому я ихъ доставлялъ»...

Участвуя съ своею сотней во всѣхъ этихъ наѣздахъ, молодой Иловайскій обратилъ на себя особенное вниманіе знаменитаго атамана, который исходатайствовалъ ему золотую саблю «за храбрость» и, воспользовавшись случаемъ, представилъ его въ Тильзитѣ императору Александру I-му. Нужно сказать, что въ этой войнѣ, кромѣ Василія Димитріевича, находились и всѣ остальные его братья; и вотъ, государь, призвавъ къ себѣ всѣхъ семерыхъ Иловайскихъ, представилъ ихъ прусскому королю, говоря: «вотъ какъ у меня служатъ донцы: семь сыновей у отца—и всѣ они здѣсь налицо *).

Когда окончилась война на западной границѣ, Иловайскій назначенъ былъ командиромъ казачьяго полка и отправился съ нимъ въ Молдавскую армію. Тамъ онъ участвовалъ съ княземъ Прозоровскимъ въ битвахъ подъ Браиловымъ, съ Багратіономъ — подъ Мачиномъ, Гирсовомъ, Силистріей и Россеватомъ, съ Каменскимъ — при Базарджикѣ, Шумлѣ и Батынѣ, съ Кутузовымъ — подъ Рущукомъ, и, наконецъ, въ послѣднемъ блистательномъ бою 2-го октября 1811 года, достойно закончившемъ собою пятилѣтніе кровавые походы въ Турцію.

Кампанія 1811 года началась наступленіемъ турокъ, которые, подъ личнымъ предводительствомъ верховнаго визиря, перешли Дунай и стали на лѣвомъ берегу его, почти въ виду нашей арміи, собранной подъ Журжею. Удачная переправа черезъ Дунай и взятіе русскаго знамени исполнили враговъ необычайною самоувѣренностію. Вся Турція предалась безумнымъ ликованіямъ и празднествамъ; всѣ славили имя великаго визиря, и султанъ изъ Царьграда прислалъ ему и пашамъ богатыя награды. Но радость и ликованіе эти были преждевременны. Какъ только переправа окончилась, Кутузовъ приказалъ генералу Маркову скрытно переправиться че-

*) Изъ числа семи братьевъ Иловайскихъ трое: Иванъ Димитріевичъ, Василій Димитріевичъ и Павелъ Димитріевичъ, имѣли впослѣдствіи Георгія 3-го класса, а Григорій Димитріевичъ — 4-й степени.

резъ Дунай на турецкую сторону и взять визирьскій станъ, оставленный турками на томъ берегу, подъ охраной значительнаго корпуса. Тамъ, посреди этого стана, который турки звали императорскимъ, возвышался огромный разноцвѣтный шатеръ великаго визиря, съ его несмѣтными богатствами, и раскинуты были шелковыя палатки министровъ; а кругомъ стояли табуны верблюдовъ и были нагромождены богатые товары, навезенные купцами изъ разныхъ странъ и земель Востока. Все это предназначалось теперь въ добычу отважному корпусу, который, по взятіи стана, долженъ былъ водрузить на мѣстѣ его свои батареи и, такимъ образомъ, поставить турецкую армію между двумя огнями.

Въ глухую, безлунную ночь, освѣщаемую только зловѣщею кометой, считавшейся предвѣстницей войны двѣнадцатаго года, войска подошли къ переправѣ. Пока пѣхота разсаживалась въ лодки, Иловайскій съ двумя казачьими полками кинулся въ Дунай и вплавь достигъ противоположнаго берега. Не теряя ни минуты, казаки во весь опоръ понеслись къ Рущуку, на визирьскій станъ, и прежде, чѣмъ турки успѣли сообразить въ чемъ дѣло, донцы ворвались уже въ лагерь и взяли 9 орудій, 12 знаменъ и ставку великаго визиря *). Ужасъ овладѣлъ турецкимъ отрядомъ — и двадцать тысячъ людей, пораженныхъ паникой, бросились бѣжать по дорогамъ къ Рущуку, Разграду и Силистріи. Подоспѣвшая пѣхота поставила свои батареи на правомъ берегу Дуная и принялась громить верховнаго визиря съ тылу...

Такимъ образомъ главная турецкая армія очутилась вдругъ отрѣзанною отъ всѣхъ своихъ сообщеній, и шесть недѣль должна была претерпѣвать всѣ бѣдствія самой строгой осады. Голодъ, снѣгъ и морозы породили между турками повальныя болѣзни и сильную смертность. Всѣ лошади пали или были съѣдены. Несчастные мусульмане стали питаться падалью и, не имѣя дровъ, оставались подъ покровомъ холоднаго, суроваго неба. «Лагерь ихъ — говоритъ очевидецъ: — являлъ со-

*) Ставка великаго визиря отправлена была въ даръ государю императору.

вершенное подобіе острова, окруженнаго моремъ и ежечасно угрожаемаго потопленіемъ». Наконецъ великій визирь, которому грозила неминуемая личная гибель, въ ночь на 3-е ноября, покинулъ станъ и бѣжалъ въ Рущукъ одинъ, на рыбачьей лодкѣ. Послѣ его бѣгства войска держались не долго, — и въ половинѣ ноября, жалкіе остатки этой арміи, уменьшившейся съ 30 до 12 тысячъ, положили оружіе. Война окончилась, и полкъ Иловайскаго получилъ приказаніе возвратиться въ Россію.

Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Турціи, Иловайскій, можно сказать, не выходилъ изъ боя. Кромѣ трофеевъ, добытыхъ въ визирьскомъ станѣ, его казаки отбили у турокъ разновременно 8 орудій, 16 знаменъ и доставили храброму своему командиру чины подполковника и полковника, георгіевскій крестъ въ петлицу, Анну и Владиміра на шею.

Когда началась отечественная война, полкъ Иловайскаго стоялъ на Волыни, въ составѣ 2-й западной арміи, и вмѣстѣ съ нею отступалъ къ Смоленску. На пути, около Мира, присоединился къ арміи Платовъ съ значительнымъ числомъ казачьихъ полковъ. Здѣсь-то, въ окрестностяхъ этого мѣстечка, произошло первое горячее кавалерійское дѣло съ французами.

27-го іюня сильный отрядъ французской конницы двигался по дорогѣ къ д. Романовой. Впереди всѣхъ шли польскіе уланы, подъ начальствомъ отважнаго Рознецкаго, который самоувѣренно обѣщалъ въ тотъ день королю Іерониму хорошо проучить казаковъ, чтобы отбить у нихъ охоту тревожить французскіе бивуаки. Привыкнувъ видѣть ихъ всегда отступавшими, Рознецкій неосторожно отдѣлился съ своимъ полкомъ далеко отъ авангарда, и не замѣтилъ, какъ казаки, ѣхавшіе до этого въ разбродъ, вдругъ сдвинулись въ лаву, гикнули и въ одно мгновеніе охватили полкъ... Пока французы принеслись на выручку, уланы Рознецкаго были уничтожены въ буквальномъ смыслѣ слова: изъ восьмисотъ человѣкъ—500, вмѣстѣ съ храбрымъ своимъ командиромъ, легли на мѣстѣ подъ казацкими дротиками, а 300 съ 18-ю офи-

церами — были захвачены въ плѣнъ. Новая атака французской кавалеріи также не имѣла успѣха и кончилась тѣмъ, что два храбрѣйшіе полка: шассеры и конно-гренадеры, были истреблены «на прахъ», какъ выражается Платовъ въ своемъ донесеніи.

Бой у Романовой замѣчателенъ тѣмъ, что наводитъ самихъ французовъ на грустныя размышленія по поводу ихъ кавалеріи въ сравненіи съ нашими казаками.

«Не правда ли», — говоритъ французскій генералъ Моранъ: — «какое чудное зрѣлище представляла собою наша кавалерія, когда, блистая при лучахъ іюньскаго солнца, золотомъ и сталью, она гордо развертывала свои стройныя линіи на берегу Нѣмана? Но какое горькое воспоминаніе оставили по себѣ тѣ безполезныя, истощавшія ее маневрированія, которыя она должна была употреблять противъ казаковъ, прежде презираемыхъ, но сдѣлавшихъ для спасенія Россіи болѣе, чѣмъ сдѣлали всѣ ее регулярныя арміи...

«Каждый день видѣли ихъ въ видѣ огромной завѣсы, покрывавшей горизонтъ, отъ которой отдѣлялись смѣлые наѣздники и подъѣзжали къ самымъ нашимъ рядамъ. Мы развертывались, смѣло кидались въ атаку и совершенно уже настигали ихъ линіи, но они пропадали, какъ сонъ, и на мѣстѣ ихъ видны были только голыя березы и сосны. По прошествіи часа, когда мы начинали кормить лошадей, черная линія казаковъ снова показывалась на горизонтѣ и снова угрожала намъ своимъ нападеніемъ; мы повторяли тотъ же маневръ, и попрежнему не имѣли успѣха...

«Такимъ образомъ самая лучшая, самая храбрая кавалерія, какую только когда-нибудь видѣли, была измучена и изнурена людьми, которыхъ она считала недостойными себя, но которые тѣмъ не менѣе были истинными освободителями своего отечества. И эти люди возвратились на Донъ съ добычею и славою, а мы оставили Россію, покрытую костями и оружіемъ своихъ непобѣдимыхъ воиновъ».

Вскорѣ послѣ этого дѣла, когда наши арміи приблизились къ Смоленскому, главнокомандующій образовалъ особый летучій отрядъ барона Винценгероде, въ составъ котораго вошелъ,

между прочимъ, и полкъ Иловайскаго. Винценгероде долженъ былъ прикрывать С.-Петербургскій трактъ и не давать французамъ возможности распространять свои дѣйствія въ глубь русской земли.

Неотступно, и шагъ за шагомъ слѣдя за непріятелемъ, Винценгероде дошелъ до Москвы и сталъ отъ нея въ двухъ переходахъ по петербургской дорогѣ. Авангардъ его, подъ командою Иловайскаго, былъ выдвинутъ еще впередъ и расположился у Чашникова. Такимъ образомъ, стоя ближе всѣхъ къ непріятелю, Иловайскій лучше другихъ зналъ бѣдственное положеніе великой арміи, и черезъ него императоръ получалъ самыя первыя и свѣжія извѣстія обо всемъ, что происходило въ несчастной столицѣ. Лихіе казаки его, съ каждымъ днемъ становясь смѣлѣе и смѣлѣе, окружили Москву тонкою, непроницаемою цѣпью своихъ одиночныхъ разъѣздовъ, врывались даже въ самый городъ, ловили курьеровъ, перехватывали почты, и каждый день приводили по нѣскольку десятковъ плѣнныхъ. Отъ этихъ плѣнныхъ Иловайскій узналъ однажды, что въ деревню Химки прибылъ значительный французскій отрядъ. Собравъ своихъ казаковъ, ночью 14-го сентября, онъ внезапно, на самомъ разсвѣтѣ, напалъ на французовъ, разбилъ ихъ на голову и взялъ до трехсотъ человѣкъ въ плѣнъ. Эта первая побѣда, бывшая, такъ сказать, предвозвѣстницею тарутинскаго боя, доставила Иловайскому чинъ генералъ-маіора и особое благоволеніе императора.

7-го октября французы, наконецъ, оставили Москву. Иловайскій первымъ вошелъ въ нее черезъ Тверскую заставу,— и здѣсь-то, между заставой и Петровскимъ дворцомъ, произошло его горячее кавалерійское дѣло съ полутора-тысячною венгерскою конницею. Казаки смѣло атаковали противниковъ, и въ то время, когда венгерцы показали тылъ, дорогу имъ заступила цѣлая толпа мужиковъ, вооруженныхъ топорами, косами и всѣмъ, что ни попало подъ руки. Произошло ужасное кровопролитіе, и только остатки гордыхъ венгерскихъ гусаръ укрылись въ кремлѣ, гдѣ поспѣшили запереть ворота.

«Я былъ очевидцемъ этого боя, — писалъ Винценгероде

къ императору Александру:—и не могу довольно нахвалиться искусствомъ и мужествомъ генерала Иловайскаго, который распоряжался своими казачьими полками такъ, что, несмотря на громадное превосходство непріятеля въ силахъ, обратилъ его въ бѣгство и полонилъ у него 62 человѣка».

«Привыкнувъ считать всегда венгерскую конницу первою въ мірѣ, — говорилъ впослѣдствіи Винценгероде: — я послѣ атаки Иловайскаго долженъ сознаться, что наши донцы превосходятъ даже и венгерскихъ гусаровъ».

Отъ воротъ разоренной Москвы и вплоть до пепелища Смоленска, отрядъ Винценгероде, перешедшій подъ начальство генералъ-адъютанта Кутузова, неотступно сидѣлъ на плечахъ французовъ, и Иловайскій попрежнему командовалъ у него авангардомъ. Послѣднее дѣло въ отечественную войну произошло 4-го декабря у Ковно, гдѣ Иловайскій, вмѣстѣ съ другими казачьими полками Платова, разбилъ и уничтожилъ послѣдніе остатки великой арміи, находившейся подъ командою маршала Нея. «А съ нашей стороны—доносилъ главнокомандующему Платовъ: — уронъ при семъ не великъ, и ему въ Донскомъ войскѣ ведется домашній счетъ».

Съ переходомъ въ Германію, Иловайскій продолжалъ попрежнему командовать казачьими полками, и вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ дѣлахъ подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ и Кульмомъ. Въ послѣднемъ сраженіи, преслѣдуя бѣгущихъ французовъ, Иловайскій взялъ въ плѣнъ генерала Гано съ значительнымъ отрядомъ и восемью орудіями; но, главное, на долю его казаковъ выпала въ этотъ день завидная участь овладѣть особой самого Вандама, о чемъ одинъ изъ очевидцевъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Когда по войскамъ пронеслось слово: «побѣда», и громкое «ура!» огласило воздухъ, въ это самое время изъ-за опушки лѣса выскакала толпа всадниковъ, на которыхъ можно было различить французскіе мундиры. Впереди всѣхъ, на тяжеломъ боевомъ конѣ неслась тучная фигура французскаго генерала въ разстегнутомъ на-распашку сюртукѣ... Два казачьихъ офицера съ пиками на перевѣсъ бросились къ нему

навстрѣчу, и до того напугали его своимъ внезапнымъ появленіемъ, что онъ охриплымъ голосомъ началъ кричать: «русскій генералъ, спасите меня!» Казаки остановились и безъ труда обезоружили его и всю его свиту». Такъ очутился въ нашихъ рукахъ маршалъ Вандамъ, — тотъ, который за 15 лѣтъ передъ этимъ, въ Голландіи, сулилъ 100 луидоровъ, тому, кто приведетъ къ нему живымъ хотя одного казака, съ тѣмъ, чтобы имѣть удовольствіе его разстрѣлять. Судьба жестоко отплатила ему за это намѣреніе, и передала его самого въ руки ненавистныхъ ему казаковъ. Эти два лихіе донца были изъ полка Иловайскаго—есаулъ Бирюковъ и хорунжій Александровъ, которымъ главнокомандующій тутъ же, на самомъ полѣ сраженія, пожаловалъ особыя награды. Иловайскому государь назначилъ самъ аннинскую ленту, а затѣмъ, 6 октября, послѣ Лейпцигской битвы, позвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— «Наполеонъ разбитъ на голову и долженъ отступать въ большомъ безпорядкѣ. Опереди непріятельскую армію, ступай у нея въ авангардѣ, разрушай мосты, гати, словомъ, наноси ей всевозможный вредъ.... Но гдѣ же ты переправишься черезъ рѣку? быстро прибавилъ императоръ:—мостъ въ Лейпцигѣ занятъ непріятелемъ».

— Государь!—отвѣчалъ Иловайскій:—казакамъ рѣка не преграда: переправимся вплавь.

Поблагодаривъ Иловайскаго, государь взялъ его за руку и подвелъ къ фельдмаршалу князю Шварценбергу, предлагая дать ему надлежащія наставленія. — «Ваше величество избрали Иловайскаго, — отвѣчалъ Шварценбергъ: — и мнѣ остается только ожидать успѣха». Такой же точно отвѣтъ далъ и король Прусскій.

Съ этихъ поръ начинается для Иловайскаго длинный рядъ трудовыхъ, безсонныхъ ночей, въ сѣдлѣ, безъ отдыха и часто даже безъ пищи. Онъ шелъ, дѣйствительно, впереди французовъ, зорко выслѣживая движеніе ихъ авангарда, и затѣмъ, куда ни обращался послѣдній, онъ находилъ вездѣ мосты уничтоженными, дороги испорченными, гати разрушенными...

12 октября, въ туманный и ненастный день, приближаясь къ городу Веймару, Иловайскій услыхалъ впереди сильнѣйшую ружейную перестрѣлку. Это его озадачило. Посланные туда казаки прискакали съ извѣстіемъ, что конный французскій отрядъ ворвался въ городъ и въ улицахъ идетъ ожесточенная рубка съ казаками Платова, поспѣвшими туда прежде Иловайскаго. Иловайскій тотчасъ повелъ свой отрядъ маршъ-маршемъ и подоспѣлъ какъ разъ во-время, чтобы довершить пораженіе французовъ. Отъ плѣнныхъ узнали, что летучій французскій отрядъ имѣлъ повелѣніе Наполеона захватить со всѣмъ семействомъ великаго герцога Веймарскаго, соединеннаго тѣсными узами родства и дружбы съ русскимъ государемъ.

Бой въ улицахъ Веймара, пораженіе французской дивизіи генерала Фурнье, разгромъ Мармона, битва при Ганау, занятіе Франкфурта—слѣдовали быстро одно за другимъ и доставили нашимъ казакамъ болѣе шести тысячъ плѣнныхъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ Иловайскій дождался прибытія императора Александра, и когда, въ числѣ другихъ генераловъ, явился во дворецъ,—начальникъ главнаго штаба, князь Волконскій, отозвалъ его въ сторону и сказалъ: «Государю угодно, чтобы вы сейчасъ же надѣли свой георгіевскій крестъ вмѣсто петлицы на шею»... Иловайскій не успѣлъ исполнить этого приказанія, какъ въ комнату вошелъ императоръ и, подойдя прямо къ Иловайскому, сказалъ: «поздравляю тебя съ Георгіемъ 3-го класса». Въ тотъ же самый день ему пожалованы золотая, осыпанная брилліантами, сабля съ надписью «за храбрость», прусскій орденъ Краснаго Орла и австрійскій — Св. Леопольда.

Участіе Иловайскаго въ кампаніи 1814 года, и особенно бой подъ Феръ-Шампенаузомъ, гдѣ онъ съ казачьими полками, на глазахъ государя, врѣзался въ непріятельскую колонну и взялъ до тысячи плѣнныхъ, — опять доставили ему алмазные знаки ордена св. Анны 1 степени и Владиміра 2-го класса. По взятіи Парижа, императоръ принялъ его отдѣльно отъ другихъ генераловъ въ своемъ кабинетѣ; находившійся

въ то время у государя цесаревичъ Константинъ Павловичъ, шутя, замѣтилъ при этомъ, «что Иловайскій хотя по номеру двѣнадцатый, но не изъ дюжинныхъ».

Возвратившись съ береговъ Сены на Донъ, Иловайскій прожилъ нѣсколько лѣтъ на отдыхѣ, среди своей родни, окруженный общимъ почетомъ. Изображеніе его можно было встрѣтить въ то время почти повсемѣстно, во всѣхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества, на тѣхъ немудрыхъ лубочныхъ картинахъ, которыя такъ любы нашему простолюдину и въ былое время украшали собою и хоромы купца, и курную избу простого крестьянина.

«А вотъ извольте посмотрѣть, — говоритъ Федотовъ словами раечника:—

Тамъ же, на правой сторонѣ,
Иловайскій на конѣ.
Казацкій хлопчикъ
Французовъ топчетъ»....

И кому изъ насъ въ ребяческіе годы не приходилось видѣть на этихъ лубочныхъ картинахъ изображеніе молодого казацкаго генерала, неистово скачущаго по головамъ французской пѣхоты. Подъ нимъ лаконическая надпись: «храбрый генералъ Иловайскій».

Проведя нѣсколько лѣтъ въ бездѣйствіи, Иловайскій назначенъ былъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ на Кавказѣ, и въ этомъ званіи много содѣйствовалъ Ермолову въ устройствѣ и улучшеніи казачьяго быта, который онъ зналъ въ совершенствѣ. Нужно сказать, что донскіе казаки не пользовались въ то время особеннымъ почетомъ со стороны кавказскихъ наѣздниковъ. Почему могли измѣниться, въ такой сравнительно короткій промежутокъ времени, тѣ самые донцы, которые служили въ концѣ минувшаго столѣтія грозой для прикубанскихъ черкесовъ, и еще недавно, въ наполеоновскія войны, стяжали себѣ громкую европейскую славу,—на это существовало много причинъ, и какъ на одну изъ главнѣйшихъ указываютъ обыкновенно на кратковременность службы ихъ на Линіи и въ Грузіи.

Историческія обстоятельства, выдвинувшія донцовъ въ началѣ минувшаго вѣка на новый пограничный театръ военныхъ дѣйствій — на Кубань, поставили ихъ лицомъ къ лицу со всѣми силами кубанскихъ и терскихъ татаръ. По десяти и болѣе лѣтъ не сходили тогда полки съ порубежной линіи, — и трудно было сравниться кому-нибудь съ этими закаленными въ бояхъ ветеранами. Но насколько крѣпли, развивались и выигрывали отъ этого боевыя качества войска, настолько же, если еще не болѣе, падали экономическія силы донской земли, годами лежавшей безъ обработки за недостаткомъ рукъ, оторванныхъ отъ нея вѣчной войною и службой. И вотъ, когда къ Россіи присоединилась Грузія, и нарядъ донскихъ полковъ значительно еще увеличился, — признано было необходимымъ смѣнять донскіе полки на Кавказѣ черезъ каждые два года. Сдѣлано было это, конечно, въ видахъ облегченія домашняго быта донцовъ, — но результаты вышли совсѣмъ не тѣ, которые ожидались.

Едва полкъ приходилъ въ чужую, незнакомую сторону, какъ казаки разбрасывались по отдѣльнымъ постамъ, гдѣ попадали подъ начальство чужихъ офицеровъ, мало интересовавшихся ихъ нуждами. Донскимъ офицерамъ не поручалось ничего по той понятной причинѣ, что они въ новомъ для нихъ краю ничего не знали — ни мѣстности, ни свойствъ непріятеля. Предоставленные самимъ себѣ, безъ заботъ о нихъ ближайшаго начальства, казаки сразу попадали въ такую обстановку, при которой каждый невѣрный шагъ оплачивался съ ихъ стороны тяжелыми потерями и кровью.

Десятками ложились они въ одиночныхъ бояхъ съ врагомъ, къ которому не успѣли еще приглядѣться, сотнями погибали отъ климатическихъ условій, сломливавшихъ самыя крѣпкія желѣзныя натуры, — и, такимъ образомъ, на глазахъ у всѣхъ исчезала и падала боевая казацкая сила. Когда же, наконецъ, пріобрѣталась казаками нѣкоторая опытность, и люди мало по малу оклиматизировывались, приходила смѣна, — и начиналась та же исторія, такъ какъ на сценѣ опять являлись неопытные, не знающіе края люди; старые же полки

возвращались на Донъ иногда въ двухъ, и много-много въ трехъ-сотенномъ составѣ,—да и тѣ приходили къ домашнему очагу уже надломленные грузинскими лихорадками, отъ которыхъ незамѣтно таяли и сходили въ преждевременную могилу уже на родной сторонѣ.

Тому, кто пожелалъ бы ознакомиться съ нравственнымъ состояніемъ духа тогдашнихъ донцовъ на Кавказѣ, стоитъ прослѣдить только ихъ историческія пѣсни, слагавшіяся, какъ говоритъ народъ, «не ради забавы, а въ назиданіе и поученіе». Съ безпощадною ироніею, въ картинахъ безотрадныхъ и грустныхъ, рисуется въ нихъ жизнь, которая встрѣчала казаковъ «на Линіи-Линеюшкѣ, на распроклятой шельмѣ грузинской сторонушкѣ», откуда обыкновенно никто изъ нихъ уже не чаялъ себѣ и выхода. Пѣсни эти были дороги народу, какъ памятники старины, и ихъ можно было слышать всюду, гдѣ только были казаки; но надо сознаться, что онѣ запугивали воображеніе новичковъ цѣлымъ рядомъ печальныхъ и грустныхъ сценъ, ожидавшихъ ихъ въ будущемъ, и мало способствовали къ развитію въ нихъ необходимой бодрости и смѣлости духа. И тѣни нѣтъ въ этихъ пѣсняхъ того широкаго казачьяго разгула, которымъ дышали пѣсни минувшаго вѣка, временъ «донскихъ гулебщиковъ». И это понятно, потому что здѣсь было уже «не охочее гулянье», а тяжелый нарядъ, отбываніе службы:

Охъ ты служба наша нужная,
Сторона Грузинская,
Надоѣла ты намъ, служба, надокучила,
Добрыхъ коней позамучила...

Но замучивала она не однихъ только коней, а и самихъ добрыхъ молодцевъ:

Ахъ ты, шельма, злодѣюшка, грузинская сторона,
Безъ вѣтра и безъ вихря изсушила молодца...

И «лиха-чужа сторонушка» не выходила у казаковъ изъ головы.—«Урядники на линію!» гремитъ, бывало, команда,—разсказываетъ Савельевъ:—а простодушные станичники боя-

ливо вздрагиваютъ, потому, что они не знаютъ никакой другой линіи, кромѣ «Линіи-Линеюшки, распроклятой сторонушки».

Воспоминанія о подвигахъ донцовъ на Кавказѣ въ минувшемъ столѣтіи, подвигахъ, составлявшихъ такой контрастъ съ настоящимъ, невольно связывалось съ представленіемъ о долгой безустанной службѣ прежнихъ казаковъ, и превосходство закаленныхъ въ бояхъ ветерановъ передъ новыми выдѣлялось въ сознаніи всѣхъ тѣмъ съ большей рѣзкостью. А къ этому прибавились еще и другія обстоятельства. Рядъ войнъ, ознаменовавшихъ первое десятилѣтіе царствованія императора Александра, потомъ нашествіе французовъ, потребовавшее отъ Дона чрезвычайныхъ вооруженій, заставившее сѣсть на коня всю наличную боевую силу его, даже отставныхъ и недорослей, затѣмъ опять три года безпрерывныхъ заграничныхъ походовъ, и, наконецъ, громадный расходъ казаковъ на содержаніе кордоновъ внутри имперіи по всему протяженію границы отъ Ботническаго залива до Турціи, — ослабили Донское войско такъ, что въ началѣ 1816 года уже некѣмъ было смѣнить донскіе полки, стоявшіе на Кавказѣ.

И вотъ, чтобы облегчить службу донцовъ, является мысль вовсе не наряжать ихъ ни въ Грузію, ни на Кавказскую линію, оставивъ оборону тамошняго края исключительно на мѣстномъ линейномъ казачествѣ. Кавказская Линія, сверхъ старыхъ своихъ казаковъ, сидѣвшихъ по Тереку, имѣла уже и новыхъ, заселявшихъ Кубань и образовавшихся опять изъ тѣхъ же донцовъ и частію изъ екатеринославцевъ. Могло казаться съ окончаніемъ войнъ, что этихъ казаковъ достаточно не только для содержанія линій по Кубани, Малкѣ и Тереку, но что они могли бы высылать отъ себя части и въ Грузію. Такъ, по крайней мѣрѣ, разрѣшили этотъ вопросъ, согласно съ желаніемъ донского атамана, въ Петербургѣ. Ртищевъ, бывшій тогда главнокомандующимъ въ Грузіи, не пытался даже представить дѣло въ истинномъ его положеніи и тотчасъ отпустилъ на родину шесть донскихъ казачьихъ полковъ, а вмѣсто нихъ вызвалъ на службу линейцевъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда на Кавказъ прі-

ѣхалъ Ермоловъ. Проницательнымъ окомъ оцѣнилъ новый главнокомандующій всю нецѣлесообразность подобной мѣры, и однимъ изъ первыхъ его распоряженій было пріостановить исполненіе высочайшей воли. Четыре донскіе полка, изъ числа ушедшихъ на Донъ, тотчасъ были возвращены имъ назадъ, и Ермоловъ писалъ къ государю, что служба ихъ на Кавказѣ необходима, что линейное войско находится въ положеніи несравненно худшемъ, нежели Донское, что даже въ 12-мъ году, когда на Дону было поголовное вооруженіе, у донцовъ не было на службѣ ни одного казака моложе 17 лѣтъ, тогда какъ въ линейныхъ полкахъ, напротивъ, нѣтъ ни одного шестнадцати-лѣтняго, который находился бы дома—всѣ на службѣ, и въ станицахъ остаются только женщины, дѣти и старики, уже не могущіе работать; что нерѣдко выходитъ на службу отецъ съ двумя и тремя сыновьями, продается имущество, чтобы купить вооруженіе, котораго не хватаетъ на все число служащихъ казаковъ, рабочій скотъ вымѣнивается у горцевъ на коней,—и многія семьи приходятъ въ совершенное разореніе. Конвой линейныхъ казаковъ, встрѣтившій Ермолова на самомъ рубежѣ Кавказа, дѣйствительно, произвелъ на него самое тяжелое впечатлѣніе. «Всегда — говоритъ онъ:—отличались они отъ всѣхъ прочихъ казаковъ особенною ловкостью, отличнымъ оружіемъ, добротою лошадей. Напротивъ, я увидѣлъ между ними не менѣе половины молодыхъ, нигдѣ не служившихъ и даже ребятъ». «Что заключить должны—продолжаетъ онъ:—неукрощенные горскіе народы о поголовномъ вооруженіи линейныхъ казаковъ? И что могутъ противъ нихъ малолѣтніе казаки, тогда какъ и хорошіе донскіе полки не съ перваго шагу бывали имъ страшны?»...

Приписывая громадную убыль донскихъ казаковъ на Кавказѣ исключительно кратковременности ихъ службы, Ермоловъ настаивалъ на томъ, чтобы донскіе полки пробывали въ краѣ не два, а четыре года, утверждая, что это не обременитъ, а скорѣе значительно облегчитъ донцовъ, такъ какъ имъ придется ежегодно наряжать на службу меньшее число полковъ, а число льготныхъ казаковъ, между тѣмъ, будетъ

увеличиваться въ томъ смыслѣ, что полки съ Кавказа уже не будутъ приходить на Донъ въ половинномъ составѣ, какъ теперь.

Ходатайство Ермолова было принято, и срокъ службы донскихъ полковъ на Кавказѣ увеличенъ съ двухъ на четыре года. Но несмотря на это, несмотря даже на то, что смертность въ донскихъ полкахъ, дѣйствительно, значительно уменьшилась, — сила казачья продолжала падать. Все еще существовали условія, мѣшавшія правильному развитію ея. Убыль старослужилыхъ казаковъ заставляла составлять полки и на Дону все же на половину изъ малолѣтковъ, дурно вооруженныхъ, еще хуже обученныхъ и на плохихъ лошадяхъ, и потому понятно, что донцамъ приходилось играть страдательную роль при встрѣчѣ съ проворнымъ и ловкимъ кавказскимъ наѣздникомъ. Къ этому нужно прибавить, что составъ полковыхъ командировъ, назначаемыхъ заурядъ, по дошедшей до нихъ очереди, не всегда соотвѣтствовалъ своему назначенію, и во главѣ полковъ нерѣдко становились люди, кромѣ донского имени, не имѣвшіе ничего общаго съ дѣйствительною боевою казацкою жизнію. Нераздѣльность военной и гражданской службы, существовавшая на Дону и сглаживавшаяся въ то время, когда шли безпрерывныя войны, — теперь начинала приносить свои печальные плоды. Не даромъ Ермоловъ въ письмахъ къ войсковому атаману жаловался, что въ числѣ полковыхъ командировъ онъ вовсе не встрѣчаетъ на Кавказѣ именъ, знакомыхъ ему съ наполеоновскихъ войнъ. Еще худшее вліяніе оказало распоряженіе, сдѣланное въ 1820 году, по которому цесаревичу Константину Павловичу было предоставлено право всѣхъ нерадивыхъ, дурныхъ и порочныхъ донскихъ офицеровъ немедленно высылать изъ Польши обратно на Донъ. «Дабы оные офицеры на Дону праздно не жили», послѣдовалъ указъ отправлять ихъ тотчасъ же на службу въ Грузію и на Кавказскую Линію,—и общій составъ донскихъ офицеровъ на Кавказѣ естественно ухудшался. Ухудшалось, конечно, съ тѣмъ вмѣстѣ и состояніе полковъ.

Но дѣла стали измѣняться къ лучшему, когда въ Грузію,

въ маѣ 1823 года, для общаго завѣдыванія донцами прибылъ генералъ Иловайскій. Къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ данныхъ, позволяющихъ судить о мѣрахъ, которыми онъ достигъ лучшаго хозяйственнаго устройства полковъ, строевого обученія ихъ и нравственнаго подъема духа,—но результаты его дѣятельности скоро сказались въ славной службѣ донцовъ, которой они ознаменовали себя въ персидской и турецкой войнахъ.

Лѣтомъ 1826 года, Иловайскій поѣхалъ въ Москву на коронацію императора Николая Павловича; но онъ не дождался ея, и наканунѣ долженъ былъ выѣхать обратно въ Тифлисъ, по случаю внезапнаго вторженія персіянъ. Въ Тифлисѣ застало его производство въ генералъ-лейтенанты и масса бумагъ, по снаряженію и отправленію въ походъ донскихъ полковъ,—и только въ 1827 году, управившись съ этой работой, онъ получилъ назначеніе состоять въ дѣйствующей арміи при Пескевичѣ. Блистательное участіе, принятое его казаками въ рѣшительной Джеванбулакской побѣдѣ, доставило Иловайскому бриллiантовую табакерку съ портретомъ государя. Но это была послѣдняя его награда. Тяжелая болѣзнь, постигшая Иловайскаго на пути къ Сардарь-Абаду, заставила его немедленно уѣхать въ отпускъ, на Донъ, и съ этихъ поръ собственно начинается мирный, тридцати-пятилѣтній періодъ его жизни. Въ 1840 году онъ окончательно вышелъ въ отставку, поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, и умеръ въ 1862 году, 77 лѣтъ отъ роду.

Иловайскій оставилъ послѣ себя на Дону народное имя, а признательность монарха сохранила для потомства въ портретной галлереѣ Зимняго дворца черты его, удачно схваченныя искусною кистью Дова.

XXIII.

Коммуникаціонная линія.

Карабагъ и Дагестанъ.

Когда Нахичеванская область была завоевана, когда палъ послѣдній оплотъ ея, Аббасъ-Абадъ, на первый планъ выступила передъ Паскевичемъ необходимость сношеній съ сосѣднимъ Карабагомъ, откуда, уже по первоначальному плану, русскій отрядъ теперь долженъ былъ получать провіантъ и боевые припасы. Между тѣмъ Карабагъ, къ тому времени, пока Паскевичъ совершалъ свой походъ и дошелъ до Нахичевани, успѣлъ пережить весьма трудное время.

Вступленіе въ командованіе Карабагскимъ отрядомъ генерала Панкратьева сопровождалось рѣшительною отмѣною всѣхъ предначертаній и распоряженій знаменитаго предмѣстника его, князя Мадатова.

Панкратьевъ, какъ говоритъ о немъ Давыдовъ, никогда въ сущности не былъ военнымъ человѣкомъ, самъ сознавалъ

это и давно уже просился въ оберъ-полицеймейстеры. Дѣйствительно, выдающихся боевыхъ отличій за нимъ не имѣлось. Онъ началъ военную службу волонтеромъ въ милиціи, собранной въ 1807 году, а когда она была распущена, перешелъ въ одинъ изъ егерскихъ полковъ, находившихся въ турецкомъ походѣ. Черезъ два-три года главнокомандующимъ молдавскою арміею назначенъ былъ Кутузовъ; Панкратьевъ поступилъ къ нему адъютантомъ и былъ зачисленъ по гвардіи. Это собственно и сдѣлало его служебную карьеру. Вмѣстѣ съ маститымъ полководцемъ онъ прибылъ къ русской арміи на Бородинское поле и неразлучно сопровождалъ его до Бунцлау. По смерти фельдмаршала, Панкратьевъ назначенъ былъ флигель-адъютантомъ. И вотъ, въ исходѣ 1826 года, онъ появляется на Кавказѣ уже въ званіи командира 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи.

Панкратьевъ прибылъ къ Карабагскому отряду 22-го апрѣля, когда тотъ стоялъ близъ Худоперинскаго моста. Новый начальникъ нашелъ расположеніе его на низкомъ мѣстѣ, подверженномъ притомъ непріятельскимъ выстрѣламъ, — и опаснымъ, и вреднымъ для здоровья людей. Переправа черезъ разломанный мостъ казалась ему немыслимою безъ большихъ потерь, которыя не выкупались бы результатами; да онъ не видѣлъ выгодъ даже и въ удачной переправѣ, такъ какъ, по мнѣнію его, непріятель, занимавшій высоты и утесы праваго берега, всегда могъ уклониться отъ боя, отступить внутрь страны, оставивъ отрядъ въ опасномъ положеніи. И на другой же день, 23-го апрѣля, войска снялись съ своей позиціи и отошли на рѣчку Кара-су. Непріятель съ изумленіемъ смотрѣлъ на отступленіе русскихъ и, выдвинувъ два орудія, провожалъ ихъ пальбою.

У Кара-су дневали. Панкратьевъ съ двумя казачьими полками ѣздилъ на рекогносцировку къ сторонѣ Маральяна, чтобы отыскать удобное мѣсто для переправы. Теченіе Аракса тамъ было, дѣйствительно, медленнѣе, могли даже открыться броды; но противоположный берегъ, высокій и крутой, требовалъ бы штурма, если бы только непріятель занялъ его

значительными силами. Рѣшено было вовсе отказаться отъ переправы, а если обстоятельства вынудятъ перейти въ наступленіе, то переправиться нѣсколько ниже Маральяна, гдѣ рѣка гораздо быстрѣе, но берегъ отложе и ниже. Въ сущности и это наступленіе должно было, по мысли Панкратьева, быть только демонстраціею, только занимать и тревожить непріятеля. «Большихъ же движеній, — какъ писалъ Паскевичъ къ государю:—отрядъ дѣлать не можетъ, по недостатку транспортовъ».

На слѣдующій день, отрядъ Панкратьева снова двинулся въ путь, и сталъ на рѣчкѣ Козлу-чаѣ, въ центральной позиціи между Маральяномъ и Асландузскимъ бродомъ, выславъ двѣ роты съ казачьимъ полкомъ для осмотра дороги къ Герюсамъ. Нужно сказать, что Герюсы были назначены главнымъ складочнымъ пунктомъ, чтобы сблизить запасы съ Нахичеванью, куда скоро должны были прійти главныя силы Паскевича, и огромные вьючные транспорты день и ночь тянулись по горнымъ дорогамъ изъ Шуши къ Герюсамъ. Шушинскіе магазины быстро пустѣли, герюсскіе, напротивъ, пополнялись. Спеціальнымъ назначеніемъ Карабагскаго отряда становилась съ этихъ поръ охрана сообщеній, какъ здѣсь, такъ и отъ Зардоба до Ахъ-Углана и далѣе къ Нахичевани, на всей, пролегающей черезъ Карабагъ, коммуникаціонной линіи, по которой должны были доставляться въ дѣйствующую армію жизненные и боевые припасы. Такимъ образомъ, самый характеръ дѣйствій Карабагскаго отряда потерпѣлъ радикальную перемѣну.

Единственнымъ событіемъ того времени, имѣвшимъ нѣкоторую важность, было движеніе генерала Панкратьева, предпринятое имъ съ частію отряда въ Эрихлинское ущелье, куда войска ходили въ исходѣ мая мѣсяца, чтобы помочь бывшему владѣльцу Карабага, Мехти-Кули-Хану, выйти изъ Персіи.

Безплодныя скитанія по персидской землѣ видимо прискучили старому хану; онъ искалъ болѣе спокойной, обезпеченной жизни подъ мощнымъ покровомъ Россіи, и ѣхалъ на

родину частнымъ человѣкомъ, безъ всякихъ притязаній на какую-либо политическую роль. Паскевичъ принялъ его съ удовольствіемъ, потому что въ лицѣ его изъ рукъ персіянъ выпадало оружіе, которымъ они такъ долго пользовались, чтобы волновать умы карабагскихъ жителей. Изъ Эрихлинскаго ущелья Панкратьевъ форсированнымъ маршемъ прошелъ къ Маральяну, гдѣ, по полученнымъ тогда свѣдѣніямъ, непріятель, будто бы, переправился на русскую сторону въ значительныхъ силахъ и на зарѣ намѣренъ былъ сдѣлать нападеніе на одинъ изъ вьючныхъ транспортовъ, выступившій наканунѣ низовою дорогою изъ Ахъ-Углана къ Шушѣ. Тревога, однако, оказалась фальшивою.

Пока шушинскіе запасы шли въ Герюсы, а въ Ахъ-Угланѣ устраивался новый складочный пунктъ, провіантъ подвозился моремъ изъ Астрахани въ Баку. Тамъ его укладывали на арбы и отправляли въ Сальяны, къ устьямъ Куры, откуда онъ доставлялся дальше уже сухимъ путемъ, средствами Ширванской провинціи. Впослѣдствіи стало возможнымъ подвозить провіантъ, минуя Баку, прямо въ Сальяны и потомъ сплавлять на киржимахъ вверхъ по Курѣ до Зардоба, — что значительно облегчало транспортированіе. Вся эта часть коммуникаціонной линіи поступила подъ защиту дагестанскихъ войскъ. Дѣйствія Карабагскаго отряда становились, такимъ образомъ, въ непосредственную связь и зависимость отъ хода дѣлъ въ отрядѣ Дагестанскомъ.

Вначалѣ дѣла складывались, однако, не совсѣмъ благополучно. Позднее открытіе навигаціи помѣшало своевременной доставкѣ провіанта. А между тѣмъ, когда ни одинъ транспортъ еще не приходилъ въ Баку, непріятель уже зорко слѣдилъ за всѣми приготовленіями и пользовался каждымъ случаемъ уничтожать русскія перевозочныя средства. Такъ, 1-го мая, между Зардобомъ и Агджибетомъ угнано было до ста черводарскихъ лошадей, приготовленныхъ подъ вьюки; 7-го мая, болѣе сильная партія, по распоряженію Миръ-Хассанъ-Хана, вышла изъ Талышей, съ намѣреніемъ отогнать весь скотъ изъ пограничныхъ карабагскихъ селеній. Она шла изъ Акервана

на Лемберанъ, не зная, что это селеніе занято русскими; а между тѣмъ, на самой пограничной чертѣ ее встрѣтили посты Бѣлогородскаго уланскаго полка. Происшедшая тутъ незначительная аванпостная стычка осталась памятна мѣстнымъ жителямъ тѣмъ, что уланскій офицеръ, поручикъ Маковъ, сразился одинъ на-одинъ съ извѣстнымъ персидскимъ наѣздникомъ Бейрамомъ. Поединокъ произошелъ въ виду обѣихъ сторонъ; Бейрамъ ранилъ Макова въ ногу, Маковъ — богатырскимъ ударомъ разрубилъ его пополамъ.

Пока аванпосты отстрѣливались, непріятель успѣлъ, однакоже, захватить въ ближайшихъ селеніяхъ нѣсколько сотъ лошадей. Выстрѣлы, между тѣмъ, подняли тревогу, — и цѣлый эскадронъ бѣлогородскихъ уланъ, подъ личнымъ начальствомъ полкового командира, полковника Макова, вышелъ изъ Лемберана; на пути присоединились къ нему еще три полуэскадрона бѣлогородцевъ, и непріятель, медленно отступавшій съ добычей, былъ скоро настигнутъ. Стройная атака уланъ, ихъ рослыя лошади, пики съ шумящими флюгерами, — произвели такое впечатлѣніе на талышинцевъ, что они, бросивъ добычу, обратились въ бѣгство. Уланы гнали ихъ около 50 верстъ и нанесли имъ большія потери.

Схватка эта, сама по себѣ слишкомъ незначительная, имѣла, однако, послѣдствія весьма важныя. Удайся талышинцамъ первый набѣгъ — и русскимъ транспортамъ грозила бы вѣчная опасность; теперь талышинцы были обезкуражены, упали духомъ, и въ теченіе цѣлой кампаніи они уже являются не иначе, какъ въ составѣ персидскихъ отрядовъ.

Въ ожиданіи подвоза, войска заняли важнѣйшіе пункты по коммуникаціонной линіи и прочно въ нихъ утвердились. Изъ Дагестанскаго отряда пришли въ Сальяны три роты Куринскаго полка и сотня казаковъ; двѣ роты Каспійскаго батальона заняли Божій Промыслъ, а двѣ роты куринцевъ и два эскадрона чугуевскихъ уланъ, съ двумя орудіями, стали въ Зардобѣ; пространство между Зардобомъ и Сальянами поручено было охранѣ ширванской и кубинской конницы, посты которой непрерывною цѣпью протянулись по

берегу Куры; сильные резервы, собственно и обязанные сопровождать пловучіе транспорты, заняли Джеватъ и Сальяны. Для большей безопасности линіи, приказано было, какъ только разольется Араксъ, спустить канавы и затопить земли, лежавшія по правому берегу Куры, тамъ, гдѣ находились пашни муганцевъ. Разливъ ожидался большой, и на немъ основывался важный разсчетъ: наводненіе пашенъ должно было образовать повсюду непроходимыя болота, которыя могли исчезнуть не раньше августа мѣсяца. Таковы были распоряженія начальника Дагестанскаго отряда, генерала Краббе.

Панкратьевъ, съ своей стороны, выставилъ двѣ роты 42-го Егерскаго полка съ сотнею казаковъ и взводомъ артиллеріи въ Агджибеты и двѣ роты 41-го полка въ Ахъ-Угланскій замокъ.

Коммуникаціонная линія, такимъ образомъ, была образована.

Первенствующее значеніе на ней получали Сальяны. И недаромъ Сальяны пріобрѣтали въ тотъ моментъ такое особенное значеніе; вся мѣстность, къ которой они расположены, издавна играла роль пункта, оберегающаго доступъ въ Каспійское море. На островѣ, образуемомъ Курой, рукавомъ ея Акушею и морскимъ берегомъ, городъ занимаетъ наиболѣе защищенный природою пунктъ, образуемый отдѣленіемъ Акуши отъ Куры, и сообщается съ противоположными берегами этихъ рѣкъ — паромною переправой. Кругомъ — памятники прошлаго, свидѣтельствующіе о пережитыхъ городомъ бурныхъ временахъ войнъ и нашествій. На лѣвомъ берегу Куры, противъ мѣстечка, тянется длинный земляной бугоръ, остатокъ вала, и старожилы разсказываютъ, что отсюда сальянскій ханъ защищалъ Сальяны отъ нападеній хановъ Ширванскихъ. Въ 7 верстахъ далѣе, по почтовой дорогѣ въ Шемаху, видны слѣды какихъ-то древнихъ построекъ: домовъ, караванцараевъ, мечетей, возведенныхъ изъ жженаго кирпича и камня; преданіе говоритъ, что это остатки обширнаго и богатаго города, — первой столицы Ширванскаго ханства, разоренной монголами еще въ XIII вѣкѣ.

Въ мирныя времена, когда мечъ вкладывался въ ножны, Сальяны немедленно становились важнымъ промышленнымъ

пунктомъ. Издавна были они знамениты своими рыбными промыслами. Петръ Великій обратилъ свое вниманіе на Сальяны и думалъ устроить вблизи ихъ гавань и ретраншаментъ; къ сожалѣнію, мысль эта, за смертію великаго императора, осталась не исполненною; а впослѣдствіи, когда русскіе внесли миръ въ эти вѣчно воинственныя страны, главнѣйшій пунктъ рыбныхъ промысловъ передвинулся отсюда внизъ по Курѣ, въ «Божій Промыслъ».

На лѣвомъ берегу Куры, въ 14-ти верстахъ отъ моря и въ 25-ти отъ Сальянъ, стоитъ обширное мѣстечко, теперь уже цѣлый городъ, именуемое Божьимъ Промысломъ. Основаніе его относится къ той эпохѣ, когда, по переходѣ Ширванскаго ханства подъ русскую власть, рыбные сальянскіе промыслы были отданы въ откупное содержаніе «индѣйцу» Могундасову. Въ то время и основана была эта «ватага» однимъ изъ подручныхъ Могундасова, астраханскимъ купцомъ Кафтанниковымъ, который далъ ей и ея теперешнее имя. Во времена персидской войны Божій Промыселъ былъ мало кому извѣстенъ; онъ не имѣлъ тогда еще прочныхъ заведеній, кромѣ нѣсколькихъ амбаровъ для складки рыболовныхъ орудій, да нѣсколькихъ камышевыхъ шалашей, въ которыхъ ютились рабочіе. Климатъ былъ нездоровый, и рабочіе вымирали десятками отъ всевозможныхъ лишеній и скудной пищи. Ловъ рыбы производился только съ 1-го мая по 1-е сентября, а затѣмъ весь рабочій народъ, вмѣстѣ съ орудіями своего ремесла и наловленною рыбою, отправлялся въ Астрахань до слѣдующаго года, и на промыслѣ оставались только однѣ лодки подъ надзоромъ туземцевъ. Въ 26-мъ году одинъ изъ персидскихъ отрядовъ проникъ до Божьяго Промысла и сжегъ все, что только тамъ находилось. Нашествіе это не причинило, однако, большихъ убытковъ Могундасову, такъ какъ всѣ цѣнныя орудія и рыбные товары были заблаговременно отправлены имъ въ Астрахань.

На эти-то пункты, важные для русскихъ сообщеній и льстившіе къ тому же хищническимъ инстинктамъ разбойничьихъ племенъ надеждой легкой и богатой добычи, устреми-

лись теперь усилія непріятеля. Эти попытки завладѣть каспійскимъ побережьемъ велись одновременно съ сѣвера и съ юга, отъ Дагестана и отъ ханства Талышинскаго.

Еще съ начала апрѣля по всѣмъ окрестнымъ землямъ стали распространяться слухи, что сынъ Аббаса-Мирзы, Баграмъ, самъ отправляется въ Дагестанъ и везетъ съ собою четыреста тысячъ рублей, да на двѣсти или триста тысячъ товаровъ, предназначавшихся тѣмъ главарямъ, которые возьмутся поднять на русскихъ народы Дагестана. Говорили, что лучшіе белады Кубы и Аваріи взялись служить ему проводниками, и что личный конвой его будетъ состоять изъ 130 человѣкъ отборныхъ лезгинъ и чеченцевъ. Ближайшій путь Баграма лежалъ черезъ Ширвань или Нуху, — и Абхазовъ, управлявшій въ то время мусульманскими ханствами, принялъ всѣ мѣры, чтобы не пропустить его чрезъ свои владѣнія. Но Баграмъ могъ проѣхать окружною дорогою черезъ Елизаветпольскій округъ и Шамшадиль, а еще вѣрнѣе—переправиться черезъ Куру въ Самухахъ, гдѣ невѣрность бековъ и даже самихъ жителей обратилась въ пословицу. Такимъ образомъ, услѣдить и перехватить Баграма было почти невозможно. Да вопросъ, впрочемъ, былъ и не въ томъ, проѣдетъ или не проѣдетъ Баграмъ своею особою: личное присутствіе его въ Дагестанѣ мало бы измѣнило тамошнее положеніе дѣлъ; важны были самые слухи, волновавшіе дагестанцевъ и заставлявшіе генерала Краббе держать войска около Кубы и Дербента, тогда какъ присутствіе ихъ было необходимо въ Баку и въ Сальянахъ, на коммуникаціонной линіи, куда уже стали подходить караваны изъ Астрахани. Въ Дагестанѣ потребовалось даже усиленіе войскъ. Какъ разъ кстати, въ это самое время, стали подходить на Кавказъ третьи батальоны отъ полковъ 20-й дивизіи; ихъ остановили на линіи, а цѣлая бригада, полки Тенгинскій и Навагинскій, форсированнымъ маршемъ двинуты были съ Кубани въ Ширванскую провинцію; но пока они шли, приходилось съ трудомъ изворачиваться тѣми ничтожными силами, которыя были уже въ распоряженіи Краббе.

Въ то же время надо было ждать нападеній съ юга, и три роты Куринскаго полка съ сотнею казаковъ, подъ командою полковника Кромина, охранявшія въ Сальянахъ и на Божьемъ Промыслѣ русскіе склады, зорко наблюдали пути къ сторонѣ Талышинскаго ханства. До Ленкорани, гдѣ стояли персидскія войска, считалось около 125 верстъ, и оттуда скорѣе всего нужно было ожидать наступленія непріятеля. И хотя кругомъ казалось все спокойно и тихо, однакоже транспорты отправлялись не иначе, какъ съ сильными прикрытіями. Событія на первыхъ же порахъ оправдали эти предосторожности.

Въ самомъ началѣ іюня, 1-е отдѣленіе доверху нагруженныхъ киржимовъ вышло изъ Сальянъ и направилось вверхъ по Курѣ, конвоируемое ширванской конницей. Прикрытіе шло по обоимъ берегамъ рѣки и своими разъѣздами наблюдало Муганскую степь. Киржимы плыли первые дни благополучно, съ каждаго ночлега давая о себѣ извѣстія. Въ Сальянахъ снаряжалось уже и 2-е отдѣленіе, какъ вдругъ, 7-го іюня утромъ, показались персіяне. Небольшой конный отрядъ ихъ, верстахъ въ десяти отъ Акушинской банки, сталъ переправляться на островъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли посты Кубинской конницы. Непріятель выдвинулъ противъ этихъ постовъ фальконетъ, и едва грянулъ выстрѣлъ,—татары разсѣялись, и персіяне заняли переправу. Кромину, между тѣмъ, дали знать, что по ту сторону Акуши, за этимъ отрядомъ, видны значительныя силы. Тамъ была уже не одна конница, а шла пѣхота и тянулся длинный рядъ верблюдовъ, съ навьюченными на нихъ фальконетами. Не зная, какое направленіе возьметъ непріятель, Кроминъ вздумалъ защищать всѣ переправы по Курѣ и растянулъ свой маленькій отрядъ верстъ на 15 или на 20. Непріятель, между тѣмъ, остановился и ночевалъ на Муганской степи.

На слѣдующій день, часовъ въ 8 утра, персіяне двинулись къ Сальянскому острову. Нестойкая кубинская конница, сбитая фальконетнымъ огнемъ, бѣжала еще поспѣшнѣе, чѣмъ наканунѣ; русскія войска, съ своей стороны, должны были

отступать со всѣхъ постовъ и стягивались къ Сальянамъ. До полутора тысячъ персидскихъ всадниковъ, между тѣмъ, уже рыскали по острову, угрожая захватить паромъ и отрѣзать отъ Сальянъ Божій Промыселъ; верстахъ въ двухъ ниже, черезъ Акушу, переправлялась на островъ и персидская пѣхота съ большимъ числомъ фальконетовъ. Кроминъ увидѣлъ невозможность защищаться въ Сальянахъ, такъ какъ непріятель всегда имѣлъ возможность обойти его и овладѣть Божьимъ Промысломъ, гдѣ сложены были громадные бунты провіанта и нагружались киржимы. И какъ ни важно было положеніе Сальянъ, отдать которыя значило рисковать всѣмъ воднымъ путемъ коммуникаціи, тѣмъ не менѣе приходилось покинуть ихъ и защищать пока только запасы на мѣстѣ ихъ склада. Къ счастію, паромъ черезъ Куру еще былъ цѣлъ, и войска могли переправиться свободно.

10-го іюня, подходя къ Божьему Промыслу, Кроминъ услыхалъ сильную перестрѣлку. Двѣ роты Каспійскаго батальона, находившіяся при складахъ, и русскій вооруженный катеръ — уже перестрѣливались съ персіянами. Приближеніе Кромина заставило непріятеля отойти и скрыться на островъ. Тѣмъ не менѣе нужно было ожидать новыхъ нападеній еще въ бо̀льшихъ силахъ — и готовиться къ оборонѣ. Такъ какъ киржими 2-го отдѣленія были уже нагружены и готовы къ отправкѣ, то, чтобы спасти ихъ, Кроминъ приказалъ спустить ихъ на банку, а изъ кулей съ провіантомъ сдѣлать укрѣпленіе, въ серединѣ котораго помѣстились пѣхота и орудія.

Непріятель занялъ Сальяны. Часть его конницы тотчасъ пустилась вверхъ по Курѣ, вслѣдъ за киржимами 1-го отдѣленія, которыя въ тотъ день ночевали въ Джеватѣ. Къ счастію, въ Карабагѣ уже имѣлись свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ Сальянахъ, и полковникъ Абхазовъ успѣлъ принять свои мѣры: ширванскій конвой, сопровождавшій киржимы, былъ усиленъ, рабочіе вооружены, а для большей безопасности изъ Зардоба, навстрѣчу къ транспорту, на рысяхъ пошелъ эскадронъ чугуевскихъ уланъ. Персіяне вернулись.

Извѣстія объ этихъ событіяхъ Паскевичъ получилъ подъ

Эриванью, во время приготовленій къ походу въ Нахичеванское ханство. Потеря Сальянъ, прекращавшая коммуникацію въ низовьяхъ Куры, не могла его не встревожить, такъ какъ дѣйствующій корпусъ могъ очутиться совершенно безъ продовольствія. Разстраивался весь планъ кампаніи. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ долженъ былъ ожидать Паскевичъ новыхъ донесеній. Но прошло нѣсколько дней, а донесеній не было. Тогда Паскевичъ отправилъ къ Краббе курьера, съ предписаніемъ во что бы то ни стало вновь овладѣть Сальянами, выгнать персіянъ и преслѣдовать ихъ за Куру на одинъ или на два перехода. Предписывалось употребить для этого всѣ наличныя силы и цѣлую бригаду, шедшую съ Кавказской линіи. «Даже съ посредственными лазутчиками, — писалъ ему Паскевичъ съ укоромъ:—можно было знать о намѣреніяхъ непріятеля и, заблаговременно собравъ достаточно войскъ, самому выступить къ нему на встрѣчу»...

Курьеръ засталъ, однако, всѣ необходимыя распоряженія сдѣланными. Уже 9-го числа, когда, слѣдовательно, отрядъ Кромина не отступалъ еще къ Божьему Промыслу, изъ Шемахи уже двигались въ Сальяны форсированнымъ маршемъ двѣ роты Апшеронскаго полка; а вслѣдъ за ними туда же направлялись: подоспѣвшій съ линіи первый батальонъ тенгинцевъ, два эскадрона чугуевскихъ уланъ и 250 человѣкъ конныхъ бакинскихъ татаръ, поспѣшно собранныхъ тамошнимъ комендантомъ при первомъ же извѣстіи о вторженіи персіянъ. Остальнымъ батальонамъ, подходившимъ съ линіи, Краббе предписалъ идти безъ роздыховъ, чтобы какъ можно скорѣе прибыть въ Шемаху, куда одновременно съ тѣмъ отправлены были имъ изъ Кубы два орудія. Батальоны, двигавшіеся форсированнымъ маршемъ отъ самой Кубани, усилили переходъ, — и 12 іюня въ Шемаху уже вступалъ второй батальонъ тенгинцевъ, а 14-го тамъ былъ и весь Навагинскій полкъ.

Трудный походъ въ знойное время, однако, не дешево обошелся полкамъ; они оставили на пути до 500 человѣкъ больныхъ — и, при вступленіи въ городъ, во всѣхъ четырехъ

батальонахъ было налицо только 3,047 штыковъ. Но за то, за судьбу лѣваго фланга теперь можно было быть совершенно спокойнымъ. Персіяне, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ, уже 12 числа сами очистили Сальяны и отошли за Куру. О возвращеніи имъ нечего было и думать. Цѣлые три батальона стояли теперь въ Шемахѣ, почти столько же въ Сальянахъ, и при обоихъ отрядахъ было достаточное число орудій и конницы. Этого было слишкомъ довольно, чтобы совершенно оградить коммуникаціонную линію отъ повторенія подобныхъ набѣговъ. Вступивши въ Сальяны почти по слѣдамъ персіянъ, батальонъ тенгинцевъ нашелъ мѣстечко въ ужасномъ положеніи; оно буквально лежало въ развалинахъ. Персіяне выжгли дома, истребили всѣ заведенія, а жителей и весь скотъ увели съ собою. Эта большая потеря была, однакоже, ничтожною въ сравненіи съ тѣмъ, чего стоило бы русскимъ хотя бы только временное прекращеніе коммуникаціи.

Очистивъ Сальяны и отойдя за Акушу, непріятель остановился въ угрожающемъ положеніи. Чтобы не подвергнуться новымъ тревогамъ и съ большей свободой и безопасностью поднимать по Курѣ уже приготовленные транспорты, Кроминъ, 20 іюня, со всѣми своими силами переправился на Муганскую степь. Непріятель исчезъ; войска шли по большой Ленкоранской дорогѣ, а персіянъ нигдѣ не встрѣчали.

На рѣчкѣ Кизылъ-Агарумъ, уже дальше чѣмъ на половинѣ пути отъ Ленкорани къ Сальянамъ, Кроминъ остановился. Отогнавъ изъ ближнихъ деревень до трехъ тысячъ головъ скота, захвативъ нѣсколькихъ персіянъ и возвративъ до 20 семействъ сальянскихъ жителей, которыхъ персіяне не успѣли еще угнать въ глубь Талышей, отрядъ 24 іюня повернулъ назадъ.

Но тутъ-то его и ожидалъ непріятель. Едва онъ сталъ выходить изъ камышей и густого лѣса на открытую степь, какъ сильная конница атаковала его арьергардъ; другая, еще бо̀льшая толпа бросилась на голову колонны. Впереди отряда шелъ дивизіонъ чугуевскихъ уланъ. Ихъ бѣлыя шапки, бѣлые лацканы и сѣрые кони рельефно выдѣлялись на темной

зелени Муганской степи. Кроминъ не успѣлъ еще отдать приказанія, какъ дивизіонъ развернулъ фронтъ и, шумя флюгерами склоненныхъ пикъ, стремительно помчался въ атаку. Персіяне дрогнули и дали тылъ. Къ несчастію, подъ уланами были молодые, невыѣзженные кони, еще не умѣвшіе слушаться повода. Въ бѣшеной погонѣ, занесенные своими лошадьми, чугуевцы заскакали слишкомъ далеко, наткнулись на новыя вражескія толпы, — въ свою очередь были опрокинуты. Персіяне горячо ихъ преслѣдовали. Пушечные выстрѣлы остановили непріятеля и дали возможность уланамъ выйти изъ-подъ его ударовъ; тѣмъ не менѣе одинъ офицеръ, пять солдатъ и восемь лошадей были убиты и ранены. Персіяне послѣ этого еще верстъ 20 преслѣдовали отрядъ, тревожа его огнемъ то съ тылу, то съ фланговъ.

Но это были уже послѣднія усилія враговъ. Позже, до самаго конца кампаніи, непріятель со стороны Талышей больше не показывался.

Еще меньшею удачею сопровождались попытки персіянъ взволновать Дагестанъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, сынъ извѣстнаго Сурхая, Нухъ, поднялъ было на мгновеніе нѣсколько аварскихъ деревень и даже напалъ съ ними на жителей Казикумыка, — но былъ разбитъ и прогнанъ милиціей Асланъ-Хана. Видя затѣмъ, что всѣ дальнѣйшія дѣйствія будутъ безуспѣшны, что въ Дагестанѣ все спокойно, онъ удалился въ горы, и выжидалъ только благопріятнаго случая, чтобы пробраться обратно въ Персію.

Дѣятельность собственно Карабагскаго отряда во все это время была чисто пассивная. Выставивъ гарнизоны въ Шушу и Ахъ-Угланъ, Панкратьевъ раздѣлилъ остальныя войска свои на двѣ части. Бригада 20-й дивизіи, три роты егерей 42-го полка, казачій полкъ и 7 орудій, — отправились въ Герюсы для разработки дороги къ Нахичевани. Шесть ротъ 41-го полка и шесть ротъ 42-го, съ двумя казачьими полками и остальною артиллеріею, — расположились въ Джабраиловскихъ садахъ, вблизи пересѣченія дорогъ, идущихъ изъ Шуши въ Герюсы и къ Худоперинскому мосту, охраняя Карабагъ отъ

вторженія персіянъ изъ-за Аракса. Впослѣдствіи войска въ этихъ отрядахъ мѣнялись, но роль ихъ оставалась одна и та же. Оба отряда должны были находиться въ безпрерывныхъ сношеніяхъ между собою, и если бы одинъ изъ нихъ подвергся нападенію, другой немедленно долженъ былъ идти къ нему на помощь.

Но непріятель, съ своей стороны, не пытался уже препятствовать начавшемуся большому движенію транспортовъ по Карабагу. Только разъ, 24-го іюля, однообразное бездѣйствіе русскихъ войскъ было нарушено какою-то небольшою персидскою партіей. Человѣкъ 70 бросилось на вьючный обозъ, переправлявшійся черезъ рѣчку Акару, и, пользуясь тѣмъ, что прикрытіе находилось еще на другомъ берегу, угнало 320 быковъ. Штабсъ-капитанъ Габашвили съ 50-ю казаками настигъ, однако, хищниковъ на берегу Аракса, и волы возвращены были въ лагерь.

Если бы не этотъ случай, то войскамъ Карабагскаго отряда не пришлось бы услышать боевого выстрѣла во всю лѣтнюю кампанію этого года. «Всю весну, лѣто и начало осени — говоритъ одинъ изъ участниковъ похода: — отрядъ лѣваго фланга стоялъ или бродилъ съ своими транспортами между Ахъ-Угланомъ и Герюсами, — двумя запасными магазинами для главнаго корпуса, дѣйствовавшаго тогда въ Арменіи. Мы не участвовали въ его походахъ, — но тѣмъ не менѣе постъ нашъ былъ важенъ въ общей операціи корпуса, — мы были его кормильцами»...

Осенью обстоятельства войны, однако, измѣнились. Паскевичъ долженъ былъ воротиться въ Эриванское ханство, а это не могло остаться безъ вліянія на судьбы и положеніе всѣхъ войскъ, охранявшихъ коммуникацію. 6-го сентября бригада 20-й пѣхотной дивизіи, вмѣстѣ съ Бѣлогородскимъ уланскимъ полкомъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Панкратьева, передвинулась изъ Карабага въ Нахичевань, въ составъ вновь образованнаго тамъ отряда генералъ-лейтенанта князя Эристова; въ Карабагъ же, на помощь къ оставшейся тамъ егерской бригадѣ, прибыли изъ Дагестана

Тенгинскій и Навагинскій пѣхотные полки, а изъ Тифлиса пришла піонерная рота и два резервные уланскіе эскадрона отъ полковъ Серпуховского и Борисоглѣбскаго. Такъ измѣнился составъ Карабагскаго отряда, начальство надъ которымъ поручено было теперь генералъ-маіору князю Вадбольскому.

Непріятель, до котораго въ этой сторонѣ должны были доходить преувеличенные слухи объ успѣхахъ Аббаса-Мирзы въ Эриванскомъ ханствѣ, какъ бы подтверждаемые походомъ туда Паскевича, также снова зашевелился, 6-го сентября, громадная, какъ говорили, 4-хъ тысячная, персидская конница вдругъ нагрянула изъ-за Аракса, и близъ Шуши, въ Аскаринскомъ ущельи, угнала съ кочевокъ весь рогатый скотъ и барановъ. На слѣдующій день, 7-го числа, набѣгъ повторился при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Шелъ транспортъ изъ 148 арбъ съ годовыми вещами для нѣкоторыхъ частей Карабагскаго отряда; его прикрывало 77 солдатъ, и съ нимъ ѣхалъ полковой казначей Нашабургскаго полка, поручикъ Климовъ. Дорога была узкая, трудная. Подходя къ Шахъ-Булаху, обозъ растянулся. И вдругъ, изъ придорожнаго оврага, черезъ который началъ уже переправляться транспортъ, вынеслась персидская конница. 19 повозокъ, находившіяся уже на той сторонѣ оврага, были моментально отрѣзаны. Подводчики, обрубивъ гужи и вскочивъ на лошадей, ускакали въ горы,—и брошенные возы захвачены были персіянами. Воспользовавшись этой минутой, Климовъ успѣлъ огородиться арбами и началъ отстрѣливаться, а между тѣмъ донской казакъ, Акимъ Лагутинъ, поскакалъ въ Шушу, чтобы извѣстить о нападеніи. Цѣлая толпа персіянъ погналась за нимъ. Лагутинъ былъ раненъ, но все-таки успѣлъ уйти, и совершенно уже обезсиленный прискакалъ въ Шушу, гдѣ поднялъ тревогу. Обозъ, между тѣмъ, въ продолженіе восьми часовъ геройски отбивался отъ непріятеля, а къ вечеру персіяне, видимо утомленные и потерявшіе надежду сломить мужество защитниковъ отступили къ Араксу. Климовъ отстоялъ 129 повозокъ, — и были разграблены только тѣ девятнадцать, которыя сразу попали въ руки къ персіянамъ.

Нашабурцы потеряли 6 человѣкъ, да изъ подводчиковъ двое были захвачены въ плѣнъ. Рота, высланная изъ Шуши, пришла уже ночью, когда дѣло было окончено.

Подобные набѣги, дорого обходившіеся врагамъ, болѣе не повторялись. Непріятель увидѣлъ, что ничто существенно не измѣнилось въ ходѣ войны, что онъ всюду встрѣтитъ тѣ же грозныя русскія силы. И вотъ, для Карабагскаго отряда начинаются снова дни томительнаго бездѣйствія. Правда, въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія русскихъ войскъ за Араксъ, въ Адербейджанъ, онъ долженъ былъ принять теперь уже дѣятельное участіе въ походѣ покореніемъ Лори, Агара и Ардебиля; но это время было впереди, — и въ ожиданіи его, войска спокойно оставались на своихъ стоянкахъ.

Памятна осталась несчастная стоянка въ Зардобѣ уланскимъ эскадронамъ, пришедшимъ изъ Грузіи. Въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ умерли тамъ полковникъ Богдановъ, 12 оберъ-офицеровъ, два доктора и 56 нижнихъ чиновъ; почти всѣ остальные офицеры были больны, и 269 солдатъ лежали въ госпиталѣ. Такая смертность, развившаяся въ эскадронахъ совершенно внезапно, заставила вывести ихъ въ Шемаху и тамъ расположить по окрестнымъ селамъ. Причина болѣзни не была положительно выяснена, хотя доктора и приписали ее исключительно послѣдствіямъ знойнаго лѣта. Но какъ бы то ни было, а уланы похоронили здѣсь лучшихъ своихъ людей, и, выступая изъ Зардоба, оставили обширное кладбище, усѣянное убогими, деревянными крестами.

Въ ноябрѣ Карабагскій отрядъ начинаетъ уже наступательныя дѣйствія.

XXIV.

Возвращеніе Карабагскаго хана.

Среди жившихъ въ Персіи хановъ, нѣкогда владѣвшихъ тѣми землями, которыя отошли къ Россіи по Гюлистанскому договору, выдѣлялся своимъ вліяніемъ и политическими связями Мехти-Кули-Ханъ Карабагскій. Когда, въ 1826 году, персидскія полчища вторглись въ Карабагъ, значеніе хана, имѣвшаго на родинѣ много сторонниковъ, втайнѣ вздыхавшихъ по деспотической татарской старинѣ, возросло до самой высокой степени, до какой только оно могло достигнуть. Но Елизаветпольская побѣда въ одинъ моментъ превратила гордаго хана опять въ бездомнаго изгнанника, съ тою притомъ невыгодною разницею, что передъ войною и самъ онъ былъ полонъ надеждъ, и персіяне возлагали на него надежды, а теперь его иллюзіи были разбиты и вліяніе потеряно.

При такихъ обстоятельствахъ, положеніе карабагскаго хана въ Персіи, которая не могла не винить и его въ возбужденіи столь несчастной войны, становилось невыносимымъ. Ему естественно было склоняться къ мысли—поискать болѣе выгодныхъ условій жизни на другой сторонѣ Аракса, сблизив-

шись съ русскими. Такое настроеніе хана, конечно, не могло оставаться тайною въ Тифлисѣ,—и вотъ, еще во время пребыванія на Кавказѣ Дибича, съ нимъ начинаются переговоры относительно перехода его на русскую сторону. Полагали, что съ возвращеніемъ хана исчезнетъ главная причина пограничныхъ смутъ, волновавшихъ населеніе, и Карабагъ, умиротворенный внутренно, станетъ, напротивъ, обороною для лежащихъ позади его другихъ мусульманскихъ областей Закавказья.

Карабагомъ управлялъ въ то время князь Иванъ Николаевичъ Абхазовъ, одинъ изъ немногихъ, еще остававшихся въ рядахъ кавказскаго корпуса, героевъ Ленкоранскаго штурма. Съ доблестью солдата онъ соединялъ большія административныя способности, и возбуждалъ къ себѣ нелицемѣрное уваженіе всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло; его слово цѣнилось высоко азіятцами, и на обоихъ берегахъ Аракса вѣрили ему безусловно. На этого-то человѣка и было возложено веденіе переговоровъ съ Мехти-Кули-Ханомъ. Ханъ охотно вступилъ въ переговоры, и соглашался не только вернуться въ Карабагъ, но брался перевести съ собою всѣ тѣ племена, которыя вмѣстѣ съ нимъ укрывались въ горахъ Даралагеза и оттуда, въ случаѣ движенія русскихъ къ Нахичевани, могли угрожать сообщеніямъ Паскевича. Съ переходомъ въ русское подданство этихъ племенъ, персіяне теряли въ нихъ до четырехъ тысячъ превосходной конницы, а Закавказскій край получалъ, напротивъ, крѣпкую охрану для своей границы. Но что было всего удивительнѣе, такъ это то, что ханъ не ставилъ съ своей стороны никакихъ условій, и въ письмахъ къ Абхазову просто отдавалъ себя на милосердіе русскаго государя, прося лишь, чтобы ему разрѣшено было жить въ Шушѣ, въ домѣ, который когда-то принадлежалъ ему и его предкамъ. Такимъ миролюбивымъ настроеніемъ хана не хотѣли, однако, злоупотреблять: ему обѣщали возвращеніе генеральскаго чина, четыре тысячи червонцевъ пенсіи и управленіе въ Карабагѣ тѣми тремя, четырьмя тысячами семействъ, которыя онъ обѣщался вывести изъ Персіи.

Когда договоръ былъ заключенъ, колонна изъ двухъ ба-

тальоновъ Козловскаго полка, четырехъ сотенъ казаковъ и двухъ горныхъ орудій, подъ личнымъ начальствомъ генерала Панкратьева, выступила 27 мая изъ Джабраильскихъ садовъ, гдѣ стояли тогда главныя силы Карабагскаго отряда, и пошла черезъ Ахъ-Угланъ, Шушу и Герюсы къ Эрихлинскому ущелью, чтобы оттуда содѣйствовать хану въ переходѣ его на русскую сторону.

Одинъ изъ участниковъ этого похода подробно описалъ и живописную природу горъ, черезъ которыя проходилъ отрядъ, и трудности, которыя пришлось преодолѣвать ему. Въ поэтическихъ чертахъ разсказываетъ онъ, между прочимъ, о послѣднемъ вечерѣ, проведенномъ имъ передъ походомъ, въ лагерѣ, въ Джабраильскихъ садахъ.

Полный мѣсяцъ еще блѣдно свѣтилъ съ высоты небесъ на горы Дагестана и на Муганскую змѣиную степь, серебря вечерніе туманы, которые въ фантастическихъ очертаніяхъ клубились надъ Араксомъ, по всему протяженію его отъ Худоперинскихъ тѣснинъ до Асландузскаго, иначе — Котляревскаго кургана, столь памятнаго персіянамъ по двумъ боевымъ заутренямъ, отпѣтымъ здѣсь русскими въ 1812 году, подъ начальствомъ героя Котляревскаго. А за Араксомъ, изъ-за прибрежныхъ его высей, вдали теплился замирающимъ лучемъ уже зашедшаго солнца одинъ только ледяной черепъ великолѣпнаго Севелана. Направо, на серебряномъ полѣ заката, вырѣзывались черными зубцами вершины Саксагана и Зіарата, — исполиновъ живописнаго Карабага. Въ тылу лагеря, по мелкимъ погорьямъ извивалась дорога, ведущая въ Россію, доброе, славное, великое отечество.

Среди этой чудной картины, въ чудный южный вечеръ, солдаты готовились къ походу. Снялись съ лагеря еще до солнечнаго восхода. Прохладною утреннею зарею, отрядъ успѣлъ выбраться изъ душнаго Черекенскаго ущелья—и солнце застало его уже на высотахъ Кандалана, гдѣ зной смѣнялся горною прохладою. Первый ночлегъ войска имѣли въ Чинахчи, имѣніи князя Мадатова.

На другой день, разобравъ по рукамъ горные единороги,

отрядъ началъ подниматься по горной, лѣсистой тропѣ на высоты Саксагана, оставляя въ сторонѣ, вправо, живописную Шушу. То поднимаясь на возвышенныя кручи, то опускаясь въ глубокія тѣснины, усталыя войска добрались, наконецъ, къ полудню, до его вершинъ, и были вполнѣ вознаграждены за трудный переходъ великолѣпною картиной природы, раскинувшейся передъ взорами ихъ во всѣ четыре стороны. На сѣверъ, изъ-за шушинскихъ твердынь, синѣли снѣговыя выси Кавказа; на востокъ разстилалась необозримая Муганская степь, сливавшаяся въ синевѣ дали съ водною равниною Каспія; на западъ картина обрамлялась, какъ рѣзьбою, горами Даралагеза, на хребтѣ которыхъ, какъ три окаменѣлые всадника, три сторожа древней Арменіи, вздымались исполины Сальварти, Эрихли и Клисали; на югѣ безпорядочною толпою скучивались горы Адербейджана, и среди нихъ вставалъ громадный Севеланъ, блистая ледянымъ своимъ шлемомъ, опушеннымъ бѣлыми, какъ перо страуса, махровыми облаками. Справа, изъ глубины ущелья смотрѣло небольшое, но чрезвычайно красивое селеніе, Карагаралы, съ его фіолетово-розовыми саклями и башенками, то погружаясь въ воздушный потокъ клубившагося тумана, то снова выплывая на млечную его поверхность. Самая вершина Саксагана, на которой остановились войска, была покрыта голыми утесами, поросшими кое-гдѣ вѣковыми огромными соснами; соломенные курени постовыхъ казаковъ и живописный бивуакъ русскаго отряда дополняли собой роскошную картину. Недоставало въ ней только волнъ океана, чтобы соединить всю возможную красоту природы и довершить очарованіе. Недоставало еще Сальватора Розы, который своею волшебною кистью перенесъ бы на полотно этотъ изумительный горный пейзажъ Карабага.

Гуськомъ начали войска спускаться по тропинкѣ, едва проторенной и лѣпившейся по утесамъ, висящимся надъ безднами. «Проѣзжаешь такія мѣста, скрѣпя сердце и удерживая дыханіе, которое, вырываясь изъ груди, кажется, въ состояніи, какъ вихрь урагана, сорвать тебя, вмѣстѣ съ конемъ, съ утеса, на которомъ пробиты копытами ступени, — гово-

ритъ очевидецъ. — Конь непремѣнно долженъ ступать вѣрно въ эти каменныя полированныя гнѣзда, — въ противномъ случаѣ, ни онъ, ни всадникъ болѣе не жильцы здѣшняго міра, а даровая добыча шакаламъ и орламъ нагорнымъ»...

Къ позднему вечеру, преодолѣвъ трудный путь и перейдя по деревянному мосту, быструю каменистую рѣку Ахъ-Кара-чай, отрядъ остановился для ночлега на правомъ берегу ея, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за годъ передъ тѣмъ Аббасъ-Мирза, съ большею частью своей арміи, опрокинулся на батальонъ Назимки.

Отсюда, за Ахъ-Кара-чайскимъ ущельемъ, начинается уже возвышенная равнина, и въ одномъ изъ глубокихъ овраговъ, которыми она перерѣзана, притаилась бѣдная армянская деревня Горонсуры. Здѣсь нашего разсказчика поразила одна случайная встрѣча, глубоко запавшая ему въ душу, и рисующая трагическую судьбу человѣка въ этихъ странахъ, гдѣ такъ мало обезпечена была человѣческая жизнь. «При самомъ входѣ въ деревню, — говоритъ онъ: — я встрѣтилъ молодую армянку, стоявшую съ кувшиномъ у каменнаго придорожнаго водоема. Взглянувъ на меня, она вскинула кувшинъ на плечо, и быстро, какъ джеранъ, взбѣжала на скалу къ своей саклѣ. Я спросилъ о ней переводчика, и онъ, какъ уроженецъ Горонсуры, разсказалъ мнѣ много подробностей: имя ея Сусанна, она дочь тамошняго мелика, которому Аббасъ-Мирза въ прошломъ году приказалъ выколоть глаза за то, что въ его магалѣ не нашлось достаточнаго количества ячменя для конюшни шахъ-заде; теперь живетъ она съ слѣпымъ отцомъ своимъ. Долго стоялъ я и смотрѣлъ на саклю, гдѣ скрылась армянка; а когда догналъ ушедшій отрядъ и оглянулся, Горонсуры потонули уже въ своемъ глубокомъ оврагѣ, и надъ ними высоко въ небѣ, широкими кругами, носился хищный коршунъ»... Зловѣщая птица какъ бы предсказывала драму, уже готовую совершиться.

Ночевали въ этотъ день въ знаменитыхъ Герюсахъ, расположенныхъ въ тѣсномъ и живописномъ ущельѣ; затѣмъ, 30 мая, прошли гремучую, богатую форелью, рѣку Базаръ-

чай, миновали пустое, издавна оставленное жителями селеніе Энгеля-Юртъ, и къ полудню достигли, наконецъ, Ахъ-Караванъ-Сарая, крайней цѣли экспедиціи. Здѣсь Панкратьевъ долженъ былъ ожидать пріѣзда Мехти-Кули-Хана. Ахъ-Караванъ-Сарай находится на высотахъ, широкимъ гребнемъ своимъ связывающихъ между собою Сальварти на югѣ, и Эрихли на сѣверѣ. Тамъ, на этомъ гребнѣ, поднимается довольно высокая и широкая въ своемъ основаніи известковая коническая гора, въ которой высѣчена пещера, могущая дать пріютъ во время непогоды небольшой цѣпи лошаковъ съ ихъ вьюками и вожаками. Вотъ эта-то пещера и носитъ собственно названіе Ахъ-Караванъ-Сарая. На этой точкѣ — перевалъ изъ Карабага въ Нахичевань. Видъ отсюда, особенно вдоль Эрихлинскаго ущелья, живописенъ, хотя дикъ и пустыненъ; долина Аракса съ возвышеннаго мѣста отсюда видна, какъ на ладони.

Пока отрядъ дѣлалъ привалъ, сотня казаковъ и двадцать конныхъ армянъ, подъ начальствомъ автора этихъ воспоминаній, посланы были осмотрѣть Эрихлинское ущелье, сдѣлать ему съемку, а если можно будетъ, достать языка въ селеніи Кара-Бабѣ и разузнать о непріятелѣ, особенно собрать свѣдѣнія о крѣпости Аббасъ-Абадѣ, тогда еще бывшей въ рукахъ персіянъ. Медленно, съ большими затрудненіями углублялся небольшой конный отрядъ по нагорной тропѣ въ ущелье и черезъ часъ спустился на рѣчку Кара-Бабу. Вырываясь изъ тѣснинъ съ вершинъ Эрихли, съ ревомъ и грохотомъ бросаетъ она свои волны и пѣну черезъ пороги обрывистаго каменистаго русла, и только уже далеко впереди теченіе ея становится болѣе ровнымъ, спокойнымъ. Отрядъ нашелъ, однакоже, безопасный бродъ и переправился на правый берегъ. Раздвинувшееся ущелье скоро открыло передъ нимъ и селеніе Кара-Бабу. Оно стояло на возвышенной отлогой полянѣ и издали казалось небольшимъ, обнесеннымъ стѣною, редутомъ, съ торчащими по угламъ его башенками. Тамъ можно было ожидать присутствія непріятеля, а потому отрядъ остановился и послалъ впередъ, на развѣдки, небольшую ле-

тучую партію. Казаки, доскакавъ до селенія, начали махать отряду руками и, въ знакъ занятія грозной, молчаливо и угрюмо стоявшей твердыни, водружали на ея стѣнахъ донскую пику, накрытую шапкой. «Если такой знакъ походилъ болѣе на геодезическую вѣху, нежели на побѣдную орифламу,—замѣчаетъ разсказчикъ:—мы въ томъ не были виноваты,—простымъ рекогносцировкамъ орловъ не довѣряютъ».

Уже послѣдніе лучи заходящаго солнца золотили высоты Ахъ-Караванъ-Сарая, когда возвращавшаяся назадъ рекогносцировочная партія стала подходить къ русскому лагерю и увидѣла въ намъ необычайное движеніе. Пріѣхалъ Мехти-Кули-Ханъ Карабагскій. Его встрѣтили съ почестью и тотчасъ провели въ палатку генерала Панкратьева. Пока они бесѣдовали, въ сторонѣ, недалеко отъ бивуака, разбили для него огромный шатеръ, а далѣе шумнымъ таборомъ расположилась многочисленная ханская свита. Мехти былъ уже старикъ лѣтъ 60, съ короткою и рѣдкою сѣдою бородою, съ тусклыми, безжизненными глазами; высокій и худощавый, онъ отличался однако гордою осанкой, усвоенной имъ еще въ то время, когда онъ былъ дѣйствительнымъ повелителемъ Карабага.

Персіяне неохотно выпускали Мехти-Кули-Хана изъ своихъ рукъ. Онъ самъ успѣлъ ускакать отъ погони, но весь обозъ его былъ отбитъ, а семейство обязано спасеніемъ только необычайной отвагѣ привержаннаго къ нему Али-Бека. Видя, что персіяне уже настигаютъ, отважный бекъ, несмотря на половодье, дерзко бросился въ волны Аракса и успѣлъ переправить ханское семейство прежде, чѣмъ враги доскакали до берега. Все имущество самого Али-Бека,—какъ говорятъ, тысячъ на шестьдесятъ,—осталось въ ханскомъ обозѣ и взято непріятелемъ.

Наступила темная ночь. Тучи заволокли и небо, и русскій отрядъ, бивуакировавшій на высотахъ Ахъ-Караванъ-Сарая,—какъ вдругъ, часовъ въ 10 вечера, ударили подъемъ. Получено было извѣстіе, что непріятель въ значительныхъ силахъ переправляется близъ Маральяна на русскую сторону. И такъ какъ войскамъ, стоявшимъ въ Джабраильскихъ садахъ, пред-

стояло, быть можетъ, выдержать упорную битву, то Панкратьевъ долженъ былъ спѣшить къ нимъ на помощь форсированнымъ маршемъ.

Въ непроницаемой мглѣ, накрывшей солдатъ, «какъ инквизиторскимъ капишономъ», по выраженію разсказчика,—нельзя было различить дорогу, и отрядъ двигался ощупью вслѣдъ за проводникомъ-татариномъ, который на бѣлой лошади ѣхалъ впереди. А между тѣмъ дождь превратился въ ливень; гигантскія молніи, разсѣкая небо, опоясывали отрядъ огненными лентами; громъ грохоталъ безпрерывно и сливался по временамъ въ одинъ нескончаемый оглушительный рокотъ. Лошади вздрагивали; люди скользили и падали. На каждомъ шагу грозила опасность оборваться въ бездну, которая, при блескахъ молніи, показывала съ лѣвой стороны свою черную зіяющую пасть. А грозный Сальварти, какъ горный духъ, сопровождалъ отрядъ справа, выставляя изъ-за тучъ мрачное чело свое, увитое перунами.

По счастію, гроза скоро начала затихать,—тучи быстро мчались на югъ. Вотъ и небо распахнулось уже синимъ куполомъ, съ миріадами звѣздъ и полнымъ мѣсяцемъ. Выбравшись изъ душнаго герюсскаго ущелья, войска увидѣли передъ собою горонсурскую равнину, покрытую густымъ чернымъ дымомъ. Еще нѣсколько шаговъ впередъ,—и стало ясно, что горитъ степь. Пожаръ съ невѣроятною скоростью обнялъ почти все видимое пространство, и русская артиллерія уже съ трудомъ переѣхала чрезъ выжженное поле, ежеминутно опасаясь за свои зарядные ящики.

Горонсуры Панкратьевъ нашелъ въ тревогѣ и смятеніи: тамъ только-только что были персіяне, и одна изъ ихъ уходившихъ партій виднѣлась еще на горизонтѣ. «Невольно вздрогнулъ я, и вспомнилъ зловѣщую птицу»,—разсказываетъ авторъ этихъ воспоминаній. «И предчувствіе мое оправдалось: хищный коршунъ схватилъ голубку!.. Мы узнали отъ жителей, что персіяне, вѣроятно переправившіеся черезъ Араксъ изъ Урдабада или Мигри, всего за нѣсколько часовъ до нашего прихода, сдѣлали набѣгъ на селеніе, разграбили въ

немъ нѣсколько саклей, убили стараго, слѣпого мелика и увезли его бѣдную дочь. Сердце мое облилось кровью при этой вѣсти... Я видѣлъ и несчастнаго мелика, обезображенный и неприбранный трупъ котораго еще лежалъ на окровавленномъ помостѣ его разграбленной сакли. Генералъ немедленно отрядилъ пятьдесятъ казаковъ въ погоню за хищниками. Казаки доскакали до Ахъ-кара-чайскихъ ущелій и вернулись ни съ чѣмъ; одинъ изъ нихъ во время погони поднялъ только красное покрывало и привезъ его въ лагерь. Это было покрывало армянки, дочери мелика; я его узналъ и купилъ у донца на память за два червонца».

Въ тотъ же день, на походѣ, разсказчику довелось увидѣть еще разъ карабагскаго хана, но уже при обстоятельствахъ необыкновенно странныхъ, исключавшихъ всякое представленіе объ извѣстной сановитости хановъ, ихъ азіятской гордости, презрѣніи къ женщинамъ, и ярко рисующихъ въ то же время полную распущенность восточныхъ нравовъ.

«Когда отрядъ двинулся дальше,—говоритъ разсказчикъ:— я отдѣлился отъ него, чтобы произвести по дорогѣ маршрутную съёмку. Поднимаясь въ сторону по склону небольшой возвышенности, я увидѣлъ внизу, на полянѣ, скакавшую женщину въ татарской одеждѣ. Разноцвѣтное клѣтчатое покрывало ея развѣвалось по воздуху. Я невольно подумалъ о бѣдной армянкѣ и, желая разглядѣть наѣздницу, придержалъ коня. Вдругъ изъ придорожныхъ кустовъ выскочило человѣкъ десять верховыхъ татаръ; они мгновенно окружили бѣглянку, и одинъ изъ нихъ, чрезвычайно красивый татаринъ, сильною рукою сорвалъ ее съ сѣдла, ловко перекинулъ къ себѣ на переднюю луку и, какъ новый Малекъ-Адель, помчался съ своею ношею прямо ко мнѣ навстрѣчу. Я стоялъ за возвышеніемъ, такъ что ему нельзя было меня видѣть. Первою мыслію моею было раздробить ему пулею черепъ, и я взвелъ курокъ пистолета. Въ это время изъ-за угла поворота, на мѣсто происходившей передо мною драмы, показался мой казачій конвой. Татаринъ, мчавшійся съ своею плѣнницею, внезапно увидѣвъ насъ передъ собою, крѣпко осадилъ коня. Мы тотчасъ его окружили.

Онъ до того оробѣлъ, что проворно соскочилъ съ сѣдла и началъ осторожно опускать драгоцѣнную ношу свою на землю... Женское покрывало, зацѣпившись за высокую луку татарскаго сѣдла, открыло лицо незнакомки. Но кто же можетъ представить себѣ наше удивленіе, когда въ этой плѣнницѣ мы узнали... Мехти-Кули-Хана Карабагскаго!.. Это, какъ я узналъ отъ нашего переводчика и отъ офицеровъ, служившихъ въ Шушѣ, была обыкновенная и частая забава хана... Оправившись немного отъ замѣшательства, ханъ велѣлъ подать себѣ коня и скоро скрылся изъ нашихъ глазъ»...

Таковъ былъ человѣкъ, становившійся теперь изъ преданнѣйшихъ слугъ Персіи — сторонникомъ Россіи.

Паскевичъ былъ чрезвычайно доволенъ возвращеніемъ карабагскаго хана, привѣтствуя это событіе, какъ одно изъ важнѣйшихъ. Въ своемъ увлеченіи, онъ перенесъ и на самую личность Мехти горячія симпатіи. «Кроткій характеръ его — писалъ онъ къ Дибичу: — такъ мало сходствуетъ съ хвастливою кичливостью его единоземцевъ, что нельзя не принять въ немъ участія». Ханъ, съ своей стороны, дѣйствовалъ весьма политично: онъ не предъявлялъ никакихъ неумѣстныхъ требованій, не прибѣгалъ ни къ какимъ изворотамъ, чтобы казаться правымъ въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи, и позволилъ себѣ лишь нѣкоторые намеки на прежнее, незаслуженное съ нимъ обращеніе, которое, будто бы, побудило его удалиться въ Персію, — но и объ этомъ онъ желалъ говорить только лично съ Паскевичемъ. Подкупала Паскевича и надежда извлечь особую выгоду изъ родственныхъ связей карабагскаго хана, черезъ которыя онъ думалъ вступить въ сношенія съ Тавризомъ и Тегераномъ. Ханъ, свидѣвшись съ главнокомандующимъ въ Нахичевани, ловко поддерживалъ въ немъ эти надежды и не скупился на обѣщанія; но чѣмъ онъ особенно обворожилъ его — это безпрерывнымъ повтореніемъ, что безусловно предаетъ себя милосердію государя и ничего не требуетъ. «Я полагаю, однако, не совмѣстнымъ съ достоинствомъ и славой императора, — писалъ по этому поводу Паскевичъ къ графу Нессельроде: — если бы ханъ карабагскій превзошелъ наше

правительство въ великодушныхъ поступкахъ». По мнѣнію его, услуги Мехти-Хана были такъ важны, довѣріе его къ Россіи такъ велико, а отторженіе отъ персіянъ трехъ тысячъ воинственныхъ семействъ наносило имъ такой чувствительный вредъ, что онъ получалъ безспорное и полное право на уваженіе. И Паскевичъ торопилъ министерство, какъ можно скорѣе испросить высочайшее соизволеніе на милости, которыя обѣщаны хану. «Это только одно—писалъ онъ:—и можетъ возстановить довѣріе къ русскому правительству, которое по сю сторону Кавказа въ послѣднее время (т. е. при Ермоловѣ) крайне поколебалось». И въ Петербургѣ, дѣйствительно, торопились. Приведенное письмо Паскевича, судя по времени, еще не могло прійти, а условія съ ханомъ были уже утверждены, и главнокомандующему оставалось только вручить ему высочайшія грамоты и царскій подарокъ.

Возвращеніе карабагскаго хана, и затѣмъ личныя бесѣды его съ Паскевичемъ послужили послѣднему поводомъ лишь къ новымъ обвиненіямъ знаменитаго предмѣстника его, Ермолова, и въ особенности ненавистнаго ему князя Мадатова.

Съ своей стороны и Мехти-Кули-Ханъ, осторожно изслѣдуя почву, постепенно все болѣе и болѣе старался воспользоваться расположеніемъ къ себѣ главнокомандующаго и, разъ убѣдившись въ его сочувствіи, пустилъ, наконецъ, въ ходъ всѣ извороты коварной восточной политики. Онъ написалъ письмо, въ которомъ выставлялъ себя прямо невинною жертвой русскихъ интригъ, обвинялъ Мадатова въ захватѣ у него угрозами и силой почти половины карабагскихъ земель, жаловался на Ермолова, покровительствовавшаго, будто-бы, этимъ захватамъ, и побѣгъ свой въ Персію объяснялъ уже необходимостью спасти свою жизнь, которой, будто бы, угрожали Ермоловъ и Мадатовъ. Паскевичъ не взвѣшивалъ насколько справедливы подобныя жалобы; онъ тотчасъ сообщилъ ихъ министру иностранныхъ дѣлъ, прося довести до высочайшаго свѣдѣнія. «Гоненія, претерпѣнныя Мехти-Кули-ханомъ,—писалъ онъ:—были устроены и приведены въ дѣйствіе съ такимъ безстыдствомъ обмана и неправосудія, что нѣтъ ни

одного голоса, который не свидѣтельствовалъ бы въ пользу гонимаго». Паскевичъ находилъ даже, что строгая справедливость требовала бы возвращенія хану въ управленіе Карабагской провинціи; но, къ счастію, и самъ онъ сознавалъ, что сдѣлать этого уже было нельзя: время и обстоятельства настолько измѣнили отношенія бековъ къ ихъ прежнему владѣтелю, что возвращеніе къ старымъ порядкамъ, существовавшимъ въ странѣ до удаленія хана, являлось не мыслимымъ. За то Паскевичъ требовалъ суда надъ тѣми, кого считалъ виновными въ пристрастныхъ и преступныхъ дѣйствіяхъ противъ-хана. «Нуженъ непремѣнно — писалъ онъ: — хотя одинъ торжественный актъ правосудія, чтобы смыть съ характера русскихъ начальниковъ тѣ пятна и мрачныя краски, которыя навели на него поступки отважнѣйшаго корыстолюбца».

Государь, къ счастію, видѣлъ дальше донесеній Паскевича и не раздѣлялъ его мнѣнія. Онъ нашелъ, что «невозможно быть безпристрастнымъ при томъ возбужденіи, въ которомъ находилась страна», и приказалъ оставить все дѣло до окончанія войны, когда жалобу Мехти-Кули-Хана представить на предварительное разсмотрѣніе комитета министровъ.

Жалобѣ этой, однако, не суждено было пойти такъ далеко и послѣ войны, а Паскевичу еще разъ пришлось убѣдиться въ правотѣ и цѣлесообразности политической системы Ермолова. Мехти-Ханъ скоро разочаровалъ его, выказавъ тѣ мелочныя побужденія и честолюбивые замыслы, которые только и руководили всѣми его дѣйствіями. Поступки хана настолько стали казаться ему подозрительными, что прошло уже цѣлыхъ девять мѣсяцевъ послѣ полученія рескрипта на возвращеніе Мехти генеральскаго чина и, въ даръ отъ государя, бриллiантоваго пера на шапку, а Паскевичъ все еще не рѣшался передать ихъ хану.

Дѣйствительно, безусловная готовность Мехти отдаться на милосердіе государя и разныя услуги его были только на словахъ. Ханъ ровно ничего не сдѣлалъ изъ того, что обѣщалъ Паскевичу; даже тѣ три тысячи семействъ, которыя онъ хотѣлъ вывести изъ Даралагеза, оказались миѳомъ. Съ ханомъ

явилось только нѣсколько приверженныхъ къ нему фамилій, и для содержанія его вынуждены были отдать ему въ Карабагѣ тѣ семьи, которыя или вернулись въ русскія владѣнія гораздо раньше его, или вовсе никогда не уходили въ Персію. Но и этимъ дѣла не ограничились. Едва ханъ почувствовалъ, что въ немъ нуждаются, какъ тотчасъ же возвысилъ тонъ и далъ понять, что пенсіи въ четыре тысячи червонцевъ ему недостаточно, а что если хотятъ его сдѣлать полезнымъ, то пусть водворятъ его въ Карабагѣ вновь на правахъ владѣтельнаго хана,—ссылаясь на обѣщанія, будто бы данныя ему въ этомъ смыслѣ княземъ Абхазовымъ. Паскевичъ былъ взбѣшенъ подобною наглостью и приказалъ объявить Мехти, что «столь невыносимыя требованія не могутъ обѣщать ему пользы». Онъ приказалъ военному губернатору Сипягину слѣдить за поведеніемъ хана, а Сипягинъ доносилъ, что «ханъ собирается бѣжать обратно въ Персію, но, не умѣя скрыть своихъ намѣреній, самъ же и разболталъ о нихъ въ пьяномъ видѣ».

Сипягинъ, впрочемъ, не дѣлалъ съ своей стороны никакихъ распоряженій къ задержанію Мехти. Онъ писалъ къ Паскевичу, что, по его мнѣнію, бѣгство хана не составитъ большой потери для насъ, и что «четыре тысячи червонцевъ, назначенные ему, можно будетъ съ лучшею пользою употребить на другіе предметы». Паскевичъ вполнѣ согласился съ этимъ. Но едва съ ханомъ перестали церемониться — онъ тотчасъ же понялъ безполезность всякихъ претензій на политическую роль и примирился съ своею судьбою. Онъ спокойно дожилъ свой вѣкъ частнымъ человѣкомъ въ той самой Шушѣ, гдѣ нѣкогда былъ неограниченнымъ повелителемъ.

Нелишнее сказать, что вернулся въ Карабагъ, нѣсколько позднѣе Мехти-Кули-Хана, и его племянникъ, Джафаръ-Кули Ага, нѣкогда наслѣдникъ карабагскаго ханства, игравшій крупную историческую роль въ судьбахъ своей родины. Сосланный въ Симбирскъ Ермоловымъ, онъ еще при жизни императора Александра выхлопоталъ себѣ позволеніе жить въ Петербургѣ, гдѣ воспитывались его сыновья, а одинъ изъ нихъ, Керимъ,

уже служилъ въ лейбъ-гвардіи уланскомъ полку. Когда Ермоловъ удалился съ Кавказа, Джафаръ просилъ позволенія вернуться туда, чтобы служить въ дѣйствующей арміи. Государь приказалъ, однако, спросить объ этомъ мнѣніе Паскевича. «Проситель сей — писалъ къ нему графъ Нессельроде:—храбръ и отваженъ, ибо получилъ за отличія въ бояхъ чинъ полковника и золотую, украшенную алмазами, саблю; но до того съ равною же храбростію сражался и противъ насъ за персіянъ». Паскевичъ нашелъ неудобнымъ возвращеніе Джафара; онъ полагалъ, что пребываніе въ одномъ мѣстѣ двухъ кровныхъ враговъ, племянника и дяди, можетъ сдѣлаться причиной смятенія цѣлой провинціи. Онъ уже пересталъ вѣрить чистотѣ намѣреній обоихъ. Такъ не пришлось Джафару участвовать въ Персидской войнѣ. Только въ 30 году ему дозволили, наконецъ, вернуться въ Карабагъ, и онъ также, какъ Мехти-Кули-Ханъ, дожилъ свой вѣкъ на родинѣ частнымъ человѣкомъ.

Одинъ изъ путешественниковъ, видѣвшій Джафара въ 1857 году, говоритъ, что это былъ уже маститый старикъ; но что и тогда еще поражало его красивое, типичное лицо, оттѣненное окладистою бородою, и колоссальная фигура, согбенная лѣтами, но говорившая, что въ этомъ тѣлѣ было прежде много жизни и силы. Степенность его спокойныхъ движеній, его осанка и ростъ—все выдѣляло его изъ толпы почетныхъ бековъ, тоже рослыхъ и видныхъ людей, тоже смотрѣвшихъ не простыми татарами. А на Востокѣ высокій ростъ и важная осанка служатъ признаками хорошей крови и аристократизма. Это была одна изъ тѣхъ крѣпчайшихъ человѣческихъ натуръ, которую не въ силахъ были сломить обстоятельства и едва одолѣвали годы.

XXV.

Стоянка въ Кара-Бабѣ и Урдабадская битва.

После Джеванбулакской битвы пала крѣпость Аббасъ-Абадъ, и въ Нахичеванской области русскіе стали твердою ногою. Та же судьба грозила теперь и области Эриванской; Сардарь-Абадъ и самая Эривань, съ прибытіемъ къ Красовскому осадной артиллеріи, которая была уже на пути, конечно, долго продержаться не могли. Персидскій дворъ долженъ былъ убѣдиться въ неизбѣжной потерѣ своихъ двухъ провинцій и навсегда отречься отъ нихъ. По извѣстной скупости шаха не было, однако, пока никакихъ надеждъ на его согласіе уплатить военныя издержки, — и войнѣ, такимъ образомъ, суждено было продолжаться. Паскевичъ, отправляя Грибоѣдова въ персидскій лагерь для переговоровъ о мирѣ, въ то же время дѣятельно готовился къ новому походу и писалъ государю, что какъ ни лестно ему провести нѣсколько дней въ шумѣ побѣдъ, но онъ не долженъ скрывать отъ себя, что надежда на примиреніе еще далека. «Разрушительный способъ войны, избранный непріятелемъ, — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ донесеній: — опустошеніе имъ цѣлыхъ областей и уводъ жителей, конечно, не для того имъ вымышленъ, чтобы уступить нашимъ требованіямъ».

Ежедневно приходилось убѣждаться въ важномъ значеніи Аббасъ-абадской крѣпости, которая, прикрывая переправу черезъ Араксъ и давая свободный входъ въ непріятельскія земли, вмѣстѣ съ тѣмъ охраняла позади Нахичеванскую область. И первою заботою Паскевича было исправить, какъ можно скорѣе, разбитыя стѣны Аббасъ-Абада и вообще привести крѣпость въ оборонительное состояніе. Въ покоренной области вмѣстѣ съ тѣмъ вводилось и русское управленіе. Вся военная и высшая административная власть сосредоточена была въ лицѣ аббасъ-абадскаго коменданта, которымъ, по личному выбору Паскевича, назначенъ былъ генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ; гражданская же часть и непосредственное управленіе жителями временно оставлены были въ рукахъ мѣстныхъ владѣтельныхъ хановъ, вступившихъ въ сношенія съ русскими. При ихъ содѣйствіи порядокъ въ странѣ, мало по малу, сталъ водворяться, жители возвращались въ свои дома и снимали жатву, которая иначе могла бы пропасть, обративъ весь край въ обширную пустыню.

Устроивъ управленіе областью, Паскевичъ оставался нѣкоторое время въ Аббасъ-Абадѣ для наблюденія за непріятелемъ. Собраны были свѣдѣнія, что главныя силы персіянъ сосредоточены въ Хоѣ, но что джеванбулакскій бой и паденіе Аббасъ-Абада внесли такую деморализацію въ ряды персидской арміи, что серьезныхъ наступательныхъ предпріятій ожидать оттуда было невозможно. Обстоятельства складывались, такимъ образомъ, весьма благопріятно, и Паскевичъ уже проектировалъ побѣдоносный походъ. «Если прибудутъ своевременно транспорты, и число больныхъ не лишитъ меня большей части строевыхъ людей,—писалъ онъ къ государю:— то я иду отсюда не на Хой, гдѣ нынѣ шахъ, — ибо это не кратчайшій путь къ столицѣ Адербейджана, — а прямо на Тавризъ. Вѣроятно, шахское войско поспѣшитъ туда же: я дамъ ему сраженіе,—и городъ останется за побѣдителемъ».

Дѣйствительность не оправдала, однако, этихъ надеждъ главнокомандующаго. Положеніе и русскихъ войскъ, вслѣдствіе губительнаго климата, съ каждымъ днемъ становилось

все хуже и хуже,—болѣзни между людьми быстро умножались, и симптомы ихъ, по свидѣтельству врачей, были такого рода, что до декабря мѣсяца едва ли можно было ручаться за совершенное выздоровленіе больныхъ.

Къ этому присоединился падежъ скота, сильно озабочивавшій Паскевича; ежедневно падало по 70 и болѣе быковъ,—и впереди грозило совершенное истощеніе перевозочныхъ средствъ. Транспорты со стороны Эривани, такимъ образомъ, разстраивались, а изъ Карабага не приходили, такъ какъ дорога черезъ горы еще не вся была обдѣлана. Паскевичъ, ѣздившій самолично осматривать работы, хотя въ общемъ и остался ими доволенъ, но долженъ былъ сознаться, что направленіе ихъ нѣсколько ошибочно. Взятъ былъ кратчайшій путь черезъ высочайшую гору Сальварти; и хотя разработка его была произведена весьма тщательно, но подъемы, которыхъ миновать было невозможно, во многихъ мѣстахъ все же оставались такъ круты, что тяжело нагруженныя арбы едва-едва могли подниматься на нихъ даже лѣтомъ, а съ наступленіемъ зимы и совсѣмъ не могли бы ходить, вслѣдствіе безпрерывно свирѣпствовавшихъ здѣсь снѣговыхъ мятелей и вьюгъ. Была другая дорога на Герюсы, черезъ Ахъ-Караванъ-Сарай, лежавшая лѣвѣе Сальварти, по ущелью рѣки Кара-Бабы; она не представляла такихъ затрудненій лѣтомъ и опасностей зимою, но не была выбрана своевременно, какъ кружная, и теперь требовала бы новой большой разработки. Между тѣмъ надежная коммуникація Карабага съ Нахичеванскою областью становилась во всякомъ случаѣ безусловно необходимою, и Паскевичъ рѣшилъ немедленно приступить къ разработкѣ и этой дороги. Батальонъ Козловскаго полка и двѣ роты піонеръ, стоявшіе на Сальварти, съ полковникомъ Евреиновымъ, отправлены были на работы къ Ахъ-Караванъ-Сараю.

Невыносимый зной, между тѣмъ, все увеличивалъ да увеличивалъ болѣзненность въ русскомъ корпусѣ. Паскевичъ рисковалъ остаться и безъ людей и безъ продовольствія. И вотъ онъ рѣшился, наконецъ, перенести лагерь изъ подъ Аббасъ-Абада въ горную полосу Нахичеванской области, гдѣ срав-

нительная прохлада и лучшая вода должны были, казалось, оказать благотворное вліяніе на здоровье войска. «Кратковременное прекращеніе военныхъ дѣйствій — писалъ онъ къ государю:—не отвлечетъ нашего вниманія отъ непріятельскихъ движеній. Если онъ въ мое отсутствіе въ значительныхъ силахъ и обложитъ Аббасъ-Абадъ, или просто перейдетъ на эту сторону Аракса, то я быстро спущусь на равнину и, съ Божьей помощью, разобью его. Между тѣмъ, кроткое обхожденіе съ племенами, населяющими занятыя области, частыя сношенія съ жителями, и роспускъ по домамъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, подготовятъ намъ расположеніе народа и по ту сторону Аракса. Отдыхъ же въ мѣстахъ прохладныхъ, укомплектованіе войскъ и возобновленіе запасовъ дадутъ мнѣ способы открыть осеннюю кампанію еще съ большимъ блескомъ». Дѣло было спѣшное, и оно закипѣло въ рукахъ Паскевича. Уже 18 іюля, изъ-подъ Аббасъ-Абада вышли транспорты и больные, а 23 числа и послѣднія войска покинули Аббасъ-Абадъ и потянулись въ горы, къ селенію Кара-Бабѣ, прославленному кровавымъ боемъ, который здѣсь выдержалъ генералъ Несвѣтаевъ въ 1808 году; Кара-Баба — одинъ изъ тѣхъ уголковъ Кавказа, гдѣ русскій солдатъ написалъ своею кровью въ лѣтописи кавказской войны знаменательный урокъ неустрашимости и самоотверженія,—урокъ переходившій еще тогда по преданію къ молодому поколѣнію въ разсказахъ стариковъ, свидѣтелей и очевидцевъ страшнаго боя. Войска расположились въ Кара-Бабѣ до наступленія осенней прохлады.

Но общимъ ожиданіямъ и надеждамъ не пришлось оправдаться и здѣсь. Не благорастворенный горною прохладою воздухъ, а ту же знойную, удушливую атмосферу, еще усиливавшуюся въ каменныхъ раскаленныхъ ущельяхъ, встрѣтили въ Кара-Бабѣ войска,—и болѣзненность въ нихъ не уменьшилась, а увеличилась. Офиціальные источники говорятъ, что войска привезли съ собою сюда 1,808 человѣкъ больныхъ,— и по прошествіи четырехъ-недѣльной стоянки число ихъ возросло до 1,950 человѣкъ. Къ тому же войска терпѣли во всемъ большой недостатокъ. Одинъ участникъ похода разска-

зываетъ, что Паскевичу приходилось платить по сту рублей (асс.) за пудъ сахару, а офицеры давно уже не видѣли ни чаю, ни водки.

«Лучше бы было въ сто разъ,—говоритъ этотъ участникъ похода:—если бы вмѣсто несчастной, нездоровой стоянки у Кара-Бабы, Паскевичъ, по взятіи Аббасъ-Абада, не останавливаясь повелъ бы насъ прямо къ Тавризу. Перейдя Араксъ, мы нашли бы хлѣбъ уже сжатымъ, мѣстность здоровую, жары менѣе знойными». Тавризъ, съ его Адербейджанскою областью, дѣйствительно славился въ Персіи хорошимъ климатомъ и плодородіемъ; тамъ не доставало только фруктовъ, которые въ умѣренной полосѣ не такъ роскошны и изобильны, какъ въ знойной долинѣ Аракса. Но отсутствіе ихъ было однимъ изъ залоговъ уменьшенія болѣзней.

Пока войска стояли въ Кара-Бабѣ, Паскевичъ постепенно приводилъ въ подданство Россіи обитателей лѣваго берега Аракса, и небольшія русскія колонны, то и дѣло, ходили по разнымъ направленіямъ, чтобы защищать покорное населеніе отъ курдовъ и карапапаховъ.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся предводителей разбойническихъ шаекъ, надѣлавшихъ русскимъ такъ много хлопотъ, былъ въ это время нѣкто Керимъ-Ханъ, послѣдній правитель города Нахичевани, происходившій отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій края, которая владѣла нѣкогда наслѣдственно всѣмъ Нахичеванскимъ ханствомъ. Когда Аббасъ-Абадъ былъ взятъ, Керимъ явился къ Паскевичу и предложилъ ему свои услуги, а въ то же время и тѣ же услуги предложены были имъ персидскому правительству, и дѣло шло только о томъ, кто больше заплатитъ. Паскевичъ постарался, конечно, избавиться отъ него, и Керимъ сдѣлалъ тогда своею спеціальностью набѣги на мирныхъ жителей Нахичеванской области,—ремесло, доставившее ему барыши, которые далеко превосходили и русское и персидское жалованье въ суммѣ. Обстоятельства сложились такъ, что нашелся и ревностный сторонникъ Россіи, ставшій опаснымъ противникомъ Керима. Это былъ отважный Насибъ-Эксанъ-Ханъ, владѣлецъ Урда-

бадскій, командовавшій въ Аббасъ-Абадѣ, во время осады его, батальономъ нахичеванскихъ сарбазовъ. Когда крѣпость сдалась, Эксанъ-Ханъ открыто принялъ русскую сторону и остался въ своемъ Урдабадѣ, городкѣ небольшомъ, но съ хорошо устроенною крѣпостцою-замкомъ. Паскевичъ предупредилъ его, что онъ не долженъ разсчитывать на русскія войска, которыя не могутъ защищать Урдабада, такъ какъ онъ выходитъ изъ плана военныхъ операцій. Но Эксанъ-Ханъ, желая спасти городъ и жителей, рѣшился держаться въ немъ своими силами до послѣдней крайности. Керимъ не замедлилъ открыть противъ него военныя дѣйствія.

Уже 17 іюля, когда войска стояли еще подъ Аббасъ-Абадомъ, отъ Эксанъ-Хана пришло донесеніе, что большія толпы персіянъ готовятся напасть на него; онъ извѣщалъ, что будетъ защищаться въ городѣ и на людей своихъ надѣется, но что если семейства преданныхъ ему сарбазовъ, находящіяся по деревнямъ безъ всякой защиты, будутъ захвачены персіянами, то возникнетъ опасность, что и большая часть гарнизона уйдетъ за своими семействами. Паскевичъ поставленъ былъ въ весьма затруднительное положеніе. Помочь Урдабаду было нужно во всякомъ случаѣ. Съ одной стороны этимъ показана была бы готовность охранять населеніе, искавшее защиты русскихъ, и въ то же время спасенъ былъ бы городъ, который могъ послужить передовымъ постомъ, въ случаѣ нападенія персіянъ съ Тавризской дороги. А съ другой стороны систематическая защита населенія, разбросаннаго на обширномъ пространствѣ, вела за собою безконечное раздробленіе войскъ и въ будущемъ служила бы только неминуемо причиною вѣчныхъ тревогъ и часто напрасныхъ походовъ. Надо было пріискать среднюю мѣру. И вотъ, Эксанъ-Ханъ взялся собрать часть бывшаго сарбазскаго батальона, еще недавно защищавшаго съ нимъ Аббасъ-Абадъ, и такимъ образомъ организовать свою собственную вооруженную силу, съ тѣмъ, однако, чтобы ему даны были ружья и пушки. «Я долженъ былъ согласиться на это, — говоритъ Паскевичъ въ своемъ донесеніи: — ибо, въ противномъ случаѣ,

оставшись безъ оружія, онъ, Эксанъ-Ханъ, поневолѣ долженъ бы былъ передаться непріятелю».

19 іюля, Тифлисскій полкъ, съ черноморскою бригадою и 6-ю конными орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Вадбольскаго, уже вступалъ въ Урдабадъ. Вадбольскій имѣлъ порученіе сдать Эксанъ-Хану 400 персидскихъ ружей и четырехъ-фунтовую пушку, взятыя въ Аббасъ-Абадѣ, а затѣмъ если городу не предвидится особенная опасность, немедленно возвратиться въ лагерь. Паскевичъ не хотѣлъ, да и не могъ разбрасывать свой малочисленный корпусъ.

Вадбольскій нашелъ въ окрестностяхъ Урдабада полное спокойствіе. Онъ узналъ, что непріятель далеко, и сдѣлаетъ ли нападеніе—еще неизвѣстно. Цѣлый день онъ посвятилъ, однако, на устройство тамошнихъ дѣлъ, назначилъ Эксанъ-Хана нахичеванскимъ наибомъ, а 21-го іюля выступилъ изъ Урдабада обратно. Съ нимъ вмѣстѣ вышли много армянъ, и въ томъ числѣ семейство брата владѣльца, Шихъ-Али-Бека. Самъ Эксанъ-Ханъ съ своими сарбазами остался въ городѣ.

Спокойствіе, найденное княземъ Вадбольскимъ, было, между тѣмъ, обманчиво. Не успѣлъ онъ вернуться въ лагерь, какъ, 23-го числа, Керимъ съ конною партіею появился верстахъ въ 15-ти отъ Урдабада, угрожая угнать на персидскую сторону ближайшія армянскія деревни. Жители успѣли бѣжать, но скотъ и часть имущества попали въ руки персіянамъ. Пока разбойники забирали добычу, человѣкъ 70 съ самимъ Керимомъ бросились на армянское селеніе Сіары, лежавшее уже вблизи Урдабада. Эксанъ-Ханъ съ 60 сарбазами подоспѣлъ на помощь къ жителямъ, — и Керимъ былъ разбитъ; преслѣдуя его, сарбазы сбили также спѣшившій къ нему сильный резервъ и взяли въ плѣнъ Али-Акберъ Султана Даранскаго,— «человѣка — какъ выражается Паскевичъ: — здѣсь довольно извѣстнаго». «Такимъ образомъ,—писалъ главнокомандующій въ донесеніи государю: — бывшіе персидскіе подданные, будучи предоставлены самимъ себѣ, въ первый разъ обратили оружіе свое противъ враговъ Вашего Величества».

Неудача, однако, только озлобила Керима,—и онъ снова

двинулся на Урдабадъ, съ трехтысячною партіею. Послѣ сильной перестрѣлки форштадтъ былъ занятъ, и положеніе Эксанъ-Хана становилось опаснымъ. Два батальона персидскихъ сарбазовъ съ орудіями окружали теперь замокъ, въ которомъ заперся ханъ, а конница блокировала городъ съ другого берега Аракса. Внезапность нападенія не позволила принять какія-либо мѣры къ обезпеченію татарскихъ семействъ, оставшихся въ городѣ, и надо было ожидать, что если непріятель захватитъ ихъ, — то и гарнизонъ оставитъ Эксанъ-Хана.

Исходъ блокады и страшная участь, которая угрожала самому Эксанъ-Хану, если бы онъ попался въ руки персіянъ, встревожили Паскевича, и въ Урдабадъ форсированнымъ маршемъ двинулся 2-й батальонъ Грузинскаго полка съ сотнею казаковъ и двумя орудіями, подъ начальствомъ полковника барона Фридерикса. Особымъ вспомогательнымъ эшелономъ, въ тотъ же день и по той же дорогѣ, былъ высланъ къ нему и генералъ-маіоръ князь Багратіонъ съ армянскою сотнею и коннымъ грузинскимъ ополченіемъ.

31-го іюля, ночью, явился къ Фридериксу бѣжавшій изъ Урдабада армянинъ съ извѣстіемъ, что положеніе Эксанъ-Хана отчаянное. 8 дней съ горстію своихъ приверженцевъ выдерживалъ онъ блокаду въ Урдабадскомъ замкѣ, и послѣдніе 36 часовъ не имѣлъ воды. Гарнизонъ уже колебался и помышлялъ о сдачѣ. По словамъ армянина, у непріятеля пѣхоты было не болѣе 700 человѣкъ, но онъ располагалъ за то большою конницею; въ составѣ послѣдней находились, впрочемъ, цѣлыя тысячи невооруженныхъ кочевниковъ, приведенныхъ Керимомъ исключительно для грабежа окрестныхъ селеній. Фридериксу нужно было торопиться, — и армянинъ немедленно отправленъ былъ назадъ, чтобы ободрить гарнизонъ извѣстіемъ о приближеніи русскихъ.

Наступило утро 1 августа. На походѣ прискакалъ къ Фридериксу новый гонецъ, но на этотъ разъ уже съ извѣстіемъ, что слухъ о приближеніи русской колонны произвелъ въ персидскомъ станѣ панику, что только одинъ изъ двухъ ба-

тальоновъ, осаждавшихъ замокъ, съ командиромъ болѣе энергичнымъ, повидимому намѣренъ защищаться въ городѣ, а другой уже немедленно ушелъ за Араксъ; Фридериксъ приказалъ своимъ гренадерамъ готовиться къ приступу. Но едва боевыя колонны ихъ развернулись въ виду Урдабада, какъ рѣшимость покинула сарбазовъ,—и послѣдній батальонъ ихъ поспѣшно отступилъ за Араксъ. Городъ былъ занятъ безъ боя. Между тѣмъ непріятельская конница, замѣтивъ малочисленность казаковъ, обошла стороною городъ и вдругъ, въ тылу отряда, кинулась вся на вьючный обозъ. Керимъ справедливо разсчитывалъ, что если ему удастся отбить транспортъ, то русскій отрядъ поставленъ будетъ въ необходимость или уйти назадъ, или очутится вмѣстѣ съ Эксанъ-Ханомъ въ блокадѣ, при самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ, безъ воды и безъ продовольствія. Къ счастію, находившаяся въ прикрытіи вьюковъ рота Грузинскаго полка геройски отразила нападеніе. А въ это время Кериму дали знать, что по дорогѣ къ Урдабаду приближается новая сильная русская конница,—то былъ грузинскій эшелонъ князя Багратіона,—и персіяне, опасаясь попасть между двухъ огней, поспѣшно отступили. Оба русскіе отряда соединились въ городѣ, и князь Багратіонъ, какъ старшій, принялъ начальство.

Удерживать за собой Урдабадъ, источникъ вѣчныхъ тревогъ, Багратіонъ находилъ и невозможнымъ, и безполезнымъ. Съ уходомъ русскихъ войскъ, которыя не могли постоянно стоять въ Урдабадѣ, персіяне, какъ надо было ожидать, появились бы еще въ бо̀льшихъ силахъ, и участь Эксанъ-Хана, со всѣмъ подвластнымъ ему населеніемъ, рано или поздно должна была завершиться кровавою катастрофою. Получены были къ тому же достовѣрныя извѣстія, что дней за семь передъ тѣмъ, изъ лагеря наслѣднаго персидскаго принца вышелъ на помощь Кериму батальонъ русскихъ дезертировъ, которому приказано во что бы то ни стало взять Урдабадскій замокъ и доставить въ персидскій станъ самого Эксанъ-Хана, живого или мертваго.

Эксанъ-Ханъ и самъ видѣлъ невозможность дальнѣйшей

защиты родного города; онъ только просилъ нѣсколько дней, чтобы ему и окрестному населенію собрать свое имущество. Багратіонъ согласился, и обратный походъ назначенъ былъ въ ночь на 7-е августа.

Выступая изъ Урдабада, войска до тла истребили замокъ, въ которомъ защищался Эксанъ-Ханъ, чтобы не дать персіянамъ возможности устроить изъ него опорный пунктъ на лѣвомъ берегу Аракса.

Медленно двигался русскій отрядъ, конвоируя громадный обозъ переселявшихся армянскихъ семействъ. Узкая дорога, пролегавшая между садами, позволяла двигаться только рядами, и потому лишь въ 9 часовъ утра войска и обозы стянулись наконецъ въ деревнѣ Ванантъ, пройдя всего 12 верстъ отъ города, и, утомленные, расположились было на отдыхъ. Персіяне, видѣвшіе, что добыча уходитъ изъ ихъ рукъ, рѣшились напасть на обозъ во время пути. Керимъ поспѣшилъ собрать все, чѣмъ только можно было воспользоваться въ ближайшихъ пунктахъ расположенія персидскихъ войскъ,—и перешелъ Араксъ съ твердымъ намѣреніемъ истребить малочисленный русскій отрядъ и возвратить назадъ переселенцевъ. Все это сдѣлалось такъ быстро, что отряду не пришлось путемъ и отдохнуть. Нужно сказать, что почти непосредственно за деревнею начинался глухой оврагъ, извѣстный подъ именемъ Ванантскаго ущелья, перерѣзывавшій дорогу, по которой отряду приходилось идти въ деревню Чаланапы. За этимъ-то оврагомъ съ крутымъ, обрывистымъ спускомъ и еще болѣе крутымъ подъемомъ, на высотахъ правѣе дороги, вдругъ показались передъ русскими толпы непріятельской конницы. Медлить выступленіемъ съ привала, очевидно, было нельзя, чтобы не подвергнуться нападенію въ самой глубинѣ оврага, — и Багратіонъ, имѣвшій приказаніе отнюдь не вступать въ дѣло, при подавляющемъ превосходствѣ непріятельскихъ силъ приказалъ ударить подъемъ, торопясь скорѣе миновать опасное ущелье, и затѣмъ, по Чаланапской дорогѣ, осторожно обойти непріятеля.

Но едва отрядъ, по узкой тропѣ, проложенной между ска-

лами, поднялся изъ оврага, какъ уже стало ясно, что избѣжать столкновенія съ непріятелемъ невозможно. Непріятельскія толпы, медленно передвигаясь и растягивая боевую позицію по гребню высотъ, уже приближались къ дорогѣ. Тогда Багратіонъ выдвинулъ вправо, навстрѣчу къ нимъ, грузинскую конницу, чтобы подъ ея заслономъ продвинуть семейства армянъ и, такимъ образомъ, идти, отбиваясь однимъ арьергардомъ. Но и этотъ планъ оказался уже невыполнимымъ. Персіяне увидѣли намѣреніе Багратіона, и торопились обогнать войска, чтобы перерѣзать имъ дорогу. Конница быстро подвезла пѣхоту, — и на пути движенія русскихъ стояли уже грозныя вражескія силы.

Передъ Багратіономъ была трудная дилемма. Ему приходилось или вернуться назадъ, по дорогѣ въ Урдабадъ, съ рискомъ подвергнуться нападенію въ только что пройденномъ глухомъ ущельѣ, или прокладывать дорогу штыками, имѣя на рукахъ семейства, которыя подвергались въ этомъ случаѣ почти неминуемой гибели.

Къ счастію, бывшій при отрядѣ Эксанъ-Ханъ, хорошо знакомый съ мѣстностью, указалъ Багратіону виднѣвшуюся влѣво отъ дороги высокую гору, которая могла послужить отличною позиціей. Тамъ отрядъ могъ продержаться весь день, а съ наступленіемъ ночи Эксанъ-Ханъ брался провести его прямо черезъ горы, какъ нѣкогда ходили отряды Карягина и Котляревскаго, и какъ не хотѣлъ сдѣлать Назимка, погубившій этимъ батальонъ свой на Ахъ-Кара-чаѣ.

Рѣшившись уступить дорогу непріятелю. Багратіонъ раскинулъ къ сторонѣ непріятеля сильную цѣпь и поворотилъ влѣво, чтобы фланговымъ маршемъ достигнуть спасительныхъ высотъ, до которыхъ было не болѣе полутора или двухъ верстъ. Вся 6-я рота, штабсъ-капитана Вретова, и взводъ 2-й гренадерской, подъ командою прапорщика князя Чавчавадзе, разсыпались въ стрѣлки, и подъ ихъ прикрытіемъ батальонъ могъ идти совершенно спокойно; лѣвѣе батальона, стало-быть уже подъ двойною заслоной, шелъ армянскій обозъ, и спѣшенные казаки вели въ поводу лошадей, навьюченныхъ

провіантомъ. Помѣшать этому движенію непріятель не успѣлъ, и скоро весь отрядъ за исключеніемъ стрѣлковъ, уже стоялъ на позиціи. Подходили къ ней и стрѣлки. Медленно подаваясь назадъ, подъ безпрерывнымъ натискомъ персидской кавалеріи, они почти безъ потери достигли подошвы высотъ, занятыхъ отрядомъ. Но тутъ подоспѣли два батальона сарбазовъ, подвезенныхъ конницей, и бой неожиданно принялъ характеръ кровавый и грозный. Сарбазы начали сильно тѣснить правый флангъ цѣпи, гдѣ былъ разсыпанъ гренадерскій взводъ, стараясь смять и отбросить его, чтобы открыть себѣ доступъ къ русской позиціи. Командовавшій этимъ взводомъ пылкій князь Чавчавадзе, увидѣвъ стремленіе непріятеля, самъ бросился въ штыки,—и этимъ неосторожнымъ движеніемъ вовлекъ въ сраженіе большую часть батальона.

Дѣло въ томъ, что отбросивъ въ первый моментъ головныя части сарбазовъ, онъ вслѣдъ затѣмъ былъ плотно самъ окруженъ цѣлою стѣною ихъ и вынужденъ прокладывать себѣ дорогу назадъ штыками. Багратіонъ, такъ счастливо избѣгнувшій боя, теперь поставленъ былъ въ необходимость выручить зарвавшійся взводъ,—и 5-я рота, вмѣстѣ съ остальною частью гренадерской, подъ общимъ начальствомъ полковника Фридерикса, спустившись съ высотъ, ударила на непріятеля. Въ то же время остальная цѣпь, уже поднимавшаяся на гору, повернула назадъ и, съ штабсъ-капитаномъ Вретовымъ во главѣ бросилась во флангъ персіянамъ. Но помощь уже не могла спасти Чавчавадзе. Выбившись изъ силъ, разстрѣлявъ свои патроны, его гренадеры погибали одинъ за другимъ въ неравной штыковой борьбѣ одного противъ шести. Напрасно товарищи пытались пробиться до нихъ сквозь густые ряды враговъ,—всюду встрѣчали они грозный отпоръ, и всѣ примѣры геройскаго самопожертвованія и подвиговъ, явленные здѣсь, не поправили дѣла. А подвиговъ этихъ было много. Командиръ гренадерской роты, капитанъ Подлуцкій, увидѣвъ Чавчавадзе въ толпѣ непріятелей, бросился къ нему на помощь. Но въ тотъ моментъ, когда отважный Чавчавадзе палъ,—получилъ смертельную рану и самъ Подлуцкій. Пер-

сіяне добили храбраго офицера, но они не успѣли завладѣть его головою,—унтеръ-офицеръ Кабановъ пробилъ себѣ дорогу до тѣла Подлуцкаго и вынесъ его изъ боя. Тутъ, же въ рукопашной свалкѣ, былъ раненъ командиръ 5-й роты, капитанъ Чубскій, и убитъ прапорщикъ князь Северсамидзе. Палъ и герой Елизаветполя — Вретовъ, смертельно раненный при первомъ же натискѣ во флангъ непріятеля. Персіяне толпой набросились на него, чтобы отрѣзать голову, но фельдфебель 6-й роты, Яковлевъ, разогналъ эту толпу и на своихъ плечахъ вынесъ умирающаго капитана. Вмѣстѣ съ Вретовымъ былъ окруженъ непріятелемъ и прапорщикъ Лавровъ, еще совершенный юноша; тяжело израненный, онъ находился уже во власти персіянъ, когда въ толпу врубился полковникъ Фридериксъ и, вырвавъ его изъ рукъ непріятеля, вынесъ изъ боя, уцѣлѣвши самъ какимъ-то непостижимымъ чудомъ.

Нападеніе было отбито. Убѣдившись, что всѣ дальнѣйшія покушенія на этотъ пунктъ будутъ напрасны, что большая часть русскаго отряда стоитъ именно здѣсь, персіяне повели атаку на лѣвый флангъ позиціи, гдѣ находились только одни спѣшенные казаки. На одной изъ горныхъ высотъ у нихъ появилось даже орудіе. Къ счастію, Багратіонъ во время успѣлъ придвинуть на помощь къ казакамъ три роты Грузинскаго полка, и непріятель, замѣтивъ это, остановился. Бой ограничился перестрѣлкой. Но стрѣляли только одни персіяне. Гренадерамъ былъ отданъ приказъ не отвѣчать ни единымъ выстрѣломъ, приберегая патроны до рѣшительнаго момента, когда непріятель пойдетъ въ атаку.

Стало уже вечерѣть — и вдругъ въ рядахъ непріятеля обнаружилось необычайное смятеніе, а вслѣдъ затѣмъ со стороны Чаланапы показалась рота карабинернаго полка, конвоировавшая вьючный транспортъ съ патронами. Предусмотрительно высланная Паскевичемъ навстрѣчу къ Багратіону, рота эта появилась какъ нельзя болѣе кстати: непріятель принялъ ее за сильное подкрѣпленіе, идущее къ отряду, и сталъ поспѣшно отступать къ Урдабаду. Карабинеры соединились съ отрядомъ безъ выстрѣла.

Сраженіе окончилось. Потери русскаго отряда были значительны; одинъ грузинскій батальонъ потерялъ 55 нижнихъ чиновъ и большую частъ своихъ офицеровъ. Всѣ ротные командиры выбыли изъ строя: Подлуцкій и Вретовъ убиты, Литвиновъ и Чубскій ранены; погибъ и виновникъ Урдабадскаго боя, пылкій князь Чавчавадзе, «искупившій своею кровью, — какъ выражается офиціальное донесеніе Паскевича,—честь русскаго отряда».

Урдабадская битва осталась памятна на Кавказѣ, какъ одинъ изъ тѣхъ подвиговъ геройства и самоотверженія, которые не забываются вовѣки. То, что въ немъ поражаетъ съ особенною силою, это рядъ высокихъ проявленій по истинѣ братскаго чувства, которое одушевляло грузинцевъ, побуждая сражавшихся, отъ послѣдняго рядового и до старшихъ офицеровъ, жертвовать собою за спасеніе товарищей. Величавый образъ полковника, врубающагося въ густую толпу враговъ, чтобы спасти меньшаго изъ своихъ подчиненныхъ, и не менѣе трогательный образъ рядового, отнимающаго изъ рукъ сильныхъ враговъ умирающаго начальника, чтобы не дать посмѣяться надъ его головою, говорятъ громко и ясно о той христіанской любви, которая въ томъ состоитъ, чтобы отдать душу свою за друзей своихъ, и выше которой — нѣтъ ничего на свѣтѣ.

12 августа отрядъ Багратіона вступилъ въ Кара-Бабу, доведя благополучно спасенныя имъ семейства и не потерявъ ни одного человѣка плѣннымъ; всѣ раненные и даже почти всѣ тѣла убитыхъ, по прекрасному обычаю кавказцевъ, были вынесены изъ боя.

Въ опустѣломъ Урдабадѣ персіянамъ дѣлать было нечего, и Керимъ попытался перенести свою дѣятельность въ самыя окрестности главнаго русскаго лагеря. Верстахъ въ 30 отъ Кара-Бабы, по направленію къ Джульфинской переправѣ, въ горахъ, стояла небольшая персидская крѣпостца, Аланча, на которую до сихъ поръ никто не обращалъ никакого вниманія. Малочисленный, и притомъ совершенно изолированный гарнизонъ ея представлялъ слишкомъ ничтожную силу, чтобы отра-

живаться на какія-нибудь предпріятія, — и покореніе крѣпостцы предоставлено было времени; персіяне естественно не могли держаться долго въ отнятомъ у нихъ краѣ, и рано или поздно сами должны были уйти за Араксъ. Вотъ эту-то крѣпостцу теперь и избралъ Керимъ центромъ своихъ операцій. И когда подъ стѣнами ея появилась многочисленная конница Керима, когда эта конница въ одинъ переходъ могла нагрянуть оттуда на Кечеры, гдѣ ходили на пастбѣ кавалерійскіе табуны, порціонный скотъ и транспортные волы, когда всему этому стала грозить ежеминутная опасность, Паскевичъ встревожился,— и ничтожная крѣпостца вдругъ выросла до значенія сильнаго опорнаго пункта, который оставлять въ рукахъ непріятеля было невозможно.

Въ Кечерахъ стояла всего одна рота, слишкомъ слабая, чтобы съ успѣхомъ противодѣйствовать хищничествамъ необузданныхъ наѣздниковъ Керима, и Паскевичъ тотчасъ выслалъ туда же три роты Тифлисскаго полка, дивизіонъ нижегородцевъ и двѣ сотни казаковъ, съ однимъ горнымъ орудіемъ, подъ начальствомъ полковника Муравьева, которому приказано было прогнать Керима за Араксъ, а если бы онъ вздумалъ запереться въ Аланчѣ, блокировать крѣпость и принудить ее къ сдачѣ. Отъ лазутчиковъ Паскевичъ имѣлъ свѣдѣніе, что Аланча построена на высокой скалѣ, и что гарнизонъ ея можетъ быть легко отрѣзанъ отъ воды, которую добываютъ съ большимъ трудомъ изъ небольшой рѣки, протекающей у самой подошвы скалы.

18-го августа Муравьевъ уже стоялъ подъ Аланчею. Отъ жителей, которыхъ успѣли захватить, онъ узналъ, что Керимъ-Ханъ съ небольшимъ числомъ кавалеріи отступилъ къ Урдабаду, и что подъ Аланчей былъ и Ибрагимъ-Сардарь, командовавшій персидскими войсками при Ванантѣ, но перешелъ уже обратно за Араксъ и стоитъ теперь тамъ лагеремъ.

Между тѣмъ, осмотрѣвъ Аланчу, Муравьевъ долженъ былъ убѣдиться, что свѣдѣнія о крѣпостцѣ, полученныя Паскевичемъ, далеко не вѣрны. Аланча оказалась на дѣлѣ почти неприступною твердынею, овладѣть которою можно было только

въ случаѣ оплошности гарнизона. Блокировать ее было безполезно; правда, воду, текущую въ канавѣ, дѣйствительно можно было отвести, какъ доносили Паскевичу, но въ самой крѣпости находились три родника, обильные водою, и собраны были большіе запасы хлѣба, позволявшіе гарнизону держаться безконечно-долгое время. Очевидно, дѣлать подъ Аланчею нечего,—и Муравьевъ возвратился въ лагерь. Вскорѣ получены были извѣстія, что и послѣднія персидскія войска, еще стоявшія въ Урдабадѣ, также ушли за Араксъ, безъ всякихъ къ тому мѣръ со стороны русскихъ.

Прошло послѣ того нѣсколько дней, и неожиданныя событія подъ Эриванью вынудили Паскевича оставить лагерь въ Кара-Бабѣ и спѣшить въ Эриванскую область, на помощь къ генералу Красовскому.

XXVI.

Красовскій.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1827 года, съ движеніемъ Паскевича въ Нахичеванскую область, туда же передвинулся и главный центръ персидской войны, а Эриванское ханство, съ армянскою святынею Эчміадзиномъ, должны были занимать въ ней уже второстепенное мѣсто. Между тѣмъ, обстоятельства сложились подъ Эриванью такъ, что въ концѣ концовъ должны были вновь привлечь къ ней все вниманіе главнаго дѣйствующаго корпуса.

Въ этотъ моментъ, на сцену персидской войны выдвигается въ весьма видной и значительной роли новая личность,—генералъ-лейтенантъ Афанасій Ивановичъ Красовскій, соединявшій въ себѣ въ одно и то же время качества и смѣлаго, опытнаго вождя, и неустрашимаго солдата. Личность эта настолько замѣчательна и своею предшествовавшею службою, что должна остановить на себѣ пристальное вниманіе историка той эпохи.

Красовскій происходилъ изъ дворянъ прежней Слободско-Украинской губерніи, Лебедянскаго уѣзда. Молодые годы его совпали со временемъ начинавшихся огромныхъ европейскихъ

войнъ, представлявшихъ для тѣхъ, кого щадила смерть, обширное поприще для отличій. Поручикомъ 13 егерскаго полка, Красовскій, въ 1804 году, совершилъ уже плаваніе изъ Одессы въ Корфу и Неаполь съ черноморскою эскадрой, имѣвшей назначеніе вытѣснить оттуда французовъ и затѣмъ идти въ Сѣверную Италію. Аустерлицкій разгромъ помѣшалъ осуществленію этой мысли, и эскадра вернулась въ Корфу. Но во время обратнаго плаванія, около Мессины, фрегатъ, на которомъ находился Красовскій, сѣлъ на мель и былъ разбитъ волненіемъ; страшная опасность грозила экипажу, и только благодаря присутствію духа и необыкновенной для начинающаго жить юноши распорядительности Красовскаго, команда его спаслась отъ гибели. Это было первое служебное отличіе молодого человѣка, давшее ему первую награду — орденъ св. Анны 4 ст. на шпагу.

На слѣдующій годъ черноморская эскадра ходила изъ Корфу въ Каттарскій заливъ, на помощь къ черногорцамъ, и высадила десантъ около Старой Рагузы. Въ этой экспедиціи былъ опять и Красовскій. Дѣйствуя противъ французовъ вмѣстѣ съ черногорцами, онъ участвовалъ во взятіи укрѣпленныхъ высотъ Баргарта и въ осадѣ Рагузы, а въ 1807 году былъ въ Герцеговинѣ, при обложеніи крѣпости Никшичъ. Военная школа, пройденная Красовскимъ въ сообществѣ такихъ людей, какъ обитатели Черной Горы, не могла не обнаружить громаднаго вліянія на всю его послѣдующую боевую дѣятельность; отъ нихъ заимствовалъ онъ ледяное спокойствіе въ опасности, неукротимый пылъ во время атаки и тѣ своеобразные пріемы войны, которые могли быть созданы только людьми, пріученными къ войнѣ всей обстановкой своей обыденной жизни, почти не опускавшими меча съ конца XIV вѣка, съ того момента, какъ Сербское царство погибло на Косовомъ полѣ.

Когда французы ушли изъ Черногоріи, 13-й егерскій полкъ былъ перевезенъ въ Венецію а оттуда, уже сухимъ путемъ, отправленъ въ составъ Молдавской арміи, дѣйствовавшей подъ начальствомъ стараго фельдмаршала князя Прозоровскаго. Из-

вѣстны обстоятельства неудачной кампаніи, ведомой старымъ фельдмаршаломъ. Полку, въ которомъ служилъ Красовскій, на первыхъ же порахъ пришлось испытать рядомъ со славными дѣлами и тяжелыя неудачи. Онъ прибылъ на Дунай весною 1809 года, въ то время, когда русская армія выступала къ Браилову. На первомъ переходѣ, какъ разсказываетъ Красовскій, ночью застигла войска ужасная буря съ вихремъ, грозою и проливнымъ дождемъ. Въ неизмѣримыхъ степяхъ колонны сбились съ дороги и только къ утру малыми частями и съ разныхъ сторонъ стали собираться на Рымникѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, нужно сказать, водилось тогда множество зайцевъ, они стадами выскакивали изъ-подъ ногъ солдатъ и, при общемъ крикѣ и улюлюканьѣ, метались въ серединѣ войскъ, такъ что солдаты ловили ихъ за уши. Въ этомъ пріятномъ занятіи никто не замѣтилъ, какъ наѣхалъ грозный фельдмаршалъ. Разгнѣванный и безъ того ночною путаницею въ войскахъ, онъ, при видѣ этой заячьей травли, окончательно вышелъ изъ себя, разбранилъ солдатъ, а вечеромъ отдалъ свой замѣчательный приказъ, начинавшійся словами: «Къ крайнему сожалѣнію и къ моему удивленію, ввѣренная мнѣ россійская армія до такой степени ослабѣла въ дисциплинѣ, что и малѣйшій звѣрь, каковъ есть заяцъ, производитъ въ ней безпорядокъ»...

Дальнѣйшій переходъ отъ Рымника совершался уже въ боевомъ порядкѣ. Фельдмаршалъ ѣхалъ вмѣстѣ съ войсками и самъ смотрѣлъ за точнымъ соблюденіемъ равненія и интерваловъ между кареями. Маршъ, конечно, отъ этого замедлился, и солдаты, томимые зноемъ и пылью, приходили въ совершенное изнуреніе.

6-го апрѣля, вечеромъ, войска остановились въ четырехъ верстахъ отъ Браилова. Сильная крѣпость была искусно минирована и требовала правильной осады, но фельдмаршалъ торопился ея покореніемъ, и въ ночь на 9 апрѣля назначенъ былъ ея штурмъ. Ночь случилась тогда необыкновенно темная, не позволявшая сохранить въ штурмующихъ войскахъ хоть какой-нибудь порядокъ. Нѣкоторые полки потеряли дорогу и,

наткнувшись въ темнотѣ на какую-то глубокую рытвину, приняли ее за крѣпостной ровъ и закричали «ура!» Изъ крѣпости тотчасъ открыли сильнѣйшій огонь. И между тѣмъ, какъ однѣ русскія колонны, безцѣльно губя людей, блуждали, подъ градомъ летѣвшихъ на нихъ снарядовъ, другія сражались уже на валахъ и, никѣмъ не поддерживаемыя, гибли въ безполезныхъ усиліяхъ ворваться въ крѣпость. Взошедшее солнце освѣтило страшную картину пораженія русскихъ войскъ. 13 егерскій полкъ, въ которомъ Красовскій командовалъ гренадерской ротой, былъ изъ числа наиболѣе пострадавшихъ на приступѣ: изъ цѣлаго полка возвратилось назадъ только 200 человѣкъ, подъ командою четырехъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и Красовкій. Сюртукъ и фуражка его были прострѣлены; рядомъ съ нимъ пуля поразила въ голову и будущаго фельдмаршала, тогда еще штабсъ-капитана, Паскевича, командовавшаго въ томъ же полку стрѣлковой цѣпью.

Извѣстіе о громадныхъ потеряхъ въ войскахъ, ходившихъ на приступъ, глубоко опечалило больного фельдмаршала. Очевидцы говорятъ, что онъ во время самаго боя сидѣлъ на курганѣ и, глядя на гибель храбрыхъ солдатъ, обливался слезами. «И хотя Михайло Илларіоновичъ (Кутузовъ) и порывался утѣшить меня тѣмъ, что подъ Аустерлицемъ было хуже, но это не послужило для меня отрадой»... такъ говорилъ въ приказѣ по арміи самъ старый Прозоровскій — полководецъ, знаменитый, по словамъ Ермолова, своею долговѣчностью.

Съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій въ слѣдующемъ году, Красовскій, во главѣ охотниковъ, первымъ переплылъ черезъ Дунай и овладѣлъ редутомъ, прикрывавшимъ Туртукайскую крѣпость. Этотъ подвигъ доставилъ ему орденъ св. Георгія 4 степени, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ на него вниманіе одного изъ лучшихъ генераловъ молдавской арміи, Засса, который и взялъ его къ себѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ. Въ этомъ званіи Красовскій находился при немъ и во время Рущукскаго штурма. Когда войска, послѣ геройскихъ усилій, вынужденны были, наконецъ, начать отступленіе

отъ крѣпости, Зассъ отправилъ Красовскаго доложить объ этомъ главнокомандующему графу Каменскому. Вмѣстѣ съ Красовскимъ поѣхалъ и генералъ-маіоръ графъ Сиверсъ, колонна котораго почти вся легла на валахъ Рущука. Каменскій съ нескрываемымъ гнѣвомъ выслушалъ отъ нихъ донесеніе. «Ваша резервная колонна — сказалъ онъ Сиверсу: — еще не была на приступѣ. Поведите ее сами, покажите примѣръ,—и вы возьмете крѣпость!» Отважный и пылкій Сиверсъ, не сказавъ ни слова, сѣлъ на коня и, подъѣхавъ къ резервной колоннѣ, повелъ ее на приступъ. Вмѣстѣ съ нимъ пошелъ и Красовскій. На самомъ гребнѣ гласиса Сиверсъ упалъ, пораженный четырьмя турецкими пулями; и солдаты его разсѣялись. Среди всеобщей суматохи, Красовскій остался одинъ около раненаго графа и вынесъ его, съ опасностію жизни, на брешь-батарею, гдѣ этотъ молодой, любимый всѣми генералъ и скончался на его рукахъ. Явившись опять къ главнокомандующему съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ, Красовскій былъ осыпанъ ничѣмъ не заслуженными упреками. «Я увѣренъ, — сказалъ ему наконецъ Каменскій: — что въ числѣ лежащихъ на валу, большая часть здоровыхъ, которые только не хотятъ броситься въ крѣпость». Красовскій отвѣчалъ, что на валу лежатъ только мертвые. Главнокомандующій отправилъ тогда своего адъютанта удостовѣриться, правда ли это. Но смотрѣть, конечно, было нечего, истина сама бросалась въ глаза; все поле покрыто было бѣгущими солдатами, а на валахъ попрежнему чернѣли отдѣльными группами лежавшіе люди... «Турки—замѣчаетъ въ своихъ запискахъ Красовскій:—могли овладѣть тогда не только всѣми нашими батареями, но взять лагерь и даже самого главнокомандующаго, если бы онъ не успѣлъ ускакать за Дунай».

Прямымъ слѣдствіемъ неудачи рущукскаго боя было намѣреніе верховнаго визиря скорѣе покончить съ Сербіей, гдѣ уже давно пылало народное возстаніе, и помогавшій ей небольшой русскій отрядъ графа Орурка, теперь, когда къ берегамъ Моравы двигались громадныя турецкія силы, былъ слишкомъ незначителенъ; пришлось отправить туда цѣлый

корпусъ, подъ начальствомъ храбраго Засса. Зассъ взялъ съ собой и Красовскаго.

Въ одномъ изъ самыхъ первыхъ дѣлъ, при взятіи редута на островѣ Ломъ-Паланкѣ, Красовскій получилъ тяжелую рану пулею въ бокъ и долженъ былъ на нѣкоторое время отказаться отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ турки сами перешли Дунай и атаковали Засса. Выдержать особенно сильное нападеніе пало на долю Мингрельскаго полка, который былъ совершенно окруженъ турецкою конницею. Взрывъ заряднаго ящика, посреди одного изъ каре, довершилъ разстройство полка, — и турки захватили орудія. Раненый Красовскій сидѣлъ въ это время на дрожкахъ, при резервной колоннѣ. Къ нему подъѣхалъ опечаленный Зассъ. «Если бы вы, Афанасій Ивановичъ, были тамъ,—сказалъ онъ ему: — этого съ полкомъ никогда бы не случилось»... «Но знаете,— прибавилъ онъ: я полагаю, что ваше присутствіе даже и теперь могло бы поправить дѣло»...—Я готовъ,—отвѣчалъ Красовскій:—прикажите только посадить меня на лошадь». Появленіе Красовскаго передъ разстроеннымъ полкомъ, дѣйствительно, вдохнуло въ солдатъ новое мужество. Собравшись вокругъ Красовскаго, полкъ бросился впередъ, — и орудія были возвращены... Съ этой минуты Красовскій продолжалъ лѣчиться, уже не покидая службы, и принималъ дѣятельное участіе въ походѣ за Дунай, въ отрядѣ графа Воронцова, который отдалъ въ его командованіе сербскую дружину, прибывшую изъ Неготина съ извѣстнымъ воеводою Велько Петровичемъ.

Какъ извѣстно, этотъ Велько, природный сербъ, находился долгое время въ числѣ тѣлохранителей виддинскаго паши; но когда Георгій Черный поднялъ въ Сербіи знамя возстанія за независимость, Велько убилъ пашу и, явившись съ его головою въ Сербію, сталъ славнымъ гайдамакомъ, о которомъ ходили въ народѣ цѣлыя легенды. Множество разсказовъ о его сверхъестественной силѣ и чародѣйствѣ, охранявшемъ его отъ вражескихъ пуль, сдѣлали имя его грозою и ужасомъ турокъ. При одномъ крикѣ: «Гайдукъ Велько!»— цѣлыя турецкія деревни обращались въ бѣгство. Признательный

Георгій сдѣлалъ его воеводой, и Велько до самой смерти воевалъ съ турчиномъ.

Съ этимъ-то отрядомъ Велько Петровича, Красовскій дѣйствовалъ по большимъ дорогамъ, изъ Виддина къ Софіи. И если эти дѣйствія и не имѣли особенно важныхъ послѣдствій въ чисто военномъ отношеніи, то они положили основаніе доброму братству между сербами и русскими. Съ другой стороны не оставались безъ вліянія на общій ходъ военныхъ дѣйствій въ Сербіи и такіе подвиги, какъ уничтоженіе подвижныхъ турецкихъ колоннъ, захваты транспортовъ и разореніе «колъ», небольшихъ полевыхъ укрѣпленій; дѣла эти не вызывали громкихъ реляцій, но были дѣла удалыя, славныя, память о которыхъ надолго осталась въ преданіяхъ сербовъ. Суровый Велько, до самой геройской смерти своей подъ стѣнами Неготина, любилъ вспоминать это доброе время, пережитое имъ съ русскими братьями; онъ плакалъ разставаясь съ Красовскимъ.

Цѣлый рядъ отличій, на Дунаѣ и въ Сербіи, способствовалъ быстрому служебному возвышенію Красовскаго. Начавъ турецкую войну никому не извѣстнымъ армейскимъ поручикомъ, черезъ три года онъ кончилъ ее уже полковникомъ, съ Георгіемъ и Владиміромъ въ петлицѣ, съ бриллiантовыми знаками Анны на шеѣ и съ золотою шпагой «за храбрость».

1 января 1812 года онъ былъ назначенъ командиромъ 14 егерскаго полка и поступилъ въ 3-ю Западную армію, подъ начальство графа Тормасова. Въ отечественную войну Красовскій встрѣтился съ французами въ первый разъ подъ Городечной. Вслѣдъ затѣмъ, дѣйствуя въ отрядѣ графа Ламберта, онъ овладѣлъ м. Новосвержемъ; безъ выстрѣла съ одними штыками, ворвался онъ въ улицы города и заставилъ два батальона французовъ положить оружіе. При этомъ ему достался въ плѣнъ цѣлый хоръ музыкантовъ-чеховъ, принадлежавшій къ польскому полку Косецкаго. Чехи эти служили по найму, и потому охотно согласились перейти на службу къ егерямъ, съ которыми вмѣстѣ и дошли до Парижа.

Въ дѣлѣ подъ Борисовымъ, когда атака русской пѣхоты на мостовое укрѣпленіе была отбита, и графъ Ламбертъ — раненъ, Красовскій принялъ начальство надъ всѣмъ авангардомъ, вторично штурмовалъ предмостный редутъ и занялъ Борисовъ. Наградою ему за этотъ подвигъ былъ орденъ св. Георгія 3-го класса, а его полкъ получилъ надпись на киверa «за отличіе».

За Вильной, подъ Молодечною, Красовскій снова былъ раненъ пулею въ животъ; но эта рана не помѣшала ему участвовать во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ 13 и 14 годовъ. За Лейпцигское сраженіе онъ произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ въ команду егерскую бригаду, полки: 13-й, въ которомъ онъ началъ свою службу, и 14-й, съ которымъ отличался въ отечественную войну. Съ этою бригадой Красовскій бился подъ Краономъ и Реймсомъ и заслужилъ золотую шпагу, осыпанную алмазами.

Наконецъ, послѣднимъ подвигомъ его въ эпоху наполеоновскихъ войнъ было взятіе деревни Лавалетъ, подъ самыми стѣнами Парижа. Въ этотъ памятный день, 18 марта, Красовскій, оставленный въ резервѣ, готовилъ свою бригаду къ смотру фельдмаршала Блюхера. Полки уже были выравнены, какъ вдругъ полученъ былъ приказъ, вмѣсто смотра, идти на батареи, стоявшія у Лавалета. Въ полной парадной формѣ, съ распущенными знаменами и музыкой спустилась бригада съ высотъ въ виду императора Александра, долго любовавшагося ея стройнымъ движеніемъ, и Лавалетъ былъ взятъ. Государь послалъ тогда Красовскому аннинскую ленту.

По заключеніи мира Красовскій одно время командовалъ бригадой въ 3-й гренадерской дивизіи, потомъ нѣсколько лѣтъ состоялъ по арміи, и, наконецъ, въ 23 году, назначенъ начальникомъ штаба 4 пѣхотнаго корпуса. Въ день коронаціи императора Николая Павловича онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, и вслѣдъ затѣмъ получилъ въ командованіе 20-ю пѣхотную дивизію, шедшую тогда, по случаю персидской войны, въ Грузію, Красовскій догналъ свою дивизію уже на походѣ, за Алазанью, и вмѣстѣ съ нею уча-

ствовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ, осенью 1826 года.

На Кавказъ Красовскій пріѣхалъ уже съ предвзятыми идеями противъ Ермолова, открытымъ противникомъ его, какъ полководца и представителя особой системы воспитанія войскъ; онъ болѣе всего и хлопоталъ о томъ, чтобы его дивизія не заразилась «ермоловскимъ духомъ», какъ тогда говорили. Но это былъ искренній и убѣжденный противникъ, чуждый интригамъ, не завистливый къ славѣ другихъ, и пользовавшійся самъ рѣдкою любовью своихъ подчиненныхъ.

Проведя всю зиму въ джаро-бѣлоканскихъ аулахъ, Красовскій, по настоянію Дибича, занялъ должность начальника корпуснаго штаба въ тотъ моментъ, когда Ермоловъ смѣнялся Паскевичемъ. Но сойтись съ Паскевичемъ Красовскому оказалось еще труднѣе: размолвки между ними начались съ первыхъ же дней и, въ концѣ концовъ, заставили Красовскаго удалиться съ Кавказа. Этотъ эпизодъ настолько характеренъ и рисуетъ личность Паскевича такими крупными и яркими чертами, что обойти его молчаніемъ нельзя.

Въ своихъ еще неизданныхъ запискахъ, Красовскій разсказываетъ слѣдующее. Принявъ должность начальника штаба почти наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій, онъ нашелъ дѣла крайне запущенными и долженъ былъ трудиться день и ночь, такъ что «часто не имѣлъ въ сутки даже двухъ часовъ отдохновенія». Паскевичъ видѣлъ эти труды и не разъ говорилъ барону Розену и Остенъ-Сакену, друзьямъ Красовскаго, что въ трудномъ положеніи своемъ считаетъ особеннымъ счастіемъ имѣть такого помощника, а самаго Красовскаго просилъ всегда и откровенно говорить ему свои мнѣнія.

Но Паскевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто не выноситъ около себя никакихъ независимыхъ сужденій, кто за каждымъ самостоятельнымъ и громко выраженнымъ мнѣніемъ способенъ заподозрить стремленіе играть первенствующую роль, обнаружить вліяніе и даже заслонить собою заслуги начальника. И въ первый же разъ, какъ только Красовскій позволилъ себѣ сказать свое мнѣніе, Паскевичъ вспылилъ и осыпалъ

его ничѣмъ не вызванными упреками. «Я знаю, сударь, — кричалъ онъ: — что вы желаете, чтобы все дѣлалось по вашему! Но вы ошибаетесь, — со мною этого не будетъ!» Красовскій взглянулъ на эту выходку, какъ на минутную вспышку начальника, однакоже сдѣлался осторожнѣе. И тѣмъ не менѣе каждый день сталъ приносить ему новыя неудовольствія, — Паскевичъ, разъ заподозрившій человѣка, неспособенъ уже былъ отрѣшиться отъ такого предубѣжденія. «Ежели бы объяснять здѣсь все, — говоритъ Красовскій въ своихъ Запискахъ: — что мнѣ приходилось выслушивать, и причины, побуждавшія къ тому, — то сіе было бы безконечно». Особенно рельефно обрисовывается личность Паскевича въ двухъ-трехъ случаяхъ.

Однажды, Красовскій докладывалъ ему донесеніе генерала Краббе. Тотъ писалъ, что на дорогѣ между Баку и Зардобомъ, гдѣ должна была производиться сухопутная доставка провіанта, есть много такихъ станцій, близъ которыхъ, въ знойное время года, трава совершенно выгораетъ; а потому онъ испрашивалъ разрѣшенія заготовить тамъ сѣно для продовольствія транспортовъ. Паскевичъ перебилъ докладъ словами: «Вздоръ! все это затѣвается, вѣроятно, только изъ корыстныхъ видовъ». Красовскій просилъ разрѣшенія собрать предварительно необходимыя свѣдѣнія. Въ тотъ же вечеръ, въ присутствіи корпуснаго интенданта Жуковскаго, онъ снова докладывалъ Паскевичу, что донесенія Краббе совершенно основательны. Въ это время въ комнату вошелъ извѣстный интриганъ переводчихъ Каргановъ, и Паскевичъ обратился къ нему съ вопросомъ: бываетъ ли во время лѣта подножный кормъ на дорогѣ отъ Баку до Зардоба? Каргановъ отвѣчалъ утвердительно. Тогда Паскевичъ рѣзко сказалъ начальнику штаба: «Вотъ, сударь, видите, что мнѣ самому надо узнавать истину». Красовскій сдержался; но когда Каргановъ вышелъ, онъ просилъ Паскевича не ставить его на одну доску съ какимъ-то Каргановымъ. Паскевичъ вышелъ изъ себя. «Вы, сударь, обижаетесь! — кричалъ онъ: — Извольте, я вамъ даю сатисфакцію, сейчасъ, здѣсь же, въ этой комнатѣ, на три шага!...» Кра-

совскій, котораго, какъ онъ выражается самъ, «многіе опыты научили быть терпѣливымъ», просилъ его успокоиться и вспомнить, что онъ, съ своей стороны, не подалъ ни малѣйшаго повода, чтобы до такой степени можно было противъ него забыться. Между тѣмъ, для разъясненія истины былъ призванъ человѣкъ, хорошо знавшій Ширванскую провинцію, именно тифлисскій купецъ, занимавшійся постоянною торговлею въ Ширвани, и тотъ объяснилъ, что есть двѣ дороги отъ Баку до Зардоба, — одна черезъ горы, вьючная, на которой лѣтомъ недостатка въ подножныхъ кормахъ не случается, а другая, арбяная, около Куры, и что на этой послѣдней есть много такихъ мѣстъ, гдѣ на большомъ протяженіи трава совершенно выгораетъ. Объ этой-то дорогѣ только и могъ писать Краббе, потому что по вьючной транспорты двигаться не могли.

Послѣ этой сцены Красовскій рѣшилъ отказаться отъ должности начальника корпуснаго штаба; но Дибичъ, уѣзжавшій тогда съ Кавказа, уговорилъ его остаться до прибытія русскихъ войскъ подъ Эривань, когда ему будетъ разрѣшено вступить попрежнему въ командованіе 20-ю дивизіею. И Красовскій остался.

Но тѣ немногіе дни, которые прошли до прибытія подъ Эривань, были полны для Красовскаго непріятныхъ столкновеній съ Паскевичемъ.

Ни одно мнѣніе его, какъ бы оно основательно ни было, не проходило, и нерѣдко, не выслушавъ его до половины, Паскевичъ рѣшительно говорилъ «вздоръ!» Случилось, напр., что на походѣ, въ Джелалъ-Оглы, полковникъ Фридериксъ, только что принявшій полкъ отъ Муравьева, просилъ Красовскаго доложить Паскевичу, что онъ не видѣлъ еще батальона, находившагося въ отрядѣ Бенкендорфа, а потому просилъ позволенія съѣздить туда съ первою оказіею. Красовскій докладывалъ объ этомъ въ присутствіи постороннихъ лицъ и получилъ въ отвѣтъ: «вздоръ!» Но въ ту же минуту вошелъ полковникъ Муравьевъ съ тою же просьбою, и Паскевичъ сказалъ ему: «очень хорошо, пусть ѣдетъ!»

Черезъ день послѣ этого, Красовскій пріѣхалъ съ Безобдала, гдѣ онъ пробылъ цѣлый день подъ проливнымъ дождемъ, стараясь «все возможное придумывать и устраивать къ скорѣйшему движенію транспортовъ». Онъ докладывалъ Паскевичу, съ какимъ затрудненіемъ и медленностью, при всѣхъ усиліяхъ и общемъ усердіи, идутъ транспорты. Въ отвѣтъ на это Паскевичъ сказалъ: «это оттого, что я боленъ и самъ не могу тамъ быть, а тѣ, кого посылаю, не хотятъ мнѣ помогать; въ прошломъ году, въ Карабагѣ, при мнѣ были одни прапорщики, и дѣла шли успѣшно».

Мелочная мстительность Паскевича дошла, наконецъ, до границъ невозможнаго. Будучи въ Эчміадзинѣ, онъ приказалъ извѣстному художнику Машкову, сопровождавшему дѣйствующій корпусъ, написать картину «Торжественная встрѣча русскихъ войскъ архіепископомъ Нерсесомъ», и указалъ тѣ лица, которыя должны были быть помѣщены на ней. Красовскій изъ этого числа былъ исключенъ, «даже въ ущербъ исторической правдѣ», такъ какъ, въ дѣйствительности, по званію начальника корпуснаго штаба, онъ былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, окружавшихъ въ тотъ моментъ главнокомандующаго.

Въ Эчміадзинѣ Красовскій сдалъ, наконецъ, свою должность полковнику Муравьеву, и попрежнему вступилъ въ командованіе своею 20-ю пѣхотною дивизіею.

XXVII.

Снятіе блокады Эривани.

Генералъ-лейтенантъ Красовскій, съ 20-ю пѣхотною дивизіею (за исключеніемъ одной бригады, стоявшей въ Карабагѣ) и съ двумя казачьями полками, 15-го іюня 1827 года, перешелъ изъ Эчміадзина къ Эривани, чтобы смѣнить блокадный отрядъ Бенкендорфа, уходившій съ Паскевичемъ.

Красовскій обложилъ крѣпость, но продолжать блокаду ему не пришлось, — обстоятельства скоро заставили бросить ее: наступившія жары начинали уже разрушительно дѣйствовать на русскую армію.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ не было ни капли дождя и солнце жгло невыносимо; отъ чрезмѣрныхъ засухъ поверхность земли растрескалась; по дорогамъ глубокимъ слоемъ лежала пыль, а безпрерывно двигавшіеся обозы поднимали ее, и она стояла неподвижнымъ столбомъ съ утра и до вечера. А передъ вечеромъ, каждый день регулярно, съ 4 часовъ пополудни, поднимался сильный сѣверный вѣтеръ

срывалъ палатки и приносилъ въ лагерь цѣлыя тучи ѣдкой известковой пыли. Уже въ отрядѣ у Бенкендорфа болѣзненность стала развиваться такъ сильно, что, по свидѣтельству Паскевича, однажды разомъ заболѣло 240 человѣкъ въ одномъ только Грузинскомъ полку. Тогда обстоятельство это было приписано тому, что грузинцы стояли на открытомъ мѣстѣ и не имѣли прохлады и тѣни, какъ другія части, стоявшія въ форштадтахъ. Теперь опытъ совершенно опровергъ, однако, это заключеніе Паскевича. Узкія извилистыя улицы форштадтовъ, тянувшіяся между каменными заборами непрерывныхъ садовъ, представляли собою, дѣйствительно, какъ бы сплошныя, тѣнистыя аллеи; а во многихъ мѣстахъ фруктовыя деревья, перекидываясь черезъ заборы и сплетаясь вѣтвями надъ улицею, образовали густые, непроницаемые для солнца своды. Но тутъ-то, среди этихъ тѣнистыхъ мѣстъ, возбуждавшихъ сначала зависть въ войскахъ, стоявшихъ на мѣстахъ открытыхъ, и развилась въ отрядѣ Красовскаго самая страшная болѣзненность. Дѣло въ томъ, что палящіе лучи солнца въ теченіе дня раскаляли каменныя строенія форштадтовъ, дѣлая въ нихъ жаръ нестерпимымъ, а по захожденіи солнца становилось еще хуже: весь форштадтъ походилъ тогда на вытопленную баню, гдѣ нечѣмъ было дышать обливавшимся потомъ солдатамъ. Что еще выносили стоявшіе тутъ при Бенкендорфѣ ширванцы, привычные къ кавказскому климату, то оказалось совершенно не подъ силу полкамъ 20 дивизіи, пришедшимъ изъ Россіи, и 39-й егерскій полкъ, занимавшій форштадты, скоро буквально весь едва стоялъ на ногахъ. Командиръ полка, оба батальонные командиры и большая часть офицеровъ лежали больные; солдаты отправлялись въ госпитали цѣлыми десятками. Служить было некому, а ежеминутно грозившія вылазки требовали, между тѣмъ, именно самой бдительной службы, особенно по ночамъ, когда вся пѣхота и кавалерія небольшими отрядами расходились вокругъ крѣпости и занимали всѣ важнѣйшіе пункты. Къ этому прибавились истощавшія солдатъ безконечныя фуражировки, верстъ за 12 отъ лагеря, такъ какъ

артиллерійскихъ и казачьихъ лошадей выпускать на пастбища было опасно.

Въ то же время было совершенно очевидно, что блокада Эривани не могла доставить въ тотъ моментъ ровно никакой выгоды. Грозная, сильная крѣпость, конечно, не сдалась бы слабому отряду, да и безъ осадной артиллеріи, которую ожидали только въ августѣ мѣсяцѣ, невозможно было предпринять противъ нея ничего серьезнаго. Само благоразуміе, казалось, требовало, для сбереженія людей и лошадей, снять блокаду и удалиться въ горы, въ здоровую мѣстность, гдѣ много было бы воды и подножнаго корма.

Такую именно мѣстность представляла собою Башъ-абаранская возвышенность, откуда, въ случаѣ надобности, отрядъ могъ одинаково быстро направить свои удары къ Эривани, къ Эчміадзину и Сардарь-Абаду. Красовскій и выбралъ ее для отдохновенія своего отряда. Онъ подробно написалъ обо всемъ Паскевичу,—и разрѣшеніе не замедлило.

21-го іюня, въ полночь, всѣ передовые отряды, тихо снявшись съ своихъ позицій, соединились въ лагерѣ, откуда тяжести еще съ вечера отправлены были къ Эчміадзину. За часъ до разсвѣта войска стали въ ружье и молча, осторожно двинулись по слѣдамъ обозовъ. Отступленіе произведено было такъ тихо и скрытно, что персіяне узнали о немъ только на слѣдующій день, когда взошедшее солнце неожиданно освѣтило передъ ними пустыя батареи да брошенные редуты — безмолвные остатки еще недавняго присутствія здѣсь русскихъ войскъ. Но ни одного штыка, ни одной казачьей пики не было видно съ самыхъ высокихъ эриванскихъ башенъ, откуда взоръ обнимаетъ огромное пространство.

Радость и ликованіе эриванскихъ жителей, впервые вздохнувшихъ свободно послѣ двухмѣсячной тяжкой блокады, не имѣли предѣловъ. Тысячи людей, собранныхъ въ крѣпость изъ эриванскихъ форштадтовъ и окрестныхъ деревень со всѣмъ имуществомъ, терпѣли въ Эривани чрезвычайную тѣсноту, жаръ и недостатокъ въ продовольствіи. Въ послѣдніе дни блокады персіяне ежедневно хоронили за южными воро-

тами крѣпости по десяти и болѣе человѣкъ. Народъ начиналъ роптать, и сардарь то лаской, то страхомъ и угрозою едва сдерживалъ общее неудовольствіе. И вдругъ, русскіе отступили. Все живое, что было заперто въ тѣсныхъ и душныхъ стѣнахъ Эривани, высыпало теперь въ сады, на свѣжій воздухъ. Самъ старый сардарь, при громѣ крѣпостныхъ орудій, торжественно отправился въ мечеть, благодарить Аллаха за избавленіе отъ нашествія невѣрныхъ, и затѣмъ принималъ у себя почетнѣйшихъ старшинъ и представителей города.

Между тѣмъ, русскій отрядъ на нѣсколько дней остановился въ Эчміадзинѣ; въ монастырѣ оставлялись болѣе тысячи человѣкъ больныхъ, и уже потому необходимо было укрѣпить его, устроить въ немъ гарнизонъ и снабдить провіантомъ, словомъ—привесть въ такое состояніе, чтобы онъ могъ защищаться своими собственными средствами. На другой же день послѣ отступленія отъ Эривани, весь отрядъ, вооружившись мирными орудіями: косами, серпами и топорами,—разсыпался по окрестнымъ полямъ; и пока одни укладывали длинными рядами траву да жали пшеницу, другіе искали въ ближайшихъ деревняхъ дровъ и запасовъ ячменя. Всюду слышны были русскія пѣсни, веселые разсказы, шутки. Казалось, солдаты, припомнивъ тихую жизнь деревень и знакомыя поля, на которыхъ прошла ихъ рѣзвая молодость, забыли и думать о трудахъ, которые ожидали ихъ впереди. Работа кипѣла. И вотъ, мало по малу, вокругъ лагеря и между самыми палатками, уставились снопы собраннаго хлѣба; поднялась молотьба, зашумѣли днемъ и ночью ручные жернова и мельницы, задымился невысокій берегъ Абарани, гдѣ войска въ небольшихъ, наскоро устроенныхъ печахъ пекли себѣ хлѣбъ, булки и лепешки. Перемолотую пшеницу солдаты свозили въ монастырь, гдѣ, по приказанію Красовскаго, за каждую четверть имъ платили по три рубля серебромъ. Въ теченіе шести дней, къ 30 іюня, было собрано достаточное количество запасовъ, и въ то же время три монастырскія башни укрѣплены полевою артиллеріей.

Оставивъ въ Эчміадзинѣ батальонъ Севастопольскаго полка,

пять орудій и конную армянскую сотню, которая сама просилась защищать родной монастырь,—Красовскій съ остальными войсками, 30-го іюня, двинулся по дорогѣ на Ушаканы. Весь отрядъ ночевалъ въ этотъ день за рѣкою Абаранью, въ виду Аштарака. Переходъ былъ чрезвычайно трудный; приходилось идти ущельемъ, противъ сильнаго вѣтра, засыпавшаго солдатъ густыми облаками пыли, и постоянно въ гору. Отрядъ шелъ сплошною колонной. Поздно вечеромъ онъ прибылъ на мѣсто, назначенное для ночлега; но и мѣсто это было усѣяно каменьями, подъ рѣдкимъ изъ которыхъ не было тарантула, скорпіона или фаланги. При всѣхъ предосторожностяхъ противу этихъ смертоносныхъ гадовъ, два солдата и одинъ офицеръ были укушены ими; къ счастью, въ это время года, еще не совершенно созрѣвшій ядъ ихъ дѣйствовалъ не съ полною силой, и при скорой помощи укушенные отдѣлывались болью и опухолью.

На слѣдующій день, 1-го іюля, войска пришли на урочище Дженгули и стали въ прекрасно устроенномъ лагерѣ. Послѣ нестерпимаго зноя, сильныхъ вѣтровъ, нестерпимой пыли и множества всякаго рода гадовъ и насѣкомыхъ, не дававшихъ ни днемъ ни ночью покоя, послѣ сгорѣвшей на поляхъ травы и пожелтѣвшаго хлѣба, — отрядъ вдругъ очутился въ горахъ, почувствовалъ прохладный вѣтерокъ, чистый здоровый воздухъ и увидѣлъ вокругъ себя прелестную зелень, разукрашенную полевыми цвѣтами, увидѣлъ другую весну. Солдаты ожили, минувшіе труды и невзгоды были забыты.

Отступившій русскій отрядъ въ здоровой горной мѣстности былъ, однако, быть можетъ, опаснѣе для Эривани, чѣмъ если бы онъ стоялъ подъ самой крѣпостью, но обезсиливаемый болѣзнями. Ожидая только прибытія осадной артиллеріи, а съ нею и значительныхъ подкрѣпленій, чтобы снова подступить къ Эривани, онъ, какъ грозная туча, висѣлъ надъ нею изъ своего горнаго расположенія. Сардарь, конечно, не могъ не предвидѣть, что русскіе скоро придутъ опять, и спѣшилъ воспользоваться временемъ, чтобы усилить оборону крѣ-

пости, въ которой онъ провелъ 23 года, состарился, и съ которой соединялись его лучшія боевыя воспоминанія. Всѣ строенія форштадта на ружейный выстрѣлъ отъ крѣпостной стѣны были уничтожены; гласисъ значительно возвышенъ; чтобы открыть эспланаду, сардарь не пожалѣлъ даже лучшаго украшенія эриванскихъ окрестностей, и чудный садъ принадлежавшій гарему, о которомъ сардарь такъ много заботился и гдѣ онъ въ знойные дни, подъ тѣнью высокихъ тополей, любилъ отдыхать среди своихъ одалисокъ, — былъ безпощадно вырубленъ до послѣдняго дерева. Разсказывали насмѣшливо, что заботливый сардарь пробовалъ даже отлить какую-то чудовищную пушку, которая однимъ выстрѣломъ должна была положить лоскомъ добрую часть русскаго корпуса, но что это предпріятіе не удалось ему, такъ какъ на всю дульную часть пушки, будто бы, не хватило растопленнаго металла.

Воинственныя приготовленія сардаря указывали, что гроза отдалилась отъ Эривани только на время, и мало по малу ликованіе эриванскихъ жителей охладѣло. Съ безпокойствомъ смотрѣли они на прочное занятіе русскими Эчміадзинскаго монастыря. Въ то же время въ Эривани знали, что весь гарнизонъ Эчміадзина состоитъ изъ одного батальона, и естественная мысль о томъ, нельзя ли взять монастырь, овладѣвала умами все болѣе и болѣе. И вотъ, 4-го іюля, изъ воротъ Эриванской крѣпости выступилъ 4-хъ-тысячный кавалерійскій отрядъ, поддержанный двумя батальонами сарбазовъ, при двухъ пушкахъ. Сардарь шелъ брать Эчміадзинъ. Чрезъ нѣсколько часовъ онъ былъ уже подъ его стѣнами.

Но прежде чѣмъ взяться за оружіе, сардарь, по общепринятому обычаю, отправилъ къ коменданту письмо, съ предложеніемъ сдаться. Онъ говорилъ въ немъ, что русскіе отступили уже въ Грузію, и помощи гарнизону ожидать неоткуда, убѣждалъ не слушать архіепископа Нерсеса, котораго называлъ обманщикомъ, и предлагалъ свободно пропустить войска въ любую сторону, ручаясь за ихъ безопасность. «Въ случаѣ же упорства, — писалъ сардарь: — я возьму монастырь силой, и тогда уже никому не будетъ пощады».

Въ отвѣтъ на предложеніе сардаря, съ монастырской стѣны грянулъ орудійный выстрѣлъ, и граната со свистомъ ударила близъ персидской конницы. Сардарь счелъ благоразумнымъ отойти изъ-подъ выстрѣловъ и ограничиться одною блокадою. Пикеты и разъѣзды его тотчасъ заняли всѣ тропинки, чтобы перервать монастырю всякія сообщенія. Это, однако, не помѣшало нѣсколькимъ армянамъ проскакать въ Дженгули и извѣстить обо всемъ Красовскаго. Генералъ тотчасъ взялъ два батальона съ 4 орудіями — это было 5-го іюля — и двинулся къ монастырю. Сардарь, котораго тотчасъ предупредили объ этомъ движеніи русскихъ, немедленно снялъ блокаду и отступилъ въ Эривань.

Но едва Красовскій возвратился въ свой лагерь, какъ вновь пришли къ монастырю и персіяне. Вообще съ этихъ поръ персидскія войска то и дѣло показывались передъ Эчміадзиномъ; но къ ихъ появленію скоро привыкли. Вѣроятно, персіяне просто старались отвлекать вниманіе гарнизона, чтобы дать время своей конницѣ въ волю накормить своихъ лошадей на открытыхъ пастбищахъ; для того же, чтобы съ другой стороны на нихъ неожиданно не нагрянулъ Красовскій, конный отрядъ въ тысячу всадниковъ расположился на отлогостяхъ горы Алагеза, какъ разъ напротивъ русскаго лагеря, и о малѣйшемъ движеніи въ немъ тотчасъ увѣдомлялъ сардаря. Конный отрядъ этотъ былъ не только бдителенъ, но и отваженъ; это были знаменитые карапапахи, съ своимъ предводителемъ Наги-Ханомъ, не задумывавшимся даже во время присутствія въ Эчміадзинѣ главныхъ силъ Паскевича появляться на его сообщеніяхъ съ Грузіею. И Красовскій, какъ ни старался, ни разу не могъ захватить непріятеля на монастырской равнинѣ.

Впрочемъ, и безъ этой конницы непріятель имѣлъ возможность знать все, что дѣлалось въ русскомъ лагерѣ, такъ какъ персіяне пользовались большимъ числомъ шпіоновъ и лазутчиковъ, между тѣмъ какъ у Красовскаго ихъ не было. Дѣло въ томъ, что сардарь какъ говоритъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ участниковъ похода, — предавалъ пойманныхъ

русскихъ шпіоновъ истязаніямъ, пыткамъ и мучительнымъ казнямъ, и охотниковъ на это ремесло было поэтому не много. Русскій лагерь, напротивъ того, кишѣлъ персидскими лазутчиками, которые были даже среди маркитантовъ и торговцевъ; за шпіонство въ немъ брались охотно, потому что русскіе если и узнавали въ комъ шпіона, то обыкновенно выдерживали подъ арестомъ, много-много что сѣкли, — и затѣмъ выпроваживали изъ лагеря; лазутчикъ, между тѣмъ, опять принимался за свое выгодное ремесло. Сардарь поэтому зналъ рѣшительно все. Ему было извѣстно, что отрядъ Красовскаго значительно ослабленъ болѣзнями, и что подкрѣпленія еще далеко, и онъ рѣшилъ даже извистить наслѣднаго персидскаго принца о своихъ мнимыхъ успѣхахъ. «Эривань — писалъ онъ къ нему, съ обычною восточною хвастливостью: — освобождена отъ блокады; русскіе отброшены въ горы; отрядъ ихъ малочисленъ, разстроенъ, и нѣтъ ничего легче, какъ овладѣть теперь Эчміадзиномъ, отбить осадную артиллерію, двигающуюся еще въ Безобдальскихъ горахъ, и, истребивъ Красовскаго, открыть дорогу въ Грузію»...

Письмо это получено было Аббасъ-Мирзою послѣ пораженія при Джеванъ-Булакѣ и паденія Аббасъ-Абада, когда уже было очевидно, что опасность вступленія русскихъ войскъ въ Адербейджанъ приближается. Чтобы отклонить ударъ, уже висѣвшій надъ его головою, Аббасъ-Мирза остановился на смѣломъ и рѣшительномъ планѣ. Онъ задумалъ броситься отъ Чорса къ Эривани, въ тылъ главнаго русскаго корпуса, разбить слабый отрядъ Красовскаго въ Дженгулинскихъ горахъ, и затѣмъ идти на Тифлисъ. Этимъ онъ вынудилъ бы Паскевича двинуться вслѣдъ за собой, отказавшись отъ наступленія къ Тавризу, и во всякомъ случаѣ освободилъ бы Эривань отъ осады по крайней мѣрѣ до слѣдующей весны. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, персидскій главнокомандующій могъ надѣяться перейти въ наступленіе по всей линіи и вырвать изъ рукъ побѣдителя всѣ плоды его усилій и побѣдъ. Впослѣдствіи, разговаривая съ русскимъ генераломъ барономъ Розеномъ, эриванскій сардарь приписывалъ

этотъ планъ себѣ, утверждая, что Аббасъ-Мирза дѣйствовалъ по его совѣтамъ.

Время отдыха для отряда Красовскаго миновало. Въ ожиданіи близкаго торжества, врагъ становился дерзокъ, и уже до прихода Аббаса-Мирзы были случаи серьезныхъ нападеній съ его стороны. Такъ, 1-го августа, трехтысячный конный отрядъ внезапно атаковалъ на Аштаракской равнинѣ русскій транспортъ, возвращавшійся изъ Эчміадзина въ лагерь съ пустыми телѣгами. Непріятель встрѣтилъ, однако, стойкій отпоръ. Батальонъ Крымскаго полка, состоявшій всего изъ 470 человѣкъ, подъ командою маіора Дрешерна, отразилъ нападеніе, не уступивъ непріятелю ни одной повозки.

Но вотъ, 4-го августа, на Эчміадзинской равнинѣ появляется 30-ти-тысячная персидская армія. Нѣсколько армянъ, ѣздившихъ въ Эривань, одновременно привезли Красовскому это извѣстіе, — и въ истинѣ его нельзя было сомнѣваться уже потому, что главные слухи шли отъ извѣстнаго Саака-Мелика, на дочери котораго былъ женатъ царевичъ Александръ: онъ самъ ѣздилъ въ лагерь Аббаса-Мирзы и своими глазами видѣлъ персидскія полчища.

5-го августа, вся непріятельская армія дневала верстахъ въ 15 отъ Эчміадзина, а 6-го двинулась дальше и заняла деревню Аштаракъ, между Эчміадзиномъ и Дженгулями. Четырехъ-тысячный отрядъ Красовскаго неожиданно очутился лицомъ къ лицу съ главными силами персіянъ.

Въ главномъ русскомъ лагерѣ, у Кара-Бабы, ничего не знали о движеніи Аббаса-Мирзы. Напротивъ, въ то самое время, когда Аббасъ-Мирза стоялъ уже въ Аштаракѣ, и русскія войска должны были готовиться къ неровному бою, Паскевичъ извѣщалъ Красовскаго, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ персидской арміи — бунтъ, что самъ Аббасъ-Мирза арестованъ и содержится въ Чорчѣ подъ карауломъ, а весь багажъ его разграбленъ персіянами. «Такое свѣдѣніе, — говоритъ Красовскій: — во всѣхъ отношеніяхъ противное истинѣ, служило для меня яснымъ доказательствомъ, что въ корпусной квартирѣ вовсе не знали, что Аббасъ-Мирза со

всѣми своими силами стоитъ противъ меня въ Эриванской провинціи, — и я долженъ былъ убѣдиться, что ни въ какомъ случаѣ не могу ожидать подкрѣпленія».

Несмотря на колоссальное превосходство своихъ силъ, Аббасъ-Мирза, однако, не рѣшался сразу напасть на Красовскаго, и обѣ враждебныя арміи нѣкоторое время бездѣйственно стояли, присматриваясь другъ къ другу. Прежде чѣмъ рѣшиться на нападеніе, каждый хотѣлъ вызнать силы и расположеніе своего противника.

10 августа, въ полдень, густая масса непріятельской кавалеріи стала показываться противъ русскаго лагеря, между горою Алагезомъ и правымъ берегомъ Абарани. Казачьи пикеты, отстрѣливаясь и маяча, мало по малу стали сближаться между собою и соединились въ кучку человѣкъ въ 50. Эта кучка твердо держалась на мѣстѣ, а когда подошли изъ лагеря еще двѣ сотни, то весь этотъ небольшой отрядъ вдругъ съ гикомъ бросился съ горы въ долину. Казаки летѣли съ такою стремительностью, что вся персидская конница, конечно предполагавшая ихъ въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, — обратилась въ бѣгство. Казаки ссадили пиками двухъ отличныхъ наѣздниковъ, и возвратились назадъ. Красовскій отмѣчаетъ съ сожалѣніемъ, что въ этомъ дѣлѣ былъ тяжело раненъ саблею хорунжій Андреева полка Крюковъ, извѣстный всему отряду своимъ удальствомъ и храбростію.

Пока происходила эта кавалерійская схватка, верстахъ въ четырехъ отъ нея, у самой подошвы Алагеза, не небольшомъ возвышеніи, стояла кучка непріятельскихъ всадниковъ, осѣненная большимъ пурпуровымъ знаменемъ. Тамъ находился самъ Аббасъ-Мирза. Въ подзорную трубу разсматривалъ онъ мѣстоположеніе русскаго лагеря и съ большимъ огорченіемъ увидѣлъ, что мѣстность, занимаемая русскими, крѣпка — и лагерь почти неприступенъ.

Въ это же самое время Красовскій, съ своей стороны, пожелалъ осмотрѣть персидскій лагерь. Въ часъ пополудни два батальона пѣхоты, съ двумя орудіями, переправились за

Абарань и двинулись прямо по тому направленію, гдѣ вѣяло пурпурное знамя. Аббасъ-Мирза тотчасъ оставилъ свой наблюдательный постъ и удалился въ лагерь. Все, что было на равнинѣ коннаго, обгоняя другъ друга, понеслось по слѣдамъ повелителя. Но, отскакавъ на значительное разстояніе, персидская конница одумалась и пошла шагомъ. Между тѣмъ глубокія рытвины и каменистая отлогость Алагеза замедляли движеніе русскаго отряда; на четвертой верстѣ у обоихъ орудій сломались боевыя оси, и Красовскій, оставивъ при нихъ небольшое прикрытіе, продолжалъ идти безъ артиллеріи.

Но вотъ, остановилась и пѣхота. Генералъ поѣхалъ впередъ въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ офицеровъ и двухъ сотенъ казаковъ, съ тѣмъ чтобы произвести рекогносцировку. Персидскій лагерь весь былъ на виду, и Красовскому въ свою очередь приходилось убѣдиться, что позиція непріятеля также неприступна. Обѣимъ сторонамъ оставалось одно, — стараться выманить противника въ открытое поле.

Такъ прошло два дня. Но 13-го августа, когда Красовскій, сопровождаемый генераломъ Трузсономъ, выѣхалъ по Эчміадзинской дорогѣ произвести новую рекогносцировку, вдругъ, съ аванпостовъ дали знать въ лагерь, что непріятель наступаетъ въ огромныхъ силахъ. Два казачьихъ пикета были сняты; остальные бойко отбивались на мѣстѣ отъ нападавшей на нихъ персидской конницы, и не пускали ее впередъ. Въ лагерѣ, между тѣмъ, ударили тревогу; пѣхота становилась въ ружье, артиллерія запрягала лошадей и выѣзжала на позицію; за Красовскимъ тотчасъ послали батальонъ съ орудіемъ. А непріятель все приближался. Вотъ уже грянулъ пушечный выстрѣлъ, и мало по малу начала разгораться канонада, — а командующаго отрядомъ все не было. Въ лагерѣ шопотомъ начали выражать опасенія, чтобы онъ не попалъ въ руки персіянъ.

И Красовскій, дѣйствительно, подвергался серьезной опасности. Онъ ѣхалъ ущельемъ горы Карны-Ярыхъ, откуда до самой Абарани, пересѣкая монастырскую дорогу, шла глубокая рытвина. Сюда ежедневно ходилъ казачій разъѣздъ,

узнавать посредствомъ телеграфа, что дѣлается въ Эчміадзинѣ. Отъ лагеря до этого мѣста было верстъ пятнадцать. Персіяне, уже давно выслѣживавшіе въ этомъ мѣстѣ казаковъ, какъ разъ въ этотъ день устроили засаду, чтобы схватить разъѣздъ въ то время, какъ изъ атакованнаго лагеря ему не могли бы дать помощи. И спасли Красовскаго только зоркость глаза да чуткое ухо лихого офицера, ѣхавшаго впереди съ пятью казаками. Онъ издали наглядѣлъ засаду и во-время остановилъ генерала. А тутъ вдругъ донесся изъ лагеря гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, и Красовскій повернулъ назадъ. 500 человѣкъ отчаянныхъ персидскихъ всадниковъ, опасаясь упустить добычу, выскочили изъ оврага и понеслись въ погоню. Быть можетъ, Красовскому и не уйти бы отъ кровныхъ куртинскихъ коней, летѣвшихъ какъ вѣтеръ, — но показался батальонъ пѣхоты, бѣгомъ спѣшившій изъ лагеря навстрѣчу къ генералу; персіяне сдержали коней и повернули назадъ.

Когда Красовскій вернулся въ лагерь, непріятель уже прекратилъ наступленіе и орудійный огонь замолкъ. Но опасность не прекратилась, и только грозила теперь съ другой стороны. Сильная непріятельская колонна обходила лагерь и выдвигалась на дорогу въ Судагентъ, — а оттуда въ этотъ день ожидали пріѣзда въ лагерь тифлисскаго военнаго губернатора, генерала Сипягина, возвращавшагося изъ Кара-Бабы, отъ Паскевича. Красовскій еще съ вечера отправилъ навстрѣчу къ нему батальонъ севастопольцевъ; но видя теперь, что персіяне идутъ въ томъ направленіи въ значительныхъ силахъ, взялъ еще два батальона съ четырьмя орудіями и выдвинулся съ ними самъ на Судагентскую дорогу. Скоро вдали послышалась перестрѣлка, и затѣмъ непріятельская колонна безпорядочною толпою отступила обратно въ лагерь: севастопольцы и одни справились съ нею. Нужно, однако, сказать, что большую услугу оказали имъ въ этотъ день конгревовы ракеты, въ первый разъ въ эту войну пущенныя здѣсь въ дѣло; онѣ совершенно ошеломили непріятельскую пѣхоту, не говоря уже о конницѣ, которая въ паническомъ страхѣ разсѣялась при первыхъ выстрѣлахъ.

Сипягинъ прибылъ въ лагерь вмѣстѣ съ Красовскимъ. Тамъ, посреди живописныхъ горъ, слегка запорошенныхъ снѣгомъ, на небольшой равнинѣ съ пожелтѣвшею травою, выстроены были войска, и нарядный караулъ, съ прекрасною музыкою Крымскаго полка, встрѣтилъ губернатора обычными почестями. Сипягинъ привезъ извѣстіе, что осадная артиллерія уже перевозится черезъ Памбу и дней черезъ пять будетъ въ лагерѣ.

Послѣ обѣда, проводивъ батальонъ Севастопольскаго полка, въ тотъ же день выступавшій въ Джелалъ-Оглы за провіантомъ, Красовскій предложилъ Сипягину «отдать визитъ наслѣдному принцу за утреннее посѣщеніе имъ русскаго лагеря». И вотъ, два батальона, двѣ сотни казаковъ и два орудія перешли съ ними Абарань. Вся равнина тотчасъ же покрылась персидскими всадниками, скакавшими къ своему лагерю, гдѣ скоро все пришло въ движеніе. Оба генерала, сопровождаемые казачьимъ эскортомъ, поднялись на возвышеніе и осмотрѣли непріятельскую позицію. Непріятель осыпалъ ихъ ружейнымъ огнемъ. Въ 6 часовъ вечера отрядъ съ пѣснями возвратился въ лагерь.

А въ лагерѣ уже ожидали Красовскаго лазутчики, съ вѣстями весьма тревожнаго свойства. Значительныя силы персидской конницы намѣревались ночью выступить на Талынь и занять дорогу къ Гумрамъ; до тысячи карапапаховъ, предводимые самимъ Наги-Ханомъ, уже показались на русской границѣ около Мокрыхъ горъ, а грузинскому царевичу Александру дано два батальона сарбазовъ и двухтысячная конница, для набѣговъ на самую Грузію. Извѣстія эти заставили Сипягина поспѣшить отъѣздомъ въ Тифлисъ. 15 іюня, утромъ, онъ выѣхалъ изъ лагеря и съ дороги послалъ приказаніе, чтобы двѣ роты 41 егерскаго полка, стоявшія на турецкой границѣ, около Цалки, немедленно передвинулись въ Башкичетъ, а батальонъ Севастопольскаго полка, посланный изъ отряда Красовскаго въ Джелалъ-Оглы за транспортомъ, шелъ въ Гумры, куда направлены были еще рота Тифлисскаго полка и два орудія. Граница была теперь при-

крыта; но, за то, небольшой отрядъ Красовскаго, имѣвшій передъ собою значительную персидскую армію, былъ еще ослабленъ на цѣлый батальонъ.

Между тѣмъ, 15-го іюня, въ то самое утро, какъ Сипягинъ выѣхалъ въ Тифлисъ, непріятельская конница снова приблизилась къ лагерю Красовскаго и, разсыпавшись по Джингулинскому полю, зажгла его, чтобы лишить русскихъ подножнаго корма. Опасности въ этомъ, однако, большой не было: горѣла только сухая, негодная трава, зеленая же, еще сохранившаяся въ сырыхъ и низменныхъ мѣстахъ, оставалась невредимою. Въ два часа персіяне, оставивъ за собою пылающія поля, потянулись къ Ушакану, куда въ этотъ день перенесенъ былъ ихъ главный лагерь. Красовскаго извѣстили, что всѣ силы Аббаса-Мирзы направятся на Эчміадзинъ, который могъ очутиться въ весьма тяжеломъ положеніи. Аббасъ-Мирза вѣрно разсчиталъ, что опасность, грозившая монастырю, вынудитъ Красовскаго спуститься съ горъ и выйти въ открытое поле.

XXVIII.

Аштаракская битва.

а рѣчкѣ Абарани, на пути въ Эчміадзинъ изъ Дженгулинскихъ горъ, гдѣ стоялъ лагеремъ Красовскій, лежитъ селеніе Ушаканъ. Около него раскинулся обширный персидскій лагерь. Перенесеніе персидскаго лагеря къ Ушакану было не даромъ. Всѣ обстоятельства убѣждали Аббаса-Мирзу, что Красовскій, укрѣпившись въ горной позиціи, намѣренъ держаться оборонительной системы, и вотъ, наслѣдникъ персидскаго трона рѣшился направить ударъ въ самое сердце христіанскаго населенія, двинувъ, 15 августа, большую часть своихъ силъ, подъ начальствомъ Юсупъ-Хана, на Эчміадзинъ. Онъ справедливо предвидѣлъ, что движеніемъ этимъ Красовскій вынужденъ будетъ выйти въ открытое поле, такъ какъ положеніе Эчміадзина, защищаемаго однимъ только батальономъ Севастопольскаго полка, дѣйствительно, могло внушать ему серьезныя опасенія.

Комендантомъ Эчміадзина былъ въ то время старый артиллеристъ, полковникъ Линденфельденъ, одинъ изъ лучшихъ штабъ-офицеровъ 20-й дивизіи. Внезапное появленіе персид-

скихъ полчищъ передъ монастыремъ не смутило его. На предложеніе сдать Эчміадзинъ, онъ отвѣтилъ лаконически однимъ рѣшительнымъ словомъ: «не сдамъ». Когда персидскіе сановники, разсыпая передъ нимъ перлы своего краснорѣчія, пытались переманить его въ шахскую службу, онъ сказалъ, что «русскіе собою не торгуютъ, а если монастырь персіянамъ нуженъ, то пусть они войдутъ въ него, какъ честные воины, съ оружіемъ въ рукахъ». Упорство коменданта заставило Юсупъ-Хана обратиться къ другому средству, и онъ написалъ къ архіепископу Нерсесу письмо слѣдующаго содержанія: «Если ты добровольно не отворишь ворота, то я окружу монастырь всею артиллеріею, пушками, мортирами— и разорю его до основанія. Тогда, Нерсесъ, грѣхъ будетъ лежать уже на твоей душѣ».—Обитель сильна защитою Бога,— отвѣчалъ Нерсесъ: — попытайся взять ее»... Тогда персіяне поставили свои батареи и къ вечеру открыли такой сильный орудійный огонь, что гулъ канонады доносился до русскаго лагеря и сильно волновалъ Красовскаго.

Началась строжайшая блокада монастыря, прервавшая всѣ сообщенія съ нимъ. Нѣсколько армянъ и татаръ, пытавшихся пробраться изъ русскаго лагеря въ Эчміадзинъ и изъ Эчміадзина въ лагерь, были захвачены персіянами; двумъ изъ нихъ выкололи глаза, двумъ отрѣзали носы и обрубили уши, а нѣсколько человѣкъ изъ нихъ и совсѣмъ пропали безслѣдно. Красовскій не могъ быть уже увѣреннымъ, что получитъ извѣстіе даже въ томъ случаѣ, если бы монастырю угрожала самая крайняя опасность. Нѣсколько свѣдѣній о намѣреніяхъ непріятеля онъ, правда, получилъ, но только отъ четырехъ сарбазовъ, бѣжавшихъ изъ персидскаго стана. Они говорили, что эриванскій сардарь далъ слово Аббасѣ-Мирзѣ поднести ему черезъ два дня ключи Эчміадзина, а Аббасъ-Мирза, съ своей стороны, обѣщалъ сардарю подарить для Эриванской крѣпости всю русскую осадную артиллерію. То, что сообщали эти бѣглые, вскорѣ подтвердилось извѣстіемъ и изъ самой Эривани. Тамъ проживалъ въ то время одинъ изъ армянскихъ старшинъ, Исакъ-Меликъ, человѣкъ преданный Россіи, и онъ-

то сообщилъ Красовскому планъ Аббаса-Мирзы, заключавшійся въ томъ, чтобы сначала взять и разрушить до основанія Эчміадзинъ, а затѣмъ, оставивъ Красовскаго въ Дженгуляхъ прикрывать дорогу, идущую изъ Эриванской области черезъ горы Памбу и Безобдалъ,—самому, со всѣми силами, устремиться въ Грузію черезъ Гумры. Путь этотъ былъ трудный, но весьма удобный для движенія войскъ съ артиллеріей, и притомъ защищаемый всего только однимъ батальономъ Севастопольскаго полка. Такимъ образомъ, Аббасъ-Мирза разсчитывалъ свободно овладѣть Тифлисомъ, но не останавливаться въ немъ, а только разрушить его, и затѣмъ черезъ Елизаветполь и Карабагскую провинцію возвратиться въ Адербейджанъ черезъ Асландузскій бродъ или Худоперинскій мостъ. Цѣлью этого быстраго кругового движенія предполагалось, сверхъ разрушенія Тифлиса, истребленіе на всемъ пути продовольственныхъ средствъ. Планъ былъ задуманъ очень хорошо, и показывалъ, насколько правъ былъ осторожный Ермоловъ, предвидя для Грузіи многочисленныя опасности, которыхъ не хотѣли видѣть и признавать другіе. «Все это—сознается Красовскій:—Аббасъ-Мирза легко могъ исполнить, ибо не встрѣтилъ бы нигдѣ болѣе одного батальона для защиты въ теченіе 10—15 дней; и тогда всѣ наши войска, находившіяся въ главныхъ силахъ при Кара-Бабѣ, въ Дженгули и вообще въ Эриванской и Нахичеванской провинціяхъ, должны были бы, необходимо, претерпѣвши бѣдствія безъ продовольствія, возвратиться въ Грузію и тамъ искать онаго для своего спасенія»...

Самъ Красовскій очутился въ положеніи весьма тяжеломъ. Ожидая осадной артиллеріи, а вмѣстѣ съ ней и Кабардинскаго полка, находившагося всего въ трехъ-четырехъ переходахъ, онъ не могъ идти на выручку Эчміадзина и томился нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Между тѣмъ, начавшаяся съ ранняго утра 16-го августа, подъ монастыремъ, сильнѣйшая канонада гремѣла на равнинѣ до самаго полудня, показывая серьезныя намѣренія непріятеля разгромить Эчміадзинъ. Въ такихъ обстоятельствахъ одинъ часъ промедленія могъ сдѣ-

лать невозвратный поворотъ въ цѣломъ ходѣ кампаніи. Красовскій горѣлъ отъ нетерпѣнія. «Монастырь въ опасности, — говорилъ онъ: — надо идти»...

Разсказываютъ, будто бы, какъ нарочно, въ этотъ день ему доложили, что въ Эчміадзинѣ нѣтъ провіанта. Это оказалось впослѣдствіи простымъ недоразумѣніемъ, вызваннымъ какою-то путаницею въ книгахъ, въ графахъ, обозначавшихъ муку и крупу; хлѣба въ Эчміадзинѣ было еще много. Но это извѣстіе, вмѣстѣ съ словесною просьбой Нерсеса поспѣшить на помощь, порѣшило дѣло, окончательно утвердивъ Красовскаго въ намѣреніи идти въ Эчміадзинъ и, во что бы то ни стало, доставить туда быстро сформированный имъ транспортъ съ продовольствіемъ. Многіе пытались отклонить его отъ этого опаснаго движенія; но онъ остался непреклоненъ. Старый ветеранъ наполеоновскихъ войнъ, человѣкъ безупречной храбрости, Красовскій вѣрилъ въ доблесть русскаго солдата и разсчитывалъ легко управиться съ нестройными персидскими полчищами. «По многимъ опытамъ—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ:—я въ полной мѣрѣ могъ положиться на усердіе, неустрашимость и довѣріе ко мнѣ, одушевлявшія моихъ офицеровъ и солдатъ.»

Красовскій спѣшилъ выступить къ Эчміадзину. Къ походу назначены были весь 40 егерскій полкъ, по батальону отъ полковъ Крымскаго пѣхотнаго и 39 егерскаго, два казачьихъ полка и 12 орудій 3-й легкой роты 20 артиллерійской бригады. Къ нимъ присоединился особый сводный батальонъ, составленный Красовскимъ изъ двухъ ротъ, отдѣленныхъ отъ 40-го полка, 60 піонеръ, 80 стрѣлковъ Севастопольскаго полка и 60 человѣкъ пѣшей грузинско-армянской дружины. Двухмѣсячное пребываніе въ Эриванской провинціи настолько ослабило войска, что въ батальонахъ едва насчитывалось по 450 штыковъ, а казачьи полки, оба вмѣстѣ, не могли выставить болѣе 300 всадниковъ,—такъ что общая сила выступавшаго теперь отряда не превышала 1800 человѣкъ пѣхоты и 500 человѣкъ конницы, если не считать незначительной добавки къ казакамъ конныхъ армянъ, татаръ и грузинъ. Въ лагерѣ,

для прикрытія его, оставались только батальонъ Крымскаго полка, 60 человѣкъ піонеровъ и 10 орудій, подъ командою генералъ-маіора Берхмана. И въ тотъ же день, когда загорѣлась подъ монастыремъ канонада, встревожившая Красовскаго, отрядъ, въ пять часовъ пополудни, уже совершенно готовый къ выступленію, выстроился на небольшой площадкѣ передъ своими палатками. Къ нему выѣхалъ Красовскій.

— Ребята!—говорилъ онъ, объѣзжая фронтъ и здороваясь съ солдатами:—я увѣренъ въ вашей храбрости, знаю готовность вашу бить непріятеля. Въ какихъ бы силахъ онъ съ нами ни встрѣтился,—мы не будемъ считать его. Мы сильны передъ нимъ единствомъ нашего чувства: любовью къ отечеству, вѣрностью присягѣ, исполненіемъ священной воли нашего государя. Помните, что строгій порядокъ и устройство всегда приведутъ васъ къ побѣдѣ. Побѣжитъ непріятель — преслѣдуйте его быстро, рѣшительно, но не разстраивайте рядовъ вашихъ, не увлекайтесь запальчивостію. У персіянъ много конницы; потому стрѣлкамъ не отходить на большія дистанціи и, въ опасныхъ случаяхъ, быстро собираться въ кучки. Васъ, гг. офицеры, прошу имѣть за этимъ строжайшее наблюденіе. Надѣюсь, ребята, что мои желанія исполнятся въ точности, что порядокъ, тишина и безусловное повиновеніе будетъ для каждаго изъ васъ святою и главною обязанностію».

Началось напутственное молебствіе. Колѣнопреклоненно молился отрядъ, готовясь идти на бой, исходъ котораго былъ скрытъ за непроницаемою завѣсою будущаго. Всѣ знали, что идутъ на битву неравную,—и всѣ хотѣли найти утѣшеніе въ горячей молитвѣ. Необъяснимо велика та минута, когда чувствуется уже кругомъ вѣяніе смерти и каждый ежеминутно готовится предстать передъ лице Божіе!.. Благоговѣйно приложились къ святому кресту офицеры и стали по своимъ мѣстамъ. Священникъ,—это былъ благочинный 20-й дивизіи, Тимофей Мокрицкій,—окропилъ знамена святою водою и направился къ отряду, молча и неподвижно стоявшему съ обнаженными головами. Сзади шли пѣвчіе и пѣли: «побѣды

благовѣрному императору нашему на супротивные даруя». Осѣнивъ колонну крестомъ и окропивъ ее святою водою, священникъ прошелъ по рядамъ, еще разъ остановился впереди и, возвысивъ животворящій крестъ, послѣ минутнаго молчанія, сказалъ:

«Братцы! Не устрашитесь многочисленности враговъ вашихъ. Многочисленность ихъ прославитъ только мужество ваше, доставитъ вамъ еще бо́льшія лавры и почести. Всемогущій Богъ, сильный и въ маломъ числѣ своихъ избранныхъ, истребитъ многолюдныя полчища враговъ, не вѣдающихъ святаго имени Его. Вооружите же, православные воины крѣпкіе мышцы ваши побѣдоноснымъ русскимъ мечемъ, духъ—храбростію, сердце — вѣрой и упованіемъ на Бога, помощника вашего, — и Той сохранитъ и прославитъ васъ!»

Еще разъ благословилъ онъ всѣхъ на путь добрый, на славу оружія,—и благоговѣйно склонили свои головы солдаты, изъ которыхъ многіе принимали послѣднее благословеніе.

Но вотъ, пробили отбой,—и войска тронулись по Эчміадзинской дорогѣ. Въ самомъ хвостѣ колонны медленно потянулся обозъ, составленный изъ легкихъ артельныхъ повозокъ, артиллерійскихъ дрогъ и тяжелыхъ провіантскихъ фуръ, до верху нагруженныхъ провіантомъ. Солдаты шли бодро и весело,—вездѣ гремѣла музыка, пѣлись пѣсни.

Отъ Дженгули до Эчміадзина всего 35 верстъ, и Красовскій рѣшилъ сдѣлать ихъ въ два перехода. Уже вечерѣло, когда отрядъ, поднявшись на одно изъ возвышеній, увидѣлъ вдали густую цѣпь непріятельскихъ разъѣздовъ. По всему пространству, раскинувшемуся передъ глазами русскихъ, началась бѣшеная скачка; это персидскіе разъѣзды спѣшили въ свой лагерь съ извѣстіями о появленіи русскихъ. И черезъ полчаса, по всему протяженію персидской позиціи, на горѣ и вокругъ ея, при Ушаканѣ, поднялись тучи пыли, которыя, постепенно увеличиваясь, вмѣстѣ съ тѣмъ распростирались по дорогамъ къ Эчміадзину и Сардарь-Абаду. Было очевидно, что лагерь снялся, и что конница персидская скакала на равнину, окружающую монастырь. Войска, между тѣмъ, спусти-

лись въ долину, противъ самаго селенія Сагну-Саванга, и стали въ боевомъ порядкѣ на ночлегъ. Было 9 часовъ вечера.

День 17 августа обѣщалъ быть необычайно знойнымъ. Какъ ни рано выступили съ ночлега войска, но солнце уже жгло; а дорога, между тѣмъ, шла черезъ горы, представлявшія собою мѣстность каменистую и въ полномъ смыслѣ слова безводную. Обозъ на первыхъ же порахъ сталъ отставать, повозки ломались, падали; люди помогали тащить тяжелыя арбы и, несмотря на раннее утро, уже задыхались отъ жажды.

Часовъ въ 7 утра колонна взобралась, наконецъ, на скалистый подъемъ и здѣсь остановилась; предстоявшій спускъ съ горы былъ еще страшнѣе для артиллеріи, чѣмъ былъ подъемъ. Во время привала Красовскій внимательно осматривалъ въ зрительную трубу окрестность. И то, что было передъ нимъ, не представляло ничего утѣшительнаго. Все видимое пространство на правомъ берегу рѣки было усѣяно непріятельскою конницею; непріятельскія толпы переходили Абарань со стороны Аштарака, и гора, подъ которой стоитъ Ушаканъ, и которая еще вчера казалась покинутою непріятелемъ, теперь снова была покрыта войсками и укрѣплялась батареями; на лѣвомъ берегу Абарани, по которому шелъ русскій отрядъ, на крутыхъ возвышеніяхъ противъ Ушаканской горы также стояло до 10 тысячъ персидской пѣхоты съ сильной артиллеріей.

И уже въ то время, какъ русскій отрядъ былъ на привалѣ, до 300 человѣкъ персидской конницы близко подскочили къ колоннамъ, спѣшились, залегли за камни и открыли ружейный огонь. Взводъ стрѣлковъ оттѣснилъ ихъ. Но вслѣдъ затѣмъ двѣ кавалерійскія колонны, числомъ уже до 5 тысячъ, вдругъ, какъ двѣ черныя тучи, выдвинулись изъ глубокой рытвины и стали на самой дорогѣ, лежавшей передъ русскими. Это былъ какъ бы прямой вызовъ на битву. Но едва граната изъ батарейнаго орудія со свистомъ очертила въ воздухѣ свою кривую линію и упала вблизи враговъ, какъ вся эта конница вихремъ пронеслась черезъ дорогу и стала на высотахъ съ лѣвой стороны ея.

Видя, что отрядъ медлитъ спуститься съ горы, персіяне начинали думать, что Красовскій не надѣется пробиться къ Эчміадзину и намѣренъ отступить въ свой лагерь. Аббасъ-Мирза, опасавшійся этого болѣе всего, предпринялъ военную хитрость: онъ сдѣлалъ видъ, что отступаетъ самъ, и, отодвинувъ назадъ свою пѣхоту къ рѣкѣ, спряталъ ее въ балкѣ. Красовскій улыбнулся. «Каковъ Аббасъ-Мирза!» — сказалъ онъ полковымъ командирамъ, собравшимся къ нему за приказаніями.

Намѣренія непріятеля были совершенно ясны. Отъ возвышенности гдѣ стояли русскіе, дорога къ Эчміадзину пролегала между двумя рядами небольшихъ, но крутыхъ возвышенностей, образовывавшихъ собою узкую лощину, почти ущелье. Въ этомъ-то ущельѣ, на самой дорогѣ, непріятель и думалъ запереть русскій отрядъ, чтобы затѣмъ истребить его губительнымъ перекрестнымъ огнемъ справа и слѣва.

Красовскому, только и видѣвшему впереди Эчміадзинъ съ его опаснымъ положеніемъ, и потому не допускавшему и мысли объ отступленіи, приходилось принять страшный неравный бой, съ весьма невѣрными надеждами на успѣхъ, котораго не обѣщала, между прочимъ, и неопытность храбрыхъ солдатъ. Уже восемь мѣсяцевъ 20-я дивизія находилась въ Грузіи; но, перенося всевозможные труды, она ни разу еще не встрѣчалась съ непріятелемъ въ упорномъ и жаркомъ бою. Происходившія до того времени ничтожныя стычки только укрѣпили солдатъ въ презрительномъ отношеніи къ противникамъ, но не дали имъ ни опыта, ни той великой вѣры въ самихъ себя, въ которой заключалась вся тайна чудесныхъ подвиговъ Карягиныхъ и Котляревскихъ. Если бы войска Красовскаго дѣйствовали налегкѣ, они, быть можетъ, еще и были бы способны вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть чудовищно-неравнаго боя, когда одному приходилось сражаться противъ десятерыхъ; но за войсками шелъ нескончаемый транспортъ, и онъ вязалъ солдатъ по рукамъ и ногамъ, лишая ихъ необходимой свободы дѣйствій.

Такъ или иначе, но отрядъ пошелъ впередъ. Отдохнувши и стянувъ обозы, онъ началъ спускаться въ страшное между-

горье, грозившее отовсюду опасностями. Тамъ уже невозможно было идти широкимъ боевымъ фронтомъ, и потому Красовскій расположилъ свои войска слѣдующимъ образомъ: Впереди, по обѣ стороны дороги, пошелъ батальонъ 39-го егерскаго полка: двѣ роты съ двумя орудіями справа, двѣ роты съ двумя же орудіями слѣва; за нимъ слѣдовалъ Крымскій батальонъ въ томъ же порядкѣ, и тоже съ четырьмя орудіями; по самой дорогѣ длинною лентой тянулся обозъ, прикрытый справа сводным батальономъ, слѣва — казачьими полками; и, наконецъ, шелъ арьергардъ. Такъ, какъ, проходя къ Эчміадзину мимо Ушакана, отрядъ оставлялъ въ тылу у себя непріятельскій лагерь, то въ арьергардъ назначены были солидныя силы — весь 40-й егерскій полкъ съ четырьмя орудіями.

Толпы персіянъ, между тѣмъ, быстро увеличивались новыми толпами, приходившими изъ-за Абарани, и, пропустивъ мимо себя колонны, стали насѣдать на арьергардъ, въ то же самое время грозною тучей подвигаясь слѣва, чтобы не дать отряду возможности уклониться въ сторону и выйти изъ-подъ огня батарей, стоявшихъ за рѣкою. И вотъ, едва отрядъ приблизился къ пункту, противъ котораго за рѣкою лежитъ Ушаканъ, какъ съ противоположнаго берега загремѣла персидская артиллерія, которая и продолжала обстрѣливать двигавшіяся войска на протяженіи нѣсколькихъ верстъ; а отклониться изъ-подъ выстрѣловъ въ сторону не представлялось никакой возможности. Едва солдаты вышли изъ-подъ батарей ушаканскихъ, какъ попали подъ огонь другихъ, которыя, переправившись изъ-за Абарани, уже заняли позицію на скатахъ между рѣкой и отрядомъ. Въ то же время 8 орудій громили отрядъ въ тылу и съ лѣвыхъ высотъ, стрѣляя по русскимъ батареямъ и вдоль обоза.

Положеніе отряда становилось съ каждымъ шагомъ опаснѣе. Вся непріятельская пѣхота, скрытая въ оврагѣ, выдвинулась теперь опять на возвышенія и быстро шла впередъ, чтобы захватить въ свои руки выходъ изъ ущелья. На помощь къ ней, влѣво отъ отряда, по высотамъ, скакалъ пятиты-

сячный конный отрядъ. Непріятель стремился соединиться впереди, чтобы сомкнуться въ кольцо и совершенно окружить отрядъ. «Отступленіе отъ этого мѣста — говоритъ Красовскій: — дѣлало потерю Эчміадзина невозвратною, а малѣйшая медленность могла ободрить персіянъ и ослабить довѣренность ко мнѣ подчиненныхъ». И вотъ, онъ, чтобы открыть себѣ путь въ монастырь, приказалъ головнымъ колоннамъ 39-го полка стремительно ударить на враговъ. Къ счастію, егеря успѣли взбѣжать на высоты прежде, чѣмъ непріятель соединился, и сильнымъ огнемъ разстроили его намѣренія: непріятельская конница, осыпанная ихъ выстрѣлами, была отбита назадъ, и пѣхота — остановилась сама. За то теперь всѣ силы непріятеля обрушились на русскій арьергардъ съ цѣлію по возможности замедлить движеніе отряда. Напрасно Красовскій приказывалъ спѣшить отступленіемъ, чтобы скорѣе миновать гибельное ущелье, — исполненіе этого встрѣчало неодолимыя трудности.

Утомленные пятичасовымъ сраженіемъ, солдаты начинали обезсиливать. А непріятельская пѣхота нападала на арьергардъ все съ большей и большей яростью. Помощи отряду ждать было неоткуда, онъ защищался отчаянно, — и врагамъ дорого доставались его нападенія: картечь била ихъ массами. Мужество солдатъ 40-го полка превосходило всякое представленіе. До подошвы горы, откуда начиналась уже Эчміадзинская равнина, оставалось четыре версты; но эти черыре версты для 40-го полка и артиллеріи, дѣйствовавшей съ нимъ, были поистинѣ ужасны.

Дорога становилась здѣсь каменистѣе и труднѣе. Артиллерія прыгая по камнямъ, едва-едва подвигалась въ извилинахъ ущелья; отъ лошадей валилъ густой паръ, оси трещали, ломались колеса, и каждая подбитая или упавшая арба, загораживая путь, останавливала движеніе. Замѣшательство въ войскахъ при этомъ естественно росло, и люди, сбившіеся въ кучу, падали подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля. Съ каждымъ шагомъ впередъ потери становились значительнѣе. Пришлось подкрѣпить арьергардъ цѣлымъ батальономъ крым-

цевъ, и Красовскому не разъ приходилось самому водить въ штыки то ту, то другую роту, чтобы только дать время остальнымъ уйти вслѣдъ за обозами. Тогда орудія съ величайшимъ трудомъ бралась на передки и до слѣдующаго дѣйствія отступали съ полумертвою прислугою. Усталость людей доходила до буквальнаго изнеможенія, потери — до невозможности дѣйствовать артиллеріею. Многіе солдаты падали при своихъ орудіяхъ и, облокотясь на камень, равнодушно отдыхали подъ градомъ непріятельскихъ пуль.

Въ одинъ изъ такихъ-то моментовъ пришлось прикрывать отступленіе черезъ опасный спускъ двумъ орудіямъ 3-й легкой артиллерійской роты, при которыхъ находился самъ командиръ батареи, капитанъ Соболевъ. Картечь и пули осыпали его со всѣхъ сторонъ. Красовскій видѣлъ, что если орудія не удержатся и отступятъ преждевременно, пѣхота неминуемо погибнетъ подъ натискомъ непріятеля, — и самъ поскакалъ на батарею, чтобы ободрить артиллеристовъ. Его встрѣтилъ Соболевъ, «веселый и сіяющій». «Будьте спокойны, ваше превосходительство, — отвѣчалъ онъ, выслушавъ приказаніе не отступать ни въ какомъ случаѣ: — двадцать персидскихъ орудій меня не собьютъ!» — И онъ, дѣйствительно, отступилъ не прежде, какъ получивъ приказаніе. «Мужество и неустрашимость, — говоритъ Красовскій: достойныя изумленія!»

Едва Соболева смѣнилъ на спускѣ другой артиллерійскій взводъ съ полковникомъ Гилленшмитомъ, какъ непріятельское ядро раздробило ось у батарейнаго орудія. Его стали перекладывать на запасный лафетъ. Непріятель воспользовался этимъ моментомъ, чтобы броситься въ атаку. Красовскій, видя смущеніе растерявшихся людей, самъ явился среди нихъ и очутился подъ страшнымъ картечнымъ огнемъ, которымъ персіяне очевидно хотѣли заставить бросить подбитое орудіе. Стрѣлковая цѣпь на этомъ пунктѣ скоро была сбита. «Ваше превосходительство! — сказалъ Красовскому Гилленшмитъ: — я васъ прошу, оставьте меня съ орудіемъ на жертву, но не подвергайтесь сами столь очевидной опасности. Будьте увѣ-

рены, что мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы спасти орудіе».— «Я останусь съ вами», — отвѣтилъ Красовскій. Онъ приказалъ двумъ ротамъ 40-го полка, подъ командою маіора Щеголева, не уступать ни шагу непріятелю, а самъ поскакалъ къ резерву и крикнулъ: «Ребята! за мною! выручайте пушку!» Его одушевленіе сообщилось всѣмъ. Солдаты врѣзались въ густую толпу персіянъ, уже бѣжавшихъ къ орудію, и отбросили ихъ. А пока шла рукопашная схватка, артиллеристы успѣли подхватить и вывезти орудіе.

Самъ Красовскій едва избѣжалъ при этомъ гибели. Лошадь подъ нимъ была убита. Когда онъ пересѣлъ на другую, непріятельская граната осыпала его своими осколками. Онъ былъ контуженъ въ руку, и контуженъ такъ сильно, что правая ключица оказалась раздробленною. Почти въ томъ же моментъ другимъ осколкомъ убило подъ нимъ и вторую лошадь. Поручикъ Пожидаевъ, командовавшій стрѣлками, подвелъ ему свою; но Красовскій уже не могъ сѣсть на нее безъ посторонней помощи; его посадили егеря. «Я старался—говоритъ Красовскій: — скрывать невыносимую боль въ рукѣ и казаться спокойнымъ, чтобы ободрять людей вездѣ, гдѣ намъ угрожала наибольшая опасность». А въ это время подбѣжалъ къ Красовскому батальонный адъютантъ, поручикъ Симановскій, съ извѣстіемъ, что непріятель сильно тѣснитъ первый батальонъ егерей, и что маіоръ Щеголевъ опасно раненъ двумя пулями въ ногу и голову. Опасаясь, чтобы потеря этого любимаго солдатами офицера не поколебала твердости его батальона, Красовскій поскакалъ къ егерямъ. Онъ нашелъ ихъ стоявшими подъ страшнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ; легкое орудіе, изъ батареи Соболева, находившееся при батальонѣ, бездѣйствовало, а непріятель находился отъ него уже не болѣе ста шаговъ. «Отчего не стрѣляютъ? Стрѣлять картечью!» крикнулъ Красовскій. Но фейерверкеръ Ковригинъ спокойно отвѣтилъ ему: — «Ваше превосходительство! у меня осталось только два картечные заряда, и я храню ихъ на крайній случай»... «Я готовъ былъ въ ту же минуту обнять и разцѣловать этого стараго служаку»,

говоритъ Красовскій. Къ счастью, въ это время подвезли зарядный ящикъ. Орудіе грянуло, — и непріятель укрылся за высоты.

Едва отразили враговъ на этомъ пунктѣ, какъ Красовскій замѣтилъ, что часть непріятельской конницы быстро перенеслась черезъ дорогу и скрылась слѣва за гребнемъ ущелья. Опытнымъ взглядомъ окинулъ генералъ поле сраженія, стараясь угадать причину этого движенія, и тотчасъ же увидѣлъ два русскія легкія орудія, которыя слишкомъ выдались впередъ, безъ прикрытія, энергически сдерживая своимъ огнемъ непріятеля, старавшагося сбить лѣвую цѣпь. Очевидно было, что эти-то незащищенныя орудія и манили къ себѣ персидскую конницу. Закрытая рядомъ холмовъ, она была отъ нихъ уже всего саженяхъ въ тридцати, какъ прискакалъ сюда Красовскій. Блѣдный, съ перевязанною рукою, онъ соскочилъ съ коня и сталъ во главѣ 30 егерей, прибѣжавшихъ вслѣдъ за отважнымъ начальникомъ. Въ этотъ моментъ часть непріятельской конницы вынеслась на чистое мѣсто. Впереди, на чрезвычайно легкой лошади, въ красномъ плащѣ и съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ, скакалъ ея предводитель. Далеко опередивъ свою конницу, онъ пріостановился на бугрѣ, не далѣе пистолетнаго выстрѣла отъ батареи. 35 человѣкъ прикрытія не могли бы отстоять орудій. Но прежде чѣмъ непріятельская кавалерія стянулась и устроилась къ битвѣ, Красовскій самъ бросился въ штыки, — и непріятель, изумленный и разстроенный внезапнымъ нападеніемъ, быстро повернулъ назадъ. Орудія дали вслѣдъ ему картечный залпъ и поспѣшно отступили къ отряду.

Среди постоянныхъ битвъ, до послѣдняго момента, войска сохраняли порядокъ. И вотъ передъ ними послѣдній подъемъ, за которымъ начинается уже равнина. Всѣ сознавали, что здѣсь-то именно отрядъ и будетъ встрѣченъ съ фронта главными вражескими силами, которыя попытаются преградить ему путь къ Эчміадзину; наступала роковая минута, когда, окруженный въ десять разъ сильнѣйшимъ непріятелемъ, онъ долженъ будетъ идти на проломъ, чтобы спасти знамена.

Картечные заряды были уже всѣ до послѣдняго истрачены. Красовскій видѣлъ себя вынужденнымъ бросить обозы, но орудія размѣстилъ по серединѣ батальона, чтобы не дать врагамъ овладѣть ими. Священникъ Крымскаго полка, Ѳедотовъ, съ крестомъ въ рукахъ, пошелъ впереди. Къ счастію, гарнизонъ Эчміадзина вышелъ въ этотъ моментъ за монастырскія ворота, и непріятель, опасаясь самъ очутиться между двумя огнями, сошелъ съ дороги.

Красовскій быстро спустился на равнину и сталъ въ двухъ верстахъ отъ монастыря, чтобы дождаться арьергарда. Стрѣлкамъ и казакамъ, находившимся по сторонамъ дороги, послано приказаніе поспѣшно присоединяться къ колоннамъ. Но стрѣлки, изнуренные жаждой, кинулись не къ колоннамъ, а къ широкой канавѣ съ холодной водою, и никакія усилія не могли оторвать ихъ отъ студеной влаги. Непріятель воспользовался этимъ моментомъ; вся персидская конница насѣла на стрѣлковъ и принялась рубить ихъ, какъ умѣетъ рубить только восточная конница. Казаки по своей малочисленности не могли оказать никакой помощи и должны были отступить къ отряду. Гибель стрѣлковъ стала неизбѣжною. Многіе солдаты въ изнеможеніи ложились на землю и не пробовали даже защищаться. Персіяне не брали въ плѣнъ, а рѣзали всѣмъ, и живымъ, и мертвымъ, головы, вязали ихъ въ торока и съ этою кровавою добычею скакали назадъ, чтобы получить за каждую голову обѣщанные 10 червонцевъ; большая часть русскихъ труповъ и были потомъ найдены обезглавленными.

Въ этотъ-то моментъ, когда главная опасность для всего отряда уже миновала, паника вдругъ охватила русскія войска. Артиллерія, не надѣясь уже на прикрытіе, поскакала къ монастырю; за нею все бросилось бѣжать въ такомъ безпорядкѣ, что арьергардъ смѣшался съ остальными частями.

Здѣсь, въ безполезномъ усиліи возстановить порядокъ, погибъ геройскою смертію командиръ Крымскаго полка, подполковникъ Головинъ, молодой, даровитый начальникъ, сраженный тремя персидскими пулями; здѣсь же получилъ тя-

желую рану командиръ 40-го полка, подполковникъ Шумскій, и здѣсь же убитъ храбрый маіоръ Севастопольскаго полка Бѣлозоръ. Послѣдній, еще при началѣ катастрофы, отдалъ раненому офицеру свою лошадь, а самъ скоро изнемогъ до того, что солдаты вели его подъ руки. Измученные сами, люди, наконецъ, стали отставать отъ отряда; тогда Бѣлозоръ сѣлъ на камень, досталъ кошелекъ съ деньгами и, передавая его солдатамъ, сказалъ: «Спасибо вамъ, братцы, за службу. А теперь спасайтесь, иначе вы всѣ погибнете вмѣстѣ со мною совершенно напрасно». Наскакавшіе персіяне сорвали съ Бѣлозора эполеты, вѣроятно полагая, что они золотые, и отрубили ему голову.

Самъ Красовскій избѣгнулъ смерти только благодаря счастливой случайности. Онъ имѣлъ неосторожность отдѣлиться отъ отряда, чтобы ободрить стрѣлковъ, и вмѣстѣ съ ними былъ окруженъ персіянами. Многіе подлѣ него были изрублены; та же участь ожидала и Красовскаго, уже вынужденнаго отбивать удары своею тонкой офицерской шпагой. Къ счастію, при немъ находился въ это время оберъ-аудиторъ Бѣловъ, человѣкъ замѣчательной силы и храбрости. Онъ успѣлъ пробиться сквозь ряды персіянъ и далъ знать объ отчаянномъ положеніи отряднаго начальника стоявшему по близости казачьему полку Сергѣева. 50 донцовъ, съ Бѣловымъ и своимъ полковымъ командиромъ, войсковымъ старшиною Шуруповымъ, во главѣ, съ отчаянною храбростью кинулись спасать начальника. Очищая дорогу пиками и шашками, они пробились до самого Красовскаго, многихъ куртинцевъ положили на мѣстѣ, остальныхъ обратили въ бѣгство. Красовскій и горсть солдатъ, бывшихъ съ нимъ, были спасены.

Сраженіе кончилось. Среди оказанныхъ въ немъ многочисленныхъ подвиговъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ разсказано выше, Красовскій отмѣчаетъ въ своемъ донесеніи геройское поведеніе фейерверкера Осипова. Ядромъ перебило ему лѣвую руку выше локтя и жестоко контузило въ бокъ. Товарищи подняли его, чтобы положить на повозку. Но, придя въ память, Осиповъ рѣшительно отказался отъ этого. Неся

правою рукою свою лѣвую руку, висѣвшую только на кожѣ, онъ говорилъ, что лучше желаетъ умереть подлѣ своего орудія, чѣмъ отойти отъ него. И такимъ образомъ онъ дошелъ вмѣстѣ съ орудіемъ до самаго монастыря.

Есть также извѣстіе о геройскомъ самопожертвованіи нѣкоего армянина, по имени Акопа Арютинова, бывшаго во время сраженія въ персидской артиллеріи. Въ самомъ разгарѣ боя, онъ направлялъ пушечные выстрѣлы такъ, что снаряды ложились не въ русское, а въ персидское войско. Его арестовали; онъ успѣлъ бѣжать во время смятенія битвы, но былъ пойманъ, — и сардарь эриванскій приказалъ выколоть ему глаза и отрѣзать носъ, губы, уши и пятки. Измученный и обезображенный, онъ успѣлъ, однако, добраться до Эчміадзина. Впослѣдствіи русское правительство вознаградило его, назначивъ ему единовременно 10 червонцевъ и пожизненную пенсію въ 100 рублей.

Передъ самыми воротами Эчміадзина Красовскій остановилъ шедшія впереди войска, чтобы дать время стянуться всему отряду. Солдаты были въ такомъ изнеможеніи, что замертво падали подъ тѣнь высокихъ монастырскихъ стѣнъ: и когда ударили подъемъ, пять егерей, которые не были совсѣмъ ни ранены, ни контужены, оказались умершими отъ истощенія силъ. Красовскій ввелъ въ монастырь только слабые остатки своего отряда, потерявъ въ этотъ страшный день весь транспортъ, 24 офицера и 1130 нижнихъ чиновъ, — потеря громадная, если припомнить, что вся численность отряда едва превышала 2000 человѣкъ.

Эчміадзинъ съ своей стороны переживалъ во все время боя минуты страшнаго сомнѣнія. Одинъ изъ монастырскихъ иноковъ, отецъ Іосифъ, сидѣлъ на колокольнѣ и съ ужасомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ двѣ тысячи русскихъ воиновъ бились, окруженные 30-ти-тысячною арміею самого Аббаса-Мирзы. Весь монастырь молился. Архіепископъ Нерсесъ, облаченный въ праздничныя святительскія одежды, соборне со всѣмъ духовенствомъ совершалъ божественную службу. Все время,

пока происходило сраженіе, онъ простиралъ вверхъ святое копье, омоченное кровью Христа, и просилъ съ колѣнопреклоненіемъ и со слезами побѣду благочестивому русскому воинству. «Умилительно было это зрѣлище,—говоритъ одинъ очевидецъ:—не только весь народъ и солдаты, но больные и раненые подползали къ монастырскому храму—и молились»...

Но вотъ пушечный громъ мало по малу затихъ, и остатки русскаго войска появились передъ Эчміадзиномъ. Монастырь отворилъ ворота и встрѣтилъ ихъ съ молебнымъ пѣніемъ и колокольнымъ звономъ, какъ своихъ избавителей. Архіепископъ Нерсесъ обратился къ нимъ съ привѣтственной рѣчью. «Горсть русскихъ братьевъ — говорилъ онъ: — пробилась къ намъ сквозь 30-ти-тысячную армію разъяренныхъ враговъ. Эта горсть стяжала себѣ безсмертную славу, и имя генерала Красовскаго останется навсегда незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Эчміадзина».

Дѣйствительно, впослѣдствіи, въ память этого боя, по мысли престарѣлаго патріарха Ефрема, поставленъ былъ монастыремъ скромный обелискъ, въ видѣ часовни, на самомъ мѣстѣ сраженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ установлено ежегодно праздновать 17-е августа; въ этотъ день все эчміадзинское духовенство совершаетъ крестный ходъ къ памятнику и служитъ тамъ панихиду по убіеннымъ въ сраженіи воинамъ. Высочайшее утвержденіе объ этомъ памятникѣ послѣдовало 1-го сентября 1831 года. Онъ стоитъ и нынѣ, въ верстахъ въ 4-хъ отъ Эчміадзина, на пути къ деревнѣ Ушаканъ; на мѣдныхъ доскахъ, врѣзанныхъ въ пьедесталъ, начертаны имена начальниковъ войсковыхъ частей и названія полковъ и артиллеріи, которые сражались въ день 17-го августа, для спасенія Эчміадзинской святыни. Такъ память о страшной битвѣ будетъ переходить изъ поколѣнія къ поколѣнію, до позднѣйшаго потомства тѣхъ, чьи сердца, въ самый день подвига Красовскаго, колебались между страхомъ и надеждою и обращались съ горячею молитвою къ милосердному Богу, прося Его помощи и защиты.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ битвы 17-го августа было совершенное освобожденіе монастыря отъ блокады, которая въ ту же ночь была снята персіянами. Какъ не велики были потери русскаго отряда, потери враговъ были, вѣроятно, еще ужаснѣе, если судить по отчаянной рѣшимости, съ какою бились русскія войска. Но всего болѣе должны были поразить и страшно повліять на духъ впечатлительныхъ персіянъ самыя обстоятельства боя. Огромная армія оказалась безсильною остановить ничтожную горсть русскихъ, которые, невзирая ни на ужасы смерти, царившей кругомъ, ни на страшное утомленіе людей, довели до конца предпринятое движеніе, не давъ врагу ни одного военнаго трофея,—ни пушки, ни знамени. Персіяне должны были чувствовать себя потерпѣвшими если не пораженіе,—невозможное при ихъ превосходствѣ силъ,—то несомнѣнную неудачу, напомнившую самому Аббасъ-Мирзѣ знаменитое отступленіе Карягина. И вотъ, они сами отступили отъ Эчміадзина, отчаявшись въ успѣхѣ предпринятаго плана войны, когда первый шагъ въ немъ, занятіе монастыря, встрѣтилъ столь неодолимыя препятствія въ русскомъ мужествѣ.

Трудно, дѣйствительно, категорически сказать, былъ ли Аштаракскій бой для русскихъ побѣдой или пораженіемъ, тѣмъ болѣе, что все движеніе Красовскаго представляло собою скорѣе удачно выполненное, хотя и сопряженное съ большими потерями наступленіе на враговъ, осаждавшихъ Эчміадзинъ, чѣмъ отступленіе отъ нихъ.

Такъ именно и взглянули на дѣло нѣкоторые современники Красовскаго, ставящіе Аштаракскій бой въ число самыхъ яркихъ побѣдныхъ тріумфовъ всей персидской войны. Но были, однакоже, люди и совершенно противоположнаго взгляда· «Персидская война, — пишетъ, напр., одинъ очевидецъ событій:—была ведена для насъ такъ счастливо, что намъ нѣтъ надобности скрывать своихъ пораженій, которыхъ было всего два: въ Герюсахъ и подъ Аштаракомъ». Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и самъ Паскевичъ, имѣвшій къ тому и личныя неудовольствія противъ Красовскаго. Онъ на-

зываетъ аштаракское дѣло «страннымъ» и въ рѣзкихъ выраженіяхъ отзывается о немъ въ своихъ донесеніяхъ къ государю и вообще въ Петербургъ. «Я былъ поставленъ въ недоумѣніе,—писалъ онъ графу Дибичу:—въ какомъ видѣ я долженъ представить реляцію генерала Красовскаго. Препроводивъ ее безъ всякихъ сужденій своихъ, я далъ бы поводъ думать, что оправдываю дѣйствія Красовскаго и признаю изложеніе ихъ въ полной мѣрѣ справедливыми; присовокупивъ же замѣчанія свои, я боялся упрека, что строго разбираю поступки моего подчиненнаго, и безъ того обвиняемаго самими обстоятельствами».

По мнѣнію Паскевича, Красовскому слѣдовало бы дождаться Кабардинскаго полка, и затѣмъ уже совокупными силами, идти на непріятеля, между тѣмъ какъ онъ «безразсудно, съ какою-то неизвиняемою торопливостью»,—какъ выражается Паскевичъ,—пошелъ всего съ четырьмя батальонами противъ огромныхъ силъ и далъ непріятелю случай воспользоваться «симъ недостаткомъ соображенія». Всѣ доводы Паскевича блекнутъ, однако, передъ тѣмъ фактомъ, что Кабардинскій полкъ прибылъ къ Дженгулямъ только 18 числа, т. е., что битва могла произойти въ этомъ случаѣ только двумя-тремя днями позже, а въ это время Эчміадзинъ могъ быть взятъ приступомъ, что нанесло бы неисправимый вредъ всей кампаніи, какъ матеріальный, такъ и нравственный, а, быть можетъ, и дало бы Аббасу-Мирзѣ возможность исполнить свой планъ,—проникнуть въ Грузію. Паскевичу, по его словамъ, пришлось лично убѣдиться, что послѣ Аштаракскаго боя Красовскій не только не могъ приступить къ осадѣ Эривани, но едва ли бы удержался и въ монастырѣ, если бы Аббасъ-Мирза захотѣлъ вторично атаковать его. «Войска послѣ Ушаканскаго сраженія — писалъ онъ къ государю: — до такой степени потеряли нравственную бодрость, что при одной фуражировкѣ двѣ роты бѣжали отъ появленія десятка нашихъ же татаръ и даже бросили пушку». Но въ словахъ Паскевича мы видимъ только предположеніе, а фактъ остается тотъ, что Аббасъ-Мирза не только вторично не атаковалъ Красов-

скаго, а даже не посмѣлъ приблизиться къ его войскамъ, только издали слѣдя за ихъ движеніями, — и всѣ планы его о вторженіи въ Грузію сразу рухнули. Правда, часть главныхъ русскихъ силъ должна была идти противъ Аббаса-Мирзы, котораго Паскевичъ считалъ арестованнымъ въ Чорсѣ, — но въ этомъ уже не вина Красовскаго.

Такъ или иначе, но ни одинъ голосъ въ арміи не поднялся тогда, чтобы обвинить въ несчастныхъ обстоятельствахъ Аштаракскаго боя самого Красовскаго. Всѣ понимали, что если отрядъ, поставленный въ такое тяжелое положеніе, все-таки пробился, спасши знамена и не оставивъ въ рукахъ непріятеля ни одного орудія, — то этимъ онъ былъ обязанъ только необычайному мужеству и боевой распорядительности своего начальника. Такъ именно взглянулъ на дѣло и самъ покойный императоръ Николай Павловичъ. Прочитавъ донесеніе объ Аштаракскомъ боѣ, онъ написалъ собственноручно: «дать Красовскому орденъ св. Владиміра 2 класса», — и повелѣлъ занести событіе въ календарь [1]), съ присовокупленіемъ словъ: «Столь смѣлое и удачное предпріятіе заслуживаетъ быть причислено къ достопамятнѣйшимъ подвигамъ храбраго россійскаго воинства».

Занявши монастырь, Красовскій былъ отрѣзанъ отъ лагеря и подходившей къ нему осадной артиллеріи. Лазутчикъ пробрался, однакоже, 13-го августа навстрѣчу къ Кабардинскому полку и передалъ командовавшему отрядомъ генералу Лаптеву приказаніе — артиллерію оставить въ Дженгуляхъ, а съ двумя кабардинскими батальонами и 4 орудіями ночью налегкѣ подойти къ Эчміадзину и условнымъ знакомъ извѣстить гарнизонъ о своемъ прибытіи. Лаптевъ съ точностію выполнилъ приказаніе; ночью съ 19-го на 20-е число, онъ уже стоялъ противъ Ушакана, откуда начинается извѣстное ущелье, и далъ условный сигналъ. Но, къ изумленію генерала, отвѣта не послѣдовало. Лаптевъ уже думалъ, что мо-

[1]) Въ позднѣйшихъ кавказскихъ календаряхъ Аштаракскій бой уже не отмѣчался, по причинамъ, ненаходящимъ объясненія.

настырь взятъ персіянами, и былъ въ большомъ затрудненіи. Чрезъ нѣкоторое время онъ, однако, снова сдѣлалъ условный пушечный выстрѣлъ, — и на этотъ разъ изъ крѣпости ему отвѣтили тѣмъ же. Оказалось, что тамъ, еще подъ слишкомъ свѣжимъ впечатлѣніемъ аштаракской рѣзни, считали невозможнымъ, чтобы Кабардинскій полкъ могъ подойти къ монастырю безъ перестрѣлки, и явилось сомнѣніе, не попали ли приказанія Красовскаго въ руки враговъ, и не сдѣланъ ли сигналъ персіянами, чтобы заманить русскихъ въ засаду. Послѣ втораго сигнала, Красовскій, оставивъ въ Эчміадзинѣ весь 40-й егерскій полкъ, вышелъ изъ монастыря навстрѣчу Лаптеву, и, соединившись съ нимъ около Ушакана, утромъ 20-го августа двинулся въ Дженгули, нигдѣ не встрѣчая непріятеля.

А въ лагерѣ въ это самое время переживались весьма непріятныя минуты.

Нужно сказать, что наканунѣ, 19-го августа, туда прибыла вся осадная артиллерія вмѣстѣ съ своимъ безконечнымъ паркомъ, — одна перевозка котораго отъ Тифлиса до Эривани обошлась казнѣ въ 43 тысячи рублей серебромъ. Въ лагерѣ теперь было болѣе тысячи повозокъ разнаго рода. Длинная улица изъ маркитантскихъ арбъ и духановъ, разбитыхъ подъ большими разноцвѣтными наметами, огромные сараи для больныхъ, скирды сѣна, множество воловъ, лошадей и длинные ряды повозокъ, оставленныхъ ушедшими налегкѣ полками, — дѣлали лагерь издали, съ горъ, обширнымъ, красивымъ и грознымъ; въ дѣйствительности же, если онъ и былъ обширенъ и красивъ, то уже вовсе не грозенъ; когда Кабардинскій полкъ вышелъ навстрѣчу къ Красовскому, для защиты лагеря осталось, подъ командой генералъ-маіора Берхмана, всего одинъ батальонъ Крымскаго полка, силою въ 500 штыковъ, съ тремя сотнями слабо-конныхъ казаковъ и семью орудіями.

Между тѣмъ, въ эту же ночь съ 19-го на 20-е августа, Аббасъ-Мирза перенесъ свой лагерь изъ подъ Ушакана на

лѣвую сторону рѣки Занги, ближе къ Эривани, и сталъ въ 15-ти верстахъ отъ Дженгулинскаго лагеря. Съ Дженгулинскихъ горъ видны были и пѣхота его, окапывавшаяся надъ самымъ берегомъ Занги, и кавалерія, разсыпавшаяся вдоль берега рѣчки, и какіе-то рабочіе, возводившіе грозные ретраншаменты. И Берхманъ справедливо думалъ, что пока Красовскій будетъ въ Эчміадзинѣ, непріятель, пользуясь благопріятными обстоятельствами, атакуетъ лагерь, и заранѣе принималъ свои предосторожности; онъ вооружилъ не только всѣхъ нестроевыхъ солдатъ, но даже черводаровъ и духанщиковъ которыхъ набралось до 300 человѣкъ. Ждать ему пришлось, дѣйствительно, не долго.

Въ 10 часовъ утра, 20-го августа, т. е. въ то самое время, когда Красовскій шелъ въ Дженгули, соединившись подъ Ушаканомъ съ Лаптевымъ, непріятельская кавалерія стала показываться на горахъ и вскорѣ большими толпами начала подходить къ лагерю. Одна изъ кучекъ, менѣе, но пестрѣе и наряднѣе другихъ, остановилась на отлогости горы; тамъ былъ самъ Аббасъ-Мирза, окруженный своею свитою. Прочія подвигались впередъ. Но чѣмъ ближе подходили персіяне, тѣмъ движенія ихъ становились медленнѣе, — ихъ очевидно смущала грозная наружность лагеря. Но вотъ грянула русская пушка, за ней другая, третья... Послѣ четвертаго выстрѣла, персіяне и совсѣмъ отступили, — они получили извѣстіе, что русскія войска идутъ на нихъ изъ Эчміадзина.

Аббасъ-Мирза не хотѣлъ, однакоже, совершенно отказаться отъ мысли такъ или иначе вредить отряду Красовскаго, и съ этою цѣлью началъ дѣйствовать на его сообщенія. Продолжая укрѣплять свой лагерь, онъ послалъ, 25-го августа, 2 тысячи человѣкъ отборной конницы въ Бомбакскую долину, чтобы помѣшать пройти къ Красовскому транспортамъ съ провіантомъ, которые тогда должны были переходить Безобдалъ. Между тѣмъ въ лагерѣ оставалось продовольствія только на одну недѣлю, и потеря одного транспорта могла поставить русскія войска въ весьма бѣдственное положеніе. Красовскій немедленно направилъ къ Безобдалу форсированнымъ

маршемъ батальонъ Крымскаго полка, который 26-го августа засталъ транспортъ еще на мѣстѣ, въ Джелалъ-Оглы. Извѣстіе объ этомъ не могло не встревожить Красовскаго, и 30-го августа выступилъ другой батальонъ, теперь Севастопольскаго полка, при двухъ орудіяхъ, чтобы какъ можно скорѣе привезти въ лагерь сухарей,—продовольствія оставалось въ полкахъ уже не болѣе, какъ на три дня.

Приближеніе къ Амамламъ съ одной стороны батальона Крымскаго полка, прикрывавшаго транспортъ, а съ другой батальона севастопольцевъ, высланнаго Красовскимъ, заставило непріятеля уйти изъ Бомбакской долины, и 3-го сентября транспортъ могъ добраться до лагеря.

Уже наканунѣ въ отрядѣ не было сухарей, и между пріунывшими солдатами начинался говоръ, что не избѣжать-де имъ смерти отъ голода. Красовскій лежалъ въ то время больной, жестоко страдая отъ недавней контузіи. Съ большимъ трудомъ онъ, однакоже, всталъ съ постели и отправился въ лагерь Кабардинскаго полка, чтобы ободрить и успокоить солдатъ. «Вотъ что, братцы,—сказалъ онъ имъ: —прослуживши болѣе васъ, и проведя не одинъ разъ по нѣскольку дней безъ пищи, я узналъ изъ опыта, что можно быть сытымъ и не ѣвши». Солдаты изумленно смотрѣли на него. Но Красовскій приказалъ во всѣхъ ротахъ собрать пѣсенниковъ, распорядившись секретно, чтобы ихъ не распускали до его приказанія. И какъ только грянули разудалыя русскія пѣсни, солдаты оживились и веселый говоръ пошелъ по всему бивуаку. Всю ночь, до бѣлаго свѣта, гремѣли въ лагерѣ пѣсни, плясали солдаты и пиръ шелъ горою. А рано поутру пришло извѣстіе, что транспортъ идетъ и уже близко. Солдаты посмѣивались и съ любовью глядѣли на своего командира.

Непріятель выместилъ свои неудачи разбойничьими набѣгами тамъ, гдѣ онъ не могъ встрѣтить серьезнаго сопротивленія. Такъ, 2-го сентября, сильная партія напала на табуны, пасшіеся возлѣ Джелалъ-Оглы, и отбила до 750 лошадей, быковъ и овецъ, прикрытіе, захваченное врасплохъ, потеряло 12 человѣкъ убитыми и плѣнными. То же повторилось и

11-го сентября, но только на этотъ разъ персіяне наткнулись на батальонъ Севастопольскаго полка, возвращавшійся въ Джелалъ-Оглы изъ Гумровъ,—потеряли весь скотъ и понесли большую потерю.

Готовились, между тѣмъ, болѣе крупныя событія. Аштаракскій бой повелъ за собою совершенное измѣненіе всего плана кампаніи.

Аштарак
Кизилтаджръ
Ушаканъ
въ Эривань
въ Эривань
N

XXIX.

Подъ Сардарь-Абадомъ.

Наступила вторая половина августа 1827 года, и армія Паскевича уже готовилась къ походу на Тавризъ, въ глубь Персіи. Вдругъ, въ главную квартиру пришло извѣстіе, что Аббасъ-Мирза прошелъ съ войсками въ Эриванское ханство. Извѣстіе это было тѣмъ неожиданнѣе, что, не далѣе какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, Паскевичъ имѣлъ повидимому достовѣрнѣйшія свѣдѣнія изъ надежныхъ источниковъ о полной деморализаціи персидской арміи, будто бы возставшей въ Чорсѣ вмѣстѣ съ населеніемъ, арестовавшей самого Аббасъ-Мирзу и разграбившей его имущество. Новые слухи и свѣдѣнія, однакоже, не менѣе заслуживали вѣры, исходя изъ тѣхъ же самыхъ надежныхъ источниковъ. На основаніи ихъ Паскевичъ и думалъ, что Аббасъ-Мирза вошелъ въ Эриванское ханство лишь съ нѣкоторою частью своихъ войскъ, именно, съ шестью батальонами пѣхоты и нѣсколькими тысячами конницы. Силы

Красовскаго, напротивъ, онъ считалъ гораздо значительнѣе, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности, ослабленныя болѣзненностью, и былъ, притомъ, увѣренъ, что Кабардинскій полкъ, шедшій изъ Грузіи, уже успѣлъ присоединиться къ нему вмѣстѣ съ осадною артиллеріею. Поэтому Паскевичъ не придавалъ серьезнаго значенія движенію Аббаса-Мирзы и съ часу на часъ ожидалъ извѣстій о его пораженіи. Между тѣмъ никакихъ извѣстій отъ Красовскаго не было. Наконецъ, пришли донесенія отъ 15-го числа, но и изъ нихъ Паскевичъ увидѣлъ только, что Аббасъ-Мирза обложилъ Эчміадзинъ, а что Красовскій еще стоитъ въ Дженгули.

Паскевичъ былъ крайне недоволенъ такимъ положеніемъ дѣлъ. «И такъ,—писалъ онъ въ своемъ журналѣ:—генералъ Красовскій, вмѣсто того, чтобы сходно съ даннымъ ему наставленіемъ, при первомъ появленіи непріятеля идти впередъ и разбить его, дожидался, чтобы оный передъ нимъ самъ атаковалъ Эчміадзинъ и даже флангъ коммуникаціонной линіи его до Башъ-Абарани. Сіе заставляетъ меня предполагать, что положеніе Красовскаго было бы еще гораздо хуже, если бы я не снялъ блокады Эривани. Красовскій, потерявъ отъ болѣзней до половины людей, безъ сомнѣнія принужденъ бы былъ снять оную, ибо не могъ бы ничего предпринять съ тремя тысячами человѣкъ, когда нынѣ съ шестью тысячами дѣйствуетъ лишь оборонительно, что я ему и поставилъ на видъ».

Истина, однако, скоро обнаружилась, и Паскевичъ узналъ, что противъ Красовскаго стоялъ Аббасъ-Мирза со всѣми своими силами, въ то время какъ у того не было не только шести, но даже и трехъ тысячъ, не говоря уже о томъ, что отрядъ ослабленъ былъ къ тому же цѣлымъ батальономъ, ушедшимъ въ Гумры, съ генераломъ Сипягинымъ. Послѣднее обстоятельство также раздражило Паскевича. «Съ сожалѣніемъ увидѣлъ я,—говоритъ онъ въ своемъ донесеніи государю:—что генералъ-адъютантъ Сипягинъ такъ несвоевременно ослабилъ отрядъ Красовскаго, когда тому нужны всѣ способы для рѣшительнаго дѣйствія противъ Аббаса-Мирзы, ибо главное

дѣло—разбить непріятеля, а защищать границу на всѣхъ ея пунктахъ—невозможно. Если непріятель разбитъ, то всѣ покушенія его кончатся сами собою, а если онъ побѣдитъ, то и батальонъ будетъ истребленъ; притомъ набѣгъ на пустую землю, какова Самхетія, не важенъ; а далѣе въ большихъ силахъ онъ не осмѣлится проникнуть. Впрочемъ лучше выдержать набѣгъ, чѣмъ, раздробляя свои войска, подвергать ихъ опасности».

Такъ или иначе, приходилось считаться съ существующимъ фактомъ. Въ то время возникли три плана военныхъ дѣйствій. Во-первыхъ, Паскевичъ могъ двинуться къ Эривани по слѣдамъ Аббаса-Мирзы, и нанести ему пораженіе совокупными силами главной арміи и отряда Красовскаго; во-вторыхъ—идти прямо на Тавризъ, гдѣ, какъ полагали, тогда находился шахъ; въ-третьихъ—воспользоваться отсутствіемъ Аббаса-Мирзы и дѣйствовать къ сторонѣ Маку или Хоя. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ Аббасъ-Мирза былъ бы вынужденъ поспѣшно оставить Эриванское ханство, чтобы воротиться для защиты своихъ земелъ. Но движеніе на Тавризъ, прекрасно укрѣпленный и снабженный сильною артиллеріею, требовало подготовки и могло состояться не раньше начала сентября, а между тѣмъ, нужно было торопиться; притомъ у Паскевича было только на 20 дней продовольствія, съ которымъ, конечно, нельзя было углубляться внутрь вражеской страны, имѣя позади себя значительныя силы непріятеля. Дѣйствіе къ сторонѣ Хоя подвергало бы русскую армію возможности быть, какъ выражается Паскевичъ, «невольно завлеченною безъ опредѣленнаго предварительнаго плана», при томъ же невыгодномъ присутствіи непріятельскихъ силъ въ тылу. Такимъ образомъ, оставалось идти противъ Аббаса-Мирзы въ Эриванское ханство, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ уже ожидали войны съ Турціей и считали взятіе Эривани необходимымъ прежде всего, такъ какъ крѣпость эта была необходима для успѣшныхъ дѣйствій въ одно и то же время противъ Персіи и Турціи, въ Адербейджанѣ и въ Карскомъ пашалыкѣ.

И вотъ, въ то время, какъ обсуждались эти предположенія, а Паскевичъ все еще склонялся на сторону немедленнаго похода къ Тавризу, въ главной квартирѣ появилось извѣстіе объ Аштаракскомъ боѣ. Оно шло, однако, не отъ Красовскаго, а изъ частныхъ источниковъ, если и не возбуждавшихъ недовѣрія, то во всякомъ случаѣ могшихъ исказить или преувеличить факты. Отъ Эривани до Кара-Бабы считается около полутораста верстъ, а такъ какъ прямое сообщеніе съ Эриванью было прервано персіянами, то естественно, что свѣдѣнія, полученныя объ Аштаракскомъ боѣ черезъ армянъ, могли отличаться крайнею неточностью. Достовѣрно было однако, что Аббасъ-Мирза не отступилъ, и, стало быть, послѣдствія боя были для русскихъ неблагопріятны. А 27-го августа Паскевичъ получилъ, наконецъ, и офиціальное донесеніе Красовскаго, нарисовавшее передъ нимъ картину еще, быть можетъ, болѣе мрачную, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Это извѣстіе и заставило, наконецъ, Паскевича бросить всѣ проекты и поспѣшно идти назадъ, къ Эривани, на помощь Красовскому.

И въ тотъ же день, 27-го августа, полки Карабинерный, Грузинскій и Ширванскій уже выступили въ походъ изъ Кара-Бабы къ Эчміадзину. Кавалерія, стоявшая на травѣ въ двухъ переходахъ отъ лагеря, не успѣла собраться и на цѣлый день замедлила выступленіе самого Паскевича. Нижегородскій полкъ явился въ полномъ составѣ; но изъ уланской бригады, разстроенной болѣзнями и смертностью, пришлось образовать одинъ сводный полкъ, а остальныхъ людей отправить въ Карабагъ на отдыхъ. Эта бригада, вмѣстѣ со сводным гвардейскимъ полкомъ и 24 орудіями, образовала второй эшелонъ, выступившій изъ Нахичевани 29-го августа, подъ личнымъ начальствомъ самого Паскевича. На походѣ присоединились къ нему еще Чугуевскій уланскій полкъ и казаки Карпова, шедшіе изъ Карабага.

«Съ Божіею помощью,—писалъ Паскевичъ государю: — надѣюсь на восьмой день прибыть отсюда къ Эчміадзину. Если бы Красовскій имѣлъ достаточно продовольствія, то я

не перемѣнилъ бы плана кампаніи и пошелъ бы прямо на Тавризъ. Но онъ пишетъ, что имѣетъ хлѣба только по 6-е сентября, ровно до того дня, въ который я могу приспѣть къ нему на помощь; въ противномъ случаѣ, онъ долженъ пробиваться и, можетъ быть, потерять артиллерію».

3-го сентября отрядъ Паскевича уже былъ на Гарничаѣ; въ тотъ же день Аббасъ-Мирза, узнавъ о приближеніи русскихъ, отступилъ за Араксъ и сталъ въ укрѣпленіи Кара-Кала, въ 45 верстахъ отъ Сардарь-Абада. Войска, не встрѣтивъ, такимъ образомъ, нигдѣ непріятеля, прошли дальше, и 5-го числа, въ 10 часовъ вечера, расположились уже у стѣнъ Эчміадзина.

Несмотря на позднее время, архіепископъ Нерсесъ встрѣтилъ Паскевича со всею подобающею почестью. Но Паскевичъ обошелся съ нимъ сухо; онъ считалъ его однимъ изъ главныхъ виновниковъ Аштаракскаго дѣла, и съ этой минуты начинается явное нерасположеніе его къ маститому представителю армянской церкви.

Еще съ большею непріязнію встрѣтилъ Паскевичъ Красовскаго, который, 6-го сентября, со всѣмъ отрядомъ и осадной артиллеріей, прибылъ подъ Эчміадзинъ на соединеніе съ главными силами. «На мой вопросъ—писалъ Паскевичъ объ этомъ свиданіи:—о несчастномъ случаѣ, который далъ кампаніи столь невыгодный оборотъ, Красовскій отвѣтилъ мнѣ, что онъ боялся, чтобы непріятель не разбилъ стѣнъ и не взялъ монастыря. Я посмотрѣлъ на стѣны и нашелъ, что сіе опасеніе было напрасно, и что лучше позволить взять Эчміадзинъ, чѣмъ рисковать судьбою войны для его спасенія. Я предпочелъ бы потерять сей пунктъ, чѣмъ сдѣлать то, что сдѣлалъ Красовскій».

Красовскій, съ своей стороны, въ своихъ неизданныхъ запискахъ, такъ описываетъ свою встрѣчу съ Паскевичемъ:

«Отъ меня, — говоритъ онъ: — никакихъ объясненій не принято, хотя я, какъ единственной милости, просилъ его о подчиненныхъ, поистинѣ заслуживавшихъ примѣрнаго вознагражденія, и обращалъ его вниманіе на достойнаго сотруд-

ника моего, архіепископа Нерсеса. На это было мнѣ сказано: «я отдѣлаю господина архіепископа добрымъ порядкомъ, чтобы онъ не смѣлъ вводить въ ошибки тамъ, гдѣ нѣтъ моего присутствія». Но этимъ не ограничился гнѣвъ, на меня обращенный. Въ Эчміадзинѣ не былъ пропущенъ ни одинъ чиновникъ моего отряда, являвшійся къ корпусному командиру, которому не было бы сказано съ упрекомъ: «что вы мнѣ надѣлали съ вашимъ отряднымъ начальникомъ!» Полковника Гилленшмита онъ даже спросилъ иронически: «почему Красовскій не употребилъ противъ Аббаса-Мирзы осадной артиллеріи? Но и этого казалось ему недовольно, и разспросы продолжались нѣсколько дней даже у солдатъ, бывшихъ въ моемъ отрядѣ, о разныхъ обстоятельствахъ сраженія. Таковые поступки могли уничтожить меня въ глазахъ моихъ подчиненныхъ, но я съ душевнымъ удовольствіемъ видѣлъ, что ему не удалось поколебать со стороны ихъ ни привязанности, ни довѣрія ко мнѣ. Архіепископъ Нерсесъ, при всей его скромности, не могъ скрыть отъ меня, сколько онъ былъ огорченъ самою обидною съ нимъ встрѣчею»...

Подъ Эчміадзиномъ Паскевичъ получилъ извѣстіе, что эриванскій сардарь тайно бѣжалъ изъ крѣпости и укрылся на турецкой границѣ, покинувъ свои владѣнія на произволъ судьбы. Есть основаніе думать, что къ этому рѣшительному шагу его побудила только очевидная близость паденія Эривани; далеко не удачный исходъ для персіянъ Аштаракскаго боя, быстрое прибытіе главныхъ силъ Паскевича и поспѣшное отступленіе Аббасъ-Мирзы за Араксъ — все говорило ясно, что Эривань долго держаться не можетъ. Послѣ бѣгства сардаря, это званіе принялъ на себя извѣстный Гассанъ-Ханъ, побужденный къ тому, между прочимъ, опасеніемъ, чтобы жители, воспользовавшись отсутствіемъ власти, не сдали бы крѣпости русскимъ; по слухамъ, они были на это готовы. Гассанъ даже просилъ шаха перемѣнить гарнизоны, и въ Эривани, и въ Сардарь-Абадѣ, коренными персіянами, такъ какъ онъ на адербейджанскихъ сарбазовъ болѣе не надѣется. Но Гассанъ-Ханъ такъ же мало могъ сдѣлать для Эривани,

какъ и прежній сардарь, и сами персіяне были убѣждены въ близкомъ ея паденіи. Всѣ, естественно, думали, что изъ-подъ Эчміадзина Паскевичъ двинется прямо подъ Эривань, съ покореніемъ которой можно было, уже не опасаясь за свой тылъ, наступать дальше въ глубь Персіи. Но Паскевичъ рѣшилъ прежде овладѣть Сардарь-Абадомъ, такъ какъ эта небольшая крѣпость была важна по своему положенію на пути къ Эривани, и оставить ее въ рукахъ персіянъ, дѣйствительно, значило бы вести осадныя работы подъ всегдашнею угрозою нападенія съ фланга.

Намѣреніе свое Паскевичъ хранилъ въ величайшей тайнѣ, и предосторожность была кстати, потому что кругомъ кишѣли персидскіе шпіоны, и даже въ самомъ русскомъ лагерѣ давно уже находился персидскій курьеръ, привезшій къ Паскевичу письмо отъ Аббаса-Мирзы и задержанный, какъ лицо весьма подозрительное. Курьеръ этотъ встрѣтилъ русскія войска еще на пути къ Эчміадзину, и такъ какъ въ письмѣ, привезенномъ имъ, не было ничего, кромѣ обычныхъ, весьма туманныхъ разсужденій о мирѣ, то Паскевичъ оставилъ его безъ отвѣта, а курьера приказалъ держать подъ строгимъ, хотя и благовидно устроеннымъ арестомъ. Только по прибытіи въ Эчміадзинъ, онъ потребовалъ его къ себѣ и, возвращая ему свободу, сказалъ: «Передайте отъ меня наслѣдному принцу поклонъ и скажите, что я удивляюсь, что его высочество, имѣя въ своей землѣ множество способовъ развѣдывать черезъ лазутчиковъ о движеніяхъ нашихъ войскъ, призналъ нужнымъ еще отрядить шпіоновъ и ко мнѣ, подъ видомъ курьеровъ. Конечно, шахъ-заде самъ бы назвалъ съ моей стороны неосторожностію, если бы я не продержалъ ихъ у себя нѣсколько дней, покуда не объяснились мое и его движенія. Теперь скрывать болѣе нечего. Прошу извиненія у принца, что такъ поступлено съ его курьерами, но теперь они отпускаются. Что же касается до письма, то передайте, что къ тѣмъ предложеніямъ, о которыхъ я писалъ къ нему изъ Эчміадзина, Аббасъ-Абада и Кара-Бабы, болѣе прибавить ничего не имѣю»...

И курьера подъ конвоемъ немедленно отправили изъ лагеря.

9-го сентября, русскія войска выступили отъ Эчміадзина двумя колоннами; главная, при которой находился самъ Паскевичъ, перешла къ Шагріяру и стала противъ крѣпости Сардарь-Абада; другая, подъ предводительствомъ начальника корпуснаго штаба графа Сухтелена, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго изъ Петербурга, пошла за Араксъ.

Отрядъ Сухтелена двигался быстро и скрытно. Уже были въ виду горы, обозначавшія турецкую границу, а войска и сами не знали еще, куда и зачѣмъ ихъ ведутъ. Но вотъ подошли, наконецъ, къ мѣстечку Кульпи, извѣстному своими соляными каменоломнями, и овладѣли хлѣбными запасами, заготовленными здѣсь персіянами. Затѣмъ, присоединивъ къ себѣ нѣсколько десятковъ армянскихъ семействъ, желавшихъ переселиться въ русскіе предѣлы изъ опасенія быть ограбленными курдами, колонна пошла назадъ, и 12 сентября присоединилась къ главнымъ силамъ подъ Сардарь-Абадомъ. Быстрота и строго соблюденная тайна достигли вполнѣ своихъ цѣлей, и Аббасъ-Мирза, стоявшій неподалеку со всѣми своими силами, узналъ о движеніи Сухтелена уже слишкомъ поздно, чтобы помѣшать ему овладѣть запасами.

Въ тотъ самый день, какъ Сухтеленъ воротился изъ своей экспедиціи къ Сардарь-Абаду, изъ Петербурга пріѣхалъ фельдъегерь, привезшій Паскевичу орденскіе знаки св. Владиміра 1 степени за покореніе Аббасъ-Абада. Тотчасъ начались поздравленія и лагерь шумѣлъ разгуломъ до поздняго вечера. Къ тому же, къ отряду въ этотъ день подошелъ еще батальонъ Кабардинскаго полка (другой оставленъ былъ въ Эчміадзинѣ) и были получены вполнѣ достовѣрныя извѣстія, что Аббасъ-Мирза покинулъ Кара-Калы и со всѣми силами отступилъ въ Маку, оставивъ Сардарь-Абадъ и Эривань ихъ собственной участи.

Крѣпость Сардарь-Абадъ, построенная эриванскимъ ханомъ, лѣтъ десять-двѣнадцать передъ тѣмъ, стояла на обширной равнинѣ, разстилавшейся отъ Эчміадзина къ сторонѣ Алагеза. Двойныя, высокія стѣны ея, расположенныя пра-

вильнымъ четвероугольникомъ, съ огромными башнями и воротами,—придавали ей видъ весьма внушительный и требовали силъ и искусства для овладѣнія его. Правда, двухтысячный гарнизонъ ея находился подъ командою внука Гассанъ-Хана, молодого человѣка совершенно неопытнаго, и на это обстоятельство возлагались немалыя надежды Паскевичемъ. Но надежды эти были, конечно, весьма призрачными, и, подходя къ Сардарь-Абаду, Паскевичъ, дѣйствительно, узналъ, что ночью пробрался туда и принялъ начальство надъ гарнизономъ самъ Гассанъ-Ханъ. Извѣстно было, что онъ старался одушевить солдатъ воспоминаніемъ объ Эривани, которую онъ отстоялъ отъ русскихъ въ 1808 году, и взялъ съ нихъ клятву умереть на стѣнахъ крѣпости.

Энергическій вождь немало значилъ въ дѣлѣ защиты крѣпости, и Паскевичъ рѣшилъ дѣйствовать съ должной настойчивостью, но осторожно. Располагая теперь осадною артиллеріею, прибытіе которой ожидалось съ часу на часъ, онъ хотѣлъ избѣжать штурма и покорить Сардарь-Абадъ правильною осадою. Начальникомъ осаднаго корпуса назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Красовскій.

Красовскій все еще недомогалъ отъ контузіи, полученной въ астраханскомъ бою. Тѣмъ не менѣе, 13 сентября, въ бурную дождливую ночь, онъ самъ выѣхалъ осмотрѣть крѣпость. Въ сопровожденіи обычнаго своего спутника, оберъ-аудитора Бѣлова, сопровождавшаго его всюду въ самыхъ опасныхъ предпріятіяхъ, да двухъ донскихъ казаковъ, взятыхъ изъ полка Шамшева, Красовскій безстрашно углубился въ сады, разроставшіеся подлѣ самыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, подробно изучилъ расположеніе верковъ, опредѣлилъ пункты для батареи и рѣшилъ, что осадныя работы должны начаться на слѣдующую же ночь.

Вечеромъ 14-го сентября, когда уже смерклось совершенно, и кругомъ стояла мертвая тишина, два батальона карабинеровъ, двѣ роты саперъ, 4 орудія и цѣлый полкъ казаковъ, лошади которыхъ были навьючены турами и фашинами, осторожно выступили изъ лагеря. Впереди ѣхалъ

самъ Красовскій. Войска направлялись влѣво, къ виднѣвшемуся вдали возвышенію, съ тѣмъ, чтобы заложить на немъ первую батарею; но едва рабочіе успѣли занять свои мѣста, какъ въ крѣпости услышали шумъ; грянулъ пушечный выстрѣлъ, и началась перестрѣлка. Тѣмъ не менѣе батарея была поставлена; шесть батарейныхъ и два легкихъ орудій заняли свои мѣста въ амбразурахъ, а два другія легкія орудія, подъ командою капитана Черниевецкаго, остались въ резервѣ на случай вылазки.

Красовскій, превозмогая болѣзнь, всю ночь неотлучно пробылъ при этихъ работахъ, самъ руководя ими и подвергаясь ежеминутно опасности, одинаковой съ послѣднимъ изъ своихъ солдатъ.

Съ утра 15 числа началось бомбардированіе города. Крѣпость отвѣчала. Но выстрѣлы ея почти не причиняли вреда осаждающимъ, которыхъ заслоняли густые сады, раскинувшіеся передъ самыми крѣпостными верками. Персіяне поздно замѣтили свою оплошность; они попытались было очистить эспланаду и вышли изъ крѣпости, чтобы вырубить сады,— но сдѣлать этого имъ уже не позволили. Полковникъ Фридериксъ, поставивъ роту карабинеровъ за брустверъ въ полной готовности къ вылазкѣ, приказалъ двумъ орудіямъ, бывшимъ въ резервѣ, подъѣхать къ садамъ и разогнать рабочихъ картечью. На полныхъ рысяхъ вынеслась впередъ русская артиллерія. Персіяне до того оторопѣли, что позволили орудіямъ сняться съ передковъ у самаго сада, и лишь тогда, когда картечь засвистѣла въ кустахъ, крестя ихъ по всѣмъ направленіямъ, открыли безпорядочный бѣглый огонь. Но картечь крушила все, и выстрѣлы непріятеля скоро замолкли. Сквозь густую листву деревъ видны были только мелькавшія группы бѣгущихъ и бросающихся въ ровъ сарбазовъ...

А въ ночь трое рядовыхъ, декабристы Пущинъ, Коновницынъ и Дороховъ, съ разрѣшенія Паскевича, отправились еще разъ осмотрѣть крѣпостные верки. Казачья сотня также вышла съ ними изъ лагеря и скрытно расположилась въ

полѣ, готовая по первому выстрѣлу скакать къ нимъ на помощь. Пущинъ, оставивъ между тѣмъ Коновницына и Дорохова въ глубинѣ садовъ, самъ приблизился къ крѣпости и высмотрѣлъ мѣсто для брешь-батареи. Погода была пасмурная, туманная, съ мелкимъ дождемъ; это, однако, не помѣшало ему хорошо изучить мѣстность и даже трасировать батарею для ночныхъ работъ.

«Окончивъ порученіе,—разсказываетъ онъ самъ:—мы совершенно измокшіе, возвратились къ Паскевичу. Въ палаткѣ его я начертилъ осмотрѣнную мѣстность. Паскевичъ, чтобы отогрѣть насъ, приказалъ подать шампанскаго, и съ нами, тремя солдатами, роспилъ двѣ бутылки».

Утромъ 16 сентября, въ лагерь прибыла, наконецъ, осадная артиллерія. Весь день провозились съ укладываніемъ пушекъ на станки и лафеты, а какъ только смерклось, весь гвардейскій полкъ, батальонъ ширванцевъ, батальонъ крымцевъ и двѣ роты саперъ, съ шестью орудіями, подъ начальствомъ графа Сухтелена, безъ шума прошли сады и заложили за ними, по указанію Пущина, брешь-батарею. Еще ночь—и на этой батареѣ было уже установлено 20 осадныхъ орудій; особая батарейка для четырехъ мортиръ выдвинута была еще впередъ и приготовилась дѣйствовать по крѣпости навѣсными выстрѣлами.

И вотъ, съ разсвѣтомъ 18 сентября, загрохотала осадная артиллерія. Персіяне услыхали впервые залпы этихъ громадныхъ чудовищъ, отъ рева которыхъ тряслась земля, сыпались верхушки башенъ въ глубокій ровъ, и крѣпость представлялась окутанною дымомъ. Непрочныя азіятскія строенія съ шумомъ и рокотомъ рушились, хороня подъ развалинами своими несчастныхъ жителей, искавшихъ въ нихъ убѣжища. Особенное впечатлѣніе производила бомбардировка ночью, когда на темномъ небѣ зловѣщими огненными точками вспыхивали гранаты и бомбы, вносившія смерть и опустошеніе въ самые дома обывателей.

Крѣпостныя орудія мало по мало замолкли, и лишь одна лѣвая башня косвенными выстрѣлами еще удачно разбивала

амбразуры русскихъ батарей и мѣшала стрѣльбѣ. Противъ этой башни поставили ночью четыре орудія, подъ командою капитана Чернивецкаго, передъ тѣмъ отвлекавшаго неустанной стрѣльбой вниманіе непріятеля отъ осадныхъ работъ, приблизившихся къ крѣпостной стѣнѣ уже на 80 саженъ. Когда стало свѣтать, Чернивецкій разглядѣлъ дуло, торчавшее изъ амбразуры той башни, которая весь день боролась одна со всею брешь-батареей, и приказалъ навести на него всѣ четыре орудія. Грянулъ залпъ, — и персидская пушка рухнула.

19 числа осадная артиллерія гремѣла безпрерывно. Непріятельскія орудія, одно за другимъ, были окончательно сбиты. Средняя четыреугольная башня, возвышавшаяся надъ крѣпостными воротами, рухнула; куртина возлѣ нея вполовину обвалилась и близка была къ совершенному паденію; въ стѣнахъ повсюду образовались огромные проломы, и ядра, пронизывая городъ, опустошали цѣлыя улицы. Легкія орудія, всего въ 80 саженяхъ разстоянія, обстрѣливали другія башни и зубцы стѣнъ такъ успѣшно, что скоро ни одинъ непріятельскій солдатъ не смѣлъ на нихъ показаться. Невозможность дальнѣйшей защиты была очевидна. И вотъ, 19 сентября, въ пять часовъ пополудни, надъ крѣпостью развилось бѣлое знамя. Явился парламентеръ съ письмомъ отъ Гассана, въ которомъ славный наѣздникъ просилъ перемирія на три дня и дозволеніи гарнизону отступить съ оружіемъ въ рукахъ.

«Скажи Гассанъ-Хану, — отвѣчалъ Паскевичъ парламентеру:—что если онъ не сдастся въ 24 часа безусловно, то будетъ со всѣмъ своимъ гарнизономъ на штыкахъ моихъ гренадеровъ».

Русскія батареи участили огонь. Часу въ восьмомъ вечера, въ траншеяхъ случилось одно въ сущности незначительное обстоятельство, внесшее, однако, на моментъ смятеніе въ ряды осаждавшихъ, но въ то же время и послужившее поводомъ къ рязвязкѣ осады крѣпости. Дѣло въ томъ, что палительная трубка осаднаго единорога, необычайно далеко

отброшенная при одномъ выстрѣлѣ, упала въ пороховой погребокъ, помѣщавшійся въ самой траншеѣ, и произвела страшный взрывъ. Погребокъ взлетѣлъ на воздухъ, похоронивъ подъ развалинами своими трехъ офицеровъ и двухъ рядовыхъ. Густой столбъ чернаго дыма закуталъ траншеи; поднялась суматоха... А Гассанъ-Ханъ ловко воспользовался этимъ моментомъ и со всѣмъ гарнизономъ бѣжалъ изъ крѣпости, въ то время какъ въ русскомъ лагерѣ объ этомъ и не догадывались. Въ полуразрушенной траншеѣ возстановили порядокъ, и вновь началась пальба, когда въ ней уже не представлялось ни малѣйшей надобности, а нужно было только идти въ крѣпость съ одной стороны, и преслѣдовать Гассанъ-Хана—съ другой.

Хватились, однако, еще не слишкомъ поздно, чему помогъ кто-то изъ жителей города, старавшійся дать знать о бѣгствѣ Гассанъ-Хана крикомъ съ крѣпостной стѣны, съ очевидной для себя опасностью отъ русскихъ выстрѣловъ.

Чернивецкій разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что онъ сидѣлъ въ траншеѣ съ генераломъ Трузсономъ и мирно бесѣдовалъ о безполезности конгревовыхъ ракетъ, какъ вдругъ со стѣнъ крѣпости кто-то закричалъ весьма явственно: «Солдатъ иди! Сардарь бѣжалъ!» Всѣ вскочили съ мѣста. И въ лагерѣ уже шла тревога. Конница поскакала въ преслѣдованіе, два батальона, ширванскій и карабинерный, бѣгомъ прошли за нею на Эриванскую дорогу. Кто-то прискакалъ въ траншею съ приказаніемъ, чтобы и Чернивецкій съ двумя орудіями какъ можно поспѣшнѣе присоединился къ пѣхотѣ. Но пока орудія запрягали, колонна уже скрылась изъ виду, и Чернивецкому пришлось догонять ее маршъ-маршемъ. Проѣзжая мимо крѣпости, онъ видѣлъ массы армянъ, распѣвавшихъ на улицахъ свои молитвы, — вѣрный знакъ, что въ крѣпости не оставалось уже ни одного персидскаго сарбаза. Сначала орудія шли какъ будто по настоящей дорогѣ. На каждомъ шагу встрѣчались разбросанные трупы персіянъ; въ нѣкоторыхъ замѣчались еще признаки жизни, и около нихъ увивались сотни грузинъ и татаръ, мародерничавшихъ

по полю. Но чѣмъ дальше, тѣмъ труповъ попадалось меньше, и скоро исчезли даже признаки движенія войска. Проводникъ попался на плохой лошаденкѣ и не успѣвалъ скакать за орудіями, а ночь была мрачная, темная, положиться на собственное знаніе мѣстности было нельзя. Отряда, между тѣмъ, нигдѣ не было видно. Чернивецкій приказалъ, наконецъ, остановиться и сталъ вслушиваться... Гулъ скачущей конницы и крики, едва доносившіеся издали, ясно указывали, что кавалерія настигла непріятеля и рубитъ его, влѣво около горы; но это было очень далеко, и прійти туда ранѣе утра было невозможно.

Скоро оказалось, что проводникъ сбился съ дороги; кругомъ была мѣстность незнакомая. Попадались канавы, рытвины, можно было ежеминутно наткнуться на какую-нибудь блуждавшую шайку разсѣявшихся персіянъ, а прикрытія никакого, и ночь—зги не видно. Была одна очень опасная минута. Въ темнотѣ внезапно показалась какая-то конная толпа, двигавшаяся прямо на орудія. Одинъ линейный казакъ, случайно присоединившійся къ батареѣ Чернивецкаго, выѣхалъ къ ней навстрѣчу. Но было очень темно, и разобрать русскіе то, или персіяне—было нельзя. Линеецъ остановился и окликнулъ издали: «Кто ѣдетъ?» Ему отвѣчали: «казаки!» Выговоръ, однако, былъ не казацкій. «Казаки, стой! Какого полка?» продолжалъ допрашивать линеецъ. Молчаніе. Онъ повторилъ вопросъ. «Казачьихъ полковъ!» — вдругъ кто-то крикнулъ рѣзко. Линеецъ повернулъ коня и поскакалъ назадъ.

— «Ваше благородіе, это кизильбаши; ихъ человѣкъ сорокъ, они ужь выдернули шашки».

Къ счастію, ни Чернивецкій, ни его солдаты не растерялись. Они стали кричать: «Ура! въ ружье, казаковъ сюда!» Персіяне остановились и стали всматриваться. Одно орудіе, между тѣмъ, снялось съ передковъ, и вдругъ, въ непроглядномъ мракѣ, грянулъ выстрѣлъ. Ядро просвистало въ воздухѣ,—и персіяне моментально исчезли.

На гулъ пушечнаго выстрѣла, между тѣмъ, прискакала цѣлая сотня казаковъ. Оказалось, что пѣхота находилась от-

сюда всего въ двухъ-трехъ верстахъ и, слыша выстрѣлъ, послала ихъ узнать, въ чемъ дѣло. Казаки провели орудія къ тому отряду, къ которому они шли.

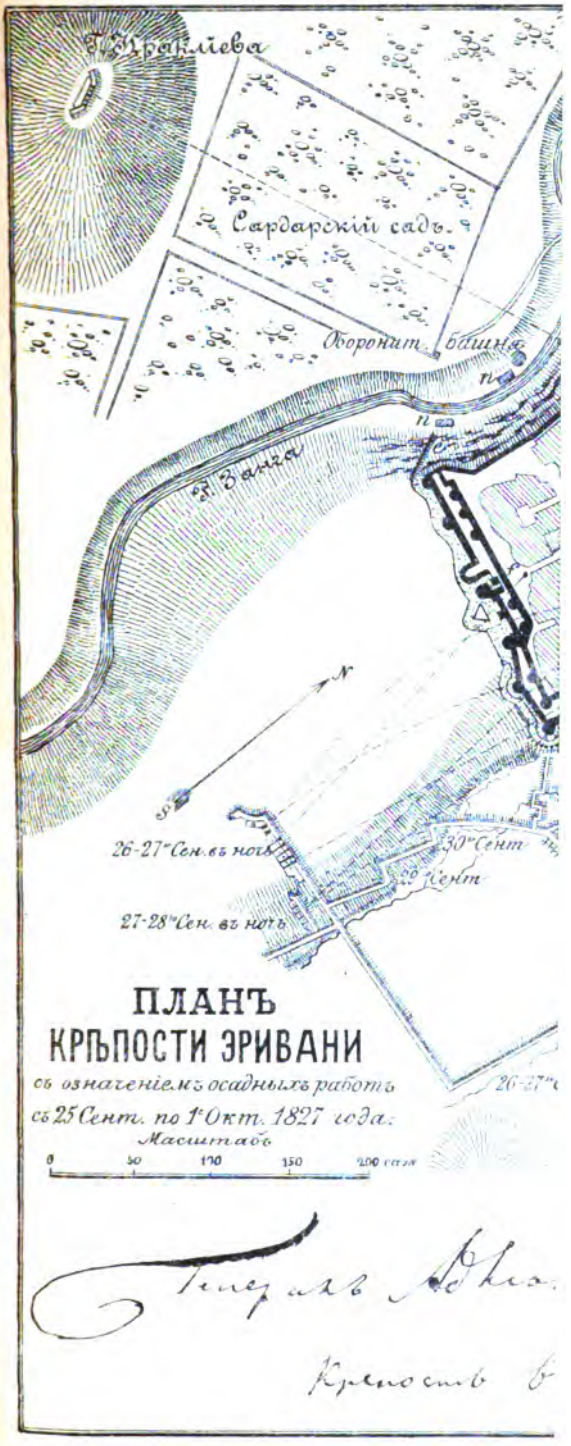
А между тѣмъ, пока Чернивецкій блуждалъ по полямъ, въ русскомъ станѣ происходило слѣдующее.

Едва раздался крикъ «сардарь бѣжалъ», какъ карабинерный полкъ, занимавшій въ тотъ день траншеи, быстро двинулся къ крѣпости. Первая карабинерная рота, капитана Золотарева, имѣя во главѣ генералъ-маіора Остенъ-Сакена и командира полка Фридерикса, смѣло прошла черезъ ровъ и, поднявшись на брустверъ, вступила въ городъ. Тутъ она убѣдилась, что гарнизона въ немъ уже, дѣйствительно, не было. Изъ главнаго лагеря, между тѣмъ, также посланы были войска, чтобы преслѣдовать сардаря. Пѣхота шла напрямикъ, по полямъ, усѣяннымъ на всемъ протяженіи огромными каменьями; конница скакала въ обходъ, стараясь захватить въ свои руки дороги къ Эривани, къ Тавризу и къ турецкой границѣ. Не смотря на темную ночь, нижегородцы, съ полковникомъ Раевскимъ, первые настигли бѣгущихъ. Къ нимъ скоро подоспѣли Чугуевскій уланскій полкъ и затѣмъ казаки. Вся конница, подъ начальствомъ генераловъ Бенкендорфа, Розена и Шабельскаго, ударила на колонну, при которой находился и самъ Гассанъ-Ханъ. Что произошло затѣмъ въ ночной темнотѣ, когда противники, сталкивавшіеся грудь съ грудью, не отличая своихъ отъ чужихъ, рубились наобумъ, описать невозможно. Съ разсвѣтомъ русская конница насчитала до 500 изрубленныхъ персидскихъ тѣлъ и возвратилась въ лагерь съ двумя стами пятьюдесятью плѣнными. Самъ Гассанъ-Ханъ, однако, успѣлъ скрыться, и жители видѣли его потомъ блуждавшаго съ сотнею всадниковъ въ безводномъ ущельѣ, вблизи турецкой границы.

Паскевичъ съ главными силами вступилъ въ крѣпость утромъ 20 сентября, встрѣченный армянскимъ духовенствомъ и населеніемъ. Въ крѣпости взято было 13 орудій, большіе запасы хлѣба, которые были очень кстати для войскъ, нуждавшихся въ провіантѣ, и было освобождено множество рус-

скихъ плѣнныхъ. Во время осады всѣ они были заперты въ крѣпостной магазинъ, на крышу котораго то и дѣло падали бомбы и ядра, ежеминутно угрожая смертью заключеннымъ. Замѣчательно, однако, что ни одному изъ нихъ русскіе выстрѣлы не нанесли ни малѣйшаго вреда. Когда крѣпость была занята, плѣнные немедленно получили свободу. Среди нихъ были и армяне, и грузины, и нѣмцы изъ разбитой персіянами Екатеринфельдской колоніи, и молодыя женщины и дѣвушки. Въ числѣ другихъ былъ освобожденъ тогда 14-лѣтній мальчикъ, Спиридонъ Эсадзе, впослѣдствіи замѣчательный генералъ корпуса жандармовъ, умершій въ 1875 г. въ Кутаисѣ. Радость освобожденныхъ понятна вполнѣ только тому, кто испыталъ всю тяжесть неволи и плѣна на жестокосердомъ Востокѣ. Потери русскихъ были ничтожны.

Сардарь-Абадъ палъ. Дорога къ Эривани лежала передъ Паскевичемъ открытою.


Г. Ираклева
Сардарскій садъ.
Оборонит. башня
Занга
N
26-27 Сен. въ ночь
30 Сент
29 Сент
27-28 Сен. въ ночь
ПЛАНЪ
КРѢПОСТИ ЭРИВАНИ
съ означеніемъ осадныхъ работъ
съ 25 Сент. по 1 Окт. 1827 года.
Масштабъ
0 50 100 150 200 саж
26-27

XXX.

Покореніе Эривани.

Послѣ паденія Сардарь-Абада, настала очередь Эривани. Обстоятельства войны, къ осени 1827 г., такъ измѣнились, что въ Петербургѣ и лично у государя составилось основательное убѣжденіе, что въ покореніи не Тавриза, а именно Эривани, лежалъ въ тотъ моментъ ключъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Вотъ что писалъ графъ Нессельроде Паскевичу на его представленія по этому поводу: ...«Его Величество полагаетъ, что дѣйствія къ Тавризу могли быть предприняты безъ предварительнаго занятія Эривани въ весенней кампаніи, какъ предполагалось; но при нынѣшнихъ же обстоятельствахъ каждое движеніе къ Тавризу должно быть послѣдствіемъ овладѣнія Эриванью».

Дѣйствительно, политическія дѣла въ Европѣ складывались тогда такъ, что вѣроятность войны Россіи съ Турціей росла съ каждымъ днемъ. А случись эта война, Кавказскому корпусу предстояли бы одновременныя дѣйствія въ Адербейд-

жанѣ и Карскомъ пашалыкѣ; тогда Эривань и Аббасъ-Абадъ должны были бы служить осью для военныхъ операцій его, и въ обѣихъ этихъ крѣпостяхъ необходимо было собрать значительные запасы провіанта и фуража, чтобы не испытывать затрудненій въ движеніяхъ слишкомъ большими подвижными магазинами.

Въ то же время, оставить въ блокадѣ Эривань и идти въ Тавризъ значило растянуть операціонную линію на огромное разстояніе, и въ случаѣ неудачи главныхъ ли силъ подъ Тавризомъ, или осаднаго корпуса подъ Эриванью, очутиться въ трудномъ и даже опасномъ положеніи. Непріятель, дѣйствуя на пространствѣ между Тавризомъ и Эриванью, могъ перерѣзать коммуникацію и этимъ вынудить русскихъ отступить не по операціонной линіи, а къ сторонѣ Карабага куда-нибудь на Мигри, Асландузъ или Худоперинскій мостъ. Тогда Нахичевань легко попала бы въ руки непріятеля, и всѣ плоды цѣлой кампаніи были бы потеряны. И если такой исходъ былъ маловѣроятенъ при войнѣ Россіи только съ одною Персіей, то въ случаѣ столкновенія съ Турціей, которая отвлекла бы большую часть русскихъ силъ отъ театра персидской войны, онъ представлялся вполнѣ естественнымъ. Всѣ эти доводы были выражены Паскевичу въ томъ предписаніи, о которомъ сказано выше, и такимъ образомъ дѣйствія прежде всего противъ Эривани были предрѣшены мнѣніемъ самаго государя, хотя мнѣніе это и не было поставлено для Паскевича обязательнымъ.

Взятіе Эривани было, впрочемъ, въ тотъ моментъ предпріятіемъ, уже далеко не представлявшимъ первоначальныхъ трудностей. Еще недавно лучшій оплотъ персидскаго государства, крѣпость эта уже не обладала той нравственной силой, безъ которой безполезны всякія укрѣпленія. Попрежнему стояла она на крутомъ утесистомъ берегу быстрой Занги, попрежнему ея высокія, гордыя трердыни, ея бастіоны и башни грозно смотрѣли изъ-за глубокихъ, наполненныхъ водою рвовъ, недоступныхъ для эскалады; но за крѣпкими стѣнами уже давно исчезъ воинственный духъ, и мирные

жители, населявшіе городъ, съ ихъ вѣчною заботою о насущномъ хлѣбѣ, представляли собою плохое ручательство за упорное сопротивленіе. Паскевичъ зналъ о нравственной слабости Эривани, и еще изъ-подъ Сардарь-Абада писалъ государю: «Конечно, Эривань не продержится болѣе нѣсколькихъ сутокъ».

Торопясь овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ до начала ненастной осенней погоды, Паскевичъ 22-го сентября уже былъ со своею арміею въ Эчміадзинѣ, а на слѣдующій день весь корпусъ его двинулся къ Эривани и сталъ на берегу Занги, въ двухъ верстахъ отъ города. Нужно сказать, извѣстіе о паденіи Сардарь-Абада окончательно поколебало мужество и эриванскаго гарнизона, и, вѣроятно, онъ рѣшился бы немедленно сдаться безъ боя. Но когда Паскевичъ подошелъ къ крѣпости, въ ней уже былъ все тотъ же неутомимый Гассанъ-Ханъ, какъ-то успѣвшій пробраться въ нее съ турецкой границы, — и мужество жителей и гарнизона было поднято.

Между тѣмъ Паскевичу приходилось вновь считаться съ обычнымъ зломъ, сопровождавшимъ русскихъ во все продолженіе персидской кампаніи, съ страшной болѣзненностью въ войскахъ. Несмотря на сравнительно благопріятное время года, она вновь сильно развилась въ арміи. Въ старомъ, ермоловскомъ войскѣ было еще значительно меньше больныхъ, и оно смотрѣло гораздо бодрѣе, несмотря на то, что на него легли всею тяжестью осадныя работы подъ Аббасъ-Абадомъ и Сардарь-Абадомъ, Джеванбулакскій бой и громадные переходы, сдѣланные подъ Нахичевань и обратно форсированнымъ маршемъ. Паскевичъ опытнымъ глазомъ видѣлъ это и круто измѣнилъ свое обращеніе съ кавказскими войсками: «онъ снялъ съ нихъ опалу», какъ выражается одинъ современникъ, — сдѣлался съ ними ласковъ и привѣтливъ. Но полки, пришедшіе изъ Россіи, страдали ужасно. Замѣчательно, однако, что легче всѣхъ, легче даже коренныхъ кавказскихъ войскъ, переносилъ труды похода сводный гвардейскій полкъ. И въ то время, какъ въ кавказскихъ полкахъ число боль-

ныхъ доходило до 800 человѣкъ, и батальоны выводили въ строй по 500, 600 штыковъ, гвардейскій полкъ никогда не имѣлъ больныхъ болѣе 300 человѣкъ, — остальные 900 были всегда подъ ружьемъ. «И подъ знойнымъ климатомъ — писалъ о нихъ Паскевичъ великому князю Михаилу Павловичу: — незамѣтно, что они пришельцы изъ климата полярнаго»

Но возникавшія препятствія могли только поселять желаніе поскорѣе покончить съ крѣпостью, и Паскевичъ энергически принялся за дѣло. Послѣ основательной рекогносцировки, 24-го сентября, былъ собранъ военный совѣтъ, и рѣшено вести атаку на крѣпость съ ея юго-восточнаго угла. «Какъ долго можетъ продолжиться осада?» спросилъ Паскевичъ у Пущина, ставшаго тогда уже совершенно необходимымъ для него.—«Въ Покровъ день покроемъ и крѣпость»,— отвѣтилъ Пущинъ.

Въ ночь на 25-е число, еще до начала осадныхъ работъ, брошено было въ городъ нѣсколько пробныхъ бомбъ изъ-за кургана Муханатъ-Тапа. Утромъ войска заняли восточный форштадтъ, и въ садахъ его закипѣла работа. Полки Кабардинскій и 39 егерскій, батальоны Севастопольскаго и Крымскаго полковъ — дружно принялись готовить туры и фашины. И ночью на 26-е число уже устроена была такимъ образомъ первая демонтиръ-батарея на шесть тяжелыхъ орудій, всего въ трехстахъ саженяхъ отъ восточной стѣны, на высокомъ Георгіевскомъ холмѣ, съ котораго видна почти вся внутренность крѣпости. Правѣе ея, въ полутораста шагахъ, за уцѣлѣвшимъ строеніемъ форштадта, въ садахъ, прикрытая высокою и твердою стѣною, расположилась другая батарейка на четыре двухпудовыя мортиры.

Съ утра началась канонада. Не успѣли сдѣлать трехъ выстрѣловъ съ русской демонтиръ-батареи, какъ по всей восточной стѣнѣ Эривани, надъ пятью огромными башнями ея заклубились облака порохового дыма, и надъ головами артиллеристовъ загудѣли персидскія ядра. Непріятель отвѣчалъ энергически, но скоро долженъ былъ уступить превосходству

русской артиллеріи; одинъ изъ первыхъ же снарядовъ ея попалъ въ главную мечеть и пробилъ великолѣпный куполъ, сдѣланный съ неподражаемымъ искусствомъ изъ глазированныхъ синихъ кирпичей, другой—пробилъ стѣну сардарьскаго дворца и повредилъ шахскій портретъ. На суевѣрныхъ персіянъ это обстоятельство произвело чрезвычайно дурное впечатлѣніе; самъ Гассанъ-Ханъ покинулъ пышный дворецъ и переселился въ тѣсную каморку крѣпостного каземата. Передъ закатомъ солнца тяжелыя орудія прекратили пальбу, но сосѣдка, мортирная батарея, продолжала стрѣлять всю ночь, и бомбы ея, рисуясь высоко въ воздухѣ, яркими метеорами падали и падали въ крѣпость.

Между тѣмъ, едва только смерклось, двѣ тысячи рабочихъ, съ ломами, кирками и лопатами, разсыпавшись по обѣ стороны сѣверо-восточнаго угла, во сто девяти саженяхъ ото рва, начали рыть траншею. Ночи стояли лунныя; но на этотъ разъ темныя облака заволокли все небо и покровительствовали осаждающимъ. Когда полный мѣсяцъ вышелъ, наконецъ, изъ-за тучъ и освѣтилъ мѣстность,—непріятель открылъ жестокій огонь по работавшимъ. Но молча продолжали свое дѣло солдаты; молча, съ ружьемъ у ноги, стоялъ гвардейскій батальонъ, прикрывавшій ихъ, ни однимъ выстрѣломъ не отвѣчая непріятелю. «И въ теченіе всей осады, — говоритъ Паскевичъ:—это хладнокровіе въ русскомъ войскѣ осталось неизмѣннымъ». Къ утру вся параллель, огибающая юго-восточный уголъ Эривани, была окончена, а на ея лѣвомъ флангѣ появилась другая демонтиръ-батарея, вооруженная также шестью тяжелыми орудіями и двумя двухпудовыми мортирами.

Теперь, весь день 27-го числа, крѣпость громили уже 18 орудій съ двухъ батарей. Несмотря на то, въ урочный часъ, по захожденіи солнца, слышно было, какъ въ Эривани на трубахъ и барабанахъ играли вечернюю англійскую зорю; видно было, какъ крѣпостной гарнизонъ принялся исправлять поврежденія, надѣланныя въ стѣнахъ русскими снарядами, и затѣмъ все затихло въ крѣпости,—не спали только одни ча-

совые, густою цѣпью разставленные по крѣпостной стѣнѣ: ихъ протяжный окликъ «сар-басъ!»—не умолкалъ до самаго свѣта.

Русскія работы въ эту самую ночь быстро подвигались впередъ, и часъ паденія Эривани близился. 28-го числа, по крѣпости дѣйствовали уже 14 осадныхъ орудій. Это была брешь-батарея, расположенная на правомъ флангѣ траншей, всего въ разстояніи 150 саженей отъ стѣны. Со стѣнъ Эривани неумолчно также гремѣлъ артиллерійскій огонь, но къ нему въ русскомъ лагерѣ относились совершенно равнодушно, онъ былъ безвреденъ. Только разъ какъ-то одна изъ непріятельскихъ бомбъ, случайно залетѣвшая въ лагерь, угодила въ самый котелъ, гдѣ варилась солдатская каша,—и въ немъ лопнула. И котелъ и каша разбросаны были на далекое разстояніе; батальонъ егерей лишился скромнаго обѣда, но этимъ все и кончилось,—ни убитыхъ, ни раненыхъ не было.

А крѣпость испытывала, между тѣмъ, всѣ ужасы бомбардированія. Весь день и всю ночь ревъ русской артиллеріи потрясалъ эриванскія стѣны, то и дѣло затмевавшіяся густыми облаками собственной пыли; съ трескомъ и гуломъ, большими каменными глыбами, валились обломки на дно крѣпостного рва, засыпая его; амбразуры были разрушены, орудія подбиты. Огонь съ крѣпости слабѣлъ часъ отъ часу. 18 тысячъ жителей, изъ которыхъ большинство было армянъ, согнанныхъ насильно въ крѣпость, просили Гассана о сдачѣ. Просьбы ихъ были напрасны; угрюмый ханъ угрозами сдерживалъ ихъ ропотъ. Тѣмъ не менѣе уныніе само, незванное, шло въ крѣпость, подрывая ея послѣднія нравственныя силы. Вечеромъ 28-го сентября тамъ не звучала уже англійская зоря, и только слышались унылые монотонные окрики часовыхъ. Съ этой ночи, для предупрежденія такого же прорыва непріятельскаго гарнизона, какой случился въ Сардарь-Абадѣ, Паскевичъ приказалъ занять сѣверный форштадтъ батальономъ пѣхоты, дивизіономъ уланъ и казачьими полками съ четырьмя конными орудіями, а на другомъ берегу Занги составленъ былъ особый отрядъ изъ Нижегородскаго драгунскаго и двухъ

казачьихъ полковъ съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шабельскаго. Съ этого же дня Паскевичъ приказалъ прикомандировать въ траншеи на все время, безсмѣнно, всѣхъ офицеровъ, сосланныхъ на службу въ кавказскій корпусъ для наказанія, и всѣхъ разжалованныхъ изъ офицеровъ, чтобы дать имъ случай отличиться при очевидно близкомъ взятіи крѣности и заслужить прощеніе. А въ крѣпости ожидали приступа.

29 числа, съ ранняго утра опять загремѣла брешь-батарея, и къ полудню, подъ ея жестокимъ огнемъ, рухнула восточная угловая башня Эриванской стѣны, вмѣстѣ съ смежной съ нею куртиной. Теперь оставалось только взорвать контръ-эскарпъ, и тогда, заваля имъ ровъ, можно бы было уже безъ помощи штурмовыхъ лѣстницъ, по разрушеннымъ стѣнамъ, идти прями въ крѣпость. Потребовалось, однакоже, добыть болѣе точныя свѣдѣнія о глубинѣ и ширинѣ крѣпостного рва. Между офицерами бросили жребій, и честь исполнить это важное предпріятіе досталось на долю А. Ф. Багговута, тогда подпоручика лейбъ-гвардіи Московскаго полка, а впослѣдствіи извѣстнаго кавалерійскаго генерала, героя Башъ-Кадыкъ-Лара и Кюрюкъ-Дара. Въ сопровожденіи двухъ солдатъ, подъ огнемъ непріятеля, онъ исполнилъ опасное порученіе и, измѣривъ лотомъ ширину и глубину рва, возвратился назадъ только съ однимъ солдатомъ, — другой былъ убитъ во рву наповалъ осколкомъ бомбы. Паскевичъ тутъ же пожаловалъ Багговуту орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ.

Нужно сказать, что, щадя осажденныхъ и сознавая, насколько выгоденъ каждый часъ болѣе ранняго покоренія Эривани, Паскевичъ послалъ предложеніе Гассанъ-Хану сдать крѣпость, подъ тѣмъ условіемъ, что ему, со всѣмъ гарнизономъ, предоставленъ будетъ свободный выходъ. Шесть часовъ давалось ему на размышленіе. Гассанъ-Ханъ не отвѣчалъ ни слова. Но когда, 30-го числа утромъ, на Иракліевой горѣ поставили новую шести-орудійную батарею, а затѣмъ осадныя работы довели до третьей параллели, изъ Эривани, около полудня, пріѣхалъ парламентеръ. Гассанъ-Ханъ со-

глашался сдаться, но только просилъ позволенія предварительно узнать волю Аббасъ-Мирзы, стоявшаго верстахъ въ 70, около Хоя. «Безъ посылки къ Аббасъ-Мирзѣ сдаться сейчасъ же, отвѣчалъ Паскевичъ: — иначе Гассанъ узнаетъ силу русскихъ штыковъ». Парламентеръ уѣхалъ и болѣе не возвращался. Суровыя мѣры стали неизбѣжны, несмотря на присутствіе въ городѣ христіанъ-армянъ.

Когда третья параллель была уже заложена, Пущина позвали къ Паскевичу. Онъ нашелъ его на брешь-батареѣ, раздраженно говорившаго съ инженернымъ генераломъ Трузсономъ. Увидѣвъ Пущина, Паскевичъ обратился къ нему: «можно ли сегодня ночью короновать гласисъ?» — «Почему же нельзя, если вы желаете; стоитъ только дать приказаніе»,—отвѣтилъ Пущинъ. Трузсонъ на это возразилъ: «я любопытенъ видѣть, какъ вы это приведете въ исполненіе?» — «Онъ вамъ покажетъ какъ!» — сказалъ Паскевичъ, и приказалъ Пущину сдѣлать всѣ приготовленія.

«Трузсонъ, разсказываетъ Пущинъ: — извѣстный инженеръ-техникъ и теоретикъ, инженеръ-методистъ, ни за что не разставался съ теоріею искусства, которая не допускаетъ коронованія гласиса изъ третьей параллели безъ приближенія къ крѣпости двойною сапою, прикрываясь траверзами и мантелетами. Но онъ упустилъ изъ виду, что мы имѣемъ дѣло съ непріятелемъ, который шесть дней къ ряду не дѣлалъ ни одной вылазки и не препятствовалъ нашимъ работамъ».

И Пущинъ приказалъ подвигаться впередъ не тихою, а летучею сапою. Между тѣмъ огонь русскихъ батарей былъ усиленъ, и громъ ихъ смолкъ только передъ вечеромъ, когда Паскевичъ приказалъ отправить двѣ тысячи рабочихъ, чтобы дойти летучею сапой непремѣнно до самаго гласиса. Луна, показавшаяся съ вечера, теперь закрыта была облаками, и это много способствовало успѣху работы. Въ то время, какъ солдаты работали, Паскевичъ стоялъ на батареѣ, облокотясь на мѣдную пушку, и смотрѣлъ на востокъ, тревожно слѣдя глазами за набѣгавшими тучами. Но темныя облака задерпули все небо и закрывали нашихъ рабочихъ. Около полу-

ночи, когда летучая сапа подведена была къ крѣпости уже такъ близко, что можно было приступить къ вѣнчанію гласиса, вдругъ стѣны Эривани освѣтились яркими подсвѣтами, такъ что не только наши рабочіе, но и батареи стали видны, какъ днемъ, и въ тотъ же моментъ съ крѣпостныхъ стѣнъ открытъ былъ адскій пушечный и ружейный огонь. Въ траншеяхъ ударили отбой. Сводный гвардейскій полкъ, прикрывавшій рабочихъ, сталъ отходить назадъ; но Пущинъ не хотѣлъ повиноваться отбою и продолжалъ работы. Тогда Паскевичъ послалъ къ нему Багговута съ приказаніемъ немедленно отступать. Пущинъ явился самъ и умолялъ Паскевича не отрывать рабочихъ ручаясь головою, что завтра крѣпость будетъ взята. — «Въ траншеяхъ много выбито людей», возразилъ ему Паскевичъ. — «Прикажите людямъ не показываться изъ траншей и плацдармовъ, и потери не будетъ», отвѣчалъ Пущинъ. Паскевичъ, наконецъ, согласился; убѣдившись въ безопасности рабочихъ, онъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ въ лагерь.

Между тѣмъ позаботились и о томъ, чтобы заставить замолчать непріятельскую артиллерію, и по освѣщеннымъ стѣнамъ крѣпости открылась сильная канонада со всѣхъ русскихъ батарей. Сорокъ орудій принялись громить крѣпость. Въ эту ночь, о которой съ неописаннымъ ужасомъ долго вспоминали эриванскіе старожилы, огонь русскихъ батарей продолжался до бѣлаго свѣта. Однѣхъ бомбъ брошено было въ городъ болѣе тысячи. Пламя отъ нихъ и зарево пожаровъ освѣщало картину страшнаго разрушенія. Крѣпость гибла подъ своими развалинами. Черезъ часъ она должна была замолчать, скрыть яркіе свои огни и спрятаться въ мракѣ темной ночи.

Часа за два до открытія этой страшной канонады, Гассанъ-Ханъ съ нѣкоторыми приближенными къ нему чиновниками сдѣлалъ попытку бѣжать изъ крѣпости. Часть гарнизона вышла и стала приближаться къ сѣверному форштадту, стараясь обойти его стороною, чтобы переправиться черезъ Зангу. Въ этотъ день сѣверный форштадтъ занимали двѣ

роты 39-го егерскаго полка, а за ними, на высотахъ, прилегавшихъ къ Зангѣ, были расположены два казачьи полка (Андреева и Сергѣева), подъ общею командою подполковника Красовскаго, и весь Чугуевскій уланскій полкъ, подъ командою подполковника Ивлича. Наткнувшись на егерей, непріятель поспѣшно возвратился въ крѣпость. Только одна конная партія, человѣкъ въ 60, смѣло ударила на стрѣлковъ и прорвала цѣпь; но въ тылу ихъ она неожиданно встрѣтилась съ уланами и казаками. Тогда, окончательно разстроенные, персіяне бросились назадъ, преслѣдуемые и истребляемые. Впослѣдствіи оказалось, что въ этой партіи и былъ самъ Гассанъ-Ханъ.

Когда онъ вернулся въ крѣпость, она вся стояла въ огнѣ: ни одно строеніе не уцѣлѣло отъ разрушительнаго дѣйствія русскихъ снарядовъ, ни плосскія кровли домовъ, ни куполы мечетей,—и многіе жители погибли подъ развалинами своихъ домовъ. Смятеніе въ городѣ было ужасно: женщины и дѣти съ воплемъ бѣгали по узкимъ улицамъ, стараясь укрыться отъ носившейся за ними смерти... Наконецъ огромная толпа жителей бросилась къ Гассанъ-Хану, съ требованіемъ, чтобы онъ сдался. Гассанъ отвѣчалъ имъ бранью и проклятіями.

Такъ прошла страшная для Эривани ночь. Наступило утро 1-го октября, и жители съ ужасомъ увидѣли, что русскіе туры стояли уже на краю самаго рва. Отчаяніе овладѣло всѣми. Не зная, куда укрыться отъ летѣвшихъ снарядовъ, народъ бросился на башни и валы: одни, становясь на колѣни, махали бѣлыми платками и кричали, что они сдаются; другіе спускались въ ровъ и, подъ градомъ пуль, перебѣгали въ русскія траншеи.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, когда жители толпою выставляли на крѣпостной стѣнѣ бѣлый платокъ и махали шапками, полковники Гурко и Шепелевъ, бывшіе въ траншеяхъ, съ шестью ротами гвардейскаго полка бросились, по распоряженію дежурнаго въ траншеѣ, генерала Лаптева, черезъ брешь и быстро и рѣшительно заняли юго-восточную башню подъ огнемъ непріятеля, еще стрѣлявшаго съ южной

стороны. Въ то же время самъ генералъ Лаптевъ, съ остальными гвардейскими ротами и рабочими отъ Севастопольскаго и 39 егерскаго полковъ, подошелъ къ сѣвернымъ воротамъ, чтобы не дать никому выйти изъ крѣпости. Туда же скоро подоспѣлъ и генералъ Красовскій съ частью своего отряда. Гордо стояли теперь солдаты надъ рвомъ облокотившись на опущенныя къ ногѣ ружья, еще не остывшія отъ послѣдней перестрѣлки, и хладнокровно ожидали, пока растворять передъ ними ворота, заваленныя каменьями и засыпанныя землею. Чтобы ускорить этотъ моментъ, Красовскій перешелъ черезъ ровъ и сталъ возлѣ самыхъ воротъ, сопровождаемый генералъ-адъютантомъ графомъ Сухтеленомъ, генералъ-маіоромъ Лаптевымъ, двумя адъютантами и опять оберъ-аудиторомъ Бѣловымъ. Огромныя, окованныя желѣзомъ ворота были еще заперты; за ними слышался шумъ, похожій на споръ многихъ голосовъ. Красовскій приказалъ Бѣлову, хорошо владѣвшему татарскимъ языкомъ, сказать, чтобы ворота сію же минуту были растворены. Но едва Бѣловъ передалъ приказаніе генерала, какъ изъ крѣпости грянулъ выстрѣлъ, — и большая мѣдная фальконетная пуля раздробила ему черепъ. Бѣловъ палъ мертвый, и выбитый мозгъ его обрызгалъ стоявшаго рядомъ Красовскаго. Но это была уже послѣдняя пуля, пущенная изъ Эривани, послѣдній выстрѣлъ, направленный рукою самого Гассанъ-Хана... Черезъ минуту ворота распахнулись,—и русскія войска вошли въ крѣпость. Предполагаютъ, что упорный защитникъ Эривани намѣревался въ послѣдній моментъ взорвать крѣпость, и съ этою цѣлью уже вложилъ въ пороховую башню горящій фитиль. Къ счастію, поручикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Лемякинъ во-время замѣтилъ опасность и, бросившись въ погребъ, выхватилъ руками горящій фитиль. Гарнизонъ положилъ оружіе. Но Гассанъ-Ханъ, съ горстію своихъ приверженцевъ, заперся въ мечети.

Честь взятія въ плѣнъ Гассанъ-Хана приписывается обыкновенно графу Сухтелену. Такъ ставятъ дѣло, по крайней мѣрѣ, всѣ печатные источники. Но генералъ Красовскій въ своихъ посмертныхъ запискахъ говоритъ нѣчто иное, и въ

справедливости его словъ едва ли можно сомнѣваться. Вотъ что разсказываетъ онъ. Когда онъ вошелъ съ войскомъ въ крѣпость, на вопросъ его, обращенный къ одному изъ плѣнныхъ: гдѣ Гассанъ-Ханъ? — тотъ вызвался быть провожатымъ и указалъ большую мечеть, стоявшую близъ ханскаго дома. Красовскій тотчасъ приказалъ встрѣтившимся ему двумъ ротамъ своднаго гвардейскаго полка слѣдовать за собою и, окруживъ мечеть, заставилъ непріятеля угрозою штурма прекратить перестрѣлку. Затѣмъ онъ одинъ, съ небольшою свитой, вошелъ въ мечеть, гдѣ находилось больше двухсотъ персіянъ, — и этому присутствію духа и отважной рѣшимости его, русскіе только и обязаны тѣмъ, что взятіе въ плѣнъ сардаря, извѣстнаго неукротимымъ и бѣшенымъ характеромъ, обошлось спокойно и безъ пролитія крови. «Оружіе съ него снято было моими руками—говоритъ Красовскій:—и тутъ же передано моему адъютанту барону Врангелю, а тотъ уже, по моему приказанію, передалъ его бывшему при Сухтеленѣ свитскому офицеру Чевкину, для доставленія юрпусному командиру. Какимъ же образомъ очутилось въ донесеніи, что графъ Сухтеленъ, отыскавъ Гассанъ-Хана, снялъ съ него оружіе,— сего, конечно, литераторы ваши не разгадаютъ»...

Вмѣстѣ съ Гассаномъ взяты въ плѣнъ шесть значительныхъ хановъ; но коменданта Эривани, Суванъ-Кули-Хана, нигдѣ отыскать не могли. Позже его нашелъ поручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба Чевкинъ (впослѣдствіи министръ), спрятавшимся въ подземельѣ; онъ былъ переодѣтъ, надолго запасся провизіей и въ своемъ подземельи выжидалъ удобнаго случая для бѣгства.

Покорившись участи плѣнника, отважный Гассанъ-Ханъ жаловался Красовскому только на потерю драгоцѣннаго меча, который онъ потерялъ наканунѣ, во время несчастной попытки бѣжать изъ крѣпости. Спускаясь по веревкамъ съ высокой стѣны, онъ выронилъ его изъ ноженъ и, не разыскавъ его въ суматохѣ, въ бѣшенствѣ разбилъ богатыя ножны о камень. Драгоцѣнный мечъ представлялъ собою большую историческую важность. Онъ, по преданію, нѣкогда принадлежалъ

Тамерлану и былъ неразлучнымъ спутникомъ въ его походахъ по Востоку и въ битвахъ съ турецкимъ султаномъ Баязидомъ-Молніей. Отъ Тамерлана мечъ перешелъ къ одному изъ предковъ царствовавшей въ Персіи династіи Софіевъ и долго служилъ украшеніемъ сокровищницы персидскихъ государей. Когда Гассанъ-Ханъ, въ 20-хъ годахъ, прославилъ себя побѣдами надъ турками, шахъ прислалъ ему фирманъ, разрѣшая милостиво просить награду, какую онъ пожелаетъ. Ханъ просилъ пожаловать ему тамерлановскій мечъ и титулъ «Серъ-Арслана», т. е. главы или предводителя львовъ. Шахъ исполнилъ и то, и другое. Очевидно, потеря меча, столь знаменитаго въ Персіи, не могла не огорчать Гассана. Красовскій принялъ горячее участіе во всемъ этомъ дѣлѣ, и при содѣйствіи Джафара-Хана Айрюкскаго, мечъ былъ найденъ у одного татарина, который тщательно скрывалъ драгоцѣнность, разсчитывая обогатиться продажею ея. Татаринъ получилъ награду, а знаменитый мечъ, по желанію Гассанъ-Хана, отправленъ былъ Красовскимъ въ даръ императору Николаю Павловичу.

«Къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества повергаю мечъ Великаго Тамерлана, добытый мною въ стѣнахъ Эривани,—писалъ Красовскій государю. — Кому, если не Государю моему и благодѣтелю, принесу я въ даръ мечъ сей, украшавшій сокровищницу шаховъ Персидскихъ? Нѣкогда, въ могучей десницѣ Тамерлана, онъ покорилъ Востокъ и попралъ гордость турокъ, въ лицѣ ихъ султана, Баязида-Молніи; нынѣ же, въ благословенныхъ рукахъ Вашего Величества, да повторитъ онъ свѣтлый ударъ Тамерлана, сокрушивъ враговъ вѣры и человѣчества».

Къ сожалѣнію, большой драгоцѣнный камень, украшавшій рукоять меча, пропалъ безслѣдно и былъ замѣненъ золотымъ наконечникомъ.

Впослѣдствіи, когда Гассанъ-Хану объявили, что онъ долженъ готовиться къ отъѣзду въ Петербургъ, онъ принялъ это извѣстіе съ видимымъ удовольствіемъ. «Я зналъ,—проговорилъ онъ съ важностью:—что великому русскому импе-

ратору угодно будетъ увидѣть стараго заслуженнаго воина, котораго имя донынѣ съ ужасомъ произносится турками»... «Я не страшусь предстать передъ лицо великаго монарха,— говорилъ онъ Красовскому: — онъ великодушенъ и проститъ мнѣ, что я вѣрно служилъ моему государю».

Узнавъ, однако, о томъ, что вмѣстѣ съ нимъ долженъ отправиться и Измаилъ-Ханъ, взятый въ плѣнъ Бенкендорфомъ еще при Карасу-Баши, въ началѣ кампаніи, Гассанъ заявилъ, что ему, какъ персидскому сардарю, неприлично ѣхать вмѣстѣ съ обыкновеннымъ ханомъ, и просилъ отправить его одного. Паскевичъ уважилъ его просьбу. Политическія обстоятельства помѣшали, однако, прибытію его въ Петербургъ, и онъ былъ задержанъ на пути, въ Екатериноградѣ, на Терекѣ.

Когда Эривань уже сдалась, въ главномъ лагерѣ еще ничего объ этомъ не знали. Князь Голицынъ, посланный Красовскимъ съ донесеніемъ, упалъ на скаку съ лошади и, жестоко разбившись о камни, привезенъ былъ въ лагерь безъ чувствъ. «Паскевичъ—говоритъ Пущинъ: — узналъ о взятіи Эривани только тогда, когда, по примѣру гвардейскаго полка, всѣ прочія войска стали производить сильный грабежъ»...

Безпорядки продолжались, однако, весьма недолго; черезъ два часа въ городѣ повсюду стали русскіе караулы, и въ немъ водворилось полнѣйшее спокойствіе и безопасность. Жители почти непосредственно затѣмъ стали возвращаться въ свои деревни, въ сознаніи, что наступило время не силы, а права и справедливости. Купцы стали пріѣзжать изъ турецкихъ земель. Офиціальное донесеніе разсказываетъ, что нѣсколько такихъ купцовъ встрѣтили одного славившагося буйствомъ хана, — и хотѣли бѣжать отъ него. «Не бойтесь, — сказалъ онъ имъ:—все теперь спокойно, Эривань взята, и я уже подданный императора». Такъ сказалось въ краѣ пришествіе русскаго владычества.

Но Эривани предстояло еще долго быть въ положеніи безотрадномъ. Видъ города былъ ужасенъ. «Доѣхавъ до юго-восточнаго угла крѣпости, — говоритъ одинъ очевидецъ: — я

удивился разрушенію стѣнъ и башенъ. Мнѣ кажется, что всемогущее время въ четыре вѣка не могло бы сдѣлать того, что въ четыре дня сдѣлала осадная артиллерія».

Побѣдителямъ досталось въ крѣпости 49 орудій, 50 фальконетовъ и 4 знамени. Въ плѣнъ взято около 4-хъ тысячъ сарбазовъ. Потери русскихъ сравнительно были ничтожны. Такъ пала въ день Покрова Пресвятой Богородицы знаменитая крѣпость, подъ стѣнами которой, 19 лѣтъ передъ тѣмъ, русскія потери считались тысячами.

На слѣдующій день, 2-го октября, войска торжествовали побѣду, слава которой должна была разнестись радостною вѣстію по всему русскому царству. Осенній день былъ прекрасенъ, и солнце, какъ бы привѣтствуя побѣдителей, сіяло во всемъ своемъ блескѣ на голубомъ, безоблачномъ небѣ. Пороховыя тучи, окутывавшія Эривань въ послѣдніе пять дней, разсѣялись, и грозныя стѣны, еще недавно уставленныя пушками, теперь были унизаны толпами любопытныхъ зрителей. Войска, собранныя передъ южными воротами крѣпости, построены были въ одно огромное каре, и передъ ними прочитали слѣдующій приказъ главнокомандующаго:

«Храбрые товарищи! Вы много потрудились за царскую славу, за честь русскаго оружія. Я былъ съ вами днемъ и ночью, свидѣтелемъ вашей бодрости неусыпной, мужества непоколебимаго: побѣда вездѣ сопровождала васъ».

«Въ четыре дня взяли вы Сардарь-Абадъ; въ шесть — Эривань, ту знаменитую твердыню, которая слыла неприступнымъ оплотомъ Азіи. Цѣлые мѣсяцы ее прежде осаждали, и въ народѣ шла молва, что годы нужны для ея покоренія. Вамъ стоило провести нѣсколько ночей безъ сна, и вы разбили стѣны ея, стали на краю рва и навели ужасъ на ея защитниковъ. Эривань пала передъ вами, — и нѣтъ вамъ болѣе противниковъ въ цѣломъ персидскомъ государствѣ: гдѣ ни появитесь — толпы непріятелей исчезнутъ передъ вами, завоевателями Аббасъ-Абада, Сардарь-Абада и Эривани; города отворятъ ворота свои, жители явятся покорными, и угнетенные своими утѣснителями соберутся подъ

А пришедши, начали,
Видя вражью мочь,
Шанцы, батареюшки
Строить день и ночь.

А построивъ, въ нехристя
Прежде чѣмъ палить,
Пушечки, мортирочки
Стали наводить.

А потомъ, ребятушки,
Какъ пришла пора:
Крикнули по нашему
Русское «ура!»

Крикнули, ударили,
Понеслись на брань—
И въ секунду съ четвертью
Взяли Эривань.

Графъ же Иванъ Федорычъ—
Наша голова—
Тотчасъ въ ней отпраздновалъ
Праздникъ Покрова,

И Мирзѣ Мирзовичу
Снова давъ трезвонъ,
Царство бусурманское
Захватилъ въ полонъ.

Такова эта солдатская пѣсня. Въ сущности, она очень вѣрно выражаетъ внутреннюю послѣдовательность и зависимость событій между собою. Удачно и послѣднее выраженіе: паденіе Эривани было началомъ именно «плѣненія бусурманскаго царства», — оно открывало путь въ глубь Персіи, къ самому Тавризу.

РАЖЕНІЕ ПРИ ВЕРТѢ

6-го августа 1870 г. Составилъ заслуженный профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ **Г. А. Лееръ.** Программа утверждена Военнымъ Министромъ для военныхъ и юнкерскихъ училищъ. Изданіе 2-е, вновь пересмотрѣнное 1885 г.

Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 2-го марта 1885 г. за № 49, о книгѣ сказано:

...«Сраженіе при Вёртѣ описано и разобрано съ тѣмъ знаніемъ дѣла и талантомъ, которые давно выдвинули въ рядъ первостепенныхъ ученыхъ почтеннаго Г. А. Леера. Надо считать особенно благопріятнымъ то обстоятельство, что составленіе подробнѣйшаго, со всѣми необходимыми мелочами описанія сраженія выпало на долю автора, отличающагося замѣчательной способностью къ синтезу, къ обобщенію фактовъ»...

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

и брюссельская конференція 1874—1878 гг. Ф. Мартенса, профессора Спб. университета и члена института международнаго права 1879 г. Сочиненіе это внесено въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Цѣна **3** р., съ пер. **3** р. **50** к.

Въ журналѣ «Русская Мысль» 1880 г. за февраль мѣсяцъ помѣщенъ объ этомъ сочиненіи подробный отзывъ начинающійся такъ:

«... Сочиненіе извѣстнаго профессора Ф. Мартенса интересно не только для лицъ, спеціально занимающихся изученіемъ политическихъ наукъ и для юристовъ вообще, но и для каждаго образованнаго русскаго читателя»...

СОБРАНІЕ

СОЛДАТСКИХЪ И НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ

записанныхъ и аранжированныхъ на 4 голоса, съ сопровожденіемъ фортепіано, **А. Д. Лебедевымъ.** 2-е изданіе.

Выпускъ 1. 1) Пѣсня Бутырскаго полка. 2) Сидѣлъ воронъ на березѣ. 3) Какъ во полѣ, полѣ стояла ракита. 4) О чемъ задумался служивый. 5) Вечеръ поздно изъ лѣсочка. 6) Ночи темны тучи грозны, и 7) Близко къ Дону . . . . . **50 к.**

Выпускъ 2. 1) Полночь наступаетъ. 2) Здравствуй матушка красавица зима. 3) Что не вороны чернѣютъ. 4) Славно намъ-бы возвратиться. 5) Громъ побѣды раздавайся. 6) Я вечеръ моя милая. 7) Нука вспомните ребята, и 8) Уродися мое поле. **50 к.**

Выпускъ 3. 1) Нука вспомните ребята. 2) Поле чистое турецкое. 3) За Ураломъ за рѣкой. 4) Скучно мнѣ на чужой сторонѣ. 5) На побѣды въ Азіятской Турціи. 6) Вспомнимъ братцы какъ стояли мы на Шипкѣ въ облакахъ, и 7) Красоточка дѣвушка . . . . . **50 к.**

ТРУДЫ КОММИССІИ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

ПО СОСТАВЛЕНІЮ ЧТЕНІЙ

ДЛЯ ВОЙСКЪ И НАРОДА.

ПОКОРЕНІЕ ТУРКМЕНЪ-ТЕКИНЦЕВЪ

РУССКИМИ ВОЙСКАМИ

подъ начальствомъ генерала **Скобелева** въ 1880—1881 гг. Сост. **Л. К. Артамоновъ.** Изд. 2-е съ портретами и виньетками. 1888 г.

Цѣна **20** коп.

Книжный складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С-Петербургъ, Колокольная, № 14.

ОБОРОНА
БАЛТІЙСКАГО ПРИБРЕЖЬЯ
въ 1854—1856 гг.

Составилъ В. Кренке. Съ планами и чертежами. 1887 г.

Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 85 к.

книгѣ въ газетѣ «Русскій Инвалидъ», 1887 г. за № 119, сказано:

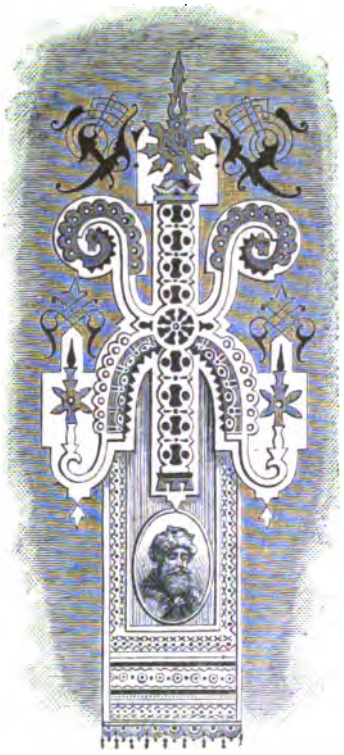
«....Книга издана очень хорошо и снабжена множествомъ плановъ, чертежей и пр. Въ общемъ трудъ г. Кренке слѣдуетъ признать столько-же интереснымъ, сколько и полезнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей военно-исторической литературы».

ПУГАЧЕВЪ И ЕГО СООБЩНИКИ.

Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II. 1773—1774 гг. По неизданнымъ источникамъ Н. Дубровинъ. Три тома, съ картою театра дѣйствій. 1884 г.

Цѣна **9** руб., съ перес. **10** руб.

«Чтеніе этой монографіи, благодаря интересу возбуждаемому предметомъ и безъискуственности повѣствованія, завлекаетъ читателя и переноситъ его въ тотъ восемнадцатый вѣкъ, отдаленныя воспоминанія о которомъ «еще и до сихъ поръ живутъ въ нашемъ обществѣ». (Русская Мысль 1885 г. № 4).



ИЗНЕОПИСАНІЯ

РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ,

издаваемыя подъ редакціей **Вс. Н. Мамышева**, изъ 4-хъ выпусковъ, каждый выпускъ содержитъ отъ 10 до 25 печатныхъ листовъ, не менѣе 3-хъ портретовъ и гравюры.

Цѣна **6** руб.

Въ изданіе это вошли біографіи слѣдующихъ лицъ: И. Н. Скобелева (дѣдъ), Дениса Давыдова (партизанъ), Перваго фельдмаршала Головина, Я. И. Ростовцева, Казарскаго, Атамана Платова, Адмирала Нахимова, Графа Милорадовича и другихъ.

Отдѣльно выпуски не продаются.

Внесено въ основной каталогъ.

ПРОВОДНИКЪ И ПЕРЕВОДЧИКЪ

ПО ОКРАИНАМЪ РОССІИ,

Заключающій въ себѣ 24 языка: 1) Шведскій, 2) Финскій, 3) Эстскій, 4) Латышскій, 5) Литовскій, 6) Польскій, 7) Бѣлорусскій, 8) Малорусскій, 9) Татарскій Казанскій, 10) Татарскій Сибирскій, 11) Алтайскій, 12) Якутскій, 13) Тунгузскій, 14) Калмыцкій, 15) Бурятскій, 16) Сартовскій, 17) Узбекскій, 18) Персидскій, 19) Киргизскій, 20) Туркменскій, 21) Армянскій, 22) Грузинскій, 23) Татарскій Кавказскій и 24) Татарскій Крымскій. (По каждому языку 1000 самонужнѣйшихъ словъ, 500 разговорныхъ фразъ и грамматическій очеркъ).

Составилъ по методѣ Меццофанти **А. В. Старчевскій.**

Цѣна **1** р. **50** к., съ перес. **1** р. **75** к.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Почтой: В. А. Березовскому, С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

Телеграммой: Петербургъ Колокольная **Березовскому**.

пр. № 37.24

Изданіе В. А. Березовскаго

Кавказская война

въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ

В. Потто.

Томъ III-й выпускъ четвертый.

Изданіе второе

С. Петербургъ.

Рис. К. Лебедевымъ 1886

гр. Н. Денисовскій

ЛИСТОКЪ

КОНТОРЫ и СКЛАДА

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

Печатается ежемѣсячно, въ количествѣ 10,000 экземпляровъ и заключаетъ въ себѣ:

1. Извѣщенія и свѣдѣнія о товарахъ продающихся въ складѣ В. А. Березовскаго.
2. Новыя изданія поступившія въ продажу.
3. Отвѣты и разъясненія, касающіеся сношеній конторы и склада В. А. Березовскаго со своими покупателями.
4. Разныя объявленія.

Вслѣдствіе частыхъ перемѣщеній должностныхъ лицъ и дороговизны печатанія адресовъ, складомъ заготовлены адреса для разсылки листковъ и каталоговъ, не на личное имя офицера, а по занимаемой имъ должности, т. е. командира, казначея, библіотекаря и проч.

Очень многіе изъ гг. офицеровъ сообщаютъ, что каталоги съ подобными адресами затериваются въ канцеляріяхъ и просятъ печатать адреса на ихъ личное имя.

Имѣя цѣлью удовлетворить это требованіе, складъ симъ объявляетъ:

☛ Желающимъ получать безплатно всѣ листки, каталоги и объявленія **по печатному адресу на ихъ личное имя,** предлагается сообщать **ежегодно** въ контору В. А. Березовскаго свое имя, отчество, фамилію, почтовый адресъ и присылать по 2 семикопѣечныя почтовыя марки, т. е. **14 коп.**, назначаемыя исключительно на печатаніе именнаго адреса.

Владѣлецъ склада В. Березовскій

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ и БІОГРАФІЯХЪ

В. Потто.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа.)

Книга эта **Рекомендована** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. **Внесена** въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ III.

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА 1826—1828 г.

ВЫПУСКЪ IV.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Издалъ В. Березовскій

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1888.

217.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 2 апрѣля 1888 г.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій переулокъ, №15.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ВЫПУСКА.

		Стр.
XXXI.	Взятіе Тавриза	521
XXXII.	Мирные переговоры въ Адербейджанѣ	545
XXXIII.	Походъ 1828 года	563
XXXIV.	Туркменчайскій миръ	579
XXXV.	Посольство и смерть Грибоѣдова	603
XXXVI.	Хосровъ-Мирза	633
XXXVII.	Страна Арарата	653
XXXVIII.	Древняя Арменія	655
XXXIX.	Христіанская Арменія	683
XL.	Возрожденіе Арменіи	713

XXXI.

Взятіе Тавриза.

Осенью 1827 года, персидская война, которую такъ усложнило было неожиданное нашествіе Аббаса-Мирзы на Эчміадзинъ, вдругъ получила совершенно непредвидѣнно рѣшительный оборотъ. Дѣло въ томъ, что пока армія Паскевича, послѣ паденія Эривани, еще только шла на Тавризъ, эта вторая столица персидскаго царства была взята небольшимъ отрядомъ князя Эристова, почти не встрѣтившимъ сопротивленія. Смѣлый и счастливый шагъ этотъ совершенъ былъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Выступая къ Эривани, Паскевичъ поручилъ командованіе войсками, остававшимися въ Нахичеванской области, генералъ-лейтенанту князю Эристову, а въ помощь къ нему на-

значилъ полковника Муравьева, бывшаго тогда помощникомъ начальника корпуснаго штаба.

Трудно себѣ представить двѣ личности, которыя были бы столь же различны по своему характеру, взглядамъ и даже привычкамъ, какъ князь Эристовъ и Муравьевъ. Первый, грузинъ, выросшій и состарившійся въ битвахъ съ горцами, былъ плохой грамотей, но человѣкъ отважный и незамѣнимый въ боевой рѣшительной службѣ, любимый въ войскахъ за храбрость и добродушіе. Прослуживъ весь вѣкъ съ русскимъ солдатомъ, привыкнувъ любить и уважать его, онъ до конца жизни плохо говорилъ по-русски, и имѣлъ привычку, обращаясь къ подчиненнымъ, называть ихъ «батушка».

Солдаты, любовно и прозвавшіе его «батушкой», были ему преданы, цѣня въ немъ всего болѣе отсутствіе педантизма; Эристовъ, дѣйствительно, не любилъ въ походѣ стѣснять ихъ мелочною, никому не нужною формалистикою.

Совсѣмъ другой человѣкъ былъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи Карскій. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей, имена которыхъ если всегда будутъ произноситься съ глубокимъ уваженіемъ, то не всегда съ теплою, сердечною любовью. При большомъ умѣ, обширномъ образованіи и исключительной твердости воли, онъ былъ строгъ и требователенъ до педантизма, до послѣднихъ мелочей, и потому тяжелъ и далеко не всегда симпатиченъ. Его сосредоточенный характеръ, съ оттѣнкомъ нелюдимости, въ сущности былъ прямъ и открытъ; онъ не терпѣлъ лжи, не выносилъ напыщенности и эфектовъ, былъ простъ въ рѣчахъ и манерахъ, не искалъ популярности, но, какъ начальникъ, не терпѣлъ малѣйшей неисправности, малѣйшей манкировки службой. Чтобы легко примириться съ этими качествами Муравьева, къ нему надо было привыкнуть, нужно было понять, что онъ требуетъ только того, чего требуетъ законъ, къ чему обязываетъ дисциплина, и никогда не выходитъ изъ этихъ границъ, не допускаетъ и съ своей стороны ни малѣйшаго произвола, будучи къ себѣ еще болѣе строгимъ, чѣмъ къ другимъ. Извѣстность Муравьева на Кав-

казѣ была велика уже и при Ермоловѣ. Она началась съ его поѣздки въ Хиву, гдѣ онъ имѣлъ случай выказать и свои дарованія, и твердость воли, и высокое чувство долга, готовность жертвовать собою для блага родины. Затѣмъ, командуя карабинернымъ полкомъ, онъ оставилъ въ немъ по себѣ лучшую память. Полковые ветераны любили вспоминать «муравьевское» время въ полку, въ которое, по выраженію одного изъ нихъ— «всякій былъ убѣжденъ, что правое дѣло не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Честность и безкорыстіе Муравьева вошли въ пословицу.

На этихъ-то двухъ лицъ, на Эристова и Муравьева, Паскевичъ и возложилъ защиту столь важной въ тогдашнихъ военныхъ операціяхъ Нахичеванской области. Но, зная ничѣмъ не сдерживаемую храбрость Эристова и рѣшительность Муравьева, онъ очертилъ кругъ ихъ дѣятельности строгою программою: отрядъ долженъ былъ защищать границы, прикрывать вагенбургъ и даже дѣлать небольшія движенія за Араксъ, чтобы отвлекать непріятельскія силы отъ Эривани; но ему строго запрещено было вдаваться внутрь персидской страны и затѣвать какое-нибудь серьезное дѣло.

Невозможно не признать благоразумія этихъ распоряженій, потому что положеніе Эристова и безъ того представляло уже не заурядныя трудности. Въ тотъ моментъ, когда Паскевичъ выступилъ подъ Эривань, для прикрытія обширнаго края, если не считать слабыхъ гарнизоновъ, занимавшихъ Аббасъ-Абадъ и Нахичевань, остались всего баталіонъ Тифлисскаго полка, казачій полкъ, да нѣсколько орудій, стоявшихъ у Кара-Бабы. Къ нимъ, въ случаѣ надобности, могли присоединиться еще уланская бригада *), да два полка черноморскихъ казаковъ, попрежнему оставленныхъ на Базарчаѣ для прикрытія коммуникаціонной линіи,—но это и было все, чѣмъ могъ располагать князь Эристовъ въ первые дни по уходѣ Паскевича. Сильныя подкрѣпленія, правда, ожида-

*) Бѣлогородскій полкъ и сводный, составленный изъ эскадроновъ 2-й уланской бригады.

лись изъ Карабага, но пока они еще не пришли, Эристову пришлось пережить тревожныя минуты.

Началось съ того, что неугомонный Керимъ снова появился подъ Аланчею, со всею своею конницею. Два черноморскіе полка вслѣдствіе этого должны были выдвинуться впередъ, за Кечеры, чтобы закрыть табуны, которымъ теперь грозила постоянная опасность,—и оборона коммуникаціонной линіи была ослаблена. Къ счастію, дорога, разрабатывавшаяся, по приказанію Паскевича, черезъ Ахъ-Караванъ-Сарай къ Герюсамъ, была къ тому времени кончена— и освободившійся съ работъ баталіонъ Козловскаго полка сталъ въ резервѣ за черноморскою бригадою. Покушенія непріятеля съ этой стороны были, такимъ образомъ, парализованы.

Но за то серьезная опасность висѣла теперь надъ самою Нахичеванью. Получены были извѣстія, что Аббасъ-Мирза, покинувши Эриванское ханство, остановился въ Шарурской области, бокъ-о-бокъ съ Нахичеванскою провинціей, и замышляетъ исполнить тотъ же маневръ, который уже разъ удался ему противъ Красовскаго. Зная, какими ничтожными силами располагаетъ Эристовъ, онъ думалъ легко овладѣть Нахичеванью, — и 7 сентября войска его уже двигались туда двумя колоннами: пѣхота шла со стороны Шарура, конница, предводимая Аллаяръ-Ханомъ,—по тавризской дорогѣ. Вторженіе съ двухъ сторонъ, не давая русскимъ возможности сосредоточить и тѣ слабыя силы, которыя у нихъ находились, обѣщало Аббасу-Мирзѣ полный успѣхъ, а по взятіи Нахичевани ему казалось уже не труднымъ разбить Эристова у Кара-Бабы и истребить русскіе транспорты. Участь всей кампаніи снова висѣла на волоскѣ, потому что увѣнчайся этотъ смѣлый планъ успѣхомъ,—и Аббасъ-Мирза пріобрѣлъ бы результаты несравненно важнѣйшіе, чѣмъ тѣ, которые представлялись послѣ пораженія Красовскаго. Тогда Паскевичъ долженъ былъ оставить походъ на Тавризъ, а теперь русскіе были бы вынуждены оставить даже и осаду Эривани.

Случилось однако, что къ тому времени, какъ Аббасъ-Мирза приблизился къ русскимъ границамъ, къ Эристову уже

подошли подкрѣпленія. Изъ Карабага генералъ Панкратьевъ привелъ баталіонъ Нашабургскаго и баталіонъ Козловскаго полковъ; съ Базаръ-чая прибыли другой баталіонъ козловцевъ, уланская бригада и два полка черноморскихъ казаковъ, смѣненные на своемъ посту войсками князя Вадбольскаго. Съ этими силами князь Эристовъ спустился съ горъ и придвинулся къ Нахичевани, гдѣ къ нему присоединились еще пять ротъ херсонскихъ гренадеръ, — такъ что у него составилось до четырехъ тысячъ пѣхоты и двѣ тысячи конницы, при 26 орудіяхъ. Аббасъ-Мирза не разсчитывалъ встрѣтиться съ сильнымъ отрядомъ, онъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы русскіе могли такъ быстро сосредоточить войска, но онъ долженъ былъ убѣдиться въ этомъ, когда авангардъ его, перейдя Араксъ, остановился всего въ семи верстахъ отъ города и увидѣлъ линію русскаго бивуака.

Столкновеніе, однако, не замедлило, и начато было русскими. Генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ со всею конницею тотчасъ двинулся противъ непріятеля. Персіяне стали отступать, и чѣмъ дальше, тѣмъ поспѣшнѣе, такъ что настигнуть ихъ на лѣвомъ берегу Аракса русскимъ не удалось. Начатая уже переправа главныхъ персидскихъ силъ была тотчасъ пріостановлена, и Аббасъ-Мирза самъ началъ укрѣпляться на противоположномъ берегу рѣки. День былъ знойный; русскимъ приходилось идти безводными мѣстами, и потому пѣхота далеко отстала отъ конницы. Уланы и казаки остановились у брода Кайгель, и съ обѣихъ сторонъ началась сильная орудійная кононада черезъ Араксъ. Но едва показалась изъ-за высотъ голова русской пѣхоты, непріятель бросилъ начатыя укрѣпленія и сталъ отступать.

Такимъ образомъ, одна изъ задачъ князя Эристова, стараться отвлекать персидскія войска отъ Эривани и Сардарь-Абада, исполнялась теперь, такъ сказать, сама собою. Но чтобы еще болѣе отклонить вниманіе Аббаса-Мирзы отъ осажденныхъ крѣпостей, Эристовъ рѣшилъ его преслѣдовать, и въ ту же ночь русскія войска перешли Араксъ и вступили въ персидскую землю.

Аббасъ-Мирза отступалъ, однако, съ неимовѣрною быстротою. Онъ бросился вправо въ горы, — и скоро самый слѣдъ его былъ затерянъ русскими. Эристовъ, между тѣмъ, все шелъ впередъ, и 17 сентября авангардъ его уже былъ въ Чорсѣ. Полковникъ Муравьевъ, съ батальономъ пѣхоты и дивизіономъ уланъ, отправился разыскивать непріятеля, и скоро увидѣлъ глубокія колеи, оставленныя пушками на трудной горной дорогѣ, по которой, видимо, только что прошелъ непріятель. Идя по этимъ слѣдамъ, Муравьевъ скоро настигъ его арьергардъ. Персіяне защищались слабо и, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, обратились въ бѣгство. Преслѣдовать ихъ дальше, при наступавшей ночи, было, однакоже, нельзя, и непріятель скрылся въ скалахъ. Муравьевъ, удостовѣрившись, что Аббасъ-Мирза со всѣми силами стоитъ около Хоя, вернулся въ лагерь. Крѣпко хотѣлось Муравьеву пройти на тавризскую дорогу, чтобы заставить Аббаса-Мирзу спѣшить на защиту столицы и тѣмъ окончательно отдалиться отъ Эривани, но въ отрядѣ не было провіанта, и Эристовъ вернулся въ Нахичевань.

Какъ ни коротко было пребываніе Муравьева за Араксомъ, онъ успѣлъ, однакоже, добыть тамъ чрезвычайно важныя свѣдѣнія. Онъ узналъ, что Аббасъ-Мирза потерялъ при отступленіи много людей отсталыми, бѣжавшими и больными, и что въ персидскомъ лагерѣ начинается полная деморализація. Энергическому человѣку, какъ Муравьевъ, трудно было не воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами, которыя могли уже никогда не повториться, и вотъ, онъ убѣдилъ Эристова немедленно предпринять другую экспедицію, но уже прямо по направленію къ Тавризу.

30-го сентября войска перешли Араксъ и очутились въ одной изъ важнѣйшихъ провинцій Ирана, въ Адербейджанѣ, сплошь населенной татарскимъ племенемъ, которое ненавидѣло персіянъ и всегда было готово возстать противъ царствовавшаго дома Каджаровъ. Упорныхъ битвъ, поэтому, здѣсь ожидать было нельзя. Тѣмъ не менѣе русская конница, высланная впередъ, встрѣтилась съ персидской кавалеріей при

самомъ входѣ въ Дарадатское ущелье, а пока происходило небольшое кавалерійское дѣло, разъѣзды высмотрѣли, что ущелье укрѣплено ретраншаментомъ и занято двумя или тремя тысячами сарбазовъ. Съ этими свѣдѣніями улаты возвратились въ лагерь.

На слѣдующій день Муравьевъ, опередивъ отрядъ, поѣхалъ произвести въ томъ направленіи рекогносцировку. Подходя къ ущелью, казаки, сопровождавшіе его, услыхали выстрѣлы. Такъ какъ русскихъ войскъ впереди быть не могло, то перестрѣлка вызвала всеобщее недоумѣніе.

Но скоро изъ персидскаго стана прибѣжалъ одинъ сарбазъ, и все разъяснилось. Дѣло было въ томъ, что въ лагерь явился татаринъ съ прокламаціею князя Эристова, и въ войскѣ возникли безпорядки: одни хотѣли защищаться, другіе требовали отступленія, пока еще было время. Ссора окончилась перестрѣлкой. Тогда большинство солдатъ бѣжало, а остальные, уже не разсчитывая отстоять укрѣпленіе, бросили его, и поднялись на окружныя горы.

Муравьевъ поспѣшно двинулъ впередъ батальонъ съ двумя орудіями, и занялъ ущелье безъ боя. При самомъ входѣ въ него еще лежали тѣла персіянъ, побитыхъ наканунѣ въ кавалерійской стычкѣ, а далѣе стояло пустое укрѣпленіе. Послѣднее тотчасъ же было срыто. Подоспѣвшій батальонъ приступилъ къ разработкѣ дороги,— и отрядъ миновалъ ущелье уже безпрепятственно.

2 октября, въ тотъ самый день, какъ Паскевичъ праздновалъ въ стѣнахъ Эривани покореніе этой твердыни, войска князя Эристова безъ боя вступали въ городъ Маранду, пользующійся въ Арменіи громкой извѣстностью, такъ какъ, по преданіямъ, на мѣстѣ его погребена жена праведнаго Ноя, Ноемгамера — вторая мать живущихъ; самое слово «Марандъ» въ буквальномъ переводѣ значитъ «мать тамъ». Городъ, извѣстный съ глубокой древности, служилъ царствомъ всевозможныхъ плодовъ и фруктовъ, а пажити его славятся въ цѣлой Персіи. Аббасъ-Мирза отдалъ ихъ во владѣніе своей регулярной конницы, которая ежегодно и проводила здѣсь по

нѣсколько мѣсяцевъ къ ряду. Теперь населеніе вышло навстрѣчу русскимъ войскамъ и привѣтствовало ихъ, какъ избавителей. Правитель марандскаго округа, очарованный ласковымъ пріемомъ князя Эристова, передался на сторону русскихъ. Персидскіе чиновники также остались на своихъ мѣстахъ и усердно хлопотали о продовольствіи отряда. Войска, между тѣмъ, съ музыкою прошли черезъ городъ и заняли дороги, ведущія отсюда въ Хой и къ Тавризу.

Еще не успѣли раскинуться русскіе биваки, какъ пришло извѣстіе о приближеніи Аббаса-Мирзы. Дѣйствительно, шахъзаде только однимъ днемъ не успѣлъ предупредить Эристова въ Марандѣ. Онъ уже двигался сюда со всѣми своими силами, но, узнавъ о занятіи города русскими, быстро занялъ нахичеванскій путь и отрѣзалъ отрядъ отъ Аракса. Положеніе Эристова при другихъ условіяхъ могло бы сдѣлаться весьма опаснымъ.

Къ счастію, благодаря неимовѣрной быстротѣ, съ какою обыкновенно распространяются въ Азіи вѣсти всякаго рода, въ лагерѣ Аббаса-Мирзы въ этотъ самый день узнали о взятіи Эривани. Извѣстіе это произвело на персидскія войска потрясающее дѣйствіе, а когда вслѣдъ затѣмъ разнеслась среди нихъ вѣсть, что изъ Маранды русскіе выступаютъ по хойской дорогѣ,—армія Аббаса-Мирзы, охваченная паникой, побѣжала. Съ несчастными остатками ея наслѣдный принцъ уже не могъ думать о какихъ-либо наступательныхъ дѣйствіяхъ и заперся въ Хоѣ. Но были слухи, что онъ послалъ въ Тавризъ приказаніе истреблять и вывозить оттуда всѣ военныя заготовленія, чтобы они не достались русскимъ. Муравьевъ, имѣвшій объ этомъ достовѣрныя свѣдѣнія, рѣшился тогда воспользоваться общею паникой и овладѣть Тавризомъ прежде, чѣмъ распоряженія Аббаса-Мирзы будутъ исполнены. Онъ хранилъ, однако, свои намѣренія въ глубокой тайнѣ, скрывая ихъ даже отъ князя Эристова, не будучи вполнѣ увѣренъ, что тотъ согласится на столь отвѣтственное и дерзкое предпріятіе.

Дѣйствительно, какъ ни вѣрно были разсчитаны Му-

равьевымъ всѣ шансы на успѣхъ,—движеніе это все же оставалось до крайности рискованнымъ. Тавризъ былъ многолюденъ, снабженъ сильными укрѣпленіями и, при рѣшимости гарнизона, могъ оказать непреодолимое сопротивленіе. «Но судьба,—говоритъ одинъ очевидецъ этихъ событій: — какъ бы въ возмездіе за кровавыя жестокости, совершенныя нѣкогда Ага-Магометъ-Ханомъ въ Тифлисѣ, послала черезъ тридцать лѣтъ мстителя персидскому народу въ лицѣ того же грузина, но во главѣ уже русскаго войска»... Дерзкое предпріятіе Муравьева удалось вполнѣ.

Отрядъ Эристова выступилъ изъ Маранды по тавризской дорогѣ 11 октября. Никому, не исключая и самого Эристова, не приходило въ голову, что идутъ брать Тавризъ, а Муравьевъ тщательно старался скрывать все, что могло хотя отдаленно намекнуть на близость второй столицы Персіи. Переходъ былъ большой, утомительный, и многимъ пришлось разочароваться въ странѣ, воспѣтой Саади и Гафизомъ. Мѣстность лежала кругомъ безлѣсная, печальная; со всѣхъ сторонъ тянулись ряды обожженныхъ солнцемъ красноватыхъ горъ, наводившихъ уныніе, и только одинъ Араратъ оживлялъ картину своею гигантской вершиной, съ которой всѣ древніе народы старались связывать свои священныя легенды. Вечеромъ войска прибыли въ д. Софіано и здѣсь остановились ночевать. До Тавриза оставалось отсюда всего сорокъ верстъ.

«Только тогда—разсказываетъ Муравьевъ въ письмѣ къ отцу:—князь Эристовъ хватился, что я его привелъ на покореніе столицы. Онъ удивился, что Тавризъ такъ близко, говорилъ было объ отступленіи; но на другой день я еще подвинулся впередъ и занялъ лагерь въ 18 верстахъ отъ города. Тутъ уже мало колебались, ибо не было отступленія, особенно для меня. Не взявши Тавриза, я не смѣлъ показаться начальству; взявши Тавризъ, я предвидѣлъ также, сколько я подвергался неудовольствіямъ Паскевича. Но дѣло было уже рѣшено; честь моя и обязанности требовали послѣдняго: главныя силы наши не могли еще скоро прибыть изъ Эривани, а я опасался, чтобы непріятель не приготовился

къ защитѣ, или не вывезъ бы всѣхъ запасовъ и заведеній, тамъ находящихся».

13 октября, часовъ въ 8 утра, войска остановились на рѣчкѣ Аджи-чаѣ, въ двухъ-трехъ верстахъ отъ Тавризскаго форштадта.

Въ городѣ, между тѣмъ, царствовало невообразимое смятеніе. Еще въ то время, когда русскія войска только что вышли изъ Маранды по тавризской дорогѣ, и солдаты, и жители уже потеряли голову. Съ 12 числа по городу стали ходить какія-то письма, совѣтовавшія жителямъ не сопротивляться русскимъ. То были письма правителя и нѣкоторыхъ изъ почетнѣйшихъ жителей Маранды, ручавшихся тавризцамъ, что, въ случаѣ покорности, жизнь и имущество ихъ останутся неприкосновенными. Нѣсколько такихъ писемъ было перехвачено и доставлено къ Аллаяръ-хану, начались розыски, аресты, а между тѣмъ, ночью въ городъ кто-то прискакалъ изъ Софіана съ извѣстіемъ, что сильный русскій авангардъ уже вступилъ въ эту деревню. Вѣсть эта быстро распространилась по всѣмъ частямъ Тавриза. Жители предмѣстій спѣшили укрыться въ стѣнахъ города, а горожане толпами бѣжали изъ него.

Въ Тавризѣ стояло въ то время шесть тысячъ войска, оставленнаго здѣсь Аббасъ-Мирзою для защиты города, подъ начальствомъ Аллаяръ-Хана. Но извѣстіе о взятіи Эривани, близость русской арміи, послѣднія неудачи Аббасъ-Мирзы, загнаннаго къ Хою, — все это настолько уронило нравственную силу въ персидскихъ войскахъ, что сарбазы потихоньку, малыми частями, выбирались изъ города и бѣжали. Вскорѣ бѣгство сдѣлалось общимъ, и на разсвѣтѣ 12-го октября весь корпусъ безпорядочными толпами уже отступалъ по тегеранской дорогѣ, думая только о собственномъ спасеніи. Немногіе лишь остались на своихъ постахъ или бродили по Тавризу. Думаютъ, что солдаты были напуганы болѣе всего угрозами самихъ же жителей. Кромѣ прирожденной ненависти къ южнымъ своимъ соотечественникамъ, тавризцы очень желали удаленія сарбазовъ изъ города, опасаясь, что они, при

наступленіи русскихъ, бросятся прежде всего грабить сами, а между тѣмъ ничтожнымъ сопротивленіемъ только ожесточатъ войска, которыя тогда, съ своей стороны, выместятъ свои потери на тѣхъ же тавризскихъ жителяхъ.

Аллаяръ-Ханъ поздно узналъ о позорномъ поведеніи своего войска. Когда всѣ увѣщанія его воротить бѣглецовъ остались безуспѣшны, онъ, въ гнѣвѣ, приказалъ тавризцамъ самимъ преслѣдовать и грабить негодяевъ. Но едва этотъ приказъ былъ отданъ, какъ вооруженные граждане, не рискуя догонять бѣжавшихъ, предпочли напасть на солдатъ, еще оставшихся на своемъ посту; нѣсколько человѣкъ было убито, 400 взяты въ плѣнъ, ограблены до послѣдней нитки и заперты въ цитадели. Горожане, запиравшіе ворота, ведущія въ городъ, забыли, впрочемъ, что есть другія, за какимъ-то старымъ, давно покинутымъ строеніемъ, и плѣнные, воспользовавшись этимъ, одинъ по одному успѣли бѣжать. Смятеніе было такъ велико, что, по словамъ одного англичанина, бывшаго тогда въ Тавризѣ, если бы въ эту минуту появились двѣ русскія роты, онѣ безъ труда овладѣли бы всѣмъ городомъ.

Нѣкоторый порядокъ сохранился только въ двухъ батальонахъ шаггарійцевъ, стоявшихъ лагеремъ въ полѣ, неподалеку отъ городскихъ стѣнъ, и они получили приказъ подойти ближе, чтобы охранять ворота. Аллаяръ-Ханъ самъ выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу, уговаривая солдатъ исполнить свой долгъ честно и твердо. Собравшіеся толпы народа отвѣчали первому министру бранью и каменьями, заставившими его поспѣшно скрыться.

Весь день по городу разсѣевались самые противоположные слухи: то ожидали русскихъ, то кричали, что Аббасъ-Мирза идетъ изъ Хоя, и его конница уже въ пяти верстахъ отъ города. Гаремъ наслѣднаго принца перевезли, между тѣмъ, въ сады; главнѣйшіе гражданскіе чиновники съ своими семействами также покинули городъ.

Но вотъ, 13-го октября, раннимъ утромъ, съ высокихъ минаретовъ Тавриза, дѣйствительно, увидѣли какое-то двигав-

шееся войско, которое шло, однако, не отъ Хоя, а со стороны Софіано. Скоро ясно обозначились русскія колонны; онѣ шли до рѣчки Аджи-чая и остановились, какъ бы готовясь къ сраженію. Оба батальона шаггарійцевъ тотчасъ заняли городскія стѣны. Пушки, уставленныя за нѣсколько дней передъ тѣмъ на бастіонахъ и башняхъ, зарядили, ворота заняла надежная стража. Самъ Аллаяръ-Ханъ, верхомъ на конѣ, старался ободрять войска. Но тотъ, кто повнимательнѣе вглядѣлся бы въ лица солдатъ, прочелъ бы на нихъ не рѣшимость умереть, защищая городъ, а то особое настроеніе, при которомъ довольно какого-нибудь ничтожнаго случая, чтобы паника охватила защитниковъ. Такъ случилось и тутъ. Русскіе были еще далеко, а непріятель уже открылъ по нимъ орудійный огонь; грянулъ одинъ пушечный выстрѣлъ... другой... А третій, особенно гулко раскатившійся по городу, вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ сигналомъ къ общему, ничѣмъ не объяснимому и неосмысленному бѣгству персидской пѣхоты... Какъ все это произошло — неизвѣстно; но только стѣны оказались пустыми, пушки — брошенными.

Народъ заволновался. Напрасно Аллаяръ-Ханъ въ бѣшенствѣ кричалъ, чтобы жители занимали стѣны, и рѣзалъ уши и носы ослушникамъ — ему уже никто не повиновался. Никто не рѣшался, однако, и выйти къ русскимъ на встрѣчу. Тогда Миръ-Феттахъ-Сеидъ, глава тавризскаго духовенства, принялъ въ свои руки спасеніе города. Онъ явился къ Аллаяръ-Хану и рѣшительно заявилъ ему, что всякое покушеніе сражаться при настоящихъ обстоятельствахъ послужитъ только ко вреду правовѣрныхъ; онъ посовѣтовалъ хану сложить съ себя званіе главнокомандующаго и уѣхать изъ города. Аллаяръ-Ханъ послушался и скрылся въ одно изъ городскихъ предмѣстій. Ключи отъ города были спрятаны. Миръ-Феттахъ приказалъ разбить ворота, заваленныя камнями, и готовился со всѣмъ духовенствомъ встрѣтить князя Эристова.

Въ русскомъ лагерѣ, между тѣмъ, ничего не знали о всѣхъ этихъ происшествіяхъ. «Мы — говоритъ Муравьевъ

въ одномъ изъ писемъ: — видѣли передъ собою огромную крѣпость, вооруженную множествомъ орудій, цитадель и многолюдный непріятельскій городъ. Я ужаснулся, когда вмѣсто встрѣчи увидѣлъ молчаніе, насъ окружающее. Но три пушечные выстрѣла изъ крѣпости возвѣстили мнѣ мою обязанность»...

Видя, что жители не выходятъ съ покорностью, Муравьевъ двинулъ впередъ два съ половиной батальона пѣхоты при шести орудіяхъ — и безъ боя занялъ предмѣстье. Въ это время на южной сторонѣ Тавриза, въ полѣ, показалась толпа скакавшихъ отъ города всадниковъ. Разстояніе до нихъ было такъ велико, что преслѣдовать было бы безполезно, и ихъ оставили въ покоѣ. Это бѣжалъ, какъ узнали послѣ, гаремъ Аббасъ-Мирзы, подъ прикрытіемъ небольшого конвоя. Участь гарема была бы, однако, несравненно лучше, если бы онъ остался въ городѣ. Куртинцы, сторожившіе персіянъ по дорогамъ, напали на женщинъ и ограбили ихъ до-чиста, такъ что даже съ любимой жены наслѣднаго принца сняли шитыя золотомъ бархатныя шальвары.

Занявъ предмѣстье, Муравьевъ не зналъ, будетъ или не будетъ защищаться Тавризъ, и войска продолжали стоять въ боевомъ порядкѣ, съ любопытствомъ смотря на грозныя стѣны цитадели. Но вотъ, ворота растворились. Изъ нихъ показались знатнѣйшіе старшины, съ самимъ мужтехидомъ во главѣ, христіанское духовенство съ крестами и хоругвями, и массы народа. Городъ выходилъ на встрѣчу побѣдителямъ. Муравьевъ принялъ городскихъ представителей и говорилъ съ ними на армянскомъ и татарскомъ языкахъ, которыми владѣлъ въ совершенствѣ. Послѣдніе остатки персидскаго гарнизона, между тѣмъ, бѣжали изъ Тавриза, и въ городѣ было полное безначаліе.

Главный отрядъ Эристова былъ еще въ то время далеко. Тѣмъ не менѣе Муравьевъ тотчасъ же вступилъ въ городъ черезъ Константиновскія ворота, и поспѣшилъ занять цитадель, чтобы захватить въ свои руки запасы и находившіяся тамъ важныя учрежденія. Въ городѣ немедленно приняты мѣры къ прекращенію безпорядковъ; къ сожалѣнію, толпа

успѣла уже побывать во дворцѣ наслѣднаго принца и расхитить изъ него большую часть цѣнныхъ вещей.

Къ 12 часамъ вступили въ городъ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, и остальныя войска князя Эристова. Ихъ встрѣтилъ англійскій повѣренный въ дѣлахъ, маіоръ Монтеймъ, съ своими офицерами, прося защиты. Къ посольскому дому былъ отряженъ особый караулъ, а войска стали лагеремъ между городомъ и его предмѣстьемъ.

Въ Тавризѣ достались русскимъ боевые запасы персіянъ, различные склады, богатый арсеналъ, а главное, пороховой и литейный заводы, на которыхъ въ послѣднее время такъ дѣятельно работали англичане. Сорокъ орудій, два знамени и жезлъ Аббаса-Мирзы составляли военные трофеи. Плѣнныхъ было не много; но въ числѣ ихъ находились пять инженерныхъ офицеровъ изъ персіянъ, учившихся въ Англіи, всѣ мастеровые и, наконецъ, Аллаяръ-Ханъ, верховный министръ Персіи, которому поручена была защита Тавриза. Есть основаніе предполагать, что Аллаяръ-Ханъ, которому ничто не мѣшало уйти изъ города, отдался въ плѣнъ умышленно, чтобы избѣжать печальной судьбы, обыкновенно постигающей на Востокѣ тѣхъ, кому измѣняетъ военное счастіе. По крайней мѣрѣ, по разсказамъ современниковъ, жители сами указали русскимъ тотъ домъ въ одномъ изъ городскихъ предмѣстій, гдѣ скрылся грозный вельможа. Сотникъ Помеловъ былъ тотчасъ посланъ съ черноморскими казаками арестовать его. Разсказываютъ, что Аллаяръ-Ханъ выстрѣлилъ въ Помелова, когда тотъ явился къ нему, но ружье осѣклось, и онъ сдался уже безъ сопротивленія. По разсказамъ другихъ, Аллаяръ-Ханъ сдѣлалъ видъ, что намѣренъ бѣжать, но казачій урядникъ догналъ его за городомъ. Въ послѣднемъ случаѣ уже одно то обстоятельство, что подъ урядникомъ былъ незавидный казачій маштакъ, а Аллаяръ-Ханъ сидѣлъ на чистокровномъ арабскомъ жеребцѣ, съ которымъ не могли бы состязаться въ быстротѣ лучшія лошади Персіи, заставляютъ заподозрить искренность намѣренія Аллаяръ-Хана ускакать отъ погони. Настигнутый въ полѣ, онъ, по словамъ уряд-

ника, хотѣлъ въ него выстрѣлить; но ружье осѣклось, — и Аллаяръ-Ханъ отдался въ плѣнъ. Казакъ посадилъ персидскаго вельможу на своего маштака и на чумбурѣ привезъ въ Тавризъ, гдѣ народъ съ изумленіемъ и страхомъ смотрѣлъ на превратность судьбы, постигшую его грознаго правителя.

Резиденція наслѣднаго принца Персіи лежала у ногъ русскаго воинства. Тавризъ! Какое громкое имя! Кто не представляетъ себѣ Тавризъ пышнымъ, шумнымъ и обширнымъ городомъ,—великолѣпною столицею сказочнаго Востока!? Войска, приближавшіяся къ нему, испытывали это чувство внутренняго смущенія передъ роскошнымъ невѣдомымъ. Казалось, этотъ городъ, одинъ изъ перловъ Востока, не обманетъ ожиданій. Закутанный въ зелень платановъ, тополей и яворовъ, изъ которыхъ возвышались къ ясному небу только верхи минаретовъ, свидѣтельствовавшихъ, что здѣсь стоитъ обширный мусульманскій городъ,—онъ, послѣ утомительнаго, однообразнаго вида окружающихъ степей—очаровывалъ взоры. Но тутъ же начиналось и разочарованіе. Безжизненно смотрѣли на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ высокія горы непривѣтливаго, темно-краснаго цвѣта. Это—злые духи Тавриза, вотъ уже нѣсколько вѣковъ потрясающіе основанія города и много разъ разрушавшіе его. Кровавыми чертами запечатлѣна въ памяти потомства роковая катастрофа, случившаяся въ 1041 году, когда, по преданіямъ, землетрясеніе похоронило подъ развалинами города болѣе 40 тысячъ жителей. Грустно, безотрадно смотрятъ окружающія городъ развалины. Тамъ мостъ, красивый и гордый, съ широкими арками, когда-то перекинутый черезъ рѣку, — и теперь заброшенный, уже обвалившійся до половины. Здѣсь стройныя мечети, красивые минареты, памятники прошлаго лежатъ въ развалинахъ. И эти руины краснорѣчивѣе всего говорятъ о быломъ и настоящемъ города.

Русскіе застали Тавризъ населеннымъ 60 тысячами жителей; но въ былыя времена ихъ было, говорятъ, несравненно болѣе, — политическіе перевороты и военныя бури, обрушивавшіеся на городъ и бросавшіе его изъ рукъ одного народа къ другому, не прошли даромъ.

Но были для Тавриза и времена великой славы — среди всѣхъ народовъ. Тавризъ — столица Адербейджана. Въ буквальномъ переводѣ съ нарѣчія гвебровъ, «Адербейджанъ» значитъ—«домъ огня». Здѣсь родился Зороастръ, основатель религіи огнепоклонниковъ, и, вѣроятно, самое названіе Адербейджану дано персіянами отъ религіи Зороастра.

Время основанія Тавриза—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, этотъ древній городъ, столько разъ разрушенный и вновь возстававшій изъ развалинъ, возникъ еще тогда, когда Адербейджанъ былъ областью древней Мидіи. Народныя преданія связываютъ его имя съ знаменитымъ именемъ Гарунъ-Аль-Рашида. Разсказываютъ, что Тавризъ основанъ именно въ память исцѣленія любимой жены мудраго царя мидійскимъ врачемъ, который въ награду своего искусства пожелалъ, чтобы въ его отечествѣ былъ построенъ городъ, и назвалъ его Тебризъ, отъ слова «теб», значащаго лихорадка.

Но есть и другія легенды, иначе объясняющія происхожденіе имени Тавриза. Разсказываютъ, что когда, въ III вѣкѣ по Р. Х., армяне овладѣли какимъ-то персидскимъ городомъ, стоявшимъ на мѣстѣ нынѣшняго Тавриза, и разрушили его до основанія, то армянскій царь Хозрой, находя мѣстоположеніе его чрезвычайно удобнымъ для набѣговъ отсюда на Персію, приказалъ возобновить разрушенный городъ и назвалъ его Таврешъ, т. е. «мщеніе». Когда же Хозрой умеръ, Таврешъ, среди неурядицъ армянскаго царства, снова попалъ въ руки персіянамъ уже съ этимъ именемъ.

Нѣкоторые ученые, увлеченные древностью и славою Тавриза, хотѣли видѣть въ немъ древнюю Экбатану, основанную знаменитымъ мидійскимъ царемъ. Но теперь уже извѣстно, что Экбатана находилась къ юго-востоку отъ Тавриза, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Гомоданъ. Развалины, окружающія этотъ послѣдній городокъ, свидѣтельствуютъ и теперь о великолѣпіи и обширности исчезнувшаго города.

Гомоданъ—также городъ историческій, библейскій. Тамъ находится гробница знаменитыхъ людей еврейской исторіи, Есѳири и Мордохея. Она сдѣлана изъ чернаго дерева и на

куполѣ ея сохранилась надпись на еврейскомъ языкѣ, гласящая, что саркофагъ сооруженъ отъ сотворенія міра въ 4474 году; въ четвертокъ, 15-го числа мѣсяца адара.

Въ средніе вѣка христіанской эры, обильные возрожденіемъ новыхъ воинственныхъ народовъ, Адербейджаномъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Тавризомъ, обладали повелители разныхъ племенъ. Болѣе двухъ столѣтій служилъ онъ театромъ кровопролитныхъ войнъ между Турціей и Персіей — и сталъ гробомъ для многочисленныхъ турецкихъ ополченій. Христіане также соединяютъ съ Тавризомъ свои священнѣйшія воспоминанія. Есть преданіе, что истинный крестъ Спасителя, взятый въ Іерусалимѣ при разореніи его въ 603 году по Р. Х. Хозроемъ персидскимъ, увезенъ былъ въ Персію и хранился именно въ Тавризѣ, пока не былъ вывезенъ отсюда императоромъ Иракліемъ.

Такова славная исторія священнаго города персіянъ. Конечно, не многіе изъ русскихъ, вошедшихъ теперь въ него, соединяли съ именемъ Тавриза опредѣленное представленіе о вѣковой его судьбѣ, о бѣдствіяхъ, пронесшихся надъ нимъ и о дняхъ счастія, выпадавшихъ на его долю. Но сѣдая старина окружаетъ подобныя имена неувядаемымъ ореоломъ, блескъ котораго отражается въ отдаленнѣйшихъ странахъ и въ теченіе тысячелѣтій. Откуда этотъ ореолъ, какіе подвиги и страданія возложили его на славное чело, — часто совершенно забывается, но въ цѣлыхъ рядахъ поколѣній величавое имя говоритъ воображенію чудесную волшебную сказку о чемъ-то вѣчномъ, стоящемъ внѣ обыденныхъ явленій жизни, рисуетъ далекіе недостижимые идеалы, заставляя сердце усиленно биться и кровь быстрѣе вращаться въ жилахъ. Вотъ это-то неопредѣленное чувство невольнаго благоговѣнія передъ вѣковою древностью—не могъ не ощущать ни одинъ изъ русскихъ солдатъ, и оно сливалось съ горделивымъ сознаніемъ силы русской, передъ которою пала эта чуждая святыня.

Всѣ чувствовали важность совершавшагося событія не для судебъ только продолжавшейся войны, а для многихъ будущихъ поколѣній, по тому нравственному смыслу, кото-

рый придавался событію вѣковыми воспоминаніями, связанными съ Тавризомъ.

И не холоднымъ обрядомъ смотрѣло торжество, не съ холоднымъ чувствомъ присутствовали на немъ войска, когда, на другой день по взятіи Тавриза, — это былъ къ тому же день рожденія вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны,—на гласисѣ служилось благодарственное молебствіе, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ персидской цитадели. Стеченіе народа было огромное. Одинъ англичанинъ, описывая этотъ парадъ, не могъ не замѣтить особеннаго воодушевленія въ русскихъ войскахъ, необычной торжественности ихъ настроенія, и, быть можетъ, именно съ цѣлію передать его читателямъ своимъ, съ новымъ, почти комическимъ незнаніемъ русскихъ порядковъ, прибавляетъ, что Эристовъ самъ обходилъ ряды, поздравляя солдатъ съ побѣдой и, по русскому обычаю, спрашивалъ всѣхъ *«какъ ихъ здоровье?»* Вечеромъ городъ иллюминовался персидскими факелами и плошками и спущенъ былъ богатый фейерверкъ, заготовленный также самими персіянами. Въ этотъ самый день князь Эристовъ получилъ офиціальное извѣщеніе о взятіи Эривани, и въ отвѣтъ послалъ донесеніе о взятіи Тавриза.

Съ политической точки зрѣнія паденіе Тавриза было для Персіи равносильно съ потерею всей сѣверной половины государства, а захватъ русскими въ цитадели боевыхъ средствъ, заготовленныхъ персіянами, лишалъ ее всякой возможности продолжать войну. Понятно поэтому всеобщее удивленіе передъ тѣмъ, что персіяне не только не дали большаго сраженія подъ стѣнами столицы, но не сдѣлали даже попытокъ остановить наступленіе русскихъ. Три выстрѣла съ крѣпостныхъ стѣнъ, и то тогда, когда русскіе едва появились на горизонтѣ,—вотъ все, что было похожаго на оборону, а далѣе съ обѣихъ сторонъ уже не было потрачено ни зерна пороху. Никогда еще городъ, обнесенный стѣнами, не былъ взятъ съ такою неимовѣрною легкостью.

Что касается до жителей Тавриза, то перемѣна власти-

телей скорѣе радовала, чѣмъ печалила ихъ, и русскіе безъ малѣйшаго опасенія ходили одни по улицамъ города.

Какъ только распространилась вѣсть о паденіи столицы, сосѣдніе провинціи и города стали искать покровительства Россіи. Первымъ возмутился тогда Марагинскій округъ, управляемый Фетъ-Али-Ханомъ, одна изъ сестеръ котораго была въ замужествѣ за Аббасъ-Мирзою. У него естественно и искали убѣжища жены наслѣднаго принца. Но когда въ городѣ вспыхнулъ мятежъ, и чернь, ворвавшись во дворецъ, совершенно разграбила его, не пощадивъ даже и женщинъ, — семью Аббаса-Мирзы поспѣшили отправить въ Міанды. Народъ бросился преслѣдовать ее; и только артиллерія, призванная для защиты бѣглянокъ, картечнымъ огнемъ сдержала буйныя толпы мятежниковъ.

Марагинскіе старшины, между тѣмъ, прибыли въ Тавризъ и явились къ Эристову. Ихъ приняли съ почетомъ, — но потребовали немедленнаго освобожденія русскихъ плѣнныхъ, находившихся у нихъ въ городѣ. Старшины отвѣчали, что плѣнные солдаты уведены слишкомъ далеко, чтобы можно было воротить ихъ; но за офицерами, находившимися всего въ двухъ-трехъ переходахъ за Марагою, тотчасъ отправили нарочныхъ, и конвой привелъ ихъ обратно въ Тавризъ. Такъ освобождены были 22 штабъ и оберъ-офицера, изъ которыхъ многіе томились въ неволѣ еще со времени пораженія батальона Назимки на Ахъ-Кара-чаѣ. За Марагою сдалась и неприступная крѣпостца Аланча, стоявшая въ горахъ Нахичеванской области, — и число русскихъ военныхъ трофеевъ увеличилось еще на четыре орудія.

Въ главной квартирѣ долго не знали о взятіи Тавриза. Увѣнчанный въ Эривани свѣжими лаврами, Паскевичъ далъ войскамъ кратковременный отдыхъ и только 7-го октября, получивъ донесеніе о движеніи Эристова внутрь Персіи, вышелъ въ походъ; онъ шелъ прямо къ Тавризу, и 16-го числа былъ уже въ Марандѣ. Здѣсь только его встрѣтилъ курьеръ отъ князя Эристова, съ извѣстіемъ о взятіи Тавриза, и ожидалъ персидскій сановникъ съ письмомъ отъ Аббаса-Мирзы.

который просилъ позволенія пріѣхать для переговоровъ о мирѣ. Паскевичъ отправилъ персидскаго посланнаго назадъ съ словеснымъ отвѣтомъ, что мѣсто для свиданія будетъ указано имъ своевременно, — и поспѣшилъ къ Тавризу. Вся осадная артиллерія, теперь ненужная, оставлена была въ Марандѣ, подъ прикрытіемъ кабардинскаго полка, остальныя войска пошли впередъ двумя эшелонами. Въ то время наступала уже осенняя слякоть, и дорога испортилась такъ, что отрядъ могъ двигаться только небольшими переходами. Паскевичъ оставилъ пѣхоту и, въ сопровожденіи одной кавалеріи, карабинеровъ и батальона егерей, 19-го октября появился въ виду Тавриза. Вступленіе его въ городъ было тріумфальнымъ шествіемъ. Все духовенство, христіанское и магометанское, старшины, почетнѣйшіе беки и многочисленныя толпы народа въ праздничной одеждѣ — встрѣтили его за чертою города, усыпали ему дорогу цвѣтами, и, по обычаю Востока, поливали ее горячею кровью быковъ, тутъ же закалываемыхъ въ честь побѣдителя. На гласисѣ крѣпости стоялъ подъ ружьемъ весь отрядъ князя Эристова, привѣтствовавшій главнокомандующаго барабаннымъ боемъ, склоненіемъ знаменъ и крикомъ «ура!» Едва Паскевичъ въѣхалъ на подъемный мостъ, какъ началась пальба изъ всѣхъ персидскихъ орудій, разставленныхъ по стѣнамъ цитадели и крѣпости. Пышная квартира была приготовлена ему во дворцѣ Аббаса-Мирзы, и здѣсь князь Эристовъ, во главѣ городскихъ представителей, поднесъ ему ключи отъ города. То были, впрочемъ, новые ключи, приготовленные наскоро, чтобы не лишить встрѣчи одного изъ ея необходимыхъ атрибутовъ,— настоящіе не были найдены.

Свиданіе Эристова съ Паскевичемъ обошлось благополучно. Эристовъ былъ чуть ли не единственный человѣкъ, сумѣвшій до конца поддержать дружественныя отношенія съ Паскевичемъ. Грузинъ по происхожденію, онъ отлично умѣлъ скрывать азіатскую хитрость подъ личиной грубой откровенности; и вотъ, когда, при первой же встрѣчѣ, Паскевичъ осыпалъ его упреками,—конечно, по поводу обстоятельствъ, не имѣв-

шихъ какъ бы и отношенія къ взятію Тавриза, Эристовъ все выслушалъ молча, съ величайшимъ спокойствіемъ, а затѣмъ поздравилъ Паскевича съ тѣмъ, что онъ, Паскевичъ, покорилъ Тавризъ. Паскевичъ его обнялъ и исходатайствовалъ ему орденъ св. Александра Невскаго.

Иначе отразилось покореніе Тавриза на судьбѣ Муравьева, заподозрѣннаго въ подстрекательствѣ. Правда, онъ получилъ генеральскій чинъ; но съ этого времени начинается постоянное нерасположеніе Паскевича къ Муравьеву, въ концѣ концевъ заставившее этого послѣдняго покинуть Кавказъ и перейти на службу въ Россію. Впрочемъ, и Эристовъ вскорѣ былъ удаленъ изъ дѣйствующей арміи и отправленъ въ Грузію, сенаторомъ.

Но съ войсками Паскевичъ обошелся чрезвычайно привѣтливо. 24 октября устроенъ былъ большой парадъ. Войска одѣты были въ походную форму: офицеры въ сюртукахъ, солдаты въ шинеляхъ. Это была мелочь, но мелочь, подѣйствовавшая чрезвычайно хорошо на духъ кавказскихъ солдатъ. «Да это по ермоловски!» — говорили они между собою. Церемоніальнымъ маршемъ войска проходили колоннами, и Паскевичъ горячо благодарилъ ихъ за славную кампанію. Тутъ же, въ свитѣ его, находился и англійскій посланникъ Макдональдъ со всѣми членами англійскаго посольства, и впослѣдствіи, въ лондонскихъ газетахъ, появилась даже статья «изъ Персіи», въ которой говорилось, что «солдаты, несмотря на продолжительность похода, шли бодро и весело, и что кавказскія войска хотя не красиво одѣты, но своимъ видомъ умѣютъ внушить къ себѣ уваженіе». По окончаніи парада Паскевичъ, въ сопровожденіи почти всѣхъ офицеровъ, осматривалъ городъ.

Въ Тавризѣ жила въ это время жена извѣстнаго грузинскаго агитатора, царевича Александра, — Марія. Это была женщина 23 лѣтъ, необыкновенной красоты, которая могла бы назваться баснословною, если бы очевидцы единогласно не подтверждали справедливости слуховъ, ходившихъ о ней по цѣлой Персіи. Вліяніе ея въ правительственныхъ сферахъ

Тавриза было огромное, а потому Паскевичъ призналъ за лучшее удалить ее изъ края и выслалъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ въ Эривань, гдѣ жилъ ея отецъ Меликъ-Саакъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ армянъ, доказывавшій древность своего рода старинною церковью и фамильнымъ кладбищемъ при ней, сооруженнымъ его предками. 60-ти лѣтній мужъ Маріи проживалъ въ это время въ турецкомъ городѣ Ванѣ; тамъ онъ продолжалъ агитировать, собиралъ шайки, затѣвалъ, во время послѣдовавшей затѣмъ турецкой войны, вторженіе въ Имеретію, но кончилъ тѣмъ, что, послѣ паденія Ахалцыха, вернулся въ Персію, и тамъ окончилъ свою жизнь, проведенную среди крамолъ, мятежей и заговоровъ.

Въ Тегеранѣ паденіе Тавриза произвело потрясающее впечатлѣніе. Гнѣвъ шаха былъ безпредѣленъ, и обрушился, какъ разсказываютъ, прежде всего на каймакама, сановника, женатаго на одной изъ дочерей шаха, и носившаго почетный титулъ «Соломона государства». Шахъ призвалъ его къ себѣ.

— Ты знаешь, что невѣрные овладѣли Тебризомъ? — спросилъ онъ.

— Великій шахъ! — отвѣчалъ тотъ: — слышалъ я, что непобѣдимая твоя армія разбита проклятыми невѣрными, и сердце мое, преданное моему повелителю, растаяло отъ горести.

— Но ты долженъ знать, что въ этомъ виноватъ ты самъ! — сказалъ ему шахъ.

— Избави Боже! могу ли я, ничтожнѣйшій рабъ, недостойный лобызать прахъ туфлей твоихъ, быть причиною такого несчастія? Что я за собака, чтобъ быть причиною взятія Тебриза?

— Не ты ли мнѣ совѣтовалъ начать войну съ русскими?

— Правда, я былъ въ числѣ тѣхъ, которые совѣтовали тебѣ, падишахъ, стяжать рай и прославить оружіе уничтоженіемъ злыхъ. Но успѣхъ зависѣлъ не отъ меня.

— Врешь! Ты увѣрялъ меня, что войско мое непобѣдимо.

— Да кто же можетъ противостать силѣ падишаха, убѣжища міра!

— Молчи! Я выучу тебя впередъ подавать мнѣ совѣты мудрые и знать толкъ въ дѣлахъ...

Шахъ хлопнулъ въ ладоши, и явились четыре ферраша съ колодкою и палками. Они повалили «государственнаго Соломона» на коверъ, заключили ноги его въ роковыя доски, и по знаку «тѣни Аллаха на землѣ» распорядились съ нимъ такъ, что сановникъ лежалъ три недѣли въ постели, съ распухшими ногами. Этотъ анекдотическій разсказъ, если и не достовѣренъ въ подробностяхъ, то, во всякомъ случаѣ, относится къ дѣйствительному факту.

Въ числѣ характеристическихъ анекдотовъ, разказывавшихся тогда о шахѣ и характеризующихъ гнѣвъ его послѣ взятія Тавриза, интересенъ также еще одинъ, касающійся участи, постигшей великолѣпную хрустальную кровать, посланную съ княземъ Меньшиковымъ въ подарокъ шаху русскимъ дворомъ передъ самою войною. Весь Петербургъ любовался на это чудное произведеніе императорскаго стекляннаго завода, составлявшаго справедливую гордость русскихъ мастеровъ,—оно выставлено было передъ отправкою шаху въ Таврическомъ дворцѣ для публики. Кровать блистала серебромъ и разнообразною гранью хрусталей, была украшена хрустальными столбами и ступенями, сдѣланными изъ прочнаго синяго стекла. Она была устроена такъ, что съ обѣихъ сторонъ ея могли бить фонтаны благовонной воды и склонять къ дремотѣ мелодичнымъ шумомъ своимъ о хрусталь. При освѣщеніи она горѣла тысячами алмазныхъ искръ.

Когда привезли эту дивную кровать въ Тегеранъ, восхищенный шахъ приказалъ поставить ее въ одной изъ роскошнѣйшихъ залъ своего дворца и каждый день заходилъ любоваться на свое великолѣпное ложе. Персидскіе поэты писали оды въ честь кровати, «сіявшей подобно тысяча одному солнцу». Но началась война, Нахичевань, Аббасъ-Абадъ, Сардарь-Абадъ и Эривань были взяты, русскіе уже приближались къ Тавризу. Въ одно прекрасное утро, возвращаясь съ прогулки, шахъ проходилъ черезъ ту залу, гдѣ стоялъ подарокъ русскаго Государя. Красота кровати соблазнила «убѣжище міра», и онъ,

какъ разсказываютъ, впервые легъ на нее. Почти въ этотъ самый моментъ прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ о взятіи русскими Тавриза. Суевѣрный шахъ приписалъ несчастіе «невѣрной» кровати, и приказалъ въ ту же минуту разобрать ее и снести въ подвалъ. При поспѣшной уборкѣ, а быть можетъ и намѣренно со стороны не менѣе суевѣрныхъ подданныхъ шаха, кровать была тогда вся переломана. И съ тѣхъ поръ ея уже больше никто не видѣлъ.

XXXII.

Мирные переговоры въ Адербейджанѣ.

Потеря Тавриза была неожиданнымъ и страшнымъ ударомъ для Аббаса-Мирзы, наслѣдника персидскаго трона. Она лишила его рѣшительно всѣхъ средствъ къ продолженію войны, которая съ этого момента и могла почитаться оконченною.

Въ политическомъ отношеніи Аббасъ-Мирза очутился въ безвыходномъ положеніи, потому что, вытѣсненный изъ Адербейджана, онъ не могъ появиться и въ сосѣдней Иранской области, гдѣ ожидала его неласковая встрѣча и шаха, и народа. Престарѣлый шахъ, искавшій спокойствія и думавшій только о своихъ одалискахъ, былъ вовлеченъ въ войну единственно его домогательствами, да интригами англичанъ, и рядъ пораженій, понесенныхъ персидскими войсками, навлекъ гнѣвъ шаха на всѣхъ сторонниковъ войны. Уже покореніе Сардарь-Абада ужаснуло шаха; уже тогда онъ велѣлъ Аббасу-Мирзѣ заключить миръ безъ замедленія, цѣною усту-

покъ областей Эриванской и Нахичеванской, и только Аббасъ-Мирза скрылъ шахскій фирманъ, разсчитывая, что продолжительная оборона Эривани задержитъ наступленіе русскихъ до ненастной погоды, а тогда требованія Паскевича естественно должны будутъ уменьшиться. Но вотъ пала Эривань, палъ за нею Тавризъ, и Аббазъ-Мирза, нарушившій волю шаха, являлся уже прямо отвѣтственнымъ за всѣ несчастія. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, на сцену появляются тутъ англичане, съ своею вѣковою вѣроломною и двоедушною политикою, ничего не хотящею знать, кромѣ меркантильныхъ выгодъ господствующихъ классовъ Англіи. Втянувши Персію въ войну, съ разсчетомъ умалить вліяніе Россіи въ Персіи, они готовы были теперь явиться великодушными посредниками,—роль, въ которой такъ легко было представиться передъ побѣжденными могущественною націей, заставляющей побѣдителя умѣрять свои требованія. И едва Паскевичъ двинулся къ Тавризу, какъ его уже встрѣтилъ курьеръ отъ секретаря англійской миссіи, Кембеля, спѣшившаго въ Эривань съ предложеніемъ своихъ услугъ въ дѣлѣ мирныхъ переговоровъ, которые должны были послѣдовать. Паскевичъ рѣзко отклонилъ его предложеніе и, желая показать персіянамъ, что заступничество англичанъ не принесетъ имъ ни малѣйшей пользы, послалъ сказать Кембелю, чтобы онъ не ѣхалъ дальше и ждалъ въ Нахичевани. Суровый отвѣтъ секретарю англійскаго посольства, пользовавшемуся громаднымъ вліяніемъ въ персидскихъ правительственныхъ сферахъ, долженъ былъ убѣдить персіянъ, что Россія не отступитъ уже ни отъ одного изъ предъявленныхъ ею требованій.

Въ Нахичевани, вмѣстѣ съ Кембелемъ, встрѣтилъ Паскевича Фетъ-Али-Ханъ, беглеръ-бегъ тавризскій, и предъявилъ ему шахскій фирманъ, уполномочивавшій его вести переговоры. Изъ словъ уполномоченнаго не трудно было заключить, что персіяне готовы уступить провинціи, вопросъ же о деньгахъ—оставляли открытымъ; было ясно, что шахъ не хотѣлъ платить ихъ. Паскевичъ прежде всего учтиво выпроводилъ изъ

лагеря Кембеля, какъ человѣка посторонняго въ дѣлѣ, и въ услугахъ котораго нѣтъ ни малѣйшей необходимости, а затѣмъ объявилъ Фетъ-Али-Хану, что если, не доходя до Маранды, онъ увидитъ въ своемъ лагерѣ 5 куруровъ, т. е. 10 милліоновъ рублей серебромъ, съ условіемъ, что другіе 10 милліоновъ будутъ уплачены потомъ въ извѣстные сроки, — то онъ согласится на миръ; если же возьметъ Тавризъ раньше, чѣмъ будутъ доставлены деньги, то и требованія будутъ возвышены. Между тѣмъ Тавризъ въ то время былъ уже взятъ. Получивши объ этомъ извѣстіе, Паскевичъ, вѣрный своему слову, потребовалъ уже не 10, а 15 куруровъ. Аббазъ-Мирза дѣлалъ возможныя попытки предварительно склонить главнокомандующаго на свиданіе съ собою, — но безъ предварительной уплаты наличными деньгами третьей части контрибуціи, Паскевичъ не хотѣлъ ни видѣть Аббаса-Мирзу, ни трактовать о мирѣ.

«Я возвысилъ требованія потому, — писалъ онъ въ своемъ донесеніи: — что, въ противномъ случаѣ, персіяне легко могли отважиться на случайности новой кампаніи, полагая, по своему легкомыслію, что всегда могутъ въ пору заключить съ нами миръ, на условіяхъ, къ которымъ мы ничего не прибавимъ».

Положеніе Аббаса-Мирзы становилось все хуже и тяжелѣе, — приходилось принимать миръ на всякихъ условіяхъ и во что бы то ни стало. И вотъ, едва Паскевичъ вступилъ въ Тавризъ, какъ на другой же день, 21-го октября, прибылъ отъ Аббаса-Мирзы каймакамъ, съ полномочіями для заключенія мира. Денегъ онъ, однакоже, не привезъ съ собой — ихъ нужно было ждать изъ Тегерана, такъ какъ, съ паденіемъ Тавриза, отъ Аббаса-Мирзы отложился весь Адербейджанъ, единственный источникъ его доходовъ, — и денегъ въ наличности не имѣлось. Паскевичъ согласился приступить къ переговорамъ, но приказалъ остановить каймакама внѣ города. Онъ имѣлъ на то серьезныя основанія: нужно было опасаться, что Аббасъ-Мирза дѣйствуетъ двулично и, подъ предлогомъ переговоровъ, прислалъ любимаго народомъ и поль-

зовавшагося въ немъ большимъ вліяніемъ каймакама для того, чтобы произвести въ Тавризѣ возмущеніе. А въ Тавризѣ и безъ того уже обнаружились волненія отъ боязни, что русскіе возвратятъ Каджарамъ провинцію, которая такъ единодушно отъ нихъ отложилась, и что Каджары внесутъ въ нее ужасы восточной мести и деспотизма.

Нужно при этомъ сказать, что русскіе, съ своей стороны, не сдѣлали ничего, чтобы поднять возмущеніе въ зааракскихъ персидскихъ провинціяхъ. Переходя Араксъ, Паскевичъ не приглашалъ ни единаго хана содѣйствовать ему способомъ бунта или тайной измѣны, не призывалъ къ возстанію ни кочевыхъ племенъ, ни городскихъ жителей; и не обольщалъ никого суетною надеждою на избавленіе отъ власти персіянъ. Его прокламаціи наполнены были исключительно приглашеніями къ спокойному отправленію промысловъ и мирной жизни; въ нихъ говорилось, что русскіе воюютъ противъ персидскихъ войскъ, и что народу ничего бояться не должно. Но самыя ревностныя старанія не могли бы сдѣлать большаго въ этомъ направленіи. Ханъ марандскій тотчасъ же передался русскимъ и даже сражался противъ персіянъ. Марагинскій ханъ освободилъ русскихъ плѣнныхъ офицеровъ; слѣпецъ Атта-Ханъ Мышкинскій самъ выѣхалъ навстрѣчу къ Паскевичу съ изъявленіями покорности; Шекакинское воинственное племя подняло знамя бунта противъ Каджаровъ, прекративъ проѣздъ по тегеранской дорогѣ, такъ что Паскевичъ вынужденъ былъ послать къ нимъ Джехангиръ-Хана, главнаго начальника этого племени, чтобы водворить между ними хоть тѣнь порядка; въ самомъ Тавризѣ духовенство открыто поощряло народное движеніе въ пользу русскихъ и громогласно проклинало Каджаровъ.

«Я могъ бы имѣть въ своихъ рукахъ — писалъ Паскевичъ: — даже самого Аббаса-Мирзу, когда онъ, всѣми оставленный, ожидалъ моего отвѣта въ Салмасѣ; многіе изъ хановъ вызывались схватить и привести его ко мнѣ, но я не хотѣлъ разрывать навсегда связь непокорнаго народа съ прежнимъ его правителемъ. Я опасался, что послѣ того не съ

кѣмъ будетъ положить основаніе мира и что, вообще, при заключеніи его свободный наслѣдный принцъ будетъ намъ полезнѣе, чѣмъ плѣнный».

«Не будучи виною сего повсемѣстнаго возстанія здѣшняго народа,—продолжаетъ Паскевичъ:—я тѣмъ менѣе могу остановить его, если утвердится въ немъ опасеніе, что мы послѣ мира предадимъ его въ жертву оскорбленнаго имъ государя».

На этихъ-то основаніяхъ Паскевичъ и не считалъ удобнымъ трактовать о мирѣ въ самомъ Тавризѣ, и, задержавъ каймакама въ семи верстахъ отъ города, въ д. Кара-Меликъ, отправилъ туда же дипломатическаго чиновника Обрѣзкова. Обрѣзкову дана была точная программа дѣйствій; необходимѣйшими условіями мира были поставлены: 1) уступка Россіи двухъ ханствъ, Эриванскаго и Нахичеванскаго; 2) очищеніе персіянами ханства Талышинскаго, и 3) 15 куруровъ (т. е. 30 м. р. с.) контрибуціи.

Въ томъ случаѣ, если бы денежныя требованія были окончательно отвергнуты персіянами, имѣлся наготовѣ другой проектъ, именно отторженіе отъ Персіи всей Адербейджанской провинціи, вмѣстѣ съ Тавризомъ; въ перепискѣ Паскевича съ государемъ шелъ только вопросъ о томъ, сдѣлать ли ее простою областью Россіи, по примѣру другихъ закавказскихъ провинцій, или образовать изъ нея независимыя ханства подъ протекторатомъ Россіи. Пріобрѣтеніе Адербейджана, конечно, представляло бы большія выгоды. Край этотъ, по соображеніямъ Паскевича, могъ собственными средствами содержать восемь туземныхъ батальоновъ пѣхоты, по тысячѣ штыковъ въ каждомъ. А восемь тысячъ сарбазовъ, подъ командою русскихъ офицеровъ, были бы силою весьма внушительною для персіянъ, чтобы они могли отважиться на какія-нибудь предпріятія въ отвоеванномъ отъ нихъ краѣ. Къ этому надо прибавить, что военныя учрежденія въ Тавризѣ требовали бы издержекъ только для ихъ поддержанія, а внутреннее управленіе страною и вовсе ничего не стоило бы, такъ какъ жители могли судиться по древнимъ обычаямъ мусульманъ ду-

ховнымъ судомъ и взиманіе податей могло бы производиться попрежнему. Не оскорбляя народнаго чувства неумѣстными нововведеніями, можно было бы быть увѣреннымъ въ преданности народа, и приходилось бы только учредить политическій надзоръ за страною, чрезъ русскаго президента въ Тавризѣ, а въ случаѣ образованія отдѣльныхъ ханствъ — чрезъ главнаго правителя области, выбраннаго изъ тѣхъ же хановъ подъ именемъ валія. Образованіе такой провинціи создало бы преграду между Россіею и Персіею. Духъ мятежа, тайные подкупы, возбужденія фанатиковъ уже не легко проникали бы изъ глубины Персіи въ Закавказскія области, и на Араксѣ, гдѣ климатъ губительно дѣйствуетъ на русское войско, уже не было бы надобности держать многочисленныхъ гарнизоновъ. Собственныя средства Адербейджана, свыше 3-хъ милліоновъ рублей серебромъ годового дохода, давали бы возможность держать въ немъ, помимо туземнаго войска, еще цѣлый русскій прекрасно устроенный корпусъ. Императоръ Николай вполнѣ соглашался съ этими доводами Паскевича, но предпочиталъ присоединенію Адербейджана къ Россіи образованіе изъ него независимыхъ ханствъ въ Мешкинѣ, Ардебилѣ, Тавризѣ, Марагѣ, Хоѣ и Урміи; такъ какъ прямое присоединеніе, по мнѣнію государя, неминуемо давало бы поводъ думать, что Россія стремится водворить свое исключительное господство въ Азіи, и этимъ охладило бы дружественныя связи съ великими державами Европы. Это былъ доводъ политики Нессельроде.

Аббасъ-Мирзѣ и было дано знать, что ежели пять куруровъ контрибуціи не будутъ уплачены немедленно, а остальные въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, то вся Адербейджанская область отдѣляется отъ Персіи, и Россія предоставляетъ себѣ право устроить ея политическій бытъ по своему усмотрѣнію, какъ признаетъ для себя выгоднѣе и удобнѣе. Посылая для переговоровъ Обрѣзкова, Паскевичъ увѣдомилъ Аббаса-Мирзу о непремѣнной волѣ русскаго императора, назначая шестидневный срокъ для отвѣта. Въ случаѣ непринятія предложенныхъ Россіей условій, военныя дѣйствія должны были

продолжаться; въ случаѣ согласія на нихъ,—Паскевичъ назначалъ наслѣдному принцу свиданіе въ мѣстечкѣ Дей-Караганѣ. На время переговоровъ персидскія войска, во всякомъ случаѣ, должны были отойти внутрь Персіи за озеро Урмію; русскія имѣли право занять городъ Хой и всѣ провинціи Адербейджана. Каймакамъ принялъ всѣ эти условія, и только просилъ позволенія видѣться съ англійскимъ министромъ Макдональдомъ, который одинъ могъ открыть глаза шаху на отчаянное положеніе дѣлъ и на возможность гибели Каджарской династіи, если война продолжится, и уговорить его заплатить контрибуцію, такъ какъ шахъ, по своему характеру, скорѣе могъ согласиться на уступку не одного, а трехъ Адербейджановъ, чѣмъ на выдачу денегъ изъ своей сокровищницы. «Денежныя требованія — писалъ къ государю и Паскевичъ: — самыя затруднительныя въ землѣ, въ которой государь казну и личныя пользы свои совершенно отдѣляетъ отъ пользы народа».

Посредничество англичанъ въ этомъ случаѣ могло быть очень полезно, а въ искреннемъ желаніи ихъ теперь содѣйствовать миру не было сомнѣнія. Англичане болѣе, чѣмъ сами персіяне, соболѣзновали о несчастіи Аббаса-Мирзы и трепетали за Адербейджанъ, отнятіе котораго отъ Персіи было бы полнымъ нарушеніемъ могущества и вліянія единственнаго въ странѣ искренняго союзника англичанъ. «Здѣсь, въ Тавризѣ, былъ корень ихъ настоящаго вліянія,— писалъ Паскевичъ. — Кромѣ Аббаса-Мирзы, несмотря на расточительность ихъ дипломатовъ, никто не только покровительствовать, но и терпѣть ихъ не будетъ. Съ утратою Адербейджана—мѣтко прибавляетъ Паскевичъ:—англійскіе чиновники могутъ сѣсть на корабли въ Бендеръ-Буширѣ и возвратиться въ Индію».

Начавшіеся переговоры и ожиданіе отвѣта отъ Аббаса-Мирзы не мѣшали, однако, Паскевичу принимать мѣры къ продолженію войны,—и войска готовились къ походу. Шесть ротъ Нашабургскаго полка, батальонъ тифлисцевъ, казачій полкъ и 12 орудій, подъ начальствомъ генерала Бенкендорфа,

должны были двинуться на Чевестеръ, за 60 верстъ отъ Тавриза по хойской дорогѣ, тамъ до 3-го ноября ожидать проѣзда наслѣднаго персидскаго принца, а потомъ двинуться дальше и занять Салмасскій округъ. Шесть ротъ Кабардинскаго полка, три сотни казаковъ и три конныя орудія, оставленныя Паскевичемъ, еще во время движенія его къ Тавризу, въ Марандѣ, вмѣстѣ съ осадною артиллеріею,—теперь, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лаптева, должны были занять Хой. Если бы городъ вздумалъ защищаться, къ нему же долженъ былъ свернуть Бенкендорфъ, а въ случаѣ надобности даже и потребовать изъ Маранды осадную артиллерію, чтобы подвергнуть его блокадѣ и бомбардированію. Оба эти отряда составляли, такъ сказать, правое крыло русскаго дѣйствующаго корпуса.

Въ самомъ Тавризѣ, въ центрѣ театра войны, остались, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Эристова, Херсонскій и Грузинскій гренадерскіе полки, Ширванскій пѣхотный, рота піонеровъ и два полка черноморскихъ казаковъ.

Въ видѣ авангарда, подъ командою генералъ-маіора барона Розена, былъ выдвинутъ на тегеранскую дорогу особый отрядъ, въ составъ котораго входили: карабинерный полкъ, два дивизіона нижегородскихъ драгунъ, бригада уланъ, полки Чугуевскій и сводный Донской казачій и 6 конныхъ орудій.

24 октября послѣдній отрядъ занялъ Уджаны, и первый день стоянки тамъ едва не разрѣшился ужасною катастрофою. Въ главномъ пороховомъ погребѣ, покинутомъ персіянами и находившемся какъ разъ въ чертѣ расположенія карабинернаго полка, солдаты случайно увидѣли зажженый фитиль, которому немного уже оставалось догорѣть до того, чтобы огонь коснулся пороха. Фитиль успѣли вытащить, иначе чрезъ немногія минуты гибель полка была бы неминуема. Богу угодно было спасти карабинеровъ отъ злодѣйскаго замысла непріятеля. Позже отрядъ этотъ, усиленный еще Херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ и 6 орудіями пѣшей артиллеріи, подвинулся еще впередъ, на самую границу Адербейджана, и расположился у подошвы Кафланъ-Кухъ,

близъ г. Міане. Несмотря на суровую зиму, войска стояли тамъ бивуакомъ: Розенъ не рѣшался размѣстить солдатъ по квартирамъ, опасаясь ядовитыхъ міанскихъ клоповъ, укушеніе которыхъ считается безусловно смертельнымъ.

Отдѣльный отрядъ генерала Панкратьева, состоявшій изъ лейбъ-гвардіи своднаго полка, Козловскаго пѣхотнаго, дивизіона нижегородцевъ, своднаго уланскаго полка, полка донскихъ казаковъ и шести конныхъ орудій,—былъ выдвинутъ по марагинской дорогѣ въ Дей-Караганъ, гдѣ должна была находиться во все время переговоровъ и главная квартира Паскевича.

Лѣвое крыло дѣйствующаго корпуса должно было образоваться изъ войскъ Карабагскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Вадбольскаго, который уже шелъ на Агаръ съ тѣмъ, чтобы занять Мышкинскій округъ. А для удобнѣйшаго сообщенія съ нимъ, батальонъ 41 егерскаго полка, рота піонеръ и два орудія высланы были на разработку дороги отъ Тавриза къ Агару.

Отряды Бенкендорфа и Лаптева находились уже въ движеніи, когда пришли извѣстія, что шахъ-заде изъявилъ согласіе на всѣ предложенныя ему условія и ѣдетъ въ Дей-Караганъ. Персидскія войска, дѣйствительно, уже очистили Хой и даже изъ Салмаса отступили за Урмію. Вслѣдствіе этого отряду Лаптева, шедшему на Хой, приказано было соединиться съ Бенкендорфомъ, а на встрѣчу наслѣдному принцу, въ видѣ почетнаго эскорта, отправленъ былъ изъ главной квартиры 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка съ двумя конными орудіями, подъ командою флигель-адъютанта графа Толстого. Вмѣстѣ съ дивизіономъ отправились также самъ командиръ Нижегородскаго полка, полковникъ Раевскій, и флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгоруковъ. Драгуны встрѣтили наслѣднаго принца верстахъ въ семи за Чевестеромъ, 4 ноября. Замѣтивъ ихъ, Аббасъ-Мирза оставилъ свой конвой и, въ сопровожденіи только пяти человѣкъ, приблизился къ фронту. Драгуны отдали ему честь. Князь Долгоруковъ, Раевскій и графъ Толстой привѣтствовали его отъ лица рус-

скаго главнокомандующаго. Сопровождаемый этимъ почетнымъ конвоемъ, принцъ отправился въ Чевестеръ, гдѣ былъ для него приготовленъ ночлегъ.

Въ это самое время изъ Чевестера, по дорогѣ къ Хою, выступали соединенные отряды Бенкендорфа и Лаптѣва. Узнавъ о приближеніи Аббаса-Мирзы, Бенкендорфъ остановилъ войска и выстроилъ ихъ на обширной равнинѣ близъ озера Урміи. Когда принцъ приблизился къ русскому фронту, его привѣтствовали шесть пушечныхъ выстрѣловъ. Бенкендорфъ встрѣтилъ его передъ войсками.

— «Мнѣ очень пріятно,—сказалъ ему принцъ:—что вы, первый обнажившій противъ меня мечъ въ кампаніи нынѣшняго года,—первымъ привѣтствуете меня и наканунѣ мира».

Аббасъ-Мирза, какъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ Бенкендорфъ, произвелъ на всѣхъ неожиданно пріятное впечатлѣніе. «Черты лица его—говоритъ Бенкендорфъ: — отличаются замѣчательною красотою и правильностью. Подобныя типичныя лица могутъ встрѣчаться только въ Азіи или въ классическомъ Римѣ. Онъ прибылъ одинъ, безъ свиты, въ сопровожденіи только своего зятя Фехт-Али-Хана и двухъ англійскихъ офицеровъ въ красныхъ мундирахъ. Самъ принцъ былъ одѣтъ чрезвычайно просто, и только одинъ кинжалъ его весь унизанъ былъ драгоцѣнными каменьями... «Лошадь подъ нимъ была лучшая, какую я когда-либо видѣлъ въ жизни,— прибавляетъ Бенкендорфъ, страстный любитель лошадей. Это былъ великолѣпный бѣлый иноходецъ, украшенный массивною золотою сбруею». Проѣзжая по фронту, принцъ здоровался съ солдатами по-русски, восторгаясь ихъ молодецкимъ видомъ. По его желанію кабардинскій полкъ и дивизіонъ нижегородцевъ съ конною артиллеріею прошли передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ. Принцъ благодарилъ всѣ войска. Но особенное впечатлѣніе произвела на него подвижность казачьей артиллеріи; онъ тщательно осматривалъ орудія, упряжь, лошадей, и, качая въ раздумьи головою, повторялъ неоднократно: «у насъ есть пушки, но нѣтъ артиллеріи».

— «Какъ много нужно времени,—сказалъ онъ въ разго-

ворѣ съ Бенкендорфомъ: — чтобы каждый народъ образовать для войны. Мы только что начали. Вы также имѣли свое время испытаній, прежде нежели дошли до той степени, на которой теперь находитесь... Но какъ бы то ни было, — прибавилъ онъ, улыбаясь:—отнынѣ мы будемъ жить дружно, а въ ожиданіи этого,—не правда ли?—немного странно, что я у васъ въ гостяхъ, въ той странѣ, которая столько вѣковъ принадлежитъ моимъ предкамъ»...

«Во все время пребыванія въ русскомъ лагерѣ, одинъ Аббасъ-Мирза—замѣчаетъ Бенкендорфъ:—умѣлъ казаться веселымъ; на лицахъ особъ, составлявшихъ его свиту, особенно у англичанъ, выражалось чувство оскорбленнаго достоинства»...

Простившись съ Бенкендорфомъ, Аббасъ Мирза, сопровождаемый драгунами, отправился въ Чевестеръ, а отрядъ Бенкендорфа пошелъ своею дорогою къ Хою. Городъ этотъ сдался безъ малѣйшаго сопротивленія; въ цитадели его найдены были 14 орудій, которыхъ персіяне не успѣли увезти съ собою. Оставивъ въ Хоѣ батальонъ Тифлисскаго полка, Бенкендорфъ двинулся далѣе, къ Салмасу, и занялъ дороги, ведущія къ Урміи.

4 ноября Аббасъ-Мирза ночевалъ въ Чевестерѣ; тамъ была приготовлена для него роскошная палатка, и при ней стоялъ почетный караулъ, по одну сторону 30 драгунъ, по другую — 30 курдовъ.

Паскевичъ долженъ былъ видѣться съ принцемъ въ Дей-Караганѣ и 5 ноября, вечеромъ, былъ уже тамъ, 6-го числа къ нему явился Хосровъ-Мирза, сынъ наслѣднаго принца, чтобы привѣтствовать его отъ лица персидскаго правительства, а вслѣдъ затѣмъ дали знать, что къ городу приближается и самъ Аббасъ-Мирза. Встрѣчали принца торжественно. Въ семи верстахъ отъ Дей-Карагана, на самой дорогѣ былъ выстроенъ эскадронъ уланъ, одѣтый въ парадную форму. Тутъ же находились Хосровъ-Мирза и генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ со всѣмъ корпуснымъ штабомъ. Принцъ благодарилъ всѣхъ, и солдатъ и офицеровъ, за труды, для него понесенные.

Въ Дей-Караганѣ у самой квартиры принца, его ожидалъ почетный караулъ, — рота гвардейскаго полка со знаменемъ и музыкою, и тутъ же привѣтствовалъ его командующій войсками, собранными въ Дей-Караганѣ, генералъ Панкратьевъ. Черезъ часъ пріѣхалъ съ визитомъ и самъ Паскевичъ. Разсказываютъ, что, въ ожиданіи этого визита, Аббасъ-Мирза былъ въ необычайномъ волненіи и не соглашался даже сѣсть, говоря: «Сейчасъ пріѣдетъ Паскевичъ». Онъ принялъ главнокомандующаго стоя посреди комнаты, и первый протянулъ ему руку. Паскевичъ вскользь замѣтилъ, что принцъ, вѣроятно усталъ съ дороги, и потому не угодно ли его высочеству сѣсть. Аббасъ-Мирза сѣлъ и пригласилъ сѣсть Паскевича. О дѣлахъ, на этотъ разъ, не говорили ничего, и черезъ четверть часа Паскевичъ уѣхалъ. На слѣдующій день Аббасъ-Мирза отдалъ визитъ главнокомандующему и пробылъ у него болѣе двухъ часовъ, «чего, — какъ замѣчаетъ Паскевичъ,— персидскіе принцы обыкновенно не дѣлаютъ».

Начались конференціи. Съ самаго перваго засѣданія Аббасъ-Мирза началъ уже просить объ уменьшеніи денежныхъ требованій. «Они были чрезмѣрно велики, — говоритъ и самъ Паскевичъ:— но если бы объявлены были въ половину противъ тогдашняго, — то просьбы, конечно, остались бы тѣ же». Тѣмъ не менѣе пять куруровъ, накинутыхъ Паскевичемъ за взятіе Тавриза, были сбавлены. Но далѣе ни на какія уступки Паскевичъ пока не шелъ. «Я требую теперь много—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ донесеній — для полученія чего-нибудь. Таковъ ходъ дѣлъ въ здѣшнемъ государствѣ».

Сбавка пяти куруровъ значительно подвинула дѣло впередъ, и переговоры пошли успѣшнѣе. Персидскіе уполномоченные утвердили всѣ требованія Россіи, уступали провинціи, соглашались уплатить контрибуцію. Оставалось только соблюсти послѣднюю форму — послать торжественный актъ на ратификацію шаха. Паскевичъ, однако, отказался подписать договоръ, пока первые пять куруровъ не будутъ въ русскомъ лагерѣ. «Со всякою другою державою, — писалъ Паскевичъ министру иностранныхъ дѣлъ: — конечно, сперва

заключается мирный трактатъ, а потомъ приступаютъ къ его исполненію; но здѣсь наоборотъ: сперва надо заставить выполнить требованіе, а потомъ подписать и трактатъ». Упорство Паскевича заставило ожидать извѣстій отъ шаха. 22-го ноября пришла, наконецъ, вѣсть, что первый денежный транспортъ выйдетъ изъ Тегерана 10-го декабря, и что шахъ избираетъ въ посредники Макниля, доктора-англичанина, который долженъ былъ наблюдать, какъ деньги изъ шахской казны будутъ сочтены, уложены и отправлены.

Докторъ Макниль, заступавшій въ то время должность англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Тегеранѣ, былъ въ то время лицомъ могущественнымъ при персидскомъ дворѣ. Онъ часто видѣлся съ шахомъ, зналъ всѣхъ его женъ, — а вліяніе на Востокѣ гарема могущественно. Макниль былъ противникъ войны, хлопотавшій о возможно скорѣйшемъ ея окончаніи; зная положеніе Персіи, онъ ясно видѣлъ, какія пагубныя послѣдствія для царствующей династіи могло имѣть движеніе русскихъ къ Тегерану.

Добрыя намѣренія и добросовѣстность Макниля не подлежали сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе Паскевичъ, чтобы не отдаться въ руки англичанъ, нашелъ необходимымъ командировать въ Тегеранъ русскаго офицера для наблюденія за своевременною высылкою денегъ, и выборъ его остановился на капитанѣ генеральнаго штаба Вальховскомъ. Вальховскій встрѣтилъ денежный транспортъ 15-го декабря, уже на пути изъ Тегерана. Но узнавъ, что везутъ не пять, а только три курура, онъ нашелъ необходимымъ продолжать свой путь въ столицу Персіи, чтобы тамъ поставить вопросъ, относительно отправки двухъ остальныхъ куруровъ. «Возвратиться мнѣ съ деньгами почти отъ воротъ города было невозможно, — писалъ Вальховскій къ Паскевичу: — ибо сіе не только дало бы поводъ къ заключенію, что мы довольствуемся только тремя курурами, но и могло бы имѣть послѣдствія самыя непріятныя».

16-го числа Вальховскій уже былъ въ Тегеранѣ, а 19-го представился Фетхъ-Али-Шаху. Шахъ принялъ его въ тронной комнатѣ, говорилъ, что война начата безъ его воли по-

граничными начальниками, что онъ сердечно желаетъ пріобрѣсть дружбу русскаго императора. Высылка денегъ была рѣшена — и лишь отложена на нѣсколько дней.

Но въ это самое время, когда, казалось, дѣла идутъ такъ успѣшно, когда условія мира были приняты и уже исполнялись, вдругъ въ русско-персидскихъ отношеніяхъ совершенно неожиданно произошелъ крутой поворотъ. Въ Дей-Караганѣ получено было извѣстіе, что денежный транспортъ, находившійся уже въ пути, задержанъ въ Казбинѣ, а, вмѣсто того, ѣдетъ въ лагерь особый уполномоченный отъ шаха, Мирза-Абулъ-Гассанъ-ханъ, съ увѣдомленіемъ, что если русская армія безъ малѣйшаго замедленія не очиститъ Адербейджана и не отступитъ за Араксъ, то шахъ не заплатитъ никакого вознагражденія и не ратификуетъ мира.

Дѣло было въ томъ, что Турція, намѣреваясь объявить Россіи войну, увѣдомила объ этомъ шаха и совѣтовала не спѣшить заключеніемъ мира, обѣщая свою помощь. Ванскій паша даже прямо предлагалъ въ распоряженіе Аббаса-Мирзы тѣ силы, которыя были собраны имъ на границѣ Салмаза, и если бы Аббасъ-Мирза не отклонилъ вмѣшательства, говоря, что помощь опоздала, что онъ подписалъ уже предварительныя условія мира,—турецкія войска немедленно вошли бы въ Персію. Въ Тегеранѣ эти обстоятельства произвели глубокое впечатлѣніе и воспламенили совсѣмъ было уже потухшія надежды. По самому свойству восточныхъ нравовъ, они не могли не повлечь за собою и еще одного явленія. Могущество наслѣдника трона теперь было подорвано несчастными обстоятельствами войны, и при гаремныхъ обычаяхъ, при борьбѣ дѣтей властителя отъ разныхъ матерей, естественно долженъ былъ найтись новый претендентъ на званіе наслѣднаго принца. Такой претендентъ — нашелся. Это былъ любимый сынъ шаха, Хассанъ-Али-Мирза, герой хороссанскій. Узнавъ о положеніи дѣлъ, онъ поспѣшилъ въ Тегеранъ, и какъ разъ въ это самое время вступилъ въ него съ семью или восемью тысячнымъ войскомъ. Молодой, опрометчивый принцъ славился своею неустрашимостью; но ни онъ, ни его

сподвижники, еще ни разу не сталкивались съ русскими, а потому приписывали неудачи въ Адербейджанѣ только малодушію тамошнихъ своихъ соотечественниковъ.

На легковѣрномъ Востокѣ народъ всегда легко переходитъ отъ страха къ безумной отвагѣ, отъ отчаянія къ надеждамъ,— и въ Тегеранѣ, при первыхъ слухахъ изъ Турціи, при первомъ извѣстіи о приближеніи Хассана-Али-Мирзы, встало огромное движеніе. Въѣздъ въ Тегеранъ принца сопровождался необычайными оваціями. «Тѣ, которые видѣли въѣздъ въ султанскій лагерь, при началѣ войны, персидскаго первосвященника,—говоритъ Вальховскій въ донесеніи Паскевичу:— могутъ себѣ представить и нынѣшнюю тегеранскую сцену, превосходящую всякое описаніе...» Еще наканунѣ происходило большое собраніе духовныхъ лицъ, на которомъ было рѣшено, что тотъ, кто посовѣтуетъ шаху платить деньги невѣрнымъ, будетъ объявленъ врагомъ правовѣрія. Разсказываютъ, что, когда объ этомъ рѣшеніи узналъ Хассанъ-Али-Мирза, онъ съ необычайнымъ паѳосомъ воскликнулъ, что скорѣе умретъ, нежели позволитъ вывезти хотя одинъ червонецъ изъ столицы. Народъ съ восторгомъ разнесъ эти слова по городу, и гдѣ бы ни появлялся принцъ,—его встрѣчали радостными криками и рукоплесканіями.

Воинственное настроеніе персіянъ было, конечно, не прочно, и могло такъ же быстро упасть, какъ поднялось. По крайней мѣрѣ Вальховскій, свидѣтель происшествій въ Тегеранѣ, не видѣлъ въ персіянахъ твердой рѣшимости вести войну и смотрѣлъ на все, просто, какъ на послѣднюю отчаянную попытку шаха заставить Паскевича сбавить контрибуцію. Дѣйствовала тутъ, по его мнѣнію и лукавая недовѣрчивость, свойственная азіатцамъ. Передъ ними вставалъ вопросъ,—а что какъ русскіе, получивши деньги, возьмутъ да и останутся въ Адербейджанѣ? И вотъ, подъ гнетомъ этой мысли, они требовали, чтобы русскіе прежде полученія денегъ очистили ихъ владѣнія.

«Въ этихъ случаяхъ—говоритъ Вальховскій:—персіяне привыкли судить о другихъ по себѣ; они почли даже за го-

сударственную мѣру вооружить Абулъ-Гассанъ-Хана лошадью съ богатымъ уборомъ для Паскевича, 20-тью драгоцѣнными шалями для генераловъ и шелковыми матеріями для другихъ чиновниковъ. Въ то же время они просили Вальховскаго ходатайствовать, чтобы Абулъ-Гассанъ-Ханъ былъ принятъ благосклонно, какъ прилично уполномоченному шаха, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что «Паскевичъ человѣкъ, какъ выражались они, грозный, съ которымъ трудно имѣть дѣло». Вальховскій отвѣтилъ на это, что въ вѣжливомъ пріемѣ министра не можетъ быть никакого сомнѣнія, но что подарковъ, конечно, не примутъ, и Паскевичъ отвѣтитъ немедленнымъ движеніемъ русскихъ войскъ къ Тегерану. «Иначе, — пояснилъ Вальховскій:—на немъ будетъ лежать великая отвѣтственность передъ императоромъ за столь долгое и безрезультатное бездѣйствіе побѣдоносной арміи».

Всѣ эти факты не на шутку встревожили англійскую миссію. Докторъ Макниль, въ качествѣ посредника, какъ лицо отвѣтственное не передъ персидскимъ только, а и передъ русскимъ правительствомъ, становился въ положеніе весьма щекотливое. Могло случиться, что шахъ, дождавшись отступленія русскихъ изъ Адербейджана, по скупости своей вдругъ отказался бы совсѣмъ отъ уплаты контрибуціи. И Макниль почелъ нужнымъ заявить шахскому казначею, что отступятъ ли русскіе, или нѣтъ, а онъ требуетъ ручательства въ точномъ выполненіи персидскимъ правительствомъ обязательствъ касательно первыхъ пяти куруровъ; иначе онъ хотѣлъ отправить къ Паскевичу нарочнаго съ увѣдомленіемъ, что болѣе не можетъ ручаться ни за какія обѣщанія и отказывается отъ всякаго участія въ дѣлѣ. Макниль прямо объявилъ персіянамъ, что никогда не согласится служить орудіемъ ихъ недобросовѣстности, и угрожалъ, что въ случаѣ приближенія русскихъ къ Тегерану, будетъ искать покровительства Паскевича. Онъ настоялъ въ тотъ же вечеръ на аудіенціи у шаха, и потребовалъ категорическаго отвѣта, будутъ ли уплачены пять куруровъ, за которые онъ, Макниль, ручался.

— Даю вамъ царское слово,—отвѣчалъ ему шахъ:—что

эти пять куруровъ я уже считаю не моею, а англійскою собственностью; въ условленное время они будутъ сданы вамъ въ Казбинѣ, а тамъ можете везти ихъ куда угодно, въ Индію или въ Тавризъ, мнѣ все равно.

«Но приближается время уплаты трехъ слѣдующихъ куруровъ, — сказалъ Макниль: — и я бы желалъ знать, какъ вашему величеству угодно будетъ поступить въ этомъ отношеніи».

— Уплата тѣхъ трехъ куруровъ—отвѣчалъ ему шахъ:— дѣло наше, домашнее; англичанъ оно не касается. Я даю изъ нихъ одинъ куруръ; остальные два долженъ заплатить Аббасъ-Мирза, у котораго денегъ много.

«Но, можетъ быть, у его высочества нѣтъ въ наличности такой значительной суммы»,—замѣтилъ Макниль.

— Тѣмъ хуже для Аббаса-Мирзы, — отвѣчалъ шахъ.— Этимъ онъ доказалъ бы только неспособность его управлять государствомъ. 25 лѣтъ онъ сидитъ въ Адербейджанѣ и, кромѣ доходовъ отъ области, получалъ отъ меня не разъ значительныя суммы, а самъ не платилъ войскамъ, не укрѣплялъ границъ и только вылилъ нѣсколько пушекъ въ Тавризѣ; слѣдовательно, онъ могъ накопить деньги.—Впрочемъ,—прибавилъ шахъ: — если бы Аббасъ-Мирза не согласился на уплату, то я найду другого принца, который возьметъ это на себя и получитъ титулъ наслѣдника.

Макниль тотчасъ извѣстилъ обо всемъ Паскевича.

Паскевичъ, съ своей стороны, могъ допустить только одинъ отвѣтъ на дѣйствія персидскаго правительства и народа, — немедленное движеніе русскихъ войскъ къ Тегерану. Такой отвѣтъ былъ тѣмъ необходимѣе, что отношенія съ Турціей, дѣйствительно, усложнялись, и эта же самая причина, заставлявшая Турцію интриговать въ пользу продолженія войны персіянами, требовала отъ русскихъ послѣдняго напряженія, чтобы возможно скорѣйшимъ окончаніемъ ея развязать себѣ руки для борьбы съ болѣе сильнымъ противникомъ.

Абулъ-Гассанъ-Ханъ прибылъ въ Дей-Караганъ 5-го января, вечеромъ, и на слѣдующій же день былъ принятъ Па-

скевичемъ. Переговоры, впрочемъ, продолжались лишь нѣсколько минутъ, такъ какъ Паскевичъ, не входя ни въ какія разсужденія, поставилъ категорическое требованіе: «Деньги— или война!» Въ тотъ же день происходило и послѣднее засѣданіе конференціи, на которомъ Паскевичъ объявилъ переговоры прерванными. Наслѣдный принцъ былъ болѣе чѣмъ смущенъ послѣдними событіями. «Положеніе его — говоритъ Паскевичъ: — точно незавидное; на оружіе разсчитывать ему теперь безразсудно, а о мирѣ нечего и думать по непреодолимой скупости отца его: деньги здѣсь ставятся выше чести и безопасности государства».

Нужно сказать, что и самъ Мирза-Абулъ-Гассанъ-Ханъ съ ужасомъ смотрѣлъ на совершающееся, предвидя, какія слѣдствія можетъ имѣть новая война. Онъ поспѣшилъ въ Тегеранъ, чтобы убѣдить своего государя не откладывать въ дальный ящикъ заключеніе мира. А за день передъ тѣмъ, Паскевичъ писалъ въ Тегеранъ къ главному первосвященнику: «коль скоро я предприму движеніе, то война продолжится не долго. Шахъ и его совѣтники не умѣли снискать моей пріязни; но они еще менѣе того съумѣютъ устоять въ полѣ и храбростію заслужить себѣ уваженіе непріятеля».

7-го января Аббасъ-Мирза простился съ Паскевичемъ. Война начиналась. Вальховскому послано было предложеніе немедленно оставить Тегеранъ, войска получили приказъ готовиться выступить 11-го января — въ походъ.

XXXIII.

Походъ 1828 года.

Стояла суровая холодная зима съ глубокими снѣгами и совершеннымъ бездорожьемъ, когда Паскевичъ, 8 января, выѣхалъ изъ Дей-Карагана, торопясь въ Тавризъ, чтобы скорѣе начать военныя дѣйствія. На этомъ сравнительно небольшомъ переѣздѣ, Паскевичъ лично могъ убѣдиться, какія страшныя препятствія ожидали войска въ зимнемъ походѣ. Ужасная вьюга, захватившая его въ дорогѣ, стояла цѣлыя сутки и была такъ сильна, что за массою крутившагося снѣга невозможно было добраться ни до какого жилья. Многіе, изъ бывшихъ даже въ самомъ поѣздѣ Паскевича, отбились отъ него и блуждали по степи; два писаря корпуснаго штаба и нѣсколько конныхъ татаръ, занесенные сугробами, погибли буквально на глазахъ товарищей, которые, будучи и сами полузамерзшими, не могли оказать имъ помощи.

И несмотря на все это, откладывать военныхъ дѣйствій было невозможно уже потому, что жители Адербейджана, неувѣренные, кому будутъ принадлежать, начинали тяготиться пребываніемъ у нихъ русскихъ войскъ. Случаевъ буйнаго ослушанія еще пока не было, но многіе уходили изъ своихъ домовъ вмѣстѣ съ семействами. Такое положеніе дѣлъ должно было возрождать въ персидскомъ правительствѣ коварную надежду, что его неуступчивость будетъ поддержана возстаніемъ черни и ненавистью народа къ русскимъ. Передъ Паскевичемъ могла возникнуть далеко не веселая перспектива. «Но сего торжества — писалъ онъ еще прежде — я персіянамъ не предоставлю, и тотчасъ послѣ разрыва перенесу театръ войны изъ Адербейджана за Кафланъ-Кухъ, въ область Иранскую»... Нужно было также показать персіянамъ, что ихъ разсчеты на долгую зиму, на бездорожье, на возможность близкаго разрыва между Россіей и Турціей — напрасны, и что войска не остановятся до самыхъ воротъ Тегерена.

Случилось къ тому же, что по пословицѣ, «нужда сама всему учитъ», самое главное затрудненіе, именно движенія по глубокимъ снѣгамъ обозовъ и артиллеріи — устранилось. Нущинъ предложилъ сдѣлать особые треугольники, употребляемые въ Финляндіи для расчистки дорогъ. Ихъ сдѣлали въ тавризскомъ арсеналѣ изъ толстыхъ, сплоченныхъ между собою бревенъ, окованныхъ желѣзомъ, запрягли въ каждый по четыре пары воловъ и пустили впередъ. Треугольники отлично разгребали снѣгъ, направо и налѣво, оставляя за собою сглаженную дорогу, по которой колесный обозъ, поставленный на зимніе полозья, и пушки могли двигаться, хотя и медленно, но довольно свободно.

По плану Паскевича, всѣ русскія войска, не исключая и бездѣйствовавшаго до тѣхъ поръ Карабагскаго отряда, одновременно двинулись въ глубь Персіи, чтобы соединенными усиліями сдѣлать для шаха всякое сопротивленіе невозможнымъ.

Войска праваго фланга, занимавшія подъ начальствомъ

генерала Лаптева Хойскую провинцію и Салмазскій округъ, должны были занять Урмію и охранять главный корпусъ отъ нападенія персіянъ съ той стороны, и въ то же время наблюдать за турецкою границею, на всемъ протяженіи ея отъ горъ Урумійскаго округа до Хоя и Маку. Войска изъ Дей-Карагана, предводимыя генераломъ Панкратьевымъ, двигались по марагинской дорогѣ, чтобы разсѣять персидскія войска, стоявшія, въ ожиданіи исхода переговоровъ, въ Миръ-Абадѣ, къ югу отъ Урмійскаго озера. Карабагскому отряду поручено было овладѣть Ардебилемъ и затѣмъ выйти на путь къ Тегерану, для соединенія съ главными силами. А самъ Паскевичъ съ центральною колонною выступалъ изъ Тавриза на Міане, гдѣ стоялъ авангардъ барона Розена. Отсюда предполагалось перейти хребетъ Кафланъ-Кухъ, и наступать далѣе, по тегеранской дорогѣ, къ Зенгаму.

Паскевичъ ожидалъ, что совокупнаго наступленія всѣхъ русскихъ силъ будетъ достаточно, чтобы заставить шаха просить снова мира. «Если же и симъ не ограничится предпринимаемый походъ, — писалъ онъ государю: — то приближаясь къ Казбину, назначу хана въ Гиляны, гдѣ съ радостію, какъ и во всемъ государствѣ, сбросятъ съ себя иго ненавистнаго правительства». Вообще эта экспедиція на Астрабадъ, Гиляны и Мазандеранъ давно уже занимала Паскевича, а при настоящихъ обстоятельствахъ казалась ему для наказанія персіянъ средствомъ тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ, что область эта была отечествомъ Каджаровъ, составляла собственный шахскій удѣлъ, и отторженіе ея вконецъ подрывало бы не только нравственный престижъ, но и матеріальныя средства персидскаго властителя. Поэтому, въ случаѣ упорства шаха, Паскевичъ уже заранѣе предположилъ съ раннею весною, какъ только морскія приготовленія въ Астрахани будутъ окончены, двинуть на Астрабадъ Тенгинскій и Навагинскій полки изъ отряда Вадбольскаго. Начальство надъ этой экспедиціею, по личному указанію государя, предполагалось поручить полковнику Муравьеву, какъ уже бывшему въ тѣхъ мѣстахъ и имѣвшему сношенія съ сосѣдними

туркменами, которые въ этомъ случаѣ могли быть весьма небезполезны.

Но такъ далеко идти не пришлось. Быстрое наступленіе русскихъ войскъ сразу поразило паникой всю Персію. Шахъ готовился покинуть столицу, персидскія войска нигдѣ не защищались, и планъ Паскевича быстро приводился въ исполненіе. 15-го января генералъ Лаптевъ занялъ Урмію. Урмія—многолюдный городъ, съ порядочной цитаделью и съ громадною стѣною, укрѣпленною множествомъ башенъ; въ историческомъ отношеніи она замѣчательна какъ родина Зороастра, основателя въ Персіи огнепоклонства, въ политическомѣ — это былъ главный центръ сильнаго авшарскаго племени, изъ котораго произошелъ Шахъ-Надиръ, а имѣя въ рукахъ это воинственное племя, можно было ручаться за спокойствіе всѣхъ остальныхъ племенъ, обитавшихъ вдоль турецкой границы. Тѣмъ не менѣе городъ сдался Лаптеву безъ всякаго сопротивленія. Еще ранѣе этого, Козловскій пѣхотный полкъ съ четырьмя орудіями и сотнею казаковъ, высланный Панкратьевымъ изъ Дей-Карагана, подъ командой полковника Пояркова, вступилъ въ Марагу, и персіяне, стоявшіе въ его окрестностяхъ въ числѣ двухъ тысячъ, отдали городъ тоже безъ выстрѣла. Главныя силы Паскевича шли изъ Тавриза по направленію къ Міане, не встрѣчая передъ собой нигдѣ и никакихъ препятствій. А позади ихъ, въ самомъ Тавризѣ, формировалось двѣнадцать тысячъ мѣстныхъ адербейджанскихъ всадниковъ, готовыхъ содѣйствовать русскимъ въ низложеніи ненавистныхъ имъ Каджаровъ.

Самые большіе труды и большіе результаты военныхъ дѣйствій этого времени выпали на долю лѣваго фланга, войскамъ Карабагскаго отряда, вызваннымъ сюда обстоятельствами. Совершенное спокойствіе, давно уже водворившееся въ Карабагѣ, дало Паскевичу возможность еще въ октябрѣ мѣсяцѣ производить Карабагскимъ отрядомъ небольшія наступательныя движенія за Араксъ, чтобы отвлекать вниманіе непріятеля отъ Эривани, на которой въ то время сосредоточивались главныя усилія русской арміи. Начальникомъ Ка-

рабагскаго отряда уже съ сентября мѣсяца былъ генералъ-лейтенантъ князь Иванъ Михайловичъ Вадбольскій, старый гусаръ, но еще бодрый, сохранившій весь пылъ стариннаго кавалериста. Онъ постоянно носилъ на шеѣ Георгіевскій крестъ, какъ памятникъ своихъ заслугъ во время французскихъ войнъ, когда, командуя Маріупольскими гусарами подъ Сенъ-Дизье, онъ былъ раненъ въ рукопашной схваткѣ съ французскими латниками палашомъ въ животъ, — и остался во фронтѣ.

Съ беззавѣтною храбростью Вадбольскій соединялъ и значительную опытность въ военномъ дѣлѣ. Уже однимъ умѣньемъ говорить и обращаться съ солдатами, однѣми заботами о ихъ нуждахъ, привычкахъ и даже прихотяхъ, онъ показывалъ себя личностью далеко не заурядною. Солдаты, дѣйствительно, боготворили Вадбольскаго и въ своихъ разговорахъ называли его «Николаемъ Чудотворцемъ», какъ по наружному сходству его серьезнаго, сухощаваго лица, обрамленнаго длинною сѣдою бородою, съ изображеніемъ святаго угодника, такъ и по доблестямъ его высокой души.

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Вадбольскій былъ слишкомъ старъ, чтобы быстро оріентироваться въ совершенно новомъ для него краѣ, въ новыхъ условіяхъ неиспытанной азіятской войны. Послѣ французскихъ войнъ, онъ командовалъ 3-ею гусарскою дивизіею, и назначенъ состоять при Кавказскомъ корпусѣ лишь въ концѣ 1826 года, прямо по случаю начавшейся войны съ персіянами. Это незнакомство съ театромъ военныхъ дѣйствій и съ характеромъ непріятеля — не замѣдлили отразиться невыгодно и на его образѣ дѣйствій. Когда Паскевичъ, озабоченный осадою Эривани, предписалъ Эристову сдѣлать движеніе изъ Нахичевани на Маранду, Вадбольскій долженъ былъ также перейти Араксъ и, съ своей стороны, содѣйствовать Эристову движеніемъ на Лори и Агаръ. Но Вадбольскій, перешедши Араксъ 8 октября, дошелъ только до Дараурткаго ущелья, и 15 числа вернулся назадъ къ Ахъ-Углану, оставивъ Эристова безъ всякой помощи. Хорошо, что тотъ, уже занявшій въ то время

Тавризъ, не нуждался ни въ какомъ содѣйствіи; а могло случиться, что поспѣшное отступленіе Карабагскаго отряда было бы причиною весьма затруднительныхъ обстоятельствъ, и Эристову пришлось бы имѣть дѣло со всею персидскою арміею, уже не развлекаемою наступленіемъ русскихъ изъ Карабага къ сторонѣ Ардебиля.

Вадбольскій собирался вновь перейти Араксъ и писалъ Паскевичу, что ожидаетъ только сформированія транспортовъ, но указывалъ на трудность переправы черезъ Араксъ, на необходимость дорогъ къ Мышкину и особенно къ Агару, и потому просилъ разрѣшенія взять съ собою одни только вьюки. Въ дѣйствительности, дорога на Мышкинъ считалась здѣсь совсѣмъ не затруднительною, а переправа при Маральянѣ была даже весьма удобна. Паскевичъ получилъ этотъ рапортъ уже въ Тавризѣ; онъ понялъ, что князь еще не знаетъ земли, въ которой ему нужно дѣйствовать, и категорически предписалъ ему немедленно идти за Араксъ, чтобы овладѣть Ардебилемъ.

Вслѣдъ за этимъ предписаніемъ, — это было 17 ноября, въ то время, когда въ Дей-Караганѣ начались конференціи, — князь Вадбольскій, съ полками Тенгинскимъ и Навагинскимъ, съ двумя батальонами отъ егерскихъ 41 и 42 полковъ, съ двумя казачьими полками, съ сводным уланскимъ (дивизіоны чугуевцевъ и бѣлгородцевъ) и съ 13-ю конными и пѣшими орудіями, двинулся изъ Ахъ-Угланскаго лагеря къ Асландузскому броду. Весь этотъ походъ обошелся безъ тѣхъ затрудненій, которыхъ ожидалъ князь Вадбольскій.

Одинъ изъ участниковъ шагъ за шагомъ разсказываетъ объ этомъ движеніи войскъ. На утро 18 ноября, отрядъ уже былъ на берегу Аракса, передъ Асландузскимъ бродомъ, и расположился бивуаками вокругъ какого-то разореннаго и уже давно оставленнаго жителями селенія, въ которомъ еще лежали чрезвычайно красивыя развалины мечети и возвышался уцѣлѣвшій при ней высокій минаретъ, откуда, быть можетъ, уже болѣе вѣка не раздавался крикъ правовѣрнаго муэдзина. А вблизи Араксъ сверкалъ своей быстротечной зыбью; на

противоположномъ правомъ берегу его высился знаменитый курганъ; а тамъ Дарауртское ущелье сходило къ Асландузу широкими каменными ступенями съ высоты угрюмаго Сальвата, — и по этой гигантской лѣстницѣ катились гремучія воды Дараурть-чая. Картина была ослѣпительна и не располагала къ думамъ о предстоящихъ опасностяхъ. Къ вечеру 20 ноября отрядъ благополучно перешелъ зыбкую границу Персіи, Араксъ, и снова расположился бивуакомъ уже вокругъ Асландузскаго кургана. Здѣсь все говорило о былой славѣ русской. Правда, ни татары, ни персіяне не могли ничего разсказать о совершившемся здѣсь, — ни историческаго факта, ни легенды, ни пѣсни; но на обширномъ курганѣ еще видны были слѣды земляного укрѣпленія, построеннаго въ 1812 году персіянами, т. е. собственно европейскими инженерами,— того самаго укрѣпленія, которое не помѣшало герою Ленкорани съ горстью храбрыхъ разбить персіянъ на голову и взять курганъ штурмомъ.

Пройдя тѣснины, въ которыхъ бѣшено бьется Дараурть-чай, отрядъ остановился на урочищѣ Замбуръ, въ чудной зеленой долинѣ, и почти вмѣстѣ съ отрядомъ пришло сюда татарское кочевье, многочисленныя стада котораго еще спускались съ высотъ Сальвата. Это было проявленіе дружественнаго чувства со стороны окружающаго населенія.

По двухверстному крутому скату спустился отрядъ въ глубокое ущелье, къ самой подошвѣ Сальвата, — исполина Адербейджанскаго, вершина котораго такъ похожа на нахлобученную рогатую шапку. Подъемъ на него былъ труденъ, и на крутыхъ, извилистыхъ тропинкахъ повозки и орудія приходилось втаскивать уже на канатахъ.

Черезъ семь дней отрядъ вышелъ изъ горъ на равнину, разстилавшуюся отъ города Лори, который расположенъ на утесахъ одного изъ скатовъ, идущихъ отъ снѣговой вершины Севелана далеко за Ардебиль, и сталъ на лѣвомъ берегу Кара-Су, при селеніи Мышкинъ. Здѣсь отрядъ получилъ приказаніе остановиться до окончанія переговоровъ, начатыхъ въ

Дей-Караганѣ. Но войска стояли въ полной готовности выйти отсюда въ любомъ направленіи.

Такимъ образомъ Карабагскій отрядъ составилъ лѣвое крыло главнаго корпуса, и долженъ былъ участвовать въ его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, если бы обстоятельства заставили внести оружіе въ Иранскую область.

И вотъ, теперь, какъ только переговоры были перерваны, курьеръ изъ Дей-Карагана привезъ князю Вадбольскому приказаніе начать немедленно наступленіе къ Ардебилю. Паскевичъ придавалъ большую важность этому движенію, и чтобы быть болѣе увѣреннымъ въ успѣхѣ предпріятія, послалъ начальника корпуснаго штаба, генералъ-адъютанта графа Сухтелена, принять временно начальство надъ отрядомъ Вадбольскаго.

Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ былъ старшимъ сыномъ извѣстнаго своими заслугами, ученостью и глубокимъ умомъ инженеръ-генерала графа Петра Корниловича, которому Россія обязана учрежденіемъ генеральнаго штаба. Подъ руководствомъ отца, молодой Сухтеленъ получилъ блестящее образованіе и началъ службу 13 лѣтъ отъ роду колонновожатымъ въ свитѣ государя по квартирмейстерской части. Черезъ годъ онъ перешелъ въ Кавалергардскій полкъ, и вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, гдѣ на его долю выпало участіе въ одномъ изъ самыхъ тяжелыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и блестящихъ эпизодовъ этого боя. Сраженіе уже было проиграно и русская армія отступала въ крайнемъ разстройствѣ, когда на поле битвы явились кавалергарды. Стремительный ударъ этихъ отборныхъ латниковъ, — ударъ, которому удивлялись, впослѣдствіи, сами французы,— выручилъ пѣхоту; но сами кавалергарды попали въ такую страшную сѣчу, что изъ 4-го эскадрона, въ которомъ служилъ Сухтеленъ, уцѣлѣло только 18 человѣкъ. Командиръ эскадрона полковникъ князь Рѣпнинъ и всѣ офицеры, раненые, остались въ рукахъ непріятеля. Въ числѣ ихъ былъ и Сухтеленъ, контуженный ядромъ и раненный саблею въ голову, — такъ дорого достался ему, 17-ти-лѣт-

нему юношѣ, первый шагъ на боевомъ поприщѣ. Въ пятомъ часу пополудни, Наполеонъ, возвращаясь съ поля сраженія, увидѣлъ плѣнныхъ, и узнавъ, что между ними есть гвардейскіе офицеры, потребовалъ къ себѣ старшаго. Явился князь Рѣпнинъ.

«Вы командовали кавалергардскимъ полкомъ Императора Александра?» — спросилъ его Наполеонъ. — Я командовалъ эскадрономъ, — отвѣчалъ князь Рѣпнинъ.

«Вашъ полкъ честно исполнилъ свой долгъ», — сказалъ Наполеонъ, и прибавилъ, что онъ съ удовольствіемъ отдаетъ должное своимъ храбрымъ противникамъ.—Похвала великаго полководца есть лучшая награда для солдата, — отвѣчалъ Рѣпнинъ. Наполеонъ ласково кивнулъ головою и спросилъ:— «Кто этотъ молодой человѣкъ, который стоитъ рядомъ съ вами?»

Князь Рѣпнинъ назвалъ Сухтелена. Наполеонъ посмотрѣлъ на него съ улыбкой и прибавилъ: «онъ слишкомъ молодъ, чтобы бороться съ нами». — Молодость не мѣшаетъ быть храбрымъ, — смѣло отвѣчалъ Сухтеленъ, и прибавилъ:

Je suis jeune, il est vrai, mais aux âmes bien nées
La valeur n'attend pas le nombre des années*).

— «Браво, молодой человѣкъ! — воскликнулъ императоръ: — прекрасный отвѣтъ! Вы далеко пойдете!»

Эта встрѣча съ молодымъ Сухтеленомъ послужила сюжетомъ къ извѣстной картинѣ, которая заказана была Наполеономъ и вмѣстѣ съ портретами маршаловъ долго украшала стѣны его любимаго Тюльерійскаго дворца. Разсказываютъ, что императоръ Александръ, по взятіи Парижа, посѣтивъ залу, гдѣ она висѣла, долго стоялъ передъ картиной въ раздумьи и наконецъ сказалъ: «здѣсь не стыдно вспомнить и объ Аустерлицѣ».

*) Стихъ изъ трагедіи Корнеля:
Я молодъ — это правда, — но въ благородныхъ душахъ
Храбрость не совпадаетъ съ годами.

По окончаніи войны Сухтеленъ возвратился въ Россію и былъ награжденъ золотою шпагой за храбрость и чиномъ поручика. Въ кавалергардскомъ же полку онъ дрался съ французами въ кампанію 1807 года, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ въ Кареліи и Саволаксѣ, находился при взятіи Свеаборга, былъ въ жаркомъ дѣлѣ при Индельсальмѣ, гдѣ палъ князь Долгоруковъ, любимецъ императора Александра, и вмѣстѣ съ Кульневымъ переходилъ по льду Ботническій заливъ. Война сдѣлалась привычною стихіею для молодого человѣка, и потому, едва замолкли послѣдніе отголоски битвъ въ суровой Финляндіи, Сухтеленъ, пренебрегая почетною службою при отцѣ, тогда чрезвычайномъ посланникѣ въ Швеціи, перенесся съ сѣвера на берега Дуная, и тамъ, въ сраженіи при Слободзеи, выказалъ рѣдкую отвагу и присутствіе духа. Въ разгарѣ боя посланный Кутузовымъ передать приказаніе въ отрядъ генерала Маркова, дѣйствовавшій по ту сторону Дуная, онъ отважно бросился въ рыбачій челнъ и переплылъ Дунай подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, отдѣлавшись, къ удивленію всѣхъ, только легкою раною въ ногу. Званіе флигель-адъютанта, чинъ ротмистра, орденъ св. Владиміра 4 степени и Анна на шею — были наградами его за эти кампаніи.

По возвращеніи изъ Турціи, Сухтеленъ отправленъ былъ государемъ въ Англію съ секретнымъ письмомъ къ королю, и возвратился оттуда только осенью 1812 года. Это была для него, въ сущности, уже не первая служебная командировка, выходившая изъ круга обыкновенныхъ обязанностей боевого офицера; послѣ фридландской кампаніи онъ, вмѣстѣ съ отцомъ, былъ посылаемъ для обзора укрѣпленій по западнымъ границамъ имперіи; а во время шведской войны велъ переговоры о сдачѣ Свеаборга, и по заключеніи Фридрихсгамскаго мира состоялъ при своемъ отцѣ, во время пребыванія послѣдняго посланникомъ въ Стокгольмѣ.

Въ отечественную войну Сухтеленъ командовалъ Волынскимъ уланскимъ полкомъ, въ партизанскомъ отрядѣ Чернышева. Тамъ онъ былъ раненъ пулею въ лѣвую руку, но

остался во фронтѣ, и затѣмъ, цѣлымъ рядомъ боевыхъ отличій, заслужилъ алмазные знаки ордена св. Анны 2 класса, Владиміра на шею, Георгія 4 степени и чинъ генералъ-маіора на 26 году отъ роду. Изъ иностранныхъ орденовъ онъ уже имѣлъ въ то время: прусскіе «Pour le mérite» и Краснаго Орла 2 степени, шведскій Командорскій Меча и золотую медаль, и французскій св. Людовика.

Послѣдніе годы царствованія императора Александра Сухтеленъ командовалъ гусарскою бригадою. Въ это же время, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, онъ возведенъ былъ въ графское достоинство Россійской Имперіи. Императоръ Николай, въ день своей коронаціи, произвелъ Сухтелена въ генералъ-лейтенанты и назначилъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества.

Когда началась персидская война, Сухтеленъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ ея и просилъ у государя назначенія на театръ военныхъ дѣйствій, куда отправлялись товарищи его боевой жизни: Давыдовъ, Бенкендорфъ, князь Долгоруковъ. Государь согласился, съ тѣмъ однако, чтобы по окончаніи войны Сухтеленъ возвратился немедленно къ своимъ обязанностямъ генералъ-квартирмейстера главнаго штаба.

Человѣкъ еще молодой, полный силъ, за которымъ притомъ считалось такъ много боевого прошлаго, Сухтеленъ занялъ въ войскахъ Паскевича видное и отвѣтственное положеніе начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, и въ этомъ званіи принималъ участіе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ кампаніи 1827 года. Теперь, назначеніе командовать карабагскимъ отрядомъ дало ему случай навсегда вписать свое имя въ лѣтописи подвиговъ кавказскихъ войскъ.

Отрядъ князя Вадбольскаго Сухтеленъ встрѣтилъ уже подъ Агаромъ. «Трудно повѣрить, — писалъ онъ отсюда къ Паскевичу: — какое количество снѣга выпало въ здѣшнихъ мѣстахъ, которыя теперь представляютъ совершенный видъ нашей сѣверной зимы. Дорога состоитъ изъ узкой тропинки, и двигаться по ней съ колесными арбами рѣшительно невоз-

можно». Изъ Агара войска шли къ Ардебилю. И какъ прежде юный Сухтеленъ съ своими волынцами особенно отличился при взятіи Реймса, города, славнаго вѣнчаніемъ на царство французскихъ королей, такъ и теперь ему предстояло взять Ардебиль, изстари знаменитый коронованіемъ въ немъ персидскихъ государей. Несмотря на суровую зиму, памятную въ Персіи необычайно глубокими снѣгами и холодомъ, Сухтеленъ 25-го января уже стоялъ передъ цѣлью своего похода.

Старинный городъ безпечно раскинулся въ широкой и привольной долинѣ, окаймленной чудными Таврскими горами, между которыми, какъ снѣжный гигантъ, вставала громадная гора, достигающая 12 тысячъ футовъ, и, казалось, не ждалъ нашествія непріятелей. Онъ совершенно не былъ готовъ къ оборонѣ. Сыновья Аббасъ-Мирзы, Махметъ и Джанхиръ, бывшіе тогда въ немъ, заперлись въ цитадели съ двухтысячнымъ гарнизономъ и хотѣли защищаться; но нѣсколькихъ ракетъ, пущенныхъ въ городъ, было достаточно, чтобы поколебать мужество защитниковъ. Начались побѣги изъ цитадели, а въ городѣ вспыхнулъ мятежъ, и жители, толпами бросившись въ крѣпость, обезоружили всѣхъ сарбазовъ. Между тѣмъ старѣйшины города уже отворили ворота и встрѣчали подходившій отрядъ съ хлѣбомъ и солью. Сухтеленъ торжественно вступилъ въ Ардебиль. Оба принца, лишенные возможности бѣжать, сдались военноплѣнными. Въ Ардебилѣ взято было русскими 27 орудій и въ числѣ ихъ четыре пушки, захваченныя въ прошломъ году персіянами въ Ленкорани.

Русскому отряду довелось найти въ Ардебилѣ и болѣе печальные трофеи персіянъ отъ войны съ русскими, чѣмъ эти четыре пушки. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1826 году стоялъ шахскій лагерь, верстахъ въ 4-хъ отъ города, влѣво отъ тавризской дороги, на высокомъ курганѣ, еще возвышались воздвигнутые по приказанію шаха шесть каменныхъ пирамидъ, уставленныхъ головами русскихъ, павшихъ во время нечаяннаго вторженія персіянъ въ предѣлы Карабага. Сухтеленъ имѣлъ горестное утѣшеніе отдать послѣдній долгъ

невѣдомымъ мученикамъ-героямъ, погибшимъ за отечество. 31-го января на курганѣ собраны были казачій Грекова полкъ, рота піонеръ и часть 42-го егерскаго полка, наиболѣе другихъ потерпѣвшаго въ началѣ войны, прочитаны молитвы объ упокоеніи душъ погибшихъ за вѣру, царя и отечество, и при возглашеніи вѣчной памяти и троекратномъ залпѣ—кости опущены въ могилу. Рядовые 42-го егерскаго полка воздвигли надъ нею большой деревянный крестъ.

Но то, что сдѣлало завоеваніе Ардебиля особенно памятнымъ, какъ въ лѣтописяхъ военной исторіи, такъ и въ лѣтописяхъ мирной науки, это — пріобрѣтеніе Россіей богатой библіотеки, хранившейся въ мечети Шейхъ-Софи-Эдине, въ этомъ палладіумѣ шіитской мудрости, служившемъ лучшимъ украшеніемъ города.

Мечеть эта, основанная, какъ полагаютъ, въ эпоху возобновленія Тамерланомъ персидской монархіи, замѣчательна своею архитектурою, богатствомъ и древностью. Широкія и нѣкогда величественныя ворота, покрытыя сводомъ, произведеніемъ смѣлаго восточнаго зодчества, сохраняютъ еще остатки лѣпныхъ украшеній давно утраченнаго стиля и ведутъ во внутренность небольшого двора, окруженнаго толстыми каменными стѣнами, въ которыхъ вырублены кельи. Въ самой мечети узорчатыя стѣны испещрены разноцвѣтными, большею частію зелеными кирпичами. Мраморныя ступени ведутъ во внутренность храма, гдѣ холодный мраморный полъ весь устланъ богатыми хороссанскими коврами, — приношеніями богомольцевъ. Въ одной изъ стѣнъ, въ прекрасно выдѣланной нишѣ, подъ мрачнымъ куполомъ стоитъ гробница святого основателя храма, Шейха-Софи-Эдине, привлекающая сюда на поклоненіе массу магометанъ, шіитовъ со всего міра. Гробница отличается искусною рѣзьбою, а богатое покрывало облекающее и ее, и все возвышеніе, на которомъ стоитъ она, подобно тѣмъ, которыя ежегодно отправляются почитателями Магомета изъ Каира въ Мекку. Три лампады разливаютъ слабый свѣтъ по этому обиталищу смерти и при слабомъ мерцаніи ихъ, и день и ночь, надъ гробомъ читаются мо-

литвы смиренными отшельниками, на которыхъ лежитъ обязанность блюсти въ лампадахъ неугасимый огонь. Разсказы магометанскаго духовенства о чудесахъ Софи-Эдине и написанная имъ исторія жизни святого — сбивчивы и противорѣчивы; но изъ нихъ ясно, что шейхъ былъ человѣкъ съ необыкновеннымъ умомъ и большимъ по своему времени образованіемъ. Вправо отъ ниши Софи-Эдине находится другая гробница, въ которой покоится шахъ Измаилъ-Софи, основатель новой персидской монархіи и родоначальникъ династіи Софіевъ, царствовавшей до Шахъ-Надира. Нѣкогда надъ этой царственной могилою висѣли укрѣпленные въ сводѣ храма четыре, принадлежавшіе шаху Измаилу, меча, остріемъ и силою которыхъ онъ утвердилъ свой родъ на престолѣ Персіи. Рука безпощаднаго времени исторгла два изъ нихъ: другіе два сняты персидскими государями,—и теперь драгоцѣнные памятники мощной древности замѣнены какими-то жалкими, ничего не стоющими издѣліями новѣйшихъ оружейниковъ.

Лѣвѣе царскаго гроба находится свѣтлая веселая комната, устроенная Шахъ-Аббасомъ и украшенная подаренными имъ чашами и вазами индійскаго фарфора. Еще лѣвѣе входъ въ залу, въ которой и находилась славная на всемъ Востокѣ библіотека арабскихъ и персидскихъ рукописей. Говорятъ, что эта библіотека получила основаніе въ царствованіе Шахъ-Аббаса, тщательно собиравшаго всѣ драгоцѣнные литературные памятники древности, которые потомъ онъ и сложилъ въ мечеть, сооруженную въ память его дѣда, Шейхъ-Софи. Нѣсколько драгоцѣнныхъ дверей, окованныхъ серебромъ и чистымъ золотомъ, вели въ это хранилище мусульманской мудрости. Этою-то драгоцѣнною библіотекою, — всѣмъ, что было въ ней цѣннаго, что составлялось вѣками изъ пожертвованій многихъ властителей Персіи, Сухтеленъ овладѣлъ, какъ военнымъ трофеемъ. И нынѣ она хранится въ Императорской С.-Петербургской публичной библіотекѣ. А тамъ, гдѣ она была прежде, любопытный путешественникъ находитъ лишь опустѣвшія полки.

Сухтеленъ провелъ это дѣло политично и тонко. Опасаясь увозомъ книгъ возбудить негодованіе народа, онъ началъ выраженіемъ уваженія и удивленія передъ мусульманскою святынею, и подарилъ мечети огромный персидскій коверъ. Коверъ этотъ былъ тотчасъ же разостланъ между гробами шейха и шаха Измаила. Это было доказательствомъ благопріятнаго для русскихъ расположенія умовъ населенія, которое, нужно сказать, гордилось еще наканунѣ тѣмъ, что ни въ городѣ, ни въ округѣ его никогда не водворялись христіане. Тогда Сухтеленъ созвалъ къ себѣ знатнѣйшихъ представителей магометанскаго духовенства города, имѣвшаго огромное вліяніе въ цѣлой Персіи, и объявилъ имъ, что русское правительство, заботясь о нравственномъ воспитаніи и благоденствіи своихъ многочисленныхъ мусульманскихъ подданныхъ, крайне нуждается въ книгахъ и въ сочиненіяхъ знаменитыхъ писателей Востока, и что ему поручено по этому поводу просить согласія духовныхъ лицъ отправить всю библіотеку Шейхъ-Софи-Эдине въ Петербургъ, гдѣ съ книгъ снимутъ копіи, послѣ чего подлинники возвращены будутъ обратно. Послѣ долгихъ споровъ, разсужденій и отговорокъ, почтенные хаджи и муллы наконецъ изъявили свое согласіе. Тогда Сухтеленъ, въ сопровожденіи ихъ, отправился въ мечеть и возложилъ на гробъ шейха Софи парчевой мѣшокъ съ восемьюстами червонцевъ, сказавъ присутствующимъ, что это — даръ русскаго императора. Богатство приношенія поразило муллъ и книги тотчасъ же были сданы Сухтелену. Необходимо замѣтить, что персіяне долго не понимали, что вся коллекція ихъ манускриптовъ стала собственностью Россіи; они все ждали ихъ возвращенія, и были убѣждены, что русскіе переписчики все еще не успѣли списать ихъ рукописи.

Покореніемъ Ардебиля закончились и военныя дѣйствія 1828 года въ Персіи. Вновь занятые русскими пункты: Урмія, Морага, Ардебиль и путь къ Міане,—образовали желѣзную цѣпь, надвигающуюся къ самому сердцу Персидской монархіи. Сопротивленіе шаха становилось невозможнымъ.

Еще прежде, когда передвиженія русскихъ войскъ только что начинались, невозможность сопротивленія поняли англичане. Не отошли главныя силы Паскевича и одного перехода отъ Тавриза, какъ мимо ихъ верхомъ проскакалъ англійскій посланникъ Макдональдъ, а когда они едва миновали Уджанъ, онъ уже возвратился изъ Тегерана съ извѣстіемъ, что шахомъ приняты всѣ условія мира.

Паскевичъ назначилъ деревню Туркменчай пунктомъ, гдѣ должно состояться заключеніе мира,—и продолжалъ къ нему наступленіе.

XXXIV.

Туркменчайскій миръ.

Въ сорока трехъ верстахъ отъ Міане на пути изъ Тавриза, расположена небольшая деревня Туркменчай. Этому ничтожному селенію, едва извѣстному во времена Паскевича въ ближайшихъ центрахъ Персіи, суждено было оставить свое имя въ исторіи.

Получивъ извѣстіе, что Аббасъ-Мирза, по повелѣнію шаха, ѣдетъ навстрѣчу къ русскимъ войскамъ для подписанія мирнаго договора, Паскевичъ тотчасъ послалъ нарочнаго, чтобы просить наслѣднаго принца остановиться въ деревнѣ Туркменчаѣ. Мѣсто это было выбрано, по словамъ самого Паскевича. потому, что въ окрестностяхъ находится много деревень, которыя могли достаточно обезпечить продовольствіе войскъ.

Въ самомъ Туркменчаѣ помѣстились, однакоже, только два эскадрона уланъ да сводный гренадерскій батальонъ изъ ротъ Херсонскаго и Грузинскаго полковъ, назначенные въ конвой главной квартиры. Комендантомъ ея на время конгресса назначенъ былъ командиръ Херсонскаго полка, полковникъ Поповъ.

Паскевичъ пріѣхалъ въ Туркменчай только 6-го числа. Его встрѣтили уланы и батальонъ пѣхоты за деревнею. Онъ обошелъ войска, привѣтливо здоровался съ солдатами и остался ими чрезвычайно доволенъ. «Я нашелъ ихъ — говоритъ онъ: — въ исправности, и даже одежду — порядочною. А не надо терять изъ виду, что эти роты стояли въ Уджанѣ бивуакомъ при 20-градусныхъ морозахъ, а лѣтомъ, подъ Аббасъ-Абадомъ, выдерживали 56-градусный зной».

Квартира для Паскевича была отведена въ домѣ деревенскаго кеят-худе, старосты. Домикъ этотъ, любопытный для каждаго русскаго, и понынѣ сохраняется въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ во время персидской войны; онъ весьма невеликъ, одно-этажный и состоитъ всего изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ между собою корридоромъ; въ каждой комнатѣ по одному окну, и такъ какъ стекла въ нихъ разноцвѣтныя, то въ комнатахъ всегда царствуетъ полусвѣтъ; наверху — бельведеръ съ маленькимъ помѣщеніемъ, на дворѣ прекрасный цвѣтникъ, также маленькій, — и все это обнесено, по восточнымъ обычаямъ, высокою глиняной стѣною. Паскевичъ занялъ въ домѣ только одну комнату, оставивъ другую для Аббаса-Мирзы. Здѣсь и рѣшилась судьба Персіи, а въ лавровый вѣнокъ Россіи вплелась новая вѣтвь славы.

Мѣстные жители долго помнили и хранили преданіе о томъ, какъ жили въ домѣ туркменчайскаго старосты Паскевичъ и наслѣдникъ Персидскаго царства. «Великъ нашъ падишахъ, — говорилъ впослѣдствіи хозяинъ домика одному русскому путешественнику, посѣтившему Туркменчай въ 1839 году: — но вашъ еще больше! Когда жилъ здѣсь Паскевичъ, нашъ Аббасъ-Мирза, бывало, все ходитъ за нимъ, все проситъ его, — такой смирный сталъ... А на дворѣ, бывало, цѣлый день музыка гремитъ, а за деревнею сотни пушекъ стояли».

При данныхъ обстоятельствахъ переговоры, конечно, затянуться надолго не могли, да притомъ и всѣ пункты уже были разсмотрѣны и утверждены Аббасъ-Мирзою еще въ Дей-Караганѣ. Русское правительство, нужно добавить, и само

склонялось уже на уступки, готово было ограничить контрибуцію всего пятью курурами. Паскевичъ, однако, скрылъ это рѣшеніе,—и Аббасъ-Мирза согласился на все.

Съ 9-го на 10-е число февраля, ровно въ полночь, въ моментъ объявленный персидскимъ астрологомъ самымъ благопріятнѣйшимъ,—миръ былъ подписанъ. 101 пушечный выстрѣлъ немедленно возвѣстилъ объ этомъ событіи войскамъ и народу. Въ лагерѣ прогремѣло «ура», персіяне сами изъявляли живѣйшую радость, поздравляли и обнимали другъ друга. Аббасъ-Мирза казался печальнымъ; но и онъ скоро оправился и принималъ поздравленія отъ русскихъ и персидскихъ чиновниковъ — «съ достоинствомъ и свойственною ему любезностью»,—какъ выражается Паскевичъ,—и тутъ же, по персидскому обыкновенію, раздавалъ леденцы всѣмъ присутствующимъ.

По туркменчайскому трактату Персія уступала Россіи Эриванское и Нахичеванское ханства, при чемъ обязывалась не препятствовать переселенію въ русскіе предѣлы армянъ, предоставить Россіи исключительное право плаванія по Каспійскому морю и заплатить 10 куруровъ, или 20 милліоновъ рублей серебромъ, контрибуціи.

Когда трактатъ былъ подписанъ, Аббасъ-Мирза предложилъ снять съ края постоянную угрозу военной бури, которая заключалась въ стоящихъ другъ противъ друга враждебныхъ войскахъ. Предложеніе было принято. Персидскія войска, занимавшія Зангамъ, отступили къ Тегерану, русскій авангардъ, стоявшій въ Міане, отошелъ къ Тавризу, а графу Сухтелену послано было приказаніе очистить Ардебиль, городъ, въ которомъ Аббасъ-Мирза долженъ былъ имѣть свою временную резиденцію до окончательнаго выступленія русскихъ войскъ изъ Адербейджана. Но когда именно русскіе должны будутъ очистить Адербейджанъ, долго оставалось не рѣшеннымъ вопросомъ.

Дѣло въ томъ, что, по настояніямъ Паскевича, изъ числа десяти куруровъ, семь—должны были быть внесены прежде, чѣмъ войска оставятъ Тавризъ; въ обезпеченіе восьмого ку-

рура русскіе временно оставляли за собою Хойскую провинцію, а уплата остальныхъ двухъ куруровъ была разсрочена персіянамъ на нѣсколько лѣтъ. Пять куруровъ персіяне заплатили. И 26 повозокъ, нагруженныхъ золотомъ и запряженныхъ рослыми лошадьми, покрытыми богатыми коврами, имѣли торжественный въѣздъ въ Тифлисъ при радостныхъ крикахъ жителей, которымъ казалось, что въ стѣны Тифлиса возвращаются сокровища, нѣкогда увезенныя изъ него свирѣпымъ Ага-Магометъ-Ханомъ, родоначальникомъ нынѣшней царской династіи. Шестой куруръ былъ въ дорогѣ,—а седьмого достать было пока негдѣ. Шахъ не иначе соглашался дать его изъ собственныхъ денегъ, какъ за поручительствомъ англійскаго правительства въ томъ, что Аббасъ-Мирза впослѣдствіи возвратитъ ему эту сумму; а англійскій полномочный министръ Макдональдъ не рѣшался дать это ручательство, не увѣренный, будетъ ли Аббасъ-Мирза имѣть средства къ уплатѣ безъ возвращенія ему Адербейджана. Чтобы выручить Аббаса-Мирзу изъ столь затруднительнаго положенія, Макдональдъ предложилъ Паскевичу изъ своего казначейства немедленно милліонъ рублей серебромъ, съ тѣмъ, чтобы русскіе очистили Тавризъ такимъ образомъ не за семь, а за 6½ куруровъ. Паскевичъ на это не согласился, требуя въ обезпеченіе остальнаго милліона Урмійскую провинцію. Дѣло, наконецъ, уладилось. Послѣ короткаго колебанія Аббасъ-Мирза согласился оставить въ русскихъ рукахъ Урмію,—и очищеніе Тавриза было рѣшено. Не лишнее сказать, что милліонъ, добытый съ такимъ трудомъ отъ Макдональда, обошелся персидскому наслѣдному принцу весьма недешево: Макдональдъ за услугу потребовалъ уничтоженія трактата, которымъ Англія обязывалась, въ случаѣ нападенія на Персію какой-либо державы, давать ей 800 тысячъ рублей субсидіи, или помогать войсками и оружіемъ.

Когда, такимъ образомъ, всѣ дѣла были, наконецъ, улажены, Паскевичъ отправилъ въ Тегеранъ генералъ-маіора барона Розена привѣтствовать шаха съ заключеніемъ мира. Вмѣстѣ съ Розеномъ ѣхали флигель-адъютантъ полковникъ

графъ Толстой и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Коцебу; на послѣдняго возлагалась обязанность собрать въ Персіи русскихъ плѣнныхъ и препроводить ихъ въ родныя границы.

Когда они готовились къ выѣзду, Мирза-Абдулъ-Гассанъ-Ханъ, министръ шахскій, просилъ Паскевича отправить въ подарокъ шаху 5 тысячъ червонцевъ, и, если возможно, новою монетою, утверждая, что шахъ приметъ этотъ подарокъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Какъ ни странна была просьба, какъ ни нелѣпо казалось подносить царствующему государю денежный подарокъ, однако настойчивость, съ которою просилъ объ этомъ персидскій министръ, не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія, что предложеніе это дѣлается по желанію самого шаха. «Англійскій посланникъ—отмѣчаетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ: — подтвердилъ мнѣ о таковой странности въ характерѣ Фетхъ-Али-Шаха». И вотъ, собравъ и вложивъ въ богатый парчевой мѣшокъ пять тысячъ самыхъ новенькихъ червонцевъ, Паскевичъ поручилъ барону Розену вручить ихъ шаху, въ наурузъ, т. е. 10-го марта, въ день новаго года по магометанскому лѣтосчисленію.

Розенъ прибылъ въ Тегеранъ 1-го марта. На пути повсюду, въ городахъ и селеніяхъ, его встрѣчали съ почестями; двѣ тысячи конницы сопровождали его въ видѣ почетнаго эскорта. Но народъ, ожидавшій появленія русскихъ войскъ за Кафланъ-Кухомъ, видимо былъ недоволенъ измѣнившимися обстоятельствами. Находились смѣльчаки, которые прямо говорили Розену: «зачѣмъ вы ѣдете одни? Почему не ведете съ собою войска и отдаете насъ опять ненавистнымъ Каджарамъ?» Во многихъ мѣстахъ ожидались серьезныя волненія, и Розенъ замѣтилъ, что войска персидскія повсюду стояли наготовѣ.

Цѣлую недѣлю прожилъ Розенъ въ Тегеранѣ, прежде чѣмъ принятъ былъ шахомъ въ торжественной аудіенціи. Она состоялась 8-го марта. Пріемъ былъ безъ соблюденія восточнаго унизительнаго этикета, разъ навсегда уничтоженнаго для русскихъ настойчивостью Ермолова. Шахъ былъ чрез-

вычайно благосклоненъ, выражалъ горячія чувства къ русскому императору, съ уваженіемъ говорилъ о Паскевичѣ, удивлялся строгой дисциплинѣ въ русскихъ войскахъ. «Если подданные мои и потерпѣли разореніе, — сказалъ онъ Розену:—то не отъ русскихъ, а отъ своихъ же соотечественниковъ». Шахъ поинтересовался, между прочимъ, узнать, какъ русскіе смотрятъ на Аббаса-Мирзу, и остался весьма доволенъ, когда Розенъ далъ ему тонкій дипломатическій отвѣтъ, что «Аббасъ-Мирза есть достойный сынъ великаго государя».

Черезъ два дня, въ день науруза, шахъ получилъ назначенный ему подарокъ. Къ сожалѣнію, впечатлѣніе подарка было ослаблено непрошенною молвой, которая съ чудовищною быстротою облетѣла всю Персію и заранѣе дошла до шаха. Говорили именно, что Розенъ везетъ съ собою не пять тысячъ червонцевъ, а 400 тысячъ рублей, и шахъ, невѣрившій слуху и уже предвкушавшій удовольствіе получить именно означенную сумму, былъ разочарованъ. Судьба, впрочемъ, позаботилась изгладить въ умѣ повелителя Ирана нелестное мнѣніе о щедрости русскихъ. Почти въ тотъ самый день, какъ Розенъ представлялъ шаху подарокъ, вспыхнуло возстаніе среди племени эздовъ. Жители выгнали отъ себя правителя, одного изъ царственныхъ принцевъ, разграбили домъ его, и, можетъ-быть, изъ опасенія наказанія, отправили къ шаху изъ награбленнаго богатства 8 милліоновъ рублей, разсчитывая смягчить гнѣвъ его. Это было совершенною неожиданностію для шаха, а о томъ, какимъ путемъ доставались ему эти сокровища, онъ не хотѣлъ и думать. Розенъ писалъ Паскевичу, что шахъ былъ въ восторгѣ и даже сказалъ ему: «я не жалѣлъ платить деньги русскимъ для блага и спокойствія своего государства, и Аллахъ ниспослалъ мнѣ эти, взамѣнъ тѣхъ».

Изыскивая сдѣлать что-либо пріятное русскому государю въ отвѣтъ на подарокъ, шахъ повелѣлъ, чтобы гвардейскій баталіонъ джанбазовъ, расположенный въ Тегеранѣ, именовался баталіономъ Его Величества, императора Всероссійскаго,

а одинъ изъ баталіоновъ адербейджанскихъ — именемъ Паскевича. Въ то же время, чтобы дать своимъ подданнымъ примѣръ къ возвращенію русскихъ плѣнныхъ, шахъ приказалъ освободить даже нѣсколькихъ женщинъ изъ своего гарема. «Такой безпримѣрный случай — говоритъ Розенъ въ донесеніи къ Паскевичу: — изумилъ тегеранскихъ вельможъ и народъ, но не вызвалъ среди персіянъ подражанія».

Вообще, плѣнные возвращались съ большими затрудненіями. Въ Казвинѣ, еще на пути къ Тегерану, Розену едва не силою пришлось освобождать многихъ несчастныхъ, скрытыхъ и занертыхъ въ тайникахъ при первомъ слухѣ о приближеніи русской миссіи. Собрать всѣхъ плѣнныхъ не было уже никакой возможности: многіе были проданы туркменами и черезъ десятыя руки дошли до самой Хивы; не малое число ихъ томилось въ отдаленнѣйшихъ провинціяхъ Персіи, гдѣ шахскій фирманъ являлся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. А въ Тавризѣ совершалось и нѣчто такое, что было прямою противоположностью размѣну военно-плѣнныхъ. Именно въ послѣдніе дни замѣчено было, что персіяне исподтишка склоняютъ русскихъ солдатъ къ побѣгамъ, и что эти подговоры идутъ съ каждымъ днемъ все съ большей энергіей. Были даже случаи открытаго насилія, и нѣсколькихъ солдатъ, захваченныхъ по одиночкѣ, увели въ плѣнъ, а впослѣдствіи или зачислили въ шахскую гвардію, или продали въ далекое безысходное рабство. Вспоминается при этомъ подвигъ рядового ширванскаго полка Куксенки, который, въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, обнаружилъ замѣчательное присутствіе духа и оказалъ русскому дѣлу весьма серьезную услугу.

Однажды, — это было вечеромъ 4 марта, — тавризскому коменданту дали знать, что нѣсколько русскихъ солдатъ задержаны персіянами въ одномъ изъ домовъ, стоявшихъ въ самой отдаленнѣйшей части глухого форштадта. Полицеймейстеръ съ офицерскимъ патрулемъ немедленно отправился туда, и солдаты были освобождены. На шумъ сбѣжалась, между тѣмъ, огромная толпа вооруженнаго сброда и напала на пат-

руль; офицеръ былъ раненъ, и слабая команда вынуждена отступить. Вотъ въ это-то время, двое рядовыхъ, Куксенко и другой, имя котораго не сохранилось, были отрѣзаны отъ своихъ и очутились среди толпы персіянъ. Товарищъ Куксенки, оступившись, упалъ въ какую-то яму, и хотя успѣлъ выскочить изъ нея, но уже безъ оружія. Тогда оба они бросились въ первую попавшуюся хату и въ ней заперлись. Персіяне, окруживъ домъ, потребовали, чтобы солдаты сдались, и, получивъ отказъ, вломились въ двери. Тогда ширванцы сдѣлали почти невѣроятное дѣло. Выстрѣливъ два раза изъ ружья и положивъ на мѣстѣ двухъ персіянъ, Куксенко громко скомандовалъ самому себѣ: «на ру-ку»!—и съ крикомъ «ура»! поднялъ на штыкъ перваго персіянина; затѣмъ онъ устремился въ толпу и, прокладывая себѣ путь штыкомъ и прикладомъ, не только отбился отъ сотенъ вооруженныхъ людей, но успѣлъ провести сквозь остолбенѣвшую толпу и своего безоружнаго товарища. Геройскій подвигъ этотъ послужилъ достойнымъ эпилогомъ къ персидской кампаніи. Паскевичъ собственноручно надѣлъ на Куксенку знакъ отличія Военнаго ордена.

Случаи, въ родѣ разсказанныхъ, указывали на враждебное настроеніе жителей Адербейджана въ отношеніи къ русскимъ, и заставляли ожидать все большихъ и большихъ безпорядковъ. Дѣйствительно, когда седьмой куруръ былъ кое-какъ Аббасъ-Мирзою собранъ и уплаченъ, когда такимъ образомъ наступало время выступленія русскихъ войскъ изъ Тавриза, и извѣстіе объ этомъ распространилось по Адербейджану, повсюду вспыхнули волненія. Персіяне, опасаясь теперь мщенія Аббаса-Мирзы за измѣну и стараясь смягчить его гнѣвъ, видимо усердствовали нападеніями на русскихъ. Въ самомъ Тавризѣ нѣсколько солдатъ и офицеровъ были убиты изъ-за угла; въ Марагѣ команда, посланная на фуражировку, встрѣчена была каменьями; въ Урміи одинъ офицеръ, проходившій по улицѣ ночью, былъ раненъ кинжаломъ. Ходили слухи, что урмійскіе жители готовятся даже устроить и поголовную ночную рѣзню.

Конечно, какъ въ Урміи, такъ и въ Хоѣ оставался довольно значительный русскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Панкратьева, и потому серьезной опасности не было; но такъ какъ войска эти оставались въ персидскихъ провинціяхъ на неопредѣленное время, пока не будетъ уплаченъ персіянами 8-й куруръ, то естественно было позаботиться о водвореніи порядка въ буйствовавшихъ провинціяхъ,—и мѣры принимались.

Выступленіе русскихъ войскъ изъ Тавриза началось 22-го февраля, когда изъ города вышла первая колонна, и продолжалось до 8-го марта. И все это время населеніе города провело въ тревогѣ, усложнившей для русскихъ войскъ и безъ того хлопотливое дѣло. Произошло это, между прочимъ, оттого, что вмѣстѣ съ войсками готовился уѣхать изъ Тавриза и глава мусульманскаго духовенства, тавризскій «муджтехидъ» Ага-Миръ-Феттахъ-Сеидъ, пожелавшій переселиться въ Россію. Нужно сказать, что вліяніе муджтехида на весь Адербейджанъ, и тѣмъ болѣе на жителей столицы — было громадно. Добрыя качества души его, безкорыстіе и готовность помогать бѣднымъ привязывали къ нему всю чернь, находившую въ немъ всегдашняго своего защитника, и отъѣздъ его не могъ не поднять на ноги все населеніе Тавриза. Само персидское правительство думало, что отъѣздъ Феттахъ-Сеида въ Россію будетъ настолько же пагубенъ для власти Каджаровъ въ Адербейджанѣ, насколько принесетъ пользу Россіи окончательнымъ умиротвореніемъ ея мусульманскихъ провинцій.

Дѣйствительно, пріобрѣтеніе, въ лицѣ муджтехида, столь важной духовной особы Аліевой секты, не могло не имѣть для русскихъ серьезнаго политическаго значенія, которымъ Паскевичъ и намѣревался воспользоваться въ полной мѣрѣ. Онъ думалъ подчинить Феттахъ-Сеиду все духовенство шіитовъ, по необходимости относившееся до сихъ поръ въ дѣлахъ, касавшихся вѣры, къ персидскимъ муджтехидамъ, которые своимъ вліяніемъ и поддерживали только ненависть къ русскимъ въ своихъ единовѣрцахъ. Но персидское правитель-

ство далеко не прочь было удержать эти старинные порядки, и принимало всѣ мѣры, чтобы отклонить муджтехида отъ его намѣренія. Аббасъ-Мирза слалъ ему пригласительныя письма, англійскій посланникъ его уговаривалъ, Аллаяръ-Ханъ требовалъ съ Сеида какой-то небывалый долгъ, чтобы этимъ искомъ задержать его, — но муджтехидъ остался непреклоненъ, и выѣздъ его изъ Тавриза былъ назначенъ на 7-е марта. Наступилъ, наконецъ, этотъ день. Съ утра народъ запрудилъ всѣ улицы, а кровли усѣялись женщинами. Толпа волновалась.

Муджтехидъ самъ вышелъ на балконъ своего дома. Съ большимъ смиреніемъ, всегда его отличавшимъ, онъ говорилъ народу, что измѣнить слову, однажды имъ произнесенному, для него было бы еще прискорбнѣе, чѣмъ разстаться съ родиной и близкими, что поступокъ его не можетъ быть подвергнутъ осужденію, такъ какъ не деньги и почести влекутъ его въ Россію, а исключительно привязанность къ народу, который онъ имѣлъ случай узнать, и среди котораго рѣшился окончить свою жизнь. Толпа отвѣчала воплями и рыданіями. Наружность муджтехида въ эти трудныя минуты измѣнилась; онъ былъ блѣденъ и дрожащимъ голосомъ уговаривалъ народъ забыть его пребываніе въ Тавризѣ.

Въ 8 часовъ утра, дорожная коляска Феттахъ-Сеида, окруженная казачьимъ конвоемъ, выѣхала изъ воротъ дома; за ней бросилась толпа. Многіе кидались подъ лошадей, всѣ— цѣловали руки его и просили на память куски его одежды. Верстъ пять за городскую заставу провожала его толпа; но вотъ, экипажъ понесся во всю прыть, — и народъ отсталъ.

На слѣдующій день, 8 марта, утромъ, выѣхалъ изъ Тавриза Паскевичъ, а въ полдень Аббасъ-Мирза имѣлъ торжественный въѣздъ въ свой загородный дворецъ, — и торжественный и печальный въ одно и то же время. Управлявшій тогда Адербейджанскою областью генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ, еще остававшійся въ городѣ, такъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ:

«Положеніе Аббаса-Мирзы, при возвращеніи въ Тавризъ, было самое непріятное, которое стѣснило бы и умнѣйшаго изъ умныхъ, говоритъ онъ:—Но я былъ свидѣтелемъ забавной сцены, выразившей и находчивость его и дерзость въ высшей степени. Я оставался въ Тавризѣ съ послѣднею колонною войскъ, до пріѣзда Аббаса-Мирзы, которому долженъ былъ передать управленіе Адербейджанскимъ краемъ. Я ожидалъ его съ почетнымъ карауломъ въ загородномъ дворцѣ, вокругъ котораго толпились тысячи народа. Послѣ привѣтствія, обращеннаго къ солдатамъ, Аббасъ-Мирза пригласилъ меня съ собою въ комнату. Войдя, мы подошли къ окну, и я съ возрастающимъ любопытствомъ ожидалъ, что онъ скажетъ народу. Я приказалъ переводчику слушать со вниманіемъ и передать мнѣ буквально. Вотъ вкратцѣ слова его:

«Несчастіе, ниспосланное намъ Богомъ, да послужитъ для насъ урокомъ. Взгляните на этотъ дворецъ; здѣсь зимовала казачья бригада. И что же? Прутика не тронуто, какъ будто бы я поручилъ мой дворецъ лучшему хозяину. А васъ, негодяевъ, куда ни поведу, — вы вездѣ грабите, жжете и убиваете. Васъ встрѣчаютъ и провожаютъ проклятіями. Можетъ ли быть надъ вами благословеніе неба?»

Народъ былъ ошеломленъ такою рѣчью, — но разразился знаками одобренія.

Довольный спокойствіемъ, порядкомъ и сохраненіемъ Тавриза, Аббасъ-Мирза сказалъ между прочимъ полковнику Лазареву:

«Кто любитъ своего коня, тотъ радуется, когда его холятъ. И я тѣмъ болѣе обязанъ вамъ за попеченіе о жителяхъ, что они весьма близки моему сердцу; я жилъ съ ними отъ самой моей юности»...

Какъ только Аббасъ-Мирза пріѣхалъ въ загородный дворецъ, послѣднія русскія войска, полки Херсонскій и Грузинскій, покинули Тавризъ, чтобы дать ему возможность въ тотъ же день торжественно вступить въ свою резиденцію и уже въ отсутствіе гуяровъ встрѣтить 9-е марта, т. е. наврузъ, новый мусульманскій годъ. Войска потянулись по

персидской землѣ, конвоируя громадные обозы, магазины и парки, — все, что засѣло въ Тавризѣ до послѣдней минуты и теперь двигалось обратно на русскую сторону Аракса. Еще стояла суровая зима, попутная гористая часть Персіи была совершенно безлюдна и безлѣсна, и войскамъ приходилось переносить неимовѣрныя лишенія, не имѣя часто даже кустарника, чтобы разложить на ночлегѣ скудный бивуачный огонекъ. Такъ дошли до Аракса, и 24 марта переправились черезъ него у Асландуза, чтобы встрѣтить раннюю въ тотъ годъ Пасху уже на русской землѣ. Южная часть Карабага ничѣмъ не отличается, правда, отъ Персіи: тѣ же опустошенія, то же безлюдіе,—слѣды минувшаго персидскаго вторженія, отъ котораго страна не успѣла еще оправиться. Но здѣсь ласковѣе было солнце, привѣтливѣе смотрѣло ясное голубое небо. Начиналась весна, и оживающая природа вливала силу и бодрость въ усталыхъ солдатъ. Сухое розговѣнье одними сухарями, даже безъ водки, которой не нашлось у маркитантовъ, не ослабило общаго веселаго настроенія духа. Войска сознавали, что пришли домой, что труды долгой войны кончены, и кончены со славою, обезсмертившею имена участниковъ ея.

Результаты войны были, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно богаты для Россіи, и это умѣли оцѣнить уже ближайшіе ея современники.

«Многіе, — говоритъ одинъ изъ нихъ: — съ легкой руки Паскевича, приписывали причины этой войны интригамъ самого Ермолова, изъ желанія прославить себя. Что онъ безцеремонно обращался съ персидскимъ дворомъ, часто задиралъ его и всячески старался мѣшать вліянію англичанъ въ Персіи — это правда; что онъ завистливымъ окомъ смотрѣлъ на богатую Эриванскую провинцію, нужную намъ, сверхъ того, для обузданія разбойническихъ кочевыхъ татаръ, жившихъ тогда на пограничной чертѣ и имѣвшихъ поддержку въ эриванскомъ ханѣ, — это тоже несомнѣнно. Но въ сравненіи съ лордомъ Клейвомъ или Гастингсомъ Ермоловъ былъ ангелъ чистоты. И если интрига его вывела персіянъ изъ

терпѣнія и понудила начать войну, самую счастливую для Россіи по легкости завоеваній и полученной огромной контрибуціи, втрое покрывшей расходы, — то Ермолову за эту важную для нашихъ пользъ интригу слѣдуетъ поставить памятникъ, съ означеніемъ, впрочемъ, на пьедесталѣ и услуги англичанъ тогдашней Остъ-Индской компаніи, какъ подстрекателей персіянъ къ вторженію въ русскіе предѣлы».

Заключеніе мира праздновалось въ Петербургѣ съ особенною торжественностью и пышностью. Признательный монархъ щедро наградилъ вождя побѣдоносныхъ русскихъ войскъ. За Аббасъ-Абадъ Паскевичъ получилъ орденъ св. Владиміра 1-го класса, за взятіе Эривани — Георгія 2-й степени, за заключеніе мира — милліонъ рублей ассигнаціями изъ взятой контрибуціи; за присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Армянской области съ главнымъ городомъ Эриванью, онъ возведенъ въ графское достоинство, съ титуломъ Эриванскаго.

Паскевичъ въ слѣдующихъ словахъ выразилъ свою благодарность войскамъ: «Вамъ я обязанъ и славою личною и милостями ко мнѣ Государя. Съ разстроганною душою благодарю васъ, храбрые друзья и сослуживцы». Персидскій шахъ, въ свою очередь, прислалъ Паскевичу алмазные знаки ордена Льва и Солнца на бриллiантовой цѣпи, цѣною въ 60 тысячъ рублей, чтобы этотъ орденъ наслѣдственно переходилъ въ фамиліи Паскевича. Извѣщая о своихъ наградахъ Жуковскаго, Паскевичъ писалъ между прочимъ: «Жаль, что ваши струны замолкли; можетъ быть и мы въ превосходныхъ твореніяхъ вашихъ пріютились бы къ безсмертію, если не громкими дѣлами, то перенесеніемъ трудовъ неимовѣрныхъ. Право, ихъ можно не краснѣя передать если не потомству, то хотя современникамъ на память»... Но и муза Жуковскаго не осталась холодна къ славѣ того, съ чьимъ именемъ связана память объ одной изъ побѣдоноснѣйшихъ войнъ Россіи.

И все царство Митридата,
До подошвы Арарата,
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Араксъ.—

Такъ говоритъ Жуковскій въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи: «Бородинская Годовщина».

Всѣмъ офицерамъ, участвовавшимъ въ кампаніи, пожаловано не въ зачетъ годовое жалованье, а нижнимъ чинамъ по 5 рублей ассигнаціями на человѣка. Нижегородскій драгунскій полкъ получилъ Георгіевскіе штандарты; 42-й егерскій — знамена съ надписью «за оборону Шуши противъ персіянъ въ 1826 году»; полки Кавказской гренадерской бригады — надпись на кивера: «за отличіе». Кромѣ того, въ память покоренія Эривани, 7-му карабинерному полку повелѣно именоваться впредь Эриванскимъ карабинернымъ полкомъ, а шефомъ Грузинскаго полка назначенъ новорожденный великій князь Константинъ Николаевичъ. Приказъ состоялся объ этомъ 27 октября 1827 года, и полученъ во время стоянки въ Тавризѣ. «Офицеры, — говоритъ историкъ этого полка: — возбужденные чувствомъ признательности, блестящимъ торжествомъ доказали чужеземцамъ, какъ русскіе люди умѣютъ цѣнить милость государя, — и тогда же положили между собою — праздновать этотъ день всегда и вездѣ, гдѣ бы они ни находились, какъ память счастливѣйшаго событія въ ихъ полковой жизни».

Не лишнее сказать, что Макдональдъ усиленно домогался, чтобы ему и всѣмъ чиновникамъ англійской миссіи, за хлопоты и принятыя на себя обязательства, исходатайствованы были русскіе ордена. Паскевичъ предложилъ назначить ему орденъ св. Анны 1-й степени, Макнилю — 2-й степени, прочимъ — Владимірскіе или Анненскіе кресты. Но такъ какъ по англійскимъ статутамъ никто не можетъ получить чужестраннаго ордена, не участвуя въ бояхъ съ войсками той державы, отъ которой получается орденъ, то разрѣшенія на это со стороны англійскаго правительства дано не было. Макдональдъ получилъ богатую табакерку съ портретомъ императора, Макниль — табакерку съ вензелемъ.

Аббасъ-Мирзѣ, какъ одному изъ уполномоченныхъ, подписавшихъ мирный трактатъ, императоръ назначилъ въ подарокъ 18 пушекъ съ полнымъ къ нимъ комплектомъ бое-

выхъ зарядовъ, и свой портретъ богато украшенный, для ношенія на груди, на голубой лентѣ. «Приличнѣйшаго подарка для наслѣдника престола сосѣдней державы нельзя было пріискать»,—писалъ графъ Нессельроде къ Паскевичу, поручая ему отправить этотъ драгоцѣнный подарокъ съ нарочнымъ офицеромъ. Паскевичъ послалъ своего адъютанта ротмистра Фелькерзама, поручивъ ему, однако, вручить подарки не ранѣе, какъ послѣ ратификаціи мирнаго договора шахомъ. Фелькерзамъ засталъ Аббаса-Мирзу въ Тегеранѣ.

3-го іюня шахъ подписалъ мирный трактатъ, а 4-го числа Фелькерзамъ и русскій консулъ Амбургеръ были приняты имъ въ торжественной аудіенціи. Шахъ видимо уже примирился съ понесенными потерями; онъ говорилъ Амбургеру, что война была даже полезна Персіи въ томъ отношеніи, что соединила ее съ русскимъ государствомъ тѣснѣйшею дружбою.

«Двадцать милліоновъ, которые я отдаю, — говорилъ шахъ:—чѣмъ отличаются отъ денегъ, которыя хранятся въ моемъ казначействѣ? Развѣ тѣмъ только, что они перешли къ императору. Но что же дѣлать?.. Его величество нуждался въ деньгахъ и имѣлъ большую надобность въ двухъ моихъ областяхъ для войны съ султаномъ. Я ему все это уступилъ охотно, но если онѣ мнѣ когда-нибудь понадобятся, то императоръ, конечно, мнѣ въ нихъ не откажетъ».

7-го числа послѣдовало представленіе и наслѣдному принцу. Въ церемоніальномъ шествіи Амбургеръ и Фелькерзамъ ѣхали верхомъ; портретъ и письмо императора на золотомъ подносѣ везъ одинъ изъ чиновниковъ русской миссіи, также верхомъ; церемоніймейстеръ, шахскіе есаулы, ферраши и войско сопровождали шествіе. Во дворѣ дворца, гдѣ былъ расположенъ почти весь тегеранскій гарнизонъ и всѣ придворные чины, всѣ сошли съ коней. Фелькерзамъ взялъ подносъ въ руки. Войска отдали ему честь съ барабаннымъ боемъ. Аббасъ-Мирза встрѣтилъ посланниковъ сидя на тронѣ, окруженный своими и шахскими министрами.

Амбургеръ громко провозгласилъ, что государь императоръ соизволилъ пожаловать его высочеству наслѣдному

принцу 18 пушекъ и свой портретъ въ знакъ особаго своего благоволенія. Принцъ всталъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, принялъ портретъ и письмо. Каймакамъ прочелъ его. Наслѣдникъ былъ видимо тронутъ, и съ чувствомъ выражалъ благодарность государю. «Одно, что его высочество позволилъ себѣ противъ этикета, — доносилъ Амбургеръ, — было то, что онъ не надѣлъ тотчасъ на себя портрета. Но онъ извинился тѣмъ, что хочетъ въ первый разъ украсить себя онымъ, когда представится императору».

Послѣдній, заключительный актъ Персидской войны совершился 29-го іюля 1828 года, подъ стѣнами только что покоренной тогда русскими турецкой крѣпости Ахалкалаки. Тамъ произошелъ размѣнъ ратификацій мирнаго договора между Россіею и Персіею.

Въ этотъ день, когда спала жара, весь генералитетъ и всѣ офицеры, находившіеся при главной квартирѣ, собрались къ ставкѣ главнокомандующаго; тутъ же выстроенъ былъ весь 42 егерскій полкъ и дивизіонъ сводного уланскаго полка въ парадной формѣ. Въ 7 часовъ вечера музыка возвѣстила приближеніе персидскаго посланника, Мирзы Джафара. Онъ несъ въ рукахъ, подъ золотою парчею, ящикъ съ мирнымъ договоромъ. Ему предшествовали комендантъ главной квартиры и нѣсколько ассистентовъ, изъ офицеровъ разныхъ полковъ. Войска отдавали честь, играла музыка. Паскевичъ, окруженный блестящею свитой, принялъ посланника въ своемъ шатрѣ, гдѣ передъ нимъ на столикѣ стоялъ обитый малиновымъ бархатомъ ящикъ, верхнюю крышку котораго украшали пять золотыхъ орловъ, а края выложены были золотыми позументами. Въ этомъ-то ящикѣ, обшитомъ внутри дорогимъ атласомъ, хранились три свитка туркменчайскаго договора на тонкомъ бѣломъ пергаментѣ, подписанныхъ собственноручно императоромъ Николаемъ. Къ каждому изъ свитковъ привѣшена была, на золотомъ шнурѣ съ кистями, государственная печать, сохранявшаяся въ отдѣльномъ золоченомъ футлярчикѣ.

Персидскій трактатъ, за подписью Фетъ-Али-Шаха, уложенъ былъ въ ящикѣ, обитомъ снаружи чистымъ золотомъ

съ вытисненными на немъ цвѣтами въ азіятскомъ вкусѣ. Самый трактатъ былъ вписанъ въ книгу, обдѣланную въ богатый парчевой переплетъ.

Такая роскошь трактатовъ, по сравненію съ трактатами прошлыхъ временъ, была чрезвычайна; еще за сто лѣтъ передъ этимъ мирные договоры европейскихъ державъ не имѣли и тѣни великолѣпія. Славный, напр., Нейштадтскій трактатъ былъ привезенъ къ Петру въ двухъ простыхъ деревянныхъ лубкахъ, перевязанныхъ простою бичевкой.

Размѣнъ ратификацій совершился въ шатрѣ. Паскевичъ, сопровождаемый персидскимъ посланникомъ, вышелъ къ войскамъ, и былъ привѣтствуемъ громкими криками «ура»! Егеря и уланы прошли передъ ними церемоніальнымъ маршемъ. Не лишнее сказать, что 42-му егерскому полку, который первый изъ войскъ Кавказскаго корпуса сражался съ главными силами Аббаса-Мирзы въ самомъ началѣ войны, пришлось быть единственнымъ свидѣтелемъ и послѣдняго обряда заключенія мира, такъ какъ другого полка при главной квартирѣ въ то время не случилось.

Персидская война заключилась окончательно. Но новымъ поводомъ къ торжеству послужило вступленіе въ Москву сводного гвардейскаго полка, который въ тяжкой войнѣ заслужилъ себѣ прощеніе за вину, увлекшую его на отдаленный Кавказъ, и новое благоволеніе государя. Когда, 3-го ноября 1828 года, онъ съ музыкой и распущенными знаменами вступалъ въ улицы первопрестольной Москвы, тысячи жителей древней столицы спѣшили привѣтствовать грозныхъ побѣдителей. Москва первою узнала о вторженіи персіянъ, и первая же увидѣла на стогнахъ своихъ знамена побѣжденной Персіи. Послѣднія принадлежали ей. «Въ бытность мою въ Москвѣ для священнаго коронованія,—писалъ императоръ въ рескриптѣ своемъ на имя тогдашняго московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына: — получилъ я извѣстіе о вторженіи персіянъ въ наши области и вслѣдъ затѣмъ донесеніе о пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Имперіи. Въ ознаменованіе случая сего даровалъ я

любезному первопрестольному граду Москвѣ первыя знамена, отбитыя отъ персіянъ, повелѣвъ, чтобы и впредь всѣ трофеи, которые будутъ взяты во время войны съ Персіей, были бы также хранимы въ Москвѣ». Лейбъ-гвардіи сводный полкъ и вступалъ теперь въ первопрестольный городъ Россіи съ новымъ трофеемъ, который предназначался для московской оружейной палаты, гдѣ хранятся многоразличныя сокровища русскихъ царей. Это былъ драгоцѣнный тронъ Аббаса-Мирзы, завоеванный въ Тавризѣ, и представляющій собою старинное кресло съ рѣзной раззолоченной работой, обитое малиновымъ бархатомъ. Остальные трофеи: семь пушекъ, вылитыхъ персидскими мастерами на тавризскомъ литейномъ дворѣ, во время управленія русскими Адербейджанской областью; ключи отъ воротъ персидской столицы, нарочно сдѣланные для поднесенія императору искуснѣйшимъ оружейникомъ принца, знаменитымъ Ага-Магометомъ-Аліемъ; двѣ любопытныя историческія картины, взятыя въ Уджанскомъ дворцѣ, азіятскія ружья, палатка Аббаса-Мирзы съ двумя богатѣйшими принадлежащими къ ней коврами, и, наконецъ, богатая Ардебильская библіотека, заключавшая въ себѣ драгоцѣнные манускрипты Персіи—отправлены были въ Петербургъ.

Персидская война, случившаяся въ одинъ изъ значительнѣйшихъ моментовъ жизни Россіи и сопряженная съ неимовѣрными трудностями, вѣсти о которыхъ разносились по всей русской землѣ, оставила глубокое впечатлѣніе, и ближайшіе современники отмѣтили ее цѣлымъ рядомъ памятниковъ.

Императоръ Николай установилъ для всѣхъ участниковъ войны серебряную медаль на соединенной лентѣ орденовъ св. Георгія и Владиміра. «Да послужитъ знакъ сей—сказано было въ Высочайшемъ приказѣ войскамъ:—памятникомъ мужества и кроткаго поведенія вашего. Да будетъ онъ новымъ залогомъ вѣрной службы русскаго войска и моей къ вамъ признательности».

Грузія предположила построить въ Тифлисѣ, со стороны эриванскаго въѣзда, тріумфальныя ворота, съ устроеннымъ внутри ихъ помѣщеніемъ для четырехъ отставныхъ ветера-

новъ. Сводчатыя ворота эти предполагалось сложить изъ дикаго камня, а всѣ барельефы и украшенія, представляющіе виды взятыхъ крѣпостей, отлить изъ чугуна, «дабы время не истребило ихъ, и потомство запечатлѣло бы въ памяти своей блистательные успѣхи россійскаго оружія». На лицевой сторонѣ воротъ проектировался бюстъ императора Николая съ надписью: «Признательная Грузія побѣдоносному россійскому воинству»; на другой — гербъ древней Иверіи съ вензеловымъ именемъ императора, а подъ нимъ, въ лавровомъ вѣнкѣ, названія покоренныхъ крѣпостей и тутъ же на мраморныхъ доскахъ имена генераловъ и всѣхъ полковъ, участвовавшихъ въ персидской кампаніи. Жители Грузіи готовы были пожертвовать для этого значительныя суммы, самый проектъ уже былъ представленъ на высочайшее утвержденіе, но почему онъ не былъ приведенъ въ исполненіе — неизвѣстно.

Къ числу памятниковъ персидской войны слѣдуетъ отнести и богатое собраніе литографированныхъ видовъ и картинъ, изображающихъ главнѣйшія событія ея. Эти картины были написаны извѣстнымъ художникомъ Машковымъ, который былъ присланъ на Кавказъ академіею наукъ и художествъ еще въ 1816 году и съ тѣхъ поръ не покидалъ Кавказа. Находясь въ безпрерывныхъ разъѣздахъ, онъ осмотрѣлъ все, что было любопытнаго на Кавказѣ, и составилъ богатыя коллекціи картинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были представлены императору Александру Павловичу. Въ персидскую войну Машковъ сопровождалъ Паскевича, былъ очевидцемъ главныхъ происшествій этой достопамятной кампаніи и создалъ цѣлый альбомъ изъ 13 большихъ картинъ, изображающихъ слѣдующіе моменты: 1) пораженіе персіянъ подъ Елизаветполемъ, 2) сраженіе при Джеванбулакѣ, 3) положеніе побѣдителей и побѣжденныхъ по окончаніи Джеванбулакскаго боя, 4) сдача крѣпости Аббасъ-Абада, 5) взятіе Сардарь-Абада, 6) покореніе Эривани, 7) переправа русскихъ войскъ черезъ Араксъ, 8) торжественное вступленіе въ Тавризъ, 9) походъ на Тавризъ, 10) первое свиданіе графа Па-

скевича съ Аббасъ-Мирзою, 11) заключеніе мира въ Туркменчаѣ, 12) персидскій транспортъ съ золотомъ, переходящій черезъ горы и 13) пріемъ контрибуціоннаго золота въ Тавризѣ.

Художникъ старался изобразить въ своихъ картинахъ всѣ роды войскъ, какъ русскихъ, такъ и персидскихъ, въ ихъ характерныхъ типахъ и костюмахъ. Здѣсь и кавказскіе солдаты и черноморскіе казаки, и сарбазы и джамбазы, и куртинцы и проч. — и въ различныхъ положеніяхъ этихъ воиновъ авторъ хотѣлъ представить ихъ характеристику. Кромѣ художественнаго достоинства, удачный выборъ момента изображаемыхъ событій и портреты всѣхъ наиболѣе выдающихся дѣятелей придавали этой коллекціи особенную историческую цѣнность *).

Были, какъ извѣстно, и еще картины, не вошедшія въ это собраніе. Сюда принадлежатъ: «Торжественная встрѣча русскихъ войскъ архіепископомъ Нерсесомъ въ Эчміадзинѣ», о которой упоминаетъ Красовскій, и «Переселеніе 40.000 армянъ изъ Персіи въ русскіе предѣлы подъ личнымъ распоряженіемъ полковника Л. Е. Лазарева въ 1828 году», о чемъ упоминается въ «Собраніи актовъ, относящихся къ обозрѣнію исторіи Армянскаго народа».

Любопытно также, что сами персіяне оставили въ Россіи характерный памятникъ этой войны. Еще во время пребыванія Паскевича въ Тавризѣ, къ нему явились два персидскіе художника и предложили выбить медали въ память взятія русскими войсками Эривани и пребыванія ихъ въ столицѣ Адербейджана. Паскевичъ отправилъ образчикъ такихъ медалей изъ золота, серебра и мѣди въ Петербургъ, и писалъ, что «медали эти, выбитыя самими персіянами посредствомъ штемпелей и машинъ, сдѣланныхъ ими же, въ самомъ Тавризѣ, — послужатъ довольно замѣчательнымъ памятникомъ этихъ событій».

Впослѣдствіи знаменитый русскій скульпторъ и медальеръ графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, создавая свою извѣстную

*) Стоили всѣ эти гравюры въ то время 50 р. асс. Но сохранились ли гдѣ-либо полные экземпляры этой коллекціи, къ сожалѣнію,—неизвѣстно.

коллекцію медалей войны 1826 — 1829 годовъ, въ дивно-художественныхъ аллегорическихъ изображеніяхъ отмѣтилъ и славнѣйшіе подвиги персидской войны. Послѣдней посвящены имъ именно три медали, изображающіе Елизаветпольскую побѣду, взятіе Эривани и взятіе Тавриза. На медали въ память Елизаветпольской битвы изображенъ всадникъ, вмѣстѣ съ конемъ поверженный могучимъ витяземъ, чело котораго осѣнено шлемомъ. Поверженный персъ съ его характернымъ лицомъ и рукою, которою онъ хочетъ закрыться отъ удара мощный, съ крупными формами конь, опрокинутый на землю, наконецъ витязь съ гордо поднятымъ челомъ и съ мечемъ, устремленнымъ на врага, — поражаютъ совершенствомъ художественнаго выполненія. Медаль на взятіе Эривани представляетъ русскаго воина, напоминающаго видомъ своимъ императора Николая; у ногъ его, головой къ зрителю, обнаженное тѣло врага, брошенное на развалины; кругомъ стѣны крѣпости, по мѣстамъ разбитыя и превращенныя въ груды камней; справа отъ витязя на стѣнѣ водружены знамена, а слѣва, восходящее изъ-за развалинъ солнце, — эмблема новой эпохи свободы и просвѣщенія, наставшей для Арменіи. Взятіе Тавриза изображено такъ: нѣсколько старшинъ, облеченныхъ въ длинные восточные костюмы, почтительно подходятъ къ витязю, ожидающему ихъ; за ними стѣны города. Художественная прелесть изображеній необычайна на этихъ трофеяхъ мирнаго искусства, взятыхъ съ воспоминаній о величественныхъ подвигахъ русскихъ на бранномъ полѣ.

Съ окончаніемъ персидской войны, трое изъ ея виднѣйшихъ дѣятелей, Красовскій, Бенкендорфъ и графъ Сухтеленъ удаляются съ военной сцены Кавказа. Красовскій, правда, остается еще нѣкоторое время въ качествѣ управляющаго Эриванской областью, но Бенкендорфъ и Сухтеленъ уѣзжаютъ съ Кавказа тотчасъ по заключеніи мира.

Бенкендорфъ въ короткое пребываніе свое въ воинственномъ краѣ съумѣлъ пріобрѣсти общую любовь, и оставилъ по себѣ добрую память. Вернувшись въ Петербургъ, онъ въ

качествѣ генералъ-адъютанта сопровождалъ императора Николая въ турецкомъ походѣ. Разсказываютъ, что привязанность къ нему государя была такъ сильна, что онъ помѣнялся съ нимъ шпагами. Оставаться въ бездѣйствіи при главной квартирѣ, Бенкендорфъ не могъ по своей подвижной, дѣятельной натурѣ, и выпросилъ себѣ летучій отрядъ, который, расположившись у подножія Балканъ въ селеніи Проводы, служилъ связующимъ звеномъ между главною арміею и ея корпусами, осаждавшими Шумлу и Варну. Но здоровье Бенкендорфа, уже разстроенное знойнымъ климатомъ Персіи, не выдержало новыхъ трудовъ; онъ тяжко заболѣлъ и умеръ подъ солдатскою палаткой 6 августа 1828 года, на 44 году отъ рожденія.

Послѣдній вздохъ его довелось принять его знаменитому сослуживцу по Грузіи, князю Мадатову.

«Я третьяго дня, — писалъ Мадатовъ отъ 5 августа: — пріѣхалъ сюда (въ Проводы) командовать отрядомъ на мѣсто Константина Бенкендорфа. Я нашелъ его въ самомъ отчаянномъ положеніи. Вечеромъ онъ пришелъ въ память, радовался моему пріѣзду, спросилъ о Грузіи, потомъ простился со мною и говорилъ, что ожидаетъ каждую минуту своей смерти. Я успокоилъ его, сколько могъ, подавая надежду на выздоровленіе. Все было тщетно, онъ былъ очень труденъ; на ночь начался пароксизмъ, онъ не могъ переносить его, совершенно пришелъ въ безпамятство и умеръ въ 11 часовъ пополудни. Бѣдныя дѣти остались сиротами. Тѣло велѣлъ отпѣть русскимъ священникамъ, за неимѣніемъ лютеранскаго, также сдѣлалъ гробъ свинцовый и отправилъ на большую дорогу къ м. Козлуджи. Можетъ быть, родные захотятъ перевести его въ Россію».

Тѣло Бенкендорфа, дѣйствительно, отправлено было въ Штутгартъ и предано землѣ въ фамильномъ склепѣ.

Занимая почетное мѣсто въ ряду военныхъ дѣятелей, Бенкендорфъ не менѣе почетное мѣсто получилъ и въ русской военной литературѣ. Изданное на французскомъ языкѣ сочиненіе его о казакахъ и вообще о службѣ легкой кавалеріи

пользуется извѣстностью и можетъ служить весьма полезною школой для изученія партизанской войны.

Немногими годами пережилъ Бенкендорфа и товарищъ его по персидской войнѣ, графъ Сухтеленъ. Вернувшись въ Петербургъ, на прежнюю должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, онъ также участвовалъ въ турецкомъ походѣ, то начальствуя особымъ отрядомъ подъ Варною, то состоя при особѣ императора, то командуя корпусомъ въ Бабагадѣ. Разстроенное здоровье помѣшало ему участвовать въ кампаніи 1829 года; онъ ѣздилъ лѣчиться за границу, а по возвращеніи назначенъ былъ, въ апрѣлѣ 1830 года, оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ.

Старожилы Оренбурга и до сихъ поръ хранятъ признательную память о Сухтеленѣ,— такъ много въ короткій періодъ его управленія было сдѣлано для процвѣтанія тогда еще пустыннаго, полудикаго края. Тамъ онъ и умеръ 20 марта 1833 года отъ нервнаго удара.

Съ прискорбіемъ принялъ государь неожиданное извѣстіе о кончинѣ графа и не велѣлъ печатать приказа объ исключеніи его изъ списковъ, пока не будетъ приготовленъ къ этой печальной утратѣ престарѣлый отецъ покойнаго. Это было вполнѣ заслуженное вниманіе государя къ человѣку, оставившему послѣ себя прекрасную память въ рядахъ всей русской арміи и въ народѣ, съ которымъ ему доводилось приходить въ соприкосновеніе.

Среди жителей Оренбурга внезапная смерть Сухтелена вызвала выраженіе истиннаго горя.

Тѣло его, по настоянію жителей, погребено было въ самомъ центрѣ города, въ оградѣ собора Петропавловской церкви, гдѣ и теперь виднѣется его одинокая—къ сожалѣнію уже забываемая могила, со скромнымъ памятникомъ, представляющимъ гранитную скалу, увѣнчанную большимъ золоченнымъ крестомъ. Короткая надпись на черной мраморной доскѣ гласитъ: «здѣсь погребено тѣло раба Божія графа Павла Петровича Сухтелена».

До какой степени народъ благоговѣлъ къ его памяти, можетъ служить слѣдующій фактъ. Когда оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода узналъ, что Сухтеленъ былъ реформатскаго вѣроисповѣданія, и возбудилъ вопросъ о незаконномъ погребеніи его въ оградѣ православной церкви,— государь приказалъ запросить объ этомъ мнѣніе новаго начальника оренбургскаго края Перовскаго. Перовскій отвѣчалъ категорически, что «заслуги Сухтелена слишкомъ велики для того, чтобы поднимать вопросъ о принадлежности его къ тому или другому исповѣданію, что погребеніе его въ оградѣ Петропавловской церкви сдѣлано согласно собственному желанію покойнаго, что это желаніе было извѣстно всѣмъ жителямъ города, и неисполненіе его могло бы произвести въ народѣ, непросвѣщенномъ и преданномъ покойному графу, — ропотъ и даже негодованіе». Народъ, помнившій его доброту, дѣйствительно, не хотѣлъ справляться, какого онъ вѣроисповѣданія, и усердно служилъ по немъ панихиды, тысячными толпами собираясь къ его могилѣ, сокрывшей преждевременно такъ много надеждъ, заслугъ и добродѣтелей.

XXXV.

Посольство и смерть Грибоѣдова.

Туркменчайскій трактатъ положилъ конецъ непріязненнымъ отношеніямъ между Россіею и Персіей, и императоръ Николай, въ возобновленіе дружескихъ сношеній, учредилъ постъ полномочнаго министра при персидскомъ дворѣ. На этотъ высокій постъ получилъ назначеніе Грибоѣдовъ. Славный во всемъ великомъ отечествѣ нашемъ, какъ творецъ «Горя отъ ума», Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ мало извѣстенъ въ качествѣ дипломатическаго дѣятеля на Кавказѣ. Между тѣмъ, онъ, пробывшій свои лучшіе годы въ Персіи и на Кавказѣ, въ одну изъ самыхъ героическихъ эпохъ тамошняго русскаго владычества, принимавшій наконецъ, весьма близкое участіе въ

заключеніи Туркменчайскаго мира, представляетъ собою одного изъ весьма замѣчательныхъ кавказскихъ дѣятелей на дипломатическомъ поприщѣ, на подготовку къ которому онъ отдалъ лучшіе свои годы.

Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ, 4 января 1795 г., въ обстановкѣ богатаго помѣщичьяго быта, и получилъ солидное юридическое образованіе въ московскомъ университетѣ. Но тогдашнее поприще юриста не манило его. Былъ къ тому же роковой двѣнадцатый годъ, самый разгаръ борьбы съ Наполеономъ, когда все молодое поколѣніе стремилось стать подъ знамена отечества; Грибоѣдовъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ грозныхъ событій, и послѣдовалъ общему примѣру, поступивъ корнетомъ въ Иркутскій гусарскій полкъ. Полкъ этотъ назначенъ былъ, однако же, въ кавалерійскіе резервы, — и Грибоѣдову не удалось участвовать въ кровавыхъ битвахъ наполеоновской эпохи. Вмѣсто побѣдныхъ полей, онъ очутился среди невылазной грязи литовскихъ еврейскихъ мѣстечекъ. Гусарская жизнь, проходившая тогда среди нескончаемыхъ кутежей, попоекъ, картъ и обожанія женщинъ, не могла, конечно, поглотить собою Грибоѣдова, натуру глубокую и проницательную. Онъ слишкомъ ясно видѣлъ сокровенныя пружины, двигающія жизнью, чтобы отдаться съ увлеченіемъ пустому существованію. Но пламенная душа его требовала дѣятельности, умъ — пищи, а въ томительной тоскѣ и безсодержательности окружавшей его дѣйствительности не было исхода молодымъ силамъ. И вотъ, онъ нерѣдко предавался самымъ крайнимъ проявленіямъ страстной жажды жизни. То онъ устраивалъ оргіи, которыя надолго нарушали спокойствіе мирныхъ обывателей, то появлялся на конѣ въ какомъ-нибудь танцовальномъ залѣ, то прогонялъ органиста въ костелѣ и, занявъ его мѣсто, послѣ дивныхъ импровизацій, изумлявшихъ церковь глубиною молитвеннаго настроенія, вдругъ начиналъ играть «казачка» или «комаринскую».

Къ счастію для Грибоѣдова, эта пора разгула страстей, разрушительно дѣйствовавшая и на его здоровье, скоро

прошла. Онъ познакомился и подружился съ С. И. Бѣгичевымъ, который обнаружилъ на него самое благотворное вліяніе. Случайно сошелся онъ также съ княземъ Шаховскимъ, извѣстнымъ русскимъ драматургомъ. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ личностей, Грибоѣдовъ созналъ необходимость расчесться разъ на всегда съ своею безпутною молодостью. Онъ круто перемѣнилъ свою жизнь, сталъ заниматься литературою, вышелъ въ отставку и, поселившись въ Петербургѣ, сблизился съ кружкомъ тогдашнихъ литераторовъ (кн. Шаховскимъ, Хмѣльницкимъ, Жандромъ и др.). Прекрасно образованный, свободно изъяснявшійся на четырехъ языкахъ, притомъ отличный музыкантъ-импровизаторъ, Грибоѣдовъ сдѣлался душою столичныхъ салоновъ. Но жизнь его и тогда продолжала время отъ времени выбиваться изъ правильной колеи, сказывались слѣдствія пылкихъ страстей, которыя и привели его, въ концѣ концовъ, къ кровавой исторіи, заставившей долго говорить о себѣ весь Петербургъ.

Это была извѣстная въ свое время дуэль между Шереметевымъ и Завадовскимъ, по поводу знаменитой тогдашней танцовщицы Истоминой. Грибоѣдовъ принялъ въ этой дуэли случайное участіе, благодаря вмѣшательству одного изъ секундантовъ, а именно Якубовича. По настоянію послѣдняго составилась двойная дуэль: Шереметевъ долженъ былъ стрѣляться съ Завадовскимъ, Якубовичъ съ Грибоѣдовымъ. Очередь была за первою парою. И когда Шереметевъ былъ убитъ, Грибоѣдовъ и Якубовичъ нашли необходимымъ отложить свои личные счеты до болѣе благопріятнаго момента.

Тяжелыя наказанія, ожидавшія всѣхъ участниковъ дуэли, были значительно смягчены, благодаря заступничеству стараго отца Шереметева. Завадовскій былъ высланъ за границу; Якубовичъ, служившій поручикомъ въ лейбъ-гвардіи уланскомъ полку, переведенъ тѣмъ же чиномъ на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а Грибоѣдовъ отдѣлался, кажется, однимъ замѣчаніемъ. Но ему не легко было примириться съ собственною совѣстью: онъ безпрестанно видѣлъ

передъ собою тѣнь убитаго юноши, такъ что самое пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось для него невыносимымъ. Въ это время повѣренный по русскимъ дѣламъ въ Тавризѣ, Мазаровичъ, предложилъ Грибоѣдову ѣхать съ нимъ въ Персію, въ качествѣ секретаря посольства. Грибоѣдовъ охотно согласился и 30 августа 1818 года уѣхалъ изъ Петербурга.

Въ Тифлисѣ его ждалъ Якубовичъ. Они стрѣлялись, и Грибоѣдовъ былъ раненъ пулею въ ладонь лѣвой руки, отчего у него свело мизинецъ. Это увѣчье, спустя 11 лѣтъ, помогло отыскать тѣло Грибоѣдова, изуродованное до неузнаваемости тегеранскою чернью.

Дуэль съ Якубовичемъ была послѣдняя дань, уплаченная Грибоѣдовымъ молодости. Жизнь, обставленная серьезными задачами, которую онъ велъ уже и въ послѣдніе годы въ Петербургѣ, сложилась еще строже въ Персіи, въ «дипломатическомъ монастырѣ», какъ онъ называлъ посольство. Здѣсь его крѣпкая воля и сильный умъ окончательно сложились и получили опредѣленное направленіе. И если онъ утратилъ навсегда веселость и беззаботность юноши, то пріобрѣлъ взамѣнъ ихъ другія, болѣе солидныя качества, заставившія его взглянуть серьезнѣе на свои обязанности къ родинѣ. Грибоѣдовъ принялся снова учиться, знакомился съ восточными языками, читалъ персидскихъ поэтовъ, наблюдалъ нравы и бытъ Востока, — и вскорѣ богатствомъ познаній выдвинулся изъ ряда дипломатовъ, успѣвъ даже оказать серьезныя услуги. Его именно энергіи и настойчивости Ермоловъ былъ, напримѣръ, обязанъ тѣмъ, что персіяне согласились освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ неволѣ еще со временъ Циціанова. Грибоѣдову, во время этой благородной миссіи, ежеминутно грозили опасности со стороны раздраженной фанатической черни, и онъ зналъ это; и тѣмъ не менѣе дѣло было имъ начато и энергически доведено до конца. Ермоловъ назвалъ эти дѣйствія «храбрыми» — и они, дѣйствительно, были подъ стать спокойному и холодному мужеству Грибоѣдова.

Три года, проведенные подъ знойнымъ небомъ Ирана,

неблагопріятно отозвались на здоровьѣ Грибоѣдова. Но пребываніе его въ Тавризѣ было до нѣкоторой степени ссылкою, — и потому только въ 1822 году, по ходатайству Ермолова, указывавшаго на Грибоѣдова, какъ на достойнаго кандидата въ директоры школы восточныхъ языковъ, тогда только что еще проектировавшейся, ему разрѣшили, наконецъ, вернуться въ Грузію. Ермоловъ назначилъ его состоять при себѣ, въ качествѣ секретаря по иностраннымъ дѣламъ.

Въ первое свое пребываніе въ Персіи, Грибоѣдовъ задумалъ и обезсмертившую его имя геніальную комедію «Горе отъ ума». Вотъ что разсказываютъ о томъ, какъ она впервые родилась въ умѣ Грибоѣдова.

Какъ-то лѣтомъ, въ 1821 году, утомленный зноемъ, заснулъ онъ въ садовомъ кіоскѣ. Снилось ему, что онъ на родинѣ, въ кругу друзей — и разсказываетъ о планѣ новой, будто бы, написанной имъ комедіи. Тотчасъ по пробужденіи, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ загадочной грезы, Грибоѣдовъ записалъ сюжетъ и набросалъ первыя сцены приснившейся ему комедіи. Это и былъ сюжетъ, легшій въ основаніе одного изъ геніальнѣйшихъ произведеній всей русской литературы.

Въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ написалъ только первыя два дѣйствія своей комедіи; остальныя докончены были имъ позднѣе, въ имѣніи Бѣгичева, въ Тульской губерніи, куда онъ ѣздилъ въ отпускъ, лѣтомъ 1824 года. Какъ извѣстно, «Горе отъ ума», за исключеніемъ нѣкоторыхъ отрывковъ, не было напечатано при жизни Грибоѣдова, — тогдашнія цензурныя условія не допустили этого; не была она и поставлена на сцену. Грибоѣдовъ, уже мечтавшій остаться въ Петербургѣ, чтобы отдаться литературной дѣятельности, вернулся на Кавказъ. Ермолова онъ засталъ въ Екатериноградской станицѣ, гдѣ снаряжалась тогда большая экспедиція противъ чеченцевъ; но въ это самое время пришло извѣстіе о событіяхъ 14 декабря, и вскорѣ Грибоѣдовъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Петербургъ. Причиною его ареста, какъ оказалось, были дружескія отношенія его со многими декабри-

стами. Черная туча, нависшая надъ головою поэта, скоро, однако, разсѣялась. Онъ былъ освобожденъ, и государь, пожаловавъ ему чинъ надворнаго совѣтника, отправилъ его снова въ Грузію, подъ начальство уже Паскевича, который былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Грибоѣдова.

Заниматься литературою при новомъ начальникѣ оказалось не совсѣмъ удобнымъ. Паскевичъ велъ обширную переписку, и Грибоѣдовъ былъ заваленъ работою. Ему преимущественно и принадлежатъ всѣ тѣ необыкновенно литературно и умно составленныя донесенія изъ канцеляріи Паскевича,—который, какъ извѣстно, самъ писалъ по-русски весьма неправильно. Пришлось тогда Грибоѣдову пожалѣть и о Ермоловѣ. «При Алексѣѣ Петровичѣ—писалъ онъ къ одному изъ своихъ пріятелей: — свободнаго времени было у меня больше, чѣмъ нужно, и если я при немъ не много наслужилъ, то вдоволь начитался. Авось теперь, съ Божьею помощью, употреблю это въ свою пользу».

Весною 1827 года, персидская война дала Грибоѣдову нѣсколько случаевъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ дѣлалъ кампанію въ свитѣ Паскевича и былъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ того времени, выказывая пылъ и горячность бывалаго наѣздника. Гусарская кровь не разъ заговаривала въ молодомъ дипломатѣ, и онъ съ какимъ-то фатализмомъ пріучалъ себя переносить опасности, назначая себѣ впередъ извѣстное число выстрѣловъ, которые долженъ былъ выдержать, разъѣзжая спокойно по открытому мѣсту подъ огнемъ непріятеля.

Вотъ что, по свидѣтельству одного изъ современниковъ, самъ онъ, годъ спустя, разсказывалъ по этому поводу, утверждая, что власть человѣка надъ самимъ собою ограничивается только физическою невозможностью, а что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно: «Говорю это потому,—приводитъ разсказчикъ собственныя слова Грибоѣдова:—что многое испыталъ надъ самимъ собою. Напримѣръ, въ персидскую кампанію, во время одного сраженія, мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ. Ядро съ

непріятельской батареи ударилось подлѣ князя, осыпало его землей,—и въ первый мигъ я подумалъ, что онъ убитъ. Это развило во мнѣ такое содроганіе, что я задрожалъ. Князя только оконтузило, но я чувствовалъ невольный трепетъ и не могъ прогнать гадкаго чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть, я трусъ въ душѣ? Мысль нестерпимая для порядочнаго человѣка, и я рѣшился, чего бы то ни стоило, вылѣчиться отъ робости. Я хотѣлъ не дрожать передъ ядрами, въ виду смерти, и, при первомъ же случаѣ, сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначенное мной самимъ число выстрѣловъ и потомъ тихо поворотилъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. Знаете ли, что это прогнало мою робость? Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся чувству страха—оно усилится и утвердится». Разсказъ этотъ показываетъ, какою силою воли обладалъ молодой дипломатъ и уже знаменитый тогда писатель.

Близкое знакомство Грибоѣдова съ жизнью и людьми Персіи давало Паскевичу прямой поводъ поручать ему сношенія съ персидскимъ правительствомъ. Такъ, Грибоѣдовъ ѣздилъ въ Чорсъ для переговоровъ съ Аббасъ-Мирзою, послѣ Джеванбулакскаго сраженія; такъ, принялъ онъ дѣятельное участіе и при составленіи условій мирнаго трактата въ Дей-Караганѣ и Туркменчаѣ.

Съ вѣстію о заключеніи мира и для поздравленія государя съ славнымъ окончаніемъ войны, Паскевичъ отправилъ въ Петербургъ Грибоѣдова. Такимъ образомъ, въ началѣ 1828 года, ему пришлось опять, уже въ послѣдній разъ, побывать на родномъ сѣверѣ. Друзья его замѣтили въ немъ тогда какую-то необычайную сдержанность; онъ былъ грустенъ. Онъ предчувствовалъ, что на различныхъ почестяхъ, которыми его осыпали, какъ вѣстника славнаго мира, дѣло не остановится, и дипломатическая миссія его на Востокѣ грозитъ затянуться надолго, чего ему очень не хотѣлось. Дѣйствительно, государь пожаловалъ ему чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 2-й степени, украшенный алма-

зами и четыре тысячи червонцевъ, а вслѣдъ затѣмъ, 25 апрѣля 1828 года, именнымъ повелѣніемъ назначилъ его на постъ полномочнаго министра при Тегеранскомъ Дворѣ. Грибоѣдовъ дѣлалъ завидную служебную карьеру; но это назначеніе, котораго Грибоѣдовъ отнюдь не добивался, только увеличило его грустное настроеніе. Мрачное предчувствіе видимо тяготило его душу. Какъ то разъ Пушкинъ началъ утѣшать его, — Грибоѣдовъ отвѣтилъ: «Вы не знаете этого народа (персіянъ), увидите, что дѣло дойдетъ до ножей». Еще опредѣлительнѣе выразился онъ А. А. Жандру, сказавъ: «не поздравляйте меня съ этимъ назначеніемъ: насъ тамъ всѣхъ перерѣжутъ. Аллаяръ-ханъ — мой личный врагъ, и никогда не подаритъ онъ мнѣ туркменчайскаго договора».

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Грибоѣдовъ хлопоталъ о постановкѣ на сцену «Горя отъ ума», уже тогда въ тысячахъ рукописныхъ экземпляровъ разошедшагося по всей Россіи. Всѣ его старанія были, однако, напрасны, и комедія сыграна была въ первый разъ въ Петербургѣ только 26 января 1831 года, когда Грибоѣдова уже не было на свѣтѣ.

Одинъ разъ ему удалось, впрочемъ, видѣть свое произведеніе исполненное на сценѣ любителями. Это было зимою въ 1827 году, въ Эривани, когда, по иниціативѣ генерала Красовскаго, былъ устроенъ офицерскій театръ въ одной изъ залъ дворца персидскихъ сардарей. Здѣсь-то въ первый разъ и была сыграна безсмертная русская комедія.

Грибоѣдовъ оставилъ Петербургъ въ первыхъ числахъ іюня 1828 года. Первое же его вступленіе въ святилище горъ ознаменовалось уже недобрымъ предзнаменованіемъ. 3 іюля, онъ выѣхалъ изъ Казбека верхомъ на казачьей лошади, что давало полный просторъ наслаждаться величественными видами окружающей суровой природы. Съ нимъ вмѣстѣ ѣхало 10 грузинъ съ маіоромъ Челяевымъ, начальникомъ горскихъ народовъ. Начинало смеркаться, когда вся кавалькада была верстахъ въ пяти отъ Коби. Вдругъ показались скачущіе осетины, и одинъ изъ нихъ, отозвавъ Челяева въ

сторону, шопотомъ сообщилъ, что, недалеко впереди, на дорогу выѣхала разбойничья партія въ триста человѣкъ, которая и поджидаетъ ихъ въ засадѣ. Грибоѣдовъ, узнавъ въ чемъ дѣло, настаивалъ на томъ, чтобы ѣхать впередъ. Челяевъ, однако, не согласился, — и всѣ вернулись въ Коби.

Въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ обвѣнчался съ извѣстной красавицей, тогда еще 16-лѣтней княжной Ниной Александровной Чавчавадзе, которая своею наружностью, какъ выражался онъ самъ, напоминала ему его любимую картину Мурильо. Онъ любилъ ее, она отвѣчала ему взаимностью, и эта любовь яркимъ свѣтомъ озарила немногіе дни, оставленные ему судьбою. Обрядъ вѣнчанія происходилъ въ Сіонскомъ соборѣ 22 августа, а 9 сентября Грибоѣдовъ, вмѣстѣ съ женою, выѣхалъ въ Персію.

За снѣговымъ Безобдаломъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія Амамлы, тамъ, гдѣ начинается узкая долина, обставленная невысокими горными кряжами, Грибоѣдовъ приказалъ остановиться. Оставя экипажъ и свиту, онъ медленными шагами своротилъ къ виднѣвшемуся въ сторонѣ отъ дороги полуразвалившемуся памятнику, и возвратился оттуда въ глубокомъ раздумьи, навѣянномъ на него посѣщеніемъ одинокой могилы.

Тамъ, среди невозмутимой тишины захолустья, подъ памятникомъ, поставленнымъ еще во времена Циціанова, но незадолго передъ тѣмъ, въ 1827 году, разрушеннымъ землетрясеніемъ, покоился прахъ безстрашнаго воина. Это была могила Монтрезора, погибшаго здѣсь со всѣмъ своимъ отрядомъ въ кампанію 1804 года. Думалъ ли тогда Грибоѣдовъ, что, спустя очень короткое время, и онъ, подобно Монтрезору, отдастъ свою жизнь, защищая свой постъ, достоинство и честь своей отчизны.

Путешествіе Грибоѣдова по Персіи намѣренно обставлено было, по приказанію Паскевича, пышностью и блескомъ, шумными народными оваціями, офиціальными встрѣчами и церемоніями. Такъ Грибоѣдовъ достигъ, наконецъ, Тавриза.

Здѣсь ему предстояло разрѣшить щекотливый вопросъ о скорѣйшемъ очищеніи Хойской провинціи, все еще занятой тогда русскими войсками, въ обезпеченіе уплаты шахомъ 8-го курура. Дѣло въ томъ, что Аббасъ-Мирза, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, началъ переговоры объ очищеніи Хоя, предлагая тогда же внести 300 т. тумановъ, т. е. 1,200,000 р. с., а остальные прося разсрочить на 7 мѣсяцевъ безъ залога. Паскевичъ не соглашался на это и требовалъ или уплаты полностью, или обезпеченія такими вещами, «сбытъ коихъ не доведетъ правительство наше до убытковъ», какъ онъ выражался. Въ этомъ видѣ переговоры тянулись до глубокой осени, а деньги, между тѣмъ, персіянами мало по малу уплачивались. Въ то время, какъ Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Тавризъ, денежные счеты были въ слѣдующемъ положеніи: къ 21 ноября уплачено было персіянами 1,512,000 р., на 60 тысячъ въ рукахъ русскаго правительства имѣлись векселя англійскаго полномочнаго министра, на 400 тысячъ приняты были отъ Аббаса-Мирзы, въ залогъ, его собственные драгоцѣнные камни, шали и жемчугъ; оставались неуплаченными и необезпеченными только 28 тысячъ, достать которыя Аббасу-Мирзѣ было негдѣ. Грибоѣдовъ для очищенія Хойской провинціи, потребовалъ, въ обезпеченіе этихъ 28 тысячъ, тронъ Аги-Магомета-Хана, въ которомъ одного золота, не считая эмали и художественной работы, по оцѣнкѣ считалось на 36 т. р. «Я принималъ его всего въ 28 тысячахъ, — говоритъ Грибоѣдовъ: — чтобы понудить персидское правительство скорѣе его выкупить, тѣмъ болѣе, что персіяне разставались съ нимъ весьма неохотно, ибо тронъ сей почитался государственною регаліей... Если же при окончательныхъ счетахъ и окажется какая-нибудь незначащая недоимка, то мы въ драгоцѣнныхъ камняхъ Аббаса-Мирзы имѣемъ полное обезпеченіе и даже съ избыткомъ»...

Паскевичъ соглашался съ Грибоѣдовымъ, но только возвращать персіянамъ трона онъ уже не хотѣлъ, находя, что историческій памятникъ этотъ будетъ хорошимъ трофеемъ въ московской грановитой палатѣ. И потому онъ поручалъ

Грибоѣдову настаивать, чтобы тронъ остался совсѣмъ въ Россіи, въ уплату 28 тысячъ, «или даже съ нѣкоторою, не весьма значительною, — какъ выражается Паскевичъ, — надбавкою». За какую именно сумму онъ былъ уступленъ персіянамъ — свѣдѣній нѣтъ, но дѣло уладилось; тронъ поступилъ въ число трофеевъ персидской войны и былъ доставленъ въ Аббасъ-Абадъ, а русскія войска получили приказаніе выйти изъ Хойской провинціи.

Неотложныя дѣла въ Тавризѣ этимъ были покончены, и Грибоѣдовъ долженъ былъ отправиться въ Тегеранъ, чтобы представиться шаху. Оставивъ въ Тавризѣ жену, онъ выѣхалъ съ надеждою немедленно вернуться, такъ какъ резиденціей русскаго полномочнаго министра, какъ и министра англійскаго, назначенъ былъ Тавризъ. Судьбѣ угодно было, чтобы онъ вернулся уже во гробу.

Въ Тегеранѣ русскаго посланника встрѣтили съ такими почестями, которыхъ никогда не оказывали въ Персіи ни одному европейцу. Шахъ принялъ его чрезвычайно благосклонно; онъ пожаловалъ ему орденъ Льва и Солнца 1-й степени, а всѣмъ членамъ миссіи отправилъ богатые подарки.

Исполнивъ свои порученія, Грибоѣдовъ готовился уже выѣхать въ Тавризъ; состоялась уже прощальная аудіенція у шаха, лошади и катера были готовы къ отъѣзду, какъ вдругъ, одно неожиданное обстоятельство перевернуло все вверхъ дномъ и привело къ страшнымъ послѣдствіямъ.

Нѣкто армянинъ Мирза-Якубъ, евнухъ, служившій болѣе 15 лѣтъ при гаремѣ шаха казначеемъ, ночью явился къ посланнику и выразилъ ему желаніе возвратиться въ Эривань. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что ночью ищутъ прибѣжища только одни преступники, и что министръ русскаго императора оказываетъ свое покровительство не тайно а явно. Якубъ удалился, — но на слѣдующій день явился снова. Грибоѣдовъ пробовалъ уговорить его остаться въ Тегеранѣ, представлялъ ему, что онъ здѣсь человѣкъ знатный, тогда какъ въ Россіи совершенно ничего значить не можетъ, и т. п. Якубъ остался непреклоннымъ. Грибоѣдовъ уже не могъ

безъ ущерба достоинства русскаго посланника отказать ему въ покровительствѣ, и оставилъ его у себя, чтобы препроводить въ Эривань.

Шахъ принялъ это обстоятельство, какъ личную обиду. Якубъ въ теченіи многихъ лѣтъ занималъ при немъ должность главнаго евнуха и, поселившись внѣ Персіи, могъ дать тайнамъ шахскаго гарема полнѣйшую огласку. Гнѣвъ шаха былъ безпредѣленъ. Когда Грибоѣдовъ послалъ взять остававшееся въ домѣ Якуба имущество, когда оно уже было навьючено на катеровъ, явились шахскіе ферраши—и навьюченные катера были отняты и отведены въ домъ шахскаго казначея.

Весь персидскій дворъ былъ въ неописанномъ волненіи. Разъ двадцать въ день приходили къ Грибоѣдову посланцы отъ шаха съ самыми нелѣпыми представленіями; они говорили, что евнухъ то же, что шахская жена, и что, слѣдовательно, посланникъ отнялъ у шаха жену его. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что Якубъ, на основаніи только что заключеннаго трактата, теперь русскій подданный, и что посланникъ не имѣетъ права отказать ему въ покровительствѣ, а тѣмъ болѣе выдать его. Тогда персіяне прибѣгли къ другому средству: они предъявили на Якуба огромныя денежныя требованія, до 150 т. рублей, заявляя, что онъ обворовалъ шахскую казну и потому отпущенъ быть не можетъ. Чтобы разъяснить это обстоятельство, Грибоѣдовъ вынужденъ былъ отправить Якуба къ шахскому казначею, но въ сопровожденіи своего переводчика. Комната, куда они вошли, была наполнена хаджами, которые всѣ сразу кинулись съ бранью на Якуба. Тотъ не остался въ долгу,—и, такимъ образомъ, кромѣ ругательствъ ничего изъ всего этого не вышло.

Тогда шахъ назначилъ духовный судъ надъ Якубомъ. Грибоѣдовъ изъявилъ и на это согласіе, но съ тѣмъ, чтобы на судѣ присутствовалъ секретарь русскаго посольства, Мальцевъ. Вѣроятно, послѣднее обстоятельство было причиною того, что судъ не состоялся: персіяне сами отъ него отка-

зались, такъ какъ никакихъ доказательствъ виновности Якуба въ чемъ-либо не было.

Между тѣмъ Грибоѣдовъ, по указанію того же Якуба, потребовалъ изъ гарема Аллаяра-Хана двухъ плѣнныхъ армянокъ, которыя изъявили желаніе возвратиться на родину. Это переполнило чашу негодованія персидскихъ вельможъ; и не безъ ихъ подстрекательства, конечно, вспыхнулъ въ городѣ мятежъ, скоро достигшій крайняго ожесточенія.

Во главѣ движенія сталъ самъ муджтехидъ, верховный мулла тегеранскій, Мирза-Месихъ, извѣстный фанатикъ изувѣръ. Онъ пустилъ слухъ, разнесшійся по всему городу, что Якубъ ругаетъ магометанскую вѣру. «Какъ, — говорилъ онъ въ собраніи хаджей:—этотъ человѣкъ 20 лѣтъ исповѣдывалъ нашу религію, читалъ наши книги, а теперь поѣдетъ въ Россію, чтобы надругаться надъ нашею вѣрою? Онъ долженъ умереть». Распущенъ былъ также слухъ, что въ домѣ посланника силой удерживаютъ женщинъ и принуждаютъ ихъ къ отступничеству отъ мусульманства. Народъ кричалъ: «Не мы писали мирный договоръ съ Россіею!.. Мы не потерпимъ, чтобы русскіе разрушали нашу вѣру». И народъ требовалъ освобожденія задержанныхъ. Ахунды ходили по площадямъ и кричали: «Правовѣрные! запирайте завтра базары, идите въ мечети, тамъ вы услышите наше слово».

Наступило роковое 30-е число января. Базаръ былъ запертъ и народъ съ утра толпился въ тегеранской соборной мечети. Муджтехидъ сказалъ зажигательную рѣчь. Толпа, быстро возросшая до нѣсколькихъ тысячъ, бросилась къ дому посланника. И пока одни съ обнаженными кинжалами врывались во дворъ, другіе влѣзали на крыши сосѣднихъ домовъ, предвидя кровавое зрѣлище, и лютыми криками выражали свою радость.

Не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны караульныхъ сарбазовъ, не имѣвшихъ при себѣ даже ружей, сложенныхъ, какъ впослѣдствіи оказалось, на чердакѣ, толпа вломилась во дворъ. Первою жертвою ея сдѣлался Мирза-Якубъ,—ему отрубили голову. Затѣмъ были убиты перевод-

чикъ Дадымовъ и двое прислужниковъ. Персидскій караулъ бѣжалъ. Казаки около часу отстрѣливались отъ наступавшей многолюдной и свирѣпой толпы, но ихъ было мало, и смятые массою, они были, наконецъ, всѣ изрублены. По трупамъ этихъ людей, убійцы бросились въ домъ, гдѣ было русское посольство. Тамъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ находились князь Меликовъ, родственникъ его жены, второй секретарь посольства Аделунгъ, медикъ и нѣсколько человѣкъ прислуги. На крыльцѣ убійцы встрѣчены были храбрымъ грузиномъ Хочетуромъ. Онъ нѣкоторое время одинъ держался противъ цѣлой сотни людей. Но когда у него въ рукахъ сломалась сабля, народъ буквально растерзалъ его на части. Приступъ принималъ все болѣе и болѣе страшный характеръ: одни изъ персіянъ ломились въ двери, другіе проворно разбирали крышу и сверху стрѣляли по свитѣ посланника; раненъ былъ въ это время и самъ Грибоѣдовъ, а его молочный братъ и двое грузинъ убиты. Медикъ посольства обнаружилъ при этомъ необыкновенную храбрость и присутствіе духа. Видя неизбѣжность гибели, онъ вздумалъ проложить себѣ дорогу черезъ дворъ маленькой европейской шпагой. Ему отрубили лѣвую руку, которая упала къ ногамъ его. Онъ вбѣжалъ тогда въ ближайшую комнату, оторвалъ съ дверей занавѣсъ, обернулъ ею свою страшную рану и выпрыгнулъ въ окно; разсвирѣпѣвшая чернь добила его градомъ камней. Между тѣмъ свита посланника, отступая шагъ за шагомъ, укрылась наконецъ въ послѣдней комнатѣ и отчаянно защищалась, все еще не теряя надежды на помощь шахскаго войска. Смѣльчаки изъ нападавшихъ, хотѣвшіе было ворваться въ двери были изрублены. Но вдругъ пламя и дымъ охватили комнату; персіяне разобрали крышу и подожгли потолокъ. Пользуясь смятеніемъ осажденныхъ, народъ ворвался въ комнату, — и началось безпощадное избіеніе русскихъ. Рядомъ съ Грибоѣдовымъ былъ изрубленъ казачій урядникъ, который до послѣдней минуты заслонялъ его своею грудью. Самъ Грибоѣдовъ отчаянно защищался шашкою—и палъ подъ ударами нѣсколькихъ кинжаловъ... Обезображенный трупъ

его вмѣстѣ съ другими былъ три дня игралищемъ тегеранской черни, и узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда простреленной пистолетною пулей Якубовича.

Любопытны слова Пушкина по поводу смерти Грибоѣдова: «Я ничего не знаю—говоритъ онъ:—счастливѣе и завиднѣе послѣднихъ дней бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна».

Поздно, когда разъяренная чернь уже доканчивала свое кровавое дѣло, пришла, наконецъ, сотня шахскихъ сарбазовъ; но у этого войска не было патроновъ, и оно имѣло къ тому же приказаніе дѣйствовать противъ черни краснорѣчіемъ, а не штыками.

Послѣ избіенія посла и его свиты начался грабежъ. Персіяне съ крикомъ и дракой дѣлили между собою деньги, бумаги и разныя цѣнныя вещи. Самое жилище посланника было разрушено, и развалины его существуютъ понынѣ, какъ памятникъ ужаснаго событія, заставляя содрогнуться каждаго, кто посѣтитъ это несчастное мѣсто.

Послѣдній долгъ печальнымъ останкамъ Грибоѣдова былъ отданъ духовенствомъ въ армянской церкви, гдѣ было выставлено его тѣло. Прочихъ, убитыхъ съ нимъ, похоронили въ общей могилѣ, за стѣнами Тегерана, гдѣ они оставались до 1836 года. Въ этомъ году кости ихъ были выкопаны и преданы землѣ въ заранѣе приготовленномъ склепѣ среди самаго города. Нельзя не замѣтить, что персіяне, допустивъ перенесеніе христіанскихъ тѣлъ въ городъ, должны были побѣдить вѣковой предразсудокъ, котораго до этого времени упорно держались.

Въ кровавый день 30 января погибло, по свидѣтельству Мальцева, 37 человѣкъ русскихъ и 19 тегеранскихъ жителей. Но персидскіе историки показываютъ, однакоже, что убитыхъ мусульманъ было не менѣе 80 человѣкъ. Изъ всей русской миссіи остался въ живыхъ только Мальцевъ, состоявшій при Грибоѣдовѣ въ качествѣ перваго секретаря.

Молодой человѣкъ, одаренный счастливыми способностями, онъ познакомился въ Тегеранѣ съ какимъ-то ханомъ, жившимъ посмежности съ домомъ посланника, часто его навѣщалъ и ему обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Разсказываютъ, что ханъ этотъ полюбилъ и привязался къ Мальцеву, и уговорилъ его, въ самомъ началѣ катастрофы, укрыться въ его домѣ, а вечеромъ, переодѣтаго въ сарбазское платье, доставилъ во дворецъ Зилли-Султана, гдѣ Мальцевъ и пробылъ до отправленія въ Тифлисъ.

Такъ представляется въ своихъ внѣшнихъ чертахъ неслыханное дѣло убійства русскаго посланника въ Тегеранѣ. Ближайшее разслѣдованіе обстоятельствъ намекаетъ, однако, что причины этого событія лежатъ глубже, чѣмъ это представляется съ перваго взгляда. Къ сожалѣнію, эти причины остаются и понынѣ невыясненными. Персидскіе историки утверждаютъ, что Грибоѣдовъ, увлекшись успѣхами русскаго оружія въ Адербейджанѣ, держалъ себя непомѣрно гордо, оскорблялъ шаха непристойнымъ и беззастѣнчивымъ обращеніемъ съ нимъ, что люди, находившіеся при посольствѣ, позволяли себѣ разныя насилія, что, наконецъ, посланникомъ были незаконно задержаны женщины, которыхъ, будто бы хотѣли обратить силою въ христіанскую вѣру.

Говорятъ, дѣйствительно, что свита Грибоѣдова, особенно армяне и грузины, вели себя не совсѣмъ пристойно, но безтактность этихъ третьестепенныхъ лицъ посольства была обстоятельствомъ во всякомъ случаѣ настолько маловажнымъ, что о немъ не стоитъ и распространяться. Что же касается до задержанія женщинъ, то есть свидѣтельства совершенно противоположныя, показывающія, что Грибоѣдовъ никого не бралъ съ собою насильно. Извѣстенъ, напримѣръ, фактъ, что когда, на пути къ Тегерану, въ Казвинѣ, къ нему приведены были отъ одного сеида двѣ женщины, одна армянка, а другая нѣмка изъ Екатеринфельдской колоніи, разбитой персіянами, и обѣ онѣ заявили, что желаютъ остаться въ Персіи, то Грибоѣдовъ немедленно возвратилъ ихъ сеиду, и эта справедливость его заставила громко говорить о себѣ не

только весь городъ, а и всю Персію. Впрочемъ, и въ перепискѣ, возникшей между Грибоѣдовымъ и персидскими министрами, много было говорено относительно Мирзы-Якуба, но не было даже и рѣчи о женщинахъ; о нихъ стали говорить лишь послѣ убіенія посланника. Берже, нужно думать, частію правъ, полагая, что главная ошибка Грибоѣдова заключалась не въ задержаніи этихъ женщинъ, — онъ имѣлъ право на это по смыслу туркменчайскаго договора, — а въ томъ, что онъ, дѣйствительно, зашелъ въ своихъ требованіяхъ слишкомъ далеко и коснулся гаремовъ лицъ слишкомъ значительныхъ и важныхъ. Паскевичъ думалъ, что всѣ внѣшніе поводы возмущенія: исторія съ Якубомъ, женщины и т. п.,—суть только ширмы, за которыми скрывался Аллаяръ-Ханъ. Онъ всегда былъ явнымъ противникомъ Аббаса-Мирзы и сильнѣйшею опорою враждебныхъ ему братьевъ. И теперь съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ можно было заключить, что вся тегеранская исторія была обдуманною игрою самаго вѣроломнаго коварства. Аллаяръ-Ханъ могъ желать снова вовлечь шаха въ войну съ русскими, чтобы истребить совершенно династію Каджаровъ, или же отдалить Аббаса-Мирзу отъ наслѣдства Персіи въ пользу одного изъ его братьевъ.

«При неизвѣстности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, можно предположить даже,—писалъ Паскевичъ:—что англичане не вовсе были чужды участія въ возмущеніи черни, хотя, можетъ быть, и не предвидѣли пагубныхъ послѣдствій его; ибо они неравнодушно смотрѣли на перевѣсъ въ Персіи русскаго министерства и на уничтоженіе собственнаго ихъ вліянія».

Предположеніе Паскевича объ участіи англичанъ не лишено вѣскаго основанія. Англія теряла слишкомъ много, чтобы примириться съ своею второстепенною ролью, въ которую поставило ее стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ,— и естественно могла пустить въ ходъ свои обычныя интриги. Правда, желая выразить ужасъ и скорбь по случаю катастрофы, англійскій министръ Макдональдъ предложилъ всѣмъ великобританскимъ подданнымъ, находившимся въ Пер-

сіи, облачиться въ трауръ, и даже протестовалъ передъ персидскимъ правительствомъ, говоря, что исторія народовъ не представляетъ подобнаго ужаснаго случая, когда бы миссія дружественной націи погибла среди совершеннаго мира, и притомъ въ столицѣ самого государя, — но все это могло быть только простымъ соблюденіемъ внѣшнихъ международныхъ приличій со стороны дипломата, ровно ничего не теряющаго отъ выраженнаго имъ чувства негодованія. Въ самой Персіи предположенія о тайномъ вліяніи англичанъ находили себѣ полную вѣру.

Одинъ изъ адъютантовъ Аббаса Мирзы сказалъ даже по этому случаю слѣдующую притчу: «Однажды чортова жена съ своимъ ребенкомъ сидѣла неподалеку отъ дороги въ кустахъ. Вдругъ показался путникъ съ тяжелою ношею на спинѣ и, поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣли черти, споткнулся о камень и упалъ. Поднимаясь, онъ съ сердцемъ произнесъ: «будь же ты, чортъ, проклятъ!»—Какъ люди несправедливы,—сказалъ чертенокъ, обращаясь къ матери:— мы такъ далеко отъ камня, а все же виноваты. — Молчи, отвѣчала мать:—хотя мы и далеко, но хвостъ мой спрятанъ тамъ подъ камнемъ»... «Вотъ такъ-то, — заключилъ персіянинъ:—было и въ дѣлѣ съ Грибоѣдовымъ; англичане, хотя и жили въ Тавризѣ, но хвостъ ихъ все же былъ скрытъ въ русской миссіи въ Тегеранѣ».

Дальнѣйшее поведеніе англичанъ не лишено было и нѣкоторыхъ странностей, которыя какъ бы подтверждаютъ эти предположенія. Когда, напр., тѣло Грибоѣдова привезли въ Тавризъ, то, какъ доносилъ Паскевичу Мальцевъ, никто изъ англичанъ не выѣхалъ къ нему на встрѣчу; по ихъ настоянію гробъ не ввезли даже въ городъ, а поставили въ маленькой загородной армянской церкви, которой также никто изъ англичанъ не посѣтилъ. Отъ Наибъ-султана не было оказано тѣлу покойнаго Грибоѣдова никакихъ почестей, даже не былъ приставленъ почетный караулъ, — и есть нѣкоторый поводъ думать, что Аббасъ-Мирза такъ поступилъ въ угодность Макдональду. «Признаюсь,—писалъ Мальцевъ:—что я

такой низости никогда не предполагалъ въ англійскомъ посланникѣ. Неужели и въ томъ находитъ онъ пользу для остъ-индской компаніи, чтобы мстить человѣку даже послѣ его смерти»...

Впрочемъ, какія бы ни были постороннія причины убійства русскаго посланника, достоинство Имперіи требовало примѣрнаго возмездія за неслыханное нарушеніе правъ международныхъ.

Поэтому серьезнѣйшимъ вопросомъ во всемъ этомъ дѣлѣ было то, какое участіе въ печальномъ происшествіи принимало само персидское правительство? Старый муджтехидъ, вышедшій въ Россію изъ Тавриза, утверждалъ, что злодѣйство совершено съ умысломъ, съ цѣлію показать народу, что персидское правительство вовсе не такъ боится русскихъ, какъ думаютъ. Можно было также допустить, что шаху, по крайней мѣрѣ, не безъизвѣстны были приготовленія къ возстанію, но что цѣль возмущенія состояла вовсе не въ истребленіи русскаго посольства; шахъ не хотѣлъ только мѣшать народу убить Якуба, смерть котораго была ему желательна, а потомъ, когда разъяренная чернь добралась и до русскихъ, онъ оказался уже безсиленъ остановить мятежниковъ.

Никакихъ серьезныхъ основаній даже къ послѣднимъ заключеніямъ, однако, не оказалось, и до войны, которая была бы въ противномъ случаѣ неизбѣжна, дѣло не дошло. Все ограничилось пріѣздомъ принца Хозровъ-Мирзы въ Петербургъ, гдѣ онъ отъ лица шаха просилъ императора предать вѣчному забвенію роковыя событія 30 января.

Извѣстіе о смерти Грибоѣдова пришло въ Петербургъ 4 марта, т. е., по странному стеченію обстоятельствъ, въ тотъ самый день, когда, за годъ передъ тѣмъ, онъ прибылъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о Туркменчайскомъ мирѣ. Императоръ Николай Павловичъ съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія узналъ о преждевременной бѣдственной кончинѣ своего министра въ Персіи. Онъ принялъ живѣйшее участіе въ его осиротѣвшей семьѣ, лишившейся всего достоянія, такъ какъ наличныя деньги и банковые билеты, принадлежавшіе Гри-

боѣдову, на сумму около 60 тысячъ рублей, были разграблены персіянами. Въ вознагражденіе заслугъ Грибоѣдова, онъ пожаловалъ вдовѣ и матери покойнаго каждой по 30-ти тысячъ рублей единовременно и по пяти тысячъ рублей асс. пенсіи. Впослѣдствіи, по ходатайству князя Воронцова, пенсія вдовѣ Грибоѣдовой была увеличена еще на двѣ тысячи р. асс.

Смертные останки Грибоѣдова долгое время оставались въ Тегеранѣ, и только спустя три мѣсяца были вывезены оттуда шестнадцатилѣтнею вдовою его, которая свято исполнила желаніе мужа, сказавшаго ей однажды, въ минуты мрачнаго предчувствія: «не оставляй костей моихъ въ Персіи, и похорони меня въ Тифлисѣ, въ церкви Св. Давида».

Печальная церемонія перенесенія праха Грибоѣдова изъ Персіи въ русскія предѣлы совершилась 1 мая 1829 года. Когда тѣло его, переправленное черезъ Араксъ, вступило на родную землю, его встрѣтили батальонъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка съ двумя орудіями, масса народа, духовенство и всѣ военныя и гражданскія власти Нахичеванской области. Особая коммиссія немедленно приступила къ вскрытію гроба. По словамъ Амбургера, тѣло покойнаго уже не имѣло и признаковъ прежняго вида; повидимому, оно было ужасно изрублено и избито камнями; къ тому же оно предалось уже сильному тлѣнію. Гробъ заколотили снова, и залили нефтью. Отслужена была торжественная панихида, и при возглашеніи вѣчной памяти «убіенному болярину Александру», гробъ былъ поставленъ на особые дроги, подъ великолѣпный балдахинъ, нарочно заказанный для этого случая генераломъ Мерлини. Батальонъ тифлисцевъ отдалъ покойному воинскую честь,— и тихо и величественно началось траурное шествіе при звукахъ похороннаго марша.

Никогда еще окрестнымъ магометанамъ не приводилось видѣть подобныя пышныя похороны. Черные дроги, везомые шестью лошадьми, укутанными съ головы до ногъ черными попонами, люди въ необычайныхъ траурныхъ мантіяхъ и шляпахъ, ведущіе лошадей подъ уздцы, длинный рядъ факельщиковъ по обѣ стороны гроба, роскошно убранный бал-

дахинъ, войско, идущее съ опущеннымъ долу оружіемъ, рыдающіе звуки музыки, — все это производило сильнѣйшее впечатлѣніе. Кромѣ русскаго священника, на встрѣчу покойнаго вышло все армянское духовенство, съ епископомъ во главѣ, и это придавало еще болѣе величія печальному шествію. Такъ процессія достигла Алинджа-чая.

2-го мая шествіе приблизилось къ Нахичеванскому мосту и остановилось. Духовенство облачилось въ ризы; весь городъ, отъ мала до велика, вышелъ на встрѣчу Грибоѣдову и сопровождалъ гробъ, несомый офицерами на рукахъ, до самой площади, гдѣ стояла армянская церковь. Около храма густыя толпы народа тѣснились всю ночь, — «и трогательно было видѣть, — говоритъ очевидецъ: — то живое участіе, которое принимали рѣшительно всѣ въ злополучной участи покойнаго министра. Между женщинами слышались громкія рыданія, и онѣ всю ночь не выходили изъ церкви. Это были армянки,—и ихъ участіе, конечно, дѣлаетъ честь этому народу».

Всю ночь стекались жители изъ окрестныхъ селеній, и на слѣдующій день, 3 мая, когда похоронное шествіе направилось изъ города далѣе, стеченіе народа было такъ велико, что, по словамъ очевидца, трудно было повѣрить, чтобы Нахичевань могла вмѣстить въ себѣ такое огромное населеніе. Народъ провожалъ покойнаго до второго источника по эриванской дорогѣ. Здѣсь отслужена была послѣдняя литія, гробъ сняли съ колесницы, и повезли дальше уже на простой рузинской арбѣ, такъ какъ горная дорога не допускала торжественнаго шествія. Поручикъ Макаровъ съ нѣсколькими солдатами Тифлисскаго полка назначенъ былъ сопровождать гробъ до Тифлиса.

Въ этой печальной обстановкѣ прахъ Грибоѣдова и былъ встрѣченъ около Гергеръ, на Безобдалѣ, А. С. Пушкинымъ. «Два вола, — разсказываетъ онъ въ своемъ Путешествіи въ Арзерумъ», — впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — «Что везете?» — Гри-

боѣда. — Это было тѣло Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ».

Карантины на эриванской дорогѣ замедлили прибытіе тѣла Грибоѣдова въ Тифлисъ до послѣднихъ чиселъ іюня мѣсяца. Съ того времени и по 18 іюля, день, назначенный для погребенія, оно простояло также въ карантинѣ, въ трехъ верстахъ отъ города. Наканунѣ, поздно вечеромъ, тѣло перевезено было въ Тифлисъ, въ Сіонскій соборъ, съ печальною торжественностію. Дорога къ городской заставѣ шла по правому берегу Куры, а по обѣимъ сторонамъ ея тянулись виноградные сады, огороженные высокими каменными стѣнами. Ничто кругомъ не говорило о смерти, — и тѣмъ величавѣе и трогательнѣе было печальное шествіе. Сумракъ вечера, озаряемый факелами, стѣны, сплошь унизанныя плачущими грузинками, окутанными въ бѣлыя чарды, величественное, раздирающее душу пѣніе, толпы народа за колесницею, наконецъ, воспоминаніе объ ужасной кончинѣ того, кто теперь приближался къ городу на вѣчное упокоеніе въ немъ,— все это глубоко западало въ душу и терзало тѣхъ, кто зналъ и выучился любить покойнаго. Вдова, осужденная на самомъ расцвѣтѣ своей молодости испытать такое страшное горе, стояла съ семьей у городской заставы, и едва свѣтъ перваго факела возвѣстилъ о приближеніи дорогаго праха, она упала въ обморокъ, и долго, несмотря на всѣ мѣры, оставалась безъ чувствъ.

На другой день Грибоѣдова торжественно, въ присутствіи всей знати и всего населенія города, отпѣли. Экзархъ Грузіи, митрополитъ Іона, едва и самъ могшій говорить отъ рыданій, сказалъ трогательное надгробное слово. И затѣмъ, тѣло отвезли для погребенія въ монастырь Св. Давида. Все народонаселеніе города вышло на ту улицу, по которой проходила изъ Сіонскаго собора процессія, и провожало ее съ горестными чувствами къ монастырю.

Вдова Грибоѣдова осталась неутѣшною. Грибоѣдовъ имѣлъ рѣдкое, хотя и слишкомъ кратковременное, счастіе найти въ супругѣ истиннаго друга, полнаго къ нему любви и уваже-

нія. Пораженная своею незамѣнимою потерей, Нина Александровна Грибоѣдова, въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты, рѣшила остаться вѣрной своей первой любви и памяти мужа. Она представляла собою глубоко-трогательное зрѣлище человѣка, не принадлежавшаго себѣ, отдавшагося любимой идеѣ. Русскій поэтъ (Я. П. Полонскій), встрѣтившій ее на жизненномъ пути, былъ пораженъ ея душевной красотою и самоотверженною преданностью памяти геніальнаго ея мужа, и выразилъ свои чувства въ слѣдующемъ тепломъ стихотвореніи, превосходно изображающемъ ея трогательную судьбу:

I.

Не князь, красавецъ молодой,
Внукъ иверскихъ царей,
Былъ сокровенною мечтой
Ея цвѣтущихъ дней;
Не вождь грузинскихъ удальцовъ —
Гроза сосѣднихъ горъ —
Признаньемъ вынудилъ ее
Потупить ясный взоръ;
Не тамъ, гдѣ слышатъ валуны
Плескъ элазанскихъ струй,
Впервые прозвучалъ ея
Завѣтный поцѣлуй.
Нѣтъ, зацвѣла ея любовь
И разцвѣла печаль
Въ томъ жаркомъ городѣ, гдѣ намъ
Прошедшаго не жаль...
Гдѣ грезится сазандарамъ
Святая старина,
Гдѣ часто музыка слышна,
И вѣютъ знамена.

II.

Въ Тифлисѣ я ее встрѣчалъ,
Вникалъ въ ея черты...
То — тѣнь весны была, въ тѣни
Осенней красоты.

Ни весела, и не грустна,
Гдѣ бъ ни была она,
Повсюду на ея лицѣ
Царила тишина.
Ни пышный блескъ, ни рѣзвый шумъ
Полуночныхъ баловъ,
Ни барабанный бой, ни вой
Охотничьихъ роговъ,
Ни смѣхъ пустой, ни приговоръ
Коварной клеветы,—
Ничто не возмущало въ ней
Таинственной мечты;
Какъ будто слава, отразясь
На ней своимъ лучомъ,
Въ ней берегла покой души
И грезы о быломъ.
Хоть горя вѣчнаго понять
Не можетъ праздный свѣтъ,
Она не безъ улыбки шла
Къ нему на склонѣ лѣтъ;
Хоть не видна была на ней
Страданія печать,
Я не рѣшался никогда
При ней воспоминать
О томъ, кто горе отъ ума
Извѣдавъ, завѣщалъ
Ей всепрощающую скорбь
И вѣру въ идеалъ...

III.

Я помню часъ, когда вдали
Вершинъ сѣдые льды
Румянцемъ вспыхнули, и тѣнь
Съ холмовъ сошла въ сады;
Когда Метехъ съ своей скалой
Стоялъ, какъ бы въ дыму,
И уходилъ сіонскій крестъ
Въ ночную полутьму.
Она сидѣла на крыльцѣ,
Съ поникшей головой,
И, помню, кроткій взоръ ея
Увлаженъ былъ слезой.

Вотъ вспыхнулъ мѣсяцъ за горой,
Какъ лампа, въ синей мглѣ,
Но яркій лучъ ея блѣднѣлъ
На молодомъ челѣ...
Иль о недавней старинѣ
Намекъ нескромный мой
Смутилъ ея больной души
Таинственный покой,
Или воспоминанья вдругъ
Проснулись и пришли,
И сталъ къ ней близкимъ тотъ, кто былъ
Далекимъ отъ земли...
Она молчала; въ этотъ мигъ
Я скорбь ея любилъ,
И чудилось мнѣ, взоръ ея
Со мной заговорилъ:
«Поймите, я съ тѣхъ поръ, какъ онъ
Погибъ, чужда страстей.
Живу—уже не для себя,
И врядъ ли для друзей!
Поймите, посреди живыхъ
Я тѣнь его люблю!
Вы знаете... но знаютъ всѣ
Исторію мою.

IV.

«Онъ русскимъ посланъ былъ царемъ,
Въ Иранъ держалъ свой путь
И на пути заѣхалъ къ намъ
Душою отдохнуть.
Желанный гость, онъ принятъ былъ
Какъ другъ моимъ отцомъ;
Не въ первый разъ входилъ онъ къ намъ
Въ гостепріимный домъ.
Но не былъ веселъ онъ въ тѣни
Развѣсистыхъ чинаръ,
Гдѣ на коврахъ не разъ намъ пѣлъ
Заѣзжій сазандаръ,
Гдѣ наше пѣнилось вино,
Дымился нашъ кальянъ,

И улыбалась жизнь гостямъ
Сквозь радужный туманъ.
И былъ задумчивъ онъ, когда,
Какъ бы сквозь тихій сонъ,
Пронизывался лунный свѣтъ
На темный нашъ балконъ.
Его горячая душа,
Его могучій умъ
Влачили всюду за собой
Грузъ неотвязныхъ думъ.
Напрасно Сѣверъ ледяной
Рукоплескалъ ему,—
Онъ тамъ оставилъ за собой
Бездушную зиму,
Онъ тамъ холодныя сердца
Оставилъ за собой;
Лишь я одна могла ему
Откликнуться душой.
Онъ такъ давно меня любилъ,
И такъ былъ радъ, такъ радъ,
Когда вдругъ понялъ, отчего
Туманится мой взглядъ.

V.

«И скоро передъ алтаремъ
Мы съ нимъ навѣкъ сошлись...
Казалось, праздновалъ весь міръ
И ликовалъ Тифлисъ.
Всю ночь къ намъ съ вѣтромъ долеталъ
Зурны тягучій звукъ
И мѣрный бубна стукъ и гулъ
Отъ хлопающихъ рукъ.
И не хотѣли погасать
Далекіе огни,
Когда, лампаду засвѣтивъ,
Остались мы одни.
И не хотѣла ночь унять
Далекой пляски шумъ,
Когда съ души его больной
Скатилось бремя думъ,

Чтобъ не предвидѣлъ онъ конца
Своихъ блаженныхъ дней,
При видѣ брачнаго кольца
И ласковыхъ очей.

VI.

«Но часъ насталъ: посолъ царя
Умчался въ Тегеранъ.
Прощай любви моей заря!
Палъ на сердце туманъ.
Какъ въ темнотѣ разсвѣта ждутъ,
Чтобъ страхи разогнать,
Такъ я ждала его, ждала,
Не уставала ждать!
Еще мой вѣрующій умъ
Былъ грезами повитъ,—
Какъ вдругъ... вдругъ грянула молва,
Что онъ убитъ... убитъ!
Что онъ изъ плѣна бѣдныхъ женъ
Хотѣлъ мужьямъ вернуть;
Что съ изувѣрами въ бою
Онъ палъ, пронзенный въ грудь;
Что трупъ его, кровавый трупъ,
Поруганъ былъ толпой
И что скрипучая арба
Везетъ его домой.
Всѣ эти вѣсти въ сердце мнѣ
Со всѣхъ сторонъ неслись...
Но не скрипучая арба
Везла его въ Тифлисъ.
Нѣтъ, осторожно между горъ,
Ущелій и стремнинъ
Шесть траурныхъ коней везли
Парадный балдахинъ.
Сопровождали гробъ его
Лавровые вѣнки,
И пушки жерлами назадъ,
И пики, и штыки...
Дымились факелы и гулъ
Колесъ былъ эхомъ горъ,

И память вѣчную о немъ
Пѣлъ многолюдный хоръ.
И я пошла его встрѣчать.
И весь Тифлисъ со мной
Къ заставѣ Эриванской шелъ
Растроганной толпой.
На кровляхъ плакали, когда
Безъ чувствъ упала я.
О, для чего пережила
Его любовь моя!

VII.

«И положила я его
На той скалѣ, гдѣ спитъ
Семья гробницъ, и гдѣ святой
Давидъ ихъ сторожитъ,
Гдѣ раньше, чѣмъ заглянетъ къ намъ
Въ окошки алый свѣтъ,
Заря подъ своды алтаря
Шлетъ пламенный привѣтъ;
На той скалѣ, гдѣ въ бурный часъ
Зимой, издалека
Причаливъ, плачутъ по веснѣ
Ночныя облака,
Куда весной, по четвергамъ,
Бредутъ на ранній звонъ,
Тропинкой каменной, въ чадрахъ,
Толпы грузинскихъ женъ,—
Бредутъ нерѣдко въ страшный зной,
Однѣ—просить дѣтей,
Другія воротить мольбой
Простывшихъ къ нимъ мужей,—
Тамъ въ темномъ гротѣ—мавзолей,
И—скромный даръ вдовы—
Лампадка свѣтитъ въ полутьмѣ,
Чтобъ прочитали вы
Ту надпись, и чтобъ вамъ она
Напомнила сама

Два горя: «горе отъ любви
И горе отъ ума».

Прошло двадцать восемь лѣтъ,—и подъ тѣмъ же камнемъ, гдѣ покоятся останки творца безсмертной комедіи, рядомъ съ нимъ, похоронили и супругу его. Она скончалась въ 1857 году, на 46-мъ году своей прекрасной жизни.

И нынѣ всякій русскій, проѣзжая Тифлисъ, посѣтитъ дорогую могилу, въ которой сокрыта одна изъ славъ нашей родины. На западной сторонѣ города возвышается святая гора *Мтацминда,* на которую въ прихотливыхъ зигзагахъ вьется, подобно лентѣ, узкая тропинка для пѣшеходовъ. На одномъ изъ уступовъ святой горы, на половинѣ ея высоты, виднѣется женскій монастырь св. Давида, какъ будто гнѣздо ласточки, прикрѣпленное къ скалѣ. Этотъ уголокъ, который Грибоѣдовъ называлъ «поэтической принадлежностью Тифлиса»,—прекрасенъ. Видъ съ монастырской террасы очаровательнъ: весь Тифлисъ виденъ отсюда, какъ на ладони. На востокѣ сверкаетъ быстрая Кура; за нею, вдали, синѣютъ горы благословенной Кахетіи; шумный городъ съ его полуевропейскою и полуазіятскою физіономіею далеко внизу,—вы стоите между небомъ и землею. Здѣсь, передъ величавой картиною, которая такъ нравилась Грибоѣдову, и покоится прахъ его, въ гротѣ подъ тяжелыми сводами, имѣющемъ видъ красивой часовни. Внутри грота—бронзовый памятникъ. На возвышенномъ пьедесталѣ поставлена прекрасная статуя, работы извѣстнаго художника Кампіони, изображающая женщину, склонившуюся на колѣни передъ гробовою урною у подножія креста. «Въ позѣ молящейся такъ много граціи, такъ живо выражена въ ней глубокая скорбь,—говоритъ одинъ изъ путешественниковъ: — что вы не только любуетесь ею, какъ высшимъ проявленіемъ искусства, но вы сочувствуете ей, какъ существу живому». У ногъ колѣнопреклоненной съ одной стороны крестъ и евангеліе—символы страданія и вѣры, съ другой — раскрытая книга, на корешкѣ которой короткая

надпись: «Горе отъ ума». На одной сторонѣ пьедестала барельефомъ сдѣланъ портретъ покойнаго писателя, а подъ нимъ начертано золотыми буквами:

«Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. Родился 1795 года, января 4-го. Убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30».

На другой сторонѣ пьедестала надпись: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?»

XXXVI.

Хосровъ-Мирза.

ъ одинъ изъ февральскихъ дней 1829 года, весь Тифлисъ былъ пораженъ страшною вѣстію, что русская миссія истреблена въ Тегеранѣ. Впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что никто не ожидалъ подобной катастрофы, такъ какъ отношенія между Персіей и Россіей были, повидимому, самыя дружественныя. Еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ Паскевичъ въ торжественной аудіенціи принималъ у себя персидскаго посланника Мирзу-Салеха, привезшаго ему бриллiантовый орденъ Льва и Солнца 1 степени, какъ знакъ особаго благоволенія Фетхъ-Али-Шаха. И Мирза-Салехъ, оставившій Тегеранъ среди невозмутимаго спокойствія, теперь не менѣе другихъ былъ пораженъ и удивленъ катастрофой, совершившейся среди глубокаго мира, въ столицѣ шаха, который изъ своего дворца могъ слышать шумъ, смятеніе и вопли избиваемыхъ жертвъ. Гибель посольства дружественной націи на глазахъ властей, которыя по всѣмъ международнымъ обычаямъ и законамъ обязаны были ее защищать, была такимъ событіемъ, — бѣдственныхъ по-

слѣдствій котораго никто не могъ предвидѣть. Было ясно, что оскорбительный поступокъ не могъ пройти Персіи даромъ,—достоинство Россіи требовало примѣрнаго возмездія, и новая война казалась неизбѣжною. Между тѣмъ война съ Турціей поглощала въ тотъ моментъ всѣ русскія силы и заставляла дѣйствовать по отношенію къ Персіи съ величайшею осторожностью.

Къ счастію, русское правительство должно было признать, что шахъ и его министры не были причастны къ гнусному злодѣянію, и императоръ Николай призналъ достаточнымъ для возстановленія попранныхъ правъ Россіи, чтобы шахъ, наказавъ преступниковъ, прислалъ въ Петербургъ торжественное извиненіе черезъ одного изъ принцевъ крови. Персидское правительство подчинилось этому рѣшенію, Аббасъ-Мирза приготовлялся самъ ѣхать въ Петербургъ; но императоръ Николай призналъ неудобнымъ такое долговременное отсутствіе изъ Персіи наслѣдника престола. «Постигая пагубное вліяніе коварныхъ замысловъ, которые колеблютъ спокойствіе Персіи,—писалъ къ нему государь:—Я признаю ваше присутствіе въ Тавризѣ необходимымъ для укрощенія буйства и предупрежденія происковъ, а потому приглашаю васъ не удаляться изъ вашихъ предѣловъ въ столь сомнительное время. Я почту достаточнымъ возмездіемъ оскорбленному достоинству Россійской Имперіи, когда шахъ пришлетъ торжественное извиненіе черезъ одного изъ сыновей своихъ или вашихъ, въ сопровожденіи кого-либо изъ довѣренныхъ вельможей». Выборъ палъ на Хосровъ-Мирзу, 15-ти-лѣтняго сына наслѣдника персидскаго трона.

Дружественное рѣшеніе, принятое по отношенію къ Россіи персидскимъ дворомъ, встревожило англійскую миссію. Разсказываютъ, что, узнавъ о сборахъ Хосровъ-Мирзы въ Петербургъ, Макдональдъ сказалъ, что ему въ Тавризѣ дѣлать больше нечего, и что онъ поѣдетъ въ Кирманшахъ, чтобы собрать тамъ партію въ пользу Хассанъ-Али-Мирзы противъ наслѣдника. Интриги и запугиванія англичанъ не имѣли, однако, на этотъ разъ успѣха.

2 Мая 1829 г. Хосровъ, въ сопровожденіи Мамедъ-Хана, одного изъ важнѣйшихъ сановниковъ Персіи, начальника регулярныхъ войскъ (эмиръ-низама), переѣхалъ русскую границу. У городской заставы его встрѣтилъ начальникъ корпуснаго штаба, баронъ Остенъ-Сакенъ. Принцъ пересѣлъ въ коляску и отправился прямо къ графу Паскевичу. Аудіенція была не долга. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, графъ въ открытомъ экипажѣ самъ проводилъ принца до приготовленной ему квартиры, въ домѣ военнаго губернатора, и тамъ сообщилъ ему только что полученное извѣстіе о пораженіи турокъ подъ Ахалцыхомъ.

— «Радуюсь, — сказалъ Паскевичъ: — что это событіе совпало съ днемъ вашего пріѣзда.

— Смѣю увѣрить васъ, — возразилъ на это Хосровъ-Мирза: — что въ Тавризѣ несравненно болѣе меня будутъ радоваться этой побѣдѣ.

Въ секретномъ разговорѣ съ Паскевичемъ, принцъ, между прочимъ, жаловался на интриги и недоброжелательство англійской миссіи. Макдональдъ, по его словамъ, заявлялъ открыто, что если Персія, какъ предполагалось, пойдетъ вмѣстѣ съ Россіей противъ Турціи, — то англичане пойдутъ противъ Персіи. Принцу было извѣстно также, что, когда Грибоѣдовъ ѣхалъ въ Тавризъ, англійскій посолъ, опасаясь его вліянія на тегеранскій дворъ, писалъ о томъ Остъ-Индской компаніи, и та отвѣчала ему, что сокровища ея открыты для сохраненія «какими бы то ни было средствами» могущества Англіи и Персіи. Французъ Семино, бывшій въ свитѣ принца, говорилъ, что онъ не ручается даже, чтобы англичане не покусились на жизнь самого Аббаса-Мирзы. Хосровъ просилъ Паскевича только ничего не разглашать объ этихъ событіяхъ для спокойствія своего отца.

Паскевичъ сообщилъ обо всемъ графу Нессельроде. А между тѣмъ военныя дѣйствія въ Турціи уже начинались, и Паскевичъ отправился въ армію, не ожидая отъѣзда персидскаго посольства, оставшагося въ Тифлисѣ еще на нѣсколько дней, чтобы осмотрѣть достопримѣчательности города. Въ

день своего выѣзда принцъ сдѣлалъ прощальный визитъ графинѣ Паскевичъ и поднесъ ей двѣ прекрасныя шали, а сыну ея—полное собраніе сочиненій персидскаго поэта Саади. Самому Паскевичу еще ранѣе этого былъ отправленъ въ подарокъ отъ принца прекрасный жеребецъ чистой арабской крови.

23-го мая посольство выѣхало, наконецъ, изъ Тифлиса. Погода стояла пасмурная, дождь, начавшійся съ утра, обратился въ ливень и продолжался до вечера — примѣта, по повѣрьямъ персіянъ, хорошая. Ровно въ 6 часовъ пополудни, Хосровъ-Мирза сѣлъ въ экипажъ,—и поѣздъ тронулся. Принца сопровождало болѣе 40 человѣкъ свиты; а съ русской стороны назначенъ былъ состоять при немъ генералъ-маіоръ Ренненкампфъ, въ распоряженіи котораго находились и 12 конвойныхъ казаковъ.

Несмотря на доброе предзнаменованіе, подъ которымъ началось путешествіе, переѣздъ черезъ Кавказскія горы по военно-грузинской дорогѣ совершился не безъ приключеній. Въ тѣснинѣ между Дарьяломъ и Ларсомъ, на поѣздъ едва не напала партія горцевъ, внезапно спустившаяся съ горъ Осетіи. Казаки, сопровождавшіе посольство, завязали перестрѣлку, — осетины отступили. Но страхъ, обуявшій персіянъ при этомъ нападеніи, былъ такъ великъ, что по разсказу Ренненкампфа, они не разбѣжались только потому, что ихъ собственные вьюки загромождали ущелье, и бѣжать было некуда. Самъ принцъ при первыхъ выстрѣлахъ вышелъ изъ экипажа и пересѣлъ на коня. Русскіе удивились его отвагѣ; но дѣло въ томъ, что молодой азіятецъ, не привыкшій къ каретѣ, могъ видѣть въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Отъ Владикавказа поѣздъ сопровождался уже постояннымъ конвоемъ, перемѣнявшимся на Линіи въ каждой казачьей станицѣ. Выѣзжалъ на встрѣчу къ принцу, привѣтствовать его, и старый кабардинскій валій, Кучукъ Джанхотовъ, съ тремястами лучшихъ кабардинскихъ наѣздниковъ. Самъ командовавшій войсками на Кавказской линіи генералъ Эммануэль ожидалъ его въ Пятигорскѣ, гдѣ Хосровъ-Мирза оста-

новился на нѣсколько дней, чтобы видѣть минеральные источники. Въ память пребыванія принца въ этомъ городѣ тогда же, на вершинѣ Машука, поставленъ былъ, по приказанію Эммануэля, обелискъ, на пьедесталѣ изъ сѣраго песчаника, которымъ такъ богаты окрестности Пятигорска; на фронтонѣ столба—стихъ какого-то персидскаго поэта гласилъ: «Добрая слава, оставляемая послѣ себя, лучше золотыхъ палатъ», а подъ нимъ принцъ собственноручно начертилъ слѣдующую арабскую надпись:

«Любезный братъ! Миръ здѣшній не останется
ни для кого:
Привяжись сердцемъ къ Создателю
И не полагайся на блага мірскія;
Ибо многихъ, подобныхъ тебѣ, Онъ сотворилъ
и уничтожилъ.
Хосровъ-Мирза 1244 г.».

Къ сожалѣнію, надпись эта, при общемъ небреженіи нашемъ къ памятникамъ, мало по малу изгладилась; скоро появились, какъ и всегда, другія, уже русскія надписи, свидѣтельствовавшія только о словоохотливости досужыхъ путешественниковъ, — а еще немного, — и этотъ обелискъ постигла общая участь многихъ историческихъ памятниковъ на святой Руси — онъ былъ заброшенъ, разсыпался, — и нынѣ, какъ говорятъ, не осталось даже и слѣдовъ его.

Изъ Пятигорска дальнѣйшій путь посольства лежалъ черезъ Ставрополь, Новочеркаскъ и Воронежъ. Вездѣ, встрѣчая широкое русское гостепріимство, персіяне могли убѣдиться во-очію, какъ русскіе люди легко забываютъ обиды, даже затрогивающія ихъ національную честь и самолюбіе. Послѣ шестинедѣльнаго путешествія, 14 іюля, въ 6½ часовъ вечера, посольство добралось, наконецъ, до Коломны.

Отсюда оно должно было имѣть торжественный въѣздъ въ первопрестольную русскую столицу. Принцъ въѣзжалъ въ Москву въ богатой каретѣ, запряженной шестью лошадьми цугомъ, предшествуемый и сопровождаемый конными отрядами казаковъ и жандармовъ. На всемъ пути его слѣдованія до

Серпуховскихъ воротъ, и далѣе по Тверскому бульвару, стояли войска, отдававшія военныя почести съ музыкою и орудійною пальбою, которая прекратилась только тогда, когда высокій гость остановился наконецъ передъ домомъ графини Разумовской, гдѣ было приготовлено для него роскошное помѣщеніе. Здѣсь его ожидали почетный караулъ, городскія власти и именитое купечество, встрѣтившее его съ хлѣбомъ и солью. Сюда же, спустя короткое время, прибылъ и московскій генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, который, какъ хозяинъ города, привѣтствовалъ принца съ благополучнымъ прибытіемъ.

Едва отдохнувъ отъ пути, и никого не предупредивъ о своемъ намѣреніи, Хосровъ-Мирза отправился къ матери Грибоѣдова, чтобы выразить ей скорбь, которую причинила Персія, смерть ея сына. Растроганный до глубины души слезами несчастной матери, Хосровъ-Мирза старался утѣшить, успокоить осиротѣвшую мать, — и, какъ разсказываютъ, самъ горько плакалъ. Такой благородный поступокъ нашелъ себѣ большое сочувствіе въ обществѣ и сразу расположилъ москвичей въ пользу юнаго принца.

Нѣсколько дней, проведенныхъ посольствомъ въ Москвѣ, были посвящены осмотру ея историческихъ памятниковъ. Хосровъ-Мирза былъ вездѣ и всѣмъ интересовался. Но особенное вниманіе его обратилъ на себя хранящійся въ оружейной палатѣ матросскій костюмъ, который Петръ Великій носилъ въ Саардамѣ. Грубый матеріалъ и грубый видъ одежды поражали персіянъ, никакъ не умѣвшихъ согласовать вопіющую простоту ея съ величіемъ русскихъ вѣнценосцевъ. Однакоже, когда одинъ изъ свиты, разсматривая костюмъ, засмѣялся, Хосровъ-Мирза серьезно замѣтилъ ему:

— «Помни, что если бы Петръ не носилъ такого костюма, то русскіе не имѣли бы флота, и земля ихъ не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть».

Около 20-го іюля принцъ оставилъ Москву, а 4-го августа прибылъ въ Петербургъ, гдѣ для него былъ приготовленъ Таврическій дворецъ. Императорская фамилія жила въ то

время въ Петергофѣ, и потому пріемъ принца состоялся только 12-го августа, когда императоръ Николай возвратился въ столицу.

Въ этотъ день, въ 10 часовъ утра, генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ явился въ посольскій домъ, чтобы привѣтствовать Хосровъ-Мирзу отъ лица государя и затѣмъ пригласить его отправиться съ собою въ Зимній дворецъ. Эта поѣздка была опять церемоніальнымъ, торжественнымъ шествіемъ. Процессія открывалась дивизіономъ конно-гвардейцевъ въ ихъ парадной, рыцарской формѣ, съ распущеннымъ штандартомъ, музыкой и литаврами; далѣе, въ предшествіи дворцовыхъ служителей, тянулся длинный рядъ придворныхъ экипажей, и уже за ними ѣхала посольская карета, окруженная царскимъ конвоемъ; дивизіонъ кавалергардовъ замыкалъ процессію. Всѣ улицы, по которымъ проѣзжалъ принцъ, были запружены народомъ, окна и балконы домовъ украшены коврами, фестонами и разноцвѣтными флагами.

Императоръ Николай принялъ принца въ Георгіевской залѣ, стоя у ступеней императорскаго трона. По обѣ стороны его стояли: вся царская фамилія, государственный канцлеръ графъ Нессельроде, государственный совѣтъ, сенатъ, главный штабъ, дипломатическій корпусъ, генералитетъ и всѣ офицеры гвардіи; въ сосѣднихъ комнатахъ размѣстились армейскіе штабъ и оберъ-офицеры, всѣ лица, имѣвшія пріѣздъ ко двору, и именитое купечество.

Хосровъ-Мирза самъ несъ шахскую грамоту и, приблизившись къ императору на нѣсколько шаговъ, сдѣлалъ глубокій поклонъ и произнесъ отъ лица персидскаго монарха слѣдующую извинительную рѣчь:

«Могущественнѣйшій Государь Императоръ!

«Спокойствіе Персіи и священный союзъ, существующій между Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и великимъ обладателемъ Ирана, моимъ повелителемъ и дѣдомъ, были противны духу зла. Онъ воздвигъ въ Тегеранѣ толпу неистовую, совершившую неслыханное злодѣяніе, жертвою котораго сдѣлалась россійская миссія. Такое злополучное про-

исшествіе покрыло глубокимъ мракомъ скорби весь нашъ домъ и всѣхъ его вѣрноподданныхъ. Ужаснулось праведное сердце Фетхъ-Али-Шаха при мысли, что горсть злодѣевъ можетъ привести къ разрыву мира и союза между его высочествомъ и великимъ монархомъ Россіи.

«Онъ повелѣлъ мнѣ, внуку своему, поспѣшить въ столицу Вашей державы. Онъ увѣренъ, что гласъ мой, гласъ правды, обратитъ на себя милостивое вниманіе Вашего Императорскаго Величества и содѣлаетъ дружбу между двумя величайшими и могущественнѣйшими государями міра — незыблемою.

«Мнѣ поручено именемъ могущественнаго моего повелителя просить о семъ Васъ, великій Государь! Предайте вѣчному забвенію происшествіе, оскорбившее равно дворъ россійскій, какъ и дворъ персидскій. Пусть познаетъ вселенная, что и при самомъ ужасномъ случаѣ, два мудрые монарха откровенно объяснились, и всѣ недоумѣнія, всѣ подозрѣнія — исчезли, всему положенъ конецъ вожделѣнный».

Затѣмъ началось чтеніе шахской грамоты, которую императоръ принялъ изъ рукъ Хосрова-Мирзы и передалъ графу Нессельроде.

Шахъ выражалъ живѣйшую горесть по поводу случившагося печальнаго событія, говорилъ, что правительство персидское передъ правительствомъ русскимъ «покрыто пылью стыда» и что лишь «струя извиненія можетъ омыть лицо его». «Отъ обширнаго ума великаго нашего благопріятеля, украшающаго вселенную, — писалъ шахъ: — зависѣть будетъ принять милостиво или отринуть извиненіе. Грамота окончилась даже стихами Саади.

«Пришла пора опять скрѣпить
Союзъ пріязни снисхожденьемъ —
И все минувшее затмить
Благотворительнымъ забвеньемъ»...

Положивъ грамоту на нарочно приготовленный для нея столъ, графъ Нессельроде отвѣтилъ принцу отъ лица императора, слѣдующею рѣчью:

«Его Императорское Величество повелѣваетъ мнѣ увѣрить

ваше высочество въ томъ совершенномъ удовольствіи, съ какимъ онъ внималъ объясненіямъ вашимъ и изъявленію праведнаго сѣтованія отъ лица вашего государя. Движимый чувствами великодушными, его величество, шахъ, не могъ, конечно, безъ ужаса взирать на злодѣйство, имѣвшее цѣлью расторгнуть дружественныя связи между двумя державами, еще недавно примирившимися. Посольство ваше долженствуетъ разсѣять всякую тѣнь, которая могла бы помрачить взаимныя сношенія Россіи съ Персіею послѣ происшествія столь плачевнаго.

«Да будетъ увѣреніе это принесено вами его величеству, шаху. Да будетъ онъ убѣжденъ въ непоколебимой волѣ Его Императорскаго Величества хранить миръ и утверждать узы дружбы, возобновленныя въ Туркменчаѣ.

«Избраніе вашего высочества для этихъ объясненій весьма пріятно Государю Императору. Въ этомъ вы благоволите удостовѣриться тѣми чувствами, которыя выражены мною отъ имени Всемилостивѣйшаго моего Государя».

По окончаніи рѣчи, императоръ подалъ руку Хосровъ-Мирзѣ и сказалъ ему:

«Я предаю вѣчному забвенію злополучное тегеранское происшествіе».

На слѣдующій день Хосровъ-Мирза имѣлъ частную аудіенцію у государя, въ Елагинскомъ дворцѣ, на которой онъ просилъ о сложеніи съ Персіи оставшихся неуплаченными двухъ куруровъ контрибуціи. Ему отвѣчали черезъ министерство, что Россія, послѣ тегеранскаго событія, и безъ того показала довольно умѣренности, чтобы теперь, когда объясненія по этому обстоятельству едва приведены къ благополучному концу, думать о новыхъ снисхожденіяхъ.

Между тѣмъ изъ Персіи получены были письма князя Долгорукова, находившагося тамъ для временныхъ сношеній съ тегеранскимъ дворомъ, и императоръ Николай съ удовольствіемъ узналъ изъ нихъ о мѣрахъ, принятыхъ въ Тегеранѣ для наказанія всѣхъ, участвовавшихъ въ истребленіи посольства. Желая выразить свою признательность и уничто-

жить немедленно всѣ опасенія, какія могли еще существовать въ умѣ персіянъ на счетъ видовъ русскаго правительства, — государь подарилъ Персіи одинъ куруръ, а уплату другого отсрочилъ еще на пять лѣтъ.

Такимъ образомъ, миссія Хосровъ-Мирзы увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Два мѣсяца прожилъ онъ въ Петербургѣ, окруженный утонченнымъ вниманіемъ самого государя и высшаго общества, которое его баловало, привлекаемое къ нему и его умомъ, и наружностью. «Это былъ, дѣйствительно, красивый юноша, — говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ А. Д. Блудовъ: — съ такими большими прекрасными черными глазами, что я помню ихъ и понынѣ, черезъ 46 лѣтъ времени».

Старожилы Москвы и Петербурга долго не забывали прекраснаго юношу, пріѣзжавшаго смыть пятно, павшее на Персію. Не многіе изъ русскаго общества могли предвидѣть тогда грустную судьбу, которая должна была постигнуть его на родинѣ. Еще менѣе могъ кто-либо предвидѣть, что эта печальная будущность, грозившая ему, сложится, благодаря отчасти именно этимъ симпатіямъ къ нему со стороны русскаго общества. А между тѣмъ, дѣйствительно, расположеніе русскаго государя и высшаго петербургскаго общества не могло не оставить въ юномъ умѣ персидскаго принца глубокаго впечатлѣнія, и есть основаніе думать, что именно это-то обстоятельство и было настоящею причиною неосновательныхъ разсчетовъ его на Россію, которыми онъ обусловилъ образъ своихъ дѣйствій, подготовившій ему безповоротное и грустное паденіе.

Прощальная аудіенція дана была принцу 6-го октября и сопровождалась новыми милостями со стороны императора. Подарковъ посольству роздано было болѣе, чѣмъ на 89 тысячъ. Самому Хосровъ-Мирзѣ пожалованъ былъ отъ императора бриллiантовый орелъ для ношенія на шеѣ, на голубой лентѣ, и бриллiантовое же перо съ изумрудами; эмиръ-низаму—богатый кинжалъ и орденъ Бѣлаго Орла; всѣмъ остальнымъ членамъ посольства — драгоцѣнные перстни.

Вполнѣ счастливый, со свѣтлыми надеждами на будущее, оставилъ Хосровъ-Мирза Петербургъ 18 октября 1829 года, и ровно черезъ три мѣсяца пріѣхалъ въ Тифлисъ. Обратный путь его въ Персію лежалъ черезъ Карабагъ. Мусульманскій край, еще недавно пережившій смутное время персидскаго вторженія, теперь встрѣтилъ и проводилъ принца горячими оваціями. Уже за цѣлый мѣсяцъ до пріѣзда его, весь Карабагъ хлопоталъ надъ приготовленіемъ торжественной встрѣчи возвращающемуся принцу; собирались стада барановъ и куръ, беки рыскали за джейранами. Изъ Шекинской и Ширванской провинцій съѣзжались агалары въ нарядныхъ чохахъ, съ богатымъ оружіемъ, на лихихъ, роскошно убранныхъ коняхъ. Батальонъ 41 егерскаго полка, съ военно-окружнымъ начальникомъ мусульманскихъ провинцій генераломъ Абхазовымъ, расположился на рѣкѣ Тертерѣ; карабагскій комендантъ съ татарскою конницею ожидалъ принца на самой границѣ бывшаго Ганжинскаго ханства. Здѣсь, среди обширной степи, подъ склономъ высокихъ горъ, составляющихъ лѣтнее убѣжище нѣкоторыхъ кочевокъ карабагцевъ; близъ небольшого дубоваго лѣсочка, разставлены были 60 алачугъ, и между ними огромный бѣлый шатеръ для самого принца.

При этой встрѣчѣ съ своими единовѣрцами, принцу, еще слишкомъ молодому и неопытному, приходилось обдумать каждый свой шагъ, чтобы не подать поводъ къ какимъ-нибудь превратнымъ толкованіямъ своего поведенія, чтобы не оскорбить никого и въ то же время удержаться вдали отъ излишняго, быть можетъ, усердія мусульманскихъ бековъ, еще такъ недавно и такъ легко измѣнившихъ Россіи. И нужно отдать принцу полную справедливость: онъ держалъ себя въ высшей степени осторожно и тактично.

Вотъ какъ описываетъ эту встрѣчу одинъ изъ очевидцевъ: «Пока его высочество тѣшился дорогою стрѣляніемъ птицъ и ястребиною охотою, свита принца въ длиннополыхъ кафтанахъ, со множествомъ катеровъ, тяжело навьюченныхъ, уже была на мѣстѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ прибыли генералъ-маіоръ Ренненкампфъ, съ нѣкоторыми почетнѣйшими

лицами посольства. Мирза-Садыхъ, приводя въ изумленіе слушателей, тотчасъ принялся разсказывать всѣмъ о Россіи — какъ вдругъ показалась толпа всадниковъ. Хосровъ-Мирза гялиръ! — закричали татары и всѣ опрометью бросились изъ шатра. Я послѣдовалъ за ними. Наши татарскіе беки въ нарядной одеждѣ, на лихихъ, богато убранныхъ коняхъ, неслись рысью за комендантомъ; за ними слѣдовалъ дормезъ, въ которомъ ѣхалъ Хосровъ-Мирза, и другой, въ которомъ сидѣлъ эмиръ-низамъ. Дормезъ остановился передъ палаткою, и принцъ, проворно выпрыгнувъ изъ экипажа, вошелъ въ нее. Мы всѣ послѣдовали за нимъ. Его высочество сказалъ генералу нѣсколько словъ по-французски и потомъ объявилъ, что усталъ и желаетъ отдохнуть. Мы откланялись и вышли изъ палатки. На другой день принцъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, отправился въ дальнѣйшій путь».

Въ концѣ февраля 1830 года Хосровъ-Мирза прибылъ въ Тегеранъ и былъ благосклонно принятъ самимъ Фетхъ-Али-Шахомъ, которому и вручилъ отвѣтную грамоту русскаго императора.

«Мнѣ пріятно,—писалъ въ ней государь:—что Хосровъ-Мирза былъ избранъ вашимъ величествомъ для укрѣпленія союза Персіи съ Россіей. Похвальныя качества его, въ непродолжительное пребываніе въ Россіи, пріобрѣли ему не токмо Мое благоволеніе, но и любовь всеобщую. Я поздравляю васъ, державный государь, со внукомъ, подающимъ блестящія надежды: онъ явился здѣсь достойнымъ сыномъ любимаго вами наслѣдника вашего. Въ заключеніе Я долгомъ считаю поручить Хосровъ-Мирзу особенному вниманію и милостямъ вашего величества.

Расположеніе и вниманіе, которыми императоръ Николай отличилъ молодого принца, хорошо были извѣстны въ Персіи и на первыхъ порахъ поставили его въ глазахъ народа чрезвычайно высоко. Къ этому прибавились военныя отличія, оказанныя принцемъ въ Хороссанской экспедиціи, въ началѣ 1831 года, когда Аббасъ-Мирза предпринялъ походъ въ вос-

точныя провинціи Персіи, «чтобы стереть—какъ онъ писалъ къ государю:—нечистый прахъ мятежа съ лица того края». Хосровъ-Мирза, двигавшійся къ нему на соединеніе черезъ Систанскія степи, съ горстію своихъ людей разбилъ текинскую конницу и, вообще, оказалъ такія услуги шахскому правительству и самому Аббасъ-Мирзѣ, что былъ сдѣланъ самостоятельнымъ начальникомъ города Акъ-Дербента.

Такъ жизнь Хосрова складывалась сначала необыкновенно счастливо, обѣщая ему долгіе годы славныхъ дѣяній. Но люди Востока рѣдко умѣютъ удержаться въ предѣлахъ благоразумія. Въ принцѣ мало по малу возникали честолюбивыя стремленія, а слухи о томъ, будто бы Аббасъ-Мирза готовится сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ, помимо старшихъ сыновей, окончательно вскружили ему голову надеждами, которымъ никогда не суждено было сбыться. Подъ обаяніемъ этихъ надеждъ принцъ сдѣлался заносчивъ и надмененъ даже съ родными братьями. Послѣдніе, конечно, не остались въ долгу и противъ Хосрова образовалась цѣлая враждебная лига, во главѣ которой сталъ Мамедъ-Мирза, старшій братъ, боявшійся потерять черезъ него шахскій престолъ, который онъ долженъ былъ наслѣдовать по праву рожденія.

Хосровъ отлично понималъ опасную игру, которую затѣялъ съ такимъ легкомысліемъ. Но, заручившись расположеніемъ къ себѣ каймакама, Мирзы-Абуль-Касима, человѣка всемогущаго, передъ которымъ дрожала цѣлая Персія, онъ мало обращалъ вниманія на подпольныя интриги, которыми его старались опутать. И уже одна эта безпечность едва не погубила Хосрова.

Однажды, проѣзжая черезъ г. Себзеваръ, находившійся подъ управленіемъ Мамедъ-Мирзы, онъ былъ задержанъ и подвергнутъ, по приказанію послѣдняго, строжайшему надзору; четыреста конныхъ туркменъ были приставлены къ принцу, чтобы слѣдить за каждымъ его шагомъ, а для большей безопасности распорядились даже секретно расковать его любимую лошадь, не имѣвшую себѣ подобной въ цѣломъ улусѣ. Глубоко оскорбленный принцъ рѣшился бѣжать и ждалъ для этого только

удобный моментъ. Покорностью и лаской ему удалось усыпать бдительность своихъ сторожей, и разъ, во время прогулки, воспользовавшись тѣмъ, что конвой ѣхалъ довольно безпечно, онъ отдѣлился впередъ и вдругъ пустился скакать по тегеранской дорогѣ... Поздно понялъ конвой, что это настоящее бѣгство. Четыреста человѣкъ понеслись въ погоню, но конь Хосрова скакалъ быстрѣе стрѣлы,—и туркмены «не достигли, по выраженію персіянъ, даже взвившейся пыли, которая укрыла за собою уносившагося всадника».

Въ Тегеранѣ Хосрова ожидали, однако, недобрыя вѣсти: въ столицѣ носились слухи о тяжкой болѣзни его отца, который на пути къ Герату заболѣлъ водяною болѣзнію и былъ безнадеженъ. Аббасъ-Мирза, дѣйствительно, и умеръ въ Мешедѣ 10 октября 1833 года. Извѣстіе объ этомъ какъ громомъ поразило престарѣлаго шаха. Лишившись въ Аббасъ-Мирзѣ испытаннаго помощника, онъ перенесъ все свое расположеніе на старшаго сына его, Мамедъ-Мирзу, который тотчасъ былъ вызванъ въ Тегеранъ и объявленъ наслѣдникомъ престола.

Изъ Тегерана Мамедъ-Мирза отправился въ Тавризъ, постоянную резиденцію наслѣдниковъ каджарскихъ вѣнценосцевъ; за нимъ, по приказанію шаха, послѣдовалъ и Хосровъ-Мирза. Его положеніе становилось весьма двусмысленнымъ и печальнымъ. Самъ каймакамъ, уступая обстоятельствамъ, перешелъ теперь въ лагерь его противниковъ, и, желая, какъ-нибудь угодить Мамеду, выпросилъ у шаха фирманъ, повелѣвающій слѣдить за поведеніемъ молодого принца, который будто бы, послѣ своей поѣздки въ Петербургъ, велъ безпорядочную жизнь, проигрывался въ карты и къ своему надменному характеру присоединилъ еще своевольство и неуваженіе къ дѣду. Принца обвиняли даже въ тайныхъ сношеніяхъ съ кочующими около Ардебиля племенами, и опасались, что онъ возмутитъ Адербейджанъ, съ цѣлію низложить своего соперника. Хосровъ, между тѣмъ, дѣйствительно, не хотѣлъ измѣнить своихъ отношеній къ Мамеду, и открыто избѣгалъ титуловать его «валіахадомъ», т. е. наслѣдникомъ.

Высокое положеніе, занятое старшимъ его братомъ въ государствѣ, дѣлало тѣмъ не менѣе невозможнымъ для принца несоблюденіе по отношенію къ нему этикета; въ извѣстныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ являться къ нему на поклонъ. Случилось, что съ послѣднею именно цѣлію прибылъ однажды въ Тавризъ братъ Хосрова, Джехангиръ-Мирза, правитель Хои и Урміи, и между ними тотчасъ установились секретныя сношенія.

О чемъ говорили между собою братья, остается неизвѣстнымъ. Но каймакамъ, изъ угожденія наслѣднику трона, донесъ ему, что Хосровъ и Джехангиръ замышляютъ произвести возмущеніе въ самомъ Тавризѣ. Мамедъ-Мирза, не рѣшаясь употребить противъ нихъ открытой силы въ своей резиденціи, пригласилъ обоихъ братьевъ къ себѣ на обѣдъ, въ одинъ изъ загородныхъ садовъ Тавриза, и тамъ измѣническимъ образомъ окружилъ ихъ сарбазами. Принцы были отвезены въ Ардебиль и заключены въ темницу.

Извѣстіе объ этомъ событіи быстро дошло до Тегерана. Но шахъ, встревоженный самоуправствомъ своего наслѣдника, тотчасъ отправилъ къ нему гонца, съ приказаніемъ немедленно освободить заключенныхъ. И Мамеду оставалось только исполнить категорическое предписаніе повелителя, какъ вдругъ является новый гонецъ съ громовымъ извѣстіемъ, что Фехтъ-Али-Шаха не стало: онъ умеръ 8 октября 1834 года, въ Испагани, послѣ кратковременной болѣзни, послѣдовавшей отъ невоздержанности въ пищѣ.

Шахъ скончался на 76-мъ году своей жизни, послѣ тридцати-девятилѣтняго царствованія. Какъ государь, онъ не совершилъ ничего, что бы могло дать ему право на блестящее имя въ исторіи. Какъ человѣкъ, онъ остался памятенъ своимъ подданнымъ болѣе всего своею внѣшностью, — необычайно длинною, особенно рѣзко бросающеюся въ глаза при его небольшомъ ростѣ и сухощавости, — бородою, которая начиналась подъ самыми глазами и простиралась далеко ниже пояса. Эта борода считалась самою длинною въ Персіи, и живописцы, желая польстить «средоточію вселенной и убѣжищу

міра», увеличивали ее на портретахъ до безконечности. Памятенъ остался шахъ еще своею неимовѣрной, превосходившей всякое представленіе, скупостью. Онъ сознавался самъ, что день, въ который ему не удавалось положить хоть что-нибудь въ свой кошелекъ, почиталъ потеряннымъ, и не могъ спать. Про него разсказывали въ Персіи бездну анекдотовъ. Привычка его обращаться съ деньгами была такъ велика, что онъ по тяжести узнавалъ, сколько держитъ денегъ въ горсти, никогда не ошибаясь ни на одинъ червонецъ. Проводя большую часть своей жизни въ гаремѣ, онъ имѣлъ цѣлую тысячу женъ,—и за то оставилъ послѣ себя 935 человѣкъ сыновей и внуковъ,—потомство, ничего не обѣщавшее Персіи, кромѣ кровавыхъ раздоровъ. Таковъ былъ сошедшій въ могилу старый шахъ. И тѣмъ не менѣе, смерть его поразила всѣхъ. Въ теченіе 40-лѣтняго царствованія всѣ такъ привыкли видѣть его своимъ повелителемъ, что мысль о новомъ государѣ не могла уложиться «ни подъ одною бараньею шапкой». Извѣстіе о внезапной смерти шаха перепугало и Тавризъ и всю Персію, такъ какъ нужно было ждать, что поднимется обычная борьба за тронъ и внесетъ въ страну всѣ ужасы междоусобія.

По счастію, Мамедъ-Мирза съумѣлъ не допустить развитія интригъ и безпорядковъ. Онъ немедленно объявилъ себя шахомъ и принялъ энергическія мѣры къ подавленію возникшихъ уже было волненій. Скоро все утихло.

Новое царствованіе жестоко отозвалось на судьбѣ Хосровъ-Мирзы и его брата, и этой страшной судьбой своей они были обязаны опять интригамъ каймакама, искавшаго расположенія новаго шаха. Каймакамъ началъ съ того, что въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ представилъ шаху опасность, угрожающую Персіи въ томъ случаѣ, если бы Россія потребовала освобожденія Хосрова. И вотъ, чтобы лишить этого принца всякой возможности когда-нибудь играть политическую роль, онъ предложилъ ослѣпить его вмѣстѣ съ братомъ, и затѣмъ сослать въ одну изъ отдаленнѣйшихъ провинцій государства. Долго не соглашался шахъ на ужасную мѣру, но,

убѣжденный каймакамомъ, онъ, наконецъ, возложилъ исполненіе приговора на своего феррашъ-баши, Измаила, хана караджадагскаго.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ Хосровъ и Джехангиръ томились въ ардебильской тюрьмѣ. При полной неизвѣстности о томъ, что происходило за стѣнами ихъ мрачнаго пріюта, они тѣмъ менѣе могли что-либо знать о козняхъ противъ нихъ каймакама; да если бы и знали, то уже ничего не могли предпринять для своего спасенія. Узники жили въ глубокой тоскѣ и уныніи... А вокругъ все точно вымерло, и только крики муэдзиновъ, съ высоты минарета призывавшихъ въ урочные часы правовѣрныхъ на молитву, да оклики тюремной стражи нарушали мертвую тишину и безмолвіе. Съ трудомъ прожитый день смѣнялся безсонною ночью, которой, казалось, также не было предѣла. Надежды гасли одна за другою. И вотъ, насталъ для нихъ ужасный моментъ. Въ народѣ сохранился слѣдующій разсказъ о послѣднихъ дняхъ, проведенныхъ несчастными узниками въ темницѣ.

Однажды, въ глухую ночь, Хосровъ-Мирза, по склонности человѣка пытать будущее таинственными средствами, взялъ сочиненіе Хафиза, служащее въ Персіи оракуломъ, и на случайно раскрывшейся страницѣ прочелъ слѣдующее двоестишіе: «Лови, лови часы наслажденья, ибо не вѣченъ жемчугъ въ своей раковинѣ».

Въ глубокомъ раздумьи закрылъ принцъ книгу, а между тѣмъ часъ рѣшенія его судьбы приближался. Вотъ послышался мѣрный шорохъ. Хосровъ очнулся и вздрогнулъ. Въ комнату вошелъ Измаилъ-Ханъ и съ нимъ нѣсколько сарбазовъ. Они развернули шахскій фирманъ и прочли повелѣніе ослѣпить обоихъ братьевъ. Прежде чѣмъ принцы пришли въ себя отъ ужаса, сарбазы бросились на Хосровъ-Мирзу, повергли его на-земь, и палачъ совершилъ безчеловѣчную операцію... Та же участь постигла и Джехангира. Міръ Божій навсегда закрылся для несчастныхъ.

Освобожденные изъ заключенія, они поселены были въ Тусирганѣ, близъ Хамадана, и здѣсь безвыѣздно прожили въ

теченіе многихъ лѣтъ, вмѣстѣ съ своими семействами, въ особомъ замкѣ, отданномъ въ ихъ исключительное владѣніе. Мамедъ-Шахъ, мучимый совѣстью, всячески старался облегчить ихъ положеніе. Разсказываютъ, что Хосровъ пріѣзжалъ даже къ нему въ Тегеранъ съ какою-то просьбою, но когда объ этомъ доложили шаху, онъ отвѣчалъ: «Сдѣлайте все, что онъ потребуетъ, но, ради Бога, не показывайте мнѣ несчастнаго брата».

Если Хосровъ-Мирзѣ суждено было вынести на себѣ всю тяжесть восточнаго деспотизма, то въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ онъ навсегда оставилъ неизгладимые слѣды глубокаго къ себѣ расположенія и состраданія. Общее сочувствіе къ нему всего краснорѣчивѣе выразилось въ той радости, которая вызвала повсюду казнь каймакама, главнаго виновника его несчастія.

Интриги Мирза-Абуль-Кассима привели, въ концѣ концовъ, и его самого къ гибели. Онъ убитъ въ Тегеранѣ 14 іюня 1835 года, по повелѣнію шаха, понявшаго, наконецъ, всѣ козни опаснаго интригана. Нужно сказать, что, съ цѣлію сохранить корону Персіи въ своей линіи, Мамедъ-Ханъ объявилъ своего четырех-лѣтняго сына, Насръ-Эддина, наслѣдникомъ трона. Скоро разнеслись слухи, что каймакамъ замышляетъ нѣчто по поводу этого распоряженія шаха. Перехваченная переписка его съ нѣкоторыми преданными ему вельможами Персіи обнаружила его намѣренія и замыслы.

Къ этому присоединились жалобы всѣхъ приближенныхъ къ трону. Негодованіе шаха на нѣкоторые поступки каймакама съ нимъ самимъ — давно уже копилось въ глубинѣ души его и ожидало только случая, чтобы разразиться грозою. Теперь его участь была рѣшена. Жалобы начальниковъ войскъ, что солдатамъ не платятъ жалованья, дали шаху внѣшній предлогъ покончить съ каймакамомъ.

Шесть дней просидѣлъ каймакамъ въ заключеніи, совершенно спокойный и увѣренный, что гнѣвъ шаха пройдетъ, и что онъ скоро станетъ снова и, можетъ-быть, съ большимъ блескомъ, «шить и пороть», то-есть, правительствовать. Про-

ницательность, однакоже, на этотъ разъ обманула его. На седьмой день вошелъ въ темницу посланный отъ шаха и предъявилъ ему фирманъ, въ которомъ было сказано, что «коварные замыслы его противъ особы государя обнаружены въ полной мѣрѣ, и что за всѣ его преступленія шахъ повелѣваетъ лишить его жизни посредствомъ задушенія». Изумленный каймакамъ думалъ сначала, что его только пугаютъ; но онъ скоро убѣдился въ серьезности дѣла. Онъ затрясся всѣмъ тѣломъ, поблѣднѣлъ и закричалъ отчаяннымъ голосомъ: «Нѣтъ, ты не смѣешь душить меня!»

— Какъ не смѣю?—возразилъ исполнитель казни. А вотъ увидишь! Но я не таковъ, какъ другіе. Ты добрый человѣкъ, и я помню твои благодѣянія; слава Аллаху, я заработалъ много отъ тебя, бивши по пятамъ рабовъ Божіихъ по твоему приказанію и отбирая въ казну ихъ имѣнія. Что я за собака, чтобъ забыть всѣ твои милости! Не бойся; я не оскверню тебя мерзкою веревкою. Изъ уваженія къ твоему доброму сердцу и сану, иншаллахъ, если угодно Аллаху, мы постараемся задушить тебя руками. Ферраши!» — Три ферраша вошли въ комнату.

Они бросились на каймакама и начали давить его за горло. Отчаянное сопротивленіе его было ужасно: онъ грызъ, рвалъ, царапалъ своихъ палачей. Отвратительная борьба продолжалась съ четверть часа; но мало по малу силы начали оставлять осужденнаго, ноги его подкосились, и онъ упалъ бездыханный на каменный полъ темницы. Ферраши вышли, и начальникъ ихъ донесъ шаху объ исполненіи приговора. Черезъ нѣсколько времени, когда ферраши возвратились, чтобы убрать тѣло, они были поражены неожиданнымъ невѣроятнымъ зрѣлищемъ: каймакамъ ходилъ по комнатѣ! Завидя своихъ палачей, онъ бросился на нихъ съ неимовѣрною для старика силою, и три ферраша рѣшительно не могли ничего съ нимъ сдѣлать. Тогда они позвали на помощь товарищей, и восемь человѣкъ разложили его на полу, навалили на него кучу тюфяковъ и подушекъ, усѣлись всѣ на нихъ закурили кальяны, и два часа на этомъ страшномъ диванѣ дѣлали

кейфъ, боясь, чтобы шейтанъ-каймакамъ не ожилъ вторично. Безчеловѣчная сцена, достойная подземелій Востока!

Измѣннический умыселъ каймакама, какъ говорятъ, дѣйствительно существовалъ и состоялъ въ томъ, чтобы убить шаха, объявить для формы повелителемъ Ирана малолѣтняго наслѣдника, и царствовать подъ его именемъ; утверждаютъ даже, что онъ имѣлъ намѣреніе истребить со временемъ весь домъ Каджаровъ и сдѣлаться шахомъ.

Разсказываютъ, что, среди общаго ожесточенія противъ каймакама, нашелся одинъ человѣкъ, добромъ помянувшій всѣмъ ненавистнаго вельможу. Это былъ нѣкто Абуль-Кассимъ, котораго, какъ говорятъ, облагодѣтельствовалъ каймакамъ во дни своего величія. Узнавъ объ ужасной смерти своего благодѣтеля, Абуль-Кассимъ купилъ у палачей тѣло его и съ великою честью похоронилъ близъ деревни Шахъ-Абдуль-Азима, гдѣ и понынѣ еще видна могила каймакама, такъ печально завершившаго свои интриги.

А Хосрову-Мирзѣ предстояла долгая жизнь. Онъ пережилъ многими годами самого шаха, скончавшагося въ 1848 году, и передавшаго тронъ нынѣшнему повелителю Персіи, Насръ-Эддину,—и умеръ въ 1875 году, на 63-мъ году своей трагической жизни.

XXXVII.

Страна Арарата.

Въ указѣ правительствующему сенату, данномъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ по поводу заключенія мира съ Персіею, сказано:

«Силою трактата, съ Персіею заключеннаго, присоединенныя къ Россіи отъ Персіи ханство Эриванское и ханство Нахичеванское повелѣваемъ во всѣхъ дѣлахъ именовать отнынѣ *Областью Армянскою* и включить оную въ титулъ нашъ».

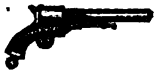
Это было возстановленіемъ и призывомъ къ новой жизни древняго народа, пронесшаго черезъ вѣка бѣдствій и гнета свою духовную самобытность. Великій результатъ персидской войны 1826—1828 гг. былъ только осуществленіемъ великой мысли славнаго Преобразователя Россіи, съумѣвшаго, рядомъ съ уваженіемъ къ европейскому просвѣщенію, сохранить глубокое пониманіе оригинальнаго характера и пользъ русскаго народа, — и давшаго на цѣлые вѣка программу политическихъ дѣяній для своего великаго государства. Возстановленіе правъ армянскаго народа распростра-

нялось не на тѣ только области, которыя становились подъ защиту единовѣрнаго царства. Русскій царь, принявъ титулъ царя Армянскаго, съ тѣмъ вмѣстѣ поднималъ на свои царственныя рамена великій подвигъ защиты и тѣхъ армянъ, которые оставались еще во власти мусульманскихъ государствъ. Европейскія державы, уже въ силу политическаго соревнованія, присоединились къ защитѣ священныхъ правъ вѣры и свободы армянскаго народа, и съ тѣхъ поръ въ договоры съ Турціей постоянно включаютъ направленныя къ тому обязательства.

Такимъ образомъ, съ возстановленіемъ области Армянской, заря будущаго занялась и для всего армянскаго народа, который, храня сознаніе невозможности борьбы немногочисленному племени съ сильными мусульманскими царствами, давно уже стремился слить свое существованіе съ государственной жизнью одной изъ христіанскихъ націй, могущей оградить его драгоцѣнные интересы.

Но чтобы въ полной мѣрѣ понимать все историческое величіе подвига Россіи, нужно знать, какой же это народъ призывался теперь къ новому существованію, нужно вспомнить его исторію, длинный рядъ вѣковъ борьбы и тяжкихъ испытаній, въ которыхъ устояли не многія племена, и изъ которыхъ армянскій народъ умѣлъ выйти безъ громкихъ побѣдъ, но съ полнымъ торжествомъ, не давъ стереть свою духовную особность.

Нижеслѣдующее изложеніе не претендуетъ дать исторію Армянской страны; оно имѣетъ цѣлію только очертить нравственный обликъ армянскаго народа, какимъ онъ выражается не въ однихъ историческихъ событіяхъ, а и въ его легендарныхъ представленіяхъ.



XXXVIII.

Древняя Арменія.

«И ста ковчегъ на горахъ Араратскихъ»

На обширномъ плоскогорьѣ, простирающемся отъ Каспійскаго моря, отъ устьевъ Куры и Аракса до древней Каппадокіи, и отъ Грузіи до древней Мессопотаміи — съ стародавнихъ временъ обитало особое племя индо-германскаго корня, извѣстное подъ именемъ Армянскаго.

Въ средоточіи этой земли возвышается священная гора Араратъ, налагающая на всю страну религіозно-мистическій колоритъ, какъ на вторую колыбель человѣческаго рода. Величавая гора, на которой «сѣде ковчегъ» Ноевъ, стала для обитателей страны вѣчнымъ свидѣтельствомъ присутствія Верховнаго Существа еще въ тѣ времена, когда Арменія не знала истиннаго Бога. Отъ обманчивой игры солнечныхъ лучей, отражаемыхъ ею, она кажется близкой повсюду въ

Арменіи, и всегда служила для жителей ея какъ бы соединяющею святыней. Рѣдко взоръ достигаетъ до вершины Арарата, закутанной почти всегда въ облакахъ и составляющей яркій контрастъ съ вѣчно яснымъ куполомъ неба. Араратъ какъ бы привлекаетъ къ себѣ облака, — онъ жилище вѣчныхъ бурь и грозъ; каждый почти день природа представляетъ собою здѣсь бурную воздушную область, и по мрачной завѣсѣ облаковъ то извиваются быстрыя молніи, то мелькаетъ величественная радуга. «Тутъ — говоритъ одинъ историкъ: — душа воспламеняется восторгомъ, и мысль дополняетъ то, что укрывается отъ взоровъ».

Четыре величавыя рѣки орошаютъ страну. Кура отграничиваетъ ее отъ древней Иверіи и Албаніи; всѣмъ своимъ протяженіемъ лежитъ въ ней величавый Араксъ; Тигръ — течетъ своими верховьями, и Ефратъ отдѣляетъ ее отъ древней Каппадокіи.

Мало есть странъ земныхъ, гдѣ бы на такомъ тѣсномъ пространствѣ встрѣчались столь разительныя противоположности природы. Здѣсь соединились всѣ климаты земного шара, отъ знойнаго до полярнаго. Сосновые и дубовые лѣса Месопотаміи соприкасаются здѣсь съ лимонными и пальмовыми. Левъ аравійскій ревомъ своимъ нѣкогда отвѣчалъ здѣсь на вой волка горъ Таврскихъ. Въ низменныхъ равнинахъ Арменіи — долгое лѣто и тропическія жары; въ горахъ ея — вѣчные льды, стужа, зима, продолжающаяся двѣ трети года. Глубокіе снѣга и ураганы не разъ даже спасали страну отъ сильныхъ враговъ ея. Такъ Ксенофонтъ, описывая знаменитое отступленіе десяти тысячъ грековъ, разсказываетъ о неимовѣрныхъ трудностяхъ, встрѣченныхъ войсками его около истоковъ Ефрата.

Исторія застаетъ армянское племя на довольно высокой степени умственнаго и политическаго развитія. Страна управляется царями, то самостоятельными, то подпадающими подъ власть суровыхъ завоевателей, наводнявшихъ кровію весь азіятскій западъ отъ Малой Азіи и горъ Кавказа до береговъ Ганга и недосягаемыхъ снѣговъ Гималая. Царство распа-

дается на множество почти самостоятельныхъ удѣловъ (нахарарствъ)—наслѣдственную принадлежность извѣстныхъ родовъ; нахарары составляли главнѣйшую внутреннюю силу Арменіи, не разъ ограничивавшую власть царей, и въ рукахъ ихъ были судъ и казни, подати и сборъ войскъ.

Съ древнѣйшихъ временъ Арменія славилась и развитіемъ своей торговли. Занимая мѣсто на переходѣ изъ Азіи въ Европу, и отъ цивилизованныхъ странъ Малой Азіи къ дикой Скиѳіи,—она самымъ положеніемъ своимъ какъ бы предназначалась для торговыхъ сношеній.

Такою застаютъ Арменію историческіе народы Азіи. Происхожденіе общественнаго устройства и быта ея коренится въ народномъ характерѣ армянъ, но еще болѣе въ ихъ вѣковой исторіи, легендарное начало которой восходитъ къ той эпохѣ, до которой только могла достигнуть память человѣчества.

Народъ Араратской страны никогда не называлъ ее Арменіей,—это имя дали ей другіе народы. Греки, всюду видѣвшіе себя, производили это названіе отъ аргонавта Арменоса, который будто бы основалъ близъ Арарата колонію и далъ свое имя странѣ и населившему ее народу; другіе производили имя Арменіи отъ одного изъ героическихъ царей ея, Арама. Священная библія знаетъ Арменію только подъ именемъ страны Араратской, и лишь въ позднѣйшихъ переводахъ ея это выраженіе замѣняется иногда именемъ Арменіи; а сосѣдняя Грузія зоветъ страну просто Самхетіею, что значитъ «страна, лежащая на югъ».

Сами себя армяне называютъ Гаи, по имени легендарнаго Гайка, родоначальника народа и основателя династіи, господствовавшей до временъ Александра Македонскаго. Этимъ Гайкомъ и начинается легендарная исторія Арменіи.

Гайканскія преданія, прошедшія чрезъ вліяніе христіанскихъ представленій, называютъ Гайка праправнукомъ Іафета, и такимъ образомъ начинаютъ исторію Арменіи Ноемъ,—первымъ человѣкомъ послѣ потопа. Но въ армянскомъ народѣ и до христіанской эпохи должно было существовать такое же представленіе о происхожденіи Гайка. Ему не могло

быть неизвѣстно халдейское преданіе о потопѣ, разсказанное въ эпосѣ Издубара, о которомъ знали всѣ окружающіе народы, и которое армянскій народъ въ христіанское время долженъ былъ забыть, сливъ его съ сказаніемъ о Ноѣ. Эта халдейская легенда, имѣющая огромное сходство съ библейскимъ повѣствованіемъ, разсказываетъ, что во второмъ поколѣніи людей жилъ одинъ справедливый и богобоязненный мужъ, по имени Хасисуадръ, по-гречески Ксизустръ. Богъ, раздраженный нечестіемъ міра, извѣстилъ его, что родъ людской погибнетъ отъ потопа. Онъ повелѣлъ ему записать начало, исторію и конецъ всѣхъ вещей земныхъ по порядку, и скрыть эту лѣтопись въ одномъ древнемъ городѣ, лежащемъ въ полуденной странѣ; потомъ построить себѣ ковчегъ, и, введя въ него животныхъ и птицъ, запереться въ немъ съ своимъ семействомъ и съ друзьями. Праведный Ксизустръ въ точности исполнилъ повелѣніе Божіе. И вотъ, земля была поглощена водою, уничтожившею всѣхъ людей и все, что жило съ ними. Когда потопъ кончился, Ксизустръ вышелъ изъ ковчега съ дочерью и кормчимъ — и всѣ трое исчезли. Тогда невидимый голосъ сказалъ оставшимся въ ковчегѣ, что Ксизустръ и спутники его возведены на чреду боговъ, и повелѣлъ имъ идти въ южную землю, гдѣ была скрыта лѣтопись.

Нужно думать, что легенда о Гайкѣ стояла въ томъ самомъ отношеніи къ сказанію о Ксизустрѣ, въ какомъ, впослѣдствіи, она была поставлена къ повѣствованію о Ноѣ, что Гайкъ считался и древними армянами праправнукомъ человѣка, спасшагося во времена потопа.

Исторія Гайка принадлежитъ къ тѣмъ легендарнымъ повѣствованіямъ, которыми начинается исторія всѣхъ народовъ. По армянскому сказанію, онъ жилъ сначала въ Мессопотаміи, куда, какъ выше сказано, и посланы были потомки Ксизустра голосомъ съ неба. Когда онъ былъ въ Вавилонѣ, тамъ царствовалъ Бэлъ Титанидъ, въ лицѣ котораго хотятъ видѣть Немврода, исполина и «великаго ловца передъ Господомъ». Преданіе заставляетъ Гайка строить вмѣстѣ съ Немвродомъ великую башню, чтобы избѣжать новаго гнѣва Божія,

потомъ ссоритъ его съ нимъ изъ за деспотическихъ стремленій исполина — и, наконецъ, уводитъ его въ страну Арарата.

Гайкъ основалъ свое мѣстопребываніе въ нынѣшнемъ Ванскомъ пашалыкѣ,—тогда области Васпураканъ.

Между Немвродомъ и Гайкомъ возникаетъ война.

Разсказъ о ней, занесенный въ армянскія лѣтописи, носитъ на себѣ характеръ глубокой древности, отличаясь въ то же время необыкновенною вѣрностію народному и мѣстному колориту.

Бэлъ—говоритъ преданіе:—не могъ примириться съ независимымъ отъ него существованіемъ царства Гайкановъ и отправилъ одного изъ своихъ сыновей съ предложеніемъ Гайку признать его владычество. «Ты поселился—велѣлъ онъ сказать ему: — среди холодныхъ ледниковъ. Согрѣй, смягчи холодъ оцѣпенѣлаго, гордаго твоего нрава и, покорившись мнѣ, живи, гдѣ тебѣ угодно». Но Гайкъ отослалъ пословъ назадъ съ суровымъ отвѣтомъ.

Гордый титанъ двинулся къ предѣламъ Араратской земли.

Враги встрѣтились у озера Вана, на полуденной сторонѣ его. Гайкъ, воодушевляя свои войска, говорилъ: «Друзья! не страшитесь исполиновъ, двинемся единодушно, и дружнымъ мужествомъ сокрушимъ дерзновенныхъ. Врывайтесь туда, гдѣ въ толпѣ храбрыхъ увидите Бэла. Быстрота дастъ намъ побѣду. Но если порывъ нашъ не поколеблетъ тирана — умремъ, но рабами исполиновъ не будемъ!» Крикъ: «умремъ или побѣдимъ»—отвѣчалъ ему.

«Какъ бурный потокъ низвергается съ крутыхъ высотъ, такъ быстро стремятся войска Титанида къ озеру Вану». Осторожный Гайкъ, построивъ свои дружины, поднялся самъ на высокую гору, чтобы обозрѣть станъ непріятельскій, и увидѣлъ, что Бэлъ, съ полкомъ своихъ исполиновъ, стоялъ на крутомъ холмѣ, вдали отъ остальныхъ своихъ войскъ, разсѣянныхъ по полю. Гайкъ поспѣшилъ воспользоваться выгодами раздѣленія непріятельскихъ силъ. Онъ приказалъ сыну своему Арменаку и внуку Кадму ворваться въ промежутокъ между двумя непріятельскими станами, чтобы

не дать имъ соединиться, а самъ повелъ колонну своихъ исполиновъ противъ царя ассирійскаго.

Бэлъ, въ желѣзномъ шлемѣ, въ мѣдныхъ доскахъ, защищавшихъ его грудь и плечи, съ обоюдуострымъ мечемъ, гордо стоялъ, облокотясь на щитъ, и смотрѣлъ на наступавшихъ враговъ. Видя ихъ приближеніе, онъ быстро спустился съ холма на встрѣчу Гайку. Задрожала земля отъ столкновенія исполиновъ, и долго побѣда не хотѣла склониться ни на ту, ни на другую сторону. Но вотъ, Кадмъ и Арменакъ, отрѣзавъ Бэла отъ массы его войскъ, нападаютъ на него сбоку. Тогда, въ недоумѣніи и страхѣ, онъ спѣшитъ отступить на тотъ холмъ, гдѣ онъ стоялъ прежде. Но «луконосецъ» Гайкъ натягиваетъ свой упругій, широкій трехъаршинный лукъ, крылатая стрѣла, спущенная съ его тетивы, ударяется въ грудной панцырь Бэла, насквозь пронизываетъ его,—и Титанъ падаетъ мертвый. «Вмѣстѣ съ нимъ—говоритъ историкъ: — падаютъ на прахъ земной и всѣ мечты гордыни и властолюбія». Пораженные ужасомъ, ассиріяне бѣгутъ къ предѣламъ своихъ областей и, спасая только жизнь, оставляютъ станъ въ добычу побѣдителямъ.

Такъ кончилась вейна, первая въ исторіи человѣчества.

Въ память побѣды, обезпечившей самостоятельное существованіе армянскаго народа, Гайкъ основалъ, на самомъ мѣстѣ битвы, городъ Гайкашенъ, развалины котораго понынѣ указываютъ на западъ отъ города Вана; на холмѣ же, гдѣ палъ Титанъ, онъ похоронилъ его раскрашенное тѣло и воздвигъ гробницу, чтобы она, по выраженію лѣдописца, «возвѣщала и современникамъ и отдаленному потомству о жребіи гордаго властолюбца».

Исторія Гайка относится армянскими преданіями къ двухъ-тысячнымъ годамъ до христіанской эры. Затѣмъ идетъ темный двухъ-вѣковой періодъ, не оставившій въ преданіяхъ ни свѣтлыхъ страницъ, ни крупныхъ событій. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что этотъ періодъ былъ временемъ слагавшейся государственности армянской страны, періодъ завоеваній, построенія городовъ и проч. Благодарное потомство сохранило изъ

этого періода имя родоначальника Арменака, утвердившагося окончательно въ областяхъ Араратской и Нахичеванской, гдѣ обитали, по преданіямъ, прямые потомки Ноя, и гдѣ самыя имена мѣстностей понынѣ носятъ отпечатокъ библейскихъ сказаній. Остался въ памяти народа и сынъ его Арамаисъ, давшій рѣкѣ Араксу имя своего внука Эрасха, и основавшій знаменитый впослѣдствіи городъ Армавиръ, который сдѣлался столицею Арменіи. Извѣстенъ родоначальникъ Амасія, по имени котораго армяне и теперь называютъ Масисомъ священный Араратъ.

Съ Арамомъ, жившимъ два вѣка спустя послѣ Гайка, вновь связывается представленіе о великихъ историческихъ событіяхъ. Арамъ, подобно Гайку,—все еще лицо миѳическое, послужившее только центромъ, около котораго слагались легендарныя представленія. Арменія, какъ и всякая страна, должна была пережить ту эпоху, когда народъ сталъ выходить изъ неизвѣстности, и государство пріобрѣтало опредѣленныя границы. Всѣ событія этой эпохи, разбросанныя, быть можетъ, на протяженіи не одного столѣтія, народъ армянскій и пріурочиваетъ къ личности Арама, котораго преданія называютъ царемъ. Ему приписывается образованіе армянскаго государства въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ оно стало извѣстно историческимъ народамъ.

Нужно сказать, что по всей исторіи армянскаго народа проходитъ красною нитью та черта, что онъ, даже въ своихъ собственныхъ представленіяхъ, является, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не самостоятельнымъ двигателемъ событій, а только участникомъ въ тѣхъ событіяхъ, которыя создавались другими народами, игравшими крупную роль въ исторіи Востока. Появляются на сценѣ исторіи Мидяне, — и въ созиданіи ихъ могущества участвуютъ армяне; падаютъ тираны Вавилона,—и армяне участвуютъ въ сверженіи ихъ. Поэтому великія имена Арменіи постоянно связываются съ современными имъ великими именами народовъ, получавшихъ преобладаніе. Исключеній изъ этого общаго правила почти не существуетъ.

И подобно тому, какъ имя Гайка тѣсно связано съ именемъ Бэла, легендарное имя Арама есть только спутникъ легендарнаго имени ассирійскаго Нина. Армянскія преданія представляютъ Арама безкорыстнымъ противникомъ деспотическаго царя. Они заставляютъ Нина желать отомстить Араму за побѣду Гайка надъ Немвродомъ и въ то же время, боясь его могущества, искать дружбы его, посылать къ нему посольства и дары. Но, конечно, Нинъ въ жизни Арменіи игралъ лишь роль завоевателя, а Арамъ былъ только отважнымъ защитникомъ ея. Преданія говорятъ, что Арамъ одержалъ многія побѣды надъ мидянами и ассиріянами, и сталъ славенъ на всемъ Востокѣ. Многіе думаютъ, что этимъ онъ и далъ поводъ сосѣднимъ народамъ назвать его именемъ всю страну, которой онъ былъ повелителемъ.

Араму наслѣдовалъ сынъ его Арай, по прозванію Прекрасный, отличавшійся, дѣйствительно, необыкновенною красотою. Но слава и его имени опять стоитъ въ зависимости отъ имени Семирамиды, преемницы Нина. Наводняя своими полчищами Востокъ, Семирамида, конечно, не могла миновать Арменіи, которая, какъ нужно думать, была данницею Нина. Но легенды облекаютъ эти простыя отношенія въ поэтическія формы. Они разсказываютъ, что когда молва о необычайной красотѣ Арая дошла до слуха знаменитой царицы, она отправила къ нему дары и пословъ, приглашая его къ своему двору. Арай, котораго преданія дѣлаютъ идеаломъ семейныхъ добродѣтелей, отказался. Тогда Семирамида быстро собрала войска и внезапно вторглась въ Арменію.

На поляхъ Араратскихъ произошла битва, и Арай погибъ въ сѣчѣ, несмотря на приказаніе Семирамиды щадить его жизнь.

Съ тѣхъ поръ въ преданіяхъ народныхъ древнее имя Арарата, существовавшее, должно замѣтить, задолго до Арая, связалось съ именемъ этого царя, и стало объясняться сліяніемъ двухъ словъ Арай-Аратъ, что будто бы значитъ: «гибель Арая».

По одному изъ преданій, Семирамида, пораженная красотою уже мертваго Арая, повелѣла набальзамировать его тѣло

и поставила въ своей опочивальнѣ въ золотой гробницѣ. По другому преданію, опасаясь непримиримой вражды армянъ къ ассиріянамъ за смерть Арая, Семирамида потребовала отъ верховнаго жреца и волхва Мираса, чтобы онъ воскресилъ его. А когда тотъ увѣрилъ ее, что Арай уже перешелъ къ богамъ на вершину Кавказа и оттуда по непреложной волѣ ихъ будетъ препровожденъ въ Халдею, Семирамида отыскала воина, похожаго на Арая, и какъ воскресшаго царя показала его армянамъ.

Семирамида оставила глубокіе слѣды своего пребыванія въ Арменіи, прививъ ей культуру древней Ассиріи. Дивясь благорастворенному климату страны, она вознамѣрилась пріѣзжать въ Арменію каждое лѣто на время жаровъ, и съ этою цѣлью среди прелестнаго ландшафта построила великолѣпный городъ Шамирамакертъ, т. е. Семирамидинъ городъ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ Ванъ, при озерѣ того же имени.

Самое построеніе этого города облекается легендарными преданіями. Разсказываютъ, что изъ всѣхъ странъ своего обширнаго царства, Семирамида вызвала 42 тысячи работниковъ, и въ числѣ ихъ 6000 искуснѣйшихъ «каменщиковъ, литейщиковъ, кузнецовъ и землекоповъ, обученныхъ многимъ искусствамъ». Нѣсколько лѣтъ продолжались работы. Валы и чугунные ворота окружили городъ, съ домами изъ камней разноцвѣтныхъ, съ обширными, прекрасными площадями, съ великолѣпными банями. На укрѣпленныхъ высотахъ воздвиглись дворцы съ потайными ходами и обширными подземельями. Въ скалахъ, такъ твердыхъ, что рѣзецъ едва можетъ провести на нихъ легкую линію, высѣчены храмы, гостинницы и казнохранилища. Множество камней было покрыто надписями, начертанными съ такою легкостью, какъ на листѣ бумаги. По берегамъ озера Семирамида приказала раскинуть селенія, сады и рощи, чарующіе взоры. Плодоноснѣйшіе холмы превратились въ виноградники. Слѣды этой величавой постройки сохраняются понынѣ близъ города Вана, и понынѣ находятъ тамъ высокій и широкій валъ, сооруженный изъ огромныхъ камней скрѣпленныхъ особымъ це-

ментомъ изъ извести и песку, — и камни эти такъ стиснуты, такъ крѣпко прилегаютъ одинъ къ другому, что никакими усиліями нельзя разъединить ихъ, иначе, какъ раздробивши. Но во впадинахъ и пещерахъ, образуемыхъ этою громадою, теперь укрываются лишь разбойники да бродяги. Когда великолѣпный городъ былъ отстроенъ и обведенъ стѣнами, Семирамида ввела въ него многочисленное населеніе. Армянскія преданія связываютъ съ своей исторіей и самую смерть Семирамиды. Они говорятъ, что, когда возмутился сынъ ея, Нинусъ, она бѣжала въ Арменію, и царь Кардасъ, сынъ Арая, вмѣстѣ съ нею двинулся къ предѣламъ Ассиріи, что въ первомъ же сраженіи и Семирамида, и Кардасъ пали, множество тысячъ армянъ были избиты, — остальные бѣжали въ окрестныя горы.

Семирамидою, отъ XVIII вѣка до Р. Х., начинается длинный, тысячелѣтній періодъ зависимости Арменіи отъ Ассирійскаго царства; она была простою данницею царей ассирійскихъ, и ходила вмѣстѣ съ ними въ завоевательные походы. Есть отдаленное свидѣтельство, будто бы армяне участвовали въ защитѣ Трои. Говорятъ именно, что армянскій властитель Зармаиръ, видя окровавленное тѣло Гектора, бросился будто бы отважно на Ахиллеса и палъ въ единоборствѣ съ нимъ.

Во второй половинѣ восьмого вѣка до Р. Х., въ жизни Арменіи совершается знаменательный переворотъ, — ея владѣтель Паруйръ провозглашаетъ себя независимымъ. Въ сообществѣ мидянъ и вавилонянъ, онъ возстаетъ противъ ассирійскаго владычества и участвуетъ въ трехлѣтней осадѣ Ниневіи, окончившейся, какъ извѣстно, добровольной гибелью на кострѣ послѣдняго царя ея, Сарданапала, вмѣстѣ съ его женами и всѣми сокровищами.

Паруйръ первый изъ армянскихъ владѣтелей принимаетъ титулъ царя и, какъ говоритъ лѣтописецъ, вѣнчается царскою діадемой, которую отняла у рода его Семирамида, и возвращеніе которой лежало у Паруйра на сердцѣ. Съ этого времени Арменія имѣетъ уже коронованныхъ царей, и Паруйру

наслѣдуютъ потомки его изъ рода въ родъ, до самаго прекращенія Гайканской династіи.

Но участіе Арменіи въ смертельномъ ударѣ, нанесенномъ ассиріянамъ, стоило ей только перемѣны владычества ассирійскаго на вавилонское, и при наслѣдникахъ Паруйра передъ взоромъ историка проходитъ все та же картина дѣятельности народа въ зависимости отъ его верховныхъ повелителей. Салманассаръ ведетъ армянъ для разгрома царства Израильскаго; съ Навуходоноссоромъ они участвуютъ въ плѣненіи евреевъ и разрушеніи Іерусалима. Начинается эпоха Кира — и Арменія является дѣятельною пособницею въ его всемірныхъ завоеваніяхъ.

«Я поведу Кира за десницу, — вѣщалъ небесный глаголъ устами пророка Исаіи: — онъ разрушитъ крѣпость царей, передъ нимъ отверзутся врата, и грады не затворятся». И въ этихъ словахъ вся величавая судьба Кира, въ которой Арменіи ея историки отводятъ такое видное мѣсто.

Когда, при самомъ рожденіи своемъ, обреченный на смерть, вслѣдствіе зловѣщаго пророчества о немъ, и спасенный лишь жалостью царедворца, Киръ вновь былъ приближенъ ко двору грознаго дѣда своего, мидійскаго царя Астіага, а потомъ сосланъ имъ опять въ Экбатану, — тогда, по словамъ этихъ историковъ, армянскій царь Тигранъ, восхищенный молвою о Кирѣ, пригласилъ его къ себѣ и выдалъ за него одну изъ своихъ сестеръ. Такъ завязались между ними крѣпкія узы родства и дружбы.

А въ то время, какъ между Киромъ и Тиграномъ крѣпнулъ союзъ, Астіагу привидѣлся зловѣщій сонъ, являвшійся какъ бы пророческимъ извѣщеніемъ о грядущихъ событіяхъ. Видѣлъ онъ себя въ какой-то невѣдомой странѣ, близъ высокой горы, вершина которой была покрыта вѣчными льдами. Говорили, что это земля Гайкидовъ. Пока Астіагъ пристально смотрѣлъ на гору, на вершинѣ ея появилась прекрасная женщина, облеченная въ пурпуръ и въ покрывало небеснаго цвѣта, мучившаяся родами. И вдругъ, передъ глазами изумленнаго Астіага, она разрѣшилась тремя взрос-

лыми героями. Первый изъ нихъ, сѣвъ на льва, устремился къ закату, второй, на леопардѣ, держалъ путь на полночь, а третій, взнуздавъ чудовищнаго дракона, напалъ на царство Мидійское.

Снилось потомъ Астіагу, что онъ стоитъ на кровлѣ своего дворца, покрытой многоцвѣтными красивыми шатрами; видитъ онъ вѣнчавшихъ его боговъ, стоящихъ въ дивномъ величіи, видитъ себя, окруженнаго своими царедворцами, и вмѣстѣ съ ними чествующаго боговъ жертвоприношеніями и ѳиміамомъ. И вдругъ, взглянувъ наверхъ, онъ увидѣлъ дивнаго полубога, сѣдящаго на драконѣ, и несущагося, какъ бы на орлиныхъ крыльяхъ, сокрушить боговъ. Астіагъ, бросившись между ними и всадникомъ, принялъ на себя нападеніе. Кровля дворца обратилась въ море пролитой крови. Въ продолженіе долгихъ часовъ бился Астіагъ съ исполиномъ — и палъ, пораженный мечемъ его... Тутъ исчезаетъ сонъ, — и царь проснулся, облитый холоднымъ потомъ.

Была полночь. Несмотря на то, онъ немедленно сзываетъ своихъ совѣтниковъ, разсказываетъ имъ страшное видѣніе и говоритъ: «оно предвѣщаетъ намъ сильное нашествіе, подготовляемое Тиграномъ Гайкидомъ».

Съ ужасомъ внимали грозному пророчеству царедворцы и, подъ вліяніемъ зловѣщаго страха, совѣтовали Астіагу немедленно погубить Тиграна при помощи любимой сестры его Тигрануи. «Лучшее средство противъ врага,—говорили они:— это измѣна, прикрытая личиною дружбы. Возьми Тигрануи въ жены, и тогда, опутавъ ее сѣтями интригъ, мы возьмемъ Тиграна, какъ безсильнаго ребенка».

Астіагъ, оставшійся въ народной памяти армянъ подъ именемъ Аждахака, т. е. «дракона» — принимаетъ этотъ совѣтъ. Онъ пишетъ письмо къ армянскому царю, прося руки прекрасной сестры его Тигрануи. «Ты можешь быть увѣренъ, — говорилось въ немъ: — что она будетъ царицею царицъ». Тигранъ соглашается и отправляетъ сестру свою къ Астіагу «царскимъ обычаемъ», а Астіагъ назначаетъ ее первою между своими женами. Но напрасно стараются и Астіагъ.

и царедворцы сдѣлать Тигрануую участницею заговора. Свѣдавъ о ковахъ мидійскаго царя, она обо всемъ увѣдомила брата. И когда Астіагъ, замышляя измѣну, пригласилъ Тиграна для свиданія на границу своихъ владѣній, — Тигранъ, уже предупрежденный сестрою, отвѣчалъ, что «идетъ, — но не на свиданіе, а на бой».

На границѣ Мидіи сошлись двѣ сильныя вражескія арміи. Обѣ онѣ дѣйствовали, однако съ крайней нерѣшимостью. Астіагъ, подъ вліяніемъ сна, страшился мысли сойтись съ Гайкидомъ, Тигранъ — поджидалъ Кира и старался выручить сестру, измѣна которой могла стоить ей жизни. Наконецъ, Тигрануя явилась въ лагерь брата, переодѣтая простымъ воиномъ, а вслѣдъ затѣмъ пришелъ и Киръ съ своими побѣдоносными полками. Астіагъ былъ разбитъ и палъ на полѣ сраженія. По однимъ преданіямъ, онъ былъ убитъ Тиграномъ, собственноручно поразившимъ его копьемъ; по другимъ — разбитый и покинутый всѣми, Астіагъ умираетъ въ пустынѣ отъ жажды и голода. Говорятъ, что львы той пустыни стерегли его тѣло и оно, послѣ многихъ дней, найдено было нетронутое тлѣніемъ.

Разгромъ мидійскаго царства послужилъ началомъ величія Кира. Тиграну достался тогда весь царскій домъ Астіага и 10 тысячъ мидянъ, которыхъ онъ поселилъ въ окрестностяхъ Арарата. Въ память заслугъ Тигрануи царь основалъ великолѣпный городъ Тигранокертъ, и выдалъ ее замужъ за одного изъ нахараровъ, предоставивъ ей всѣ доходы съ этого города. Потомки ея составили особое поколѣніе, именовавшееся «вольнымъ домомъ»; они существовали до X вѣка по Р. Х. и считались принцами крови, имѣвшими наслѣдственныя права на престолъ Арменіи.

По сверженіи Астіага, армяне участвовали во всѣхъ дальнѣйшихъ походахъ Кира, видѣли въ цѣпяхъ побѣжденнаго Креза Лидійскаго, и гибель царя Валтазара, предсказанную ему вѣщими огненными словами. Тигранъ, другъ и сподвижникъ Кира, умеръ въ 520 году, оставивъ страну свою на

высокой степени могущества. Благодарное потомство назвало его Великимъ.

Прошло двѣсти лѣтъ. Наступаютъ времена великаго македонскаго завоевателя, — а вмѣстѣ съ ними наступаютъ для Арменіи и новыя времена бѣдствій. Въ Арменіи царствовалъ въ то время Ваге, сынъ Вана, основателя знаменитаго города, существующаго и нынѣ на развалинахъ древняго Шамирамакерта. Видя грозную тучу, обтекавшую Азію, слыша о паденіи царствъ и гибели народовъ, онъ, подобно древнему Гайку, рѣшился или отразить нападеніе или умереть за независимость Арменіи. На требованіе покорности, онъ отвѣтилъ: «лучше пасть за отечество, чѣмъ видѣть, какъ чужеземцы попираютъ ногами родную землю». Тогда полководецъ Александра, Митрасъ, вступилъ въ Арменію и однимъ ударомъ разгромилъ ея войско. Ваге былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ.

Такъ пала династія Гайкановъ, которая затѣмъ уже никогда не владѣла болѣе армянскимъ престоломъ. Но, сходя со сцены исторіи, она, имѣвшая одного общаго родоначальника съ народомъ, оставила въ Арменіи самыя отрадныя и свѣтлыя воспоминанія. Горячая любовь къ ней народа впослѣдствіи выразилась преданностію его къ нахарарамъ, представителямъ того же гайканскаго дома. Прошли тысячелѣтія съ тѣхъ поръ, какъ погибъ послѣдній царь Гайканъ, но народъ армянскій понынѣ слагаетъ пѣсни о тѣхъ стародавнихъ временахъ, одушевляемый памятью о популярнѣйшихъ царяхъ родной ему династіи. И знаменитый Моисей Хоренскій, приступая къ изложенію исторіи Гайканскаго дома, говоритъ: «Любезны моему сердцу эти мужи, происшедшіе отъ нашего царя, какъ мои соотечественники, кровные мои и братья. О, какъ бы желалъ я, чтобы въ то время совершилось пришествіе Спасителя и мое искупленіе, чтобы я родился при тѣхъ царяхъ, наслаждался бы ихъ лицезрѣніемъ, и тѣмъ избавился бы отъ настоящихъ бѣдъ».

По смерти Ваге, Александръ совершенно уничтожаетъ въ Арменіи царское достоинство,—и страна становится провин-

ціей, управляемою македонскими сатрапами. Потеря независимости, тяжело отозвавшаяся на армянскомъ народѣ, вызвала, однако, со стороны его попытки къ сопротивленію. Въ этотъ моментъ на сцену армянской исторіи и выступаетъ героическая личность Ардоата, искуснаго полководца послѣдняго царя изъ рода Гайка.

Пока Арменіею управлялъ кроткій и человѣколюбивый Митрасъ, знамя возстанія еще не поднималось въ ней; но когда, по смерти Александра, царство его рушилось, когда управленіе Азіей досталось Пердикасу, и правителемъ Арменіи былъ назначенъ Неоптолемъ, принесшій съ собою въ страну всѣ ужасы тиранніи, — Ардоатъ рѣшился на подвигъ освобожденія отечества. Переодѣтый, онъ тайно объѣзжалъ области Арменіи, взывая всѣхъ, кто способенъ былъ стать на защиту родины; въ лѣсахъ и ущельяхъ горъ собирались къ нему вооруженныя дружины. И вотъ, подъ его начальствомъ образовалось сильное войско, о чемъ и не подозрѣвалъ утопавшій въ развратѣ Неоптолемъ. Ардоатъ окружилъ дворецъ сатрапа, одолѣлъ македонскую стражу и послалъ сказать ему: «Арменія не возстаетъ противъ Македоніи; она ополчилась только противъ тиранніи и несправедливости, которыхъ не могутъ желать и сами властители Азіи. Возврати намъ счастіе, которымъ мы пользовались при Митрасѣ, а любовью къ народу исторгни изъ рукъ нашихъ оружіе».

Неоптолемъ, испуганный возстаніемъ, бѣжалъ въ Каппадокію. Разгнѣванный Пердикасъ послалъ въ Арменію полководца Евмена усмирить возмущеніе. Но умный Евменъ не хотѣлъ прибѣгать къ оружію и вступилъ съ Ардоатомъ въ переговоры, предлагая ему уважить верховный санъ Неоптолема и принять его снова въ Арменію. «Сограждане твои — писалъ онъ: — не постыдно могутъ покориться могуществу македонянъ. Прими Неоптолема съ почестями, приличными его сану, — это не помѣшаетъ тебѣ остаться героемъ.»

«Слава героевъ — отвѣчалъ Ардоатъ: — въ правотѣ и миролюбіи. Мы уважаемъ власть верховную. Пусть Неопто-

лемъ возвращается въ Арменію, но пусть онъ правитъ ею такъ, какъ того требуетъ величіе славы македонской.»

Неоптолемъ вернулся, и Ардоатъ остался при немъ начальникомъ армянскихъ войскъ.

Среди возникшихъ затѣмъ смутъ и кровопролитій между полководцами Александра Великаго, когда Антипатръ, Кратеръ, Неоптолемъ, Евменъ, Пердикка, Антигонъ и другіе боролись между собою, Ардоатъ старался стоять въ сторонѣ, объявивъ торжественно, что не намѣренъ вмѣшиваться въ дѣла македонскія. «Не пролью капли крови армянской — сказалъ онъ: — за раздоры иноплеменниковъ.» Однако, уступая непреоборимой силѣ обстоятельствъ, по настоятельному вызову Антигона, онъ долженъ былъ отправить къ нему часть своихъ войскъ, и тѣмъ навлекъ на себя мщеніе Евмена.

Среди приближенныхъ послѣдняго былъ нѣкто Оронтъ, сынъ знаменитаго армянина, командовавшаго при Неоптолемѣ армянскою конницею. Оронтъ отличался военными способностями, обладалъ привлекательнымъ умомъ и обольстительною наружностью. Онъ былъ какъ бы созданъ для интригъ и происковъ. Ему поручилъ Евменъ часть македонскихъ войскъ, чтобы изгнать Ардоата и овладѣть Арменіею. Оронтъ, имѣвшій на родинѣ многочисленныхъ приверженцевъ, вошелъ въ Южную Арменію и оттуда разослалъ воззванія, обѣщая награды и почести тѣмъ, кто приметъ его сторону. И скоро къ его македонскому войску присоединилось 12 тысячъ армянъ. Готова была возгорѣться междоусобная война. Ардоатъ, чтобы избѣжать ея, задумалъ побѣдить своего противника хитростью, и поручилъ преданному себѣ полководцу Мергаму захватить Оронта. Мергамъ, подъ видомъ вражды къ Ардоату, и соблюдая всевозможную осторожность, чтобы не выдать себя, послалъ къ Оронту письмо, предлагая перейти на его сторону со всѣмъ своимъ войскомъ. Оронтъ былъ очень обрадованъ, обѣщалъ награды, но отъ рѣшительнаго отвѣта уклонился, опасаясь обмана. Мергамъ, чтобы сломить его недовѣрчивость, прибѣгнулъ къ новой хитрости. Онъ захватилъ какого-то важнаго лазутчика, вѣроятно имъ

же самимъ подготовленнаго, и доставилъ его къ Оронту. Тогда Оронтъ, убѣжденный наконецъ въ преданности Мергама, принялъ его съ большими почестями, и совершенно на него положился. Мергамъ вкрался въ такую довѣренность къ Оронту, что добился даже права свободно входить въ шатеръ его и днемъ и ночью. И вотъ, однажды, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, онъ опоилъ Оронта соннымъ порошкомъ, одѣлъ его въ платье простого воина, и съ нѣсколькими своими приверженцами вынесъ его изъ шатра и увезъ къ Ардоату.

Внезапное исчезновеніе Оронта внесло смуту и мятежъ въ его войска. Одинъ изъ полководцевъ, Аспаръ, попытавшійся возстановить порядокъ, былъ убитъ,—и солдаты разсѣялись. Между тѣмъ Оронтъ, привезенный въ Армавиръ, былъ заточенъ въ храмъ Орамазда, служившій всегда мѣстомъ заключенія для царственныхъ узниковъ; тамъ ему объявили, однако, что жизни его не угрожаетъ ни малѣйшая опасность. Пораженный великодушіемъ Ардоата, Оронтъ, въ присутствіи волхвовъ, передъ лицомъ бога Солнца, добровольно поклялся въ вѣрности Арменіи,—и былъ освобожденъ.

Между тѣмъ, верховнымъ правителемъ Азіи становится Антигонъ, успѣвшій побѣдить своихъ соперниковъ. Онъ повсюду перемѣнилъ намѣстниковъ, казнилъ казавшихся ему подозрительными и, наконецъ, потребовалъ на судъ къ себѣ и Ардоата. Ардоатъ отвѣчалъ ему: «Я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, но не обязанъ никому отдавать отчета въ томъ, какъ я защищаю свои области». Тогда Антигонъ двинулъ на Армению двухъ своихъ полководцевъ. Ардоатъ встрѣтилъ ихъ на границахъ своей земли и, отступая внутрь страны, искусно навелъ ихъ на приготовленную засаду. Въ Гордіенскихъ горахъ, тамъ, гдѣ цѣпи скалъ образуютъ тѣснины почти неприступныя, мидяне и персы внезапно охвачены были со всѣхъ сторонъ армянами. Оба полководца едва успѣли спастись черезъ вершины горъ, но войска ихъ были истреблены или взяты въ плѣнъ. Арменія стала на время свободною.

Но умеръ Ардоатъ — и независимость армянскаго народа снова исчезла. За Ардоатомъ слѣдуетъ тотъ темный междуцарственный періодъ Арменіи, о которомъ Моисей Хоренскій говоритъ: «Съ этихъ поръ и до воцаренія Вагаршака въ Арменіи, ничего вѣрнаго не могу разсказать, ибо, вслѣдствіе возникшихъ смутъ, всякій думалъ захватить власть и управлять нашею страною». Сатрапы и возстававшіе противъ нихъ армянскіе полководцы чередовались между собою во главѣ страны. Но въ этомъ длинномъ рядѣ дѣятелей уже не было людей, одаренныхъ талантами Ардоата, и, за немногими исключеніями, они оставляютъ отъ себя лишь смутное и тяжелое впечатлѣніе. Оронтъ, замѣстившій Ардоата, на третьемъ же году своей власти малодушно подчинившись первому же требованію Селевка Никанора, обязался платить ему ежегодно 400 талантовъ и шесть тысячъ коней въ полномъ снарядѣ. Сынъ его Артаваздъ пытается возстать противъ Антіоха Великаго и на требованіе его покориться посылаетъ отвѣтъ: «Будемъ отражать силу силой,—а дани не дадимъ». Но среди приготовленій къ упорной борьбѣ, Артаваздъ умираетъ, — и ворота Арменіи открываются для Антіоха Великаго безъ борьбы и усилій. Полководцы армянскіе Артаксіазъ и Задріадесъ добровольно подчиняются ему, чтобы стать сатрапами. Артаксіазъ получаетъ въ управленіе Большую Арменію, Задріалесъ—Малую. Тогда совершилось политическое отдѣленіе Великой Арменіи отъ Малой.

Правленіе Артаксіаза памятно въ исторіи первыми сношеніями Великой Арменіи съ Римомъ.

Едва прошло столѣтіе, съ тѣхъ поръ, какъ въ предѣлахъ Азіи гремѣли побѣды Александра Македонскаго, а теперь уже имя римлянъ разносилось по всѣмъ тремъ частямъ древняго міра. И вотъ, далекія пуническія войны,— бѣдствія Италіи отъ меча Аннибала, въ три мѣсяца покорившаго всю Испанію и черезъ грозныя Альпы внесшаго ужасы войны въ предѣлы гордаго Рима, подъ самыя стѣны его, наконецъ разгромъ Карѳагена,—вся эта великая борьба, совершавшаяся на одномъ концѣ тогдашняго міра, съ гроз-

ною силой отразилась на совершенно противоположномъ концѣ его — въ Арменіи. Покинутый отечествомъ, Аннибалъ бѣжалъ къ Антіоху Великому; но вслѣдъ за собою онъ увлекаетъ и побѣдоносное оружіе римлянъ, не хотѣвшихъ оставить въ покоѣ своего геніальнаго врага. Римскіе легіоны тутъ впервые появляются на равнинахъ Азіи. Отъ разбитаго Антіоха римляне требуютъ выдачи Аннибала,—и знаменитый карѳагенскій вождь ищетъ убѣжища у Артаксіаза, въ Арменіи. Арменію, защищенную самою природою, Аннибалъ мечталъ противопоставить стремительнымъ завоеваніямъ Рима, и искалъ союза съ сосѣдними народами. Но ни Митридатъ Понтійскій, занятый осадою Синопа, ни Аршакъ, царь парѳянскій, воевавшій въ Индіи, не согласились на его предложенія.

Присутствіе Аннибала въ Арменіи, между тѣмъ, тревожитъ римскій сенатъ. Римляне впервые вступаютъ тогда въ сношенія съ далекой Арменіей, и предлагаютъ Артаксіазу высокій титулъ «союзника ихъ», если онъ выдастъ имъ Аннибала. Артаксіазъ, «привыкшій,—какъ говоритъ историкъ,—жертвовать добродѣтелью позорнымъ разсчетамъ изворотливой политики», вступаетъ въ тайныя сношенія съ Римомъ. Но Аннибалъ, предупрежденный о замыслахъ его, бѣжитъ изъ Арменіи и, всюду гонимый судьбою и Римомъ, кончаетъ жизнь свою самоубійствомъ.

Такъ мечты Аннибала рушились. Но памятникомъ пребыванія его въ Арменіи осталась непреодолимая твердыня, обширный городъ Арташатъ, построенный по плану его на берегу Аракса, на трехъ утесахъ, сросшихся въ своемъ основаніи. Сюда, подъ защиту грозныхъ укрѣпленій, возведенныхъ геніальнымъ полководцемъ, Артаксіазъ перевелъ изъ Армавира свой дворъ, перемѣстилъ всѣ государственныя учрежденія, — и Арташатъ въ теченіе многихъ вѣковъ служилъ столицею Великой Арменіи.

На этотъ разъ римское оружіе не коснулось Арменіи. Но зато оно отразилось тяжело на Селевкидахъ, побѣдная звѣзда которыхъ съ тѣхъ поръ часъ отъ часу угасаетъ на

небосклонѣ Азіи. Но чѣмъ слабѣе становились властелины, тѣмъ самовластнѣе, деспотичнѣе являлись правители провинцій, вызывая повсюду ропотъ и негодованіе. Послѣдній сатрапъ Арменіи, Артаваздъ, прозванный армянскимъ Сарданапаломъ, отличается такимъ развратомъ и такою жестокостью, что вынуждаетъ, наконецъ, лучшую часть армянскаго народа обратиться за помощію къ пареянскому царю Аршаку Великому, славному тогда на всемъ Востокѣ. Аршакъ возстановляетъ въ Арменіи царское достоинство, и назначаетъ царемъ брата своего Вагаршака.

Когда Вагаршакъ вступилъ въ Армянскую землю, полководцы, войско, народъ—все приняло его сторону. Артаваздъ, какъ бы возобновляя исторію Сарданапала ассирійскаго, хотѣлъ защищаться. Но народъ встрѣтилъ его негодованіемъ, а льстецы, испуганные народнымъ движеніемъ, поспѣшили уговорить его снова скрыться въ своихъ гаремахъ, предоставивъ защиту отечества однимъ полководцамъ. Не много стоило труда склонить Артавазда къ тому, что такъ льстило его чувственной натурѣ и привычкѣ къ распущенности гаремной жизни. А между тѣмъ новый царь, Вагаршакъ, поддерживаемый сильною рукою своего брата, быстро шелъ впередъ и уже былъ подъ стѣнами столицы. Городскія ворота открылись передъ нимъ безпрепятственно. Тогда Артаваздъ въ ужасѣ бѣжалъ изъ дворца, и на берегу Аракса поразилъ себя мечемъ.

Такъ пало въ Арменіи владычество Селевкидовъ и воцарилась славная династія Арзасидовъ, или Аркуши.

Когда Вагаршакъ, коронованный царемъ Арменіи, пожелалъ узнать отъ брата, гдѣ границы его царства — Аршакъ замѣтилъ ему: «Границы для храбрыхъ опредѣляетъ мечъ; сколько отрѣжетъ онъ, тѣмъ и владѣетъ». И вотъ, прежде чѣмъ утвердиться на престолѣ, Вагаршакъ долженъ былъ выдержать упорную борьбу съ сосѣдями, чтобы возстановить Арменію въ ея древнихъ границахъ. При помощи могущественнаго брата, онъ возвратилъ всѣ отнятые у Арменіи земли, вновь присоединилъ подъ свое владычество Ма-

лую Арменію и обезпечилъ за своею страной независимое существованіе почти на цѣлое полстолѣтіе.

Затѣмъ въ его царствованіе начинается періодъ мирной дѣятельности, которому онъ обязанъ своею славой еще болѣе, чѣмъ военнымъ подвигамъ. Давно уже страдалъ народъ подъ тяжестью расточительности сатраповъ, приносившихъ съ собой отъ восточныхъ дворовъ тираническій произволъ, рядомъ съ невиданною роскошью и развратомъ. Пароянскій повелитель, напротивъ, приносилъ съ собою законность, древнюю простоту и строгость нравовъ. Нужно сказать, что Арменія, въ теченіе вѣковъ управляемая чуждыми ей сатрапами въ отношеніи политическомъ, во внутреннемъ государственномъ строѣ сохранила свою самобытность; ею спокойно вѣдали, по древнимъ обычаямъ, роды нахараровъ, наслѣдственно и почти самостоятельно управлявшіе своими владѣніями. Вагаршакъ, обнаруживая свойства мудраго правителя, не коснулся правъ нахараровъ, понимая, что не можетъ ограничить ихъ, не вооруживъ противъ себя народъ, преданный имъ, какъ своимъ единокровнымъ родоначальникамъ. Напротивъ, всѣ усилія его были направлены къ тому, чтобы при ихъ содѣйствіи водворить въ странѣ благосостояніе, котораго давно уже не было въ ней. Въ злополучныя времена Селевкидовъ, сосѣдніе сѣверные народы спускались съ своихъ горъ и предавались въ армянскихъ земляхъ необузданнымъ разбоямъ; поля Арменіи запустѣли; плотины, политыя кровью и потомъ народа, рушились, и нѣкогда плодоносныя нивы залились водою. По повелѣнію Вагаршака теперь сооружались новые оплоты для осушки болотъ, проводились протоки для свободнаго теченія рѣкъ, расчищались дремучіе лѣса, служившіе притономъ разбойниковъ; покинутыя и запустѣвшія мѣста вновь заселялись жителями, — и вскорѣ одичавшая было страна зацвѣла новою жизнію. Разбои прекратились, развилась общественная жизнь, возникли ремесла, художества. «Въ награду за все это, — говорилъ Вагаршакъ: — я желаю только того, чтобы встрѣчать въ странѣ нравы кроткіе и общество человѣколюбивое.»

Съ именемъ Вагаршака соединяется представленіе и о началѣ армянской литературной образованности. Существуетъ повѣствованіе о томъ, какъ заботился царь Вагаршакъ о созданіи армянской исторіи. Преданія говорятъ, что онъ послалъ къ брату своему, Аршаку Великому, нѣкоего Мар-Ибаса-Кадина, уроженца Сиріи, искуснаго въ языкахъ восточныхъ, съ просьбою открыть ему архивы и дать возможность отыскать тайны древней армянской исторіи. Мар-Ибасъ, по найденнымъ рукописямъ, а еще болѣе по древнему народному эпосу, составилъ полную исторію Арменіи и возвратился съ ней къ Вагаршаку, который приказалъ главнѣйшія событія изъ нея начертать на мраморномъ столбѣ, сооруженномъ въ его чертогахъ.

По смерти Вагаршака страна не долго оставалась независимою. Распространеніе римскаго владычества на Азію сурово отразилось на судьбѣ Арменіи, сдѣлавъ ее невольною участницею митридатскихъ войнъ, а затѣмъ — и данницею Рима. Нѣкоторыя армянскія хроники, смѣшивая имена и годы, относятъ общеизвѣстные подвиги Митридата Понтійскаго къ армянскому царю Арташезу, который, будто бы, превосходилъ Митридата и военными способностями и политическою мудростью.

Онѣ говорятъ, что знаменитые походы въ пустыни Скиѳіи, гдѣ не побѣждали ни Киръ, ни Александръ Македонскій, Митридатъ совершилъ, будто бы, только по порученію Арташеза. А когда о побѣдахъ Митридата заговорилъ весь свѣтъ, и римскій сенатъ потребовалъ отъ него очищенія завоеванныхъ имъ областей, — тотъ же Арташезъ съ мудрою предусмотрительностью уговорилъ Митридата на время смириться передъ Римомъ, чтобы прежде собрать возможныя средства для борьбы съ повелителями міра. По его совѣту Митридатъ, въ три года обошелъ подъ чужимъ именемъ всѣ области Малой Азіи, научился двадцати-двумъ языкамъ, и узналъ обычаи и свойства жителей. Только тогда, когда Митридатъ вернулся къ Арташезу, царь быстро собираетъ такое многочисленное войско, что «никто даже не

знаетъ ему счета». Онъ наводнилъ своими полками всю Малую Азію, покорилъ всю сушу между двумя морями, и наполнилъ океанъ множествомъ кораблей, желая поработить весь западъ... Римляне, встревоженные быстрыми успѣхами Арташеза, уже готовившагося перенести побѣдоносное оружіе въ западные предѣлы Европы, подослали тайныхъ убійцъ; они прокрались въ армянскій станъ, успѣли возродить въ немъ смуту, и, при возникшемъ мятежѣ, Арташезъ палъ подъ мечами своихъ же собственныхъ воиновъ. Говорятъ, что умирая, онъ воскликнулъ: «Увы! какъ превратенъ жребій царей! Какъ быстро пролетаетъ земная слава! Радъ—что умираю, не переживъ своего счастія!»...

Въ этихъ сказаніяхъ, перемѣшивающихъ эпохи и лица, есть та доля истины, что въ нихъ отразилась именно память о великихъ событіяхъ, совершавшихся тогда въ Арменіи, которыхъ не могли затемнить и грандіозныя событія, вліявшія на судьбы всей тогдашней Азіи.

Въ то самое время когда Митридатъ начиналъ борьбу свою съ Римомъ, въ Арменіи царствовалъ зять его, сынъ Арташеза, Тигранъ II-й, названный Великимъ. Междоусобныя распри въ фамиліи Арзасидовъ дали ему случай занять первенствующее положеніе въ тѣхъ странахъ, гдѣ владычествовали представители этой династіи. Онъ построилъ себѣ дворецъ въ самой Персіи, гдѣ господствовали старшіе изъ Арзасидовъ, чеканилъ монету съ своимъ изображеніемъ, и принялъ титулъ «царя царей». Это и былъ единственный моментъ въ исторіи Арменіи, когда она становилась во главѣ азіятскаго міра. Подвиги Тиграна сдѣлали имя его извѣстнымъ не только на Востокѣ, но и на Западѣ, гдѣ римляне внимательно слѣдили за его успѣхами.

Когда Митридатъ, разбитый Лукулломъ, бѣжалъ въ Арменію, и Лукуллъ, преслѣдуя его по пятамъ, осадилъ Тигранокертъ, — армянскій царь пришелъ въ непосредственно враждебное столкновеніе съ Римомъ.

Разсказываютъ, будто бы, гордый Тигранъ, увидѣвъ малочисленные легіоны Лукулла, сказалъ: «Если римляне при-

шли послами, то ихъ слишкомъ много, — а если сражаться, то ихъ мало». Но тутъ, по словамъ Плутарха, — случилось нѣчто неожиданное: 12 тысячъ римлянъ разгромили полтораста тысячъ противниковъ, потерявши сами только пять человѣкъ. И тѣмъ не менѣе, Тигранъ, еще питая въ душѣ безумную надежду отстоять свою независимость отъ римлянъ, — продолжалъ войну. Онъ выказалъ въ этой борьбѣ много мужества, много военныхъ дарованій, но не могъ воспрепятствовать побѣдоноснымъ легіонамъ Помпея пройти черезъ всю Арменію до самаго подножія Кавказа.

Загнанный въ горы, Тигранъ долженъ былъ, наконецъ, признать себя данникомъ Рима. Ему былъ оставленъ престолъ Арменіи, однакоже, подъ условіемъ помогать Риму въ борьбѣ съ Парѳіей. Такъ дѣло всей его жизни, результаты всѣхъ его завоеваній сразу были уничтожены приговоромъ мощной силы. Разсказываютъ, что когда Тигранъ явился къ Помпею, полководецъ римскій любезно замѣтилъ ему, что онъ не только не теряетъ царства, но пріобрѣтаетъ себѣ еще новыхъ друзей въ лицѣ римскаго народа.

Въ дальнѣйшихъ событіяхъ Арменія надолго становится спорнымъ краемъ въ борьбѣ между Римомъ и Парѳіей. Лавируя между противниками, Тигранъ ищетъ опоры въ каждомъ изъ нихъ, подчиняется и помогаетъ то той, то другой сторонѣ, стараясь только предохранить свою собственную землю отъ бѣдствій вражескаго нашествія.

Преемникъ Тиграна, Артаваздъ, не съумѣлъ продолжать его мудрой политики и тѣмъ погубилъ Арменію. Вопреки обязательствамъ, онъ открыто принялъ сторону Парѳіи и выслалъ свои войска противъ легіоновъ Антоніи. Тогда Антоній хитростью заманилъ его въ свой лагерь, и въ серебряныхъ оковахъ отправилъ въ Александрію, гдѣ царь армянскій былъ преданъ смерти. Чтобы ослабить Арменію, Антоній послѣ того дѣлитъ ее уже на три части: Нижнюю, Верхнюю и Малую. Послѣдняя отдана была парю понтійскому, а первыя двѣ управлялись то царями изъ рода Арзасидовъ, то римскими сатрапами.

Съ этихъ поръ для Арменіи наступаетъ глухое и темное время, отъ котораго не осталось даже настоящихъ именъ ея царей и правителей. По крайней мѣрѣ римскіе и греческіе историки называютъ одни имена, въ то время, какъ историки армянскіе — совершенно другія. Нужно думать, что это историческое разногласіе произошло оттого, что армянскіе историки считаютъ царями этой эпохи потомковъ Аршакуни, которые при тогдашнихъ тревожныхъ обстоятельствахъ владѣли иной разъ лишь незначительною частію Южной Арменіи, тогда какъ въ остальныхъ областяхъ ея царили римскіе и пареянскіе ставленники, которыхъ армянскіе историки гордо игнорируютъ.

Къ этимъ-то потомкамъ Аршакуни и принадлежалъ Авгаръ, владѣвшій Едессою, знаменитый своими сношеніями съ Спасителемъ міра. Но за то къ нимъ же принадлежалъ и цѣлый рядъ другихъ царей, преемниковъ его, обратившихъ несчастную страну въ арену кровавыхъ убійствъ почти на цѣлое столѣтіе. Ананунъ, сынъ Авгара, предаетъ мечу все, что исповѣдуетъ послѣ отца его христіанскую вѣру. Санатрукъ, наслѣдовавшій ему, истребляетъ весь родъ Ананунa и всѣхъ потомковъ Авгара, Еруандъ убиваетъ Санатрука, уничтожаетъ дѣтей его, но и самъ погибаетъ отъ руки убійцы, въ борьбѣ своей съ Арташезомъ.

Единственный, уцѣлѣвшій отъ истребленія потомокъ славнаго дома Авгара, Арташезъ, — воспитанный въ горахъ и прозванный по этому случаю «питомцемъ горъ», — напоминаетъ своимъ правленіемъ лучшія времена Арменіи. Въ длинное сорокалѣтніе царствованіе его, несчастная страна отдохнула отъ тяжкихъ бѣдствій, угнетавшихъ ее при его предшественникахъ. Смерть этого царя вызвала въ народѣ выраженія истиннаго горя.

И было о чемъ горевать армянскому народу. Въ сынѣ Арташеза, Артаваздѣ II, возродился самый худшій представитель тиранніи, которая когда-либо существовала въ армянской землѣ. Его безпощадная кровожадность была такъ безумна, что народъ приписывалъ ее помѣшательству, для

объясненія котораго создалъ даже страшную легенду, показывающую, какіе глубокіе слѣды оставили въ народной памяти бѣдствія его короткаго царствованія.

Легенда эта разсказываетъ, что когда отецъ его, Арташезъ, по обычаю страны, лежалъ въ великолѣпномъ золотомъ гробѣ, на престолѣ изъ виссона, въ златотканномъ царскомъ одѣяніи, съ короною на головѣ и золотымъ оружіемъ въ ногахъ; когда, окружая престолъ, рыдали его сыновья, родные и множество старѣйшихъ нахараровъ; когда полки вооруженныхъ воиновъ, какъ бы готовыхъ на бой, стояли передъ умершимъ повелителемъ, а за ними — рыдали одѣтыя въ трауръ армянскія дѣвы, и тѣснились огромныя печальныя толпы народа; когда передъ гробомъ почившаго совершалось множество добровольныхъ самоубійствъ. — Артаваздъ, видя эти проявленія народной любви къ отцу, въ припадкѣ подозрительной зависти, говорилъ себѣ: «Мой отецъ увлекъ за собою народъ. Армяне орошаютъ гробъ его слезами и кровью. Они не хотятъ жить безъ него. Надъ кѣмъ же я буду царствовать?» Тогда — повѣствуетъ сказаніе: — Арташезъ поднялся изъ гроба и поразилъ сына проклятіемъ и безуміемъ, предрекая ему гибель и плѣненіе злыми духами. И вотъ, однажды, на охотѣ, въ окрестностяхъ Арарата, Артаваздъ, въ припадкѣ безумія, поворотилъ лошадь съ моста и стремглавъ низринулся въ глубину потока. — Не лишнее сказать, что по народнымъ пѣснямъ, сложеннымъ, очевидно, уже въ христіанскія времена, долго спустя послѣ Артавазда, онъ поглощенъ былъ пламененъ изъ разверзшагося передъ нимъ ущелья святаго Іакова. Но изъ-подъ острія смертной косы — говоритъ легенда: — Артаваздъ уведенъ былъ злыми духами въ ущелье Арарата и тамъ окованъ желѣзными цѣпями. Въ свирѣпой ярости онъ непрестанно грызетъ ихъ, чтобы убѣжать и снова нагнать на Арменію бурю злоключеній. Къ каждому новому году цѣпи становятся тоньше волоса и готовы разорваться. И вотъ, въ армянскомъ народѣ возникаетъ слѣдующій обычай. Наканунѣ новаго года, когда зажгутся вечерніе

огни, въ каждой армянской кузницѣ раздаются три мѣрные звонкіе удара. Въ этотъ вечеръ молотъ опускается не на раскаленное желѣзо, рождая тысячи огненныхъ брызгъ, куется не подкова карабагскому скакуну, — кузнецъ, исполняя древній обычай своего цеха, бьетъ молотомъ по наковальнѣ, сопровождая три удара таинственными словами: «крѣпчайте цѣпи Артавазда». Такъ выразилась въ народѣ боязнь, чтобы снова не настали времена жестокаго безумнаго царя.

Въ качествѣ римской данницы, Арменія влачила незамѣтное существованіе до половины третьяго вѣка. Не разъ пыталась она сбросить желѣзное иго Рима; и каждый разъ побѣждаемая, умѣла, однако, новыми договорами обезпечивать за собою хотя бы тѣнь политическаго существованія.

Въ половинѣ третьяго вѣка на Востокѣ совершаются крупныя событія. Въ Персіи, въ лицѣ царя Арташира, возникаетъ новая династія Сассанидовъ, и истребляетъ всю фамилію Арзасидовъ, господствовавшую въ тѣхъ странахъ около шести столѣтій. Такой переворотъ естественно не могъ не отразиться и на Арменіи, связанной съ Персіею тѣснѣйшими родственными узами. И вотъ, царь ея Великій Хозрой начинаетъ съ Сассанидами кровопролитную войну, столько же для поддержанія древней родственной династіи, какъ и для собственной защиты. Сассаниды нашли въ Хозроѣ смѣлаго и счастливаго противника. Онъ занялъ весь Адербейджанъ, разрушилъ главный городъ этой провинціи, стоявшій на мѣстѣ нынѣшняго Тавриза, и простеръ свои смѣлые набѣги далеко внутрь Персіи. Чтобы отдѣлаться отъ безпокойнаго противника, Арташиръ поручилъ одному изъ своихъ приближенныхъ убить Хозроя. Этотъ цареубійца былъ родственникъ Хозроя, нахараръ, происходившій изъ рода Аршакуни, по имени Анакъ. Какъ бы избѣгая гоненій новой персидской династіи, онъ пришелъ къ Хозрою, прося у него убѣжища. Дружески принятый, два года искалъ онъ случая исполнить свой злодѣйскій умыселъ, и, наконецъ, убилъ Хозроя на охотѣ, близъ столичнаго города Арташада.

Но и самъ убійца не успѣлъ бѣжать, и палъ жертвою народной ярости. Малолѣтній сынъ Хозроя, Тиридатъ, спасенный отъ преслѣдованія Сассанидовъ приближенными вельможами, былъ увезенъ въ Римъ, — и для Арменіи начинается тяжкій 27-лѣтній періодъ междуцарствія, послѣ котораго Тиридатъ, при помощи римскаго оружія, опять возвращается въ Арменію.

Тиридатомъ начинается христіанская эпоха въ странѣ, истомленной вѣками бѣдствій.

XXXIX.

Христіанская Арменія.

Древняя Арменія, какъ и всѣ народы, населявшіе сосѣднія страны, обоготворяла природу. Но во второй половинѣ третьяго вѣка царь Тиридатъ, изъ династіи Арзасидовъ, принимаетъ святое крещеніе, и съ тѣхъ поръ христіанство, крѣпнувшее съ вѣками, получаетъ значеніе огромной образовательной и государственной силы въ Арменіи. Оно нашло въ странѣ готовую почву. Свѣтъ истинной вѣры давно уже проникалъ въ нее, и начало христіанства мѣстныя преданія относятъ къ тому времени, когда Спаситель міра былъ на землѣ и совершалъ дѣло своей божественной проповѣди. Царь Авгаръ, владѣвшій тогда Едессою, послѣ неоднократныхъ походовъ въ Персію, впалъ въ тяжкую болѣзнь. А въ то время Востокъ уже огласился чудесами, которыя совершалъ въ землѣ Іудейской новый вели-

кій пророкъ, Іисусъ изъ Назарета. Едесскій царь, ища исцѣленія своей болѣзни, отправилъ къ Нему пословъ съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ: «Достигло до слуха моего о чудесахъ и дивныхъ исцѣленіяхъ Твоихъ безъ всякихъ врачебныхъ пособій. Гремитъ молва, что по слову Твоему слѣпые прозрѣваютъ, хромые и увѣчные ходятъ, прокаженные очищаются, что Ты изгоняешь бѣсовъ и злыхъ духовъ, возвращаешь здравіе неисцѣлимо больнымъ, и мертвыхъ вызываешь вновь къ жизни. Эти слухи, одушевляютъ меня; я вѣрую, что Ты Сынъ Божій, совершающій эти чудеса; осмѣливаюсь переслать къ Тебѣ это письмо и умоляю Тебя благодушно посѣтить меня, чтобы вылѣчить меня отъ мучительнаго моего недуга. Слышалъ я также, что іудеи Тебя преслѣдуютъ, ропщутъ на Твои чудеса и грозятъ Тебѣ гибелью. У меня здѣсь есть городъ, хотя не обширный, но спокойный; въ стѣнахъ его Ты найдешь все, въ чемъ можешь нуждаться».

Спаситель отвѣчалъ Авгару:

«Блаженъ, Авгаръ, въ Меня вѣрующій, не видя Меня, ибо обо Мнѣ писано, что видѣвшіе Меня не увѣруютъ, чтобы невидѣвшіе Меня увѣровали и обрѣли жизнь. Я долженъ здѣсь кончить то, для чего посланъ, и потомъ отойти къ Тому, Кто Меня послалъ. Возвратясь къ Нему, пришлю къ тебѣ одного изъ учениковъ Моихъ, да исцѣлитъ онъ тебя отъ недуга и да принесетъ съ собою жизнь тебѣ и твоимъ».

Христіанское преданіе говоритъ, что среди посланныхъ Авгара находился живописецъ, которому поручено было изобразить ликъ великаго пророка, и онъ рисовалъ въ то время, когда Спаситель говорилъ съ народомъ. Но лучезарныя черты божественнаго лица ускользали отъ искусной кисти живописца. Тогда Спаситель подозвалъ его къ себѣ, взялъ убрусъ, приложилъ его къ своему лицу и вручилъ его художнику. На убрусѣ отпечатлѣлся нерукотворный божественный образъ. Образъ этотъ и понынѣ составляетъ драгоцѣнное наслѣдіе города Едессы.

По Вознесеніи Христовомъ, когда божественная проповѣдь распространилась по лицу земли, апостолы появились и въ

Арменіи. Ѳома, изъ двѣнадцати, послалъ къ Авгару Ѳаддея, одного изъ семидесяти учениковъ Іисусовыхъ. Въ то время жилъ въ Едессѣ нѣкій вельможа, по происхожденію еврей. Ѳаддей и пришелъ къ нему. И вотъ, по всему городу разнеслась молва, что появился ученикъ великаго еврейскаго пророка, распятаго въ Іерусалимѣ и, какъ всюду носился слухъ, воскресшаго изъ мертвыхъ. Когда вѣсть о томъ дошла до царя Авгара, онъ сказалъ: «это тотъ, о которомъ писалъ Іисусъ», и тотчасъ же пригласилъ его къ себѣ. Когда Ѳаддей входилъ въ царскую палату, Авгаръ на лицѣ его увидѣлъ знаменіе Бога. Онъ всталъ съ своего престола и палъ ницъ передъ апостоломъ; вельможи, его окружавшіе, изумились, ибо не поняли знаменія. Авгаръ спросилъ Ѳаддея: «Не ты ли тотъ ученикъ Іисусовъ, котораго онъ обѣщалъ прислать ко мнѣ; не ты ли можешь исцѣлить мои недуги?» — Если вѣруешь во Христа Іисуса, Сына Божія, то просьба сердца твоего исполнится,—сказалъ ему Ѳаддей: «Я уже вѣрую въ Него и въ Отца Его, отвѣтилъ Авгаръ: — Я готовъ былъ съ своимъ войскомъ идти на истребленіе евреевъ, которые распяли его, если бы мнѣ не воспретилъ этого Римъ».

Тогда Ѳаддей, возложивъ на царя руку, исцѣлилъ его отъ недуга, и началъ проповѣдывать евангеліе ему и народу его. Онъ сотворилъ многія чудеса, исцѣляя больныхъ и недужныхъ. Авгаръ и весь городъ приняли крещеніе, замкнули двери языческихъ храмовъ и завернули тростникомъ кумиры, находившіеся на столпѣ и на жертвенникахъ.

Въ то же время апостолъ Варѳоломей съ своими учениками перешелъ Араксъ и распространялъ ученіе Христа въ восточной части Арменіи, не подвластной Авгару, строилъ церкви, ставилъ епископовъ, пока не былъ замученъ въ городѣ Аребани.

Христіанство, какъ и повсюду, медленно вытѣсняло древнюю вѣру, въ которой долго оставалась большая часть жителей,—и послѣдователи его подвергались страшнымъ гоненіямъ. Уже сынъ Авгара былъ лютымъ врагомъ христіанства. Подъ угрозою меча народъ возвращался къ своимъ кумирамъ.

Тщетно св. Аттей обличалъ царя, убѣждая внять голосу милосердія; онъ и самъ принялъ мученическій вѣнецъ изъ рукъ тирана.

И повсюду въ Арменіи преслѣдовались христіане. Одни изъ нихъ были замучиваемы, другіе скрывались въ горы и вели отшельническую жизнь, многіе поклонялись Христу тайно, оставаясь безъ пастырей. Два первыхъ вѣка христіанства прошли для Арменіи въ этой борьбѣ, въ чередованіи царей враждебныхъ Христу съ равнодушными къ Нему. Но число служителей истиннаго Бога росло,—и вотъ, появляется въ Арменіи царь Тиридатъ, сынъ Хозроя Великаго.

Исторія Тиридата необыкновенно знаменательна.

Когда отецъ его по волѣ царя Арташира персидскаго былъ измѣннически убитъ своимъ родственникомъ Анакомъ, и всему роду его грозила гибель, вѣрные вельможи спасли двухъ его младенцевъ, укрывъ дочь въ неприступной крѣпости Ани, а сына, Тиридата, отправивъ ко двору кесарей римскихъ, коренныхъ враговъ царей Сассанидовъ. Тиридатъ выросъ въ Римѣ. Не много данныхъ сохранилось о томъ, какое вліяніе обнаружилъ на него вѣчный городъ, но по свидѣтельству римскихъ историковъ, онъ велъ тамъ жизнь разгула и всевозможнаго потворства страстямъ, столь обычнаго въ городѣ Нерона, Калигулы, Каракаллы. Разсказываютъ, что Тиридатъ сдѣлался весьма популяренъ въ Римѣ необычайной силой, которую ему приходилось показывать въ ипподромѣ. А какова была тѣлесная мощь Тиридата—можно судить по нѣсколькимъ случаямъ, о которыхъ разсказываетъ Моисей Хоренскій: Разъ, уже будучи царемъ, онъ въ сраженіи съ аланами напалъ на вождя ихъ, и однимъ ударомъ обоюдоостраго меча разсѣкъ его пополамъ вмѣстѣ съ головой и шеей его лошади. Силѣ своей, по словамъ историковъ, Тиридатъ обязанъ и царскимъ саномъ. Передъ лицомъ императора Діоклетіана онъ сразилъ на поединкѣ исполина готскаго, вызывавшаго на бой самого кесаря, и благодарный императоръ облекъ его порфирой и отпустилъ на царство.

Тиридатъ вернулся въ родную сторону еще язычникомъ.

Но не одинъ возвращался онъ въ отечество; съ нѣкотораго времени неотлучно находился при немъ ревностный служитель, близкій его сердцу, хотя и невѣдомый родомъ, которому онъ вполнѣ довѣрялся. Этотъ служитель былъ будущій великій просвѣтитель Арменіи, святой Григорій.

Григорій былъ сынъ Анака, отъ руки котораго палъ царь Хозрой. Когда раздраженный народъ растерзалъ убійцу, Григорій, тогда двухлѣтній младенецъ, былъ спасенъ своею кормилицею, успѣвшею бѣжать съ нимъ. Одинъ персидскій вельможа, женатый на христіанкѣ, встрѣтивъ на пути кормилицу, пріютилъ младенца, и такимъ образомъ Григорій выросъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ ревностной поклонницы Христа. 19-ти лѣтъ онъ женился на дочери одного изъ именитыхъ армянскихъ князей, исповѣдывавшей также христіанскую вѣру, и отъ этого брака были у него два сына. Но призваніемъ Григорія была не тихая семейная жизнь; его влекло къ себѣ христіанское подвижничество. И онъ разстался съ дѣтьми и женой, которая съ своей стороны отдала себя также служенію Богу въ безмолвной обители. На душѣ Григорія лежалъ тяжкій грѣхъ отца, — онъ зналъ объ убійствѣ имъ царя Хозроя,—и, разставшись съ семьей, рѣшился искупить его тяжкимъ подвигомъ. Онъ отправился въ Римъ, чтобы служить Тиридату, сопровождалъ его въ походахъ съ римскими легіонами, всюду оказывая ему свою приверженность. Римъ былъ для великой души Григорія великою школою христіанской любви и терпѣнія: онъ былъ свидѣтелемъ гоненій на христіанъ, непобѣдимаго мужества ихъ вѣры, воодушевлялся имъ и готовился къ мученичеству, постигшему его въ Арменіи.

Съ царскими почестями и римскимъ великолѣніемъ шелъ Тиридатъ въ свое царство, окруженный многочисленной свитой и римскими легіонами. Народъ, изнуренный безпорядками 27-ми-лѣтняго междуцарствія и персидскимъ гнетомъ, съ восторгомъ встрѣчалъ единоплеменнаго царя. Тиридатъ желалъ торжественно отпраздновать свое вступленіе въ царство, и въ стѣнахъ храма Анагиды (Діаны) принесъ богатую

жертву, благодаря боговъ за сохраненіе своей жизни и царственное возвращеніе на родину. Но здѣсь вѣрѣ св. Григорія и суждено было подвергнуться тяжкому испытанію. Когда Тиридатъ потребовалъ, чтобы Григорій поклонился вмѣстѣ съ другими кумирамъ, Григорій отказался.

«Я исповѣдую Создателя неба и земли, и не поклоняюсь твореніямъ рукъ человѣческихъ; вѣрно служу царю земному,— хочу сохранить вѣрность и небесному,» сказалъ онъ. Тиридатъ былъ разгнѣванъ. Тогда, желая ускорить паденіе царскаго любимца, услужливые царедворцы открыли царю тайну рожденія Григорія. «Сынъ цареубійцы не достоинъ жизни!», воскликнулъ Тиридатъ. Григорій былъ подвергнутъ мучительнымъ истязаніямъ и, измученный пытками, брошенъ въ глубокій ровъ, наполненный ядовитыми гадами; въ ровъ этотъ, находившійся вблизи города Арташата, около того мѣста, гдѣ убитъ былъ нѣкогда царь Хозрой, обыкновенно ввергались преступники, осужденные на смерть. Цѣлыхъ 14 лѣтъ судьба Григорія облечена была непроницаемою тайной. Ни въ предѣлахъ Арменіи, ни въ чертогахъ Тиридата, нигдѣ не повторялось самое имя мученика, котораго считали уже погибшимъ. Но Провидѣніе хранило Григорія. Благочестивая вдовица, жившая подлѣ самой темницы, ежедневно бросала ему въ малое отверстіе скудную пищу, а ядовитые гады не касались его. И вотъ, насталъ наконецъ часъ, когда изъ святыхъ устъ мученика должна была раздаться христіанская проповѣдь и внести въ Арменію свѣтъ истинной вѣры.

Но прежде Провидѣніемъ суждено было пролиться новой мученической крови, чтобы засвидѣтельствовать о Христѣ въ странѣ языческой. «На костяхъ мучениковъ утверждается церковь». Незадолго передъ тѣмъ жили въ Римѣ пятьдесятъ дѣвъ, посвятившія себя на служеніе Богу; всѣ онѣ жили вмѣстѣ, подъ руководствомъ благочестивой старицы Гаяны, и между ними была одна царскаго рода, именемъ Рипсима, отличавшаяся необыкновенной красотою. Преслѣдуемыя Діоклетіаномъ, хотѣвшимъ взять Рипсиму въ жены, онѣ тайно отплыли въ Палестину, а тамъ божественное видѣніе внушило имъ

удалиться въ Арменію. 37 дѣвъ поселились близъ тогдашней армянской столицы Вагаршапатъ, въ убогомъ домикѣ, близъ виноградника, и проводили время въ трудахъ и молитвѣ. Кесаря извѣстили, гдѣ укрылась Рипсима, и онъ написалъ Тиридату, прося его выслать къ нему царевну, если онъ самъ не пожелаетъ взять ее себѣ въ супруги. Тиридатъ, пораженный ея красотой, послалъ ей богатые царскіе дары; они были отвергнуты. Тогда онъ приказалъ предать ее всенародно мучительной казни. Тридцать двѣ подруги ея, пришедшія взять тѣло мученицы, были также схвачены и на томъ же мѣстѣ преданы смерти. А затѣмъ, на другой день, были замучены и сама наставница Гаяна съ остальными тремя непорочными дѣвами, изъ которыхъ одна, Маріамна, убита на одрѣ болѣзни. Тѣла всѣхъ 37 дѣвъ были брошены на съѣденіе звѣрямъ, — но звѣри не смѣли коснуться святыхъ мученицъ.

На шестой день самъ Тиридатъ, его ближайшіе сановники и исполнители казни подверглись участи Навуходоносора. Пораженные безуміемъ, они стали скитаться съ дикими звѣрями и терзали собственное тѣло, наполняя страшными воплями окрестности Вагаршапата. Ужасъ объялъ столицу. Тогда, въ тайномъ видѣніи, сестра Тиридата была извѣщена, что только одинъ узникъ Григорій можетъ исцѣлить бѣсновавшихся. Нѣкій вельможа немедленно отправился въ Арташатъ, не вѣря, чтобы Григорій послѣ 14-лѣтняго забвенія въ ядовитой ямѣ, могъ быть еще въ живыхъ.

Григорій, однако, былъ живъ; его освободили, облекли въ свѣтлыя ризы и съ торжествомъ повезли въ Вагаршапатъ. Сестра царева, синклитъ и весь народъ вышли на встрѣчу къ нему за ворота столицы и пали къ ногамъ его. Въ то же время, привлеченные какою-то невѣдомой силою, бѣсновавшійся царь и сановники устремились къ святому и простерлись передъ нимъ съ дикими воплями. Григорій исцѣлилъ ихъ, говоря: «Не мнѣ поклоняйтесь,—ибо я только человѣкъ, вамъ подобный, а Тому, Кто создалъ небо и землю и насъ человѣковъ, и Кто нынѣ исцѣлилъ васъ.» «Гдѣ божіи серны?»

спросилъ онъ потомъ, и когда ему указали мѣсто избіенія дѣвъ, онъ собралъ нетлѣнные останки ихъ, обвилъ въ собственныя одежды, отвергнувъ, какъ недостойныя, богатыя ризы, принесенныя язычниками, снесъ ихъ въ одинъ виноградникъ, и остался тамъ въ уединенной молитвѣ надъ ними.

Въ полночь его посѣтило видѣніе.

Онъ видѣлъ, что сводъ небесъ разверзся, и необыкновенный свѣтъ пролился до земли; по направленію лучей его стремились сонмы ангеловъ, а передъ ними высокій мужъ, съ грознымъ взоромъ, держащій въ десницѣ своей золотой молотъ. Онъ летѣлъ съ неба быстрѣе орла и, достигши до центра города Вагаршапата, съ неимовѣрною силою ударилъ молотомъ въ землю. Застонала земля; гулъ пронесся въ нѣдрахъ ея, страшные вопли исторгались изъ ада, и горы сравнялись съ землею.

И вдругъ, посреди самаго города, близъ царскаго дворца, появился высокій, круглый, обширный золотой пьедесталъ на немъ—огненный столпъ, надъ столпомъ—облачный сводъ, увѣнчанный свѣтозарнымъ крестомъ; вокругъ него — четыре другихъ столпа, изъ которыхъ три на мѣстѣ казни святыхъ дѣвъ, и надъ каждымъ по кресту надъ сводами. Все изображеніе покрывалъ чудный куполъ изъ облаковъ, служившій основаніемъ огненному престолу, на которомъ крестъ Господень въ свѣтозарныхъ лучахъ проливалъ свѣтъ, проникавшій до самаго основанія столповъ. Тогда выступилъ изъ земли обильный источникъ и потекъ черезъ все поле, далѣе и далѣе, пока зрѣніе могло слѣдить за нимъ. Ангелъ Божій прилетѣлъ къ изумленному Святителю и сказалъ ему: «Мужъ съ грознымъ видомъ и высокимъ станомъ, шествовавшій впереди сонма ангеловъ, съ золотымъ молотомъ въ десницѣ, и ударившій по землѣ — Самъ Господь. Да будетъ мѣсто это храмомъ Божіимъ, домомъ молитвы всѣхъ вѣрующихъ и престоломъ Первосвященника.»

Всколебалась земля — и видѣніе исчезло.

На мѣстѣ его Григорій водрузилъ знаменіе креста и положилъ основаніе тремъ другимъ престоламъ, на мѣстѣ избіе-

нія Рипсимы, Маріамны и Гаяны съ ихъ подругами,—тамъ, гдѣ явились столбы. Главный престолъ былъ названъ «Шогокатъ», что значитъ «изліяніе лучей», и здѣсь, впослѣдствіи, основалась величайшая святыня Арменіи, монастырь, названный, въ память видѣнія, «Эчміадзинъ», т. е. «Сошествіе Единороднаго Сына». На другой день тѣла св. мученицъ были преданы землѣ. Раскаявшійся царь болѣе всѣхъ трудился для достойнаго погребенія своихъ жертвъ, и жены вельможъ носили на могилу ихъ камни въ своихъ драгоцѣнныхъ одеждахъ.

Царь и весь его совѣтъ единодушно рѣшили тогда избрать Григорія пастыремъ себѣ въ вѣрѣ Христовой и отправили его для посвященія къ архіепископу Кесаріи, Леонтію. Въ Кесарію, между тѣмъ, достигла уже молва о мученическихъ подвигахъ Григорія, о чудесномъ обращеніи имъ цѣлой страны къ свѣту Христову,—и Леонтій рукоположилъ Григорія епископомъ всей Арменіи. На берегахъ Ефрата встрѣтилъ возвращающагося святителя Тиридатъ со всѣмъ царственнымъ домомъ, сановниками и народомъ. Григорій крестилъ ихъ въ водахъ рѣки, освященной воспоминаніемъ о земномъ раѣ. Но прежде онъ наложилъ на нихъ короткій приготовительный постъ, который церковь Армянская и понынѣ соблюдаетъ въ память ея просвѣщенія.

Святитель водворился въ царственномъ Вагаршапатѣ и 30 лѣтъ свѣтилъ родинѣ своей словомъ истины и благимъ примѣромъ. Видя, что уже достаточно утверждена имъ вѣра Христова въ отечествѣ, Григорій поставилъ на каѳедру сына своего Аристагеса, а самъ удалился въ дикую пещеру области Таронской, гдѣ спасалась нѣкогда одна изъ спутницъ царевны Рипсимы. Тамъ онъ и кончилъ на молитвѣ свое труженическое поприще. Сосѣдніе пастухи обрѣли однажды невѣдомое имъ тѣло его и погребли въ пустынѣ. Только черезъ многіе годы открыто было небеснымъ видѣніемъ одному отшельнику мѣсто погребенія святителя, и его нетлѣнные останки перенесли съ честью въ селеніе Тартанъ, гдѣ устроилась обитель. Теперь голова святаго находится въ Неаполѣ, лѣвая рука въ

Сисѣ; правая же въ Эчміадзинѣ, гдѣ и понынѣ служитъ для посвященія преемниковъ его—католикосовъ.

Царь Тиридатъ былъ ревностнымъ помощникомъ Григорія въ распространеніи христіанства. По разсказу Моисея Хоренскаго, онъ обладалъ не одною тѣлесною силою, но и необыкновенною волей, и возвышеннымъ умомъ; а увлекательнымъ краснорѣчіемъ и силой убѣжденія онъ превышалъ даже самого просвѣтителя Арменіи, Григорія. Принявъ христіанство, онъ самъ сталъ проповѣдывать слово Божіе, разсказывая всѣмъ о чудесахъ, которыя Богъ сотворилъ надъ нимъ. Въ этой проповѣди провелъ онъ всю свою жизнь и палъ, наконецъ, жертвою той же ревности въ вѣрѣ. Въ управляемой имъ странѣ еще оставались многіе нахарары, державшіеся язычества, и царь постояннымъ увѣщаніемъ принять христіанство вызвалъ ропотъ даже среди своихъ приближенныхъ. Тогда онъ снялъ съ своей головы царскій вѣнецъ и ушелъ въ пещеру, гдѣ проводилъ свои послѣдніе дни святой Григорій. Царедворцы, боясь народнаго неудовольствія, просили его воротиться на царство, и когда онъ отказался — они отравили его. Армянская церковь причисляетъ Тиридата къ лику своихъ великихъ святыхъ, какъ равноапостольнаго.

Съ укрѣпленіемъ христіанства въ Арменіи, ея политическая жизнь выиграла не много. Если вначалѣ и установились у нея повидимому дружественныя отношенія къ сильной Византійской имперіи, то, съ другой стороны, Арменія столько же проиграла отъ усилившейся ненависти къ ней Сассанидовъ сосѣдней Персіи. Дружба Византіи вообще обходилась дорого Арменіи; императоры смотрѣли на нее просто какъ на свою вассальную страну, и въ этомъ именно смыслѣ оспаривали ее у персовъ. Арменія стала яблокомъ раздора между этими двумя сильными государствами, ареною разорительной для нея борьбы, и смутъ между нахарарами, переходившими на сторону то персовъ, то византійцевъ. А такіе переходы далеко не были безразличны для боровшихся сторонъ, такъ какъ они сопровождались обыкновенно переходомъ дружинъ и, главнымъ образомъ, конницы, которая счи-

талась въ то время лучшею въ цѣлой передней Азіи. По свидѣтельству самихъ греческихъ историковъ, въ концѣ концовъ, произошелъ даже простой раздѣлъ Арменіи между персами и греками, при чемъ послѣднимъ досталась лишь незначительная западная часть страны. Да и недолговременна была эта внѣшняя дружба маленькаго государства съ огромной имперіей; она превратилась скоро въ суровую ненависть, бывшую отчасти причиной того, что греки мало по малу потеряли и ту незначительную часть Арменіи, которая оставалась въ ихъ власти. Въ то время, какъ византійское правительство неблагоразумными поступками: закрытіемъ школъ, преслѣдованіемъ національности армянъ, ихъ языка и обычаевъ, отчуждало своихъ приверженцевъ, персидскій дворъ ласками, наградами, а еще чаще тайными интригами и обѣщаніями, привлекалъ на свою сторону нахараровъ, — и мало по малу въ Арменіи установилось преобладаніе персидской партіи. Цари, не имѣвшіе въ сущности фактической власти, давно уже были игрушкою въ рукахъ то того, то другого изъ соперничавшихъ государствъ; значеніе ихъ падало все болѣе и болѣе, а развратная жизнь надоѣла всѣмъ до того, что нахарары сами обратились къ персидскому царю съ настоятельной просьбой уничтожить въ Арменіи царское достоинство. Просьба эта, составлявшая полное торжество политики персовъ, была уважена, и въ 482 г. персидскій царь Баграмъ V свергнулъ, въ лицѣ Арташира, съ престола Арменіи династію Аршакуни. Страна сдѣлалась провинціей, раздробленной на множество нахарарствъ, — и самостоятельное существованіе Арменіи надолго прекратилось.

Это было печальное время въ Арменіи, печально тѣмъ болѣе, что армянскій народъ, быть можетъ, именно подъ вліяніемъ христіанства, началъ жить въ это время высокою умственною жизнію. Этой именно эпохѣ, V вѣку по Р. Х. принадлежитъ величайшій изъ армянскихъ писателей-историковъ, знаменитый Моисей Хоренскій, живой свидѣтель политическаго паденія своей родины. Моисей родился въ концѣ IV вѣка въ селеніи Хоренъ, давшемъ ему свое имя. Замѣ-

чательный умомъ, знаменитый историкъ видѣлъ въ теченіе своей долгой жизни весь тогдашній свѣтъ и имѣлъ возможность научиться всему, что знало человѣчество. Онъ былъ въ Едессѣ, Антіохіи, Византіи, посѣтилъ Римъ, Палестину, Аѳины и Александрію, читалъ произведенія греческихъ и римскихъ классиковъ, и, наконецъ, своей исторіей Арменіи создалъ великій памятникъ и въ родной литературѣ. Онъ прожилъ, какъ говорятъ, 117 лѣтъ. Воротившись уже въ старости изъ своихъ путешествій,—онъ засталъ Арменію какъ разъ во время паденія династіи Аршакуни, и въ такомъ положеніи, которое исторгло у него вопли страданія. «Сѣтую о тебѣ, земля Армянская,—записалъ онъ въ своей исторіи: — сѣтую о тебѣ, страна благороднѣйшая изъ всѣхъ странъ Сѣвера: нѣтъ у тебя болѣе ни царя, ни священника, ни совѣтника, ни учителя... Жалѣю о тебѣ, церковь армянская, не вижу болѣе разумное твое стадо, ни пасущимся на зеленомъ лугу, покоющимся у водъ, ни собраннымъ въ овчарни, ни защищеннымъ отъ волковъ: оно разсѣяно по пустынямъ и крутизнамъ горъ»... Такъ оплакивалъ свою отчизну благороднѣйшій сынъ своего вѣка и своей страны.

Около половины 7-го вѣка пали и сами Сассаниды; ихъ мѣсто заняли новые завоеватели, арабскіе калифы, — и въ борьбѣ между ними и византійскими императорами, Арменія снова сдѣлалась ареною кровопролитій и опустошеній, завоевываемая то арабами, то греками. Ревностнѣйшіе распространители своей религіи, арабы, по отношенію къ Арменіи, оказались, однако, не худшими властителями, и даже наименѣе стѣснявшими ихъ политическую жизнь и религіозную свободу. Одинъ изъ нахараровъ, Ашотъ, происходившій изъ древней армянской фамиліи Багратидовъ (Багратуни), съ соизволенія самихъ, уже слабѣвшихъ калифовъ, искавшихъ опоры между прочимъ и въ Арменіи, принялъ въ 885 г. царскій титулъ и, возложивъ на себя корону, началъ собою новую династію Багратидовъ.

Происхожденіе этой фамиліи и ея значеніе въ прежней жизни Арменіи составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ стра-

ницъ армянской исторіи. По преданію, во времена вавилонскаго плѣненія въ Арменію пришла еврейская колонія подъ предводительствомъ нѣкоего Шамбата, производившаго свой родъ отъ царя Давида. При царѣ Вагаршакѣ, одинъ изъ потомковъ Шамбата, Багаратъ, за преданность и помощь царю, за вѣрность и мужество, получилъ званіе родоначальника и занялъ придворную должность возлагателя короны. Арташезъ II, за новыя заслуги одного изъ Багратидовъ, пожаловалъ ему вѣнецъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Права и должности, пожалованныя Багратидамъ этими царями, были наслѣдственными въ ихъ родѣ, давая имъ большое значеніе между нахараркими родами. И гордые Багратиды всегда помнили эти права. Разсказываютъ, что одинъ изъ Багратидовъ, Сембатъ, взявъ въ плѣнъ измѣнника Меружана, претендовавшаго на армянскую корону, надѣлъ ему на голову свернутое на подобіе вѣнца раскаленное желѣзо, говоря: «вѣнчаю тебя, Меружанъ! Ты искалъ армянской короны—и мнѣ, вѣнценалагателю, по обычному наслѣдственному нашему праву, надлежитъ возложить на тебя корону».

Одинъ изъ представителей этого знаменитаго рода и становится теперь царемъ Арменіи. Геній народный какъ бы воскресъ со вступленіемъ на престолъ династіи Багратидовъ; для Арменіи настала новая эпоха благосостоянія и развитія. Столицею царства былъ сдѣланъ городъ Ани, который съ теченіемъ времени украсился великолѣпными храмами и дворцами, и разросся до стотысячнаго населенія. Развалины этого города понынѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, какой высокой степени просвѣщенія достигала тогда Арменія и какая будущность могла бы предстоять ей, если бы не грозы все новыхъ и новыхъ нашествій.

При Багратидахъ оправившаяся Арменія пользовалась нѣкоторымъ спокойствіемъ и значеніемъ до конца X вѣка; и цари, хотя власть ихъ была зависима и нуждалась въ признаніи, то со стороны калифовъ, то со стороны византійскихъ императоровъ, нерѣдко носили титулъ царя царей. Но съ начала XI вѣка между самими представителями династіи воз-

никли раздоры и войны за престолъ. Арабы изъ политическихъ видовъ поддерживали семейныя распри, охотно раздавая короны разнымъ членамъ царствующей фамиліи. Въ Арменіи возникли тогда три царства: одно въ нынѣшнемъ Ванскомъ пашалыкѣ, другое въ Карсѣ, третье въ области Сюникъ (Карабагъ). И каждый изъ трехъ царей желалъ преобладанія надъ другими и титула царя царей.

А между тѣмъ наступила эпоха паденія Багдадскаго калифата, и съ запада шли несмѣтныя орды завоевателей. Армянскіе цари, озабоченные междоусобною борьбою и усмиреніемъ непокорныхъ нахараровъ, уже не имѣли возможности защищать отечество отъ этихъ новыхъ опустошительныхъ нашествій. Быстро падаетъ благосостояніе Арменіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и царская власть. Наконецъ сами нахарары измѣннически предали послѣдняго Багратида II византійскому императору Константину Мономаху. Отвезенный подъ предлогомъ свиданія съ императоромъ въ Константинополь, онъ былъ тамъ коварно задержанъ и силой принужденъ отречься отъ престола. Столица его Ани была захвачена также путемъ измѣны, несмотря на упорное сопротивленіе жителей. Греки, впрочемъ, не долго пользовались плодами своего коварства. Въ 1064 году султанъ Али-Арсланъ овладѣлъ Ани. Армянское царство пало навсегда, и лишь за немногими нахарарами оставалась нѣкоторая власть. Но въ 1242 году пришли монголы, и разгромили всю Арменію, оставивъ въ ней лишь слабые признаки нѣкогда бывшей политической самостоятельности.

Въ то время, когда оканчивалось существованіе Великой Арменіи, на недолгое время пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе Арменія Малая. Въ эту страну, и сосѣднюю съ ней Киликію, переселились многіе армяне, гонимые бѣдствіями отечества. Они вмѣстѣ съ кореннымъ населеніемъ и образовали отдѣльное государство. Маленькое государство это въ одиннадцатомъ вѣкѣ успѣло сбросить съ себя византійское иго и поставило себѣ царемъ родственника Багратидовъ, Рупина, — перваго представителя цѣлой династіи. Малой Арменіи довелось играть

настолько замѣчательную роль въ крестовыхъ походахъ, что царь ея, Леонъ II, былъ возведенъ императоромъ Генрихомъ VI въ короли и, 6 января 1192 года, коронованъ въ Тарсѣ. Довольно долгое время Мало-Армянское царство счастливо противостояло притязаніямъ монголовъ и турокъ; но внутреннія неурядицы, вмѣстѣ съ вмѣшательствомъ папъ въ церковныя дѣла, мало по малу совершенно ослабили и его.

Въ 1375 году послѣдній царь Арменіи, Леонъ VI, былъ плѣненъ мамелюками и, такимъ образомъ, прекратилось политическое существованіе и послѣдней отрасли армянскаго царства.

Не лишнее сказать, что Леонъ VI впослѣдствіи освободился изъ плѣна и умеръ въ Парижѣ, въ 1393 году. Онъ погребенъ въ церкви Целестиновъ, откуда прахъ его позднѣе былъ перенесенъ въ Сенъ-Дени. Надъ его могилою стоитъ памятникъ, и понынѣ посѣщаемый многими путешественниками. Современный Леону французскій историкъ Фруассаръ говоритъ о немъ: «Лишенный трона, онъ сохранилъ царскія добродѣтели и прибавилъ къ нимъ еще новыя—великодушіе и терпѣніе. Съ своимъ благодѣтелемъ Карломъ IV онъ обходился, какъ съ другомъ, но никогда не забывалъ собственнаго царскаго сана. И смерть Леона была достойна жизни его».

Возвращаясь къ прошлому, можно отмѣтить, что во время крестовыхъ походовъ выдающаяся и въ то же время страшная роль выпала на долю Едессы, города Авгара. Въ первой половинѣ XII вѣка, она была во власти французскихъ крестоносцевъ; но потомъ ее взялъ и предалъ жестокому опустошенію турецкій султанъ, отецъ славнаго Нуредина. Франки снова овладѣли городомъ, — вслѣдъ затѣмъ, опять должны были уступить его туркамъ. Едесса понесла на этотъ разъ такой кровавый разгромъ, что даже хладнокровный лѣтописецъ восклицаетъ: «О тучи гнѣва, о день жестокій, о ночь смерти, заря ада, день погибели для несчастныхъ едессцевъ, жителей великолѣпнаго города!»

Съ паденіемъ Мало-Армянскаго царства начинается рядъ

переселеній армянъ въ разныя страны земного шара. Гонимые бѣдствіями отечества, они разбросались тогда на востокъ до Индіи, и на западъ—по цѣлой Европѣ, преимущественно въ главныхъ центрахъ ея, въ Парижѣ, Лондонѣ и т. д. Тѣмъ не менѣе, основная масса населенія осталась въ своей первоначальной странѣ, и лишь европейская Россія и собственно Константинополь отняли у родины армянъ многихъ ея членовъ, сдѣлавшись очагами армянской эмиграціи. Это стремленіе армянъ къ переселеніямъ не даетъ права заключить, по словамъ одного историка, «о бездушномъ индиферентизмѣ ихъ къ своему отечеству»; оно объясняется вѣковыми религіозными гоненіями.

Въ 1472 году, когда возникаетъ новое персидское царство, Арменія становится простой персидской провинціею. Западную часть ея, сто лѣтъ спустя, завоевалъ турецкій султанъ Селимъ II, восточная — осталась попрежнему за Персіей. И въ этомъ видѣ застаетъ и Великую и Малую Арменію новѣйшая исторія.

Такова въ краткихъ очертаніяхъ политическая исторія армянскаго народа въ эпоху господства въ немъ христіанской вѣры. Въ 15-ти вѣковой періодъ она не представляетъ ни великихъ полководцевъ, ни крупныхъ политическихъ дѣяній, которыхъ не чужда древняя исторія Арменіи. Политическая самостоятельность уже никогда не поднималась въ Арменіи въ этотъ длинный рядъ столѣтій, и страна была то безмолвной данницей сильныхъ сосѣдей, то яблокомъ раздора между ними. Каждый сильный народъ, появляющійся на сценѣ историческаго міра, каждое новое нашествіе значило для Арменіи только перемѣну повелителя.

Но тѣмъ удивительнѣе зрѣлище народа, сохранившаго въ эти вѣка зависимости и вѣру, и языкъ, и свою особенную духовную физіономію, въ то время какъ сосѣдніе великіе народы, управлявшіе судьбами міра, вмѣстѣ съ потерею политическаго могущества, обыкновенно утрачивали и нравственную самобытность, сливаясь съ другими племенами. Невозможно отказать Арменіи въ своеобразномъ величіи, невозможно

представить ее себѣ лишенной мужества и нравственной силы. Дѣйствительно, если отъ верхняго слоя фактовъ, отмѣчаемыхъ политическою исторіею, погрузиться въ глубь вѣковой жизни армянскаго народа, передъ наблюдателемъ возникаетъ картина не сонливой неподвижности порабощенной страны, а постоянной дѣятельности, направленной именно на то, чтобы сберечь свой духъ отъ притязаній завоевателей. Существуютъ свидѣтельства, что въ этой суровой борьбѣ армяне не разъ проявляли высокую нравственную силу. Этотъ народъ, столь неспособный къ завоеваніямъ, такъ немного заботившійся о политической самостоятельности, представилъ мощныя доказательства того, что не въ отсутствіи мужества лежитъ объясненіе его вѣковой исторической зависимости, и что тамъ, гдѣ могъ и находилъ нужнымъ бороться—онъ находилъ въ себѣ и непреоборимыя силы.

Вотъ что писалъ, напримѣръ, одинъ изъ персидскихъ полководцевъ эпохи Сассанидовъ объ армянахъ, сражавшихся съ нимъ подъ предводительствомъ нѣкоего героя Вагана: «Сколько вреда нанесъ намъ Ваганъ съ своей малочисленной дружиной, говоря истину, состоявшей иногда въ нѣсколькихъ сотенъ людей, могутъ свидѣтельствовать старшины нашего войска. Тяжело говорить, и покажется невѣроятною рѣчь моя, какъ съ малочисленной дружиной онъ неустрашимо велъ упорную борьбу, дѣлая нападенія на войска, расположенныя въ станѣ, и причиняя огромный вредъ. Но я разскажу объ одномъ дѣлѣ, котораго я самъ былъ свидѣтель—дѣло неслыханное, превышающее всѣ дѣла человѣческія; оно покажется для слушателей невѣроятнымъ. Съ 30 воинами Ваганъ безстрашно напалъ на три тысячи человѣкъ и совершилъ такой подвигъ, что бывшіе тамъ до сихъ поръ воспоминаютъ объ немъ, и до сихъ поръ не могутъ освободиться отъ наведеннаго на нихъ страха. Дѣло это ничему нельзя уподобить. Какъ дѣятельные работники, острыми серпами и косами, накосивъ траву и собравъ ее въ скирды, весело и безпечно возвращаются по домамъ своимъ, точно также и 30 воиновъ, армянъ, напавъ на полкъ Махрама, разбили, опрокинули его

и множество храбрыхъ перерѣзали, а сами не убѣгали, не гнали своихъ лошадей назадъ, но долгое время беззаботно ѣхали около насъ, и никто изъ нашего войска не смѣлъ взглянуть на нихъ, — они казались намъ не людьми. Хотя эти слова, произнесенныя передъ тобою — дерзость съ моей стороны, но я осмѣливаюсь высказать истину. Если бы Арменія съ такими людьми была съ нами, то Грузія и Албанія не посмѣли бы никогда отложиться отъ насъ...»

И если, дѣйствительно, политическая исторія Армянскаго царства представляетъ преимущественно и почти исключительно факты безсилія предъ иноплеменниками, приходившими покорять ею, то исторія христіанства въ этой странѣ, напротивъ богата доказательствами необыкновенной, упорной стойкости народа въ защитѣ своихъ вѣрованій; этой силѣ религіознаго духа онъ и обязанъ сохраненіемъ своей національной обособленности. Въ долгіе вѣка подчиненнаго существованія, Арменія была постоянной мученицей, и, вѣруя въ слова Спасителя, что «пройдутъ и земля, и небо, но не пройдутъ никогда слова Господни,» — вела упорную, кровавую борьбу съ язычествомъ, магометанствомъ и, наконецъ, съ нетерпимостью Византіи.

Вся эпоха зависимости Арменіи отъ персовъ испещрена фактами защиты вѣры съ оружіемъ въ рукахъ. Персидскіе цари неумолимо преслѣдовали въ ней христіанство, побуждаемые къ тому всего болѣе причинами политическими. Въ своемъ непреклонномъ стремленіи отнять Арменію отъ Византіи и уничтожить въ ней греческое вліяніе, они, вѣчно сомнѣвавшіеся въ вѣрности иновѣрныхъ армянъ, употребляли всѣ силы къ тому, чтобы привлечь къ себѣ нахараровъ, а въ народѣ ввести огнепоклонство, и религіозными узами крѣпко связать Арменію съ Персіею. Такъ, персидскій царь Шапухъ послалъ въ Арменію многочисленное войско, подъ начальствомъ одного изъ армянскихъ же нахараровъ, отступника Меружана, прямо съ цѣлью искорененія въ ней христіанства. Меружанъ старался уничтожить весь чинъ христіанскій, заключалъ епископовъ и священниковъ въ оковы и

отсылалъ ихъ въ персидскую землю, объявлялъ повелѣніе царя, чтобы никто не учился и не говорилъ по-гречески, сжигалъ греческія книги и запрещалъ переводить ихъ. Царь Шапухъ II, сомнѣваясь въ покорности армянскаго царя Аршака, упрекалъ его за дружбу съ греческимъ императоромъ и говорилъ: «Я знаю, что вы, армяне, хитрите и обманываете меня; вы любите того, кто исповѣдуетъ вашу вѣру и, сдѣлавшись его единомышленниками, отъ меня убѣгаете.» И въ чаду подозрительнаго недовѣрія Шапухъ клялся солнцемъ, водою и огнемъ, что не оставитъ въ живыхъ ни одного христіанина. Эта политика по отношенію къ Арменіи была общею для длиннаго ряда персидскихъ царей съ IV и до VII вѣка. Одному изъ византійскихъ императоровъ армяне писали: «Мы непоколебимо сохранили вѣру отъ жестокихъ, нечестивыхъ царей персидскихъ, когда они упразднили престолъ нашъ, погубили всѣхъ нахараровъ и войско страны нашей, предали мечу мужей и женъ, и увели въ плѣнъ множество жителей городовъ и деревень, оставивъ висѣть надъ остальными всегда угрожающій мечъ»... И только уже въ позднѣйшее время одинъ изъ персидскихъ царей издалъ указъ: «чтобы каждый оставался въ своей вѣрѣ, и чтобы съ этихъ поръ никто не смѣлъ притѣснять армянъ, такъ какъ всѣ они наши подданные, и тѣлами намъ будутъ служить, а души ихъ пусть вѣдаетъ Тотъ, Кто души судитъ...»

Указъ этотъ не надолго, однако, избавилъ Арменію отъ религіозныхъ преслѣдованій. Появились арабы, за ними татары—и она вновь подверглась опустошительнымъ набѣгамъ и вновь пролила потоки крови, защищая вѣру отцовъ отъ фанатизма мусульманъ.

Не меньше притѣсненій пришлось вынести армянамъ и отъ христіанской Византіи. Только въ самомъ началѣ и были дружественныя отношенія между армянскими царями и византійскими императорами. Тиридатъ, какъ говорятъ, пользовался большой пріязнью императора Константина, который, вмѣстѣ съ Патріархомъ, съ любовью принялъ его и св. Григорія въ Византіи. «Два царя и оба архипастыря обязались жить и умереть

другъ за друга, и въ знакъ ненарушимости договора, грамоту обмочили въ Святыя Тайны.» Этотъ договоръ легъ въ основаніе отношеній между Арменіей и Византіей и на него постоянно опирались въ случаяхъ возникавшихъ недоразумѣній.

Но вражда не замедлила разъединить два единовѣрные народа. Армяне, остановившіеся на постановленіяхъ трехъ первыхъ вселенскихъ собоворъ и не признававшіе остальныхъ, являлись схизмою въ глазахъ константинопольскихъ патріарховъ, и естественно должны были постепенно отчуждаться отъ нихъ и сами. Византійскіе императоры думали, что стоитъ только склонить на свою сторону армянское священство — и весь народъ присоединится къ греческой церкви. Но они ошиблись. Нѣкоторые епископы склонялись къ признанію всѣхъ вселенскихъ соборовъ, но этимъ только лишали себя значенія въ народѣ и создавали къ себѣ народную ненависть. Въ XI вѣкѣ, императоры замышляли даже упразднить самый престолъ армянскихъ католикосовъ и силою заставить армянъ принять греческую вѣру.

Какъ поступала Византія, показываетъ письмо армянскаго католикоса Нерсеса къ императору Мануилу, по поводу проектировавшагося соединенія церквей армянской и греческой. «Вамъ слѣдуетъ не грозной царской силой привлекать къ себѣ удалившихся, но христіанскимъ смиреніемъ, — писалъ архипастырь:—Не должно повторяться то, что было причиною нашего отъ васъ удаленія: разореніе церквей, ниспроверженіе престоловъ Господнихъ, истребленіе Христовыхъ знаменій, жестокія преслѣдованія духовенства и разныя клеветы». Слѣдствія такой политики Византіи были весьма невыгодны для самихъ же грековъ; армяне, вначалѣ смотрѣвшіе на Грецію, какъ на единовѣрную христіанскую державу, помогавшіе ей въ войнахъ съ Персіей и перенесшіе столько гоненій за свою преданность къ ней, въ концѣ концовъ возненавидѣли грековъ и болѣе желали быть подданными турокъ, чѣмъ христіанскихъ императоровъ.

Въ непрестанной борьбѣ за свою вѣру, армянскому народу естественно было выучиться считать ничтожными передъ

нею и жизнь, и имущество, и всѣ остальные интересы общественнаго и личнаго существованія. Это воззрѣніе армянскаго народа и создало его духовенству преобладающее положеніе въ странѣ. Духовная іерархія армянской церкви получила окончательное устройство при патріархѣ Нерсесѣ Великомъ, въ IV столѣтіи. Когда епископы константинопольскіе и іерусалимскіе начали именоваться патріархами, царь Аршакъ и нахарары возвели Нерсеса въ патріаршій санъ, и съ этихъ поръ армянскіе патріархи принимаютъ посвященіе уже не изъ Кесаріи, но отъ собора своихъ епископовъ. Въ первыя времена они выбирались исключительно изъ рода Григорія Просвѣтителя, что облекало ихъ ореоломъ святости; и прекращеніе этого рода впослѣдствіи—считалось причиною всѣхъ несчастій Арменіи. Не всѣ католикосы оставили равную память въ исторіи армянской церкви, но всѣ одинаково служили выразителями внутренней, духовной жизни своего народа. Выходя изъ нѣдръ его и охраняя его интересы, католикосы естественно пріобрѣтали въ странѣ все бо̀льшее и бо̀льшее вліяніе. И между тѣмъ какъ свѣтская власть посреди безпрестанныхъ политическихъ бурь падала, переходя изъ рукъ Аршакуни къ Сассанидамъ, отъ Сассанидовъ къ византійцамъ, а нахарары отступничествомъ или насиліемъ старались ее вырвать другъ у друга,—церковное управленіе казалось основаннымъ на незыблемомъ началѣ. Дворъ католикоса сталъ отличаться внѣшними знаками величія и пышностью. По свидѣтельству одного изъ историковъ, «двѣнадцать епископовъ и четыре вардапета (ученые монахи), 60 іереевъ изъ иноковъ и 500 мірянъ», были всегда въ домѣ патріарха. Престолъ патріаршій былъ не бѣднѣе царскаго. Страна покрылась монастырями; готовыми исполнять повелѣнія католикосовъ; каждый изъ этихъ монастырей, привлекая толпы богомольцевъ, сдѣлался средоточіемъ цѣлаго округа. Свѣтская власть должна была селиться о бокъ съ духовною, и, при шаткости первой, рѣзко выставлялась наружу незыблемость послѣдней. Такимъ образомъ Арменія, безсильная противъ бурь политическихъ, создала себѣ крѣпкое оружіе для ограж-

денія религіозныхъ притязаній Византіи и Рима. Католикосъ является независимымъ главою особой церкви — и эта самостоятельность ея составляетъ духовную связь, понынѣ дѣлающую изъ армянъ, разсѣянныхъ по разнымъ странамъ, *одинъ народъ*.

Религіозная жизнь наложила свой яркій колоритъ на всѣ представленія народа. Мертвая природа ожила передъ умственными очами въ образахъ, которые ему дало священное писаніе. Араратъ въ своей серебряной, раздвоенной тіарѣ, вѣроятно бывшій нѣкогда огнедышащей горой,—по легендарнымъ сказаніямъ армянъ былъ тѣмъ пламеннымъ мечемъ архангела, который возбранялъ Адаму и его потомству входъ въ потерянный рай. Всемірный потопъ потушилъ огненный мечъ и разрушилъ Эдэмъ, но именно потому-то Ной и долженъ былъ пристать къ Арарату, чтобы родъ человѣческій вторично началъ свое существованіе у воротъ рая.

Величавыми преданіями окружились святыя мѣста армянской земли. Эчміадзинъ, столица католикосовъ, въ которой встарину считалось обязательнымъ для каждаго армянина побывать хоть одинъ разъ въ жизни, сіяетъ въ ореолѣ отдаленной древности. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда царственный Вагаршапатъ, стоитъ теперь Эчміадзинъ, а вблизи его другіе три монастыря Гаяны, Рипсимы и Шагокатъ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ возникли столбы въ видѣніи св. Григорія. Эчміадзинская церковь, построенная крестообразно изъ краснаго порфира, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, сохранила и до сихъ поръ общій характеръ и размѣры, данные видѣніемъ. Все здѣсь говоритъ о тѣхъ временахъ, когда въ странѣ появился впервые свѣтъ истинной вѣры.

Въ Эчміадзинѣ хранятся величайшія святыни Армянской церкви: десница св. Григорія, которою рукополагаются и понынѣ преемники его, католикосы, голова блаженной Рипсимы и руки: апостола Ѳаддея, сына св. Григорія, Аристагеса, и родственника его св. Іакова. По древнему армянскому обычаю священные предметы эти вложены въ особыя серебряныя изваянія, чтобы благословлять ими народъ, какъ бы руками

самихъ святителей. Тутъ же показываютъ и небольшой кусочекъ дерева отъ Ноева ковчега, добытый, по мѣстнымъ преданіямъ, св. Іаковомъ.

Богатый серебряный кіотъ, съ вычеканенными на немъ иконами, хранитъ священное для каждаго христіанина копье, которымъ былъ прободенъ на крестѣ Спаситель. Копье, обагрившееся кровью Христа, сдѣлано изъ простого чернаго желѣза, съ довольно широкимъ лезвіемъ; внизу лезвія — полукругъ; боковыя крылья обломаны, и изъ нихъ сдѣланъ крестъ, прибитый гвоздями надъ полукругомъ; на нижнемъ концѣ— рельефныя фигуры ангеловъ. Украшенія эти появились уже послѣ того, какъ оно послужило исполненію пророчества, а преданіе утверждаетъ, что крестъ и гвозди на копьѣ вбиты рукою апостола Ѳаддея, принесшаго его въ даръ царю Авгару, послѣ вознесенія Спасителя. Прежде, по свидѣтельству старыхъ людей, вмѣстѣ съ копьемъ хранился въ Эчміадзинѣ и одинъ изъ гвоздей, которымъ былъ пригвожденъ Спаситель ко кресту. Теперь его уже нѣтъ.

Тифлисскимъ жителямъ памятно чудо, совершенное надъ ихъ городомъ въ страшную чуму 1813 года. Объятое ужасомъ населеніе послало въ Эчміадзинъ почетную депутацію за святымъ копьемъ, которому издавна приписывалась таинственная сила — отвращать губительныя повѣтрія. Медики возстали тогда противъ этого, говоря, что при лобзаніи святыни всѣмъ народомъ еще болѣе распространится страшная язва. Генералъ Ртищевъ, управлявшій въ то время Грузіею, сталъ на сторону народа, и копье было встрѣчено за городомъ духовенствомъ и всѣмъ населеніемъ. И старые и малые, и хворые и немощные, спѣшили съ вѣрою приложиться къ святынѣ. Моръ прекратился. Такое же явленіе повторилось позднѣе, уже при Паскевичѣ, во время его турецкаго похода 1829 года. Чума появилась въ войскахъ въ Баязетѣ; но едва, по приказанію Паскевича, святое копье было принесено туда изъ Эчміадзина—чума прекратилась.

Основаніе другого священнаго монастыря армянъ, на озерѣ Гокчѣ, преданія относятъ также къ началу христіанства въ

Арменіи. Они говорятъ, что тамошній храмъ во имя Св. Воскресенія Христова основанъ Просвѣтителемъ Григоріемъ въ 305 году. Соорудивъ храмъ, св. Григорій сказалъ: «са-э-ванъ», что значитъ: то—монастырь, и названіе это, послѣ столькихъ столѣтій, дошло до насъ подъ именемъ *Севангъ*. Теперь храмъ этотъ разрушенъ; но близъ развалинъ его понынѣ лежитъ каменный крестъ, освященный, какъ гласитъ преданіе, руками Великаго Просвѣтителя.

Послѣ св. Григорія скоро явились на островѣ еще три храма, сооруженные изъ тесаннаго камня. Построеніе двухъ изъ нихъ приписывается нѣкоей царицѣ Маріи. Преданіе, сохранившееся у пустынниковъ севангскихъ, утверждаетъ, что царица получила завѣщаніе отъ супруга своего построить въ разныхъ мѣстахъ Арменіи сорокъ церквей. Построивши 38, благочестивая царица пожелала прибыть на островъ Севангъ, чтобы основать тамъ остальныя двѣ церкви. Настоятель пустыни, св. Маштоцъ, извѣстилъ царицу, что онъ не можетъ позволить ей вступить на островъ, потому что, по правиламъ монастыря, женщина не должна переступать за его ограду. Послѣ долгихъ просьбъ Маріи, настоятель послалъ къ ней одного изъ иноковъ сказать: «молись Богу, чтобы получить то, что желаешь»; и самъ онъ на колѣняхъ молился цѣлую ночь, прося Бога, чтобы небеснымъ видѣніемъ дано ему было знать, можно ли царицѣ вступить на островъ. Въ одно и то же время, и царицѣ на берегу озера, и настоятелю въ монастырѣ, было одно и то же видѣніе. Разверзлось небо, и на островъ медленно нисходилъ яркій свѣтъ, окруженный 12-ю апостолами, которые сказали св. Маштоцу: «Здѣсь постройте церковь во имя наше», — и опять поднялись на небо. На слѣдующее утро царица вступила на островъ, гдѣ у воротъ монастырскихъ встрѣтилъ ее настоятель. Они и основали два храма, во имя св. Апостоловъ и Богоматери. Событіе это относятъ къ концу IX вѣка. Севангскіе пустынники и нѣкоторые изъ армянскихъ писателей утверждаютъ, что царица Марія, оставивъ міръ, постриглась въ монахини и провела на островѣ Гокчѣ послѣдніе дни

своей жизни. Гробницу ея указываютъ къ сѣверовостоку отъ главнаго храма монастыря. На надгробномъ камнѣ есть надпись, но разобрать ее нельзя—такъ она заросла мохомъ.

Арменія—страна развалинъ. Но и въ этихъ развалинахъ вѣетъ все тотъ же духъ религіозныхъ преданій. Одно изъ нихъ, относящееся къ св. Іакову, прибавляетъ лишнюю мистическую черту къ вѣчно таинственному Арарату. Св. Іаковъ, родственникъ Великаго Григорія, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ подвижникамъ Арменіи, и нетлѣнная рука его, какъ сказано выше, хранится въ Эчміадзинѣ.

Мѣстная легенда разсказываетъ, что св. Іаковъ, проводившій подвижническую жизнь въ ущельяхъ Арарата, былъ мучимъ желаніемъ увидѣть Ноевъ ковчегъ. Нѣсколько разъ пытался онъ войти на вершину Арарата. Но каждый разъ, какъ исполненіе завѣтной мечты казалось уже близко, сонъ овладѣвалъ имъ, и невѣдомая сила сносила его обратно къ подножію горы. Іаковъ не хотѣлъ, однакоже, оставить своего намѣренія. И вотъ, однажды, въ сонномъ видѣніи, явился ему ангелъ и запретилъ всходить на гору, а въ вознагражденіе трудовъ вручилъ ему кусокъ дерева отъ Ноева ковчега. Іаковъ принесъ его въ даръ Эчміадзину, а на мѣстѣ видѣнія построенъ былъ, впослѣдствіи, монастырь во имя св. Іакова. Ниже монастыря раскинулось цвѣтущее армянское селеніе Ахуры, еще ниже — обширные сады и виноградники.

Не лишнее сказать, что монастырь и деревню постигла страшная участь уже въ наше время, въ роковой вечеръ 20 іюня 1840 года. Въ тихую и ясную погоду, вдругъ загрохоталъ подземный громъ,—и, съ первымъ ударомъ землетрясенія, съ утесистыхъ склоновъ Большого Арарата оторглись цѣлыя скалы вмѣстѣ съ вѣковыми снѣгами, которые, низвергшись съ высоты нѣсколькихъ тысячъ футовъ, мгновенно завалили ущелья, и на протяженіи нѣсколькихъ верстъ изгладили всякіе слѣды жизни. Подъ страшнымъ обваломъ исчезли навсегда съ лица земли и монастырь св. Іакова, и селеніе Ахуры съ его роскошными плантаціями,

садами и виноградниками. Все народонаселеніе мгновенно погибло, и не осталось ни одного очевидца, который могъ бы передать подробности ужасной катастрофы. Уцѣлѣло только одно старое кладбище. Множество старинныхъ камней, съ едва видными полуистертыми отъ времени надписями, поросшіе мохомъ, доказываютъ, какъ велико и древне было населеніе Ахуръ. И вотъ, жилища живыхъ внезапно превращаются въ мертвое кладбище, а мертвое кладбище остается живымъ свидѣтелемъ и памятникомъ исчезнувшаго навѣки селенія. Разсказываютъ, что во время катастрофы одна молодая женщина молилась на могилѣ недавно умершаго мужа. Когда началась катастрофа, испугъ повергъ ее въ обморокъ; она спаслась вмѣстѣ съ кладбищемъ, но ничего не могла разсказать о томъ, что происходило въ погибшихъ Ахурахъ.

Два казака, случайно бывшіе въ Ахурахъ, при первомъ ударѣ вскочили на коней, и что было духу пустились скакать на постъ. Тамъ застали они своихъ товарищей, объятыхъ неописаннымъ ужасомъ. Между тѣмъ черная ночь спустилась на окрестность, а на утро, казаки, отправившись къ подножію Арарата, увидѣли на мѣстѣ Ахуръ только громады скалъ, снѣга и льда. Страшные подземные удары еще повторялись, и казаки не рѣшились подъѣхать къ развалинамъ. Да они хорошо и сдѣлали: обрушившіяся льдины быстро таяли, и вдругъ—вся эта масса, висѣвшая надъ долиной Аракса, опять ринулась внизъ, пронеслась въ теченіе двухъ минутъ 20 верстъ до рѣчки Кара-су и тамъ почти совершенно исчезла, превратившись въ опустошительные потоки густой клокочущей грязи.

Царственный городъ Ани, столица Багратидовъ, своими развалинами, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ всѣ уцѣлѣвшіе понынѣ города и деревни, свидѣтельствуютъ о старыхъ временахъ религіозной жизни и дѣятельности Арменіи. Армянскія преданія говорятъ, что Ани сначала подверглась нашествіямъ монголовъ и турокъ, а опустошительное землетрясеніе въ началѣ XIV вѣка довершило начатое ими дѣло разрушенія. Съ того времени она не поднималась больше изъ своихъ

развалинъ. Турецкое и армянское суевѣріе охраняетъ ея остатки отъ конечнаго истребленія. Народъ вѣритъ, что Божій гнѣвъ тяготѣетъ надъ разореннымъ городомъ; кто возьметъ его камни и построитъ себѣ изъ нихъ жилище,—болѣзнь и скорбь, будто бы, водворятся въ домѣ, и не выйдутъ пока не возьмутъ опредѣленнаго числа жертвъ. Въ кучахъ камней, поросшихъ травою, таятся лишь змѣи, да бѣдная деревушка, лѣпящаяся къ этимъ развалинамъ, хранитъ для потомства имя славной столицы. А было время, когда знаменитый городъ, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ всей передней Азіи, носилъ названіе города церквей, которыхъ въ немъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ историковъ, было до тысячи. И въ самыхъ развалинахъ среди прекрасныхъ каменныхъ зданій, сохранилось и понынѣ еще до 500 остатковъ этихъ храмовъ роскошной архитектуры; а на церковныхъ стѣнахъ уцѣлѣли даже образа, дающіе понятіе какъ о степени развитія искусства въ древнихъ христіанскихъ государствахъ Востока, такъ о костюмахъ царей, духовенства и вельможъ Арменіи до XIV вѣка.

Въ числѣ этихъ церквей, болѣе или менѣе сохранившихся, есть одна, которую и турки, и армяне называютъ «Чабанъ-Килиса»—церковь пастуха. Она отмѣчена слѣдующею легендою: «Въ цвѣтущія времена Ани, жилъ въ горахъ бѣдный пастухъ, который только разъ въ году, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, приходилъ въ городъ помолиться и поставить свѣчку въ храмѣ Божіемъ. Старъ сталъ пастухъ-пустынникъ, и плохо уже служили ему усталыя ноги. Наканунѣ одной Пасхи, собрался онъ по обыкновенію въ великолѣпный городъ Ани и шелъ цѣлую ночь по глухимъ горнымъ тропинкамъ. Весенняя ночь была темна, горныя тропинки обрывисты. Множество злыхъ духовъ, удалившихся на этотъ разъ изъ Ани, привязались къ старику и старались помѣшать ему прійти къ началу заутрени. То бросали они ему камни подъ ноги, то сводили его съ дороги въ сторону и толкали въ какую-нибудь трущобу. Оспаривая каждый свой шагъ, пустынникъ пришелъ въ городъ поздно, когда уже въ церквахъ

пропѣли «Христосъ Воскресе». Всѣ церкви, залитыя яркимъ свѣтомъ свѣчей и лампадъ, отъ пола до купола, были уже биткомъ набиты народомъ. Толкнулся пустынникъ въ одну церковь, толкнулся въ другую, въ третью и десятую, — не даютъ ему прохода; тѣснота непролазная всюду, а силъ у старика нѣтъ, чтобы растолкать толпу. Обходилъ онъ всѣ Божьи храмы, и все понапрасну. Не слышалъ онъ первой заутрени свѣтлой седьмицы и свѣчи, по обѣщанію, не поставилъ. А обѣщать что-нибудь Богу въ будущемъ — есть уже грѣхъ, не знаешь, что породитъ завтрашній день. Сокрушился старецъ зѣло; стоитъ на распутьи и плачетъ. Валитъ народъ изъ церквей: одни на колесницахъ, другіе на коняхъ, большинство пѣшкомъ; юноши въ галунахъ, красныя дѣвы въ парчѣ и ожерельяхъ. Всѣ видятъ бѣднаго пастуха, видятъ рубища, сѣдины, слезы—и проходятъ мимо. Ни одной души не тронули слезы, сѣдины и рубища. Идетъ, наконецъ, епископъ съ клиромъ, и видя старца сѣтующаго, вопрошаетъ его привѣтливо: «О чемъ плачешь, старче, во всерадостное утро сіе?» Отвѣчаетъ старецъ:—Дожилъ я, отче, до горькихъ дней: не пустилъ меня народъ въ церковь Божію». — Потрясши жезломъ, вѣщалъ владыко: «подобаетъ старцамъ не лѣностно отъ одра ночнаго вставати и ранѣе младыхъ во храмъ на молитву поспѣшати». Возопилъ старецъ: «Не лѣнился я, отче, нимало: всю ночь съ супостатомъ боролся и хожденіемъ пѣшимъ подвизался. Но горе мнѣ, — старцу пустынному сущу: оскудѣла до остатка крѣпость мышцъ львиныхъ и борзость ногъ оленьихъ. Народъ же нынѣ весьма ожесточился, и нѣтъ ужь въ юношахъ цвѣтущихъ призрѣнія къ немощи старческой. Пускай же молятся они въ своихъ церквахъ, а ты, владыко, построй мнѣ, убогому старцу, особую церковь». Улыбнулся владыко добродушно и вѣщалъ мягкой, паче воска, рѣчью: «О, человѣче! множествомъ златницъ и сребренниковъ зиждутся храмы въ великомъ городѣ Ани; рубищемъ ли твоимъ и слезами ли твоими построю тебѣ особую церковь?» Поклонился старецъ до земли и молвилъ: «Добре вѣщалъ еси, отче; но есть рубище подъ зла-

томъ, и есть злато подъ рубищемъ. Заутра, прежде нежели тимпанъ возгласитъ трижды, многоцѣнное сокровище придетъ къ тебѣ въ кошницѣ убогой, на хребтѣ онагра пустыннаго. Возьми то сокровище, владыко, и построй старцу убогому церковь».

Сказалъ и удалился въ горы.

Сколько яркихъ звѣздъ на голубомъ небѣ, столько звонкихъ мѣдныхъ голосовъ въ славномъ городѣ Ани огласили на утро тишину разсвѣта. При третьемъ ударѣ тимпана, владыко сходитъ съ высокаго крыльца палатъ бѣломраморныхъ, и видитъ онагра, пьющаго воду у фонтана. На хребтѣ его ветхая кошница, въ какую нищіе кладутъ кусокъ хлѣба, поданный имъ во имя Христово. Въ той кошницѣ лежало сокровище тяжкое; три отрока едва могли снять его. Благочестивый епископъ окропилъ золото святою водою, произнеся слова: «если ты отъ нечистой силы, то превратись въ прахъ и пепелъ». Сокровище не превратилось ни въ прахъ, ни въ пепелъ. Тогда призвалъ владыко зодчихъ изъ Византіи и соорудилъ великолѣпный храмъ. Не умираетъ въ народѣ память о бѣдномъ пастухѣ, строителѣ богатаго храма, и зовется этотъ храмъ «Чабанъ-Килиса до нынѣшняго дня.

«Чабанъ-Килиса» устояла противъ землетрясенія, постигшаго Ани, и уже молотъ Магомета Второго пробилъ ея круглый и прекрасный куполъ.

Какъ послѣдняя искра подъ пепломъ, долго еще существовалъ среди развалинъ Ани монастырь св. Григорія. Но богатство его привлекло лезгинъ—и они разорили его въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Не далеко отъ Ани, на берегу Арпачая, находятся еще развалины—Башъ-Шурагеля, въ древности Широкована, имѣвшаго, какъ говорятъ армянскія хроники, сорокъ верстъ въ окружности. Это былъ когда-то городъ, современный Ани, но отъ прежняго его величія осталась только одна полуразрушенная церковь. Памятники, наиболѣе переживающіе павшую цивилизацію—это памятники религіи. Но мѣстные жи-

тели обращаются съ ними крайне небрежно, и часто подъ уцѣлѣвшимъ сводомъ святого алтаря устраиваются закуты, ночуютъ животныя.

«Печальное и возмущающее душу зрѣлище!—пишетъ посѣтившій однѣ изъ подобныхъ развалинъ.—Невольно зарождается вопросъ: зачѣмъ пало это величественное зданіе, въ которое уложено столько труда, смысла, царскихъ сокровищъ, людскихъ пожертвованій? Зачѣмъ отданъ на разрушеніе, и попраніе этотъ храмъ, въ которомъ каждый камень посвященъ имени Господа и освященъ именемъ Его? Зачѣмъ носильщикъ тяжестей, ешакъ, ночуетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ преклонялся и молился первосвященникъ? Конечно, спутники людскихъ скорбей, людскіе грѣхи поглощаютъ нравственное значеніе храмовъ, разлагаютъ и превращаютъ вещественный составъ ихъ въ первобытное, безразличное состояніе. «Земля еси и въ землю отъидеши», вотъ что говорятъ эти поруганныя развалины»...

И эти слова могутъ быть съ равнымъ правомъ отнесены ко всѣмъ древнимъ остаткамъ великой Арменіи.

XL.

Возрожденіе Арменіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ Арменія окончательно потеряла свою политическую независимость, для нея не прекратились вѣка несмолкаемой и мучительной борьбы за вѣру отцовъ и народность. Малочисленному племени, угнетаемому огромнымъ мусульманскимъ міромъ, раскинувшимся кругомъ, естественно было прійти къ сознанію, что ему необходимо слить свое существованіе съ жизнью сильной христіанской народности. Но ожидать помощи было неоткуда. Съ востока, юга и запада неподвижной стѣной стояли мусульманскія страны, раздѣлявшія его огромными пространствами отъ христіанскихъ земель; на сѣверѣ изнемогала въ непосильной

борьбѣ, подобно ему, православная Иверія; и лишь за Кавказскимъ хребтомъ возникало государство, настолько сильное, что одолѣло татаръ и распространило свое владычество до устьевъ великой рѣки Волги и береговъ Каспійскаго моря. И вотъ, взоры Арменіи устремляются все пристальнѣе и пристальнѣе на сѣверъ.

Сношенія армянъ съ московскимъ государствомъ путемъ торговли начались съ давнихъ временъ, и съ каждымъ столѣтіемъ росла между ними мирная связь, выражавшаяся льготами, даваемыми русскими царями предпріимчивымъ обитателямъ далекаго юга. Времена царя Алексѣя Михайловича ознаменовались цѣлымъ рядомъ драгоцѣнныхъ для армянъ жалованныхъ грамотъ и царскихъ указовъ, которыми скрѣплялась нравственная и матеріальная связь армянскаго народа съ народомъ русскимъ.

Петръ Великій впервые взглянулъ на армянъ съ точки зрѣнія политической, геніально предвидя будущую роль Россіи въ судьбахъ Арменіи. И съ этого момента начинается по отношенію къ ней дѣятельная политика русскихъ государей. Еще до Дербентскаго похода, къ Петру уже являлось нѣсколько депутацій отъ карабагскихъ меликовъ, просившихъ его заступничества. Всѣ онѣ говорили, что какъ только русскія войска станутъ приближаться къ нимъ, начальные люди армянъ соберутъ свои войска въ Нахичевани и, взявъ царскія знамена, въ 24 часа выгонятъ невѣрныхъ, а въ 15 дней овладѣютъ всею землею; что взять Эривань будетъ не трудно, такъ какъ въ этомъ городѣ живетъ много армянъ, и въ ихъ рукахъ находятся пороховая казна и другіе припасы; что, наконецъ, армянская страна можетъ выставить до 116 тысячъ войска, такъ какъ армяне турецкіе навѣрное придутъ на помощь персидскимъ. И когда передъ оружіемъ Петра палъ Дербентъ, и русскія войска готовились овладѣть всѣми сѣверными провинціями Персіи, казалось, заря армянской свободы занялась свѣтло и ярко. Уже 12 тысячъ армянъ, подъ предводительствомъ карабагскихъ меликовъ, и 30 тысячъ грузинъ, съ царемъ своимъ Вахтангомъ, стояли

у Ганжи въ ожиданіи царя и его приказаній. Эти христіанскія войска ликовали, считая освобожденіе отъ ненавистнаго мусульманскаго ига дѣломъ несомнѣннымъ. Какъ громовой ударъ разразилась среди нихъ вѣсть, что Петръ возвращается съ Кавказа, не довѣршивъ начатаго дѣла. По свидѣтельству армянскаго митрополита Исая, этому не хотѣли вѣрить, не могли понять, что такое случилось; одни говорили, что русскіе ушли обратно отъ болѣзней, другіе, — что, по случаю зноя, пали у нихъ кавалерійскія лошади, третьи, — что было крушеніе на морѣ и погибли артиллерія и провіантъ.

Неожиданный отъѣздъ Петра изъ Дербента поразилъ глубокою скорбью армянскія и грузинскія войска; энергія ихъ упала. Вахтангъ съ своими грузинами ушелъ въ Тифлисъ, который вслѣдъ затѣмъ былъ осажденъ, взятъ и разоренъ лезгинами. Карабагскіе мелики удалились въ горы и, запершись тамъ въ неприступныхъ башняхъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ стойко выдерживали ожесточенную борьбу за свободу съ турецкими, персидскими и дагестанскими полчищами. Эта борьба армянъ, вызванная, но не поддержанная походомъ Петра, была тѣмъ не менѣе началомъ уже не прекращавшихся попытокъ добиться свободы.

Христіанскому населенію Закавказья нанесенъ былъ тяжкій ударъ тѣмъ, что Петръ, по договору съ Турціей, оставилъ за собою лишь Каспійское прибрежье,—а всѣ армянскія и грузинскія провинціи уступилъ Оттоманской Портѣ, которая была, конечно, раздражена противъ христіанъ за ихъ симпатіи къ Россіи. Тучи бѣдствій висѣли надъ злополучнымъ краемъ. Россія не могла помочь ему оружіемъ—еще не пришелъ часъ развернуть ей мощныя силы, тогда только что начинавшія крѣпнуть. Но судьбы армянскаго народа попрежнему оставались близкими сердцу императора,—и онъ широко растворилъ двери своей имперіи для ихъ эмиграціи. Русскіе, владѣя Дербентомъ, Баку, Астрабадомъ, Гиляномъ и Мазандераномъ, должны были заботиться о томъ, чтобы скрѣпить эти пріобрѣтенія выгодами матеріальнаго благоденствія, плодами мирной дѣятельности,—и это великое начало легло въ осно-

ваніе дальнѣйшей политической программы Петра. И онъ старался привлечь армянъ въ эти страны. «Стараться всячески — писалъ онъ Матюшкину по поводу заселенія вновь покоренныхъ земель:—призывать армянъ, а бусурманъ зѣло тихимъ образомъ, чтобы не узнали, сколь возможно убавлять.» И вотъ, на зовъ Петра сотни армянъ стремятся въ Гиляны и въ крѣпость Св. Креста. Петръ писалъ своимъ сподвижникамъ, чтобы они оказывали переселенцамъ всевозможныя льготы, отводили лучшія земли, гдѣ пожелаютъ, защищали отъ обидъ и притѣсненій; — «понеже — писалъ великій императоръ: — мы оный армянскій народъ въ особливую нашу императорскую милость и протекцію приняли.» И въ документахъ того времени ясно выражается взглядъ Петра на ту пользу, которую онъ ожидалъ отъ водворенія умнаго, торговаго и предпріимчиваго армянскаго народа въ Русской имперіи.

Изъ числа первыхъ эмигрантовъ, до 700 человѣкъ тотчасъ же поступили въ русскую военную службу и образовали въ Гилянахъ два особыхъ полка, армяне — драгунскій, грузины — гусарскій.

Но пока ничтожная часть армянъ искала убѣжища въ предѣлахъ Россіи, вся масса населенія изнемогала въ непосильной борьбѣ съ мусульманами и взывала о помощи. «До сихъ поръ, — писали армяне къ Петру: — имѣя непріятелей съ четырехъ сторонъ, мы по возможности оборонялись; но теперь пришло множество турецкаго войска и много персидскихъ городовъ побрано...»

Это послѣднее посланіе, къ несчастію, не застало уже въ живыхъ геніальнаго русскаго царя.

Нерѣшительная политика преемниковъ Петра еще тяжелѣе отозвалась на судьбахъ армянскаго народа. О мужественной борьбѣ его, веденной одновременно съ турками, съ персіянами и съ дагестанскими горцами, — борьбѣ, исполненной героизма, когда горсть армянъ восемь дней къ ряду выдерживаетъ, напримѣръ, ожесточенную битву съ цѣлымъ сорокатысячнымъ турецкимъ корпусомъ Сары-Мустафы Сераскира, — свидѣтельствуетъ фельдмаршалъ князь Долгоруковъ. Но онъ

же прибавляетъ въ донесеніи своемъ, что армяне требуютъ серьезной помощи оружіемъ, и что если теперь не оказать ея, то впредь уже будетъ трудно привлечь армянъ на нашу сторону. Оставайся энергическій князь Долгоруковъ на Кавказѣ, быть можетъ, судьбы этого края были бы иныя. Но Долгоруковъ палъ, императрица Анна Іоанновна, мало заботившаяся о поддержаніи того, что создано было Великимъ Петромъ, рѣшаетъ вовсе оставить покоренныя имъ земли. Русскія войска отступаютъ на Терекъ,—и власть надъ армянами переходитъ опять отъ турокъ къ персіянамъ. Страхъ новаго владычества заставляетъ многихъ армянъ примѣнять тогда прекрасную карабагскую природу на болотистые берега Терека, куда, вслѣдъ за войсками, идутъ и тѣ изъ нихъ, которые уже основали свои поселенія въ Гилянахъ и въ крѣпости Св. Креста.

Такъ образовывается армянское поселеніе на Терекѣ, въ Кизлярѣ. Число переселенцевъ, вѣроятно, возросло бы до весьма значительной степени, если бы императрица Анна Іоанновна, въ угоду Шахъ-Надиру, не издала указъ 29 мая 1734 года, которымъ, въ доказательство дружбы къ шаху и доброжелательства къ персидскому народу, повелѣвалось всѣхъ грузинъ, армянъ и другихъ иноземцевъ, вышедшихъ изъ Персіи, отправить обратно къ шаху,—«даже тѣхъ, которые сего возвращенія и не желали бы». Правда, эта ничѣмъ не объяснимая ошибка правительства императрицы Анны черезъ нѣсколько лѣтъ была нѣсколько заглажена особымъ указомъ, уже воспрещавшимъ выдавать персіянамъ тѣхъ изъ армянъ, которые приняли русское подданство; но впечатлѣніе, сдѣланное первымъ распоряженіемъ, долго не могло изгладиться въ умахъ армянъ.

Такъ или иначе, но надежды армянъ могли основываться только на помощи все той же Россіи, которая одна могла оградить ихъ интересы подъ кровомъ своей могущественной власти. И спустя лишь нѣсколько лѣтъ, въ 1760 году, пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Англіи богатый армянинъ, по имени Эминъ Осиповъ, нажившій милліоны въ Индіи. Онъ

просилъ помочь армянамъ возвратить свою независимость, и предлагалъ на это всѣ свои огромныя богатства. Но правительство императрицы въ ту пору было далеко отъ активнаго участія въ дѣлахъ закавказскихъ, — и предложеніе Осипова не встрѣтило сочувствія.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла до воцаренія Екатерины Великой. При ней, когда заселялись обширныя степи Южной Россіи, возникаютъ по сю сторону Кавказа новыя армянскія поселенія, и между ними значительный городъ, внесшій оживленіе въ малолюдный и пустынный край. Двадцать тысячъ армянъ въ то время покидаютъ татарскій Крымъ и идутъ на Донъ. Переселеніе это сопряжено было съ громадными утратами, лишеніями и жертвами. Два года скитаются переселенцы въ палаткахъ, въ окрестностяхъ Самары и Екатеринослава, подвергаясь и голоду, и стужѣ, и зною; многіе не выдерживали трудностей пути и умирали, съ любовію вспоминая родной Крымъ, его монастыри и церкви; но остальные все-таки бодро шли къ новой цѣли — и основали, наконецъ, городъ Нахичевань на Дону, гдѣ ихъ встрѣтили льготы, преимущества и выгоды, щедро расточаемыя правительствомъ. Но болѣе чѣмъ выгоды, и сильнѣе чѣмъ льготы, манила армянъ надежда на нравственный отдыхъ, на религіозную свободу, на охрану ихъ интересовъ прочнымъ государственнымъ порядкомъ и подъ кровомъ христіанскаго правительства.

Въ то же время, какъ бы возрождая великія идеи Петра, Екатерина обращаетъ особое вниманіе и на дѣла Закавказья. Въ 1783 г. русскія войска занимаютъ Грузію, дѣлающуюся съ тѣхъ поръ вассальнымъ царствомъ Россіи. Составляются тогда проекты освобожденія Арменіи, и всемогущій Потемкинъ входитъ въ дѣятельныя сношенія съ армянскимъ архіепископомъ Іосифомъ, чтобы создать изъ Арменіи сильное христіанское государство въ Азіи, подъ верховнымъ главенствомъ Россіи.

Такимъ образомъ армянскій вопросъ вновь выдвигается на сцену. Есть извѣстіе, подтверждаемое многими офиціаль-

ными документами, что князь Потемкинъ стремился сдѣлаться царемъ возстановленной Арменіи, которая должна была граничить съ Персіей, Турціей и Россіей и имѣть гавань на Каспійскомъ морѣ. Онъ уже заказалъ за границей, въ Индіи и въ Китаѣ, богатую фарфоровую посуду съ золотыми гербами древнихъ армянскихъ царей *). Армянскіе царскіе гербы уже печатались и на страницахъ издаваемыхъ тогда армянскихъ книгъ. Архіепископъ Іосифъ, въ письмахъ къ эчміадзинскому патріарху и къ знатнымъ армянамъ, предлагалъ радоваться и молиться Богу, намекая на что-то важное, которое готовится армянамъ заботами Великаго Сѣвера.

Дѣло было въ томъ, что Іосифу предложили составить проектъ договора, который долженъ былъ предварительно быть заключенъ между россійскимъ императорскимъ дворомъ и армянскою націею. На первомъ планѣ этого любопытнаго документа стояла полная свобода и независимость армянской церкви, и избранный царь Арменіи, будетъ ли онъ армянинъ или одинъ изъ преданнѣйшихъ сподвижниковъ императрицы — обязывался держаться армянскихъ законовъ. Царское коронованіе предполагалось въ святомъ Эчміадзинѣ, по примѣру прежнихъ царей Арменіи. Столицею назначалась Ани или Эчміадзинъ. Гербъ армянскаго царства долженъ былъ составиться изъ трехъ древнихъ гербовъ — одноглаваго орла Арзасидовъ, агнца Божія — временъ христіанства и двухъ львовъ — герба Малой Арменіи. Въ воспоминаніе важнѣйшихъ моментовъ исторической жизни Арменіи учреждались три ордена: первый во имя Ноева Ковчега, на лентѣ трехъ цвѣтовъ, краснаго, зеленаго и синяго, въ подражаніе цвѣтамъ радуги; другой — во имя Григорія Просвѣтителя, третій — въ честь Нерукотвореннаго образа Спасителя.

Въ политическомъ отношеніи Арменія проектировалась состоящею подъ покровительствомъ Россіи. Небольшой русскій отрядъ долженъ былъ занимать страну для защиты границъ

*) Экземпляръ такого фарфороваго кувшина съ гербомъ хранится въ Тифлисѣ, въ Кавказскомъ музеѣ.

ея отъ нападенія турокъ и персовъ, а одинъ изъ армянскихъ царевичей—находиться постоянно при дворѣ императорскомъ. Армянское царство обязывалось удѣлять Россіи часть добываемаго имъ серебра и золота. Въ случаѣ войны обѣ державы должны были помогать другъ другу.

Любопытною статьею этого договора остается требованіе со стороны армянъ, чтобы въ странѣ ихъ не было вводимо крѣпостное право, какъ совершенно не свойственное характеру народа. Армяне ссылались на свою исторію, и указывали на тотъ фактъ, что когда греки, владѣвшіе Арменіею, хотѣли закрѣпить ихъ рабами за своими вельможами, народъ перешелъ въ подданство багдадскихъ калифовъ, предпочтя тяжкую политическую зависимость потерѣ свободы народной внутри страны.

Исполненіе проекта требовало большихъ силъ и денежныхъ средствъ. Естественно, что тутъ вспомнили объ Эминѣ Осиповѣ, предлагавшемъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ свои милліоны на дѣло освобожденія Арменіи. Но Эмина уже не было въ живыхъ, и капиталы его, какъ выморочные, достались остъ-индскому банку.

Нашелся, однако, и на этотъ разъ нѣкій, также индійскій армянинъ, по имени Шамиръ-Ханъ, предложившій свой полный кошелекъ Арменіи. Только по его мнѣнію не слѣдовало начинать войны, а просто цѣною золота купить Арменію у Турціи и Персіи. Этотъ богачъ предполагалъ въ Борчалахъ, Лори и въ Эриванской области развести индиго, сахарный тростникъ, хлопчатую бумагу, кофе, завести фабрики, построить заводы—и разомъ оживить разоренную вѣковыми бѣдствіями страну.

Такимъ образомъ капиталы имѣлись уже въ виду,—оставалось дѣйствовать. Рѣшено было начать съ Карабагскаго ханства,—свергнуть Ибрагима-Хана и посадить на его мѣсто правителя изъ армянъ. Самая кампанія предполагалась лѣтомъ 1784 года; готовились уже войска.

Но пока писались проекты и подготовлялось ихъ исполненіе, политическія обстоятельства круто измѣнились. Омаръ-

Ханъ опустошаетъ Грузію, несмотря на присутствіе въ ней русскаго войска, и готовится двинуться на Карабагъ. Россія начинаетъ въ это время вторую турецкую войну, и уже не въ состояніи защитить Грузію. Арменія вновь предоставляется своей судьбѣ и подвергается мести за свои стремленія. Персіяне и Ибрагимъ-Ханъ карабагскій начинаютъ среди нихъ страшныя неистовства; Арменія снова обагряется кровью; преданные Россіи карабагскіе мелики истребляются почти поголовно, и лишь немногіе изъ нихъ успѣваютъ бѣжать въ Тифлисъ, къ царю Ираклію.

Ни армяне, ни русское правительство не могли, однакоже, отказаться отъ завѣтной идеи, отъ задачи, предложенной историческимъ теченіемъ дѣлъ и предвидѣнной еще Петромъ Великимъ. Въ рескриптѣ, данномъ на имя главнокомандующаго графа Зубова, передъ персидскою войною 1796 года, вновь прямо сказано, что Россія поднимаетъ оружіе для освобожденія древнихъ христіанскихъ царствъ Арменіи и Грузіи. Но и этотъ блестящій походъ, какъ извѣстно, окончился весьма неудачно, — императоръ Павелъ внезапно отозвалъ войска назадъ, и всѣ предначертанія Екатерины, лежавшія въ основѣ этого военнаго предпріятія,—рухнули. Русскія войска опять оставили Закавказье и, на этотъ разъ, можно сказать, прямо на жертву свирѣпости Аги-Магомета-Хана. Быть можетъ никакія тамерлановскія опустошенія не сравнились бы съ кровавыми ужасами, которые готовилъ шахъ Арменіи, если бы, лѣтомъ 1797 года, ножъ убійцы внезапно не положилъ конецъ его кровожаднымъ проектамъ.

Но прошло три, четыре года,—и половина задачи, столь трудной, если судить по фактамъ недавняго еще прошлаго, исполнилась сама собою; Грузинское царство, со смертью царя Георгія, вошло въ составъ Россіи. Это обстоятельство приблизило освобожденіе Арменіи, измѣнивъ, однако, въ корнѣ прежніе проекты; теперь о существованіи вассальнаго, самостоятельнаго царства Армянскаго рядомъ съ присоединенной къ Россіи Грузіи — уже нечего было и думать.

Число армянъ собственно въ Грузіи въ тотъ моментъ,

какъ она присоединилась къ Россіи, сравнительно было не велико; но оно начало теперь быстро возростать. При князѣ Циціановѣ, несмотря на суровыя отношенія этого замѣчательнаго кавказскаго дѣятеля вообще къ армянамъ, нѣсколько десятковъ тысячъ ихъ поселились въ Грузіи и приняли русское подданство. Преслѣдуемые персіянами, сотнями бѣжали армяне изъ пограничныхъ персидскихъ ханствъ, теряя все свое имущество. Лишенные всякой матеріальной помощи, они кое-какъ устраивались у своихъ единоплеменниковъ, старожиловъ Грузіи, заселяли пустоши и даже записывались въ крѣпостные. Сотнями вымирали отъ холода, голода, изнурительныхъ лихорадокъ, а чума 1804 — 1805 г. не оставила и четвертой доли этихъ несчастныхъ. Тѣмъ не менѣе армяне заселили тогда части уѣздовъ Телавскаго, Сигнахскаго, Борчалинскаго и Лори—мѣста, страдавшія отсутствіемъ мирнаго земледѣльческаго труда. Обработывая пашни, тѣ же армяне служили проводниками для русскихъ войскъ, предупреждали измѣну и возмущенія, доставляли свѣдѣнія о непріятелѣ, давали провіантъ и, когда нужно было, храбро дрались въ рядахъ русскаго войска.

Во время Ганжинскаго и Эриванскаго походовъ Циціанова и Гудовича, архіепископъ Іоаннесъ и монахъ Нерсесъ собрали армянскую дружину въ 1500 человѣкъ и стали сами во главѣ этого ополченія. Армяне постоянно находились въ авангардѣ, штурмовали Ганжу, и понесли большой уронъ въ знаменитомъ сраженіи 20 іюня 1804 года, при разгромѣ Циціановымъ персидской арміи. Карягинъ, Котляревскій и даже самъ Циціановъ, относившійся, какъ сказано, къ армянамъ весьма недружелюбно, единогласно говорятъ о многихъ подвигахъ, совершенныхъ въ ихъ времена армянами.

Важнѣе всего было то, что въ армянахъ русскіе пріобрѣтали надежныхъ друзей, на которыхъ можно было положиться. Такъ, въ смутное время кахетинскаго бунта, Ртищевъ писалъ, что «армянскій народъ, составляющій знатную часть населенія Грузіи, остался въ непоколебимой вѣрности и, жертвуя своимъ имуществомъ и самою жизнію, сражался съ

мятежниками, не разъ выказывая опыты мужества и искреннѣйшей вѣрности.»

Императоръ Александръ отвѣтилъ тогда на это донесеніе высочайшей грамотой «всему любезно-вѣрноподданному армянскому народу, обитающему въ Грузіи», данной 15 сентября 1813 г. «Всѣ сословія армянъ—говорилось въ ней:—доказали чувства вѣрноподданнической благодарности на многократныхъ опытахъ и непоколебимой вѣрности во всѣхъ случаяхъ; они отличались примѣрнымъ постоянствомъ и вѣрностью, когда легкомысліе и неблагонамѣренность старались всуе поколебать водворенное нами въ Грузіи спокойствіе, и посреди смутныхъ обстоятельствъ пребыли тверды и непоколебимы въ своемъ усердіи къ намъ и къ престолу нашему, жертвуя имуществомъ своимъ и самою жизнію на пользу службы нашей и общаго блага. Да сохранится сіе свидѣтельство въ честь и славу ихъ въ памяти потомковъ.»

Ртищевъ призналъ необходимымъ, чтобы «этотъ особый знакъ высочайшаго благоволенія, долженствующій въ роды родовъ оставаться незабвеннымъ памятникомъ для армянскаго народа, какъ свидѣтельство преданности его престолу русскому», былъ объявленъ всенародно торжественнымъ образомъ. И вотъ, 22 ноября того же года, всѣ знатнѣйшіе армянскіе князья и почетнѣйшіе граждане были собраны въ домъ главнокомандующаго. Здѣсь высочайшая грамота положена была на богатую парчевую подушку; 4 старѣйшіе князя и два изъ знаменитѣйшихъ гражданъ приняли ее и въ сопровожденіи густой массы народа, наполнившей всѣ ближайшія улицы, двинулись торжественнымъ шествіемъ къ главному армянскому собору Ванкъ. Ртищевъ, со всѣмъ штатомъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, участвовалъ въ процессіи; войска при появленіи высочайшей грамоты отдавали воинскую почесть. У самаго монастыря архіепископъ Минасъ въ торжественномъ облаченіи, со всѣмъ духовенствомъ, съ крестами и святыми иконами, встрѣтилъ процессію; онъ принялъ высочайшую грамоту въ свои руки и, возложивъ ее себѣ на голову, двинулся къ собору, при пѣніи молитвъ, при

колокольномъ звонѣ и радостныхъ крикахъ народа. У входа въ храмъ ожидалъ процессію первенствующій армянскій архіепископъ Аствацатуръ, окруженный всѣмъ величіемъ, подобающимъ его высокому сану. Принявъ высочайшую грамоту, онъ благоговѣйно поднялъ ее также на голову и продолжалъ шествіе черезъ церковь. У подножія престола, архіепископъ преклонилъ колѣна и, положивъ грамоту на приготовленное мѣсто, далъ благословеніе начинать благодарственное молебствіе. «Истинное благоговѣніе и слезы душевнаго умиленія, кои при семъ случаѣ видны были на лицахъ всѣхъ сословій армянскаго народа,—доносилъ Ртищевъ:—суть вѣрнѣйшіе истолкователи истинныхъ чувствъ ихъ благодарности и усердія къ императору.»

Вечеромъ общество армянское дало блестящій балъ, и армяне пожертвовали тутъ же 4 тысячи рублей для раздачи бѣднымъ, чтобы и ихъ сдѣлать участниками общей народной радости. Курьеръ, привезшій грамоту, получилъ отъ общества тысячу рублей. И эти факты искренней радости армянскаго народа при благосклонномъ словѣ русскаго царя лучше всего доказываютъ, какъ велико было стремленіе армянъ къ освобожденію отъ власти иновѣрныхъ иноплеменниковъ, какъ непреоборимо было ихъ тяготѣніе къ могущественной сѣверной державѣ, и какъ, поэтому, естественна и законна была принятая на себя Россіею миссія въ Закавказскихъ христіанскихъ странахъ.

Проходили годы. А освобожденіе армянскихъ святынь изъ рукъ невѣрныхъ и армянскаго народа отъ притѣсненій ихъ вѣры — все не наступало. Но въ коренной Арменіи не умирала идея освобожденія, именно при помощи Россіи. Нѣкогда одинъ изъ святыхъ отцовъ армяно-григоріанской церкви предсказалъ, что Арменія будетъ освобождена сѣвернымъ народомъ. Въ это преданіе армяне вѣрили всѣми силами своей души и оно жило въ ихъ памяти такъ крѣпко, что умирающіе отцы на смертномъ одрѣ завѣщали своимъ дѣтямъ праздновать колокольнымъ звономъ тотъ день, когда заря освобожденія взойдетъ надъ Арменіей, чтобы и они въ могилахъ,

за предѣлами земной своей жизни, услышавъ благовѣстъ, возрадовались бы о спасеніи отчизны. И этого радостнаго событія армяне ждали съ особенной страстностью и надеждами.

И вотъ когда началась персидская война 1827 года, армяне персидскихъ провинцій встрѣтили русскія войска съ восторгомъ, какъ своихъ избавителей. Въ это время выразителемъ народныхъ стремленій армянъ и ихъ предводителемъ является архіепископъ Нерсесъ, личность въ высокой степени энергическая и всею своею жизнью какъ бы прямо подготовленная для своего тяжелаго подвига.

Нерсесъ былъ сынъ священника селенія Аштаракъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ посвятилъ себя монашеской жизни, и всюду сопровождая покровительствовавшаго ему архіепископа Даніила, пріобрѣлъ тотъ опытъ, то знаніе людей, жизни и обстоятельствъ, которые такъ пригодились ему впослѣдствіи. Въ санѣ архимандрита, въ 1799 году, онъ былъ съ Даніиломъ въ Константинополѣ, узналъ знатнѣйшихъ армянъ турецкой столицы, видѣлъ паденіе тамошняго патріарха Іоанна, сосланнаго въ заточеніе, возвышеніе на его мѣсто Даніила; потомъ низложеніе, черезъ 10 мѣсяцевъ, самого Даніила, съ которымъ вмѣстѣ онъ и очутился въ ссылкѣ въ Токатѣ. Въ это время скончался эчміадзинскій патріархъ Іосифъ Долгоруковъ, — и Даніилъ былъ провозглашенъ на мѣсто его католикосомъ Арменіи. Онъ и Нерсесъ поспѣшили въ Эчміадзинъ; но по дорогѣ въ Баязетѣ, они узнали, что въ Эчміадзинѣ уже превозгласилъ себя католикосомъ Давидъ и утвержденъ въ этомъ санѣ и султаномъ, и шахомъ, вслѣдствіе, будто бы, завѣщанія покойнаго патріарха, которое, однако, оказалось подложнымъ. Тогда Даніилъ остановился въ небольшомъ монастырѣ Учъ-Килиса, близъ Баязета, — и съ этого момента начинается извѣстная въ исторіи армянской церкви борьба за патріаршій престолъ, въ которой Россія, поддерживавшая сначала права Давида,—удостовѣрившись въ подложности патріаршаго завѣщанія, перешла на сторону Даніила. Эриванскій сардарь, какъ говорятъ, подкупленный 12 мѣшками денегъ, вмѣшался въ эту распрю, и Даніилъ вмѣстѣ съ Нер-

сесомъ, закованные въ цѣпи, были привезены въ Эчміадзинъ и тамъ ввергнуты въ темницу. Нерсесъ успѣлъ бѣжать отсюда въ Грузію, въ то время какъ Даніилъ былъ сосланъ въ Марагу. Но прошло не много времени, и персидское правительство, подъ угрозою Россіи само, низложило Давида, и патріаршій санъ перешелъ къ Даніилу. Нерсесъ явился въ Эчміадзинъ и былъ посвященъ въ епископы.

Еще бо̀льшимъ вліяніемъ Нерсесъ сталъ пользоваться при преемникѣ Даніила, Ефремѣ. Но вслѣдствіе притѣсненій персидскаго правительства, въ 1814 году, онъ покинулъ Эчміадзинъ, принявъ мѣсто епархіальнаго архіерея въ Грузіи, гдѣ встрѣтилъ большое расположеніе со стороны Ермолова. Между тѣмъ политическія обстоятельства сложились такъ, что и самъ патріархъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Эчміадзина и искать убѣжища въ Грузіи, въ епархіи Нерсеса. Они свидѣлись въ Шушѣ. Старецъ Ефремъ, поселившись въ одномъ изъ монастырей, вновь поручилъ Нерсесу верховное правленіе престоломъ. Аббасъ-Мирза, зная вліяніе Нерсеса на армянское населеніе и безпокоясь, что онъ совершенно внѣ его власти, старался всѣми средствами,—деньгами и почестями,—склонить его переѣхать вмѣстѣ съ патріархомъ въ Эчміадзинъ. Подъ давленіемъ его, требовали возвращенія Ефрема и эчміадзинскіе монахи. Но Нерсесъ хотѣлъ остаться независимымъ отъ персидскаго правительства и оставался въ Грузіи, склоняя къ тому же и патріарха.

Нужно думать, что уже въ то время Нерсесъ не чуждъ былъ надеждъ на скорое освобожденіе родины и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи. Нерсесъ былъ страстный патріотъ, съ дѣтства воспитанный въ этомъ направленіи своимъ отцомъ. Позже, онъ со слезами говорилъ, что послѣднею волею его покойнаго отца было то, чтобы онъ не приходилъ къ могилѣ его, пока не исполнится пламенное желаніе армянъ и не воскреснетъ вновь угнетенная магометанами св. вѣра; что съ тѣхъ поръ онъ и жилъ только надеждой пойти и поклониться могилѣ отца вмѣстѣ съ русскимъ военачальникомъ.

И вотъ, когда, весною 1827 года, авангардныя русскія

войска, съ Бенкендорфомъ во главѣ, вступали въ Эриванское ханство, среди нихъ былъ и Нерсесъ. Присутствіе его въ войскахъ, пришедшихъ освобождать христіанъ, воодушевляло армянское населеніе.

Во все время военныхъ дѣйствій, Нерсесъ пробылъ въ Эчміадзинѣ, съ трепетомъ слѣдя за грозными перипетіями войны; онъ видѣлъ нашествіе Аббасы-Мирзы, грозившее самому Эчміадзину, аштаракскій бой, паденіе Эривани и Тавриза и заключеніе мира. Въ одинъ изъ моментовъ увѣренности въ освобожденіи отечества, онъ имѣлъ утѣшеніе исполнить завѣщаніе отца. Въ полуверстѣ отъ бѣдной деревни Аштаракъ, родины архіепископа, находилось уединенное кладбище семейства Шахазизіанъ Камсараканъ. Туда привелъ Нерсесъ генерала Красовскаго, и на колѣняхъ, съ горячими слезами, припалъ ко гробу отца, къ которому долгіе годы не смѣлъ приближаться.

Освобожденіе коренной армянской земли отъ персидской власти не могло не найти откликъ въ армянахъ, жившихъ въ Персидскихъ областяхъ, не могло не вызвать въ нихъ патріотическаго чувства и стремленій къ свободѣ. И уже вскорѣ по занятіи русскими войсками Тавриза, къ Паскевичу стали являться депутаціи отъ адербейджанскихъ армянъ, съ просьбами о переселеніи ихъ въ русскіе предѣлы. Это было вполнѣ согласно съ видами русскаго правительства. Главнокомандующій ласкалъ ихъ и отпускалъ домой съ разрѣшеніемъ готовиться къ переселенію.

Жестокая зима, а быть можетъ и надежда, что и самый Адербейджанъ навсегда останется за русскими, удерживали, однако, христіанъ до марта мѣсяца отъ сборовъ къ далекому путешествію. А тамъ могли появиться другія препятствія: раздумье самихъ армянъ, подговоры со стороны персидскаго правительства и т. п., — и русскія власти рѣшили принять мѣры, чтобы поддержать въ армянахъ нравственную бодрость. Нерсесъ послалъ для этого въ персидскія провинціи архіепископа Стефана и архимандрита Николая; Паскевичъ отправилъ туда же полковника Лазарева, вызваннаго изъ Пе-

тербурга именно съ цѣлью руководить всѣмъ дѣломъ переселенія.

Полковникъ Лазаревъ принадлежалъ къ той, давно поселившейся въ Россія армянской фамиліи, которая извѣстна основаніемъ института восточныхъ языковъ, построеніемъ армянскихъ церквей въ столицахъ и, вообще, широкою помощью своимъ соотечественникамъ. Исторія обогащенія этой фамиліи, какъ говорятъ, тѣсно связана съ исторіей одного изъ драгоцѣннѣйшихъ камней, составляющихъ принадлежность императорской русской короны: Бриллiантъ, принадлежавшій Шахъ-Надиру, добытъ именно однимъ изъ Лазаревыхъ. Когда шахъ былъ убитъ, драгоцѣнный камень этотъ, переходя изъ рукъ въ руки, дошелъ до армянина Шафраса, жившаго тогда въ Петербургѣ. Лазаревъ взялъ на себя посредничество къ пріобрѣтенію его для графа Гр. Гр. Орлова, и бриллiантъ былъ купленъ за 400 тыс. руб. Орловъ поднесъ его императрицѣ Екатеринѣ въ первый день Пасхи, въ футлярѣ, сдѣланномъ въ видѣ краснаго яйца. По чрезмѣрной величинѣ своей по отличной игрѣ, грани и водѣ камень этотъ составляетъ такую рѣдкость, что знатоки оцѣнивали его въ нѣсколько милліоновъ рублей. Екатерина приказала вдѣлать его въ императорскій скипетръ.

Одинъ изъ представителей этой-то фамиліи и появлялся теперь въ Арменіи, чтобы своимъ вліяніемъ облегчить дѣло армянскаго переселенія. Лазаревъ самъ ѣздилъ съ этою цѣлію и въ Марагу, и въ Салмазъ, и въ Урмію, а нѣсколько русскихъ офицеровъ проникли даже въ Курдистанъ, гдѣ также жили немногіе армяне. И дѣло переселенія вначалѣ пошло весьма успѣшно.

Лазаревъ писалъ съ дороги Паскевичу, что армяне показываютъ истинное желаніе остаться навсегда въ русскомъ подданствѣ, и, несмотря на то, что всякому человѣку трудно разстаться съ своей родиной, они готовы покинуть дома и идти, куда прикажутъ. «Вамъ предлежитъ слава — писалъ онъ Паскевичу:—быть возстановителемъ народа армянскаго, избравшаго меня, по довѣренности къ роду нашему, для

изъясненія чувствъ передъ вашимъ высокопревосходительствомъ». Дѣйствительно, едва сдѣлалось извѣстнымъ, что войска въ скорости должны очистить Адербейджанъ,—армяне стали собираться въ дорогу.

На первый взглядъ дѣло переселенія, какъ Лазареву, такъ и многимъ, казалось не труднымъ, тѣмъ болѣе, что армяне сами просили о немъ; но на практикѣ встрѣтились большія затрудненія. Когда переселенцамъ приходилось окончательно разставаться съ домами, съ могилами своихъ трудолюбивыхъ предковъ, оставившихъ имъ въ наслѣдство прекрасныя и плодоносныя поля, когда пришлось бросать многолѣтнія заведенія со всѣми ихъ выгодами, и вѣрное настоящее мѣнять на неизвѣстное будущее—армяне начали колебаться. Первые показали примѣръ нерѣшительности несторіанцы. Когда они полагали, что весь Адербейджанъ останется за русскими, — они пресмыкались у ногъ Паскевича; но когда наступилъ часъ пожертвованій, они предъявили такія требованія и притязанія, которыя благоразуміе предписывало отвергнуть. И несторіанцамъ, которые, какъ выражается Лазаревъ, корыстолюбивую руку простирали къ Россіи, а сердце отдавали персіянамъ,—было во всемъ отказано. Тѣмъ не менѣе, примѣръ несторіанцевъ нашелъ отголосокъ и въ коренномъ армянскомъ населеніи. Справедливость требуетъ сказать, что нашлись даже армянскіе епископы, какъ напр. Израиль Салмасскій, которые въ угоду персіянамъ, забывъ долгъ христіанскій, тайными пронырствами и явными угрозами, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Нерсесъ, удерживали армянъ отъ переселенія. Нужно сказать, что условія, предложенныя Россіею переселенцамъ, были дѣйствительно тяжелы и не могли не вызывать колебаній. Все богатство армянъ состояло въ недвижимомъ имуществѣ; а между тѣмъ дома, плодовые сады, отлично воздѣланныя поля—все это должно было быть брошено, и потому естественно было просить имъ, чтобы Россія вернула хотя третью часть стоимости того, что они покидали. Правда, туркменчайскій договоръ предоставлялъ имъ право продавать свою собственность магометанамъ; но на дѣлѣ это

оказалось не выполнимымъ, такъ какъ персидское правительство просто запретило своимъ подданнымъ всякія торговыя сдѣлки съ армянами, заставляя послѣднихъ, такимъ образомъ, или остаться въ персидскомъ подданствѣ, или лишиться своего имущества.

Между тѣмъ, Лазаревъ, въ точности исполняя предписаніе Паскевича, старался не обольщать армянъ никакими несбыточными надеждами. Онъ прямо говорилъ имъ, что они не найдутъ за Араксомъ того, что покидаютъ въ Персіи; что все пособіе не можетъ простираться въ сложности болѣе 5 р. с. на каждое семейство; но что подъ сѣнію единовѣрной державы они могутъ быть увѣрены въ благоденствіи ихъ потомства и въ собственномъ спокойствіи.

Дѣйствительно, для первоначальныхъ пособій переселенцамъ ассигновано было только 50 тысячъ рублей, и всѣ надежды армянъ могли возлагаться лишь на обѣщаніе освободить ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ податей и повинностей. Но, оставляя дома въ такое время года, когда всякаго рода домашніе запасы начинаютъ уже истощаться, и получая всего по 6—7 р. на семейство, армяне не могли купить даже достаточнаго количества хлѣба; тѣ же, у которыхъ были нѣкоторые запасы — не имѣли способовъ къ перевозкѣ ихъ по отдаленности пути и дороговизнѣ скота, котораго въ послѣднее время и купить даже было невозможно. За дрянного ешака приходилось платить по 12 и по 15 р. с.

Персидское правительство, неохотно терявшее громадное число трудолюбивыхъ подданныхъ, съ своей стороны, ставило Лазареву всевозможныя преграды. Оно по всей странѣ разсѣяло агентовъ, которые внушали армянамъ, что по прибытіи въ Россію ихъ обратятъ въ крѣпостныхъ и будутъ брать въ солдаты, между тѣмъ какъ Персія освободитъ ихъ отъ всякихъ податей и дастъ многія льготы. Въ доказательство имъ предлагали теперь же гораздо болѣе денегъ, чѣмъ могъ предложить Лазаревъ. Но когда и это не подѣйствовало, персидское правительство прибѣгло къ послѣднему средству: оно объявило, что русскіе переселяютъ армянъ си-

лой и тѣмъ нарушаютъ туркменчайскій трактатъ. Аббасъ-Мирза писалъ въ этомъ смыслѣ Лазареву, упрекая его въ насильственномъ уводѣ армянъ, и прося его не употреблять во зло вліянія на умы привязаннаго къ нему населенія. «Если разсудить по совѣсти, — говорилъ онъ въ письмѣ:— какъ возможно, чтобы нѣсколько тысячъ семействъ по искреннему и добровольному желанію бросили бы тысячелѣтнюю родину, имѣніе, сады, поля, — чтобы остаться безъ мѣста и безо всего!»

Подъ видомъ огражденія интересовъ армянъ, изъ Тавриза присланъ былъ даже капитанъ англійской миссіи, Виллокъ. Лазаревъ заставилъ его поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ станъ переселенцевъ и предоставилъ самому опрашивать армянъ. Когда же тѣ отвѣчали, что «лучше согласятся ѣсть русскую траву, чѣмъ персидскій хлѣбъ», Лазаревъ заставилъ Виллока дать ему въ томъ письменное удостовѣреніе. Къ серьезнымъ помѣхамъ переселенія надо отнести и ненависть магометанъ, которые осыпали переселенцевъ бранью, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бросали въ нихъ каменьями. Можно было опасаться даже кровопролитія, тѣмъ болѣе что персидское правительство не обращало никакого вниманія на неистовые поступки татаръ, надѣясь, быть можетъ, устрашить армянъ и удержать ихъ въ Персіи. Особенная враждебность замѣчалась въ Курдистанѣ, откуда удалось выселить, и то съ величайшею опасностію, лишь нѣсколько семействъ. Разсѣянныя жилища тамошнихъ армянъ, находясь среди крутыхъ и высокихъ горъ, соединялись съ остальнымъ міромъ узкими тропинками, извивавшимися надъ пропастями, а кругомъ лежали селенія магометанъ, лишь номинально подчинявшихся Персіи. Надо было удивляться отважности офицеровъ, которые, въ сопровожденіи двухъ-трехъ казаковъ, рѣшились проникнуть въ эти трущобы, гдѣ каждая вершина утеса, каждый глубокій оврагъ и темное ущелье—грозили имъ засадою и смертію. Въ озлобленной ярости, куртинцы даже среди бѣлаго дня нападали на небольшія партіи армянъ, грабили ихъ, убивали или гнали назадъ. Лазаревъ долженъ былъ

просить помощи у генерала Панкратьева, и только войска, прибывшія изъ Урміи, разсѣяли разбойниковъ.

Но всѣ эти препятствія, конечно, уже не могли остановить начатаго дѣла,—и по мѣрѣ того, какъ выступали изъ персидскихъ провинцій русскія войска, вмѣстѣ съ ними уходило и армянское населеніе.

Первая, самая большая партія двинулась въ путь 16-го марта 1828 года. Стояла роскошная восточная весна; со всѣхъ сторонъ, по отлогостямъ горъ адербейджанскихъ, двигались огромные караваны переселенцевъ и направлялись къ Араксу. «Трогательно было видѣть,—разсказываетъ Глинка: — какъ матери учили малютокъ выговаривать священное имя перваго армянскаго царя—Николая, какъ они внушали имъ помнить великаго своего избавителя».

Извѣстный художникъ Мошковъ написалъ большую картину, изображающую это переселеніе сорока тысячъ армянъ, подъ личнымъ распоряженіемъ полковника Л. Е. Лазарева. Вдали видны Араратъ, Араксъ и селенія, лежащія по дорогѣ къ Эривани. На правой сторонѣ картины — самъ Лазаревъ, отдающій приказанія армянскимъ старшинамъ, а кругомъ его свита и повѣренные въ дѣлахъ англійскій и персидскій; на заднемъ планѣ картины—обширный станъ переселенцевъ.

Не совсѣмъ, однако, ласково на первыхъ шагахъ встрѣтила этихъ переселенцевъ ихъ новая родина. Когда болѣе пяти тысячъ семействъ уже приближалось къ Араксу, Лазаревъ получилъ извѣстіе отъ эриванскаго областного правленія, что оно, по недостатку хлѣба, не можетъ дать нужной помощи прибывающимъ, и просило удержать ихъ на персидскомъ берегу Аракса до собранія жатвы. Армяне стояли подъ открытымъ небомъ и терпѣли во всемъ крайній недостатокъ; свободныхъ земель не было, — и большую часть переселенцевъ пришлось отправить отсюда въ Карабакъ.

Такъ совершилось переселеніе армянъ, доставившее Россіи огромныя выгоды пріобрѣтеніемъ трудолюбиваго и, можно сказать, единственнаго земледѣльческаго народа въ Закавказьѣ. Напротивъ, населеніе Адербейджанской области замѣтно

порѣдѣло, и Персія понесла ущерба болѣе чѣмъ въ 32 мил. рублей, по исчисленію самого персидскаго правительства. На все переселеніе, какъ видно изъ отчетовъ Лазарева, было израсходовано только 14,000 червонцевъ и 400 рублей серебромъ; и на эту-то ничтожную сумму было переселено 8249 семей, что въ сложности составляло болѣе 40 тысячъ жителей.

«Смѣю сказать,—доносилъ Паскевичу Лазаревъ, отдавая ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ:—что, населивъ пріобрѣтенныя вами обширныя области народомъ промышленнымъ и трудолюбивымъ, вы открыли для государства новый источникъ богатства, и какъ бы ни была велика сумма, издержанная на переселенцевъ, она съ избыткомъ вознаградитъ правительство. Вмѣсто пустынь, покрывающихъ теперь поля древней Великой Арменіи, возникнутъ богатыя селенія, а можетъ быть и города, населенные жителями трудолюбивыми, промышленными и преданными Государю.»

Впослѣдствіи, въ 1833 году, министерство юстиціи возбудило вопросъ о древнемъ армянскомъ гербѣ, и изслѣдованія по этому поводу возложены были на ученаго армянина, профессора Черпети. Черпети, ссылаясь на древнихъ армянскихъ писателей, отвѣчалъ, что при царѣ Тигранѣ, современникѣ Кира, употреблялось изображеніе семиглаваго дракона; позднѣе при династіи Аршакуни, драконъ былъ замѣненъ одноглавымъ орломъ; со временемъ введенія христіанства на гербѣ Арменіи изображался нерукотворенный образъ, потомъ образъ замѣнился агнцемъ съ изображеніемъ креста, и, наконецъ, на гербѣ Рупиніяновъ появился левъ. Изъ всѣхъ этихъ знаковъ хотѣли составить одинъ общій гербъ для Армянской области; но дѣло почему-то не сладилось, и гербъ въ окончательной формѣ получилъ слѣдующій рисунокъ: по срединѣ накладнаго щита, на голубомъ полѣ, изображена серебристая снѣговая вершина Арарата; ее окружаютъ серебряныя облака, а на вершинѣ — золотой ковчегъ.

Нижняя часть герба раздѣлена на двое: направо, въ красномъ полѣ, древняя корона армянскихъ царей; корона—

золотая, съ серебряною звѣздою, и вся осыпана жемчугомъ; повязка и подкладка ея — голубыя. Налѣво, въ зеленомъ полѣ, — церковь эчміадзинская, вся серебряная, и главы и кресты золотые.

Въ верхнемъ отдѣленіи герба, въ золотомъ полѣ, двуглавый русскій орелъ. Онъ объемлетъ и держитъ въ лапахъ означенный щитъ. А надъ всѣмъ — императорская корона.

Впослѣдствіи, когда Армянская область вошла въ составъ вновь учрежденной Эриванской губерніи, гербъ этотъ былъ замѣненъ другимъ: на лазуревомъ щитѣ — серебряная скала, увѣнчанная золотымъ русскимъ крестомъ; надъ щитомъ — императорская корона.

Въ гербѣ же собственно русскихъ императоровъ остался левъ, какъ гербъ послѣдней царственной династіи Арменіи— Рупиніяновъ.

Не лишнее сказать, что въ тридцатыхъ годахъ армянами составленъ былъ проектъ объ образованіи мѣстнаго армянскаго войска, которое, подъ командой и русскихъ и туземныхъ офицеровъ, должно было нести пограничную и внутреннюю службу. «Армянская нація—писалось между прочимъ въ этомъ проектѣ:—за счастье почтетъ, если изъ сыновей богатѣйшихъ и первыхъ фамилій ея составится дружина или эскадронъ и будетъ находиться въ Петербургѣ, при особѣ монарха, въ видѣ гвардіи. Чѣмъ меньше будетъ стѣсненій, чѣмъ проще служба— тѣмъ значительнѣе возростетъ и число желающихъ». Для образованія же офицеровъ изъ армянъ проектъ предлагалъ устройство особыхъ корпусовъ, безъ всякаго пособія отъ казны, со введеніемъ какъ въ нихъ, такъ и въ другихъ армянскихъ заведеніяхъ обязательнаго обученія русскому языку. Къ сожалѣнію, дальнѣйшая судьба этого проекта—неизвѣстна.

Два замѣчательнѣйшихъ дѣятеля освобожденія Арменіи были и первыми дѣятелями на поприщѣ ея умиротворенной жизни. Это—Красовскій и Нерсесъ.

Когда пала Эривань, и вся провинція вмѣстѣ съ Нахичеванскою областью присоединены были къ Россіи, въ пыш-

номъ дворцѣ эриванскихъ сардарей поселился генералъ-лейтенантъ Красовскій, первый русскій военный губернаторъ Арменіи. Не нужно искать какихъ-нибудь громкихъ дѣяній въ мирной дѣятельности его въ только что покоренной странѣ; достаточно знать, что армяне, истощенные недавними бѣдствіями, благословляли его имя не меньше, чѣмъ его подчиненные, что гуманное отношеніе его къ населенію въ это тяжкое время дало даже поводъ къ обвиненію его въ пристрастіи къ армянамъ.

Фактическій духовный глава армянскаго народа, архіепископъ Нерсесъ, могъ и оставилъ болѣе ясные слѣды своей кратковременной дѣятельности. Въ порывѣ благодарныхъ чувствъ къ Богу и русскому императору за освобожденіе Арменіи отъ ига невѣрныхъ, онъ на могилѣ отца далъ обѣщаніе построить въ Сардарь-Абадѣ на собственный счетъ православную церковь, во имя святителя, чудотворца Николая. Въ этомъ добромъ желаніи приняло горячее участіе все сардарь-абадское христіанское населеніе, и храмъ заложенъ въ присутствіи Красовскаго, 1-го января 1828 г.

Еще раннѣе этого совершилось такое же торжество и въ Эривани. Когда русскіе вошли въ этотъ городъ, въ немъ былъ только одинъ христіанскій храмъ, принадлежавшій армянамъ. Это была убогая, древняя церковь Зороваръ, «Святыня Сильныхъ,» которая, по преданіямъ, хранитъ въ своихъ подземельяхъ мощи апостола Ананія, крестившаго Савла. Паскевичъ желалъ увѣковѣчить память покоренія персидской твердыни основаніемъ новаго храма, достойнаго самаго событія. И вотъ, по его ходатайству, главная эриванская мечеть, построенная турками въ 1582 году и украшавшаяся золотою луною, была обращена въ православную церковь, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, въ память взятія въ этотъ день крѣпости. Стараніями Нерсеса, храмъ приготовленъ былъ ко дню тезоименитства государя императора. Къ этому времени съ береговъ Невы на берега Занги присланы были священная ризница, иконостасъ, драгоцѣнная утварь и августѣйшій даръ двухъ императрицъ Маріи Ѳеодоровны

и Александры Ѳеодоровны,—одежды на престолъ и на жертвенникъ и три воздуха, вышитые ихъ собственными руками. Освященіе храма совершилось 6-го декабря 1827 года. Въ это же время во всѣхъ армянскихъ церквахъ и магометанскихъ мечетяхъ приносились молитвы за русскаго царя — новаго повелителя Эриванской области. Населеніе встрѣтило эти событія съ энтузіазмомъ; не только армяне, но даже татары собрали между собою весьма солидную сумму, свыше 3 тысячъ руб., для раздачи войскамъ, расположеннымъ въ Эриванской провинціи.

Но скоро, почти въ самомъ началѣ, дѣятельность какъ Красовскаго, такъ и Нерсеса должна была прерваться вслѣдствіе недоразумѣній съ Паскевичемъ.

Паскевичъ, недовольный Красовскимъ еще съ того времени, какъ тотъ былъ его начальникомъ штаба, не могшій простить ему Аштаракскаго боя, дошелъ въ своей враждѣ къ нему до того, что не только слѣпо отрицалъ въ немъ военныя дарованія и административныя способности, но и возвелъ въ него цѣлый рядъ обвиненій по управленію вновь покореннымъ краемъ. Паскевичъ жаловался, что доходы съ Эриванской области въ казну не поступаютъ, тогда какъ Адербейджанъ, при худшихъ условіяхъ, даетъ ихъ; что описанія казенныхъ имуществъ въ ханствѣ не сдѣлано, и долги эриванскаго сардаря въ извѣстность не приведены; что мѣстныя средства края пошли не на довольствіе войскъ, а на помощь жителямъ, и розданы Красовскимъ для посѣвовъ, тогда какъ для войскъ доставлять продовольствіе изъ Грузіи крайне затруднительно и т. д. Паскевичъ упрекалъ Красовскаго въ предоставленіи Нерсесу неограниченнаго вліянія на всѣ дѣла, и въ вредномъ покровительствѣ армянамъ, тогда какъ $^3/_4$ населенія области составляютъ магометане.

«Не служивъ съ Красовскимъ до сихъ поръ во время войны, — писалъ Паскевичъ Дибичу:—я почиталъ его человѣкомъ способнымъ и просилъ о назначеніи его начальникомъ штаба. Вамъ извѣстно, какую пользу въ семъ званіи принесла его служба. Потомъ я полагалъ, что онъ можетъ

командовать отдѣльнымъ отрядомъ,— вы изволите знать, какія были послѣдствія изъ сего назначенія. Наконецъ, онъ былъ назначенъ въ управленіе вновь покоренной области, въ которой отъ перваго начала зависѣло все будущее устройство ея и даже образъ мыслей насчетъ правительства, — вы изволите усмотрѣть, выполнилъ ли Красовскій обязанности и по сему званію...» «Могу ли я желать себѣ такого помощника?.. не буду ли отвѣтствовать передъ императоромъ?» — спрашиваетъ Паскевичъ далѣе, — и приходитъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что «Красовскій полезенъ быть не можетъ.»

Дибичъ, которому хорошо была извѣстна истинная причина оставленія Красовскимъ должности начальника штаба, видимо постарался ослабить рѣзкость подобнаго мнѣнія. И Красовскій хотя, въ угоду Паскевичу, и былъ отозванъ съ Кавказа и зачисленъ по арміи, однакоже, вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ за окончаніе персидской войны алмазные знаки ордена св. Анны 1-й степени, и отъ государя единовременно 100 тысячъ рублей.

28-го апрѣля 1828 года Красовскій выѣхалъ изъ Эривани въ Россію. Проводы, сдѣланные ему, могли утѣшить его вполнѣ за неудовольствія, которыя онъ долженъ былъ вынести. Одинъ изъ очевидцевъ говоритъ, что въ нихъ выразилось уваженіе не къ «присвоенному ему чину—это было личное къ нему уваженіе». Депутація тифлисскихъ армянъ пріѣзжала благодарить его за услуги, оказанныя имъ армянской націи; католикосъ Ефремъ, — старецъ, уже ступающій во гробъ, благословлялъ его за попеченія о бѣдныхъ; архіепископъ Нерсесъ, во главѣ эчміадзинскаго духовенства, напутствовалъ его прощальною рѣчью, какъ избавителя первопрестольнаго монастыря отъ мести и злобы враговъ христіанства, а чувства подчиненныхъ его нашли себѣ выраженіе въ адресѣ, поднесенномъ ему отъ лица всего военнаго сословія.

«Съ достоинствомъ воина—говорилось въ немъ:—Вы соединили въ себѣ достоинство человѣка,—и вотъ почему Вамъ справедливо принадлежатъ и души, и сердца наши».

Офицеры 20-й пѣхотной дивизіи испросили высочайшее соизволеніе на поднесеніе Красовскому большой картины, изображавшей бой при Аштаракѣ, гдѣ самъ Красовскій представленъ былъ въ минуту отбитія имъ персидской конницы отъ русскихъ орудій.

«Мы, осчастливленные отеческимъ вниманіемъ Вашимъ, спасенные Вами, въ день Аштаракской битвы,—писали они ему: — желаемъ имѣть изображеніе любимаго начальника, равно какъ и изображеніе той минуты, когда мы содрогнулись, при видѣ опасности, въ которой Вы находились, присутствуя вездѣ, гдѣ сильнѣй была сѣча. И мы подносимъ Вашему Превосходительству портретъ Вашъ и картину, прося объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на гравированіе оныхъ. Не столь долговѣчно, слабо приношеніе наше,—но пусть оно покажетъ общее желаніе излить предъ Вами и доказать предъ свѣтомъ чувства живѣйшей признательности, искренней привязанности и глубочайшаго уваженія нашего».

Такая личность, какъ Красовскій, конечно, не могла долго оставаться въ тѣни, — и скоро онъ на дѣлѣ опровергаетъ мнѣніе о себѣ Паскевича. Съ открытіемъ турецкой войны, Красовскій командуетъ 7-ю пѣхотною дивизіей, а въ кампаніи 29 года уже играетъ видную роль, въ качествѣ командира 3-го пѣхотнаго корпуса, съ которымъ осаждаетъ Силистрію. И тамъ, на поляхъ европейской Турціи, Красовскій все тотъ же, какимъ видѣли его на Березинѣ, на страшномъ штурмѣ Борисова, подъ Парижемъ и въ Аштаракской битвѣ, — храбрый, распорядительный, веселый, обожаемый своими подчиненными. Одинъ изъ офицеровъ, описывая дѣло подъ Силистріей, бывшее 5-го мая, говоритъ: «Подъѣзжая къ лѣвому флангу, я увидѣлъ колонну 1-го егерскаго полка, при которой находился Красовскій. Она шла на штурмъ редута. Сцена была прелестная! Послѣ нѣсколькихъ залповъ картечью, Красовскій беретъ полкъ, — самъ впереди съ пѣсенниками, которые по его приказанію грянули веселую русскую пѣсню. Потомъ, не смотря на дождь

пуль — громоносное ура! — и колонна вскочила въ окопы». «...Нашъ Афанасій Ивановичъ — прибавляетъ онъ далѣе: — показалъ себя въ этомъ дѣлѣ самымъ храбрѣйшимъ генераломъ, который и въ пылу боя сохраняетъ все хладнокровіе и распорядительность. Солдаты въ его присутствіи жаждутъ подраться...»

«Что всего пріятнѣе, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: — это веселый духъ солдатъ и храбрость офицеровъ. Этимъ 3-й корпусъ обязанъ нашему Красовскому, который знаетъ всѣ утонченныя струны русскаго воина и мастерски ими управляетъ».

Подъ Силистріею, 6 мая, Красовскій, осматривая вечеромъ одинъ изъ редутовъ, былъ контуженъ въ плечо: ядро помяло эполетъ, согнуло пуговицу сюртука, но ему повредило мало; только на другой день онъ почувствовалъ боль въ контуженной и обожженной рукѣ.

Когда Силистрія, 18 іюня, пала, Красовскій блокируетъ Шумлу и содѣйствуетъ Дибичу въ переходѣ за Балканы. Имя его становится въ ряду лучшихъ русскихъ генераловъ, и онъ получаетъ Владиміра 1-го класса, — награду исключительную въ генералъ-лейтенантскомъ чинѣ.

Въ польскую войну Красовскій — уже начальникъ главнаго штаба 1-й арміи, фельдмаршала князя Остенъ-Сакена. Когда Варшава пала, и послѣдніе остатки польскихъ войскъ были преслѣдуемы за Вислою, фельдмаршалъ князъ Остенъ-Сакенъ отправляетъ его, чтобы руководить военными дѣйствіями 6-го пѣхотнаго корпуса. Именемъ фельдмаршала Красовскій настаиваетъ на самомъ энергичномъ преслѣдованіи, — и настигаетъ Рамарино у м. Ополе. Здѣсь непріятель занимаетъ неприступную позицію, къ которой можно подойти только по бревенчатой плотинѣ, тянувшейся на цѣлую версту. Осмотрѣвъ позицію, Красовскій рѣшается взять ее штурмомъ. Напрасно нѣкоторые изъ генераловъ объясняютъ ему, что переходъ черезъ болота невозможенъ. Красовскій скрываетъ досаду и продолжаетъ дѣлать свои распоряженія: онъ разсчитываетъ только на своихъ храбрецовъ и, обладая да-

ромъ дѣйствовать на нихъ, говоритъ, указывая на 13-й егерскій полкъ: «Они не знаютъ невозможнаго!» Электрически дѣйствуютъ эти слова на храбрыхъ егерей, въ рядахъ которыхъ Красовскій началъ свою службу. Съ крикомъ «ура!» бросаются они на непріятеля, — и непріятель, въ пять разъ превосходнѣйшій въ силахъ, бѣжитъ изъ Ополе.

Для шеститысячнаго русскаго отряда разгромъ Рамарино былъ подвигомъ весьма знаменательнымъ. «Тамъ гдѣ генералы показываютъ хорошій примѣръ,—справедливо замѣчаетъ Смидтъ въ своей исторіи польской войны: — солдаты совершаютъ даже невозможное».

Покончивъ съ Рамарино, Красовскій изъявилъ желаніе раздѣлить труды и славу побѣдъ съ генераломъ Ридигеромъ, который дѣйствовалъ въ то время за Вислой, противъ корпусовъ Ружицкаго и Каминскаго. Красовскій былъ старше Ридигера, облеченъ бо̀льшимъ полномочіемъ со стороны фельдмаршала и, несмотря на то, просилъ позволенія сдѣлать походъ подъ его начальствомъ. Ридигеръ поручаетъ ему авангардъ. 12-го сентября, у Скальмиржа, Красовскій разбиваетъ на голову корпусъ Каминскаго, быстро преслѣдуетъ его, и останавливается только подъ стѣнами вольнаго Кракова, куда Каминскій едва успѣлъ укрыться. Красовскій потребовалъ, чтобы мятежники тотчасъ оставили Краковъ. «Въ противномъ случаѣ, — писалъ онъ: — ежели Краковскій сенатъ не имѣетъ достаточныхъ силъ, чтобы принудить ихъ къ повиновенію,—то я явлюсь за ними самъ». Краковъ очищенъ — и русскія войска побѣдоносно вступили въ городъ.

Наградами Красовскому за польскую войну были алмазные знаки ордена Александра Невскаго и званіе генералъ-адъютанта.

Вотъ какою блестящею дѣятельностью отвѣтилъ Красовскій на устраненіе его съ Кавказа, за отсутствіе, будто бы, въ немъ «военныхъ дарованій».

По окончаніи войны, Красовскій опять занимаетъ должность начальника главнаго штаба 1-й арміи. Потомъ онъ былъ членомъ военнаго совѣта, а въ 1842 году, съ произ-

водствомъ въ генералы отъ инфантеріи, назначенъ командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса, расположеннаго въ Кіевѣ. Тамъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ и окончилъ свою жизнь на 62-мъ году отъ рожденія.

Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ отъѣзда съ Кавказа Красовскаго, какъ пришла очередь и до архіепископа Нерсеса.

Вначалѣ дѣятельность Нерсеса находила полное признаніе и оцѣнивалась по заслугамъ, чему не мало способствовала и привязанность къ нему патріарха. По окончаніи персидской войны, жалуя престарѣлому Ефрему алмазные знаки ордена Александра Невскаго, государь въ то же время и тѣмъ же орденомъ (безъ украшенія) награждаетъ и Нерсеса, при слѣдующемъ замѣчательномъ рескриптѣ:

«Съ давняго времени—писалъ государь:—оказывали Вы отличную приверженность къ Россіи, и въ особенности въ нынѣшнюю войну съ персіянами, когда Вы приняли дѣятельное участіе при нашихъ войскахъ, подвергая себя даже личной опасности. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ неоднократно доносилъ о таковыхъ похвальныхъ подвигахъ вашихъ, изъясняя, что, во все продолженіе войны, Вы ознаменовали себя особымъ усердіемъ къ пользѣ Россіи, постоянно сохраняя въ народѣ Армянскомъ пріязненное расположеніе не только благоразумными совѣтами и внушеніями, но и личнымъ своимъ примѣромъ. Въ ознаменованіе столь важныхъ услугъ, и въ знакъ особеннаго Моего благоволенія ко всему народу Армянскому, я сопричисляю Васъ къ ордену св. Александра Невскаго».

Но отношенія Паскевича къ Нерсесу скоро измѣнились. Есть положительныя данныя предполагать, что главнымъ поводомъ къ тому послужило заявленіе Нерсеса, посланное имъ къ Паскевичу въ Дей-Караганъ, относительно присоединенія къ Россіи Макинскаго ханства и проведенія новой персидской границы. Нерсесъ полагалъ справедливо, что эта граница, начиная отъ Нахичевани, должна была идти на западъ не по Араксу,—какъ это было уже рѣшено,—а прямою линіею по

горнымъ кряжамъ вплоть до турецкихъ предѣловъ, чтобы Персія не вдавалась острымъ угломъ во владѣніе Россіи. Паскевичъ оскорбился этимъ указаніемъ, — и совѣта не принялъ.

Въ мартѣ 1828 года отношенія между ними настолько обострились, что Паскевичъ даже совершенно устранилъ Нерсеса отъ фактическаго участія въ управленіи Эриванской областью, увѣдомляя только Дибича, что «это сдѣлано имъ самымъ вѣжливымъ образомъ, безъ нанесенія ему малѣйшаго оскорбленія». Затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ донесеній онъ старается дескредитировать Нерсеса въ глазахъ государя, представляя не только дѣятельность его по отношенію къ Россіи, но и всю его прошлую жизнь сплетеніемъ интригъ, созданныхъ его самовластіемъ и честолюбіемъ. Донесенія эти въ концѣ концовъ достигли своихъ цѣлей. И въ іюлѣ 1828 года Дибичъ уже пишетъ Паскевичу: «Государь Императоръ, изъ неоднократныхъ донесеній вашего сіятельства, замѣтилъ, что дѣятельность архіепископа Нерсеса часто оказывается противною видамъ и пользамъ нашего правительства, чему можетъ служить доказательствомъ жалоба армянскихъ ратниковъ, которыхъ онъ самовольно обязалъ служить 25 лѣтъ въ Эчміадзинѣ. Все это даетъ поводъ къ заключенію, не питаетъ ли Нерсесъ какіе-либо секретные замыслы и намѣренія насчетъ присоединенныхъ къ Россіи областей».

Вотъ что отвѣтилъ на это Паскевичъ:

«Поведеніе Нерсеса не обнаруживаетъ какихъ-нибудь вредныхъ противу правительства замысловъ, или какихъ-либо скрытыхъ намѣреній насчетъ областей, присоединенныхъ къ Россіи. Напротивъ, во время персидской войны Нерсесъ всегда являлъ готовность къ услугамъ въ пользу нашу и показывалъ приверженность къ Россіи. Но, отдавая ему полную справедливость въ семъ отношеніи, я не могу умолчать, что властолюбіе увлекаетъ его за предѣлы обязанностей званія его и сана, и что онъ не только въ духовныхъ, но и въ мірскихъ дѣлахъ желаетъ дѣйствовать съ самовластіемъ неограниченнымъ... Глубокая старость и болѣзни верховнаго

патріарха Ефрема дали ему случай овладѣть управленіемъ армянской церкви,—и онъ, не довольствуясь этимъ, распространяетъ свое вліяніе и на дѣла мірскія, желая выставить себя какъ бы главою и начальникомъ всего армянскаго народа. Въ семъ отношеніи честолюбіе его простерлось до того, что онъ началъ издавать прокламаціи къ заграничнымъ армянамъ и вошелъ въ сношеніе съ сосѣдними турецкими начальниками, стараясь выставлять себя въ видѣ сосѣда и владѣльца берега рѣки Арпачая, отдѣляя собственныя свои выгоды отъ общихъ интересовъ государственныхъ... Сверхъ того, Нерсесъ обнаружилъ неоднократно односторонніе виды свои къ увеличенію доходовъ и имущества Эчміадзинскаго монастыря, хотя бы то клонилось и къ ущербу правительства. Одною изъ причинъ извѣстныхъ интригъ, бывшихъ въ Эривани, служило безъ сомнѣнія то, что Нерсесъ увидѣлъ съ перваго раза заботливость мою объ охраненіи пользъ казенныхъ и постигъ, что я буду сильно противодѣйствовать намѣреніямъ его насчетъ присвоенія армянскою церковью имѣній и доходовъ, ей не принадлежащихъ».

Въ доказательство своего мнѣнія Паскевичъ приводитъ случай: «Едва отданы были на откупъ Кульпинскіе соляные заводы, какъ Нерсесъ тотчасъ объявилъ, что греческій императоръ Ираклій, еще въ 629 году, за 1200 лѣтъ передъ этимъ, пожертвовалъ третью часть Кульпъ Эчміадзинскому монастырю». «Наклонность Нерсеса къ интригамъ — продолжаетъ онъ: — естественнымъ образомъ должна была возродиться отъ властолюбія и одностороннихъ видовъ въ пользу армянской церкви. Неумѣстное пристрастіе Нерсеса по дѣламъ армянскимъ можетъ найти себѣ опору въ происках другихъ значительныхъ лицъ изъ этого народа, у котораго было и есть положительное стремленіе отстранить себя отъ вліянія и дѣйствія нашихъ законовъ и нежеланіе подчинить себя обязанностямъ, отбываемымъ прочими подданными. Разительный тому примѣръ представляютъ армяне, водворенные на Сѣверномъ Кавказѣ, которые до сего времени не только уклоняются отъ всѣхъ обязанностей, ссылаясь на привилегіи,

дарованныя Петромъ I, но и стараются къ ущербу казны вводить въ свои права новыхъ выходцевъ, которымъ сихъ правъ никогда предоставлено не было. Такого же стремленія должно ожидать и отъ армянъ закавказскихъ».

«Относительно Нерсеса,—прибавляетъ Паскевичъ:—я нахожусь въ большомъ затрудненіи. Политика запрещаетъ мнѣ совершенно устранить его отъ дѣлъ, а между тѣмъ, если оставить его при всемъ вліяніи, то монастырскія притязанія будутъ безконечны, и казна лишится всѣхъ доходовъ, которые имѣть можетъ».

Государь рѣшилъ отозвать Нерсеса. Какъ разъ въ это время скончался архіепископъ армянъ, обитающихъ въ Бессарабіи и въ сопредѣльныхъ съ ней областяхъ, Григорій, и Нерсесъ назначенъ былъ на его каѳедру. 4 іюня онъ уже выѣхалъ изъ Эчміадзина въ новую свою резиденцію — Кишиневъ.

Отъѣздъ Нерсеса глубоко опечалилъ армянъ и патріарха Ефрема. Въ письмѣ къ государю, отъ 18 октября 1828 года, Ефремъ пишетъ о заслугахъ Нерсеса, о томъ сколько онъ лично обязанъ этому достойному архіепископу и проситъ о возвращеніи его въ Эчміадзинъ, чтобы еще при жизни своей вручить ему кормило патріаршаго правленія. Понятно, съ какимъ неудовольствіемъ принялъ Паскевичъ подобное ходатайство. Онъ писалъ къ Блудову, главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, объ ослабленіи умственныхъ силъ въ старцѣ, о степени дерзости приверженцевъ Нерсесѣ, и въ заключеніе говорилъ, что назначеніе Нерсеса верховнымъ католикосомъ всей Арменіи,— для пользы Россіи и спокойствія края, допущено быть не должно.

Въ свою очередь, Нерсесъ, понимая, что Бессарабская каѳедра служила только благовиднымъ предлогомъ къ почетному удаленію его отъ дѣлъ Арменіи, старался оправдать себя въ глазахъ того же Блудова и писалъ ему, 21 января 1829 года, слѣдующее:

«Въ продолженіе 28 лѣтъ неутомимыя попеченія и уси-

ленные труды, основанные на безпредѣльной ревности и непоколебимой преданности, устремлялъ я на пользу Россіи и на благоустройство соплеменной мнѣ націи. Судьба опредѣлила мнѣ быть со временъ князя Циціанова въ походахъ вездѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ усердно содѣйствовать русскимъ; исполненіемъ этихъ пріятныхъ обязанностей стяжалъ я, по праву трудовъ, заботъ и пожертвованій моихъ, признательность россійскихъ императоровъ, главнокомандующихъ, націи и верховнаго патріарха. Наконецъ, во многихъ случаяхъ содѣйствовалъ я и графу Паскевичу въ персидской кампаніи, и въ особенности при взятіи Сардарь-Абада и Эривани».

«Графъ Паскевичъ — говоритъ онъ далѣе: — имѣлъ непріятности съ главными генералами, съ которыми я былъ по дѣламъ въ сношеніяхъ, и, вмѣсто признательности, родились у него на меня подозрѣнія, а потомъ навѣты разстроили насъ. Происшедшая же ошибка графа по одной важной статьѣ при заключеніи мира съ Персіей, относительно границъ Россіи, навлекла на меня уже явное его недоброжелательство».

Паскевичъ возразилъ на записку Нерсеса подробнымъ объясненіемъ: «Архіепископъ Нерсесъ,—писалъ онъ: — упоминая, что поводомъ къ непріятностямъ, будто бы возникшимъ между нами, послужили сношенія его съ главными генералами,—самъ выказываетъ этимъ, что онъ участвовалъ въ интригахъ противъ меня, которыя не безъизвѣстны государю-императору».

«Думать должно,—продолжаетъ онъ далѣе:—что Нерсесъ, упоминая объ ошибкѣ, будто бы сдѣланной мною при проведеніи границы, говоритъ объ отвергнутомъ мною смѣшномъ представленіи его, касательно присоединенія къ нашимъ областямъ Макинскаго ханства. Сіе происходило слѣдующимъ образомъ: Во время бытности моей въ Дей-Караганѣ, я, къ удивленію моему, получилъ рапортъ генерала Красовскаго, въ коемъ онъ, увѣдомляя меня о слухахъ, что Макинскій магалъ возвращается персіянамъ, объяснилъ, что по сему

предмету онъ получилъ отношеніе архіепископа Нерсеса, которое и препровождаетъ на мое соображеніе. Если бы генералъ Красовскій писалъ ко мнѣ не офиціально, то я, конечно, счелъ бы отношеніе его шуткою, ибо трудно было вообразить, чтобы генералъ-лейтенантъ, совмѣстно съ архіепископомъ, вздумали формально предлагать мнѣ совѣты, какъ долженъ я заключить миръ, по полномочію коего я удостоенъ Государемъ Императоромъ. И потому, не хотя допустить подъ моимъ начальствомъ республиканскихъ правилъ, я сдѣлалъ генералу Красовскому, за то что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло,—выговоръ. Что же касается до предложенія архіепископа Нерсеса насчетъ присоединенія Макинскаго округа, я долженъ сказать слѣдующее:

1) Что и безъ сего округа миръ съ Персіею заключенъ мною довольно выгодный.

2) Съ присоединеніемъ Макинскаго магала мы имѣли бы границу весьма неопредѣленную, и

3) Пріобрѣтеніе Макинскаго магала было очень желательно Нерсесу, собственно потому, что въ ономъ находится богатый армянскій монастырь».

«Нельзя сказать, чтобы доводы, приводимые Паскевичемъ, были убѣдительны. По крайней мѣрѣ его объясненія въ родѣ того, что «миръ заключенъ и безъ того выгодный», упоминаніе о богатомъ монастырѣ,—пріобрѣтеніе котораго не могло же быть для насъ не желательнымъ, — указаніе на вѣчныя интриги и т. п. ровно ничего ни доказать, ни опровергнуть не могутъ.

Тѣмъ не менѣе ходатайство Ефрема о перемѣщеніи Нерсеса въ Эчміадзинъ было отклонено. Судьбѣ угодно было, однако, чтобы Нерсесъ возвратился въ Арменію католикосомъ, и двѣнадцатилѣтнею дѣятельностью засвидѣтельствовалъ свою глубокую преданность истиннымъ пользамъ Россіи. Этимъ результатомъ онъ много былъ обязанъ одному изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей того времени, князю Воронцову, который, имѣвъ случай близко узнать Нерсеса во

время своего генералъ-губернаторства въ Новороссійскомъ краѣ, совершенно оправдалъ его въ глазахъ государя.

По смерти Ефрема, въ 1831 году, когда еще Паскевичъ оставался на Кавказѣ, престолъ католикоса занялъ Іоанессъ. Но когда въ 1842 году умеръ и онъ, Нерсесъ былъ избранъ католикосомъ единогласно, въ то время какъ другой кандидатъ, Захарій, патріархъ іерусалимскій, изъ 26 голосовъ получилъ за себя только 17. Оба кандидата представлены были государю на утвержденіе. Императоръ утвердилъ Нерсеса, «какъ лицо, на котораго всѣ и присутствовавшіе и отсутствовавшіе избиратели указали единодушно и единогласно.» Назначенный Верховнымъ Патріархомъ Нерсесъ прибылъ въ Тифлисъ, однако, только въ декабрѣ 1845 года, задержанный въ Петербургѣ почти двухлѣтнею тяжкою болѣзнію.

Памятна осталась Тифлису радостная встрѣча новаго католикоса армянами. 17 декабря, утромъ, какъ молнія пронеслась вѣсть, что патріархъ ночуетъ въ Ананурѣ, за 70 верстъ отъ города. Въ одно мгновеніе лавки были заперты, дома брошены, и всякій, кто только былъ въ силахъ, поспѣшилъ на встрѣчу духовнаго патріарха. Все пространство, начиная отъ армянской каѳедральной церкви черезъ весь городъ до Дагамскаго поля и далѣе до Мцхета, на протяженіи 20 слишкомъ верстъ, закипѣло народомъ. Въ улицахъ, по которымъ надлежало проѣзжать католикосу, окна, балконы и крыши домовъ заняты были пестрыми толпами, и на всѣхъ лицахъ были написаны свѣтлая радость и нетерпѣливое ожиданіе.

Въ полдень, 18 декабря, Нерсесъ прибылъ въ Вѣры, предмѣстье Тифлиса, и отсюда начался его торжественный въѣздъ въ городъ. По древнему обычаю, шествіе открывалъ шталмейстеръ, за которымъ вели двухъ богато убранныхъ коней, покрытыхъ золотыми чепраками, — обычай, вѣроятно оставшійся отъ прежнихъ временъ, когда турецкіе султаны и персидскіе шахи имѣли обыкновеніе, при вступленіи патріарховъ на эчміадзинскій престолъ, присылать имъ въ даръ

коней съ драгоцѣнными уборами. За шталмейстеромъ и конями слѣдовалъ рядъ скороходовъ съ булавами, а далѣе ѣхала патріаршая карета, которой предшествовали два архимандрита, одинъ съ патріаршимъ жезломъ, другой — съ церковною хоругвью. На Александровской площади католикоса встрѣтило все духовенство. Онъ вышелъ изъ кареты, сталъ подъ патріаршій балдахинъ, и процессія, при колокольномъ звонѣ со всѣхъ армянскихъ церквей, вступила въ каѳедральный соборъ.

Народъ ликовалъ. Съ именемъ Нерсеса соединялось у всѣхъ воспоминаніе о той эпохѣ, когда онъ, среди русскихъ войскъ, вступалъ въ Арменію на ея освобожденіе. И теперь, его возвращеніе и встрѣча были какъ бы новымъ торжествомъ армянской свободы.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

64H

295 960

SEP 21 64H

342 93 9

JUL 24 1965 ILL

4926222

WIDENER

MAR 17 1996

BOOK DUE

WIDENER

MAR 1 1996

BOOK DUE

WIDENER

JUL 24 1997

SMALL STUDY

CHARGE

CANCELLED